

История мира от историков в двадцати пяти томах,
том 08. Парфяне, сасаниды и арабы, крестовые походы
и папство

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS' HISTORY OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES

VOLUME VIII—PARTHIANS, SASSANIDS, AND ARABS
THE CRUSADES AND THE PAPACY

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1904

Содержание

[ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ](#)

[Авторы и редакторы.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ПАРФИЙЦЫ, САССАНИДЫ И АРАБЫ](#)

[МАСШТАБ И ВЛИЯНИЕ АРАБСКОЙ ИСТОРИИ](#)

[АРАБЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ](#)

[НАЗВАНИЕ «АРАБ»](#)

[АРАБЫ И ИХ СОСЕДИ](#)

[АРАБСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ](#)

[КОРЕЙШИ МЕККИ](#)

[АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ](#)

[РЕЛИГИЯ ДРЕВНИХ АРАБОВ](#)

[МУХАММАД](#)

[ПРЕЕМНИКИ МУХАММАДА](#)

[МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ](#)

[ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ СРЕДИ МУСУЛЬМАН](#)

[ВЛИЯНИЕ ПЕРСИИ НА МУСУЛЬМАН](#)

[АРАБСКИЕ ЗАПИСИ И ТРАДИЦИИ](#)

[АРАБСКАЯ УЧЕНОСТЬ](#)

[ВЛИЯНИЕ АРАБОВ НА ЕВРОПУ](#)

[ПОЗДНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ АРАБСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ](#)

[ПОЗДНЕЙШИЕ ИСЛАМСКИЕ ДВИЖЕНИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАРФИЙЦЕВ, САССАНИДОВ И АРАБОВ](#)

[ПАРФИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ \(250 ГОД ДО Н.Э. – 228 ГОД Н.Э.\)](#)

[ИМПЕРИЯ САССАНИДОВ \(228-651 гг. н. э.\)](#)

[АРАБЫ](#)

[АРМЯНСКОЕ ЦАРСТВО \(189 г. до н. э. — 1375 г. н. э.\)](#)

[ГЛАВА I. ПАРФИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ](#)

[Рассказ Юстина о парфянах](#)

[ИХ ОБЫЧАИ](#)

[СЕЛЕВК и АРСАК](#)

[ВОЙНЫ С РИМОМ](#)

[Современные описания Парфии](#)

[ПАРФИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ](#)

[АРСАК И АРСАКИДЫ](#)

[ПАРФИЙСКИЕ ОБЫЧАИ](#)

[БАКТРИЯ И ПАРФИЯ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ](#)

[ЗАВОЕВАНИЯ МИТРИДАТА](#)

[ПОДЧИНЕНИЕ МЕДИИ И ВАВИЛОНИИ](#)

[ПАРФИЙСКИЕ «ЦАРСТВА»](#)

[СКИФСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ БАКТРИИ](#)

[СКИФЫ РАЗРУШАЮТ ПАРФИЮ](#)

[ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТ С РИМОМ](#)

[ОРОДЕС ПОБЕЖДАЕТ РИМЛЯН](#)

[ПОВЕСТЬ ПЛУТАРХА О БИТВЕ ПРИ КАРРАХ](#)

[ФРААТ IV ОТБИВАЕТ МАРКА АНТОНИЯ](#)

[АНАРХИЯ В ПАРФИИ](#)

[Римляне вмешиваются](#)

[УПАДОК ВЕЛИЧИЯ ПАРФИИ](#)

[ПЕРСИЯ ЗАВОЕВАЕТ ПАРФИЮ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА II. ИМПЕРИЯ САСАНИДОВ](#)

[СИЛА САСАНИДОВ](#)

[САПОР ВОЮЕТ С РИМОМ](#)

[ВОЙНА С ПАЛЬМЫРОЙ](#)

[НОВАЯ ВОЙНА С РИМОМ](#)

[ОТ АРДАШИРА II ДО БАХРАМА IV](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ЙЕЗДЕГЕРДА I](#)

[АРАБЫ ПОМОГАЮТ В ВОЙНЕ С РИМОМ](#)

[ВОЙНА С ХЕФТАЛИТАМИ](#)

[КАВАД I](#)

[НОВЫЙ КОНФЛИКТ С РИМОМ](#)

[ПОДВИГИ МУНДХИРА](#)

[ХОСРО «СПРАВЕДЛИВЫЙ»](#)

[ХОСРОЕС НАПАДАЕТ НА РИМ](#)

[ХОРМУЗД IV](#)

[ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА](#)

[ПОРОКИ ХОЗРОСА II](#)

[КОНФЛИКТ С ГЕРАКЛИЕМ; ПАДЕНИЕ ХОЗРОСА II](#)

[ПРЕЕМНИКИ ХОЗРОСА II](#)

[АНАРХИЯ И ХАОС](#)

[АРАБСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ](#)

[АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА III. РАННЯЯ ИСТОРИЯ АРАБОВ](#)

[ИСТОРИЯ АРАБОВ ДО МУХАММАДА](#)

[ГЛАВА IV. МУХАММАД](#)

[Мухаммед бен Абдаллах бен Абдул-Мутталиб](#)

[РЕЛИГИОЗНЫЕ БЕСПОРЯДКИ](#)

[Жизнь Мухаммеда](#)

[ЕГО БРАК С ХАДИДЖОЙ](#)

[МУХАММАД КАК ПРОРОК \(610 ИЛИ 612 ГОД НАШЕЙ ЭРЫ\)](#)

[МУХАММАД КАК ВНЕ ЗАКОНА](#)

[ХИДЖРА \(622 г. н. э.\)](#)

[БИТВА ПРИ БЕДРЕ \(624 Г. Н. Э.\)](#)

[БИТВА ПРИ ОХОДЕ \(МАРТ 625 Г. Н. Э.\)](#)

[ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ \(626 Г. Н. Э.\)](#)

[ОСАДА МЕДИНЫ, ИСЧЕРПЕНИЕ ЕВРЕЕВ \(627-628 ГОДЫ Н.Э.\)](#)

[Паломничество Мухаммеда в Мекку \(629 г. н. э.\)](#)

[ПОДЧИНЕНИЕ МЕККИ \(630 г. н. э.\)](#)

[ПОБЕДА ХОНАИНА И АУТАСА](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЖИЗНИ МУХАММАДА \(630-632 гг. н. э.\)](#)

[ОЦЕНКА МУХАММАДА И ИСЛАМА ГИББОНОМ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА V. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА](#)

[АБУ БЕКР, ПЕРВЫЙ ХАЛИФ ПОСЛЕ МУХАММАДА](#)

[Халиф Омар](#)

[ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРсии](#)

[ЗАВЕРШЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ СИРИИ](#)

[ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА \(639 г. н. э.\)](#)

[ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СЖИГАНИЕ БИБЛИОТЕКИ](#)

[ОТМАН, ТРЕТИЙ ХАЛИФ](#)

[АЛИ \(656-661 гг. н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VI. ОМЕЙЯДЫ](#)

[ОСНОВАНИЕ ОМЕЙЯДОВ](#)

[ЯЗИД СТАЛ ХАЛИФОМ](#)

[ОСАДА МЕККИ](#)

[АБДУЛ-МАЛИК, ХАЛИФ \(685-705 гг. н. э.\)](#)

[ОСАДА МЕККИ](#)

[ВОСТОЧНЫЙ ХАЛИФАТ](#)

[АМБИЦИИ СУЛЕЙМАНА](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ОМЕЙЯДЫ \(717-750 гг. н. э.\)](#)

[ГЛАВА VII. АРАБЫ В ЕВРОПЕ](#)

[ВТОРЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VIII. АББАСИДЫ](#)

[ОСНОВАНИЕ БАГДАДА \(762 г. н. э.\)](#)

[ХАРУН АР-РАШИД \(786-809 гг. н. э.\)](#)

[АЛЬ-МАМУН И ЕГО ПРЕЕМНИКИ](#)

[БАГДАД ПОД ВЛАСТЬЮ ХАЛИФОВ](#)

[ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ УПАДОК АРАБСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ВОСТОКЕ](#)

[РАЗЛИЧНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕКТЫ](#)

[ТУРКИ-СЕЛДЖУКИ](#)

[АРАБЫ И ТУРКИ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ПРОТИВ ХРИСТИАН](#)

[САЛАДИН И ЕГО ПРЕЕМНИКИ ПРОТИВ КРЕСТНОСЦЕВ](#)

[МОНГОЛЫ ПОД ВОДОВОДОМ ЧИНГИЗ-ХАНА ВТОРГАЮТСЯ В ЗАПАДНУЮ АЗИЮ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IX. УПАДОК МУСУЛЬМАН В ИСПАНИИ](#)

[Альмансор](#)

[УПАДОК ВЛАСТИ](#)

[КОНЕЦ ОМЕЙЯДОВ](#)

[НЕЗАВИСИМЫЕ КОРОЛЕВСТВА](#)

[АЛЬМОРАВИДЫ](#)

[ДИНАСТИЯ АЛМОХАДОВ](#)

[БИТВА ПРИ ЛАС-НАВАС-ДЕ-ТОЛОСА \(1212 г. н. э.\)](#)

[УПАДОК АРАБСКОЙ МОГУЩЕСТВА](#)

[ГЛАВА X. АРАБСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ](#)

[КОРАН](#)

[ОЦЕНКА КОРАНА ДОУЗИ](#)

[ДОКТРИНА ИСЛАМА](#)

[Паломничество в Мекку](#)

[СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА](#)

[АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА](#)

[ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ](#)

[БУМАГА, КОМПАС И ПОРОХ](#)

[ВЛИЯНИЕ АРАБОВ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ](#)

[СКОЛАСТИКА](#)

[МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ](#)

[МЕДИЦИНА](#)

[АРХИТЕКТУРА](#)

[МУЗЫКА](#)

[ГЛАВА XI. ПЛЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ В ЭПИЧЕСКИЙ ПЕРИОД](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XII. ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ИСЛАМЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Парфянская империя](#)

[Глава II. Империя Сасанидов](#)

[Глава III. Ранняя история арабов](#)

[Глава IV. Мухаммед](#)

[Глава V. Распространение ислама](#)

[Глава VI. Омейяды](#)

[Глава VII. Арабы в Европе](#)

[Глава VIII. Аббасиды](#)

[Глава IX. Упадок мусульман в Испании](#)

[Глава X. Арабская цивилизация](#)

[ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ И ПАПСТВА](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[КНИГА I. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ](#)

[КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ](#)

[ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ](#)

[ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД](#)

[ГЛАВА III. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД](#)

[ГЛАВА IV. ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД](#)

[ГЛАВА V. ЧЕТВЕРТЫЙ-ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ](#)

[ГЛАВА VI. ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ](#)

[ГЛАВА VII. ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ. ФЕОДАЛИЗМ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[КНИГА II. ПАПСТВО](#)

[ВВЕДЕНИЕ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАПСТВА](#)

[ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАПСТВА](#)

[ГЛАВА II. «НОЧЬ ПАПСТВА» — ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО ОТТОНА ВЕЛИКОГО](#)

[ГЛАВА III. РАЗМЫВАНИЕ ПАПСТВА](#)

[ГЛАВА IV. ОТ ИЗГНАНИЯ К ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» «История мира в двадцати пяти томах», том 08

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 08

Парфяне, сасаниды и арабы; крестовые походы и папство

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 17 октября 2020 г. [электронная книга № 63489]
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

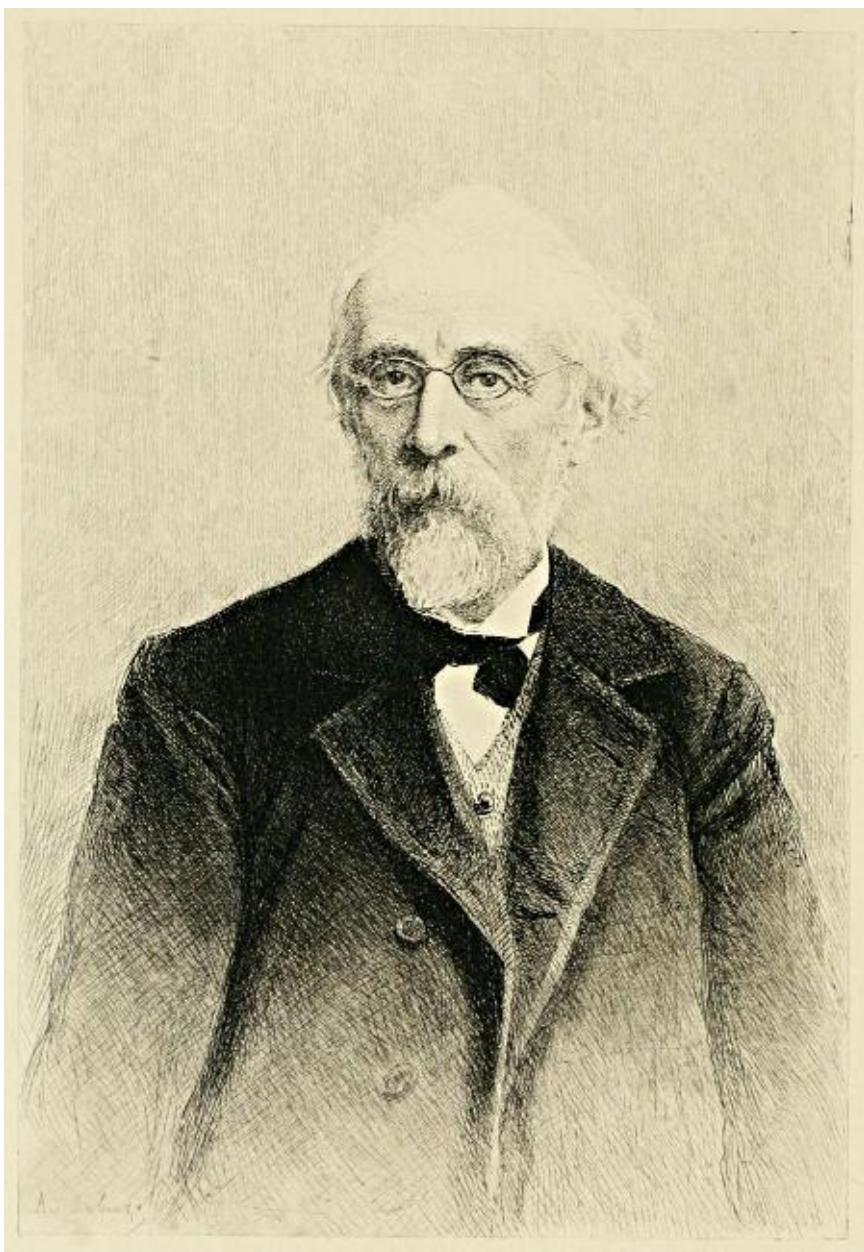
Язык: английский

Благодарности: Произведено Дэвидом Эдвардсом и командой онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В 25 ТОМАХ, ТОМ 08» ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

НЁЛЬДЕКЕ

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии народов, записанное более чем двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии

выдающегося совета консультантов и авторов ,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, доктором юридических наук.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ VIII — ПАРФИЙЦЫ, САССАНИДЫ И АРАБЫ
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ПАПСТВО

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон

1904

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
АВТОР: ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

Издательство J. J. Little & Co.
Нью-Йорк, США.

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.
Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.
Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.
Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.
Проф. Давид Х. Мюллер, Венский университет.
Профессор Альфред Рамбо, Парижский университет.
Профессор Эдуард Мейер, Берлинский университет.
Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.
Профессор Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.
Профессор Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.
Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.
Д-р Джеймс Гэрднер, С.В., Лондон.
Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.
Профессор Х. Марнали, Будапештский университет.
Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.
Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.
Проф. Франц Р. фон Кронес, Грацский университет.
Профессор Вильгельм Золтау, Университет Заберна.
Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.
Проф. А. Вамбери, Будапештский университет.
Профессор Отто Хиршфельд, Берлинский университет.
Барон Бернардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.
Профессор Ф. Йорк Пауэлл, Оксфордский университет.
Д-р Джон П. Питерс, Нью-Йорк.
Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.
Профессор Герман Дильс, Берлинский университет.
Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.
Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.
Проф. В. Л. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.
Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ VIII

ЧАСТЬ XII. ПАРФИЙЦЫ, САССАНИДЫ И АРАБЫ

СТРАНИЦА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. МАСШТАБЫ И ВЛИЯНИЕ АРАБСКОЙ ИСТОРИИ	д-р Теодор Нёльдеке	1
---	---------------------	-------------------

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАРФЯН, САСАНИДОВ И АРАБОВ (250 г. до н. э. — 1375 г. н. э.)		25
--	--	--------------------

ГЛАВА I

ПАРФЯНСКАЯ ИМПЕРИЯ (250 г. до н. э. — 228 г. н. э.)		47
---	--	--------------------

Рассказ Юстина о парфянах, [47](#). Их обычаи, [48](#). Селевк и Арсак, [49](#). Войны с Римом, [51](#). Современные рассказы о Парфии, [53](#). Парфянская империя, [53](#). Арсак и Арсакиды, [54](#) (. Объединение Бактрии и Парфии.) [55](#) (. Завоевания Митридата.) [57](#) (. Завоевание Мидии и Вавилонии.) [58](#) (. Парфянские «царства».) [59](#) (. Скифское завоевание Бактрии.) [60](#) (. Скифы разоряют Парфию.) [61](#) (. Первый конфликт с Римом.) [62](#) (. Ород побеждает римлян.) [63](#) (. Описание битвы при Каррах у Плутарха.) [63](#) (. Фраат IV отбивает нападение Марка Антония.) [68](#) (. Анархия в Парфии.) [70](#) (. Вмешательство римлян.) [72](#) (. Упадок величия Парфии.) [74](#) (. Персия завоевывает Парфию.) [75](#) (.)

ГЛАВА II

ИМПЕРИЯ САСАНИДОВ (228-750 гг. н. э.)		76
---	--	--------------------

Власть Сасанидов, [77](#). Сапор сражается с Римом, [78](#). Война с Пальмирой, [79](#). Новая война с Римом, [81](#). От Ардашира II до Бахрама IV, [82](#). Правление Йездегерда I, [83](#). Арабы помогают в войне с Римом, [84](#). Война с гепталитами, [85](#). Кавад I, [86](#). Новый конфликт с Римом, [86](#). Подвиги Мундира, [87](#). Хосров Справедливый, [88](#). Хосров нападает на Рим, [88](#). Хормузд IV, [91](#) (. Гражданская война.) [91](#) (. Пороки Хосрова II.) [93](#) (. Конфликт с Ираклием; падение Хосрова II.) [94](#) (. Преемники Хосрова II.) [95](#) (. Анархия и хаос.) [96](#) (. Арабские вторжения.) [97](#) (. Арабское завоевание.) [98](#) (.)

ГЛАВА III

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АРАБОВ (около 2500 г. до н. э. — 622 г. н. э.)		100
---	--	---------------------

История арабов до Мухаммеда, [105](#).

ГЛАВА IV

[МУХАММЕД \(570–632 гг. н. э.\)](#)

111

Мухаммед бен Абдаллах бен Абдул-Мутталиб, [111](#). Религиозные волнения, [111](#). Жизнь Мухаммеда, [113](#). Его брак с Хадиджей, [113](#). Мухаммед как пророк, [115](#). Мухаммед как изгой, [116](#). Хегира, [117](#)(. Битва при Бедре.) [120](#)(. Битва при Оходе.) [121](#)(. Поход против евреев.) [123](#)(. Осада Медины, истребление евреев.) [123](#)(. Паломничество Мухаммеда в Мекку.) [125](#)(. Покорение Мекки.) [126](#)(. Победа в Хонайне и Аутасе.) [128](#)(. Последние годы жизни Мухаммеда.) [130](#)(. Оценка Мухаммеда и мусульманства Гиббоном.) [132](#)(.)

ГЛАВА V

[РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА \(632-661 гг. н. э.\)](#)

145

Абу Бакр, первый халиф после Мухаммеда, [145](#). Халиф Омар, [150](#). Завоевание Персии, [151](#). Завершение завоевания Сирии, [156](#). Захват Египта, [160](#). Предполагаемое сожжение библиотеки, [163](#)(. Османа, третьего халифа.) [167](#)(. Али.) [170](#)(.)

ГЛАВА VI

[ОМЕЙЯДЫ \(661-750 гг. н. э.\)](#)

175

Основание династии Омейядов, [175](#). Язид становится халифом, [176](#). Осада Мекки, [177](#). Абдул-Малик, халиф, [179](#)(. Осада Мекки.) [180](#)(. Восточный халифат.) [184](#)(. Амбиции Сулеймана.) [185](#)(. Последние Омейяды.) [186](#)(.)

ГЛАВА VII

[АРАБЫ В ЕВРОПЕ \(711-961 гг. н. э.\)](#)

191

Вторжение во Францию, [198](#).

ГЛАВА VIII

[АББАСИДЫ \(750-1258 гг. н. э.\)](#)

209

Основание Багдада, [209](#). Харун ар-Рашид, [210](#). Аль-Мамун и его преемники, [211](#). Багдад под властью халифов, [213](#). Постепенный упадок арабского господства на Востоке, [215](#). Различные религиозные секты, [220](#)(. Турецкие сельджуки.) [225](#)(. Арабы и турки объединяются против христиан.) [227](#)(. Саладин и его преемники против крестоносцев.) [228](#)(. Монголы под предводительством Чингисхана вторгаются в Западную Азию.) [230](#)(.)

ГЛАВА IX

[УПАДОК МУСУЛЬМАН В ИСПАНИИ \(961-1609 гг. н. э.\)](#)

233

Альмансор, [233](#). Упадок власти, [235](#). Конец Омейядов, [238](#)(. Независимые королевства.) [239](#)(. Альморавиды.) [240](#)(. Династия Альмохадов.) [246](#)(. Битва при Лас-Навас-де-Толоса.) [247](#)(. Упадок арабской власти.) [248](#)(.)

ГЛАВА X

Коран, [260](#). Доктрина ислама, [265](#). Паломничество в Мекку, [267](#). Священная война, [270](#). Арабская культура, [271](#). Торговля и промышленность, [273](#) (. Бумага, компас и порох.) [274](#). Влияние арабов на европейскую цивилизацию, [276](#). Схоластика, [277](#). Математическая наука, [278](#). Медицина, [279](#). Архитектура, [281](#). Музыка, [282](#).

ГЛАВА XI

ГЛАВА XII

[ЧАСТЬ XIII. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ПАПСТВО](#)

[КНИГА I. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ](#)

ГЛАВА I

Раннехристианские паломничества, [322](#). Иерусалим под властью сарацин, [324](#) (. Характер паломников,) [326](#). Турки у власти, [328](#). Петр Отшельник, [330](#). Призыв императора Алексея, [331](#). Соборы в Плацентии и Клермоне, [332](#). Безумие Европы, [334](#).

ГЛАВА II

Петр Отшельник и его сброд, [339](#). Лидеры Первого крестового похода, [340](#). Алексей требует присяги на верность, [342](#). Число крестоносцев, [343](#). Осада Никеи, [344](#). Битва при Дорилее, [345](#). Основание княжества Эдесса, [346](#) (. Осада Антиохии,) [347](#) (. Типичное чудо,) [349](#) (. Осада Иерусалима,) [351](#) (. Арабский отчет,) [352](#) (. Годфри избран королем,) [353](#) (. Результаты Первого крестового похода,) [356](#) (.)

ГЛАВА III

[ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД \(1147-1189 гг. н. э.\)](#)

358

(Святой Бернард,) [358](#). Бедствия немцев, [361](#). Неудача французов, [362](#). Возвышение Саладина, [364](#). Мусульманские рассказы о битве при Тивериаде, [374](#). Падение Иерусалима, [376](#).

ГЛАВА IV

[ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД \(1189-1193 гг. н. э.\)](#)

379

Десятина Саладина, [381](#). Крестовый поход и смерть Барбароссы, [382](#). Осада Акры или Птолемаиды, [383](#). Свидетельство Жоффруа де Винсофа об Акре, [383](#). Путешествие Ричарда, [386](#). Французы отплывают в Акру,) [387](#). Разногласия между французским и английским королями,) [388](#). Обзор осады,) [390](#). Крестоносцы движутся на Иерусалим,) [392](#). Предприятие прекращено,) [396](#). Рассказ Винсофа о Ричарде в Иоппе,) [397](#). Мир между королями,) [402](#). Конец и обзор Третьего крестового похода, [404](#). Смерть Саладина; арабские панегирики, [407](#).

ГЛАВА V

[ЧЕТВЕРТЫЙ – ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ \(1195–1229 гг. н. э.\)](#)

410

(Папа Целестин III провозглашает крестовый поход,) [410](#). Четвертый (или Германский) крестовый поход, [411](#). Пятый крестовый поход, [413](#). Результаты Пятого крестового похода, [417](#). Детский крестовый поход, [419](#). Шестой крестовый поход, [422](#).

ГЛАВА VI

[ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ \(1239-1314 гг. н. э.\)](#)

431

Крестовый поход Ричарда Корнуолла (Седьмой), [432](#). Татарская трещина, [433](#). Крестовый поход Святого Людовика (Восьмой), [434](#). Битва при Мансуре, [436](#). Отчет Де Жуанвиля о битве при Мансуре, [437](#). Результаты битвы при Мансуре, [441](#). Святой Людовик в плену,) [442](#). Мусульманский отчет о пленении Святого Людовика,) [443](#). Ссора между христианами,) [448](#). История Антиохии,) [449](#). Разрушения Бибара,) [450](#). Второй крестовый поход и смерть Людовика IX,) [450](#). Принц Эдуард покидает Англию,) [451](#). Тщетные усилия Григория X,) [452](#). Прогресс мамелюков,) [453](#). Полная потеря Святой Земли,) [454](#). Судьба военных орденов,) [456](#). Рыцари Святого Иоанна,) [456](#). Тамплиеры во Франции,) [457](#). В других странах,) [458](#). Собор в Вьенне,) [458](#). Упразднение ордена, [459](#). Крестовые походы на Западе, [459](#). Тевтонский крестовый поход, [460](#). Нападение на альбигойцев, [461](#). Западные нападения на арабов, [463](#). Сравнение двух крестовых походов, [466](#).

ГЛАВА VII

[ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ \(1096-1291 гг. н. э.\)](#)

467

Моральные последствия, [468](#). Политические последствия, [469](#). Влияние на торговлю, [471](#). Обогащение городов, [472](#). Колонизация, [472](#). Влияние на промышленность, [474](#). Организация каменщиков, [475](#). Готическая архитектура, [476](#). Скульптура и живопись,) [476](#). Мнение Гердера о крестовых походах, [477](#). Гиббон о результатах крестовых походов, [479](#).

ПРИЛОЖЕНИЕ

[ФЕОДАЛИЗМ \(800-1450 гг. н. э.\)](#)

481

Брайс и Гегель о феодализме, [482](#). Начало феодального режима, [483](#). Взаимные обязательства вассала и сеньора, [484](#). Феодальное правосудие, [485](#). Церковный феодализм, [487](#). Церковь и феодальная армия, [488](#). Крепостные и вилланы,) [489](#). Анархия и насилие; ужасающее положение крестьян и некоторые счастливые результаты этого,) [491](#). Географические очертения

королевства Германия,) [494](#) (. Переход от феодализма к монархии,) [494](#) (. Прогресс в Германии,) [495](#) (. Влияние пороха,) [497](#) (. Монархизм в Италии,) [497](#) (. Во Франции,) [498](#) (. В Англии,) [499](#) (. Папство и феодализм,) [500](#) (. Гегель о подъеме человечества через феодализм,) [500](#) (.)

[Краткий список источников по главам](#)

[502](#)

[КНИГА II. ПАПСТВО](#)

[Краткая история папства \(42-1878 гг. н. э.\)](#)

[503](#)

ГЛАВА I

[Происхождение и подъем папства \(42-842 гг. н. э.\)](#)

[519](#)

Папство в связи с Франкской империей, [524](#). Григорий Великий, [531](#). Христианская мифология, [534](#). Почитание Девы Марии, [535](#). Ангелы и демоны, [536](#). Мученики и реликвии, [536](#). Святость духовенства, [537](#) (. Состояние после смерти,) [538](#) (. Преемники Григория,) [539](#) (. Дрейпер о происхождении иконоборчества,) [544](#) (. Милман об иконоборчестве,) [545](#) (. Война иконоборчества,) [546](#) (. Константин Копроним,) [548](#) (. Третий Константинопольский собор,) [549](#) (. Война против монастырей,) [550](#) (. Елена и Ирина,) [552](#) (. Второй Никейский собор,) [552](#) (.)

ГЛАВА II

[«Ночь папства» — от Карла Великого до Оттона Великого \(740-985 гг. н. э.\)](#)

[555](#)

Независимость римских епископов, [556](#). Призыв к франкам, [556](#). Карл Великий и папа, [558](#). Дарение Константина, [559](#). Третье и четвертое вторжение Карла Великого в Италию, [561](#). Царство пап, [562](#) (. Суд над папой и коронация Карла Великого,) [563](#) (. Папские амбиции после Карла Великого,) [565](#) (. Миф о женщине-папе,) [567](#) (. Соперничество Николая и Фотия,) [569](#) (. Синод в Константинополе,) [570](#) (. Ложные декреты,) [571](#) (. Адриан II,) [574](#) (. Папа Формозус,) [577](#) (. Феодора у власти,) [579](#) (. Печально известная Марозия,) [581](#) (. Восстание Рима,) [582](#) (. Папа Иоанн XII,) [583](#) (. Суд над папой,) [583](#) (. Чарльз Кингсли о светской власти,) [587](#) (.)

ГЛАВА III

[Расцвет папства \(985-1305 гг. н. э.\)](#)

[589](#)

Сон Оттона III, [590](#). Немецкие папы, [591](#). Коллегия кардиналов, [592](#). Милман о миссии папства, [593](#). Симония, [596](#). Целибат духовенства, [596](#) (. Синод Григория в Риме,) [597](#) (. Брайс о последствиях Конкордата,) [602](#) (. Соперничающие претенденты,) [602](#) (. Адриан IV) *против* (Барбароссы,) [603](#) (. Твердость Адриана,) [605](#) (. Два соперничающих папы,) [606](#) (. Иннокентий III,) [607](#) (. Влияние крестовых походов на папскую власть,) [608](#) (. Автократия Иннокентия III,) [610](#) (. Всемирное господство папы,) [611](#) (. Оценка Иннокентия III Милманом,) [612](#) (. Фридрих II в войне с папством,) [614](#) (. Собор в Лионе,) [616](#) (. Восхождение на престол Бонифация VIII,) [618](#) (. Филипп Красивый побеждает папство,) [618](#) (. Халлам о кульминации папской власти,) [620](#) (.)

ГЛАВА IV

[От изгнания к верховенству \(1305-1513 гг. н. э.\)](#)

[623](#)

Климент V, [624](#). Судьба тамплиеров, [625](#). От Иоанна XXII до Урбана V, [626](#). Великая западная схизма, [630](#). Отношения национальных церквей с государством, [632](#). Моральное состояние духовенства, [633](#). Великие соборы в Пизе и Констанце; Ян Гус, [634](#) (. Милман о Николае V и падении Константинополя,) [640](#) (. Папы до 1503 г.), [642](#) (. Александр VI, Борджиа,) [644](#) (. Оценки Александра VI,) [645](#) (. Юлий II,) [647](#) (. Преобладание секуляризма в Церкви,) [648](#) (.)

ЧАСТЬ XII

ИСТОРИЯ ПАРФИЙЦЕВ, САССАНИДОВ И АРАБОВ

Основанная главным образом на следующих источниках

АБДУЛ-ЛАТИФ, АБУЛ-ФАРАДЖ, АБУЛФЕДА, МАКС ДУНКЕР, И. ГОЛДЗИХЕР, А. ФОН
ГУТШМИД, УИЛЬЯМ МУИР, Т. НЁЛЬДЕКЕ, Л. А. СЕДИЛЛОТ, Л. ВИАРДОТ, ЮЛИУС
ВЕЛЛХАУЗЕН, ГУСТАВ ВЕЙЛ

ВМЕСТЕ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ОБЪЕМА И ВЛИЯНИЯ АРАБСКОЙ ИСТОРИИ

ТЕОДОРА НЁЛЬДЕКЕ

ЭССЕ О ПОЛЕЖИБНОЙ ЖИЗНИ В ЭПИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

ЮЛИУСА ВЕЛЛХАУЗЕНА

И ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ИСЛАМЕ

И. ГОЛДЗИХЕР

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

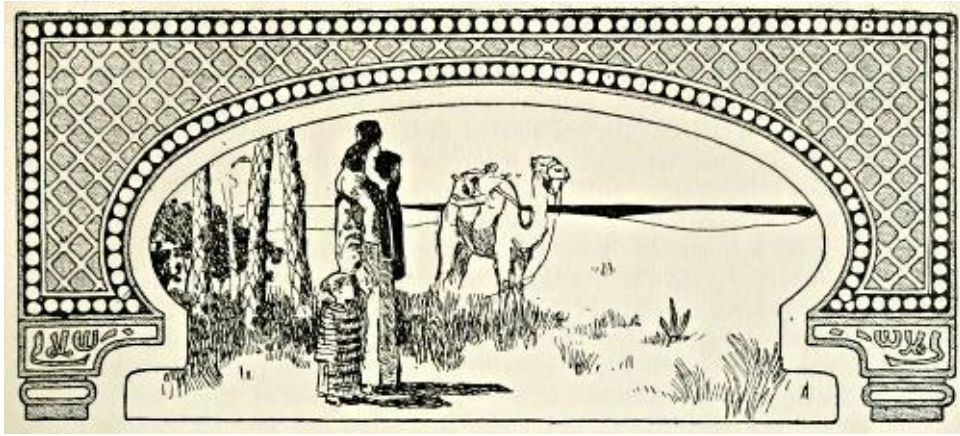
АРТЕМИДОР, БАЙИ, БЕН-ХАЗИЛА, СВЯТОЙ БИБЛИИ, ДИОНА КАССИЯ, Л. А. СИЛЬВЕСТРА ДЕ
САСИ, ДИОДОРА, Р. ДОЗИ, С. А. ДАНХЭМА, ЭЛЬ-МАКИНА, ЭРАТОСТЕНА, ЕВСЕВИЯ КЕСАРЕЯ,
ЭВТИХИЯ, Э. ГИББОНА, СТАНИСЛАСА ГИАРДА, АУРЕАУ, ГЕРОДОТА, ГУМБОЛЬДТА, ЮСТИНА,
ХАДЖИ ХАЛФА, ИБН ХАЛДУНА, КИЗЕВЕТТЕРА, МАКРИСИ, АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА, Ж. А. С.
МАРТИНА, Х. Х. МИЛМАН, ДЖ. Э. МОНТУКЛА, Ф. А. НИЛ, С. ОКЛИ, В. Г. ПАЛГРЕЙВ, ПЛИНИЙ,
ЖИРО ДЕ ПРАНЖЕ, ДЖОЗЕФ ФОН ХАММЕР-ПУРГСТАЛЛ, ИБН СААД, САМПИРО, В. К.
ТЕЙЛОР, ГЕОРГ ВЕБЕР, ДЖОЗЕФ УАЙТ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.,

ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

ПАРФИАНЕ, САССАНИДЫ И АРАБЫ

ЗНАЧЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ АРАБСКОЙ ИСТОРИИ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-ром Т. НЁЛДЕКЕ

Профессор Страсбургского университета и др.

Если и есть в мире регион, который вынуждает своих жителей вести особый образ жизни, то это Аравия и прилегающие к ней с севера регионы, Синайский полуостров и пустыни Сирии и Месопотамии. Подавляющее большинство жителей этих мест вынуждены вести кочевой образ жизни из-за того, что участки, пригодные для земледелия, сравнительно редки, а редкие дожди, которые выпадают только на ограниченных территориях, обеспечивают пастбища для их стад то в одной части, то в другой, но никогда на длительный период времени. Весь характер бедуинов обусловлен этим кочевым образом жизни (полным лишений и трудностей, хотя и не трудоемким) с его постоянной борьбой с конкурентами за предметы первой необходимости. Жители оазисов, которые постоянно проживают в благоприятных местах, во многом отличаются от бедуинов, но, тем не менее, находятся под сильным влиянием бедуинского образа жизни и мышления. На всей этой обширной территории жизнь протекает в постоянных изменениях, но в основном остается неизменной. Если одно племя гибнет, мигрирует в другое место или переходит к земледелию где-то в окрестностях пустыни, его место занимает другое, которое живет точно так же, как и оно. Однако ход истории показал, что в этом пустынном народе существовали интеллектуальные силы, которых, по-видимому, не хватало другим народам, жившим в точно таких же условиях, например, берберам Сахары.

АРАБЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Мы не имеем точных сведений о том, в каких отношениях семитские племена пустыни, с которыми мы впервые встречаемся в Ветхом Завете (измаильтяне, мадианитяне и т. д.) и которые там предстают как близкие родственники израильтян, соотносятся с арабами более позднего времени. Однако, насколько мы можем судить, они в точности на них похожи. Сын пустыни любит пожинать там, где не сеял; он не только грабит верблюдов и мелкий скот чужеродных племен бедуинов, но и пожирает поля крестьян, живущих на границах пустыни, когда у него появляется такая возможность, или уносит плоды их труда. Так, в древние времена племена пустыни однажды действительно перешли Иордан в центральную Палестину и полностью ограбили ее жителей, пока последние под руководством Гедона не изгнали их и не нанесли им тяжелое унижение (Судьи 6-8). Чуть

позже орда амаликитян, живших на Синайском полуострове, вторглась в южную Иудею и Финикию, но была жестоко наказана Давидом, который жил там в изгнании (1 Царств, 30). Подобные племена часто доставляли большие неприятности сельскохозяйственному населению, проживавшему на окраине пустыни. Но если государства, к которым принадлежат эти крестьяне, приложат определенные усилия для защиты своей территории, опасность не будет серьезной, поскольку в душе бедуины не отличаются особой храбростью. Во многих случаях крестьяне, защищающие свою собственность, могут успешно отражать эти грабительские набеги. В частности, некочевые поселенцы во внутренних районах Аравии, по-видимому, всегда были более храбрыми, чем кочевые племена. Последним было бы трудно обойтись без продуктов сельского хозяйства и выращивания финиковых пальм, в то время как жители оазисов, если они желают поддерживать связи с другими регионами, вынуждены поддерживать дружеские отношения с бедуинами, через чьи владения проходят их торговые пути. Поэтому заключаются договоры в интересах обеих сторон, и истинный араб соблюдает договоры.

В результате печального стечения обстоятельств кочевники значительно расширили свои владения за счет земледельцев. Даже в Палестине бедуины, живущие в палатках, теперь пасут своих верблюдов во многих местах, где раньше израильские фермеры сидели под своими виноградниками и смоковницами и возделывали землю с помощью волов и ослов.

НАЗВАНИЕ «АРАБ»

Настоящее значение слова «араб» кажется «пустыня». Впервые оно встречается, по крайней мере так кажется, в различных формах в ассирийских надписях IX века.^[1] В Ветхом Завете его невозможно с уверенностью идентифицировать до времени Иеремии.^[2] В надписях царя Дария Гистаспа Арабая, по-видимому, означает месопотамскую, сирийскую и синайскую пустыню. Среди греков мы впервые встречаемся с терминами «араб, Аравия» у Эсхила (*Персы* 316; *Прометей* 422), но представления поэта о положении страны являются полностью мифическими. Геродот, напротив, хорошо знаком с ней; он особенно интересуется этим районом, заселенным арабами, который соединяет Палестину и Египет, что имело большое значение для Персидского царства и не только для него. Его современник Неемия хорошо знаком с названием «араб» (гл. 2, 19; 4, 7; 6, 16), как и Ксенофонт. Последний использует название «Аравия» в частности для обозначения месопотамской пустыни (*Anab.* 1, 5, 1); и именно этот регион позднее сирийцы называли просто «арабским». Это название сохранилось с тех пор до наших дней, особенно среди самого народа. Оно долгое время обозначало как национальность, так и язык. Правда, даже в довольно отдаленные времена под арабами понимали, в частности, бедуинов, как это видно даже в сабейских надписях. Однако последние более точно отличаются от оседлых жителей страны использованием множественного числа в его старой форме *A'rab*, позже чаще *Orban*.

Многие ученые предполагают, что все цивилизованные семитские народы фактически возникли в Аравии и являются, как выражается Спренгер^[3], «отложениями бедуинов» («*abgelagerte Beduinen*»). Это предположение не затрагивает вопрос о том, была ли Аравия в конечном счете родиной семитов или же они мигрировали туда из Африки в первобытные времена.^[4] В любом случае, язык евреев и арамейцев до сих пор несет следы того факта, что их предки когда-то были кочевым народом, что (по крайней мере в отношении первых) в некоторой степени подтверждается традицией Ветхого Завета. Правда, везде, где у нас есть исторические записи, контраст между этими цивилизованными народами и жителями пустыни очевиден. Но мы можем представить себе, что с ними произошло то же самое, что мы неоднократно наблюдаем у арабских племен более поздних времен. Они продвигаются вперед, частично постепенно, частично быстро, из собственно Аравии. Сирийские и

месопотамские пустыни, какими бы бесплодными они ни казались нам, дают кочевникам определенные преимущества по сравнению с регионами на юге. Здесь выпадает несколько больше осадков. Кочевники вступают в более тесный контакт с оседлыми народами, и, хотя бедуины (гордящиеся своей свободой и счастливые в своем досуге) могут смотреть свысока на трудолюбивых крестьян и даже на ремесленников, тем не менее большая безопасность и уверенность в получении ежедневной пищи побуждают их заниматься земледелием в зеленых районах, когда появляется такая возможность. Этот процесс иногда сопровождался насилием по отношению к более ранним поселенцам, но часто происходил мирно. Таким образом, одна волна арабов постепенно сменяла другую. Имена, которые преобладают в более древних частях Ветхого Завета (измаильтяне, мадианитяне и т. д.), вскоре уходят на второй план. Появление имени «араб» само по себе может быть признаком прибытия новых племен в эти регионы.

АРАБЫ И ИХ СОСЕДИ

В IV веке до н. э. мы находим арабское племя набатейцев к югу от Палестины, и вскоре после этого то же племя образовало оседлое государство, которое простиралось на восток от древней территории Израиля до Дамаска, достигло значительного уровня цивилизации и сохраняло положение слабой зависимости от Рима, пока Траян не уничтожил его в 106 году, что, безусловно, не принесло реальной выгоды империи. В первом веке нашей эры мы встречаем князей и вельмож с арабскими именами в Эдессе, Пальмире, Эмесе и Хатре. Обильные надписи в Пальмире показывают, что большая часть населения этого арамейскоязычного торгового города, окруженного со всех сторон пустыней, была арабского происхождения. Похоже, что во время постепенного упадка Селевкидского царства арабы в нескольких случаях приобрели власть над этими районами, так же как в более поздний период члены различных бедуинских племен поднялись на вершину власти в Сирии и Месопотамии во время упадка династии халифатов. Таким образом, многочисленные оседлые арабские племена жили во многих частях Сирии как подданные Рима. Со временем все эти арабы-, проживавшие в городах или деревнях, стали арамеями; даже до этого они всегда использовали арамейский язык в своих надписях — там, где не писали по-гречески, — потому что арабский язык тогда не считался подходящим для письменности.

В это время появились два новых названия для арабов: «сарацины» и «тайты». Птолемей (5, 16) упоминает Σαράκηνη как район на Синайском полуострове.^[5] Жители этого района, неизвестные арабской традиции, должно быть, прославились в соседних римских провинциях; вряд ли можно предположить, что это произошло иным образом, кроме как грабительскими набегами, препятствующими прохождению караванов или взимающими с них высокие пошлины. Таким образом, в этом регионе всех бедуинов стали называть сарацинами (Σαράκηνοι), на арамейском языке Sarkaje, обычно с не очень благоприятным значением. Мы встречаем последнюю форму в диалоге о судьбе, написанном около 210 года н. э. учеником Бардесана.^[6] Затем это обозначение стало общепринятым; так, оно очень часто встречается у Аммиана Марцеллина. Название «сарацин» продолжало использоваться на Западе в более поздние времена, вероятно, скорее под влиянием литературы, чем устной традиции, и применялось ко всем арабам и даже ко всем мусульманам без различия.

Точно так же и в то же самое время обозначение «тайцы» стало использоваться для обозначения всех арабов сирийцами из Эдессы и жителями Вавилонии. Только в то время как мы ничего не знаем о отдельном племени сарацин, которое, должно быть, очень рано перестало существовать как таковое, у нас есть обильная и достоверная информация о тайцах в арабской литературе. Их главная резиденция находилась в северном Неджде, но

они распространились во многих направлениях. Даже сейчас их имя не совсем ушло в небытие.^[47] Постепенно арамейцы стали называть всех арабов «тайайе», и персы переняли это название от них.^[48] Среди последних оно произносится как «таджик», «тазик» в более древней форме (с персидским суффиксом) и «тази» в более поздней форме.^[49] Сами арабы считают тайцев одним из племен, которые когда-то селились на юге Аравийского полуострова. Вероятно, мы правы, связывая их появление на севере с новой волной, которая принесла довольно много племен южной Аравии в северные районы; о племенной миграции арабские предания рассказывают много, и некоторые из них являются достоверными.

В тот период арабы были известны только как совершенно дикая раса. Аммиан говорит о них: «*natio perniciosa*» (14, 4, 7), «*nec amici nobis unquam nec hostes optandi*» (14, 4, 1). Все его описание, основанное на современных сведениях (14, 4), очень поучительно, хотя и несколько односторонне и преувеличено в некоторых деталях. Когда он говорит, что сарацины питаются мясом и молоком и что большинство из них не знакомы с пшеницей или вином, это утверждение согласуется с тем, что в не намного более поздней сирийской «Жизни Симеона Силитского»^[10] говорится, что многие «тайты» не знали, что такое хлеб, а питались исключительно мясом. Нет сомнений, что северные бедуины, о которых автор имел в виду, редко имели возможность добыть финики. Хлеб является предметом роскоши в Аравии даже в настоящее время. Бедуины Синайского района, с которыми имел дело С. Нил (V век н. э.), были исключительно варварскими.^[11]

АРАБСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

До сих пор мы полностью игнорировали очаги высшей цивилизации, которые существовали в древности на Аравийском полуострове. Еще во втором тысячелетии до нашей эры на юго-западе Аравии, в Йемене, стране сабеев и химьяров, которая была хорошо приспособлена для сельского хозяйства благодаря регулярным дождям тропического лета, развилась цивилизация, которая оставила после себя руины огромных зданий и многочисленные надписи, памятники, которые до сих пор вызывают наше восхищение. Греки и римляне не были неправы, когда говорили об εὐδαίμων Ἀραβία, Arabia Felix, хотя их представления о характере и размерах этой «богатой»^[12] страны были в основном довольно расплывчатыми.^[13] Но несколько отрывков из Ветхого Завета свидетельствуют о высокой репутации славы и великолепия сабеев. Это особенно очевидно в легенде о визите царицы Савской к Соломону (1 Царств x, 1-10). Немалая часть богатства сабеев была связана с их монополией на торговлю некоторыми ароматическими веществами, особенно ладаном, который в древности использовался в огромных количествах при жертвоприношениях. Эти духи, особенно ладан, упоминаются в различных отрывках Ветхого Завета наряду с золотом и драгоценными камнями как сокровища сабеев (1 Царств x, 2, 10; Иеремия vi, 20; Иезекииль xxvii, 22; Исаия lx, 6). Эти и другие продукты доставлялись на север сабейскими караванами (ср. Исаия lx, 6; Товит 6:16). В надписях северного Хиджаза мы теперь имеем документальные свидетельства, доказывающие, что сабейцы основали постоянные торговые посты на расстоянии от своей страны. На пике своего процветания они, должно быть, оказывали немаловажное цивилизационное влияние на остальную часть Аравии, особенно на те части запада, которые они пересекали в своих регулярных путешествиях. Им, вероятно, были обязаны первыми элементами своей культуры тамудейцы, с чьими постройками (известными ранее только по сообщениям арабских писателей) нас познакомили труды Доути и Эйтинга, а также набатейцы, которые были тесно связаны с тамудейцами. Письменные знаки, которые пришли к сабейцам с севера в очень ранние времена, были ими распространены во всех видах транслитерации по большей части Аравии, вплоть до окрестностей Дамаска с одной стороны и Абиссинии с другой. Тем не менее, в

целом цивилизация древнего Йемена принесла мало плодов для мира за ее пределами. Страны Средиземноморья не получили от этого отдаленного региона никакого значительного интеллектуального стимула, как, впрочем, и древняя семитская цивилизация, и Иран. А с тех пор, как слава земли сабеев угасла, ее влияние на других арабов стало незначительным.

Упадок нации, вероятно, был вызван различными причинами. Несомненно, что арабская традиция, видящая в этом последствие одной единственной катастрофы — прорыва плотины в Марибе, которая была необходима для регулярного орошения, — далеко не является адекватным объяснением. Разрушение плотины, вероятно, было следствием халатности со стороны выродившейся расы. Но в традиции, которая связывает упадок этого замечательного народа, по крайней мере косвенно, с великим переселением йеменских племен на север, может быть доля правды. В то время — примерно во II веке н. э. — по всей цивилизации большей части Аравии, по-видимому, началось своего рода регрессивное движение. В определенные периоды большое число арабов умело писать, по крайней мере, грубыми буквами, что в достаточной мере доказывается многочисленными краткими надписями; около 600 года искусство письма в Аравии было тайной немногих. Даже в Йемене достаточно достоверные предания о его славных днях сохранились только среди отдельных лиц. Завоевание страны ненавистными абиссинцами (525 год н. э.) вероятно, разрушило последние остатки национальной энергии, а персидское завоевание (около 570 года н. э.) не смогло возродить ее. Правда, цивилизация Йемена все еще превосходила цивилизацию остальной Аравии; например, она занималась довольно важным производством оружия и материалов для одежды. Еще сохранялось смутное сознание великих дел, совершенных этой страной. Но, поскольку исторических свидетельств об этом не было, позднейшие йеменцы пытались оправдать славу своих предков причудливыми вымыслами и показать, что они совершили гораздо более великие дела, чем корейшиты во главе мусульман.

Тем не менее, факт остается фактом: цивилизация сабеев едва ли заслуживает внимания при определении места Аравии в истории. Она имеет меньшее значение, чем менее развитые цивилизации других народов, менее удаленных от главного театра событий. Главная арена старого конфликта между Востоком и Западом, который так ярко проявился в глазах греков во время Персидских войн, в последнем веке до нашей эры переместилась в Сирию и страны вокруг Евфрата и Тигра. Арабы северных районов были втянуты в борьбу римлян с парфянами и персами. Они всегда были готовы грабить территории врага или преследовать своих соотечественников на другой стороне. Великим державам было практически невозможно управлять пустыней, и это было бы довольно неблагодарной задачей, но они могли сильно влиять на бедуинов с помощью различных косвенных методов. Арабские династии в приграничных районах были особенно полезны для этой цели; они занимали не слишком строгое независимое положение и неизменно вызывали подозрение, но они могли гораздо эффективнее контролировать своих диких соплеменников, с которыми они постоянно поддерживали связь, чем это могли бы сделать обычные имперские или королевские чиновники.

В этой связи со стороны Рима особого упоминания заслуживают христианские филархи из племени Гассан. Их столица находилась недалеко от Дамаска, и они сыграли довольно важную роль в событиях VI века. Со стороны Персии на протяжении многих лет существовали вассальные цари из племени Лакхм, которые жили в важном городе Хира, недалеко от древнего Вавилона. Обе династии пользовались уважением и вызывали страх почти до самых границ Аравии. Несколько разрозненных монархий возникло и в глубине

страны. В частности, мы знаем о некоторых правителях из рода племени Кинда, которые проживали в Хадрамауте, далеко на юге; они энергично правили в различных частях Аравии, подобно князьям династии Хаил в наши дни.

Но эта власть просуществовала недолго. Аравия не подходит для монархии. Бедуины слишком любят независимость; они не любят даже мирных начинаний, приносящих им выгоду, если они требуют дисциплины и подчинения. Правительство должно быть одинаково мудрым и твердым, чтобы контролировать неуправляемых кочевников, слабо привязанных к земле. Бедуины привязаны к своей семье, племени, расе. Они охотно подчиняются предложениям самых уважаемых и опытных вождей своего племени, но только в той мере, в какой им это угодно. О реальной власти правительства не может быть и речи. Так было даже в нескольких городах внутренних районов. Решения главы семей имели значительный вес, но не обладали принудительной силой. Могло случиться, что отдельные лица или семьи держались в стороне от кампании, предпринятой по инициативе самых уважаемых людей племени, или возвращались назад, не достигнув своей цели, и никто не мог их удержать. Возможно, им приходилось терпеть презрение и насмешки в прозе и стихах, а к этому истинный араб так же чувствителен, как и восприимчив к гиперболическим похвалам. В Аравии, как и сейчас, мир никогда не царил долго. Иногда возникали вражды между крупными племенами или группами племен, иногда — ссоры в более узких пределах. Частыми причинами ссор были похищение верблюдов и использование пастбищ и колодцев, принадлежащих другому племени. Если проливалась кровь (что обычно происходило непреднамеренно), это требовало возмездия. Араб по своей природе не кровожаден, но страсть мести за убитых родственников может довести его до яростной кровожадности. Страх мести и осознание того, что в конечном итоге, когда будет заключен мир, племени, которое понесло самые тяжелые потери, должна быть выплачена компенсация, пропорциональная его потерям, обычно побуждают участников сражения быть осторожными и не убивать слишком много врагов, даже на поле боя. Убийство или даже тяжкое ранение могут вызвать многолетнюю вражду между близкими семьями.

Однако мощным средством борьбы с беззаконием является влияние обычаев и традиций. Авторитет (как уже упоминалось ранее) в значительной степени компенсирует отсутствие политических ограничений. Авторитет такого рода наиболее силен среди народа аристократического склада, который арабы разделяют с другими кочевыми народами. Чужоземец не имеет естественных прав, но если какой-либо член племени берет его под свою защиту, он получает защиту всего племени и, следовательно, безопасность для своей жизни и имущества.

КОРЕЙШИ МЕККИ

К 600 году, а вероятно, и задолго до этого, корейши из Мекки заняли любопытное и исключительное положение. Там, в абсолютно бесплодной долине, недалеко от источника соленой воды, стояло святилище. Некоторые семьи из клана Фир, принадлежавшие к бедуинскому племени Кинана, поселились вокруг него и основали под названием Корейши слабое содружество, часто встречавшееся в Аравии. Значительная территория в непосредственной близости от их святилища, возможно, считалась святой землей, на которой нельзя было проливать кровь, задолго до того, как корейши завладели ею. Таким образом, защищенные от вреда и пользующиеся большим уважением как хранители Каабы (небольшого квадратного примитивного дома, окруженного открытым зданием), корейши обратили свое внимание на торговлю. Они посылали свои караваны далеко и широко, как в древности делали измаильтяне и сабейцы.^[14] Корейшиты путешествовали как купцы в Газу, Иерусалим и Дамаск, в Хиру на Евфрат, в Сану в Йемене и даже пересекали Красное море в

Абиссинию. Благодаря этому они не только приобрели значительное богатство по арабским меркам, но и то, что было гораздо ценнее — более широкий умственный кругозор, чем у бедуинов и жителей оазисов, а также знание людей и дел. Хотя они так и не достигли регулярной политической организации, Веллхаузен прав, когда говорит: «Мы замечаем нечто вроде аристократической наследственной мудрости, как в случае с древним Римом и Венецией».^[15]

Следует признать, что одним из последствий практического характера и трезвости мышления корейшей было то, что они не дали ни одного известного поэта, в то время как все бедные племена бедуинов, жившие вокруг них, достигли больших успехов в этой области. Корейши были лучше питаемы, чем бедуины (хотя и отнюдь не роскошно), и, не будучи истреблены конфликтами, они быстрее росли численно, а в Аравии численность племени имеет большое значение для уважения, которым оно пользуется. Их процветание позволяло им проявлять щедрое гостеприимство, и голодный бедуин высоко ценит хозяина, который позволяет ему хоть раз наесться досыта. Можно предположить, что именно корейши установили связь между ежегодным паломничеством к горе Арафат, расположенной сразу за их святой землей и долиной Мина, и храмом в Мекке, расположенным на этой земле. Таким образом, Мекка стала местом, где арабы самых разных племен собирались вместе из дальних и ближних мест каждый год. Еще до появления ислама племя корейши пользовалось большим уважением повсюду. Но как бы мы ни изучали причины, которые подняли их над другими арабами, все же остается загадкой, почему в то время это жаркое и бесплодное гнездо произвело на свет такое большое количество людей, не считая пророка, которые, когда пришла их очередь оказаться в совершенно незнакомых обстоятельствах, великолепно проявили себя как полководцы и государственные деятели. История ставит перед нами несколько проблем подобного рода, связанных с внезапным появлением многих выдающихся людей в одном и том же месте.

В то время среди жителей центральной Аравии сохранилось много пережитков варварства. Например, очень распространенной была практика закапывания новорожденных дочерей заживо. Расходы на кормление и воспитание девочек в этой негостеприимной стране были нежелательным бременем; вероятно, ужасный способ избавления от них изначально имел какое-то отношение к религиозным представлениям. В далекой древности семиты, как и многие другие народы, считали кровное родство только по самой надежной гарантии — общей матери. Среди арабов и других народов мы находим пережиток этого взгляда, иначе давно заброшенного, в том факте, что мужчина мог считать свою мачеху частью своего наследства и взять ее в жены. Отец великого Омара был результатом такого брака.

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ

Тем не менее, мы не можем не отметить явный интеллектуальный прогресс среди арабов того периода, который мы сейчас рассматриваем. Это особенно заметно в расцвете поэзии. Она носит чисто национальный характер и полностью отличается от поэзии северных семитских народов как по структуре, так и по содержанию. Мы знаем ее только в ее полностью развитой форме, самые старые стихотворения, которые дошли до нас в достаточно хорошем состоянии, имеют точно такой же характер, как и более поздние (), но даже они датируются не ранее первой половины VI века. Вся арабская поэзия рифмованная, и рифма преобладает даже в некоторых торжественных формах речи, не подчиняющихся строгим метрическим правилам, таких как афоризмы предсказателей. Теперь, видя, что эта форма поэзии, до того времени повсеместно неизвестная, становится популярной в латинских и греческих стихах народного и религиозного характера после IV века, мы

приходим к предположению, что может существовать какая-то связь с западной поэзией в использовании этого художественного метода, который вполне мог войти в употребление среди арабов примерно в то же время. Общим источником происхождения могла быть Палестина или Сирия. Вероятно, первоначальной формой была рифмованная проза. Однако все это не поддается доказательству.

Принятие этой гипотезы не умаляет оригинальности арабской поэзии. Одним из ее больших достоинств является чрезвычайно тонкое чувство ритма, которое демонстрируют совершенно неграмотные арабские авторы этих стихотворений и рапсодий, передаваемых устно, благодаря тщательному соблюдению метра, который гораздо строже следует принципу количества, чем в греческой и латинской поэзии. По сути, эти стихотворения обычно посвящены обычным темам и интересам жизни бедуинов, хотя часто идеализируют их; нередко в них встречаются высокие и возвышенные мысли. Некоторые известные поэты, которые совершали долгие путешествия, иногда живя в христианской среде при дворах арабских вассальных королей, иногда добираясь до Йемена, подготовили почву для ислама, распространяя идеи, окрашенные христианским мышлением. Дух, одухотворяющий благородные сказания об арабских героях и достойных людях, возникшие в это время, указывает на прогресс в культуре. Одно необычное учреждение, по-видимому, дало очень благоприятные результаты: в течение определенных месяцев все языческие арабы соблюдали перемирие, во время которого складывали оружие и не проливали крови. В этот период друзья и враги собирались вместе в определенные времена и места, первоначально, без сомнения, для празднования религиозных обрядов. Однако постепенно последние отошли на второй план; велись переговоры, заключались договоры, поэты находили свою аудиторию, веселье и оживленная торговля были в порядке вещей. Даже на празднике в Мекке, который сохранил большую часть своего религиозного характера, проводилась разнообразная программа.^[16]

РЕЛИГИЯ ДРЕВНИХ АРАБОВ

О религии древних арабов мы не имеем большого количества сведений. Веллхаузен справедливо назвал свою замечательную работу по этой теме *«Остатки арабского язычества»*. Тем не менее, мы можем с уверенностью утверждать некоторые моменты, имеющие особое значение для нашего нынешнего рассмотрения. Язычники-арабы имели много святых мест и много обрядов, но очень мало искренних религиозных убеждений. Будучи чрезмерно консервативными по своей природе, люди соблюдали обычаи своих отцов, не задумываясь об их первоначальном значении, приносили жертвы богам (в основном грубым каменным фетишам) и шли процессией вокруг своих святынь, не рассчитывая на их помощь и не испытывая к ним особого благоговения; они взывали к мертвым: «Не удаляйтесь от нас», не связывая этот крик с идеей будущей жизни, которая и придавала ему смысл. На севере дикий царь Мундир бен Ма-ассама (505-554) по-прежнему приносил в жертву множество христианских пленников в честь богини планеты Венера (), как когда-то израильтяне поступали в честь своего Бога.^[17] Арабы Синайского полуострова также приносили человеческие жертвы планете Венера,^[18] и у нас есть другие свидетельства о подобных человеческих жертвоприношениях среди арабов севера. Возможно, их тесный контакт с христианами и приверженцами других высших религий в некоторой степени возродил старый семитский религиозный фанатизм и рвение среди арабов, проживавших там. Дальше на юг мы находим лишь слабые следы человеческих жертвоприношений и можем считать их практически исчезнувшими ко времени Мухаммеда.

Между тем, однако, арабы, которые вступили в более тесные отношения с Римской империей, и большинство тех, кто занимал аналогичную позицию по отношению к Персии,

приняли по крайней мере поверхностную форму христианства. Некоторые христиане проживали и в глубине Аравии, а на юге христианство уже давно приобрело значительное число последователей. Некоторое время оно подвергалось преследованиям со стороны еврейского правителя, но в конце концов было освобождено в результате завоевания Абиссинии, однако с тех пор не добилось значительного прогресса. Христианство, исповедуемое сирийцами или, что еще хуже, абиссинцами, не было приспособлено для обращения арабов в свою веру. Если бы только дисциплинированная сила Рима повлияла на эти регионы, ситуация, вероятно, была бы другой. В Аравии были евреи, и, как и евреи Абиссинии, большинство из них, по-видимому, не были подлинными детьми Израиля, а были коренными обращенными в иудаизм. Арабские евреи, хотя и не обладали большими теологическими знаниями, строго придерживались своей религии. Большинство арабов составляли язычники, которые переросли свою религию. Вероятно, были люди, которые осознавали недостатки такого положения вещей и признавали, что христиане во многих отношениях превосходили язычников. Нам известно о некоторых людях из Мекки и ее окрестностей, которые приняли и даже проповедовали более или менее христианскую монотеистическую веру, но подробности очень неясны. Безусловно, в начале VII века даже самый проникательный и остроумный наблюдатель не мог предвидеть, что в сердце Аравии вскоре возникнет религия, которая приведет к созданию арабской империи, призванной изменить облик обширных регионов мира, включая страны, которые были родиной древнейших цивилизаций.

МУХАММАД

Человек, чья энергия дала ясное и практическое выражение смутному стремлению к более чистой религии, появился среди мудрых корейцев. Сначала презираемый своими трезвомыслящими соплеменниками, он постепенно одержал победу для своей веры и умер как временный и духовный правитель Аравии. Именно сочетанию в некоторой степени противоречивых качеств его характера он обязан своим успехом среди такого народа. Он твердо верил в свою миссию и был беспринципен в выборе средств; он был каталептическим провидцем и великим государственным деятелем; непоколебим в своих фундаментальных убеждениях и часто слаб и колеблющ в деталях, он обладал большой практической проникательностью и был неспособен к острой логической абстракции; он имел склонность к аскетизму и сильно чувственный темперамент.

Мы не только располагаем наиболее полными сведениями о характере Мухаммеда, но и обладаем его подлинным трудом, *Кораном*, который он проповедовал во имя своего Бога; и все же этот необыкновенный, привлекательный и отталкивающий человек во многих отношениях остается загадкой (). Он был знаком со многими аспектами иудаизма и христианства, но только по устным рассказам. Хотя остается открытым вопросом, действительно ли Мухаммед не умел читать и писать, можно с уверенностью сказать, что он не читал ни Библии, ни каких-либо других книг. Люди, от которых он черпал информацию о древних монотеистических религиях, наверняка были в некоторой степени неграмотными. Это особенно верно в отношении его христианских наставников. Однако некоторые иудео-христианские идеи с самого начала оказали на него сильное влияние: воскресение, суд, рай и ад, строгий монотеизм, а также тщетность и виновность всех форм идолопоклонства. Чувствуя в себе божественное призвание, он высказывал мысли, которые владели им, как слово Божье; то, что пророки Израиля делали в исключительных случаях, стало для него установленной формой его учения. Мы можем быть недовольны грубостью воображения, отсутствием логики, несомненной бедностью мысли и многим другим в *Коране*, но это не было тем эффектом, который он производил на своих слушателей, особенно когда их

внимание было приковано к нему. Для них все это было новым, они были взволнованы ужасом и восторгом от этих грубых изображений ада и рая, для этих наивных людей слабость рассуждений не была очевидна, в то время как энергичность утверждений производила полный эффект. Кроме того, они слышали только отдельные фрагменты за раз. Откровение *Корана* происходило постепенно, оно продолжалось более двадцати лет, и поэтому монотонность, которая отталкивает нас, не ощущалась.

Но, как уже было сказано, Мухаммед не имел большого успеха в своем родном городе, хотя к нему присоединились некоторые из лучших и самых искренних людей, такие как Саад бен Аби Ваккас и Омар. Только после того, как он сделал беспрецедентный для арабов шаг и, покинув свое племя, переселился с горсткой мекканских последователей, чтобы жить среди жителей Ясриба, он завоевал прочную позицию. Последние, пальмовые садовники и земледельцы, были энергичным народом, но интеллектуально не равным корейшанам. Они доказали свою доблесть главным образом постоянными гражданскими распрями между двумя кланами, из которых они состояли. Благодаря своим еврейским соседям они были, по крайней мере, поверхностно знакомы со многими религиозными идеями, которыми занимался Мухаммед. Пророк вскоре приобрел среди них большое количество последователей. Он установил мир в их пределах, они признали его (хотя и не без некоторых исключений) своим лидером, и вместе с товарищами по странствиям сначала составляли основную часть, а затем и цвет его армии.

Мухаммед покорил мекканцев в основном путем парализации их караванной торговли. Когда, на восьмой год после своего отъезда из родного города, он вновь торжественно вступил в него, потребовалось всего одно крупное столкновение с некоторыми бедуинскими племенами, чтобы вся Аравия пала к его ногам и приняла его веру. Если бы бедуины заключили против него обязательные союзы в защиту религиозных обычаев своих предков и (что было для них еще более важно) своей независимости, его усилия были бы тщетными; но неспособность чистых арабов объединиться для совместных действий и действовать дисциплинированно, даже для достижения великих целей, позволила ему переманить на свою сторону одно племя за другим силой или дружескими средствами. Ему даже удалось практически использовать старые связи между своей семьей и кочевым племенем Хозаа, проживавшим в окрестностях Мекки. Он сохранил старые обычаи везде, где это было возможно, скорее инстинктивно, чем по сознательному намерению. Таким образом, даже большая часть языческого культа Мекки была внешне адаптирована к монотеизму и *добросовестно* включена в ислам. Первые важные успехи, особенно битва при Бедре (великая битва по арабским представлениям), в которой мекканцы потеряли около семидесяти убитых и семидесяти раненых, произвели глубокое и немедленное впечатление: успех — это испытание для прозелитов. Дорогие подарки, которые Мухаммед дарил из своей добычи таким выдающимся людям, которые не сразу стали искренними обращенными, также действовали эффективно; в большинстве случаев со временем следовало искреннее обращение. Один из фактов (среди прочих), по которому мы можем оценить то поразительное впечатление, которое пророк произвел на арабов, заключается в том, что каждое племя, подчинившись или приняв его религию, отказывалось от права мести за кровь, пролитую в борьбе. В других обстоятельствах этот отказ от кровной мести или, по крайней мере, от выкупа за кровь, казался бы арабам крайней степенью унижения. Но как бы ни было трудно арабам в целом признать пророка своим господином, в то время не было ни одного язычника, который бы искренне сражался за свою религию. В крайнем случае, старуха тут и там поднимала шум, когда Мухаммед уничтожал ее идолов. Сравните это с тем, как другие семиты сражались за свою веру, как позже арабы сражались за ислам. Отсюда очевидно, что, как уже было сказано, арабы того периода переросли свою религию.

ПРЕЕМНИКИ МУХАММАДА

Но едва умер Мухаммед (632 г.), как существование его религии и империи вновь было поставлено под сомнение. Он не оставил никаких указаний о том, как должно было управляться государство после его смерти. Правда, его преемник был назначен незамедлительно. Ясреб, теперь называемый Медина ан-Наби (город пророка) или просто Медина (город), остался столицей, как и прежде, но простодушное предложение мединцев о том, что у них должен быть один правитель, а у мекканцев — другой, было решительно отвергнуто последними. Абу-Бекр, самый близкий друг Мухаммеда и отец его любимой жены, стал его преемником или наместником (халифом). Это еще одно доказательство высокого уважения, которым пользовались корейшиты, поскольку было общеизвестно, что арабы никогда не подчинятся некорейшиту.

Однако в течение некоторого времени большинство из них не проявляли особого желания оставаться подданными нового церковного государства. Максимальная уступка, на которую они были готовы пойти, заключалась в том, что они заявили о своей готовности продолжать совершать *салат* ^[19] пять раз в день, но отныне они больше не собирались платить ежегодную квоту в виде своего скота или фиников в качестве налогов. Почти все старые друзья пророка из , даже Омар, который теперь обладал наибольшей властью после халифа, отчаялись снова подчинить арабов. И здесь мы вновь видим веру, которая движет горы, в полной мере и в самом эффективном действии. Абу-Бекр не был человеком высокого интеллекта, но он был твердо убежден, что то, что проповедовал Мухаммед, было чистой правдой, что его приказам нужно было подчиняться безоговорочно, и что тогда Бог даст его религии победу. И события доказали его правоту. Он даже настоял на ослаблении армии, в которой он так остро нуждался, отправив отряд войск в экспедицию на север, которая ни в коем случае не была срочно необходимой, просто потому, что Мухаммед отдал такой приказ, не предвидя своей смерти. Но в остальном трудная задача повторного подчинения арабов была выполнена с максимальной энергией. Их неспособность добровольно объединиться для достижения какой-либо великой цели была очевидна как никогда. Их разрозненные силы не могли противостоять врагу, объединенному под единым командованием и имеющему четкую цель. Отдельные племена были быстро покорены, в большинстве случаев без применения силовых методов. Жители района Ямама оказали яростное сопротивление; они были земледельцами и последователями Масламы (которого мусульмане презрительно называли *Мусаилимой*, или «маленьким Масламой»), который провозгласил себя пророком-оппонентом в последние годы жизни Мухаммеда. Они сражались за свои дома и свою веру, и битва против Масламы была гораздо более кровопролитной, чем любой предыдущий конфликт.

Второе завоевание Аравии вряд ли было бы возможным, если бы корейши не поддерживали Абу-Бекра все как один. Лидеры, которые годами сражались с пророком на поле битвы и потеряли в борьбе своих ближайших родственников, начали понимать (некоторые из них еще до взятия Мекки, а большинство — сразу после), что они получают огромную власть и влияние благодаря верховенству корейшитов. Удивительный успех Мухаммеда в определенной степени сделал большинство из них верующими. Некоторые из тех, кто был его самыми яркими противниками, впоследствии пали или были тяжело ранены, защищая его религию. Командиром, который нес на себе основную тяжесть сражения за подавление восставших арабов, проявив равную долю мудрости и энергии, был корейшит Халид ибн аль-Валид, тот самый, который восемь лет назад был главным виновником победы корейшитов над войсками Мухаммеда на горе Оход, недалеко от Медины.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Аравия едва была завоевана, как началось великое вторжение в другие страны. Сам пророк предпринял несколько попыток против Сирии, но без особых результатов. Теперь главной задачей было превратить арабские орды из непокорных подданных в радостных воинов Бога, используя двойную перспективу земных трофеев и небесных наград. Здесь мы узнаем руку Омара, которому власть перешла непосредственно после смерти Абу-Бекра вскоре после этого. Войны завоевания, которые он начал, увенчались блестящим успехом. Стоит кратко рассмотреть этот вопрос подробнее.

Несмотря на то, что арабские племена часто доставляли неприятности подданным Римской и Персидской империй, никто и не думал, что они могут представлять угрозу для любой из них. Правда, когда начались вторжения мусульман, первыми пострадавшими районами оказались те, которые и без того находились в плачевном состоянии. Частые войны между римлянами и персами сильно ослабили обе империи, и это особенно проявилось в последней великой войне, которая длилась с 607 по 628 год. Обширные территории Римской империи, особенно в Палестине, Сирии и Египте, были ужасно разорены и в течение многих лет оккупированы персами. Однако доблестный и хитрый император Ираклий сумел переломить ход событий и в конце концов диктовал персам условия мира на их собственной территории. После этого Персидская империя была раздираема спорами о престолонаследии. Обе империи утратили арабские аванпосты, которыми они когда-то владели. Персы уничтожили римское вассальное королевство Гассанидов, а их собственная подчиненная династия в Хире (которая в последнее время приняла христианскую веру) была свергнута королем Хосросом II. Глупость этого шага вскоре стала очевидной. Бедуины из племени Шайбан полностью разгромили королевские войска Персии в Ибу-Каре на границе Вавилонии, вероятно, в тот самый момент, когда войска короля продолжали свое победоносное продвижение на далекий запад. Это была не великая битва, и, вероятно, ее единственным прямым следствием было то, что невоинственные крестьяне соседних районов были ограблены бедуинами; но победа над армией, частично состоящей из регулярных войск, придала арабам уверенности. Именно это племя Шайбан отличилось в первом наступлении мусульман на персидскую территорию.

Тем не менее, огромный успех мусульман по-прежнему остается загадкой. Их армии не были очень многочисленными. Император Ираклий был способным человеком, за спиной у которого стоял весь престиж победы. Когда началась великая борьба между мусульманами и персами, гражданские войны в империи закончились, и у нее был могущественный лидер — не молодой монарх Йездегерд, а могущественный принц Рустем, который обеспечил ему корону. Большие финансовые затруднения, в которые, без сомнения, попали обе империи, не могли не повлиять на численность и боеспособность их войск, но то, что они все еще были способны на что-то, ясно из того факта, что обе решающие битвы — на реке Ярмук (август 636 г.), в которой были разгромлены римляне, и битва при Кадисии (конец 636 г. или начало 637 г.), в которой аналогичная судьба постигла персидские войска, длились несколько дней. Спротивление, оказанное противником, должно было быть очень упорным. Римская и персидская армии, возможно, включали в себя различные виды нерегулярных войск, но, безусловно, в основном состояли из дисциплинированных солдат под командованием опытных офицеров. Персы привели на поле боя слонов, а также своих грозных конных кирасиров. У арабов не было чисто военного порядка сражения; они сражались в порядке своих кланов и племен. Это, хотя и обеспечивало, вероятно, сильное чувство товарищества, ни в коем случае не было адекватной заменой регулярным воинским частям. Фрайхер фон Кремер [\[20\]](#) справедливо видит в салате в некоторой степени замену военной строевой подготовке. Во время этой церемонии арабы, до сих пор совершенно не привыкшие к дисциплине, были вынуждены *массово* повторять формулы со строгой точностью вслед за своим лидером и копировать каждое его движение, а любой человек,

который не мог выполнять салат вместе с общиной, тем не менее был обязан строго соблюдать форму молитвы, которой его научили. Но главным фактором было сильное чувство общности мусульман, постоянно растущий энтузиазм по отношению к вере даже у тех, кто сначала был равнодушен, и твердая убежденность в том, что войны, сражающиеся за святое дело, хотя смерть на поле боя и лишит их возможности разделить трофеи победы на земле, все же будут участвовать в самых восхитительных земных радостях на небесах. Таким образом, бесхозные арабы, которые, несмотря на свою склонность к хвастовству, не имели особого вкуса к героическим поступкам, превратились в непреодолимых воинов Аллаха. Это был высший триумф семитского религиозного рвения, проявление в огромных масштабах того, что среди арабов чувство религии только дремало, чтобы пробудиться, когда представится случай, с истинной семитской яростью. То же самое с тех пор повторялось снова и снова в меньших масштабах.

Насколько мы можем судить, арабские племена не все одинаково участвовали в этих завоевательных войнах. В частности, великие племена верблюдоводов из высокогорных районов внутренних территорий, по-видимому, принимали в них гораздо меньшее участие, чем племена северных районов Йемена. Чрезвычайно важным моментом было то, что верховное командование почти находилось в руках людей из племени корейшей, которые в то время проявили себя как рожденные правители. Они привели ислам от победы к победе, проявив себя в целом хорошими мусульманами, но не отрекшись от своей мирской мудрости. Прежде всего, мы не можем не восхищаться умением, осторожностью и смелостью, с которыми Омар из своего штаба в Медине руководил военными кампаниями и началом реорганизации завоеванных стран.

Этот неотшлифованный и строго ортодоксальный человек, который жил с предельной арабской простотой, в то время как в казну империи поступали неисчислимые доходы, оказался одним из величайших и мудрейших правителей. Его предписание, чтобы арабы не приобретали земельную собственность в завоеванных странах, а повсюду составляли военную касту на содержании государства, было великолепно задумано, но в конечном итоге оказалось невыполнимым. Некоторые из христианских арабов сначала сражались против мусульман, но без особого рвения. Большинство из них вскоре променяли христианство, которое никогда не было очень глубоким, на национальную религию. Великое племя Таглиб в пустыне Месопотамии было почти единственным, в котором христианство сохраняло свое господство в течение длительного времени, но, тем не менее, оно в полной мере участвовало в судьбе мусульманской империи, и даже там старая вера постепенно угасла, как, по-видимому, произошло со всеми арабами чистой крови.

Победы мусульман под руководством Омара были продолжены его преемником Османом. Сирия, Месопотамия, Вавилония, ^[21] Ассирия, большая часть собственно Ирана, Египет и некоторые северные районы Африки были уже завоеваны. Жители римских провинций почти повсеместно подчинились завоевателям без сопротивления; в некоторых случаях они даже делали им предложения о сотрудничестве. К этому в значительной степени привели печальные христологические споры: большинство сирийцев и коптов были монофизитами и, следовательно, подвергались различным преследованиям со стороны сторонников Халкидонского собора, которые заняли господствующее положение в Константинополе. Кроме того, в других отношениях римское правительство того периода не было способно внушить своим семитским и египетским подданным большую преданность. Правление арабов, хотя и было суровым, поначалу было справедливым, и, прежде всего, они скрупулезно соблюдали все заключенные с ними договоры. А жители этих стран были привычны к подчинению. Однако маловероятно, что они оказывали победителям какую-либо значительную помощь, кроме как иногда выступая в роли шпионов, и мы не должны придавать слишком большого значения покорению народа, который в целом был

невоинственным. Даже в Иране, где ислам столкнулся с гораздо более сильным сопротивлением по национальным и религиозным мотивам, большая часть населения, особенно в сельских районах, оказывала в лучшем случае спорадическое сопротивление, в то время как победителям еще предстояло сразиться во многих битвах с войсками короля и дворян.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ СРЕДИ МУСУЛЬМАН

Эта серия завоеваний была прервана великими гражданскими войнами. Арабы не знали ничего, кроме полной свободы и абсолютной монархии. Последней была форма, которую сначала принял халифат, но всеобщее мнение было, что правитель обязан строго соблюдать законы религии. Когда Османа, состарившегося и ослабевшего, чрезмерный nepотизм и другие причины привели к нарушению последнего, результатом стало восстание, в котором он в конце концов погиб (656 г.). За убийством последовали годы гражданских беспорядков, и несколько десятилетий спустя все повторилось заново. Война велась под религиозными предложениями и в некоторой степени из религиозных мотивов, но в основном это была борьба за власть между различными членами корейшей. Старые и новые племенные вражды были введены в игру и побудили племена присоединиться к той или иной из ведущих партий. Результатом двух великих гражданских войн стало то, что в каждом случае наиболее способный человек встал во главе империи; первым, кто сделал это после убийства Али, был Моавиед (), зять Мухаммеда, из династии Омейядов, сын Абу Суфьяна, лидера язычников Мекки, противостоявших Мухаммеду. Во время его правления Дамаск, где он много лет прожил в качестве губернатора, стал столицей вместо Медины. Победителем во второй гражданской войне стал Абд аль-Мелик из другой ветви семьи Омейядов. Оба они были людьми больших способностей, но по сути своей мирского склада ума. Один из внуков пророка, сын Али, заключил мир, а другой, по имени Хусейн, погиб в глупой попытке восстания (680 г.); хотя с тех пор он считался мучеником, и было пролито много крови, чтобы отомстить за его смерть *фактически* правителям. Набожные люди стояли в стороне, скорбя или возмущаясь, но власть оставалась в руках Омейядов. Для Европы эти гражданские войны были настоящим спасением. Если бы они не остановили арабские завоевания, ислам мог бы даже тогда подчинить себе Малую Азию, Балканский полуостров и всю Испанию, а затем распространиться на Галлию и более отдаленные земли.

Арабы того периода знали, как завоевывать и удерживать то, что они завоевали; к организации они были менее склонны. Где только могли, они оставляли управление, и особенно налогообложение, в том виде, в каком оно было. Сначала реестр налогов велся на греческом языке в бывших владениях Рима и на персидском языке в Персии; и только спустя более полувека арабский язык стал преобладающим в официальной бухгалтерии. Омейяды завоевали господство благодаря лояльности арабов Сирии; они были привязаны к Сирии, и обширные территории на востоке было трудно управлять оттуда. Кроме того, мусульмане Вавилонии, во многих отношениях более важной провинции, в целом были к ним враждебно настроены. И, что еще хуже, старая недисциплинированность арабов проявилась в новой форме. Вместо того, чтобы мелкие кланы враждовали друг с другом, как это обычно бывало в прежние времена, они объединились в крупные и враждебные друг другу группы. Одна из них состояла из арабов Йемена (настоящих или предполагаемых), две другие — из племен, которые утверждали, что являются потомками Измаила, — мудхар и рабия. Если халиф или наместник халифа поддерживал Йемен, то он сталкивался с враждебностью мудхаров; если он поддерживал рабиев, то мудхары также проявляли враждебность и т. д. В отдаленных провинциях враждебные арабы иногда вели между собой регулярные войны по собственной инициативе. Вдобавок к этому, происходили восстания

фанатиков различного рода. Только самые способные из Омейядов (а в целом это была способная династия) могли поддерживать хотя бы приемлемый порядок в обширной империи, которая после окончания гражданских войн все больше и больше расширяла свои границы. Краткого правления слабого или развратного правителя было достаточно, чтобы все испортить. Чисто арабская империя не обладала элементами стабильности.

Между тем, однако, большие массы завоеванных народов перешли в ислам. С одной стороны, временные преимущества, а с другой — пригодность этой грубой религии для семитов и, вероятно, для менее образованных египтян, привели к постепенному отказу от христианства, которое в этих краях было лишь немногим лучше ислама. Но и в Иране новая религия вскоре добилась больших успехов благодаря своим достоинствам, хотя в некоторых местах (надо признать) это произошло в значительной степени за счет чистоты ее первоначального характера. Национальная гордость арабов не могла смириться с практическим применением теоретического принципа ислама, согласно которому все верующие должны быть абсолютно равны. Новые обращенные оставались мусульманами второго сорта и, по крайней мере в некоторых районах, горько ощущали это различие. Даже во время второй великой гражданской войны эти так называемые «клиенты» (*мавали*) однажды сыграли заметную роль, хотя и только как инструменты амбициозного араба.

Действия такого рода «клиентского» населения имели гораздо более серьезные последствия, когда другая корейшитская семья — Аббасиды, потомки дяди Мухаммеда, — восстала против Омейядов. Один из их великих посланников встал во главе мусульманских туземцев восточной Персии (Хорасана) и с помощью этих иранцев Аббасиды завоевали трон (750 г.). Это изменение следует рассматривать в значительной степени как сильную реакцию персидского элемента против арабского. Длинная череда великих восточных империй была прервана империей чисто арабской, и теперь эта череда возобновилась. Резиденция правительства вновь была перенесена в Вавилонию; Багдад занял место Вавилона и Ктесифона. Высшие государственные должности уже в значительной степени занимали лица неарабского происхождения. Старая арабская гордость по происхождению была оскорблена тем, что теперь не придавали значения тому, была ли мать правителя свободной женщиной или рабыней, и что, таким образом, арабская линия правящей династии со временем все больше и больше смешивалась с иностранной кровью. Вторая персидская реакция ознаменовалась победой, одержанной после длительной борьбы халифом Мамуном, сыном персидки, над своим братом Амином, чья мать была из рода Аббасидов (813 г.). Войска Мамуна почти все состояли из персов. Их лидер, перс Тахир, основал первое полунезависимое государство на иранской земле. Формы правления в значительной степени оставались арабскими, и арабский язык также оставался официальным, но подлинная арабская культура все больше уходила на второй план. Прежде всего, профессиональные войска, набранные из народов Востока или даже Дальнего Запада, почти полностью вытеснили арабские войска.

Процесс арабизации продолжался быстрыми темпами в семитских странах севера, Египте и даже на обширных территориях «Запада» (Магриб),^[22] но это арабоязычное население, исповедующее ислам и преобладающее в котором были неарабские элементы, сильно отличалось по своим мыслям и чувствам от арабов чистой крови, которые с тех пор (как и до появления ислама) были представлены почти исключительно бедуинами и жителями оазисов Аравии и нескольких мест в Африке. Великая историческая роль чистокровных арабов была сыграна. Но эта неоарабская национальность придала более или менее одинаковый характер всем исламским странам. Это в значительной степени относится к Ирану и странам, граничащим с ним на северо-востоке, юге и юго-востоке, в той мере, в какой они попали под влияние арабской религии.^[23] Тем не менее, восточные провинции халифата не приняли арабский язык (который стал господствующим в основных странах

западной половины и даже в большей части Магриба) так же, как восточная половина Римской империи не приняла латинский язык в то время, когда запад был почти полностью романизирован. Тем не менее арабский язык оказал глубокое влияние на персов и все народы, которые черпали свою культуру из Персии. Не зря даже в последней стране арабский язык долгое время был языком правительства, религии, учености и поэзии и в некоторой степени оставался таковым даже после того, как родной язык вновь утвердился. Персидский язык (а также хиндустани, курдский и др.) заимствовал многое из арабского, особенно в области абстрактных терминов, чего мы не ожидали, учитывая древность персидской цивилизации и новизну арабской. Влияние арабского языка прослеживается даже в самых отдаленных ветвях современной персидской литературы, так же как все германские языки несут следы глубокого влияния латыни, которая ранее занимала в Европе положение, во многом аналогичное положению арабского языка в исламских странах.

ВЛИЯНИЕ ПЕРСИИ НА МУСУЛЬМАН

Но если арабский дух во многом изменил дух Персии, то обратное воздействие было не менее сильным, а возможно, и более сильным. Многие политические институты, формы вежливого общества, да и городская жизнь в целом, роскошь, искусство и даже мода в одежде пришли к арабам из Персии. В период Омейядов арабская поэзия остается в основном верной методам старых языческих бедуинских поэтов; хотя наряду с ними — и более особенно в произведениях лучших поэтов — мы отмечаем постепенный рост более элегантного стиля, соответствующего более утонченным вкусам городов и даже придворной школы поэзии. Однако даже в более поздние времена методы старых поэтов нашли много подражателей. Но после периода Аббасидов авторы арабских стихов, в целом, уже не были людьми чисто арабского происхождения; многие из них были вольноотпущенниками или скромного происхождения и персидской или арамейской национальности. Таким образом, в мусульманский период даже коренные поэты Персии начали писать на арабском языке, и поэтому возникающая школа персидской поэзии строго придерживалась традиций арабской школы, как в метре и всех аспектах структуры, так и в тематике и словесном выражении. К сожалению, она проявила такую же готовность подражать искусственности, в которую погрузилась арабская поэзия в тот период. Правда, с самого начала персидская поэзия демонстрировала определенные отличительные черты, и ее величайшее достижение, национальный эпос, в целом является оригинальным, хотя даже в нем арабское влияние сильно сказывается в деталях.

Блеск арабской культуры, особенно проявившийся в крупных городах Вавилонии, центральной провинции, возник благодаря либеральному смешению персидских и арабских элементов. В некоторых из этих городов персидский язык фактически был языком большинства населения, по крайней мере в первые века ислама. Не следует упускать из виду влияние византийской цивилизации на арабскую, хотя оно и было гораздо меньшим. На протяжении веков высшие классы Вавилонии, роскошные и часто легкомысленные, поддерживали высокий уровень интеллектуальной деятельности. Способность выражать свои мысли на элегантном арабском языке с персидским шармом и персидским остроумием ценилась выше всего. Подобные центры высокой культуры существовали и в других арабоязычных странах вплоть до Испании, а в течение некоторого времени даже на Сицилии. По всем обширным владениям ислама () люди много путешествовали, отчасти для того, чтобы завершить свое образование и приобрести утонченность человека мира, отчасти из чистой любви к путешествиям и жажды приключений. В каждом более-менее значительном городе существовали публичные и частные общества *эстетов* и ученых.

Оживленная торговля по суше и морю в значительной степени способствовала быстрому обмену товарами между самыми отдаленными регионами, даже такими, которые находились далеко за пределами ислама, и результатом торговли было накопление огромных богатств в крупных городах. Туда же стекались налоги, взимаемые *по закону и вне закона* с жителей равнин. Конечно, в больших городах арабского мира не было недостатка в нищете, как и в городах Европы и Америки в наши дни.

АРАБСКИЕ ЗАПИСИ И ТРАДИЦИИ

Мусульмане очень рано начали передавать биографические записи о пророке, сначала устно, но в основном в виде аутентичных традиций. Еще более важным для всего мусульманского мира было передача и сбор предписаний, охватывающих всю жизнь, которые, как утверждалось, сохранялись в той же форме, в которой они были произнесены пророком или введены в обиход его действиями.^[24] Сегодня для нас чрезвычайно выгодно, что история преемников Мухаммеда, их великих завоеваний и империи следует сразу за его собственной историей. Несколько записей передавались с именами тех, кто их подтверждал, от первого очевидца до последнего рассказчика, а различия в заявлениях помещались рядом друг с другом. Таким образом, до нас дошли рассказы, изложенные с точки зрения совершенно разных сторон, многие из которых касаются важнейших событий первых веков ислама, так что историческая критика часто может с гораздо большей уверенностью установить основные черты того, что действительно произошло, чем если бы арабы сами приступили к составлению регулярной истории и манипулировали своими авторитетами по-своему. Традиция « » о деяниях и приключениях древних героев Аравии также тщательно хранилась, и большая ее часть дошла до нас.

АРАБСКАЯ УЧЕНОСТЬ

В этом, как и во всех областях точных наук мусульман, арабский язык сначала занимал исключительное положение, а в более поздние времена продолжал занимать первое место, независимо от того, был ли непосредственно заинтересованный студент чистокровным арабом (что, вероятно, было очень редким случаем) или имел смешанное или иностранное происхождение. Это в первую очередь относится к наукам, связанным с теологией, и ко всем областям знаний, преподаваемым в школах. Ни одна из наук в собственном смысле этого слова не была разработана арабами (и это слово можно понимать в самом широком смысле) из их собственного внутреннего сознания, даже грамматика, первая отрасль науки, принявшая форму точной науки; некоторые из основных концепций, связанных с ней, возникли в логике Аристотеля. Эта наука, возникшая из необходимости толкования *Корана* и древней поэзии, а также из желания сохранить классический язык бедуинов (), который подвергался быстрым изменениям на завоеванных ими землях, развивалась затем, правда, по очень независимым линиям. Прежде всего, арабская философия полностью зависит от греческих произведений, большинство из которых были переведены с оригинала сирийцами или известны по сирийским версиям.^[25] Даже исламский догматизм был вынужден принять методы языческой философии Греции.

Люди, заложившие основы арабской науки, в большинстве своем не были арабского происхождения, хотя исключений больше, чем обычно предполагается. Сибавайх, составивший первый великий сборник арабского языка, был персом; хотя практически все, что он сделал, это собрал воедино то, что услышал от своих учителей, главный из которых, Халил, по всей вероятности, был чистокровным арабом. И эта работа, в которой более поздние школы мало продвинулись вперед в плане содержания, очень неуклюжа по форме и

настолько же несистематична, как если бы он был чистокровным арабом. Точная систематизация — это сложная задача для истинного семита. Превосходство арабского языка в те века, когда интеллектуальная жизнь исламских стран была на пике своего расцвета, лучше всего видно из того факта, что даже те персы, которые утверждали приоритет своей нации, излагали свои мнения на этот счет в арабских трудах.

Здесь, конечно, невозможно вдаваться в историю арабской науки; мы можем только подчеркнуть один момент, а именно то, что (по крайней мере в тех областях науки, которые пользовались наибольшим уважением) кульминация была достигнута довольно рано, и затем они были обработаны в бесчисленных трудах — сборниках, аннотациях, комментариях и стихотворных переложениях — без каких-либо особых изменений в тематике. Насколько медицина, естественные науки и математика продвинулись вперед по сравнению с тем уровнем, которого достигли греки (и, возможно, индусы), я не в состоянии сказать.^[26] Средний уровень очень многочисленных хроник на арабском языке значительно выше, чем уровень латинских хроник средневековья, потому что, во-первых, авторы первых были людьми, погруженными в реальную жизнь, некоторые из них действительно были людьми значительного веса, в то время как вторые, как правило, писались в монастырях. Мы даже сталкиваемся с зачатками исторической критики или, по крайней мере, с всеобъемлющим историческим обзором. Количество арабских произведений, содержащих биографии выдающихся людей, ученых, поэтов и т. д., просто поразительно, как и богатство антологий всех видов, в которых поэзия чередуется с прозой. В своих работах по истории литературы они также имеют обыкновение приводить много образцов стихотворений конкретных писателей, о которых идет речь. Среди этих антологий и работ по истории литературы есть некоторые, имеющие замечательную ценность и представляющие для нас наивысшую ценность.

Кроме того, мы очень благодарны арабским авторам работ по географии. Почти все они основаны на реальных наблюдениях и написаны с практической целью, что дает им большое преимущество перед чисто научными трудами. Однако везде, где география принимает строго научную форму, она обязана системе Птолемея.

Мусульманская философия (наиболее заметными представителями которой были люди неарабского происхождения, персы, испанцы и т. д., хотя все они, естественно, писали на арабском языке) является полностью эманацией греческой философии, хотя она то и дело поднимается до изложения великих оригинальных идей. То же самое верно даже в отношении мистицизма, который в основе своей находится в резком противоречии с научными спекуляциями. Первоначально являясь чужеродным явлением среди арабов, с корнями частично в неоплатонизме и христианстве, частично в индуизме и персидской культуре, он, тем не менее, достиг заметного развития среди мусульман. Все спекуляции были строго ограничены доминирующей религией. Более либеральные умы (которых никогда не было много) были вынуждены проявлять крайнюю осторожность в своих высказываниях, хотя, вероятно, в исламе было больше свободы мысли, чем в христианской Европе.

Но какое бы суждение мы ни выносили об арабской научной литературе в целом, как бы мы ни были готовы признать, что по сравнению с ее огромным объемом доля оригинальности невелика, а доля повторений повторений действительно очень велика, она, тем не менее, в целом значительно превосходит современную литературу Европы. Там мы тщетно будем искать такие произведения, как, *например*, великая «*Книга песен*», которая в разнообразных обликах представляет нам ход развития арабской поэзии вплоть до позднего мусульманского периода, а также жизнь и деяния арабов древних времен и более поздних дворов (X век); или географическое произведение Мукаддаси (X век), работы

Бируни (перса из окрестностей современной Хивы, X и XI века) по хронологии и другим предметам, которые столь же примечательны своим острым наблюдательским умом и строго научным подходом; географический словарь Якута (человека византийского происхождения XII и XIII веков); политико-историческое *введение к хронике Ибн Халдуна* (из Туниса, XIV и XV века) и многие другие. Только к началу эпохи Возрождения Европа постепенно утвердила свое решающее превосходство над Востоком во всех сферах интеллектуальной жизни. Арабская литература имеет для нас особое и огромное значение, поскольку ее обширный запас дает нам всеобъемлющую и яркую картину жизни и мысли в обширных регионах Ближнего Востока. Без нее нам было бы гораздо труднее понять восточные народы древности. С этой точки зрения изучение арабского языка имеет еще большее значение как помощь в правильном понимании Ветхого Завета и клинописных надписей, чем с чисто лингвистической точки зрения для интерпретации еврейского и ассирийского языков.

ВЛИЯНИЕ АРАБОВ НА ЕВРОПУ

Основное влияние арабской науки на европейскую заключается в том, что несколько греческих произведений, переведенных на арабский язык, и несколько арабских произведений, последовавших по стопам греческих, были переведены на латынь либо с оригинала, либо через ивритские версии и таким образом стали учебниками для европейцев. Оригинальные идеи арабских писателей по медицине и математике также могли быть переданы западным народам через переводы их сочинений. По всей вероятности, европейцы время от времени изучали медицину под непосредственным руководством восточных врачей. Переводы некоторых арабских книг с рассказами и баснями, родом из Индии, широко распространялись в Европе. Арабская поэзия практически не оказала влияния на европейскую, разве что некоторые романские стихотворные формы могут быть скопированы из более поздней арабской поэзии. В целом, мы не можем не сказать, что в области интеллектуальной деятельности влияние мусульман на христианский мир было гораздо меньше, чем мы могли бы ожидать, учитывая бесчисленные точки соприкосновения между ними в Испании, Сицилии, на арене крестовых походов и в других местах. С другой стороны, европейцы заимствовали у восточных народов многие детали внешней культуры и роскоши.

ПОЗДНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ АРАБСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В ранний период династии Аббасидов арабская империя продолжала расширяться. Правда, бесконечные войны с Византией не привели к каким-либо постоянным завоеваниям в Малой Азии, но ислам и вместе с ним определенный процесс арабизации продвигались гигантскими шагами, особенно на Востоке. Это продвижение продолжалось даже тогда, когда халифат все больше и больше падал, а его власть переходила к другим деспотам, большинство из которых даже не были арабского происхождения и обычно с видимым почтением относились к халифу как к своему господину, но на деле практически не обращали на него внимания. Более того, Аббасиды никогда не правили Испанией, куда бежал Омейяд, чтобы основать там свою империю, которая вскоре достигла высокой степени процветания. На их месте вскоре возникли другие империи, либо абсолютно независимые от халифата, либо фактически враждебные ему. Но слава арабской цивилизации не претерпела значительного упадка, даже когда халифы были всего лишь марионетками в руках Буидов, которые прибыли в качестве наемников из полуварварского горного района Гилан в Иране и основали могущественную империю (X век). Даже страшная турецкая миграция, приведшая к возникновению гораздо более могущественной империи

сельджуков, оставила многое нетронутым. Оживленная и радостная жизнь утонченной цивилизации по-прежнему сияет со страниц «*Макамат*» Харири (XI век). Крестовые походы действительно принесли больше страданий, чем когда-либо, несчастной земле Палестины, но в целом они затронули народы ислама гораздо меньше, чем те, которые придерживались римской церкви. Нападения монголов стали первым ударом, который уничтожил самый прекрасный цветок исламской цивилизации. Следы разрушений, совершенных этими чудовищами, видны и по сей день. Разрушение Багдада (1258 г.) нанесло страшный удар по арабской культуре. В то время халифат был на самом деле мелким государством, столицей которого был мегаполис, по значимости соперничавший только с Константинополем.

Конец халифата совпал с окончанием славного периода арабской империи и ознаменовал его. Еще до этого монголы уничтожили процветающую цивилизацию Востока, разрушив его великие города и убив их жителей. Остатки арабской культуры нашли убежище в Египте, куда, к счастью, монголы не проникли.

Однако даже это завоевание фактически способствовало распространению ислама. Монголы поселились среди мусульман и вскоре сами приняли ислам. Большая часть Малой Азии уже была завоевана сельджуками, которые принесли туда турецкую национальность и веру ислама, и оттуда возникла империя османских турок, на протяжении веков сеявшая ужас в Европе. В то самое время, когда ислам, после затяжной борьбы, был изгнан из Испании, яростные и фанатичные поклонники Бога Аравии несли знамя его пророка далеко в сторону Европы. И пока войны сражались за славу Аллаха, в теологических школах Османской империи, как и в средние века, усердно изучали арабскую культуру, проводили многочисленные занятия и литературные работы по старым арабским и персидским образцам, и время от времени появлялись труды, имеющие настоящую научную ценность. Это средневековое стремление к знаниям по-прежнему преобладает везде, где господствует ислам, и его сфера, хотя и ограниченная в Европе, имеет огромные масштабы в Азии и Африке, и продолжает расширяться. Правда, во многих исламских странах влияние современной Европы ощущается даже в области образования, но оно не является глубоким, и истинный мусульманский ученый по-прежнему идет по стопам своих предшественников, истинных верующих. А Мекка, родина пророка, с его святилищем и школой теологии, по сей день остается религиозным центром для всех, кто признает его притязания, читает арабские формулы салата и слушает — хотя в большинстве случаев без малейшего понимания — арабскую *Книгу Бога*. Туда благочестивый паломник отправляется хотя бы раз в жизни, если это возможно, и не забывает одновременно посетить могилу Мухаммеда в Медине. Это постоянное стекание паломников со всех концов света в Мекку и влияние, которое оказывают на их родные страны теологи, поселившиеся там временно или навсегда, имеют огромное значение для единства и силы ислама или, по крайней мере, для вероучения, которое он представляет и которое исповедует подавляющее большинство семитских народов. Язык Священного города — арабский, но население представляет собой смесь самых разнообразных национальных элементов.^[27]

ПОЗДНЕЙШИЕ ИСЛАМСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Арабы Аравии (как уже говорилось ранее) давно утратили то место в мировой истории, которое они когда-то занимали в совершенно исключительных обстоятельствах. С тех пор только дважды сильное движение давало о себе знать, по крайней мере, в ближайших исламских землях. В X веке карматы, тайная секта персидского происхождения, враждебная аббасидским халифам и, в глубине души, исламу в целом, прочно обосновалась в труднодоступной части северо-восточной Аравии. Их лидеры сумели привлечь на свою сторону многих бедуинов перспективой добычи, и поэтому караваны паломников часто подвергались массовым убийствам или грабежам; некоторые из крупных городов Вавилонии несколько раз захватывались и разграблялись; сама Мекка была взята во время паломнического праздника; священный Черный камень был унесен (930 г.), и на время было положено конец паломничеству. Эти действия сопровождались большим кровопролитием. Черный камень был в конечном итоге возвращен через двадцать один год после уплаты большого выкупа. Карматы тайно объединились с фатимидами, антихалифской династией в Африке, которая утверждала, что происходит от Али и Фатимы, дочери Мухаммеда. Постепенно они вновь погрузились в неизвестность.^[28] Существует некая связь между вышеупомянутыми событиями и миграцией некоторых бедуинских племен под

покровительством Фатимидов из Аравии в Верхний Египет и более отдаленные районы Северной Африки, где они совершили большие разрушения (XI век).

А в XVIII веке в сердце Аравии возникло пуританское движение Абд аль-Ваххаба, целью которого было восстановление ислама в его первозданной чистоте и отказ от всех нововведений, которые проникли в него с течением времени, от почитания могил святых до курения табака. Ваххабиты на некоторое время подчинили своему влиянию большую часть Аравии, включая святые города, требовали строгого соблюдения предписаний религии (), устанавливали строгий порядок во всех делах и создали условия мира, которых эта страна, обреченная на беззаконие, не знала со времен халифата. Ваххабиты были еретиками в том смысле, что они не признавали «католический» принцип, который был принят в исламе, согласно которому все, что было принято по общему согласию всей церкви, было обязательным для всех людей; хотя, конечно, поддерживалась фикция, что это согласие всегда соответствовало первоначальному характеру веры. Напротив, они всерьез придерживались принципа, который был общепризнанным в теории, что любое нововведение в сфере религии является полностью предосудительным.

Великая простота религии Мухаммеда сделала возможным восстановление ее первозданной чистоты в гораздо большей степени, чем могущественные усилия XVI и последующих веков могли обеспечить возвращение к первобытному христианству; кроме того, условия современной жизни в Аравии не сильно отличались от тех, которые преобладали во времена пророка. Некоторые теологи Османской империи фактически признавали ваххабитов ортодоксальными. Однако эти фанатичные ревнители были неприятны турецкому правительству по нескольким причинам, и поэтому их власть была сломлена Мухаммедом Али из Египта после отчаянной борьбы. Ваххабизм фактически существует до сих пор во внутренних районах Аравии, но под властью двух враждующих династий и (несмотря на то, что он иногда посылал своих посланников даже в Индию) без каких-либо серьезных перспектив распространения. Он прочно укоренился только среди неочевидных арабов. Бедуины никогда не подчиняются ваххабитскому правителю, кроме как под принуждением. Они всегда с неохотой служат хозяину и, хотя и одушевлены мусульманским духом, очень небрежно относятся к выполнению своих религиозных обязанностей. Они даже не колеблются вымогать все, что могут, у караванов паломников, либо открыто нападая на них, либо взимая пошлину за право прохода через их территорию. В целом, жизнь современных бедуинов по-прежнему сильно напоминает жизнь их предков в далеком прошлом, но их интеллектуальный уровень, по-видимому, снизился по сравнению с тем, который был во времена Мухаммеда. Даже количество мест в Аравии, пригодных для ведения сельского хозяйства, по-видимому, сократилось из-за запустения и упадка ирригационных систем.

Тот факт, что несколько точек на побережье имеют некоторое значение для европейской торговли и политики, не имеет никакого значения для страны в целом, по крайней мере, в настоящее время.

СНОСКИ

[1] Делишш, *Wo lag das Paradies*, стр. 295; 304 ff.; Шпрадер, *Keilschrift und Geschichtsforschung*, стр. 202, 261.

[2] В Иеремии iii, 2 и xxv, 24; Иезекииле xxvii, 21; xxx, 5; Иеремии xiii, 20 (из конца плена); Иеремии xxi, 13, עֲדָרָא означает «пустыня».

[3] *Die alte Geographie Arabiens*, стр. 293. Берн, 1875.

[4] См. С. А. Бартон. *A Sketch of Semitic Origins* (Нью-Йорк, 1902), гл. 1, где сравниваются различные мнения по данному вопросу.

[5] Var. Σαρακηνοί как племя.

[6] Cureton, *Spicilegium Syriacum*, 16 ult.

[7] Могущественные шаммары современности, некоторые из которых живут в Неджде, древней родине племени, а некоторые — в пустыне Месопотамии, принадлежат к тай.

[8] То, что целые народы называются по имени определенных пограничных племен соседними народами, не является чем-то необычным, как всем известно.

[9] Эти формы в определенной степени сохранились до наших дней в качестве названия иранского народа в Трансирии и других местах, который принял арабскую религию раньше своих соседей и в результате был назван «арабами». Точно так же позднее сирийцы часто называли всех мусульман «тайтами».

[10] *Acta Martyr.* ed. St. Ev. Assemani, 2, 345, 1.

[11] Migne, *Patrol. græca*, 79, LXXIX, 611 seqq.

[12] Правильный перевод εὐδαίμων в данном контексте. Обычное *felix* или горацанское *beatus* (*Carm.* 1, 29, 1) слишком сильное, как и наше «счастливый».

[13] Название было распространено на весь полуостров, страну, в целом чрезвычайно бедную. Ἀραβία ἔρημος, *Arabia Deserta*, обозначала только сирийскую пустыню, а арабская страна на юго-западе, со столицей в Петре, называется Ἀραβία Πετραία, *Arabia Petræa*, как у Птолемея и в других источниках.

[14] Бытие xxxvii, 25.

[15] *Reste arabischen Heidenthums*, II, 93.

[16] Живое описание этого явления см. в Wellhausen, *Reste*, II, 89 и далее.

[17] См., например, Иисус Навин xi, 20; 1 Царств xv, 33.

[18] S. Nilus in Migne, *Patrol. græca*, 79, lxxix, 611 и далее.

[19] Перевод слова «салат» как «молитва» приводит к недоразумениям. Это религиозное обрядовое действие, совершаемое в соответствии со строгими правилами, с установленными формулами и церемониями (наклоны тела, простирания и т. д.). Добровольная молитва называется «дуа».

[20] Исторические труды этого замечательного ученого заслуживают самой высокой оценки, особенно его *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, 2 тома. Вена, 1875-1877.

[21] Вавилония (арабский Ирак) не должна включаться, как это часто делается, в термин «Месопотамия», который должен ограничиваться совершенно иным регионом на севере, известным на арабском языке как Джезира.

[22] Части Северной Африки к западу от Египта и мусульманские части Западной Европы (Испания).

[23] «Все люди стали арабами» было сказано в 728 или 729 году в отношении иранского народа, принявшего ислам. Те, кто так говорил, использовали бы слово «таджик» для обозначения арабов (см. выше, стр. 4); арабская хроника восстанавливает слово «араб».

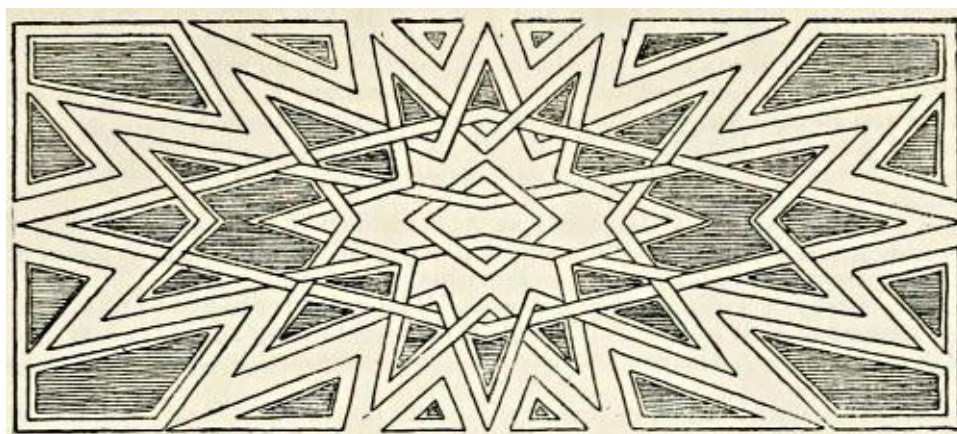
[24] Гольдзихер оказал огромную услугу, доказав, насколько незначительна важность этой формы с чисто исторической точки зрения и как все, что считалось достоверным в определенных кругах, без лишних раздумий приписывалось самому пророку. См., в частности, часть II его *Muhammedanische Studien* (Галле, 1890).

[25] Но «самое ценное наследие в искусстве, поэзии и истории, которое греческий дух завещал нам, никогда не было доступно восточным народам» (Т. J. de Boer, *Geschichte der philosophie in Islam*, Stuttgart 1901, с. 26).

[26] Арабы заслуживают большой признательности за то, что они приняли это блестящее изобретение, индуистскую систему счисления, и передали ее европейцам. Удивительно, что последние продолжали так часто использовать чрезвычайно неудобные римские цифры.

[27] См. Snoucke-Hurgronge, *Mekka* (две части, Гаага, 1888 и 1889).

[28] См. de Goeje, *Mem. sur les Carmathes de Bahraïn et les Fatimides* (Leide, 1886). В этой связи можно отметить, что в наши дни голландцы во главе с де Гоедже оказали гораздо большую услугу в изучении истории и географии арабов, чем школы любой из великих наций.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАРФИЙЦЕВ, САССАНИДОВ И АРАБОВ

Теперь мы возвращаемся к сцене более ранней истории, возвращаясь также и во времени. Перед нашими глазами быстро пролетят события трех великих империй, охватывающие период более семнадцати столетий. Территории, занятые рассматриваемыми народами, были обширны, и сами народы последовательно доминировали в восточном мире и боролись за господство там с Римом. О парфанах и сасанидах следует сказать, что, хотя они сыграли важную роль в сдерживании Рима, в остальном они не имели значительного влияния на Западе; кроме того, Рим не смог бы удержать Восток, даже если бы он его завоевал. Что касается культурного влияния парфян и сасанидов в Европе, то оно было практически нулевым. Совсем иначе обстоит дело с арабами. Это был народ, который не только стал доминирующим на Востоке, но и серьезно угрожал свергнуть и вытеснить всю европейскую цивилизацию; и который, потерпев неудачу в этом, сохранил господство на Востоке и развил собственную культуру, оказавшую сильное влияние на все христианство.

Необходимо понимать, что отношения между парфянами, сасанидами и арабами носят скорее географический и хронологический характер, чем этнологический. Парфяне были свергнуты сасанидами, а сасаниды — арабами. Эти три народа последовательно правили на схожих территориях, и их историю целесообразно рассматривать в последовательности, но следует понимать, что они представляли разные расы и находились друг к другу в отношениях покоренных и завоевателей. К настоящему труду прилагается краткий обзор истории Армении, чтобы сделать его более полным, так же как в предыдущем томе мы привели хронологии различных других небольших народов Западной Азии.

ПАРФИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ (250 г. до н.э. — 228 г. н.э.)

- До н. э. Во время правления селевкидского царя Антиоха II Диодот, наместник Бактрии, захватывает северо-восточные провинции и принимает титул царя. Создание этого царства не устраивает вождей пустынных племен, которые под властью Селевкидов никогда не испытывали прямого контроля, и некоторые из них мигрируют в Парфию. Среди них были два брата, Арсак и Тиридат, из племени парнов. В ссоре, возникшей между ними и Фереклом, предположительно сатрапом Астауэны, последний был убит, а Арсак провозглашен царем в Асааке, к северо-западу от Парфии.
- 250 г. Основание независимой монархии **Арсак I**. Антиох, из-за гражданских и внешних войн, не может предпринять никаких действий против Арсака.
- 248 Смерть Арсака. Его брат **Тиридат** становится преемником, принимая имя Арсак, которое также носят все его преемники в качестве тронного имени. Они принимают титул «царь царей».
- 242 После поражения Селевка Каллиника при Анкире Тиридат вторгается в Парфию, убивает эпарха Андрагора и захватывает провинцию. Затем он захватывает Гирканию и направляет большую армию против Селевка.
- 238 Решающая победа Тиридата над Селевком. Последний вынужден вернуться в Антиохию из-за гражданской войны, и Тиридат получает возможность укрепить свое царство.
- 211 Смерть Тиридата. Его преемником становится его сын **Арсак II**, иногда, но неправильно, называемый **Артабаном**.
- 209 год. Антиох Великий одерживает победу над Арсаком на вершине горы Лабус. Парфяне отступают в Сиринку и подвергаются осаде Антиоха. Капитуляция Сиринки и заключение мирного договора. Арсак сохраняет Парфию, но становится вассалом Антиоха. Парфия остается в покое в течение нескольких лет.
- 191 г. **Фриаптий** или **Арсак (III) Филадельф** наследует престол своего отца. В связи с упадком власти Селевкидов он выступает защитником греков в своем царстве.
- 176 **Фраат I** или **Арсак (IV) Теопатор** наследует престол своего отца. Он завоевывает мардианцев.
- 171 г. Фраат умирает, оставив трон своему брату **Митридату I** или **Арсак (V) Эпифану**, который сразу же присоединяет к своему царству несколько сатрапий Бактрии. Он держит двор в Гиркании.
- 155 После смерти царя Бактрии Евкратиды Митридат продолжает завоевание этой страны. Гиндукуш становится восточной границей Парфии. Митридат обращается к западу.
- 147 Провинция Вавилония отвоевана у Селевкидов. Восток окончательно утрачен македонцами.
- 139 Пленение Деметрия II Сирийского, который пытался утвердиться в Месопотамии.
- 138 Успешная кампания в Элимее. Смерть Митридата. Он сделал Парфию великой державой. Его преемником становится его сын **Фраат II** или **Арсак (VI) Эвергет**. Он присоединяет к царству Маргиану. Столица царства переносится в Мидию.
- 130 Антиох Сидет начинает энергичную кампанию против парфян, которых он побеждает в великой битве на Верхнем Забе. Вавилон и Экбатана возвращены.

- 129 Парфяне заключают тайный договор с мидянами и нападают на Антиоха, чье войско уничтожено, а сам он убит. Фраат вынужден напасть на скифов, которых он пригласил на помощь против Антиоха. Они прибывают слишком поздно, и, поскольку Фраат отказывается им платить, они начинают грабить страну.
- 128 Смерть Фраата в катастрофической битве со скифами. Его дядя, **Артабан I** или **Арсак (VII) Никатор**, сын Фриапатия, становится преемником. Скифы отступают, довольные своей победой; Артабан платит им дань. По-видимому, в этом и следующем царствовании были соперничающие цари. Возможно, это были скифы. Узурпаторы подавлены. Артабан умирает (дата неизвестна) после короткого правления в сражении с тохарами, и его преемником становится его сын **Митридат (II) Великий** или **Арсак (VIII) Теос Эвергет**. Он ведет много войн и одерживает победы над скифами. Потерянные территории возвращены. Евфрат установлен в качестве западной границы царства.
- 94 Митридат возводит Тиграна II на спорный трон Великой Армении.
- 92 Сулла, пропрайтор Киликии, встречается с послом Митридата на Евфрате, стремясь заключить союз с Римом в связи с замыслами Парфии против Сирии. Первый контакт Парфии с Римом. Митридат воюет с Лаодикой, царицей Коммагены.
- 88 Примерно в это время Митридат захватывает Деметрия III и его армию, вскоре после этого умирает, и его преемником становится **Артабан II** или **Арсак IX**. Он последний носит титул «царь царей», который переходит к Тиграну II из Армении.
- 77 **Синатрукс** или **Арсак (X) Автократор**, изгнанник, живший со скифским племенем сакаранцев, в возрасте восьмидесяти лет восходит на престол. Продолжаются войны с Тиграном, который завоевывает Мидию, разоряет Арбелу и Ниневию и вынуждает уступить Адиабену и Нисибис.
- 73 Митридат Понтийский тщетно обращается к Синатруку и Тиграну с просьбой о помощи против Рима.
- 70 **Фраат III** наследует престол своего отца.
- 69 Фраат отказывается помочь Митридату Понтийскому, к которому присоединился Тигран. Тигран предлагает Фраату вернуть ему завоеванные Мидией земли, если тот поможет ему. Фраат колеблется, но
- 66 принимает предложение Помпея и вместе с младшим Тиграном, поссорившимся со своим отцом, готовится к вторжению в Армению. Фраат осаждает Артаксарту, но оставляет младшего Тиграна продолжать. Поражение Тиграна от своего отца. Первый бежит к Помпею. Старший Тигран сдается Помпею, а младший попадает в цепи. Фраат требует освобождения Тиграна, но получает отказ. Фраат возвращает Мидию и вновь принимает титул «царь царей».
- 64 Пока Помпей находится в Сирии, Фраат нападает на старшего Тиграна и наносит ему поражение. Помпей отказывается вмешиваться, но посылает арбитров для урегулирования спора.
- 57 Убийство Фраата его двумя сыновьями, которые делят царство. **Ород** или **Ирод I** захватывает Парфию, а **Митридат III** — Мидию. Последний вскоре изгнан за жестокость, и Ород правит в одиночку. Митридат надеется, что римляне восстановят его, но они вынуждены отправиться в Египет, чтобы восстановить Птолемея XI.
- 55 Он нападает на Орода в одиночку, который бежит, но с помощью Суренаса

- 54 захватывает Митридата в Вавилоне и казнит его. Красс пользуется этой гражданской войной, чтобы вторгнуться в Парфию.
- 53 Сурена наносит римлянам крупное поражение при Каррах. Ород заключает мир с Арменией. Из ревности он казнит Сурену.
- 52 Неудачное вторжение парфян в Сирию.
- 51 Кассий наносит поражение парфянам при Антигонии.
- 50 Сатрап Месопотамии поднимает восстание в пользу Пакора, сына Орода. Пакор отзывается Ородом, и Сирия эвакуируется. Ород делает Пакора своим соправителем.
- После битвы при Филиппах Лабиев, посланный из Рима за помощью к Ороду, советует ему захватить Сирию.
- 40 Пакор, Лабиев и большая армия атакуют Сирию, которая переходит в руки парфян. Все финикийские города, кроме Тира, подчиняются. Парфяне появляются в Палестине, и страна восстает против Ирода и Фасаэля. Гиркан свергнут, а Антигон поставлен на его место. Города Малой Азии, кроме Стратоникеи, открывают свои ворота Лабиеву.
- 39 Вентидий, полководец Антония, изгоняет Лабиева из Малой Азии. Пленение и казнь Лабиева.
- 38 Полное разгромление парфян и смерть Пакора в битве при Киррестике. Парфяне эвакуируются из Сирии.
- 37 Ород, скорбя о потере Пакора, передает корону своему сыну **Фраату IV**. Тот сразу же убивает своих братьев, а затем отца, собственного сына и всех возможных претендентов на трон. Он переносит столицу в Ктесифон. Многие вельможи бегут к Антонию, который планирует войну против Парфии.
- 36 год. Антоний появляется в Атропатене и осаждает столицу. Экспедиция заканчивается неудачей.
- 33 Восстание против Фраата, завершившееся
- 32 неизвестным узурпатором, захватившим трон. Через несколько месяцев его сменяет **Тиридат II**.
- 30 После битвы при Актиуме, которая вынуждает римские войска покинуть Мидию и Парфию, парфяне захватывают Мидию и Армению и ставят Артакса II на армянский трон. Фраат на короткое время восстанавливает свое царство. Тиридат бежит в Сирию, где его защищает Октавиан.
- 27 Тиридат с помощью арабов нападает на Фраата и вынуждает его бежать. Фраат наконец убеждает скифов помочь ему и
- 26 Фраат восстанавливается в престоле. Тиридат бежит к Августу, увозя с собой младшего сына Фраата.
- 23 Август возвращает Фраату сына. В Парфии бушует гражданская война.
- 20 Август посещает Восток. Фраат, испугавшись, возвращает Августу римских пленников и знамена, взятые у Красса и Антония.
- 10 Фраат отправляет свою семью в Рим, чтобы устранить причины гражданской войны, оставив при себе только свою любимую жену Уранию, итальянскую рабыню, подаренную Августом, и ее ребенка Фраата или Фраатацеса.

2 Примерно в это время Урания и **Фраат V** (или **Фраатакс**) убивают Фраата IV. Фраатакс изгоняет Артавазда III из Армении и возводит на престол Тиграна IV. Он также свергает Ариобарзана II из Атропатены (Мидия), который был установлен на этом престоле Августом около 10 г. до н. э. В Атропатене на престол вступает династия парфянских принцев.

1 год н. э.

1 Август заключает соглашение с Фраатесом, который отказывается от всех притязаний на Армению и отправляет своих сыновей в Рим в качестве заложников.

2 Фраат вступает в брак со своей матерью, в результате чего

4 он был свергнут и укрылся в Риме. Парфяне вернули изгнанного князя **Орода II** и сделали его царем. Он оказался жестоким правителем, и по этой причине около

9 года он был убит. Парфяне обращаются к Риму и получают в качестве своего царя **Вононеса I**, старшего сына Фраата IV. Его длительное пребывание в Риме и симпатии к иностранцам делают его непопулярным в Парфии, и

11 **Артабан III**, Арсак по материнской линии, который был царем Мидии (Атропатены), провозглашается претендентом на престол. Сначала он не добивается успеха, но в конце концов побеждает Вононеса при Ктесифоне. Последний бежит и в 16 году избирается царем Армении. Тиберий убеждает его отказаться от этого престола.

19 После смерти Германика Артабан начинает с презрением относиться к римлянам и помещает своего сына Арсака на престол Армении. Он становится настолько суровым правителем, что

35 парфяне обращаются к Тиберию, который вынужден вмешаться. Он убеждает Фарасмана, царя Иберии, выдвинуть своего брата Митридата в качестве претендента на армянский трон. В результате начинается война.

36 Широкомасштабное восстание, спровоцированное Тиберием, приводит к восшествию на престол Тиридата, внука Фраата IV, а Артабан бежит.

37 Артабан примиряется с Римом и восстанавливается на престоле.

40 Смерть Артабана. Его сын **Варданес** наследует престол, но свергается

41 **Готарзом**, главным чиновником Артабана.

42 Варданес возвращает трон благодаря жестокости Готарзеса. Начинается гражданская война.

43 Вардан захватывает Селевкию, а Готарз уходит в Гирканию.

45 Готарз предпринимает неудачную попытку вернуть трон.

46 Варданес убит во время охоты. Готарз вновь занимает трон.

47 Из-за бесправия Готарзеса парфяне просят Клавдия дать им Мехердата (Митридата V), сына Вононеса, в качестве царя.

50 Готарз захватывает Мехердата по дороге в Парфию.

51 Смерть Готарзеса, преемником становится **Вононес II**, бывший царь Мидии и, вероятно, брат Артабана III.

- 54 Смерть Вононеса, преемником которого становится его старший сын, **Вологас I**, сын наложницы; но чтобы компенсировать своим братьям, Вологас ставит Пакора на трон Мидии, а Тиридата — на трон Армении, свергнув узурпатора Радамиста из последней страны. Сын Вардана оспаривает трон у Вологаса и, по-видимому, на некоторое время берет верх.
- 55 Римляне заставляют парфян эвакуироваться из Армении.
- 58 Вологас снова нападает на Армению и вступает в войну с Римом. Восстание в Гиркании. Корбулон разрушает Артаксарту и занимает Тиграноцерту (59).
- 61 Мир в Гиркании восстановлен.
- 62 Возобновление войны с Римом. Римляне отбиты.
- 63 Корбулон пересекает Евфрат, и парфяне просят о мире.
- 72 Аланы изгоняют Пакора Мидийского с престола.
- 75 Аланы входят в Парфию. Вологас тщетно обращается к Веспасиану.
- 78 Примерно в это время умирает Вологас. Его преемниками, по-видимому, стали два царя, **Вологас II** и **Пакор II**, вероятно братья, правившие совместно.
- 81 В этом году королем, по-видимому, является **Артабан IV**. Он защищает Теренция Максима, который притворяется Нероном. Парфия раздирается гражданскими войнами.
- 93 Пакор II становится единственным царем.
- 110 Пакор продает корону Эдессы Абгару VII. Смерть Пакора. Его брат (или, возможно, сын) **Хосров** или **Осров** становится преемником. Вологас II вновь появляется в качестве соперничающего царя, а также **Митридат** или **Мехердат VI**. Парфия полностью потрясена гражданской войной, которая продолжается до
- 113 Хосров отбирает Армению у короля Экседареса и передает ее Партамарису, обоим сыновьям Пакора.
- 114 Император Траян, возмущенный поступком Хосрова, захватывает Армению и делает ее римской провинцией.
- 115 Траян захватывает Ктесифон и Селевкию.
- 116 Восстание в Парфии во главе с Митридатом VI. Смерть Митридата, его место занимает сын Синатрукс. Хосров возвращает Нисибис, Селевкию и Эдессу.
- 117 Траян коронует **Партамаспата** королем Парфии, свергнув Хосрова. Смерть Траяна. Адриан выводит римских солдат, и Хосров возвращает себе трон. Партамаспат изгнан.
- 130 Примерно в это время умирает Хосров, и Вологас II становится единоличным царем. Влияние Рима сохраняет мир в королевстве.
- 148 Смерть Вологаса, прожившего девяносто шесть лет и правившего семьдесят один год. **Вологас III** становится преемником. Он продолжает мир с Римом до
- 162 году, когда после смерти Антонина Пия Вологас вторгся в Армению и изгнал царя. Началась величайшая война между Римом и Парфией.

- 164 Аридий Кассий изгоняет Вологаза из Сирии, входит в Вавилонию и сжигает Селевкию, самый важный город Востока.
- 165 Великая чума, возникшая в Парфии, распространяется по всему миру.
- 166 Мир с Римом. Месопотамия становится римской провинцией. Парфия начинает неуклонно приходить в упадок.
- 191 Смерть Вологаза III. **Вологаз IV** становится преемником.
- 194 г. Вологаз разрешает мидянам помочь Орхене в восстании против римлян.
- 196 Парфяне разоряют Месопотамию.
- 199 Северус нападает на парфян и захватывает Селевкию, Кох и Ктесифон.
- 201 Осада Атры Севером, который вынужден сдать город.
- 209 Вологас сменяется на престоле своим сыном **Вологасом V**.
- 213 Его брат **Артабан (IV)** выступает претендентом на трон. Гражданская война.
- 215 Каракалла требует выдачи Тиридата, брата Вологаса IV, который укрылся у Вологаса V. Последний отказывается выдать его. Каракалла объявляет войну, и изгнанник выдается. Артабан берет верх и удерживает Ктесифон. Каракалла объявляет войну Артабану за отказ последнего выдать свою дочь за римского императора.
- 216 г. Римляне проникают в Арбелу.
- 217 После смерти Каракаллы огромная парфянская армия вторгается в Месопотамию. Макрин терпит поражение и покупает мир.
- 222 Артабан заменяет своего брата во главе всей Парфии.
- 224 Ардашир, сасанидский царь Персии, вторгается в Парфию и захватывает несколько городов.
- 227 Битва при Хормизджане. Победа Ардашира и смерть Артабана.
- 228 Ардашир завершает свое завоевание. Конец Парфянской империи.

ИМПЕРИЯ САСАНИДОВ (228-651 гг. н. э.)

- В то время как Аршакиды правили своим царством и господствовали над мелкими царями соседних стран, правители Персии (или собственно Персии) занимали, по-видимому, изолированное положение и не входили в состав Парфянской империи. В начале III века н. э. персидские цари утратили всякую власть над империей; всей страной правили местные властители. Одним из них был Пабак, сын и потомок некоего Сасана из Хира. Пабак завоевал значительную территорию за пределами своих владений. После его смерти право на престол Шапура или Сапора, старшего сына, оспаривал Ардашир, младший сын. Сапор умирает внезапно, и Ардашир казнит своего другого брата и в 211 или 212 году н. э. занимает его трон. Около 224 года он вторгается на земли «великого царя» Парфии Артабана IV, и к 228 году завоевание завершено, а титул «великого царя» переходит к Ардаширу. Он делает своей столицей Ктесифон.
- 228 г. Основание империи Сасанидов **Ардаширом** или **Артаксерксом**. Он проводит свое правление, расширяя и укрепляя свою империю.
- 236-238 гг. Война с Римом. Захват Нисибиса и Карр.
- 241 Смерть Ардашира. Его преемником становится его сын **Шапур** или **Сапор I**.

- 242 г. Сапур проникает в Антиохию, но отбит римлянами.
- 244 Филипп заключает униженный мир с Сапором. Мир царит до
- 251 года, когда Сапор вторгается в Армению и изгоняет короля. Персы теперь совершают неоднократные вторжения в Сирию.
- 258 Римский император Валериан выходит на поле боя против персов.
- 260 Сапор захватывает Валериана. Он продвигается в сторону Малой Азии, но отбит Оденатом, царем Пальмиры, который осаждает Ктесифон. Сапор не получает постоянных территориальных завоеваний. Во время его правления Мани проповедует свои учения, направленные на слияние христианства и зороастризма, что приводит к образованию манихейской секты.
- 272 или 273 г. Сапора сменяет его сын **Хормуз (Хормизд)** или **Хормисдас I**.
- 274 Смерть Хормуза и вступление на престол его брата (?) **Бахрама** или **Варана I** — слабого принца, склонного к удовольствиям. Мани казнен во время его правления. Преследование манихеев и христиан.
- 277 г. **Бахрам** или **Варан II** наследует престол своего отца. Он ведет войну с Римом, которая заканчивается
- 282 заключает мир с Пробом.
- 283 После убийства Проба Карус вторгается в Персию, захватывает Ктесифон и Кох и внезапно умирает. Начинаются гражданские войны, вероятно, возглавляемые братом короля при поддержке варварских племен на северо-западе.
- 294 Смерть Бахрама. За престол, по-видимому, борются **Бахрам** или **Варан III**, вероятно, сын Хормуза, который правит недолго, и **Нарсес** или **Нарсех**, который вскоре берет верх.
- 297 Нарсех занимает Армению и наносит поражение римскому полководцу Галерию.
- 298 Мир с Римом после крупного поражения Нарсега от Галерия. Армения и Месопотамия уступлены Риму. Мир длится сорок лет.
- 303 Отречение Нарсега в пользу своего сына **Хормуза II**.
- 310 Смерть Хормуза. Его сын **Адхарнарсех** наследует престол, но вскоре свергается за жестокость. Его братья убиты или заключены в тюрьму, и новорожденный (или еще нерожденный) сын Хормуза, **Шапур** или **Сапор (II) Постум**, избран королем. Он оказывается величайшим из Сасанидов.
- 337 Сапор начинает долгую войну с Римом из-за того, что последний принимает христианство.
- 339-340 Ужасные гонения на христиан в Персии. Война с Римом продолжается. Шапур стремится захватить Нисибис и подчинить Армению.
- 348 Великое поражение императора Констанция в битве при Сингаре.
- 350 г. Сапор почти добивается успеха в захвате Нисибиса, но проблемы с варварами на Востоке вынуждают его снять осаду.
- 350-358 Война на Востоке приводит к почти полной приостановке конфликта с Римом.
- 358 Мир на Востоке, римляне просят о мире. Шапур отказывается, и война продолжается.

- 359 Сапор захватывает Амиду, но римляне отвоевывают ее в следующем году. Военные действия приостанавливаются до
- 363 года, когда император Юлиан пытается нанести Сапору смертельный удар. Он захватывает Селевкию, но не может взять Ктесифон. Юлиан погибает в бою. Его преемник Джовиан заключает позорный мир с Сапором, уступая ему земли к востоку от Тигра и часть Месопотамии с Нисибисом и Сингарой. Римляне также соглашаются не помогать Арсаку Армянскому, и Сапор выступает против него.
- 365-366 гг. Завоевание Армении и Иберии Сапором.
- 371 г. Римляне пытаются вернуть Армению, но терпят неудачу из-за начала готской войны.
- 379 Смерть Шапура, преемником становится его брат **Ардашир II**.
- 383 или 384 г. Ардашир свергнут дворянами, к которым он относился очень сурово. На престол вступает **Шапур** или **Сапор III**, вероятно, сын Сапора II. Он заключает окончательный мирный договор с Римом.
- 388 или 389 г. Убийство Сапура знатными. Его брат (или, возможно, сын) **Бахрам** или **Варанес III** становится преемником.
- 390 год. Раздел Армении между Персией и Римом по договору. Этот раздел продлился практически до арабского периода.
- 399 г. Убийство Бахрама. Его преемником становится **Йездегерд** или **Джездегирд (I) Грешный**, сын Сапора I или Сапора II. Он дружелюбно настроен по отношению к Риму, и Аркадий назначает его опекуном своего сына Феодория. Он возводит своего сына Сапора на престол Персидской Армении.
- 420 Смерть Йездегерда, вероятно убитого знатными. Сапор спешит из Армении, чтобы занять трон, но убит. Некий Хосрав или Хосрой становится королем, но другой сын Йездегерда, **Бахрам** или **Варанес (V) Дикий Осел**, с помощью арабов, среди которых он жил в изгнании, удается занять трон. Это первое вмешательство арабов в дела Персии.
- 421 г. Начинается война с Римом, вероятно, спровоцированная враждебно настроенными к королю дворянами. Персы потерпели поражение, и
- 422 заключается мир, дающий религиозную свободу христианам в Персии и зороастрийцам в Римской империи. Во время этого правления ведутся постоянные войны с гефталитами или белыми гуннами.
- 429 Бахрам превращает Персидскую Армению в провинцию.
- 438 или 439 г. Бахрам сменяется на троне своим сыном **Йездегердом II**, который жестоко обращается с евреями и христианами. Он терпит тяжелые поражения от белых гуннов.
- 451 В Персидской Армении вспыхивает сильное восстание, вызванное религиозными преследованиями, которое с трудом подавляется.
- 457 Смерть Йездегерда и борьба за трон между его двумя сыновьями, **Хормузом III** и **Перозом** или **Перосесом**. Последний в конце концов одерживает победу благодаря помощи белых гуннов. Пероз преследует евреев и христиан, но благосклонно относится к несторианцам, когда их изгоняют из Рима.
- 484 Поражение и смерть Пероза в великой битве с белыми гуннами, с которыми он вел войну в течение нескольких лет (). Восстание в Армении подавлено Зармиром. Брат Пероза, **Балаш**, становится королем. Он казнит своего брата Зареха, претендента на трон.

- 488 или 489 г. Балаш свергнут знатными и ослеплен. Его преемником становится **Кавад I** или **Кобад**, сын Пероза. Кобад благосклонен к Маздаку и его новой коммунистической религии, в результате чего
- 496 году свергнут и заключен в тюрьму. Его брат, **Джамасп** или **Замес**, восседает на троне. Кобад бежит к белым гуннам и с их помощью
- 498 или 499 году возвращает свое королевство.
- 502 год. Кобад начинает изнурительную войну с Римом, которая открывает путь для арабских завоеваний. Он захватывает Феодосиополь, столицу Римской Армении.
- 503 Падение Амиды и ужасная резня жителей. Римляне отвоевывают город в следующем году.
- 506 Заключение мира с Римом. Римляне строят великую крепость в Даре.
- 521 Возобновление войны с Римом. Велисарий впервые выходит на фронт в качестве генерала. Нарсес и его брат покидают Кобада и присоединяются к армии Юстина.
- 529 Мундхир из Хиры вторгается в Сирию. Кобад убивает маздукитов, которые стали слишком сильными.
- 531 год. Кобад проводит кампанию в Сирии. Велизарий заставляет его повернуть назад. Поражение Велизария при Ракке. Успехи персов в Месопотамии. Смерть Кобада и перемирие с Римом. Его преемником становится **Хосрав** или **Хосров (I) Справедливый**, его сын. Его мудрое внутреннее правление приносит королевству огромную пользу.
- 532 Заключение «вечного мира» с Римом.
- 540 Хосров, завидуя завоеваниям Велизария в Африке и Италии, вступает в войну с империей. Он вторгается в Сирию, захватывает Антиохию, подчиняет Дару. Ктесифон захвачен.
- 541 г. Хосров захватывает Петру в Лазистане.
- 546 Рим покупает перемирие за большую сумму.
- 551 Сын Хосрова поднимает восстание в Сузиане. Он схвачен и частично ослеплен.
- 560 Турки отбирают у белых гуннов правый берег Оксуса. Бактрия становится частью царства Хосрова.
- 562 Заключен пятидесятилетний мир с римлянами.
- 570 Хосров отправляет экспедицию против христиан-абиссинцев в Йемене. Он подчиняет их данью.
- 571 Начинается война с Римом из-за угрозы потери Персидской Армении.
- 573 Хосров захватывает Дару. Война продолжается.
- 579 Смерть Хосрова, его преемником становится его сын **Хормуз** или **Хормисдас IV**. Он становится суровым, но справедливым правителем. Его правление наполнено войной с Римом и жестокой войной с турками.
- 589 Генерал Бахрам потерпел поражение от римлян на Кавказе. Он был смещен Хормузом и поднял восстание. Сын царя, Хосров, присоединился к мятежникам.
- 590 Гормуз свергнут и вскоре казнен. Его преемником становится его сын **Хосрав** или **Хосров (II) Парвез**. Бахрам оспаривает корону и захватывает власть. **Бахрам** или **Варан VI** подавляет восстание в Ктесифоне.

- 591 г. Хосров восстанавливает свой трон с помощью императора Маврикия. Бахрам бежит к туркам и убит. Хосров укрепляет свою власть и казнит своего брата Биндо. Другой брат, Бистам, бежит в Мидию и провозглашает себя царем.
- 595 или 596 Смерть Бистама.
- 604 Начинается война с Римом из-за узурпации Фоки. Дара захвачен Хосроем.
- 606-608 Персы вторгаются в Малую Азию. Они продвигаются до Халкидона.
- 610 год Хосров упраздняет царство Хира.
- 614 Персы захватывают Дамаск.
- 615 Персы захватывают Иерусалим и Святой Крест.
- 616 Персы вторгаются в Египет.
- 617 Персы занимают Халкидон.
- 622 Ираклий лично выступил против персов и постепенно отвоевал персидские завоевания.
- 628 Ираклий доходит до Ктесифона, но не может его взять. Восстание в Ктесифоне. Хосров и большая часть его семьи убиты. Его старший сын **Кавад (Кобад) II**, или **Сироэс**, становится королем. Он убивает большинство своих братьев и просит мира у Римской империи. Вспыхивает страшная чума, и Кобад умирает. Его преемником становится его младенец-сын **Ардашир III**. Он является последним мужчиной из династии Сасанидов. На трон претендуют многие соперники. Хосров, сын Кобада II, провозглашает себя королем в Хорасане, но вскоре убит.
- 629 Святой крест возвращается Ираклию. Генерал Шахрбараз получает поддержку Ираклия в своих притязаниях на трон. Он захватывает Ктесифон.
- 630 Убийство Ардашира, за которым следует убийство Шахрбараза. **Боран** или **Пуран**, дочь Хосрова II, занимает трон. Она заключает договор с Ираклием.
- 631 Боран сменяет **Пероз (Перосес) II**, который правит недолго; затем трон занимает **Азармидохт**, сестра Боран. **Хормуз V**, внук Хосрова II, недолго правит частью страны.
- 632 Азармидохт свергнута Рустемом, наследственным маршалом Хорасана. **Феррукзад** недолго правит в Ктесифоне.
- 632 или 633 г. Некоторые вельможи выдвигают на престол **Йездегерда III**, внука Хосрова II, и коронуют его. Феррукзад убит, а Йездегерд признан единственным королем. Он отказывается принять ислам по приглашению Абу Бекра, и мусульмане вторгаются в Персию.
- 636 год. Поражение персов от мусульман при Кадесии, или Кадисии.
- 640 или 642 год. «Победа побед» арабов над персами при Нехавенде. Последняя великая персидская армия разгромлена. Аристократы постепенно подчиняются арабским вождям. Йездегерд изгоняется из одного места в другое, постоянно лишается все большей и большей власти, пока в 651 году не убит, и Персия становится частью мусульманских владений.

АРАБЫ

ДОИСЛАМСКАЯ ЭПОХА

До мусульманских завоеваний Аравия была разделена на ряд местных монархий. В них мы различаем два различных происхождения.

- (1) Те, которыми правили представители южного происхождения — настоящие арабы, или кахтаны. Их монархии образовывали кольцо вокруг дикого и пустынного центра полуострова.
- (2) Центр Аравии занимали кочевые народы — арабы-мустаребы северного происхождения, потомки мифического Аднана.

КАХТАНСКИЕ ЦАРСТВА (около 380 г. до н. э. — 634 г. н. э.)

Королевство Йемен является самым важным и могущественным из них. Оно занимает часть древней Аравии Феликс. Потомки Кахтана и Химьяра — имена африканского происхождения — его монархи правят всей южной Аравией с 380 года до нашей эры, с небольшими перерывами. Столица сначала находится в Маребе, а затем в Сане. Северные королевства являются более или менее вассальными. Персы, греки и македонцы не предпринимают попыток завоевать Аравию, если не считать пограничных стычек Антигона и Птолемея. Рим имел в виду ее завоевание. Помпей, первый, кто предпринял попытку, потерпел неудачу, и только в

25 г. до н. э.

году н. э. Элий Галл, префект Египта, предпринял экспедицию по приказу Августа. Его армия не смогла выдержать тяготы пустыни, и в следующем году арабы изгнали ее остатки. Позднейшие попытки Траяна и Севера не увенчались успехом за пределами границы, и Босра и Петра стали крайними пределами римского господства.

100

100 Вероятная дата великого наводнения Арем или Мареб, которое привело к основанию других арабских королевств.

529 г. Абиссинцы под предводительством Арята вторгаются в Йемен, чтобы отомстить за христиан, преследуемых королем **Дху-Новасом**. Дху-Новас убит, и абиссинцы правят королевством до

605 года, когда Саиф при помощи Хосрова Великого восстанавливает династию Кахтани, но она становится зависимой от Персии.

634 г. Мусульманское завоевание Йемена.

КОРОЛЕВСТВО ХИРА (195-610 гг. н. э.)

Второе по значимости после Йемена. Расположено в Ираке. Основано около 195 года н. э. **Маликом**, оно более или менее подчиняется персам, но осуществляет значительный контроль над арабами-мустаребами.

529 г. **Мундхир III**, царь Хиры, изгнанный с трона Кавадом I Персидским из-за своей чрезмерной мощи, вторгается в Сирию, жестоко разоряя страну вплоть до Антиохии. Он убивает Хариса, которого Кавад поставил правителем своего царства, и в конце концов сам погибает в 554 г. от рук римского вассала.

610 год Хосров II положит конец царству Хиры.

ЦАРСТВО ГАССАН (300-636 гг. н. э.)

Основано около 300 года **Талабой**, первым, кто принял титул короля. Его преемники правят до 636 года, когда **Джабала VI** сдается мусульманам.

КОРОЛЕВСТВО КИНДЕ

Небольшое королевство йеменского происхождения, которое отделилось от Ирака в V веке н. э. и просуществовало около 160 лет, после чего было поглощено мустаребами.

КОРОЛЕВСТВА МУСТАРЕБ

Северные племена, населявшие центральную Аравию, или Аравию Петрею, объединились в пять королевств:

Рабия, в восточной части полуострова.

Каис, или Каис-Айлан, на севере.

Хавазин, на севере.

Тамин, в центре.

С момента своего основания они были более или менее зависимыми от Йемена до

500 года они обретают независимость под руководством Колайба, который пытается объединить свой народ в единую конфедерацию, но его план срывается из-за его убийства. Племена теперь ведут воинственную, неорганизованную жизнь, постепенно вторгаясь в царства Кахтани. В этот период племя Корейш становится влиятельным. Традиция приписывает их происхождение Измаилу, и они становятся хранителями священной Каабы. Это дает им превосходство над всеми другими арабскими кланами, и в начале VII века н. э. племя Корейш и его союзники из Мустареба являются самой могущественной конфедерацией в Аравии, а царства Кахтани становятся более или менее вассалами Персидской и Византийской империй.

КОРОЛЕВСТВО НАБАТЕЯ

Набатейцы — известный народ древней Аравии. Достоверные сведения об их истории относятся только к 312 году до н. э., когда Антигон не смог захватить их крепость Петра. Диодор описывает их как скотоводческий и торговый народ, сохранивший свою свободу в засушливой стране Аравия Петра. После падения Селевкидов они расширяют свою территорию на плодородные земли к востоку от Иордана. Они занимают Хауран. Помпей подчинил их себе, а в 105 году н. э. Траян захватил Петру и разбил набатейское государство.

МУХАММАД И ЕГО ПРЕЕМНИКИ (570-661 гг. н. э.)

Около 570 г. Рождение **Мухаммеда** в Мекке в знатной семье корейшей.

605-610 гг. Годы медитации, в течение которых были разработаны принципы ислама.

- 610 год «Призыв», Мухаммед начинает обращать людей в свою веру. Сопротивление его учениям среди мекканцев усиливается, пока
- 622 года он бежит с группой последователей в Медину. Хегира. Начало мусульманской эры.
- 623 г. Построена первая мечеть. Мухаммед становится воином.
- 624 Первая битва за веру с мекканцами при Бедре. Победа Мухаммеда.
- 625 Битва при Оходе и победа мекканцев.
- 627 Война в Яме. Корейши заключают соглашение с Мухаммедом.
- 628 Война против евреев Хайбара.
- 629 Война против греческих подданных в Аравии.
- 630 Мухаммед движется на Мекку. Он завоевывает ее. Война с хавазинами. Быстрое распространение ислама.
- 632 Смерть Мухаммеда. Он оставляет весь полуостров, за исключением нескольких племен, под единым скипетром и единой верой. Его тесть, **Абу Бакр**, избран халифом, или представителем. Армия под командованием Халида выдвигается против Византийской империи. Абу Бакр подавляет восстание в Неджде и Йемене и защищает Медину.
- 633 г. Халид, находящийся на нижнем Евфрате, получает приказ отправиться в Сирию.
- 634 г. Халид захватывает Босру и захватывает Хауран. Смерть Абу Бекра. Его преемником становится **Омар**.
- 635 Захват Дамаска.
- 636 Эмеса, Гелиополис, Халкис, Верия и Эдесса присоединяются к мусульманской империи. Битва при Йермуке. Ираклий отдает Сирию мусульманам.
- 637 Битва при Кадесии, или Кадисии, и победа над персами. Омар захватывает Иерусалим, а затем Алеппо и Антиохию.
- 638 Месопотамия завоевана мусульманами, а также Тарс и Диар-Бекр.
- 639 Вторжение Амру в Египет.
- 641 Битва при Нехавенде и великая победа мусульман над персами. Большая часть персидской знати примиряется с мусульманами. Царь Йездегерд бежит в отдаленный уголок королевства, где удерживает остатки власти до 651 или 652 года. Захвачен Александрия.
- 644 Смерть Омара, преемником которого становится слабый правитель **Османа**, позволяющий власти перейти в руки знати Корейша.
- 647 г. Вторжение Абдаллаха в Африку. Победы арабов, изгнание римлян.
- 649 г. Вторжение на Кипр.
- 650 Завоевание Арада.
- 652 Завоевание Армении.
- 654 Завоевание Родоса.
- 655 Поражение императора Констанса от мусульман в морском сражении у горы Феникс в Ликийи.

- 656 Убийство Османа группой, выступавшей против растущей мирской ориентации ислама. **Али**, представитель оппозиции и зять Мухаммеда, становится преемником. Битва при Верблюде. Али одерживает победу над своими противниками. Моавия, правитель Сирии, возглавляет противников Али и подстрекает их к мести.
- 657 г. Али вторгается в северную Сирию. Битва при Сиффине. Теократическая фракция восстает против Али.
- 658 Решение арбитров, Али и Муавии; побеждает последний. Заключение мира с Византийской империей. Египет завоеван для Муавии.
- 660 Перемирие между Али и Муавией, разделяющее халифат на восточную и западную части.
- 661 год. Заговор хариджитов с целью убийства Али, Муавии и Амру. Гибнет только первый. Его преемником становится сын **Хасан**, но он отрекается от престола в пользу Муавии.

ДИНАСТИЯ ОМЕЙЯДОВ (661-750 гг. н.э.)

- 661 г. **Муавия** возглавил воссоединенный халифат. Противники Муавии постепенно были уничтожены. Столица была перенесена в Дамаск.
- 662-663 Великое вторжение в Малую Азию. Смерть Амру.
- 668 Мусульмане продвигаются к Халкидону и на короткое время захватывают Амориум.
- 669 г. Великое вторжение в Сицилию.
- 670 Основание Кайруана.
- 673-677 Мусульмане осаждают Константинополь, но в конце концов отбиты с помощью греческого огня.
- 676 г. Язид, сын Муавии, назначен наследным принцем. Наследственное назначение становится прецедентом.
- 678 Заключение тридцатилетнего мира с Константином IV Константинопольским.
- 680 Смерть Муавии. Его преемником становится **Язид I**. Фракция Али отказывается признать его власть. Хосейн, сын Али, и его сподвижники убиты.
- 681 Абдаллах бен Зобейр провозглашает себя халифом.
- 683 г. Восстание и разграбление Медины. Дело Ибн Зобейра набирает обороты. Он поддерживает соперничающий двор в Мекке и восстанавливает Каабу.
- 684 Смерть Йазида. Его слабый сын, **Муавия II**, правит всего несколько месяцев. **Мерван** избран его преемником.
- 685 Смерть Мервана. Его сын **Абдул-Малик** становится преемником. Мир с императором Юстинианом II.
- 685-687 Восстание Мухтара. Он потерпел поражение и был убит.
- 689 Абдул-Малик казнил Амру.
- 692 Смерть Ибн Зобейра. Правительство Омейядов признается без споров.
- 692-693 гг. Мусульмане разоряют Малую Азию и Армению, но вынуждены принять мир.
- 695 Мир нарушен. Арабская монета впервые заменяет монету Византийской империи.

- 697-698 Вторжение Хасана в Африку. Взятие Карфагена. Последние остатки Римской империи исчезают с южного побережья Средиземного моря.
- 705 Смерть Абдул-Малика и вступление на престол его брата **Валида I**, уже назначенного наследником халифата (). Его правление знаменует собой кульминацию славы Омейядов. Основаны школы, поощряются все виды общественных работ.
- 709 Завоевание Тианы мусульманами.
- 711 Вторжение в Испанию по инициативе Хулиана, губернатора Сеуты. Битва при Ксерксе. Тарик уничтожает королевство вестготов.
- 712 Мусульмане захватывают Антиохию в Писидии. В эти годы генералы Котайба и Мухаммед ибн Касим добиваются больших успехов в Азии.
- 715 Смерть Валида и вступление на престол **Сулеймана**, заранее назначенного наследника.
- 716 Мусульмане вторгаются в Малую Азию. Осада Амория. Город освобождает Лев Исаврийский.
- 717 Осада Пергама. Осада Константинополя. Смерть Сулеймана. На престол вступает назначенный наследник **Омар II**, внук Мервана I.
- 718 Отпор мусульманам в Константинополе. В отместку халиф исключает всех христиан из государственной службы. Правление Омара не отличается какими-либо важными военными событиями. Оно знаменует начало движения Аббасидов в пользу потомков Аббаса, дяди пророка, которые приобретают халифат.
- 720 Смерть Омара. Преемником становится **Язид II**, сын Абдул-Малика. Язид ибн Мухаллаб, который несколько лет находился в немилости, собирает небольшую армию и захватывает Басру (Бассору).
- 721 Смерть Ибн Мухаллаба в сражении. Мусульмане пересекают Пиренеи и захватывают Нарбонну, но, потерпев поражение под Тулузой, отступают под командованием Абд ар-Рахмана.
- 724 Смерть Язида. Его преемником становится его сын **Хишам**, назначенный наследником. Он является суровым и набожным правителем.
- 725 Восстание Аббасидов в Балхе. Продолжаются беспорядки, связанные с Аббасидами.
- 726 Мусульмане вторгаются в Каппадокию.
- 734 Вторжение мусульман в Малую Азию.
- 737 Восстановление мира в аббасидской фракции.
- 739 Великое поражение мусульман от византийцев при Акроиноне. Смерть Сиды (Саида) аль-Баттала. Сарацинская держава перестает быть грозной для империи.
- 743 Смерть Хишама. Его племянник, **Валид II**, становится преемником. Разврат и безбожность Валида делают его ненавистным. Язид, сын Валида I, принимает титул халифа и принимается в Дамаске в отсутствие Валида.
- 744 Смерть Валида в сражении с его соперником. Его преемником становится **Язид III**. Становятся заметными признаки распада. Абд ар-Рахман ибн Мухаммед провозглашает себя независимым в Африке. Восстание в Эмесе из-за смерти Валида и поражение повстанцев в проходе Орла. Мерван, дед Язида, пытается получить халифат. Язид назначает его губернатором Месопотамии. Смерть Язида после шести месяцев правления. Его брат Ибрагим становится преемником. Мерван выдвигается на Дамаск. Ибрагим бежит после двух месяцев правления, и **Мерван II** признается халифом.

746 г. Мусульманское вторжение на Кипр.

750 В результате волнений в восточной части империи Аббасид Абул-Аббас принимает титул халифа. Война между Омейядами и Аббасидами. Битва при Забе. Поражение Мервана и падение династии Омейядов.

ДИНАСТИЯ АББАСИДОВ (750-1258 гг. н. э.)

750 г. **Абул-Аббас** устанавливает халифат. Он казнит всех принцев Омейядов (кроме Абд ар-Рахмана ибн Муавии, который бежит в Африку). Из-за его жестокости вспыхивают восстания, но они подавляются. Абул-Аббас устанавливает свою резиденцию в Анбаре.

754 Смерть Абул-Аббаса. Он назначил своим преемником своего двоюродного брата **Абу Джафара (Аль-Мансура)**. Абдалла ибн Али поднимает восстание, но терпит поражение при Нисибисе. Несколько восстаний подавляются. Восстание в Африке, которая отныне только номинально принадлежит халифам.

755 год. Мусульмане Испании избирают халифом Абд ар-Рахмана ибн Муавию. Испания утрачена в пользу Аббасидов.

756 Основание западного халифата Омейядов.

756-757 Вторжение в Малую Азию. Захват Малатии. Разгром византийцев в Киликии. Семилетнее перемирие с императором.

762 Багдад становится столицей халифата.

763 Мухаммед Махди падает в бою, после того как провозгласил себя халифом. Его брат Ибрагим также поднимает восстание и гибнет в бою.

775 Смерть Мансура. Его преемником становится его сын **Мухаммед (Аль-Махди)**. Он сразу же занимается улучшением внутренних условий и восстановлением мира. Восстание Хакима в Хорасане. Продолжение вторжения в Малую Азию.

780 Захват Семалуоса Харуном ар-Рашидом.

782 Возобновление войны между мусульманами и византийцами. Победа последних в Киликии. Харун ар-Рашид принимает командование. Он марширует к Босфору и заставляет императрицу Ирину платить большую ежегодную дань.

785 г. Восстание старшего сына Махди, Мусы, из-за того, что Харун был избран наследником. Смерть Махди по пути на подавление восстания. Муса, принявший титул Хади, становится преемником. Подавление восстания Хосейна ибн Али.

786 Хади пытается отстранить Харуна от халифата и по инициативе своей матери подвергается репрессиям. **Харун ар-Рашид**, самый прославленный из халифов, без сопротивления становится преемником.

789 г. Арабы вторгаются в Румынию.

792-793 Подавление партии, образованной Яхья ибн Абдаллахом.

797-798 Непрерывные победы над византийцами заставляют императрицу Ирину просить о мире. Хазары изгнаны из Армении.

800 В Кайруане основана династия Аглабитов.

801 Харун посылает посольство к Карлу Великому.

- 802 Император Никифор отказывается продолжать выплату дани. Харун совершает настолько разрушительное вторжение в Малую Азию, что Никифор просит о мире. В следующем году он нарушает мир, и все повторяется.
- 804-805 Восстание в Хорасане.
- 806 После возобновления военных действий возобновлен мир с Никифором.
- 808 Основание династии Эдриситов в Фесе.
- 809 Смерть Харуна по дороге на подавление беспорядков в Хорасане. Его правление — период расцвета искусства и науки. Его преемником становится сын **Эмин**. Его правление в основном занимает восстание его брата Мамуна, который постепенно переманивает на свою сторону все провинции, кроме Багдада.
- 813 Пленение и убийство Эмина. **Мамун** провозглашен в Багдаде. Гражданская война продолжается.
- 817 г. Мамун назначает Мусу ибн Али наследником престола, после чего жители Багдада объявляют Мамуна свергнутым и избирают его дядю Ибрагима халифом. Внезапная смерть Мусы.
- 820 Назначение Тахира губернатором Хорасана, где его потомки правят до 872 года — иногда называются династией Тахиритов.
- 829 Евфимий приглашает мусульман из Африки на Сицилию. Они захватывают Палермо.
- 831 Мусульмане начинают длительное вторжение в Малую Азию.
- 832 Захват Гераклеи.
- 833 Смерть Мамуна. Его правление — это «августовская эпоха» арабской литературы. Перевод научных и философских трудов с греческого языка. Мамун приказывает измерить градус окружности Земли. Престол наследует назначенный наследник, его брат **Мутасим**. Партия, поддерживающая сына Мамуна, Аббаса, подавлена. Мутасим нанимает турок в свою охрану, и их эксцессы вызывают восстание в Багдаде. Халиф переносит столицу в Самарру.
- 836 Император Феофил разрушает Запетру в своей жестокой войне против мусульман.
- 838 Победа мусульман при Дасимоне. Амориум захвачен. Второе восстание Аббаса, который умирает в тюрьме.
- 841 Смерть Мутасима. Его преемником становится его сын **Ватик**. Халифат начинает приходить в упадок.
- 845 Перемирие с императрицей Феодорой.
- 847 Смерть Ватика. Государственные чиновники избирают его сына Мухаммеда преемником, но сразу же отзывают свой выбор и заменяют его братом Ватика, **Мутаваккилом**. Он известен своей жестокостью и преследует евреев и христиан.
- 852 Серьезное восстание в Армении, подавленное за четыре года.
- 858 Начало великой войны с византийцами в Малой Азии. Мусульмане захватывают византийского полководца.
- 860 г. Поражение византийцев под Мелитене.
- 861 Убийство Мутаваккиля его турецким охранником, подкупленным его сыном **Мунтасиром**, который захватывает халифат.

- 862 Смерть Мунтасира, вероятно, от яда. Его двоюродный брат Ахмед, принявший имя **Мустайн**, избран преемником турецкими солдатами.
- 863 Великая победа византийцев над мусульманами при Амасии. Смерть генерала Омара. Наступает мир на несколько лет.
- 866 Турки восстают против Мустаина и выбирают его брата **Мотаза** халифом. Капитуляция Мотаза, который казнен. Он пытается освободиться от ига турецкой армии.
- 869 Турки осаждают халифа, который попадает в плен и умирает. Халифом избирается **Мутахиди**, сын Ватика. Он тщетно пытается реформировать империю.
- 870 Мутахди убит турками. **Мутамид**, сын Мутаваккиля, избран халифом. Он ограничивает власть турецкой армии и восстанавливает столицу в Багдаде.
- 872 Тахириты свергнуты в Персии, основана династия Саффаридов. Возобновляется война с Византией.
- 878 г. Ахмед ибн Тулун, правитель Египта, провозглашает свою независимость и основывает династию Тулунитов, которая просуществует до 905 г.
- 887-888 гг. Мусульманские вторжения в Малую Азию.
- 892 Смерть Мутамида. Его племянник **Мутаид** становится преемником. Возникновение секты карматитов, враждебной к роскоши багдадского двора. Туркестан становится независимым под властью Самани, который впоследствии завоевывает Персию и уничтожает династию Саффаридов.
- 894 г. Кармати, разорив Мекку, халиф восстанавливает город.
- 902 Смерть Мутадида, который оставил трон своему сыну **Муктафи**. Борьба с карматиями. Они грабят паломников, направляющихся в Мекку, и убивают двадцать тысяч паломников. Они терпят тяжелое поражение и на время успокаиваются.
- 904 Мусульмане захватывают Фессалоники.
- 905 г. Муктафи отнимает Египет у тулунитов и передает его икшидитах.
- 908 Смерть Муктафи. Его преемником становится его сын **Муктадир**. Подавлено восстание в поддержку Абдаллаха ибн Мотаза, Абдаллах убит. Муктадир — слабый халиф, который оставляет управление страной своим министрам. Установление династии Фатимидов в Египте и Африке. Она свергает династии Аглабитов и Эдриситов. В течение оставшейся части правления Муктадира византийцы вторгаются в Месопотамию, а карматиты возобновляют беспорядки. Бездействие и леность халифа вызывают реакцию против него.
- 930 Он свергнут, и его брат Кахир становится халифом, но он восстанавливает свой трон. Восстание в Мосуле и основание династии Хамданитов в Месопотамии. Карматиты захватывают Мекку и уносят Черный камень из Каабы.
- 932 Смерть Муктадира в сражении с его мятежным министром Мунисом. Его брат **Кахир** становится преемником.
- 933 Основание династии Буидов в Персии. Халифат сокращается до провинции Багдад.
- 934 год. Кахир свергнут и ослеплён. Его племянник **Ради** становится преемником. Он создаёт должность эмира эмиров, соответствующую должности мэра дворца. Он является последним халифом, обладавшим значительной духовной и светской властью.

- 939 Захват Мосула.
- 940 Смерть Ради, преемником становится его брат **Муттаки**. Аль-Бариди, глава халдейского княжества, осаждает Багдад, но отбит.
- 944 год. Турун захватывает Муттаки и выкалывает ему глаза. **Мустафки**, сын Муктафи, избран Туруном преемником. Из-за непопулярности Зирака, эмира эмиров, народ призывает Ахмеда, правителя из династии Буидов, который становится визирем халифа с титулом Муиз ад-Даула. Он и его преемники, под титулом эмира эмиров, захватывают всю политическую власть.
- 946 Мустафки замышляет заговор против Ахмеда, который схватывает его и выкалывает ему глаза. Преемником выбран сын Муктадира, **Мути**. Непрерывающаяся война с византийцами.
- 958 Фатимидский халиф Муиз ад-Дин подчиняет себе всю Африку и Египет и признается Аравией.
- 961 Основание княжества Газни.
- 968 Никифор отнимает Антиохию у мусульман.
- 974 Отречение Мути. Его преемником становится его сын **Тай**. Принцы из династии Буидов ведут ожесточенную борьбу за пост эмира.
- 991 Эмир Баха ад-Даула заставляет Тая отречься от престола и назначает халифом **Кадира**, внука Муктадира.
- 995 Алеппо отвоено у мусульман императором Василием.
- 997 Махмуд из Газни вступает на престол. Он правит до 1028 года.
- 1020 г. Процветает Фирдуси, персидский Гомер. Усиливается власть сельджукских турок.
- 1030 Победа мусульман над византийцами при Азазе.
- 1031 Смерть Кадира. Его преемником становится его сын **Каим**.
- 1038 год. Мусульмане вновь захватывают Эдессу.
- 1055 Халиф, угнетаемый эмиром, призывает на помощь Тогрилу Бега, сельджука. Последний входит в Багдад, свергает Буидов и занимает их место.
- 1063 Смерть Тогрилы, оставившего власть своему племяннику Альп Арслану.
- 1074 Сулейман, сельжук, завоевывает Малую Азию и основывает королевство Рум или Икониум.
- 1075 Смерть Каима. Его внук, **Муктади**, становится преемником.
- 1076 г. Сельджукские турки завоевывают Сирию у Фатимидов и берут Иерусалим.
- 1090 Хасан ибн Сабба из Нишапура организует банду карматитов под названием «ассасины».
- 1092 Смерть Малик-шаха, преемника Альп-Арслана. Упадок могущества сельджуков.
- 1094 Смерть Муктади. Его преемником становится его сын **Мустазир**.
- 1096 Фатимидский халиф Мустали захватывает Иерусалим.
- 1099 Крестоносцы захватывают всю Малую Азию.
- 1118 Смерть Мустазира. Его сын **Мустаршид** становится преемником.

- 1135 Убийство Мустаршида ассасинами. Его сын **Рашид** становится преемником.
- 1136 Рашид защищает Багдад от турок, но убит ассасинами. Его дядя, **Муктафи**, становится преемником. Он захвачен гузскими турками и перевозится в железной клетке, но впоследствии сбегает.
- 1160 Смерть Муктафи. Его преемником становится его сын **Мустанджид**. Его правление отмечено большими беспорядками в Персии, где все губернаторы провозгласили свою независимость.
- 1170 Смерть Мустанжида. Его преемником становится его сын **Мустади**.
- 1171 г. Саладин, султан Египта, уничтожает династию Фатимидов.
- 1180 Смерть Мустади. Его преемником становится его сын **Насир**. Он признает узурпацию Саладина.
- 1183 Падение Газни.
- 1206 Чингис провозглашает себя ханом монголов.
- 1218-1221 Завоевания Чингизхана.
- 1225 Смерть Насира. Его преемником становится его сын **Дахир**.
- 1226 Смерть Дахира. Его сын **Мустансир** становится преемником. Вся Персия подчиняется монголам.
- 1245 Смерть Мустансира. Его преемником становится его сын **Мустасим**.
- 1256 Хулагу, хан монголов, вторгается в Персию и истребляет ассасинов.
- 1258 Хулагу захватывает Багдад и казнит Мустасима. Конец династии Аббасидов.

МУСУЛЬМАНЕ В ИСПАНИИ (711-1492 гг. н. э.)

В течение четырех лет после высадки Тарика в Испании весь полуостров, за исключением горных районов на севере, находится в руках мусульман. Первые сорок лет оккупации — период раздора, и эмиры сменяют друг друга в быстрой последовательности. Мусульмане сражаются с христианами на севере и проникают во Францию, откуда в 732 году их изгоняет Карл Мартелл. Арабская держава находится на грани распада, когда в Испанию прибывает Абд ар-Рахман, единственный выживший после резни омейядов в Аравии. В 755 году Абд ар-Рахман избирается королем мусульманской Испании.

ДИНАСТИЯ ОМЕЙЯДОВ (756-1031 гг. н. э.)

- 756 г. **Абд ар-Рахман I** побеждает эмиров из династии Аббасидов и основывает свое королевство в Кордове. Его правление проходит в постоянных войнах, поскольку ему приходится подавлять многочисленные восстания.
- 778 г. Разгром армии Карла Великого в Ронсесвальесе по возвращении из похода, целью которого было восстановление Хосейна на троне.
- 780 Захват Сарагосы. Хусейн взят в плен и казнен.
- 786 Подавление восстания Бени Юсуф.

- 788 Смерть Абд ар-Рахмана. Его преемником становится его сын и назначенный наследник **Хишам I**. Он провозглашает священную войну и завершает строительство мечети в Кордове.
- 796 Смерть Хишама. Его преемником становится его сын **Аль-Хаким**. Он одерживает победу над своими мятежными дядями.
- 800-801 Франки вторгаются в Каталонию и отвоевывают Барселону у мусульман.
- 807 После непрекращающихся беспорядков в Толедо Аль-Хаким вероломно убивает главных горожан. Сопротивление прекращается.
- 815 Восстание в Кордове жестоко подавлено. Изгнание жителей. Они уходят в Африку.

- 821 Смерть Аль-Хакима. Его преемником становится его сын **Абд ар-Рахман II**.
- 823 Группа изгнанников из Кордовы из Александрии завоевывает Крит. Король побеждает своего двоюродного деда Абдаллаха.
- 832 Великое поражение мятежных толедцев.
- 852 Смерть Абд ар-Рахмана. Его преемником становится его сын **Мухаммед I**. Христианские монархи признаны верховными правителями Кастилии и Наварры. Восстания продолжаются во многих районах.
- 862 Мухаммед отвоевывает Туделу и Сарагосу после смерти Мусы, главы мятежных Бени Каси, но последние с помощью Альфонсо III Астурийского и Леонского вскоре изгоняют его солдат. Ибн Мерван образует независимое государство на западе.
- 886 Смерть Мухаммеда. Его преемником становится его сын **Мундир**.
- 888 Смерть Мундира. Его брат **Абдаллах** становится преемником.
- 890 г. Поражение Омара ибн Хафсана, который на протяжении многих лет сохранял свою независимость, располагая большими силами в неприступной крепости в Андалусии. Происходят другие серьезные восстания в Эльвире и Севилье.
- 912 Смерть Абдаллаха. Его преемником становится его сын **Абд ар-Рахман III**. Он является величайшим из испанских халифов, а его правление — самым блестящим периодом в истории королевства. Он призывает африканских мусульман сопротивляться фатимидам.
- 916 Ордоньо II Леонский наносит поражение армии, посланной отомстить за набег, который он совершил двумя годами ранее.
- 918 г. Блестящая победа Абд ар-Рахмана над Ордоньо и Санчо I Наваррским. Абд ар-Рахман проникает вглубь территории до Памплоны.
- 921 Ордоньо вторгается на мусульманскую территорию до Кордовы. Поражение Ордоньо в битве при Валь-де-Хункера.
- 923 Санчо захватывает Вигера. Смерть Ордоньо II позволяет Абд ар-Рахману завершить работу по внутренней организации.
- 929 Абд ар-Рахман принимает титул халифа.
- 934 Рамиро II Леонский, восстановив мир в своем королевстве, возобновляет войну с маврами. Поражение мавров при Симанкасе.
- 939 Великое поражение мавров при Альхандеге, но Рамиро вынужден прекратить операции против мавров из-за ссоры с графом Кастилии.
- 950 Смерть Рамиро позволяет Абд ар-Рахману одержать множество побед.
- 960 Халиф восстанавливает свергнутого Санчо I на троне Леона.
- 961 Смерть Абд ар-Рахмана. Его преемником становится его сын **Аль-Хакам II**. Он является великим коллекционером книг и покровителем литературы. Наиболее заметным событием его правления является восхождение к власти Мухаммеда ибн Аби Амира.
- 976 Смерть Аль-Хакама. Его десятилетний сын **Хишам II** после некоторого сопротивления занимает трон. Реальная власть находится в руках Ибн Аби Амира, который реорганизует армию.

- 981 г. Поражение Рамиро III Леонского от Ибн Аби Амира, который принимает имя Альмансор (Аль-Мансур).
- 982 Бермудо II, преемник Рамиро, платит дань Кордове.
- 986 Альмансор захватывает и разграбляет Барселону, столицу испанского феодального владения.
- 987 Бермудо пытается освободиться от мавританского господства. Альмансор разрушает Коимбру до основания. В следующем году Альмансор проникает в самое сердце Леона.
- 996 Захват города Леон. После этого Альмансор берет Компостелу. В Африке генералы Альмансора одерживают победы в Мавритании.
- 1002 Смерть Альмансора. Его сын Абдул-Малик наследует его должность хаджиба. Он продолжает успехи своего отца.
- 1008 Смерть Абдул-Малика. Его брат Абд ар-Рахман (Санчол) наследует пост главы министерства. Он проводит кампанию в Леоне.
- 1009 г. **Мухаммед**, двоюродный брат Хишама, поднимает восстание. Санчол казнен. **Мухаммед аль-Махди** заключает Хишама в тюрьму и провозглашает себя халифом. Восстание берберов, которые занимают Кордову. Хишам отрекается от престола в пользу своего родственника Сулеймана. Мухаммед бежит в Толедо, но с помощью каталонцев возвращает Кордову.
- 1010 г. Поражение Мухаммеда; славяне и берберы покидают его. Хишам возвращает себе трон. Убийство Мухаммеда.
- 1013 **Сулейман** захватывает Кордову, а Хишам исчезает. Его судьба остается одной из неразгаданных загадок истории.
- 1016 Свержение Сулеймана славянскими элементами во главе с Хайраном и Али из Хаммуда. **Али** становится халифом.
- 1017 Восстание Хайрана, который провозглашает **Абд ар-Рахмана (IV) Мортаду**, правнука Абд ар-Рахмана III, антихалифом. Убийство Али. Его брат **Касим** становится преемником. Начинается жестокая гражданская война.
- 1023 Мортада падает в бою. **Абд ар-Рахман V**, брат Мухаммеда аль-Махди, становится преемником, но вскоре убит. **Мухаммед бен Абд ар-Рахман** становится преемником.
- 1025 Мухаммед изгнан из Кордовы. К власти приходит **Яхья ибн Али**. Он убит в Севилье. На престол вступает **Хишам III**, брат Мортады.
- 1031 г. Халифат настолько дезорганизован, что Хишам отрекается от пустого титула.

НЕЗАВИСИМЫЕ КОРОЛЕВСТВА ИЛИ ЭМИРАТЫ (1031-1091 гг. н. э.)

Со времени смерти Альмансора мусульманская Испания разделилась на ряд независимых эмиратов или княжеств. Падение династии Омейядов разрывает последнюю связь единства, и теперь мы имеем отдельные и самостоятельные эмираты Сарагосы, Толедо, Валенсии, Бадахоса, Кордовы, Севильи и Гранады. Христианские государства используют эту возможность для повторного завоевания Испании. Испанский национальный герой «Сид» принимает участие в этих завоеваниях. Не вдаваясь в подробности о каждом из этих государств, мы отмечаем наиболее важные события этого периода.

- 1032 В эмиратах вспыхивает гражданская война.
- 1038 Рамиро I Арагонский изгоняет мавров из Собрарбе и присоединяет его к своим владениям. Убийство **Аль-Мундара** из Сарагосы в Гранаде.
- 1043 Смерть **Гевара** из Кордовы. Его преемником становится его сын **Мухаммед**.
- 1046 Фердинанд I Кастильский осаждает Толедо. Эмир платит дань.
- 1060 **Мухаммед аль-Муатидид** захватывает Кордову и становится самым могущественным лидером мавританских правителей в Испании. Мухаммед Гехвар умирает от горя.
- 1064 Последние победы Фердинанда I в Каталонии и Валенсии. Аль-Мамун из Толедо захватывает Валенсию, свергая своего зятя Аль-Мудафара.
- 1070 Возвышение Альморавидов в Африке благодаря Юсуфу ибн Ташуфину.
- 1078 г. Ибн Абед из Севильи захватывает Мурсию.
- 1079 Завоевание Малаги Ибн Омаром, визирем Ибн Абеда. Союз между Ибн Абедом и Альфонсо VI Кастильским.
- 1081 Альфонсо VI вторгается в Толедо. Аль-Афтас, эмир Бадахоса, оттесняет его.
- 1085 Захват Толедо Альфонсо VI.
- 1086 Аль-Мутамид, эмир Севильи, просит помощи у Юсуфа, вождя Альморавидов в Африке. Тот приходит и наносит поражение Альфонсо в Заллаке.
- 1087 Юсуф возвращается в Африку. Сид наносит поражение маврам при Аль-Корасе и захватывает Уэску.
- 1088 Юсуф возвращается в Испанию, но не может ничего сделать из-за раздора и разногласий между эмирами.
- 1089 Мавры осаждают Алид, но отбиты Альфонсо. Юсуф возвращается в Африку.
- 1090 Юсуф возвращается в Испанию с большой армией и завоевывает Гранаду.
- 1091 Юсуф завоевывает Севилью и Альмерию. Аль-Мутамин отправлен в Африку в качестве пленника. Юсуф теперь является верховным правителем мусульманских регионов Испании.

ДИНАСТИЯ АЛМОРАВИДОВ (1091-1146 гг. н. э.)

- Альморавиды — это конфедерация берберских сектантов, которые основали обширное королевство в Африке. Король **Юсуф ибн Ташуфин** в 1069 году основал свою столицу в Марокко, и его вмешательство в дела Испании описано выше.
- 1092 г. Валенсия предана Альморавидам. Эмир Аль-Кадир убит.
- 1093 г. Юсуф захватывает Бадахос и казнит эмира Аль-Мутаваккиля.
- 1094 год. Сид отвоевывает Валенсию у мавров.
- 1095 г. Балеарские острова подчиняются Юсуфу.
- 1099 Смерть Сиды. В следующем году Валенсия переходит под власть мавров.
- 1103 Юсуф передает власть своему сыну **Али** и возвращается в Африку, где умирает в 1106 году в возрасте ста лет (97 лет по христианскому летоисчислению).

- 1108 Победа Али над Альфонсо VI Кастильским в Урсесии (Уклес).
- 1109 Альфонсо побеждает эмира Сарагосы. Али возвращается в Африку после неудачной осады Толедо. Центр правительства находится в Марокко.
- 1114 Пизанцы отбирают Балеарские острова у мавров.
- 1117 Альфонсо вступает в союз с эмиром Сарагосы против Али. Они захватывают Лериду и наносят поражение альморавидам.
- 1121 Восстание в Кордове. Восстание Мухаммеда ибн Абдаллаха (Аль-Махди) в Африке. Возникновение Альмохадов (унитариев).
- 1123 Осада Марокко альмохадами. Али изгоняет их.
- 1130 г. Али, сын Ташуфина, потерпел поражение от Альфонсо. Абдул-Мумин, преемник Аль-Махди, наносит поражение Али в Марокко.
- 1134 г. Мавры разгромили и убили Альфонсо I Арагонского при Фраге.
- 1138 Ташуфин вызван Али в Испанию, чтобы помочь ему против Альмохадов.
- 1139 Альфонсо, герцог Португалии, наносит поражение маврам при Орике.
- 1143 Смерть Али. Его преемником становится сын **Ташуфин**. Всеобщее восстание против Альморавидов.
- 1144 Абдул-Мумин наносит Ташуфину полное поражение в Африке. Смерть Ташуфина во время бегства в Испанию. Его сын **Ибрагим** восходит на престол оставшихся владений.
- 1145 Абдул-Мумин переходит в Испанию.
- 1146 г. Альмохады захватывают Севилью. Кастилия и Арагон приходят на помощь Альморавидам. Ибрагим казнен.

ДИНАСТИЯ АЛМОХАДОВ (1146-1232 гг. н.э.)

- 1146 **Абдул-Мумин** признан верховным правителем мавров в Испании.
- 1147 Христианские союзники захватывают Альмерию.
- 1148 Захват Кордовы Альмохадами.
- 1151 Абдул-Мумин продолжает завоевания в Африке.
- 1156 Захват Гранады Альмохадами.
- 1157 Альмохады вновь завоевывают Альмерию.
- 1158 Захват Туниса Абдул-Мумином.
- 1160 Абдул-Мумин возвращается в Испанию.
- 1161 г. Альмохады захватывают Бадахос, Бежу и Бейру.
- 1163 Смерть Абдул-Мумина. Его преемником становится сын **Юсуф Абу Якуб**. Война между христианами и маврами продолжается.
- 1176 Юсуф вторгается в Португалию.
- 1184 Смерть Юсуфа при осаде Сантарема. Его преемником становится его сын **Якуб Альмансор** (Аль-Мансур).

- 1189 Санчо Португальский захватывает Силвеш и Бежу, но мавры отвоевывают их три года спустя.
- 1193 г. Христианские князья Испании объединяются против мавров.
- 1195 Мавры наносят сокрушительное поражение Альфонсо VIII Кастильскому при Аларконе.
- 1197 Захват Мадрида маврами.
- 1198 Мавры захватывают Калатраву и угрожают Толедо.
- 1199 Смерть Якуба. Его преемником становится **Мухаммед ан-Насир**. Восстание альморавидов, на подавление которого уходит пять лет. Мухаммед готовится к великому завоеванию христианской Испании.
- 1211 Мухаммед осаждает Сальватиерру.
- 1212 Сдача Сальватиерры, за которой следует решающее поражение Мухаммеда при Лас-Навас-де-Толоса. Судьба Альмохадов предрешена.
- 1213 Смерть Мухаммеда. Его преемником становится его младенец-сын **Юсуф аль-Мустансир**.
- 1223 Смерть Юсуфа. Вспыхивает гражданская война между Альмохадами.
- 1224 **Абул-Малик**, преемник Юсуфа, свергнут в Мурсии **Абдаллахом Абу Мухаммедом**, который становится преемником. Христианские союзники захватывают Уэхаду в Валенсии.
- 1227 Аль-Мамун наследует Абдаллаха. Растет недовольство Альмохадами.
- 1232 Восстание Аль-Мутаваккиля ибн Худа, который изгоняет Аль-Мамуна в Африку. Конец династии Альмохадов. Аль-Мутаваккиль захватывает Гранаду. Захват Балеарских островов Хайме I Арагонским.
- 1233 г. Великая победа кастильцев над маврами.
- 1236 Захват Кордовы и части Андалусии Фердинандом III Кастильским. Хайме Арагонский нападает на Валенсию.
- 1237 Убийство Аль-Мутаваккиля его генералами.

КОРОЛЕВСТВО ГРАНАДА (1238-1492 гг. н.э.)

- С гибелью Аль-Мутаваккиля исчезает последний признак единства мавров. Эмиры вновь становятся независимыми князьями, но христианское вторжение настолько сильное, что ни один из них не имеет значительной власти или территории, за исключением **Мухаммеда (I) Бен Аль-Ахмара**, который в 1238 году основывает королевство Гранада.
- 1238 г. Захват Валенсии Хайме I.
- 1245 Мухаммед уступает город Хаэн Фердинанду III Кастильскому и становится вассалом Кастилии.
- 1248 Сдача Севильи Фердинанду. Другие города следуют его примеру.
- 1253 г. Мухаммед основал Альгамбру в Гранаде.
- 1254 Альфонсо X Кастильский завоевывает многие мавританские города на юге Испании.
- 1261 Мухаммед пытается сбросить иго Кастилии и подталкивает Андалусию и Мурсию к восстанию.

- 1264 Заключение мира с Кастилией. Гранада вновь становится вассалом.
- 1266 Захват Мурсии Хайме I. Вся Испания, за исключением Гранады, становится христианской.
- 1273 г. Мериниды прибывают в Испанию из Африки, чтобы помочь маврам. Смерть Мухаммеда. Его преемником становится его сын **Мухаммед II**. Он заключает договор с Альфонсо X Кастильским.
- 1275 Абу Юсуф, король Меринидов, приводит в Испанию большую армию. Кастильцы и арагонцы терпят поражение, но Альфонсо сдерживает завоевателя.
- 1278 Мериниды изгоняют из Испании оставшихся альмохадов.
- 1281 Альфонсо вступает в союз с Меринидами, чтобы подавить восстание в Кастилии.
- 1285 Смерть Абу Юсуфа.
- 1292 Кастильцы захватывают Тарифу после разгрома мавританского флота у Танжера.
- 1294 Неудачная попытка мавров отбить Тарифу. Мериниды окончательно уходят из Испании.
- 1302 Смерть Мухаммеда. Его преемником становится его сын **Мухаммед (III) Абу Абдалла**.
- 1308 Захват Гибралтара Фердинандом IV Кастильским. Договор с гранадцами, которые отказываются от части своих территорий.
- 1309 Восстание в Гранаде. Мухаммед вынужден уступить трон своему брату **Насиру Абу Абдаллаху**. Восстание продолжается, и
- 1313 г. Насир свергнут своим племянником **Исмаилом Фераджем**. Он ведет постоянные войны с христианами.
- 1319 г. — крупное поражение кастильцев в Гранаде.
- 1325 Убийство Исмаила одним из его офицеров. Его преемником становится его сын **Мухаммед IV**.
- 1328 Мухаммед захватывает Баэну.
- 1333 Мухаммед получает помощь от армии меринидов из Африки, которая отвоевывает Гибралтар. Альфонсо XI пытается отвоевать его обратно. Мухаммед приходит на помощь меринидам, но они убивают его. Его брат **Юсуф Абул-Хагиаг** становится преемником.
- 1340 Юсуф осаждает Тарифу при помощи вспомогательных войск меринидов. Альфонсо IV Португальский и Альфонсо XI Кастильский приходят на помощь городу и наносят мавританцам сокрушительное поражение на реке Гуадаселито (Саладо).
- 1343 Сдача Альхесираса Альфонсо Кастильскому, который заключает с Юсуфом десятилетний мирный договор.
- 1354 г. Юсуф убит сумасшедшим во время молитвы. Его преемником становится его сын **Мухаммед V**.
- 1359 Мухаммед свергнут своим братом **Исмаилом** и уходит в Африку.
- 1360 **Абу Саид**, премьер-министр Исмаила, убивает его и узурпирует трон.
- 1361 Мухаммед возвращается в Испанию и обращается за поддержкой к Петру Жестокому Кастильскому.

- 1362 Убийство Абу Саида во время визита к Петру с просьбой о помощи. Мухаммед возвращает себе трон.
- 1370 Мухаммед нападает на Генриха IV Кастильского.
- 1376 Мухаммед строит в Гранаде большую общественную больницу и многие другие здания.
- 1391 Смерть Мухаммеда. Его преемником становится его сын **Юсуф (II) Абу Абдалла**.
- 1392 Его сын пытается свергнуть его с трона.
- 1396 Смерть Юсуфа. Его младший сын **Мухаммед VI** наследует трон и изгоняет своего мятежного старшего брата. Мухаммед всю свою жизнь воюет с христианами.
- 1408 Смерть Мухаммеда. Его изгнанный брат **Юсуф III** получает трон. Это событие знаменует конец внутреннего спокойствия в королевстве и начало его упадка.
- 1423 Смерть Юсуфа. Его преемником становится его сын **Мухаммед (VII) Аль-Хайзар**. За этим следуют многочисленные восстания.
- 1426 год. Двоюродный брат Мухаммеда **Мухаммед (VIII) Аз-Загир** свергает его и захватывает трон.
- 1428 год. Мухаммед VIII казнен христианами и африканцами. Мухаммед VII восстановлен на троне.
- 1431 Вторжение кастильцев в Гранаду. Мавры потерпели поражение, после чего они свергли Мухаммеда и провозгласили **Юсуфа Аль-Хамара** королем. Он умирает через шесть месяцев, и Мухаммед вновь восстанавливается на троне.
- 1435 Кастильцы вновь вторгаются в Гранаду и захватывают Уэску.
- 1445 г. Смещение Мухаммеда его племянником **Мухаммедом Осмином**. Все его правление омрачено соперничеством с его двоюродным братом Мухаммедом ибн Исмаилом, который пользуется поддержкой Хуана II Кастильского.
- 1454 **Мухаммед (X) Исмаил** наконец получает трон от своего двоюродного брата. Он вступает в конфликт с кастильцами, которые наносят ему поражение и отнимают у него Симену.
- 1466 Смерть Мухаммеда. Его преемником становится его сын **Мулей Али Абул-Хасан**.
- 1478 Возобновление войны с Кастилией, когда Абул-Хасан отказывается платить дань.
- 1482 г. Катастрофические поражения мавров. Взята Альхама. Сын Абул-Хасана Абу Абдалла (Боабдил) восстает против него.
- 1483 Незначительная победа Абул-Хасана над христианами. **Абу Абдалла**, поддержанный Фердинандом Кастильским и Арагонским в своем восстании, провозглашается королем одной из фракций.
- 1484 Абул-Хасан вынужден отречься от престола, и его брат **Абдалла Аз-Загал** становится королем, соперником Абу Абдаллаха. Фердинанд, воспользовавшись этой внутренней раздором, добивается больших успехов в военных действиях.
- 1487 год. Сдача Малаги Фердинанду после длительной осады и нескольких поражений Абдаллаха. Фердинанд захватывает другие города.
- 1488 Новая Малага сдается Фердинанду.
- 1489 Сдача Гуадикса, Альмерии и Базы.

1490 Абдалла сдаёт Фердинанду все свои территории. Абдалла по-прежнему удерживает Гранаду.

1491 Фердинанд начинает осаду Гранады.

1492 Капитуляция Гранады. Абу Абдалла получает пенсию и возвращается в Африку. Конец мусульманского господства в Испании.

ДИНАСТИЯ ФАТИМИДОВ В ЕГИПТЕ (908-1171 гг. н. э.)

Фатимиды утверждают, что являются потомками Мухаммеда через его дочь Фатиму, жену Али, хотя их право на это утверждение оспаривается. Первым, кто претендует на власть, является

908 **Обайд Аллах**, понтифик из секты исмаилитов, провозглашенный Аль-Махди. Изгоняет Аглабитов из Кайруана. Устанавливает свою столицу в Махдии, на побережье, чтобы быть в безопасности от берберов и создать сильную морскую державу. Фатимиды противостоят эмирам Аглабитов на Сицилии.

916 Спор между Фатимидами и Аглабитами на Сицилии позволяет латинянам и итальянцам, в союзе с византийцами, изгнать сарацин из Италии.

917 г. Ахмед, эмир Сицилии из династии Аглабитов, потерпел поражение в морском сражении. Фатимиды контролируют Сицилию. Они атакуют Лигурию и захватывают Геную; атакуют Омейядов с моря, а также вступают в контакт с Омейядами на суше.

924 Фатимиды завоевывают Фес, столицу эдриситов. Северная Африка, за исключением Египта, находится под властью Фатимидов; Омейяды не допускаются к власти при жизни Обайда Аллага. Когда столица Фатимидов переносится в Каир, Юсуф ибн Заири остается губернатором этого региона. Его потомки становятся независимыми и правят до тех пор, пока их не смещают Альморавиды.

936 Смерть Обайда Аллага, его преемником становится его сын **Абул-Касим**, который завоевал Александрию в 919 году, но вскоре был снова изгнан.

945 г. **Аль-Мансур** наследует своего отца Абул-Касима; заводит дружбу с арабскими шиитами в Хиджазе и Йемене.

953 **Муиз ад-Дин** наследует Аль-Мансура.

969 г. Посылает армию под командованием Джаухара против Египта; входит в Фостат. Становится первым фатимидским халифом в Египте. Хиджаз и Йемен признают его верховенство. Сирия также присоединяется к его владениям.

972 Фатимиды основывают Новый Каир. Построена великая мечеть Аль-Азхар, университет Египта, который до сих пор наполнен студентами со всех концов мусульманского мира. Вскоре после этого фатимидский флот встречается с византийским у Дамаска, но сражение не происходит.

973 Халиф посылает посольство к Оттону Великому. Египет вторгается Хасан, который терпит поражение.

975 Смерть Муиза, преемником становится его сын **Аль-Азиз**. Джауфар отправляется против Ифтикира, турецкого вождя в Дамаске; терпит поражение, но Ифтикир впоследствии побежден Азизом в Рамле.

- 981 Фатимиды захватывают Дамаск.
- 982 Сражение между Фатимидами и Оттоном II в Калабрии. Император потерпел поражение.
- 996 Смерть Азиза, преемником становится его сын **Аль-Хаким**.
- 1006 Хишам, принц Омейядов из Испании, вторгается в Египет; сначала успешен, но впоследствии захвачен и казнен халифом.
- 1010 г. Хаким разрушает христианские церкви в Сирии. Основал секту друзов. Убит своей сестрой, которая становится регентом, в
- 1021 году от имени своего сына **Дахира**. Дахир заключает договор с византийским императором Романом Аргиром, разрешая ему восстановить церковь в Иерусалиме. С правления Дахира начинается упадок власти Фатимидов в Сирии.
- 1023 г. Алеппо захватывает Салих бен Мардас, а Рамлу — Хасан из племени Тай.
- 1036 **Мустансир Абу Темим** наследует халифат. Алеппо отвоевано, Сирия завоевана.
- 1058 г. Фатимидский халиф публично признан халифом в Багдаде Буидами. Примерно в это же время происходит преследование христиан в Александрии.
- 1060 Начало нормандского завоевания Сицилии.
- 1061 Начало борьбы между чернокожими и турками в Египте.
- 1069 Великий голод в Египте, за которым следует эпидемия чумы. Насир ад-Даула (турок) завоевывает халифа, который после этого остается лишь номинальным правителем до смерти Насира (1072).
- 1071 Алеппо признает Альп Арслана. Вся Сирия захвачена туркменами.
- 1072 Убийство Насира. Гемали, генерал и губернатор Дамаска, отзывается.
- 1076 Египет захвачен туркменами, курдами и арабами под предводительством Аксиса; разгромлен в второй битве Джемали.
- 1086 г. Махдия захвачена и сожжена пизанцами и генуэзцами.
- 1090 Последний сицилийский город сдается норманнам.
- 1094 Смерть Мустансира, преемником становится его сын **Мустали Абул-Касим**. Правительство в руках Афдала, сына Джемали. Во время его правления происходит Первый крестовый поход.
- 1098 г. Иерусалим, захваченный Афдалом у турок, через несколько месяцев сдается крестоносцам.
- 1099 Армия Фатимидов под командованием Афдала потерпела поражение при Аскалоне.
- 1101 Смерть Мустали, преемником становится его пятилетний сын **Эмир**. Страной управляет Афдал до достижения Эмиром совершеннолетия, после чего он казнит Афдала. Балдуин захватывает Птолемаиду.
- 1104 Балдуин захватывает Триполи.
- 1129 Эмир казнен сторонниками Афдала, чей сын Абу Али Ахмед узурпирует власть, сделав **Хафида**, внука Мустансира, номинальным халифом.

- 1149 г. **Дафир**, сын Хафида, наследует халифат. После короткого правления, из-за своей распущенности, он
- 1154 году убит своим визирем. Его преемником становится **Аль-Фаиз**, которому всего пять лет. Правление наполнено спорами соперничающих визирей.
- 1160 Смерть Файза, преемником становится **Адид**, внук Хафида и последний из халифов Фатимидов. Продолжаются споры между визирями.
- 1162 г. Адил, сын Адида, лишает Шавира власти в Верхнем Египте. Шавир выступил против Адила, убил его и провозгласил себя визирем. Он был изгнан Аль-Диргамом и укрылся у Нур ад-Дина.
- 1163 Нур ад-Дин посылает армию под командованием Ширкуха, чтобы восстановить Шавира. Диргам потерпел поражение, и Шавир восстановлен. Вскоре он отказывается от верности Нур ад-Дину и вступает в союз с крестоносцами. Ширкух отступает.
- 1165 Нур ад-Дин снова посылает Ширкуха в Египет с большой армией в сопровождении Саладина. Битва при Аль-Бабаине, победа захватчиков. Александрия падает в их руки. Крестоносцы противостоят им; Адид просит помощи у Нур ад-Дина. Ширкух снова отправляется в поход. Ширкух и Саладин входят в Каир. Ширкух назначается визирем Адидом; после его смерти
- 1169 г. Саладин назначает Ширкуха визирем.
- 1171 г. По приказу Нур ад-Дина имя Адида исключено из молитв. Адид умирает, не зная о своем низведении.

АРМЯНСКОЕ ЦАРСТВО (189 г. до н. э. — 1375 г. н. э.)

Армяне сбрасывают македонское иго в 317 г. до н. э., избрав Ардватасом своим царем. Он умирает около 284 г., и страна возвращается под власть Селевкидов. В 189 г. до н. э. (по данным римских историков), после поражения Антиоха Великого от Рима, **Артаксяс** или **Ардашес** и **Задриад**, правители Большой Армении и Малой Армении соответственно, становятся независимыми царями с молчаливого согласия Рима. Артаксяс правит в Артаксарте. Ганнибал находит убежище при его дворе.

гг. до н. э.

- 166 Антиох IV берет Артаксия в плен, но возвращает ему его царство.
- 149 г. По данным армянских историков, Митридат I Парфянский возводит своего брата Валарсака (Вахаршага) на армянский престол, и основана династия Аршакидов Армении. Согласно списку армянских царей
- 127 **Аршаг I** наследует престол своего отца.
- 114 **Артакс** наследует престол своего отца.
- 94 **Тигран I (II)** наследует престол своего отца. Он является следующим царем, упомянутым римскими историками. Он возведен на спорный престол Митридатом II Великим из Парфии. Тигран переносит столицу в Тиграноцрту и завоевывает Малую Армению и многие парфянские провинции. Он принимает титул «царь царей».
- 83 Тигран становится властелином всей Сирии, будучи приглашен сирийцами, чтобы положить конец гражданской войне между селевкидскими принцами.
- 76 Тесть Тиграна Митридат Великий из Понта подталкивает его к вторжению в Каппадокию.

- 69 Тигран отказывается выдать Митридата римлянам. В результате начинается война с Римом, и Лукулл наносит ему поражение при Тиграноцерте.
- 66 Тигран сдает свои завоевания Помпею. Армения становится вассальным государством Рима. Парфянский монарх восстанавливает титул «царь царей».
- 64 Тигран терпит поражение от Фраата III Парфянского. Помпей урегулирует их спор.
- 56 Смерть Тиграна. Его преемником становится сын **Артавазд I**. Он является союзником Рима в походе Красса против парфян.
- 36 Артавазд присоединяется к римлянам в походе против Артавазда Мидийского. Он покидает Антония, и экспедиция терпит неудачу.
- 34 В отместку Антоний выступает против Артавазда и захватывает его. Его сын **Артак II** занимает трон. Он терпит поражение от римлян и бежит в Парфию. Вскоре он восстанавливает трон и убивает всех римлян в Армении.
- 20 Недовольные армяне жалуются Августу на Артакшиаса и просят, чтобы его брат Тигран, находившийся в то время в Риме, был провозглашен их царем. Тиберий Нерон отправляется в погоню за Артакшиасом, который убит своими родственниками, и **Тигран II (III)** коронуется Тиберием. После короткого правления Тиграна сменяет его сын **Тигран III (IV)**. Страна погружается в гражданскую рознь.
- 6 Август помещает брата Тиграна, **Артавазда II**, на армянский трон.
- 5 Тигран восстанавливает свое царство. Оба царя, по-видимому, правят одновременно. В конце концов они изгнаны.
- 2 **Ариобазан** или, по мнению некоторых историков, **Тигран IV (V)** поставлен Августом на спорный трон. Возможно, он был мидянином или, возможно, армянским изгнанником.
- 60 год н. э.
- 2 Смерть Ариобазана. Ему наследует **Эрато**, вероятно вдова Тиграна III (IV).
- 4 По данным армянских историков, сын Ариобазана (Артавазд III) отнимает трон у Эрато, но она возвращает его через несколько месяцев. После смерти или свержения Эрато (дата неизвестна) и короткого междарствия
- 16 изгнанный монарх Парфии **Вононес** избран царем, но Тиберий убеждает его удалиться в Сирию.
- 18 После короткого междарствия королем избран **Артакяс III**. Его преемником (дата неизвестна) становится **Арсак I**, возведенный на престол своим отцом Артабаном III Парфянским.
- 35 Смерть Арсака в результате предательства Митридата, брата Фарасмана, царя Иберии. **Митридат** вторгается в Армению, и Тиберий передает ему трон. Калигула вызывает его в Рим, заключает в тюрьму, но восстанавливает его в должности около 47 года.
- 52 Митридат убит своим племянником **Радамистом** из Иберии.
- 54 Вологас I Парфянский изгоняет Радамиста и делает своим братом **Тиридатом I** царем.
- 58 Корбулон изгоняет Тиридата I и возводит на престол Тиграна V (VI) Ирода Каппадокийского.
- 61 Вологас коронует Тиридата царем Армении и выступает против Тиграна.

- 66 Тиридат отправляется в Рим, чтобы получить корону в дар от Нерона. Тем временем **Эрорант**, представитель младшей ветви Аршакидов, около 58 года устанавливает свою власть над большей частью Армении. Он является современником Тиридата и после смерти последнего, вероятно, правит всей страной. Он уступает римлянам Эдессу и Месопотамию.
- 78 **Эксеард**, сын Пакора II Парфянского, назначается на престол. Он несколько раз изгоняется, но всегда удается вернуть свой трон.
- 112 год. Осроэс, брат Митридата VI Парфянского, изгоняет Эксеарда и провозглашает царем **Партамасириса**, другого сына Пакора, за что Траян вторгается в Армению. Партамасирис смиряется.
- 117 Траян назначает царем **Партамаспата**, сына Ороеса. Он изгнан, но возвращает царство от Адриана. Его преемником становится его сын **Ахеменид**, а затем **Созмус** или **Соэмус**.
- 162 г. Вологас III Парфянский изгоняет Созмуса, дружественно настроенного к Риму, и провозглашает царем **Пакора**.
- 163 или 164 Созмус восстановлен римлянами, и его преемником (дата неизвестна) становится его сын **Санатрукс** или **Санадруг**, который установлен на троне Септимием Севером.
- 212 Каракалла захватывает Санатрука.
- Армянские историки упоминают о Хосрое I Великом, правившем примерно в это время, но римляне о нем не упоминают. Похоже, что за Санатруком последовал его сын **Вологас**, а за ним — его сын **Тиридат II**, который около 227 года бежал от римлян к Вологасу V Парфянскому. Его преемником стал **Арсак II**, брат Артабана IV Парфянского. Он воюет против Ардашира, Сасанида.
- 258 г. Шапур I Персидский возводит **Артавазда III** на армянский престол.
- 285 Примерно в это время Диоклетиан возводит на престол **Тиридата III**, законного наследника престола и христианина. Через несколько лет Нарсе изгоняет его, что приводит к войне между Персией и Римом. Тиридат восстанавливается на престоле.
- 341 Вероятно, в это время **Арсак III** вступает на престол после того, как его отец, Тиридат III, был заключен в тюрьму Сапором II Персидским. Он помогает Сапору в его войнах с Римом, а затем вступает в союз с Римом.
- 363 Арсак покидает римлян во время осады Ктесифона. Он был схвачен Сапором и заключен в тюрьму. Сапор возвел на престол **Аспакура**, но **Пара**, сын Арсака, также был признан королем с помощью римлян.
- 374 или 377 г. Валент, недовольный Парой, казнит его. Пара сменяет его племянник **Арсак IV** вместе со своим братом **Валарсаком II**, который вскоре умирает. Арсак оказывается настолько слабым правителем, что Феодосий Великий и Сапор III решают разделить царство.
- 387 или 390 г. Раздел Армении между Римом и Персией. Арсак продолжает править в римских владениях. Сапор отдает свою (восточную) часть персидскому вельможе **Хосрау**, или **Хосросу**.
- 389 Смерть Арсака IV. Феодосий передает свою часть своему генералу **Касавону**, который вступает в сговор с Хосроем, чтобы подчинить всю Армению римскому господству. Бахрам IV Персидский захватывает Хосроя и
- 392 года сажает его брата, **Бахрама Сапора**, на вассальный трон восточной Армении.

414 Хосров восстановлен в престоле Йездегердом I.

415 Смерть Хосрова. Сын Йездегерда, **Сапор**, становится королем.

419 Смерть Сапора. Межцарствие до

422 года, когда **Артасир**, сын Бахрама Сапора, был назначен царем Бахрамом V.

429 Армянская знать обращается к Бахраму с просьбой сместить Артасира. Персидский царь решает сделать Армению провинцией и смещает Артасира. Отныне провинция известна как Перс-Армения.

С 429 по 632 год Арменией правят персидские наместники, которые отличаются прежде всего жестокими попытками подрыва христианства.

632 г. Ираклий возвращает Армению в состав Римской империи, но в

636 году она переходит под власть мусульман.

885 г. Халиф Мутамид коронует **Ашода I**, одного из членов семьи Багратидов, королем Армении. Он правит в центральной и северной Армении и основывает династию, которая просуществует до убийства **Кагига II** в 1079 г., когда королевство присоединяется к Византийской империи.

908 г. Семья Арджуринов, утверждающая, что является потомками Сеннахирима, основывает династию в провинции Вашпураган, или Ван. Кагиг коронован халифом Мутадилом, и семья правит до 1080 года.

962-1080 Багратиды основывают и правят династией в Карсе.

962 Багратиды основывают династию в Грузии, которая продолжает существовать до 1801 года, когда страна была поглощена Россией.

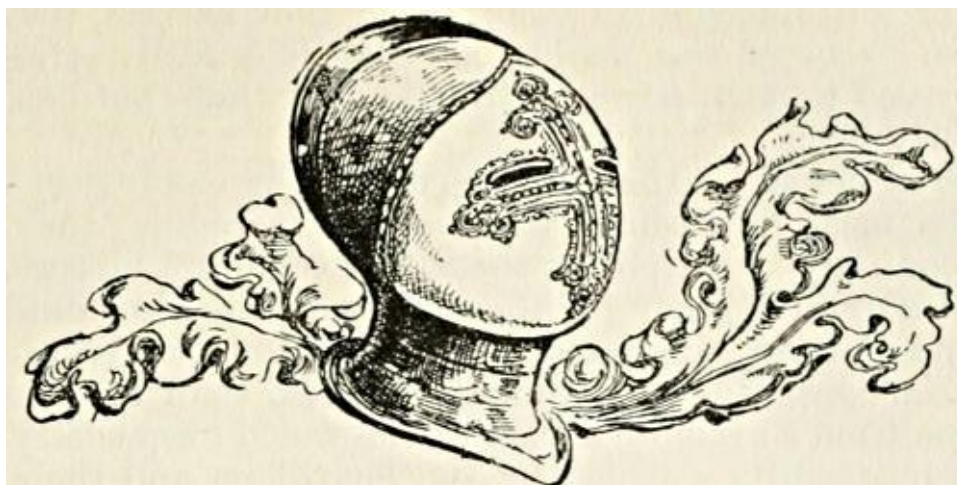
984-1085 Династия Меравиндов из Курдистана правит страной к западу от озера Ван.

1080 **Рупен**, родственник Кагига II, последнего багратидского царя Армении, основывает царство Малая Армения. Оно вступает в союз с крестоносцами. Среди царей

1224 **Хайтон I**.

Некоторые из королей являются латинскими князьями, которые пытаются заставить своих подданных подчиниться римской церкви, разделить страну на враждующие фракции, пока

1375 года оно не было завоевано халифом Египта. Король **Лев VI**, последний король Армении, изгнан и умирает в Париже в 1393 году.

ГЛАВА I. ПАРФИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

[250 г. до н. э. — 228 г. н. э.]

Битва при Арбеле (331 г. до н. э.) сделала Александра наследником Персидской империи. В томах, посвященных греческой истории, мы показали, как он подтвердил свои права на завоевание, разделил свою империю между сатрапами, назначенными им самим, и оставил огромное наследство после своей смерти «лучшему человеку». Далее было показано, как ни один из генералов александрийской школы не смог доказать, что он лучший человек, и как в результате империя погрузилась в хаос гражданских войн, пока, наконец, некоторые крупные части не приняли особенно четкую форму — среди них Птолемеи Египет и Иран Селевки и его семьи Селевкидов, среди которых часто встречается имя Антиох, а столицей был взят город Антиохия в Сирии. Дегенерация этих правителей дала возможность неизвестной расе парфян, которые, обладая качествами и обычаями, во многом напоминающими американских индейцев, поднялись до такой великой мощи, что при первых цезарях римляне считали их соперниками Рима за власть над миром.

Единственная непрерывная древняя история этого народа — это история Юстина, которая заканчивается 9 годом до н. э. и имеет пробел между 94 и 55 годами до н. э. Мы приводим этот уникальный отчет целиком, но предупреждаем читателя, что ему не следует верить во всем: он является введением к более критическому современному отчету, который следует далее.^{[a](#)}

РАССКАЗ ЮСТИНА О ПАРФЯНАХ

[331-9 гг. до н. э.]

Парфяне, которые в настоящее время владеют империей Востока, поделив, так сказать, мир с римлянами, происходят из скифских изгнанников. Это также очевидно из их названия: в скифском языке слово «парфяне» означает «изгнанники». В эпоху ассирийцев и мидийцев

этот народ был самым неизвестным на Востоке. Впоследствии, когда империя Востока перешла от мидийцев к персам, они стали легкой добычей завоевателей, как безымянное стадо. Наконец, они попали под македонское иго, когда македонцы пронесли свои триумфальные знамена в эти части света; поэтому действительно странно, что они достигли такой мощи, что стали править теми народами, рабами которых они были ранее.

Трижды подвергаясь нападениям римлян под командованием их величайших полководцев в самый расцвет республики, они единственные из всех народов не только смогли противостоять им, но и вышли из борьбы победителями; но, возможно, для них было еще большей славой то, что они смогли подняться среди древних и славных царств Ассирии, Мидии и Персии, а также среди богатой империи Бактрии, состоящей из тысячи городов, чем то, что они победили народ, пришедший из столь отдаленной части мира; особенно в то время, когда они постоянно подвергались угрозе со стороны скифов и других соседей и были подвержены стольким неопределенностям войны. Вынужденные покинуть Скифию из-за внутренних беспорядков, они тайно захватили пустыни между Гирканией, дахами, ариями, спартанами и маргианами. После этого их соседи сначала не сопротивлялись, но в конце концов, несмотря на их сопротивление, когда они опоздали, чтобы помешать им, они так расширили свои границы, что захватили не только обширные равнины, но и скалистые холмы и крутые горы. Отсюда и происходит, что в нескольких провинциях Парфии чрезмерно жарко и холодно, потому что в горных районах мешает снег, а на равнинах — жара.

ИХ ОБЫЧАИ

[323-250 гг. до н.э.]

Парфянский вельможа

После восстания против Македонской империи этот народ находился под властью царя. Второе место по власти после царя занимали вожди народа. Из их числа выбирались полководцы на войне и правители в мирное время. Их язык представляет собой смесь мидийского и скифского, заимствуя слова из обоих. Раньше их одежда была очень своеобразной, но после того, как они укрепили свою власть, она стала похожей на одежду мидийцев, с широкими полами и тонкой тканью. Они вооружены, как скифы, от которых они происходят. Их армии, в отличие от армий других народов, состоят не только из свободных людей, но в основном из рабов, число которых быстро растет, поскольку никто не имеет права освобождать их. Они относятся к ним с такой же заботой, как к своим детям, и с большим усердием обучают их верховой езде и стрельбе. Каждый снабжает своего князя всадниками в соответствии со своими возможностями. В заключение, когда пятьдесят тысяч всадников встретили Антония, когда он напал на парфян, только четыреста из них были свободными людьми. Они не знают искусства осады городов или ведения ближнего боя. Они сражаются верхом, то наступая, то отступая перед врагами. Они часто имитируют бегство, чтобы получить преимущество над преследователями, которые ослабляют бдительность. Сигнал к сражению подается не трубой, а барабаном. Они не выдерживают длительных сражений (), и действительно, было бы невозможно устоять перед ними, если бы их настойчивость равнялась ярости их атаки. В большинстве случаев они покидают сражение в самый разгар боя и внезапно возобновляют его с большой яростью, так что наибольшая опасность от них грозит тогда, когда кажется, что они побеждены. Они используют своего рода прочные плащи, сделанные из маленьких пластин, похожих на перья, чтобы укрыть себя и своих лошадей. Они не используют золото и серебро, кроме как в своем оружии.

Каждому мужчине разрешалось иметь несколько жен для разнообразия, и они не наказывают ни одно преступление так строго, как прелюбодеяние. Чтобы предотвратить его, они не только не допускают своих женщин на пиры, но и запрещают им даже видеть мужчин. Они не едят мяса, кроме того, которое добывают на охоте. Они всегда ездят верхом; на лошадях они ездят на пиры, выражают уважение, публично и в частном порядке, маршируют, стоят на месте, торгуют, беседуют. В конечном счете, разница между рабами и свободными людьми заключается в том, что рабы ходят пешком, а свободные люди ездят верхом. Их обычный способ погребения — быть съеденными собаками или птицами, а после этого закопать голые кости в землю. В их суевериях и поклонении богам главное почитание отдается рекам.

Этот народ по натуре гордый, вероломный, мятежный и надменный; они считают мужественным буйное и грубое поведение. Они полагают, что мягкость — это женская черта характера. Они всегда готовы вступить в ссору, дома или за границей; по натуре молчаливы и скорее готовы действовать, чем говорить; поэтому они скрывают свою удачу или неудачу за молчанием. Они строго подчиняются своим князьям, однако не из чувства долга, а из страха. Они очень пристрастны к сладострастию, хотя и очень умеренны в еде; и они не придают значения своим словам, если это не соответствует их интересам.

СЕЛЕВК и АРСАК

[250-155 гг. до н. э.]

После смерти Александра Македонского, когда царства Востока были разделены между его преемниками, поскольку ни один из македонцев не согласился принять царство парфян, оно было передано Стасанору, иностранному союзнику. А потом, когда македоняне были вовлечены в гражданскую войну, они, вместе с остальными народами верхней Азии, последовали за Эвменом; а когда он был побежден, они перешли на сторону Антигона. После

него они были под властью Никатара Селевка, а вскоре после этого — под властью Антиоха и его преемников; от внука Селевка они впервые восстали во время Первой Пунической войны, когда консулами были Л. Манлий Вулсон и М. Атилиус Регул. Разногласия между двумя братьями, Селевком и Антиохом, обеспечили им безнаказанность за это восстание, поскольку они, борясь друг с другом за скипетр, не стали преследовать мятежников. В то же время Феодот, правитель тысячи городов Бактрии, также поднял восстание и провозгласил себя царем; все восточные народы вскоре последовали его примеру и сбросили македонское иго.

В это время жил некий Арсак, человек проверенной доблести, хотя и неопределенного происхождения. Привыкший жить грабежами и разбоями, он, услышав, что Селевк был свергнут галлами в Азии, перестав бояться царя, вторгся в страну парфян с бандой разбойников, разгромил и убил Андрагора, своего заместителя, и захватил власть над всей страной. Вскоре после этого он также провозгласил себя правителем Гиркании; и, владея теперь двумя царствами, он собрал большую армию, опасаясь Селевка и Феодота, царя бактрийцев. Но вскоре, избавившись от своих опасений благодаря смерти Феодота, он заключил мир и вступил в союз с его сыном, который также звался Феодотом. Вскоре после этого он вступил в сражение с царем Селевком, который пришел наказать мятежников, и одержал победу. С тех пор парфяне с большой торжественностью отмечают этот день как начало своей свободы.

Некоторые новые беспорядки вынудили Селевка вернуться в Азию, что дало Арсаку некоторую передышку, и он воспользовался этой возможностью, чтобы установить парфянское правление, набрать солдат, укрепить замки и обеспечить верность своих городов. Он также построил город под названием Дара на горе Запаортенон, который был расположен так, что ни один город не мог быть сильнее или приятнее. Он был со всех сторон окружен скалистыми утесами, поэтому не нуждался в гарнизоне для защиты, а прилегающая к нему земля была настолько плодородной, что обеспечивала все необходимое за счет собственных богатств. Кроме того, там было так много лесов и источников, что никогда не было недостатка в воде, и там было огромное количество дичи. Таким образом, Арсак, сразу же завоевавший и основавший царство, был не менее памятен среди парфян, чем Кир среди персов, Александр среди македонян или Ромул среди римлян; и он умер в глубокой старости. В его память парфяне оказали такую честь, что всех своих царей называли Арсаками. Его сын и преемник на троне, которого звали Арсак, с большой храбростью сражался против Антиоха, сына Селевка, который выступил против него со ста тысячами пехотинцев и двадцатью тысячами всадников, и в конце концов заключил с ним союз. Третьим царем парфян был Приапатий, но его тоже звали Арсак, ибо, как было сказано выше, они называли всех своих царей этим именем, как римляне называют своих Цезарем и Августом. Он умер, процарствовав пятнадцать лет, оставив двух сыновей, Митридата и Фраата, из которых старший, Фраат, согласно обычаю этого народа, был наследником царства, подчинил своей силой сильный народ мардиев и вскоре после этого умер, оставив после себя нескольких сыновей, которых он обошел и оставил свое царство своему брату Митридату, человеку необыкновенных способностей, считая, что имя царя важнее имени отца и что он должен предпочесть интересы своей страны величию своих детей.

[155-54 гг. до н. э.]

Почти в то же время, как Митридат среди парфян, так и Евкратид среди бактрийцев, оба принца с большими заслугами, начали править. Но необыкновенная удача парфян привела их под власть этого монарха к высшей степени величия. Бактрийцы, с другой стороны, страдая от нескольких войн, потеряли не только свою независимость, но и свободу;

измученные войнами с согдийцами, драгиями и индийцами, они, как народ, совершенно ослабленный и умирающий, были покорены персами, которые еще недавно были гораздо слабее их. Однако Евкратид вел много войн с большой энергией; и хотя его потери значительно ослабили его, но, будучи осажденным Деметрием, царем индийцев, с помощью всего лишь трехсот солдат он совершал постоянные вылазки и так измотал врага, состоявшего из сорока тысяч человек, что заставил его снять осаду. Поэтому, освободившись от осады, в пятом месяце он подчинил Индию своей власти; но по возвращении оттуда он был убит своим сыном, которого он сделал своим соправителем в королевстве; тот не только не скрыл отцовское убийство, но, как будто убил врага, а не своего отца, проехал на своей колеснице по его крови и приказал выбросить его тело без погребения. Во время этих событий в Бактрии между парфянами и мидянами разразилась война. После того как в течение некоторого времени исход этой войны был неоднозначным, победа в конце концов досталась парфянам. Митридат, укрепив свою мощь, поставил Бакасиса правителем Мидии, а сам отправился в Гирканию; оттуда, вернувшись, он вел войну с царем элимов и, победив его, присоединил этот народ к своим владениям; таким образом, он расширил Парфянскую империю от Кавказа до реки Евфрат, подчинив своему игу многие народы. После этого он заболел и умер в почтенном возрасте, ничем не уступая по славе своему прадеду Арсаку.

После смерти Митридата, царя Парфии, его сын Фраат унаследовал царство; он был полон решимости отомстить Антиоху за нападение на царство Парфии, но был отозван беспорядками в Скифии, чтобы защитить свою страну. Скифы, приглашенные обещаниями помочь парфянам против Антиоха, царя Сирии, прибыли после окончания войны и были лишены обещанной награды под надуманным предлогом, что они прибыли слишком поздно. Скифы были так разгневаны тем, что их долгий поход оказался напрасным, что потребовали либо вознаграждения за свои труды, либо выделения им другого врага. Высокомерный ответ на это требование так разгневал их, что они начали разорять страну парфян.

Поэтому Фраат, выступив против них, оставил одного Гимера, который снискал его благосклонность, протитуируя свою юность его бесстыдному вожделению, заботу о своем царстве в его отсутствие. Этот правитель, забыв о своей прошлой жизни и о доверии, которым он был наделен, жестоко притеснял вавилонян и многие другие города своими тираническими жестокостями. Но сам Фраат взял с собой на войну армию греков, которую он взял в плен в войне против Антиоха, и обращался с ними с большой гордостью и жестокостью, не считая, что их ненависть к нему не только не уменьшилась из-за плена, но даже усилилась из-за унижения, которое они перенесли. Поэтому, когда они увидели, что армия парфян отступает, они присоединились к врагу и осуществили свою давнюю месть за плен, устроив кровавую резню в парфянской армии и убив самого царя Фраата.

Его дядя Артабан был провозглашен царем вместо него, но скифы, довольные победой, опустошив Парфию, вернулись домой. Но Артабан в войне с тогарами получил ранение в руку, от которого сразу же скончался. Его преемником стал его сын Митридат, который благодаря своим подвигам получил прозвище Великий, ибо, воодушевленный доблестным подражанием своим предкам, он превзошел их славу величием своей души. Соответственно, он с особой доблестью вел много войн против своих соседей и присоединил к Парфянской империи много провинций. Не удовлетворившись этим, он часто воевал со скифами и своими победами над ними отомстил за обиду, нанесенную его отцу. Наконец, он направил свои войска против Ортоадиста, царя армян.

ВОЙНЫ С РИМОМ

После войны с Арменией Митридат, царь парфян, был изгнан из своего царства за жестокость парфянским сенатом. Его брат Ород, заняв освободившийся трон, осадил Вавилон, в который бежал этот беглый принц (), и после долгой осады заставил народ сдаться из-за голода. Митридат, полагаясь на свою близкую родственность с Ородом, добровольно сдался ему; но Ород, считая его скорее врагом, чем братом, приказал убить его в своем присутствии; после чего он продолжил войну с римлянами и разгромил их полководца Красса вместе с его сыном и всей его армией. Его сын Пакор, посланный преследовать остатки римской армии, после того как он совершил великие подвиги в Сирии, был отозван своим отцом, который стал ревновать его. В его отсутствие парфянская армия, оставленная в Сирии, была уничтожена вместе с ее командирами Кассием, казначеем Красса.

Вскоре после этого разразилась гражданская война между Цезарем и Помпеем, в которой парфяне выступили на стороне последнего из-за дружбы, завязавшейся с ним во время Митридатовской войны, а также из-за смерти Красса, чей сын, как они слышали, был на стороне Цезаря, который, без сомнения, отомстит за своего отца, если Цезарь одержит победу. Поэтому, когда партия Помпея потерпела поражение, они оба послали помощь Кассию и Бруту против Августа и Антония; а после окончания войны под предводительством Пакора, заключив союз с Лабием, они опустошили Сирию и Азию и с огромными силами атаковали лагерь Вентидия, который в отсутствие Пакора разгромил парфянские войска, как ранее сделал Кассий. Но Вентидий, притворяясь испуганным, долгое время оставался в своем лагере и некоторое время терпел оскорбления со стороны парфян. Наконец, он послал часть своих легионов против врага, который теперь чувствовал себя в безопасности, не был начеку и был полон радости, и тот, не в силах сопротивляться, бежал в разные стороны. Пакор, полагая, что победоносные легионы преследовали беглецов слишком далеко, атаковал лагерь Вентидия, как будто там не осталось никого, кто мог бы его защитить. Тогда римский полководец вывел остатки своих легионов, убил Пакора на месте и перебил мечом всю парфянскую армию, которая никогда не получала такого сильного удара ни в одной из своих войн.

Когда эта весть дошла до Парфии, Ород, отец Пакора, который незадолго до того услышал, что его войска разорили Сирию и завоевали Азию, и хвастался своим сыном как завоевателем римлян, внезапно узнав о смерти сына и полном разгроме его армии, был поражен горем, которое привело его в ярость. В течение нескольких дней он ни с кем не разговаривал, так что казался немым, и не принимал пищи. И когда его горе наконец нашло выход, он без перерыва взывал к Пакору; ему казалось, что Пакор появляется перед ним, говорит с ним, стоит рядом с ним и слышит его. Иногда он скорбно оплакивал свою утрату; затем, после долгого траура, другого беспокойства охватило этого несчастного старика, а именно, кого из своих тридцати сыновей он должен объявить преемником Пакора. Его многочисленные наложницы, от которых у него было столько сыновей, каждая заботясь о своем, все вместе осадили царя, каждая в пользу своего. Но судьба Парфии, в которой теперь стало обычным явлением, что принцы оскверняются кровью своих отцов и братьев, распорядилась так, что выбор пал на самого злобного из них, по имени Фраат.

Поэтому он немедленно убил своего отца, думая, что тот никогда не умрет. Он также убил всех своих тридцать братьев. Но его жестокость не ограничилась этим: обнаружив, что он ненавидим знатными за свои ежедневные зверства, он приказал убить своего сына, который почти достиг зрелого возраста, чтобы никто не остался, кого можно было бы провозгласить

царем. Антоний вступил с ним в войну, имея шестнадцать очень способных легионов, потому что тот оказывал помощь против него и Цезаря; но, потерпев несколько тяжелых поражений в сражениях, он бежал из Парфии (). Эта победа сделала Фраата невыносимо надменным и жестоким, и его народ вынудил его уйти в изгнание. После того как он долгое время утомлял соседние государства, а в конце концов и скифов своей назойливостью, он был восстановлен в своем царстве благодаря мощной помощи скифов. В его отсутствие парфяне провозгласили своим царем некоего Тиридата, который, услышав о приближении скифов, бежал с большим отрядом своих друзей к Цезарю, в то время воевавшему с Испанией, приведя с собой в качестве заложника младшего сына Фраата, которого он, пользуясь небрежностью охраны, похитил. Узнав об этом, Фраат немедленно послал послов к Цезарю и потребовал, чтобы его сын вместе с его вассалом Тиридатом были возвращены ему.

Цезарь, приняв послов Фраата и выслушав доводы Тиридата, который желал вернуть свою корону, заявив, что царство Парфии будет в некотором роде подчинено римлянам, если он будет владеть им от их имени, сказал, что он не выдаст Тиридата парфянам и не окажет ему помощи против парфян. Однако, чтобы не показаться, что он отказывает им во всем, что они просят, он отправил ему своего сына Фраата без какого-либо выкупа и распорядился обеспечить Тиридату хорошее содержание, пока тот пожелает оставаться среди римлян. После этого, когда испанская война закончилась и он прибыл в Сирию, чтобы урегулировать положение на Востоке, Фраат опасался, что он может иметь какие-то планы в отношении Парфии. Поэтому пленники, взятые в плен после поражения Красса и Антония, были собраны и вместе с военными знаменами, потерянными ими, отправлены обратно Августу. И это было не все: сыновья и внуки Фраата также были переданы Августу в качестве заложников. Таким образом, Август сделал больше своим именем, чем любой другой полководец мог бы сделать своим оружием.¹

СОВРЕМЕННЫЕ ОПИСАНИЯ ПАРФИИ

Это история парфян, изложенная Юстином в его сокращенном варианте утраченного труда Трога Помпея. Позднейшие исследования и критика пролили немного света на различные части истории, и с того момента, где Юстин становится наиболее кратким, другие римские историки с жадным интересом взялись за летописи парфян. Изучение монет также оказало неоценимую помощь. Казалось более целесообразным привести рассказ Юстина в его первоначальной плавности, не вставляя здесь и там критические замечания. Теперь, однако, мы должны кратко изложить историю Парфии с самого начала с современной точки зрения.²

ПАРФИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

[261-241 гг. до н. э.]

Эллинизм не оказал на Иран такого глубокого влияния, как на Запад, и эта неплотно связанная империя не достигла ничего большего, чем эллинистическое воспроизведение царства Ахеменидов. Даже в тех фрагментарных записях, которые мы имеем, мы с самого начала слышим о восстаниях, не способствующих укреплению царства; Селевк, как и Александр, по-прежнему имел армию, состоящую из македонцев и персов, в то время как более поздние Селевкиды, по крайней мере в своих западных войнах, скупой использовали туземцев и только в качестве лучников, пращников и т. п., предпочитая для этих целей дикие пустынные и горные племена Ирана.

При слабом Антиохе II северо-восточный Иран был утрачен империей. Пока Селевкиды были заняты в других местах, вероятно, в длительной войне с Птолемеем Филадельфом, которая заняла последние годы жизни Антиоха, Диодот, наместник Бактрии, принял титул царя. Новое царство с самого начала включало Согдиану и Маргиану, в то время как остальная часть Востока, за единственным исключением, которое в то время едва заметили, осталась верна Селевкидам. Теперь образование сильного местного царства, горячо поддерживаемого греческими колониями и способного контролировать соседних кочевников и строго защищать свои границы, ни в коем случае не устраивало вождей пустынных племен, которые, как и современные туркмены, привыкли грабить заселенные земли и вымогать выкуп, практически не встречая сопротивления со стороны слабой и удаленной центральной власти в Антиохии. Соответственно, два брата, Арсак и Тиридат, чье племя, парны, подразделение дахов, до сих пор пасло свои стада в Бактрии на берегах Охуса, двинулись на запад, на территорию Селевкидов, недалеко от Парфии. Оскорбление, нанесенное младшему брату сатрапом Фереклом, подтолкнуло их к восстанию; Ферекл был убит, а Парфия освобождена от македонцев.

АРСАК И АРСАКИДЫ

Арсак был провозглашен первым царем Парфии (250 г. до н. э.). Такова позднейшая официальная традиция, и мы не располагаем другими сведениями о начале династии Арсакидов. Но когда официальный рассказ превращает Арсака, который, согласно подлинной традиции, был вождем разбойничьей орды и имел неопределенное происхождение, в бактрийца, потомка Фриапита, сына Артаксеркса II (который до своего вступления на престол назывался Арсаком), и заставляет его вступить в заговор со своим братом и пятью другими, подобно семерым, убившим ложного Смердиса, мы обнаруживаем вымысел периода, когда Арсакиды вступили в наследство Ахеменидов и подражали порядку их двора. Семь заговорщиков — это главы семи знатных родов, к которым, без сомнения, принадлежали Карен, Сурен и Аспахапет. Кроме того, подлинная традиция вообще не знает первого Арсака как царя Парфии, и еще в 105 г. до н. э. сами парфяне считали год (осень) 248-247 до н. э. первым годом своего царства. Но 248 год до н. э. — это год, в котором, как говорят, был убит Арсак I после двухлетнего правления, и его преемником стал его брат, который, как и все последующие цари этой династии, принял царское имя Арсак.

Первый Арсак, должно быть, существовал, поскольку он изображен обожествленным на оборотной стороне драхмы своего брата, но он не был царем Парфии. Более того, у нас есть достоверные сведения о том, что даже в эпохальном 248-247 году до н. э., году вступления на престол Тиридата, Парфия все еще находилась под властью Селевкидов. Эти противоречия разрешаются упоминанием Исидора из Харакса, который называет город Асаак, расположенный не в Парфии, а к северо-западу от нее, в соседней Астауене, где Арсак был провозглашен царем и где вечно горел вечный огонь. Таким образом, это было первое местонахождение монархии, и Ферекл, по-видимому, был сатрапом Астауены, а не эпархом Парфии.

[241-238 гг. до н. э.]

Времена не благоприятствовали подавлению мятежников. Когда умер Антиох II, ужасы, сопровождавшие вступление на престол его сына Селевка (II) Каллиника (246-226 гг. до н. э.), дали египетскому царю повод для войны, в которой он захватил почти все земли Селевкидов вплоть до Бактрии. Тем временем между Селевком и его братом Антиохом

Иераксом, которого поддерживали галаты, шла гражданская война, и в великой битве при Анкире в 242 или 241 г. до н. э. Селевк был полностью разгромлен и, как полагали, убит. Узнав об этом, Арсак Тиридат, которого подлинные предания до сих пор представляют как отважного вождя разбойников, вторгся в Парфию во главе парнов, убил македонского эпарха Андрагора и захватил провинцию. Эти парны-дахи в результате вечных распрей в далеком прошлом мигрировали в Гирканию и пустыню, прилегающую к Каспию. Здесь, и в значительной степени даже после завоевания Парфии, они сохранили особенности скифских кочевников.

ПАРФИЙСКИЕ ОБЫЧАИ

Общепринятая традиция связывает миграцию с завоеваниями скифского царя Иандиса, современника Сесостриса [Рамсеса II]. Она добавляет, что «парфянский» означает «беглец» или «изгнанник» (*Зенд, peretu*). Но имя Партхава встречается в надписях Дария задолго до иммиграции парфян. Парфянский язык описывается как своего рода смесь мидийского и скифского языков; и, поскольку название дахов и их племен показывает, что они принадлежат к кочевникам иранского происхождения, которые в древности были широко распространены от Яксартеса до степей юга России, мы должны сделать вывод, что смешанный язык возник в результате взаимодействия двух иранских диалектов, парфянского и диалекта их хозяев. Парфяне в Парфии постепенно отказались от своего кочевого костюма в пользу мидийской одежды, но сохранили свою старую военную форму, характерную чешуйчатую броню, полностью покрывающую человека и лошадь. Основатель империи изображен на монетах в этой одежде с добавлением короткого плаща; то же самое можно сказать и о Митридате II. Только руки и ноги не защищены кольчугой; обувь с шнурками и конический шлем с клапанами для защиты шеи и ушей дополняют костюм.

Завоеватели Парфии по-прежнему оставались народом всадников; ходить пешком было позором для свободного человека; национальным оружием был лук, а их способ ведения боя заключался в серии атак, разделенных имитированным бегством, во время которого всадник стрелял стрелами назад. Многие привычки жизни, которую они вели в пустыне, сохранились, и парфянские правители никогда не теряли связи с кочевыми племенами на своих границах, среди которых несколько Арсакидов нашли временное убежище. Постепенно, конечно, правители ассимилировались со своими подданными; привычная вероломность и другие качества, приписываемые парфянам римлянами, являются общими для всех иранцев. Происхождение парфянской власти естественным образом привело к созданию жесткой аристократической системы: несколько свободных людей управляли огромным населением рабов; освобождение из рабства было запрещено, или, скорее, было невозможно, поскольку социальное положение определялось происхождением; десять тысяч всадников, которые следовали за Суреной в битву, были все его крепостными или рабами, а из пятидесяти тысяч всадников, сражавшихся против Антония, только четыреста были свободными людьми.

БАКТРИЯ И ПАРФИЯ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

[238-206 гг. до н. э.]

Арсак Тиридат вскоре присоединил к своему царству Гирканию и собрал большое войско, чтобы защитить себя от Селевка, но еще больше от ближайшего врага, Диодота из Бактрии. После смерти последнего общие интересы парфян и бактрийцев в противостоянии Селевкидам привели к союзу между Арсаком Тиридатом и Диодотом II. С большим трудом

Селевк одержал верх над своими внешними и внутренними врагами и сохранил целостность своего царства; а в 238 г. до н. э. или немного позже, заключив мир с Египтом и усмирив своего брата, он выступил из Вавилона в верхние сатрапии. Тиридат сначала отступил и укрылся у кочевых апасиаков, но затем снова выступил вперед и одержал победу, которую парфяне продолжают отмечать как день рождения своей независимости. Селевк не смог отомстить за свое поражение, поскольку вскоре был вынужден вернуться из-за восстания, поднятого его тётёй Стратоницей в Антиохии. Это дало время великому эллинскому царству в Бактрии и небольшому местному государству в Парфии укрепиться. Тиридат использовал передышку, чтобы усилить свою армию, укрепить города и замки и основать город Дара или Дарей в живописном крае Абевард. Тиридат, который на своих монетах сначала фигурирует просто как Арсак, затем как царь Арсак и, наконец, как «великий царь», правил тридцать семь лет и умер в 211 или 210 году до н. э. Его народ всегда чтил его память почти как божественную.

ПАРФЯНСКИЙ ЦАРЬ

Селевк III Сотер (226-223 гг. до н. э.) умер рано, и его сменил Антиох (III) Великий (223-137 гг. до н. э.), который при жизни своего брата правил из Вавилона верхними сатрапиями. Молон, правитель Мидии, поддерживаемый своим братом Александром в Персии, ^[29] восстал против него в 222 году до н. э. и взял на себя власть. Огромные ресурсы его провинции, которая преданно следовала за ним, позволили Молону перейти в наступление и даже занять Селевкию после решающей битвы с королевским генералом Ксенотасом. Вавилония, Эритрейский район, вся Сузиана, за исключением крепости Сузы, Парapotамия до Еврота и Месопотамия до Дура были поочередно покорены. Но молодой царь вскоре переломил ход войны. Лично перейдя Тигр, он отрезал Молону путь к отступлению. Молон был вынужден принять сражение под Аполлонией: его левое крыло перешло на сторону врага, и после сокрушительного поражения он и все его родственники и главные сподвижники покончили с собой (220 г. до н. э.). Антиох теперь двинулся на Селевкию, чтобы урегулировать дела на Востоке. Он использовал свою победу с умеренностью, смягчая суровость своего министра

Гермия, но он эффективно предотвратил возникновение нового царства в самой важной провинции Ирана.

[206-155 гг. до н. э.]

В 209 г. до н. э. со ста тысячами пехотинцев и двадцатью тысячами всадников он выступил против нового парфянского царя Арсака II, сына и преемника Тиридата. Война закончилась договором, который оставил Арсаку его царство, но, без сомнения, превратил его в вассала. В 208 г. до н. э. началась гораздо более серьезная война с Бактрией. Наконец, в 206 г. до н. э. был заключен мир, и Антиох принял в своем лагере Деметрия, молодого сына Евтидема, который так понравился царю, что тот обручил ему свою дочь; Евтидем остался на троне, и две державы заключили союз о взаимной помощи в случае нападения, который обошелся Бактрии лишь в определенные денежные выплаты, снабжение македонских войск продовольствием и сдачу боевых слонов. Греки Бактрии были благодарны за такую умеренность; на их памятных монетах Антиох Никатор вместе с Евтидемом Теосом, Диодотом Сотером и Александром Филиппом указаны как основатели их политического существования.

Цари Парфии долгое время оставались в покое после войны с Антиохом Великим. Приаптий, преемник Арсака II (191-176 гг. до н. э.), называет себя на своих монетах «Арсак Филадельф», возможно, потому, что он женился на сестре и был первым из всех парфянских царей, назвавшим себя «филэллен». Последним титулом он представляет себя, в то время, когда власть Селевкидов закатывалась, как защитник своих нынешних и будущих греческих подданных. Его старший сын и преемник, Фраат I (Арсак Теопатр на монетах), завоевал храбрых горцев Марда и переселил их в Харакс, расположенный вблизи Каспийских ворот, что свидетельствует о том, что парфяне уже отделили Комисену и Хоарену от Мидии, вероятно, сразу после смерти Антиоха Великого.

ЗАВОЕВАНИЯ МИТРИДАТА

Около 171 г. до н. э. Фраат умер и оставил корону не своим сыновьям, а своему брату Митридату, принцу с замечательными способностями, который сделал Парфию правящей державой в Иране. Его первые завоевания, по-видимому, были сделаны за счет Бактрии.

Царство Бактрия значительно расширилось при Евтидеме, чей сын Деметрий пересек Индийский Кавказ и начал завоевания в Индии, которые вскоре вывели греков далеко за пределы самых дальних завоеваний Александра. Очевидно, что целью было достичь моря и получить долю в мировой торговле; и вполне возможно, что расширение власти бактрийских греков над китайскими татарами вплоть до сересов и фаунов имело аналогичную цель — защитить торговый путь с Китаем. Ведь сересы — это китайцы, а фауны, согласно Плинию, жили к западу от аттакоров (мифического народа у истоков Хуанхэ). Таким образом, они занимали именно тот регион, который, согласно китайским источникам, в то время принадлежал кочевому скотоводческому народу, тибетским нокиянам. Деметрий, сменивший своего отца, был изгнан из Бактрии способным узурпатором Евкратидом где-то между 181 и 171 годами до н. э. Тысяча городов подчинялась Евкратиду, и он, как и его соперник Деметрий, стремился расширить греческие поселения. Джастин рассказывает нам, что бактрийцы были настолько измотаны войнами, что в конце концов стали легкой добычей для более слабых парфян; но Евкратид он описывает как доблестного князя, который однажды с тремястами людьми продержался пять месяцев, хотя был осажден шестьюдесятью тысячами людей Деметрия, царя Индии; а затем, получив подкрепление, покорил Индию.

Это означает, что помимо царства Бактрии и царства Деметрия (последнее в то время ограничивалось Индией и, вероятно, землями к востоку от Инда) в 206 г. до н. э. в различных районах существовали независимые государства, все еще принадлежавшие Селевкидам. Утверждение Юстина подтверждается монетами, которые также показывают, что Евкратид вышел победителем из серии войн с меньшими государствами. Согласно китайским источникам, Согдиана была оккупирована скифами при жизни Евкратида.

[155-138 гг. до н. э.]

На обратном пути из Индии Евкратид был убит своим сыном и соправителем, вероятно, Гелиоклом [около 155 г. до н. э.]. Дата этого убийства может быть установлена по дате рождения Деметрия, который, вероятно, родился не позднее 224 г. до н. э. () и, по-видимому, лишился своего царства не позднее 159 г. до н. э. Согласно рассказу Юстина, Евкратид не мог прожить еще много лет.

В разгар гражданских войн, которые усугубились после смерти Евкратида, Митридат Парфянский начал расширять свои владения за счет Бактрии: еще при жизни Евкратида ему удалось аннексировать две сатрапии. Другой источник утверждает, что Митридат правил вплоть до Индии и без войны получил старое царство Пора, или власть над всеми народами между Индом и Гидаспсом. Эти два рассказа согласуются с китайскими записями, в которых говорится, что около 161 года до н. э. кочевой народ ссе вторгся в долину Кофен и основал царство на месте парфянских завоеваний в Индии, которые, следовательно, были недолговечными. Этот факт имеет важное значение, поскольку иллюстрирует, как внутренние войны восточных иранских греков помогли подготовить почву для вторжения скифов. После этого успеха на востоке Митридат обратил свое внимание на запад, где шансы на успех были не менее привлекательными. Деметрий в конце концов пал перед коалицией соседних правителей, мощно поддерживаемой римлянами через их инструмент, изгнанника Гераклида. Претендент на престол Александр в 145 г. до н. э. был полностью разгромлен Птолемеем и убит во время бегства арабским вождем. Однако Деметрий (II) Никатор вскоре сделал себя жестоко ненавистным, и пять лет боевых действий вытеснили его из большей части Сирии.

ЗАВОЕВАНИЕ МИДИИ И ВАВИЛОНИИ

Таково было положение империи, когда разразилась война между Мидией и Парфией, которая в конечном итоге закончилась победой последней. Кратковременная независимость Мидии была вскоре прервана Митридатом, который не упустил возможности, предоставленной ему гражданскими войнами в Сирии в 147 г. до н. э. Вавилония последовала за Мидией, и вся провинция со столицей Селевкией попала в руки парфян. Таким образом, Восток был окончательно утрачен македонцами.

Смена власти не была хорошо воспринята новыми подданными Парфии, в особенности греками и македонцами из верхних провинций, которые отправляли одно посольство за другим к Деметрию. В 140 г. до н. э. он вторгся в Месопотамию, а оттуда через Вавилон в верхние провинции. Он был хорошо принят местными жителями, и даже небольшие местные государства объединились с ним против гордых варваров, соседство с которыми они считали угнетающим. К нему присоединились персы и элимеицы, а бактрийцы помогли ему отвлечь внимание, впервые проявив себя как независимый народ. Сначала дела шли хорошо, и парфяне были разгромлены в нескольких сражениях, но в 139 году до н. э. в Мидии Деметрий был застигнут врасплох лейтенантом Митридата во время переговоров о мире; его войска были уничтожены, а он сам был взят в плен и в цепях протаснен по провинциям,

которые присоединились к его делу. Парфянский царь принял пленника с благосклонностью и предоставил ему жилье и подходящее хозяйство в Гиркании. Он даже отдал ему свою дочь Родогуну и пообещал вернуть ему его царство, но этот план был прерван смертью.

[138 г. до н. э.]

Последняя кампания Митридата была направлена против царя Элимаиса; богатые храмы принесли ему добычу в размере десяти тысяч талантов (2 258 000 фунтов стерлингов или 11 290 000 долларов). Страна была присоединена к Парфии, но продолжала иметь своих собственных царей. Судя по монетам, Митридат, вероятно, просто основал новую династию, ветвь своего собственного дома. Митридат умер в преклонном возрасте в 138 г. до н. э. или немного позже. Его память почиталась почти наравне с памятью основателя его дома, но его настоящая слава была гораздо больше, поскольку именно он сделал Парфию великой державой. Его хвалят как справедливого и гуманного правителя, который, став властелином всех земель от Индийского Кавказа до Евфрата, ввел среди парфян лучшие институты каждой страны и таким образом стал законодателем своего народа.

ПАРФИЙСКИЕ «ЦАРСТВА»

Разделение империи, которую он основал, можно наметить с помощью выдержки из маршрута Исидора из Харакса (в начале христианской эры) и из Плиния. Империя была разделена на верхние и нижние царства, разделенные Каспийскими воротами. Нижних царств было семь: (1) Месопотамия и Вавилония, (2) Аполлониатис, (3) Халонитис, (4) Карина, (5) Камбаден, (6) Верхняя Мидия, (7) Нижняя или Рагийская Мидия. Верхних царств было одиннадцать: (8) Хоарена, (9) Комисена, (10) Гиркания, (11) Астауэна, (12) Парфия, (13) Апаварктика, (14) Маргиана, часть Бактрии, (15) Ария, (16) страна Анауанов, (17) Зарангиана и (18) Арахосия, ныне называемая «Белой Индией». Таким образом, восемнадцать парфянских царств соответствуют шести древним сатрапиям. Парфяне уделяли гораздо меньше внимания западу, чем их предшественники, и по-прежнему оставляли Месопотамию единственной великой сатрапией. Отметим также, что они мало заботились о выходе к морю, к которому они могли иметь доступ лишь на небольшом участке у устья Евфрата; и даже здесь они позволили мелкой Харакении значительно опередить их в конкуренции за великую морскую торговлю.

По сравнению со старой Македонской империей, в Парфянском царстве отсутствовали восточные иранские сатрапии, Бактрия с Согдианой и Паропанисады, а также три индийские сатрапии, которые вместе с Паретакеной, или, как ее позже называли, Сакастаной, оставались под властью бактрийских греков и их преемников. На севере им не хватало Малой Мидии, которая долгое время была независимым государством, а на юге — Сузианы, которая теперь принадлежала Элимаиде, и сатрапий Персиды и Кармании, которые персы удерживали вместе с западной частью Гедросии. На крайнем западе им не хватало собственно Аребелита, который образовал небольшое королевство под названием Адиабена, впервые упомянутое в 69 г. до н. э. Королевство Маннуса Оррхи в северной Месопотамии, которое, по словам Исидора, простиралось далеко на юг от Эдессы, по-видимому, также было независимым и, как и Адиабена, вероятно, существовало до парфянского времени.

От этих небольших царств парфяне требовали лишь признания вассальной зависимости. Когда Парфия была сильна, вассальная зависимость была реальной, но когда Парфия была раздираема фракциями, она стала лишь номинальной. Отношения всегда были слабыми, и

поэтому политическая мощь Парфии никогда не была сопоставима с позднейшей мощью Сасанидов. Арсак Тиридат и его преемники называли себя «великим царем». Митридат, как верховный правитель мелких царств, первым носил титул «великий царь царей». По-видимому, этот титул был присвоен, а не принят из простой хвастливости.

Дворянство имело большое влияние во всех делах, особенно в назначении царя, который, однако, всегда был Арсацидом. Рядом с царем стоял сенат *пробулов*, из которого выбирались все генералы и наместники. Их называли родственниками царя, и они, без сомнения, были старым парфянским воинским дворянством. Второй сенат состоял из магов и мудрецов, и эти два сената назначали царя. Парфяне были, по сути, очень набожными, сознательно соблюдая даже самые сложные предписания зороастризма в отношении захоронения тел умерших, которые выставлялись на съедение хищным птицам и собакам, а хоронились только голые кости. Когда парфянский принц Тиридат посетил Нерона, он путешествовал по суше, чтобы не осквернять море, когда он плевал, и его духовные советники-маги путешествовали вместе с ним. Маги, конечно, не были столь всемогущими, как при Сасанидах, но было бы ошибкой думать, что парфяне были лишь нерешительными зороастрийцами.

СКИФСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ БАКТРИИ

[177-130 гг. до н. э.]

За полным уничтожением Македонской империи в Иране последовало уничтожение греческой независимости в восточной части Ирана. Последнее упоминание о независимой Бактрии относится к 140 г. до н. э.; после царя-отцеубийцы Гелиоклеса на монетах не известно ни одного царя Бактрии и Согдианы. Классические авторы дают только два лаконичных описания этой катастрофы. Страбон говорит, что кочевые народы асии, пасиани, тохари и сакарауки, жители земли саков, за Джаксартом, напротив саков и согдийцев, пришли и отняли Бактрию у греков. Трог называет скифские народы сарауками и асианами. К счастью, живой интерес китайцев к перемещениям кочевников Центральной Азии позволяет нам восполнить эту скудную информацию из отчета китайского агента в Бактрии в 128 г. до н. э., записанного немного позже старейшим китайским историком, а также из других сведений, собранных китайцами после открытия регулярного караванного пути на Запад, около 115 г. до н. э., и воплощенных в их второй по старшинству истории.

Согласно этим источникам, юэчжи, кочевой народ, родственник тибетцам, в прежние времена жил между Тунхуан (Шачжоу) и горами Килиеншань, и около 177 г. до н. э. был поработен, как и все его соседи, турецкими хунну. Между 167 и 161 г. до н. э. они возобновили борьбу, но без успеха; Лао-шан, великий хан хунну, убил их царя Чан-луна и сделал из его черепа чашу для питья, а большая часть побежденного народа (великие юэчжи) покинула свои дома и двинулась на запад, заняв земли у озера Иссык-Куль, изгнав перед собой другой кочевой народ, ссу. Все взяли путь через Уч и Кашгар, в конечном итоге достигнув и покорив царство Кипин (долина Кабула), в то время как их прежние владения были заняты великими Юэ-чи, пока те, в свою очередь, не были вскоре атакованы усунями, жившими к западу от хунну, и вынуждены переселиться дальше на запад (160 или 159 г. до н. э.). В 159 г. до н. э. они двинулись прямо на Согдиану, достигнув этой земли как раз в тот момент, когда внутренние войны подрывали могущество Евкратида. Однако завоевание, возможно, было постепенным, поскольку Бактрия все еще упоминается как независимая в 140 г. до н. э.

[130-128 гг. до н. э.]

Фраат II, который в 138 г. до н. э. сменил своего отца и продолжил его дело, отвоевав Маргиану у скифов из Бактрии в ходе экспедиции, увековеченной на сохранившихся монетах, также столкнулся с последней и самой серьезной попыткой восстановить власть Селевкидов. Антиох VII, один из самых способных царей своего рода, двинулся на восток во главе восьмидесятитысячной армии, которая благодаря лагерным последователям увеличилась до трехсот тысяч человек. Многие мелкие князья, на которых тяжело давила рука Парфии, присоединились к нему, как они присоединились к его брату; враг был разгромлен на великой Забе и в двух других сражениях; Вавилон, а затем Экбатана () открыли свои ворота завоевателю; и подчиненные народы восстали против парфян, которые, когда Антиох занял свои зимние квартиры в Мидии, были вновь ограничены своими древними границами. Когда снег начал таять, посольство от Фраата явилось с просьбой о мире; но условия, выдвинутые Антиохом (освобождение Деметрия, сдача всех завоеваний и уплата дани за старую парфянскую страну), были такими, что их нельзя было принять без нового обращения к судьбе войны. Антиох встретил парфян с превосходящими силами в 120 000 человек; он отверг совет своих офицеров отступить в соседние горы и принял бой на поле, слишком узком для маневров его войск. Сирийские солдаты, изнеженные роскошью, были более готовы подражать бегству Афиней, чем доблести своего господина; все войско было вовлечено в бегство и уничтожено. Сам Антиох, раненный,

сбежал с поля битвы и бросился со скалы, чтобы не попасть в плен. Эта катастрофа (февраль 129 г. до н. э.) навсегда избавила парфян от угрозы со стороны Сирии.

СКИФЫ РАЗРУШАЮТ ПАРФИЮ

Скифский воин

Фраат отдал почести погибшему царю и затем отправил его тело в Сирию в серебряном гробу. Он королевски принял пленную семью, женился на одной из двух дочерей и отправил старшего сына, Селевка, в Сирию, чтобы тот заявил о своих правах на престол и послужил его будущим планам, поскольку попытка преследовать и вновь захватить Деметрия, предпринятая сразу после битвы, оказалась слишком запоздалой. Но опасности на востоке вскоре отвлекли внимание парфян от предприятий на западе. В своем отчаянии он подкупил скифов, чтобы те прислали ему помощь; поскольку они прибыли слишком поздно, он отказался им платить, и они, в свою очередь, начали разорять парфянскую страну. Фраат выступил против них, оставив управление страной своему фавориту, гирканцу Евмеру, который наказал страны, поддержавшие Антиоха, вел войну с Месеной и обращался с Вавилоном и Селевкией с крайней жестокостью. Но война со скифами оказалась катастрофической; враг захватил всю империю, и впервые за пятьсот лет скифские грабители снова появились в Месопотамии; в решающей битве Фраат был покинут старыми солдатами Антиоха, которых он принудил к службе, а затем обращался с ними с наглой жестокостью; парфянское войско потерпело сокрушительное поражение, а сам царь был убит весной 128 г. до н. э. или несколько позже.

[128-64 гг. до н. э.]

Артабан I (третий сын Приапатия), который теперь стал царем, был пожилым человеком. Скифы, согласно слишком благоприятному описанию нашего главного авторитета, были довольны своей победой и двинулись домой, опустошая страну. Но мы знаем от Иоанна Антиохийского, что преемник Фраата платил им дань; и южная часть Дрангианы теперь, должно быть, была постоянно оккупирована скифскими племенами. Наконец, монеты

свидетельствуют о существовании Арсакидов, которые были соперниками царей Артабана I и Митридата II, и, возможно, заимствовали из отдельных успехов против скифов гордые титулы, которые так сильно контрастируют с действительно плачевным состоянием империи. Между тем, похоже, что люди из Селевкии, доведенные до отчаяния, схватили тирана Эвгемера и подвергли его жестокой казни. Когда они просили у Артабана пощады, он пригрозил выколоть глаза каждому жителю Селевкии, и его остановила только смерть в сражении с тохарами после очень короткого правления.

Митридат II Великий, его сын и преемник, был восстановителем империи. Кратко сообщается, что он доблестно вел много войн со своими соседями, присоединил к империи многие народы и одержал несколько побед над скифами, отомстив таким образом за позор своих предшественников. Однако его успехи, по-видимому, ограничивались практически восстановлением утраченных территорий, и восточная граница не была продвинута. Обычно его успехи связывают с появлением парфянских имен среди индо-скифских князей долины Кабула, но это, вероятно, неверно. С другой стороны, Митридат, если и не был первым, кто завоевал Месопотамию, то был первым, кто установил Евфрат в качестве западной границы империи, и к концу своего правления он был достаточно силен, чтобы вмешиваться в дела Великой Армении и посадить Тиграна II на трон в период споров о престолонаследии (94 г. до н. э.), получив в обмен уступку семидесяти армянских долин.

ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТ С РИМОМ

Теперь и парфяне, как владыки Месопотамии, впервые вступили в контакт с Римом, и в 92 г. до н. э., когда Сулла прибыл в Каппадокию в качестве пропраетора Киликии, он встретил на Евфрате посланника Митридата, стремившегося заключить союз с Римом. Это посольство, без сомнения, было связано с парфянскими замыслами против Сирии. Деметрий III Селевк, правивший в Дамаске, был вынужден сдаться со всей своей армией и закончил свою жизнь в плену при парфянском дворе. Митридат Великий, по-видимому, умер сразу после этого события; нет оснований полагать, что он дожил до тех бедствий, которые последовали вскоре за его великими успехами.

[64-53 гг. до н. э.]

Следующим монархом был Артабан II, но после него титул царя царей перешел к армянину Тиграну, одному из самых опасных врагов Парфии. В 86 году до н. э. Тигран был избран царем части Сирии еще потому, что он был в союзе с Парфией, но вскоре последнее государство было настолько разрушено гражданской и внешней войной, что не могло составить конкуренцию Армении. В 77 году до н. э. на престол вступил Аршак Синатрукс. Тигран завоевал Мидию, разорил Арбелу и Ниневию и заставил уступить Адиабену и Месопотамию. Фраат III, сменивший своего отца, Синатрука, после периода колеблющегося нейтралитета принял предложение Помпея и приготовился к вторжению в Армению (66 г. до н. э.), руководствуясь советами младшего Тиграна, который поссорился с отцом и укрылся в Парфии, где женился на дочери царя. Тигран Старший бежал в горы, а Фраат повернул назад, оставив молодого Тиграна с частью армии для продолжения войны. Последний, который в одиночку не мог соперничать с отцом, после полного поражения бежал к Помпею, который как раз готовился к вторжению в Армению и которому Тигран Старший вскоре сдался на безразличных условиях. Однако римлянин предоставил ему очень выгодные условия, полностью отказался от дела его сына и даже посадил его в цепи. Тем временем Фраат занял завоеванные Тиграном земли, которые римляне () обещали ему, и послал посольство к Помпею, чтобы тот заступился за его зятя. Но римляне больше не нуждались в помощи парфян и, вместо того чтобы удовлетворить его просьбу, послали Афрания

очистить страну и вернуть ее Тиграну. Сразу после этого офицер Помпея вторгся в Сирию через Месопотамию, которая по договору была явно признана парфянской; и еще одним тяжелым оскорблением было то, что Помпей в письме к Фраату не упомянул его титул царя царей. Около 57 г. до н. э. Фраат, восстановитель империи, был убит своими двумя сыновьями, один из которых, Ород I, занял трон, а его брат Митридат III получил Мидию; но последний правил так жестоко, что был изгнан парфянской знатью, и Ород правил один.

ОРОД ПОБЕЖДАЕТ РИМЛЯН

Весной в Сирии появилось парфянское посольство, чтобы выразить протест против неверности Рима, но в то же время парфяне были готовы к войне. Суренас вместе с Силасом, сатрапом Месопотамии, давил на римские гарнизоны и готовился противостоять Крассу с армией, полностью состоящей из кавалерии, в то время как Ород лично вторгся в Армению. Весной 53 года до н. э. Красс и его сын Публий пересекли Евфрат у Зеугмы с семьей легионами и восемью тысячами всадников и легкой пехоты, что составляло в общей сложности сорок две или сорок три тысячи человек, и были убеждены Абгаром из Орроены покинуть реку и маршировать прямо через равнины к Сурену. Суренас скрыл основную часть своих войск за лесистым холмом, показав только не очень многочисленный авангард катафрактов, пока римляне не вступили в бой. Римская кавалерия атаковала врага, чтобы предотвратить угрожающее движение по флангу, и была отвлечена от основной части армии любимым маневром парфян — имитацией бегства.^c

В «Жизни Красса» Плутарха дается настолько яркое описание жестокости этой битвы, что мы вполне можем процитировать его здесь.^d

ОПИСАНИЕ ПЛУТАРХОМ БИТВЫ ПРИ КАРРАХ

[53 г. до н. э.]

Сначала римлянам казалось, что враги не так многочисленны и не так хорошо вооружены, как они думали. Что касается их большого числа, то Сурена специально скрыл его, отправив вперед часть войск, а чтобы скрыть их блестящие доспехи, он накинул на них плащи и шкуры животных. Но когда обе армии приблизились друг к другу и был поднят знак к атаке, сначала они наполнили поле ужасным шумом. Ибо парфяне не подбадривают своих воинов звуками рогов, ни труб, ни гобоев, но с помощью больших полых барабанов, к которым прикреплены маленькие колокольчики и медные кольца, и все вместе они издают шум, похожий на мертвый звук, смешанный с ревом диких зверей и страшным грохотом, как будто гремит гром, зная, что слух — это один из чувств, который быстрее всего воздействует на сердце и дух любого человека и быстрее всего выводит его из себя.

Римляне, испуганные этим мертвым звуком, парфяне сразу сбросили с себя одежду и покрывала, которые скрывали их доспехи, и показали свои блестящие шлемы и курасы из закаленной в Маргии стали, которые сверкали, как огонь, и своих лошадей, украшенных сталью и медью. Лучники обладали большой силой и имели большие сильные луки, которые с удивительной силой выпускали стрелы. Римляне из-за этих луков оказались в тяжелом положении. Ведь если они держались в строю, то получали тяжелые ранения; а если они покидали строй и пытались броситься на парфян, чтобы сразиться с ними в ближнем бою, то видели, что могут нанести им лишь небольшой ущерб, а сами, скорее всего, понесут большой ущерб. Ведь как только римляне приближались к ним, парфяне так же быстро отступали, но при этом продолжали стрелять, что лучше них умели делать только

скифы, и это было для них огромным преимуществом. Ведь отступлением они лучше всего спасали себя, а продолжая сражаться, избегали позора, который принесло бы им бегство.

Римляне продолжали защищаться и держаться, пока у них была надежда, что парфяне прекратят сражение, когда израсходуют свои стрелы, или вступят с ними в бой. Но когда они поняли, что у врагов было большое количество верблюдов, груженных колчанами, полными стрел, и что те, кто израсходовал свои стрелы, возвращались, чтобы взять новые колчаны, Красс, видя, что их стрельба не имеет конца, начал терять мужество и послал к своему сыну Публию, приказав ему в любом случае с отчаянной силой атаковать врагов и нанести удар, пока они не окружили их со всех сторон.

Но те, увидев его приближение, развернули лошадей и бежали. Публий Красс, увидев их бегство, воскликнул: «Эти люди не хотят с нами сражаться!» — и бросился в погоню за ними. Они думали, что все уже выиграно и осталось только продолжать погоню, пока не отделились от армии и не обнаружили обман. Ибо всадники, бежавшие перед ними, внезапно развернулись, и к ним присоединилось еще много других, которые напали на них. Тогда римляне остановились, думая, что враги, видя, что их так мало, придут и будут сражаться с ними врукопашную. Однако они выставили против них своих вооруженных людей с кольчугами и заставили своих легких всадников кружить вокруг них, не соблюдая никакого порядка: те, скача по равнине, поднимали с земли песчаные холмы копытами своих лошадей, поднимая такое чудесное облако пыли, что римляне едва могли видеть друг друга и разговаривать.

Ибо они, будучи заперты в маленькой комнате и стоя вплотную друг к другу, были тяжело ранены стрелами парфян и умирали мучительной и медленной смертью, крича от мучений и боли, которые они испытывали; и, переворачиваясь и мучаясь на песке, они ломали стрелы, торчащие в них. Кроме того, пытаясь силой вырвать раздвоенные наконечники стрел, которые глубоко вонзились в их тела, пронзив вены и сухожилия, они еще больше расширяли свои раны и тем самым обрекали себя на гибель. Многие из них умерли таким мучительным смертью мучеников, а те, кто не умер, не могли защитить себя.

Тогда, когда Публий Красс молил и умолял их атаковать вооруженных людей на своих конях, они показали ему свои руки, пригвожденные стрелами к щитам, и свои ноги, также пронзенные и пригвожденные к земле, так что они не могли ни бежать, ни защищаться. Тогда он сам ободрил своих всадников, пошел в атаку и отважно напал на врагов, но это было слишком невыгодно как для нападения, так и для защиты. Ведь он сам и его люди с слабыми и легкими палками нападали на тех, кто был вооружен стальными курасами или жесткими кожаными куртками (). А парфяне, напротив, с мощными сильными копьями нападали на этих галлов, которые были либо невооружены, либо вооружены лишь легко.

ПАРФЯНСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Тем не менее, именно им Красс доверял больше всего, поскольку они совершили с ним замечательные военные подвиги. Они принимали копья парфян на руки, обхватывали их за середину и сбрасывали с лошадей, где те лежали на земле и не могли пошевелиться из-за тяжести доспехов. Некоторые из них, спрыгивая с лошадей, ложились под животы лошадей врагов и вонзали в них мечи. Их лошади, подбрасываемые и прыгающие в воздухе от сильной боли, сбрасывали своих всадников под ноги, а врагов — друг на друга, и в конце концов падали мертвыми среди них. Кроме того, сильная жара и жажда чрезвычайно мешали галлам, которые не были привычны ни к тому, ни к другому, и большая часть их лошадей была убита, когда они с полной силой атаковали вооруженных парфян и наткнулись на острие их копий.

В конце концов, они были вынуждены отступить к своим пехотинцам, среди которых был Публий Красс, который был очень болен из-за полученных ран. Увидев случайно недалеко от себя песчаный холм, они пошли туда, поставили своих лошадей посреди него и окружили его своими щитами, думая, что таким образом они смогут лучше укрыться и защититься от варваров, однако оказалось, что все было наоборот. Те, кто стоял сзади, на более высоком месте, не могли спастись и были ранены так же, как и остальные, оплакивая свое несчастье и бедствие, поскольку им предстояло умереть, не отомстив и не проявив свою доблесть. Двое греков посоветовали П. Крассу уйти вместе с ними. Но Публий ответил им, что нет смерти столь жестокой, которая заставила бы его покинуть тех, кто умирает за него. Сказав это, он пожелал им спастись, обнял их и попрощался с ними; будучи тяжело ранен стрелой в одну из рук, он приказал одному из своих дворян пронзить его мечом и для этого повернулся к нему боком. Сообщается, что цензорин поступил так же. Мегабакх убил себя собственными руками, как и большинство дворян из этой компании.

А тех, кто остался в живых, парфяне поднялись на песчаный холм и, сражаясь с ними, пронзили их копьями и пиками и взяли в плен только пятьсот человек. После этого они отрубили голову Публию Крассу и сразу же вернулись, чтобы напасть на его отца Красса, который тогда находился в таком состоянии. Кресс-отец, после того как велел своему сыну атаковать врагов, отступил, как мог, к склону холма, надеясь, что его сын скоро вернется с погони. Но Публий, видя себя в опасности, послал нескольких гонцов к отцу, чтобы сообщить ему о своем бедственном положении, но парфяне перехватили их и убили по дороге (). Последние гонцы, с трудом спасшиеся, принесли Крассу известие, что его сын погиб, если он не придет ему на помощь немедленно и с большой силой. Эта весть была тяжелой для Красса в двух отношениях: во-первых, из-за страха, что он может потерять все, и во-вторых, из-за его горячего желания прийти на помощь сыну. Таким образом, он понял, что все будет потеряно, и в конце концов решил отправить все свои силы на спасение сына.

Но тем временем враги вернулись после поражения его сына с еще более страшным шумом и криками победы, чем когда-либо прежде, и их смертоносные барабаны наполнили воздух своим чудесным звуком. Римляне сразу же ожидали горячей тревоги. Но парфяне, принесшие голову Публия Красса на острие копья, подошли к римлянам, показали им его голову и насмешливо спросили, знают ли они, из какого он рода и кто его родители, потому что, по их словам, было маловероятно, чтобы такой благородный и доблестный молодой человек был сыном такого трусливого отца, как Красс.

Вид головы Публия Красса убил сердца римлян больше, чем любая другая опасность, с которой они сталкивались в течение всей битвы. Ибо это не зажгло их сердца гневом и желанием мести, как должно было бы быть, а, напротив, заставило их дрожать от страха и поразило их до смерти. Однако сам Красс проявил в этом несчастье больше мужества, чем он проявил за всю войну. Проезжая мимо каждого отряда, он громко кричал: «Наши предки в древности потеряли тысячу кораблей, да и в Италии — несколько армий и вождей, пытаюсь завоевать Сицилию, но, несмотря на все эти потери, в конце концов они одержали победу над теми, кто ранее победил их. Империя Рима достигла своего нынешнего величия не только благодаря удаче, но и благодаря терпению и постоянному перенесению бедствий и невзгод, никогда не уступая и не поддаваясь никакой опасности».

Красс, используя эти убеждения, чтобы воодушевить своих солдат на решительные действия, обнаружил, что все его слова не возымели никакого эффекта: напротив, после того как он приказал им дать боевой клич, он ясно увидел, что их сердца были сломлены, ибо их клич был слабым и не , как обычно. Парфяне, с другой стороны, кричали громко и энергично. Когда они сошлись, парфянские лучники на лошадях, окружив римлян по флангам, выпустили в них бесчисленное количество стрел. Но их воины, атакуя фронт римлян, сражались своими большими копьями и заставили их отступить в узкое пространство, за исключением нескольких, которые отважно и отчаянно ворвались в их ряды, как люди, предпочитающие умереть, чем быть убитыми стрелами, где они почти не могли нанести парфянам никакого вреда. Так они были скоро убиты, пронзенные большими копьями, которые пронзали их головы, тела и все остальное с такой силой, что часто пронзали сразу двоих.

Так, провоевав весь день, наступила ночь, и они отступили, сказав, что дадут Крассу ночь передышки, чтобы он мог оплакивать и скорбеть о смерти своего сына. Парфяне, разбив лагерь рядом с римлянами, были полны надежды на то, что на следующее утро они смогут разгромить их. Римляне, с другой стороны, провели ужасную ночь, не имея возможности похоронить своих мертвых и оказать помощь раненым, которые умирали в мучительных страданиях; каждый оплакивал свою тяжелую судьбу, видя, что ни один из них не сможет спастись, если они будут ждать до утра. Но Красс ушел в сторону без света и лег, закрыв

голову, потому что не хотел никого видеть, тем самым показывая простым людям пример изменчивой судьбы; а мудрецам — хороший урок, чтобы узнать плоды дурного совета и тщетной амбиции, которые так ослепили его, что он не мог довольствоваться командованием столькими тысячами людей, но считал себя (как можно сказать) самым ничтожным из всех и тем, кто ничего не имел, потому что считался ниже только двух человек — Помпея и Цезаря.

Тем не менее, Октавий, один из его военачальников, и Кассий, казначей, видя, что он настолько подавлен горем и унынием, что в нем нет ни жизни, ни духа, сами созвали капитанов и центурионов, собрались на совет по поводу их отправления и так решили, что больше нечего медлить. Таким образом, по своей собственной инициативе они сначала отправили армию в поход без звуков труб или других шумов.

Но сразу же после этого те, кто остался раненым и больным и не мог следовать за армией, увидев, что лагерь уходит, начали кричать и мучить себя так, что наполнили весь лагерь скорбью и вывели всех из строя своим громким стенанием и громким плачем; так что передовые ряды, которые первыми вышли из лагеря, охватил страшный страх, думая, что это враги пришли и напали на них. Затем, часто поворачиваясь и выстраиваясь в боевой порядок, то загружая своих животных ранеными, то снова разгружая их, они остались позади.^d

После того как Красс опасно запутался в болотистой местности, он почти достиг гор, когда отчаяние своих войск, а не собственная ошибка в суждении, побудило его поддаться вероломным предложениям Сурены и снова спуститься на равнину. Когда он сел на лошадь, которая должна была доставить его на встречу с вражеским полководцем, жесты парфян вызвали подозрения в предательстве, завязалась борьба, и Красс был сражен и убит. Из всего войска едва десять тысяч человек достигли Сирии через Армению; двадцать тысяч пали, а десять тысяч пленных были поселены в Антиохии, столице Маргианы.

[53-40 гг. до н. э.]

Знак победы, рука и голова Красса, достигли Орода в Армении как раз в тот момент, когда он заключил мир с Артаваздом и обручил своего старшего сына Пакора с дочерью армянского царя. Римская катастрофа была вызвана в первую очередь новизной парфянского способа нападения (), который застал их врасплох, а также частично плохим командованием; но римляне всегда искали предателя, чтобы объяснить поражение, и в данном случае они частично возложили вину на Андромаха из Карр, который действительно ввел Красса в заблуждение во время отступления и был вознагражден парфянами тиранией над своим родным городом, но не оказал большого влияния на катастрофу; а частично на Абгара, чей совет был, без сомнения, плохим, но не обязательно предательским.

Суренас, победитель при Каррах, чья слава теперь была слишком велика для простого подданного, был казнен немного позже, став жертвой ревности Орода; сама победа не была должным образом использована. Только в 52 г. до н. э. Сирия была завоевана, и то с такими слабыми силами, что Кассий легко справился с обороной.

Ород избежал угрозы разрыва со своим сыном Пакором, включив его в империю; но парфяне мало воспользовались гражданскими войнами, предшествовавшими падению Римской республики. Они время от времени вмешивались, чтобы спасти более слабую сторону от полного уничтожения, но даже эта политика не проводилась энергично, и Ород отказался помочь Помпею в его беде, потому что римлянин не обещал отдать ему Сирию. Лабиен был с Ородом, ведя переговоры о помощи в более широком масштабе, когда пришла весть о Филиппах, и оставался с ним до 40 г. до н. э., когда его наконец отправили обратно в

Сирию (), вместе с Пакором и многочисленным войском. Римские гарнизоны в Сирии состояли из старых войск Брута и Кассия, которые были перехвачены Антонием; те, что находились в районе Апамеи, присоединились к Лабиену; легат Антония Децидий Сакс был разгромлен и бежал из лагеря, опасаясь своих же людей.

[43-36 гг. до н. э.]

Апамея, Антиохия и вся Сирия вскоре попали в руки парфян, а Децидий был преследован и убит. Пакор продвигался по большой дороге и принял подчинение всех финикийских городов, кроме Тира. Одновременно сатрап Барзафран появился в Галилее; патриоты по всей Палестине восстали против Фасаэля и Ирода; и пятисот парфянских всадников, появившихся перед Иерусалимом, хватило, чтобы свергнуть римскую партию и заменить Гиркана Антигоном. Парфянская администрация была благоприятным контрастом по сравнению с правлением угнетательных проконсулов, а справедливость и милосердие Пакора завоевали сердца сирийцев. Тем временем Лабиен проник в Малую Азию до Лидии и Ионии. Римский наместник Планк смог удержать только острова; большинство городов открыли свои ворота Лабиену, «парфянскому императору».

Но Рим даже в период гражданских раздоров был сильнее Парфии; в 39 г. до н. э. Вентидий Басс, полководец Антония, внезапно появился в Азии и без боя прогнал Лабиена и его провинциальные войска до Тавра. Здесь парфянам на помощь пришел Лабиен, но, напав опрометчиво и без его сотрудничества, они были разгромлены Вентидием, а войска Лабиена были вовлечены в катастрофу; Франипат, самый способный лейтенант Пакора, пал, и парфяне эвакуировались из Сирии. Прежде чем Вентидий завершил восстановление римской власти в Сирии и Палестине, и пока его войска были рассеяны по зимним квартирам, парфяне снова напали на него с силами более двадцати тысяч человек и необычно большим количеством свободных всадников в полном доспехе. Битва произошла возле храма Геркулеса в Гиндрасе в Киррестике, как говорят, в годовщину поражения Красса (9 июня 38 г. до н. э.); парфяне были полностью разгромлены, а сам Пакор был убит. Его голову разослали по городам Сирии, которые все еще находились в состоянии восстания, чтобы доказать им, что их надежды не оправдались. Дальнейшего сопротивления, за исключением Арада и Иерусалима, не было.

Ород, к тому времени уже старик и глубоко опечаленный смертью своего любимого сына, назначил своим соправителем своего следующего сына, Фраата, который начал свое правление с того, что убил своих братьев, которым он завидовал, а затем задушил своего отца, который не скрывал своего гнева по поводу предыдущего преступления (37 г. до н. э.). Правление Орода было кульминацией величия Парфии, и все его преемники приняли его титул царя царей «Арсак Эвергет». Именно он перенес столицу на запад, в Селевкию, а точнее, в Ктесифон (Тайсефун), ее восточный пригород.

ФРААТ IV ОТБИВАЕТ МАРКА АНТОНИЯ

[36-9 гг. до н. э.]

Фраат IV продолжил свое правление серией преступлений, убив всех видных людей среди своих братьев и даже своего собственного взрослого сына, чтобы знать не могли найти Арсацида, который возглавил бы их недовольство. Многие из знати бежали в другие страны, и Антоний почувствовал себя воодушевленным, чтобы спланировать войну мести против Парфии. Антоний не имел надежды прорвать хорошо охраняемую границу Евфрата, но после смерти Пакора Армения снова оказалась под покровительством Рима, и он надеялся

нанести удар по сердцу Парфии. Держа парфян в напряжении с помощью ложных предложений о мире (), пока он завершал свои приготовления, он появился в Атропатене в 36 г. до н. э. с шестьюдесятью тысячами легионеров и сорока тысячами всадников и вспомогательных войск и сразу же начал осаду столицы Фрааспа. Мидийский царь Артавазд, сын Ариобарзана, выступил, чтобы присоединиться к Фраату, который ожидал нападения в другом месте. У Фраата было только сорок тысяч парфян, включая всего четыреста вольноотпущенников, которые никогда не покидали царя, и, вероятно, десять тысяч мидийской кавалерии; но эти силы были хорошо организованы, и два царя достигли места сражения до того, как к Антонию присоединились его багаж и тяжелая осадная техника, и начали кампанию, захватив поезд и расправившись с его эскортом из семи тысяч пятисот человек под командованием легата Оппия Статиана. Антоний все еще был способен отразить попытку освободить Фрааспа, но его запасы продовольствия иссякли, а отряды, занимавшиеся добычей продовольствия, подвергались таким преследованиям, что осада не продвигалась. Поскольку наступил октябрь, он был вынужден начать переговоры с Фраатом.

Парфяне обещали мир, если римляне уйдут, но когда Антоний поверил ему на слово и оставил осадные машины, он начал энергичное преследование и держал римлян в постоянной обороне, наказав одного офицера, который рискнул вступить в сражение, поражением, которое стоило римлянам трех тысяч убитых и пяти тысяч раненых. Еще большие потери были от голода, жажды и дизентерии; вся армия была полностью деморализована и потеряла четверть своих бойцов, треть лагерных слуг и весь багаж, когда после 27-дневного отступления от Фрааспа к Араксу через Миане (276 миль) они достигли армянской границы. Еще восемь тысяч погибли от холода и снежных бурь в армянских горах; смертность среди раненых была ужасающей; римляне были бы обречены, если бы Артавазд Армянский не разрешил им перезимовать на его земле.

Неудача экспедиции была частично обусловлена обычным для римлян незнанием географических и климатических условий, частично — опрометчивой поспешностью в первых операциях; но в значительной степени также (как и в случае с русской кампанией Наполеона) отсутствию дисциплины у солдат Гражданской войны, что требовало очень сурового наказания даже во время осады Фрааспы и в конечном итоге привело к частым дезертирствам и открытому мятежу, что заставило Антония думать о самоубийстве. Римляне возложили всю вину на Артавазда, но без каких-либо веских оснований. В то же время катастрофа Антония, последовавшая за катастрофой Красса, казалось, показывала, что на территории своей страны парфян нельзя было безопасно атаковать ни с одной стороны, и в течение полутора веков римская алчность оставила их в покое.

Мидия и Армения пали перед парфянами; римляне, которые все еще находились в стране, были убиты, и Артакс II был возведен на армянский трон (30 г. до н. э.). Однако уже в следующем году ход событий в Парфии заставил Артакса заключить мир с Римом. Тирания Фраата только усугубилась его успехами, и в 33 г. до н. э. вспыхнуло открытое восстание. У нас есть монеты анонимного претендента на престол, датированные мартом-июнем 32 г. до н. э. Его сменил Тиридат II, восстание которого достигло апогея во время Актийской войны. Фраат был застигнут врасплох и бежал, убив своих наложниц, чтобы они не стали добычей его победителя. Тиридат занял трон в июне 27 года до н. э., а Фраат некоторое время скитался в изгнании, пока не убедил скифов поддержать его дело. Перед великим войском скифов Тиридат отступил без боя. В июне 26 года до н. э., как свидетельствуют монеты, Фраат вновь занял трон. В 10 или 9 году до н. э. Фраат принял меры предосторожности и отправил свою семью в Рим, чтобы мятежники не могли выдвинуть претендента из рода Аршакидов, оставив только своего младшего сына от любимой жены Теи Музы Урании,

итальянской рабыни, подаренной ему Августом, и назначив его наследником. Это был в основном план Урании, и она с сыном увенчали его убийством старого тирана.

АНАРХИЯ В ПАРФИИ

[9 г. до н. э. — 40 г. н. э.]

Фраат V, или, как его обычно называют, Фраатац (уменьшительное), был таким образом третьим Аршакидом в ряду поколений, взошедшим на престол путем отцеубийства. Фраат V, чья первая монета датируется 2 г. до н. э., провел энергичную политику, изгнав из Армении Артавазда III и поддерживавшие его римские войска и посадив на трон Тиграна IV, который был беглецом под защитой Парфии. Поскольку Август не желал расширять империю, а Фраат не был уверен в своей власти, ни одна из сторон не хотела воевать, и после нескольких гневных слов было заключено соглашение, по которому Фраат отказался от всех притязаний на Армению и оставил своих братьев в качестве заложников в Риме (1 год н. э.). Фраат женился на своей матери, вероятно, чтобы умиротворить духовенство, поскольку знал, что дворяне его ненавидят. Вскоре он был вынужден бежать от восстания (после октября 4 г. н. э.) на римскую территорию, где, по-видимому, вскоре умер.

Парфяне призвали Орода II из изгнания на престол. От него у нас сохранилась монета, отчеканенная осенью 6 года н. э., но его дикий и жестокий характер вскоре сделал его ненавистным, и он был убит во время охоты. Анархия и кровопролитие взяли верх, и парфяне отправили в Рим (до 9 года н. э.) и получили оттуда в качестве царя Вононеса, старшего из сыновей Фраата IV, благонамеренного принца, чье зарубежное образование сделало его совершенно чужим своей стране. Произошла сильная реакция национальных чувств, и поскольку основная линия Арсакидов была теперь исчерпана смертью или изгнанием, Артабан, Арсакид по материнской линии, выросший среди дахов и впоследствии ставший царем Мидии (Атропатены), был провозглашен претендентом на престол в 10 или 11 году н. э. Сначала Артабан потерпел поражение, но в конце концов одержал великую и кровавую победу и занял трон в Ктесифоне. Вонон бежал в Армению и был избран царем этой страны (16 г. н. э.); но Тиберий, стремясь избежать войны и не желая давать Артабану III повод для вторжения в Армению, убедил Вонона удалиться в Сирию. Позже он был интернирован в Киликии и в 19 г. н. э. погиб при попытке побега.

Среди таких постоянных восстаний Артабан III, проницательный и энергичный, не только удержал свою власть, но и вел успешные войны за рубежом, посадил своего сына Арсака на престол Армении и бросил еще более прямой вызов Риму, выдвинув претензии на господство над иранским населением Каппадокии. На протяжении всего первого века существования Римской империи все отношения с Парфией сводились к борьбе за влияние в Армении, и, как бы ни любил Тиберий мир, он не мог оставить без внимания это нарушение баланса сил. Как бы ни ненавидел Артабан римлян, его неустойчивое положение внутри страны заставило его в 37 году н. э. пойти на уступки на выгодных для них условиях и отправить своего сына Дария в качестве заложника к Тиберию.

[40-81 гг. н. э.]

При жизни Артабана второе место в империи занимал некий Готарзес, который, по-видимому, был его коллегой в верхних сатрапиях и, возможно, его заместителем во время бегства в Адиабену. Однако есть веские доказательства того, что он не был, как утверждает Иосиф Флавий и подразумевает Тацит, сыном Артабана (за исключением усыновления), и поэтому мы видим, что престол сначала перешел к Вардану, который чеканил монету в

сентябре 40 года н. э. Но в 41 году н. э. Готарз дал Вардану возможность вернуться; за два дня он преодолел 345 миль и, застав своего соперника врасплох, заставил его бежать и занял нижние сатрапии, где с июля 42 года н. э. регулярно чеканил монету. Возобновление гражданской войны позволило императору Клавдию с помощью иберийцев изгнать парфянского сатрапа Демонакса из Армении и вновь посадить Митридата на трон. Тем временем Готарз и Варданес встретились лицом к лицу на равнине западной или парфянской Бактрии, но покушение на жизнь последнего было раскрыто его врагом, и они заключили мир, а Готарз отступил в Гирканию; Варданес, укрепившись в своей империи, вернулся в Селевкию и взял ее в 43 году н. э. после семилетней осады.

То, что Варданес был великим царем, ясно из высокой похвалы Тацита и внимания, которое величайший из римских историков уделяет правлению, не имевшему прямого отношения к Риму. Варданес, чья последняя монета датирована августом 45 года н. э., был убит во время охоты — жертвой, как нам говорят, ненависти, вызванной его суровостью по отношению к подданным. Но, оценивая обвинения, выдвинутые против него и его двух предшественников, мы должны помнить, что восхождение к власти новой династии, подобной династии Артабана, всегда сопровождается актами насилия, и что угнетенные подданные — это просто совершенно неуправляемые парфянские вельможи, которые утратили всякую дисциплину в ходе длительных гражданских войн и которых можно было контролировать только силой.

Готарз умер от болезни не раньше июня 51 года н. э., и его преемником стал Вононес II, который был царем в Атропатене и, вероятно, был братом Артабана III. Судя по монетам, его короткое правление началось до сентября 51 года н. э. и закончилось не раньше октября 54 г. н. э. Его преемником стал его старший сын Волагас I, и братья согласились с его продвижением, хотя его мать была лишь наложницей из Милета; в качестве компенсации они были назначены правителями царств, которые занимали второе и третье места после царя царей — Пакор в Мидии или Атропатене, а Тиридат в Армении. Армяне теперь не оказывали сопротивления парфянам, но римляне не были довольны потерей своего влияния в этой стране. Однако открытая война с Римом все еще откладывалась из-за переговоров. В конце концов Рим отказался подтвердить договор, и была объявлена война. Первый год войны (62 г. н. э.) был неудачным для римлян. На следующий год война возобновилась, и Корбулон, перейдя Евфрат у Мелитены, проник в Софену, когда парфяне искренне стремились к миру. Было решено, что Тиридат должен сложить свою диадему и лично отправиться в Рим, чтобы вновь получить ее от императора, что и было сделано в 66 году н. э. Реальное преимущество от войны получила скорее Парфия, чем Рим, поскольку, если признать верховную власть Рима над Арменией, то парфяне после борьбы, длившейся целое поколение, добились того, что на армянский трон вззошел представитель династии Аршакидов. После смерти Нерона Волагас (Вологес) установил очень дружеские отношения с Веспасианом, которые продлились до 75 года н. э.

Волагас I умер вскоре после аланских войн, оставив после себя справедливую репутацию благодаря своим дружеским отношениям с братьями (отношениям, которые так долго оставались неизвестными), терпеливой стойкости в иностранных войнах и внутренних бедах, а также основанию новой столицы. Возможно, он также заслуживает признания за то, что собрал из фрагментов и устных преданий все, что осталось от Авесты. С июня 78 года н. э. мы видим двух царей, чеканивших монеты и правивших вместе, Волагаса II и Пакора II, вероятно, братьев. С 79 года н. э. наблюдается длительный перерыв в чеканке монет первого, и его место занимает Артабан IV с монетой, отчеканенной в июле 81 года н. э. Этот Артабан выступает защитником некоего Теренция Максима, который выдавал себя за Нерона; он угрожал восстановить его и сместить Тита силой (), и хотя самозванец в конце концов был сдан, фарс, который продолжался до 88 года н. э., мог бы закончиться всерьез, если бы не

беспорядки того времени, о которых свидетельствует перерыв в чеканке парфянских монет между 84 и 93 годами н. э., в последнем из которых Пакор появляется как единственный царь.

[88-116 гг. н. э.]

В это время политический горизонт Парфии был очень широк, и ее связи с Дальним Востоком были более активными, чем когда-либо. В 90 году н. э. юэчжи вступили в войну с правителем китайской Татари и были обращены в вассалы: в 94 году н. э. китайская экспедиция убила их царя и, продвинувшись к «Северному морю» (озеру Араль), подчинила себе пятьдесят царств. Как видно, тохары, подобно грекам до них, пренебрегли землями к северу от Гиндукуша в своих планах по завоеванию Индии; даже монет Уэмо-Кадфиса не найдено к северу от этого хребта. В 97 году н. э. китайские послы, направленные в Рим, действительно достигли Средиземного моря, но были отговорены от дальнейшего путешествия рассказами парфян о ужасах морского плавания; а в 101 году н. э. Муон-кью, царь Ан-си (парфян), послал львов и газелей императору Китая. Муон-кью правил в Хо-то, *то есть* Карте или Задракарте в Гиркании; поэтому он был царем гирканов, которые также владели старыми парфянскими землями к востоку от Каспийских ворот, и, возможно, был тем самым царем, соперником Пакора, который чеканил медные монеты в 107 и 108 годах н. э., если последний не является тем же самым поздним монархом Осроем.

Но в любом случае представителем парфянской власти на Западе по-прежнему был Пакор II, который в 110 году н. э. продал корону Эдессы Абгару VII, бару Изату, и вскоре после этого умер, уступив место своему брату Осроэсу, которому пришлось считаться с двумя соперниками — Волагасом II с 112 года н. э. и Мехердатом (Митридатом) VI. Последний был братом Осроэса, как, вероятно, и первый. Ни один из троих не был достаточно силен, чтобы победить других, и между ними продолжалась непрерывная война, пока Осроэс не совершил глупость, спровоцировав вмешательство Рима, отняв Армению у Экседара, сына Пакора, против назначения которого Рим не возражал, и передав ее другому сыну Пакора по имени Партамасирис.

РЫМЛЯНЕ ВМЕШИВАЮТСЯ

Траян, который полностью отказался от принципа Юлиев и Флавиев (что Дунай и Евфрат были границами империи) и полностью отвержен был старым шовинистическим традициям республики, не мог упустить такой случай; отказавшись отвечать на посольство, которое встретило его в Афинах, он вторгся в Армению и без боя захватил Арсамосату, получив дань уважения от западной Армении (114 г. н. э.). Партамасирис подчинился императору, но Траян объявил, что Армения должна стать римской провинцией, назначил сопровождение, чтобы проводить парфянина через границу, и когда тот оказал сопротивление и попытался сбежать, приказал казнить его — жестокий поступок, призванный вселить страх и показать, что с Арсакидами больше нельзя обращаться на равных. После того как Армения и соседние короли на севере подчинились, Траян вернулся в Эдессу, приняв дань уважения от Абгара. Поход 115 года н. э. проходил в Месопотамии. По его окончании Месопотамия была превращена в римскую провинцию; кардуены и маркомеды на армянской границе также были покорены, и Траян получил титул «Партик». В 116 году н. э. Тигр был пересечен в присутствии врага, и третья новая провинция Ассирия поглотила все царство Мебарсапа. Тигр был пересечен еще раз, и Вавилония была завоевана, по-прежнему без сопротивления со стороны парфян.

Римский флот спустился по Евфрату, и корабли были переправлены на роликах через Тигр, чтобы сотрудничать с армией; и теперь Ктесифон пал, а Осроэс бежал в Армению, северо-восточные части которой не могли быть полностью покорены. Римский флот спустился по Тигру и принял подчинение Месена; но теперь, когда Траян был занят разведывательным плаванием в Персидском заливе, явно нацеленным на Бахрейн, все новые провинции подняли восстание и уничтожили или изгнали римские гарнизоны. Восстание было в конце концов подавлено, но Траян теперь понял, во что обойдется поддержание прямого римского правления над такими обширными и отдаленными завоеваниями, и Партамаспат был торжественно коронован на большой равнине у Ктесифона в присутствии римлян и парфян (зима 117 г. н. э.). Следующим предприятием Траяна была неудачная осада Атры (Хатры) в месопотамской пустыне; болезнь и восстание евреев помешали ему возобновить кампанию, и после смерти Траяна (7 августа 117 г. н. э.) Адриан мудро вывел гарнизоны из новых провинций, которые требовали постоянного присутствия имперских войск, и вновь сделал Евфрат границей империи. Партамаспат тоже вскоре был вынужден покинуть Парфию, и Адриан отдал ему Орроену. Таким образом, шовинистическая политика Траяна не принесла никаких результатов, кроме как показала миру жалкую слабость, до которой довели парфян раздоры. Вскоре после этого умер Осроэс, и Волагас II стал единоличным монархом, умершим в ноябре 148 года н. э. в возрасте около девяноста шести лет, пробыв на троне семьдесят один год.

Волагас III, который вступил на престол, имел планы на Армению и в 162 году изгнал Арсацида Сохема, который был клиентом Рима, и сделал Пакорасом царем. Разгром римского легиона под командованием легата Каппадокии (Элия Северия), который покончил с собой, открыл Каппадокию и Сирию для парфян. Когда в конце года Элий Вер из столицы прибыл в Каппадокию, он обнаружил, что войска настолько деморализованы поражением, что он был готов предложить мир; но когда Волагас отказался от переговоров, способные легаты, которых Вер направил из Антиохии, вскоре изменили ход событий.

Война велась на двух театрах и официально называлась Армянско-парфянской войной. Армения была возвращена, а Сохамус восстановлен в престоле (163, 164 гг. н. э.), в то время как Авидий Кассий изгнал Волагаса из Сирии в кровопролитной битве при Европе и, войдя в северную Месопотамию, взял Эдессу и Нисибис, хотя и не без серьезного сопротивления. В конце концов, покинутый своими союзниками (местными царями, которые становились все более и более независимыми), Волагас покинул Месопотамию, и Кассий вступил в Вавилонию, где под надуманным предлогом он подверг грабежу и сожжению дружественный город Селевкию, все еще остававшийся первым городом Востока с четырехсоттысячным населением.

Разрушение Селевкии было ужасным преступлением, смертельным ударом, нанесенным восточному эллинизму его естественными защитниками; с другой стороны, то, что Кассий, продвигаясь к Ктесифону, сравнял с землей дворец Волагаса, можно оправдать как символический акт, рассчитанный прежде всего на то, чтобы подорвать авторитет парфянского царя среди его восточных подданных. Кассий вернулся в Сирию в 165 году н. э. со своей победоносной армией, значительно ослабленной из-за сбоев в снабжении и чумы, которая, разразившись в Парфии сразу после падения Селевкии, распространилась по всему известному миру. В том же году Марций Верус добился не менее значительных успехов в Мидии Атропатене, которая в то время, по-видимому, была отдельным царством. Мир, заключенный в 166 году н. э., принес Месопотамию Риму.

Это была величайшая из всех войн между Римом и Парфией, как по площади затронутых территорий, так и по энергии атак, проявленной парфянами. После этой последней попытки Парфия продолжала неуклонно приходить в упадок.

УПАДОК ВЕЛИЧИЯ ПАРФИИ

[166-217 гг. н. э.]

В то же время римляне предприняли попытку соперничать с Парфией за торговлю с Китаем (особенно шелком), которую последние ревностно держали в своих руках, и в 166 году н. э. посол Ан-туна (М. Антонина) прибыл ко двору императора Хуан-ти, *пройдя* по морю и Тонкингу. Но попытка установить прямую торговлю с Китаем оказалась тщетной, и торговля по-прежнему шла по старым каналам, когда второй римский агент прибыл в Китай в 226 г. н. э., незадолго до падения Парфянской империи. Китайцы рассказывают нам, что парфяне вели значительную торговлю и с Индией.

Волагас III умер в 191 году н. э., процарствовав сорок два года без гражданских войн, и его преемником стал Волагас IV, который провел несколько безуспешных сражений с Римом. В 199 году нашей эры флот на Евфрате сотрудничал с римской армией, и Север, возобновив незавершенный план Траяна, прокопал старый канал Наармалка, по которому его корабли проплыли в Тигр и полностью застали парфян врасплох. Селевкия и Кох были покинуты их жителями; Ктесифон был взят к концу года с ужасной резней, сто тысяч жителей были увезены в плен, а город был отдан на разграбление, поскольку Великий Царь бежал, бессильный перед приближением врага. Север, чьи силы были ослаблены голодом и дизентерией, не стал преследовать врага, а отступил вверх по Тигру. К 1 апреля 200 года армия снова находилась в своих кварталах, и в течение некоторого времени после этого Север был занят в Армении. Но в 201 году н. э. он предпринял тщательно организованную экспедицию против Атры, от стен которой римляне были отбиты с большими потерями, когда Север, возвращаясь из Тигра в предыдущем году, попытался захватить ее *внезапным ударом*. Этот город, который во времена Траяна не был ни великим, ни богатым, теперь был богатым местом, а храм солнца содержал огромные сокровища. Классические авторы называют его арабским, но имя короля сирийское — Барсениус, *то есть* Бар Син, сын луны, и мы можем предположить, что на самом деле это было арамейское княжество, которое, как и Пальмира, черпало свою силу из окружающих арабских племен, которые оно могло привлечь на свою сторону. Север пролежал перед Атрой двадцать дней, но кавалерия врага перерезала его продовольственные отряды, замечательные лучники изматывали римские войска, большая часть осадных орудий была сожжена нефтью; и когда, кроме того, два штурма были отбиты с огромными потерями в течение двух дней подряд, император был вынужден снять осаду — это был тяжелый удар по престижу Рима на Востоке, который значительно возвысил имя Атры и ее князя, но нисколько не помог угасающей мощи Парфии.

В 209 году н. э. Волагас IV был смещен своим сыном Волагасом V, при котором в 212 году н. э. начались роковые беспорядки в Персии; а в 213 году н. э. его брат Артабан поднялся как соперник, претендующий на царский трон, и гражданская война длилась много лет. Новая опасность возникла, когда Тиридат, брат Волагаса IV, который долгое время был беженцем у римлян и участвовал в походе Севера в 199 году н. э., сбежал в сопровождении киликийского авантюриста, циника Антиоха, ко двору своего племянника Волагаса; поскольку император Антонин (Каракалла) потребовал их выдачи и добился этого только путем объявления войны (215 г. н. э.). Примерно в то же время Артабан взял верх и в 216 году н. э. захватил

Ктесифон и его окрестности; но Волагас все еще удерживал греческие города Вавилонии, о чем свидетельствуют его тетрадрахмы (до 222 года н. э.). Сила Артабана заключалась в севере; арабские истории о Сасанидах делают его царем Мидийского региона. Вскоре Артабан вступил в войну с Римом. Подавляющая парфянская армия вторглась в Месопотамию и отказалась умиротвориться возвращением пленников предыдущего года; Макрин был разгромлен в двух сражениях и вынужден отступить в Сирию, оставив Месопотамскую равнину; а зимой 217-218 гг. н. э. он с радостью купил мир за компенсацию в 50 000 000 денариев (1 774 298 фунтов стерлингов или 8 871 490 долларов). Примерно в 222 году н. э. Артабан, вероятно, также сместил своего брата в Вавилонии.

ПЕРСИЯ ЗАВОЕВЫВАЕТ ПАРФИЮ

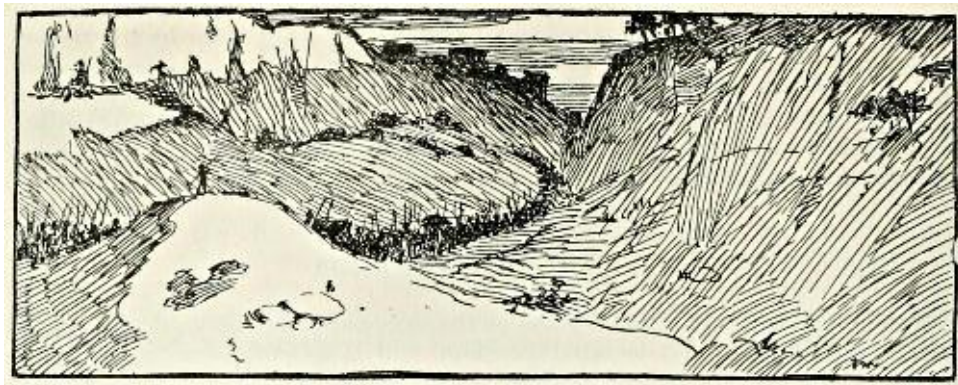
[217-228 гг. н. э.]

Персия, нанеся последний удар Аршакидам, на протяжении всего парфянского периода занимала изолированное положение и упоминается так редко, что наши знания о ее истории и местных князьях почти полностью основаны на недавно найденных монетах. Эмблемы на монетах показывают, что Персия всегда была верна зороастризму, а в Истахре стоял знаменитый храм огня богини Анахед. Его жрецом был Сасан, чей брак с базрагской принцессой Рамбехиштом заложил основу величия его дома, а влияние жрецов, которое было очень сильным, несомненно, способствовало его возвышению. Пабак, сын Сасана, и Ардашир, сын Пабака, начинают историю династии Сасанидов, которой посвящена следующая глава. Артабан не предпринял ничего, чтобы сдержать подъем новой силы, пока Ардашир не захватил всю Персию (224 г. н. э.) и не начал строить дворец и храм в Горе (Фирузабад). Нирофар, царь Элимаиса, был тогда послан против него, но потерпел поражение, и теперь Ардашир прошел за пределы Персии и последовательно подчинил Исфахан (Фаретацен), Ахваз (Элимаис) и Месену.

После этой победы Ардашир бросил вызов самому Артабану; их армии встретились по договоренности на равнине Хормизджан, и Артабан пал (28 апреля 227 г. н. э.). Ктесифон и Вавилония, должно быть, пали не намного позже, хотя Волагас V, по-видимому, восстановил там свою власть после смерти брата, и тетрадрахма свидетельствует о том, что он удерживал город до осени 227 года н. э. Завоевание Ассирии и большей части Мидии и Парфии Дион прямо или косвенно относит к 228 году н. э. Таким образом, Парфянская империя прекратила свое существование.^с

СНОСКИ

^[29] [Персия, или, вернее, Персис, — это латинизированная форма названия, которое изначально и исключительно обозначало только страну, граничащую на севере с Мидией и на северо-западе с Сузианой, столица которой в древности находилась в Персеполе или Истахре, а в течение почти двенадцати веков — в Ширазе].

ГЛАВА II. ИМПЕРИЯ САССАНИДОВ

[228-652 гг. н. э.]

Среди стран, правители которых подчинялись владычеству (иногда реальному, а иногда лишь номинальному) парфянского «царя царей», была и сама Персия. Имена некоторых из менее значительных царей этой страны в период Аршакидов известны нам частично по отдельным упоминаниям в литературе, частично по их монетам, но мы не знаем, принадлежали ли они все к одной и той же династии. В начале III века нашей эры в стране царила неразбериха. Власть местных царей сильно ослабла, а горные районы, разделённые естественными преградами, были заполнены мелкими тиранами. Папак или Пабак, сын или потомок Сассана, был одним из них. Он был родом из деревни Хир на южном берегу большого соленого озера к востоку от Шираза и сумел свергнуть последнего принца этой династии по имени Гозир, на службе у которого он находился, и сначала завоевать власть над районом Истахр, древним Персеполем. На монетах и надписях его сын присваивает ему титул короля. Согласно традиции, которая в данном случае, безусловно, заслуживает доверия, его законным преемником должен был стать его сын Сапор, которому, как говорят, аршакидский царь передал корону по просьбе своего отца еще при жизни последнего.

Однако после его смерти другой его сын по имени Ардашир отказался подчиниться своему брату и поднял восстание; примерно в это же время умер Сапор — вряд ли это было случайностью. То, что Ардашир нашел своих братьев на своем пути и убил их, настолько

определенно подтверждается достоверными преданиями, что мы не можем сомневаться в том, что так и было. Империя Сасанидов начинается с Ардашира, так же как империя Ахеменидов начинается с Кира, чьи предки также были царями. Его имя, более древняя форма которого — Арташштар, совпадает с именем, которое греки переводили как Артаксеркс. Примечательно, что в родной стране Ахеменидов, о которых в подлинной персидской традиции ничего не известно, древние царские имена сохранились в общем употреблении; несколько князей досасанидского периода носили имена Артаксеркс и Дарий (Дарджав, Дарао, Дара). Согласно довольно вероятной оценке, первое появление Ардашира в качестве царя следует отнести к 211-12 году н. э.

[211-233 гг. н. э.]

Традиция признает, что ему пришлось тяжело работать, чтобы возвыситься от князя Персиса до «царя царей Ирана». Сначала он стал властелином провинции Кармания, расположенной к востоку от Персиса, затем Сузианы, а затем небольшого королевства у устья Тигра. Сопротивление, которое ему пришлось преодолеть в первую очередь, исходило от местных правителей, а не от парфянского царя, власть которого была в значительной степени ограничена его вельможами и вассалами. В конечном итоге, однако, Ардашир вступил в конфликт и с ним.

Согласно Диону Кассию, ^с современнику, мы склонны верить, что Ардашир победил парфян в трех сражениях. Его решающая встреча с Ардаваном (Артабаном), последним великим царем Парфии, вероятно, состоялась 22 апреля 224 года н. э. ^[30] Ардаван пал в сражении, и с того времени Ардашир принял титул «царя царей», который с древних времен носил правитель империи Антар-Азия. Все свидетельства указывают на то, что решающая битва произошла в Вавилонии или Сузиане. Это согласуется с утверждением Диона о том, что первая последующая экспедиция была направлена против Атры, расположенной посреди месопотамской пустыни, где в непосредственной близости от парфянской столицы возникло небольшое независимое государство. Сначала Ардашир тщетно атаковал стены Атры, прочность которых до сих пор можно увидеть по могучим руинам, но вскоре это место было взято и разрушено либо им, либо его преемником. Ему удалось завоевать Мидию, где ему противостоял потомок рода Аршакидов, и большую часть иранского нагорья, но не Армению, куда бежали сыновья Ардавана.

Римляне с опаской наблюдали за восхождением Ардашира. Нет сомнений, что он лелеял замысел захватить как можно больше их азиатских владений. Сначала он добился некоторых успехов, но был вынужден отступить, когда Александр Север выступил против него. История империи Сасанидов с самого начала определялась ее отношениями с Римом. Между ними снова и снова заключались мирные договоры, но они неизменно рассматривали друг друга как противников, причем противников равного ранга. При способных правителях и сносных внутренних условиях Рим (то есть Византия) сохранял превосходство европейцев над азиатами, но обстоятельства часто складывались неблагоприятно, и персы наносили позорище римскому имени. Эта борьба занимает главное место в политической истории Сасанидов.

СИЛА САССАНИДОВ

[236-260 гг. н. э.]

Истахр оставался столицей в теории, как ранее Персеполь. Там стоял храм Огня королевского дома, в котором среди других трофеев висели головы побежденных

иностранных царей. Но настоящей столицей были Ктесифон, столица Арсакидов, и Селевкия, которую от него отделял только Тигр и которую Ардашир восстановил под названием Вех-Ардашир (добрый Ардашир). Богатая страна, в которой лежала эта двойная столица, не была ни географически, ни этнографически частью Ирана (), поскольку глубокая долина была заселена в основном семитами; выбор этого места в качестве резиденции правительства был обусловлен прецедентом, созданным более древней империей, и, вероятно, отчасти близостью к римской территории. Мы не можем со всей уверенностью сказать, какими странами правил Ардашир в конце своей жизни, поскольку народные предания рассказывают о некоторых завоеваниях, действительно совершенных его преемниками, а о других, которые сасаниды никогда не совершали. Но Ардашир завоевал и укрепил великую империю, которая просуществовала четыре столетия, нанеся мощный удар по системе вассальных государств, которая становилась все более распространенной при Арсакидах, и превратив большинство этих государств в провинции.

САПОР СРАЖАЕТСЯ С РИМОМ

Утверждение о том, что он привлек своего сына Сапора к управлению, в некоторой степени подтверждается существованием монет с изображением молодой головы рядом с его собственной. Он умер в конце 241 или в начале 242 года. Сапор I (старая форма Шахпур; среди западных народов Сапор или Сапорес) был, по всей вероятности, торжественно коронован 20 марта 242 года. Мифическое утверждение о том, что его мать была аркадской принцессой, которую Ардашир взял в жены после завоевания Ктесифона, несовместимо с, вероятно, более верной традицией, согласно которой он отличился в решающей битве против Ардавана; маловероятно также, что тринадцатилетний или четырнадцатилетний ребенок так энергично взялся за войну против Рима. Ведь Ардашир возобновил борьбу в свои поздние годы (во время правления Максимиана, между февралем 236 года и примерно маем 238 года) и захватил Нисибис (Несибин) и Карры (Харан), две крепости, вокруг которых было сражено столько битв в ходе этих войн.

В 242 году Шапур продвинулся к Антиохии, но там его встретил император Гордиан, а точнее, его тесть Тимесит, который отбросил его назад и отбил две месопотамские крепости. Он разгромил персов при Решайне и намеревался маршировать на персидскую столицу. Как и Юлиан после него, он выбрал путь вдоль Евфрата; и немного ниже слияния Хабора с Евфратом, почти на границе между двумя империями, Гордиан был убит командующим гвардией Филиппом Арабом (начало 244 года). Убийца провозгласил себя императором и поспешно заключил позорный мир с Сапором, по которому, как говорят, он уступил ему Армению и Месопотамию.

Кажется, что затем наступило несколько лет передышки, но в 251 или 252 году Шапур начал новую кампанию. На этот раз он действительно занял Армению, которую не смог завоевать ранее, и заставил царя укрыться на римской территории. Из отрывочных и противоречивых сведений, дошедших до нас, трудно понять, сколько раз персы вторгались в Сирию в этот период. Только ужасающий упадок Рима мог сделать такое возможным. Однажды сириец Кириад привел персов прямо в Антиохию и под их защитой принял титул императора! Наконец император Валериан выступил против них. Некоторое время война велась на месопотамской земле, но в конце концов удача повернулась против римлян, и их постигло самое горькое из всех унижений: сам император был взят в плен Сапором (260 г.). При каких обстоятельствах это произошло, мы не можем сказать; безусловно, этому предшествовали переговоры, в ходе которых Валериан тщетно пытался обеспечить себе и своей армии беспрепятственное отступление в обмен на выплату суммы денег. Римляне возложили вину за это на предательство или нарушение верности.

ВОЙНА С ПАЛЬМИРОЙ

[260-293 гг. н. э.]

После пленения Валериана Сапор продвинулся в Малую Азию, но там встретил успешное сопротивление. Многие персы были убиты римским полководцем Баллистой. Но самый тяжелый удар по королю нанес римлянин восточного происхождения. Говорят, что Оденатус (Оденат), вождь великого торгового города Пальмира в сердце сирийской пустыни, предложил ему заключить союз, но был полностью отвергнут. Это вполне возможно, поскольку, хотя Пальмира и была частью Римской империи, но поскольку император был пленником, а господство Рима над Востоком, по-видимому, было сломлено, амбициозный восточный правитель мог легко придумать идею сыграть независимую роль в качестве союзника Великого царя. Как бы то ни было, Оденат, выжидая благоприятного места и случая, объединил свои силы с Баллистой, атаковал отступающих персов и нанес им тяжелое поражение. Часть королевского гарема попала в его руки, и он даже осаждал Ктесифон один, а то и два раза.

К концу правления Шапура в восточных владениях Рима произошли большие изменения. По-видимому, он поддерживал Зенобию, вдову Оденафа, в ее борьбе против Рима, хотя и без долговременного успеха. К тому времени, когда император взял Пальмиру (273 г.) и восстановил римское господство над этими регионами, Шапур, по-видимому, уже был мертв.

Его сын Гормузд (Ормазд) I начал править в конце 272 или 273 года. Как принц он, по-видимому, доблестно сражался против римлян и известен в традиции под прозвищем «герой». Среди прочих легенд всех видов говорится, что до своего вступления на престол он был сатрапом Хорасана (который включал все северо-восточные провинции). Как царь он едва ли имел возможность совершить великие дела, поскольку правил всего один год.

Согласно надписи, его преемник Бахрам (Варахран) I был не его сыном, как гласит традиция, а его братом. Сообщается, что он был ленивым и сладострастным правителем. Манес осмелился подойти к нему, но по интригам жрецов Зороастра он был убит, а его кожа была вычищена и вывешена на всеобщее обозрение. Бахрам I правил примерно с 274 по 277 год.

О его сыне, Бахrame II (около 277-294), персидская традиция практически ничего не знает. Две большие надписи на скалах, к сожалению, сильно поврежденные, вероятно, относятся к его правлению; они носят религиозный, даже поучительный характер и имеют ярко выраженную иерархическую тенденцию. Император Проб (276-282) однажды заключил с ним мир; о предшествовавших этому событию сражениях нам ничего не известно. Сам Проб был убит, не успев возобновить военные действия, но Карус осуществил его замысел (283 г.), продвинулся до самой столицы вражеской империи и захватил Ктесифон и Кох (часть Селевкии). Внезапная смерть императора, который, как говорят, был поражен молнией, принесла освобождение персам, поскольку после этого римляне, по-видимому, отступили без особых боев. Явно указано, что оружие Каруса было поддержано гражданскими беспорядками среди персов. Такие беспорядки, несомненно, были часты в тот период, но мы не имеем точной информации по этому вопросу. В 291 году ритор упомянул о восстании принца Хормузда (Ормиса) против своего брата, короля, в союзе с варварскими племенами.

Молодой сын, которого Бахрам II изобразил на своих монетах напротив своей супруги, вероятно, так и не взойшел на престол. По всей видимости, после его смерти за престол боролись два претендента: Бахрам III, предположительно сын Хормузда, и Нарсех, согласно

надписи, сын Сапора I (). В любом случае, Бахрам III, который в качестве принца был сатрапом Сагенланда (Сагастан, ныне Систан) на юго-востоке империи и, следовательно, носил прозвище Саган Шах (король Саген), правил или, по крайней мере, владел столицей, лишь в течение очень короткого времени.

[293-339 гг. н. э.]

Нарсех правил примерно с 293 по 303 год. Он пошел по стопам Сапора и завоевал Армению. Цезарь Галерий выступил против него (вероятно, в 297 году), но потерпел поражение в Месопотамии, между Каррами и Каллиником (Ракка). Однако под мудрым руководством Диоклетиана Галерий вскоре восстановил былой блеск римского оружия. Он полностью разгромил Нарсеа в Армении и взял в плен его жен и детей. Переговоры о мире, о которых у нас есть более точная информация, закончились блестящим триумфом: Персия отказалась от всех притязаний на Армению и Месопотамию и даже уступила некоторые районы на левом берегу Тигра, простирающиеся до Курдистана. Царь охотно отказался от провинций в обмен на возвращение своей семьи. Этот мир (датируемый 298 годом) продлился сорок лет. Нарсеа сменил его сын Хормузд II (около 303 года). О его правлении мы ничего не знаем.

После его смерти на престол вступил его сын Адхарнарс (начало 310 года), но через очень короткое время был свергнут — по слухам, из-за своей жестокости — и, вероятно, убит. Вельможи, которые тогда держали власть в своих руках, лишили права на правление другого (не названного) сына Хормузда II, выколов ему глаза, а третьего сына Хормузда бросили в тюрьму. Затем они назначили на трон новорожденного или еще не родившегося сына королевы Ифры — Хормузда. Все эти события произошли в течение 310 года. Королевский младенец был назван Сапором II, угнетателем христиан.

Легко представить себе, как обстояли дела при правлении его матери и великой знати. Но ребенок рано стал мужчиной, способным самостоятельно править; он был одним из самых известных правителей династии. Еще не достигнув зрелого возраста, Хормузд сбежал из плена и бежал к римлянам (323 г.), среди которых он оставался до своей смерти, сражаясь вместе с ними против своего сводного брата Сапора до 363 года. Персидская традиция, которая мало что может рассказать о Сапоре II с исторической точки зрения, дает нам сведения о его авантюрных походах против арабов, которые оккупировали или опустошили различные части персидской территории во время его несовершеннолетия. Эти легенды сильно преувеличены и не лишены антиарабских настроений, но нет сомнений в том, что Сапор ревностно посвятил себя задаче удержания хищных бедуинов подальше от цивилизованных регионов — очень серьезной проблеме для правителей стран, граничащих с пустыней. Среди городов, которые он основал, особое место занимает восстановленный древний город Сузы. Жители города восстали против него, и в отместку он приказал казнить их, а их город растоптать слонами; после чего он построил его заново. Нишапур (правильно Нев-Шахпур), один из крупнейших городов Востока до позднего средневековья, был основан либо им, либо Сапором I.

В молодости Сапора произошли огромные перемены, в результате которых Константин обеспечил христианству победу над язычеством в Римской империи. Христиане в Персидской империи сразу же признали Рим христианским государством *par excellence* и были сильно настроены в его пользу. Когда Шапур вступил в войну с римлянами (337 или 338 г.), они открыто продемонстрировали свои чувства; по крайней мере, проповедь Афраата, сирийского епископа в Персидской империи, написанная примерно в это время, говорит на эту тему в недвусмысленном тоне. В дополнение к этому, Симон, епископ столицы, позволил себе такие вызывающие высказывания, которые ни один восточный

монарх не мог бы пропустить, тем более такой молодой и энергичный правитель, как Сапор II. Это стало сигналом к конфликту, и почти одновременно с римской войной (339-40) начались ужасные гонения на христиан. Мы имеем яркую картину этих событий в Сирийских *актах мучеников*, которые проливают много света на другие вещи и людей в империи. Царь не был движим религиозным фанатизмом. Евреи были столь же неприятны его священникам, как и христиане, но он оставил их в покое. Даже в *Деяниях мучеников* он неоднократно предстает как человек, совершенно лишенный предвзятости в чисто религиозных вопросах. Но, как и Диоклетиан, он хотел уничтожить это государство в государстве — церковную организацию; поэтому он разрушал церковные здания и принимал самые энергичные меры как против высшего, так и против низшего духовенства.

НОВАЯ ВОЙНА С РИМОМ

[337-363 гг. н. э.]

Согласно утверждениям римлян, персы начали войну вторжением в Месопотамию. Константин умер, не успев выступить против них (22 мая 337 г.). Но большие приготовления царя начались с осени 337 года. О первой и более длительной половине войны, которая длилась с многими перипетиями и длительными перерывами в течение двадцати пяти лет, у нас есть лишь скудные сведения. Напротив, о некоторых частях второй половины войны мы располагаем очень полными отчетами современников и даже очевидцев. Целью царя было лишить римлян их владений на верхнем Тигре, где их наличие, вероятно, было чрезвычайно неудобно для персов из-за их близости к Ктесифону. Прежде всего, он стремился захватить крепкую крепость Нисибис; кроме того, он желал вновь подчинить себе Армению, старый яблоко раздора между Восточной и Западной империями. Трижды он осаждал Нисибис (в 338, 346 и 350 годах), но тщетно. В целом осады играют очень большую роль в этой войне.

Если Сапору в конечном итоге и не удалось добиться больших успехов, то это не было заслугой императора Константина, который неизменно терпел поражение, когда лично принимал командование, как, например, в знаменитой ночной битве при Сингаре (Шингар, араб. Синджар) (348 г. н. э.). Основная причина заключалась в том, что великие императоры Диоклетиан и Константин привели крепости в отличное состояние и приняли другие прекрасные меры для защиты провинций, подверженных нападениям. Большим достижением было то, что персы, даже когда одерживали победу, с трудом могли проникнуть в западную Месопотамию. Кроме того, войска царя были недостаточно многочисленны, чтобы он мог оставить гарнизоны во всех захваченных им крепостях. Так, в 360 году Амида (Амид), которую Шапур захватил после длительной осады и с большими потерями в предыдущем году, была найдена римлянами незанятой. Римлянам также благоприятствовало то обстоятельство, что царь в то же время был вовлечен в конфликт с несколькими варварскими племенами. Третья осада Нисибиса почти завершилась успехом, когда он был вынужден внезапно отправиться в Хорасан, где его присутствие было срочно необходимо.

Войны на Востоке привели к длительному перемирию (с 350 по 358 год), прерываемому лишь небольшими грабительскими набегами. Но к моменту начала переговоров с римской стороны (356-358) Шапур заключил мир со своими врагами на Востоке и предложил условия, которые было совершенно невозможно принять. В 359 и 360 годах военные действия возобновились с новой энергией, и Сапор захватил несколько важных крепостей. Затем наступил новый перерыв, но в 363 году произошло изменение во всем ходе войны.

Энергичный, амбициозный и проверенный в боях Юлиан, теперь единственный император, решил последовать примеру Траяна, Септимия Севера и Каруса и направиться прямо на столицу врага. 5 марта он покинул Антиохию, сначала отправился в Месопотамию, а оттуда быстро продвинулся вниз по Евфрату. Он опустошал персидскую территорию огнем и мечом, после короткой осады взял несколько городов, в том числе Махоз-Малку, один из королевских городов недалеко от Ктесифона. Он даже достиг Селевкии, но, поняв, что не сможет взять штурмом сильно укрепленный город Ктесифон на другом берегу Тигра, повернул назад и начал отступать по левому берегу реки. Здесь войска Шапура впервые начали серьезно беспокоить его. Тем не менее, он, несомненно, смог бы без больших потерь вывести армию обратно на римскую территорию, но 26 июня 363 года он был смертельно ранен в сражении.

Йовиан, избранный императором армией после смерти Юлиана, был совершенно не готов к тому сложному положению, в котором оказался, и вел как войну, так и переговоры таким образом, что в конечном итоге заключил позорный мир. После смерти своего страшного врага Сапор вел себя с такой же ловкостью и умеренностью. Он добился возвращения районов к левому берегу Тигра, которые были завоеваны Галерием, а также части Месопотамии, включая Нисибис и Сингару. Римлянам с большим трудом удалось добиться разрешения для жителей этих городов уехать в другие места. Уступка Нисибиса была самым тяжелым ударом из всех, поскольку во всех последующих войнах он был сильной отправной точкой для персов в наступательных и оборонительных целях.

Еще более постыдным, чем эти уступки, было условие, что римляне должны были отозвать свою поддержку короля Армении Арсака, который встал на их сторону, и выдать его Сапору. Однако королю не удалось легко завоевать Армению. Он взял Арсака в свои руки, но это не давало ему владения, тем более постоянного владения страной, раздробленной множеством естественных границ и управляемой многочисленными и почти независимыми феодалами. Христиане Армении в основном склонялись к римлянам; зороастрийцы, которых все еще было много, — к персам; а различные частные интересы великих баронов, которые предпочитали не иметь над собой никакого господина, составляли третий фактор в этой ситуации. Римляне сначала тайно, а затем открыто поддерживали Папу, сына Арсака, который укрылся у них, но только для того, чтобы использовать его как инструмент для превращения Армении в римскую провинцию. В Иберии (к северу от Армении) сторонники двух империй также вступили в конфликт. По прошествии пяти лет страна практически снова оказалась в состоянии войны. В 371 году персидский царь вступил в открытую войну с римскими войсками в Армении, и обе стороны пытались захватить страну силой или обманом. Но как бы ни заканчивались переговоры между ними ничем, давление обстоятельств (в случае римлян — проблемы с готами) и голос разума предотвращали начало общей войны.

АРДАШИР II — БАХРАМ IV

Шапур II, которого даже позднейшая традиция чтит как могущественного царя, умер в конце лета 379 года, и его преемником стал его брат Ардашир II. Возможно, что возведение этого старика на престол было обусловлено теми же мотивами, что и коронация младенца Сапора. Как принц-сатрап Адиабены (части древней Ассирии) он принимал активное участие в подавлении христианства еще в 344 году, а затем в 376 году. Однако после его

вступления на престол преследования прекратились, возможно, по сознательному решению, а возможно, из-за простой восточной лени. Даже столица снова обрела своего епископа. Но, применив силовые меры против великих вельмож и казнив нескольких из них, Ардашир был свергнут ими в 383 или 384 году.

Его преемник, Шапур III, сын Шапура II, едва вступил на престол, как отправил послов в Константинополь и заключил там мирный договор (384 г.). Он правил недолго, будучи убит вельможами в 388 или 389 году.

Его сын (или, возможно, брат) и преемник Бахрам IV, носившей прозвище Керман-шах, «царь Кармании», поскольку в качестве принца он правил этой провинцией, оставался в дружеских отношениях с римлянами и был милостив к христианам. В 390 году две империи разделили Армению между собой по договору таким образом, что большая часть стала вассальным государством Персии, а остальная часть — Рима. Впереди было еще много сложностей, но это разделение, тем не менее, оставалось в силе вплоть до арабских времен. Бахрам IV также погиб насильственной смертью, будучи убит стрелами «злодеев» летом 399 года.

ПРАВЛЕНИЕ ЙЕЗДЕГЕРДА I

Его преемник, Йездегерд I, сын Сапора II или Сапора III, по-видимому, был назначен наследником престола или иным образом наделен некоторым суверенным достоинством еще при жизни Бахрама IV, поскольку его имя фигурирует на монетах вместе с именем короля.

Несмотря на это, он был далек от христианства и не колебался подвергать суровому наказанию слепое рвение, которое привело епископа Абду из Сузианы к осквернению зороастрийских святынь. Но той степени терпимости, которую он проявлял по отношению к христианству, было достаточно, чтобы вызвать ненависть персидского духовенства, в то время как воинственная знать, вероятно, была недовольна его искренним желанием поддерживать мир с Римом. Летом 408 года он заключил прочный мирный договор и союз, по которому, по-видимому, взял на себя официальную гарантию правления императора Феодосия II, который тогда был несовершеннолетним. Он поставил надежного вассального царя над Персидской Арменией в лице своего сына Сапора. У нас есть все основания считать его умелым правителем для своего времени и страны. Но он не нравился богу Персии. Поэтому тот удивительным образом умер внезапно в далекой Гиркании. Мы прозаически интерпретируем это чудо как означающее, что он был убит деспотичными дворянами (вероятно, в конце лета 420 года), так же как и его три предшественника были насильственно лишены своей власти, а двое из них были убиты.

После его смерти его сын Сапор поспешил из Армении в столицу, несомненно намереваясь стать королем империи, но был убит великими вельможами, поскольку последние были настолько разгневаны на Йездегерда, что решили исключить его сыновей из престолонаследия. Они выбрали его дальнего родственника по имени Хосров своим королем. Но другой сын Йездегерда, по имени Бахрам, оспорил его право на трон. При жизни своего отца этот сын жил, по-видимому, в изгнании у аль-Мундира (Аламундароса), арабского царя Хиры (к западу от Евфрата и на границе пустыни), могущественного вассального царя. Последний всеми силами поддерживал притязания Бахрама, и это, вероятно, был первый случай, когда арабы фактически вмешались в ход персидской истории.

ПОМОЩЬ АРАБОВ В ВОЙНЕ С РИМОМ

[420-457 гг. н. э.]

Мундхир, имея за спиной огромные полчища арабов, вскоре оказался у ворот столицы, которая находилась всего в трех-четыре днях пути от Хиры, и, без сомнения, законный наследник престола мог рассчитывать на поддержку части персов. В результате между спорящими сторонами был достигнут компромисс: Хосров отказался от своих притязаний, а Бахрам вззошел на трон, но с обещанием править иначе, чем его отец, и выполнять волю знати и священников. Бахрам V, носящий прозвище Гор, «дикий осел», является любимцем персидской традиции, которая рассказывает о нем совершенно невероятные истории. Он был молод, когда стал королем, и до конца своих дней оставался веселым и очень пристрастным к женщинам. Изменение политики сразу же проявилось в двух вещах — начале систематического преследования христиан и войне с Римом. Обе стороны могли легко найти поводы для войны, но, скорее всего, ее подтолкнули персидские вельможи; римляне наверняка не вступили бы в борьбу только из-за преследований.

Основной театром военных действий была персидская Месопотамия и горные районы, граничащие с ней на севере. Персидским полководцем был Михр Нарсех, один из самых влиятельных вельмож. Тщеславная персидская традиция гласит, что он торжественно вступил в Константинополь, но мы знаем, что, напротив, он потерпел тяжелое поражение в самом начале войны (август 421 года). Римляне долго осаждали Нисибис, но приближение свежих сил заставило их поспешно снять осаду. Мундир, которому Бахрам обязан своим трон, был готов опустошить Сирию своими арабами, но был вынужден отступить с большими потерями. Война, о ходе которой у нас нет достаточной информации, ослабила обе стороны настолько, что они быстро захотели ее закончить. В условиях мира (422 г.) персы обещали разрешить христианам свободно исповедовать свою религию, а римляне обязались поступить так же в отношении зороастрийцев.

Желание персов заключить мир, скорее всего, было вызвано тем, что они вновь вступили в войну с правителями тогдашней Бактрии и соседних стран, племенем кушан, хайталов (гефталитов) или «белых гуннов». Вероятно, именно этому непрекращающемуся конфликту римляне обязаны своим покоем от персидских вторжений в V веке. Мы не обязаны верить персидской традиции о блестящей победе Бахрама над гефталитами.

В Персидской Армении стремление к независимости проявилось во время войны с Римом, но когда был заключен мир, Бахрам снова смог установить там вассального царя; однако эгоистичные армянские вельможи зашли так далеко, что персы в конце концов были вынуждены полностью упразднить армянскую монархию и превратить страну в провинцию (429 г.), как римляне давно сделали со своей частью Армении. В этом персы пользовались поддержкой сильной партии среди самих армян, хотя на самом деле персидские сатрапы испытывали не меньшие трудности с баронами и священниками, чем с королями до них.

После смерти Бахрама (438 или 439 г.) его сын Йездегерд II стал королем. Он преследовал как христиан, так и евреев, и в других отношениях его заслуги также не были значительными. Он отменил аудиенции, которые проводились в первый день каждого месяца и на которых любой влиятельный человек мог свободно высказывать королю свои жалобы или просьбы. Говорят, что он женился на своей собственной дочери (хотя по мнению зороастрийцев это не было преступлением, они считали такие браки положительным достоинством), а потом убил ее.

ВОЙНА С ХЕФТАЛИТАМИ

[457-489 гг. н. э.]

После смерти Йездегерда II (457 г.) между его сыновьями, Хормуздом III, царем (то есть «князем-сатрапом») Сагастана, и Перозом, которые были детьми одной матери по имени Динак, по-видимому, сразу же разгорелась ссора. Старший Хормузд некоторое время удерживал свою позицию, но через два года Пероз сместил его с помощью гефталитов и активных усилий Рахама из знатного рода Михрана. Он приказал казнить трех своих ближайших родственников, а также своего брата. Он, в свою очередь, был враждебно настроен по отношению к христианам и иудеям, но обладал достаточным политическим чутьем, чтобы поддержать обращение своих христианских подданных в доктрину Нестория, которая была изгнана из Римской империи как ересь. На соборе, состоявшемся в Бет-Лапате в 483 или 484 году, древняя христианская церковь Персидской империи приняла несторианское вероисповедание; и, будучи отныне отделена от римских христиан огромной пропастью, она стала еще менее опасной для государства, чем раньше.

Но на самом деле христианство в Персии никогда не представляло серьезной угрозы для страны. Армяне, с другой стороны, присоединились к монофизитам, которые имели большую партию в Римской империи и часто занимали там верх.

Независимо от того, хотели ли гефталиты получить за свою помощь более высокую плату, чем было согласовано ранее, или же Пероз не сдержал своих обещаний, в результате между ними и персами разгорелись большие конфликты. Пероз одержал несколько побед, но в пустынной местности к востоку от Каспийского моря ведение войны затрудняется огромными трудностями. Дважды он был вынужден заключать мир на невыгодных условиях, по крайней мере один раз он сам попал в руки врагов, и в течение двух лет его сын Кавадх должен был оставаться в лагере врага в качестве заложника для выплаты большого выкупа. Тем не менее, Пероз постоянно нарушал данные им обещания. В 484 году он выступил в поход с большой армией. Завязалась ожесточенная битва, в которой Пероз погиб среди неузнанных убитых. Его дочь оказалась среди пленных, и царь гефталитов взял ее в свой гарем.

Персии предстояли тяжелые времена. Победители захватили страну. Некоторое время в стране не было царя. Однако вскоре Зармир из могущественного рода Каренов сумел восстановить порядок в империи. Во время смерти Пероза этот человек находился в Армении, которая снова подняла восстание, и почти завершил ее покорение. Затем он поспешил в столицу и возвел на престол Балаша, брата покойного правителя. По всей вероятности, он впоследствии вступил в переговоры с победоносным врагом и откупился от него ежегодной данью.

Брат Балаша по имени Зарех, который также претендовал на корону, был побежден и убит. Однако король имел лишь небольшую власть. Он был вынужден побудить армян подчиниться, позволив им полностью исключить государственную религию Персии из своей страны. Восхваление, которое сирийцы и армяне воздают милосердию Балаша, возможно, не имеет иного основания, кроме его разногласий со священниками Зороастра. Возникшая таким образом вражда оказалась для него роковой. Его казна, конечно, была пуста, так что он не мог ни сформировать партию среди знати, ни привлечь к себе армию; и в 488 или 489 году жрецы пошли так далеко, что ослепили его, сделав его неспособным править. Ведь согласно персидскому закону, королем не мог быть человек, не обладающий полным здоровьем тела и ума.

КАВАД I

Его племянник, Кавад I, сын Пероза, занял его место. Он застал империю в состоянии великого беспорядка. Мы слышим о восстаниях диких горных племен и о еще одном восстании в Армении. Кавад, который не имел никакого желания играть роль послушного слуги тиранов, вознесших его на трон, прибег к опасному методу ослабления власти жрецов и дворян, поскольку он благоволил к Маздаку, ревностному проповеднику религиозно-социалистических доктрин, который во имя справедливости требовал, чтобы те, кто был благословлен богатством и имел много жен, делились своим излишком с теми, кто был в нужде. Он не остановился на теории, и многие из его последователей раздали своих жен и имущество. Но дворяне и духовенство объединились, чтобы свергнуть Кавада, заключили его в «замок забвения» и возложили корону на его брата Джамаспа (около 496 года). Однако Кавад сбежал и укрылся у гефталитов, среди которых он ранее жил в качестве заложника. Царь отдал ему в жены свою дочь, дочь сестры Кавада, которая была взята в плен во время битвы; и с помощью варварского принца ему удалось свергнуть Джамаспа и вновь стать царем Персии (498 или 499 год). Его бегство и восстановление на троне, по-видимому, были поддержаны некоторыми из самых влиятельных знатных. Согласно персидской традиции, Зармир действительно сопровождал его в изгнание, но свидетельства, которые мы имеем об этом человеке и бегстве к гефталитам, настолько противоречивы, что мы не можем на них полагаться. Несомненно, что после своего возвращения царь подверг своих врагов суровому наказанию. Предположительно, он отказался от Зармихра примерно в то же время, поскольку выдал его своему грозному сопернику, Сапору из дома Михрана. Маловероятно, что Кавадх затем возобновил свой эксперимент с маздакитами.

НОВЫЙ КОНФЛИКТ С РИМОМ

К моменту начала войны с римлянами он, безусловно, привел империю в приемлемый порядок. Было много переговоров об условиях, обе стороны в той или иной степени нарушали договоры, и единственным вопросом было, желает ли какая-либо из них найти *повод для войны*. Так было в случае с Кавадом. Летом 502 года он положил начало эпохе ужасных конфликтов, которые настолько ослабили Персию и Восточный Рим, что сделали возможными последующие победы арабов. В августе он без боя захватил Феодосиополь (Карин или Эрзерум), столицу римской Армении. 10 января 503 года Амида пала после трехмесячной осады и была жестоко наказана за сопротивление. Мириады жителей были убиты, как мы знаем из достоверных свидетельств, сохранившихся в современных сирийских источниках.

В этой войне, о которой до нас дошли очень полные современные сведения, особенно из сирийских источников, римские операции проводились без необходимой энергии и не имели единого командования. Месопотамия была ужасно разорена. В 504 году римляне вернули себе Амиду после долгой осады, по договору, или, точнее говоря, путем покупки. После многих сражений и осад в августе 506 года был заключен мир, который оставил все *в прежнем состоянии*. Римляне вновь обязались выплачивать ежегодную дань на содержание укреплений на Кавказе. Говорят, что персов к заключению мира подтолкнула война с «гунами».

Из-за неопределенности, с которой греческие авторы того времени используют слово «гунны», мы не можем сказать, какое из племен северных варваров здесь имеется в виду. О том, что Кавад в это время сталкивался с серьезными трудностями как внутри страны, так и за рубежом, можно судить по тому факту, что он не предотвратил грубое нарушение мирного договора со стороны императора Анастасия, который превратил небольшую деревню Дара, расположенную недалеко от границы, в большую крепость, предназначенную для контроля над Нисибисом. При жизни Анастасия больше не было вспышек военных действий, но Юстин I (9 июля 518 г. — 1 августа 527 г.) по-видимому, приостановил выплату денег, оговоренных с Персией.

В ответ Кавад подговорил арабов совершить грабительские набеги на римскую территорию, и римские войска вновь вторглись в Армению и опустошили ее. Кроме того, возникли ожесточенные споры по поводу Кавказско-Понтийских районов, на которые обе стороны претендовали. На этот раз, однако, Кавад был мало склонен к войне; возможно, он понял, что вряд ли может рассчитывать на какое-либо постоянное преимущество. В бесконечных переговорах он преследовал только одну главную цель: он стремился обеспечить преемственность для Хосрова, самого любимого из своих сыновей и, безусловно, наиболее способного править империей, хотя он и не был старшим; для этого он хотел получить от императора своего рода гарантию в виде усыновления Хосрова последним. Переговоры по этому и другим вопросам велись в Нисибисе. Если все произошло так, как об этом рассказывают, то римляне поступили крайне неразумно; в любом случае, переговоры не принесли никакого результата, кроме как испортили настроение обеим сторонам. Главы римского посольства отделались лишь позором, а персы были казнены, хотя лично они заслужили благосклонность царя. Эти переговоры состоялись в 525 или 526 году; война возобновилась еще до смерти Юстина. Уже летом 527 года на границе велись ожесточенные бои: римляне предприняли тщетную попытку захватить Нисибис, а персы — столь же безуспешную попытку захватить Дару.

ПОДВИГИ МУНДХИРА

За эти долгие годы войны, с частыми перерывами на переговоры, Белисарий впервые прославился как полководец. Одним из примечательных событий, среди прочих, было великое вторжение Мундира в Сирию. Этот Мундир был арабским вассальным князем Хиры, из того же рода, что и князь с таким же именем. По-видимому, до этого он стал настолько могущественным, что вызвал опасения Кавада, и тот на время лишил его, полностью или частично, владений в пользу Хариса, члена многоветвистой семьи царей Кинда. Утверждение, что это событие имело какое-то отношение к маздакитским беспорядкам, вряд ли вероятно.

Однако с началом войны с Римом Кавад восстановил все свои прежние владения испытанному воину Мундиру. Весной 529 года последний вторгся в Сирию, опустошил всю страну вплоть до Антиохии и увёл с собой множество пленных, чтобы получить за них выкуп. Он был жестоким человеком, который за один день убил четыреста монахинь из сирийского монастыря в честь своей богини Зухары (планеты Венера). В том же году его соперник Харит вступил с ним в войну, и Мундир приказал казнить в Хире нескольких членов княжеской семьи Кинда, которые попали в его руки. На протяжении полувека он был ужасом для римских подданных, не заботясь о том, царит ли мир или нет, пока наконец не пал в битве с римским принцем арабов Харитом, сыном Джабалы (июнь 554 г.), чьего пленного сына он также принес в жертву Зухаре.

Именно Мундир побудил Кавада после некоторого перерыва начать кампанию в самой Сирии (531 г.). Персы продвинулись далеко на север по правому берегу Евфрата, но были вынуждены отступить под натиском Велизария. Битва произошла при Каллинике (Ракка), то есть недалеко от границы, в которой Велизарий потерпел полное поражение; но персидский полководец был тем не менее вынужден вернуться домой. В том же году персы добились некоторых успехов в Месопотамии и почти захватили великую крепость Мартирополь (Майферкат, араб. Маяфарикин), когда пришла весть о смерти царя, что привело к перемирию.

За несколько лет до своей смерти Кавад привел маздакитов к ужасной гибели. Секта, по-видимому, стала настолько могущественной, что ее больше нельзя было терпеть, поскольку, несмотря на весь свой теоретический идеализм, она угрожала подрывом основ общества и государства. Катастрофа, сопровождавшаяся кровопролитием, произошла в 528 или 529 году по приказу принца Хосрова, действовавшего по согласованию с королем.

Кавад умер 13 сентября 531 года в возрасте восьмидесяти двух лет. Он, безусловно, предназначал Хосрова своим преемником и, согласно достоверному сообщению, короновал его на смертном одре. Хосров I (Хосрау), носящий прозвище *Аношарван*, «благословенный», был, без сомнения, великим царем. Правда, он отнюдь не был идеальным царем, каким его представляют восточные люди, но и звание «справедливый» он носит не без оснований.

ХОСРО «СПРАВЕДЛИВЫЙ»

Переговоры, начатые после его вступления на престол, привели в течение года к «вечному миру» (сентябрь 532 г.). Римляне согласились выплачивать ежегодно крупную сумму и пойти на другие уступки, а персы сдали несколько крепостей в Лазистане (древняя Колхида, на восточной оконечности Черного моря). Заключение мира было, очевидно, очень важным событием для персидского царя. Вероятно, он сразу же воспользовался этой передышкой, чтобы защитить свои границы от всевозможных варваров. Традиция, безусловно, права, приписывая ему комплексные меры по защите Кавказа и северо-восточной границы, среди которых было насильственное переселение непокорных племен.

Через несколько лет он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы вновь начать военные действия против римлян. Возможно, он действительно опасался, что успех войск Юстиниана в Италии и Африке приведет к тому, что Римская империя станет для него слишком сильной. Без сомнения, посланцы, отправленные королем готов Витигесом, ярко описали ему опасности, которые грозили Персии со стороны римлян. Еще более сильным стимулом для него, вероятно, послужило то, что армянские вельможи, восставшие в результате многочисленных проявлений несправедливости, обратились к нему за помощью, хотя и были христианами.

ХОЗРОС НАПАДАЕТ НА РИМ

[540-551 гг. н. э.]

Не было недостатка в мелких нарушениях договора с той или другой стороны; об этом позаботились арабы с обеих сторон. В любом случае, Хосров на этот раз был полон желания войны, и поэтому в начале 540 года по еврейскому календарю () он начал вторжение в Сирию, как это сделал Сапор I. Он прошел мимо хорошо укрепленных городов, которые

откупились от него, заплатив большие суммы, а те, которые оказали сопротивление, он взял. Эта участь в наибольшей степени выпала на долю метрополии Антиохии. Армия покинула ее, унося с собой добычу, в том числе многочисленные произведения искусства. Он сжег город и увез его жителей. Продвинувшись к берегам «Римского» моря, он продолжил свое победное шествие по северной Сирии и Месопотамии, с запада на восток. Крепость Дара, которая всегда была бельмом на глазу у персов, поскольку была построена в нарушение договора, была вынуждена купить безопасность за определенную цену. Никто не ушел безнаказанным, кроме жителей Карр, которые, будучи еще язычниками, могли, как предполагалось, симпатизировать нехристианской империи. В конце лета он снова достиг Ктесифона, не встретив открытого сопротивления на поле боя.

На второй год войны Хосров по просьбе жителей двинулся на Лазистан, проник к Черному морю и взял там крепкую крепость Петра. Борьба продолжалась в Месопотамии в течение нескольких лет с переменным успехом. В 546 году было заключено перемирие на пять лет при условии выплаты римлянами большой суммы денег. Однако территория Лазистана была исключена из действия перемирия как тогда, так и в 553 году, когда перемирие было продлено еще на пять лет. Арабы двух империй также продолжали сражаться друг с другом. Только в 556 году перемирие было распространено на Лазистан, поскольку римские войска за это время добились некоторых успехов, и около Рождества 562 года был заключен мир на пятьдесят лет.

Римляне вновь обязались ежегодно выплачивать значительную сумму, персы отказались от своих притязаний на Лазистан, но вопрос о том, кому должна принадлежать соседняя провинция Суания, остался нерешенным. Наши сведения о положениях этого мирного договора исключительно подробны; одно из важных положений гласит, что, хотя римляне и гарантируют полную религиозную свободу персидским христианам, они признают, что им запрещено проповедовать среди зороастрийцев, и, следовательно, суровое наказание за нарушение этого запрета не является нарушением положений мирного договора.

Попытка завоевать Йемен (около 570 г.) была, по сути, довольно рискованным предприятием. В 525 г. страна была оккупирована христианскими абиссинцами. Принц Йемена обратился к Хосросу с просьбой помочь ему освободить страну от негров. После некоторого колебания царь отправил по морю небольшой отряд под командованием Вахриза, которому удалось преодолеть слабое сопротивление абиссинской армии и подчинить страну царю. Она оставалась номинально под властью Персии до тех пор, пока не приняла ислам, но империя не извлекала из этой отдаленной провинции никакой выгоды, кроме, возможно, скудной и, вероятно, нерегулярной дани.

Страна, к которой море было единственным удобным путем доступа, не могла быть полезна для народа, столь совершенно не знакомого с мореплаванием, как персы, и мы не находим никаких следов морского сообщения между Йеменом и Персией. Хосров, возможно, действительно имел в виду отвлечь торговые выгоды от римлян и перенаправить их персам, так же как и в других отношениях () торговые интересы играют свою роль в враждебных и дружеских отношениях империи; как это было, например, в значительной степени, с торговлей шелком с внутренними районами Азии.

[551-578 гг. н. э.]

Царь не был избавлен от конфликтов внутри своих владений. Около 551 года его сын Аношазад, который за какое-то преступление был сослан в Сузиану, услышав, что его отец тяжело болен, провозгласил себя царем и продолжал свое восстание. Он полагался на христиан, единоверцев своей матери, но вскоре был побежден и взят в плен. Он не был казнен, а лишь лишен права на престол из-за небольшого обезображивания лица.

В последние годы своей жизни Хосров снова вступил в войну с римлянами, которые на этот раз объединились с турецким каганом, ставшем теперь грозным врагом Персии. Персы делали все, что могли, чтобы помешать взаимодействию между ним и римлянами. Римляне также жаловались на разрушение христианского королевства Йемен. Но это были второстепенные соображения. Даже отказ императора Юстина II (14 ноября 565-6 г. по октябрь 578 г.) выплатить Персии сумму, оговоренную в договоре, вероятно, не привел бы к прямому разрыву отношений.

Но персы не могли смириться с тем, что вся Армения стала римской. Армянская знать вновь задумывала восстание; духовенство и фанатичная толпа подняли бунт, когда было предложено построить храм Огня в столице Довине, и перс Сурен был убит (весна 571 года). Мятежники обратились к Константинополю; король Иберии (к северу от Армении) поступил так же. Некомпетентный император вообразил, что обе страны могут снова перейти к Риму, и взял их под свою защиту. Это стало сигналом к войне. Несмотря на то, что до нас дошли прекрасные современные отчеты об этой войне, у нас нет полного и хронологически точного резюме ее хода. В самом начале Нисибис был безрезультатно осажден римлянами; Хосров, с другой стороны, взял Дару после шестимесячной осады (573 г.), в то время как его генерал Адхармахан вторгся в Сирию через правый берег Евфрата и совершил там разорения, подобные тем, за которые его господин был ответственен в 540 г. Он разрушил Апамею и увёл её жителей в плен. Пройдя через Месопотамию, он объединил свои силы с королём перед Дарой. Часть пленников он поселил в Новой Антиохии.

Тиберий, который руководил правительством в Константинополе совместно с императрицей Софией и был официально назначен соправителем 7 декабря 574 года, стремился к миру. Но даже заключение трехлетнего перемирия не принесло настоящего спокойствия, поскольку Армения не была включена в перемирие. В начале 575 года Хосров прошел через Армению и продвинулся далеко в сторону Каппадокии. Он был вынужден отступить перед римскими войсками, которые фактически разграбили его лагерь, но не смогли помешать ему сжечь Себастию и Мелитену и благополучно вернуться домой. Его римские преследователи заняли большую часть Персидской Армении и перезимовали там, но в следующем году были изгнаны из нее.

О том, что римляне проявили не больше гуманности, чем персы, свидетельствует тот факт, что они увезли даже христианских жителей персидских пограничных провинций Арзанене и сочли особой милостью предоставление им жилья на Кипре (577 г.). Переговоры о мире начинались снова и снова. После недавних событий Константинополь с готовностью отказался от своих притязаний на Персидскую Армению и Иберию. По вопросу чести, чтобы светские и духовные вельможи Армении, которые укрылись в Константинополе, не были выданы на милость персов, также могло быть достигнуто взаимопонимание (). Дара по-прежнему оставалась большим камнем преткновения, поскольку римляне настаивали на ее восстановлении, имея на то веские основания. Несмотря на все это, мир, вероятно, был бы заключен, если бы Хосров не умер (около февраля 579 года) вскоре после того, как Тиберий стал единоличным монархом (4 или 6 октября 578 года).

ХОРМУЗД IV

[578-590 гг. н. э.]

Новый царь, Хормузд IV, сын Хосрова и дочери турецкого кагана, был высокомерным и предприимчивым. Неприятное впечатление в Константинополе произвело то, что он не

прислал туда уведомления о своем вступлении на престол, поскольку даже во время войны объявления такого рода торжественно делались обоими дворами. В целом греческие авторы очень неблагоприятно отзываються о Хормузде, и даже персидские предания свидетельствуют, что он был злопамятным и пролил много крови. Из свидетельства современника мы знаем, что он казнил своих братьев, когда вступил на престол, но тот же источник утверждает, что это был варварский обычай среди персов. С другой стороны, персидская традиция сообщает, что он осуществлял строгое правосудие, не делая различий между людьми, и ревностно защищал простых людей от знати. Тяжесть его суровости ложилась на великих. Это согласуется с тем фактом, что он заботился о солдатах в рядах и относился к аристократическим кирасирам с небольшим уважением. Он также навлек на себя гнев священников решением, которое приносит ему высшую честь, поскольку он иронично отклонил их просьбу поставить христиан в невыгодное положение. Во многих отношениях он, по-видимому, напоминал первого Йездегерда, судьбу которого он также разделил. Его несчастьем было то, что он не обладал интеллектуальным превосходством, которое позволяло его отцу контролировать дворян, как светских, так и духовных.

Война с Римом продолжалась на протяжении всего его правления, и неоднократные попытки переговоров не принесли результата. Иногда побеждала одна сторона, иногда — другая. К этой войне добавилась еще и неудачная война с турками. Против них Хормузד послал Бахрама Чобина. Ему удалось одержать блестящую победу над ними, или, вернее, над одним из их вассалов, и захватить большую добычу; и даже, как гласит легенда, превратить дань, которую Персия платила туркам, в дань, которую турки платили Персии. Затем победоносный полководец был отправлен (589 г.) в страны к югу от Кавказа, чтобы нанести мощный удар по римлянам. Однако Бахрам был полностью разгромлен. Хормузד совершил глупость, уволив этого опытного полководца, главу дома Михрана, с позором.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

[590-592 гг. н. э.]

Бахрам ответил открытым восстанием. Его армия встала на его сторону. Он, скорее всего, знал, насколько недовольны были вельможи, и мог рассчитывать на недовольство остальных войск. Армия в Месопотамии, которая отступила в Нисибис после поражения от римлян и боялась мести короля, взбунтовалась и присоединилась к Бахраму, хотя и не отказалась от своей независимости. Бахрам продвинулся до великого Заба (недалеко от современного Мосула) на пути к столице, когда столкнулся с королевской армией. Но эта армия также взбунтовалась, правда, не в пользу Бахрама, а в пользу Хосрова, сына короля. Часть этих войск вскоре достигла Ктесифона, куда Хормузд поспешил из Мидии, получив роковую весть. Город погрузился в беспорядки (). Биндо, сестра которого была матерью Хосрова, был заключен в тюрьму (судьба, наиболее вероятная для восточного дворянина); его брат Бистам (Вистам) освободил его силой, и дворяне приступили к смещению Хормузда и провозглашению Хосрова королем (лето 590 года). Он был в плохих отношениях со своим отцом, и это движение, безусловно, не стало для него неожиданностью. Насколько он был вовлечен в убийство Хормузда, которое произошло вскоре после этого, мы не можем сказать с какой-либо степенью уверенности; скорее всего, он позволил случиться тому, чему не мог предотвратить.

Хосров II, прозванный *Парвезом*, «Победоносный», тщетно пытался переманить Бахрама на свою сторону. Последний же сам хотел править либо от имени несовершеннолетнего принца, либо, что было предпочтительнее, от своего имени. Хосров выступил против него, но его армия не была лояльна. Знаменитый полководец пользовался большим уважением,

чем малодушный король, чьи войска дезертировали после первого серьезного сражения. Хосров с семьей и несколькими верными последователями бежал в Сирию, к римлянам. Достигнув пограничного города Киркезиум, он написал письмо с просьбой о помощи императору Маврикию (который находился на троне с 14 августа 582 года). Последний не был достаточно ловким, чтобы воспользоваться этой чрезвычайно благоприятной ситуацией в интересах своей империи, поскольку он взялся восстановить Хосрова, не оговорив справедливого вознаграждения. Сам будучи человеком низкого происхождения, он, вероятно, чувствовал себя польщенным тем, что его призвали восстановить законного короля древнего рода и что он мог провозгласить себя «отцом» такого короля.

Тем временем Бахрам, после некоторого колебания, провозгласил себя царем и отчеканил монеты на свое имя. Ему также посчастливилось заполучить в свою власть Биндо. Но трон Бахрама с самого начала был шатким. Вельможи не хотели подчиняться человеку, который был их равным. Однако даже в Парфянской империи короли часто свергались и возводились на престол; всегда считалось правильным, что корону должен носить только Арсак, а в империи Сасанидов легитимные настроения были гораздо сильнее. В сознании народа «древняя королевская величество» (*farrahi kayanik*) было связано с домом Ардашира, и никто другой не мог править.

Восстание произошло даже в самом Ктесифоне, которое было подавлено Бахрамом, хотя Биндо ушел во время беспорядков, чтобы продолжить борьбу за своего племянника. К началу 591 года императорская армия вышла на поле боя, чтобы восстановить Хосрова. Мартирополь, который попал в руки персов в результате предательства и уже значительное время находился в осаде, был передан римлянам Хосроем; то же самое произошло с Дарой. Персидская армия в Нисибисе перешла на его сторону и с каждым днем увеличивалась за счет прибытия персидских вельмож, среди которых были бароны из Армении. Бистам собрал армию в Азербайджане, чтобы выступить против Бахрама; основная римско-персидская армия продвигалась на него слева от Тигра, но еще до того, как они вступили в контакт с врагом, королевские войска, которые были отправлены вперед прямо через месопотамскую пустыню, захватили столицы Ктесифон, Селевкию и Новую Антиохию.

Все люди встали на сторону своего законного правителя, и в великой битве, которая произошла недалеко от Заба, Бахрам был полностью разгромлен (лето 591 года). Он бежал к туркам, которые приняли его с почестями, но вскоре после этого он был убит. Хосров был сопровожден римлянами в Ктесифон, и, естественно, между Римом и Персией был заключен мир. Равно как и естественно, была отменена уплата дани, но границы остались такими же, как и до войны, а Нисибис остался в руках персов.

Хосров все еще чувствовал себя на троне настолько неуверенно, что умолял императора оставить ему телохранителей из тысячи римлян. Его первой мыслью было избавиться от всех опасных личностей, особенно от тех, кто способствовал падению его отца и его собственному восшествию на трон. Среди прочих он казнил своего дядю Биндоэ, но брат Биндоэ, Бистам, был вне его досягаемости. Когда последний понял, что его смерть решена, он последовал примеру Бахрама, принял титул царя в Мидии и отчеканил монеты. Он тоже был из древнего рода, но и он не мог завоевать авторитет законной династии. По-видимому, он полагался на остатки войск Бахрама и вступил в союз с турками и деламитами. Он противостоял войскам Хосрова почти шесть лет, пока не пал от предательства (вероятно, в конце 595 или начале 596 года).

ПОРОКИ ХОСРОСА II

Эти беспорядки, должно быть, сильно расстроили империю, которая и без того была достаточно ослаблена длительными войнами на востоке и западе. Хосров II также не был мудрым, сильным и гуманным правителем, который был необходим в этих условиях. В лучшем случае он был очень обычным восточным принцем. Слабый по натуре, он был одновременно хвастлив и труслив, а к показной роскоши добавлялась гораздо более вредная черта — алчность. К моменту его смерти королевская казна, которую он застал пустой, была полна, в то время как его владения были обеднены войной. В обстоятельствах того времени можно найти некоторое оправдание его поведению по отношению к тем, кто помог ему занять трон. На войне он никогда не отличался, его победы — это только победы его генералов. Он действительно защищал христиан, даже относился к ним с почтением и строил для них церкви; но он делал это отчасти из-за впечатления, произведенного на него помощью римлян и (как он сам считал) содействием святого Сергия, покровителя сирийцев и арабов в Римской империи, отчасти по настоянию Ширин, его любимой жены, которая была горячей христианкой, и других, таких как его христианский лечащий врач Габриэль. Впоследствии дружба Хосрова с христианами превратилась в противоположное чувство. И мы знаем, что он был человеком грубого характера.

После того как Маврикий был свергнут в результате мятежа и убит, а подлый Фокас возвысился на императорский трон (ноябрь 602 г.), Хосров считал себя находящимся в состоянии войны с римлянами, выступая в качестве мстителя за своего «отца» Маврикия и защитника своего предполагаемого сына Феодосия, который укрылся у него. Кроме того, Нарсес, командовавший в Эдессе, обратился к нему с призывом выступить против Фоки. Поэтому Хосров начал с того, что заключил в тюрьму послов, через которых Фока сообщил ему о своем вступлении на престол. Фактическая война, вероятно, началась в начале 604 года. В течение двадцати лет Римская империя была захвачена персидскими войсками, как никогда раньше, настолько она была разорвана Фокой и подвергалась набегам аваров и других варварских племен. Хосров лично присутствовал при взятии Дары, после чего не принимал активного участия в войне. За несколько лет персидские войска продвинулись далеко по дороге в Малую Азию, достигнув даже Халкидона, напротив Константинополя.

Тот факт, что власть Персидской империи не была очень прочной, подтверждается событием, само по себе незначительным, которое произошло в этот период (между 604 и 610 годами) — битвой при Дху-Кар. Хосров упразднил королевство Хира и приказал казнить Нохмана, последнего короля. Таким образом, империя избавилась от вассального государства, которое часто доставляло ей неприятности, но, с другой стороны, отныне ей было гораздо труднее установить господство над дикими племенами пустыни и помешать им совершать набеги на возделанные земли. После падения Номана бедуинские племена Бекра бен Вайла сумели нанести полное поражение имперской армии, состоящей из арабов и персидских регулярных войск, в Дху-Кар, недалеко от Евфрата и в нескольких днях марша от Ктесифона, и удержать территорию, из которой персы хотели их изгнать. Эта победа арабов над персами, преувеличенная национальным тщеславием, значительно подняла самооценку первых и укрепила уверенность мусульман, когда они напали на империю.

КОНФЛИКТ С ГЕРАКЛИЕМ; ПАДЕНИЕ ХОСРОСА II

[610-628 гг. н. э.]

После свержения Фоки война с римлянами продолжала успешно продвигаться благодаря его способному преемнику Ираклию (октябрь 610 г.). Последний, видя, что его со всех сторон поджимают, тщетно просил о мире. Дамаск был взят в 613 году. Окружающая местность, которая никогда не была затоптана персидскими ногами со времени основания

империи, была настолько опустошена, что до сих пор бесчисленные руины свидетельствуют об этих разрушениях. В июне 614 года был взят Иерусалим. Все христианство было потрясено известием о том, что вместе с патриархом персы унесли «Святой животворящий Крест» Христа. Затем был завоёван Египет, а Малая Азия вновь была захвачена вплоть до Халкидона. Только в 622 году Ираклий смог выступить против персов. Он отплыл в бухту Исса, оттуда продвинулся в Армению и регионы вокруг Понта и впервые в ходе кампании внушил врагу уважение к римскому оружию. Потеря церковных сокровищ должна быть признана тяжелым ударом в ходе войны. 15 марта 623 года Ираклий наконец начал великую военную экспедицию, которая снова и снова приводила его в самое сердце персидской территории. Его почти экстравагантная смелость в переходах и поперечных маршах, во время которых он, как правило, был лишен всякой связи со своей базой и, должно быть, испытывал большие трудности с обеспечением своих войск продовольствием, доказывает, что он был великим полководцем и великим государственным деятелем.

В первый год кампании он разрушил одно из самых священных святилищ персов, храм Огня в Ганджаке, недалеко от озера Урумие; это был его ответ на разрушение Иерусалима. Мы находим его то в окрестностях Кавказа, то на востоке Малой Азии, то снова в Месопотамии, никогда не побежденного, часто победоносного, а еще чаще, возможно, ослабляющего или обманывающего превосходящие силы умелыми маневрами. Хосров, чувствуя тревожное приближение императора к Ганджаку, послал Шахрбараза, самого знаменитого из своих генералов, с большой армией прямо в Халкидон, чтобы отвлечь его (626 г.).

Это было тревожное время для Константинополя, с персами с одной стороны и аварами с другой (летом 626 года), а император находился почти вне досягаемости в отдаленных частях Азии. Но авары вскоре отступили, видя, что персы, не имея флота, не могут проводить совместные с ними операции на другом берегу Босфора. В отместку Ираклий привлек на территорию Персии диких хазар с севера Кавказа. Наконец, в 627 году он отважился вторгнуться в главную провинцию монархии. Он отпраздновал «праздник огней» (6 января 628 года) в Дастагерде, всего в трех днях пути от Ктесифона, где Хосров регулярно держал свой двор в течение последних двадцати лет.

[628-629 гг. н. э.]

Царь в ужасе бежал, не чувствуя себя в безопасности, пока он и его гарем не пересекли мост через Тигр в Ктесифоне. Ираклий, естественно, совершил свой грандиозный поход из Кавказа с относительно небольшим количеством войск и не был в состоянии атаковать столицу, которая была сильно укреплена и защищена водными путями. Напротив, прежде чем собрать большую армию, он отступил, но только до Ганджака, оставаясь таким образом на вражеской территории; а в феврале и марте пересек Альпы Курдистана среди непрекращающихся снежных бурь, что является подвигом, которому в военной истории не часто встречаются равные.

Тем временем в Ктесифоне происходили важные события. Тирания и вымогательства Хосрова возмутили как высшие, так и низшие слои населения; своим трусливым бегством он утратил уважение своего народа. Кроме того, он назначил своим преемником Марданшаха — своего сына от Ширин, которая, несмотря на свой возраст и тысячи других жен, по-прежнему полностью управляла им, — исключив Кавада. Последний был заключен в крепость вместе с большинством своих братьев. Некоторые дворяне, среди которых был христианин Шамта, сын покойного генерал-фермера Эздина, освободили Кавада и провозгласили его королем (25 февраля 628 года). Хосров, покинутый всеми, был вытащен из своего укрытия, заключен в тюрьму и через несколько дней казнен (29 февраля 628

года). Так жалко и ужасно погиб человек, чьи лагерь простирались почти до границ Ахеменидской империи. Никто не поднял руку, чтобы защитить или отомстить за него. Христиане, прежде всего, которые, помимо прочего, понесли смертельное оскорбление от его рук, когда он унес Истинный Крест, приветствовали с восторгом отцеубийцу Кавада, в возвышении которого один из них сыграл немалую роль.

ПРЕЕМНИКИ ХОЗРОСА II

Первым делом Кавад (II) Серозс убил всех своих братьев (вероятно, их было восемнадцать); вторым — отправил императору срочную просьбу о мире. Было быстро заключено перемирие, но мир пока не наступил, поскольку Ираклий не торопился с ним, так как теперь он в некоторой степени владел ситуацией. Все персидские войска получили приказ эвакуироваться с римской территории. Затем Ираклий, по-видимому, ввел порядок в делах вновь завоеванных провинций, в частности в Месопотамии. Достигнув Сирии, он узнал, что Кавад II уже умер. Этот несчастный человек правил всего около полугода. Его правление ознаменовалось страшной чумой.

Правящая партия поставила на его место его сына Ардашира III, семилетнего ребенка, и началась эпоха невыразимого хаоса, в которой дети и женщины на троне служили лишь предлогом для амбиций соперничающих дворян. Во время правления Ардашира крест, который был отправлен из Ктесифона обратно Ираклию через главу несторианской церкви, был торжественно установлен им в Иерусалиме. Праздник Воздвижения Креста 14 сентября до сих пор сохраняет память об этом радостном дне (629 г.).

Правительство в Ктесифоне было бессильно. Хазары вторглись в империю и опустошили ее. Возможно, именно в это время Хосров, сын Кавада и внук Гормузда IV, выросший среди турок, впервые попытался установить свою власть в Хорасане. Через несколько месяцев он был убит, но еще более могущественный, чем он, победоносный полководец Шахрбараз, захватил корону. Во время личной встречи в Арабиссе в Каппадокии (июнь 629 г.) он, по-видимому, заручился согласием Ираклия, который, должно быть, был глубоко заинтересован в ослаблении враждебной империи путем разжигания междоусобной розни (). Затем Шахрбараз с небольшим отрядом двинулся на Ктесифон, и знаменитый защитник империи захватил город своих царей с помощью предательства некоторых из его главных жителей. Город был подвергнут грабежам, убийствам и всякого рода ужасам, а мальчик Ардашир был убит 27 апреля 630 года. Но 9 июня сам Шахбарраз пал жертвой зависти и легитимизма своих соперников. Его труп тащили по улицам, и традиция нагромождает гротескную иронию на человека, который хотел быть королем, но не мог, потому что не принадлежал к законной линии престолонаследия.

[630-633 гг. н. э.]

Следующей на престол взошла женщина, Боран, дочь Хосрова II. Похоже, что она наконец официально заключила мир с Ираклием; на каких условиях, мы не знаем, но, вероятно, мир с Маврикием был просто вновь ратифицирован. В любом случае, Нисибис остался персидским.

Боран правила только до осени 631 года. Ее преемницей в Ктесифоне, вероятно, после краткого промежуточного правления принца по имени Пероз, стала ее сестра Азармидохт. Однако в Нисибисе войска убитого Шахрбаразы возвели на престол Хормузда V, внука Хосрова II, который удерживал свои позиции в этом районе в течение некоторого времени (в 631 и 632 годах). Азармидохт была свергнута Рустемом, могущественным наследственным генералом Хорасана, чьего отца она приказала казнить. Из путаных

сообщений об этом смутном времени мы не можем с уверенностью установить, кто был королем, а кто претендентом на престол в столице или провинциях, а также определить дату или даже последовательность этих «царствований».

Несомненно, что после Азармидохт некий Феррукзад (или Хоррезад) Хосров в течение некоторого времени считался царем в Ктесифоне. Вероятно, он был ребенком и, по мнению некоторых авторитетных источников, единственным сыном Хосрова II, который избежал всеобщей резни. Но другие люди у власти поставили в Персии другого ребенка, Йездегерда III, сына Шахрияра и внука Хосрова II, и короновали его в храме Огня Ардашира (во второй половине 632 года или в первой половине 633 года). В столице он был признан, а Хосров был казнен. В других провинциях, по-видимому, не было встречено длительного сопротивления.

АНАРХИЯ И ХАОС

Никто теперь не мог и мечтать о реальном восстановлении ужасно раздробленной империи, но, по крайней мере, внук Хосрова, который не был потомком отцеубийцы Шеро, снова стал единственным царем. Он был коронован в Истахре, родовом гнезде династии, а могущественный Рустем стоял рядом с ним. Казалось, что ситуация действительно изменилась к лучшему, но это было лишь кратковременное передышка. Враг, который должен был оказаться более грозным, чем Юлиан или Ираклий, уже стучал в ворота империи. В условиях внутренних беспорядков, которые потрясали Ктесифон, потеря Йемена и нескольких владений империи в северо-восточной Аравии в пользу мусульман, вероятно, прошла почти незамеченной.

Однако мусульмане вскоре оказались совсем рядом. Бедуины-бекры несколько раз нападали на королевские владения после битвы при Дху-Кар. Через некоторое время Мутанна, один из их самых храбрых вождей, принял ислам, и с этой силой за спиной их нападения стали более смелыми. Затем (вероятно, в 633 году) могущественный Халид, подавив восстания в Аравии, появился с небольшим отрядом на нижнем Евфрате, чтобы провести операции против этих же бедуинов. Персидские арабы и имперские войска были разгромлены в небольших сражениях, и вскоре ряд пограничных фортов оказался в руках мусульман. Жители регионов к западу от Евфрата, которые были все христианами и, как и все христиане вокруг Евфрата и Тигра, не испытывали особой лояльности к империи, подчинились победителям и даже взяли на себя обязательство снабжать их информацией.

АРАБСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ

[633-637 гг. н. э.]

Арабы уже начали набеги на дальнюю сторону Евфрата; они разграбили Багдад, который в то время был деревушкой, во время ярмарки, а также другие места на правом берегу Тигра. Но вскоре Халид получил приказ (в начале лета 634 года) выступить на Сирию, завоевание которой в то время было более важным делом для халифа. Его преемник, Абу Убайд из Таифа, привел с собой подкрепление; но когда наконец на поле боя появилась регулярная персидская армия, мусульмане, несмотря на свою героическую доблесть, были полностью разгромлены в «битве на мосту» на Евфрате 26 ноября 634 года. После гибели своего вождя Мутанна с большим трудом вывел остатки своей армии. Большая часть мусульманских завоеваний была без дальнейших церемоний утрачена. После некоторого колебания Омар (халиф с 23 августа 634 года) решил отправить в Ирак дополнительные войска. Он одновременно апеллировал к жадности и набожности арабов, призывая их одновременно

завоевать сокровища Хосрова и радости рая. Более крупная персидская армия была впервые разгромлена (при Бувайбе, 635 или 636 г.); среди убитых был и ее командующий, член дома Михрана.

Арабы вновь стали хозяевами земли к западу от Евфрата. Они обрели энергичного и осторожного лидера в лице Саада, сына Абу Ваккаса, одного из первых последователей пророка. Владыки в Ктесифоне теперь осознали великую опасность, нависшую над империей. Новости о сражении при Ярмуке (20 августа 636 г.), которое стоило Гераклию, завоевателю Персии, всей Сирии, вероятно, усилили их опасения. Поэтому Рустем лично возглавил большую армию. В знак серьезности борьбы он взял с собой священное знамя империи (*дирафши Кавийан*), которое, как считалось, было передано из поколения в поколение с незапамятных времен. Он также взял с собой несколько слонов, в соответствии с персидским обычаем вести войну. При приближении передовой охраны персидской армии Саад эвакуировал свои позиции и отступил в Кадисию, на границе пустыни (к югу или юго-западу от Хиры). В течение нескольких месяцев армии противостояли друг другу, находясь на небольшом расстоянии друг от друга. Арабские войска были, безусловно, гораздо меньше по численности; они не могли прокормить большую армию в этом месте, поскольку зависели от добычи, полученной в результате набегов, и провианта, который халиф посылал им из Медины.

Наконец, состоялась великая битва при Кадисии (конец 636 или 637 года). Она длилась несколько дней; Саад был болен, но тем не менее принял на себя командование. Персы в большинстве своем были гораздо лучше вооружены, чем арабы, но мужество последних было возбуждено до предела. Сначала они были напуганы слонами, но, несмотря на свой страх, они смело наступали, и животные, по-видимому, вышли из-под контроля и стали источником замешательства в персидских рядах. Подавляющее большинство персов, безусловно, вело себя трусливо, по своей давней традиции, но арабам пришлось нелегко, прежде чем враг был разгромлен, сам Рустем убит, а знамя Персидской империи захвачено.

АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

[637-652 гг. н. э.]

Битва при Кадисии практически решила судьбу провинций на Тигре. Было еще несколько сражений, некоторые из них на обширной территории древнего Вавилона, но вскоре после этого арабы достигли Селевкии, взяли ее после длительной осады, переправились через быстрый поток Тигра и быстро прорвались в Ктесифон. Молодой царь Йездегерд уже бежал в Холван (на границе между Вавилонией и Мидией). По дороге туда, в Джалуле, арабы одержали еще одну победу над персами под командованием Хоррезада, брата Рустема, и Йездегерд бежал дальше вглубь страны. Тем временем другие арабы завоевали дельту реки и оттуда продвинулись в Сузиану. Очень способный и решительный полководец еще мог бы спасти для персов саму землю Ирана. Омар, который, несмотря на свою энергичность, был очень осторожен, опасался, что арабы могут слишком далеко продвинуть свои войска, и сначала не давал приказа о продвижении в высокогорье. В конце концов он все же сделал это. Большая персидская армия была собрана в Нехавенде, немного южнее древней дороги из Вавилона в Экбатану. Здесь произошла великая битва (в 640, 641 или 642 году), в которой арабы — сначала под командованием Нохмана, а после его гибели — под командованием Худхайфы из Мекки — одержали блестящую победу.

Мусульмане по праву называли триумф в Нехавенде «победой побед». Он полностью разрушил Персидскую империю. Арабам предстояла долгая борьба, пока они не завоевали все провинции обширной монархии, но она состояла из отдельных сражений, исход которых не вызывал сомнений, поскольку их враги утратили всякую сплоченность. Многие города и районы приходилось подчинять снова и снова, потому что они постоянно восставали. Самый упорный сопротивление, по-видимому, было оказано в самой Персии, особенно в окрестностях Истахра, колыбели империи Сасанидов и центра ее религии. Многие из великих провинциальных вельмож и некоторые из менее значительных заключили дружеское соглашение с арабами. Все они встретили их как независимые суверены.

Тем временем царь Йездегерд вел жалкое существование. Он не мог набраться мужества, чтобы поставить свою жизнь на карту ради короны и империи. Он бегал от одного сатрапа к другому. По-видимому, дольше всего он пробыл в Истахре, родине своего рода. Ему оставили внешнюю пышность царской власти, монеты по-прежнему чеканились от его имени, но как только он становился неудобным гостем, его прогоняли. В конце концов он нашел убежище на крайнем северо-востоке, где и был жестоко убит, в окрестностях Мерва. Обстоятельства его смерти, произошедшей в 651 или 652 году, точно не известны, но, по-видимому, можно с достаточной уверенностью утверждать, что к ней причастен Махое, сатрап Мерва. [Традиционное изложение см. на стр. 154 этого тома].

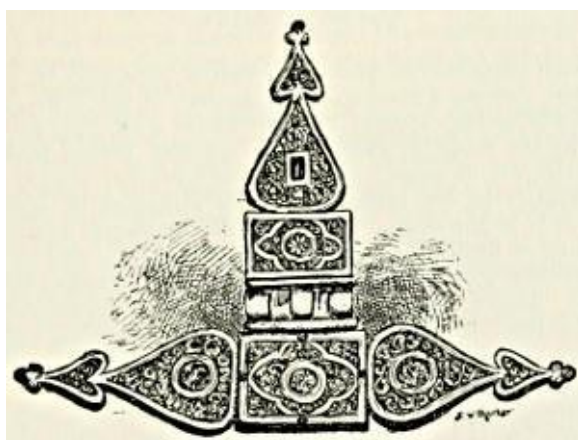
Наше внимание привлекает сходство обстоятельств, при которых погибли империи Ахеменидов и Сасанидов, сходство, которое, хотя и кажется случайным, указывает на большое сходство в характере. Как битва при Гранике впервые в полной мере продемонстрировала грозный характер врага, как Иссус стоил царю его западные провинции, а Гаугамела разорвала империю на части, не сделав при этом победителя хозяином всех ее провинций, так и произошло почти тысячу лет спустя с битвами при Бувайбе, Кадисии и Нехавенде. И как беглый Дарий был убит на северо-востоке не врагами, а вероломными вельможами, так же произошло с Йездегердом, который был не более героем, чем он. Персидская знать не проявила столь грубого отсутствия патриотизма и лояльности в случае с арабами, как в случае с Александром; яркое осознание религиозных различий и более грубые манеры арабов затрудняли приверженность им; но не было недостатка в предателях высокого ранга и отступниках среди высшей и низшей знати. Полное подчинение персидской монархии заняло у арабов гораздо больше времени, чем у великого македонянина, но, с другой стороны, его последствия были гораздо более долговечными; эллинизм коснулся лишь поверхности Персии, но Иран был полностью проникнут арабской религией и арабскими чертами.

[652-750 гг. н. э.]

Фрагмент империи Сасанидов продолжал существовать еще некоторое время. Наследственные генералы (Шахпат, Испехбед) Хорасана из дома Карена ушли в горную страну Табаристан (Мазандаран) и правили там более ста лет, хотя иногда им приходилось платить дань халифу. Они оставались верными религии Зороастра. Эпоха, которую они отмечали на своих монетах, по всей вероятности, начинается со смерти Йездегерда, и, таким образом, они, по-видимому, считали себя прямыми преемниками последнего царя из династии Сасанидов.³⁰

СНОСКИ

^[30] [Или, согласно фон Гучмиду, 227; см. главу I.]

Бронзовый шарнир из античного сундука

ГЛАВА III. РАННЯЯ ИСТОРИЯ АРАБОВ

[около 2500 г. до н. э. — 622 г. н. э.]

Аравийский полуостров — это Африка уменьшенных размеров и более умеренных пропорций, но без речной долины, подобной Нилу. Сердце страны — это плоскогорье, скудно орошаемое под палящим солнцем и образующее впадину посреди песчаных пустынь,

каменистых равнин, вершин и обнаженных утесов. Таким образом, несмотря на свою огромную площадь, превышающую миллион квадратных миль, Аравия, особенно в глубине, представляет собой лишь несколько участков земли, пригодных для возделывания. На юге, где плато постепенно спускается к Индийскому океану, расположены плодородные долины, а на горных террасах, где прохладные ветры с океана смягчают тропическую жару, в изобилии растут самые богатые фрукты. Этот район Аравии — земля ладана, сахарного тростника и кофейных деревьев, гранатов, инжира, фиников, кукурузы и пшеницы.

Геродот,^b, который, как и все другие историки древности, применяет название «Аравия» к регионам, лежащим даже за Синаем и сирийскими пустынями, дает нам лишь скудную информацию о жителях этой обширной земли. «Арабы, — говорит он, — носят длинные одежды, носят на правом боку большие луки с двойными тетивами и ездят на быстрых верблюдах. Они поклоняются двум богам: Дионису, которого они называют Уроталом, и Урании, которую они называют Алилатом, а вавилоняне называют Милиттой. Договоры заключаются следующим образом: третье лицо режет каждой из сторон договора руку около большого пальца и кровью, полученной таким образом, смазывает семь камней, лежащих на земле между ними, одновременно призывая Уротала и Алилат. Договоры, запечатанные таким образом, считаются арабами священными и хранятся с верностью, редко встречающейся у других народов». Артемидор^c из Эфеса называет Аравию богатой всевозможными животными: львами, пантерами, волками, дикими ослами и верблюдами; по его словам, жители были кочевыми скотоводами, которые путешествовали и сражались на спинах верблюдов, питаясь верблюжьим молоком и мясом. Он не сообщает нам названия этих племен из-за их малоизвестности и немзыкального звучания. Диодор^d также сообщает нам, что части Аравии на сирийской стороне были заселены племенами, которые жили торговлей и земледелием; но прилегающие к ним территории были в основном бесплодными и безводными, и населявшие их нахабейцы вели жизнь разбойников, грабя своих соседей далеко за пределами своих владений; ни одному другому племени не удалось их покорить. Внутри и на западе Аравии простирались огромные песчаные равнины, через которые можно было путешествовать, только ориентируясь, как на море, по созвездию Большой Медведицы.

Плиний^e замечает: «Удивительно, но арабы живут в равной степени за счет грабежей и торговли; то, что они получают из своих лесов (имея в виду продукты финиковых пальм и фруктовых деревьев юга) и из моря, они продают, но никогда ничего не покупают взамен».

«Арабы, — говорит Аммиан Марцеллин^f, — занимают территорию, простирающуюся от Евфрата до Египта. Они не носят одежды, кроме своего рода фартука вокруг тела и объемного плаща. Каждый из них — воин, и их можно увидеть повсюду на верблюдах и быстрых, стройных лошадях. Они не могут долго оставаться в одном месте; не имея постоянного жилища, они беспокойно скитаются, и вся их жизнь — не что иное, как бегство. Большинство арабов даже не слышали о хлебе и вине».

Другая информация дается нам в отношении южного побережья Аравии. Геродот^b отмечает, что величайшие благословения изливаются на крайние пределы земли, и что это, по-видимому, верно в отношении Аравии, самой южной точки обитаемого мира. Только здесь на всей земле растут ладан, мирра, кассия и ладан; только здесь разводят овец с такими густыми хвостами, что под ними приходится привязывать повозки, чтобы они не падали. Но деревья, дающие ладан, охраняются крылатыми змеями, а деревья, дающие кассию, — летучими мышами.

Будучи хорошо осведомленным в вопросах, касающихся этого района, благодаря широким торговым связям Александрии, Эратосфен^g мог назвать различные племена, населявшие юг. «Внутри страны, — добавляет он, — были густые леса, образованные высокими деревьями

ладана и мирры; кроме них были деревья корицы, пальмы и калмус, а также другие деревья подобного рода, источавшие сладчайшие ароматы. Из такого множества невозможно назвать все виды; достаточно сказать, что ароматы, которые они источали, были восхитительны не поддаются описанию. Даже люди, проплывающие мимо этой земли на кораблях на некотором расстоянии от берега, чувствуют эти ароматы, доносимые до них ветром. Ведь здесь аромат исходит не от старых, застоявшихся и отложенных специй, а распространяется в полной силе и свежести, так что моряки, плывущие вдоль побережья, считают, что наслаждаются амброзией, поскольку никакое другое название не может выразить необычайную силу и богатство вдыхаемого ими аромата. У сабеев монархия является наследственной, и именно здесь живет король, вершащий правосудие над народом, но никогда не рискующий покинуть свой дворец. Если бы он однажды показался на улице, его подданные забили бы его камнями, выполнив таким образом древнее пророчество. Сабейцы — самый богатый народ в мире. В обмен на свои немногие товары они получают серебро и золото со всех сторон, а благодаря удаленности своего положения ни одно другое племя никогда не завоевывало их».

[около 2500-645 гг. до н.э.]

Еврейские Писания сохранили для нас информацию о населении Аравии, которая на тысячу лет старше, чем у Плиния, и на пятьсот лет старше, чем у Геродота. Согласно Бытию [12](#) племена делятся на четыре основные группы: йоктаниты, среди которых наиболее заметны племена юга и востока; кетуриты, к которым относятся некоторые племена востока и северо-запада; измаильтяне, среди которых можно насчитать племена севера и внутреннего плато; и, наконец, группа племен, которые кочевали и поселились у восточных границ Ханаана — амаликитяне, едомляне, моавитяне и аммонитяне. Евреи приписывают арабам то же происхождение, что и себе.

Из генеалогий ясно, что евреи считали арабские племена своими близкими родственниками и родственниками гораздо более древней ветви. Арабы юга прослеживали свое происхождение до пятого поколения после Сима, общего праотца, в то время как евреи происходили от второго сына Исаака. Наиболее близко с ними связаны измаильтяне, которые делятся на двенадцать племен — потомков сыновей Измаила, «двенадцати князей»; за ними следуют едомляне, аммонитяне и моавитяне.

Традиции арабов едва ли уходят корнями в начало христианской эры. То, что их писатели, которые после Мухаммеда начали рассказывать раннюю историю своего народа, знали об этих древних периодах, либо происходит из рассказов евреев, либо является плодом чистого воображения. Они представляют амаликитян, которых они нашли в еврейских Писаниях, как основателей своей расы и помещают их жилища то в Ханаане, то в Дамаске, то в районе Мекки и Омана, и заставляют их в одно время править Египтом. Этих амаликитян, тасмитов и джади, аадитов и йорхомитов они считают истинным арабским племенем, которому Бог научил арабскому языку после смешения языков. Но тасмиты и джади так же мало приемлемы с исторической точки зрения, как и амалики, поскольку их имена означают «вымершие» и «исчезнувшие»; аадиты — чисто вымышленный народ, а йорхомиты (около Мекки) — племя, которое ни в коем случае не имеет древнего происхождения. Согласно арабам, прародителем племен Йемена на юге является Кахтан, сын Эвера и правнук Ноя; это Йоктан из Книги Бытия. Этот основатель сабейской монархии оставил двух сыновей, Химьяра и Кахтана. Химьяр был прародителем химьяритов, и их обитель располагалась на южном побережье Аравии, между Маробом (Сабой) и Хадрамаутом.

Арабская традиция приписывает королевству Мароб, основанному Абд Шамс-Сабахом, длинную череду правителей. Но даже если мы допустим, что каждый из них правил более

тридцати лет, период правления Кахтана не может быть отнесен к периоду ранее 700 года до н. э. Предполагается, что Абд Шамс-Сабах построил не только Марерб, но и большую плотину для орошения земель. Хорошо построенные плотины, каналы и шлюзы в Сане (Узал у евреев, к западу от Марерба) были, как говорят, возведены Асадом. Замки Сахлин и Байнун (около Саны) были построены демонами по приказу Соломона для Белкис, царицы Савской. К концу 700 года до н. э. Харит, вождь химяритов, завладел царством сабеев, которые были изгнаны со своей земли, и химяриты, которые их вытеснили (гомериты западных народов), стали правящим народом в Йемене. Арабская традиция в некоторой степени подготовила почву для этой перемены, сделав Химяра старшим сыном и преемником Абд Шамса-Сабаха.

Если мы проследим генеалогии, приведенные арабской традицией для правителей племен, происходящих от Измаила, назад на двадцать поколений, пока не дойдем до Аднана, его внука, то мы не дойдем до периода, более раннего, чем II век до н. э., даже если примем тридцать лет для каждого поколения.

Нам не переданы никакие последовательные сведения об этих людях. Мы знаем, что Египет в какой-то период позднее 3000 года до н. э. закрепился на западе Синайского полуострова, но мы не можем с уверенностью сказать, откуда пришли эти племена-захватчики. Египетские надписи времен Техутимеса и первого Рамсеса, [4](#), рассказывают о победах над шасу и пунтами, то есть арабами, но мы не можем узнать ни масштабы этих победоносных операций, ни имена племен, против которых они были направлены, поэтому мы приходим к выводу, что они носили лишь временный характер. Евреи рассказывают, что царица сабеев, правительница этой плодородной, богатой пряностями земли, отправилась в Иерусалим, чтобы преподнести царю Соломону богатые дары в виде пряностей и золота.

Нас удивило бы узнать, что арабская монархия находилась в руках женщины, если бы надписи ассирийских царей [5](#) не раскрывали, что даже племена пустынь часто имели женщин в качестве правителей. Эти же надписи также предоставляют нам информацию о некоторых ранних арабских племенах и сообщают нам об их большом богатстве скотом. Третий Тиглат-Пилесер сообщает, что в 735 году до н. э. он получил дань от Забибие, царицы Аравии (Ариби). В 734 году он пошел походом на Самши, царицу Аравии, и взял у нее в качестве трофеев тридцать тысяч верблюдов и двадцать тысяч волов, а затем покорил народ Сабы, сабейского города. Царь Саргон хвастается, что он покорил народ Таммуда, таммуденов западных писателей; а также народы Тасида, Ибадида, Марсимана, Чайапы, далеких арбеев, жителей земель Бари, «о которых не знали ученые и писцы», и что Самши, царица арабов, и Ятхамик, сабеец, платили ему дань пряностями, верблюдами и золотом (715 г. до н. э.). Сеннахериб взял у пекодов, хагаритов, набатейцев и некоторых других племен 5330 верблюдов и 800 600 голов мелкого рогатого скота (703 г. до н. э.). Во время правления Ашшурбанапала Адия, царица арабов, и Аммуладин, царь кедаритов, были побеждены и приведены в цепи в Ниневию; а «бесчисленные воины» другого князя, Юта-бен-Бир-Дадды, были разгромлены, а его шатры сожжены. Третий вождь, Абияте, со своими союзниками, Юта-бен-Хазаэлем, Натну (Натаном), царем набатейцев, и поклонниками Истар, был разгромлен в 645 г. до н. э.

Положение Аравии между долинами рек Нил, Евфрат и Тигр, которые были колыбелью древнейших промыслов и где сельское хозяйство и цивилизация начали процветать в ранние времена, привело арабов, которые постоянно кочевали по границам своей земли, к тесным связям с Египтом и Вавилоном. То, что не удавалось добыть грабежом, можно было получить путем обмена. Кочевые скотоводы нуждались в зерне, орудиях труда и оружии, а египтяне и вавилоняне — в лошадях, верблюдах, шкурах и шерсти. Обменивая на необходимое скот и шкуры, арабы снабжали египтян и вавилонян сырьем для их промыслов. Согласно еврейской традиции, Авраам отправился в Египет, а сыновья Иакова

покупали зерно в Египте, когда «был голод в земле». Тот факт, что египтяне в 3000 году до н. э. завладели долиной Магара на Синайском полуострове, а тысячу лет спустя некоторые кочевые племена северо-запада Аравии получили господство над Египтом, только укрепил позднейшие отношения между двумя странами. Несомненно, что между ними давно существовали связи, и контакты с более развитой культурой Египта настолько увеличили потребности арабов, что значительно расширили их торговые отношения. Они могли предлагать египтянам в обмен не только свой скот, но и дорогостоящие продукты своих южных побережий, ладан и духи, которые уже в 2500 году до н. э. приобрели большую известность в Египте.

Учитывая эту древнюю и активную торговлю, неудивительно, что египетская царица Рамака (Маат-ка-Ра или Хатшепсут) предприняла попытку импортировать продукты южной Аравии напрямую через Красное море; и, вероятно, именно это намерение побудило Рамсеса II спроектировать канал, который должен был соединить Нил с Красным морем. Позже Рамсес III распорядился построить корабли специально для торговли с «землей Пунт» (Аравия) и «землей богов» (Дальний Восток). Несмотря на огромный спрос на ладан и духи в Египте, спрос в Вавилоне, по-видимому, был не меньшим. Геродот [рассказывает](#) нам, что на ежегодном празднике Белоса на алтаре великого вавилонского храма сжигалось тысяча талантов ладана.

[около 1225 г. до н. э. — 100 г. н. э.]

Спрос на арабские товары, должно быть, значительно вырос, когда финикийские города, расположенные вдоль побережья Сирии, превратились в важные торговые центры.

То, что вавилонский талант был распространен среди сабеев, свидетельствует о масштабах и активности вавилонской торговли. Сначала передавая свои товары от одного своего племени другому, пока они не достигали рынка в Дамаске или Евфрата и Нила для отправки, арабы разрешали или запрещали проход караванам вавилонян и финикийцев. Они поджидали торговые караваны и либо грабили их, либо заставляли платить за безопасный проход и сопровождение.

Красота и плодородие той части Аравии, которую занимали сабеи и чатрамиты, наверняка с самого начала способствовали тому, что они поселились там на постоянное жительство, а их постоянно растущая торговля с Египтом, Сирией и Вавилонией, несомненно, привела к большому притоку богатства в эти племена. Таким образом, даже рассказы, распространенные среди западных народов о великолепии их городов — шестидесяти храмах Саббаты, золотых и серебряных сосудах, колоннах и кушетках Мареба — должны были иметь под собой прочную основу в фактах. Сохранились руины могучих акведуков, плотин и бассейнов, которые вызывают удивление и восхищение наших туристов своим совершенством планировки и прочностью конструкции. Они показывают нам не только мастерство древних сабеев и чатрамитов в возведении важных сооружений, но и их полное понимание вопросов ирригации, поскольку вся система каналов и бассейнов была явно спроектирована для использования на их землях потоков, стекающих с гор. Остатки величественных сооружений не только вблизи Мареба, но и вблизи Нейрана, Гораба, Накб-эль-Хаджары в значительной степени подтверждают то, что западные и арабские традиции рассказывают нам о славе древних времен; а надписи на этих и других руинах на юго-западе Йемена, хотя и не относятся к периоду ранее 120 года до нашей эры, дают нам представление о жизни и культуре племен Южной Аравии. Мы также узнаем о ранних формах их устного и письменного языка и обнаруживаем, что их алфавит был заимствован у финикийцев, а затем развивался независимо от него. Более позднего происхождения (I век н. э.) являются надписи на скалах Синайского полуострова на крайнем северо-западе Аравии, написанные на североаравийском языке и письме.

Беглый взгляд на скудные известные нам факты показывает, что религиозные представления семитских племен в Аравии были почти такими же, как у семитских племен в Сирии или у племен, живших на берегах Евфрата и Тигра (). Можно с уверенностью предположить, что обряды племен, проживавших ближе к Сирии, в некоторой степени напоминали сирийские обряды, а культ южных племен был тесно связан с культом вавилонян.

То, что племена пустыни испытывают особое почтение к звездам, не вызывает большого удивления. С освежающей росой ночи появлялись не только Венера и Луна, но и все величие небосвода, ослепляя глаза и трогая души арабов. Высоко над безмолвной пустыней, палатками и спящими стадами, взирая на полуночную поездку и ожидающую засаду, звезды качались на своем сверкающем пути. Они были источником разнообразных знаний для арабов; они обозначали их путь через бескрайнюю пустыню, предсказывали приход дождя, о котором они молились, указывали на смену сезонов и время размножения их стад. Раз эти звезды могли в одно время обеспечить хорошие пастбища и все необходимое для стад, а в другое — иссушить колодцы и траву, почему бы им не приносить радость и боль, счастье и горе человечеству? Таким образом, для племен пустыни самые яркие звезды стали живыми духами, которые властвовали над природой и судьбами людей.

Жизнь кочевых племен внутренних районов (объединенных арабами под одним названием «бадави» [бедуины] — «дети пустыни») претерпела лишь небольшие изменения; до настоящего времени не было радикальных отклонений от обычаев и условий древних времен, которые подробно описаны в других источниках.

У арабов качества, присущие семитскому характеру, достигли своего наиболее здорового и ярко выраженного развития. Их кочевая жизнь в пустыне, под палящим солнцем и в бурях ветра и песка, закалила и укрепила их. В стране бескрайних пустошей, окруженной хищными зверями и враждебными племенами, каждый человек зависел в вопросах безопасности от своей бдительности и остроты зрения, от своего мужества и решимости, от

своей лошади и копья. Благодаря сдержанному и скромному питанию тело становилось худым и стройным, но гибким, мускулистым и способным к большой выносливости, а в этих закаленных телах жил дух неукротимой решимости. Таким образом, арабы отличаются более свободным поведением, более стойкой добросовестностью, более обидчивой гордостью, большей любовью к независимости и более смелой отвагой, чем любые другие племена их расы. Природа их страны и их жизни уберегла их от чрезмерной жадности к роскоши и чувственности, в которую часто впадали семитские народы на Евфрате и Тигре, а также на Средиземноморье, хотя они разделяют жестокость и кровожадность, характерные для их расы. Именно на неиспользованной силе арабов было возможно основать империю, новую семитскую цивилизацию в средние века, после того как Вавилон и Ашшур, Тир и Карфаген, Иерусалим и Пальмира давно исчезли.⁴

ИСТОРИЯ АРАБОВ ДО МУХАММАДА

[380 г. до н. э. — 634 г. н. э.]

История Аравии и ее жителей естественным образом делится на два отчетливых и даже непохожих друг на друга периода: период, предшествовавший эпохе Мухаммеда, и период, следовавший за ней. Каждый из этих двух периодов, хотя и включает в себя несколько второстепенных фаз и колебаний, то в сторону прогресса, то в сторону регресса, тем не менее имеет свой собственный, хорошо выраженный общий характер. Первый из этих двух периодов отличается наличием местных монархий и федеративных правительств; второй начинается с теократической централизации, переходящей в общую анархию.

Первые проблески того, что заслуживает называться историей, показывают Аравию полностью или почти полностью под властью расы южного происхождения; подлинных, или, как их иногда называют по имени мифического предка Кахтана, кахтанских арабов. Эти, в свою очередь, подразделяются на несколько аристократических монархических правительств, расположенных так, что образуют широкую рамку или обод вокруг центральной дикой части полуострова.

Самой старой и главной среди арабских монархий была Йеменская; ее королевская резиденция, как говорят, находилась в ныне заброшенном городе Марерб, на крайнем юге. После разрушительного наводнения, которое, по всей вероятности, произошло в первом веке нашей эры, столица была перенесена из руин Марерба в Сану, город, который до сих пор остается столицей Йемена. Йеменские короли, потомки Кахтана и Химьяра (темнокожий), имя которого указывает на африканское происхождение, и каждый из которых носил повторяющуюся фамилию «Тобба», слово африканского происхождения, означающее «могущественный», правили, с несколькими перерывами в династии и дворцовыми революциями, около двух тысяч пятисот лет, в течение которых они подчиняли себе всю южную половину полуострова, а через своих сборщиков дани и вождей родственных или уполномоченных властей косвенно управляли северной частью. Один из этих монархов, хотя историческая критика вряд ли признает это утверждение фактом, как утверждается, подчинил всю Центральную Азию и даже достиг границ Китая, а другой, согласно легенде, предвосхитил более поздние и более достоверные завоевания своего рода на североафриканском континенте. В обоих случаях арабские летописцы, по-видимому, присвоили своим правителям, не без некоторых дополнительных преувеличений, славу и подвиги египетских царей. Но то, что их правительство было энергичным и в некоторых отношениях цивилизованным, подтверждается как литературными, так и архитектурными памятниками их времени. Их власть была окончательно свергнута в 529 году н. э. в

результате вторжения абиссинцев и восстановлена в 603 году н. э. как зависимая от Персидской империи, пока в 634 году она не была окончательно поглощена мусульманским завоеванием.

[100-500 гг. н. э.]

Следующим по значимости после королевства Йемен было подчиненное монархии Хира, или, более правильно, Хира, расположенное в северо-восточной провинции Аравийского Ирака. Его короли, боковая ветвь королевского рода Саны, правили западным берегом нижнего Евфрата, от окрестностей Вавилона до границ Неджда и вдоль побережья Персидского залива. Продолжительность их империи, основанной во II веке после Рождества Христова, составила 424 года. Это королевство платило неопределенную дань своим более могущественным соседям, персидским деспотам, и время от времени оказывало значительное влияние на беспокойные племена центральной Аравии, пока, как и Йемен, не пала под натиском растущей мощи Мухаммеда и его последователей.

Третья монархия, Гассанская, господствовала на северо-западе над нижней Сирией и Хиджазом; ее независимость была несколько ограничена неравными союзами с Римской, а затем и Византийской империями. Она была основана в I веке нашей эры, вскоре после наводнения Мареба, и просуществовала более шестисот лет, пока не была покорена всепобеждающим пророком.

Четвертое государство, Кинде, отделилось от Ирака в начале V века и объединило под своим скипетром племена северного Неджда и даже Омана на протяжении около 160 лет. Его цари, как и упомянутые выше, были йеменского происхождения, но их власть была слабой и нарушалась частыми войнами.

Арабские авторы много писали о великом наводнении, как они его называют, Арема или Мареба, возможно, тропическом циклоне, обладавшем необычайной разрушительной силой, подобном тому, что произошло в 1867 году в Вест-Индии; и они любят называть это событие непосредственной причиной, которая рассеяла семьи Йемена по северной Аравии и привела к основанию царств Ирака и Гассана. Однако реальность событий, физических или политических, символизируемых «потопом Арема» (своего рода аналог библейского потопа), в настоящее время не может быть точно расшифрована.

Однако несомненно то, что йеменские арабы, и особенно те, кто заселял юг полуострова, в течение периода, который мы сейчас бегло описали, достигли довольно высокого уровня цивилизации — процветали искусство и торговля, накапливалось богатство, культивировалась литература, ценились таланты. По всем этим вопросам мы располагаем не только неопределенными и искаженными свидетельствами иностранных авторов, таких как Страбон, Плиний, Диодор, Птолемей и другие, но и более достоверными, хотя и фрагментарными свидетельствами, содержащимися в национальных писаниях, главным образом в стихах, которые сохранились до наших дней. По своему общему характеру и институтам королевство Йемен, по-видимому, имело значительное сходство с соседним королевством в долине Нила, на другой стороне Красного моря, и, как и оно, достигло в очень раннюю эпоху относительно высокой степени процветания и социальной культуры, от которой, однако, оно долгое время отставало до своего окончательного исчезновения в VII веке. Но дочернее королевство Хира, как и следовало ожидать, имело некоторую персидскую окраску, в то время как Гассан приобрело более византийский оттенок. Наконец, кочевой элемент преобладал в плохо скрепленной монархии Кинде.

Но в то время как скипетр Йемена все еще в той или иной форме простирался на всю длину и ширину страны, а его дети, подлинные или африканские арабы, образовывали полный и плотный круг населения вокруг, центр Аравии оставался оплотом другой, хотя и родственной расы, дикой и жестокой по своему образу жизни, менее восприимчивой к культуре, но наделенной большей энергией и целеустремленностью, чем их южные соседи. Последняя зафиксированная эмиграция этой ветви арабского племени произошла не с юга, а с севера; и вместо мифического Кахтана они считали своим предком не менее мифического Аднана или его предполагаемого внука Незара; их язык, хотя и был радикально идентичен языку, на котором говорили подлинные арабы, все же диалектически отличался в нескольких отношениях и был ближе к сирийскому или ивриту. Наконец, в отличие от арабов с юга, они были мало склонны к земледелию и еще меньше к архитектуре и изобразительному искусству; их инстинкты ведут их к пастушескому и, следовательно, кочевому образу жизни. Почти бесконечные ветви этих «Мустареб» или «присоединившихся арабских» племен в конечном итоге привели к появлению пяти основных родов. Это были Раба, которые, однако, претендовали на родство с йеменцами в восточной части полуострова; Корейш на западе; Кайс или Кайс-Айлан и Хавазин на севере; и Тамин в центре.

[500-570 гг. н. э.]

История не сохранила точной даты их прибытия в Аравию; она также не определила период, в течение которого они оставались вассалами, хотя и часто непокорными, королей Йемена. Но в V веке нашей эры среди племен Мустареб появился лидер необычайного таланта и энергии по имени Колайб, происходивший из племени Раба, который, по примеру Вильгельма Телля, собственноручно убил высокомерного и разнузданного сборщика налогов, посланного из Саны, поднял знамя всеобщего восстания в Неджде и в битве при Хазате (500 г. н. э.) навсегда разорвал узы Йемена с северными арабами. Сделав это, Колайб стремился объединить своих соотечественников в одну огромную конфедерацию, над которой он сам в течение некоторого времени осуществлял почти королевскую власть; но этот план был преждевременно прерван его собственным убийством. Оставшись теперь без господина, но и без правителя, племена Мустареб оказались вовлеченными в серию войн, которые длились на протяжении всего шестого века, их героического периода. Однако, несмотря на тяжелые потери, понесенные в сражениях тем или иным кланом, их сила в целом продолжала расти, пока на заре VII века они полностью не поглотили слабое царство Кинде () и не стали ежегодно все больше и больше посягать на сужающиеся границы Йемена, Ирака и Гассана.

АРАБСКИЙ ВОЖДЬ

Вероятно, они не остановились бы, пока не стали абсолютными владыками всего или почти всего полуострова, если бы среди них не сформировался еще более энергичный элемент, который за несколько лет подчинил себе как северных, так и южных арабов, затем поднял их на неожиданную высоту общей славы и, наконец, погрузил их вместе с собой в всеобъемлющий упадок и разруху. Этим новым и мощным элементом был хорошо известный клан Фихр или Корейш. Его семьи, происходившие из рода Мустареб, в ранний период, который последующие мусульманские летописцы пытались отождествить с судьбой мифического Исаила, обосновались в южной части Хиджаза, недалеко от города Мекки, который даже тогда был главным религиозным и торговым центром Аравии. Уже в начале V века вожди Корейш, благодаря сочетанию насилия и хитрости, очень характерному для их расы, сделали себя хозяевами и признанными хранителями священной «Каабы». Этот квадратный каменный храм, или, скорее, святыня, сама по себе неизвестной древности, был расположен в пределах города Мекки; и арабы имели обыкновение ежегодно приносить в него жертвы и совершать благочестивые паломничества на протяжении веков, прежде чем Мухаммед включил его в новый ритуал ислама как дом истинного Бога. Ключи от освященного здания изначально находились во владении делегатов, назначенных монархом Йемена, но арабы-корейшиты, однажды получив их, удерживали их навсегда и успешно отбивали все попытки как своих языческих конкурентов, так и вторгшихся христиан-абиссинцев (570 г. н. э.) вернуть или захватить их. Владение ключами от храма не только давало племени корейшей полурелигиозное превосходство над всеми другими кланами Аравии, но и предоставляло в их распоряжение сокровища из золота, серебра, драгоценных камней и других подношений, накопленных веками языческой набожностью в храме Мекки.

[500-600 гг. н. э.]

Более важным и более заслуживающим доверия источником богатства для клана Корейш был их торговый оборот на побережье Красного моря, особенно с портами Йемена и Абиссинии. Джидда всегда была главным западным морским портом, а Мекка, расположенная всего в нескольких лигах от нее, — главным внутренним торговым центром арабской торговли; и под доминирующим влиянием умных и активных купцов Корейш оба этих места приобрели особое процветание и значение.

Наконец, всего в одном дне пути от Мекки в доисламские времена проводилась проходила великая ежегодная ярмарка и собрание Окад, названное так по имени равнины, где оно обычно собиралось — национальное собрание, которое посещали люди всех сословий со всех концов Аравийского полуострова и которое длилось весь месяц Дхуль-Кааде, который в языческом, а впоследствии и в мусульманском календаре непосредственно предшествовал церемониям ежегодного паломничества. Здесь скачки, спортивные состязания, поэтические чтения и всевозможные публичные развлечения разнообразили более серьезные коммерческие сделки открытой ярмарки, которая по своему масштабу почти достигала размеров национальной выставки. Здесь же вожди северных арабов обычно обсуждали вопросы высшей важности: вопросы мира и войны, договоров и союзов, справедливости и мести. «Дети Мезара», как их называли по их любимому отчеству Мустареб, собирались в своего рода амфикионском совете, не менее древнем, но в то время гораздо более влиятельном во всей Аравии, чем когда-либо был совет Фив в классической Греции. В этом собрании непосредственная близость вождей Корейш, в сочетании с их личным богатством, мужеством и ловкостью, обеспечивала им доминирующее положение.

Об их родословной, которая, как хорошо известно, включает в себя родословную самого Мухаммеда, у нас есть тщательно (слишком тщательно, чтобы быть достоверной) составленная хроника, в которой родословная в надлежащей форме восходит к Измаилу, сыну Авраама, прямыми потомками которого являются корейшиты. В тех же искусственных анналах йеменцы, или подлинные арабы, фигурируют в качестве двоюродных братьев детей Иоктана, сына Эвера. По этим вопросам все мусульманские летописцы одинаково категоричны и однозначны; все другие арабские свидетельства одинаково противоречивы или молчат. То, что басня, столь явно противоречащая разумной хронологии и даже здравому смыслу самой истории, была принята как факт арабским тщеславием и невежеством, менее удивительно, чем то, что она нашла благосклонность в глазах не немногих, а большинства наших европейских писателей. Достаточно сказать, что мусульманские летописцы, приняв еврейские записи в качестве неопровержимого исторического авторитета, а затем подправив их здесь и там в соответствии со своими собственными предсказаниями и догмами, сумели скрыть правду о своей национальной идентичности и истории от самих себя и даже от других под почти безнадежной коркой детской выдумки.

Подводя итог, можно сказать, что в начале VII века нашей эры, одновременно с появлением пророческого автократа и предначертанного реформатора Аравии, бурная жизнь и энергия великого полуострова в целом были разделены следующим образом: На первом месте стояло племя Корейш со своими союзниками, мощная конфедерация, состоящая из племен, принадлежащих к Мустареб или северному роду, и занимающая верхнюю половину западного побережья и региона. Следующими по значимости были бесчисленные независимые и, на тот момент, нецентрализованные кланы центра полуострова; они тоже в основном были происхождения Мустареб, хотя некоторые из них утверждали, что имеют более древнее и аристократическое родство с Йеменом, но, тем не менее, не присягали его правителям. Наконец, на юге, востоке и севере все еще существовали благородные, но ослабленные остатки старых йеменских царств Сана, Хира и Гассан, наполовину погруженные в персидское или византийское вассальное подчинение и обладающие небольшой властью даже в пределах своих родовых владений.

Однако, какими бы важными для самой страны и в конечном итоге для всего мира ни были события, произошедшие в Аравии в доисламскую эпоху, они имели малое значение для народов за пределами полуострова. Посольство йеменской царицы Савской к Соломону, даже если оно и было историческим событием, по крайней мере не привело к каким-либо историческим результатам; а с другими современными правителями и народами, греками, персами и македонянами, арабы редко вступали в какие-либо контакты, кроме отдаленных и бессистемных торговых отношений. Пограничные стычки, с помощью которых Антигон или Птолемей безуспешно пытались закрепить в Аравии, также не заслуживают более чем мимолетного внимания; и сам Помпей, победоносный в других местах, потерпел поражение на ее границах.

Наконец, во время правления Августа, Элий Галл, римский префект Египта, предпринял военную экспедицию против самого Йемена с целью присоединить эту область, которая, по слухам, была богата огромными сокровищами, к Римской империи. С армией, состоящей из десяти тысяч римских пехотинцев, пятисот евреев и тысячи набатейцев, он пересек Красное море на двухстах десяти галерах и высадился в Мойле, или Леуке Коме, на 25° северной широты, недалеко от современного Ямбо. После некоторой задержки, вызванной болезнями и дезорганизацией среди его войск, он двинулся на юг, пока не достиг внутреннего района и города Неджран, расположенного на ближайшей границе Йемена. Город Неджран, как говорят, он взял штурмом, а также несколько соседних населенных пунктов, вероятно, простых деревень, не представляющих большого интереса.

Тем временем против него собрались значительные силы арабов, но Галл легко разгромил их и продвинулся к самому Марebu, который, как можно предположить, был тогда столицей Йемена. Однако римские солдаты, не привыкшие к жаре тропического климата и значительно сократившиеся в численности, были неспособны осадить этот город, и их полководец был вынужден отступить и переправиться через море в Египет, не достигнув никаких постоянных результатов на арабской стороне. Позднейшие попытки, предпринятые римскими правителями или генералами при Траяне и Севере, ограничивались окрестностями ассирийской границы; и разрушенные города Босра и Петра до сих пор указывают на крайние южные пределы, достигнутые имперским господством над арабской территорией.

Более серьезным и имевшим более длительные последствия было великое вторжение Абиссинии в Йемен в 529 году, когда Арят, сын или лейтенант короля Абиссинии, высадился в Адене с армией в семьдесят тысяч человек, чтобы отомстить за своих единоверцев, христиан, которые были жестоко преследованы Дху-Новасом, королем Йемена, сам прозелитом и горячим пропагандистом иудейского кодекса. Экспедиция увенчалась успехом; Дху-Новас погиб, христианство было провозглашено, и в течение 76 лет эфиопские завоеватели удерживали под своей властью южную и более богатую половину полуострова. Их царь Абраха в 570 году н. э. (году рождения Мухаммеда) продвинулся даже до Мекки, но под ее стенами потерпел поражение, которое *Коран* и мусульманская традиция преувеличили до размеров чуда. Персидская помощь, оказанная великим Хосросом, в конечном итоге позволила арабам под предводительством Сейфа, сына Йезена, последнего прямого потомка старых царей Саны, освободить свою территорию от смуглых узурпаторов (605 г. н. э.).

Начался седьмой век, и вскоре чудесные успехи Мухаммеда (622-632 гг. н. э.), завершив одним великим централизаторским усилием эпоху прогресса и развития арабов внутри страны, открыли удивительную фазу новой активности и почти безграничного расширения за ее пределами.¹

ГЛАВА IV. МУХАММАД

МУХАММЕД БЕН АБДАЛЛАХ БЕН АБДУЛ-МУТТАЛИБ

[570-632 гг. н. э.]

В то время как поэты в своих рассказах придавали языку более единообразный характер, в умах людей происходила другая работа, которая более решительным образом способствовала формированию арабской национальности; исчезла вера в идолов, которые в ранний период заняли место единого Бога, Аллаха; религиозные чувства пробуждались повсюду. Уже были заметны широкие расколы; целые племена отказались от прежнего поклонения. Помимо идолопоклонства, в Аравии существовало несколько религий. Евреи, изгнанные из своей страны ассирийцами, римлянами и греками, были тепло приняты детьми Измаила, которые обнаружили в традициях изгнанников глубокое уважение к Богу Авраама; благодаря этим умело вызванным воспоминаниям иудаизм привлек к себе новых последователей. В основном он был распространен по всему Хиджазу, в окрестностях Хайбара и Ясриба, где давно обосновались могущественные племена корайзатов и надхиритов. Большая часть племен Йемена также приняла его; и некоторые из тоббов поддерживали введение веры Моисея в своих государствах, главным образом в 225, 310 и 495 годах нашей эры. Сабаизм или магианство также практиковались химяритами и на побережье Персидского залива; некоторые последователи брахманизма даже встречались среди жителей Омана.

РЕЛИГИОЗНЫЕ БЕСПОРЯДКИ

[520-580 гг. н. э.]

Христианство, успешно проповедуемое в нескольких частях Аравии, было принято гассанидами в 330 году, а также различными арабскими племенами Ирака, Месопотамии, Бахрейна, пустыни Фаран и Дамут-Джандала. Совместные усилия негуса Абиссинии и императора Константинополя способствовали распространению Евангелия в Йемене. Христианская колония Неджран была удостоена чести преследования со стороны Дху-Новаса около 523 года; пятьдесят лет спустя Абраха попытался сделать церковь Саны целью

паломничества арабов (). Наконец, несколько царей Хиры были благосклонны к религии Христа.

Несмотря на новые идеи, которые проповеди распространили по всему полуострову, идолопоклонство оставалось доминирующей религией. Посреднические божества, которым поклонялись некоторые племена, не имели ничего общего с творениями греков и римлян, которые поклонялись нравственным существам, облеченным в телесные формы; они были, как и у древних египтян, животными и растениями, газелями, лошадьми, верблюдами, пальмами, овощами или неорганическими телами, скалами, камнями и т. д. Все арабы признавали одного верховного Бога, Аллаха, но некоторые из них поклонялись под образами своих идолов ангелам Бенат-Аллах (дочерям Бога), другие — планетам или звездам, таким как Альдебаран, Сириус, Канопе и т. д. Они верили в джиннов, *джиннов*, в людоедов, *Гол*, в колдовство, *Шир*, в гадание, *Кехана*, в жертвоприношения, в оракулы; судьбу гадали с помощью стрел без наконечников, *кида* или *азлам*, и самые предосудительные суеверные обряды по-прежнему практиковались почти повсеместно. У большого числа племен были свои особые идолы, Хобал, Лет и т. д., которых почитали богатыми подношениями и в честь которых приносили жертвы; однако ни один храм не имел такой славы, как Кааба, превосходство которой было всемирно признано.

Этот храм, который Абраха аль-Ашрам хотел разрушить, на протяжении веков был объектом величайшего почитания; он рассматривался как дар Иеговы арабскому народу, свидетельствующий о его привилегированном положении по сравнению со всеми другими народами. Это была молельня Авраама и Исаака, дом Аллаха; приняв 360 идолов, подчиненных сил, признанных арабами, он включил в себя всех их божеств и стал пантеоном нации; связанные с ним традиции были дороги всем. Они сделали Каабу местом паломничества. Они трудились, чтобы украсить ее, приукрасить; они хотели, чтобы она превосходила по богатству все памятники вселенной; они повесили в ней *Моаллакат*, как бы соединяя с ней все формы иллюстраций. Сабии, поклонники огня, посылали в нее свои подношения; даже евреи проявляли глубокое уважение к этому почитаемому месту. Хранители храма, клан Корейш, обладали своего рода религиозной властью, которую охотно признавали все; например, они имели право назначать священные месяцы, в течение которых после паломничества по всей Аравии должно было царить перемирие. Поэтому те, кто мог посетить ярмарку Окад, перед входом на собрание сдавали свое оружие в руки вождей Корейш, без этой мудрой меры предосторожности собрание часто перерастало в кровавые драки. Поэтому, чтобы основать единую национальную религию в Аравии, необходимо было иметь влияние в Мекке и среди вождей корейшей, и Мухаммед прекрасно это понимал.

Абдул-Мутталиб, сын Хашима, родившийся в 497 году, обладал высшей властью в Мекке с 520 по 579 год; он прославился тем, что избавил свою страну от вторжения абиссинцев, и видел, как принц из племени химьяритов изгнал иностранцев из Йемена с помощью царя Персии. Отец восемнадцати детей, он считал себя связанным опрометчивой клятвой принести в жертву одного из своих сыновей в 569 году перед идолами Каабы; судьба выбрала того, кого он любил больше всего, Абдаллаха, которому было около двадцати четырех лет. В момент жертвоприношения некоторые вожди корейшей восстали против столь варварского поступка и столь рокового прецедента; по их совету обратились к колдуну, *арафе*, который заявил, что жизнь Абдаллаха можно спасти с помощью *диа* (цены человеческой крови) и жеребьевки. *Диа* состояла из десяти верблюдов, число десять было написано на стреле без наконечника, а на другой было написано имя Абдалла; девять раз появлялось имя Абдалла, и только в десятый раз верблюды были осуждены. Так вместо Абдалла было убито сто человек, и это число с тех пор стало среди вождей корейшей ценой *диа*.

Через несколько дней Абдаллах женился на Амине, дочери Вахба, главы семьи Зохри, и от этого брака родился Мухаммед, «прославленный», примерно в августе 570 года.^{[b](#)}

Жизнь Мухаммеда

Мухаммед (правильно Мухаммад, «много хваленый», а не Магомет) родился в Мекке через пять лет после смерти Юстиниана. Небольшое наследство, которое оставил ему отец, состояло из пяти верблюдов и верной рабыни. Биографы сообщают нам, что, согласно обычаю, бытовавшему среди высших классов Мекки, его мать Амина отдала ребенка на воспитание кормилице в деревню. Халима, жена пастуха, была его приемной матерью и кормилицей до трех лет, и священная легенда рассказывает нам о многих чудесах, которыми божественная благодать окружала детство Мухаммеда. Стада Халимы увеличились в десять раз; ее поля приносили сверхдостаточный урожай; ангелы очистили сердце ребенка от всех грехов и наполнили его верой, знанием и пророческими дарами. Однако, поскольку ребенок страдал приступами судорог, через два года Халима вернула его матери. Он оставался с ней до шести лет. Затем она отправилась с ним в Ясреб (Медину), чтобы навестить своих родственников, но умерла на обратном пути в городе Абва.

Мухаммед теперь переехал в дом своего деда, Абдул-Мутталиба, а когда через два года тот тоже умер, его дядя Абу Талиб взял его в свою семью и заботился о нем с отцовской любовью. История о том, что в двенадцать лет он сопровождал своего приемного отца в караванном путешествии в Сирию и что по этому случаю христианский монах предсказал мальчику будущее величие, как и многие другие подробности его жизни, по-видимому, является позднейшей легендой. По мере взросления, после некоторого времени, проведенного в пастушестве, Мухаммед принял участие в делах и образе жизни своих родственников. Он сопровождал нескольких своих дядей в военных и торговых экспедициях, в ходе которых он познал свою страну и свой народ, увидел пустыню с ее ужасами и поэзией, услышал легенды и предания кочевых племен и собрал информацию об учениях и верованиях иудеев и христиан. Сам он не понимал письменного языка, но Мекка, как город паломничества Востока, была одним из центров мира, школой культуры, содержащей многое для вдумчивой молодежи. Христианская религия, по-видимому, была ему известна лишь по нескольким легендам и искаженным доктринам; но, с другой стороны, иудейская секта ханифов, живших разбросанно по оазисам пустыни, сохранила и передала иудаизм в его первоначальной чистоте и простоте, вместе с верой в божественные откровения, переданные вдохновенными пророками.

ЕГО БРАК С ХАДИДЖОЙ

В двадцать пять лет Хадиджа, богатая вдова купца, которая, как и он сам, была потомком Куссая, доверила ему управление несколькими караванами, отправлявшимися в Сирию и южную Аравию. При выполнении этих поручений () Мухаммед проявил такую осмотрительность, умение и честность, что Хадиджа, хотя ей было уже сорок лет, позволила ему просить ее руки. Свадьба была торжественно отпразднована и положила начало счастью Мухаммеда. Хадиджа была умной и добродетельной женщиной, верной спутницей своего мужа в хорошие и плохие дни. «Она была его первой обращенной в веру, она утешала его, когда над ним смеялись, она поддерживала его, когда он страдал от преследований, она укрепляла его, когда он колебался». Без любви и веры Хадиджи Мухаммед никогда бы не стал пророком своего народа.

«Хотя он беден в вещах, которые являются лишь преходящим достоянием, непостоянными тенями, — сказал Абу Талиб на свадебном пиру, — мой племянник

Мухаммед превосходит всех мужчин из племени корейшей в благородстве души, добродетели и понимании».

Брак был благословлен детьми, но сыновья умерли в нежном возрасте; и из четырех дочерей только младшая, Фатима, продолжила род. Мухаммед признавал и ценил превосходные качества Хадиджи. Несмотря на свою большую любовь к женскому полу, он оставался ей верным до самой ее смерти, а после ее смерти высоко чтит ее память. Аиша, его любимая жена в более поздние годы, говорила, что она никогда не ревновала его к другим женам так, как к умершей Хадидже, которую он всегда провозглашал образцом для всех женщин.

Более десяти лет после своей женитьбы Мухаммед продолжал жить как купец, но без особого успеха и удовлетворения. Его часто видели погруженным в раздумья; он все больше уходил в одиночество, проводя много дней и, как правило, весь месяц Рамадан в пещере на горе Хира, недалеко от Мекки. Иногда он уходил в это уединение один, иногда с Хадиджей.

Там, в этом мрачном месте, полном голых скал, зияющих пропастей и мрачных ущелий, где нет тени, защищающей от палящего солнца, где нет травы, нет растительности, нет звука падающей воды, освежающего дух, он предался религиозным размышлениям и думал о том, как спасти свой народ от деградации. В городе Мекке, полном жизни и людей, а также во время своих путешествий он много общался с евреями и христианами; он не только впитал их учение и традиции, но и, наблюдая влияние их религии на жизнь и характер людей, понял превосходство веры в единого Бога над идолопоклонническим язычеством своего народа; он также узнал, что обе религиозные общины все еще ждут завершения своей религии: иудеи ждали прихода Мессии, христиане — возвращения Иисуса или появления обещанного «утешителя» (*параклита*). Таким образом, в нем постепенно пробудилось убеждение, что его народ нуждается в более чистой, откровенной религии, что идолы — лишь пустые безделушки, а их поклонение вызывает гнев Бога; что должен появиться новый, вдохновленный Богом пророк, который свергнет царство тьмы и идолопоклонства, и его пламенное воображение наполнило его верой в то, что единый Бог послал его обратить человечество, чтобы оно стало причастником радостей небес и избежало страшных наказаний ада. Его нервный, истеричный характер, сильные судороги и каталептические припадки, которые время от времени охватывали его, яркие сны и психические заблуждения, вызванные его лихорадочным и возбужденным воображением, вполне могли породить в нем самом и в других веру в то, что он общался с ангелами и духами и был причастен к божественным видениям и вдохновениям. Мухаммед уже перешел сорокалетний рубеж, когда «начал ощущать муки новых идей».

МУХАММАД КАК ПРОРОК (610 ИЛИ 612 ГОД НАШЕЙ ЭРЫ)

[610-612 гг. н. э.]

Однажды, когда он жил в мрачной пещере, ему явилось видение, в котором ангел Гавриил подошел к нему и приказал ему обнародовать откровения, посланные Господом и Создателем. Мухаммед почувствовал, как его дух озарился божественным светом, но, опасаясь, что это злая шутка демона, он пришел к Хадидже с лицом, покрытым потом и в полном смятении. Она поверила в божественное послание и вместе со своим ученым двоюродным братом Варакой, который уже отрекся от языческих верований своих отцов, постаралась развеять его сомнения.

Вскоре ангел явился ему во второй раз и заверил его, что он не одержим демонами, а призван Богом распространять откровения небес. Мухаммед теперь верил и провозгласил, что Аллах, господин неба и земли, избрал его своим посланником, чтобы сообщить людям о своей святой воле; он теперь верил и учил, что Господь говорит через него, и что его высказывания являются вдохновением и откровениями от единственного и всевышнего Бога, и, будучи записанными отдельно и в конечном итоге собранными в священную книгу *Коран*,⁴ они были так восприняты верующими и приняты с почтением. Так началась пророческая карьера Мухаммеда в 610 или 612 году нашей эры. Подобно древним провидцам, подобно пророкам в Израиле, он воспринимал воодушевление, которое жило в нем, как «поручение от Господа», а слова, которые исходили из его уст, как изливания божественного духа.

Убежденный в истинности своей пророческой миссии, Мухаммед теперь приступил к своим обязанностям учителя. Но, несмотря на всю свою преданность святому делу, он приступил к работе с большой осторожностью. Сначала он обратился к своим родственникам, чтобы они признали его посланником Бога. Его жена Хадиджа, дочери, двоюродный брат Али, десятилетний сын Абу Талиба, его друг Абу Бакр, состоятельный купец с честным характером и ясным умом, и его бывший раб Зайд, которому он даровал свободу, были его первыми последователями. Точно так же он избегал всего, что могло бы раздражать его соотечественников.

«Он стремился привести свое учение в соответствие с их предрассудками и постепенно привести их к лучшему знанию. Он не рискнул посягнуть на святость Каабы, участвовал в церемониях паломнического праздника и одобрил поклонение Черному камню».

Так прошло три года, в течение которых число последователей Мухаммеда не превышало сорока человек, в основном молодых мужчин, иностранцев или рабов. Только на четвертый год, в соответствии с другим видением, он попытался публично предстать в образе пророка. Сначала он обратился к людям своей расы, корейшам, и от имени единого Бога, который послал его как своего апостола, пригрозил им огнем ада, если они не отрекутся от своего неверия.

«Однажды вы умрете и воскреснете; тогда вы должны будете отчитаться за свои поступки и будете вознаграждены за свои добродетели в раю и наказаны за свои пороки в аду».

Но вместо того, чтобы быть услышанным, он встретил насмешки и презрение. Уже на первом собрании его дядя Абу Лахаб поднял на него камень; и хотя остальные его родственники защищали его от жестокого обращения, ненависть и противодействие корейцев усиливалась с каждой новой речью. Чем яснее они осознавали, что притязания Мухаммеда на роль пророка могут поставить под угрозу их священническое положение и их прибыльные привилегии как хранителей святого храма, тем сильнее разгорался их гнев и тем более яростными становились их угрозы и оскорбления (). Его главными противниками были корейши из рода Абд Шамса под руководством Абу Суфьяна и Абу Хакама, которых Мухаммед называл Абу Джахл (отец глупости), два ярых врага нового пророка. Только благодаря защите своих ближайших родственников Мухаммед был спасен от насилия своих врагов и преследователей. С другой стороны, положение его последователей из низших слоев общества, у которых не было таких могущественных защитников, особенно рабов и вольноотпущенников, с каждым днем становилось все более неустойчивым; поэтому, чтобы они могли избежать пыток и бичевания, пророк разрешил некоторым из своих последователей внешне отречься от него, «если только сердце останется твердым в вере», и по его совету ряд верующих мужчин и женщин, среди которых были его дочь Рокайя и ее муж Османа, отплыли на корабле в Абиссинию, где король, несторианский христианин, обеспечил им убежище. Напрасно корейшиты через Амру и

другого посланника предлагали принцу богатые дары за выдачу беженцев; абиссинец не стал причинять вреда тем, кто искал у него защиты. Возможно, он понял, что преследуемые были ближе к истинной вере, чем идолопоклонники Каабы.

МУХАММАД — ВНЕ ЗАКОНА

[612-620 гг. н. э.]

Нападки и плохое обращение, которым подвергался Мухаммед, увеличили число его последователей, а возмущение по поводу оскорблений и унижений, которым он ежедневно подвергался без всякой вины с его стороны, побудило некоторых смелых людей рыцарского склада характера встать на его сторону. Среди них были дядя Мухаммеда Хамза, «лев Бога», и племянник Джахла Омар. Посланный своими родственниками убить пророка за большую награду, Омар по дороге к его жилищу внезапно и чудесным образом обратился в веру, услышав, как его сестра Фатима читала отрывок из *Корана*, и из преследователя стал искренним верующим. Омар, которому тогда было двадцать шесть лет, был человеком гигантского роста, невероятной силы и большой храбрости. Его дикий вид пугал самых смелых, а его посох внушал больше страха, чем меч другого человека.

Но чем больше приверженцев приобретал «ислам», *то есть* «покорность» (воле Бога), тем более рьяно его враги стремились задушить дело его создателя кровью. Новые гонения увеличили число эмигрантов; только Мухаммед и его самые верные поклонники были защищены Абу Талибом от ярости сыновей Шамса и Науфала. Он спрятал их в крепкой крепости за пределами города, в глубине непроходимого ущелья, и когда их могущественные враги наложили запрет на всех последователей пророка и весь род Хашима и торжественно объявили в свитке, который был вывешен внутри Каабы, что до тех пор, пока он не будет выдан, они будут относиться к его защитникам как к врагам, верный дядя укрылся в скалистой крепости со многими своими родственниками. В течение трех лет они жили в бесплодной пустыне, отрезанные от всякой связи с городом, куда они могли отважиться только в священные месяцы, и часто испытывали нужду в самых необходимых средствах существования. Наконец запрет, который вызвал величайшее недовольство в Мекке и от которого даже сыновья Шамса начали уставать, был снят. Пергаментный свиток исчез из Каабы, согласно легенде, чудесным образом. Мухаммед вернулся в Мекку (около 620 года), но вскоре смерть его друга и покровителя Абу Талиба, за которым через несколько дней последовала в могилу его верная жена Хадиджа, подвергла его новым опасностям. Абу Талиб умер, оставаясь верным религии своих отцов; он всегда уважал своего племянника как честного и богобоязненного человека, но никогда не верил в его пророческую миссию. Мухаммед искренне скорбел по ним обоим.

[620-622 гг. н. э.]

«Никогда не было лучшей жены, чем Хадиджа», — сказал он однажды молодой и красивой Аише; «она верила в меня, когда люди презирали меня; она удовлетворяла мои потребности, когда я был беден и презираем миром». Тем не менее, он скоро утешился ее потерей, женившись на Сауде и обручившись с Аишей, семилетней дочерью Абу Бекра.

В то время как пророк вел унылую жизнь, подвергаясь презрению и позору, то в Мекке, то в обществе нескольких друзей в Таифе, местечке, расположенном в плодородном регионе на границе холмистой местности, с трудом скрываясь от ловушек и преследований своих врагов, его душа находила утешение и возвышение в новых видениях. Он видел в духе, как его несли на крылатом коне в храм в Иль-Аль-Масдэд () в Иерусалиме, а оттуда на седьмой

небосвод к Богу, где патриархи, древние пророки и ангельские воинства уступали ему первенство, а сам Господь провозгласил его венцом и целью творения. Ему была нужна эта уверенность в себе, эта твердая вера в свое высокое послание, чтобы не колебаться и не поддаваться бурям и опасностям, которые надвигались над его головой.

Но в то время как жители Мекки ожесточили свои сердца против учения о едином Боге, явленном через нового пророка, Мухаммед привлек к себе горячих поклонников из множества паломников из Ясриба, впоследствии названного Мединой, *то* есть городом, которым он раскрыл принципы ислама на «горе поклонения» Акаба. Они принадлежали к знатному племени Хазрадж, которое в V веке вместе с племенем Аус отняло власть над Мединой у евреев; и по возвращении в свой родной город они тайно работали над распространением новой веры, к которой, благодаря своим отношениям с многочисленными еврейскими племенами в окрестностях, они были лучше подготовлены, чем мекканцы. Несмотря на ревность племен Аус по отношению к Хазрадж, благодаря энергии ученого Масаба, которого Мухаммед послал в Медину в качестве своего предшественника и чтеца *Корана*, ислам вскоре прочно укоренился в городе, так что два года спустя его последователи смогли рискнуть пригласить пророка посетить их. С этой целью семьдесят три верующих отправились в Мекку и на собрании, состоявшемся ночью на том же холме поклонения, заключили договор с Мухаммедом. Они поклялись и дали обещание молиться только единому Богу и никаким другим богам, почитать пророка, повиноваться ему в радости и в горе и всегда исповедовать истину, не боясь людей. Под руководством двенадцати лидеров, которых Мухаммед выбрал из их числа, жители Медины (которые с тех пор носили имя Ансар, *то есть* «помогающие») вернулись в свой город в сопровождении многих верующих.

ХИДЖРА (622 г. н. э.)

[622 г. н. э.]

Но Мухаммед со своими самыми верными последователями Абу Бекром и Али остался в Мекке еще на три месяца. Только когда тайный поклонник сообщил ему, что корейшиты решили убить его, он вместе с Абу Бекром отправился в бегство, сев на быстрых верблюдах. В то время как враги окружали его дом, хитрость и верность Али, который занял место пророка в постели и надел его одежду, позволили ему и его другу тайно бежать в темноте ночи и спрятаться в пещере. На следующее утро, когда корейши обнаружили обман, они назначили награду в сто верблюдов за голову беглеца и отправили за ним преследователей. Но судьба Мухаммеда еще не была исполнена. Проведя три дня и три ночи в пещере горы Таур, он вместе со своим спутником сумел бежать по боковым тропам в Медину. С этого бегства, которое впоследствии было отнесено к 16 июля 622 года по нашему летоисчислению, начинается Хегира, эра мусульман, или мусульман (Mussulmans), т. е. «покорных». [Али остался на три дня после ухода своего господина. Мухаммеду было доверено хранить значительное имущество, и Али должен был вернуть его владельцам].

Жители Медины встретили Мухаммеда с радостным восторгом; его вход в город больше походил на вход триумфального принца, чем бедного беглеца. Вскоре вокруг него собрались остальные его друзья и последователи, среди них Али, которому корейши позволили уйти невредимым, Омар с его прекрасной дочерью Хафсой, которую пророк через некоторое время включил в число своих жен, и Османа с его женой Рокайей. Когда в следующем году умерла последняя, Мухаммед отдал свою вторую дочь Ум-Калсум в замужество своему верному товарищу. Ящик с вдохновенными изречениями *Корана* был вверен заботе Хафсы.

Присутствие пророка имело самые благотворные последствия для Медины. Два племени, хазрадж и аус, которые в прежние годы часто вступали в кровопролитные конфликты, объединились в новой вере как верные «помощники» посланника Бога и вместе с эмигрантами из Мекки (мохаджирами) образовали ядро мусульман. Сначала Мухаммед пытался привлечь на свою сторону многочисленных евреев Медины и по этой причине во многом уделял внимание закону Моисея; он продолжал соблюдать субботу и сделал Иерусалим Киблой, *то есть* святым местом, к которому верующие должны были обращаться лицом, когда молились. Но когда евреи отказались признать его ожидаемым Мессией, как они ранее отказались признать Иисуса, а наоборот сделали нового пророка объектом своего презрения, он вновь обратился к старой арабской вере. Он перенес Киблу в Мекку, назначил пятницу днем поклонения и религиозного обряда и в конце концов без разбора подверг евреев и язычников жестоким религиозным преследованиям.

Многие из эмигрантов из Мекки были поражены болезнями и тоской по родине в этой чужой стране, и чтобы компенсировать им потерю родных и имущества, Мухаммед основал систему братства между пятьюдесятью четырьмя верующими из Мекки и таким же количеством из Медины, чтобы два человека, объединенные этим «братством веры», были ближе друг к другу, даже в вопросах наследования, чем кровные родственники, — институт, который, однако, просуществовал только до тех пор, пока иностранцы не освоились в новой жизни.

Второй период в истории развития ислама начинается в Медине. Но какими бы блестящими и успешными ни были пророческие труды Мухаммеда с этого момента, его характер в период его удачи был менее безупречным, его убеждения менее искренними, его мотивы менее чистыми, чем в темное и полное страданий время преследований и угнетения. Его откровения, которые он получал от ангела Гавриила по мере необходимости, распространялись среди людей как вдохновенные изречения, частично через устную традицию, частично в виде листов, пока они не были собраны воедино в виде священного писания (*Корана*). Они были составлены не без случайных корректировок с учетом обстоятельств того момента и его собственных желаний, что проявилось даже в форме и языке. В то время как в частях, составленных в Мекке, поэтический энтузиазм преобладает в чрезмерной степени, в Медине на передний план выходит ораторский элемент; ведь Мухаммед, слишком тесно связанный с материальными вещами, уже не мог от них отстраниться. В условиях возникшего теперь отсутствия личной убежденности, если он хотел подняться над обыденностью, ему приходилось восполнять внутренний импульс притворной живостью, а твердую веру в истину — пустыми софизмами; и по его манере письма легко увидеть, что его мысли больше не исходят из теплого сердца, а являются продуктом холодного интеллекта. Не следуя больше подсказкам своего ума, он не может позволить своему дискурсу идти своим естественным ходом; теперь все должно быть заранее обдуманно, потому что им руководит не дух Бога, а его собственное эго. Первая мечеть, простое, нехитрое здание из дерева финиковой пальмы, построенное вскоре после его прибытия в Медину, стала священным центром его учения. С ее крыши пять раз в день стойкий преданный Билал призывал верующих к молитве.

АРАБСКИЙ ВОЖДЬ ВО ВРЕМЕНА МУХАММЕДА

До сих пор ислам был религией мира и любви, и Мухаммед не внушал никаких заповедей, кроме как быть мягким в словах и поступках. Но теперь, когда он оказался во главе покорной армии последователей и в состоянии противостоять своим врагам силой оружия, он объявил борьбу с неверными, распространение своих учений огнем и мечом священным долгом всех мусульман, заповедью, которая придала исламу агрессивный характер и имела в своих результатах потрясающее значение для всего мира. Не для того, чтобы принести мир, а для того, чтобы принести меч, он, последний и величайший из пророков, появился на земле; борьба против врагов ислама была священной борьбой; тот, кто пал в этой борьбе, переходил, освобожденный от всех грехов и наказаний, в рай, обитель блаженных, которую он с жаром своего воображения изображал своим новообращенным как место земных удовольствий и всех радостей чувств; и чтобы еще больше разжечь их мужество, он вселил в их души презрение к смерти, научив их, что продолжительность жизни, а также судьба и конец человечества были заранее определены божественным предначертанием, неизменной судьбой; если час смерти настал, никто не мог избежать своей судьбы, если конец жизни еще не приблизился, он мог без колебаний рискнуть всем.

Полагаясь на воинственный порыв, который такие доктрины, должно быть, породили в пламенной душе араба, Мухаммед, во главе своих соплеменников, союзников и верующих последователей, теперь предпринял военные походы против корейшей, изгнавших его из родного города. Он знал, что нет более эффективного способа наказать высокомерных купцов-князей Мекки, чем подстерегать их караваны и грабить их ценные товары, которые они обычно везли в Сирию. В то же время он мог полностью полагаться на помощь своих новых сограждан в этих сражениях, поскольку купцы Мекки с презрением смотрели на земледельцев Медины. Сам он обычно выходил на поле боя скорее для того, чтобы воодушевить воинов своими молитвами и обещаниями небесной поддержки, чем для того, чтобы сам нести белое знамя, которое он обычно доверял доблестному Омару или героическому Али, «отцу пыли».

Али, которому Мухаммед отдал в жены свою любимую дочь Фатиму в Медине, является самой чистой и благородной фигурой среди последователей Мухаммеда, «Зигфридом ислама», « », как назвал его один современный писатель. Всю свою жизнь он с полной

покорностью и горячим восхищением привержен пророку и вере своей юности. Если его пламенный, чистый и великодушный характер сделал его гордостью и украшением мусульман, то своим героизмом и храбростью он также был смелым защитником ислама, трубой борьбы в конфликте и опасности.

Если сначала война приостанавливалась во время священных месяцев, согласно практике предыдущих поколений, то Мухаммед вскоре снес эту преграду. Например, Абдаллах бен Джахш напал на корейшей в долине Нахла во время священного месяца Раджаб, ограбил их повозки, убил часть сопровождения и взял других в плен; и когда пророк, который сам рекомендовал этот поступок лидеру в документе, сформулированном в неоднозначной форме, понял, что это вызвало всеобщее возмущение, он издал прокламацию, в которой война против неверных была объявлена законной в любой период — доказательство того, «что он больше не действовал по воле Бога, а по своей собственной воле»; и что высказывания *Корана* были столькими «образами, отражающими» его собственную позицию. Во второй год хиджры произошла битва при Бедре; и здесь впервые проявилось, как надежда на блаженную жизнь в будущем наполнила верующих мусульман энтузиазмом, который превозносил смерть и презирал боль.

БИТВА ПРИ БЕДРЕ (624 г. н. э.)

[624 г. н. э.]

Чтобы спасти большой караван от опасности и бедствия, корейши выступили в поход тысячей воинов с семьями верблюдами и ста лошадьми. Караван с товарами избежал засады благодаря умному руководству Абу Суфьяна, но Абу Джахль все же настаивал на конфликте. В Бедре, месте для стоянок и рынка, известном даже в наши дни своим обильным запасом воды, мекканцы встретили враждебные отряды, которые были не в половину сильнее их, и приготовились к сражению. Трое мекканцев, родственники тех, кто пал в Нахле, вышли вперед и вызвали троих из противоположной стороны на единоборство. Хамза, Али и Обайда противостояли им и убили их, после чего началась всеобщая битва. Мухаммед, который наблюдал за сражением из лиственной хижины на возвышенности и с большим рвением и волнением молил Бога, чтобы Он не допустил гибели его верных последователей, внезапно объявил, что в видении ему была обещана победа, и, бросив горсть пыли в сторону корейцев, воскликнул: «Позор им!»

Вскоре враг был охвачен замешательством, и сражение закончилось полным разгромом корейшей. Семьдесят главы знатных родов были убиты во время сражения или в бегстве. Среди павших были Отба и Абу-Ас-Шайба (Shaiba), и, прежде всего, Абу-Джал (Abu Jahl) (называемый врагом Бога), самый ярый противник Мухаммеда; среди пленных были его дядя Аббас (Abbas) и Абу-Ас (Abul-Aas), муж его старшей дочери Зайнаб (Zainab). Оба были выкуплены и вернулись в Мекку. Аббас, вероятно, с тех пор служил своему племяннику шпионом, а Абул-Аас был вынужден отправить свою жену обратно к отцу. Двое других пленников, Аль-Надр и Окба, которые принадлежали к числу самых ярых противников Мухаммеда в Мекке, были казнены. Но пророк, всегда склонный к мягкости, сожалел о поспешном поступке, когда услышал трогательную жалобу дочери первого, жалобу, которая сохранилась до наших дней. В остальном битва при Бедре имела огромное значение для победы ислама, и в результате все участники сражения, чьи имена были внесены в списки, отныне составляли высшую знать мусульман. Добыча и выкупы были поделены поровну, но вскоре после этого пророка Мухаммеда () *Коран* повелел, чтобы в будущем пятая часть всей добычи доставалась пророку, его родственникам, бедным, сиротам и странникам.

БИТВА ПРИ ОХОДЕ (МАРТ 625 Г. Н. Э.)

[625 год н. э.]

Битва при Бедре стала первым шагом ислама к господству. В то время как жители Медины и соседние бедуинские племена, вдохновленные успехом пророка, поверили в его божественную миссию и с энтузиазмом собрались вокруг него, в Мекке царило великое отчаяние. Абу Лахаб, дядя и враг Мухаммеда, умер через семь дней от болезни, похожей на оспу, полный страдания и гнева из-за успеха своего племянника; а дочь Окбы, Хинда, страстная жена Абу Суфьяна, днем и ночью рыдала в безудержной ярости, жаждая мести за своих павших родственников. Ее господин действительно выступил против Медины с двумя сотнями корейшей, но их вера в свою правоту была пошатнута, и когда Мухаммед выступил против них, они бежали домой в такой спешке, что оставили свои запасы муки.

В месяцы после этой «кампании за муку» некоторые евреи в Медине, высмеявшие Мухаммеда в своих стихах, были казнены, а их единоверцы, отказавшиеся перейти в ислам, в частности Бени Кайнока, самые искусные из богатых ювелиров в стране, были изгнаны в Сирию. Абу Суфьян теперь выступил во второй раз на битву, на этот раз с войском из трех тысяч корейшей, во главе которого стояли три храбрых человека: Акрама, сын Абу Джахля, Халид и Амру, впоследствии самые выдающиеся герои верующих. В арьергарде находилась страшная Хинд с пятнадцатью другими женщинами и некоторыми поэтами, которые пробуждали дух мести в армии, оплакивая убитых в Бэдре.

Мухаммед хотел дожидаться врага в городе, но молодые люди, жаждущие войны, требовали открытого сражения. Пророк уступил их требованию, хотя и с внутренними сомнениями. На горе Оход, одиночной гранитной гряде, лишенной деревьев и кустарников, возвышающейся примерно в лиге к северу от Медины, он выстроил своих воинов, число которых не превышало семисот, поскольку он пренебрег помощью евреев и тем самым глубоко обидел их покровителя, хазраита Абдаллаха бен Обайю, который, помимо этого, был тайным завистником и противником Мухаммеда, так что он тоже отступил со своей армией. Сам Мухаммед сражался в первых рядах; с красной повязкой на голове и размахивая «мечом Бога и его посланника», он воодушевлял своих людей аксиомами новой веры. И здесь победа сначала казалась на стороне мусульман; несмотря на то, что Хинд и ее женщины, «дочери звезд Ат- , с облачными волосами и жемчужными ожерельями», энергично подбадривали воинов, обещая победителям любовные объятия и угрожая беглецам позором и смертью, ряды мекканцев все же пошли на уступки. Семь членов семьи Абд ад-Дара, каждый из которых поочередно исполнял наследственную должность знаменосца, валялись в пыли. Затем лучники, опасаясь опоздать с добычей, покинули безопасную позицию, которую Мухаммед назначил им за горой, и тем самым дали Халиду возможность напасть со своей кавалерией на тыл мусульман. Теперь сражение внезапно приняло новый оборот; превосходство корейшей в численности принесло им победу, Мухаммед был ранен и упал лицом вниз в окоп. Его знаменосец Муссаб пал, и поскольку он был похож на Мухаммеда, быстро распространился слух, что «Мухаммед мертв», что воодушевило неверных и привело в уныние мусульман. Пораженные уже спешили уходить в сторону Медины, когда поэт Кааб, сын Малика, узнал пророка среди раненых, в его шлеме и кольчуге.

АРАБСКИЙ ВОИН, ВРЕМЯ МУХАММЕДА

Воодушевленные радостной вестью о том, что Мухаммед все еще жив, десять или двенадцать его верных последователей, в том числе Абу Бакр и Омар, собрались вокруг него и прорубили себе путь с помощью мечей к скалистой возвышенности, где они храбро защищались, пока враг, полагая, что пророк мертв, не обратил особого внимания на эту небольшую группу и не начал свой поход домой, оскорбив и изуродовав мертвых. Хинд и ее спутницы взяли отрезанные носы и уши врагов, нанизали их, как жемчуг, и носили в качестве ожерелий и браслетов. Первая даже дошла до того, что попыталась вырвать сердце из трупа Хамзы, которого абиссинский раб Ваши убил в разгаре сражения, и разорвать его на куски.^[31] Падение верного Хамзы глубоко тронуло Мухаммеда; он часто оплакивал его, а женщины Медины подняли всеобщий плач по павшему герою, чье имя отныне упоминалось в каждой песне о смерти.

[625-627 гг. н. э.]

После отступления корейшей Мухаммед вернулся со своими людьми в Медину. Несмотря на то, что удар был тяжелым, он не смог поколебать его веру и уверенность в успешном исходе. Утешая родственников убитых мыслью о счастливой жизни в будущем, он запретил обычные траурные обряды, битье по лицу, бритье волос, разрывание одежд, разрешая только плач, потому что «слезы приносят облегчение страдающему сердцу»; в то же время он принял разумные меры для защиты на случай, если корейшиты, узнав, что пророк все еще жив, вернуться. Но они не рискнули подвергнуть свою ослабленную армию новым опасностям; они довольствовались одержанной победой и надеялись, что со временем они смогут взять верх над религиозными нововведениями, если будут охранять священный город с Каабой от всякого осквернения, убивать всех мусульман, попавших в их руки, и всех читателей *Корана*, которые проповедуют ислам жителям горной страны, и не позволять ни одному мусульманину входить в Каабу. В течение многих лет последователи пророка не могли участвовать в паломничестве в Мекку, которое в священные месяцы совершали остальные арабы ради молитвы и праздничных радостей. Но медленно приближалось время, когда и в Мекке почитание старых языческих богов должно было пойти прахом, и

даже корейшиты преклонят колени перед именем того, к кому они теперь питали столь смертельную ненависть и кого они теперь преследовали столь кровавым образом.

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ (626 г. н. э.)

Мухаммед, в силу самого характера своей религии, не мог позволить мечу ржаветь в ножнах, пока ислам не достигнет верховной власти. Поэтому он продолжал вести своих последователей в военные походы как против иудеев, так и против язычников. Тот факт, что он сам принимал участие во всех сражениях, был большим стимулом для духа и мужества его войск; не раз его жизнь была в опасности, но высшая сила защищала посланника Бога; меч выпал из рук вражеского вождя, который размахивал им над головой.

После битвы при Оходе большинство нападений было направлено против иудеев, которые проявляли все большую враждебность по отношению к новой религии. Они нашли защитника в лице Абдаллаха бен Обайи, вождя хазраджей, который, завидуя растущей власти Мухаммеда среди его последователей, боролся против пророка. Бени Надир были изгнаны из своих крепких замков после того, как их финиковые пальмы были срублены, вопреки обычаям арабской войны; они обязаны были своей жизнью исключительно мощному заступничеству Абдаллаха, но тем не менее были вынуждены покинуть арабскую страну, как и Бени Кайнока до них. Но «лицемеры» продолжали действовать против власти Мухаммеда после победоносной кампании против могущественного племени Бени Мусталик; Абдаллах разжег ссору между «помощниками» и верующими-иммигрантами, которая была урегулирована только благодаря умению и быстрому решению пророка. В Коране содержалось предупреждение о лицемерах, но и на этот раз Абдалла избежал наказания. Даже злые слухи о добродетели и супружеской верности Аиши, которые он и другие распространили в то время, потому что она осталась позади во время ночного марша и вошла в лагерь на второй день в компании мужчины, были проигнорированы. Мухаммед, в соответствии с откровением, объявил эти слухи клеветой, наказал клеветников, которые, как поэт Хасан, настаивали на ее виновности, и с новой нежностью относился к Аише; но Абдалла остался безнаказанным. Мухаммед боялся мести хазраев.

ОСАДА МЕДИНЫ, ИСЧЕРПАНИЕ ЕВРЕЕВ (627-628 гг. н. э.)

[627-628 гг. н. э.]

Вскоре после этого корейшиты и другие арабские племена заключили союз с евреями из племени Бени-Корайза против мусульман и выступили на Медину с войском в десять тысяч человек. Мухаммед не рискнул встретить превосходящие силы врага в открытом поле, опасаясь, что его постигнет та же участь, что и в Оходе. Он прибег к методу обороны, до сих пор неизвестному в Аравии. Он прокопал ров вокруг города. С помощью этой обороны он некоторое время сдерживал врага небольшими стычками, пока хитроумными переговорами ему не удалось посеять недоверие и раздор среди союзников. В результате арабы, которые к тому же были обескуражены зимней погодой и холодными дождями, отступили после пяти недель безуспешной блокады, оставив своих еврейских союзников на произвол мести Мухаммеда. Осажденные в своих крепких замках, бени-кораиза были вынуждены сдаться на милость победителя. После этого, несмотря на заступничество своих давних союзников аусов, согласно суровому решению вождя Зайда бен Муада, который был выбран в качестве арбитра, все мужчины племени, числом семьсот человек (), были казнены на рыночной площади Медины, женщины и дети были уведены в рабство, а их стада, земли и имущество были разделены между победителями.

«Бог изгнал хранителей Писания (иудеев) из их крепостей и вселил страх в их сердца. Одну половину из них Он убил, а другую взял в плен; Он дал вам их земли, их жилища, их имущество в наследство. Бог всемогущ».

Этими словами *Коран* предсказал это ужасное событие, самое мрачное деяние в жизни Мухаммеда. Зайд умер вскоре после жестокого приговора. Раздраженный постоянной вероломностью и враждебным настроением евреев, Мухаммед позволил себе втянуться в курс действий, в котором посланник Бога уступил место страстному арабу, в котором проявились не характер пророка, а месть страстного араба и жестокость восточного деспота, в котором «земная грязь задушила священный пламя пророчества». И чтобы окончательно уничтожить власть евреев в Медине и окрестностях, в следующем году (628) Мухаммед выступил с четырнадцатью сотнями верующих против их главной крепости Хайбар.

«Мы молим Тебя, о Всемогущий! о благах этих мест и обо всем, что в них содержится», — воскликнул пророк громким голосом, когда они вошли на территорию их крепких цитаделей, «и мы умоляем Тебя сохранить нас от зла этих мест и их обитателей».

Молитва Мухаммеда была услышана. Благодаря храбрости мусульман, особенно Али, которому перед битвой пророк дал свой собственный меч — «Али, человек, который любит Бога и его посланника, человек, который не знает страха и никогда не поворачивался спиной к врагу», — замки были взломаны, их сокровища и богатства унесены, а жители, спасшиеся от меча, были обращены в данников, так что им пришлось удерживать свои богатые поместья и плантации фиников в качестве наследственных арендаторов и платить половину урожая новым владельцам. Мусульмане были подталкиваемы к этим военным предприятиям не меньше жадностью до добычи, чем религиозным фанатизмом. Еврейский вождь Кинана был подвергнут пыткам на дыбе, чтобы заставить его выдать спрятанные сокровища, и, когда он остался молчаливым, был обезглавлен. Сам Мухаммед не только присвоил пятую часть добычи, но и получил земельную собственность, а также увеличил число своих жен на двух красивых еврейских пленниц, Сафию и Зайнаб. Первая приняла ислам и стала нежной женой пророка, который отпраздновал с ней свадьбу в своем шатре; вторая же, чьи ближайшие родственники погибли в битве, замышляла мрачный акт мести. Она поставила перед Мухаммедом отравленную еду. Правда, он съел ее немного (в результате чудесного предупреждения, как гласит легенда), но этого было достаточно, чтобы подорвать его здоровье на всю оставшуюся жизнь. Сообщается, что даже в час смерти он говорил, что чувствует в своих венах яд Хайбара ^[32].

Паломничество Мухаммеда в Мекку (629 г. н. э.)

[629 г. н. э.]

Еще до этой войны Мухаммед совершил паломничество в Мекку с многочисленными последователями, чтобы проверить, сможет ли он под покровом священного месяца приблизиться к Каабе, действуя из справедливого убеждения, что это будет очень выгодно для распространения его учений, если он сможет связать себя с древним святилищем своего народа. На этот раз ему действительно не удалось достичь своей цели; ворота Мекки остались закрытыми для мусульман; тем не менее, благодаря миру Ходайбия он добился десятилетнего перемирия с корейцами () и уступки, что он и его верующие могут совершать молитвы в Каабе три дня в году. Ревностный Омар был возмущен этим соглашением. «Разве ты не посланник Господа? Разве мекканцы не неверные, а мы верующие? Почему мы должны позволять нашей вере терпеть такое оскорбление?»

Но Мухаммед предпочел меньшую выгоду неопределенному исходу вооруженного конфликта, будучи убежденным, что небольшие успехи вскоре приведут к большим. Он не ошибся. В результате этого договора и вскоре после падения Хайбара он предпринял (в марте 629 года) паломничество в Мекку вместе с группой своих верных последователей, и велика была радость изгнанников, когда они впервые снова ступили на родную землю. Мухаммед, сидя на верблюде, совершил обычные семь обходов Каабы и прошествовал между холмами Сафа и Мерва, а остальные последовали за ним.

По этому случаю Мухаммед соединился узами брака с Маймуней, вдовой пятидесяти одного года. Поскольку его предыдущие браки после смерти Хадиджи были обусловлены его чувственностью и любовью к женщинам и порой были настолько скандальными, что, как в случае с Зайнаб, разведенной женой его приемного сына Зайда, возмущение верующих по поводу неслыханного и запретного союза пришлось успокаивать новым предписанием в *Коране*, касающимся отношений; так, напротив, этот последний брак был, как и его первый, актом мудрости, политики и практического расчета. Благодаря этому браку родственники Маймуны, Халид и Амру, два выдающихся воина, были привлечены к делу ислама — победа, имевшая большее значение, чем многие победы в сражениях.

АРАБСКИЙ ВОИН

Вскоре новообращенные получили возможность укрепить на более широком поле сражения свою военную славу, которую они приобрели в мелких стычках. Мухаммед уже обратил свой взор на границы Аравии. Воодушевленный растущим числом и энтузиазмом своих последователей, он верил, что недалек тот день, когда ислам завоюет господство над миром. Евреи были вынуждены дорого заплатить за то, что отказались признать его своим мессией; но, поскольку они жили рассеянно и подвергались презрению со стороны других народов, он мог легко обойтись без их почитания, если ему удастся заставить две самые влиятельные религиозные общины того времени, а именно христиан и поклонников огня Ирана, признать его пророческую миссию. С этой целью он направил письма различным иностранным правителям, призывая их поклоняться единому истинному Богу, который явил себя через Мухаммеда. Особенно среди христиан он мог ожидать теплого приема, поскольку не только признавал Иисуса пророком, но и считал его мать непорочной девой. В одном из самых прекрасных отрывков *Корана* рассказывается, как Мария, после того как

ангел Божий сообщил ей, что она родит «чистого сына», родила ребенка под пальмой; как этот ребенок заговорил еще в колыбели и провозгласил себя «службой Божьей», предназначенным проявлять все добродетели жизни и принести мир людям. По мнению мусульман, предписания религии Мухаммеда были благосклонно приняты христианскими князьями. Говорят, что король Абиссинии, который всегда проявлял благосклонность к последователям нового пророка, и христианский генерал в Йемене приняли ислам; префект Египта попросил время на размышление, но прислал дорогие подарки, среди которых были две красивые коптские рабыни для сладострастного пророка. Посланцы Мухаммеда приглашали князей и народы земли присоединиться к признанию ислама, и один из них был даже принят императором Ираклием в любезной и дружеской манере. С другой стороны, Хосров II, находившийся тогда на вершине своей власти, разорвал документы, не прочитав их, а правитель Босры убил арабского посланника, который пытался привлечь новых обращенных в ислам. Против первого Мухаммед выступил с пророчеством о зле, а против второго послал армию под командованием своего бывшего раба Зайда, которого он из-за его верности и покорности принял вместо сына.

В Муте в Сирии арабские войска под священным знаменем впервые столкнулись с греко-римскими легионами. Зайд пал как воин в первых рядах; на его место храбрый и красивый Джафар, брат Али, схватил знамя Мухаммеда. Вскоре он потерял правую руку; тогда он замахал знаменем левой рукой, а когда и она была отсечена, он держал священное знамя в своих окровавленных руках, пока не получил смертельный удар. Абдаллах бен Раваха, поэт, взял знамя у умирающего героя, крича: «Вперед! Либо победа, либо рай будет нашим!» И когда он тоже пал под копьями врага, Халид, новообращенный из Мекки, схватил знамя и довел сражение до конца. Это была не решающая победа, но Халид продемонстрировал такую блестящую доблесть, что на ночном военном совете, состоявшемся в лагере, он был избран главнокомандующим и отныне носил знаменитое прозвище «Меч Бога». Скорбно, хотя и обремененные славой и добычей, воины вернулись в Медину с дорогостоящими телами. Мухаммед восхвалял судьбу павших мучеников, но вместе с молодой дочерью Зайда он тайно оплакивал любимых умерших. «Это слезы дружбы по потере друга», — сказал он в оправдание, когда кто-то, войдя, выразил удивление, что он плачет по тому, кто своей смертью обеспечил себе рай.

ПОДЧИНЕНИЕ МЕККИ (630 г. н. э.)

Поэтому все, на что мог надеяться Мухаммед, было то, что его учение получит общее признание во всей Аравии, если ему удастся однажды захватить священный город Мекку. Когда он впервые привел свое вооруженное войско паломников в окрестности города, он заверил своих спутников, что Бог даровал ему победу. Однако они были вынуждены отступить, заключив бесславный мир, не обойдя Каабу. Разочарование верующих не было снято и в следующем году, когда им пришлось в течение трех дней приближаться к святилищу в качестве просителей; позор мог быть смыт только блестящей победой. Сами корейшиты сыграли на руку Мухаммеду. Они нарушили мирный договор, приняв участие в враждебном нападении на племя, которое заключило с Мухаммедом оборонительный союз. Затем, когда они услышали, что в Медине готовится экспедиция для мести, они испугались и послали Абу Суфьяна, гордого вождя племени, к разгневанному пророку, чтобы оправдать произошедшее и умолять его о прощении.

Но Мухаммед отпустил просителя без ответа и с большим рвением тайно продолжил подготовку к войне. Внезапно десять тысяч костров на соседней горе выдали прибытие могущественного врага изумленным мекканцам. Абу Суфьян поспешил на разведку; Аббас привел его в лагерь в качестве пленника, где Мухаммед защитил его от гнева Омара, как только тот заявил о своей готовности почитать сына Абдаллаха как посланника Бога и перейти в ряды ислама. Он с восхищением отметил отличную дисциплину и выносливость мусульманской армии, многообразие оружия и знамен, «помощников» и «беженцев», облеченных в железо, восторженное почитание святого полководца. «Никто не может противостоять этому человеку!» — сказал Суфьян дяде Мухаммеда, Аббасу, который проводил его по рядам, — «клянусь Богом, царство твоего племянника стало великим!» И он поспешил вернуться к своему народу, чтобы убедить его в мирной капитуляции. В этом он преуспел. Большинство заперлись в своих домах, как приказал Мухаммед, так что мусульманская армия смогла захватить город почти без сопротивления. Только Халид должен был проложить себе путь в нижнюю часть города через толпу неверующих, которых Акрама, сын Абу Джахла, собрал под своим знаменем.

Когда Мухаммед увидел вождей корейшей в пыли у своих ног, его гордость была удовлетворена, и в его груди воцарились благородные чувства мягкости и великодушия. Народ объявил о своей готовности отречься от своих богов, почитать Мухаммеда как посланника Бога и подчиняться его велениям, после чего победитель, теперь восседающий на троне в своем родном городе как принц и пророк после восьми лет изгнания, провозгласил всеобщую амнистию. Даже из двенадцати мужчин и шести женщин, которых Мухаммед после своего входа в город осудил за то, что в прежние годы они возбуждали его гнев вероотступничеством, предательством или насмешливыми балладами, большинство было помиловано. Среди них был Акрама, сын Абу Джахла, который так храбро сражался при Оходе и оказал сопротивление входу Халида; его дядя, сатирический поэт Харис; Сафван, сын Омайи и Хинд, страстной жены Абу Суфьяна; поэт Кааб; Абдалла, писец Мухаммеда, который был обвинен в том, что испортил священные страницы *Корана* и, чтобы избежать наказания, бежал как вероотступник в Мекку; и многие другие. Все они приняли ислам, и Акрама вскоре проявил в борьбе за новую веру тот же героизм, который он ранее демонстрировал против Мухаммеда. За Абдаллаха заступился его родственник Османа; Мухаммед некоторое время колебался, давать ли помилование, надеясь, что один из его сторонников убьет предателя; затем он неохотно отпустил его.

Когда в городе был восстановлен порядок, Мухаммед явился в храм. Он семь раз обошел Каабу на верблюде, каждый раз касаясь священного камня своим посохом, а затем разбил на куски 360 идолов, которые были размещены вокруг святилища. После этого он приказал

открыть двери храма, очистил дом Господень от всех изображений и велел Билалу провозгласить с вершины призыв к молитве.

С момента входа пророка в Мекку победа ислама в Аравии была лишь вопросом времени. Но ни одна религиозная организация не может быть уничтожена без того, чтобы некоторые из ее приверженцев не боролись за нее ценой своей жизни. У старых арабских богов тоже были свои стойкие поклонники, которые не боялись мученической смерти за религию своей юности. Когда войска Мухаммеда под руководством фанатичных вождей проникли в соседние племена, идолы были сброшены, а древние святилища разрушены, и тогда разъяренные язычники перешли в оборону, и многие стали жертвами религиозного безумия. Во время одной из таких экспедиций в район Теймы ревностный Халид действовал с такой жестокостью и жестокостью, что Мухаммед содрогнулся от этого и, подняв руки к небу, воскликнул: «Я не имею отношения к этим деяниям». Затем он попытался успокоить страдающих с помощью мягкости и великодушия Али, предложил искупление за убитых и объявил, что Мекка и вся страна должны быть в будущем такими же неприкосновенными, как и в прошлом.

ПОБЕДА ХОНАИНА И АУТАСА

АРАБСКИЙ ВОИН

Религиозный фанатизм мусульман побудил языческие племена горных районов к юго-востоку от Мекки взяться за оружие, чтобы защитить свою веру, свою жизнь и свою собственность от нового религиозного общества. Такифиты, которые когда-то прогнали посланника Господа камнями, и племена Хавазин возглавили союз языческой веры. Чтобы воодушевить себя, они взяли с собой на поле боя жен, детей и все свое имущество. Узнав об этом, Мухаммед выступил со своими войсками, чтобы покорить своего последнего упорного врага. Но когда они шли через долину Хонайн, не приняв необходимых мер предосторожности, они внезапно увидели, что высота занята лучниками. Вскоре ряды мусульман () дали сбой; среди них распространилась паника и беспорядок; крик пророка «Я Мухаммед, пророк Бога, провозвестник истины; стойте твердо, верные!» остался без

внимания; корейшиты, следовавшие за армией, уже давали волю своей злобной радости, издеваясь над ними. В этот момент Аббас, дядя Мухаммеда, громким голосом привел в чувство бегущих и колеблющихся. На крик о помощи самые храбрые и энергичные снова собрались вокруг святого принца и одержали полную победу.

В долинах Хонайн и Аутас сила неверных была навсегда сломлена. Семьдесят человек были убиты, среди них старый герой Дураид, а остальные бежали. Женщины, дети и добыча попали в руки победителей. Но попытка Мухаммеда завоевать крепкий город Таиф была сорвана храбростью жителей и прочностью стен; тщетно он, вопреки своему собственному приказу, велел срубить фруктовые деревья и выкорчевать виноградники; тщетно солдаты шли на штурм города; после двадцатидневной осады он был вынужден отступить, не достигнув ничего. Огромная добыча вознаградила и утешила мусульман, но по просьбе Мухаммеда пленники были возвращены недавно обращенным в ислам племенам. Большую часть своей пятой доли он подарил тем из корейшей, кто проявил стойкость и верность, и таким образом привлек на свою сторону многих влиятельных людей. Абу Суфьян и его два сына получили по сто верблюдов и сорок унций серебра. Ансары, которые роптали на такую благосклонность к своим противникам, были умиротворены ласковым обращением:

«Не гневайтесь, если я пытаюсь завоевать сердца нескольких колеблющихся людей с помощью бранных благ. Ваша вера и покорность имеют другое вознаграждение. Посланник Бога доверяет вам свою жизнь и судьбу; среди вас он возвращается в Медину; и так как вы были моими спутниками в изгнании и верили в меня в моем унижении, так и будете моими спутниками в моем царствовании и разделите со мной рай». Они воскликнули со слезами: «Мы довольны своей долей!»

Остальные идолопоклоннические племена теперь уже не сопротивлялись религии, которую им предлагали посланники Мухаммеда, держа в одной руке *Коран*, а в другой — меч. Даже жители Такифа вскоре купили мир и безопасность, пожертвовав своими древними богами, и по собственной воле открыли ворота своего города.

Такифцы послали послов, чтобы сообщить пророку, что они примут ислам, если он освободит их от молитвы и оставит им их идола Лата еще на три года.

«Три года идолопоклонства — это слишком долго; и что такое поклонение Богу без молитв?» — сказал Мухаммед. Послы смягчили свои требования, и в конце концов было достигнуто соглашение, по которому жители Такифа не должны были платить налоги и могли сохранить своего идола Лата еще на один год. После этого он начал диктовать запись со словами:

«Во имя Бога милосердного и долготерпеливого! Настоящим документом заключается соглашение между Мухаммедом, посланником Бога, и жителями Такифа, согласно которому последние не будут платить налоги и не будут участвовать в священной войне». Но стыд и угрызения совести заставили его замолчать. «И не будут падать ниц в молитве», — добавил посол; и, поскольку Мухаммед продолжал молчать, жители Такифа повторили, обращаясь к писцу:

«Запиши это; так решено».

Писарь посмотрел на Мухаммеда, ожидая его приказа. В этот момент пламенный Омар, до сих пор молча наблюдавший за этой сценой, поднялся, вытащил меч и воскликнул:

«Ты осквернил сердце пророка, и да наполнит Бог твое сердце огнем».

«Мы говорим не с тобой, а с Мухаммедом», — спокойно ответил посол.

«Хорошо», — сказал пророк, — «я не хочу слышать о таком договоре. У вас есть выбор между безоговорочным принятием ислама и войной».

«По крайней мере, позвольте нам, — сказали потрясенные такифиты, — поклоняться Лату еще шесть месяцев!»

«Нет!»

«Тогда хотя бы на один месяц!»

«Ни на час!»

После чего послы вернулись в свой город в сопровождении мусульманских солдат, которые разбили Лата на куски под плач женщин.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЖИЗНИ МУХАММАДА (630-632 гг. н. э.)

[630-632 гг. н. э.]

Мухаммед вернулся в Медину как победоносный царь; со всех сторон прибывали послы и верующие последователи, чтобы выразить ему свое почтение и поклонение, в то время как далеко на юге его посланники на побережье привлекали новых приверженцев ислама.

«Мы — помощники Бога и воины его посланника», — сказал поэт Табит в риторическом состязании; «мы ведем войну со всеми людьми, пока они не уверуют; только тот, кто верит в Бога и его посланника, спасает свое имущество и свою кровь; мы враждуем со всеми неверными, и наша победа всегда легка».

Арабские писатели с любовью описывают различные сцены поклонения, которые вожди пустынных племен, а также жители городов оказывали пророку, принцу верующих, в эти первые годы юношеского энтузиазма. Однако бедствия и несчастья омрачили конец его жизни. В Медине все еще существовала враждебная партия под руководством Абдаллаха. Это было особенно заметно, когда пророк готовил новую экспедицию против греков в Сирии в удушающей жаре, как раз когда арабы были заняты сбором урожая фиников. В результате многие уклонились от приказа, и Абдаллах вскоре после начала похода повернул назад со своими людьми. Суровый стих *Корана* осуждал эту задержку.

«Вы говорите: „Не выходите во время жары“, но Аллах говорит через Мухаммеда: „Огонь ада еще более палящий“. Ваш смех недолговечен, и однажды вы будете долго плакать о своем поведении. Вы больше не будете выходить со мной и сражаться рядом со мной».

В Табуке, между Мединой и Дамаском, армия остановилась, чтобы отдохнуть в этой плодородной местности после утомительного и болезненного марша. Здесь Мухаммед принял подчинение вождей некоторых сирийских приграничных городов и дань уважения христианского князя. Они купили мир ценой ежегодной дани. Тем не менее Мухаммед не считал целесообразным продвигаться дальше в страну врага со своей небольшой свитой (); он отправился в обратный поход и, преодолев много трудностей и опасностей, прибыл в Медину после двадцатидневного отсутствия. На некоторое время непослушные были исключены из круга верующих, но когда они с покаянием и раскаянием просили прощения, их снова приняли в свою среду. Вскоре после этого смерть избавила пророка от его самого опасного противника, Абдаллаха бен Обайи. Это событие, а также почитание со стороны все большего числа арабских племен, восстановили его дух, который был глубоко потрясен смертью двух его дочерей, Зайнаб и Умм Кульсум. Девятая сура *Корана*, символ религии меча, которую он прочитал множеству паломников на месте святого храма в Мекке, может

быть расценена как проявление этого возвышенного состояния духа. В ней он отказался от мира со всеми неверующими, язычниками, иудеями и христианами, запретил им когда-либо ступать в святилище и объявил вечную войну против них священным долгом. В ней он также повторил угрозы и проклятия в адрес лицемеров и бездельников, которые затягивали с выступлением на священную войну (). Провозглашение Али этой декларации перед всем народом имело желаемый эффект. Послы, которые от имени князей и племен объявляли о присоединении последних к исламу, были так же многочисленны, «как финики, падающие с пальмы в период созревания». От границы Сирии до южной оконечности полуострова и до гор, граничащих с Индийским океаном и Персидским заливом, племена всех языков и религий поспешили найти ключ к раю в вере в «Единого Бога, у которого нет соратников». Когда в десятый год хиджры Мухаммед со своими девятью женами отправился в свое последнее паломничество в Мекку, которое должно было служить мусульманам образцом и примером на все времена, его сопровождали 40 000 (или, по некоторым данным, до 114 000) верующих.

Во время этого паломничества впервые проявились страдания пророка. С большим трудом он семь раз обошел Каабу и, делая это, молился: «О Господи, дай нам благополучие в этой жизни и в следующей и избавь нас от мучений ада». Неестественные волнения и приступы его души, большие физические нагрузки, коварный яд Хайбара и, наконец, его горе по потере молодого сына Ибрагима, которого, к его безмерной радости, египетская рабыня Мария родила ему в предыдущем году и на которого он возлагал все свои надежды, — все это подорвало его здоровье и ускорило его конец. Скорбь, которая охватила его при виде тела ребенка, уже содержала предчувствие его собственного приближающегося конца.

«Я скорблю о твоей потере, — сказал он, — мои глаза плачут, и мое сердце печально, но я не буду произносить никаких сетований, которые могут разгневать Господа; если бы я не был убежден, что последую за тобой, моя скорбь была бы неутешимой, но мы принадлежим Богу и вернемся к Нему».

[632 г. н.э.]

Через три месяца после своего возвращения Мухаммед заболел в доме своей супруги Аиши, и болезнь длилась от восьми до четырнадцати дней. Часто сильная лихорадка лишала его сознания, но часто у него были часы ясности, которые он проводил в беседах с Аишей, своей любимой дочерью Фатимой, единственной из своих детей, пережившей отца, а также с друзьями и родственниками, которые навещали его. Кроме того, несмотря на то, что он был уже очень болен, он по-прежнему ходил в соседнюю мечеть и произносил слова наставления и прощания перед собравшимися людьми. По мере того как его слабость усиливалась, он разрешал Абу Бекру произносить молитвы, но по-прежнему всегда присутствовал при этом. В последний день он казался лучше, так что все, кроме Аиши, оставили его. Но вскоре его болезнь вернулась с новой силой. Перед тем как потерять сознание, он даровал своим рабам свободу, распорядился раздать бедным шесть или семь динаров^[33], которые были у него в доме, а затем помолился: «Боже, поддержи меня в предсмертной борьбе». Аиша послала за своим отцом и другими его последователями, но до их прибытия он скончался на руках своей любимой жены. Его последними словами были: «Славным товарищам в раю».

Он умер в одиннадцатый год хиджры, в шестьдесят третьем году своей жизни, «пророк, поэт, священник и царь Аравии». Когда в доме Аиши раздался громкий плач, люди в диком возбуждении толпились у дверей, которое еще больше усилилось благодаря заверениям Омара, что посланник Бога не умер, а вскоре вернется к своему народу. Наконец, мудрые слова Абу Бекра удалось успокоить толпу:

«О люди, — сказал он, — пусть тот из вас, кто служил Мухаммеду, знает, что Мухаммед умер; но пусть тот, кто служил Богу, продолжает свое служение, ибо Бог Мухаммеда жив и никогда не умрет». Затем он прочитал им стих из *Корана*: «Мухаммед — лишь посланник, многие посланники уже ушли до него; умер ли он естественной смертью или был убит, разве вы повернетесь вспять? Тот, кто поступает так (отказывается от своей веры), не может причинить вреда Богу, но благодарные будут вознаграждены». Отчаяние теперь сменилось тихой скорбью; сам Омар был настолько взволнован, что упал на землю и признал, что Мухаммед действительно мертв.

Три дня спустя Мухаммед был похоронен на том месте, где он умер. Его могила в Медине впоследствии была включена в пределы святыни в результате расширения мечети, которая стояла рядом с домом, и, как Кааба в Мекке, она до сих пор остается местом паломничества, которое часто посещают набожные мусульмане. Осама, молодой сын Зайда, погибшего в Муте, был в тот момент, когда он получил известие о смерти пророка, в новой кампании против Сирии. Он немедленно повел своих солдат обратно в Медину и, полный печали, водрузил свое знамя перед домом.^f

Личные черты Мухаммеда сохранились до нас в удивительно мелких деталях и иллюстрируются бесчисленными анекдотами, многие из которых, конечно, являются апокрифическими. Мы можем процитировать краткую и яркую картину из «*Сират*» или «*Биографии Мухаммеда*», написанной Ибн Саадом,^g секретарем арабского историка Вакиди. Перевод сделан из неопубликованных рукописных заметок сэра Уильяма Мюира,^h современного биографа Мухаммеда.^g

«Он был светлокотым с легким румянцем; глаза у него были интенсивно черные; волосы не вьющиеся, а прямые; борода густая и пышная; щеки не полные; шея блестящая, как серебряный сосуд; у него была линия волос от груди до пупка, похожая на ветку, но кроме этого у него не было волос на животе или груди. Его руки и ноги не были впалыми, а полными. Когда он шел, казалось, что он спускается с высоты на низ; и когда он шел, казалось, что он вырывает (или выкручивает) ноги из камней; когда он поворачивался, он поворачивался полностью. Пот на его лице был похож на жемчуг, и его запах был приятнее, чем запах чистого мускуса. Он был ни высоким, ни низким; он не был ни слабым, ни подлым; я никогда не видел ни до, ни после него подобного ему человека.

У Мухаммеда была большая голова, большие глаза, большие ресницы; его кожа была светлой и сияющей; суставы его конечностей были крупными; от груди до живота у него была длинная узкая полоса волос. Он был не очень высоким, но выше среднего роста. Когда он приближался со своими людьми, он как будто закрывал их (скрывая их от глаз). Его волосы не были ни вьющимися, ни курчавыми; ни вьющимися, ни совсем гладкими и ровными. Они были похожи на причесанные волосы кудрявого человека. Его лицо было ни очень полным, ни очень худым; оно было круглым; у него были крупные суставы и широкая грудь. Его тело было безволосым. Тот, кто видел его впервые, был поражен его внешностью, но при ближайшем знакомстве это уступало место любви. Его зрачки были очень черными; его спина была широкой».^g

ОЦЕНКА ГИББОНА МУХАММАДА И ИСЛАМА

[622-632 гг. н. э.]

В заключение жизни Мухаммеда, возможно, следует ожидать, что я должен буду взвесить его недостатки и достоинства, чтобы решить, какое из этих двух определений — «энтузиаст» или «самозванец» — более подходит этому необыкновенному человеку. Даже

если бы я был близко знаком с сыном Абдаллаха, эта задача все равно была бы сложной, а успех — неопределенным: на расстоянии двенадцати веков я смутно разглядываю его тень сквозь облако религиозного ладана; и даже если бы я мог правдиво нарисовать портрет одного часа, это мимолетное сходство не в равной степени применимо к отшельнику с горы Хира, проповеднику из Мекки и завоевателю Аравии. Автор великой революции, по видимому, был наделен благочестивым и созерцательным нравом; как только брак избавил его от нужды, он избегал пути амбиций и алчности; до сорока лет он жил невинно и умер бы без имени. Единство Бога — это идея, наиболее близкая природе и разуму; и небольшая беседа с иудеями и христианами научила бы его презирать и ненавидеть идолопоклонство Мекки. Обязанностью человека и гражданина было распространять учение о спасении, спасти свою страну от господства греха и заблуждения. Энергия ума, неустанно сосредоточенного на одной цели, превращала бы общую обязанность в особый призыв; горячие предложения разума или фантазии воспринимались бы как вдохновение свыше; умственный труд заканчивался бы восторгом и видением; а внутреннее ощущение, невидимый наставник, описывалось бы с помощью образа и атрибутов ангела Божьего.

От энтузиазма до обмана путь опасен и скользкий; демон Сократа дает памятный пример того, как мудрый человек может обмануть себя, как добрый человек может обмануть других, как совесть может дремать в смешанном промежуточном состоянии между самообманом и добровольным мошенничеством. Милосердие может верить, что первоначальные мотивы Мухаммеда были мотивами чистой и подлинной доброжелательности; но человеческий миссионер неспособен лелеять упорных неверующих, которые отвергают его притязания, презирают его аргументы и преследуют его жизнь; он мог прощать своих личных противников, но по праву ненавидеть врагов Бога; суровые страсти гордости и мести разгорелись в груди Мухаммеда, и он, как пророк Ниневи, вздыхал о гибели мятежников, которых он осудил. Несправедливость Мекки и выбор Медины превратили гражданина в принца, скромного проповедника в вождя армий; но его меч был освящен примером святых; и тот же Бог, который наказывает грешный мир мором и землетрясениями, мог вдохновить своих слуг на их обращение или наказание. В осуществлении политического управления он был вынужден смягчить суровую строгость фанатизма, в некоторой степени пойти навстречу предрассудкам и страстям своих последователей и даже использовать пороки человечества как инструменты их спасения. Использование обмана и вероломства, жестокости и несправедливости часто служило распространению веры; и Мухаммед приказывал или одобрял убийство евреев и идолопоклонников, которые сбежали с поля битвы.

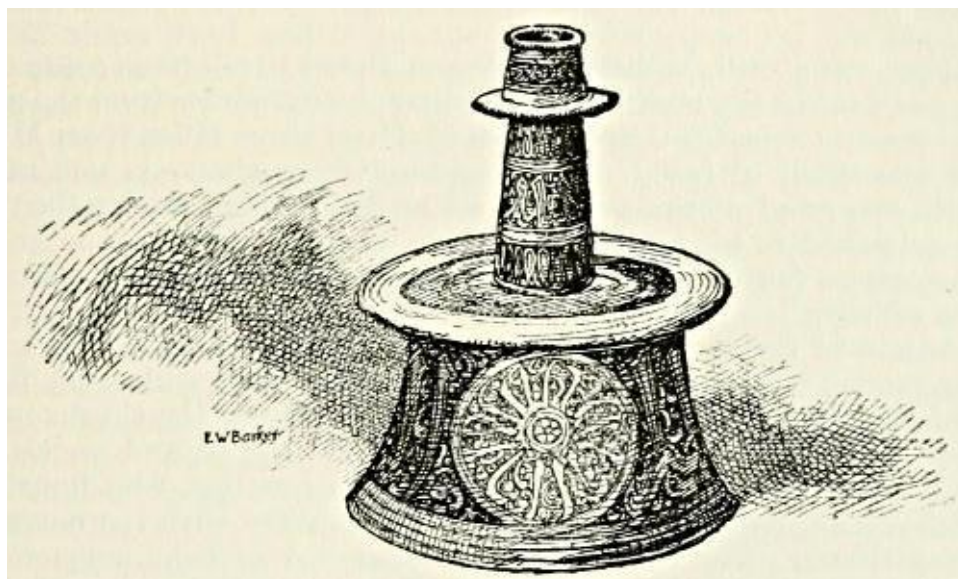
Повторение таких действий, должно быть, постепенно запятнало характер Мухаммеда; и влияние таких пагубных привычек с трудом компенсировалось практикой личных и социальных добродетелей, необходимых для поддержания репутации пророка среди его последователей и друзей. В последние годы его жизни амбиция была главной страстью; и политик заподозрит, что он тайно улыбался (победоносный самозванец!) энтузиазму своей молодости и легковерию своих прозелитов. Философ заметил бы, что их легковерие и его успех еще больше укрепили бы его уверенность в своей божественной миссии, что его интересы и религия были неразрывно связаны, и что его совесть успокаивалась убеждением, что только он один был освобожден Божеством от обязательств позитивных и моральных законов. Если он сохранил какие-либо следы своей природной невинности, грехи Мухаммеда можно считать доказательством его искренности. В поддержку истины искусство обмана и вымысла может считаться менее преступным; и он бы возмущился гнусностью средств, если бы не был убежден в важности и справедливости цели. Постановление Мухаммеда о том, что при продаже пленников матери никогда не должны отделяться от своих детей, может приостановить или смягчить осуждение историков.

Здравый смысл Мухаммеда презирал королевскую роскошь; апостол Бога подчинялся низким обязанностям в семье; он разжигал огонь, подметал пол, доил овец и своими руками чинил свои ботинки и шерстяную одежду. Презирая покаяние и заслуги отшельника, он без усилий и тщеславия соблюдал воздержанную диету араба и солдата. В торжественных случаях он угощал своих товарищей деревенским и гостеприимным изобилием; но в его домашней жизни могли проходить многие недели, без того чтобы огонь зажигался в очаге пророка. Запрет на вино подтверждался его примером; его голод утолялся скудной порцией ячменного хлеба; он наслаждался вкусом молока и меда, но его обычная пища состояла из фиников и воды. Духи и женщины были двумя чувственными удовольствиями, которые требовала его натура и не запрещала его религия; и Мухаммед утверждал, что эти невинные удовольствия усиливали его религиозный пыл. Жаркий климат разжигает кровь арабов, и их похотливый нрав был отмечен писателями древности. Их невосдержанность регулировалась гражданскими и религиозными законами *Корана*; их кровосмесительные союзы осуждались; безграничная свобода многоженства была ограничена четырьмя законными женами или наложницами; их права как на постель, так и на приданое были справедливо определены; свобода развода не поощрялась; прелюбодеяние осуждалось как преступление, караемое смертной казнью; а блуд, как у мужчин, так и у женщин, наказывался ста ударами плетью.

Таковы были спокойные и рациональные предписания законодателя; но в своей частной жизни Мухаммед потакал мужским желаниям и злоупотреблял правами пророка. Особое откровение освобождало его от законов, которые он наложил на свой народ; женский пол без ограничений был предоставлен его желаниям; и эта необычная привилегия вызывала скорее зависть, чем скандал, скорее почитание, чем зависть набожных мусульман. Если мы вспомним семьсот жен и триста наложниц мудрого Соломона, то будем восхищаться скромностью араба, который взял в жены не более семнадцати или пятнадцати женщин; перечислены одиннадцать, которые занимали в Медине отдельные апартаменты вокруг дома апостола и по очереди пользовались его супружеской любовью. Что достаточно необычно, все они были вдовами, за исключением только Аиши, дочери Абу Бекра. Она, несомненно, была девственницей, поскольку Мухаммед совершил бракосочетание (такова преждевременная зрелость климата), когда ей было всего девять лет. Молодость, красота и характер Аиши давали ей превосходство над другими: пророк любил ее и доверял ей; после его смерти дочь Абу Бекра долгое время почиталась как мать верующих. Ее поведение было неоднозначным и нескромным; во время ночного марша она случайно осталась позади, и утром Аиша вернулась в лагерь с мужчиной.

Мухаммед был склонен к ревности, но божественное откровение убедило его в ее невиновности; он наказал ее обвинителей и обнародовал закон о домашнем мире, согласно которому ни одна женщина не могла быть осуждена, если четыре свидетеля-мужчины не видели ее в акте прелюбодеяния. В своих приключениях с Зайнаб (), женой Зайда, и с Марией, египетской пленницей, влюбчивый пророк забыл о своей репутации. В доме Зайда, его освобожденного раба и приемного сына, он увидел в свободной одежде красоту Зайнаб и вдруг воскликнул от преданности и желания. Рабский или благодарный освобожденный раб понял намек и без колебаний поддался любви своего благодетеля. Но поскольку сыновние отношения вызвали некоторые сомнения и скандал, ангел Гавриил спустился с небес, чтобы утвердить этот поступок, аннулировать усыновление и мягко упрекнуть апостола за недоверие к снисходительности своего Бога. Одна из его жен, Хафса, дочь Омара, застала его на своей постели в объятиях его египетской пленницы; она пообещала сохранить тайну и простить его, а он поклялся, что откажется от владения Марией. Обе стороны забыли о своих обещаниях, и Гавриил снова спустился с главой *Корана*, чтобы освободить его от клятвы и призыв его свободно наслаждаться своими пленницами и наложницами, не слушая

криков своих жен. В уединении, длившемся тридцать дней, он трудился, наедине с Марией, чтобы выполнить повеления ангела. Когда его любовь и месть были удовлетворены, он вызвал к себе своих одиннадцать жен, упрекнул их в непослушании и неосторожности и пригрозил им разводом как в этом мире, так и в следующем — страшным приговором, поскольку те, кто взошел на ложе пророка, навсегда лишались надежды на повторный брак.

САРАЦИНСКИЙ ПОДСВЕЧНИК

Возможно, невосдержанность Мухаммеда можно оправдать его природными или сверхъестественными дарами; он объединил в себе мужественные добродетели тридцати детей Адама, и апостол мог бы соперничать с тринадцатым подвигом греческого Геракла. Более серьезное и достойное оправдание можно извлечь из его верности Хадидже. В течение двадцати четырех лет их брака ее молодой муж воздерживался от права на многоженство, и гордость или нежность почтенной матроны никогда не оскорблялись обществом соперницы. После ее смерти он поместил ее в ряд четырех совершенных женщин, наряду с сестрой Моисея, матерью Иисуса и Фатимой, самой любимой из его дочерей. «Разве она не была старой?» — сказала Аиша с дерзостью расцветающей красавицы, — «разве Бог не дал тебе лучшую вместо нее?» «Нет, клянусь Богом, — сказал Мухаммед с излиянием искренней благодарности, — лучшей не может быть! Она верила в меня, когда люди презирали меня; она помогала мне, когда я был беден и преследуем миром».

В самом большом проявлении полигамии основатель религии и империи мог стремиться увеличить шансы на многочисленное потомство и прямую преемственность. Надежды Мухаммеда были роковым образом разочарованы. Дева Аиша и его десять вдов зрелого возраста и проверенной плодovitости были бесплодны в его сильных объятиях. Четверо сыновей Хадиджи умерли в младенчестве. Мария, его египетская наложница, была ему дорога благодаря рождению Ибрагима. Через пятнадцать месяцев пророк плакал над его могилой, но он стойко выдерживал насмешки своих врагов и сдерживал лъстивость или легковерие мусульман, уверяя, что затмение солнца не было вызвано смертью младенца. Хадиджа также родила ему четырех дочерей, которые вышли замуж за самых верных его учеников; три старшие умерли раньше своего отца, но Фатима, которая обладала его

доверием и любовью, стала женой своего двоюродного брата Али и матерью прославленного потомства.

С самого раннего юности Мухаммед был пристрастен к религиозным размышлениям; каждый год, во время месяца Рамадан, он уходил от мира и от объятий Хадиджи; в пещере Хира, в трех милях от Мекки, он советовался с духом обмана или энтузиазма, чье обиталище находится не на небесах, а в уме пророка. Вера, которую он под именем ислама проповедовал своей семье и народу, состоит из вечной истины и необходимой выдумки — что есть только один Бог и что Мухаммед — апостол Бога.

Христиане седьмого века незаметно вернулись к подобию язычества; их публичные и частные обеты были обращены к реликвиям и изображениям, которые порочили храмы Востока; трон Всмогущего был затмевен облаком мучеников, святых и ангелов, объектов народного почитания; а коллиридские еретики, процветавшие на плодородной почве Аравии, наделяли Деву Марию именем и почестями богини. Вероучение Мухаммеда свободно от подозрений и двусмысленности, а *Коран* является славным свидетельством единства Бога. Пророк из Мекки отверг поклонение идолам и людям, звездам и планетам, руководствуясь рациональным принципом, что все, что восходит, должно зайти, все, что рождается, должно умереть, все, что подвержено тлению, должно разложиться и погибнуть. В создателе вселенной его рациональный энтузиазм признавал и поклонялся бесконечному и вечному существу, не имеющему формы или места, не имеющему потомства или подобия, присутствующему в наших самых сокровенных мыслях, существующему по необходимости своей собственной природы и черпающему из себя все моральное и интеллектуальное совершенство. Эти возвышенные истины, провозглашенные языком пророка, твердо поддерживаются его учениками и определены с метафизической точностью толкователями *Корана*. Первый принцип разума и откровения был подтвержден голосом Мухаммеда; его прозелиты, от Индии до Марокко, отличаются названием унитариев; а опасность идолопоклонства была предотвращена запретом изображений. Доктрина вечных декретов и абсолютного предопределения строго соблюдается мусульманами; и они борются с общими трудностями: как примирить предвидение Бога со свободой и ответственностью человека; как объяснить допущение зла при правлении бесконечной власти и бесконечного добра.

Либеральность Мухаммеда позволяла его предшественникам пользоваться тем же авторитетом, который он требовал для себя; и цепь вдохновения продлилась от грехопадения Адама до провозглашения *Корана*. В течение этого периода некоторые лучи пророческого света были переданы 124 000 избранных, отобранных по степени их добродетели и благодати; 313 апостолов были посланы со специальным поручением, чтобы отвратить свою страну от идолопоклонства и пороков; 104 тома были продиктованы святым духом; и шесть законодателей, обладающих превосходной мудростью, объявили человечеству о шести последовательных откровениях различных обрядов, но одной неизменной религии. Авторитет и положение Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Христа и Мухаммеда возвышаются друг над другом в справедливой градации; но кто ненавидит или отвергает любого из пророков, тот причисляется к неверным. Писания патриархов сохранились только в апокрифических копиях греков и сирийцев; поведение Адама не давало ему права на благодарность или уважение своих детей; семь заповедей Ноя соблюдались низшим и несовершенным классом прозелитов синагоги, а память Авраама смутно почиталась сабиями в его родной стране Халдее; из мириад пророков только Моисей и Христос жили и царствовали; а остатки вдохновенных писаний были включены в книги Ветхого и Нового Заветов. Чудесная история Моисея освящена и приукрашена в *Коране*; и плененные евреи наслаждаются тайной местью, навязывая свою веру народам, чьи недавние верования они высмеивают. Пророк учит мусульман питать высокое и таинственное почтение к основателю христианства. «Воистину, Христос Иисус, сын Марии,

является Апостолом Бога, и Его слово, которое Он передал Марии, и дух, исходящий от Него, почитаемы в этом мире и в мире грядущем; и Он является одним из тех, кто приближается к присутствию Бога». Благодетель Моисея и Христа радовалось уверенности в будущем пророке, более прославленном, чем они сами; евангельское обещание Утешителя, или Святого Духа, было предсказано в имени и осуществлено в лице Мухаммеда, величайшего и последнего из апостолов Бога.

Вдохновение еврейских пророков, апостолов и евангелистов Христа, возможно, не было несовместимо с использованием их разума и памяти; и разнообразие их гения ярко отражено в стиле и композиции книг Ветхого и Нового Заветов. Но Мухаммед довольствовался более скромным, но более возвышенным характером простого редактора; сущность *Корана*, по его собственному утверждению или утверждению его учеников, несотворена и вечна; она существует в сущности Божества и записана пером света на скрижали его вечных постановлений. Бумажная копия, в переплете из шелка и драгоценных камней, была принесена в низшее небо ангелом Гавриилом, который, согласно иудейскому вероучению, действительно выполнял самые важные поручения; и этот верный посланник последовательно открывал главы и стихи арабскому пророку. Вместо вечной и совершенной меры божественной воли, фрагменты *Корана* были созданы по усмотрению Мухаммеда; каждое откровение соответствует чрезвычайным обстоятельствам его политики или страсти; и все противоречия устраняются спасительной максимой, что любой текст Писания отменяется или изменяется любым последующим отрывком. Слова Бога и апостола были тщательно записаны его учениками на пальмовых листьях и лопатках бараньих; и страницы, без порядка и связи, были брошены в домашний сундук, который хранила одна из его жен.

Через два года после смерти Мухаммеда священный том был собран и опубликован его другом и преемником Абу Бекром. Работа была пересмотрена халифом Османом в тридцатый год хиджры; и различные издания *Корана* утверждают ту же чудесную привилегию единого и неподкупного текста. В духе энтузиазма или тщеславия пророк основывает истинность своей миссии на достоинствах своей книги, смело бросает вызов как людям, так и ангелам, призывая их повторить красоту одной страницы, и смело утверждает, что только Бог мог диктовать это несравненное произведение. Этот аргумент наиболее убедителен для набожного араба, чей ум настроен на веру и восторг, чей слух наслаждается музыкой звуков, а невежество не позволяет сравнивать произведения человеческого гения. Гармония и богатство стиля не дойдут до европейского неверующего; он с нетерпением будет просматривать бесконечную бессвязную рапсодию басен, наставлений и декламаций, которая редко вызывает чувство или идею, которая иногда ползет в пыли, а иногда теряется в облаках. Божественные атрибуты возвышают воображение арабского миссионера, но его самые возвышенные пассажи должны уступить место величественной простоте книги Иова, написанной в далеком веке, в той же стране и на том же языке. Если сочинение *Корана* превосходит способности человека, то какому высшему разуму мы должны приписать «Илиаду» Гомера или «*Филиппики*» Демосфена?

Во всех религиях жизнь основателя восполняет молчание его письменного откровения; изречения Мухаммеда были столькими уроками истины, его поступки — столькими примерами добродетели; а публичные и частные воспоминания были сохранены его женами и сподвижниками. По прошествии двухсот лет *сунна*, или устный закон, была закреплена и освящена трудами Аль-Бухари, который отделил 7275 преданий от массы 300 000 сообщений более сомнительного или поддельного характера. Каждый день благочестивый автор молился в храме Мекки и совершал омовение водой Земзем; страницы были последовательно помещены на амвон и гробницу апостола; и работа была одобрена четырьмя ортодоксальными сектами суннитов.

Миссия древних пророков, Моисея и Иисуса, была подтверждена многими великолепными чудесами; и жители Мекки и Медины неоднократно призывали Мухаммеда представить подобное доказательство своего божественного послания: призвать с небес ангела или свиток своего откровения, создать сад в пустыне или разжечь пожар в неверном городе. Всякий раз, когда его притесняют требования корейцев, он увлекается неясными хвастовствами о видениях и пророчествах, апеллирует к внутренним доказательствам своей доктрины и прикрывается провидением Бога, который отказывается давать те знамения и чудеса, которые умаляют достоинства веры и усугубляют вину неверности. Но скромный или гневный тон его оправданий выдаёт его слабость и раздражение; и эти скандальные отрывки подтверждают, вне всякого сомнения, целостность *Корана*.

Последователи Мухаммеда более уверены в его чудодейственных дарах, чем он сам, и их уверенность и доверчивость возрастают по мере того, как они удаляются от времени и места его духовных подвигов. Они верят или утверждают, что деревья выходили ему навстречу; что его приветствовали камни; что вода струилась из его пальцев; что он кормил голодных, исцелял больных и воскрешал мертвых; что балка стонала перед ним; что верблюд жаловался ему; что баранья лопатка сообщила ему о том, что она отравлена; и что как одушевленная, так и неодушевленная природа были одинаково подчинены апостолу Бога. Его сон о ночном путешествии серьезно описывается как реальное и телесное событие. Таинственное животное, борака, перенесло его из храма в Мекке в храм в Иерусалиме; со своим спутником Гавриилом он последовательно поднялся на семь небес и принял и ответил на приветствия патриархов, пророков и ангелов в их соответствующих обителях. За седьмым небом только Мухаммеду было позволено пройти дальше; он прошел завесу единства, приблизился на расстояние двух выстрелов из лука к трону и почувствовал холод, пронзивший его до сердца, когда его плечо коснулась рука Бога. После этой знакомой, хотя и важной беседы, он снова спустился в Иерусалим, вновь сел на борака, вернулся в Мекку и за десятую часть ночи совершил путешествие, которое длилось много тысяч лет. Согласно другой легенде, апостол опроверг на национальном собрании злобный вызов корейцев. Его непреодолимое слово разделило лунный диск; послушная планета опустилась со своего места на небе, совершила семь оборотов вокруг Каабы, поприветствовала Мухаммеда на арабском языке и, внезапно сократив свои размеры, вошла в воротник и вышла через рукав его рубашки. Простые люди развлекаются этими чудесными рассказами, но самые серьезные мусульманские ученые подражают скромности своего учителя и допускают широту веры или интерпретации. Они могут убедительно утверждать, что при проповеди религии нет необходимости нарушать гармонию природы, что вероучение, не омраченное тайнами, может быть освобождено от чудес, и что меч Мухаммеда был не менее силен, чем жезл Моисея.

АРАБСКИЙ ВОЖДЬ

Политеист угнетен и сбит с толку разнообразием суеверий; тысячи обрядов египетского происхождения переплелись с сутью закона Моисея, а дух Евангелия испарился в пышности церкви. Пророк из Мекки был соблазнен предрассудками, политикой или патриотизмом освятить обряды арабов и обычай посещения святого камня Каабы. Но сами заповеди Мухаммеда внушают более простое и рациональное благочестие; молитва, пост и милостыня являются религиозными обязанностями мусульманина; и его поощряют надеяться, что молитва приведет его на полпути к Богу, пост приведет его к дверям Его дворца, а милостыня обеспечит ему вход.

(1) Согласно преданию о ночном путешествии, апостолу в ходе личной беседы с Божеством было велено наложить на своих учеников ежедневную обязанность совершать пятьдесят молитв. По совету Моисея он обратился с просьбой об облегчении этого невыносимого бремени; число молитв было постепенно сокращено до пяти; без каких-либо исключений по делам или удовольствиям, или времени или месту, преданность верующих повторяется на рассвете, в полдень, днем, вечером и в первую ночную стражу; и в нынешнем упадке религиозного рвения наших путешественников вдохновляет глубокое смирение и внимание турок и персов. Чистота — ключ к молитве; частое омовение рук, лица и тела, которое практиковалось в древности арабами, торжественно предписывается *Кораном*; и формально разрешается использовать песок в случае нехватки воды. Слова и позы молитвы, которая совершается сидя, стоя или лежа на земле, предписываются обычаем или властью, но молитва изливается короткими и горячими возгласами; мера рвения не исчерпывается утомительной литургией, и каждый мусульманин, для себя лично, наделен характером священника. Среди теистов, которые отвергают использование изображений, было признано необходимым сдерживать блуждания воображения, направляя взгляд и мысли к *кибле*, или видимой точке на горизонте. Пророк сначала был склонен угодить евреям, выбрав Иерусалим, но вскоре вернулся к более естественной пристрастности; и пять раз в день глаза народов в Астрахани, Фесе, Дели благочестиво обращаются к святому храму в Мекке. Однако каждое место для служения Богу одинаково чисто; мусульмане без различия

молятся в своих комнатах или на улице. В отличие от иудеев и христиан, пятница в каждой неделе отведена для полезного учреждения публичного поклонения; люди собираются в мечети, и имам, какой-нибудь уважаемый старейшина, поднимается на амвон, чтобы начать молитву и произнести проповедь. Но мусульманская религия лишена священства и жертвоприношений, а независимый дух фанатизма с презрением смотрит на священников и рабов суеверий.

(2) Добровольное покаяние аскетов, мучения и слава их жизни были ненавистны пророку, который осуждал своих сподвижников за опрометчивый обет воздерживаться от плоти, женщин и сна и твердо заявлял, что не допустит монахов в своей религии. Тем не менее, он установил ежегодный тридцатидневный пост и энергично рекомендовал его соблюдение как дисциплину, очищающую душу и подчиняющую тело, как благотворное упражнение в послушании воле Бога и его апостола. В течение месяца Рамадан, от восхода до заката солнца, мусульманин воздерживается от еды, питья, женщин, купания и духов; от всякой пищи, которая может восстановить его силы, от всякого удовольствия, которое может удовлетворить его чувства. В течение лунного года Рамадан поочередно совпадает с зимними холодами и летней жарой; и терпеливый мученик, не утоляя жажду ни каплей воды, должен ждать окончания утомительного и знойного дня. Запрет на вино, свойственный некоторым орденам священников или отшельников, был преобразован только Мухаммедом в позитивный и общий закон; и значительная часть земного шара по его приказу отказалась от употребления этого полезного, хотя и опасного напитка. Эти мучительные ограничения, несомненно, нарушаются распутниками и обходятся лицемерами, но законодатель, который их ввел, не может быть обвинен в том, что он привлекает своих прозелитов потаканием их чувственным аппетитам.

(3) Милосердие мусульман распространяется на животный мир; и *Коран* неоднократно внушает, не как заслугу, а как строгий и непреложный долг, помощь бедным и несчастным. Мухаммед, пожалуй, единственный законодатель, который определил точную меру милосердия; стандарт может варьироваться в зависимости от степени и характера собственности, поскольку она состоит либо из денег, либо из зерна или скота, либо из фруктов или товаров; но мусульманин не выполняет закон, если не отдает десятую часть своего дохода; и если его совесть обвиняет его в мошенничестве или вымогательстве, десятая часть, в соответствии с идеей возмещения, увеличивается до пятой. Доброжелательность является основой справедливости, поскольку нам запрещено причинять вред тем, кому мы обязаны помогать. Пророк может раскрыть тайны небес и будущего, но в своих нравственных заповедях он может только повторять уроки наших собственных сердец.

Две статьи веры и четыре практических обязанности ислама охраняются наградами и наказаниями; и вера мусульманина благочестиво основана на событии суда и последнего дня. Пророк не взял на себя смелость определить момент этой ужасной катастрофы, хотя он мрачно предвещает знамения, как на небе, так и на земле, которые будут предшествовать всеобщему разрушению, когда жизнь будет уничтожена, а порядок творения будет смешан в первобытном хаосе. При звуке трубы начнут возникать новые миры; ангелы, джинны и люди восстанут из мертвых, и человеческая душа снова соединится с телом. Учение о воскресении впервые было принято египтянами; их мумии были забальзамированы, их пирамиды были построены, чтобы сохранить древнее жилище души в течение трех тысяч лет. Но эта попытка является частичной и бесполезной; и с более философским духом Мухаммед полагается на всемогущество Создателя, чье слово может оживить бездыханную глину и собрать бесчисленные атомы, которые больше не сохраняют свою форму или субстанцию. Трудно определить промежуточное состояние души, и те, кто наиболее твердо

верит в ее нематериальную природу, не могут понять, как она может думать или действовать без помощи органов чувств.

За воссоединением души и тела последует последний суд над человечеством; и в своей копии магической картины пророк слишком точно изобразил формы разбирательства и даже медленные и последовательные действия земного трибунала. Его нетерпимые противники упрекают его за то, что он распространяет надежду на спасение даже на них самих, за то, что он утверждает самую черную ересь — что каждый человек, который верит в Бога и совершает добрые дела, может ожидать в последний день благоприятного приговора. Такое рациональное безразличие плохо вписывается в характер фанатика; маловероятно также, чтобы посланник с небес преуменьшал ценность и необходимость своего собственного откровения. В терминологии *Корана* вера в Бога неотделима от веры в Мухаммеда; добрые дела — это те, которые он предписал; и эти два условия подразумевают исповедание ислама, к которому приглашаются все народы и все секты в равной степени. Их духовная слепота, хотя и оправдываемая невежеством и увенчанная добродетелью, будет наказана вечными мучениями; а слезы, которые Мухаммед пролил над могилой своей матери, за которую ему было запрещено молиться, демонстрируют поразительный контраст между человечностью и энтузиазмом.

Судьба неверующих одинакова; степень их вины и наказания определяется степенью доказательств, которые они отвергли, величиной ошибок, которые они допустили; вечные обитатели христиан, иудеев, сабиев, магов и идолопоклонников погружены друг под другом в бездну; а самый низкий ад предназначен для неверных лицемеров, которые надели маску религии. После того как большая часть человечества будет осуждена за свои убеждения, только истинные верующие будут судимы по своим поступкам. Добро и зло каждого мусульманина будут точно взвешены на реальных или аллегорических весах, и будет разрешен особый способ компенсации за причиненный вред; агрессор возместит эквивалент своих добрых дел в пользу человека, которому он причинил вред; и если он лишен каких-либо моральных качеств, вес его грехов будет увеличен на соответствующую долю недостатков потерпевшего. В зависимости от того, какая часть вины или добродетели будет преобладать, будет вынесен приговор, и все, без различия, пройдут по острому и опасному мосту над бездной; но невинные, следуя по стопам Мухаммеда, славно войдут в ворота рая, а виновные попадут в первый и самый мягкий из семи адов. Срок искупления будет варьироваться от девятисот до семи тысяч лет; но пророк мудро пообещал, что все его ученики, какими бы ни были их грехи, будут спасены от вечного проклятия благодаря своей вере и его заступничеству.

Неудивительно, что суеверие оказывает сильнейшее воздействие на страхи своих приверженцев, поскольку человеческое воображение может с большей энергией изобразить страдания, чем блаженство будущей жизни. С помощью двух простых элементов — тьмы и огня — мы создаем ощущение боли, которое может быть усугублено до бесконечности идеей бесконечной продолжительности. Но та же идея действует с противоположным эффектом на непрерывность удовольствия; и слишком много нашего нынешнего наслаждения получается от облегчения или сравнения со злом. Вполне естественно, что арабский пророк с восторгом останавливается на рощах, фонтанах и реках рая; но вместо того, чтобы вдохновлять благословенных обитателей на широкий вкус к гармонии и науке, беседам и дружбе, он праздно восхваляет жемчуг и бриллианты, шелковые одежды, мраморные дворцы, золотые блюда, богатые вина, искусственные деликатесы, многочисленных слуг и всю череду чувственной и дорогой роскоши, которая становится безвкусной для ее обладателя даже в короткий период этой смертной жизни. Семьдесят две гурии, или черноглазые девушки, обладающие великолепной красотой, цветущей молодостью, девственной чистотой и изысканной чувственностью, будут созданы для

использования самым скромным верующим; мгновение удовольствия будет продлено до тысячи лет, а его способности будут увеличены в сто раз, чтобы сделать его достойным своего счастья.

Несмотря на вульгарные предрассудки, врата рая будут открыты для обоих полов; но Мухаммед не уточнил, кто будет сопровождать избранных женщин, чтобы не вызвать ревность их бывших мужей и не нарушить их счастье подозрением о вечном браке. Этот образ плотского рая вызвал возмущение, а может быть, и зависть монахов; они выступают против нечистой религии Мухаммеда, а его скромные апологеты вынуждены прибегать к жалким оправданиям в виде образов и аллегорий. Но более здравомыслящая и последовательная часть без стыда придерживается буквального толкования *Корана*; воскресение тела было бы бесполезным, если бы оно не было восстановлено в обладании и использовании своих самых ценных способностей; а союз чувственных и интеллектуальных наслаждений необходим для полноты счастья двойственного животного, совершенного человека. Однако радости мусульманского рая не будут ограничиваться потаканием роскоши и аппетитам; пророк прямо заявил, что все более низкие удовольствия будут забыты и презираемы святыми и мучениками, которые будут допущены к блаженству божественного видения.

Таланты Мухаммеда заслуживают нашего восхищения, но его успех, возможно, слишком сильно привлек наше восхищение. Удивляемся ли мы, что множество прозелитов приняло учение и страсти красноречивого фанатика? В ересях церкви то же самое соблазнение испытывалось и повторялось со времен апостолов до времени реформаторов. Разве невероятно, что частный гражданин может взять в руки меч и скипетр, покорить свою родную страну и установить монархию с помощью своих победоносных войск? В движущейся картине династий Востока сотни удачливых узурпаторов, происходивших из низших слоев общества, преодолевали более грозные препятствия и завоевывали более обширные империи.

Мухаммед был обучен проповедовать и сражаться, и союз этих противоположных качеств, усиливая его достоинства, способствовал его успеху; сила и убеждение, энтузиазм и страх постоянно воздействовали друг на друга, пока все преграды не уступили их непреодолимой силе. Его голос призывал арабов к свободе и победе, к оружию и грабежам, к удовлетворению их любимых страстей в этом мире и в другом; ограничения, которые он налагал, были необходимы для установления авторитета пророка и обеспечения послушания народа; и единственным препятствием его успеху было его рациональное вероучение о единстве и совершенстве Бога.

Наше удивление вызывает не распространение, а постоянство его религии; то же чистое и совершенное впечатление, которое он произвел в Мекке и Медине, сохранилось после революций двенадцати веков индийскими, африканскими и турецкими прозелитами *Корана*. Если бы христианские апостолы, святой Петр или святой Павел, могли вернуться в Ватикан, они, возможно, спросили бы имя божества, которому поклоняются с помощью таких таинственных обрядов в этом великолепном храме; в Оксфорде или Женеве они были бы менее удивлены, но им все равно пришлось бы внимательно изучить катехизис церкви и изучить православные комментарии к своим собственным писаниям и словам своего учителя. Но турецкий купол Святой Софии, с его увеличенным великолепием и размерами, представляет собой скромный скинию, воздвигнутую в Медине руками Мухаммеда. Мусульмане единодушно противостояли искушению свести объект своей веры и преданности к уровню человеческих чувств и воображения. «Я верю в единого Бога и Мухаммеда, апостола Бога» — таково простое и неизменное исповедание ислама. Интеллектуальный образ Божества никогда не был унижен каким-либо видимым идолом;

почести пророка никогда не превышали меру человеческой добродетели; а его живые наставления сдерживали благодарность его учеников в пределах разума и религии. Последователи Али действительно освятили память своего героя, его жены и детей, а некоторые персидские доктора утверждают, что божественная сущность воплотилась в лице имамов; но их суеверие повсеместно осуждается суннитами, а их нечестие послужило своевременным предупреждением против поклонения святым и мученикам.

Метафизические вопросы о свойствах Бога и свободе человека обсуждались в школах мусульман, как и в школах христиан, но среди первых они никогда не вызывали страстей у народа и не нарушали спокойствие государства. Причина этого важного различия может быть найдена в разделении или объединении царских и священнических функций. В интересах халифов, преемников пророка и полководцев верующих, было подавлять и пресекать все религиозные нововведения; порядок, дисциплина, мирские и духовные амбиции духовенства неизвестны мусульманам, а мудрецы закона являются проводниками их совести и оракулами их веры. От Атлантики до Ганга *Коран* признается в качестве основополагающего кодекса не только теологии, но и гражданского и уголовного права; а законы, регулирующие поступки и собственность человечества, охраняются непогрешимой и неизменной санкцией воли Бога. Это религиозное рабство сопровождается некоторыми практическими неудобствами; неграмотный законодатель часто вводился в заблуждение собственными предрассудками и предрассудками своей страны; а институты аравийской пустыни могут быть плохо приспособлены к богатству и численности населения Исфахана и Константинополя. В таких случаях кади с почтением кладет на голову священную книгу и заменяет ее ловким толкованием, более соответствующим принципам справедливости, нравам и политике того времени.

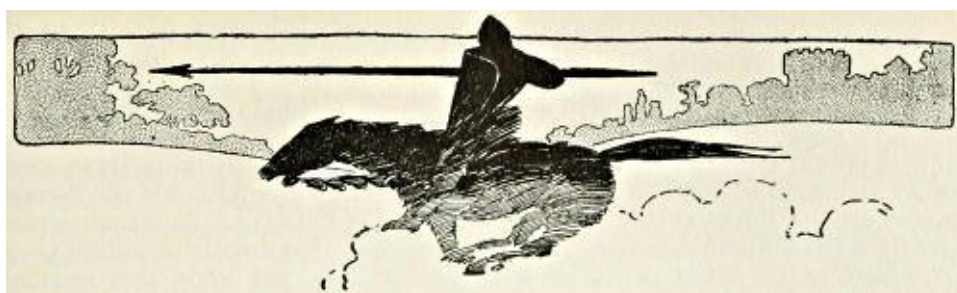
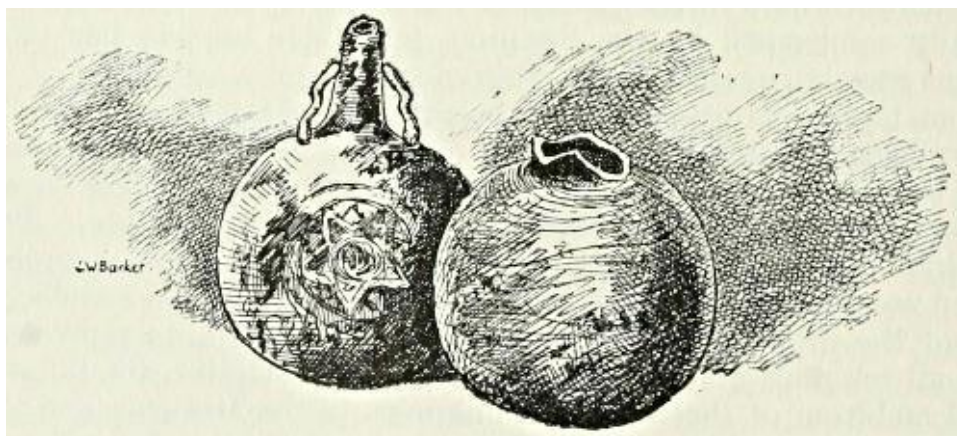
Его благотворное или пагубное влияние на общественное счастье является последним соображением в характере Мухаммеда. Самые ярые или самые фанатичные из его христианских или иудейских врагов, несомненно, признают, что он взял на себя ложное поручение внушать благотворную доктрину, уступающую по совершенству только их собственной. Он благочестиво полагал, что основой его религии являются истина и святость их предшествующих откровений, добродетели и чудеса их основателей. Идолы Аравии были разбиты перед престолом Бога; кровь человеческих жертв искупалась молитвами, постом и милостыней, похвальными или невинными проявлениями преданности; а его награды и наказания в будущей жизни были изображены образами, наиболее близкими невежественному и плотскому поколению. Мухаммед, возможно, был неспособен диктовать моральную и политическую систему для использования своими соотечественниками; но он вдохнул в верующих дух милосердия и дружбы, рекомендовал практику социальных добродетелей и сдерживал своими законами и заповедями жажду мести и угнетение вдов и сирот. Враждебные племена были объединены верой и послушанием, а доблесть, которая раньше бездельно тратилась на внутренние распри, теперь энергично направлялась против внешнего врага. Если бы этот импульс был менее сильным, Аравия, свободная внутри страны и грозная за ее пределами, могла бы процветать под властью своих родных монархов. Ее суверенитет был утрачен из-за масштабов и быстроты завоеваний. Колонии нации были разбросаны по Востоку и Западу, и их кровь смешалась с кровью их обращенных и пленников. После правления трех халифов трон был перенесен из Медины в долину Дамаска и на берега Тигра; святые города были осквернены безбожной войной; Аравия управлялась жезлом подданного, возможно, чужеземца; а бедуины пустыни, пробудившись от своей мечты о господстве, вернулись к своей прежней одинокой независимости.^{[d](#)}

СНОСКИ

[31] [Мьюир^e и другие источники сообщают, что Хамзе вырезали печень и принесли ее Хинд; это было сделано потому, что он убил ее отца в битве при Бедре.]

[32] [Крепость.]

[33] [Динара — золотая монета. Ее первоначальный вес составлял 65,4 тройских грана.]

ГЛАВА V. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА

АБУ БЕКР, ПЕРВЫЙ ХАЛИФ ПОСЛЕ МУХАММАДА

[632-661 гг. н. э.]

Мухаммед, основатель Сарацинской империи, умер в Медине в понедельник, 8 июня 632 года н. э., в двадцать втором году правления греческого императора Ираклия. После его смерти следующей задачей было назначение преемника, и действительно было очень важно найти его как можно скорее. Их правительство и религия находились в зачаточном состоянии, и многие последователи Мухаммеда не были фанатиками, еще не забыв своими древними правами и обычаями, а скорее вынужденные отказаться от них из страха, чем из-за каких-либо убеждений, дела находились в таком положении, что ни в коем случае не допускали перерыва в правлении. Поэтому в тот же день, когда он скончался, мусульмане собрались, чтобы избрать халифа или преемника. На этом собрании едва не произошла такая драка, которая, по всей вероятности, могла бы серьезно угрожать, если не полностью

разрушить, эту новую религию и государственный строй, если бы Омар и Абу Бакр не вмешались вовремя. Поскольку пророк не оставил никаких четких указаний относительно преемника, или, по крайней мере, никаких, которые были бы известны кому-либо, кроме его жен, которые, по всей вероятности, могли скрыть их из-за своей пристрастности в пользу Омара, между жителями Мекки и Медины разгорелся горячий спор.

Наконец, Умар, устав и не видя возможности решить этот вопрос, был готов сдаться и попросил Абу Бекра подать ему руку, что тот и сделал, и Умар поклялся ему в верности. Остальные последовали его примеру, и с согласия обеих сторон Абу Бакр был наконец провозглашен халифом и, будучи признан законным преемником пророка Мухаммеда, стал абсолютным судьей по всем делам, как священным, так и гражданским. Таким образом, после долгих споров, наконец, было урегулировано разногласие, которое могло оказаться фатальным для ислама. И, безусловно, было большой оплошностью со стороны Мухаммеда, что за все время своей болезни он так и не назвал преемника однозначно и публично. Если бы он это сделал, то, без сомнения, его авторитет решил бы вопрос и предотвратил бы беспорядки, которые могли поставить под угрозу религию, которую он с таким трудом и риском основал.

Теперь, хотя власть фактически перешла к Абу Бакру, не все стороны были одинаково удовлетворены, поскольку многие считали, что право на престол принадлежит Али, сыну Абу Талиба. По этой причине мусульмане с тех пор разделились: одни утверждают, что Абу Бакр, а также Омар и Османа, пришедшие после него, были законными и правомерными преемниками пророка, а другие полностью отвергают их как узурпаторов и постоянно отстаивают право Али. Первого мнения сегодня придерживаются турки, второго — персы. И в результате разница между этими двумя народами такова, что, несмотря на их согласие во всех других вопросах их суеверий, по этому поводу они относятся друг к другу как к самым проклятым еретикам. Али имел то преимущество, что он был двоюродным братом Мухаммеда и первым принял его религию, за исключением его жены Хадиджи и его раба Зайда, а кроме того, был зятем Мухаммеда, женившись на его дочери Фатиме. Абу Бакр был тестем Мухаммеда, который так уважал его, что дал ему прозвище Ас-Сиддик (что в переводе с арабского означает «великий проповедник истины»), потому что он решительно утверждал правдивость истории, которую Мухаммед рассказал о своем ночном путешествии на небеса.

Али не присутствовал на этих выборах, и когда он услышал эту новость, то был недоволен, так как надеялся, что выбор падет на него. Абу Бакр послал Омара в дом Фатимы, где находились Али и некоторые из его друзей, с приказом принудить их силой войти и присягнуть ему на верность, если их не удастся убедить мирными средствами. Омар как раз собирался поджечь дом, когда Фатима спросила его, что он имеет в виду. Он ответил ей, что обязательно сожжет дом, если они не согласятся поступить так же, как остальные люди. После этого Али вышел и пошел к Абу Бакру, признав его власть.

Абу Бакр, таким образом, утвердившись в своей новой власти, имел достаточно работы, чтобы ее сохранить, ибо мусульманская религия еще не укоренилась в сердцах людей настолько, чтобы они не хотели от нее избавиться, если бы знали, как это сделать. Соответственно, арабы, народ с беспокойным и буйным нравом, не упустили возможности восстать, которую, по их мнению, им предоставила смерть Мухаммеда. Немедленно взяв в руки оружие, они отказались платить обычные дани, десятину и милостыню и перестали соблюдать обряды и обычаи, навязанные им Мухаммедом.

Абу Бакр послал Халида ибн аль-Валида с армией в четыре тысячи пятьсот человек, который, разгромив их в сражении, унес большую добычу и обратил их детей в рабство.

Халид был лучшим полководцем своего времени, и именно его мужеству и поведению сарацины обязаны подавлением мятежников, завоеванием Сирии и установлением своей религии и политического устройства. Его любовь и нежность по отношению к своим солдатам были равны только его ненависти и отвращению к врагам мусульманской религии. Он дал яркие примеры и того, и другого. Для тех, кто, приняв мусульманскую религию, впоследствии отступил от нее, он был непримиримым и неумолимым врагом; он не щадил их, даже если они проявляли самые явные признаки искреннего раскаяния. За его великую доблесть арабы называли его «Мечом Божьим»; это прозвище было известно и его врагам и упоминается как греческими, так и арабскими авторами.

Примерно в это же время несколько человек, видя успех и процветание Мухаммеда и его последователей, также провозгласили себя пророками в надежде встретить такую же удачу и прославиться в мире. Такими самозванцами были Асвад аль-Анси и Тулайха бен Хувайлид, а также несколько других, чьи попытки, однако, быстро закончились ничем. Но самым значительным из этих самозванцев был Мусайлима, который был соперником Мухаммеда еще при его жизни и сочинил книгу, подражая *Корану*. К этому времени он собрал вокруг себя значительную группу людей в Йемене, провинции Аравии, и стал настолько грозным, что мусульмане начали опасаться его растущего могущества.

Странно и удивительно, как из таких скромных и презренных начал за короткое время возникают величайшие вещи. Ярким примером этого является империя сарацин. Если мы оглянемся назад всего на одиннадцать лет, то увидим, как Мухаммед, неспособный отстоять свое дело, разгромленный и угнетенный могущественной партией корейшитов в Мекке, бежал с несколькими унылыми последователями в Медину, чтобы спасти свою жизнь и свое самозванство. А теперь, за столь короткий период, мы видим, что дела его преемника процветают сверх всяких ожиданий и делают его ужасом для всех соседей; а сарацины не только способны удержать власть над своим полуостровом Аравия, но и распространить свою власть на территории, превосходящие по размеру те, что когда-либо подчинялись самим римлянам. Пока они были заняты в Аравии, греческий император не обращал на них особого внимания, но пробудился слишком поздно, когда увидел, как они хлынули на него, как поток, и сметают все на своем пути. Гордый перс, который еще совсем недавно господствовал в Сирии и разграбил Иерусалим и Дамаск, был вынужден не только расстаться со своими владениями, но и подчинить свою шею сарацинскому игу. Можно с уверенностью предположить, что если бы Греческая империя находилась в том процветающем состоянии, в котором она была раньше, сарацины были бы, по крайней мере, сдержаны, если не полностью уничтожены. Но помимо того, что западная часть империи была отторгнута от нее варварскими готами, восточная часть также подверглась стольким ударам со стороны гуннов с одной стороны и персов с другой, что она не была в состоянии противостоять ярости этого мощного вторжения. Ираклий, безусловно, был правителем, обладавшим замечательной храбростью и умением, и сделал все возможное, чтобы восстановить дисциплину в армии, и добился больших успехов в борьбе с персами, не только изгнав их из своих владений, но даже отвоевав у них часть их собственных территорий. Но империя, казалось, страдала от неизлечимой болезни и была ранена в самое сердце. Никакое время не могло быть более фатально неблагоприятным для ее сохранения и более благоприятным для предприятий сарацин.

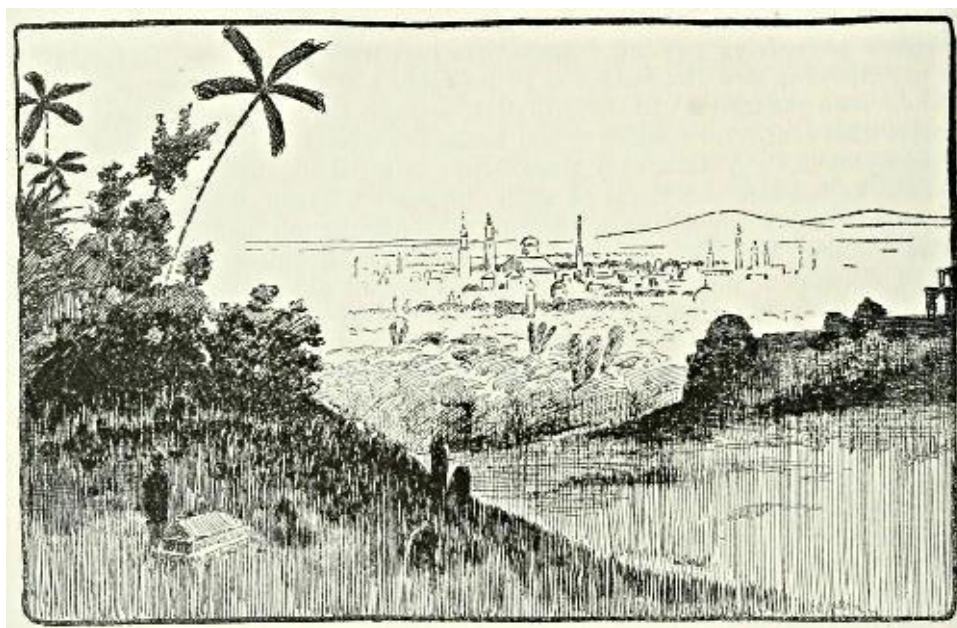
Абу Бакр теперь привел дела в стране в довольно хороший порядок. Вероотступники, которые после смерти Мухаммеда вернулись к идолопоклонству, в котором они родились и выросли, были вновь подчинены. Силы Мусаилимы, лжепророка, были рассеяны, а сам он

убит, и теперь в Аравии оставалось сделать мало или ничего. Хотя там проживало много арабов-христиан, в частности племя Гассан, они в основном служили греческому императору. Следующим делом, которое халиф должен был сделать в соответствии с духом своей религии, было вести войну со своими соседями для распространения истины (так они называют свое суеверие) и заставить их либо стать мусульманами, либо платить дань. Их пророк Мухаммед дал им очень широкие, даже неограниченные полномочия вести войну, *а именно* до тех пор, пока все люди не примут его религию. Войны, которые велись в исполнение этого повеления, они называют священными войнами, и это не более абсурдно, чем то, что мы сами называем священными войны, которые когда-то вели против них европейцы. С этой религиозной целью Абу Бакр в это время послал под командованием Халида в Ирак или Вавилонию небольшие силы (), но его самым большим желанием была Сирия, эта восхитительная, приятная и плодородная страна, расположенная недалеко от Аравии, которая казалась ему очень удобной.

[633-634 гг. н. э.]

Весть о его приготовлениях быстро дошла до императора Ираклия, который с максимальной скоростью отправил войска, чтобы остановить продвижение сарацин, но без успеха: генерал с 1200 своими людьми был убит на поле битвы, а остальные разгромлены, при этом арабы потеряли только 120 человек. За этим последовал ряд стычек, в большинстве из которых христиане потерпели поражение.^{[b](#)}

Дамаск был осажден в течение нескольких месяцев, и все вылазки жителей были жестоко подавлены. Ираклий, находившийся в Антиохии, послал на помощь большую армию под командованием Вердана. Халид, сняв осаду, вышел ему навстречу.^{[a](#)}

ДАМАСК

Вскоре две армии оказались в пределах видимости друг друга, и уверенность сарацин несколько пошатнулась, когда они увидели силу императорских войск, насчитывавших не менее семидесяти тысяч человек. Те, кто бывал в Персии и видел огромные армии Хосрова, признались, что никогда не видели врага, равного нынешнему, ни по численности, ни по военной подготовке. На второе утро они двинулись вперед и сражались со всей возможной энергией. Сражение, или, скорее, резня, продолжалась до вечера. Христианская армия была

полностью разгромлена и побеждена. В тот день сарацины убили пятьдесят тысяч человек. Те, кто спасся, бежали, некоторые в Кесарию, другие в Дамаск, а некоторые в Антиохию. Сарацины захватили добычу неограниченной стоимости, а также большое количество знамен, крестов из золота и серебра, драгоценных камней, серебряных и золотых цепей, богатых одежд и бесчисленного количества оружия, которое, по словам Халида, он не будет делить, пока не будет взят Дамаск.

Сарацины, вернувшись в Дамаск, продолжали энергично наступать и подвергали жителей города очень сильным испытаниям, которые с каждым днем все хуже и хуже защищались (). Наконец, они на время попросили Халида приостановить наступление, чтобы у них было немного времени для обсуждения. Но он не внял им, поскольку предпочитал взять город силой, перебить его жителей и разграбить его, чем позволить им сдаться и получить гарантии безопасности для своих жизней и имущества. В конце концов, благодаря предательству, Халид вошел со своими сарацинами через восточные ворота и перебил всех, и христианская кровь текла по улицам Дамаска.

Халиф Абу Бакр умер в тот же день, когда был взят Дамаск,^[34] а именно в пятницу, 23 августа 634 года нашей эры. Существуют различные версии его смерти; некоторые говорят, что он был отравлен евреями, когда ел рис с Харитом бен Калдой, и что оба они умерли от этого в течение двенадцати месяцев после этого. Но Аиша говорит, что он купался в холодный день, из-за чего у него поднялась температура^[35], от которой он умер в течение пятнадцати дней.^b

Абу Бакр особенно сожалел о количестве сподвижников пророка, павших в этих походах, и, опасаясь, что откровения Мухаммеда могут быть рассеяны и утрачены, он отдал приказ собрать их в *Коран*. Позже мы будем иметь возможность отметить небрежность, с которой выполняли свою работу нанятые для этого люди; впоследствии сборник был пересмотрен во время правления халифа Османа, и вполне вероятно, что в нем есть много отрывков, сильно отличающихся от тех, которые написал Мухаммед.

Когда все было готово, халиф проинспектировал войска и издал знаменитый свод правил поведения армии; он был адресован генералу Абу Суфьяну и содержал следующие указания: «Ставьтесь к своим людям с нежностью и мягкостью. Советуйтесь со своими офицерами по всем неотложным вопросам и поощряйте их с мужеством и решимостью противостоять врагу. Если вы одержите победу, пощадите всех стариков, женщин и детей. Не вырубайте пальмы и не сжигайте поля с зерном. Пощадите все фруктовые деревья; не убивайте скот, кроме того, который необходим для вашего собственного потребления. Строго соблюдайте свои обязательства; пощадите жителей монастырей; не оскверняйте дома религиозного поклонения. Разрубите черепа тех членов синагоги сатаны, которые бреют свои головы, не давайте им пощады, если они не примут ислам или не будут платить дань».

Характер первого халифа благотворно повлиял на мусульманскую религию; хотя сторонники Али обвиняют его в амбициозности и в том, что он объединился со своей дочерью Аишей, чтобы подавить заявления пророка в пользу Али, они не отрицают его бескорыстность, справедливость и доброжелательность. До своего вступления на престол он отдал большую часть своего состояния на пропитание бедных и был публично назван пророком самым благотворительным из людей. Когда он встал во главе дел, он брал из казны только сумму, абсолютно необходимую для его ежедневного содержания; перед вступлением на престол он приказал составить точный отчет о своем личном состоянии, и после его смерти было обнаружено, что оно значительно уменьшилось. Фактически, абсолютный правитель самых богатых стран мира оставил после себя лишь одного верблюда и эфиопского раба, и даже их он завещал своему преемнику. Он продиктовал свое завещание Усмани () в следующих выражениях: «Во имя Всемилостивого Бога.—Это

последняя воля и завещание Абу Бекра бен Аби Кохафа, когда он находился в последний час этого мира и первый час следующего; час, в который неверные должны поверить, нечестивые должны убедиться в своих злых поступках, а лжецы должны говорить правду. Я назначаю Омара бен аль-Хаттаба своим преемником; поэтому слушайте его и повинуйтесь ему. Если он будет поступать правильно, он оправдает мои ожидания; в противном случае он должен будет отчитаться за свои действия. Мои намерения благи, но я не могу предвидеть будущие результаты. Однако те, кто творит зло, будут сурово отвечать за это в будущем. Прощайте. Да сопутствует вам божественная милость и благословение». Когда Абу Бакр закончил диктовать, он потерял сознание; очнувшись, он попросил Османа прочитать документ, и вскоре после этого скончался. Когда информация об этом событии дошла до Омара, он воскликнул: «Жизнь Абу Бекра была такова, что тем, кто придет после него, будет невозможно подражать его возвышенному примеру». Две пословицы, приписываемые ему, заслуживают того, чтобы быть процитированными: «Добрые поступки — надежная защита от ударов судьбы» — «Смерть — самое трудное из всего, что бывает, до того, как она наступает, и самое легкое, когда она проходит».

ХАЛИФ ОМАР

[634-644 гг. н. э.]

Омар, как и его предшественник, был уроженцем Мекки; изначально он был верблюдоводом и так и не избавился от грубости и простоватости, присущих его скромному происхождению. Сначала он был ревностным идолопоклонником и предлагал истребить всех последователей Мухаммеда; когда же он впоследствии стал мусульманином, он с таким же рвением стремился убить всех, кто не верил в пророка. Будучи жестоким при любой возможности, он не думал ни о чем, кроме убийств; о его неумолимом характере ходит бесчисленное количество анекдотов. Достаточно привести один из них. Мусульманин, имевший иск против еврея, был осужден Мухаммедом и в результате подал апелляцию в суд Омара; едва он изложил свою позицию, как Омар, вскочив со своего места, одним ударом сабли убил апеллянта, воскликнув: «Так погибнут все, кто не подчиняется решению избранного пророка Бога». Суровая справедливость, как ее интерпретируют мусульманские законы, и крайняя строгость сделали его характер более уважаемым, чем любимым. Мухаммед сказал о нем: «Истина говорит устами Омара». Он добавил, что «если бы Бог должен был послать на землю другого пророка, Омар был бы объектом его выбора».

Когда Абу Бакр сообщил Омару, что выбрал его своим преемником, Омар, смешав гордость и смирение, ответил: «Мне не нужен халифат». Абу Бакр ответил: «Но халифату нужен ты», и таким образом устранил все дальнейшие сомнения. После вступления на престол он назвал себя «халифом халифа апостола Бога», но, найдя этот титул неудобно длинным, изменил его на «командир верных»; и это впоследствии стало любимым обозначением его преемников. Когда он впервые обратился к своим подданным, он стоял на ступеньку ниже на кафедре, чем обычно делал Абу Бакр; он сообщил своим слушателям, что не взялся бы за трудную задачу управления, если бы не был полностью уверен в их намерении соблюдать закон и придерживаться чистой веры; он закончил своей речи следующими замечательными словами: «О мусульмане, я беру Бога в свидетели, что ни один из вас не будет слишком силен для меня, чтобы я пожертвовал правами слабых, и ни один не будет слишком слаб, чтобы я пренебрег правами сильных».

Как только Омар встал во главе дел, армии мусульман, казалось, приобрели десятикратную силу; и это не уменьшилось даже из-за сурового обращения, которое

доблестный Халид получил от ревнивого халифа за незначительное правонарушение. Большая часть Сирии и Месопотамии была покорена еще при жизни Абу Бекра, и теперь завоевание этих стран было завершено; древняя Персидская империя была свергнута в битве при Кадисии; Палестина, Финикия и Египет подчинились игу сарацин почти без сопротивления, и знамя пророка торжественно развевалось от песков Киренской пустыни до берегов Инда. «Во время правления Омара, — говорит Хондемир, — сарацины завоевали тридцать шесть тысяч городов, поселков и замков, разрушили четыре тысячи христианских, магических и языческих храмов и построили четырнадцать сотен мечетей».

В анналах мира нет аналогов этому рассказу; арабы были одушевлены энтузиазмом, который заставлял их презирать самые страшные препятствия; они всегда повторяли великолепную восточную поговорку, традиционно приписываемую Мухаммеду: «В тени ятаганов предвещается рай»; они искали сражения как праздник и считали опасность развлечением. Конечно, в мусульманском вероучении проявился более жестокий дух; кровавые предписания пропаганды, которые пророк высказал после того, как его власть была установлена в Медине, полностью затмили более мягкую доктрину, проповедуемую в Мекке; и даже они были превзойдены по жестокости традициями, которые, по утверждению некоторых более суровых энтузиастов, были получены от самого пророка. Абу Хорейра заявил, что он слышал от Мухаммеда: «Тот, кто умрет, не сражаясь за Бога, или кто никогда не ставил перед собой этой задачи, поистине обрекает себя на гибель своим лицемерием», а также сделал следующее необычное заявление: «Тот, кто подарит лошадь тому, кто вступит под знамя Всевышнего и будет верить в Бога и Его обещания, — поистине, и корм этой лошади, и пропитание ее всадника, и экскременты первой будут положены на чашу весов в его пользу в день суда». Добавим еще одно, сохранившееся по свидетельству Ибн Аббаса: «Есть два вида глаз, которые не уничтожит огонь ада: глаза, которые плачут, созерцая гнев Бога, и глаза, которые закрыты во время сражения за дело Бога».¹

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРСИИ

Из быстрых завоеваний сарацин естественным образом возникает предположение, что первые халифы лично командовали армиями верующих и стремились к венцу мученичества в первых рядах сражения. Мужество Абу Бекра, Омара и Османа действительно было испытано в гонениях и войнах пророка; и личная уверенность в рае, должно быть, научила их презирать удовольствия и опасности нынешнего мира. Но они взошли на престол в почтенном или зрелом возрасте и считали внутренние заботы о религии и справедливости самыми важными обязанностями правителя. За исключением присутствия Омара при осаде Иерусалима, их самыми длительными походами были частые паломничества из Медины в Мекку; и они спокойно принимали вести о победе, молясь или проповедуя перед гробницей пророка.

В лени и тщеславии дворца Дамаска последующие принцы дома Омейя были одинаково лишены качеств государственных деятелей и святых. Тем не менее, добыча неизвестных народов постоянно складывалась у подножия их трона, и равномерный подъем арабского величия следует приписывать духу нации, а не способностям ее вождей. Необходимо сделать значительное удержание за слабость их врагов. Рождение Мухаммеда счастливо совпало с самым упадочным и беспорядочным периодом в истории персов, римлян и варваров Европы; империи Траяна или даже Константина или Карла Великого отразили бы нападение обнаженных сарацин, и поток фанатизма мог бы без следа исчезнуть в песках Аравии.

В дни побед Римской республики целью сената было ограничить своих консулов и легионов одной войной и полностью подавить первого врага, прежде чем он спровоцирует

враждебность второго. Эти робкие принципы политики были пренебрежены великодушием или энтузиазмом арабских халифов. С той же энергией и успехом они вторглись в страны преемников Августа и Артаксеркса, и соперничающие монархии в одно мгновение стали добычей врага, которого они так долго привыкли презирать. Через сто лет после бегства Мухаммеда из Мекки оружие и власть его преемников простирались от Индии до Атлантического океана, охватывая различные и отдаленные провинции, которые можно объединить под названиями (1) Персия; (2) Сирия; (3) Египет; (4) Африка; и (5) Испания. В рамках этого общего деления мы можем приступить к раскрытию этих памятных событий, кратко описав отдаленные и менее интересные завоевания на Востоке и оставив более полное повествование о тех внутренних странах, которые входили в состав Римской империи.

Персидский воин средневековья

[634-637 гг. н. э.]

В первый год правления первого халифа его лейтенант Халид, меч Божий и бич неверных, продвинулся к берегам Евфрата и подчинил города Анбар и Хира. К западу от руин Вавилона племя оседлых арабов обосновалось на окраине пустыни; а Хира была резиденцией династии царей, которые приняли христианскую религию и правили более шестисот лет под покровом персидского трона. Последний из Мондаров был побежден и убит Халидом; его сын был отправлен в плен в Медину; его вельможи поклонились преемнику пророка; народ был соблазнен примером и успехом своих соотечественников; и халиф принял в качестве первых плодов иностранного завоевания ежегодную дань в размере семидесяти тысяч золотых монет. Завоеватели и даже их историки были потрясены рассветом их будущего величия.

Возмущение и страхи персов на мгновение приостановили их внутренние распри. По единодушному решению жрецов и вельмож королева Азармидохт была свергнута — шестая из преходящих узурпаторов, которые возникали и исчезали в течение трех или четырех лет

после смерти Хосрова и отступления Ираклия. Ее тиара была возложена на голову Йездегерда, внука Хосрова; и та же эпоха, которая совпадает с астрономическим периодом, зафиксировала падение династии Сасанидов и религии Зороастра. Юность и неопытность принца — ему было всего пятнадцать лет — не позволили ему вступить в опасное сражение; королевский штандарт был передан в руки его генерала Рустема; и остатки тридцати тысяч регулярных войск были увеличены, по правде или по мнению, до 120 000 подданных или союзников великого царя. Мусульмане, число которых увеличилось с двенадцати до тридцати тысяч, разбили свой лагерь на равнинах Кадесии; и их линия, хотя и состояла из меньшего числа людей, могла выставить больше солдат, чем неповоротливое войско неверных. Периоды битвы при Кадесии отличались своими особыми названиями. Первый, благодаря своевременному появлению шести тысяч сирийских братьев, был назван днем помощи. День сотрясения мог означать беспорядок в одной или, возможно, в обеих сражающихся армиях. Третий, ночной шум, получил причудливое название ночь лая, из-за несогласованных криков, которые сравнивались с нечленораздельными звуками самых свирепых животных.

Утро следующего дня определило судьбу Персии; и своевременный вихрь поднял облако пыли, обрушившееся на лица неверных. Звук оружия донесся до палатки Рустема, который, в отличие от древнего героя с таким же именем, спокойно отдыхал в прохладной тени среди багажа своего лагеря и стада мулов, груженных золотом и серебром. Услышав звук опасности, он вскочил со своего ложа, но его бегство было прервано доблестным арабом, который схватил его за ногу, отрубил ему голову, поднял ее на копье и, мгновенно вернувшись на поле битвы, посеял смерть и ужас в самых густых рядах персов. Сарацины признают потерю 7500 человек, и битва при Кадесии справедливо описывается эпитетами «упорная» и «жестокая». Знамя монархии было свергнуто и захвачено на поле боя — это был кожаный фартук кузнеца, который в древние времена поднялся на борьбу за освобождение Персии; но этот знак героической бедности был замаскирован и почти скрыт под обилием драгоценных камней. После этой победы богатая провинция Ирак или Ассирия подчинилась халифу, и его завоевания были прочно закреплены быстрым основанием Бассы, места, которое всегда контролировало торговлю и судоходство персов.

[637-651 гг. н. э.]

После поражения при Кадесии страна, пересеченная реками и каналами, могла бы стать непреодолимым барьером для победоносной кавалерии; а стены Ктесифона или Мадаина, которые выдержали тараны римлян, не поддались бы стрелам сарацин. Но бежавшие персы были охвачены верой в то, что наступил последний день их религии и империи; самые крепкие посты были оставлены из-за предательства или трусости; а царь с частью своей семьи и сокровищами бежал в Холван, у подножия Мидийских холмов. В третий месяц после битвы Саид, лейтенант Омара, без сопротивления перешел Тигр; столица была взята штурмом; беспорядочное сопротивление народа придало еще большую остроту саблям мусульман, которые с религиозным восторгом кричали: «Это белый дворец Хосрова, это обещание апостола Бога!» Голые разбойники пустыни внезапно обогатились сверх всяких надежд и представлений. В каждой комнате обнаруживались новые сокровища, спрятанные с искусством или выставленные напоказ; золото и серебро, разнообразные гардеробы и драгоценная мебель превосходили (по словам Абульфеды) всякие представления и цифры; а другой историк определяет эту неисчислимую и почти бесконечную массу невероятным подсчетом в три тысячи тысяч тысяч золотых монет. За разграблением Ктесифона последовало его запустение и постепенный упадок. Сарацины не любили воздух и расположение этого места, и Омар получил совет от своего генерала перенести столицу на западную сторону Евфрата.

В любую эпоху основание и разрушение ассирийских городов происходило легко и быстро; в стране нет камня и дерева, и самые прочные сооружения состоят из кирпичей, выпеченных на солнце и соединенных цементом из местного битума. После поражения в битве при Джалуле Йездегерд бежал из Холвана и скрыл свой позор и отчаяние в горах Фарсистана, откуда Кир спустился со своими равными и доблестными товарищами. Мужество народа пережило мужество монарха; среди холмов к югу от Экбатаны или Хамадана 150 000 персов в третий и последний раз встали на защиту своей религии и страны; и решающая битва при Нехавенде была названа арабами «победой побед» (641 г.).

География Персии мрачно описана греками и латинянами, но самые прославленные из ее городов, по-видимому, более древние, чем вторжение арабов. Захватив Хамадан и Исфахан, Касвин, Тебриз и Рей, они постепенно приблизились к берегам Каспийского моря; и ораторы Мекки могли аплодировать успеху и духу верующих, которые уже потеряли из виду Северную Медведицу и почти превзошли границы обитаемого мира. Снова повернув на запад, к Римской империи, они пересекли Тигр по мосту в Мосуле и в захваченных провинциях Армении и Месопотамии приветствовали своих победоносных братьев из сирийской армии. Из дворца Мадаина их продвижение на восток было не менее быстрым и обширным. Они продвигались вдоль Тигра и залива, проникли через горные перевалы в долину Эстахар или Персеполь и осквернили последнее святилище империи магов. Внук Хосрова был почти застигнут врасплох среди падающих колонн и изуродованных фигур, печального символа прошлого и настоящего Персии; он с ускоренной поспешностью бежал через пустыню Кирман, умолял о помощи воинственных сегестанцев и искал скромного убежища на границе турецкой и китайской власти. Но победоносная армия не чувствует усталости; арабы разделили свои силы в погоне за робким врагом, и халиф Османа пообещал правительство Хорасана первому генералу, который войдет в эту большую и густонаселенную страну, королевство древних бактрийцев. Условие было принято; награда была заслужена; знамя Мухаммеда было водружено на стенах Герата, Мероу и Балха; и успешный полководец не останавливался и не отдыхал, пока его пенная кавалерия не вкусила воды Оксуса. В условиях общественной анархии независимые правители городов и замков заключали отдельные капитуляции; условия были предоставлены или навязаны в зависимости от уважения, благоразумия или сострадания победителей; и простое исповедание веры устанавливало различие между братом и рабом. Управление Персией регулировалось фактическим учетом населения, скота и плодов земли; и этот памятник, свидетельствующий о бдительности халифов, мог бы послужить уроком для философов всех веков.

Бегство Йездегерда привело его за Оксус и до Джаксарты, двух рек, известных в древности и в наши дни, которые стекают с гор Индии к Каспийскому морю. Он был гостеприимно принят Тарханом, князем Ферганы, плодородной провинции на Джаксарты; царь Самарканда, турецкие племена Согдианы и Скифии были тронуты сетованиями и обещаниями павшего монарха; и он, приглашенный молящим посольством, заручился более прочной и мощной дружбой императора Китая. Добродетельного Тайцзуна, первого из династии Тан, можно справедливо сравнить с Антонинами Рима. Его народ наслаждался благами процветания и мира, а его власть признавали сорок четыре племени варваров из Тартарии. Его последние гарнизоны в Кашгаре и Хотене поддерживали частые контакты со своими соседями из Джаксарты и Оксуса; недавняя колония персов привнесла в Китай астрономию магов; и Тайцзун мог быть встревожен быстрым прогрессом и опасным соседством арабов. Влияние и, возможно, поставки из Китая возродили надежды Йездегерда и рвение поклонников огня; и он вернулся с армией турок, чтобы завоевать наследие своих отцов. Счастливые мусульмане, не вынимая мечей из ножен, стали свидетелями его гибели и смерти. Внук Хосрова был предан своим слугой, оскорблен мятежными жителями Мероу,

угнетен, разгромлен и преследуем своими варварскими союзниками. Он достиг берега реки и предложил свои кольца и браслеты в обмен на мгновенный переход на лодке мельника. Не зная или не чувствуя королевской беды, крестьянин ответил, что четыре драхмы серебра — это ежедневная прибыль его мельницы, и что он не прекратит работу, пока ему не возместят убытки. В этот момент колебаний и промедления последний из сасанидских царей был настигнут и убит турецкой кавалерией на девятнадцатом году своего несчастного правления. Его сын Фируз, скромный клиент китайского императора, принял должность капитана его гвардии, а магическое поклонение долгое время сохранялось колонией верных изгнанников в провинции Бухара. Его внук унаследовал царское имя, но после слабого и бесплодного предприятия он вернулся в Китай и закончил свои дни во дворце Сиган. Мужская линия Сасанидов прервалась, но пленницы, дочери Персии, были отданы завоевателям в рабство или замуж, и род халифов и имамов был облагорожен кровью их королевских матерей.

После падения Персидского царства река Оксус разделила территории сарацин и турок. Эта узкая граница была вскоре преодолена арабским духом; правители Хорасана расширяли свои последовательные вторжения; и один из их триумфов был украшен башмаком турецкой королевы, который она уронила в спешном бегстве за холмами Бухары. Но окончательное завоевание Трансоксианы, как и Испании, было отложено до славного правления бездеятельного Валида; и имя Катиба, верблюдовода, свидетельствует о происхождении и заслугах его успешного лейтенанта. В то время как один из его коллег развернул первое мусульманское знамя на берегах Инда, обширные регионы между Оксусом, Яксартом и Каспийским морем были подчинены оружием Катибы пророку и халифу. Неверным был наложен дань в размере двух миллионов золотых монет; их идолы были сожжены или разбиты; мусульманский вождь произнес проповедь в новой мечети Хварезма; после нескольких сражений турецкие орды были отброшены обратно в пустыню, а императоры Китая просили о дружбе с победоносными арабами.

До вторжения сарацин Хорезм, Бухара и Самарканд были богатыми и густонаселенными под игом северных кочевников. Взаимные потребности Индии и Европы удовлетворялись благодаря усердию согдийских купцов, а бесценное искусство превращения льна в бумагу было перенесено из мануфактур Самарканда в западный мир.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ СИРИИ

[636-637 гг. н. э.]

После завоевания Дамаска сарацины продвинулись к Гелиополису и Эмесе. В ходе войны их политика была не менее эффективна, чем их меч. С помощью коротких и отдельных перемирий они распустили союз врагов; приучили сирийцев сравнивать их дружбу с враждой; привили им идею своего языка, религии и нравов; и, путем тайных покупок, истощили склады и арсеналы городов, которые они вернулись осаждать. Они увеличили выкуп для более богатых или более упрямых; и только Халкида была обложена налогом в пять тысяч унций золота, пять тысяч унций серебра, две тысячи шелковых одежд и столько фиг и оливок, сколько могло бы погрузить пять тысяч ослов. Но условия перемирия или капитуляции были добросовестно соблюдены, и лейтенант халифа, который обещал не входить в стены пленного Баальбека, оставался спокойным и непоколебимым в своей палатке, пока враждующие фракции не обратились за посредничеством к иностранному господину. Завоевание равнины и долины Сирии было завершено менее чем за два года. Однако полководец верных упрекнул их в медлительности, и сарацины, оплакивая свою

вину слезами ярости и раскаяния, громко призывали своих вождей вести их на битвы Господа.

САРАЦИНСКИЙ ГЛАЗУРОВАННЫЙ КУВШИН И ЛАМПА

Сарацины были вынуждены приложить все свои силы и энтузиазм против войск императора, который после неоднократных поражений понял, что бродяги из пустыни начали и скоро завершат регулярное и постоянное завоевание. Из провинций Европы и Азии восемьдесят тысяч солдат были переправлены по морю и суше в Антиохию и Кесарию; легкие войска армии состояли из шестидесяти тысяч христиан-арабов из племен Гассана. В окрестностях Босры источники горы Хермон спускаются бурным потоком на равнину Декаполис, или десять городов; а Иеромакс, название которого было искажено до Йермук, теряется после короткого течения в озере Тивериас. Берега этого малоизвестного потока прославились благодаря долгому и кровопролитному сражению. В этот знаменательный момент общественное мнение и скромность Абу Убайды вернули командование наиболее достойному из мусульман. Халид занял свое место впереди, его коллега был размещен сзади, чтобы беспорядок беглецов мог быть сдержан его почтенным видом и видом желтого знамени, которое Мухаммед развернул перед стенами Хайбара.

Последнюю линию занимала сестра Дерара с арабскими женщинами, которые вступили в эту священную войну, умели владеть луком и копьем и в момент плена защищали свою целомудрие и религию от необрезанных насильников. Наставления генералов были краткими и убедительными: «Рай перед вами, а дьявол и адский огонь позади». Однако сила римской кавалерии была настолько велика, что правое крыло арабов было разбито и отделено от основной части войска. Трижды они отступали в беспорядке, и трижды их заставляли вернуться в атаку упреки и удары женщин. Четыре тысячи тридцать мусульман () были похоронены на поле битвы, а мастерство армянских лучников позволило семистам похвастаться тем, что они потеряли глаз в этой достойной службе. Ветераны сирийской войны признали, что это был самый тяжелый и самый неопределенный из дней, которые они видели. Но он был также самым решающим; многие тысячи греков и сирийцев пали от мечей арабов; многие были убиты после поражения в лесах и горах; многие, ошибившись в выборе брода, утонули в водах Ермука; и как бы ни преувеличивались потери, христианские писатели признают и оплакивают кровавое наказание за свои грехи.

После битвы при Ермуке римская армия больше не появлялась на поле боя, и сарацины могли спокойно выбрать среди укрепленных городов Сирии первую цель для своего нападения. Они посоветовались с халифом, следует ли им идти на Кесарию или Иерусалим, и совет Али определил немедленную осаду последнего. Для непосвященного глаза Иерусалим был первой или второй столицей Палестины, но после Мекки и Медины он почитался и посещался набожными мусульманами как храм Святой Земли, освященный откровениями Моисея, Иисуса и самого Мухаммеда.

Осада Иерусалима длилась четыре месяца; ни один день не прошел без каких-либо вылазок или атак; военные машины непрерывно действовали с крепостных валов, а суровые условия зимы были еще более мучительными и разрушительными для арабов. Христиане в конце концов уступили настойчивости осаждающих. Патриарх Софроний появился на стенах и через переводчика потребовал переговоров. После тщетной попытки отговорить наместника халифа от его безбожного предприятия, он предложил от имени народа справедливую капитуляцию с необычным условием, что статьи о безопасности должны быть ратифицированы самим Омаром. Этот вопрос обсуждался на совете в Медине; святость места и совет Али убедили халифа удовлетворить желания своих солдат и врагов, и простота путешествия Омара более прославлена, чем королевские парады тщеславия и угнетения. Завоеватель Персии и Сирии ехал на красном верблюде, который, кроме него самого, нес мешок с зерном, мешок с финиками, деревянную посуду и кожаную бутылку с водой. По его приказу земля храма Соломона была подготовлена для основания мечети; и во время десятидневного пребывания он урегулировал настоящее и будущее состояние своих сирийских завоеваний. Медина могла бы позавидовать, опасаясь, что халиф задержится из-за святости Иерусалима или красоты Дамаска, но ее опасения развеялись его быстрым и добровольным возвращением к могиле апостола.

Чтобы завершить сирийскую войну, халиф сформировал две отдельные армии: отборный отряд под командованием Амру и Язида остался в лагере в Палестине, а более крупное подразделение под знаменем Абу Убайды и Халида двинулось на север, к Антиохии и Алеппо. Замок Алеппо, отдельный от города, возвышался на высоком искусственном холме, его стороны были обрывистыми и облицованы тесаным камнем. После потери трех тысяч человек гарнизон все еще был способен защищаться. В ходе четырех-пятимесячной осады, самой тяжелой в сирийской войне, большое количество сарацин было убито и ранено. На призыв полководца верных не сдаваться ответили добровольцы из всех племен Аравии, которые прибыли в лагерь на лошадях или верблюдах. Среди них был Дамес, родом из рабского сословия, но гигантского роста и бесстрашного характера. В самый темный час ночи он взобрался на наиболее доступную высоту, место, где камни были менее целыми, склон менее отвесным, а охрана менее бдительной. Семь самых крепких сарацин взобрались друг на друга, и вес колонны поддерживался широкой и мускулистой спиной гигантского раба.

Первые в этом мучительном восхождении смогли ухватиться за нижнюю часть зубцов и подняться наверх; они беззвучно закололи и сбросили с собой часовых; и тридцать братьев, повторяя благочестивую молитву: «О апостол Божий, помоги нам и избавь нас!», были поочередно подтянуты за длинные складки своих тюбанов. Они одолели стражу, отперли ворота, опустили подъемный мост и защищали узкий проход до тех пор, пока с рассветом не прибыл Халид, избавивший их от опасности и обеспечивший их победу. После потери этого важного поста и поражения последней римской армии роскошная Антиохия задрожала и подчинилась. Ее безопасность была выкуплена тремястами тысячами золотых монет, но трон преемников Александра, резиденция римского правительства на Востоке, который был украшен Цезарем титулами свободного, святого и неприкосновенного, был понижен под игом халифов до второстепенного ранга провинциального города.

Потеря Дамаска и Иерусалима, кровавые поля Айзнадина и Йермука, в некоторой степени могут быть приписаны отсутствию или неправомерным действиям правителя. Вместо того, чтобы защищать гробницу Христа, он втянул церковь и государство в метафизическую полемику за единство своей воли; и пока Ираклий короновал потомков своего второго брака, он был безропотно лишен самой ценной части их наследства. В соборе Антиохии, в присутствии епископов, у подножия распятия, он оплакивал грехи принца и народа, но его исповедь показала миру, что сопротивляться суду Божьему было тщетно и, возможно,

безбожно. Сарацины были непобедимы по сути, поскольку они были непобедимы в глазах людей. Попрощавшись навсегда с Сирией, Ираклий тайно отплыл с несколькими слугами и освободил своих подданных от веры. С севера и юга сарацинские войска из Антиохии и Иерусалима продвигались вдоль побережья, пока их знамена не соединились под стенами финикийских городов; Триполис и Тир были преданы; и флот из пятидесяти транспортных судов, которые без подозрений вошли в захваченные гавани, доставил в лагерь сарацин своевременные поставки оружия и провианта. Их труды были завершены неожиданной капитуляцией Кесарии. Остальная часть провинции, Рамла, Птолемаис или Акко, Наблус или Неаполь, Газа, Аскалон, Беритус, Сидон, Габала, Лаодикия, Апамея, Иераполис, больше не осмеливались оспаривать волю завоевателя, и Сирия склонилась под скипетром халифов через семьсот лет после того, как Помпей лишил власти последнего из македонских царей.

Осады и сражения шести кампаний унесли жизни многих тысяч мусульман. Они умерли с репутацией и радостью мучеников; и простота их веры может быть выражена словами арабского юноши, когда он в последний раз обнял свою сестру и мать: «Это не деликатесы Сирии или блеклые удовольствия этого мира побудили меня посвятить свою жизнь делу религии. Но я ищу благосклонности Бога и его апостола; и я слышал от одного из сподвижников пророка, что души мучеников будут жить в телах зеленых птиц, которые будут вкушать плоды и пить из рек рая. Прощайте, мы снова встретимся среди рощ и фонтанов, которые Бог уготовил для своих избранных».

Более удачливые арабы, которые пережили войну и сохранили веру, были удержаны своим воздержанным вождем от злоупотребления процветанием. После трехдневного отдыха Абу Убайда вывел свои войска из пагубного заражения роскошью Антиохии и заверил халифа, что их религия и добродетель могут быть сохранены только благодаря жесткой дисциплине бедности и труда. Год их триумфа был отмечен гибелью людей и скота; двадцать пять тысяч сарацин были вырваны из владений Сирии. Смерть Абу Убайды могла быть оплакана христианами, но его братья вспомнили, что он был одним из десяти избранных, которых пророк назвал наследниками рая. Халид пережил своих братьев примерно на три года; могила Меча Божьего находится недалеко от Эмесы. Его доблесть, которая основала в Аравии и Сирии империю халифов, укреплялась верой в особое провидение; и пока он носил шапку, освященную Мухаммедом, он считал себя неуязвимым среди стрел неверных.

[637-640 гг. н. э.]

Место первых завоевателей заняло новое поколение их детей и соотечественников; Сирия стала резиденцией и опорой дома Омейядов; доходы, солдаты и корабли этого могущественного королевства были посвящены расширению империи халифов со всех сторон. Но сарацины презирают излишнюю славу, и их историки едва ли удостаивают упоминания второстепенные завоевания, которые теряются в блеске и стремительности их победоносной карьеры. К северу от Сирии они прошли гору Тавр и подчинили себе провинцию Киликию с ее столицей Тарсом, древним памятником ассирийских царей. За вторым хребтом тех же гор они распространили пламя войны, а не свет религии, до берегов Эвксинского моря и окрестностей Константинополя. На востоке они продвинулись к берегам и истокам Евфрата и Тигра; долгое время оспариваемая граница между Римом и Персией была навсегда разрушена; стены Эдессы и Амиды, Дары и Нисибиса, которые сопротивлялись оружию и машинам Сапора или Нуширвана, были сровнены с землей; и святой город Абгара мог тщетно предъявлять письмо или образ Христа неверующему завоевателю. На западе Сирийское царство ограничивается морем; и разрушение Арада, небольшого острова или полуострова на побережье, было отложено на десять лет. Но холмы Ливана были богаты лесом; торговля Финикии была многолюдна моряками; и флот из семнадцати сотен барок был оснащен и укомплектован местными жителями пустыни. Императорский флот римлян бежал от них от скал Памфилии до Геллеспонта; но дух императора, внука Ираклия, был сломлен еще до сражения сном и каламбуром. Сарацины стали хозяевами моря, и острова Кипр, Родос и Киклады подвергались их грабительским набегам. За триста лет до нашей эры памятная, хотя и безуспешная осада Родоса Деметрием снабдила эту морскую республику материалами и предметом для трофея. Гигантская статуя Аполлона, или солнца, высотой в семьдесят локтей, была возведена у входа в гавань как памятник свободе и искусству Греции. Простояв пятьдесят шесть лет, Колосс Родосский был разрушен землетрясением, но массивный ствол и огромные обломки пролежали на земле в течение восьми веков и часто описываются как одно из чудес древнего мира. Они были собраны стараниями сарацин и проданы еврейскому купцу из Эдессы, который, как говорят, загрузил девятьсот верблюдов весом латунного металла: огромный вес, хотя мы должны включить сотню колоссальных фигур и три тысячи статуй, которые украшали процветание города солнца.

ЗАХВАТ ЕГИПТА (639 г. н. э.)

[639-654 гг. н. э.]

Завоевание Египта можно объяснить характером победоносного сарацина, одного из первых в своем народе в эпоху, когда даже самый скромный из братьев был возвышен над своей природой духом энтузиазма. Амру был рожден в бедности, но при этом был выдающимся человеком; его разум или его интересы заставили его отказаться от поклонения идолам; он бежал из Мекки со своим другом Халидом, и пророк Медины в тот же момент получил удовлетворение, приняв двух самых стойких поборников своего дела. Его заслуги не были упущены из виду первыми двумя преемниками Мухаммеда; они были обязаны его оружию завоеванием Палестины; и во всех сражениях и осадах Сирии он соединял в себе характер вождя и доблесть отважного солдата.

Из своего лагеря в Палестине Амру удивил или предвосхитил решение халифа о вторжении в Египет. Великодушный Омар доверял своему Богу и своему мечу, который

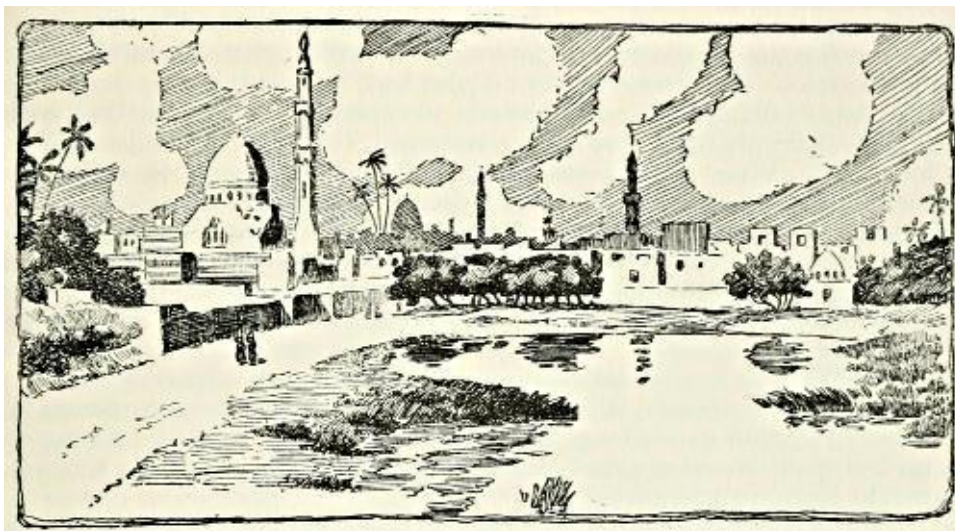
потряс троны Хосрова и Цезаря; но когда он сравнил скромные силы мусульман с величием предприятия, он осудил свою собственную опрометчивость и прислушался к своим робким товарищам. Во главе всего лишь четырех тысяч арабов бесстрашный Амру выступил из своего лагеря в Газе, когда его догнал гонец Омара. «Если ты все еще в Сирии, — гласил двусмысленный приказ, — немедленно отступай; но если к моменту получения этого письма ты уже достиг границ Египта, смело продвигайся вперед и полагайся на помощь Бога и своих братьев». Опыт, а может быть, и тайная разведка, научили Амру подозревать изменчивость дворов, и он продолжил свой поход, пока его палатки не были бесспорно разбиты на египетской земле. Там он собрал своих офицеров, вскрыл печать, внимательно прочитал письмо, серьезно поинтересовался названием и расположением места и заявил о своей готовности подчиниться приказам халифа.

После тридцатидневной осады он захватил Фарму или Пелузий, и этот ключ к Египту, как его справедливо называли, открыл вход в страну вплоть до руин Гелиополиса и окрестностей современного Каира.

На западном берегу Нила, недалеко к востоку от пирамид и к югу от дельты, Мемфис, окружностью в 150 стадий, демонстрировал великолепие древних царей. Осада затянулась на семь месяцев, и опрометчивые захватчики оказались в окружении и под угрозой наводнения Нила. Их последний штурм был смелым и успешным: они преодолели ров, укрепленный железными кольями, применили лестницы, вошли в крепость с криком «Бог победил!» и прогнали остатки греков к их кораблям и на остров Руда. Впоследствии это место было рекомендовано завоевателю из-за удобного сообщения с заливом и Аравийским полуостровом; руины Мемфиса были заброшены; палатки арабов были преобразованы в постоянные жилища, и первая мечеть была освящена присутствием восьмидесяти сподвижников Мухаммеда. В их лагере на восточном берегу Нила возник новый город. Но название Каир, город победы, более точно относится к современной столице, основанной в X веке фатимидскими халифами. Он постепенно отошел от реки, но внимательный глаз может проследить непрерывность застройки от памятников Сесостриса [Рамсеса II] до памятников Саладина.

Однако арабы, после славного и прибыльного предприятия, должны были бы отступить в пустыню, если бы не нашли мощного союзника в сердце страны.

Преследования императоров превратили секту в нацию и отдалили Египет от их религии и правительства. Сарацины были приняты как освободители яковитской церкви, и во время осады Мемфиса между победоносной армией и народом рабов был заключен тайный и эффективный договор. Богатый и знатный египтянин по имени Мукавкас скрывал свою веру, чтобы получить управление своей провинцией; в беспорядках Персидской войны он стремился к независимости; посольство Мухаммеда поставило его в ряд принцев, но он отклонил предложение о новой религии, сопровождая отказ богатыми подарками и двусмысленными комплиментами.

Каир

Во время своей первой встречи с Амру он без возмущения выслушал обычное требование *Корана* — дань или меч — и с радостью согласился платить дань и подчиняться его мирским преемникам. Дань была установлена в размере двух золотых монет с головы каждого христианина, но старики, монахи, женщины и дети обоих полов в возрасте до шестнадцати лет были освобождены от этой личной пошлыны. По настоятельной просьбе Амру их патриарх Бенджамин вышел из своей пустыни; и после первой беседы вежливый араб заявил, что он никогда не разговаривал с христианским священником, который был бы более невинным в манерах и более почтенным в облике. Во время похода из Мемфиса в Александрию лейтенант Омара доверил свою безопасность усердию и благодарности египтян; дороги и мосты были тщательно отремонтированы, и на каждом этапе своего продвижения он мог рассчитывать на постоянное снабжение провизией и разведданными. Греки Египта, число которых едва ли достигало одной десятой от числа коренных жителей, были подавлены всеобщим отступничеством; их всегда ненавидели, но теперь они уже не вызвали страха; магистрат бежал из своего трибунала, епископ — из своего алтаря, а отдаленные гарнизоны были захвачены врасплох или заморены голодом окружающими их толпами. Если бы Нил не обеспечивал безопасного и быстрого сообщения с морем, ни один человек, связанный по рождению, языку, должности или религии с их ненавистным именем, не смог бы спастись.

После отступления греков из провинций Верхнего Египта на острове Дельта собрались значительные силы; естественные и искусственные каналы Нила обеспечивали череду сильных и обороноспособных постов; а дорога в Александрию была с трудом расчищена благодаря победе сарацин в двадцати двух днях общего или частичного сражения. В их анналах завоеваний осада Александрии, пожалуй, является самым трудным и важным предприятием. Первый торговый город в мире был обильно снабжен средствами к существованию и обороне. Его многочисленные жители сражались за самые дорогие человеческие права, религию и собственность; а враждебность туземцев, казалось, лишала их общего блага мира и терпимости. Море было постоянно открыто, и если бы Ираклий был внимателен к общественному бедствию, новые армии римлян и варваров могли бы ворваться в гавань, чтобы спасти вторую столицу империи.

В каждой атаке меч, знамя Амру, сверкал в авангарде мусульман. В один памятный день он был предан своей неосторожной доблестью: его последователи, вошедшие в цитадель, были отброшены назад, и генерал с другом и рабом остался в плену у христиан. Когда Амру привели к префекту, он вспомнил о своем достоинстве и забыл о своем положении; высокомерное поведение и решительные слова выдавали в нем лейтенанта халифа, и боевой топор солдата уже был поднят, чтобы отрубить голову дерзкому пленнику. Его жизнь спасла находчивость его раба, который мгновенно ударил своего хозяина по лицу и гневным тоном приказал ему молчать в присутствии своих начальников. Доверчивый грек был обманут; он выслушал предложение о заключении договора, и его пленники были отпущены в надежде на более уважаемое посольство, пока радостные возгласы лагеря не объявили о возвращении их генерала и не осмелили глупость неверных. Наконец, после четырнадцатимесячной осады и потери двадцати трех тысяч человек, сарацины одержали победу.

Командующий верными решительно отверг идею грабежа и поручил своему лейтенанту сохранить богатства и доходы Александрии для общественного обслуживания и распространения веры; жители были перечислены; был введен налог; рвение и негодование яковитов были сдержаны, а мелхиты, подчинившиеся арабскому игу, были потачены в тайном, но спокойном отправлении своего культа. Известие об этом позорном и бедственном событии ухудшило и без того слабое здоровье императора; и Ираклий умер от водянки примерно через семь недель после потери Александрии.^[36] При малолетнем правлении его внука, протесты народа, лишенного средств к существованию, вынудили византийский двор предпринять попытку вернуть столицу Египта. В течение четырех лет гавань и укрепления Александрии дважды занимались флотом и армией римлян. Они дважды были изгнаны доблестью Амру, который был отозван из-за внутренней опасности из дальних войн в Триполи и Нубии. Но легкость попытки, повторение оскорбления и упорство сопротивления побудили его поклясться, что, если он в третий раз вытеснит неверных в море, он сделает Александрию доступной со всех сторон, как дом проститутки. Верный своему обещанию, он разобрал несколько частей стен и башен, но народ был пощажен в наказании города, и мечеть Милосердия была возведена на том месте, где победоносный полководец остановил ярость своих войск.

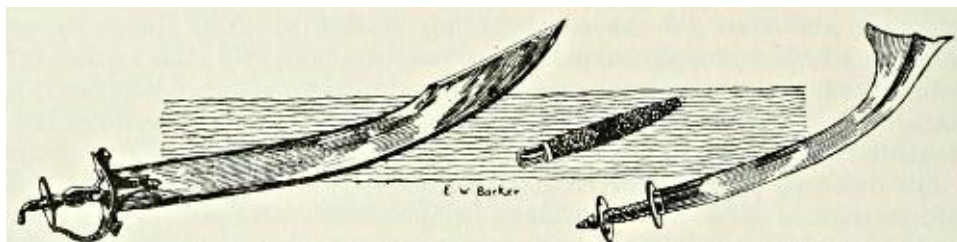
ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СЖИГАНИЕ БИБЛИОТЕКИ

[641 г. н. э.]

Мы обманули бы ожидания читателя, если бы промолчали о судьбе Александрийской библиотеки, как ее описывает ученый Абул-Фарадж. Дух Амру был более любознательным и либеральным, чем дух его братьев, и в часы досуга арабский вождь наслаждался беседами с Иоанном, последним учеником Аммония, который получил прозвище Филопон за свои усердные занятия грамматикой и философией. Воодушевленный этим дружеским общением, Филопон осмелился попросить подарок, который был неоценим по его мнению, но презренен по мнению варваров — королевскую библиотеку, которая единственная из трофеев Александрии не была присвоена и не была запечатана печатью завоевателя. Амру был склонен удовлетворить желание грамматика, но его жесткая честность не позволяла ему отчуждать ни малейший предмет без согласия халифа; и известный ответ Омара был продиктован невежеством фанатика: «Если эти сочинения греков согласуются с книгой Бога, они бесполезны и не нуждаются в сохранении; если они не согласуются, они вредны и должны быть уничтожены». Приговор был приведен в исполнение со слепым послушанием;

тома бумаги или пергамента были распределены по четырем тысячам бань города; и их было так невероятно много, что шести месяцев едва хватило для сжигания этого драгоценного топлива. С тех пор как «*Династии Абул-Фараджа*» были представлены миру в латинском переводе, эта история неоднократно перепечатывалась; и каждый ученый с благочестивым возмущением сожалел о непоправимой гибели знаний, искусств и гения древности.

Со своей стороны, мы испытываем сильное искушение отрицать как сам факт, так и его последствия. Факт действительно удивительный. «Читайте и удивляйтесь!» — говорит сам историк; и одиночное сообщение незнакомца, написанное через шестьсот лет на границах Мидии, перевешивается молчанием двух более ранних летописцев, обоих христиан, обоих уроженцев Египта, из которых самый древний, патриарх Евтихий, подробно описал завоевание Александрии. Суровый приговор Омара противоречит здравому и ортодоксальному учению мусульманских казуистов: они прямо заявляют, что религиозные книги евреев и христиан, приобретенные по праву войны, никогда не должны быть преданы пламени, а произведения светской науки, историков или поэтов, врачей или философов, могут быть законно использованы верующими. Более разрушительный фанатизм, возможно, можно приписать первым последователям Мухаммеда; однако в данном случае пожар быстро бы погас из-за нехватки материалов. Мы не будем перечислять бедствия, постигшие Александрийскую библиотеку, невольное пламя, разжженное Цезарем в целях самообороны, или злонамеренное фанатичное рвение христиан, стремившихся уничтожить памятники идолопоклонства.^[37] Но если мы постепенно спустимся от эпохи Антонинов () к эпохе Феодосия, то из цепочки современных свидетелей мы узнаем, что королевский дворец и храм Сераписа больше не содержали четырех или семисот тысяч томов, которые были собраны благодаря любознательности и великолепию Птолемеев. Возможно, церковь и резиденция патриархов были обогащены хранилищем книг; но если тяжеловесная масса арианских и монофизитских споров действительно была уничтожена в общественных банях, то философ может с улыбкой признать, что в конечном итоге это было сделано на благо человечества. Мы искренне сожалеем о более ценных библиотеках, которые были уничтожены в результате падения Римской империи; но когда мы серьезно подсчитываем прошедшие века, растрату невежества и бедствия войны, то скорее наши сокровища, чем наши потери, вызывают у нас удивление. Многие любопытные и интересные факты погребены в забвении; три великих историка Рима дошли до нас в искаженном виде, и мы лишены многих прекрасных произведений лирической, ямбической и драматической поэзии греков. Тем не менее, мы должны с благодарностью помнить, что несчастья времени и случайности пощадили классические произведения, которым древность присудила первое место по гениальности и славе; учителя древних знаний, которые все еще существуют, внимательно изучили и сравнили сочинения своих предшественников; и нельзя справедливо предполагать, что какая-либо важная истина, какое-либо полезное открытие в искусстве или природе было утаено от любопытства современности.

АРАБСКОЕ ОРУЖИЕ

В управлении Египтом Амру уравнивал требования справедливости и политики. В управлении доходами он не одобрял простой, но угнетающий способ подушной подати и предпочитал пропорциональные налоги, вычитаемые из чистой прибыли сельского хозяйства и торговли. Треть дани направлялась на ежегодный ремонт дамб и каналов, столь необходимых для общественного благосостояния. При этой администрации плодородие Египта восполняло нехватку Аравии, и вереница верблюдов, груженных зерном и провизией, почти без перерыва покрывала долгий путь от Мемфиса до Медины. Но гений Амру вскоре возобновил морское сообщение, которое пытались наладить или уже наладили фараоны, Птолемеи или Цезари, и был открыт канал длиной не менее восьмидесяти миль от Нила до Красного моря. Это внутреннее судоходство по каналу (), которое соединило бы Средиземное море и Индийский океан, вскоре было прекращено как бесполезное и опасное: трон был перенесен из Медины в Дамаск, и греческие флоты, возможно, открыли бы путь к святым городам Аравии.^a

[637-644 гг. н. э.]

Амру, теперь владея Египтом, начал смотреть немного дальше, в западную часть Африки, и в короткие сроки стал хозяином всей страны, лежащей между Баркой и Зевейлой. Вскоре после этого он взял Триполис. Если мы рассмотрим масштабы его успеха, то он сам по себе достаточно велик, чтобы вызвать наше восхищение, даже если бы ничего больше не было достигнуто в других частях. Но и на Востоке победоносные войска добились не меньших успехов, и мусульманский полумесяц теперь начал оказывать свое пагубное влияние на такие же обширные и значительные владения, как и те, над которыми когда-то возвышался римский орел. Примерно в это же время Азербайджан, Айнверда, Харран, Роха, Ракка, Нисибин, Эхвас, Сивас и Хорасан были подчинены сарацинам.

Примерно через два года после этого был убит халиф Омар. История его смерти такова: некий Фируз, перс, принадлежавший к секте магов, или парсов, как представитель религии, отличной от мусульманской, должен был ежедневно платить своему хозяину дань в виде двух серебряных монет и пожаловался Омару, требуя, чтобы часть этой дани была отменена. Омар ответил ему, что не считает это несправедливым, учитывая, что он вполне может себе это позволить из того, что зарабатывает. Этот ответ так разгневал Фируза, что он практически угрожал халифу в лицо, который, однако, не обратил внимания на его ярость. Фируз выждал подходящий момент и вскоре, когда Омар читал утреннюю молитву в мечети, трижды ударил его кинжалом в живот. Сарацины в мечети немедленно набросились на него, и он отчаянно защищался, ранив тринадцать из них, семь из которых умерли. Наконец, один из стоящих рядом набросил на него свою куртку и схватил его; когда он понял, что его поймали, он заколол себя. Омар прожил три дня после ранения, а затем умер в месяце Дхуль-хадж, в двадцать третьем году хиджры, 644 году нашей эры, процарствовав десять лет, шесть месяцев и восемь дней, в возрасте шестидесяти трех лет, что, по мнению некоторых авторов, соответствует возрасту, в котором умерли Мухаммед, Абу Бакр и Аиша, жена Мухаммеда.

Завоевания, достигнутые сарацинами во время его правления, были настолько значительными, что, даже если бы они никогда не расширялись, покоренные ими страны составили бы очень грозную империю. Он изгнал всех евреев и христиан из Аравии; покорил Сирию, Египет и другие территории в Африке, а также большую часть Персии. И все же все это величие, которое было бы слишком тяжелым бременем для обычного человека, особенно если, как в случае с Омаром, оно не досталось ему по наследству, к которому он был подготовлен соответствующим образованием, а было получено внезапно людьми, которые раньше не знали и не привыкли к величию, не оказало никакого влияния на халифа.^b

Ни великолепные победы, ни обширные владения не изменили сурового характера Омара; он по-прежнему сохранял простоту своих манер и свое давнее презрение к роскошным украшениям. Когда он выехал из Медины, чтобы принять подчинение Иерусалима, он ехал на красном верблюде, имея в качестве всего своего снаряжения два мешка, один с зерном, а другой с фруктами; перед ним был кожаный сосуд с водой, а позади него — большое блюдо, с которого он обычно принимал пищу. В таком виде он проделал весь путь от Медины до Иерусалима, наказывая мусульман, которые вели скандальный образ жизни, и обеспечивая строгое отправление правосудия.

По его прибытии жители подготовили для его приема великолепный дворец, но он отказался войти в город и велел поставить палатку за стенами. В этой палатке депутаты нашли повелителя их судеб, сидящего на голой земле. Условия, предоставленные жителям Иерусалима, отличаются умеренностью: была гарантирована безопасность личности и собственности жителей, разрешено свободное исповедание религии, а церкви могли остаться у своих нынешних владельцев. Даже когда халиф был озабочен постройкой мечети, он попросил патриарха указать ему подходящее место; прелат привел его к месту, где когда-то стоял храм Соломона, которое тогда было покрыто грязью, и халиф с готовностью принял эту землю такой, какая она была. Он сам показал пример, убрав мусор; армия последовала его примеру с рвением, и мечеть Омара, построенная на этом месте, является одним из самых красивых образцов арабской архитектуры. Но, хотя халиф был терпим к христианам, он проявил строгость к своим собственным последователям, которые отступили от строгости национальных нравов. Узнав, что некоторые из его людей носят длинные шелковые одежды, он приказал вытянуть их на землю лицом вниз и сорвать с их плеч шелковые одежды. Он наказал бастанидос тех, кто был признан виновным в употреблении вина; он объявил, что те, кто согрешил, должны сами себя обвинить, и его влияние на войска было настолько велико, что многие добровольно признали свою вину и подчинились унижительному наказанию.

В истории мусульманства Омар занимает второе место по значимости после основателя ислама. Его строгая суровость была полезна в то время, когда беспрецедентный успех, казалось, оправдывал военное насилие; его беспристрастность значительно смягчила бедствия завоевания. Он не пощадил доблестного Халида, но, вероятно, в своем поведении по отношению к этому герою он руководствовался скорее ревностью, чем любовью к справедливости; однако следует добавить, что ни в одном случае он не позволял высокому положению защищать угнетателей. Записано любопытное обстоятельство, характерное для той эпохи. Омар носил с собой трость, которой он лично наказывал даже офицеров самого высокого ранга, которых он обнаруживал в каком-либо виновном поступке, и отсюда возникла пословица: «Трость Омара страшнее меча самого храброго воина».

Его строгость в соблюдении религиозных предписаний доходила до крайнего фанатизма; по его приказу великолепная библиотека, собранная Птолемеями в Александрии, была, как говорят, сожжена для обогрева общественных бань, а бесценные записи Персии, собранные усердными сасанидами в Мадаине, были брошены в воды Тигра. Его раннее образование сделало его невосприимчивым к прелестям литературы и искусства; когда его генералы прислали ему из дворца персидских царей непревзойденный гобелен, изображающий цветочный сад, вышитый золотом и драгоценными камнями, он приказал разрезать это искусное произведение на куски и раздать их своим солдатам. Для собственного пользования у него не было ни дворца, ни двора, ни дома; во время молитвы он публично служил в мечети; остальную часть дня он проводил на улицах и площадях, и именно там он принимал послов самых могущественных современных князей. Его одежда не была лучше,

чем у его самых бедных подданных; когда его упрекали за неряшливый вид, он отвечал: «Я предпочитаю угодить Господу своим поведением, чем людям своей одеждой». Он был более безразборчив в своей благотворительности, чем Абу Бакр; первый халиф не помогал тем, чье бедствие было вызвано порочным поведением, а Омар давал всем, кто просил. Когда его упрекали за то, что он не делал различий, он отвечал: «Человек помещен на землю только для того, чтобы творить добро своим братьям по вере (); судить о достоинствах человека следует оставлять его Создателю». Умеренность Омара была столь же замечательна, как и его простота; его обычной пищей был грубый ячменный хлеб, приправленный солью, а в дни воздержания соль откладывалась в сторону; его единственным напитком была вода. Во время еды он приглашал всех, кто случайно присутствовал, разделить с ним трапезу.

Но великолепие его общественных работ странно контрастировало с скромностью его частной жизни. Мы уже упоминали о мечети, которую он велел построить в Иерусалиме; он также значительно расширил и украсил мечеть, построенную Мухаммедом в Медине. По его приказу были заложены фундаменты городов, которые быстро выросли до величия: Старый Каир, Куфа и Бассора. Он распорядился отремонтировать канал между Нилом и Красным морем и открыть , чтобы облегчить ввоз зерна в Аравию, что в связи с недавним расширением городов стало делом первостепенной необходимости. Именно Омар впервые ввел обычай датировать время от Хегеры; до него арабы датировали время от последнего великого события, которое интересовало всю нацию, — войны, голода или чумы, — и таким образом их хронология представляла собой массу неразрешимой путаницы. Ему же принадлежит заслуга создания полицейских сил в Мекке и Медине, учреждения фонда для выплаты жалованья армии и подготовки справедливой шкалы вознаграждений для тех, кто отличился в распространении ислама. Неудивительно, что с такими заслугами имя Омара так прославилось среди самых строгих сект мусульман. Но в то время как сунниты стремятся распространить славу Омара, его память ненавистна сторонникам Али; его имя является proverbial expression for all that is base in the countries where the Shiite principles prevail; no person that bears it, dare own it in public; and to such excess do the Persians carry their hatred, that they celebrate the day of Omar's assassination as a public festival.

[644 г. н. э.]

Омар, чувствуя приближение смерти, не знал, кого назначить своим преемником, и, чтобы решить эту проблему, придумал самое необычное средство, которое только можно было вообразить. Он распорядился, чтобы после его смерти был созван совет из шести человек, которым было дано три дня на обсуждение, и если по истечении этого времени они не придут к соглашению о новом халифе, то все они будут казнены. Шестеро, которые собрались для обсуждения в этих обстоятельствах, были Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда, Османа, также его зять, Зобейр, двоюродный брат пророка, а также Абд ар-Рахман, Тальха и Саад, его любимые сподвижники. После некоторого обсуждения они избрали Османа, и он был провозглашен третьим халифом.

ОТМАН, ТРЕТИЙ ХАЛИФ

[644-656 гг. н. э.]

Осман, как и его предшественники, был уроженцем Мекки, происходил из другой ветви того же племени, что и пророк. Он женился на двух дочерях Мухаммеда, долгое время был его секретарем и пользовался его глубоким доверием. Говорят, что Мухаммед был так восхищен щедростью своего секретаря, что воскликнул: «О Боже мой, я доволен Османом, будь и ты доволен им». В другой раз, увидев приближающегося Османа, он закрыл лицо

своей одеждой и сказал: «Разве я не должен стыдиться перед человеком, чьи заслуги заставляют ангелов краснеть?» На момент вступления на престол ему было более восьмидесяти лет, но его здоровье было крепким, а силы не ослабевали.

Третий халиф продолжил воинственную политику своих предшественников; по его приказу мусульманские армии завершили завоевание Персии и распространили власть сарацин до реки Оксус и границ Индии. Северная Африка вплоть до берегов Атлантического океана была покорена другой армией, а флот, оснащенный в гаванях Египта и Сирии, покорил остров Кипр и угрожал северным побережьям Средиземного моря. Но этот успех имел естественные последствия; чтобы противостоять росту роскоши и разврата, потребовалась вся энергия сурового характера Омара; слабый Османа был совершенно неспособен к подобным усилиям. Дикие сыновья пустыни начали соперничать в великолепии с самыми богатыми монархами; они стали стремиться к дворцам и титулам, предпочитая великолеpie двора славе полей сражений. Кротость и уступчивость Османа ускорили процесс коррупции; будучи от природы щедрым, он не хотел отказывать никому из просителей, а поскольку на первые места в списке кандидатов на должности обычно попадают те, кто меньше всего подходит для выполнения соответствующих обязанностей, управление попало в руки коварных и развратных людей. С некоторой долей обоснованности старые сподвижники Мухаммеда жаловались, что их отстранили, чтобы освободить место для семьи Османа, и, с еще большей справедливостью, что неосторожность и безрассудство молодости предпочли их опыту.

Религия не избежала общей коррупции; начали образовываться новые секты, и ревность сторонников Али с каждым днем приобретала новую силу. Абу Дар, старый товарищ пророка, искажив некоторые места *Корана*, объявил, что богатства этого мира являются источником всех преступлений и что богатых следует силой заставлять отдавать свои излишки бедным. Такая доктрина, несомненно, находила благосклонный отклик в полуцивилизованной стране, где в результате неравномерного распределения добычи немногие внезапно разбогатели, а большая часть населения оказалась в относительной бедности. В то же время другой сектант объявил, что Мухаммед скоро появится снова и свершит правосудие над злыми и жестокими людьми, которые тиранизировали мусульман. Народ, ожидая приближающегося возрождения, презирал своих правителей и пренебрегал обязанностями социальной жизни. Вторая редакция *Корана*, предписанная Османом, была воспринята многими мусульманами как извращение истинной религии; они подозревали, что халиф не проявлял достаточного почтения к авторитету пророка, особенно потому, что в некоторых молитвах он делал четыре поклона, тогда как Мухаммед делал только два, и он восстановил часовню, разрушенную по особому приказу Мухаммеда.

Мы так долго привыкли видеть мусульманскую религию объединенной с деспотическим правительством, что, естественно, удивляемся, обнаруживая чистую демократию при халифате; с самого начала все важные дела выносились на обсуждение общего собрания, и всем, кроме рабов, разрешалось свободно высказывать свое мнение. Этот обычай не вызывал никаких практических неудобств, а беспорядки сдерживались священным характером пророка, достоинством Абу Бекра или суровой строгостью Омара. Но Усман не обладал таким влиянием; когда он попытался остановить народный порыв, его атаковали прямо на амвоне и прогнали из собрания градом камней. Появилось бесчисленное множество сатир и пасквилей, «тех соломинок», которые, как говорит лорд Бэкон, «показывают направление ветра».

Повсюду образовывались партии и фракции; каждая провинция требовала нового губернатора, каждая фракция желала нового халифа. Лидерами этих беспорядков были

старые сподвижники пророка, и многие из самых преданных мусульман были готовы присоединиться к революции. Наконец, часть египетской армии () внезапно выступила на Медину и потребовала немедленной реформы злоупотреблений. С помощью обещаний и уговоров их удалось убедить отступить, но только для того, чтобы они вернулись в следующем году, раздраженные разочарованием и укрепленные большими отрядами сторонников из Куфы и Бассоры. Осман снова успокоил мятежников, но когда они возвращались домой, они узнали, что секретарь халифа отправил официальный приказ о том, что их следует убить. Не совсем ясно, санкционировал ли халиф это вероломство, но то, что оно было задуманным, не вызывает сомнений. Возмущенные солдаты снова явились в Медину, требуя голову секретаря; когда им было отказано, они убили самого Османа.

[656 г. н. э.]

Роковой день, когда произошло это злодеяние, был пятницей, которую мусульмане считают священным днем. У Османа было обыкновение в этот день поститься, пока он не прочитает весь *Коран*, и он был занят чтением священной книги, когда ему сообщили о приближении убийц. Некоторые друзья халифа посоветовали ему подготовиться к сопротивлению, но он ответил, что видел Мухаммеда во сне и получил весть, что в этот день они должны вместе прервать пост в раю.

Тем временем заговорщики продвигались вперед с мечами в руках. Пятьсот стражников попытались остановить их, но были изрублены на куски; жена халифа бросилась им на пути и лишилась руки; сыновья Али и некоторые старые сподвижники пророка пытались умиловить мятежников, но были вынуждены спасаться бегством. Осман спокойно читал *Коран* среди этой суматохи; он едва удостоил поднять голову, когда разъяренные солдаты ворвались в его покои. Во главе их был сын Абу Бекра по имени Мухаммед, который схватил Османа за бороду и приготовился нанести ему смертельный удар. Халиф, глядя ему прямо в лицо, спросил: «О Мухаммед! Как ты думаешь, что сказал бы твой святой отец, если бы увидел мою бороду в твоих руках?» Пораженный этими словами, Мухаммед молча отступил, но его товарищи, менее щепетильные, набросились на Османа, и он упал, покрытый ранами. Его кровь хлынула на *Коран*, который он держал в руке; говорят, что он до сих пор хранится как реликвия в мечети Дамаска. Это событие вызвало такой ужас, что никто не осмелился провести похоронные обряды; тело пролежало три дня непогребенным; наконец Али отдал приказ о его погребении, но оно было похоронено ночью, на частном кладбище.

Ортодоксальные мусульмане почитают Османа и по сей день за то действие, которое вызвало наибольшее недовольство у его соотечественников, а именно за пересмотр *Корана*. Они цитируют в его честь следующее предание пророка: «Я видел имя Османа, написанное на вратах рая; я видел его, начертанное за троном Бога и на крыльях архангела Гавриила». Шииты считают его узурпатором, но они не проклинаят его память так сильно, как память Омара.

Сначала ужас, вызванный этим убийством, был настолько велик, что все стороны были вынуждены замолчать. Выжившие сподвижники Мухаммеда воспользовались этим перерывом в беспорядках и назначили Али четвертым халифом.

Али был сыном Абу Талиба, дяди Мухаммеда, который так преданно заботился о нем в детстве. Он был первым, кто признал божественную миссию своего двоюродного брата, и всегда проявлял к нему самую преданную привязанность. Когда Мухаммед бежал из Мекки, Али переоделся в одежды пророка и лег на его кровать, чтобы мекканцы не заподозрили его побег. Когда он последовал за своим покровителем в Медину, он женился на любимой дочери пророка Фатиме, от которой у него было несколько детей. Мухаммед неоднократно проявлял сильную любовь к Али; он назначил его своим заместителем в своей первой

экспедиции против греков в Табуке и во время своих случайных отсутствий доверял ему управление Мединой. Есть веские основания полагать, что Али был фактически назначен пророком его преемником, но Аиша не дала об этом знать. Эта несправедливость была глубоко ощущена сыном Абу Талиба и его сторонниками, но особенно родственниками Мухаммеда, которые считали себя пренебрегаемыми первыми тремя халифами. Однако его друзья тщетно пытались убедить Али попытаться силой захватить бразды правления; он постоянно отвечал, что никогда не будет править, кроме как по свободному голосованию мусульман. Во время правления Омара его лояльность была настолько известна, что он был назначен губернатором Аравии во время отсутствия халифа в Иерусалиме; он отказался присоединиться к тем, кто замыслил заговор против Османа, и один из его сыновей был тяжело ранен, защищая этого правителя. Наконец, когда его избрали, он с большой неохотой согласился принять достоинство халифа, которое уже дважды оказывалось роковым для его обладателей.

АЛИ (656-661 гг. н. э.)

[656-657 гг. н. э.]

Али начал свое правление с отстранения всех губернаторов провинций. Среди них было несколько очень влиятельных людей, в частности Моавия, сын Абу Суфьяна, который долгое время был главой мекканских идолопоклонников и самым ярким врагом Мухаммеда. После того как Мекка подчинилась, Мухаммед сделал Моавию одним из своих личных секретарей; халиф Омар возвысил его до правителя Сирии, и он правил этой важной провинцией в течение пятнадцати лет. Хитрый, коварный, интриган, обладающий неуступчивым упрямством и безграничной амбицией, он с яростным возмущением воспринял приказ Али о своей отставке. Поскольку он был близким родственником Османа, он решил провозгласить себя его мстителем, и хотя этот правитель оставил детей, Муавия заявил о себе как о его наследнике и преемнике. Он нашел союзников в центре Аравии, и пока сирийцы готовились взяться за оружие, Аиша с многочисленной группой последователей уже вышла на поле боя. Хотя она, как известно, участвовала в заговоре против Османа, теперь она провозгласила себя его мстителем и обвинила Али в его смерти.

К ней присоединились Талха и Зобейр, два старых сподвижника Мухаммеда, которые хорошо знали ложность обвинений Аиши. Они были первыми, кто присягнул на верность Али, но, не получив всего, чего желали, перешли в ряды мятежников, которым их присутствие придавало дополнительную уверенность. Они уклонились от обязательств своей присяги, принеся искупительные жертвы, предписанные в пятой главе *Корана*, что является одним из самых больших пятен на репутации как самой книги, так и ее автора.

Аиша, вопреки устоявшемуся обычаю Аравии, лично возглавила свои войска, сидя на сильном верблюде и охраняемая отборными людьми. Когда она приблизилась к небольшой деревне под названием Джоуаб, все собаки в этом месте выбежали и с большой яростью залаяли на нее. Она расценила это как дурное предзнаменование и заявила, что Мухаммед сказал ей: «Одна из моих жен, замышляющая зло, будет атакована собаками в Джовабе; позаботься о том, чтобы ты не была этой злой женщиной». Полная тревоги, она хотела вернуться, но Зобаир и Талха, зная, насколько важно ее присутствие, подкупили пятьдесят ложных свидетелей, которые поклялись, что деревня никогда не была известна под названием Джоуаб. Поскольку она по-прежнему казалась обеспокоенной и хотела уйти, они распространили слух, что армия Али заняла позиции в их тылу и, следовательно, она не сможет вернуться в безопасности. «Это, — говорят мусульманские историки, — была первая публичная ложь, сказанная после провозглашения ислама».

Две армии встретились в Хорайбе, местечке недалеко от Басры; войска Али насчитывали двадцать тысяч человек, все они были отборными солдатами, войска Аиши были более многочисленными, но в основном состояли из неопытных и недисциплинированных новобранцев. После короткого сражения мятежники были разгромлены; Талха упал с лошади, смертельно раненный, и в последнем вздохе просил у Бога прощения за свою долю в убийстве Османа и измену Али. Узнав об этом, великодушный завоеватель воскликнул, что Бог дал Талхе время для покаяния, прежде чем принять его душу в рай. Зобаир сбежал с поля битвы, но был настигнут на пути в Мекку своими преследователями, которые отрубили ему голову и принесли ее в качестве приемлемого подарка халифу. Али выразил такое возмущение при виде этого, что носильщики обрушились на него с горькими упреками, говоря: «Ты — злой гений мусульман; ты отправляешь в ад тех, кто избавляет тебя от врагов, и называешь тех, кто нападает на твоих людей, спутниками сатаны». Однако победу нельзя было считать полной (), пока Аиша не была принуждена к подчинению; были отданы строжайшие приказы уважать ее личность, но также было выражено желание, чтобы не жалели усилий, чтобы взять ее в плен. Семьдесят мужчинам отрубили руки за попытку схватить ее верблюда за уздечку; шатер, в котором она сидела, был настолько испещрен стрелами, что напоминал дикобраза; наконец, один солдат перерезал заднюю сухожильную связку верблюда, животное беспомощно упало на колени, и Аиша осталась в плену. Мухаммед, сын Абу Бекра, был послан, чтобы взять ее под свою опеку; она обрушилась на него с самыми яростными оскорблениями, но он не ответил ни словом. Когда ее привели к Али, он принял ее самым вежливым образом, посоветовал ей в будущем не вмешиваться в государственные дела и отправил ее под надежной охраной в Медину. Так закончилась первая великая битва между противниками и сторонниками Али; восточные писатели часто называют ее «битвой верблюдов» по имени животного, на котором ехала Аиша; она стала прелюдией к многим страшным сценам кровопролития.

Затем внимание Али привлекло восстание в Сирии; Муавия не только отверг его предложения о примирении, но и отрицал его право на халифат: чтобы оправдать это восстание и произвести впечатление на народ, Муавия раздобыл окровавленную одежду, в которой был убит Усман, и устроил торжественную процессию по улицам Дамаска. Это зрелище так сильно разжегло народные страсти, что, хотя было середина лета, более тридцати тысяч человек торжественно поклялись не пить пресной воды, пока не отомстят за смерть Усмана. Среди ведущих сторонников сирийского губернатора был Амру, завоеватель Египта, который, казалось, разделял общее возбуждение, хотя и хорошо знал, что Али невиновен в приписываемых ему преступлениях.

[657-658 гг. н. э.]

Враждующие силы встретились на равнинах Сиффина, на западном берегу Евфрата, недалеко от города Ракка. Ни один из лидеров не был готов к общему сражению, и девяносто дней были потрачены в беспорядочных стычках между отрядами. Его стремительная доблесть принесла Али победу в большинстве этих сражений; он вызвал своего соперника на дуэль, чтобы решить спор в единоборстве (), но Моавия не решился выйти на арену. Последнее сражение при Сиффине продолжалось всю ночь, что было очень невыгодно для сирийцев; они были бы изгнаны из своих окопов, если бы хитрый Муавия не апеллировал к суеверным чувствам последователей Али. Он приказал некоторым из своих людей поместить экземпляры *Корана* на концы копий и, выйдя на передний край линии, воскликнуть: «Это книга, которая должна решить все разногласия между нами; это слово Божье и кодекс нашей веры; оно прямо запрещает проливать кровь мусульман». Несмотря на всю грубость этого уловки, она имела полный успех; войска Ирака, цвет халифских сил, бросили оружие и громко потребовали начала переговоров. Напрасно Али

приказывал им продолжать сражение, уверяя, что Муавия пренебрегает *Кораном* и является врагом как Бога, так и людей; солдаты громко отвечали, что не будут сражаться против книги Бога, и угрожали халифу известной судьбой Османа.

С того момента, как его остановили в разгаре победы, Али, похоже, отчаялся в исходе борьбы; когда его попросили назвать арбитра, он холодно ответил: «Тот, кто не свободен, не может давать советов; теперь вы должны вести дело так, как считаете нужным». Его солдаты приняли его слова за чистую монету и от имени халифа назначили Абу Мусу, главным достоинством которого было то, что он написал неточную копию *Корана*, а его верность давно вызывала более чем подозрения. Муавия назначил гораздо более хитрого переговорщика, Амру, которого все считали самым способным государственным деятелем того времени. Арбитрам было предписано разрешить спор в соответствии с *Кораном* и традициями пророка и вынести решение в следующем месяце Рамадан.

Амру убедил Абу Мусу, что лучший план, который можно принять, — это объявить трон вакантным и провести новые выборы. Когда наступил день вынесения приговора, Абу Муса, как и было согласовано, первым поднялся на кафедру и громким голосом произнес следующие слова: «Я смещаю Али и Муавию с поста халифа, так же как я снимаю это кольцо с пальца». Затем на кафедру взошел Амру и сказал: «Вы слышали, как Абу Муса объявил об отстранении Али от власти: я подтверждаю это и наделяю Муавию высшей властью, так же как я сейчас снимаю это кольцо с пальца. Я приветствую его как законного преемника Османа, мстителя за его кровь и наиболее достойного из мусульман, чтобы командовать верующими».

Это неожиданное заявление вызвало бурный переполох. Абу Муса обвинил Амру в нарушении веры, назвал его негодяем, собакой, нечистым зверем и проклял его могилу всеми безымянными осквернениями; Амру ответил, что его сосудья — ученый тупица, осёл, груженный книгами, и дед глупости; в то же время он решительно отстаивал свой приговор.

Это событие оказалось роковым для дела Али; его солдаты, которые заставили его начать неосторожные переговоры, почувствовали, что в будущем их верность будет подвергаться сомнению, и начали дезертировать целыми батальонами. Новая и грозная секта хариджитов, то есть «дезертиров», появилась в центре Аравии, заявляя, что оба соперника утратили право на власть, подчинившись человеческому суду в том, что должен решать только Бог. Против этих фанатиков пришлось выступить с большой армией, и время, которое Али потратил на их подавление, Муавия использовал для новых завоеваний. Трудно представить себе ту мстительную ярость, которая охватила все стороны в этот период.

Мы уже упоминали о взглядах фанатичных хариджитов на происходящее. Трое представителей этой секты случайно встретились в Мекке и после некоторого обсуждения пришли к соглашению, что если устранить три главные причины недовольства, а именно Али, Муавию и Амру, то дела мусульман вскоре вернутся к прежнему процветанию. В конце концов, они решили посвятить себя общему делу и договорились, что в назначенный день один из них убьет Али в Куфе, другой — Муавию в Дамаске, а третий — Амру в Египте. Попытка была предпринята; Амру в тот день не появился на публике; Муавия отделался несколькими легкими ранениями; только Али получил смертельный удар.

Уважение, которое шииты испытывают к памяти Али, граничит с идолопоклонством. Однако все мусульмане теперь сочувствуют его бедам и осуждают насилие, жертвой которого он стал. Каждый раз, когда они произносят его имя, они сопровождают его благословением: «Да прославит Бог его лицо».

Из борьбы между Али и Муавией, первым из халифов Омейядов, возникло разделение мусульман на суннитов и шиитов. Основные спорные моменты между ними следующие: (1) Шииты, или, как они себя называют, адалияне, или «любители справедливости», утверждают, что три первых халифа были узурпаторами; сунниты заявляют, что они были законными монархами, избранными в соответствии с сунной, или традиционным законом пророка. (2) Шииты считают Али равным Мухаммеду; некоторые даже утверждают его превосходство, но сунниты отрицают, что он обладал каким-либо особым достоинством. (3) Шииты утверждают, что *Коран* теряет силу из-за авторитета, придаваемого традиции; сунниты говорят, что традиция необходима для дополнения и объяснения доктрин *Корана*.

Турки, египтяне и арабы принадлежат к суннитской секте; принципы шиитов исповедуют персы, большая часть татар и несколько мусульманских князей в Индии.

Али был похоронен в Куфе, но точное место его захоронения установить невозможно. В окрестностях города, называемого Мешхед-Али, местом мученической смерти Али, была построена великолепная мечеть, которая до сих пор является излюбленным местом паломничества набожных мусульман.^f

Итак, после самого бурного и несчастного халифата Али умер от ран в шестьдесят три года от роду, на пятом году своего правления, в 661 году нашей эры и в тридцать восьмом году хиджры, став третьим халифом, убитым за двадцать лет рукой убийцы.

Али был честным и почтенным человеком, покровителем литературы и изящных искусств, а также сам был поэтом. Он, безусловно, заслуживал лучшего отношения со стороны своих подданных, будучи справедливым судьей и добрым и отеческим правителем, чаще прощающим, чем наказывающим проступки тех, кто так часто замыслил заговор против его жизни и интересов. Его прямые потомки являются шерифами и эмирами; им разрешено носить тюрбаны и прически особой формы, отличающиеся от обычаев всех других мусульман.

Али оставил двух сыновей, Хасана и Хосейна. Хасан был в тридцать пять лет, когда он сменил своего отца в качестве пятого халифа мусульман. Народ выбрал Хасана без противодействия, поскольку он был любимцем своего деда, пророка, на которого, как говорят, он был похож внешне. Кроме того, он был доброжелательным, честным и набожным человеком, но ему сильно не хватало энергии, столь необходимой правителю в беспокойные времена. Новый халиф с готовностью распустил бы армию, готовую к походу на Сирию, поскольку он не любил войны и предпочел бы потерять сирийские провинции, чем вступить в сражение.

Однако его брат Хосейн был воином, как и многие ветераны-генералы, которые присягали на верность его отцу, и поэтому он был вынужден следовать их планам. Соответственно, он выступил на Сирию, отправив вперед двенадцать тысяч легких войск под командованием Каиса, чтобы сдержать продвижение Моавии, который выдвигался навстречу армии Хасана. Каису удалось отразить сирийцев и занять позицию, где он мог дожидаться прибытия основной части армии, которая, однако, так и не достигла места назначения. Войска Хасана были в основном из Ирака и не были склонны вступать в кампанию; кроме того, они знали, что он был неэффективным полководцем. Среди солдат вспыхнуло восстание, в ходе которого Хасан был ранен. Это произошло в Мадаине, и халиф был вынужден искать убежища у губернатора в цитадели. В конце концов он направил Моавии предложение отречься от престола в его пользу на определенных условиях (), на что Моавия с

готовностью согласился. Таким образом, к великому возмущению Хусейна, Хасан отрекся от престола, и в конце концов оба брата поселились в Медине, где Моавия щедро снабжал их средствами.

Этот поступок, без сомнения, спас от большого кровопролития; и в тридцать девятом году хиджры начал править шестой халиф, Муавия I. Его первым делом было почти полное истребление секты отступников, людей, еще более опасных, чем современные янычары, и к которым халиф Муавия испытывал глубокую ненависть из-за удара ножом, который он получил в Дамаске.⁴

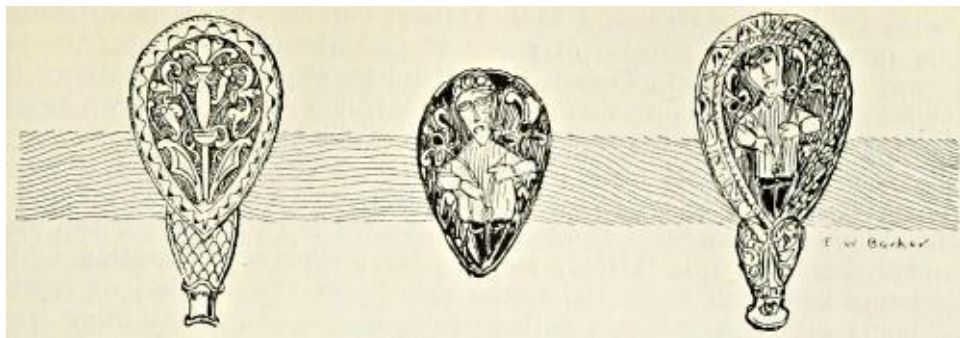
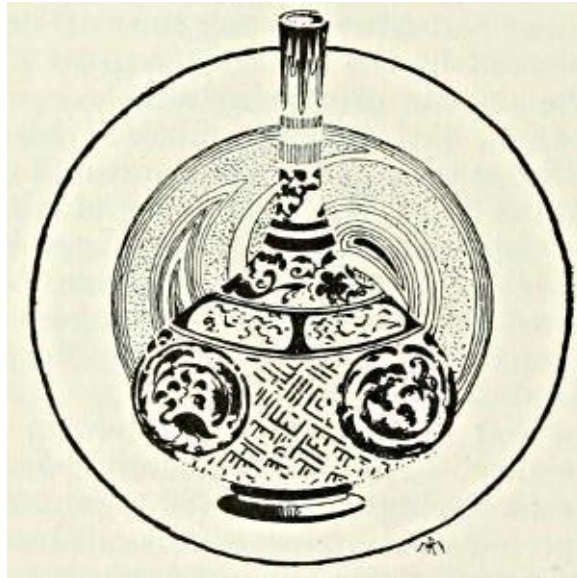
СНОСКИ

[34] В отношении даты захвата Дамаска мнения авторитетных источников расходятся: одни относят его к 634 году н. э., другие — к 635 году н. э. Продолжительность осады также остается неопределенной: Эль-Макин⁵ указывает шесть месяцев, а Абульфеда⁶ — семьдесят дней.

[35] Д-р Вейл,⁷ ссылаясь на Забана, утверждает, что последнее утверждение является наиболее вероятным, поскольку оно связано с Аишей и Абд ар-Рахманом, сыном и дочерью Абу Бекра.

[36] [Другие источники утверждают, что Александрия пала через девять месяцев после смерти Ираклия.]

[37] [Потери, понесенные во времена Цезаря, были восполнены подарком Антония Клеопатре — библиотекой Пергама. Александрия обладала двумя библиотеками: одна, Брухионская, была разрушена во время народных волнений во время правления Галлиена в 263 году н. э.; другая, Серапеумская, постигла та же участь от рук Феофила, как описано в главе 28, на которую Гиббон⁸ ссылается здесь. Таким образом, эти ценные коллекции исчезли за 250 лет до вторжения Амру в Египет; и за этот промежуток времени история не знает ни одного князя, патриарха или префекта, который имел бы средства или желание их восстановить. Рассказ Абул-Фараджа⁹ не получил бы такого широкого распространения, если бы он не служил целям тех, кто хотел возложить на варварских завоевателей Рима вину за погружение мира во тьму. Гиббон говорит, что он испытывал сильное искушение отрицать как сам факт, так и последствия этого непоправимого кораблекрушения науки, поскольку оно основано на простом авторитете Абул-Фараджа, в то время как Евтихий¹⁰ и Эль-Макин⁵ оба молчат на эту тему. Однако Милман,¹¹ добавляет, что с тех пор было приведено несколько новых мусульманских авторитетов в поддержку Абул-Фараджа: (1) Абд аль-Латиф,¹² профессором Уайтом¹³; (2) Макриси¹⁴; (3) Ибн Халдуна¹⁵; а после них Хаджи Халфа.¹⁶ Рейнхард в немецкой диссертации, напечатанной в Гёттингене в 1792 году, и Сент-Круа (*Magasin Encyclop.*, том. IV, р. 433) исследовали этот вопрос. Среди востоковедов профессор Уайт, М. Сен-Мартен,¹⁷ фон Хаммер,¹⁸ и Сильв. де Саси¹⁹ считают факт сожжения библиотеки по приказу Омара несомненным. Мусульманский писатель выдвигает аналогичное обвинение против крестоносцев. Говорят, что библиотека Триполи содержала невероятное количество трех миллионов томов. При захвате города граф Бертрам де Сен-Жиль, войдя в первую комнату, в которой не было ничего, кроме *Корана*, приказал сжечь все, как произведения ложного пророка Аравии.

ГЛАВА VI. ОМЕЙЯДЫ

ОСНОВАНИЕ ОМЕЙЯДОВ

[661-750 гг. н.э.]

С Моавией началась династия дома Омейядов, называемая «Омейядами». Говорят, что этот халиф покровительствовал литературе, и во время его правления многие греческие науки были впервые представлены в Аравии. Моавия удалось восстановить мир в своих владениях. Одним из его первых решений было восстановление Амру в должности правителя Египта; в знак благодарности за его заслуги ему было предоставлено право пожизненно распоряжаться всеми доходами этой богатой страны; но Амру был уже в преклонном возрасте и смог наслаждаться своим повышением лишь недолго, умерев в 663 году.

Теперь Муавия обратил свои мысли к завоеванию других стран, надеясь оставить своему сыну Язиду прославленное имя и королевскую престолонаследие. Соответственно, он

послал его во главе мощной армии, чтобы покорить эту знаменитую столицу, которая в последующие годы была предназначена стать, как и сейчас, штаб-квартирой ислама и резиденцией мусульманских правителей.

Были предприняты большие приготовления, и войска были отправлены как по суше, так и по морю для нападения на Константинополь. Греческая держава находилась в упадке; их император, внук Ираклия, был ленив и не подходил для своей высокой должности; мусульмане питали оптимистичные надежды на успех. Их флот прошел Дарданеллы, и армия высадилась в семи милях от Константинополя. Осажденные укрепили город и отразили нападение с помощью греческого огня — нового и страшного оружия уничтожения для мусульман, которые, разорив соседние побережья, зимовали примерно в восьми милях от Константинополя, на острове Кизик. В течение шести долгих лет они сражались, но тщетно; были потеряны бесчисленные жизни, потоплены корабли и потрачены огромные суммы денег. Долгая практика и необходимая энергия возродили в греках несколько искр того военного рвения, которое годами дремлющее. Они даже вышли из осады и атаковали мусульман, наказав их так сурово, что Моавия, теперь уже старик, был рад заключить перемирие на тридцать лет, ежегодно выплачивая императору три тысячи золотых монет, пятьдесят рабов и пятьдесят арабских лошадей. Язид обвиняется в подстрекательстве к убийству мягкого и добродетельного Хасана, который отрекся от престола в пользу своего отца, но оговорил условие, что после смерти Муавии он возобновит халифат. Этот акт, обеспечивший ему преемственность, был совершен в 47 году хиджры, 669 году НАШЕЙ ЭРЫ.

[669-680 гг. н. э.]

Моавия послал Ахбара бен Нафи аль-Фахри, способного полководца, чтобы продолжить завоевания, так триумфально начатые в Африке Абдаллахом бен Саадом. Этот человек выступил из Дамаска с десятью тысячами всадников, быстро продвигаясь в сторону Африки; и, благодаря быстрому увеличению своих сил за счет присоединения варварских войск, он отбил город Кирену; но во время осады многие из его великолепных зданий были разрушены. Продолжая движение на запад, он пересек пустынные дикие земли и джунгли, прошел через места, кишасшие львами, тиграми и змеями, пока не увидел владения древнего Карфагена, нынешние тунисские провинции. Здесь он основал крепость — своего рода огромный караван-сарай, где можно было складировать запасы, а толстые и высокие стены могли служить защитой в случае поражения. Это место в конечном итоге дало начало городу под названием Карван или Кайрван, что буквально означает «приют для путешественников и животных».

Тем временем Аиша, которая вызвала столько раздора и кровопролития, в пятьдесят шестом году хиджры закончила свой земной путь. Одним из ее последних актов мести было отказ похоронить тело Хасана, который в своем завещании выразил желание быть похороненным рядом со своим дедом Мухаммедом, настаивая на том, что особняк принадлежит ей, и пронеся свою злобу даже за могилу, так что Хасан был похоронен на обычном кладбище.

Песок жизни Моавии быстро заканчивался. Перед смертью он хотел сделать халифат наследственным и увековечить его в своей династии. Соответственно, он публично назвал своего сына Язида своим преемником и приказал провинциям прислать представителей, чтобы присягнуть ему на верность. Это было больше, чем осмелился потребовать сам Мухаммед или любой из его преемников. Делегаты прибыли со всех концов в Дамаск и пожали руку Язиду в знак верности, тем самым основав династию Омейядов, которая просуществовала почти сто лет. Четырнадцать из них были названы фараонами этой

династии. С Моавией пришли роскошь и великолепие, так тесно связанные со всеми нашими представлениями о восточной пышности и прославившиеся как атрибуты халифата, сменившего строгую и скромную простоту раннего ислама. Воды и сады Дамаска были неотразимым соблазном для лени — той особой роскоши, известной среди восточных народов под названием «*кайф*», а на Западе — под выразительным итальянским выражением «*dolce far niente*». Резиденция халифата была установлена в Дамаске, поскольку ни Медина, ни Куфа больше не считались подходящим местом проживания для мусульманских халифов. Моавия, обеспечив своего сына, скончался в 680 году НАШЕЙ ЭРЫ.

ЯЗИД СТАЛ ХАЛИФОМ

[680-683 гг. н. э.]

Язид, которому тогда было тридцать четыре года, был провозглашен халифом — человеком, который, как говорят, был одарен талантами, но пристрастился ко всем порокам, любил роскошную одежду, страстно увлекался музыкой и поэзией и много времени проводил в праздности *кайф*; все это было результатом долгого пребывания в восхитительном, но изнуряющем климате Дамаска. Но пока седьмой халиф бездельничал, отважный генерал Ахбар из племени Ат-Ансар () вернулся к своим войскам в Африке, чтобы продолжить свою завоевательную кампанию. Он пересек Нумидию (Алжир), обширные земли Марокко и древнюю Мавретанию, подчиняя и обращая в свою веру жителей, пока, достигнув западного побережья Африки, не столкнулся с преградой в виде вод Атлантического океана. Здесь, подгоняя своего коня, погруженного в волны по седловые ремни, он, как говорят, поднял свой ятаган к небу и воскликнул: «Если бы эти воды не представляли непреодолимого препятствия, я бы нести веру и закон верующих в страны, простирающиеся от восхода до заката солнца».

Но вскоре после этого к Ахбару пришла весть о том, что в его тылу вспыхнуло восстание. Он переоценил свои силы и теперь должен был дорого заплатить за ту смелость, которую мудрый Омар так часто и так тщательно подавлял среди своих генералов. Во время похода через Нумидию он подвергался постоянным нападениям со стороны группы горцев, которые никогда не вступали в открытое сражение, но спускались со своих крепостей, отрезали отстающих и сеяли хаос в разбитых рядах. Ахбар понял, что поражение неизбежно, и освободил своего соперника и пленника Мухегира, сказав ему, что сегодня день мученичества и, следовательно, свободы для всех, и что он не лишит его возможности заработать себе рай верующих. Небольшой отряд мусульман был буквально изрезан на куски, а тело Ахбара нашли на куче убитых, с разбитым ятаганом, все еще сжатым в его безжизненной руке.

Во время этих событий в Африке Язид пытался обеспечить себе бесспорное владение халифатом. Единственными двумя, кого он боялся как конкурентов, были Хосейн и Абдалла, сыновья Али и Зобейра, которые оба проживали в Медине. Язид написал из Дамаска губернатору Медины, приказав ему потребовать от них клятву верности, но они, узнав, что их жизни будут в опасности из-за интриг губернатора и Мервана бен Хакема, злобного бывшего секретаря Османа, бежали со своими семьями в Мекку, где открыто выступили против Язида.

ОСАДА МЕККИ

[683-684 гг. н. э.]

Хосейн был убит, а его семья была отправлена в плен в Дамаск, где с ними хорошо обращался Язид, который отправил их под тщательной охраной в Медину. Годовщина мученической смерти Хосейна отмечается с большой торжественностью в Персии и Медине; а в последующие годы на месте его гибели был воздвигнут великолепный мавзолей, который арабы называли «Мешхед Хосейн» (гробница Хосейна). Смерть Хосейна дала его другу и выжившему Абдаллаху, сыну Зобейра, новый повод претендовать на халифат и тему, которую он, благодаря своим способностям, мог хорошо использовать, воздействуя на чувства и веру мусульман. Вскоре он был провозглашен халифом домом Хашема, обладая при этом большинством голосов в Мекке и Медине.

Началось открытое восстание, и Язид с трудом нашел одного немощного старого генерала, который поддержал его дело. Ветеран-мусульманин покинул Дамаск с двенадцатью тысячами всадников и пятью тысячами пехотинцев. Прибыв в Медину, он обнаружил, что город надежно укреплен и укреплен. На четвертый день город был взят штурмом и вынужден сдаться. Али, сын Хосейна, а также сторонники и семья Омайи были отправлены под тщательной охраной в Дамаск, а затем город был подвергнут трехдневному разграблению. В шестидесятом году хиджры, 683 году нашей эры, Муслим, память о котором проклята всеми набожными мусульманами, умер во время похода в Мекку; командование принял Хосейн бен Нумайр, сириец по происхождению. Этот генерал осаждал Мекку в течение сорока дней; и как раз когда жители боялись разделить судьбу жителей Медины, пришла весть о том, что Язид скончался в Хавварине в возрасте тридцати девяти лет, в 684 году нашей эры. Это событие изменило ход войны. Нумайр предложил Абдаллаху свою верность, но тот, опасаясь предательства, просто разрешил сирийскому генералу и его войскам без оружия пройти процессией вокруг руин Каабы, которая была разрушена во время осады огнем. Часть семьи Омейя, находившаяся в то время в Мекке, сопровождала сирийцев на их возвращении в Дамаск.

Все последователи Али с отвращением вспоминают Язида как зачинщика убийства двух братьев, Хасана и Хосейна, и обвиняют его в святотатстве за то, что он приказал разграбить Медину и Мекку.

Муавия II, сын Язида, был провозглашен в Дамаске восьмым халифом мусульманской империи, будучи третьим из дома Омейядов, человеком слабым умом и телом, принадлежащим к секте Кадарии, отстаивающей свободу воли человека против диктата мудрых советов и лучшей совести. Этому второму Муавии было двадцать один год, когда он неохотно принял халифат, поскольку его здоровье было настолько плохим, что он был вынужден (скорее всего из-за слабого зрения) запереться в темных комнатах, за что арабы прозвали его Абу Лайли — Отец Ночи. Его главным советником был некий Омар Ахексус, который, как говорят, посоветовал ему отречься от престола после короткого шестимесячного правления; за этот совет Омейяды заживо похоронили несчастного человека. Этот молодой халиф отказался назначить преемника, заявив, что его дед был узурпатором, его отец недостойн столь высокого доверия, а он сам не желает и не способен взять на себя эту ответственность. Вскоре после отречения он умер, разбитый болезнями и мрачным нравом.

[684-689 гг. н. э.]

Сирия вновь была раздираема гражданскими распрями. Население Дамаска поддерживало претензии секретаря Мервана на регентство во время несовершеннолетия Халида, сына Язида, в то время как Египет, Вавилония, Аравия, Хорасан, Медина и Мекка признали халифом Абдаллаха бен Зобейра. Тем временем Обайда бен Зехад, тот самый, который приказал убить Хусейна, считал наступивший момент благоприятным для обеспечения себе

независимости. После многих трудностей он прибыл в Дамаск, чтобы принять активное участие в избрании Мервана халифом, в то время как Басра объявила о своей верности Абдаллаху. Притязания первого были признаны только в Сирии, и даже там существовали две фракции. Между ними разгорелся конфликт, и победа осталась за Мерваном, который был провозглашен халифом и обязан жениться на матери Халида, жене Язида.

Мерван быстро выступил против Египта, но дважды возвращался; и снова дважды разворачивался, получив известие о доблести своего лейтенанта, другого Амру, который в конечном итоге покорил Египет. Жители Хорасана отказались признать любого из халифов; они назначили Селима, младшего брата Обайда Аллаха, регентом, пока дела не будут окончательно урегулированы. Непостоянный народ Куфы, казалось, пробудился от длительной летаргии и высказался в пользу потомков Али, но уже на следующий день отрекся от них. Четыре тысячи человек под командованием пожилого генерала действительно отправились в фанатичную экспедицию, чтобы уничтожить обоих претендентов на халифат и их сторонников, и, бросившись навстречу своей судьбе, все были убиты.

Тем временем в Дамаске и Медине стало известно о судьбе героического Ахбара на равнинах Нумидии. В это время из Египта () прибыло подкрепление, которое помогло возродить мужество мусульман. Но это длилось недолго: большие силы из Константинополя под командованием опытных генералов высадились на побережье Африки. Египтяне покинули свои позиции, Кайрван был взят, и мусульмане были вынуждены отступить в Барку. Абдул-Малик, старший сын Мервана, выступил на помощь потерпевшему поражение исламскому генералу; и две объединенные армии выступили на Кайрван, побеждая врага в каждом сражении, и в конце концов вновь водрузили знамя ислама в Кайрване. После этого Абдул-Малик вернулся в Дамаск, где Мерван, провозгласив его своим преемником, умер после правления, длившегося около одиннадцати месяцев, в шестьдесят втором году хиджры, 685 году НАШЕЙ ЭРЫ.

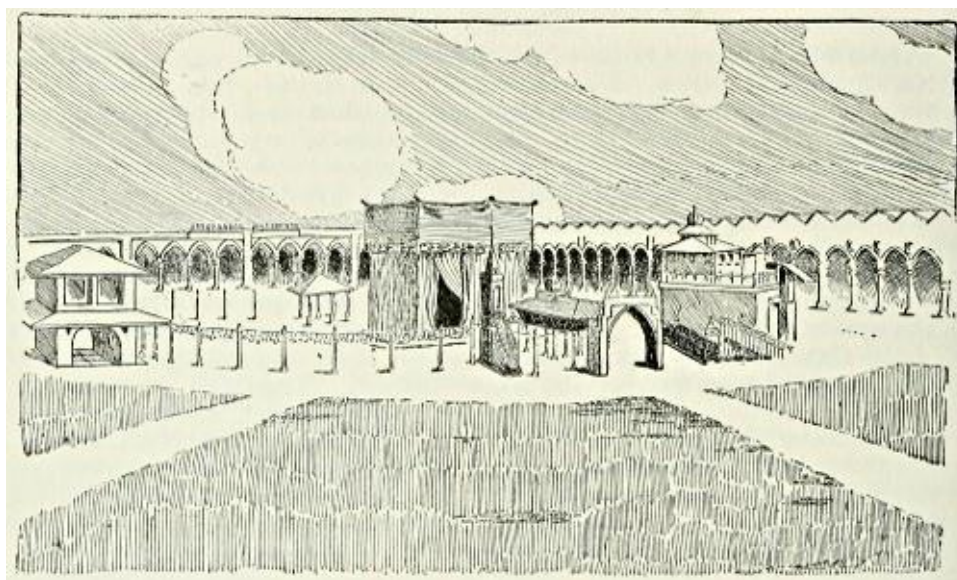
АБДУЛ-МАЛИК, ХАЛИФ (685-705 гг. н. э.)

Абдул-Малик, одиннадцатый халиф, был провозглашен и признан в Сирии, Египте и Африке. Он был в расцвете сил, когда вступил на престол; он был полон энергии, отличался как способный полководец и образованный ученый, но был настолько скупым, что арабы прозвали его Кафхол Хага, что в нашем языке означает «скупец». Абдалла бен Зобаир по-прежнему признавался халифом большей части мусульманских владений; он занимал правительственный пост в Мекке, что давало ему большое влияние на войска паломников, которые даже в тот ранний период ежегодно прибегали к Каабе. Абдул-Малик, завидуя этому, основал соперничающий город паломничества; выбрав для этой цели Аль-Кудус (Иерусалим), священный в глазах мусульман, как место, связанное с деяниями и откровениями Иисуса Христа и Моисея (оба из которых они признают и почитают как пророков), а также как место, где, по утверждению Мухаммеда, он совершил свое чудесное вознесение на небеса; кроме того, это место было окружено гробницами патриархов. Храм в Иерусалиме, где Омар молился на ступенях, был преобразован в мечеть; его расширили, чтобы охватить эти ступени и камень, называемый камнем Иакова, на котором, как говорят, патриарх дремал во время своего вдохновенного сна. Его целовали мусульманские паломники, как они до сих пор целовали Черный камень Каабы. Во время халифата Абдул-Малика был свирепый воин, сын Абу Обайды, которого звали Аль-Мухтар (или Мститель), потому что он взял на себя месть за смерть Хосейна. Несмотря на почти непреодолимые трудности, он выполнил свой обет, получив смертельное ранение, а его небольшая, но крепкая группа из семисот последователей была уничтожена до последнего человека. Его

смерть позволила Мусе бен Зобейру, брату халифа Абдаллаха, править Вавилонией и Куфой. В этот период он был представительным мужчиной в тридцать шестом году жизни и во всех отношениях хорошо подходил для того, чтобы завоевать уважение и любовь народа.

[689-692 гг. н. э.]

Узнав о его успехе, Абдул-Малик сам вторгся в Вавилонию, возглавив свою армию и оставив своего двоюродного брата Амру, который был заместителем Мервана в Египте, управлять Сирией во время своего отсутствия. Родственники глубоко ненавидели друг друга, и халиф едва успел отвернуться, как Амру возжелал халифата. Узнав об этом, Абдул-Малик поспешил вернуться, и между двумя двоюродными братьями и их сторонниками на улицах Дамаска разгорелся смертельный конфликт. Говорят, что женщины бросились между сражающимися, поднимая своих детей и умоляя обе стороны прекратить столь неестественную борьбу. Амру сложил оружие, и были подписаны статьи о примирении. Халиф нарушил свое слово и, захватив двоюродного брата в плен, отрубил ему голову своим собственным ятаганом; затем он изгнал его семью () и казнил всех, кто был на стороне Амру. После отправления изгнанников халиф потребовал письменный договор у вдовы Амру, которая ответила, что сложила его в его саван, чтобы предъявить в день суда.

Место поклонения, Мекка

Абдул-Малик возобновил свой поход на Вавилонию, предварительно отправив вперед надежных послов, чтобы подрывать верность подданных Абдаллаха. Битва произошла недалеко от Тадмора (Пальмира), и халиф овладел Вавилонией и Персидским Ираком. Абдул-Малик назначил своего брата Бешера бен Мервана губернатором Вавилонии, а Мусу бен Носaira, который долгое время пользовался доверием его отца, визирем молодого губернатора. Этот человек в дальнейшем будет фигурировать как известная личность на страницах истории завоеваний ислама. Халиф доверил Мусе военные списки провинции, возложив на него ответственность, а молодой наместник передал ему печать своего ведомства, поручив ему все управление правительством. Сделав все эти приготовления, Абдул-Малик вернулся в Дамаск. Теперь он был бесспорным правителем всей восточной части мусульманских владений и еще больше укрепил мир в других районах, постыдно увеличив дань христианскому императору; но он сделал все это для того, чтобы лучше осуществить свой план нападения на Абдаллаха и нанести ему удар в самом его логове в Мекке.

ОСАДА МЕККИ

[692-698 гг. н. э.]

К Хаджаджу бен Юсуфу, назначенному командующим экспедицией в Мекку, присоединились пять тысяч солдат под командованием Тарика бен Амру. Первый генерал прославился в мусульманской истории как самый способный и красноречивый человек своего времени. Всем, кто присоединился к знамени этих генералов, было объявлено о полном помиловании и защите. Абдаллах послал войска, чтобы остановить их продвижение (), но его меры предосторожности оказались бесполезными. Хаджадж прибыл к воротам города. Перед началом штурма над стенами были выпущены стрелы, к которым были прикреплены прокламации и письма для жителей, предупреждающие их о необходимости покинуть Абдаллаха, который был настолько упрям, что готов был сопротивляться до последнего, даже если их священный город превратится в руины. Город был атакован таранами, а над стенами бросали горящие шары из смолы и нефти, поджигая дома.

Абдалла, хотя и был стар и немощен, мужественно сопротивлялся осаждающим. Говорят, что его мать, внучка Абу Бекра, проявила удивительную энергию и мужество во время осады; говорят, что десять тысяч человек перешли на сторону Хаджаджа, а многие сторонники Абдалла были убиты. В этом безнадежном положении ему предложили сдаться на его условиях, но, как обычно, он посоветовался с матерью, и она напомнила ему, что его отец Зобейр погиб за то же дело, и посоветовала ему не подчиняться игу династии Омейядов, сказав, что лучше умереть с честью, чем жить в позоре те несколько лет, которые ему еще остались. Наконец, после проявления необычайной доблести, бедный старик был сражен кирпичом, что ускорило его смерть; он упал без сил, сражаясь до последнего, и умер после катастрофического девятилетнего правления в возрасте 72 лет, в 70-м году хиджры; так что в тех краях, где девушки часто становятся матерями в четырнадцать-пятнадцать лет, пожилая мать Абдаллаха, которая помогала в борьбе до последнего, должна была пережить свой восемьдесят шестой год. Она умерла через несколько часов после того, как узнала о доблестном поведении и смерти своего сына. Так закончилось соперничество халифатов.

Все арабы этих районов принесли клятву верности. Хаджадж остался правителем Мекки и Медины, прославившись своей жестокостью так же, как и своей доблестью.

В 73 году хиджры мир был вновь восстановлен на всех мусульманских землях, которые теперь были объединены под властью халифа Абдул-Малика; и этот халиф, освободившись от оков гражданской розни, теперь обратил свои мысли к завоеванию чужих земель, надеясь возродить в своем имени ранние триумфы ислама. Сначала он отказался платить дань греческому императору, которая, начавшись при правлении Муавии I в размере 3000 динаров золота в год, теперь увеличилась до 365 000 динаров в год. Христианский император Леонтий сделал себя непопулярным, и халиф, воспользовавшись его беспокойным положением, послал Ибн Валида в грабительский поход. Ибн Валид вернулся с большой добычей, а Лазука и Барунциум были захвачены мусульманами благодаря предательству Сергия, одного из генералов греческого императора. Во время гражданских войн в мусульманской империи христиане отвоевали большую часть своих африканских владений, убив Зохайра, командующего Баркой, так что мусульмане удерживали сильные позиции только во внутренних районах. Халиф решил вернуть все эти земли. В 74 году хиджры Хасан бен Нохман был отправлен с сорока тысячами отборных воинов, чтобы подчинить северные побережья Африки, и продвинулся к Карфагену, которым через некоторое время он овладел. Большинство жителей пали от меча, но некоторые бежали по морю в Сицилию и Испанию. Стены были разрушены, город был отдан на разграбление, а

несколько красивых женщин были взяты в плен. Но пока они радовались своим недавним победам, в море внезапно появился флот, привезший войска из Константинополя и Сицилии, усиленные готами из Испании; экспедицией командовал префект Иоанн, опытный и доблестный воин.

Арабский полководец, поняв, что не в силах противостоять превосходящим силам противника, отступил в Кайруан, где мусульмане укрепились, терпеливо ожидая подкрепления, которое в свое время прибыло. Объединив свои силы, мусульмане разгромили Иоанна и его сторонников, осадили Карфаген и сравняли этот благородный город с землей, предавая его пламени. Имперские войска были быстро изгнаны с побережья Африки. Но мусульманам пришлось столкнуться с грозным врагом в лице Кахины, колдуньи, матери того самого Ибн Кахины, который так измучил войска благородного и доблестного Ахбара. Под руководством этой лжепророчицы и царицы мавры и берберы оказали доблестное сопротивление, и после нескольких сражений Хасан был вынужден отступить к границам Египта. Говорят, что Кахина обратилась к своим войскам с предложением разорить города и страны, расположенные между ее владениями и землями Египта, заявив, что богатство и плодородие этих земель являются причиной, побуждающей мусульман постоянно нарушать их покой, и предсказав, что, пока они существуют, мусульмане обязательно вернутся в еще большем количестве.

[698-699 гг. н. э.]

Ее предложение было немедленно выполнено. Города и поселки были стерты с лица земли, фруктовые деревья вырублены, поля опустошены огнем, и весь облик страны от Танжера до Триполи превратился из обширного сада в ужасную пустошь, где не осталось ни одного дерева, которое могло бы укрыть путника от солнца. Но жители равнин, которые сильно пострадали от этой крайней меры, приветствовали возвращение мусульман. Кахина снова вышла на поле боя. На этот раз ее ряды были ослаблены дезертирством, и она была взята в плен и обезглавлена. Хасан вернулся с добычей в Дамаск, где его приняли с почестями и назначили губернатором Барки, сохранив за ним военное командование провинциями в Африке. Однако Хасан пал жертвой своих почестей, поскольку брат халифа, тогдашний наместник Египта, обидевшись на то, что его собственный лейтенант был смещен в Барке, подстерег Хасана и лишил его должности, держа его под такой строгой охраной, что тот умер от разбитого сердца. Абдул-Азиз бен Мерван, брат халифа, назначил Мусу бен Носaira командующим в Северной Африке. Муса был шестидесяти лет, но все еще бодр и энергичен. Его сопровождали три сына.

Муса присоединился к армии в Африке и сказал солдатам, что он один из них; если они считают, что он поступает правильно, то пусть благодарят Бога и стараются подражать ему; если неправильно, то пусть упрекают его и показывают ему его ошибки; и если кто-то из них хочет пожаловаться, пусть говорит как мужчина. «Наконец, — сказал он, — я получил указание от халифа выплатить вам в три раза больше причитающейся задолженности», и если что-то и сделало приветствия солдат более искренними, то это было именно это завершение его речи. Говорят, что во время его речи на его грудь прилетела воробушка, что Муса истолковал как благоприятное предзнаменование, воскликнув: «Победа, господином Каабы! Победа за нами!» — и одновременно разбросав в воздухе перья бедной птицы.

Муса был щедрым и совершенно лишенным гордости человеком, что делало его любимым среди мусульманских солдат. По прибытии ему пришлось сражаться с берберским вождем Варкастафом, возглавлявшим горную орду, которая грабила между Загваром и Кайруаном; в конце концов он убил его, а его сыновья, Абдул-Азиз и Мерван, рассеяли горцев и заставили их отступить за пределы южной пустыни. Муса отправил своему покровителю большую

часть добычи, захваченной в Африке, и она случайно прибыла в Египет в тот самый момент, когда наместник Абдул-Азиз был в полном отчаянии, не зная, как умиловить гнев своего брата халифа. Халиф, который был человеком алчным, немедленно принял решение в пользу Мусы, а подтвердил назначение своего брата, сделав Мусу эмиром Африки (). В 75-м году хиджры Муса был утвержден в своей должности, а в 80-м году он сражался в самой тяжелой битве своей африканской кампании, разгромив сильные орды варваров в их собственных крепостях среди ущелий горы Атлас.

[699-705 гг. н. э.]

Наконец, две армии вступили в открытую битву, когда берберский вождь вызвал любого мусульманского чемпиона на единоборство. Поскольку с ответом на этот вызов задержались, Мерван, сын Мусы, был назначен для участия в сражении; и, несмотря на то что он был намного меньше и слабее, он убил и всадника, и коня, пронзив их обоих своим копьем. Каслейя, король берберов, был убит, и победа была одержана; Мерван женился на дочери погибшего короля и имел от нее двух сыновей.

Но Муса, не удовлетворившись победами на суше, жаждал выйти в море. Халиф приказал своим предшественникам построить арсенал в Тунисе, и Муса взялся осуществить этот проект, построив верфи и флот для осуществления своего замысла. Многие люди выступали против этого плана, так же как их потомки, современные арабы, выступают против любых улучшений, считая их нововведениями, которые не практиковались их предками до них. Один старый бербер посоветовал ему не сдаваться, и он последовал этому совету настолько, что к концу 81 года хиджры, 701 году нашей эры, арсенал и верфь были построены, а в порту Туниса стоял на якоре мощный флот. Примерно в это же время флот, посланный Абдул-Азизом, захватил остров Лампедуза, добыв огромную добычу, с которой его корабли возвращались, тяжело груженные, когда поднялась сильная буря; флот был отброшен на скалистое побережье Африки, и почти все члены экипажа погибли.

[705-715 гг. н. э.]

В начале 82-го года хиджры Муса отправился в свой первый морской поход с тысячей добровольцев, выбранных из самых храбрых среди его последователей; но когда флот был готов к отплытию, к большому разочарованию тех, кого он набрал, он сошел на берег и передал командование своему третьему и еще не проверенному сыну Абдаллаху. Он вернулся с огромной добычей; настолько огромной, что каждый из его последователей потребовал тысячу динаров золотом в качестве своей доли. Эта экспедиция была зародышем ужасного алжирского бедствия, которое в последующие годы несло смерть и разрушение везде, где торжествовало черное знамя. Эти корабли вернулись в порт примерно в то же время, когда Муса получил известие о смерти халифа Абдул-Малика, которая произошла в 86 году хиджры, 705 году нашей эры, в шестидесятом году его жизни и двадцатом году его правления. Его сын Валид был немедленно провозглашен двенадцатым халифом или преемником пророка в Дамаске; а Муса, немедленно передав халифу его долю огромной добычи, привезенной домой покойной морской экспедицией из Туниса, сразу же получил подтверждение своего поста губернатора или эмира Северной Африки, в то время как интересы его сыновей были пропорционально продвинуты.

Валид был ленивым и сладострастным человеком; он полностью доверил управление своими обширными владениями эмирам, назначенным его отцом, а сам, ненавидя заниматься государственными делами, жил почти в полной изоляции от мира в пределах своего обширного гарема, где у него было не менее шестидесяти трех жен, но он умер, не

оставив после себя потомства. Его правление отличается только тем, что он внес огромные улучшения в архитектурный стиль Востока. Его бездеятельная жизнь отдалила его от заслуженных и устоявшихся лавров, которые обеспечили его предкам дом и имя. Один из его четырнадцати братьев, Маслама, вторгся в Малую Азию, маршируя на Каппадокию, и осадил город Тиана, сильно укрепленный христианами. В конце концов, Тиана была взята; и пока Маслама расширял свои завоевания, его сын распространял веру ислама на Востоке.

В начале халифата Валида флоты Мусы продолжали быть бичом западных районов Средиземного моря. Некоторые корабли направились к Сицилии, другие — к Сардинии; Сиракузы были разграблены; сотни красивых женщин были увезены этими корсарами и проданы, чтобы украсить гаремы богатых мусульман. Абдалла также совершил успешный набег на Майорку, в то время как Муса и его старшие сыновья одержали победу над Фесом, Дагуэллой, Марокко и Сусом; доблестные племена зеуэтов капитулировали, и в конце концов халиф Валид был признан во всем Алмагребе до мыса Нова на Атлантическом океане; оставалось подчинить только Тингитанию, северную оконечность Алмагреба.

В то время как два огромных континента, Европа и Африка, были разделены Геркулесовым проливом, Сеута и Танжер были скалистыми защитными сооружениями этого узкого прохода на африканской стороне; оставалась только противоположная крепость Гибралтар, чтобы обеспечить контроль над Средиземным морем; а за ней, в дымке далекой дали, Муса прикрыл глаза рукой, чтобы полюбоваться пурпурными горами прекрасной Андалусии; возможно, ночной ветерок доносил через этот узкий пролив странный аромат тысячи апельсиновых рощ, смешанный с запахом диких трав и цветов испанских гор, и пробуждал уставшего араба от его снов о мрачной реальности жаркого африканского климата к желанному завоеванию этой неизвестной страны. Эти яркие мечты осуществились в осаде и последующем захвате Сеуты, а также в окончательном завоевании Испании.^b

Оставив рассказ о вторжении арабов в Европу для следующей главы, мы можем продолжить рассказ о судьбах династии Омейядов.^a

ВОСТОЧНЫЙ ХАЛИФАТ

Сразу же после своего вступления на престол Валид подтвердил Хаджаджа в должности правителя Ирака и назначил губернатором Медины своего двоюродного брата Омара ибн Абдул-Азиза, который был встречен там с радостью, поскольку его благочестие и мягкий характер были хорошо известны. Под его управлением по приказу Валида, который, не имея соперников, с которыми ему пришлось бы бороться, мог уделить свое внимание мирным занятиям, в Медине и Мекке были проведены важные работы. Мечеть Медины была расширена, были пробурены колодцы, расширены улицы и построены больницы. В Мекке было проведено много улучшений. Репутация Омара привлекла в два святых города большое количество жителей Ирака, которые страдали под железной рукой Хаджаджа. Последний, не будучи человеком, который позволял своей добыче ускользнуть из рук, настолько настаивал на Валиде, что добился отставки Омара ибн Абдул-Азиза в 93 году и назначения Османа ибн Хайяна в Медине и Халида ибн Абдаллаха в Мекке. Эти два префекта заставили беженцев в Мекке и Медине вернуться в Ирак, где многие из них подверглись жестокому обращению и даже были казнены Хаджаджем. Вероятно, именно его жестокость заставила столь многих иракцев вступить в армии Востока и Юга; и это в некоторой степени может объяснить неслыханные успехи Котайбы ибн Муслима в Трансоксиане и Мухаммеда ибн Касима в Индии. Их можно также объяснить амбициями Хаджаджа, который, как говорят, лелеял проект создания для себя обширной империи к востоку и югу от мусульманского царства и тайно пообещал правительству Китая первому из своих

генералов, который достигнет этой страны. Как бы то ни было, за несколько лет Котайба завоевал всю Бухару, Хорезм и Трансоксиану () или Мавара-ан-Нахр (Mawara-annahr) вплоть до границ Китая. Тем временем Мухаммед ибн Касим вторгся в Мокрам, Синд и Мултан, унес огромную добычу и обратил женщин и детей в рабство. В Армении и Малой Азии Маслама, брат халифа Валида, и его лейтенанты также одержали многочисленные победы над греками. В Армении Маслама продвинулся даже до Кавказа.

АМБИЦИИ СУЛЕЙМАНА

[715 г. н.э.]

Костюм АРАБСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

В год своей смерти, которая произошла в 715 году, Валид хотел, чтобы его сын Абдул-Азиз ибн Валид был избран его преемником, и предложил своему брату Сулейману большую сумму денег, чтобы побудить его отказаться от своих прав на халифат, но Сулейман упорно отказывался это сделать. Валид пошел еще дальше и послал письма губернаторам всех провинций, призывая их заставить народ принести присягу на верность его сыну. Никто, кроме Хаджаджа и Котайбы ибн Муслима, не согласился таким образом отменить порядок престолонаследия, установленный Абдул-Маликом, и Сулейман без труда вступил на престол после смерти своего брата. Мы можем легко представить себе ненависть, которую Сулейман испытывал к Хаджаджу и ко всему, что принадлежало ему, ближнему или дальнему. Сам Хаджадж избежал смерти, но Сулейман излил свой гнев на его семью и стремился уничтожить все, что тот сделал. Прежде всего, Мухаммед ибн Касим, завоеватель Индии, который был двоюродным братом Хаджаджа, был уволен со своего поста и объявлен вне закона. Хаджадж лишил Язида ибн Мухаллаба правительства Хорасана; Сулейман передал ему правительство Ирака. Котайба ибн Муслим, узнав о вступлении Сулеймана на престол, понял, что его собственная гибель неминуема, и поэтому опередил халифа, подняв восстание. Но Сулейман побудил войска Котайбы дезертировать, разрешив им вернуться в

свои дома; и когда прославленный полководец попытался увести с собой свою армию, против него был организован заговор, который закончился его убийством. Язид ибн Мухаллаб, который предпочитал Хорасан Ираку, получил разрешение на обмен. Сразу же по возвращении в Хорасан он начал серию новых походов против Джорджана и Табаристана. Но жители Хорасана, которыми он управлял деспотично, пожаловались на него халифу (), обвинив его в вымогательстве денег, чтобы собрать сумму, достаточную для восстания против своего повелителя. С того дня Сулейман решил избавиться от Язида. Однако, поскольку он тогда мечтал о завоевании Константинополя, он считал разумным на время скрывать свое недовольство, чтобы сосредоточить свое внимание на объекте своих желаний.

В 715-717 гг. н. э. Византийская империя была потрясена внутренними беспорядками. Сулейман решил воспользоваться этим, чтобы навсегда избавиться от наследственного врага ислама, и подготовил грандиозную экспедицию. Флот из 1800 кораблей, оснащенный в Александрии, отплыл к берегам Малой Азии, взял на борт мусульманскую армию под командованием Масламы и переправил ее в Европу. Эта армия появилась под стенами Константинополя 15 августа 717 года, через пять месяцев после того, как на престол взошел Лев III Исаурийский. Греческий огонь вновь одержал верх над мусульманами. Их флот был уничтожен этим страшным орудием войны; армия не могла получить свежих припасов и страдала от всех ужасов голода. Тем временем халиф, желавший лично присутствовать при взятии Константинополя, выступил, чтобы присоединиться к армии. Он заболел в Дабике, недалеко от Алеппо, и умер там 22 сентября того же года, назначив своим преемником своего двоюродного брата Омара ибн Абдул-Азиза, а преемником последнего — своего брата Язида ибн Абдул-Малика. Новый халиф тщетно отправил из Египта флот из четырехсот кораблей, чтобы доставить оружие и провизию армии под Константинополем; этот флот также был уничтожен греками, а мусульманская армия была истреблена голодом, а вскоре и чумой. Сто тысяч человек погибли в мучениях под стенами Константинополя, и Маслама с большим трудом вернул в Малую Азию лишь горстку солдат.

ПОСЛЕДНИЕ ОМЕЙЯДЫ (717-750 гг. н. э.)

Халифом, назначенным Сулейманом своим преемником, был его двоюродный брат Омар II, сын Абдул-Азиза, правитель, в котором, по мнению некоторых авторов, были объединены все добродетели великого Омара, но без его суровости по отношению к неверующим, в то время как другие обвиняют его в введении непосильных налогов на христиан. Язид, некогда любимец Сулеймана, губернатор Хорасана, был брошен в тюрьму за растрату, а все остальные губернаторы получили строгий приказ не прибегать к силе и угнетению при распространении доктрин ислама, а действовать со всей мягкостью и гуманностью. К несчастью для королевства, правление справедливого и благочестивого принца, душа которого отвернулась от земного величия и гордости завоеваний и обратилась к радостям рая, было недолгим. На третьем году своего правления он скончался от мучительной болезни, что вызвало серьезные подозрения в отравлении со стороны некоторых его амбициозных родственников. Омару еще не исполнилось сорока лет, когда, глубоко оплакиваемый всем своим народом, он был похоронен в Деир-Самане, недалеко от Химса (Эмеса).

Четыре года правления Язида II, который был заранее назначен преемником Омара его братом Сулейманом, прошли в условиях гражданских и внешних конфликтов. Едва Язид, сын Мухаллаба, узнал о смерти халифа, как он сбежал из тюрьмы и бежал в Ирак, где его братья и другие родственники имели большую поддержку, и поднял знамя восстания. Однако он был побежден сирийской армией под командованием Масламы в Акре, на левом берегу Евфрата, и искал и нашел смерть на поле битвы. Его братья также были побеждены вражескими силами в Кермане, их жены и дети были проданы в рабство, а мятежные города Бассура и Васит были жестоко наказаны. В то же время в остальных провинциях, особенно в Северной Африке, царили войны, дезертирство и заговоры, а в Испании и на юге Франции мусульманские войска уже не добивались прежних успехов. Тем временем халиф в Дамаске (

) полностью предался удовольствиям любви и песен и в объятиях любимой рабыни искал утешения от усталости и тягот жизни правителя.

[724-744 гг. н. э.]

Брат и преемник Язида, Хишам, избрал совершенно иной курс. Простой в своих вкусах, справедливый и набожный, как и оба Омара, он изгнал из своего двора роскошь и расточительство, которым свободно предавались большинство его предшественников. Но дом Омейядов имел слишком много врагов даже среди самих верующих, а страсти были слишком сильно разжиганы недавней гражданской войной, чтобы двадцатилетнее правление принца, который, несмотря на многие похвальные качества, своей алчностью и подозрительностью навлек на себя вражду всех городских властей, могло пройти без насилия, бурь и несчастий. Отвращение, которое испытывали в Куфе к жестокому и алчному правителю Халиду, возродило в умах изменчивых жителей Ирака всю их прежнюю неприязнь к Омейядам и подтолкнуло шиитов к новому восстанию. Халид был действительно смещен с должности и под пытками вынужден был вернуть свои нечестно нажитые богатства, но заговор был уже слишком широко распространен, чтобы его можно было полностью искоренить. Зайд, внук Хусейна, возглавил восстание на улицах Куфы, которое привело к ожесточенной борьбе, в ходе которой лидер и большинство его последователей погибли. Тело Зайда было изуродовано, а его голова отправлена халифу в Дамаск. Но новая слава мученичества только усилила важность и святость Алидов и укрепила надежды их родственников, Аббасидов, на то, что они смогут вступить в наследство и отнять власть у корейшитов, чтобы обеспечить ее дому Хишама, которому, по мнению строгих верующих, она по праву принадлежала. У них было много сторонников в Хорасане и Трансоксиане; а хариджиты, которые в результате недавних походов распространились по всему царству, служили им в Индии и Африке в осуществлении их амбициозных планов против Омейядов.

Восстания, заговоры и гражданские войны, которые при Хишаме вспыхивали с все возрастающей жестокостью в провинциях, умножая акты грабежа и мести и нанося смертельные удары благосостоянию страны, государства и народа путем разрушения сельского хозяйства, промышленности и торговли, были столь несомненными признаками того, что единство королевства было на грани распада, что могущество династии Омейядов в Дамаске подходило к концу. Покоренные народы начали оправляться от удивления и вспоминать о былых временах; и хотя большинство по-прежнему оставалось верным новой религии, сознание своей национальной идентичности и воспоминания о прошлом не могли быть стерты из их памяти, и смелый лидер, который лучше всех мог пробудить эти тайные чувства, мог рассчитывать на горячую симпатию и множество последователей. Различные элементы, которые религиозный фанатизм объединил в первом порыве «священной войны», со временем, когда на первый план вышли другие интересы и снова разгорелись подавленные страсти, стремились естественным образом разделиться и вновь стать отдельными. Эти стремления народа к независимости были эффективно поддержаны разногласиями и враждой между различными полководцами, интригами Аббасидов и их единоверцев, а также алчностью халифа, который, хотя и вел очень скромный образ жизни, любил любоваться полными казначейскими сундуками.

[744-750 гг. н. э.]

Валид II, преемник Хишама, растратил накопленные сокровища своего предшественника и порадовал льстецов, придворных, генералов и войска своей безграничной щедростью. С другой стороны, он опозорил себя своей распущенностью и излишествами () и вызвал

возмущение, пойдя наперекор всем принятым мусульманским обычаям и религиозным законам. Как бы громко ни пели ему хвалебные песни льстивые поэты, в компании которых он растрачивал богатство, полученное как в результате угнетения, так и по наследству, народ был возмущен недостойным правителем, который проводил время в охоте и разврате, находил удовольствие только в вине, песнях и танцах, предавался неестественным порокам и пограл общественную нравственность, взяв с собой собак и вино в паломничество в Мекку. Поэтому, когда этот безбожный халиф направил губернаторам циркулярное письмо, наполненное благочестивыми максимами строжайшей ортодоксии, призывая весь народ признать и присягнуть на верность его двум несовершеннолетним сыновьям, Хакаму и Осману, как своим будущим правителям, это неслыханное нововведение вызвало живое недовольство. Особенно громко выражали свои жалобы родственники самого правителя, каждый из которых втайне лелеял надежду на престолонаследие; так что теперь к тем опасностям, которые уже угрожали королевскому дому, добавилась еще одна, более угрожающая — раскол внутри него. Сыновья Хишама и Валида I объединились с врагами Омейядов и обвинили халифа, которого они также лично оскорбили, в «неверности, свободомыслии и инцесте». Даже Халид, до сих пор неизменно преданный дому Омейядов, колебался присягать на верность двум детям, которые «еще не умели молиться и не могли быть приняты в качестве законных свидетелей». Тогда халиф выдал его в руки своего смертельного врага Юсуфа, губернатора Куфы, который приказал сломать ему все кости, пока он не умер под пытками. Этим поступком Валид увеличил число своих врагов. В Дамаске и его окрестностях под руководством Язида, сына бывшего халифа Валида I, был организован широкомасштабный заговор, в результате которого повелитель верных был атакован отрядом повстанцев в своем замке Надира, и после отважного сопротивления был побежден и убит. На следующий день его голову пронесли на конце копья по улицам Дамаска, а его собственный брат Сулейман отказался оказать его останкам честь погребения. Правление Язида III продлилось всего полгода. Как бывший мятежник против законного правителя, как приверженец доктрин свободы воли и как скупой лидер, сокративший жалованье своим войскам, он нажил много врагов и, несомненно, пал бы от рук могущественного Мервана, омейядского правителя Армении и Азербайджана, который выступил против него с большой армией, если бы не умер незадолго до сражения.

Мерван вторгся в Сирию со своими закаленными, опытными войсками, захватил Химсо и в отчаянном сражении, которое произошло в узкой долине недалеко от Айн-Диара, разгромил йеменскую армию, которую сын Хишама, Сулейман, вывел на поле боя против него. В этой битве Сулейман потерял 17 тысяч человек на поле боя, и столько же попало в руки Мервана, а остальная часть его армии разбежалась в беспорядке. Когда весть об этой битве дошла до Дамаска, Ибрагим, которого Язид III назначил своим преемником, бежал из столицы вместе с Сулейманом, предварительно казнив сыновей Валида и Юсуфа, бывшего правителя Ирака, которые находились в тюрьме, и захватив государственную казну. Мерван, который до сих пор выступал только в роли мстителя Валида и защитника его сыновей, теперь оказался в положении, когда он мог протянуть руку к короне халифа и заставить принести ему клятву верности. Чтобы придать своим притязаниям вид законности, он обнародовал заявление сокамерника убитых принцев, который утверждал, что перед смертью старший из них передал ему, Мервану, право на престол. Несмотря на это утверждение, правдивое или ложное, и несмотря на примирение, которое произошло позже с Ибрагимом и Сулейманом, правление Мервана так и не получило полного признания. Битва при Айн-Диаре нанесла слишком глубокие раны, слишком сильно усилила в сознании многих людей священный долг мести, чтобы позволить Мервану, узурпатору, когда-либо спокойно наслаждаться своей властью. Годы его правления были отмечены непрерывными борьбой с враждебными фракциями, которые вновь объединились и по всему королевству поднимали народ на восстание. Даже сирийцы, которые до сих пор были самой сильной опорой Омейядов,

частично перешли на сторону врага, и Мерван, со всем своим военным талантом и неутомимой активностью, которые принесли ему довольно сомнительный титул Химар (Осел), в конечном итоге не смог противостоять такой решительной оппозиции. Из-за восстаний, междоусобных распрей и гражданских беспорядков в каждой провинции все королевство находилось в состоянии анархии и беззакония, что разрушило всякий частный мир и пробудило в каждом сердце сильное желание видеть у руля государства твердую руку, которая выведет бы его из бурных вод. То, что такого правителя больше не следовало искать среди членов дома Омейядов, раздробленного и не имеющего прочной религиозной основы, в последнее время стало твердым убеждением всех.

На Востоке активный сторонник Абу Муслим поднял черный флаг Аббасидов и появился в черном одеянии в компании своих последователей на самых роскошных пирах. «Под углями, — сказал Наср, губернатор Хорасана, халифу, когда тот просил помощи против дома Аббаса и его поборника Абу Муслима, — я вижу красные угли, которые скоро разгорятся и задушат или поглотят мудрейших, тело и душу. Как дерево питает огонь, так и подстрекательские речи провоцируют войну, и я с удивлением спрашиваю: семья Омейя бодрствует или спит?»

После того как Наср подвергся многочисленным нападениям со стороны Абу Муслима, он получил от халифа подкрепление под командованием генерала Набата. Но когда последний с десятью тысячами сирийцев был разгромлен войсками Абу Муслима под командованием Кахтабы, Наср бежал с остатками своих войск в Хамадан. Он не дожидаясь древнего города, и его преемник на посту губернатора сдался Кахтабе, который как раз возвращался со второй победы под Исфаханом, на условии, что он сам и его сирийские последователи получат полное помилование. Черный флаг Аббасидов теперь развевался на всех землях к востоку от Тигра, и для семьи Омейядов настал решающий час. Кахтаба погиб на окровавленном поле битвы при Кербеле, но его сын Хасан, который сменил отца на посту командующего, нанес полное поражение сирийской армии, возглавляемой храбрым правителем Хобайрой. Теперь настала очередь Куфы вывесить черное знамя, и в этом городе Абул-Аббас, глава Аббасидов, был провозглашен халифом.

Когда весть об этих событиях дошла до воинственного Мервана, он собрал все свои вооруженные силы и, приказав казнить Ибрагима, старшего из братьев Аббасидов, в его тюрьме в Хараме, выступил навстречу врагу. На реке Заб, недалеко от руин Ниневии, где когда-то в окрестностях Арбелы и Гаугамелы была решена судьба Персидского царства и его правящего дома, произошла великая битва, которая отняла у Омейядов скипетр верховной власти на Востоке и дала первый импульс к распаду всего царства (25 января 750 года). Удача, которая так долго была благосклонна к Мервану, теперь покинула его; преследуемый предательством и несчастьями, он бежал с поля битвы в Химс и Дамаск, куда могли последовать за ним лишь немногие из солдат, составлявших его могущественные войска, а те, кто избежал меча врага, нашли смерть в водах реки. Затем Абдаллах начал триумфальный поход по всем городам и странам, лежащим между Мосулом и Сирией. Мерван, назначив своим наместником зятя Валида, бежал при его приближении в Палестину. Здесь он узнал, что черный флаг развевается и в Дамаске, где страшный Абдалла, прозванный «Ас-Саффан, Проливший Кровь», отпраздновал свое вступление в город, казнив новоназначенного наместника Валида, и он снова попытался бежать — на этот раз в Египет. Но восстание достигло даже мирной долины Нила, и в неудачном сражении с противниками Мерван II погиб насильственной смертью, пытаясь найти убежище в церкви в Бусире, в Верхнем Египте.

Смертью Мервана исчезла последняя опора единства королевства. Несмотря на слабость и непопулярность многих правителей династии Омейядов, их власть простиралась от Инда и Яксарта до западного побережья Пиренейского полуострова и от Кавказа до Аденского залива. Единственные основатели и хранители исламского царства в трех частях древнего мира, Омейяды в начале своего существования прославились настолько, что это затмило многие недостатки их более поздних представителей, придав их именам блеск, который, по мнению их современников, им по праву не принадлежал. Теперь, когда Абул-Аббас утвердился в Дамаске, центральная точка, вокруг которой вращалась вся политическая жизнь мусульман, была утрачена; и ислам отныне должен был разделиться на все более расширяющиеся небольшие круги, в которых каждая единица была свободна развиваться индивидуально, пока мусульманский мир не вернулся к тому состоянию раздробленности, которое сначала преобладало среди племен Аравийского полуострова. Среди халифов Дамаска действительно были такие, чьи добродетели и способности к правлению не отрицались более поздними писателями. Набожность и любовь к справедливости Омара II, а также придворная жизнь Язида II, озаренная всем блеском, который могли придать ей доброжелательность, поэзия и великолепные пиры, получили полную похвалу от поэтов и истинных верующих. Заимствуя у византийцев их методы управления и греко-римскую культуру, привлекая к своему двору врачей, архитекторов и математиков и обогащая простую жизнь жителей пустыни искусствами и удобствами цивилизации, они показали будущим правителям, как объединить местные и иностранные составляющие, чтобы добиться великих результатов, объединить многие и разнообразные элементы в одно целое. Но на имени Омейядов лежало пятно, которое, по мнению истинных верующих, никогда не могло быть стерто. Кровь Али и его семьи все еще окрашивала их руки, они изгнали священную линию Мухаммеда с почетного места и покрыли голову Хосейна насмешками и презрением. Эти грехи не могли быть искуплены ни одним действием; они составляли вечное проклятие, которое должно было переходить от одного поколения к другому, разделяя семьи распрями и внутренними враждами, пока вся династия не будет окончательно свергнута.^d

ГЛАВА VII. АРАБЫ В ЕВРОПЕ

[711-961 гг. н. э.]

В ходе завоеваний с севера и юга готы и сарацины столкнулись друг с другом на границе Европы и Африки. По мнению последних, различие в религии является разумным основанием для вражды и войны. Еще во времена Османа их пиратские эскадры опустошали побережья Андалусии; они также не забыли об освобождении Карфагена готскими войсками. В ту эпоху, как и в настоящее время, короли Испании владели крепостью Сеута, одной из колонн Геркулеса, которую от противоположной колонны или мыса Европы отделяет узкий пролив. Для завоевания Африки оставалось еще небольшой участок Мавритании, но Муса, опьяненный победой, был отброшен от стен Сеуты бдительностью и мужеством графа Юлиана, генерала готов. От разочарования и смятения Мусу избавило неожиданное сообщение от христианского вождя, который предложил свое место, свою личность и свой меч преемникам Мухаммеда и просил о почетной чести ввести их войска в самое сердце Испании.

[711 г. н.э.]

Если мы спросим о причине его предательства, испанцы повторят популярную историю о его дочери Ла Каве, о деве, которая была соблазнена или изнасилована своим правителем, о отце, который пожертвовал своей религией и страной ради жажды мести. Страсти принцев часто бывали разнузданными и разрушительными, но эта хорошо известная история, романтическая сама по себе, не подтверждается внешними свидетельствами, а история Испании подсказывает некоторые мотивы интереса и политики, более близкие сердцу опытного государственного деятеля. После смерти или свержения Витизы его два сына были смещены амбициями Родерика, знатного гота, чей отец, герцог или губернатор провинции, пал жертвой предыдущей тирании. Монархия по-прежнему была выборной, но сыновья Витизы, воспитанные на ступенях трона, не могли смириться с частным положением. Их недовольство было тем опаснее, что оно было прикрыто придворным лицемерием; их сторонники были возбуждены воспоминаниями о милостях и обещаниями революции; а их дядя Оппас, архиепископ Толедо и Севильи, был первым человеком в церкви и вторым в государстве (). Вероятно, что Юлиан был вовлечен в позор неудачной фракции; что он мало надеялся и много боялся нового правления; и что неосторожный король не мог забыть или простить обиды, нанесенные Родерику и его семье. Слишком слабый, чтобы встретить своего повелителя с оружием в руках, он обратился за помощью к иностранной державе; и его опрометчивое приглашение мавров и арабов привело к бедствиям, длившихся восемьсот лет. В своих посланиях или в личной беседе он раскрыл богатство и уязвимость своей страны, слабость непопулярного принца, дегенерацию изнеженного народа.

Готские племена уже не были теми победоносными варварами, которые смирили гордость Рима, ограбили королеву народов и проникли от Дуная до Атлантического океана. Изолированные от мира Пиренейскими горами, преемники Алариха дремали в долгом мире; стены городов превратились в прах; молодежь отказалась от военного дела; и самонадеянность их древней славы подвергла бы их на поле битвы первому же удару захватчиков. Амбициозный сарацин был воодушевлен легкостью и важностью предприятия, но его осуществление было отложено до тех пор, пока он не проконсультировался с полководцем верующих, и его посланник вернулся с разрешением Валида присоединить неизвестные королевства Запада к религии и трону халифов. В своей резиденции в Танжере Муса, действуя тайно и осторожно, продолжал переписку и ускорял приготовления. Но угрызения совести заговорщиков были успокоены ложным заверением, что он должен довольствоваться славой и добычей, не стремясь установить власть мусульман за морем, отделяющим Африку от Европы.

Прежде чем Муса доверил армию верующих предателям и неверным из чужой страны, он провел менее опасное испытание их силы и правдивости. Сто арабов и четыреста африканцев переправились на четырех судах из Танжера или Сеуты; место их высадки на противоположном берегу пролива отмечено именем их вождя Тарика, а дата этого памятного события приурочена к месяцу Рамадан девяносто первого года хиджры. Их гостеприимный прием, христиане, присоединившиеся к их знамени, их вторжение в плодородную и неохраняемую провинцию, богатство их добычи и безопасность их возвращения предвещали их братьям самые благоприятные предзнаменования победы. Следующей весной пять тысяч ветеранов и добровольцев под командованием Тарика, бесстрашного и умелого воина, превзошедшего ожидания своего вождя, были отправлены в поход, а необходимые транспортные средства были предоставлены их верным союзником.

Сарацины высадились у столба или оконечности Европы; коррумпированное и знакомое название Гибралтар (*Джебель-ат-Тарик*) описывает гору Тарик; а укрепления его лагеря были первым наброском тех фортификационных сооружений, которые в руках британцев противостояли искусству и мощи дома Бурбонов. Соседние правители сообщили двору в Толедо о пришествии и продвижении арабов; а поражение его лейтенанта Эдеко, которому было приказано захватить и связать дерзких чужеземцев, предупредило Родерика о масштабах опасности. По королевскому приказу герцоги, графы, епископы и дворяне готской монархии собрались во главе со своими последователями; и титул короля римлян, который используется арабским историком, можно оправдать близким родством языка, религии и нравов между народами Испании.

Его армия насчитывала девяносто или сто тысяч человек — грозная сила, если бы их верность и дисциплина соответствовали их численности. Войска Тарика были увеличены до двенадцати тысяч сарацин, но недовольные христиане были привлечены влиянием Юлиана, и толпа африканцев с жадностью вкусила мирские блага *Корана*. В окрестностях Кадиса город Херес прославился сражением, которое определило судьбу королевства; река Гуадалете, впадающая в залив, разделяла два лагеря и обозначала места продвижения и отступления в течение трех кровавых дней. На четвертый день две армии вступили в более серьезную и решающую схватку; но Аларик покраснел бы при виде своего недостойного преемника, увенчанного жемчужной короной, обремененного струящейся мантией из золота и шелка с вышивкой и лежащего на носилках или колеснице из слоновой кости, запряженной двумя белыми мулами. Несмотря на доблесть сарацин, они пали под тяжестью многочисленности, и равнина Хереса была усыпана шестнадцатью тысячами их трупов. «Братья мои, — сказал Тарик своим выжившим товарищам, — враг перед вами, море за вами; куда же вы бежите? Следуйте за своим полководцем; я решил либо потерять свою жизнь, либо растоптать поверженного короля римлян». Помимо отчаяния, он полагался на тайную переписку и ночные встречи графа Юлиана с сыновьями и братом Витизы. Два принца и архиепископ Толедо занимали самые важные посты; их своевременное перебежничество разбило ряды христиан; каждый воин, движимый страхом или подозрением, заботился о своей личной безопасности; и остатки готской армии были рассеяны или уничтожены в бегстве и преследовании в течение следующих трех дней. Среди всеобщего беспорядка Родрик выскочил из своей колесницы и сел на Орелию, самую быструю из своих лошадей, но он избежал солдатской смерти, чтобы погибнуть еще более позорно в водах Бетиса или Гвадалкивира. Его диадема, одежды и скакун были найдены на берегу, но поскольку тело готского принца было унесено волнами, гордость и невежество халифа, должно быть, были удовлетворены какой-то более скромной головой, которая была выставлена в знак триумфа перед дворцом в Дамаске.—^[38] «И такова, — продолжает доблестный историк⁴ арабов, — судьба тех королей, которые уходят с поля битвы».

Граф Юлиан так глубоко погряз в вине и позоре, что его единственной надеждой было разрушение своей страны. После битвы при Хересе он порекомендовал победоносному сарацину самые эффективные меры. Тарик прислушался к его совету. Римский пленник и прозелит, который был освобожден самим халифом, напал на Кордову с семьями всадников; он переплыл реку, застал город врасплох и загнал христиан в большую церковь, где они защищались более трех месяцев. Другой отряд захватил побережье Бетики. Поход Тарика пролегал через Сьерра-Морену, разделяющую Андалусию и Кастилию, пока он не появился с оружием у стен Толедо. Наиболее ревностные католики бежали, унеся с собой мощи своих святых; и если ворота были закрыты, то только до тех пор, пока победитель не подписал справедливую и разумную капитуляцию. Но если справедливость Тарика защищала христиан, то его благодарность и политика вознаграждали евреев, чьей тайной или открытой помощью он был обязан своими важнейшими завоеваниями. Преследуемый королями и синодами Испании, которые часто ставили его перед выбором между изгнанием и крещением, этот изгнанный народ воспользовался моментом мести; сравнение их прошлого и настоящего положения было залогом их верности; и союз между последователями Моисея и Мухаммеда сохранялся до последней эпохи их общего изгнания.

[711-713 гг. н. э.]

Из королевской резиденции в Толедо арабский вождь распространил свои завоевания на север, на современные королевства Кастилия и Леон; но нет нужды перечислять города, которые сдались при его приближении, или снова описывать изумрудный стол, привезенный с Востока римлянами, приобретенный готами среди трофеев Рима и подаренный арабами трону Дамаска. За астурийскими горами морской город Хихон стал конечной точкой похода лейтенанта Мусы, который со скоростью путешественника совершил свой победоносный марш длиной в семьсот миль от скалы Гибралтара до Бискайского залива. Неудача на суше заставила его отступить, и он был отозван в Толедо, чтобы оправдаться за свою самонадеянность в попытке подчинить королевство в отсутствие своего генерала.

Испания, которая в более диком и беспорядочном состоянии сопротивлялась двести лет оружию римлян, была завоевана за несколько месяцев сарацинами; и такое было рвение к подчинению и заключению договора, что губернатор Кордовы, как известно, был единственным вождем, который без условий попал в плен к ним. Дело готов было окончательно решено на поле битвы при Хересе, и в условиях всеобщего уныния каждая часть монархии отказалась от борьбы с противником, который победил объединенные силы всех остальных. Однако искра жизненного пламени все еще горела; некоторые непобедимые беглецы предпочли жизнь в бедности и свободе в долинах Астурии; выносливые горцы отразили рабов халифа, а меч Пелагия (Пелайо) превратился в скипетр католических королей.

САРАЦИНСКИЙ ВОЖДЬ

Узнав о его быстром успехе, Муса перестал аплодировать и стал завидовать; он начал не жаловаться, а бояться, что Тарик не оставит ему ничего, что можно было бы покорить. Во главе десяти тысяч арабов и восьми тысяч африканцев он лично перешел из Мавритании в Испанию; первыми из его спутников были самые благородные из корейшей; его старший сын остался командующим в Африке; трое младших братьев были в том возрасте и имели такой характер, что могли поддержать самые смелые предприятия своего отца. Некоторые враги все еще оставались для меча Мусы. Поздно пришедшее раскаяние готов позволило им сравнить свои силы с силами захватчиков; города, от которых Тарик отказался от похода, считали себя неприступными; и самые отважные патриоты защищали укрепления Севильи и Мерида. Они были последовательно осаждены и покорены усилиями Мусы, который перенес свой лагерь из Бетиса в Анас, из Гвадалкивира в Гвадиану. Когда он увидел величие римских сооружений, мост, акведуки, триумфальные арки и театр древней столицы Лузитании, он сказал своим четырем спутникам: «Я полагаю, что человечество объединило свое искусство и силу для основания этого города ; счастлив тот, кто станет его властелином!» Оборона Мерида была упорной и длительной, а замок мучеников был вечным свидетельством потерь мусульман. Настойчивость осажденных в конце концов была сломлена голодом и отчаянием, и благоразумный победитель скрыл свое нетерпение под маской милосердия и уважения. Был предоставлен выбор между изгнанием и данью; церкви были разделены между двумя религиями, а богатства тех, кто погиб во время осады или удалился в Галисию, были конфискованы в качестве награды верным.

На полпути между Меридой и Толедо лейтенант Мусы поприветствовал наместника халифа и провел его во дворец готских королей. Их первая встреча была холодной и формальной; был потребован строгий отчет о сокровищах Испании; характер Тарика подвергся подозрениям и поношениям; герой был заключен в тюрьму, оскорблен и позорно выпорочен рукой или по приказу Мусы. Однако дисциплина была настолько строгой, рвение настолько чистым, а дух первобытных мусульман настолько покорным, что после этого публичного унижения Тарик смог служить и заслужить доверие в покорении провинции Таррагона. В Сарагосе была построена мечеть благодаря щедрости корейшейцев; порт Барселоны был открыт для судов из Сирии; а готы были преследованы за Пиренейскими горами в их галльскую провинцию Септимания или Лангедок. В церкви Святой Марии в

Каркассоне Муса нашел, но вряд ли оставил, семь конных статуй из массивного серебра; и из своего *срока* или колонны в Нарбоне он вернулся по своим следам к галисийским и лузитанским берегам океана. Во время отсутствия отца сын Абдул-Азиз наказал повстанцев Севильи и подчинил себе побережье Средиземного моря от Малаги до Валенсии.

Теодемир и его подданные были обращены с необычайной мягкостью, но размер дани, по-видимому, колебался от одной десятой до одной пятой, в зависимости от покорности или упрямства христиан. В ходе этой революции энтузиасты, движимые плотскими или религиозными страстями, причинили много частичных бедствий; некоторые церкви были осквернены новым культом; некоторые реликвии или изображения были приравнены к идолам; мятежники были преданы мечу; а один город (неизвестное место между Кордовой и Севильей) был разрушен до основания. Однако, если сравнить вторжение готов в Испанию или ее восстановление королями Кастилии и Арагона, мы должны приветствовать умеренность и дисциплину арабских завоевателей.

Подвиги Мусы были совершены в закате жизни, хотя он и пытался скрыть свой возраст, окрашивая белую бороду красным порошком. Но в любви к действию и славе его грудь по-прежнему горела юношеским пылом, и завоевание Испании рассматривалось лишь как первый шаг к монархии Европы. Обладая мощной армией и флотом, он готовился пересечь Пиренеи, чтобы уничтожить в Галлии и Италии угасающие королевства франков и лангобардов и проповедовать единство Бога на алтаре Ватикана. Оттуда, покорив варваров Германии, он намеревался следовать по течению Дуная от его истоков до Черного моря, чтобы свергнуть Греческую или Римскую империю Константинополя, а затем, вернувшись из Европы в Азию, объединить свои новые завоевания с Антиохией и провинциями Сирии. Но его грандиозное предприятие, возможно, легко осуществимое, должно было показаться экстравагантным для простых умов, и мечтательный завоеватель вскоре был напоменен о своей зависимости и рабстве.

Друзья Тарика эффективно изложили его заслуги и обиды; при дворе Дамаска поступки Мусы были осуждены, его намерения вызвали подозрения, а его задержка с ответом на первое приглашение была наказана более суровым и категоричным призывом. Бесстрашный гонец халифа вошел в его лагерь в Луго в Галисии и в присутствии сарацин и христиан схватил поводья его лошади. Его собственная лояльность или лояльность его войск внушала ему долг повиновения; и его позор был смягчен отзывом его соперника и разрешением передать его два правительств его двум сыновьям, Абдаллаху и Абдул-Азизу. Его долгий триумфальный поход от Сеуты до Дамаска продемонстрировал добычу Африки и сокровища Испании; в его свите выделялись четыреста готских дворян с золотыми коронами и поясами; а число пленников обоих полов, отобранных по рождению или красоте, исчислялось в восемнадцать, а то и в тридцать тысяч человек.

[713-722 гг. н. э.]

Через десять лет после завоевания халифу была представлена карта провинции — моря, реки и гавани, жители и города, климат, почва и минеральные ресурсы земли. За два столетия дары природы были улучшены благодаря сельскому хозяйству, производству и торговле трудолюбивого народа, а результаты их усердия были усилены бездельем их воображения. Первый из Омейядов, правивших в Испании, обратился за поддержкой к христианам и в своем указе о мире и защите довольствовался скромным налогом в размере десяти тысяч унций золота, десяти тысяч фунтов серебра, десяти тысяч лошадей, стольких же мулов, тысячи доспехов, а также равного количества шлемов и копий. Самый могущественный из его преемников получал от того же королевства ежегодную дань в размере двенадцати миллионов сорока пяти тысяч динаров или золотых монет, что

составляло около шести миллионов фунтов стерлингов; эта сумма, по всей вероятности, превышала совокупные доходы христианских монархов в X веке. Его королевская резиденция в Кордове насчитывала шестьсот мечетей, девятьсот бань и двести тысяч домов; он давал законы восьмидесяти городам первого, тремстам городам второго и третьего порядка, а плодородные берега Гвадалквивира были украшены двенадцатью тысячами деревень и поселков. Арабы, возможно, преувеличивали правду, но они создали и описали самую процветающую эпоху богатства, земледелия и народонаселения Испании.^c

Муса достиг Сирии только в конце 714 года. Валид Абул-Аббас находился на смертном одре, и Сулейман, брат и наследник халифа, написал эмиру, приказав ему не приближаться к умирающему правителю, а отложить свое вступление в Дамаск до начала нового правления. Сулейман, несомненно, хотел, чтобы пышность зрелища украсила его собственное вступление на престол, и чтобы привезенные сокровища не подверглись риску распыления его братом. Но Муса неосмотрительно проигнорировал приказ; возможно, он боялся судьбы, которая ждала бы его за задержку, если бы Валид выздоровел, и направился во дворец. Однако через несколько дней принц простился с империей и с жизнью, а Муса остался подверженным мести Сулеймана. Его бросили в тюрьму, избивали палками, заставив простоять целый день перед воротами дворца, и, наконец, оштрафовали на такую огромную сумму, что, если бы его богатство не было неисчерпаемым, он бы обнищал.

В то время как Муса был так заслуженно наказан за свою алчность и несправедливость, его сын Абдул-Азиз активно занимался завершением покорения полуострова. Но один шаг, который, без сомнения, он ожидал укрепит его влияние как среди арабов, так и среди туземцев, стал причиной его падения. Пораженный очарованием Эгилонсы, вдовы Родерика, он сначала сделал ее своей наложницей, а затем женой; и вполне вероятно, что под влиянием советов этой амбициозной и беспринципной женщины он стремился к независимому суверенитету. Кроме того, Сулейман мог вполне опасаться открытого восстания сына, узнавшего о суровой судьбе отца. Чтобы предотвратить последствия, которые, как он боялся, могли возникнуть из-за возмущения этой влиятельной семьи, он отправил тайные приказы о смещении и казни трех братьев. И Абдул-Азиз, участвуя в утренней молитве в мечети Севильи, пал под кинжалами убийц. После этой кровавой казни, столь характерной для мусульманского правительства, Хабиб бен Обаид отправился с головой эмира ко двору Дамаска. Ее показал Мусе халиф, который в то же время с горькой улыбкой спросил его, узнает ли он ее. Старик, который узнал ее слишком хорошо, отвернулся, дрожа, и без страха воскликнул: «Проклят тот, кто уничтожил человека, лучшего, чем он сам!» Затем он покинул дворец и отправился в пустыни Аравии, где горе от потери своих детей вскоре привело его с разбитым сердцем в могилу.

Несмотря на то, что Муса перенес тяжелые испытания и что эти испытания были на него наведены отвратительным образом, невозможно испытывать большую жалость к его судьбе. Он был в достаточной мере виновен в зависти, алчности и несправедливости, и хотя арабские писатели, жившие долго после его времени, мало говорят о его жестокости, она не менее неоспорима, судя по свидетельствам современных ему христианских историков. Ужасы, которые он совершил в своей карьере завоевателя, или, скорее, истребителя, сравнивают с ужасами Трои и Иерусалима и с худшими зверствами преследовавших язычников императоров. Возможно, в пафосных заявлениях этих историков есть преувеличение, но само преувеличение необходимо признать, чтобы доказать печальный факт. Казнь Абдул-Азиза вызвала большое смятение в умах местных жителей.

Арабские шейхи собрались, чтобы наделить одного из своих высоким достоинством. Добродетели и мудрость Аюба бен Хабиба, племянника Мусы, заслужили их единодушную поддержку. Но Омар II, преемник Сулеймана, пренебрегая признанием губернатора, не

назначенного суверенной властью халифа, сместил Аюба и назначил Аль-Хаура бен Абд ар-Рахмана на должность наместника. Говорят, что даже богатая добыча, которую он собрал во время вторжения в готскую Галлию, не могла удовлетворить его алчность, и он вымогал у народа огромные суммы. Но больше всего недовольство арабов усилило поражение его генерала Аль-Камы, который осмелился проникнуть в горные крепости Астурии, чтобы сокрушить зарождающуюся власть Пелайо. [См. следующий том, посвященный Испании.]

Язид, преемник Омара, заменил Аль-Хаура на Ас-Сама бен Малика [или Ассана] в 721 году нашей эры. Во главе значительных сил он перешел Пиренеи, взял Каркассон, подчинил Нарбонну и осадил Тулузу, которая оказала достойное сопротивление, пока Эд, герцог Аквитании, не поспешил ей на помощь. Под стенами этого города произошла кровопролитная битва, которая оказалась роковой для надежд мусульман. Их эмир, шейхи и многие тысячи их соратников остались на поле боя; возможно, немногие из них смогли бы спастись, если бы не мужественная решимость Абд ар-Рахмана, заместителя погибшего вождя, который собрал остатки войск и благополучно отступил в Нарбонну.

Благодарные выжившие немедленно возложили на Абд ар-Рахмана бен Абдаллаха управление Испанией, и это избрание было утверждено эмиром Африки. Но Амбаса, благодаря преступным интригам, добился смещения этого любимого вождя и своего собственного назначения. Каркассон и Ним тщетно пытались сопротивляться ему. Однако в разгар своего успеха Амбаса () умер, и по его просьбе его преемником был назначен Одсра бен Абдалла (Odsra ben Abdallah), но вскоре его сменил Яхья бен Салма (Yahya ben Salma). Однако жалобы были настолько громкими, что африканский эмир был вынужден сместить его и назначить на его место Османа бен Аби Незу (Othman ben Abi Neza), более известного читателям как Мануза (Manuza). Но через несколько месяцев этот эмир был заменен другим, а последний был столь же быстро смещен, чтобы освободить место для сирийца Аль-Хайтама бен Обайда. Через два месяца Абд ар-Рахман, предшественник Амбасы, вновь был наделен достоинством наместника — назначением, которое вызвало наивысшее удовлетворение в стране.

ВТОРЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ

[722-732 гг. н. э.]

Этот прославленный эмир начал свое второе правление, верша правосудие настолько беспристрастно, что ни одна из религиозных групп не могла найти повода для жалоб. Но эти заботы не могли надолго отвлечь его от великого замысла, который он вынашивал, — вторжения во всю Галлию. Хотя арабские историки скрывают масштабы приготовлений, чтобы, естественно, смягчить позор неудачи, нет сомнений в том, что эти приготовления были огромными, что истинные верующие стекались под белым знаменем [\[39\]](#) из самых отдаленных уголков владений халифа и что весь мусульманский мир с напряженным нетерпением ждал экспедиции.

Незадолго до того, как мусульманская армия начала свой поход, Осману, который все еще находился на своем посту в Готической Галлии, в непосредственной близости от Пиренеев, было приказано опустошить провинцию Аквитания. Но Османа, или Мануза, не было в настроении выполнять приказ; он с завистью наблюдал, как Абд ар-Рахман предпочитался ему, а его брак с одной из дочерей Эудеса, герцога Аквитании, которую он страстно любил, заставлял его больше стремиться к поддержанию дружбы, чем к вражде с франками. В этом затруднительном положении Османа сообщил Эду о задуманном нападении, тем самым дав вождю возможность противостоять ему. Абд ар-Рахман немедленно отправил отборный отряд войск под командованием одного из своих доверенных генералов, чтобы следить за

передвижениями и, в случае необходимости, наказать за измену Османа, который вместе со своей прекрасной принцессой искал спасения в бегстве. Его догнали в Пиренеях, когда он отдыхал в жару дня у фонтана. Его голову отправили эмиру, а его невесту отправили доживать свои дни в гарем Дамаска.

Абд ар-Рахман теперь начал свой знаменательный поход в надежде донести знамя пророка до самых берегов Балтики. Его продвижение вызвало панику по всей Европе, и это было вполне понятно, ведь столь грозного и разрушительного вооружения Европа не видела со времен Аттилы. Пожары, руины, крики насильованных девственниц и стоны умирающих делали это памятное вторжение скорее делом рук демона, чем человека. Процветающие города южной и центральной Франции, от Гаскони до Бургундии и от Гаронны до Луары, вскоре превратились в дымящиеся руины. Напрасно Эд пытался остановить непреодолимый поток, оспаривая проход через Дордонь; его армия была сметена, а он сам был вынужден просить пощады у своего врага, мэра франков. Знаменитый герой Карл Мартелл (), чьи действия, управление и многочисленные победы вызывали справедливое восхищение современников, не менее стремился стать спасителем христианского мира, но он слишком хорошо понимал масштабы опасности, чтобы противостоять ей преждевременными усилиями, и молча собирал в Бельгии и Германии силы для сопротивления страшному нашествию. Когда его меры были приняты, он смело выступил во главе своих объединенных франков, бельгийцев, немцев и т. д. против врага, который только что захватил Тур и вскоре выстроился, чтобы принять его на обширной равнине между этим городом и Пуатье. После шести дней стычек обе стороны вышли на столкновение. Сражение было долгим и кровопролитным; обе армии проявили исключительную доблесть, а оба полководца — исключительные способности, но в конце концов непробиваемые ряды, крепкие тела и железные руки германцев переломили ход сражения. Когда наступила темнота, равнину покрыло огромное количество тел сарацин, среди которых было и тело самого Абд ар-Рахмана. Тем не менее, неверные по-прежнему были грозны как своим количеством, так и возможным отчаянием; и победители оставались в своих палатках, вооруженные, в течение всей ночи. На рассвете они приготовились возобновить сражение; белые палатки арабов, простирившиеся до самого горизонта, появились перед ними, но ни одно живое существо не вышло им навстречу. В конце концов выяснилось, что враг покинул свой лагерь, свои богатства и огромную добычу, которую он накопил, и тихо, но поспешно, ушел с поля боя. Христианский мир был спасен; папа и монахи, князья и крестьяне в экстазе благодарной преданности поспешили в церкви, чтобы поблагодарить небеса за победу, которая, хотя и дорого обошлась истинным слугам Божьим, нанесла таким сильным ударом неверующим, что их возвращение больше не вызывало страха.

Во время анархии и кровопролития существовала третья сторона, которая не принимала в них участия и скорбела о бедствиях, обрушившихся на эту плодородную землю. Было решено, что единственным способом положить конец существующей анархии является назначение эмира, обладающего суверенной властью над всем полуостровом. После некоторого обсуждения выбор единодушно пал на Юсуфа аль-Фехри из племени Корейш, к которому принадлежал и пророк. Юсуф был теперь вынужден вступить в разрушительную гражданскую войну, и она была разрушительной, как никогда раньше в этой несчастной стране. Описать ужасы, которые последовали за этим, невозможно; казалось, что одна половина Испании поднялась с единственной целью — истребить другую половину и превратить всю страну в пустыню. Многие города, не говоря уже о небольших поселках и деревнях, исчезли навсегда с лица полуострова, оставив, однако, печальные воспоминания о своем прошлом существовании в виде руин, которые остались.

Прошло более сорока лет с момента первого вторжения мусульман, и за весь этот период было лишь несколько периодов спокойствия или даже индивидуальной безопасности. Правительство было настолько изменчивым, что двадцать разных эмиров были призваны или провозгласили себя правителями. Около восьмидесяти вождей тайно собрались в Кордове, где, отбросив все личные амбиции, они совещались о способах прекращения гражданской войны. К ним обратился Хаут из Эмессы, который напомнил им о недавнем узурпации власти Аббасидами, о последовавшей за этим резне Омейядов и, что было еще более печально, о роковых разногласиях между сторонниками этих семейств во всем мусульманском мире и о анархии, которая была неизбежным результатом этих разногласий. Эти вожди согласились создать отдельную, независимую монархию, но главная трудность все еще оставалась. Кого можно было найти, чьи претензии могли бы удовлетворить весь народ и кто обладал необходимыми качествами для процветания этой нации? Эта проблема была решена Вахибом бен Заиром, чье интересное отношение к этому событию можно кратко описать следующим образом:

[750-778 гг. н. э.]

После трагической резни Омейядов два сына Мервана, последнего халифа этого дома, которым посчастливилось избежать гибели своих братьев, были достаточно глупы, чтобы остаться при дворе Абул-Аббаса, который торжественно пообещал пощадить их жизни. В конце концов, поддавшись на повторяющиеся намеки подлого шпиона, Абул-Аббас приказал казнить их. Соломан, старший из братьев, был немедленно схвачен и убит; но другой, Абд ар-Рахман, который, к счастью, отсутствовал в Дамаске, был своевременно проинформирован об этой второй трагедии. Поспешно снарядившись лошадьми и деньгами, он начал свое бегство из Сирии. Он выбрал самые малопосещаемые пути и благополучно прибыл к бедуинским арабам. Из Аравии он прошел через Египет в Африку, где его ждали новые опасности. После нескольких дней утомительного путешествия по бескрайним песчаным равнинам он достиг Тахарта в Мавритании, жители которого приняли его с радостью. «Абд ар-Рахман, — заключил Вахиб, — все еще остается там; пусть он будет нашим правителем!»

Предложение шейха было встречено единодушными аплодисментами. В сопровождении Темана бен Аль-Камы он был немедленно уполномочен собранием перейти в Мавританию и предложить корону княжескому потомку Моавии. Князь немедленно принял предложение. Молодежь всего племени была готова сопровождать его, но он выбрал 750 хорошо вооруженных всадников для этой трудной экспедиции. Абд ар-Рахман высадился на побережье Андалусии в начале 755 года. Жители этой провинции, шейхи и народ, приняли его с распростертыми объятиями и огласили воздух своими восторженными возгласами. Его

внешность, его положение, его величественное поведение, его открытое лицо, покорили толпу, пожалуй, даже больше, чем перспектива благословений, которые, как полагали, он приготовил для них. Его поход на Севилью был одним непрерывным триумфом; двадцать тысяч голосов приветствовали его продвижение; двадцать тысяч сабель, управляемых сильными руками, были в его распоряжении. Окружающие города немедленно послали своих представителей с заявлением о подчинении и предложением своих услуг. После серии неудачных маневров Юсуф пал в сражении под Лоркой, и его голова была отправлена победоносным генералом королю. Согласно варварскому обычаю того времени, она была подвешена на железном крюке над одним из городских ворот Кордовы. В том же году Нарбонна пала под властью христиан после шестилетней осады. Готическая Галлия была теперь утрачена мусульманами.

[756-796 гг. н. э.]

Мир, которым наслаждался монарх, был обречен на то, чтобы оказаться недолгим. Пока он продолжал пребывать в Севилье, предаваясь поэзии и дружбе, он получил известие о восстании в Толедо, возглавленном Хишамом бен Адри аль-Фехри, родственником Юсуфа. Хишам вместе с некоторыми другими генералами попал в руки Бедры, который, опасаясь, что их спасет милосердие Абд ар-Рахмана, немедленно отрубил им головы. Но теперь ему угрожал враг, более могущественный, чем любой из тех, кто нападал на него до сих пор, и, возможно, один из последних, с которым он когда-либо мог бы мечтать сразиться. Это был никто иной, как Карл Великий, который направил свои легионы через Пиренеи в долины Каталонии. Он сам возглавил отряд, который прошел в Наварру через Гасконь, и его первым завоеванием стал христианский город Памплона. Он сравнивал стены с землей и оттуда продвинулся к Сарагосе. Этот город быстро признал его верховенство, как, по сообщениям, и Жирона, Уэска и Барселона, управление которыми он доверил шейхам, пригласившим его на полуостров и помогавшим ему своим влиянием. Вся страна от Эбро до Пиренеев также признала его власть. Бесполезно гадать, как далеко он мог бы продвинуться со своим войском, если бы восстание саксов не вынудило его перейти к более неотложным делам.

Находясь в ущельях Пиренеев, между Ронсесвальесом и Валькарлосом, его тыл подвергся яростной атаке со стороны нескольких тысяч наваррцев, устроивших засаду и справедливо возмущенных бессмысленным разрушением их столицы. О том, что ущерб, нанесенный императору, был серьезным, свидетельствуют слова его собственного секретаря, который сообщает нам, что весь арьергард был изрезан на куски (), включая многих его генералов и главных вельмож, и что не только богатства, накопленные в ходе экспедиции, но и весь багаж армии попали в руки победителей. Едва Карл Великий пересек Пиренеи, как Абд ар-Рахман отвоевал Сарагосу и другие места, которые подчинились этому монарху и которые, вероятно, он был достаточно оптимистичен, чтобы надеяться, что они будут и впредь признавать его верховенство. Но если Абд ар-Рахман и избавился от столь грозного захватчика, он все еще подвергался проклятию внутренних мятежей.

За время своего долгого правления Абд ар-Рахман несколько раз вступал в сражения с христианами Астурии. Под руководством своих предшественников-вице-королей мусульманские войска потерпели поражение как от Пелайо, так и от Альфонсо I, но ему удалось добиться большего успеха. Фроила или Фруэла I, действительно, один, если не два из его генералов были последовательно и явно разгромлены (760 и 761); но из содержания договора между двумя королями, договора, о котором ранние христианские писатели хранят глубокое молчание, мы можем сделать вывод, что либо астурийский правитель потерпел некоторое поражение, либо он отвратил угрозу мести уступками.

Абд ар-Рахман умер в 787 году. Главными чертами его характера были честь, щедрость и бесстрашие, а также глубоко укоренившееся уважение к интересам справедливости и религии. Для мусульманина его взгляды были просвещенными, а чувства — либеральными. Несчастье было его учителем, и он извлек из него полезные уроки. Он поощрял литературу, о чем свидетельствует количество школ, которые он основал и финансировал; в частности, он, должно быть, любил поэзию, иначе не занимался бы ею сам. Одним словом, его высшая похвала заключается в том, что мусульманская Испания нуждалась в герое и законодателе, чтобы заложить первый камень ее процветания, и нашла в нем и того, и другого.

Хишам бен Абд ар-Рахман, прозванный Альхади Радхи, Справедливый и Добрый, был немедленно провозглашен в Мериде, куда он сопровождал своего умирающего отца; и его возвышение было встречено овациями всей Испании. Успех, с которым Хишам подавил грозные восстания своих двух братьев, пробудил в нем скрытые искры амбиций. Теперь он стремился к завоеваниям не только в Астурии, но и в Готической Галлии. Он провозгласил *аль-джихад*, или священную войну, в которой каждый мусульманин был обязан участвовать: молодые — личной службой, богатые и пожилые — предоставлением лошадей, оружия или денег. Две грозные армии были немедленно приведены в движение; одна, численностью в тридцать девять тысяч человек, во главе с хаджибом, или премьер-министром, двинулась в Астурию; другая, еще более многочисленная, продвигалась к Пиренеям. Хаджиб опустошил всю Галицию до Луго и добыл огромную добычу, но Альфонсо, прозванный Целомудренным, удостоился славы освободителя молодого королевства от захватчиков. Вторая экспедиция под командованием сына хаджиба была еще более неудачной. С этого времени можно датировать настоящую независимость христиан.

[796-815 гг. н. э.]

Успех другой армии был не столь заметным; она не совершила никаких завоеваний, но вскоре вернулась через Пиренеи, нагруженная огромной добычей. На седьмой год своего правления Хишам назначил своего сына Аль-Хакема своим преемником и умер через несколько месяцев, в 796 году, всеобщим скорбью своих подданных. Правление Аль-Хакема было периодом крайней нестабильности. Барселона и многие другие крепости Каталонии признали верховенство Карла Великого.

В то время как в Каталонии происходили эти события, Альфонсо Целомудренный, естественно, стремился извлечь выгоду из раскола в свою пользу. Чтобы наказать его за восстание в 801 году, Аль-Хаким разорил его восточные территории. Но по возвращении мусульманского короля, который оставил Юсуфа бен Амру продолжать войну, астурийский король полностью разгромил войска этого генерала, взял его в плен и потребовал за его выкуп огромную сумму. Сам этот факт доказывает, что два короля теперь находились в равном положении — что узы вассальной зависимости были разорваны христианским героем. В 808 году Альфонсо пересек Дуэро, вторгся в Лузитанию и взял Лиссабон. Аль-Хаким поспешил на театр военных действий и добился некоторых успехов. Абд ар-Рахман, сын Аль-Хакима, разгромил Альфонсо на берегах Дуэро, взял Самору и заставил короля просить о мире. Однако вскоре военные действия возобновились, но без особых преимуществ для любой из сторон.

Внутреннее положение во время правления Аль-Хакема было не менее беспокойным. Едва было подавлено восстание его дядей, как тирания Юсуфа бен Амру вызвала большие беспорядки в Толедо. В 805 году жители открыто восстали против губернатора, которого они заключили в тюрьму. Аль-Хаким пригласил главных жителей — в основном мусульман — ждать наследника монархии, но когда они вошли во дворец, его солдаты схватили их, отвели в подземные помещения и убили. [Говорят, что в этот «день ямы» (807 г.) погибло

более семисот человек]. Примерно в то же время в самой Кордове был организован заговор, целью которого было убийство Аль-Хакема и возведение на вакантный трон внука первого Абд ар-Рахмана. Роковая тайна была раскрыта монарху. В тот самый день, когда должна была произойти эта трагедия, триста окровавленных голов были выставлены на всеобщее обозрение в самом публичном месте Кордовы. Если бы вместо них там была его собственная голова, никакой общественной скорби не проявилось бы.

[815-835 гг. н. э.]

Этот инцидент вряд ли мог утолить его жажду крови — жажду, которая, как полагают, была присуща его темпераменту, хотя воспитание и обстоятельства до сих пор сдерживали ее проявления. Вместе с его нарастающей интенсивностью росла и его страсть к роскоши. Он больше не получал удовольствия от «железного урожая полей». Запершись в своем дворце со своими рабынями, среди сладких звуков вокальной и инструментальной музыки или наблюдая за сладострастными танцами, он проводил все свое время. Однако, хотя его личность была таким образом скрыта от глаз его народа, его существование было слишком очевидным из-за исполнения его кровавых приказов. Чтобы он мог наслаждаться удовольствиями без забот о королевской власти, в 815 году он заставил своего сына Абд ар-Рахмана принять дань уважения своих вождей как вали аль-хади, или преемник престола, и с тех пор возложил на плечи этого принца всю тяжесть управления государством. Но тираны часто дрожат так же, как и их угнетенные подданные. Чтобы избежать покушения или последствий открытого восстания, он наполнил или окружил свой дворец избранной гвардией из пяти тысяч человек, чью верность он обеспечил постоянной щедрой платой. Чтобы покрыть это чрезвычайное увеличение расходов, он ввел пошлину на товары, поступающие в столицу. Эта мера вызвала возмущение не столько потому, что она была угнетательной, сколько потому, что она была новой; повсюду раздавались ропот, и даже открытое восстание казалось неизбежным. Чтобы подавить его террором, он приказал публично казнить десять человек, отказавшихся платить пошлину.

Однако незначительный случай, подобно искре, воспламенил и без того возбужденные умы народа и привел к всеобщему взрыву: стражи десяти заключенных были убиты; немногие, кто мудро бежал, были преследованы до самых ворот дворца, а толпа выкрикивала страшные угрозы в адрес автора и советников столь отвратительной нововведения. Желание мести вывело короля из его недостойной летаргии. Взяв оружие и в сопровождении кавалерии своей гвардии, он бросился на толпу, которая, как это всегда бывает с толпами, попыталась убежать, когда приблизилась реальная опасность. Через несколько минут улицы Кордовы были усыпаны трупами; те, кто смог добраться до своих жилищ, были в безопасности; около трехсот человек были настигнуты на берегу реки и немедленно казнены. Но на этом последствия не закончились; многочисленные улицы за пределами городских стен были сравнены с землей, а выжившие жители были помилованы только при условии, что они навсегда покинут Кордову. С громкими стенаниями несчастные изгнанники покинули место своего прежнего счастья; значительное число из них поселилось в Толедо; восемь тысяч приняли убежище, предложенное им Эдрисом бен Эдрисом в его новом городе Фесе, и квартал, где они поселились, до сих пор называется андалузским кварталом. Судьба гораздо большей части была более необычной; пятнадцать тысяч отправились в Египет, захватили Александрию и удерживали ее, несмотря на все противодействие, пока вали, с разрешения халифа, не выкупил их отъезд за большую сумму денег и не разрешил им поселиться на одном из островов Греции. Они выбрали Крит и основали независимое правительство [которое просуществовало до 961 года, когда греки вновь захватили его]. С этого момента Аль-Хаким, получивший прозвище Жестокий, был

раздираем непрекращающимися угрызениями совести. В 821 году он испустил последний вздох.

Вождь САРАЦИН

Абд ар-Рахман II давно завоевал любовь народа, как в личном качестве, так и в качестве заместителя своего отца; от его правления ждали счастья, но оно было омрачено многими несчастьями. Первым из них было враждебное прибытие его двоюродного деда Абдаллаха, сына Абд ар-Рахмана I, который, хотя и был на грани смерти, решил нанести еще один удар по империи. Он был быстро побежден. Теперь был принят благотворный закон, определяющий право наследования как неотъемлемое право детей естественного монарха в соответствии с их первородством и, в случае наличия прямых наследников, исключаящий другие ветви семьи.

В своих отношениях с христианами Астурии и Каталонии Абд ар-Рахман был более удачлив, чем его два предшественника. Он не позволил ни Альфонсо, ни Рамиро получить над ним значительное преимущество. Три армии франков последовательно появились в Испании, но ничего не добились, в то время как мусульманский флот сжег пригороды Марселя. Королевство Абд ар-Рахмана также не было свободно от внутренних беспорядков. Мерида дважды поднимала восстание; Толедо последовал ее примеру и выдержал девятилетнюю блокаду королевских войск.

[835-886 гг. н. э.]

Едва зажили эти внутренние раны, как на побережье Лузитании появился новый и неожиданный враг. Скандинавские викинги на пятидесяти четырех кораблях сеяли ужас в приморских районах Франции и полуострова. Эти дикие северяне высаждались везде, где была перспектива добычи; грабили города и церкви; сжигали все, что не могли унести; и убивали всех, независимо от возраста и пола, кто имел несчастье попасться им на пути. Одним словом, судя по ужасающим описаниям, данным о них как в исландских сагах, так и христианскими писателями юга, можно было бы подумать, что они были скорее демонами, чем людьми. Тринадцать дней они штурмовали Лиссабон, и этот город пал бы, если бы не своевременный марш соседних валисов на его помощь. Пираты вновь сели на корабли со

своей добычей, высадились на побережье Лузитании и Алгарве, которые они разорили, и в конце концов разрушили большую часть Севильи. Их репутация храбрых воинов была настолько велика, что их отступление редко сопровождалось преследованиями. Немедленной задачей короля было восстановить разрушенные стены, и чтобы быть готовым к сопротивлению в случае будущих пиратских набегов, он построил линию фортов от главных морских портов до своей столицы, с возможностью быстрого общения между ними. В дополнение к этим внутренним бедствиям, двухлетняя засуха уничтожила урожай, а то, что уцелело от жары, было пожрано облаками саранчи.

Эти страдания его народа, должно быть, глубоко тронули сердце Абд ар-Рахмана, и он постарался облегчить их, ввозя зерно из Африки и предоставляя безработным работу. Сооружения, которые он построил в этом городе, были столь же великолепны, сколь и полезны. Были возведены мечети, вымощены улицы, построены мраморные бани для удобства мужчин, а самое важное из всех его начинаний — в город из гор была проведена вода в изобилии с помощью свинцовых труб. Абд ар-Рахман был не только ученым, но и литератором. В 850 году он добился признания своего сына Мухаммеда вали аль-хади. В 852 году он умер, и его народ всеобщим горем оплакивал его смерть.

Правление Мухаммеда I не содержит ничего примечательного. Он постоянно воевал либо с астурийцами, либо со своими подданными. Рамиро, Ордоньо и Альфонсо III последовательно разгромили его лучшие войска и постепенно расширили свои владения. В конечном итоге он добился большего успеха в борьбе со своими подданными, чем с естественными врагами. Однако о том, с какими трудностями был достигнут этот успех, нам дают многочисленные свидетельства Муса бен Зейад, вали Сарагосы, и Омар, главарь бандитов. Омар бежал в Пиренеи и предложил свои услуги наваррцам; он завоевал для них много крепостей и получил от них титул короля. Он завоевал всю страну вплоть до Эбро. Король лично, со своим сыном Аль-Мундиром и лучшими офицерами, поспешил на поле боя. Омар был разгромлен и убит. Но мятежники еще не были уничтожены. Калиб бен Омар, унаследовавший вместе с титулом воинственный дух своего отца, был предназначен для более великих дел и опустошил или подчинил себе страну на берегах Эбро. Аль-Мундир выступил, чтобы сразиться с сыном своего старого врага, но прошел целый год, прежде чем он смог одержать верх над Калибом. Если к этим волнующим событиям добавить засуху, длившуюся целый год, третью за короткий период в двадцать лет, поразившую Испанию, землетрясение, поглотившее несколько городов, и еще одно вторжение норманнов, то можно составить некоторое представление о бедствиях этого царствования.

[886-939 гг. н. э.]

Смерть Мухаммеда была внезапной. Как только Калиб бен Омар узнал о смерти Мухаммеда, он спустился с гор, к нему присоединились тысячи сторонников, и он добился успеха, превзошедшего его самые смелые надежды. Уэска, Сарагоса и Толедо открыли ему свои ворота. Все королевство было в смятении или в радости, в зависимости от лояльности или недовольства народа. Несомненно, что у нового короля, Аль-Мундира, не было много друзей, и тех немногих он вскоре потерял. На втором году своего правления он пал в сражении с грозным Калибом.

Царствование Абдаллаха, брата и преемника Аль-Мундира, было обречено на такие же беспорядки, как и царствование его предшественников. Одно из первых восстаний возглавил его старший сын Мухаммед. К нему присоединился его брат Аль-Касим, но он был побежден своим младшим братом Абд ар-Рахманом, тяжело ранен в сражении и заключен победителем в темницу до тех пор, пока не будет известно решение короля. Там он и умер,

но неизвестно, было ли это следствием ран или насилия. Однако самым большим горем для короля был продолжающийся триумф мятежника Калиба.

После смерти Абдаллаха трон мусульманской Испании занял Абд ар-Рахман III, сын мятежного принца Мухаммеда, который так загадочно умер в тюрьме, и, следовательно, внук Абдаллаха. Почему покойный король не обеспечил возвышение своего собственного сына Абд ар-Рахмана, прозванного Аль-Мудафаром, или Победоносным, удивило многих, но никого не опечалило. Новый король был всеобщим единомышленником провозглашен эмиром аль-муминином, или принцем верующих, и Ан-Насиром лидини-л-лахи, защитником веры Бога. Трудно объяснить, почему молодому принцу было оказано такое духовное почтение, но факт остается фактом: он был первым в своей семье, кто принял титул и почести халифа.

После успешных усилий по умиротворению сторонников Аббасидов, которые сначала считали его принятие духовного характера чуть ли не богохульством, Абд ар-Рахман решил истребить дерзких мятежников, которые так долго беспокоили королевство. Сын Омара бен Хафса все еще правил в Толедо почти половиной мусульманской Испании. Чтобы противостоять этому грозному авантюристу, Абд ар-Рахман собрал отборные войска численностью в сорок тысяч человек и выступил в поход. В конце концов победа осталась за королем; на поле боя остались семь тысяч мятежников и три тысячи королевских войск. Последствия этого успеха были важными: вся восточная Испания подчинилась Абд ар-Рахману. Сам Калиб долго сопротивлялся власти Абд ар-Рахмана.

Умиротворение его королевства позволило Абд ар-Рахману мечтать о новых завоеваниях, чему благоприятствовали обстоятельства. Он вступил в конфликт с правителем Египта из-за Феса, который в конце концов очистил от египтян. Но самые запоминающиеся военные подвиги этого короля были совершены против христиан Леона и Астурии. Вскоре после вступления Абд ар-Рахмана на престол Ордоньо II вторгся в владения мусульман и, если верить летописцам его народа, добился многих преимуществ, о которых, однако, мусульманские писатели не упоминают ни словом. Короче говоря, с момента вступления Ордоньо на престол до некоторого времени после вступления Рамиро II на престол ни один из успехов христиан не был признан маврами.

[939-961 гг. н.э.]

Из противоречивых заявлений двух враждебных писателей следует, что в 934 году Рамиро II вторгся в государства Абд ар-Рахмана и разрушил Мадрид, а король Кордовы в отместку послал Альмудафара вторгнуться в Галисию. Этот герой, по словам историков его народа, совершил ужасные репрессии против подданных Рамиро, тысяч которых он увёл в плен, захватив огромную добычу, и разгромил самого Рамиро на берегах Дуэро. Христиане, с другой стороны, рассказывают нам, что их герой одержал победу над неверными на равнинах Осма (которая находится на берегах этой реки), убив большое количество из них и взяв в плен многие тысячи. Абд ар-Рахман выступил ему навстречу с восьмьюдесятью тысячами человек. Последовавшая за этим битва [при Альхандеге] была самой упорной и, без сомнения, самой кровопролитной из всех, которые велись между христианами и маврами со времен Родерика. Несомненно, победа улыбнулась знаменам христиан, несмотря на утверждения мусульманских писателей, которые говорят, что Рамиро был изгнан с поля боя. Но то, что успех был настолько великолепным, как утверждают христиане, что в этот памятный день пало восемьдесят тысяч мавров, слишком неправдоподобно, чтобы в это можно было поверить. Согласно арабским писателям, только это количество — хотя оно и без того достаточно велико — покинуло Самору, а двадцать тысяч из первоначальных ста тысяч остались осаждать эту крепость. И если верить их рассказу — а мельчайшие

подробности, сопровождающие его, придают ему вид правдоподобности — Абд ар-Рахман взял крепость по возвращении в Кордову.

В течение остальной части правления дона Рамиро, по словам христиан, между маврами и ним была только одна битва, в которой он, конечно, одержал победу. Но если верить мусульманам, этот герой был побежден в 941 году Абдаллахом, вали пограничного края, и снова в 949 году самим Абд ар-Рахманом.

В своем внутреннем управлении Абд ар-Рахман отличался большим умом, безграничной щедростью, непревзойденным великолепием и неукоснительным правосудием. Основание дворца и города Медина-Азара, расположенных примерно в двух лигах от Кордовы, — первый из которых отличался всем великолепием искусства и богатства, а второй — мечетью, соперничавшей с мечетью Кордовы, — свидетельствовало о его вкусе и роскоши. Говорят, что крыша дворца поддерживалась более чем четырьмя тысячами колонн из разноцветного мрамора, полы и стены были из того же дорогого материала, главные апартаменты были украшены изысканными фонтанами и банями, а все это было окружено великолепными садами, посреди которых возвышался павильон, опирающийся на колонны из белого мрамора, украшенные золотом, и открывающий обширный вид. В центре павильона, как нам рассказывают, постоянно играл фонтан из живой серебра, отражая лучи солнца новым и удивительным образом. Все это описание напоминает скорее творения джинов, чем труды человека. О справедливости этого великого царя мусульманский мир получил страшный пример в судьбе его сына Абдаллаха. За много лет до своей смерти он назначил своего второго сына, Аль-Хакема, вали аль-хади. Этот выбор вызвал недовольство Абдаллаха, который в конце концов вступил в заговор, целью которого, по-видимому, было убийство или пожизненное заключение Аль-Хакема. Секрет был выдан одним из участников заговора; Абдалла был внезапно арестован, признался в задуманном преступлении и был задушен, несмотря на мольбы своей предполагаемой жертвы Аль-Хакема. «Твоя гуманная просьба, — ответил король, — тебе к лицу, и если бы я был частным лицом, я бы ее удовлетворил; но как король я обязан как своему народу, так и своим преемникам показать пример справедливости; я глубоко сожалею о судьбе моего сына; я буду сожалеть о ней всю жизнь; но ни твои слезы, ни моя скорбь не спасут его!» Кажется, что после этого король всегда упрекал себя в чрезмерной строгости. Хотя он находился на вершине человеческого процветания, с тех пор он был несчастлив. Поэтому неудивительно, что он сам признался, что за почти пятьдесят лет правления его счастливые дни насчитывали не более четырнадцати.

Правление Абд ар-Рахмана III было названо самым блестящим периодом в истории испанских арабов.²

[912-961 гг. н.э.]

Среди омейядских принцев Испании Абд ар-Рахман III бесспорно занимает первое место. Его достижения граничили с невероятным. Он нашел империю в состоянии анархии и гражданской войны, разделенную между множеством вождей разных рас, подверженную постоянным набегам христиан с севера и находящуюся на грани поглощения либо Леоном, либо Фатимидами. Несмотря на бесчисленные препятствия, он спас Андалусию как от самой себя, так и от иностранного господства. Он привнес в нее внутренний порядок и процветание, а также уважение и почтение со стороны иностранцев. Он нашел казну в беспорядке, а оставил ее в самом процветающем состоянии. Треть годового дохода, который составлял 6 245 000 золотых монет, хватало на обычные расходы; еще одна треть хранилась в качестве резерва; остальная часть шла на строительство. Состояние страны было столь же

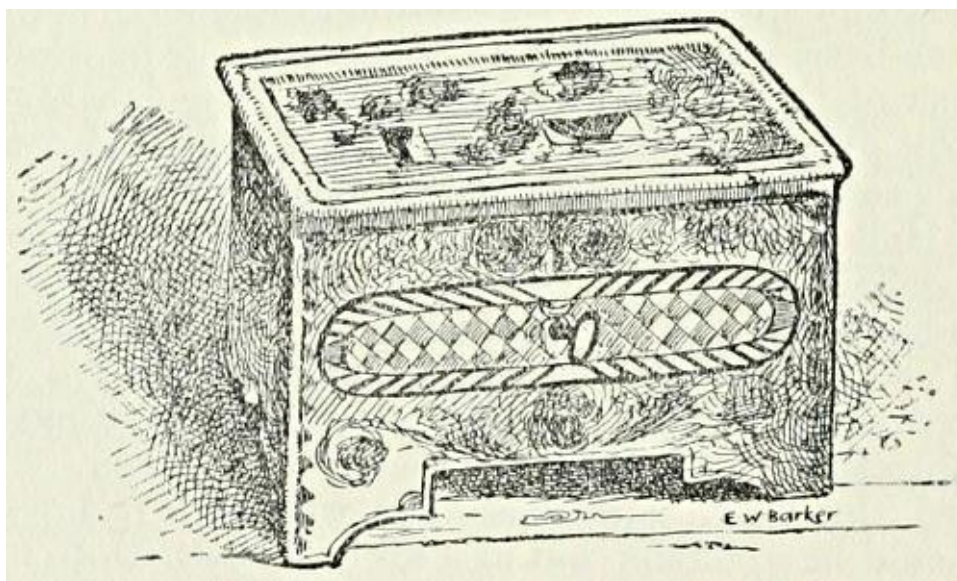
процветающим. Сельское хозяйство, промышленность, торговля, искусство и наука процветали вместе. Иностранец был поражен научной системой орошения, которая делала плодородными земли, казавшиеся самыми бесплодными. Он был поражен идеальным порядком, который, благодаря бдительной полиции, царил в самых труднодоступных районах. Торговля развилась до такой степени, что, согласно отчету начальника таможни, пошлины на импорт и экспорт составляли наиболее значительную часть доходов. Великолепный флот позволял Абд ар-Рахману соперничать с Фатимидами за власть над Средиземным морем и обеспечивал ему владение Сеутой, ключом к Мавритании. Многочисленная и хорошо дисциплинированная армия, пожалуй, лучшая в мире, давала ему превосходство над христианами севера. Самые высокомерные правители стремились к союзу с ним. Послы были посланы к нему императором Константинополя и правителями Германии, Италии и Франции.^e

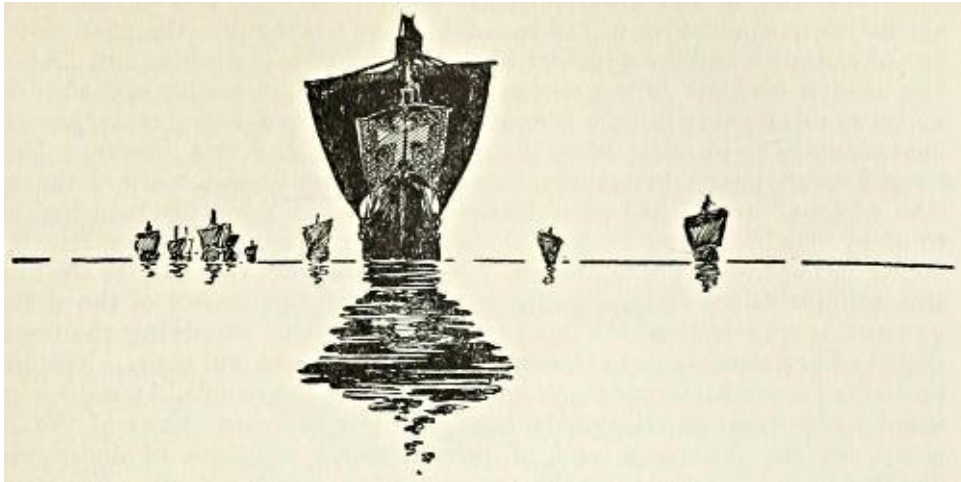
Оставив на время испанских арабов, находившихся в то время на пике своей мощи, мы возвращаемся к мусульманам на Востоке.^a

СНОСКИ

[38] Арабские историки называют это сражение битвой при Гуадалите [Вади Леках]. Ссылаясь на письмо Тарика Мусе и публичную речь его посланника как доказательства их достоверности, они утверждают, что Тарик сам пронзил Родерика своим копьем, отрезал ему голову и послал ее Мусе, который передал ее халифу Валиду.

[39] Белый был цветом дома Омейядов. Зеленый был впоследствии принят Фатимидами, а черный — Аббасидами.

ГЛАВА VIII. АББАСИДЫ

[750-1258 гг. н. э.]

Революцию, в результате которой Аббасиды пришли к власти, можно рассматривать как восстание Восточной Азии против Западной; ее вызвали жители Хорасана и Ирака, и именно они получили от нее наибольшую выгоду. Абул Аббас, правивший всего четыре года (750-754), перенес королевскую резиденцию из Сирии в Вавилонию и поселился в Анбаре. Его брат и преемник Аль-Мансур, желая более внушительного места жительства, сначала выбрал Куфу, но, обнаружив, что там народные настроения были настроены против его семьи и в пользу Фатимидов, он решил построить для себя новый город, который должен был быть полностью предан ему.

ОСНОВАНИЕ БАГДАДА (762 г. н. э.)

Так он основал Багдад (762 г.), которому было суждено затмить все другие города Востока. Кирпичная стена, укрепленная около 160 башнями, защищала его от нападений, и на его украшение были потрачены огромные суммы. Жители Востока с удовлетворением восприняли это изменение столицы, которое приблизило к ним резиденцию правительства, но жители Испании и Магриба, и без того недовольные своим изолированным положением, которое делало их в некотором смысле просто данными провинциями, только ждали благоприятного случая, чтобы провозгласить свою независимость.

Узнав о падении Омейядов и восхождении к власти Аббасидов, Испания немедленно отделилась от метрополии и провозгласила халифом члена семьи Омейядов, который случайно находился в Магрибе. Африка, не заходя так далеко, казалось, одобряла курс своего правителя Абд ар-Рахмана, который не решался признать суверенитет Аль-Мансура; а народ, столь же не желая признавать халифат Кордовы, постепенно разделился на отдельные группы, каждая со своим вождем, пока хрупкие узы, все еще связывавшие его с династией Аббасидов, не были полностью разорваны (755-756 гг. н. э.).

Период правления первых халифов из династии Аббасидов был также периодом величайшего расцвета в истории восточных арабов; он ознаменовал конец эпохи завоеваний и начало новой эры процветания цивилизации. Аль-Мансур, брат Абул-Аббаса,

чье правление было недолгим, фактически открывает череду тех замечательных халифов, чьи имена, по-прежнему популярные в Аравии, стали столь же известны и в других странах благодаря «Тысяче и одной ночи». В молодости он сражался под командованием вождей своего рода и заслужил имя «Победоносный», которое ему было даровано; но его главная заслуга заключается в создании системы правления, которая свидетельствует о глубине и здравом смысле его взглядов. На всей территории его обширной империи финансы и вооруженные силы провинций находились под контролем различных губернаторов, которые направляли доходы от налогов на удовлетворение потребностей своих местностей и отправляли халифам только то, что оставалось. Не смея нарушать столь благоприятное для народа положение вещей, Аль-Мансур ввел практику частой смены представителей королевской власти в провинциях и лишения всех членов знатных семей права участвовать в государственных делах. Его величайшей ошибкой было недостаточное уважение к святости своего слова и безжалостное унижение любого слуги, чье растущее величие казалось угрозой. Таким образом, Абдалла, свергший Омейядов, Абу Муслим, а позднее и Бармекиды, все стали жертвами столь же безжалостной, сколь и подозрительной политики.

Аль-Мансур посвятил часть своей жизни накоплению богатства, которое, по оценкам некоторых историков, достигло суммы, эквивалентной 30 000 000 фунтов стерлингов или 150 000 000 долларов, но эта алчность не помешала ему проявлять большую щедрость по отношению к ученым, и он сам подавал пример просвещенного интереса к искусству и наукам.

Во время его правления народ, привыкший оказывать ему глубокое почтение, которого он требовал, стал рассматривать халифа как представителя Бога на земле, и его преемники не испытывали трудностей с обеспечением послушания. Более того, они были скорее озабочены тем, чтобы избежать деспотизма, которому способствовала их неограниченная власть. Первые халифы после Абул-Аббаса были справедливыми правителями, которые использовали свою власть для общего и интеллектуального благосостояния арабов. Помимо Багдада возникли другие города; были проложены дороги, построены караван-сарай, рынки, каналы и фонтаны, созданы научные и благотворительные учреждения, а изучение литературы, торговли и всех мирных искусств напрямую поощрялось правительством.

ХАРУН АР-РАШИД (786-809 гг. н. э.)

Великолепие всех предыдущих царствований померкло перед великолепием Харуна ар-Рашида, ^[40] Харуна Справедливого (786-809). Этот знаменитый правитель, в котором, по-видимому, достиг своего высшего развития особый гений арабской расы, заслуживает особого упоминания среди наместников Мухаммеда. Храбрый, щедрый и великодушный, он сопротивлялся всем искушениям использовать свою верховную власть деспотически над народом, который никогда не роптал на его волю, и правил с единственной целью — обеспечить счастье своих подданных. Он любил добродетель, всегда был готов признать свои ошибки и не упускал ни одной возможности сделать добро. То, что он настолько предал свой характер, что приказал убить Бармецидов, показывает, что он был обманут ложными заявлениями об этой семье, которая дала ему самых способных государственных деятелей (), Фадла и великого визиря Джафара. Бармекиды, имевшие персидское происхождение, почти столетие занимали видное место при дворе, и именно по инициативе их поздних представителей Харун ар-Рашид так активно защищал торговлю, промышленность и искусство. Довольно странно, что Эмин, старший сын Харуна, не обладал ни одной из добродетелей своего отца, но его брат Аль-Мамун проявил глубокую мудрость в управлении делами Хорасана и по воле народа был возведен на престол в 813 году, а Эмин был вынужден отказаться от власти.

АЛЬ-МАМУН И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

[809-847 гг. н. э.]

Аль-Мамун превзошел все надежды, которые на него возлагались. Менее блестящий, чем Харун, он превосходил его в широте знаний и практической силе своего гения. Единственная политическая ошибка, в которой его можно упрекнуть, была актом благодарности и доброты. В благодарность за оказанные услуги он даровал Тахиру наследственное правительство Хорасана, и это стало первым шагом к распаду восточного халифата; не потому, что тахириды были склонны злоупотреблять своей властью, а потому, что был создан неудачный прецедент, который побудил правителей провинций постепенно освобождаться от контроля законного суверена.

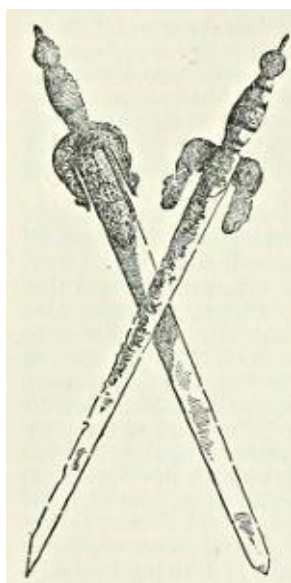
Считая образование высшим благом для народа, Аль-Мамун открыл школы во всех частях своего царства и обеспечил развитие литературы постоянными пожертвованиями. Он собрал вокруг себя ученых всех национальностей и не допускал никаких различий в религии. Он даже издал указ, согласно которому десять глав семейств, будь то христиане, иудеи или маги, собравшиеся с этой целью, могли образовать церковь, и что все они имели право на назначение на государственные должности. Но, несмотря на свою либеральность, Аль-Мамун не всегда был защищен от враждебных нападок. Теологи Багдада уже активно боролись с зендизмом, религией, сочетавшей в себе верования ислама и магов; и когда Аль-Мамун использовал некоторые писания этой веры, чтобы очернить память об Абу Муслиме, они выдвинули против него жестокие обвинения. Чтобы заставить своих противников замолчать, Аль-Мамун ужесточил наказания за сепаратизм, но, верный своим принципам терпимости, воздержался от их применения.

Непосредственные преемники Аль-Мамуна, Мутасим и Ватик, были достойны престола. Первый из них совершил единственную ошибку, сформировав свою охрану из молодых турок, чьи последующие преемники возобновили эксцессы, совершавшиеся преторианцами во времена римских императоров; в то время как правление Ватика было омрачено исключительно доктринальными спорами. Разнообразие мнений в религиозных вопросах, должно быть, было действительно велико, поскольку среди арабов насчитывалось не менее шестидесяти трех основных сект. Ватик, применив свет своего разума к догме о вечности *Корана*, горячо поддерживаемой Ахмедом бен Насром, в одно время был на грани свержения и замещения своим грубым противником. Хотя предвзятые историки сурово отзывались о Ватике, он был прекрасным правителем, который управлял своим царством с такой мудростью и доброжелательностью, что вскоре в нем не осталось нищих, и умер с достоинством твердого, просвещенного человека.

Правление ранних Аббасидов отличается полным отсутствием экспедиций, предпринятых с целью расширения территории, а войны с соседними народами велись без каких-либо мыслей о вторжении. Греки-ы давали арабам Востока более частые поводы для споров, чем другие народы, и граница, разделявшая их, стала ареной многих кровопролитных конфликтов. Тщеславие дегенеративных греков, составлявших население этой территории, чрезмерно льстило успехам даже в пограничных войнах, и они продолжали свои агрессии на протяжении правления большинства преемников Абул-Аббаса.

Во время правления Аль-Мансура византийские императоры пострадали от потери Мелитены, важного города Каппадокии, опустошения Киликии и поражения армии на берегах Меласа в Памфилии, и им суждено было потерпеть дальнейшие поражения от рук самого халифа. Раздраженные последовательными поражениями, арабы собрали все свои силы и вторглись в Малую Азию, где разгромили все войска, которые Ирина, опекун Константина Копронима, послала против них, и наконец появились перед стенами Константинополя. Предпочитая капитуляцию ужасам осады, императрица сдала города Киликии и согласилась платить ежегодную дань в размере шестидесяти тысяч динаров. Харун ар-Рашид, которого Аль-Махди поставил во главе этой экспедиции, вернулся в Сирию с значительной добычей и шестью тысячами пленных в своем обозе.

В 792 году Ирина посчитала себя достаточно сильной, чтобы нарушить договор, и обе стороны начали подготовку к военным действиям. Харун, ставший к этому времени халифом, оснастил корабли, которые разграбили острова Средиземного моря и уничтожили греческий флот в Адалийском заливе, заставив Ирину дорого заплатить за попытку восстания. Она снова согласилась платить дань Али-Махди (), оговорив лишь обмен пленными; этот обмен состоялся на берегу небольшой реки в Киликии и впоследствии стал обычаем при заключении перемирия между воюющими сторонами. Никифор, преемник Ирины, уверенный в своей храбрости, не колебался снова испытать судьбу.

Мечи САРАЦИН

(Из панно в Альгамбре)

Он направил халифу высокомерное письмо, на которое получил следующий краткий ответ: «Во имя всемилостивого Бога, Харун ар-Рашид, повелитель верных, Никифору, псу римскому. Я получил твое письмо, сын неверного, и ты не услышишь моего ответа, ты его увидишь». Харун действительно написал свой ответ огненными буквами по всей равнине Малой Азии. Он постоянно одерживал победы, но, хотя войны, в которых он участвовал, доказали, что арабы еще не утратили своего военного мастерства, они показали, что они значительно ухудшились по сравнению с генералами Омара, которые не остановились бы, пока не достигли самого Константинополя.

В 829 году война возобновилась под странным предлогом. Аль-Мамун, страстный любитель математики, узнал, что Леон, знаток этой науки, проживает в Константинополе, и выразил желание проконсультироваться с ним в Багдаде. Император отказался разрешить Леону покинуть Константинополь, и Аль-Мамун снова взялся за оружие, но не вел войну с большой энергией. В 833 году, после того как на престол вступил Мутасим, император, ободренный несколькими незначительными успехами греков (), в свою очередь перешел в наступление, и в течение долгого времени силы двух правителей были примерно равны. Наконец, после захвата императором Запетры, родного города халифа (836 г.), Мутасим поклялся отомстить; он двинулся на Амориум, взял город (840 г.) и подверг его той же участи, что и Запетру. Ватик, преемник Мутасима, был менее склонен к войне, но греки продолжали военные действия, пока под руководством императора Василия не отвоевали все владения в Киликии, которые Харун отнял у них.

В своих западных провинциях Аббасиды не проявляли особого рвения или заботы; они едва ли стремились удержать Испанию под своей властью и почти полностью оставили Африку в покое, даже своими собственными действиями способствуя возвышению семьи Аглабитов и освобождению ее от всякой верности себе, за исключением формального признания суверенитета. Таким образом, Ибрагим бен Аглаб стал правителем всего Магриба, но его преемники не смогли помешать члену семьи Алидов () отделить от Багдадского халифата всю западную Мавританию.

БАГДАД ПОД ВЛАСТЬЮ ХАЛИФОВ

Аббасиды, возможно, надеялись, что расколы, которые неминуемо возникнут в Испании, вернут полуостров под их власть; и это ожидание объясняет их переговоры с франкскими королями, посольства и подарки, которые передавались между Харуном ар-Рашидом и Карлом Великим. Между тем багдадский халифат ни разу не поднимал оружие против халифата Кордовы, хотя арабы с полуострова совершали набеги на его владения, а флот, укомплектованный андалузскими пиратами, захватил и сжег Александрию, перебив ее жителей. Воздерживаясь от репрессий и военных предприятий, Аббасиды поддались духу времени. Арабы Востока начинали ценить блага цивилизации, и правители Багдада откликнулись на желания своих подданных, создав упорядоченную систему управления, установив строгое правосудие, распространив преимущества образования и укрепив союз между различными провинциями империи посредством более тесных торговых и промышленных отношений.

Первоначально были учреждены финансовая палата и государственная канцелярия, и в течение некоторого времени их считали достаточными, но позже финансовая палата была заменена четырьмя диванами, один из которых отвечал специально за оплату войск, другой — за взимание налогов, третий — за назначение подчиненных чиновников, а четвертый — за ведение счетов. Аббасиды добавили к этой организации должность *хаджида*, своего рода камергера, чья миссия заключалась в представлении послов, и должность высшего судьи, который должен был освободить их от заботы о вынесении решений по важным делам, которые были обжалованы после вынесения приговора кади.

Придя к власти, Аббасиды решили придать администрации больше единства и силы; и поскольку бремя дел было действительно слишком тяжелым для одного человека, они прикрепили к себе визиря (носителя бремени), чья обязанность заключалась в выполнении всех предварительных работ и установлении суммы, которую каждая провинция должна была платить в виде налогов, чтобы сумма государственных доходов могла быть приблизительно оценена заранее. При введении налогов халифы руководствовались стихом из *Корана*, который предписывал, что каждый неверующий, проживающий на мусульманской территории, должен платить налоги; ставка *на душу* населения для всего населения была дифференцирована в зависимости от состояния каждого человека (), причем богатые платили больше, чем бедные. Существовали также определенные земельные налоги и десятины, при оценке которых у губернаторов провинций открывались широкие возможности для вымогательства, и стала очевидной необходимость в том, чтобы все это находилось под надзором какого-то бдительного руководителя.

Процветающее финансовое положение при их правлении позволило Аббасидам осуществить многочисленные важные проекты. Аль-Махди построил караван-сарай и выкопал цистерны вдоль изнурительной дороги из Багдада в Мекку, проложил новый путь из Мекки в Медину и установил почтовые станции между Хиджазом и Йеменом, чтобы облегчить связь между этими двумя важными провинциями. Еще со времен Муавии между различными арабскими столицами существовала курьерская служба.

Аббасиды также наделили постоянным финансированием ряд мечетей и школ, что позволило им выжить во время всех политических революций. Они собрали архивы халифата в Багдаде и организовали в этом городе отличную полицию, которая не только защищала людей, но и круглосуточно следила за имуществом. Сами купцы были объединены в синдикаты, которые отвечали за предотвращение коммерческого

мошенничества, а для проверки используемых весов и мер был назначен надзиратель рынков, и его солдаты без суда и следствия казнили всех, кто был признан виновным в мошенничестве. В пустынных районах бедуины вновь начали грабежи и разбои, теперь, когда военные походы прекратились, и были назначены *миражи*, чья специальная обязанность заключалась в защите паломников и караванов, направлявшихся в Мекку.

Таким образом, халифы из династии Аббасидов стремились обеспечить процветание своего царства, и под их властью арабы достигли высокого уровня цивилизации. С той же энергией, которая отличала их в военных предприятиях, они теперь стремились превзойти греков в торговле, промышленности и искусстве, превосходя их в тех самых областях литературы и науки, в которых жители Константинополя, даже в период упадка этого города, считали себя непревзойденными.

Широко практиковалось сельское хозяйство; благодаря умелой системе возделывания земли значительно повысились ценность и репутация фруктов и цветов Персии, а вина из Шираза, Йеда и Исфахана стали основными товарами торговли во всей Азии. Тщательно разрабатывались рудники железа, свинца и других минералов, в городах Ирака и Сирии производились красивые ткани, и был достигнут замечательный прогресс во всех отраслях механического искусства. Активно развивались науки, литература и декоративное искусство, а также архитектура и музыка; хотя *Коран* запрещал воспроизведение человеческой фигуры или образа Бога, что сдерживало развитие скульптуры и живописи в их высшей форме, в городах Месопотамии и Мавараннахар было возведено множество великолепных памятников. Страсть к литературе, проявленная европейцами в эпоху Возрождения, едва ли могла сравниться со страстью арабов в этот период. Лучшие греческие сочинения, привезенные из Константинополя, немедленно переводились, в Багдаде была открыта школа переводчиков, и ежегодно на образовательные учреждения выделялось пятнадцать тысяч динаров. Библиотеки были основаны и с века на век расширялись правящими князьями, а арабский язык стал универсальным языком Азии, постепенно вытесняя более древние языки. Существовали больницы, в которых врачи были обязаны сдавать несколько экзаменов, прежде чем им разрешалось заниматься своей профессией, а также лаборатории для экспериментов с лекарственными растениями, некоторые из которых были открыты совсем недавно. Арабы были, по сути, создателями современной химии, и хотя они ошибались, уделяя слишком много внимания алхимии и астрологии, их ошибки косвенно способствовали прогрессу науки.

Как бы ни был велик контраст между литературной культурой арабов и глубоким невежеством Европы в средние века, роскошь и великолепие, проявленные династией Аббасидов, представляют собой не менее любопытное зрелище. Являясь единственными хранителями природных богатств многочисленных и обширных провинций и не имея постоянной армии, которую нужно было содержать, они свободно распоряжались огромными доходами, которые тратились поистине сказочным образом. Золото и драгоценные камни были буквально разбросаны по дворцам, мечетям и садам, а подарки, которыми щедро одаривали друзей и фаворитов, достигали огромных сумм. Говорят, что Аль-Махди потратил шесть миллионов динаров во время одного паломничества в Мекку, а Зобейда, жена Харуна, пользовалась только золотыми предметами, инкрустированными драгоценными камнями, и носила только ткани, сотканые из серебряных нитей. Во дворце Аль-Мамуна было шестьдесят тысяч ковров и гобеленов, многие из которых были вышиты золотом; а по случаю приема греческого посла он велел установить в аудиенц-зале дерево из чистого золота с жемчужинами, изображающими плоды. Говорили, что конюшни Мутасима в Самаре могли вместить сто тысяч лошадей; а когда он основал этот город, он искусственно построил весь участок, не обращая внимания на стоимость столь гигантского предприятия.

ПОВОЛОЖНОЕ УПАДОК АРАБСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ВОСТОКЕ

[786-892 гг. н. э.]

Карл Великий, много слышавший о могуществе правителей Багдада, решил установить с ними отношения и отправил одного еврейского представителя и двух франков в Ирак с подарками для повелителя верных. Харун, опасавшийся союза между франкским королем и Омейядами Испании, с готовностью откликнулся на эту инициативу и в ответ послал послов с великолепными подарками Карлу Великому. Не только в Европе, но и в Китае, среди индусов и татар арабские правители считались самыми богатыми князьями в мире, и о их могуществе сложились преувеличенные представления.

Действительно, на первый взгляд могло показаться, что централизация объединила все их разнообразные провинции и что перед нацией лежит долгое и процветающее будущее, но внимательному глазу уже были очевидны признаки приближающегося упадка. В материальном плане то, что суверен обладает верховными правами на имущество своих подданных, неизбежно уничтожает всякий импульс к соперничеству и прогрессу среди последних. Народ, управляемый таким образом, обречен на вымирание в унынии и упадке. При ранних халифах не было страха перед несправедливостью или грабежами, но когда жестокие и хитрые турки взяли бразды правления в свои руки, закон *Корана*, по которому верховная власть сосредоточивалась в руках одного человека, представителя Бога на земле, наносил неисправимый вред. В моральном и религиозном отношении царили те же несчастные условия. Одаренные умы, непреодолимо тянувшиеся к науке, но все еще связанные буквой книг Мухаммеда, нуждались в освободителе, который избавил бы их от ига принципов, слишком жестких для того времени. Аль-Мамун, а после него Мутасим и Ватик, пытались внести некоторые изменения в доктрины, сформированные для первобытных времен, но их усилия были сведены на нет слепым упрямством докторов мусульманской веры. *Коран* теперь был установлен как прямое слово Бога (), его законы считались не подлежащими обжалованию, и все prerogatives абсолютного деспотизма по-прежнему принадлежали монархии, даже вопреки мнению тех, кто ими обладал. Если бы поздние принцы из династии Аббасидов были людьми высоких достижений и твердой добродетели, они, несомненно, использовали бы свою неограниченную власть исключительно на благо народа, и золотой век мог бы наступить вновь; но, к сожалению, во второй половине IX века на троне мы видим только коронованных и скептрованных рабов. Презрение, которое они вызывали, сломало пружины правительства; анархия достигла своего апогея, и многочисленные фракции, долгое время подавляемые, вновь взяли в руки оружие и распространили беспорядки и страх.

Алиды несколько раз возобновляли свои притязания на трон. Однажды Аль-Мамун был готов отречься от престола в их пользу, тем самым признав справедливость их претензий, но в Багдаде сразу же поднялось восстание дома Аббаса и его сторонников, которое заставило Аль-Мамуна отказаться от идеи лишить власти всю свою семью. Хотя их амбиции еще не были удовлетворены, Алиды были ободрены отношением халифа к ним и с тех пор не упускали ни одной возможности воспользоваться расколами, которые неизбежно возникали в государстве, не имевшем четких законов наследования.

При Харуне и Аль-Мамуне арабская империя на Востоке достигла своего наивысшего расцвета; теперь мы будем наблюдать ее постепенный распад.

Начиная с правления Ватика (846 г.), мы видим, как халифат становится игрушкой и добычей анархии, а Багдад попадает под гнет ряда жестоких и неумолимых деспотов. Мутаваккиль, чье правление ознаменовало начало нового порядка вещей, был виновен в

зверствах, превосходящих зверства Нерона. Он отомстил визирю, который обидел его, приказав бросить его в печь, выложенную стальными шипами; и, опасаясь, что против него замышляется заговор, он пригласил на праздник всех важных чиновников своего двора и приказал своим солдатам убить их (). Ужас, который вызывали его жестокости, поднял против него руку его собственного сына, Мунтасира, который сам умер от горя и раскаяния в течение года после вступления на престол (862 г.).

Мустаин, внук Мутасима, был избран его преемником, несмотря на наличие четырех братьев, два из которых, Мутазз и Мутамид, впоследствии взошли на престол. Мустайн правил чуть больше трех лет и был заменен Мутазом, которого одна из фракций возвела на халифат в 866 году. Вторая фракция свергла его в 869 году, и халифом был провозглашен сын Ватика, по имени Мухтади Биллах. Реформы этого принца вызвали ненависть во многих кругах, и он был убит в своем собственном дворце. После него Мутамид правил в течение исключительно долгого периода в двадцать два года (870-892), благодаря способностям и преданности своего брата Муваффака, который пресекал все попытки восстания. Большинство постоянных беспорядков, от которых страдала страна, были вызваны турками, которых Мутасим возвысил до положения телохранителей. Находясь в постоянной гарнизоне в Багдаде и в непосредственной близости от правителя, эти рабы с самого начала были виновны в таких эксцессах, что Мутасим был вынужден покинуть столицу и уехать в маленькую деревню Самара. Их число и влияние постоянно росли во время правления Ватика, и к моменту его смерти они стали такой силой в государстве, что без труда посадили на трон Мутаваккиля.

Опасность, которая может возникнуть в результате создания иностранных органов, организованных для осуществления воли суверена, который сам является первой жертвой, очевидна. Имея интересы, отличные от интересов коренных арабов, и не подчиняясь никому, кроме самого халифа, эти неуправляемые турки использовали грубую силу как средство для достижения своих целей. Они стали соучастниками отцеубийцы Мунтасира из мести за незначительное оскорбление, нанесенное ему отцом, и заставили его исключить своих братьев и назначить Мустаина на престол. Задержка с выплатой жалованья была достаточным поводом для восстания и заставила халифа подписать акт об отречении. Мухтади постигла еще более печальная судьба за то, что он захотел подчинить свою грозную телохранителей какой-то дисциплине; а единственным средством Муваффака отвлечь их от опасных предприятий на родине было отправлять их в далекие походы.

АРАБСКИЙ ВОЖДЬ

(На основе украшений в Альгамбре)

[819-879 гг. н. э.]

Беспорядки, которые окружали халифат в Багдаде, имели самые серьезные последствия для всей империи. Губернаторы провинций, единственные обладатели власти в перерывах между правительствами, стремились к полной независимости и продавали свою верность каждому следующему правителю. Сами провинции, сожалея о богатствах, которые уходили от них, чтобы усугубить беспорядки в столице, поощряли притязания своих губернаторов, пока последние, наконец, не добились того, что халиф стал номинальным правителем.

Распад Испании и Африки стал первым ударом по единству мусульманских государств; когда халифы из династии Аббасидов передали власть Аглабитам, они не считали это окончательной отречением от престола со своей стороны. В Азии процесс распада происходил более медленно. Тахириты, которых Аль-Мамун установил в Хорасане, предоставив полный контроль над этой провинцией своему генералу Тахиру, поддерживали дружеские отношения с халифами, пока их царство не было раздираемо распрями и они не были окончательно свергнуты силой Саффаридов. Якуб, глава семьи Саффаридов, желая продолжить свои победы, двинулся на Багдад (874 г.). Муваффах, командовавший городом, встретил его и разгромил в Васите, но не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы воспользоваться своим преимуществом и продолжить преследование. Якуб отступил в свои владения и к следующему году восстановил все свои потери. Вскоре он нанес бы халифу полное поражение, если бы его жизнь не оборвалась внезапно (879 г.).

[819-913 гг. н. э.]

Установление династии Саффаридов в Хорасане, Систане и Табаристане прервало всякую связь между центром империи, Хорезмом, и Мавараннахром, и Исмаил, правитель этих провинций, объявил о своей независимости, будучи полностью уверен в безнаказанности. В 819 году сыновья Асада бен Самана получили от Аль-Мауна командование соответственно Самаркандом, Ферганой () и Балхом; один из них, Ахмед, передал свою власть старшему сыну Насру, который, захватив Бухару, впоследствии стал правителем всей Трансоксианы. Подозревая своего брата Исмаила в сговоре с турками и саффаридами, против которых он был вынужден энергично защищать свою провинцию, Наср преследовал его с вооруженными силами (888), но сам был взят в плен. В этой ситуации Исмаил проявил великодушие своего характера; он обеспечил своему брату все почести, положенные его рангу, и до самой смерти последнего в 892 году следил за тем, чтобы его авторитет уважался. Когда он наконец получил возможность действовать как правитель, Исмаил заставил турок отступить за реку Джаксарт и заложил прочный фундамент для династии Саманидов.

В остальных частях Западной Азии к власти пришли другие княжества. Город Бассура был захвачен авантюристом, который успешно сопротивлялся всем нападениям во время правления Мутазза и Мутамида, и почти весь арабский Ирак находился под властью Зенгидов. Муваффаку принадлежит слава завоевания этих провинций, а также Бассуры в 882 году. Он не был столь успешен в своем предприятии против Тулунидов, которые отделили Египет и Сирию от Арабской империи. Ахмед бен Тулун, один из турок, получивших образование при дворе халифа, отличился способностями и мужеством и был признан достойным поста правителя Египта и Сирии. Установившись в этих провинциях, он без труда сохранил свою власть, поскольку его поддерживали все силы турецкой милиции, и он решил провозгласить свою независимость. В 877 году он заявил о своем праве на сбор налогов, тем самым открыто отрекшись от халифов, которые, зная о своей слабости, подговорили эмиров Сирии к восстанию против Тулунидов. Ахмед преодолел все эти трудности и, умерев в 884 году, оставил после себя упроченную власть. Его сын Хумаравейх унаследовал его власть и подавил сопротивление нескольких оставшихся враждебных групп.

Правление Тулунидов в целом было благоприятным для Египта и Сирии. Ахмед любил науку и был либеральным, щедрым и благотворительным человеком. В Фостате, столице Египта, он построил великолепную мечеть, известную сегодня как мечеть Тулуна, а также дворцы и рынки для размещения торговцев из разных стран, которые в то время стекались в Египет. Хумаравей отличался роскошью и великолепием; говорят, что он построил огромный зверинец, в котором животные содержались в роскошных клетках, а вода доставлялась к ним по бронзовым каналам. Говорят, что кровать, на которой он спал, мягко качалась и поддерживалась крошечным озером из ртути, на котором она стояла. Он был убит, и вместе с ним погибло великолепие Тулунидов.

[908-946 гг. н. э.]

[illegible]

покинуты теми самыми сторонниками, которых они ранее осыпали благодеяниями. Примерно в это же время исчезли и Саффариды, свергнутые Саманидами, против которых они были настроены хитрой политикой халифов. В дополнение к недавно завоеванной провинции Хорасан, Саманиды получили власть над Табаристаном и Сиджистаном, таким образом, Муктафи заменил двух соперничающих князей в своем непосредственном соседстве одним правителем, которому турки не позволили стать опасным. Преемник Муктафи, Муктадир Биллах (908-932), не смог, как Муктафи, сохранить свои владения в целостности и сохранности. Бессильный в своей столице, он не пользовался уважением за ее пределами, и со всех сторон поднялись беспорядки, которые его предшественники временно сдерживали. После Муктадира Кахир (932-934), Радхи (934-940), Муттаки (940-944) и Мустакфи (944-946) потеряли свои немногие оставшиеся провинции, и светская власть халифов в Багдаде навсегда подошла к концу.

В 930 году потомок эмира Хамдан, провозгласивший свою независимость, захватил несколько крепостей в провинции Джезира и, продвинувшись до северо-запада Сирии, основал там важное княжество со столицей в Мосуле. Установление власти хамданитов в Джезире способствовало восстанию в Египте. После падения Тулунидов халифы совершили ошибку, позволив Египту и Сирии остаться едиными, полагая, что для поддержания мира достаточно частой смены правителей. Но один из этих правителей, Ихшид Турок, привлек на свою сторону большую группу сторонников, и когда ему приказали уступить власть другому, он отказался подчиниться. Таким образом, в 936 году Египет и Сирия были окончательно утрачены Аббасидами.

В окрестностях Багдада райкиты и бариды спорили за владение Бассорой, Васитом и провинцией Ахваз и стремились играть важную роль в политике столицы. Правители Армении и Грузии перестали платить дань, которая больше не требовалась, и в ту эпоху обе провинции начали отделяться в отдельные королевства. В провинциях, граничащих с Каспийским морем, наблюдалась та же тенденция. Во время правления Муктадира вождь по имени Мердавид завоевал провинцию Гильхан, отнял Табаристан у Саманидов и подчинил большую часть Азербайджана. Однако слава основания новой династии досталась не ему, а трем братьям, которые сражались в его армии и утверждали, что являются потомками древних сасанидских царей, хотя их отец, Буя, был простым рыбаком. Впечатленные их мужеством и способностями, люди стекались под их знамя, и к провинциям, уже завоеванным Мердавидом, добавились Керман, Мекран, Ларистан и многие другие (933-940).

Багдад был окружен независимыми княжествами, власть халифов ограничивалась этим городом, и даже в этом небольшом государстве их власть была чисто номинальной. Из-за придворных интриг и постоянно вспыхивающих в городе восстаний история поздних Аббасидов представляет собой панораму казней генералов, визирей, правителей и претендентов на престол. Из пятидесяти девяти полководцев верных тридцать восемь погибли насильственной смертью и претерпели бедствия, худшие, чем сама смерть. Чтобы не пролилась кровь семьи Мухаммеда, многих замучили голодом, других замуровали в стенах или бросили в ледники. Кахир вышел из заключения ослепшим и до конца своих дней просил милостыню у дверей мечетей. Его преемник, Ради, чтобы избежать тирании турок, которые теперь управляли всеми ветвями власти, создал должность эмира эмиров. Этот высокопоставленный чиновник, которому было дано командование армией и контроль над государственными финансами, вскоре стал реальным правителем, а Ради ушел в строгое уединение, не оставив себе ни капли власти. Но вместо того, чтобы установить, как он думал, власть над буйной турецкой гвардией, действие Ради просто усилило власть ее вождей. Один из них, Баджкам, раздраженный возвышением Ибн Райка, захватил Ради и заставил его назначить его, Баджкама, эмиром эмиров. Смерть этого амбициозного политика на втором году правления Муттаки стала сигналом к новым

беспорядкам. Претенденты, с которыми турки были вынуждены бороться, появлялись со всех сторон, и пост эмира эмиров стал столь же горячо оспариваемым, как когда-то был пост халифа. Муттаки, не имея иного выбора, кроме как санкционировать действия более сильной стороны, на мгновение подумал о том, чтобы отдать себя в руки Ихшидитов, но Турун приказал казнить его и провозгласил халифом Мустакфи. Разгневанные этим ужасным злоупотреблением властью, жители Багдада призвали на помощь князей Буидов, которые недавно обосновались в провинциях бывшей Персидской империи, и в 945 году турки были окончательно изгнаны из города. Муиз ад-Даула посадил на трон халифа, который был лишь инструментом в его руках, а сам занял пост эмира эмиров и стал первым в ряду эмиров Буидов, правивших более века.

Между тем, в резком контрасте с кровопролитными беспорядками тех, кто узурпировал власть, арабы, уставшие от войн и гражданских распри, посвятили себя изучению науки и литературы; последние из Аббасидов, в максимальной изоляции, которую могли обеспечить их дворцы, искали утешения от тягот своей судьбы в обществе ученых и литераторов. Принцы Буидов также последовали примеру Аль-Мауна и дали большой импульс изучению астрономии и математики. Они взимали в своих вассальных провинциях налоги, достаточные для того, чтобы сохранить свое господство над всеми соперничающими фракциями, в то время как халифы Мути, Тай, Кадир и Каим, лишенные своих доходов и лишенные всякой власти и королевского статуса, играли точно такую же роль, как и меровингские *rois fainéants* под опекой своих мэров дворца. Тем не менее, только из рук халифов большая часть правящих семей Азии получала свои инвеституры, поскольку Аббасиды по-прежнему оставались законными правителями в глазах набожных мусульман.

РАЗЛИЧНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕКТЫ

[750-945 гг. н. э.]

Во все времена мусульманская империя была раздираема различными религиозными сектами. При Аббасидах мутазилиты проповедовали возвышенную веру, которая оказала большое влияние на умы знати. Другие секты ограничивались протестами против разнузданности того времени и требовали социальных реформ, а многие стали просто инструментом личных амбиций. Среди наиболее заметных были равандиты, фанатичная секта, которая верила, что халифам следует оказывать почитание, подобающее божествам, и которая настолько донимала Аль-Мансура своим поклонением, что он приказал своим стражникам расправиться с ними. Еще более грозными были зендиты, которые смело утверждали, что владение собственностью является преступлением и что человек не должен есть мясо животных. Их безжалостно преследовали и истребляли. В 781 году Моканна поднял восстание среди населения Хорасана, а в 834 году Бабик основал в Азербайджане секту исмаилитов, которые, по словам арабских историков, исповедовали самый ярко выраженный материализм и в течение четырех лет сопротивлялись всем попыткам Мутасима подавить их. Однако из всех сект ни одна не распространяла свои верования с такой быстротой и успехом, как секта карматиев (), которые в X веке заполнили Аравию и отняли у халифов духовную и светскую власть над всей восточной частью полуострова.

АРАБСКИЙ КАВАЛЕРИСТ

(На основе украшений в Альгамбре)

Кармат сохранил большинство доктрин *Корана*, признавая Али и семерых имамов прямыми потомками Мухаммеда и отвергая только теорию откровения. Он разработал систему последовательных ступеней, в которые должны были быть посвящены его последователи, и последней из них, согласно Новаири и Макризи, был атеизм. Вряд ли верования такого рода нашли бы много приверженцев, если бы Кармат не проповедовал одновременно отмену рабства. Сражаясь во имя свободы, его сторонники победили всех противников, но, обогатившись грабежами, они впали в самые ужасные излишества и навлекли на себя всеобщее презрение. Серия их побед началась при правлении Мутаида, когда, победив одного из его генералов, они продвинулись на Куфу, захватили и разграбили ее. Во время правления Муктафи они продвинулись со своим оружием до Палестины и даже угрожали Дамаску. Их самый способный вождь, Абу Тахир, повел их в еще один поход на Куфу, в результате которого город был полностью разрушен; затем, приблизившись к Багдаду, он отразил нападение тридцатитысячной армии. «Солдаты вашего господина так же преданны, как и мои?» — спросил Абу Тахир одного из мусульманских генералов. Затем он приказал одному из своих людей вонзить меч себе в грудь, другому — прыгнуть в Тигр, а третьему — броситься с вершины высокого утеса; все эти приказы были немедленно выполнены. Несколькими годами ранее (930 г.) карматиты осадили Мекку и убили две тысячи человек; они также разрушили храм Кааба, унесли знаменитый Черный камень и засыпали колодец Земзем. В хамданитах и икшидитах они наконец встретили достойных противников; и после нескольких поражений они навсегда ушли в пустыни Сирии и Бахрейна.

Помимо могущественных реформаторов, которые стремились ни к чему иному, как к уничтожению как светской, так и духовной власти халифов, существовали многочисленные философы и аскеты, которые создавали расколы в самом сердце ислама. Наиболее важной из этих мелких сект была секта суфиев, целью которой было поддерживать душу в постоянной связи с Богом путем уничтожения всех естественных чувств и привязанностей. Несмотря на частые преследования со стороны халифов, апостолы суфизма сумели распространить свои учения по всей Персии, ускорив тем самым исчезновение ислама,

который с каждым днем терял все больше позиций. Существование шиитов и суннитов еще больше сдерживало рост мусульманской веры, и поскольку первые Аббасиды не смогли установить религиозное единство, беспорядки, вызванные такой путаницей вероучений, постоянно усиливались. Будучи заклятыми врагами Омейядов, Аббасиды, опасаясь, что Алиды или шииты приобретут слишком большую власть, открыто встали на сторону суннитов и преследовали всех, кто противоречил их взглядам.

[900-1020 гг. н. э.]

После многих тщетных попыток завоевать трон Алиды попытались основать собственное государство в некоторых из расчлененных провинций. Один из них на короткое время стал правителем Табаристана, но не смог удержать свою власть. В Африке им повезло больше: эдриситы сумели утвердиться в Мавритании, а в 908 году Обайд Аллах, принявший титул имама, объединил весь Магриб вокруг своей идеи и сверг династию Аглабитов. Постепенно расширяя свое господство вдоль побережья, он заложил основы правления Фатимидов в Кайруане и Махдии и уже протягивал руку к Египту, когда смерть прервала его планы. Его непосредственные преемники, Абул-Касим (936-945) и Аль-Мансур (945-953), не смогли поколебать позиции ловкого и доблестного Ихшида, но они установили связи с арабскими шиитами в Хиджазе и Йемене и приобрели много друзей благодаря мудро распределяемой щедрости. После смерти Ихшида возникли споры о преемственности, и Муиз-лидиниллах, сменивший Аль-Мансура (953), проник вглубь страны, получил подчинение эмиров и стал первым фатимидским халифом в Египте. С этого периода фатимиды имели преимущество в духовной борьбе с Аббасидами. После основания Великого Каира (972 г.) они завоевали Сирию и часть Джезиры, и их верховенство было признано почти всем населением Аравии, которое надеялось найти в них защиту от карматитов в будущем.

Таким образом, три царства, которыми правили соответственно Фатимиды, Буиды и Саманиды, образовали в конце X века всю Арабскую империю; и история этого периода чрезвычайно интересна, поскольку она показывает, как могут смещаться центры цивилизации: отныне арабская роскошь и культура должны были сиять своим ярким блеском не в Багдаде, а в Каире.

При Фатимидах в Египте процветали торговля, промышленность, сельское хозяйство, искусство и наука, как и в Азии при ранних Аббасидах. Были построены великолепные сооружения, соединявшие небольшой городок Фостат с Месрой, а к мечетям, возведенным Тулуном, добавились новые великолепные мечети. Казалось, халифы стремились стереть из памяти всех людей воспоминания о славе Багдада; они также с большим рвением управляли своим царством, уделяя личное внимание оценке и сбору налогов. Благодаря замечательной плодородности земли, они вскоре получили доход, почти равный доходам Харуна ар-Рашида. Муиз и Азиз были мудры и умеренны в своих расходах и справедливы в своем правлении, но Хаким, который сменил их (996-1020), был как злой гений на троне. Он подчинил своих подданных в состоянии крайней покорности и поддерживал удивительно организованную систему полиции, которая информировала его о малейших событиях, что давало повод полагать, что он всеведущ. Фактически его почитали как божество, и его внезапное исчезновение только укрепило всеобщую веру, поскольку было публично заявлено, что он вознесся на небеса, откуда впоследствии снова спустится на землю. Один или два факта помогут составить представление о слепом деспотизме Хакима. Он поджог Каир, чтобы насладиться видом города в огне, и пытал евреев и христиан, чтобы заставить их отречься от своей религии, а затем дал им разрешение вернуться к ней. Террор царил везде, где он появлялся; тем не менее, он уважал и поощрял ученых и распорядился, чтобы астрономические таблицы Ибн Джуниса были посвящены ему. Предполагается, что он был

убит одной из своих сестер, которая затем приняла регентство от имени его сына Дахира, который был еще ребенком (1020-1036). После смерти Дахира Абу Темим Мустансир взошел на престол и правил в течение пятидесяти восьми лет. Будучи признанным правителем Африки и Аравии и провозглашенным их духовным повелителем жителями Багдада, уставшими от правления Каим-биамриллаха, Мустансир в одно время был близок к восстановлению всемирного халифата; но вскоре после этого он был наказан за свои амбициозные планы потерей лучшей части Сирии, и ему с трудом удалось сохранить свое господство даже в Палестине.

[933-1094 гг. н. э.]

Буиды, которые захватили Персию в 933 году и были всемогущими в Ираке, Аравии и Багдаде, не прославлялись так долго, как Фатимиды, но их эпоха началась немного раньше. Во второй половине X века, после уничтожения турецкой милиции и изгнания хамданитов из Джезиры и Мосула, Буиды не имели соперников в Азии, и продолжение мира позволило им продолжить дело, начатое Аль-Мамуном. Два из их принцев, Адхуд ад-Даула и Шараф ад-Даула, возродили интерес к литературе, сами став писателями, и именно им принадлежит заслуга восстановления на прочной основе багдадской школы, которая во время их правления дала миру столько ученых. Адхуд ад-Даула не довольствовался тем, что осыпал поэтов и ученых благодеяниями; он поручил инженерам высочайшего уровня понизить русло реки Бендемир в Персии, тем самым предотвратив наводнения, которые были так часты и губительны в окрестностях Шираза, и обеспечив улучшенный водный путь для торговли. В Багдаде был построен великолепный госпиталь, и на его открытии был устроен праздник, который до сих пор известен в анналах Востока. К сожалению, Буиды не преуспели лучше халифов в передаче своей власти потомкам с помощью фиксированных законов; они фактически подготовили почву для распада империи, которую они основали, и подвергли ее революции и катастрофе из-за недальновидного распределения провинций и зависимых территорий между своими детьми.

Правление Саманидов, продлившееся более века, закончилось примерно в то же время. Альп Тегин, турецкий раб, который поднялся до высокого положения при Абдул-Малике, не смог захватить власть после смерти этого монарха и бежал в Газни, где постепенно взял на себя управление государственными делами и в течение шестнадцати лет успешно сопротивлялся всем попыткам Саманидов свергнуть его.

Субуктигэн, мудрый полководец и советник, сменивший его в 995 году, принес мусульманскую веру и оружие в Индию, опустошив Пенджаб, основав города Баст и Касдар и защищая Саманидов от турок, вторгшихся в Мавараннахар. Он назначил своим преемником младшего сына Исмаила, но старший, Махмуд, во главе вооруженных сил провозгласил себя независимым правителем и разбогател, грабя Индию. Он без труда разгромил Саманидов и в 1000 году стал правителем Хорасана, тем самым распространив свою империю, которая начиналась у Инда и Ганга и охватывала территории, известные сегодня как Афганистан, Герат и Белуджистан, до Каспийского моря. Махмуд был первым из восточных князей, принявшим титул султана. Его столицей был Газни, откуда и произошло название «Газневид», данное ему историками, и города Канай, Лахор и Дели в Индии, где он завоевал наибольшую славу, платили ему дань. Он также опустошил королевство Гузерат и разрушил пагоду Сомнатх, великолепие которой невозможно описать словами. Две тысячи брахманов были заняты на службе в этом храме, а его идол был изваян из одного камня высотой в пятьдесят локтей. Махмуду предлагали огромные суммы в качестве выкупа за этого идола, который был самым почитаемым в Индостане, но он неумолимо отказывался от всех предложений.

В то время как войска Махмуда наводняли Индию, Мавараннахар попал под власть племен Туркестана. Султан совершил ошибку, позволив этим врагам остаться, и сам ввел в свои владения тюрок-сельджуков, которые недавно приняли ислам и требовали земельных наделов в Хорасане. Масуд, сменивший своего отца в 1028 году, пытался избавиться от этих грозных соседей, но потерпел поражение и после этого мог только оставаться в обороне. Тогрил-бег, внук Сельджука, вскоре одержал вторую, более решительную, чем первая, победу над Газневидами и оттеснил их обратно в Индию. Повернув на запад, он вторгся в Хорезм, Джорджан, Ирак-Джени, а затем вторгся в владения князей Буидов.

В Багдаде царил величайший беспорядок. Чтобы спастись от бедствий, которые его преследовали, халиф Каим поставил себя под защиту Тогрила Бега и передал светскую власть над всеми государствами ислама этому князю, который продемонстрировал свою набожность, построив храмы Мухаммеду во всех завоеванных городах. Церемония коронации состоялась в Багдаде. Поцеловав пыль перед халифом, одетым в черные одежды Аббасидов, Тогрил-бег взошел на трон, специально подготовленный для него, и получил на голову две короны, символизировавшие его власть над двойным царством Персии и Аравии. Чтобы еще больше укрепить этот союз Востока с Западом, сестра Тогрил-бега была выдана замуж за халифа, а титул султана был введен в *хотбу*, или официальную молитву.

Однако едва турки ушли, как в Багдаде произошло всеобщее восстание, и Абу Темим Мустансир, фатимидский правитель Египта, был провозглашен халифом вместо Каима. Верный своей примирительной политике, султан пришел на помощь заключенному в тюрьму принцу Аббасидов и вернул его на трон.

В то время как арабское господство постепенно разрушалось, греки предпринимали новые попытки вернуть некоторые из утраченных колоний. Еще в 852 году их флот нанес разрушительный удар по городу Дамьетта, а столетие спустя они проникли вплоть до Алеппо и разграбили сокровища Сайфа ад-Даулы, принца из династии Хамданитов. Два их императора, Никифор и Зимисц (963-976), пересекли Евфрат и наводнили Джебзире своими войсками, в то время как было отвоевано множество крепостей, а также страна Киликия и остров Кипр.

Неспособные противостоять вторжениям греков, как могли багдадские халифы сдержать наступление воинственных орд Туркестана, которых сельджуки собрали под своим знаменем, обещая добычу, которую можно было получить на завоеванных землях? Разрозненные племена, которые Саманиды легко отразили в 893 году, теперь объединились под одним вождем и образовали могущественную силу, которая, сметая все препятствия, подчинила себе всю Западную Азию и сохраняла там свое господство на протяжении многих веков.

ТУРКИ-СЕЛДЖУКИ

Турецкий священник

[1055-1092 гг. н. э.]

Название «сельджуки», применявшееся к туркам, участвовавшим в завоеваниях Тогрил-бега, не должно вводить в заблуждение относительно их численности; под этим названием не подразумевалась какая-либо конкретная орда, поскольку в Туркестане, как и в аравийских пустынях, любое племя, сумевшее навязать свою власть другим, давало им имя своего вождя. Турки принадлежали к скифской расе, к которой также относились и те свирепые гунны, представленные нам в столь ужасающем свете греческими историками; но следует провести различие, поскольку на краю Азии татары и монголы все еще жили в состоянии первобытного варварства, не признавая никакого бога, кроме меча, воткнутого в землю; тогда как племена, называемые турками, научились земледелию и торговле у арабов и, кроме того, обладали чрезмерной тщеславностью и любовью к власти, что заставляло их даже соглашаться на рабство, чтобы постепенно воздействовать на дух своего хозяина с целью его окончательного свержения и уничтожения. Будучи мусульманами и суннитами, сельджуки находили повсюду братьев в рядах врагов и получали свою инвеституру из рук Аббасидов. После того как они победили греков, у которых отняли Малую Азию, они распространили свое господство от Инда до Босфора. Но они не имели представления о сильной организации; их независимые вожди, соперничая между собой, спорили друг с другом за обрывки суверенной власти, и эти разногласия сделали их легкой добычей для монголов, когда в начале XIII века Чингисхан вторгся в западный мир.

Самой блестящей эпохой в истории сельджуков был период между 1055 и 1092 годами, когда они были объединены под единым главой, который распределял добычу. Тогрил-бег

мог дарить своим родственникам и последователям многочисленные подарки. Признанный халифами султаном или верховным правителем, он распространил свою власть на Джезире и Армению, и именно в разгар новых завоеваний смерть застала его врасплох в 1063 году. Его племянник Альп Арслан унаследовал его власть и правил блестяще. Он победил римского императора Диогена, уничтожил независимость грузин и только что ввел свои войска в Туркестан, когда погиб от руки жителя Хорезма. Большая часть Азии оказалась под его властью, двенадцать сотен вождей принесли ему дань уважения, а двести тысяч солдат шли под его знаменем; и все же он не был самым блестящим из князей своей семьи; эта слава была зарезервирована для его сына, Малик-шаха (1072-1092).

Малик-шах был правителем, наделенным высочайшими качествами, и его благородные замыслы умело поддерживал его великий визирь Низам аль-Мульк. В Багдаде были построены мечети и колледжи, а новые дороги и каналы облегчили связь между самыми отдаленными точками империи. Пока Низам аль-Мульк занимался деталями управления, султан путешествовал от одного из своих государств к другому, стремясь все дальше и дальше раздвигать их границы. Его имя произносилось в молитвах от Мекки до Багдада, от Исфахана до Кашгара, и в конце концов он стал властелином всей Малой Азии. По его приказу Сулейман, один из его родственников, вторгся на территорию греков и продвинулся к Босфору, завоевав все страны, расположенные между Великой Арменией, Грузией, Черным морем, Средиземным морем, Албанией и Малой Арменией (1081 г.). Так возник султанат Икония и Рум, впоследствии Азиатская Турция, который сыграл столь важную роль во времена крестовых походов. Греки были изгнаны из Азии победами Сулеймана, и, несмотря на свое христианское население, Антиохия и города Месопотамии были вынуждены подчиниться турецкому игу. В одной из этих экспедиций Малик-шах был взят в плен, и Низам аль-Мульк освободил его столь же осторожно, сколь и ловко; но впоследствии султан обернулся против этого выдающегося министра и лишил его почета, и тот в конце концов пал от меча исмаилитов в возрасте девяноста трех лет.

[1092-1218 гг. н.э.]

После смерти Малик-шаха (1092 г.) империя Сельджуков, утратив единство, распалась на несколько независимых княжеств. Султан Персии тщетно пытался установить своего рода верховенство над другими князьями своей семьи; четыре сына Малик-шаха, Махмуд, Баркиярк, Синджар и Мухаммед, разделили землю между собой по окончании затяжных войн, которые истощили ресурсы сельджуков, не принеся никакой пользы ни исламу, ни турецкой расе. С этого момента различные страны и провинции, которые когда-то составляли одно царство, все больше и больше отдалялись друг от друга. В 1096 году эмир Орток обосновался в Иерусалиме с намерением основать там наследственное государство и стать правителем Хорезма; воспользовавшись внутренними беспорядками у сельджуков, он провозгласил свою независимость, а его преемники, начав серию завоеваний, которые должны были включать Мавараннахар, Хорасан, Ирак и Керман, возродили империю Газневидов. Некоторые князья этой династии удерживали провинции, прилегающие к обоим берегам Инда, до тех пор, пока гуриды, сначала в Лахоре (1183-1205), а затем в Дели, не начали завоевание Индии, разорив Бенарес, подчинив Бенгалию и дав начало афганской династии в древнем Паропамисе.

Гуриды уже двадцать пять лет удерживали власть, оставленную последними Газневидами, когда Мухаммед, султан Хорезма (Khwarizm), отнял у них западные провинции () и стал почти таким же могущественным, как Малик-шах. В момент своего величайшего расцвета этот князь пал жертвой монгольского вторжения (1208-1218).

Мы стали свидетелями развития антагонизма между турецкой и арабской расами, в результате чего варварство угрожало поглотить мусульманские государства, как оно угрожало Европе во времена германского вторжения. Но по закону компенсации турки, демонстрируя свою власть мечом, впитали в себя влияние арабской цивилизации и вместе с религией и языком приняли уважение к науке и искусству. Сравнение упадка Арабской и Римской империй показывает поразительное сходство: на Востоке султаны возродили славу правлений Теодориха и Карла Великого, а школа Багдада продолжала сиять над всей Азией до конца XV века.

Все еще не имея влияния, хотя и восстановив независимость благодаря ослаблению сельджуков, халифы из династии Аббасидов оставались в столице, к которой в основном и ограничивалась их власть. Ни один из преемников Кайма не восстал против тирании сельджуков, за исключением Мустаршида (1118-1135) и Рашида (1135-1136), которые оба совершили акты сопротивления, причем последний даже лишился жизни, защищая Багдад от султана Массуда, чьего верховенства он упорно отказывался признавать.

Масуд, внук Малик-шаха, был еще достаточно силен, чтобы вызывать уважение, и при его жизни Муктафи, преемник Рашида, не рискнул открыто восстать. Но после его смерти, когда возникли споры о праве на престол, халиф публично провозгласил себя законным правителем и, отразив все нападения на Багдад, добился признания во всем Ираке и Аравии. Дела оставались в таком состоянии в течение столетия, в течение которого Мустанжид, Мустади, Насир, Захир, Мустансир и Мутасим не испытывали позора, видя, что правительство находится в руках других. Они были свободны в защите торговли и промышленности, литературы и наук, не подвергаясь ничьей критике; а Багдад, в разгар беспорядков, разразившихся со всех сторон, был как неприступная крепость, в которую даже слухи о кровавых столкновениях между горячими суннитами и неуступчивыми шиитами проникали лишь слабо.

АРАБЫ И ТУРКИ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ПРОТИВ ХРИСТИАН

В то время как власть сельджуков постепенно ослабевала в восточных провинциях, что происходило в западных провинциях Арабской империи? После смерти Малик-шаха (1092 г.) образовались три султаната: Алеппо, Икониум и Дамаск, не имевшие никакой связи друг с другом, а также с султанатами Персии и Кермана. Первое из этих отдельных царств простиралось на Малую Азию, два других включали в себя крупные города Джебеле и Сирия. Теперь у фатимидских халифов появилась благоприятная возможность отвоевать часть своих бывших владений в этих странах, но они настолько утратили свое бывшее величие, что разрешили упоминать имена сельджукских султанов в публичных молитвах в Хиджазе. Мустали, преемник Мустансира, не стремился вооружить арабов против турок, а преследовал лишь одну цель — получить определенные бесплодные уступки от сельджукских князей, вмешиваясь в их частные споры; кроме того, произошел непредвиденный инцидент, который отвлек все мысли от междоусобных беспорядков.

[1097-1171 гг. н. э.]

Прибытие нескольких армий христиан, отправленных в Палестину с миссией освобождения Святого города, пробудило в мусульманах весь их религиозный фанатизм. Арабы и турки приостановили свою взаимную вражду, чтобы объединиться против общего врага; однако, как только опасность миновала, снова разгорелись разногласия, что значительно облегчило продвижение христиан. До прибытия Годфри де Буйона (1097 г.) армия Петра Пустынника погибла на землях султана Икониума, и мусульмане, полагая, что им больше нечего бояться извне, возобновили свои гражданские войны; таким образом, дисциплинированные войска первых истинных крестоносцев не встретили более сильной силы, чем раздробленные между собой сельджуки, и, перейдя горы Киликии, они взяли город Антиохию и без труда вошли в Палестину.

Мусульмане повсюду оставались разделенными и без общего главы. Фатимидским халифам Мустали, Эмиру, Хафиду, Зафиру, Файзу и Адиду, или, вернее, их великим визирям, никогда не приходило в голову объединиться с независимыми князьями Сирии с целью отразить врага их общей веры; главной целью их политики, по-видимому, было ведение переговоров с турецкими эмирами, а война с франками занимала второстепенное место в их заботах. Однако после смерти Баркиярока внезапно появился новый и могущественный защитник ислама.

Имад ад-Дин (называемый нашими летописцами «Кровавым») прославился при дворе сельджуков в Алеппо и Мосуле. Организовав под именем Атабек небольшое независимое государство, он сеял ужас среди эмиров вокруг себя и, наконец, напал на сельджукского султана в Алеппо и стал хозяином этого города (1127 г.). Затем он пробудил в мусульманах их древнюю ненависть к имени «христианин» и начал против франков своего рода партизанскую войну, которая закончилась захватом Эдессы, после чего он заставил королей Иерусалима обратиться за помощью к Европе.

Преемниками Зенки стали его сыновья Сайф ад-Дин и Нур ад-Дин, последний из которых доказал, что является достойным преемником своего отца. Он беспокоил франков неоднократными нападениями и позволил двум монархам истощить свои силы тщетными попытками захватить Дамаск, который все еще находился под властью сельджуков. Когда они наконец отступили, потерпев поражение, Нур ад-Дин сам напал на султана, ослабленного этим долгим героическим сопротивлением, отнял у него Дамаск и вторгся в Палестину, которую он разорил во всех направлениях. Благодаря счастливому стечению обстоятельств ему вскоре было позволено вмешаться в дела Египта, предложив визирю войска для подавления халифа Адида. Не получив обещанного вознаграждения за эту услугу, он сразу же начал военные действия и несколько раз наносил поражения королям Иерусалима, в то время как его лейтенант Ширкух стал правителем Египта и заставил халифа назначить его великим визирем. Это был смертный приговор для Фатимидов. Племянник Ширкуха, Саладин, знавший о тайных планах своего дяди, довел революцию до конца, и менее чем через месяц в мечети стали молиться во имя багдадского халифа Ностади, а Адид был свергнут без единого голоса в его пользу (1171).

САЛАДИН И ЕГО ПРЕЕМНИКИ ПРОТИВ КРЕСТОНОСЦЕВ

[1171-1229 гг. н. э.]

Едва Саладин получил в свои руки ресурсы богатой земли Египта, как он начал против франков серию нападений, которые сделали его имя знаменитым. Позже он был возвышен

до высшего ранга всеобщим выбором мусульман после смерти Нур ад-Дина, сын которого был отстранен.

Правление Саладина, который был самой интересной фигурой в истории крестовых походов, представляет для нас высшую точку арабской цивилизации. Будучи по происхождению курдом, он не может считаться представителем турецкой расы, хотя и обладал воинственными инстинктами турка в сочетании с превосходным интеллектом. В Годфриде Бульонском и Ричарде Львиное Сердце олицетворяются благочестие, великодушие и доблесть христианского рыцарства; Саладин не менее является героем мусульманского мира. Непокколебимая храбрость, великодушие, дух строгой справедливости и непоколебимая верность данному слову были среди его главных добродетелей. Проведя свою жизнь в условиях войн, он имел мало возможностей для развития мирных искусств, но он был не чужд литературе и наукам и не упускал ни одной возможности повысить свой авторитет в глазах своего народа. Саладин был первым, кто объединил под одним руководством силы Сирии и Египта, и в этом заключается секрет его успеха в борьбе с крестоносцами.

Крестоносец Третьего крестового похода

Когда он вступил в Палестину, Иерусалим был охвачен страшными беспорядками, поскольку вожди крестоносцев не довольствовались охраной вверенных им святых мест, а стремились управлять всеми городами и крепостями. Святой город сразу же попал в его власть. Мусульмане захватили храмы и превратили их в мечети, а также осадили все приморские города, но поражение, нанесенное им в Тире, возродило мужество франков и позволило им дожидаться прибытия Ричарда и Филиппа Августа. Третий крестовый поход последовал в 1187-1192 годах, но Иерусалим не удалось завоевать христианам, несмотря на храбрость английского короля. Хорошо известна великодушие, проявленное султаном Египта в обращении со своими пленниками; он освободил всех иностранных рыцарей, лишь оговорив, что каждый из них должен дать свое имя какому-нибудь новорожденному ребенку.

Через несколько месяцев после отъезда Ричарда Саладин умер в Дамаске, вызывая восхищение своих врагов и сожаление мусульман, которые предвидели возникновение новых разногласий. Действительно, сразу же возникли три государства Айюбидов: одно в Египте, другое в Дамаске, Иерусалиме и Нижней Сирии, а третье в Алеппо и Верхней Сирии. Три сына Саладина разделили между собой государства, оставленные их отцом, два из них

были ограблены их дядей Адилем Сайф ад-Дином, который остался правителем Египта и Дамаска. Малик Адил, называемый в наших хрониках Сафедином, был заклятым врагом франков; он отнял у них город Триполи и стал определяющей причиной Пятого крестового похода.

Его сын Малик аль-Камиль стал султаном Египта в 1218 году и великодушно принял подарки от Фридриха II, когда этот принц во главе Шестого крестового похода вступил в Палестину, и получил от него город Иерусалим, который стоил мусульманам столько жизней. Султаны из династии Айюбидов, сменившие Малика, рассматривали франков как врагов, которых необходимо любой ценой изгнать из Азии (); и так Иерусалим вновь попал в руки неверных и стал владением султанов Египта и Дамаска.

Таким образом, в начале XIII века потомки Саладина владели почти всей западной частью Арабской империи. Правда, один из потомков Нур ад-Дина владел частью Джезиры, а некоторые принцы из династии Айюбидов правили провинциями полуострова, а имя Аббасидов, последних представителей бывшего арабского господства, по-прежнему провозглашалось в публичных молитвах. Алиды и Фатимиды образовали единую секту, не имевшую единства и политического влияния. Армения и Грузия вернулись к христианству, а значительная фракция, известная в истории как исмаилиты, батениты или ассасины, по-прежнему сохраняла определенное влияние.

[1090-1250 гг. н. э.]

Эта секта была основана в конце XI века Хасаном Саббой, которому удалось завоевать абсолютное господство над умами своих последователей. Будучи врагом как христианства, так и ислама, он проповедовал учение, сходное с учением карматитов, и среди его владений было несколько крепостей, в одной из которых он и проживал. Название «ассасины» является искажением слова «гашиш», своего рода опьяняющего напитка, с помощью которого Хасан Сабба убеждал своих последователей, что он может посвятить их во все радости рая. Хасан принял на себя роль меньшего провидения, ответственного за исправление несправедливости и наказание лжи; и поскольку он в то же время разрешал своим сектантам всевозможные разбойничьи набеги, основанная им династия более двух веков терроризировала всю Западную Азию. Они пронесли свое оружие в Сирию, где построили укрепления и грабили все проходящие караваны. Еще в XIII веке они владели постами в Ираке и Сирии, недалеко от Дамаска и Алеппо.

МОНГОЛЫ ПОД ВЕДОМСТВОМ ЧИНГИЗ-ХАНА ВТОРГАЮТСЯ В ЗАПАДНУЮ АЗИЮ

[1220-1258 гг. н. э.]

Такова была ситуация в восточном мире, когда новая раса завоевателей, монголы, вторглась в Западную Азию. Как и турки, монголы составляли одну из ветвей скифской расы, но сохранили в глубине Татарики свои первобытные обычаи и религию. Они вели кочевой образ жизни, были организованы по племенному принципу, и их отличительными чертами были покорность вождям, любовь к войне и грабежам.

Чингисхан уже был правителем Татарики и Северного Китая, когда он направил свои войска на запад и угрожал Мавараннахеру (1219 г.). Эта провинция в то время принадлежала Мухаммеду, султану Хорезма, который вел войну с Насиром, халифом Багдада, по очень серьезному поводу. Насир, встревоженный растущей мощью Мухаммеда, вооружил против него принцев из династии Гуридов; тогда Мухаммед созвал в своем дворце великий совет, в который вошли ряд ученых и юристов, чье решение не могло вызывать сомнений, и

объявил о конце правления Аббасидов, узурпаторов халифата. Потомок Али, Ала ад-Дин, был провозглашен халифом вместо Насира, и была подготовлена мощная экспедиция против Багдада. Насир был спасен прибытием монголов в этот момент, султан был вынужден направить все свои силы на Мавараннахар, где они были разгромлены. Сам Мухаммед бежал на остров в Каспийском море, оставив своего сына Джелал ад-Дина, чтобы тот встретил и сопротивлялся захватчикам, как мог (1220). Смелый до безрассудства, этот принц действительно смог бы оказать успешное сопротивление страшному врагу, если бы его поддерживал народ, решивший защищать свои дома любой ценой; но, преданный и брошенный теми, на кого он должен был полагаться, он испытал горечь, видя, как орды Чингисхана проносятся с разрушительной силой через Мавараннахар, Хорезм, Гилан и Азербайджан. Когда завоеватель, владеец 1700 квадратных лиг, удалился в свою столицу Каракорум (1220-1227), Джелал ад-Дин, который укрылся в Индии, вернулся, и все население, избежавшее порабощения, стекалось под его знамена. Из остатков владений своего отца он создал новую империю, простиравшуюся от истоков Ганга до Мосула, и еще некоторое время Багдад был защищен от нападения монголов. Но Огдай стал ханом с согласия своего отца Чингисхана, и все великие вожди немедленно отправились на завоевание владений Джелал ад-Дина, в результате чего последний был вновь вынужден бежать и позже погиб от рук убийцы.

Огдай был менее удачлив в своих попытках против султана Икониума и Багдада, который умело защищал халиф Мустансир (1235-1241). Его преемник Куюк (1241-1251) также добился лишь незначительных успехов и был вынужден довольствоваться изгнанием из своего двора послов халифа и султана. Мангу-хан, который правил после него, был охвачен жаждой завоеваний и послал своих братьев Кублай-хана и Хулагу-хана на миссии по расширению владений. Пока Кублай-хан был занят завершением покорения Китая, Хулагу-хан покинул Каракорум во главе многочисленной армии и осадил Багдад, с которым он уже поддерживал тайную связь. Халиф Мустасим, узнав о его приближении, не предпринял никаких попыток сопротивления, и в течение семи дней его столица была во власти монголов, которые грабили и разрушали все вокруг, сжигая многие бесценные рукописи, которые они находили в библиотеках и колледжах. Мустасим был задушен, а его труп таскали по стенам Багдада, которые были свидетелями всех этапов взлета и падения Аббасидов — их величия, упадка и окончательного позора.

Монголам оставалось сделать всего один шаг, чтобы завоевать Египет и Сирию, но они столкнулись с мамелюками, которых не смогли победить. Как следует из их названия, мамелюки были черкесскими рабами, которых преемники Саладина привезли в свои дворцы и которые возобновили в Каире неповиновение и эксцессы, в которых были виновны турецкие солдаты в Багдаде.

Когда хорезмийцы бежали в Сирию перед Чингисханом, султан Дамаска отдал франкам Тиберий, Иерусалим и Аскалон в обмен на их помощь. Теперь султан Египта и его мамелюки объединили свои силы с хорезмийцами, и в ходе серии сражений, в которых Иерусалим несколько раз захватывался и отвоевывался, они в конце концов обернулись против своих союзников и почти уничтожили их (1240-1245). Три года спустя они отразили в Массуре нападение Святого Людовика, который начал вторжение в Египет. В 1250 году произошла революция, которая изменила весь облик страны.

[1258-1517 гг. н.э.]

Мамелюки, недовольные договором, который они заключили с королем Франции, их пленником, подняли восстание и провозгласили одним из своих султанов одного из своих вождей, Муиз ад-Дина. Святой Людовик, который удалился в Палестину, тщетно пытался

поднять врагов против мамелюков, вступив в отношения с ханом монголов и лидером исмаилитов. Сирия, после кратковременной оккупации Хулагу, который положил конец султанатам Алеппо и Дамаска (1258 г.), осталась навсегда, вместе с Джезирой, в руках мамелюков. Франки последовательно теряли свои оставшиеся владения, и возникла новая династия халифов из рода Аббасидов, которые на протяжении более двух веков не выполняли никаких высших функций, кроме как давали своего рода религиозное освящение правителям Египта. В 1517 году османские турки, уже владевшие Константинополем и Малой Азией, истребили мамелюков и распространили свою власть на все страны, известные сегодня под названием Азиатская Турция.

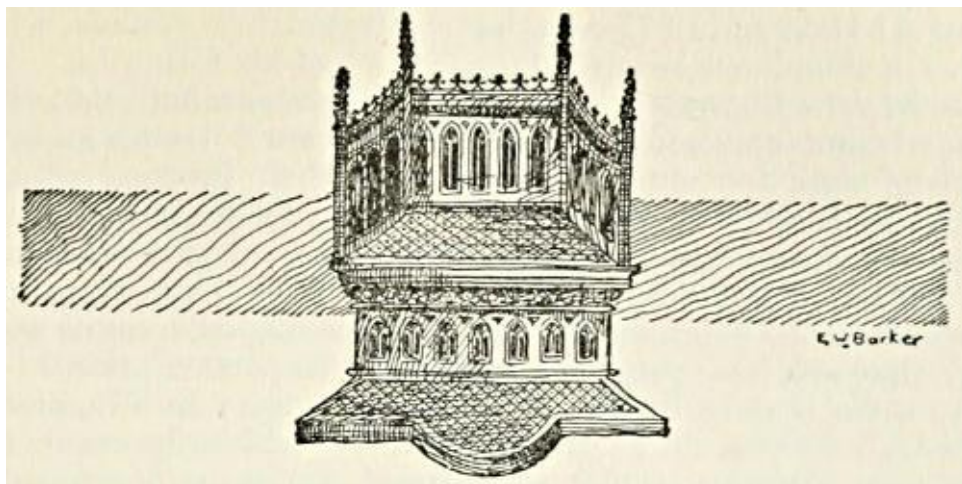
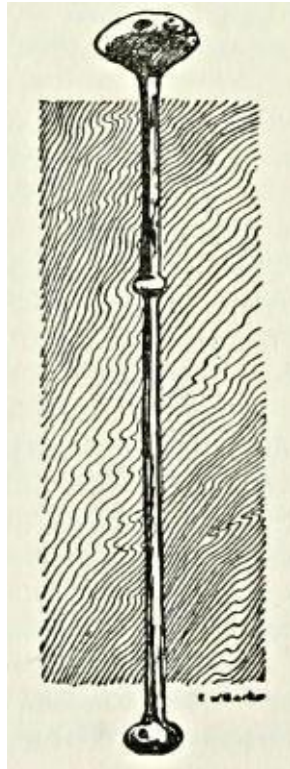
Находясь в эпицентре непрекращающихся революций и страдая от набегов варварских племен с севера, арабы начали постепенно исчезать, но то огромное влияние, которое они оказали на цивилизацию, никогда не было утрачено в Азии, и следы их благотворного воздействия до сих пор видны повсюду. Мы видели, как сельджук Малик-шах позаимствовал у багдадской школы реформы, которые он ввел в персидский календарь; до него Махмуд Газневид пригласил в свои советы универсального гения Аль-Бируни, который оказал заметное влияние на век, в котором он жил; монгол Хулагу, который не смог спасти от пламени драгоценные инструменты и записи, являвшиеся результатом многолетних просвещенных исследований, разрешил знаменитому математику Насиру ад-Дину Туси построить великолепную обсерваторию в Мераге; и, наконец, его брат Кублай, когда он стал императором Китая, принес с собой в небесную империю все знания и мудрость Запада.

При первых османских императорах мы отметим использование выдающимися писателями старого диалекта Аббасидов; но это последний слабый отблеск длительного периода славы. Тирания меча узурпирует власть над всем азиатским континентом — среди маньчжурских татар на востоке, узбеков на севере, софиев в Персии и османских турок на западе. С интеллектуальной точки зрения Восток вновь погрузится в неподвижность и оцепенение, пока народы Запада, продолжая в более грандиозных масштабах дело, начатое арабами, не разовьют все силы науки и человеческого труда, чтобы оказать влияние на Азию и вдохнуть в многочисленное население этих обширных пространств дух новой жизни.^b

Мы видели, как скипетр Мухаммеда перешел из рук его собственного народа. Остается возобновить рассказ об арабах в Испании.^a

СНОСКИ

^[40] [Также пишется как Harun-er-Rashid и Harun al-Rashid.]

ГЛАВА IX. УПАДОК МУСУЛЬМАН В ИСПАНИИ

[961-1492 гг. н. э.]

Аль-Хакам II, сын и преемник Абд ар-Рахмана, унаследовал все великие качества своего отца. Однако он не любил войны, предпочитал спокойствие и был чрезмерно увлечен литературой. Его агенты постоянно занимались на Востоке покупкой редких и интересных книг; он сам писал каждому автору с хорошей репутацией, прося прислать ему экземпляр

его работ , за которые он платил королевские деньги; а если он не мог купить книгу, то заказывал ее перепис. Таким образом он собрал обширную библиотеку, незавершенный каталог которой во времена Ибн Хайана насчитывал сорок четыре тома. После вступления на престол, чтобы посвятить основную часть своего времени государственному управлению, но при этом не пренебрегать столь дорогими ему интересами, он поручил одному из своих братьев заботиться о своей библиотеке, а другому — защищать литературные учреждения и вознаграждать ученых. Его правление — золотой век арабской литературы в Испании.

По-видимому, он никогда не участвовал в войнах с христианами, поскольку, хотя арабские писатели упоминают об осаде и захвате Эстефано де Гормасом лично королем, современный епископ Асторга не упоминает об этом факте. В Африке его генерал Халиб успешно подавил восстание двух местных губернаторов и вернул валисов Феса под власть трона Кордовы.

Поскольку Хишам II, сын и преемник Аль-Хакама, был всего одиннадцати лет, когда он взошел на престол, регентство было передано королевой-матерью ее секретарю Мухаммеду бен Абдаллаху, человеку великого гения, мужества и энергии. Мухаммед, более известный как Альмансор, по сути, можно считать королем, поскольку он один на протяжении всей жизни управлял королевством. Хишам был слишком слаб, слишком презрен, слишком пристрастен к ленивым удовольствиям, чтобы заслужить даже мимолетное внимание народа.

АЛЬМАНСОР

[977-998 гг. н. э.]

Войны Альмансора с христианами, которые оказались для них столь роковыми, занимают наиболее видное место в его правлении. Не сообщая им о своем намерении нарушить мир, который продолжался во время правления Аль-Хакама, в 977 г. н. э. он вторгся в Галисию, где добыча и пленники в изобилии вознаградили алчность его последователей. В течение следующих двух лет он часто повторял свои набеги как на Галисию, так и на Таррагону, не встречая особого сопротивления. Под властью малолетнего короля христиане были слишком заняты внутренними распрями, чтобы объединиться даже для защиты своей страны. Короче говоря, его разрушительные набеги, как говорят, происходили два раза в год в течение большей части его жизни.

В 981 году Альмансор не только захватил Самору, но и овладел многими другими крепостями в окрестностях. Последующие кампании были не менее успешными, однако их было слишком много, чтобы перечислять их все. Достаточно будет упомянуть, что в 983 году он захватил Гормас, в 984 году — Симанкас, в 986 году — Сепульведа, в 987 году он разрушил Коимбру, которую, однако, мавры вскоре восстановили, в 989 году он подчинил Артиенсу, Осма и Алькову, в 992 году — Монтемайор; в 994 году — Сан-Эстебан и Корунья; в 995 году — Агилар; в 996 году — важные города Леон и Асторга, а также большое количество менее значимых населенных пунктов; в том же году он опустошил всю Галисию, не пощадив даже святых пределов Компостелы. Его неумная жестокость и, более того, его бесчисленные кощунственные деяния вызывают возмущенное удивление у старых летописцев. Но многие ценные вещи избежали его ярости, а многие другие, такие как тела святых и королей, были перенесены испуганными христианами из Леона в Овьедо, поскольку горы Астурии вновь стали недоступным убежищем для местной монархии.

Колокола Компостелы были отправлены в Кордову, чтобы быть переплавлены в лампы для знаменитой мечети этого города. Но возмущенный святой искал мести; ибо по возвращении в Кордову неверующие были поражены сильной дизентерией, которая унесла большую часть из них; сравнительно немногие (если верить епископу Асторга⁴, то ни один) вернулись в мусульманскую столицу. Позднее, чем Сампиро, писатели — возможно, справедливо — приписали большую часть заслуг христианам, которые, узнав о масштабах болезни, преследовали неверных и убивали тех, кого Сантьяго пощадил бы. Как бы то ни было, после ухода захватчиков христиане вышли из своих гор, восстановили свои города и отреставрировали церковь в Компостеле.

Во время этих успешных операций против королей Леона Альмансор успел прославиться своим правлением в других частях страны. В 985 году он захватил Барселону и, возможно, пронес бы свои победоносные знамена до Пиренеев, если бы его поход не был остановлен известием из Африки. Аль-Хасам, эмир Альмагреба, который во время последнего правления узурпировал власть над всей провинцией и был изгнан Халибом, бежал в Египет. Султан этой страны Назар принял его благосклонно, и по возвращении он передал губернатору Туниса приказ предоставить ему три тысячи всадников и некоторое количество берберской пехоты. Его небольшая армия была быстро усилена, поскольку в этой стране, пожалуй, больше, чем в любой другой на земле, тот, кто пытался нарушить существующий порядок, обязательно получал определенную поддержку. Генерал Альмансора — ибо Хишам был никому не известен — был разгромлен и вынужден искать убежища в Сеуте. Но Абдул-Малик, сын Альмансора, поспешил на место сражения и в двух битвах уничтожил войска своего врага, которого взял в плен; и тот, хотя и полагался на верность договорам, был отправлен в Испанию и казнен. С Аль-Хасамом закончилась династия Эдрисов, правившая в Фесе около двухсот лет. Однако в 987 году пламя войны вновь разгорелось благодаря Балкину бен Зейри и было поддержано его сыном и преемником. После различных перемен в судьбе страны она была умиротворена победами Абдул-Малика, который был награжден титулом эмира Альмагреба.

УПАДОК ВЛАСТИ

[998-1009 гг. н.э.]

Но главное внимание хаджиба всегда было обращено к естественному врагу его народа. С момента своего возвышения он размышлял о уничтожении христианской власти. Теперь, когда Африка была умиротворена, а его сын мог посылать ему подкрепление из берберских войск, он решил осуществить свой план и, как обычно, начать с Леона. Подготовка, которую он вел в течение долгого времени, была огромной, но это обстоятельство спасло Испанию. Ужасаясь надвигающейся опасности, Санчо, король Наварры, и другой с таким же именем, граф Кастилии, вступили в союз с регентством Леона (Альфонсо V, который тогда правил, был всего лишь восьми лет), чтобы отразить общего врага. Это был первый случай в период правления Альмансора, когда эти три державы объединились; на самом деле они обычно воевали друг с другом, что в сочетании с частым несовершеннолетием королей Леона полностью объясняет беспрецедентные триумфы этого героя.

В 1001 году мусульманская армия, разделенная на две грозные части, поднялась по реке Дуэро и столкнулась с христианами в окрестностях Калатаназара, места между Сорией и Медина-Козли. Когда Альмансор увидел разбитые палатки христиан, он был поражен. Сражение началось с рассветом и продолжалось с беспрецедентной упорностью, пока темнота не разделила противников.

О том, что потери с обеих сторон были огромны, можно судить по отчаянной доблести обеих армий. Если Альмансор своими частыми и стремительными атаками прорывал линию противника, то она вскоре восстанавливалась, и в следующий момент христианские рыцари оказывались в самом сердце неверных. Охваченный усталостью, тревогой и еще больше унижением от того, что его так неожиданно отбили, он медленно удалился в свою палатку, чтобы дожидаться обычных визитов своих генералов. Он не знал о масштабах своего поражения, пока не узнал от немногих прибывших о судьбе своих братьев-вождей. Он хорошо понимал, что вторая попытка на поле боя приведет к гибели, и, горя от стыда, приказал отступать. Неизвестно, были ли мусульмане потревожены во время отступления, но сам Альмансор не продвинулся дальше границ Кастилии, прежде чем погрузился в отчаяние. Упорство отказываясь от всякого утешения — по некоторым сведениям, от всякой поддержки — он умер на руках своего сына Абдул-Малика, который поспешил из Африки, чтобы увидеть его, на третий день луны Шаффаль (1002 г.).

Альмансор был создан для того, чтобы быть великим правителем. Он был не только самым способным из генералов и самым храбрым из солдат, но и просвещенным государственным деятелем, активным правителем, поощрителем науки и искусств и великодушным награждаателем заслуг. Его потеря была фатальной для Кордовы. Национальная скорбь на мгновение смягчилась назначением Абдул-Малика на вакантную должность хаджиба. Этот министр обещал пойти по стопам своего прославленного отца; его управление как в Африке, так и в Испании отличалось большим духом и доблестью; но, в отличие от Альмансора, он обнаружил, что христиане слишком хорошо подготовлены, чтобы их можно было застать врасплох. Его внезапно охватили мучительные боли — вероятно, в результате отравления — и он умер в 1008 году, на седьмом году своего правления. С ним закончилось процветание мусульманской Испании.

[1009-1012 гг. н. э.]

Абд ар-Рахман, брат Абдул-Малика, был следующим, кто занял пост хаджиба. Он убедил бездетного монарха назначить его преемником престола. Этот опрометчивый поступок привел к его гибели и был одним из тех, которые с ужасающей быстротой ускорили упадок государства. Род Омейядов не был истреблен, и Мухаммед, принц этого дома, решил наказать хаджиба за его самонадеянность. Он быстро двинулся на город, силой захватил дворец и короля и провозгласил смещение хаджиба, который позже был ранен, взят в плен и распят варварским победителем.

Мухаммед сначала назначил себя хаджибом, но этот скромный титул вскоре ему надоел, и он стал стремиться к титулу короля. Тот, кто успешно восстал против своего повелителя и держал его в плену во дворце, вряд ли мог колебаться перед более серьезными преступлениями. По его приказу Хишам был тайно перевезен в неизвестную крепость и заключен там. В то же время была публично объявлена смерть короля; как нам сообщают, его заменил человек, похожий на него по росту и внешности, и был положен в королевскую гробницу; а Мухаммед, в соответствии с мнимым завещанием своего предшественника, был провозглашен принцем верующих.

Но узурпатор был далек от уверенности в своей власти. Опасный пример успешного восстания, который он сам подал, был слишком привлекателен, чтобы не последовать ему; и его собственные действия ускорили призыв к восстанию. Разгневанный на африканскую гвардию, которая поддерживала фракции Абд ар-Рахмана, он распустил это грозное формирование и приказал изгнать его из города. Они, естественно, сопротивлялись, но с помощью народа он в конце концов вытеснил их за стены и бросил им вслед голову их вождя. Разъяренные африканцы поклялись отомстить и провозгласили Сулеймана,

принадлежащего к королевской крови Омейядов, преемником Хишама. Поскольку силы Сулеймана были слишком малы, чтобы открыто атаковать Кордову, он путешествовал по стране в поисках сторонников и значительно увеличил число своих последователей. Он даже получил много христианских помощников от Санчо, графа Кастилии. В упорной битве он сверг узурпатора; двадцать тысяч солдат последнего остались на поле боя. Победитель поспешил в Кордову и взял на себя бразды правления. Однако он не задержался там надолго; он чувствовал, что не пользуется популярностью, и, чтобы избежать покушения, заперся во дворце Азара.

Африканское господство — ибо таковым было его правление — стало ненавистным для коренных мусульман; и присутствие христианских союзников не ослабляло этого чувства. Последние были с честью отпущены, но Сулейману, против которого часто замышлялись заговоры, по-прежнему не было надежной защиты. К его огорчениям добавилось то, что Мухаммед, при поддержке графа Раймунда Барселонского и нескольких вали, двинулся на Кордову. Африканская партия была разгромлена, ее вождь вынужден был бежать, а Мухаммед вновь был признан королем. Но на протяжении всех этих столкновений успехи и неудачи сменяли друг друга с поразительной быстротой. Несмотря на преследование превосходящими силами, возглавляемыми его злейшим соперником, Сулейман развернулся и нанес Мухаммеду сокрушительное поражение, после чего тот поспешно бежал, почти в одиночестве, в столицу. Победитель последовал за ним, захватил высоты в окрестностях Кордовы и осадил город. Мухаммед был ослаблен дезертирством своих христианских союзников и еще больше — недовольством толпы, которая относится к несчастным принцам примерно так же, как родственник пёс к скромно одетому гостю. Хаджиб Ухада, человек, сумевший сохранить свой пост при всех недавних сменах правительства, воспользовался этим отчуждением народных настроений; он не высказался в пользу Сулеймана, столь же непопулярного, как и нынешний правитель, но внезапно вывел Хишама из заключения и показал его изумленному народу. Удивление сменилось восторгом, а восторг, как обычно, перерос в эксцессы. Мухаммед был обезглавлен, его труп разорвали на куски новые приверженцы законности (1012 г. н. э.), а голову бросили в лагерь Сулеймана.

[1012-1023 гг. н. э.]

Но Сулейман отказался признать внука великого Абд ар-Рахмана. Вступив в союз с Обайдом Аллахом, сыном Мухаммеда и вали Толедо, он поставил перед собой цель не менее амбициозную, чем свержение короля. Поначалу его усилия были безрезультатными: его союзник был разгромлен, взят в плен и обезглавлен. В других отношениях же удача ему улыбнулась. Сулейман двинулся на Кордову. Напрасно хаджиб Хайран, преемник Ухады, которого Хишам в приступе подозрительности казнил, пытался защитить город. Жители открыли одни из ворот; африканцы вошли, сражались и победили; их вождь во второй раз был провозглашен королем, а Хишам навсегда исчез с королевской сцены — вероятно, в тот же момент и с сцены жизни.

Сулейман начал свое правление — ведь пока жил Хишам, его нельзя было по праву причислить к королям Кордовы — с того, что щедро вознаграждал своих сторонников. Он подтвердил, как и обещал, их наследственное владение феодами, тем самым привив к странному иностранному корню феодальный институт более северных народов. Это послужило сигналом к созданию многочисленных независимых государств и, как следствие, к гибели мусульманской Испании. Сила неверных заключалась в их единстве под религиозным господством халифов; когда этот мощный бастион был разрушен, разрозненные фрагменты их империи могли на мгновение сопротивляться яростным

натискам христиан, но в конце концов они были неизбежно сметены подавляющим потоком.

Хаджиб Хайран, который бежал в свою провинцию Альмерия, поклялся отомстить новому узурпатору. Однако, поскольку он не мог выставить на поле боя войска, способные хоть на мгновение противостоять войскам Сулеймана, он отправился в Сеуту, чтобы заинтересовать своего проектом губернатора Али бен Хаммуда. Сулейман был покинут большинством вали, своих союзников — их уже нельзя было называть подданными; его войска дезертировали, чтобы пополнить ряды его врага; и в сражении под Севильей его андалузские сторонники обратились против него, тем самым решив его судьбу.

Али был провозглашен королем мусульманской Испании, но только после того, как поиски Хишама оказались тщетными. Корона не была предназначена для него, как и для его непосредственного предшественника. Он нашел врага там, где меньше всего его ожидал; он был задушен в бане своими славянскими слугами, и распространилось сообщение, что его смерть была естественной.

Аль-Касим бен Хаммуд, брат покойного короля, захватил трон. Был организован мощный заговор с целью свергнуть его. Его дворец был атакован, и, несмотря на доблесть его стражников, он продержался пятьдесят дней, но в конце этого времени большинство из них погибли при попытке бегства. Некоторые из более гуманных нападающих тайно вывезли Касима за стены и предоставили ему небольшую конную охрану, которая доставила его в Херес. Когда эта информация стала известна в Кордове, Аламери, или партия семьи великого Альмансора, которая играла заметную роль во всех этих волнениях и придерживались судьбы Омейядов, провозгласила королем Абд ар-Рахмана бен Хишама, брата узурпатора Мухаммеда.

Мухаммед бен Абд ар-Рахман, двоюродный брат короля, человек безграничного богатства, сумел подкупить главных вельмож города. В тишине ночи он вооружил отважную банду своих приспешников, которые поспешили во дворец и убили дежурных солдат. После всего лишь сорока семи дней правления в спальню короля ворвались убийцы и нанесли ему тысячу ран.

КОНЕЦ ОМЕЙЯДОВ

[1023-1238 гг. н. э.]

Мухаммед II пожнал плоды своего преступления. Его преемником стал Яхья, который погиб в засаде (1025 г.). Следующий принц, на которого пал выбор король ванцев, Хишам III, брат Абд ар-Рахмана аль-Мортады, естественно, не хотел принимать корону, которая уничтожила столько ее носителей. В конце концов, однако, будучи скорее вынужденным, чем убежденным отказаться от своих сомнений, он вышел из уединения. К несчастью, у него было слишком много причин, чтобы понять, что ни личные добродетели, ни общественные заслуги не имеют большого влияния на большинство людей, и что абсолютный король, не обладающий властью, которая внушает страх, не сможет долго править. В 1031 году разнузданная толпа прошла по улицам Кордовы и громко требовала его отречения. Он не стал дожидаться последствий их насилия и с неподдельным удовлетворением удалился в частную жизнь, где прожил остаток своих дней без притеснений. Память о его добродетелях долгое время переживала его самого, и все арабские писатели его страны представляют его как человека, слишком доброго для своего времени.

АЛЬГАМБРА

С Хишамом III закончился халифат Запада и благородная династия Омейядов. Если преемственность была прервана Али, Аль-Касимом и Яхья, которые, хотя и были потомками родственного рода, не принадлежали к той же семье, то это прерывание было лишь временным, особенно с учетом того, что Абд ар-Рахман IV правил в Хаэне, а последние два принца были признаны в Кордове. С этого периода 1031 года до основания королевства Гранада в 1238 году не было верховного правителя мусульманской Испании, если не считать мимолетных завоевателей, прибывших из Африки, чье господство было разрушено так же внезапно, как и установлено.

Несмотря на порочность устройства всех мусульманских правительств и нестабильность основ, на которых они были построены, читатель не может не быть потрясен судьбой этого великого королевства. Едва ли можно сказать, что оно пришло в упадок; оно пало сразу. Не прошло и тридцати лет с тех пор, как великий Альмансор владел ресурсами Африки и Испании и угрожал полным уничтожением христиан, которых он загнал в темный угол этого обширного полуострова. Теперь Африка потеряна; христиане владеют двумя третями страны; мелкие, но независимые правители, самые смелые из которых дрожали при одном только имени Альмансора, открыто оскорбляют правителя Кордовы, чья власть простирается немногим дальше стен его столицы. Безусловно, столь поразительной катастрофы нет ни в одной истории. Другие королевства, столь же могущественные, как Кордова, возможно, были столь же быстро лишены своей независимости; но если они и были покорены вторгшимися врагами, их ресурсы, их сила и, в определенной степени, их величие долгое время переживали утрату этого благословения. Кордова, находясь на пике своей мощи, была разорвана на части своими буйными детьми.

НЕЗАВИСИМЫЕ ЦАРСТВА

[1031-1094 гг. н. э.]

Упадок и распад мусульманской монархии, или западного халифата, предоставил амбициозным местным правителям по всему полуострову возможность, о которой они давно мечтали, — открыто заявить о своей независимости от Кордовы и принять титул королей.

Но Кордова, как бы ни была ослаблена, не была готова так внезапно потерять власть над своими древними подданными; она решила избрать правителя, который постарался бы подавить этих дерзких мятежников и восстановить ее бывшее величие. Бедствия, сопровождавшие последние правления принцев из династии Омейядов, сильно отвратили народ от притязаний этого прославленного рода. Джахвар бен Мухаммед окружил себя советом, в который входили некоторые из самых выдающихся граждан, и без совета которого он не предпринимал ни одного дела, даже назначения на государственные должности. Он был лишь председателем этого совета, обладая одним голосом, как и остальные члены, так что Кордова скорее напоминала республику, чем монархию. Он привнес в страну спокойствие и оживление торговли, невиданные со времени смерти великого Альмансора. Но такой же успех не сопутствовал ему в его усилиях по восстановлению верховенства Кордовы. Какими бы ни были внутренние разногласия мелких королей, успехи одних, неудачи других, никто не думал признавать его превосходство. Перечисление бесконечных борьбы этих регулялов за расширение своих государств, их союзов, их мимолетных успехов или безнадежных неудач, или даже их существования, не представляет ни интереса, ни поучения для читателя. Можно отметить только те события, которые либо являются знаковыми сами по себе, либо оказали более чем мимолетное влияние на положение мусульманской части полуострова.

Победив нескольких соседних королей, которые боялись его растущей мощи, правитель Севильи приготовился вторгнуться в владения Джевара, но смерть застала его врасплох, прежде чем эти приготовления были завершены. Его сын, Мухаммед Аль-Муктед, который унаследовал его власть, был столь же амбициозен, как и он сам, но более роскошен. Вся южная Андалусия перешла под власть Аль-Муктеда, но его амбиции были далеки от удовлетворения. Некоторое время он оставался в союзе с Мухаммедом, сыном и преемником Джевара на троне Кордовы, но затем он захватил эту древнюю столицу с помощью хитрости. После многих лет непрерывных войн король Севильи и Кордовы стал не только самым могущественным, но и почти единственным независимым правителем мусульманской Испании.

Яхья аль-Кади, сын и преемник Ибн Дильнуна на троне Толедо, не унаследовал ни мужества, ни способностей этого принца. Погрязнув в низменных страстях, он с безразличием относился к растущему успеху Мухаммеда. В конце концов он стал настолько презренным, что его подданные поднялись и изгнали его. Он обратился за помощью к союзнику своего отца, Альфонсо VI, королю Леона, но этот принц, несмотря на огромную благодарность памяти отца, был убежден королем Севильи принять враждебную политику по отношению к сыну. Похоже, что Мухаммед и Альфонсо в договоре, который они заключили по инициативе первого, молчаливо согласились не мешать друг другу в осуществлении замыслов, которые каждый из них давно вынашивал. Победоносный Альфонсо торжествовал над всеми противниками и продолжал осаду с энергией, которая могла показать неверующим, какой грозный враг ждет их всех и насколько необходимы их

совместные усилия, чтобы противостоять ему. Но Мухаммед, единственный враг, которого должен был бояться христианский герой, был не менее занят тем, чтобы извлечь свою долю выгод, обеспеченных договором, — захватив крепкие города Мурсия и Гранада. После трехлетней осады Толедо было доведено до крайней степени и вынуждено капитулировать. 25 мая 1085 года Альфонсо торжественно вошел в эту древнюю столицу готов, которая оставалась во власти неверных около 374 лет.

Завоевание Толедо было далеко не достаточным для удовлетворения амбиций Альфонсо; он быстро захватил крепости Мадрида, Македы, Гвадалахары и установил свое господство на обоих берегах Тежу. Мухаммед теперь начал серьезно сожалеть о своем договоре с христианами и даже бояться за свои владения. Он тщетно пытался отвлечь своего союзника от планов расширения, которые тот явно вынашивал. Мухаммед понял, что, если он не объединится с теми, чье подчинение до сих пор было его постоянной целью, — князьями его веры, — его и их гибель будет неизбежна. Масштаб опасности заставил его просить их о союзе. Сопrotивление, которое могла оказать только мусульманская Испания, казалось безнадежным. С этой убежденностью в сердцах два самых влиятельных кади предложили обратиться к знаменитому африканскому завоевателю Юсуфу бен Ташуфину, чья сила казалась единственной способной сохранить веру ислама на полуострове. Предложение было встречено всеобщим одобрением всех присутствующих; они не сделали очевидного вывода, что, принимая в свои ряды союзника, более могущественного, чем они сами, они принимают одновременно и завоевателя. Только вали Малаги, Абдалла бен Загут, имел мужество выступить против опасного посольства, которое рассматривалось. «Вы хотите призвать на помощь альморавидов! Разве вы не знаете, что эти свирепые обитатели пустынь похожи на своих родных тигров? Не позволяйте им, умоляю вас, войти в плодородные равнины Андалусии и Гранады! Несомненно, они сломают железный скипетр, который Альфонсо предназначил для нас, но вы все равно будете обречены носить цепи рабства. Разве вы не знаете, что Юсуф захватил все города Альмагреба, что он покорил могущественные племена Востока и Запада, что он повсюду заменил свободу и независимость деспотизмом?» Старый Загут говорил напрасно.

АЛЬМОРАВИДЫ

За цепью гор Атлас, в пустынях древней Гаетулии, жили два племени арабского происхождения. Когда они были изгнаны или добровольно изгнали себя из родного Йемена, они не знали, но традиция учила их, что они жили в африканских пустынях с незапамятных времен. Яхья бен Ибрагим, принадлежавший к одному из этих племен (племени Гудала), совершил паломничество в Мекку. На вопрос своего нового друга о религии и нравах своих соотечественников он ответил, что они погрязли в невежестве, как из-за своего изолированного положения в пустыне, так и из-за отсутствия учителей. Он умолял альфаки позволить кому-нибудь из его учеников сопровождать его в его родную страну. С большим трудом удалось убедить Абдаллаха бен Яссима, ученика другого альфаки, сопровождать патриотичного Яхью. Абдаллах был одним из тех выдающихся умов, которые, к счастью для мира в обществе, так редко встречаются в природе. Увидев, с каким энтузиазмом его приняло племя Гудала, и убедившись в том, что он сможет сохранить над ним влияние, он задумал основать государство в самом сердце этих обширных земель. Он убедил своих послушных учеников начать войну с родственным племенем Ламтуна. Его амбиции естественно росли вместе с успехом; вскоре он таким же образом подчинил себе изолированные племена, жившие вокруг него.

Своим доблестным последователям из Ламтуны он дал имя Аль-Морабетун, или Альморавиды, что означает «люди, посвятившие себя служению Богу». Вся страна Дара была

постепенно покорена этим новым апостолом, и его власть была признана над регионом, достаточно обширным, чтобы сформировать уважаемое королевство. Но хотя он осуществлял все права суверенитета, он благоразумно воздерживался от принятия титула. Он оставил эмиру Ламтуны видимое осуществление светской власти, а когда в 1058 году этот эмир пал в бою, он назначил Абу Бекра бен Омара на вакантное достоинство. Его собственная смерть, которая была смертью воина, оставила Абу Бекра в обладании неразделенным суверенитетом. Власть и, следовательно, репутация эмира распространились далеко и широко. Абу Бекр искал место, где он мог бы заложить фундамент великого города, предназначенного стать столицей великой империи, и город Марокко начал подниматься из долины Эйлана. Однако, не успев завершить половину своего великого дела, он получил известие о том, что племя Гудала объявило смертельную войну племени Ламтуна. Поскольку он принадлежал к последнему, он, естественно, затрепетал за судьбу своих родственников и, возглавив свою кавалерию, отправился в родные пустыни, оставив командование армией на время своего отсутствия своему двоюродному брату Юсуфу бен Ташуфину.

Какими бы ни были другие достоинства Юсуфа, можно было видеть, что благодарность, честь и добросовестность не входили в их число. Едва его родственник покинул город, как, следуя своему замыслу узурпировать верховную власть, он начал завоевывать расположение войск, отчасти своими подарками, отчасти своей приветливостью. Его успехи на войне были не менее приятны такому свирепому и воинственному народу, как альморавиды. Берберы были быстро покорены им. Он давно надеялся жениться на прекрасной Зайнаб, сестре Абу Бекра, но страх быть отвергнутым гордым главой его семьи заставил его подавить свои чувства. Теперь он с презрением отказался просить согласия вождя и женился на этой даме. Завершив строительство своего великолепного города в Марокко, он перенес туда столицу своей империи. Следующей его большой целью было увеличение армии, и он так успешно справился с этой задачей, что его войска превысили сто тысяч человек.

Юсуф только что завершил покорение Феса, когда Абу Бекр вернулся из пустыни и разбил лагерь в окрестностях Агмата. Имея силы, столь незначительные по сравнению с силами своего соперника, он не смел даже высказать ни слова жалобы, не говоря уже о том, чтобы требовать восстановления своих прав; напротив, он притворился, что давно отказался от империи и что его единственное желание — провести остаток своих дней в уединении пустыни. С таким же лицемерием Юсуф смиренно поблагодарил его за отречение; шейхи и вали были вызваны, чтобы засвидетельствовать новое заявление эмира, после чего два принца расстались. Однако на следующий день Абу Бекр получил великолепный подарок от Юсуфа, который, по сути, продолжал посылать ему подарки каждый год вплоть до своей смерти.

Юсуф только что сменил свой скромный титул эмира на титул *аль-муслимин*, или принц верующих, и *назир эд-дин*, или защитник веры, когда к нему пришли письма от Мухаммеда. Прежде чем дать окончательный ответ королю Севильи, он настоял, чтобы крепость Альхесирас была передана в его руки, под предлогом того, что в случае неудачи у него будет место, куда он сможет отступить. То, что Мухаммед был настолько слеп, что не заметил замыслов, скрытых в этом коварном предложении, почти заставляет согласиться с арабскими историками, что судьба предрешила его падение из-за его собственных действий.

Альфонсо осаждал Сарагосу, которую он был уверен в том, что сможет взять, когда к нему пришла весть о высадке Юсуфа. Он решил встретить приближающуюся бурю. Во главе всех сил, которые он смог собрать, он двинулся на Андалусию и встретил Юсуфа на равнинах Заллаки (1086 г.). Альфонсо был тяжело ранен и вынужден отступить, но только с наступлением ночи и проявив доблесть, достойную величайших героев. Юсуф провозгласил *аль-хиджед*, или священную войну, и пригласил всех андалузских князей присоединиться к нему. Но эта демонстрация силы оказалась столь же бесполезной, как и предыдущая; она ни к чему не привела, отчасти из-за разногласий между мусульманами, отчасти из-за активности христиан, которые не только сорвали планы врага, но и получили над ним ряд значительных преимуществ. Юсуф был вынужден отступить в Альмейду. Будь то из-за недоверия мусульманских князей, которые, по-видимому, проникли в его намерение подчинить их своей империи, или из-за его опасений по поводу Альфонсо, он снова вернулся в Африку, чтобы набрать новые и более значительные войска. Он высадился в третий раз в Альхесирасе, не столько с целью унижить христианского короля, сколько для осуществления вероломного замысла, который он так долго вынашивал. Для вида он действительно осадил Толедо, но не мог рассчитывать на его взятие; и когда он понял, что андалузские князья отказываются присоединиться к нему, он поспешно покинул этот город и приступил к

обеспечению гораздо более ценных и легких интересов. Он открыто сбросил маску и начал свою карьеру грабежей. После падения Мухаммеда Юсуф без особого труда подчинил себе остальных князей Андалусии.

Так закончилось существование мелких королевств Андалусии после бурных шестидесяти лет, и так началась династия Альморавидов. В течение нескольких лет после узурпации Юсуфа в Испании, по-видимому, сохранялся мир между мусульманами и христианами. Опасаясь нового вторжения африканцев, Альфонсо довольствовался укреплением Толедо, а Юсуф не испытывал особого желания возобновлять войну с тем, чью доблесть он так болезненно испытал на себе. Но христианская Испания в один момент оказалась на грани гибели. Страсть к крестовым походам испытывали испанцы не менее горячо, чем другие народы Европы. К счастью, папа Пасхалий II, отвечая на просьбы Альфонсо, заявил, что место каждого испанца — в своей стране, где находятся его истинные враги. Юсуф вернулся в Марокко в 1103 году, где и умер в 1106 году, прожив сто арабских или около девяноста семи христианских лет.

[1103-1130 гг. н.э.]

Али был всего лишь двадцати трех лет, когда он унаследовал трон своего отца, чьи военные таланты он унаследовал, а в щедрости превзошел. После смерти Альфонсо в 1109 году Али вступил в Испанию во главе стаи тысяч человек, чтобы лично вести войну против христиан. Но, хотя он опустошил территорию Толедо и осадил этот город, вскоре он отказался от осады. Вторая армия, посланная Али, не имела большего успеха. В 1118 году Сарагоса, после нескольких месяцев осады, пала под властью христиан, и север Испании навсегда освободился от господства мусульман. В следующем году арагонский герой уничтожил двадцать тысяч африканцев, которые продвинулись до окрестностей Дароки, а другая часть альморавидов под командованием самого Али была вынуждена отступить перед армией Леона и Кастилии.

В это самое время империя Альморавидов шаталась и приближалась к падению. Она никогда не нравилась мусульманам Испании, чьи нравы, благодаря общению с цивилизованным народом, были сравнительно утонченными. Шейхи Ламтуны были невыносимыми тиранами; евреи, повсеместные сборщики налогов, были здесь, как и в Польше, самыми безжалостными вымогателями; каждый дикарь из пустыни с презрением смотрел на более мягких жителей полуострова. Господство этих чужеземцев было настолько ненавистным, что, если бы не разногласия между Альфонсо и его амбициозной королевой Донной Урракой, которая была сувереном по праву, вся Андалусия могла бы быстро подчиниться христианскому игу. Даже пока Али оставался в Испании, жители, не вынося больше издевательств варварской стражи, подняли открытое восстание.

Но причина, которая больше всего угрожала существованию трона Али и которая была предназначена изменить весь облик Западной Африки и южной Испании, возникла, как и власть Юсуфа бен Ташуфина, в пустынях, граничащих с горой Атлас. Мухаммед бен Абдалла, сын лампочника в мечети Кордовы, отличался большим любопытством и ненасытной жаждой знаний. Трудно сказать, был ли Мухаммед фанатиком или мошенником, или же в нем сочетались обе эти черты. Он странствовал из места в место, ревностно проповедуя доктрины, опасные для веры ислама. Однако его прием долгое время был прохладным, и из одного города, где он проповедовал в мечети, он был вынужден бежать в Тлемсен. По дороге он встретил молодого человека по имени Абдул-Мумин, которого убедил разделить с ним свою судьбу. Затем два друга отправились в Фес, а оттуда в Марокко.

Хитрый мятежник получил разрешение следовать своему призванию до тех пор, пока возбуждение, вызванное его фанатичными призывами к невежественному населению, не стало слишком сильным, чтобы его можно было игнорировать, и ему приказали покинуть Марокко. Однако недалеко от города, вероятно, на общественном кладбище, он построил хижину среди могил, чтобы жить там со своим верным Абдул-Мумином. Как он и предполагал, вскоре за ним последовали толпы людей, которые почитали его пророческий характер и с удовольствием слушали яростные осуждения, которые с ужасающим эффектом обрушивались на их начальников. Он осуждал безбожность Альморавидов, которые, по видимому, не были более популярны в Мавритании, чем в Испании. Али приказал схватить мятежника. Мухаммед, который своевременно узнал о судьбе, уготованной ему, бежал в Агмат в сопровождении множества прозелитов, но, обнаружив, что его свобода все еще в опасности, поспешно отступил в Тинмаль в провинции Сус. Его успех в этом регионе был настолько велик, что вскоре у него появилась армия учеников, все преданных его воле, потому что все верили в его божественную миссию. Некоторое время он проповедовал им о грядущем пришествии великого махди (), который должен был научить всех людей правильному пути и принести добродетель и счастье на всю землю; но он тщательно воздерживался от признания себя могущественным пророком, несомненно, потому что боялся потрясти доверчивость даже своих собственных последователей. Однажды, в соответствии с заранее согласованным планом, когда он рассуждал об изменениях, которые должен был осуществить давно обещанный учитель и правитель, Абдул-Мумин и девять других мужчин встали и сказали: «Ты провозглашаешь Махди; это описание подходит только к тебе самому. Будь нашим махди и имамом; мы клянемся повиноваться тебе!» Берберы, под влиянием этого примера, также поднялись и поклялись в верности даже до самой смерти.

[1130-1143 гг. н.э.]

С этого момента он принял высокий титул махди и провозгласил себя основателем нового народа. Он учредил регулярное правительство, доверив управление Абдул-Мумину, своему министру, с девятью соратниками, но оставив контроль за собой. Семьдесят берберов или аларавов сформировали совет нового правительства. Была быстро организована армия из десяти тысяч всадников и гораздо большего числа пехотинцев, с которой он выступил на Агмат, как раз когда Али возвращался в Марокко из Испании. Альмохады [унитарии], так называли себя последователи Мухаммеда, четыре раза наносили поражение войскам Али.

Наконец Мухаммед решил захватить столицу Марокко. По его приказу сорок тысяч человек вышли на поле боя. Али провел огромные приготовления: сто тысяч человек выстроились вокруг его знамени. Они снова потерпели поражение, были преследованы до самых стен Марокко, и столица была осаждена с такой энергией, что стало ясно: альмохады намерены ее захватить. Но Али повел свои войска против мятежников и полностью разгромил их. Абдул-Мумин собрал беглецов и организовал упорядоченное отступление. Но для исправления положения требовалось время, тем более что некоторые дикие племена пустыни отвернулись от знамени Мухаммеда, обнаружив, что его сила была лишь силой смертного.

В 1130 году махди приказал всем собраться на следующий день возле великой мечети, чтобы проститься со своим вождем. Все удивились этому приказу, за исключением тех, кто знал о его долго скрываемой болезни. Он призвал их упорно следовать учению, которому он их научил, объявил о своей скорой смерти и, увидев, что они растроганы до слез, внушил им долг смирения перед божественной волей. Затем он удалился со своим любимым учеником, которому он подарил книгу, содержащую принципы его веры — книгу, которую он получил

из рук Аль-Газали. На четвертый день он скончался. Вскоре после этого вожди государства собрались, чтобы обсудить форму правления; была выбрана монархия, и единогласным голосованием Абдул-Мумин был провозглашен имамом и аль-Муминином.

В течение следующих трех лет новый халиф усердно занимался расширением своих завоеваний. Вся страна, от гор Дара до Сале, весь Фес и Таса, подчинилась его духовному и светскому игу. Империя Альморавидов теперь была ограничена узкой сферой. Али стал унылым и несчастным; его войска повсюду терпели поражения; его города быстро переходили под власть жестокого врага, который поклялся уничтожить его; и хотя, следуя совету своих советников, он привлек к управлению империей своего сына Ташуфина, чьи подвиги в Испании принесли ему большую славу, этот принц был слишком занят борьбой с христианами и своими недовольными подданными в Андалусии, чтобы поддержать угасающую империю в Африке.

[1143-1145 гг. н.э.]

Ташуфин бен Али в 1143 году унаследовал трон своего отца, который умер в Марокко — скорее от горя по поводу упадка дел, чем по какой-либо другой причине. Его первой задачей было собрать армию, чтобы нанести новый удар в защиту своей империи. Сначала он добился успеха. Абдул-Мумин был вынужден отступить в свои горы, но во второй битве Ташуфин потерпел поражение, а в третьей он также был вынужден отступить. Али понял, что его единственная надежда на спасение — бегство в Испанию. Однажды ночью он решил предпринять отчаянную попытку добраться до порта, где все еще стояли на якоре его корабли. К сожалению, либо он заблудился, либо его мул испугался рева волн, потому что на следующее утро его изуродованное тело было найдено у подножия обрыва на пляже.

Но Марокко, Фес и некоторые другие города все еще находились во власти Альморавидов, которые возвели на престол Ибрагима Абу Ишака, сына Ташуфина. Однако мстительный Абдул-Мумин не дал им времени передохнуть. Он взял штурмом Тлемсен и убил его жителей; он также подчинил Фес. Осада Марокко велась с особой жестокостью. Жители города были настолько разгромлены в вылазке, что больше не смели выходить за пределы городских стен. К мечу вскоре присоединился голод; число умерших от голода, по некоторым данным, составило три четверти всего населения. Такое место не могло долго удерживаться, и, соответственно, оно было взято в ходе первой общей атаки. Ибрагим и выжившие шейхи были немедленно приведены к завоевателю. Не только он и его вожди были казнены, но и была отдана приказ о массовом убийстве выживших жителей. Немногие, кто был пощажен, были проданы в рабство; мечети были разрушены, а на их месте построены новые; племена пустыни были призваны заселить теперь пустынные улицы.

Во время этих памятных подвигов в Африке христиане быстро расширяли свои владения. Кория, Мора и т. д. находились во власти Альфонсо, прозванного императором, и почти все сражения между двумя естественными врагами закончились в пользу христиан. Пока вали были заинтересованы только в сохранении или расширении своей власти, независимой друг от друга и от любого вышестоящего начальника, этот успех не должен нас удивлять; скорее удивляет то, что мусульманам было позволено сохранить какую-либо опору на полуострове. Вероятно, в это время они были бы изгнаны оттуда, если бы не своевременное прибытие победоносных альмохадов. Теперь как христиане, так и африканцы боролись за превосходство. В то время как войска Альфонсо захватили Баесу, а с помощью мусульманского союзника даже Кордову, Малага и Севилья признали Абу Амрама. Затем христианскому императору достались Калатрава и Альмерия, примерно в то же время, когда Лиссабон и соседние города приняли Дома Энрике (Henrique), нового правителя Португалии. Однако большинство этих завоеваний впоследствии были отвоеваны альмохадами. Усиленные новой армией из Африки, последние с еще большей энергией продолжили свои успехи. Они захватили Кордову, которая удерживалась союзником Альфонсо; разгромили и навсегда парализовали последние усилия альморавидов; и провозгласили своего императора Абдул-Мумина правителем всей мусульманской Испании (1146).

ДИНАСТИЯ АЛМОХАДОВ

[1145-1198 гг. н. э.]

Абдул-Мумин, как будто желая покорить не только то, что составляло империю Альморавидов, но и все регионы, исповедовавшие ислам, собирал армию за армией, так что от Португалии до Туниса и Кайруана его дикие орды сеяли разрушение и ужас. Подробное описание событий войн, которые вел его генерал или его сын Сид Юсуф в Андалусии, вряд ли заинтересует читателя. Достаточно отметить, что медленно, но верно вся Андалусия была включена в его империю. Он посетил Испанию только один раз, если можно назвать визитом несколько часов, проведенных в Гибралтаре. В 1162 году он скончался. После своего вступления на престол Юсуф Абу Якуб распустил огромную армию, которая была собрана. В течение следующих нескольких лет он, по-видимому, культивировал блага мира; только в 1170 году он вторгся в Испанию, и вся мусульманская Испания признала императора.

Несмотря на разрушительные войны, которые велись в течение почти столетия, ни мавры, ни христиане не получили от них большого преимущества. С момента падения Сарагосы и до настоящего времени победа, по общему мнению, оставалась за христианами, но их завоевания, за исключением Лиссабона и нескольких крепостей в центральной Испании, были утрачены почти сразу же после их получения; та же участь постигла и столь же мимолетные успехи мусульман. Причиной того, что первые не смогли окончательно расширить свои территории, были внутренние разногласия. Христиане, когда между ними царил мир, всегда превосходили своих мусульманских соседей по численности, даже когда последние получали помощь от всей Западной Африки.

Якуб бен Юсуф, прозванный впоследствии Аль-Мансуром за свои победы, был провозглашен преемником своего отца. В течение нескольких лет он лично не противостоял христианам, хотя его вали вел беспорядочную и нерешительную войну. В 1194 году он высадился в Андалусии и двинулся на Валенсию, где тогда находилась христианская армия. Там Альфонсо VIII, король Кастилии, ждал ожидаемого подкрепления от своих союзников, королей Леона и Наварры. Обе армии разбили свои палатки на равнинах Аларкона. Вожди обеих сторон, естественно, с тревогой ждали результата; но Альфонсо не может избавиться от обвинения в опрометчивости, поскольку он решился в одиночку противостоять подавляющей силе врага, вместо того чтобы отступить и соединиться со своими союзниками. Его потери, вероятно, были огромны и составили около двадцати тысяч человек. Проявив щедрость, весьма редкую для мусульманина, а тем более для африканца, Якуб освободил пленных, за что, как нам известно, получил мало благодарности от своих последователей. После этой знаменательной победы Якуб быстро захватил Калатраву, Гвадалахару, Мадрид, Эсалону, Саламанку и т. д. Он также осаждал Толедо, но тщетно. Он вернулся в Африку, назначил своего сына Мухаммеда вали аль-хади и умер (1199 г.). Он был, без сомнения, величайшим и лучшим из Альмохадов.

[1198-1212 гг. н. э.]

Характер Мухаммеда Абу Абдаллаха, прозванного Ан-Насиром, сильно отличался от характера его великого отца. Как бы ни был удивлен мир подготовкой его деда Юсуфа, она не превзошла его собственную, если, как нам достоверно известно, одна из пяти дивизий его армии насчитывала 160 000 человек. Несомненно, что на сбор этой огромной армии ушел год, два месяца потребовалось, чтобы переправить ее через пролив, и вся христианская Европа была охвачена тревогой при ее высадке. Иннокентий III провозгласил крестовый поход в Испанию, а Родриго из Толедо, знаменитый историк, в сопровождении нескольких прелатов ездил от одного двора к другому, чтобы поднять на борьбу христианских князей. В то время как короли Арагона и Наварры обещали объединить свои силы с братом из Кастилии, чтобы отразить общую опасность, большое количество добровольцев из Португалии и южной Франции поспешило на общее место сбора в Толедо, а папа приказал проводить пост, молитвы и процессии, чтобы умиловить небеса и отвратить от христианского мира величайшую опасность, которая угрожала ему со времен эмира Абд ар-Рахмана.

БИТВА ПРИ ЛАС-НАВАС-ДЕ-ТОЛОСА (1212 г. н. э.)

[1212-1270 гг. н. э.]

Мухаммед начал кампанию с осады Сальватиерры, крепкой, но неважной крепости в Эстремадуре, защищаемой рыцарями Калатравы. То, что он растратил свои силы на цели, несоизмеримые с их масштабом, доказывает, насколько он был неспособен ими

распоряжаться. Крепость продержалась несколько месяцев и сдалась только после того, как император понес тяжелые потери, а также когда сезон был уже слишком продвинут, чтобы извлечь какую-либо выгоду из этого частичного успеха. Отложив осуществление своего великого замысла до следующего сезона, он дал Альфонсо время подготовиться к сражению. В июне следующего года короли Леона и Кастилии собрались в Толедо, к ним присоединилось значительное число иностранных добровольцев, и христианская армия двинулась на юг.

12 июля крестоносцы достигли горной цепи, разделяющей Новую Кастилию и Андалусию. Они обнаружили, что не только перевалы, но и вершины гор были заняты альмохадами. Прорвать оборону было невозможно, и они даже обсуждали возможность отступления, чтобы, по возможности, выманить врага из столь грозных позиций, когда в лагерь Альфонсо пришел пастух и предложил провести христианскую армию по неизвестному обеим армиям пути на вершину этой возвышенности — по пути, который был бы невидим для вражеских аванпостов. Несколько рот сопровождали этого человека и убедились, что он верный и хорошо осведомленный, после чего вся армия молча поднялась на вершину и укрепилась на ней, площадь которой была достаточно большой, чтобы вместить всех. Внизу виднелись разбитые палатки мусульман, которые были очень удивлены, увидев, что высоты заняты крестоносцами. В течение двух дней последние, измученные усталостью, удерживали свои позиции, но на третий день они спустились на равнины Толосы, которые должны были прославиться благодаря их доблести. Их правое крыло возглавлял король Наварры, левое — король Арагона, а Альфонсо занял место в центре. Атака была совершена христианским центром против центра мусульман, и сразу же оба крыла двинулись против крыльев врага.

Сражение было ужасным, но коротким; пали тысячи варваров, первым прорвал оборону король Наварры, за ним последовали кастильцы и арагонцы, все противники были убиты или бежали, и победители начали подниматься на возвышенность, на которой все еще оставался Мухаммед. Мухаммед сел на мула и вскоре опередил не только преследователей, но и беглецов. Резня беглецов была ужасной, пока темнота не положила ей конец. Победители теперь заняли палатки мусульман, а два воинственных прелата провозгласили *Te Deum* за самый великолепный успех, который сопровождал знамена христиан со времен Карла Мартелла. Потери африканцев, даже по данным арабских писателей, которые признают, что центр был полностью уничтожен, не могли быть меньше 160 000 человек.

За этой славной победой, в которой дон Альфонсо благородно искупил свою неудачу на поле битвы при Заллаке, немедленно последовало падение нескольких городов, от Толосы до Баззы, что в своих непосредственных последствиях привело к гибели мусульманской империи в Испании. После неудачной попытки захватить Убеду, когда разразилась жара, союзники вернулись в Толедо, удовлетворенные тем, что власть Мухаммеда была навсегда сломлена. Император, действительно, не прожил долго после своего поражения. Поспешно бежав в Марокко, он предался развратным удовольствиям, оставив заботы о правительстве своему сыну, или, вернее, своим министрам, и умер в 1213 году, не без подозрений в отравлении.^с

УПАДОК АРАБСКОЙ МОГУЩЕСТВА

После распада империи Альмохадов Африка и Испания, не разрывая связей, которые объединяли их население, навсегда перестали подчиняться одному правительству. Это разделение не имело бы катастрофических последствий для ислама, если бы племена Магриба не установили столь высокую цену за свою помощь, что испанские арабы не смогли

ее принять. Магрибцы действительно несколько раз пересекали пролив после 1232 года, но эти экспедиции лишь способствовали триумфу христиан, которые объединялись в все более тесный союз.

Поражение в Толосе, продемонстрировав неспособность Мухаммеда ан-Насира, ускорило восстание в Андалусии; а в Африке власть, основанная Абдул-Мумином, так же быстро пришла в упадок из-за неспособности принцев Альмохадов проявить необходимую решительность и находчивость. Уже в 1242 году вали Туниса отказался возобновлять дань, которую он был обязан платить как вассал, провозгласил себя независимым правителем и основал на прочном фундаменте династию дома Абу Хасса, которой суждено было просуществовать несколько столетий. Далее на запад, в 1248 году, семья Бени Зиан установила свое господство в Тлемсене, Алжире и окрестностях Феса, а в Магрибе племя Бени Мерин подняло знамя восстания и угрожало Фесу, Тасе и Марокко. В течение двадцати лет Альмохады удерживали свои позиции против врагов, но вся их храбрость оказалась бесполезной из-за внутренних распрей, и в 1270 году меринид Абу Юсуф получил присягу на верность от арабских мавров, или берберов, Западной Африки.

[1270-1359 гг. н. э.]

Сегодня невозможно точно определить размеры территорий, контролируемых восставшими племенами, но вначале их владения, без сомнения, включали Буги и Алжир и простирались от Тлемсена до Атлантического океана. В любом случае, их границы, должно быть, постоянно менялись, поскольку правители трех государств вели непрерывную войну друг против друга, а эмиграция и переселения происходили постоянно. Хронологический список князей, сменивших друг друга в Тунисе, Тлемсене и Марокко в период с XIII по XVI век, мало что может рассказать нам об эпохе, о которой сохранилось очень мало документов. Все, что мы знаем, это то, что города Тунис, Буги, Алжир, Тлемсен, Фес и Марокко сохранили под властью Абу Хасса, Бени Зиана и Бени Мерина то значение и величие, которыми они обладали при Заиритах и Омейядах, и по-прежнему могли с гордостью упоминать имена многих великих художников и ученых. Древняя морская держава Аглабитов пала, чтобы больше никогда не подняться, но были организованы банды пиратов, которые наносили большой ущерб христианам, и суда, покидавшие атлантические порты, начали спускаться по побережью Африки к тропикам, где они вели большую торговлю золотом, янтарем и невольниками-неграми.

ИСПАНСКИЙ ВЕСТНИК, XIII ВЕК

Естественно, арабы были втянуты во все споры, возникавшие между различными правителями Африки, но ни один из них не имел для них серьезных последствий. Однажды в 1347 году, а затем снова в 1359 году, вождям Меринидов удалось победить Тлемсен и Тунис, но свергнутые правители вскоре вернули свои троны и продолжили править народами, которых они приучили к послушанию. Из трех африканских династий династия Абу Хасса пережила меньше всего потрясений и беспорядков. В то время как в Магрибе два соперника равной силы боролись за господство над столицами Феса и Марокко, а в Тлемсене Бени Зиан были вынуждены сопротивляться посягательствам грозных соседей, короли Туниса были достаточно сильны, чтобы вызывать уважение всех других близлежащих городов и отвоевать Триполи у воинственных мамелюков Египта, правителей, сменивших султанов из династии Айюбидов.

По-видимому, выполнив свою миссию, арабы больше не стремились к торжеству ислама, а постепенно ушли в безвестность и однообразие пустынной жизни. Даже в 1270 году, во время последнего крестового похода Святого Людовика, они не проявили ничего похожего на мужество, которое характеризовало их в прежних случаях, довольствуясь подписанием невыгодного договора с Карлом Анжуйским, по которому они обязывались принимать французские и итальянские товары без пошлин и разрешать свободное исповедание католицизма на всей территории своих государств.

[1343-1534 гг. н. э.]

Позже испанцы и португальцы завоевали африканские города, контролирующие Гибралтарский пролив, и направили вглубь материка столько же войск, сколько африканцы ранее направили в Испанию. Когда они стали хозяевами Альхесираса и Тарифы, португальцы, которые первыми предприняли эти предприятия, захватили Алемтежу и Алгарве, а затем решили перенести в другие страны тот дух приключений, который побудил их требовать на море богатства и власти, которые были им недоступны на суше. В 1415 году

они захватили Сеуту, которую им пришлось защищать от Эдуарда, второго из дома Браганса, но в конце концов смогли удержать, позволив остаться в кандалах ребенку, которого они передали в качестве заложника. В период с 1439 по 1481 год Альфонсо V завоевал важные города Танжер и Арзильо. Тем не менее португальцы не думали о дальнейшем расширении своих завоеваний, а посвящали себя торговле и мореплаванию, в интересах которых они совершили те морские открытия, которые подняли их на такую высоту среди наций и отправили их корабли в столь многие неизвестные воды земного шара.

Недостаточно подчеркивается, насколько фатальным для арабов Испании было занятие португальцами Танжера, Сеуты и Арзильо. До этого мусульмане Магриба могли приходить на помощь своим братьям в Испании, не считая себя заинтересованными сторонами в этом споре. Но после того, как португальцы стали господствовать в проливе, имея возможность перехватывать все сообщения между двумя континентами, последний удар по единству мусульман был нанесен христианскими князьями.

Как только католические монархи стали хозяевами средиземноморских портов полуострова, они расширили свой флот, чтобы постоянно сдерживать мусульманские флотилии, а после падения монархии Гранады проникли глубоко в Африку. В 1504 году Диего из Кордовы захватил несколько мест между Сеутой и Ораном, а в 1509 году кардинал Сименес, министр Фердинанда Арагонского, организовал и возглавил гораздо более важную экспедицию. Вместо того, чтобы атаковать младшую ветвь Меринидов в Марокко, он продвинулся на Тлемсен и Алжир, двойное королевство Бени Зиан, и, захватив город Оран, установил там сильный гарнизон.

Эти посягательства со стороны христиан должны были быть остановлены любой ценой. Не встретив ничего, кроме бездеятельности и равнодушия со стороны мавров и арабов, к которым он обращался, Эутеми, король Алжира, в конце концов обратился за помощью к Хоруджу, знаменитому пирату из Митилены, который стоял во главе значительного флота. С радостью приняв это предложение, Хорудж отправился в Алжир с войском в пять тысяч человек (1516 г.), но после входа в город он устроил убийство Эутеми и сам узурпировал власть. Он воспользовался вызванным им террором, чтобы атаковать Тлемсен и изгнать Бени Зиан, но в 1518 году испанцы вступили с ним в сражение, в котором он погиб, оставив Тлемсен в руках своих врагов.

Нисколько не обескураженный этим поражением, брат Хоруджа, Хаир ад-Дин, более известный под именем Барбаросса, сумел добиться признания себя правителем жителями Алжира и установить свое господство на прочных основах по всей стране; он оттеснил испанцев обратно в Оран, где и удерживал их в заключении. Тем не менее, страх перед превосходством христиан и изменчивостью арабского духа заставил его искать для своих государств защиты у верховного правителя, который по его просьбе прислал ему войска турецкой милиции из Константинополя. Барбаросса принял титул регента и от имени османского султана осуществлял высшую власть над всеми государствами Алжира.

Мы были свидетелями постепенной замены арабов турками в качестве защитников мусульманской веры в Азии, и теперь мы станем свидетелями повторения того же процесса в Африке. Это была также эпоха наибольшей мощи султанов в Константинополе. Сулейман, властелин Египта, Малой Азии, Греции и Болгарии, одновременно угрожал Персии и Венгрии, и только он один был способен защитить Африку от грозной мощи Карла V. Прибытие этих новых союзников в Магриб не только не нанесло ущерба делу ислама, но и должно было придать ему новый импульс; однако произошло как раз обратное. С того дня, как арабы попали под власть турок, все благородные чувства и великодушные порывы, которые ранее их отличали, уступили место безнадёжному рабству и деградации; смирившись с игом наглого военного корпуса, который силой меча заставлял их

подчиняться, они утратили ту природную гордость, которая отличала их от других народов, и постепенно впали в тупое оцепенение, которое стало их преобладающим состоянием в современную эпоху и заставило нас ошибочно судить о них как о народе, враждебно настроенном ко всем идеям цивилизации.

[1534-1541 гг. н.э.]

Турки владели не только Алжиром, но и Тунисом и Триполи, и этими дальнейшими победами они обязаны Барбароссе. Поставленный Сулейманом во главе османского флота, брат Хоруджа счел необходимым отплатить за эту честь блестящими заслугами. Предоставив убежище в Алжире свергнутому принцу из дома Абу Хасса, Барбаросса явился в Тунис, якобы с целью восстановления законного правителя, но на самом деле, чтобы подготовить почву для османского господства. Сулейман, зная о его планах, публично возложил инвестицию на восстановленного принца, который сразу же после этого был тайно увезен: Барбаросса захватил крепость и город Голетта и подавил восстание жителей от имени османского правителя, которому они долгое время оставались подчиненными.

Тем временем христианские правители с тревогой наблюдали, как столицы берберийских государств переходили во владение и без того уже грозной державы, и Карл V, король Испании и император Германии, решил немедленно остановить расширение османского господства. Приняв сторону Абу Хасса, он в 1535 году высадился с войсками, собранными из Нидерландов, Италии и Сицилии, недалеко от руин Карфагена. Барбаросса сумел снабдить провизией форт Голетта, но не смог сплотить под своим знаменем арабские племена; и Голетта, храбро защищаемая Синаном, отступником-евреем, была взята христианскими войсками. Сам Тунис, после поражения Барбароссы, был вынужден открыть свои ворота победителям, и все его богатства стали добычей европейских солдат. Принц из дома Абу Хасса, интересы которого поддерживал Карл V, был восстановлен на троне на следующих условиях: (1) он должен был удерживать королевство Тунис в качестве феода испанской короне; (2) все христианские рабы должны были быть освобождены без выкупа; (3) подданные императора на его территории должны были иметь право заниматься торговлей и исповедовать христианскую религию; (4) двенадцать тысяч крон должны быть выделены на содержание испанского гарнизона в Голетте; и (5) все порты королевства Тунис должны быть переданы в руки императора. Несмотря на блестящий успех этой экспедиции, она не уничтожила полностью африканское пиратство, поскольку Алжир остался нетронутым. Преемник Барбароссы, Хасан Ага, совершил новые грабежи и вскоре перехватил всю торговлю в Средиземном море. Стало необходимым установить охрану вдоль побережья Италии, Сицилии и Испании, чтобы предотвратить вторжения берберийских пиратов, которые, как утверждалось, тайно поощрялись арабами, все еще проживавшими на континенте. Карл V собрал новый флот и предпринял попытку захватить Алжир (1541). Но с самого начала ему не везло, и, подвергшись в подходящий момент нападению со стороны алжирских турок () и некоторых арабских племен, религиозный фанатизм которых был возбужден, имперская армия потерпела полное и катастрофическое поражение.

[1541-1800 гг. н.э.]

Это неудачное предприятие также восстановило превосходство турок. Как только обстоятельства позволили, они отправили флот против рыцарей Святого Иоанна, которых Карл V сделал хозяевами Триполи, и в 1551 году вновь завоевали государство. Правительство было передано в руки знаменитого Драгута, который десять лет спустя совместно с Пяли-пашой одержал еще одну великую морскую победу.

После битвы при Лепанто Иоанн Австрийский двинулся на Тунис, который оказал лишь слабое сопротивление; однако едва он отвернулся от завоеванных владений, как Синан-паша поспешил из Триполи и повсюду восстановил власть султана. С тех пор турки были хозяевами всего Туниса и Алжира, и экспедиции, направленные против них, не имели больше никакой цели, кроме как требовать репараций или наказывать их за акты пиратства.

Марокко, с другой стороны, всегда оставалось независимым от османского владычества. В XV веке Меринидов сменили Оатазы, которых в свою очередь заменили Шерифы, чья династия продолжает существовать и по сей день. Умелые деятели, создавшие величие Марокко, считались законными потомками Мухаммеда, и право наследования престола переходило к братьям правящего короля, а не к его детям. Этот закон был причиной многих беспорядков в государстве, и в 1578 году он послужил поводом для знаменитой экспедиции, направленной против Марокко королем Португалии Домом Себастьяном. После смерти шерифа Абдаллаха его сын Мулей Мухаммед сначала имел преимущество над своим дядей в споре за престол, но, потерпев поражение, Мухаммед бежал в Португалию, где надеялся убедить короля обещанием больших вознаграждений помочь ему в завоевании короны. Увлеченный энтузиазмом, Себастьян отплыл; имея в своем распоряжении герб, который носил Карл V при входе в Тунис, он воображал, что превзойдет все подвиги императора и, возможно, воздвигнет крест над мечетями Марокко и Феса. Однако он был застигнут врасплох арабами в Каср-эль-Кебуре, и он и его небольшой отряд оказались перед страшным выбором: одержать победу или встретить смерть. В этот решающий момент Себастьян не потерял мужества; оно помогло ему прославить свое поражение и последние минуты жизни. Оба соперника также погибли в тот же день: один утонул в реке Муказин, а другой скончался от лихорадки, которую он игнорировал в спешке и пылу своих приготовлений. Умудренные этим страшным опытом, португальцы не возобновляли своих попыток завоевать Африку, и шерифам оставалось только подавлять внутренние распри, которые так часто возникали в их владениях.

Такова была ситуация арабов в Африке в XVII веке. Они по-прежнему имели некое превосходство в Марокко, но в Алжире, Тунисе и Триполи турки стали хозяевами прибрежных городов и установили в них жестчайшее правление. Различные племена, вооруженные друг против друга благодаря хитрой политике своих угнетателей и терроризируемые частыми и кровавыми казнями, платили требуемую дань, не смея роптать, и даже не мечтали о том, чтобы сбросить иго, под которым они трудились.

Вернемся теперь к арабам в Испании, которые нанесли первый и самый разрушительный удар по империи Альмохадов. Помимо гарнизонов, размещенных среди них африканцами, население должно было еще сопротивляться господству христиан; и для этого было необходимо самое совершенное единство, с полной жертвой всех частных интересов ради национального благосостояния. Но, как мы видели, вместо того, чтобы иметь сильное центральное правительство, испанские арабы были разделены на ряд независимых государств, и католические князья воспользовались этим раздроблением, чтобы по отдельности победить их. Хайме I, не довольствуясь завоеванием Балеарских островов, предпринял попытку захватить Валенсию и в своем энтузиазме по поводу этого проекта воздержался от того, чтобы отстаивать против Тибо де Шампань права, которые давало ему его происхождение на корону Наварры, тем самым приобретя себе союзника в лице принца, который мог оказать ему существенную помощь. Король Валенсии упорно боролся за свои владения, но разобщенность мусульман и недобросовестность валисов, которые за взятки сдали врагу все города, прилегающие к столице, привели к тому, что Валенсия в конце концов была осаждена как с суши, так и с моря. Слишком слабый, чтобы сопротивляться дольше, мусульманский король обратился за помощью к другим правителям Африки, но все

они были слишком заняты своими делами, и Валенсия пала в руки Хайме (Jaume) на условиях, которые позволяли жителям уйти на свободу или остаться с полной защитой своей собственности и религиозной свободы (1238).

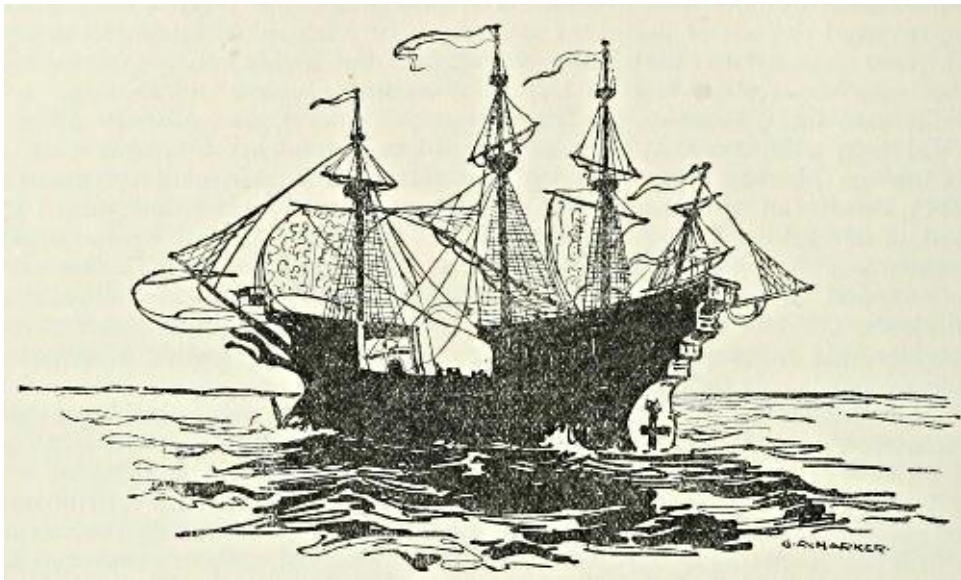
[1238-1245 гг. н. э.]

Завоевав Валенсию, Хайме попытался распространить свое господство на королевство Мурсия, но король Кастилии, благодаря мощному вмешательству (1241 г.), сумел отвести его от всех планов по расширению владений. Королевство Мурсия, менее могущественное, чем Валенсия, было разделено между множеством различных племен, вожди которых, ревностно относясь к власти друг друга, поспешили подчиниться Фердинанду III на самых выгодных для себя условиях. Только вали Лорки продолжал бороться за независимость, но два года спустя его города также были взяты штурмом, и все королевство Мурсия перешло под власть Кастилии.

Кроме того, с 1232 года эта корона совершила еще одно приобретение, гораздо более важное. В желанных регионах Гвадалквивира Ибн Худ сначала смог энергично противостоять Фердинанду III, но, полностью лишенный ресурсов, необходимых для продолжения затяжной борьбы, он в конце концов был вынужден сдать Убеду и Андухар и не смог предотвратить осаду Кордовы. Опасность, угрожавшая столице, должна была пробудить мусульман к отваге и рвению в ее защите, но ничего подобного не произошло; Ибн Худ был убит в разгар подготовки к сопротивлению, и город был вынужден капитулировать. Так погасла слава исламской метрополии на Западе, города искусств, мусульманской роскоши и великолепия. Фердинанд III поместил крест на минаретах великих мечетей и вернул в Компостелу колокола Святого Иакова, которые Альмансор увез в качестве трофеев.

[1245-1249 гг. н. э.]

Для арабов настало время проститься с воспоминаниями о своих прошлых триумфах и славе; они стали свидетелями осквернения всех своих святынь, не рискуя приложить последние усилия, которые еще могли бы их спасти. Победы Фердинанда теперь следовали одна за другой. Захватив несколько городов, он встретил и разгромил перед Алкалой Мухаммеда бен аль-Ахмара, который добился признания в государствах Ибн Худа. Мусульмане проявили большую храбрость в этом сражении, и Фердинанд, захватив обширные владения, уступленные ему Мухаммедом бен аль-Ахмаром, согласился оставить его в покое при условии, что тот будет платить ему ежегодную дань, предоставлять определенное количество войск в случае войны и лично присутствовать на собраниях или *кортесах* Кастилии. Он оставил за собой право на нападение на арабов из Альгарве () и Гвадалквивира (Guadalquivir), которые по-прежнему были разделены на множество мелких государств. Севилья, древняя столица Альморавидов и Альмохадов, захват которой навсегда предотвратил бы союз Алгарве с мусульманами Сьерра-Невады, была внезапно осаждена, и в лагере врага были ясно видны Мухаммед бен аль-Ахмар и его пятьсот всадников. Город долго сопротивлялся, получая постоянные поставки из мусульманских источников по реке Гвадалквивир, и только после того, как Фердинанд III оснастил небольшой флот и окружил устье Гвадалквивира, жители, угрожаемые голодом, капитулировали. Им были предоставлены те же благоприятные условия, что и арабам Валенсии (1248).

Испанский военный корабль, XIII–XIV века

После взятия Севильи последовала капитуляция всех государств, расположенных на правом берегу Гвадалкивира; следовательно, полное падение арабской расы не могло быть далеко. Однако неизбежный результат был несколько отсрочен Мухаммедом бен аль-Ахмаром, чья храбрость и способности напоминали арабам качества прославленного Альмансора и который создал мощное мусульманское государство, которое на некоторое время стало грозным барьером на пути распространения христианского влияния. Его столица Гранада вскоре стала центром притяжения для мусульман, рассеянных по всей стране, а благодеяния этого замечательного правителя привлекали в его государство всех, кто не был готов принять испанское господство. Эмигранты из Кордовы и Севильи были радушно приняты при дворе Мухаммеда, и их число увеличилось за счет мусульманского населения, изгнанного в 1249 году Хайме из равнин вокруг Валенсии. Легко понять, каким преимуществом для Гранады было присутствие всех этих активных, умных жителей; элементы богатства и успеха, которые арабы разбросали по всей полуострову, теперь вернулись к ним единым потоком; и ислам, вновь поднявшись под изумленным взглядом Испании, пережил второй период славы (1238-1492).

Роскошь и галантность двора Гранады остаются известными до сих пор. Проводились турниры и рыцарские состязания, а также частые корриды и скачки. Народ часто приглашался правителем на торжественные праздники и великолепные банкеты, и все это богатство ни в коем случае не было результатом угнетения, а естественным следствием благополучия, которое царило во всех слоях общества. Ла-Веха, плодородная равнина, окружающая Гранаду, в те времена давала в три раза больше урожая, чем сейчас, и могла легко прокормить значительное население. Производство шелка и других тканей достигло высочайшего уровня совершенства, изобразительное искусство процветало так же успешно, как и в Кордове, а для стимулирования изобретательности во всех областях деятельности были учреждены премии. Названия Альгамбра и Хенералифе пробуждают в воображении образы величайшего богатства и великолепия. Альгамбра была одновременно дворцом и крепостью мавританских королей; Хенералифе был великолепным дворцом удовольствий, построенным недалеко от Альгамбры на вершине холма и служившем летней резиденцией для дворян двора.

Астрономия, медицина, химия и математика широко поощрялись, и именно с этого периода датируется открытие пороха. В университетах, которые были ограничены в своих методах обучения, преподавали грамматику, географию, диалектику и неясную систему

теологии; также был дан большой импульс написанию тех рассказов и романов, которые, несмотря на их многочисленные напыщенности, имеют сегодня столько горячих поклонников. Что касается политических институтов, то правители Гранады достигли многого, что было слишком важно, чтобы пройти мимо без внимания. В каждом городе они создали своего рода национальную гвардию, вооружив всех граждан; а для более эффективной защиты границ солдатам выделялись земельные наделы на пограничных территориях, достаточные для содержания себя и своих семей. Цены на предметы первой необходимости никогда не позволяли подниматься выше определенного уровня, и сами короли следили за тем, чтобы рынки всегда были хорошо снабжены.

Все детали жизни в столице были строго регламентированы, а ночью улицы патрулировала столичная полиция. Некоторые князья, следуя строгим запретам *Корана*, запрещали употребление спиртных напитков, но в большинстве случаев строго наказывалось только злоупотребление. Были предприняты успешные усилия, чтобы не дать евреям заниматься ростовщичеством с такой же свободой, как в других местах; а чтобы избежать судебных тяжб и споров, публичные акты и частные договоры составлялись с большой ясностью и точностью. Мудрые меры принимались во всем, что касалось отправления религии. Праздники Рамадана, вместо того чтобы быть посвященными безумию и разврату, стали поводом для добрых дел и милосердия по отношению к бедным; были запрещены процессии с целью вымогать дождь, а также все ночные публичные собрания. За преступления, караемые розгами, ввели тюремное заключение, а забивание камнями было полностью отменено; преступники, приговоренные к смерти, по-прежнему хоронились заживо, как того требовал закон во всех мусульманских государствах.

Несмотря на то, что Гранада занимала почетное место в истории, у нее не было четких законов наследования, и наряду с принцами, достойными всяческого восхищения, мы видим жестоких и неспособных деспотов, которые ускорили гибель мусульманских народов. Мухаммед бен аль-Ахмар и Мухаммед II (1273-1302) смогли подавить все попытки беспорядков в своих государствах, но Мухаммед III не был столь удачлив. Один из его братьев, Насар Абул-Джинз, поднял восстание в Гранаде и провозгласил себя королем, но через четыре года был свергнут своим племянником Исмаилом бен Фараджем. Этот принц правил двенадцать лет, а после него на престол вступили его два сына, Мухаммед IV (1325-1333) и Юсуф I (1333-1354). Последний был автором многих реформ, о которых мы упоминали выше, и, несомненно, был самым выдающимся из правителей Гранады, несмотря на поражение, которое он потерпел в Рио-Саладо от рук христиан. После смерти Юсуфа, Мухаммед V Гуадикс () был лишен престола в результате семейных интриг и ревности, но в конце концов взойшел на него в 1362 году и правил до 1391 года. Следующим наследником стал Юсуф II, а Мухаммед VI приговорил своего старшего брата Юсуфа к смерти. Юсуф играл в шахматы, когда перед ним появился палач; он попросил и получил разрешение закончить игру, но до ее окончания прибыли гонцы из двора с известием о смерти Мухаммеда VI и о том, что он, Юсуф, должен взойти на трон. Юсуф III (1408) удерживал корону до 1423 года, когда по всему королевству разразились гражданские распри, которые привели к падению Гранады и в которых мощные семьи Зегрисов, Абенсерражей и Ванегасов сыграли столь заметную роль.

С момента своего прихода к власти кастильцы были единственными врагами, которых должны были бояться короли Гранады; поэтому они стремились примирить их, с честью принимая их при своем дворе или лично выступая арбитрами в любых возникающих спорах. Но различия в расе и религии были слишком велики, чтобы позволить установить настоящую дружбу, и кастильцев удерживали от дальнейшей реализации планов Фердинанда III только их собственные внутренние проблемы. Если бы князя Гранады воспользовались возможностью, предоставленной им этими беспорядками среди кастильцев, знамя пророка могло бы быть поднято в Испании; но дух завоевания полностью покинул их, и войны, в которых они участвовали в течение длительного периода времени, ограничивались нападениями на несколько мест, среди которых были Гибралтар, Тарифа и Альмерия. Однако в 1275 году Мухаммед II предпринял последнюю попытку, передав Тарифу и Альхесирас Абу Юсуфу, и вместе два князя вторглись в Алгарве. Санчо Храбрый не испугался и успешно защитил внутренние районы страны. Позже, когда государства наградили его короной в знак признания его доблести, его отец, Альфонсо X, попросил помощи у короля Гранады против своего мятежного сына, и если бы арабский правитель уступил, его подданные получили бы отличную возможность проникнуть в самое сердце Кастилии. Но Мухаммед II предпочел заключить союз с Санчо, чтобы завоевать дружбу могущественного воина.

В 1308 году кастильцы взяли Гибралтар и осадили Альхесирас; чтобы заставить их снять осаду, пришлось уступить им несколько городов. Во время несовершеннолетия Альфонсо XI два *инфанта* или регента Кастилии объединили свои силы и предприняли враждебное наступление на Гранаду; но их пыл заставил их пренебречь всякой осторожностью, и они были полностью разгромлены на месте, которое до сих пор называется Сьерра-де-лос-Инфантес (1319). Эта победа ободрила короля Гранады, который немедленно отправил экспедиции для отвоевания утраченных им мест, в том числе и Гибралтара. Преимущество могло бы быть еще больше, если бы африканцы поддерживали Мухаммеда V, но, напротив, они отняли у него Альхесирас, Марбелью и Ронду. Только после вступления на престол Юсуфа II

все мусульмане объединились под одним знаменем в настоящий союз. Вместе с принцем Меринидов Абул-Хасаном Юсуф атаковал Тарифу, но союзные войска потерпели тяжелое поражение, и Абул-Хасан, сдав все свои владения Испании, уехал скрывать свой позор в Фес (1340). Вскоре после этого его флот был уничтожен европейскими галерами, которые объединились, чтобы обеспечить христианам господство на море.

[1432-1491 гг. н.э.]

С тех пор арабы в Испании были полностью предоставлены сами себе и, находясь на краю полуострова, не просили ничего, кроме как остаться в полной неизвестности. Только в 1432 году война возобновилась; в то время Юсуф IV и Мухаммед VII оспаривали корону, и один из двух соперников обратился за помощью к кастильцам, которые помогли ему одержать победу. Затем последовала серия отдельных пограничных сражений, вызванных вторжениями кастильских дворян и арабских шейхов на территорию друг друга, но они не привели к общей войне, будучи, так сказать, предварительными сражениями, которые служили для подготовки общественного духа к грядущей великой борьбе.

Гранада не была в состоянии сопротивляться кастильцам, когда Мулей Хасан взойшел на престол в 1466 году. Несмотря на свою храбрость и патриотизм, новый король не был благосклонно принят народом, который обвинял его в жестокости и высокомерии и возмущался тем, что он позволил христианской рабыне получить над ним власть; многие даже зашли так далеко, что утверждали, что он назначит сына этой рабыни своим преемником, исключив Абу Абдаллаха (Боабдила), сына султаны Зорайи. В Кастилии, напротив, дворяне объединились в фракцию вокруг инфанты Изабеллы, которая была замужем за Фердинандом, королем Сицилии, который, кроме того, был наследником престола Арагона. Располагая доходами трех королевств, супруги собирались навсегда установить единство и власть Испании, уничтожив арабское господство на полуострове. Мулей Хасан вызвал их недовольство, отказавшись платить дань, согласованную его отцом; он даже довел вражду до нападения на Захару, которую взял в 1480 году. Но руины завоеванного города были обречены обрушиться на головы победителей; их собственная Альхама, главная опора Гранады, была взята кастильцами, которые вскоре после этого продвинулись на столицу.

Здесь все было в беспорядке, сторонники Абу Абдаллаха только что свергли Мулея Хасана, который, покинутый большинством своих сторонников, был вынужден уйти в провинции. Кастильцы продолжали войну еще некоторое время, но без особой энергии; и когда Абу Абдаллах наконец попал в их руки, они немедленно вернули ему свободу, полагая, что его виновные амбиции принесут им больше пользы, чем самая знаменательная победа. Мулей Хасан на короткое время вернул себе трон, но был вынужден отречься в пользу своего дяди, Аз-Загала. Абу Абдалла, который навлек на себя презрение соотечественников, обратился за помощью к Фердинанду, и тот немедленно вторгся в королевство Гранада, захватив города Ла-Вега, после чего Аз-Загал сдал ему Гранаду (1486). Фердинанд достиг цели своей экспедиции, но вместо того, чтобы отступить, он заключил новый договор с Абдаллахом, который разрешал ему преследовать Аз-Загала и отнять у него все крепости, в которых тот мог бы укрыться. Вооружившись этим предлогом, он осадил и захватил Малагу, а затем направил свои войска на Альмерию, Базу и Веру. Убежденный в бесполезности дальнейшей борьбы, Аз-Загал предложил Испании общую капитуляцию. Фердинанд принял это предложение и проявил большую щедрость и умеренность. В обмен на все переданные им государства мусульманский король должен был получить полное право собственности на

обширные владения, а его подданные должны были стать подданными Кастилии, сохранив все свое имущество и свободы при условии уплаты дани.

[1491-1525 гг. н.э.]

Большинство арабов Гранады видели в этом договоре гарантию будущего мира и были готовы подчиниться христианскому господству, но ортодоксальные мусульмане взялись за оружие, вынудив Аз-Загала бежать в Африку, укрепили Гранаду и решили успешно защищать ее или погибнуть под ее руинами. 9 мая 1491 года Фердинанд появился перед стенами города во главе восьмидесяти тысяч человек. Самый способный из арабских полководцев организовал оборону, но, несмотря на это и на храбрость, с которой все жители, мужчины, женщины и дети, переносили лишения и ужасы осады, Фердинанд и Изабелла имели на своей стороне превосходство в силах, а также неукротимую настойчивость и были обречены на успех.

В доказательство своей решимости не отступать, пока цель не будет достигнута, Изабелла построила город около Гранады, который существует до сих пор под названием Санта-Фе. Ровы и укрепления защищали испанский лагерь от неожиданностей со всех сторон, а Фердинанд занялся перехватом всех сообщений извне. Мусульмане рискнули своей последней надеждой на спасение в общей битве, которая закончилась победой христиан. Вопреки советам многих шейхов, которые предпочитали смерть капитуляции, Абу Абдалла вступил в переговоры с Фердинандом. Согласно договору, Гранада должна была быть сдана через два месяца, при условии, что в течение этого времени не прибудет подкрепление по морю или суше. Арабы обратились с просьбой к правителям Африки и даже к султану Константинополя, но никто не захотел рисковать таким предприятием, и Гранада была вынуждена сдаться.

Не желая оставаться в стране, которая стала свидетелем его позора и унижения, Абу Абдаллах уехал в Африку, чтобы дожить свои дни в тишине пустынь. Жители Гранады укрылись в самых потаенных комнатах своих домов и позволили христианам завладеть своим городом, который выглядел совершенно пустынным. На вершине Альгамбры развевалось знамя Кастилии, а великая мечеть была сразу же украшена орнаментами католической религии. Никто из побежденных не поднял голос протеста против происходящего; они даже казались равнодушными к условиям капитуляции, по которым они сохраняли свою личную свободу, собственность, религию, обычаи и даже прежние законодательные институты. Падение Гранады казалось смертным приговором для всей арабской расы, поскольку оно действительно ознаменовало конец их господства в Испании, которое длилось 781 год (711-1492).

Фердинанд не имел намерения добросовестно выполнять условия договора; он завладел Гранадой — это было конечной целью его амбиций. Привыкший в политике жертвовать всем ради своих интересов, он решил постепенно заставить арабов отречься от своей религии и образа жизни, пока они не смешаются с остальным населением. Он осторожно приступил к делу, поручив своим инквизиторам постепенно обращать мусульман в католичество. Первыми подверглись преследованиям евреи, которых пытками и ужасными казнями заставляли отречься от веры своих отцов, чтобы арабы видели, какая судьба ждет их, если они откажутся принять христианство. Чуть позже все мусульманские религиозные обряды были запрещены в общественных местах, а в 1499 году Фердинанд смело сбросил маску и вынес приговор об изгнании всех мусульман, которые откажутся принять крещение. Напрасны были возмущенные крики, поднявшиеся в королевстве Гранада; жители городов ходили в церковь, чтобы поклоняться христианскому Богу, а затем в уединении своих домов просили прощения у пророка за совершенное ими святотатство. Горцы Альпухарры, самые

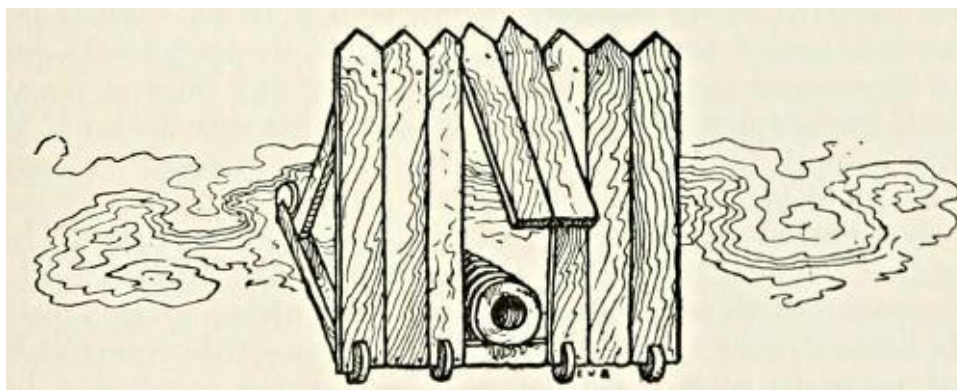
энергичные среди мусульманского населения, открыто отказались подчиняться и взяли в руки оружие, но Фердинанд выступил против них с превосходящими силами и, опустошив их земли, добавил к приговору изгнания еще и конфискацию имущества.

[1525-1609 гг. н. э.]

Мусульмане Валенсии, чьи промыслы составляли один из главных источников процветания Испании, терпелись вплоть до правления Карла V. В тот период дворяне страны заставили их принять крещение. В 1525 году эдикт, инициированный архиепископом Севильи, который был великим инквизитором, призывал арабов Севильи немедленно отказаться от своих обычаев, языка и стиля одежды. В 1565 году мусульмане попытались добиться некоторого смягчения этих жестких условий, заплатив Филиппу II сумму в восемьсот тысяч дукатов; но хотя правительство и инквизиция в некоторой степени ослабили свою строгость, испанский народ, доведший нетерпимость до предела, преследовал даже в их горных крепостях несчастных арабов, которые отказывались принимать христианство.

В 1568 году немногие оставшиеся верные мусульмане вооружились для восстания и вступили в отношения со своими единоверцами в Африке, надеясь застать врасплох и захватить Гранаду. Под руководством Мухаммеда бен Омайи, который утверждал, что является потомком кордовских халифов, борьба продолжалась несколько лет, но в конце концов в лагере повстанцев возникли разногласия, и Мухаммед был убит. Мулей Абдалла, который сменил его, был перехитрен Иоанном Австрийским, и большинство его солдат дезертировали — одни, чтобы подчиниться христианскому правлению, другие, чтобы быть перевезенными в Африку. Сам Мулей был вынужден вести переговоры с победителем. Горцы Альпухарры были рассеяны по провинциям Астурия, Галисия и Кастилия, где находились под строгим надзором.

Последний удар по арабам был нанесен в 1609 году. Несмотря на протесты нескольких великодушных дворян, мусульманское население Мурсии и Валенсии по приказу Филиппа III было сгружено на транспортные средства, которые доставили его к берегам Африки. Многие из них перебрались в Пиренеи, где их радушно принял Генрих IV; этот великодушный король предложил многим из них убежище в своих владениях, а другим дал возможность отплыть в порты Гиени и Лангедока. Было подсчитано, что со времени завоевания Гранады до 1609 года три миллиона арабов были изгнаны с испанской земли; и равнины Валенсии, Мурсии и Гранады так и не восстановили тот процветающий вид, который они имели, когда их возделывали их прежние хозяева. Указ 1609 года был столь же роковым для Испании, как отмена Нантского эдикта для Франции почти сто лет спустя. ^d

ГЛАВА X. АРАБСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

КОРАН

Коран пользуется у мусульман величайшим почитанием. Книгу не должен трогать никто, кроме мусульманина; даже верующий не может прикоснуться к ней, если он не очистился от нечистоты. Вопрос о том, является ли *Коран* сотворенным или несотворенным, был предметом споров, приведших к жестоким гонениям. Ортодоксальное мнение заключается в том, что оригинал был написан от вечности на сохранившейся скрижали. Они верят, что полная копия была снесена в нижнее небо (небо Луны) ангелом Гавриилом, откуда она была взята и показана Мухаммеду один раз в год во время его миссии и дважды в последний год его жизни. Однако они утверждают, что это происходило по частям, что ангел открывал пророку отдельные части, и тот немедленно диктовал открытое своему секретарю, который записывал это. Каждая часть, как только она была таким образом переписана, передавалась его ученикам, чтобы они выучили ее наизусть, а затем хранилась в том, что он называл сундуком своего апостольства. Этот сундук пророк оставил на хранение своей жене Хафсе. Нынешняя книга была составлена частично из этих отдельных фрагментов, а частично из воспоминаний его сподвижников.

Если учесть, как был составлен *Коран*, неудивительно, что он представляет собой столь непоследовательное произведение. Книга разделена на главы, некоторые из которых очень длинные, а другие, особенно несколько в конце, очень короткие. Каждая глава имеет заголовок, взятый из первого слова или из какой-то конкретной вещи, упомянутой в ней, редко из ее содержания; ведь если глава имеет какой-то объем, она обычно затрагивает различные темы, не имеющие между собой никакой связи. Известный комментатор делит содержание *Корана* на три общие части: (1) Заповеди или указания, относящиеся либо к религии, такие как молитвы, пост, паломничество, либо к гражданскому устройству, такие как браки, наследство, судебные органы. (2) Истории, некоторые из которых взяты из Священного Писания, но искажены вымышленными добавлениями, другие же полностью ложные и не имеют под собой никакой фактической основы. (3) Наставления: под этой рубрикой собраны призывы принять ислам (), бороться за него, следовать его

предписаниям, молиться, давать милостыню и т. д.; моральные обязанности, такие как справедливость, воздержание и т. д.; обещания вечного счастья послушным, предостережения от греха, угрозы наказания в аду для неверующих и непослушных. Многие из угроз направлены против конкретных лиц, в том числе иногда против членов собственной семьи Мухаммеда, которые противостояли ему в распространении его религии.

В *Коране* Бог говорит: «Мы дали тебе книгу». Из этого следует, что самозванец рано опубликовал в письменном виде некоторые из своих основных доктрин, а также некоторые из своих исторических отношений. Так, в его «Жизни», стр. 16, мы видим, как его ученики читают двадцатую главу *Корана* перед его бегством из Мекки; после чего он притворился, что многие откровения в других главах были ниспосланы ему. Несомненно, все те откровения, которые, как говорят, были даны в Медине, должны быть более поздними, чем те, которые он опубликовал в Мекке, потому что он еще не был в Медине. Многие части *Корана*, как он заявлял, были даны ему ангелом Гавриилом в особых случаях. Соответственно, комментаторы *Корана* часто объясняют отрывки из него, рассказывая о случаях, когда они были впервые открыты. Без такого ключа многие из них были бы совершенно непонятны.

В *Коране* есть несколько противоречий. Чтобы их устранить, мусульманские ученые изобрели доктрину отмены, *то есть* то, что было ниспослано в одно время, было отменено новым откровением. Большая его часть настолько абсурдна, незначительна и полна тавтологии, что требует немалого терпения, чтобы прочитать многое из него за один раз. Несмотря на это, мусульмане прославляют *Коран* как неповторимый. Соответственно, когда Мухаммеда часто просили совершить чудо в доказательство своей божественной миссии, он оправдывался различными предложениями и ссылаясь на *Коран* как на постоянное чудо. Каждая глава *Корана* делится на стихи, то есть строки разной длины, заканчивающиеся одной и той же буквой, чтобы создать разные рифмы, но без учета количества слогов.

Мусульманская религия состоит из двух частей: веры и практики. Веру они делят на шесть статей: (1) Вера в единство Бога, в противоположность тем, кого они называют многобожниками; под этим именем они подразумевают не только тех, кто, помимо истинного Бога, поклоняется идолам или низшим богам или богиням, но и христиан, которые верят в божественность Христа и учение о Троице. (2) Вера в ангелов, которым они приписывают различные формы, имена и должности, заимствованные у евреев и персов. (3) Священные Писания. (4) Пророки; по этому вопросу *Коран* учит, что Бог открыл свою волю различным пророкам в разные эпохи мира и передал ее в письменном виде Адаму, Сету, Еноху, Аврааму и т. д.; но эти книги утрачены; что впоследствии он дал Пятикнижие Моисею, Псалтырь Давиду, Евангелие Иисусу и *Коран* Мухаммеду. *Коран* с большим почтением говорит о Моисее и Иисусе, но утверждает, что оставленные ими Священные Писания были сильно искажены и испорчены. Под этим предлогом он добавляет множество сказочных отношений к истории, содержащейся в этих священных книгах, и обвиняет евреев и христиан в подавлении многих пророчеств, касающихся Мухаммеда (клевета, которую легко опровергнуть, поскольку Священные Писания были переведены на различные языки задолго до рождения Мухаммеда). (5) Пятая статья веры — воскресение и судный день, в то время как о промежуточном состоянии мусульманские богословы имеют различные мнения. Счастье, обещанное мусульманам в раю, является полностью чувственным и состоит из прекрасных садов, богатой мебели, сверкающей драгоценными камнями и золотом, восхитительных фруктов и вин, которые не приносят тошноты и не опьяняют, но, прежде всего, дают возможность наслаждаться всеми удовольствиями любви в обществе женщин с большими черными глазами и всеми чертами изысканной красоты, которые всегда будут молодыми и совершенными. Некоторые из их писателей говорят об этих райских женщинах в очень возвышенных тонах, рассказывая нам, например, что если

одна из них посмотрит вниз с небес ночью, она осветит землю, как солнце, и если она просто плюнет в океан, он сразу станет сладким, как мед. Эти райские наслаждения, безусловно, сначала понимались буквально, однако мусульманские богословы, возможно, с тех пор преобразовали их в аллегорический духовный смысл. Что касается наказаний, грозящих нечестивым, то это адский огонь, дующие горячие ветры, питье кипящей и вонючей воды, поедание терний и колючек, а также горьких плодов дерева Закум, которые в их животах будут ощущаться как кипящая смола. Эти наказания будут вечными () для всех, кроме тех, кто принял ислам; последние, после нескольких лет страданий, соразмерных их проступкам, будут освобождены милостью Бога и, по заступничеству Мухаммеда, допущены в рай, если их вера будет равна весу муравья.

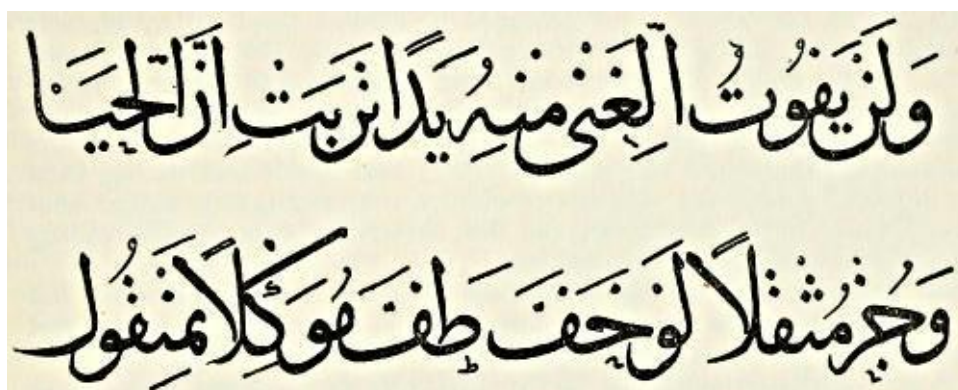
Шестая статья веры гласит, что Бог предназначает все, что должно произойти, не только все события, но и поступки и мысли людей, их веру или неверие; что все, что произошло или произойдет, с вечности записано в сохраненной или тайной таблице, которая представляет собой белый камень огромных размеров, хранящийся на небе, рядом с тронem Бога. В соответствии с этим представлением один из их поэтов выражает себя так: «Все, что написано против тебя, сбудется, все, что написано для тебя, не пройдет мимо; смирись с Богом и знай, что твой Господь всемогущ, его решения непременно сбудутся; его слуги должны молчать».

Из четырех основных пунктов их практики первый — это молитва. Эта обязанность должна выполняться пять раз в сутки: (1) утром перед восходом солнца; (2) после полудня; (3) немного перед закатом; (4) немного после заката; (5) перед первой ночной стражей. Перед молитвой они должны очиститься, умывшись. Некоторые виды осквернения требуют погружения всего тела в воду, но обычно достаточно омыть только некоторые части тела: голову, лицо и шею, руки и ноги. При последнем омовении, называемом *вуду*, можно использовать мелкий песок или пыль, если нет воды; в таком случае ладонь сначала кладут на песок, а затем проводят по той части тела, которую необходимо омыть. Мусульмане, из уважения к божественному величию, перед которым они должны предстать, должны быть чистыми и приличными, когда они идут на публичные молитвы в мечети; но им запрещено появляться там в роскошной одежде, особенно в одежде, отделанной золотом или серебром, чтобы они не стали тщеславными и высокомерными. Женщинам не разрешается находиться в мечетях одновременно с мужчинами; они считают, что это отвлекает их мысли от их надлежащего занятия там. По этой причине они упрекают христиан в неправомерности противоположного обычая.

Следующим пунктом практики является милостыня, которая часто предписывается в *Коране* и считается весьма заслуживающей похвалы. Многие из них были очень образцовыми в выполнении этого долга. Третьим пунктом практической религии является пост в течение всего месяца Рамадан, во время которого они должны каждый день воздерживаться от еды, питья или прикосновений к женщинам от рассвета до заката; после этого они могут развлекаться, как и в другое время. Исключение из этого поста делается для пожилых людей и детей, а также для больных и путешественников; беременные и кормящие женщины также освобождаются от поста в этом месяце. Однако человек, воспользовавшийся этим освобождением, должен искупить свое упущение, постившись в течение такого же количества дней в другом месяце и раздав милостыню бедным. Есть также и другие дни поста, которые более набожные люди соблюдают вышеописанным образом. Последней практической обязанностью является паломничество в Мекку, которое каждый мужчина, способный к этому, обязан совершить один раз в жизни. В церемониях паломничества строго копируются те, которые соблюдал Мухаммед. Паломничество может совершаться только в месяц Дхуль-Хиджа, но посещение Мекки может осуществляться в любое другое время года.^b

ОЦЕНКА КОРАНА ДОУЗИ

Книга, содержащая откровения, данные Мухаммеду, и являющаяся одновременно, если не самым полным, то по крайней мере самым достоверным источником его биографии, имеет больше особенностей и несоответствий, чем любая другая. Это сборник рассказов, наставлений, законов и т. д., расположенных рядом друг с другом без попытки хронологического или какого-либо другого порядка. Откровения редко были длинными, чаще всего они состояли из простых стихов, которые были записаны при жизни Мухаммеда или просто запечатлены в памяти; ведь, как доказывают генеалогии и стихи язычества, которые долгое время сохранялись только в устной традиции, современники Мухаммеда обладали удивительной памятью, как это обычно бывает с людьми, которые мало пишут. Мухаммед называл каждое полное откровение *сурой* или «кораном». Первое из этих двух слов является еврейским и буквально означает ряд камней в стене, а оттуда — строку письма или книги; в *Коране*, в том виде, в каком он дошел до нас, оно имеет более широкое значение — глава. Слово «*коран*», собственно говоря, является инфинитивом и означает «читать, *récit*, раскрывать»; это слово также заимствовано у евреев, которые используют глагол *kara* (читать) особенно в значении изучать Священное Писание; но сам Мухаммед включал под названием «*Коран*» не только каждое отдельное откровение, но и совокупность нескольких или даже всех откровений.

ОБРАЗЕЦ АРАБСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(Из старинной рукописи *Корана*)

Однако во времена Мухаммеда не существовало полного собрания текстов *Корана*; и если бы не забота первых трех халифов, он подвергся бы большому риску быть забытым. Какие оговорки необходимы при признании полной подлинности текста священных писаний Востока! Пример евреев ясно показывает это. Уже во времена Мухаммеда было известно, что евреи изменили текст Ветхого Завета в нескольких местах; их обвиняли в этом, и этот факт был достоверно доказан; в то же время в самой истории иудаизма были обнаружены причины этих изменений, которые с определенной точки зрения кажутся необходимыми. У мусульман не было таких же причин для добавлений и изменений, как у евреев, но это не доказывает, что у них не было других причин.

Как бы то ни было, и каким бы ни было суждение потомков о большей или меньшей подлинности *Корана*, совершенно очевидно, что расположение этой книги и ее деление на *суры* или главы является полностью произвольным. И иначе и быть не могло: расположение по темам было совершенно невозможно, поскольку Мухаммед часто говорил в одном и том же откровении о совершенно разных вещах. Еще меньше можно было следовать хронологическому порядку: во-первых, потому что сам Мухаммед во многих местах

добавлял новые откровения к более древним; во-вторых, потому что в те времена не было никого, кто знал бы точный момент, когда был ниспослан каждый стих. Совершенно справедливо в этот период человек, которого спросили, были ли фрагменты *Корана* расположены в хронологическом порядке, ответил: «Даже если бы все люди и все *джинны* (демоны) попытались это сделать, они не смогли бы добиться успеха». Поэтому в качестве правила для порядка следования принималась длина *сур*, не придерживаясь его слишком строго; сначала шла самая длинная, затем ближайшая по длине и так далее; так что последняя *сура* одновременно является самой короткой. В результате откровения, относящиеся к очень разным эпохам, теперь смешаны без порядка, так что подобной путаницы нет ни в одной другой книге; и это, прежде всего, делает чтение *Корана* таким трудным и утомительным.

Для верующих мусульман *Коран*, то есть Слово Божье, которое не было сотворено, является самой совершенной книгой, существующей как по содержанию, так и по форме, и это мнение соответствует естественному порядку вещей; но несколько странно, что предрассудки мусульман оказали на нас большее влияние, чем можно было бы ожидать. Напыщенная риторика и столь часто встречающееся в мекканских *сурах* нелепое накопление метафор были восприняты всерьез как поэзия и, как следствие, вызывали восхищение; стиль всей книги считался образцом чистоты языка. Трудно спорить по вопросу вкуса; у каждого человека есть свое личное мнение по этому поводу, и его редко можно убедить изменить его. Но если мы должны высказать свое мнение, то должны признать, что среди наиболее известных древних арабских книг мы не знаем ни одной, которая была бы столь лишенной вкуса и оригинальности, столь чрезмерно многословна и утомительна, как *Коран*.

Мухаммед не умел сочинять стихи, искусству которому в то время владели почти все; поэтому он не говорил стихами и даже испытывал явное отвращение к поэзии. Его вкус был чрезвычайно своеобразным; он предпочитал весьма посредственных поэтов, которые могли выражать благочестивые мысли в напыщенных стихах, величайшим арабским поэтам, которые еще были живы или умерли совсем недавно. В целом он был против поэзии, и это было вполне естественно, поскольку она была истинным выражением прежней радостной жизни язычества. Поэтому он был вынужден использовать для своих откровений рифмованную прозу, которая состоит из коротких предложений, два или более из которых рифмуются друг с другом. В самых старых *сурах* Мухаммед строго следовал правилам этого стиля письма, так что они напоминают оракулы старых арабских предсказателей; однако позднее он все больше и больше пренебрегал ими, делал предложения длиннее, чем они должны были быть, и позволял себе много вольностей с рифмой, которые, далеко не будучи привлекательными, являются настоящими изъянами. Если бы они были найдены в любой другой книге, кроме Слова Божьего, они были бы подвергнуты суровой критике.

Кроме того, он не владел языком, что отчасти объясняет частые повторения, встречающиеся в *Коране*. Мухаммед испытывал большие трудности при сочинении; он редко находил сразу подходящее слово, чтобы выразить свою мысль; поэтому он пробовал все методы, и поэтому в *Коране* одни и те же идеи повторяются постоянно, а меняется только их выражение. *Коран* переполнен упрощенными словами, заимствованными из еврейского, сирийского и эфиопского языков; арабские комментаторы, не знавшие других языков, кроме своего собственного, изнурили свой мозг, пытаясь их объяснить, но так и не сумели найти их истинное значение. Кроме того, *Коран* содержит более одного нарушения грамматических правил; и если они менее заметны, то только потому, что арабские грамматиканы, желая их оправдать, превратили эти ошибки в правила или исключения из правил.

Кроме того, *Коран* оказал очень малое влияние на современников Мухаммеда. Арабы достигли очень высокой степени цивилизации и развития — я имею в виду интеллектуальную, а не материальную цивилизацию; в то время как Мухаммед был просто энтузиастом, как и многие другие в других местах, — фанатиком, которого по пониманию, науке, интеллекту и даже по морали превосходили многие из его сограждан. Большинство его современников были равнодушны к его благочестивым излияниям. Короче говоря, чтобы найти *Коран* прекрасным и возвышенным, вера должна была сначала заглушить здравый смысл. Большинство народа еще не достигло этой стадии. Таким образом, обращения в веру, о которых мы читаем и которые приписываются определенным отрывкам *Корана*, относятся главным образом к области благочестивых легенд, а не к исторической истории; история, в действительности, учит нас, что народ мало или ничего не знал о *Коране* и, кроме того, вовсе не стремился его узнать.

ДОКТРИНА ИСЛАМА

Нет религии менее оригинальной, чем ислам. В ее основе лежат ханифизм и мозаизм, которые развивались под влиянием парсизма, а также факты, заимствованные из древней арабской религии и христианства, с добавлением догмы о том, что Мухаммед является величайшим и последним пророком Бога. Это было сутью системы, проповедуемой мекканским пророком.

Коран не содержит глубоких мыслей, поэтических теорий, изложенных возвышенным и трогательным языком. Он не пытается решать великие проблемы, облакая их в заимствованную символическую форму. Ислам, безусловно, является самой прозаичной и однообразной из религий и в то же время наименее подверженной изменениям и развитию. Как объяснить это явление? Характером арабского народа, который, по сути, особенно ценит позитивное. Они ищут поэзию скорее в форме, чем в содержании; и, учитывая все обстоятельства, они скорее напоминают развитый и разумный народ XIX века, чем древний народ, все еще одухотворенный поэзией молодости, которую породили другие религии.

Кроме того, большую роль играет Мухаммед. Он не был глубоким мыслителем, а был энтузиастом посредственного таланта. Далекий от стремления к оригинальности, его великая слава заключалась в том, что он избегал ее, поскольку он никогда не переставал повторять, что проповедуемая им доктрина была объявлена с давних времен пророками древности. Есть еще третья причина, которую нельзя упускать из виду: в других странах религия развивалась постепенно — писали не ее основатели, а их ученики; таким образом, каждый автор в той или иной степени накладывал отпечаток своей индивидуальности на свою книгу, и это обстоятельство, которое естественным образом исключает единообразие, налагало на будущие века обязанность не следовать букве, а вникать в сам дух текста. В Аравии ничего подобного не было. Там один человек регулировал все — веру, обычаи, даже законы. *Коран* — это книга, созданная одним человеком, который излагает неизменную волю Бога. Таким образом, ислам имеет большую неизменность. Неизвестно, как с этим бороться, но это не является поводом для удовлетворения, а, напротив, вызывает сожаление, поскольку постоянный прогресс — это задача, поставленная перед человечеством.

Законы *Корана* по-прежнему процветают и будут процветать до тех пор, пока существует ислам. Можно без труда признать, что они были хороши для того времени и тогда представляли собой реальный прогресс. Но законы Карла Великого были столь же прекрасны для своей эпохи; однако где бы сейчас были все люди, над которыми он правил, если бы они были обречены всегда соблюдать и следовать этим законам? Разве прогресс был бы невозможен для Западной Европы? Законодательство *Корана* вряд ли входит в

сферу нашего исследования, и мы ограничимся его доктринами. Оно так часто анализировалось и, кроме того, представляет собой столь мало оригинального, что мы проведем его очень беглый обзор.

Единство Бога — первая статья веры; вторая — божественная миссия Мухаммеда. Бог Мухаммеда напоминает Аллаха Таала из первобытной арабской религии, Иегову из мозаизма и Ахурамазду из еще не испорченного монотеизма парсов. История сотворения мира заимствована у евреев. Джинны первобытной религии были сохранены, преобразованные в ангелов и демонов. То же самое сделал Заратустра в отношении индийских божеств, девов. Запрещено почитать ангелов, они бренны и умрут в день суда. Архидемон также имеет еврейское имя Сатана и греческое Иблис (Диаболос); но поскольку Ариман из дуалистического неоплатонизма никогда не приобретал своего истинного значения в иудаизме, представление *Корана* об архидемоне и его подданных — более христианское, чем иудейское. Однако Мухаммед расходится в одном пункте с церковной доктриной — невозможности обратить дьяволов. По его мнению, дьяволы могут быть обращены, и он сам обратил многих.

Откровения Бога осуществляются посредством пророков и священных книг. Каждый период имеет свое откровение, которое Бог изменяет в соответствии с потребностями времени, и эта идея, прекрасная сама по себе, была бы плодотворной, если бы Мухаммед не представил свое откровение как последнее и самое совершенное. Адам уже получил дар пророчества, и число пророков было немалым, поскольку их обычно насчитывали 124 000, но шестью величайшими из них являются Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммед. *Коран* признает чудесное рождение Иисуса — для краткости мы не будем говорить о всех остальных — но он не был Сыном Божьим, а человеком в полном смысле этого слова, и, говоря о себе, свидетельствовал, что он был лишь слугой Божества; он заявляет, что не он, а только Бог всеведущ. В день суда Аллах скажет: «О Иисус, сын Марии, разве ты сказал людям: поставьте мою мать и меня богами рядом с Богом?» И Иисус ответит: «Далеко от меня такая мысль; как я могу претендовать на имя, которое мне не принадлежит?» Не совсем ясно, признает ли *Коран* Вознесение. Что касается чудес, то Иисус совершил их множество, даже когда его мать еще кормила его грудью, а позже он воскрешал мертвых и т. д. В довершение ко всему, распятым был не он, а человек, которого приняли за него. Главной целью его учения, как и учения всех пророков, было провозглашение единства Бога.

Человек должен выполнять пять великих обязанностей. Он должен признавать два основных догмата ислама, молиться, поститься, давать милостыню и совершать паломничество в Мекку. Эти обязанности называются столпами ислама. Согласно откровению, полученному Мухаммедом во время его путешествия на небеса и не упомянутому в *Коране* (поскольку эта книга предписывает молиться только три раза в день), все верующие, после прохождения предписанных очищений, должны молиться в определенное время по пять минут каждый день, предпочтительно в мечети. Мухаммед гораздо больше озабочен церемониями молитвы, чем самой молитвой, поскольку существуют определенные отрывки из *Корана* и освященные формулы, которые необходимо произносить; поэтому не может быть и речи о спонтанной молитве, и если в мусульманских странах выродившийся культ состоит в механическом движении губ, то вина в значительной степени должна быть возложена на самого пророка. Позы, жесты, наклоны головы и тела точно регламентированы самим Мухаммедом и еще в большей степени последующими теологами. По пятницам собираются для общей молитвы, но этот день не является днем отдыха, как еврейский шавбат или христианское воскресенье. За исключением времени молитвы, каждый занимается своими повседневными делами.

Пост предписывается на весь месяц Рамадан. Только после захода солнца разрешается есть и пить. Мухаммед издал этот закон в Медине, в то время, когда еще следовали фиксированному лунному году, то есть когда солнечный год составлялся с помощью вставки дополнительного месяца; в результате месяц Рамадан регулярно приходился на зиму. Но когда впоследствии Мухаммед установил неопределенный лунный год и месяц Рамадан случайно приходился на лето, было тяжелым испытанием не осмеливаться выпить ни капли воды в течение всего долгого и душного летнего дня. Поэтому неудивительно, что мусульмане обычно мрачны и раздражительны во время поста и с нетерпением ждут его окончания. Но как только он заканчивается, в первый день месяца Хауwal отмечается самый радостный праздник в исламе — праздник разговения (*айд-аль-фитр*) или «малый праздник» (малый *байрам* у турок), который в некоторых странах длится три дня. Пятым великим обязательством, которое все мусульмане, достигшие совершеннолетия и свободные, независимо от пола, должны выполнить один раз в жизни, является паломничество в Мекку.

Паломничество в Мекку

Это паломничество было заимствовано из древней религии со всеми сопутствующими ему церемониями, хотя они были в некоторых отношениях изменены и получили оттенок ислама. Несмотря на свою древность, они не особо соблюдались арабами во времена Мухаммеда, за исключением механического выполнения. Но, поскольку ислам сохранил их, необходимо было оправдать их существование.

Когда Адам был изгнан из земного рая и отправлен в мир, он сетовал Богу: «Увы! Я больше не услышу голоса ангелов». «Это, — сказал Бог, — результат твоего греха. Но построй мне храм и обходи его, думая обо мне, как ты видел, что ангелы делают вокруг моего трона». Адам прибыл в окрестности Мекки и заложил там фундамент святого храма, а ангелы, помогая ему, принесли большие глыбы камня с пяти гор. Именно на этот фундамент спустился с небес сам храм. Адам также получил из рая шатер из красного гиацента, в котором местом покоя был угловой камень. А также белый гиацинт, почерневший только от того, что к нему прикасались грешники. Это и есть знаменитый Черный камень.

Во время потопа и храм, и шатер были подняты на небо, но Черный камень был спрятан в горе Абу-Кобайс, которая находится недалеко от Мекки. Впоследствии место, где стоял храм, оставалось известным людям и посещалось как святое место. Именно туда Авраам пришел с Агарью и Измаилом и оставил их на произвол судьбы. Вода, которую принесла Агарь, скоро закончилась, и она с сыном сильно страдали от жажды. Насколько хватало глаз, поблизости не было ни одного живого существа. Чтобы расширить обзор, она взобралась на гору Сафа, а затем на противоположные высоты Мерва, но все равно никого не увидела. Вернувшись, она обнаружила, что ее сын умирает от жажды. Не зная, что делать, она поспешила вернуться на две горы и в своем отчаянии несколько раз бегала от одной к другой. Когда она в отчаянии вернулась, рядом с ее сыном бурлила вода. Она поспешила насыпать вокруг песок, чтобы вода не утекла, пока она не наполнит кувшин, а затем она и ее сын напились. Этот источник протекал в том месте, где позже были выкопаны колодцы Земзем.

Во время визита к Измаилу Авраам сказал ему, что Бог повелел ему построить храм в определенном месте; отец и сын сразу же приступили к работе и во время раскопок наткнулись на старые фундаменты, заложенные Адамом. Авраам хотел установить в одном из углов узнаваемый камень, чтобы обозначить место, где должна была начинаться процессия вокруг храма; но пока Измаил искал подходящий камень, ангел Гавриил принес

Аврааму Черный камень, который он принес с горы Абу-Кобайс. Авраам взял его и поместил в углу. Когда стена стала слишком высокой, чтобы он мог до нее дотянуться, он взобрался на большой камень, который Измаил поставил перед ним и убрал, когда это было необходимо.

Когда храм был построен, отец и сын по приказу Гавриила обошли его семь раз, каждый раз осторожно касаясь четырех углов. Затем, дважды поклонившись, они помолились за большим камнем, на котором стоял Авраам. Гавриил также научил их обрядам, которые они должны были совершать в других священных местах. Сначала они должны были быстро пробежать семь раз по тропе между двумя холмами Сафа и Мерва в память о путешествиях, которые совершила Агарь в своей агонии. Затем он привел их в долину Мина, но по их прибытии появился дьявол (Иблис). «Брось в него чем-нибудь», — сказал Гавриил. Авраам послушался и бросил семь маленьких камней, после чего Иблис ушел. В середине и у подножия долины он снова появился, но каждый раз Авраам прогонял его маленькими камнями. Отсюда возник обычай бросать камни в долине Мина во время паломничества. Но когда, ведомый Гавриилом, он также посетил Моздалифу и Арафу и узнал, какие церемонии там должны быть совершены, он получил приказ сказать всем людям, что они должны отправиться в паломничество к Каабе и другим священным местам. «Мой голос не доходит до них», — ответил он. «Сделай то, что я тебе приказываю», — сказал тогда Бог, — «я знаю, что нужно сделать, чтобы они услышали».

Авраам встал на большой камень, и тот поднялся так высоко, что оказался выше всех гор. Последовательно обращаясь к четырем сторонам света, он воскликнул: «О люди, вам предписано паломничество к древнему дому. Послушайтесь своего Господа». Тогда со всех стран пришел ответ: «*Лаббайка, Аллахомма, лаббайка*», что, согласно объяснению, которое арабы любят давать этой старой формуле, означает: «Мы готовы служить тебе, о Боже, мы готовы». В вечную память об этом факте отпечатки стоп Авраама остались на этом камне. Даже сегодня он называется Макам Ибрагим или «станция Авраама». Так теологи, опираясь на известную историю из Книги Бытия и еврейскую легенду, в которой говорится о путешествии Авраама в Аравию, решили сложную проблему, согласовав очень древние обычаи с новой религией и объяснив их. Это объяснение не удовлетворило всех, но оно устроило большинство и, безусловно, заслуживает похвалы за свою изобретательность. Зная, что большинство думает о паломничестве и какое значение придает церемониям, мы дадим здесь краткое описание этих обычаев:

Сначала, когда пересекаются границы священной территории и паломник очищается, снимается обычная одежда и надевается одежда паломника, или *ихрам*. Она состоит из двух кусков льна, шерсти или хлопка; один обвязывается вокруг бедер, другой накидывается на шею и плечи так, чтобы оставалась открытой часть правой руки. Ношение головных уборов запрещено, за исключением стариков и инвалидов, которые должны приобрести это право за милостыню. Вместо обуви носят сандалии или срезают верхнюю часть сапог, чтобы они напоминали сандалии. *Ихрам* для женщин состоит из плаща и вуали.

АРАБСКИЙ БРОНЗОВЫЙ КРАН

На седьмой день месяца Дхуль-Хиджа праздник открывается проповедью, которую кади Мекки произносит после полуденной молитвы и в которой он напоминает верующим о церемониях, которые они должны выполнить. На восьмой день все отправляются в Мину, куда добираются после двухчасовой медленной прогулки. Путешествие продолжается до горы Арафа, которая находится в шести часах ходьбы от Мекки. На этой священной горе и в длинной долине проходит ночь, но очень немногие думают о сне. Набожные молятся вслух, другие поют веселые песни или проводят время в кафе. Великая церемония в Арафе состоит из долгой проповеди, которая начинается девятого числа в три часа дня и продолжается до заката. Это считается настолько важным, что те, кто не слышал ее, даже если они посетили все священные места в Мекке, не могут претендовать на звание *хаджи* (паломника). Проповедник, который обычно является кади Мекки, сидит на верблюде и читает проповедь на арабском языке. Каждые четыре-пять минут он останавливается и поднимает руки, чтобы умолять о благословении небес. Во время этой паузы слушатели хлопают складками своих паломнических одежд и наполняют воздух криками «*Лаббайка, Аллахомма, лаббайка*». Согласно закону, проповедник должен демонстрировать видимые признаки эмоций, поэтому он редко перестает вытирать глаза платком. Слушатели также должны быть глубоко тронуты, осознавать свою глубокую греховность и проливать обильные слезы.

Когда наконец солнце садится за горами, проповедник закрывает свою книгу, и паломники бегут со всех ног в сторону Моздалифы. Возникает сцена неопишемого хаоса, потому что все бегут со всей силы, а караваны из разных стран считают делом чести прибыть первыми к месту назначения. Пешие путешественники, носильщики, верблюды постоянно сбиваются с ног, происходят драки с палками и другим оружием. Ночью происходит великолепная иллюминация, «настолько грандиозная, что можно было бы подумать, что все звезды с неба спустились на землю».

Десятого числа отмечается величайший праздник года, «день жертвоприношения» или великий *байрам* турок. На рассвете кади произносит еще одну проповедь, аналогичную прошлой, только более короткую; затем читаются молитвы по случаю праздника, и по окончании все медленно направляются в узкую долину Мина, где находится деревня. Там они начинают бросать камни размером с фасоль, которые, строго говоря, должны были быть собраны в Моздалифе. Но многие берут их в Мине или используют их во второй раз, хотя это запрещено законом. Первые семь маленьких камней бросают в своего рода столб или алтарь из необработанного камня, который находится у входа в долину, посередине пути, и имеет высоту шесть или семь футов. Затем семь камней бросают в середине долины в столб того же вида, а еще семь — в западном конце в каменную стену. При этом они кричат: «Во имя Бога! Бог велик! Мы бросаем камни, чтобы защититься от дьявола и его воинства».

После этого начинаются жертвоприношения. Паломники приносят в жертву принесенных с собой животных; и все мусульмане, в какой бы части мира они ни находились, приносят жертвы в одно и то же время. На этом, в общем, паломничество заканчивается. Паломники могут теперь снять свои одежды, надеть повседневную одежду, и многие возвращаются в Мекку, чтобы совершить обход Каабы. Но обычно в Мине остаются еще на два дня и

возобновляют бросание камней. Одиннадцатый день () является днем отдыха, а двенадцатого дня паломники возвращаются в Мекку. Паломник идет к Каабе, которая за это время обрела новую завесу, произносит несколько молитв, стоит перед Черным камнем, касается его правой рукой или целует его, если ему не мешает толпа, и начинает семь обходов, первые три из которых совершаются быстро. Каждому обходу соответствуют определенные предписанные молитвы, которые необходимо произносить; в конце каждого обхода он снова прикасается к камню или целует его. Затем, прося прощения за свои грехи, он идет к месту Авраама, которое находится совсем рядом, и снова молится. Оттуда он идет к священному колодцу Земзем, из которого пьет столько, сколько хочет, или столько, сколько позволяет толпа; наконец, он быстро бежит семь раз от холма Сафа до холма Мерва. Сделав это, он выполнил все обряды, которые настолько регламентированы в мельчайших деталях, что лишь немногие паломники знают их наизусть. Странность этих обрядов поразила даже некоторых благочестивых мусульманских теологов, которые не очень верят в легенды. Они признают, что обход храма, быстрый бег между двумя холмами, бросание маленьких камней и т. д. не увеличивают благочестие, но выходят из затруднительного положения, говоря, что обряды являются знаком божественной мудрости, непостижимой для нашего слабого разума, или испытанием покорности человека таинственной и непостижимой воле Бога.

Мы можем пропустить другие моральные обязанности, налагаемые мусульманской религией, поскольку мораль не сильно различается в разных религиях. Есть только одна особенная обязанность — священная война, о которой мы скажем несколько слов.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Европейское мнение в течение долгого времени было неверным. *Коран*, если внимательно изучить последовательность идей, не дает никакого указания относительно войны против всех неверных; и Мухаммед, с самого начала, проявляет чрезвычайную терпимость, признавая возможность спасения для всех, кто верит в Бога и последний суд и практикует добродетель, независимо от формы их поклонения. Но противостояние, с которым он столкнулся, изменило его взгляд на вещи, и именно тогда ислам стал единственной религией, способной спасти. Тем не менее, священная война не навязывается как обязанность, за исключением и только в случае, если враги ислама являются агрессорами. Только произвольное толкование теологов может привести к иному пониманию приказа.

Другой такой же ошибкой является мнение, что ислам распространялся силой. Политическая власть, безусловно, распространялась таким образом, но не религиозная власть (). Халифы, далекие от стремления обращать людей в свою веру, по финансовым соображениям с большим недовольством относились к обращению завоеванных народов в свою веру.

Мухаммед также запретил азартные игры и вино. В сложившейся ситуации ему пришлось просить всего, чтобы получить что-нибудь. Арабы были большими пьяницами и в этом находили определенную гордость. Даже среди учеников Мухаммеда в Медине были те, кто приходил в мечеть пьяным. Тогда пришлось агитировать против пьянства, и поскольку предупреждения по поводу злоупотребления вином не давали никакого эффекта, он запретил его вовсе. Омар санкционировал этот запрет, добавив наказание в виде порки. Успех был не велик. Все время существования ислама вино пили, и пили его много, только из уважения к закону это делалось не открыто. Пищевые законы гораздо менее строгие, чем у евреев. Свинина, к которой, к тому же, арабы испытывали отвращение, была запрещена, и поскольку употребление жира обычно вызывает страшные и ужасные болезни в жарких

странах, следует признать, что данный запрет является очень мудрым законом в восточных религиях.^с

АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА

В средние века арабы были единственными представителями цивилизации. Они противостояли варварству, которое распространилось по Европе, потрясенной вторжениями северных народов, и вернулись к «вечному источнику греческой философии»; не довольствуясь приобретенными сокровищами, они расширили и открыли новые пути для изучения природы.

Войны завоевания, едва прерываемые гражданскими раздорами, далекие экспедиции и яркие триумфы наполнили первый век хиджры. Даже в 760 году, после падения Омейядов, не было никаких признаков того, что на смену военным волнениям в халифской империи наступит период, отмеченный только интеллектуальным прогрессом. Но при Аббасидах благородное соперничество и, прежде всего, пример и защита правителей развеяли невежество и грубость, в которых справедливо обвиняли последователей Мухаммеда. Умы людей прониклись новыми идеями, появилось множество произведений всех видов, которые, в свою очередь, породили бесконечное множество других, что сделало арабский язык средством обучения на Востоке и во всех мусульманских государствах. Почти все эти сочинения сохранились до наших дней и составляют одну из самых обширных литератур, когда-либо известных.

Калиф Абу Джафар аль-Мансур заслуживает признания за первый импульс, данный изучению точных наук. Среди смутных и неполных преданий, существующих о древних арабах, можно уловить намеки на представления о практической астрономии. Зрелище небес привлекало их внимание, как и внимание всех народов, живущих в мягком климате и чистом воздухе, хотя и не всегда вдохновляло на размышления о небесных законах. Все, что они почерпнули из общения с окружающими народами, — это знание названий планет и некоторых звезд, которые они обожествляли, точное указание на жилища на Луне и чисто астрологические знания. Они жили по лунному году, но, по-видимому, никогда не пытались отмечать время эпохами и периодами, как это принято в общем употреблении. Таким образом, практически невозможно установить регулярный порядок в длинной череде фактов, составляющих арабские анналы, до той эпохи, когда современная революция разрушила различные верования кочевого населения, подчинив его законам *Корана* и развил новые желания.

«Арабы, — говорит Гумбольдт, —^д — были замечательно приспособлены к роли посредников и влияния на народы, проживавшие в районе между Евфратом и Гвадалquivиром и южной частью Центральной Африки. Они обладали беспрецедентной активностью, которая ознаменовала отдельную эпоху в мировой истории, тенденцией, противоположной нетерпимому духу евреев, которая привела их к смешению с завоеванными народами, не всегда отрекаясь от своего национального характера или традиционных воспоминаний о своей родной стране, и это несмотря на постоянную смену земель. В то время как германские народы обрели утонченность только спустя долгое время после своих миграций, арабы принесли с собой не только свою религию, но и совершенный язык и богатое поэтическое наследие, которое не было утрачено навсегда, а вновь обрело жизнь в творчестве трубадуров и менестрелей Прованса».

М. Жиро де Пранже^е тщательно изучил арабское искусство и сравнил архитектурные памятники Испании и Востока. На полуострове он выделяет три последовательные эпохи.

Первая, с VIII по X век, характеризуется плохо замаскированной имитацией христианских и римских зданий. Мечеть в Кордове, несомненно, выполнена в том же стиле, что и мечеть в Дамаске, которую она превосходит по великолепию. Нет сомнений, что церкви, описанные Евсевием Кесарийским, с дворами, портиками, фонтанами и жилищами священников, послужили образцами для мечетей Сирии, Палестины и Египта. В них можно найти византийские мозаики. Но уже в 965 году роскошная греческая орнаментация казалась недостаточной. Детали были умножены, арки усложнены гирляндами и разнообразными изгибами, как, например, в Кордове в часовне Вильявисиоса, построенной во времена халифата Хакима.

Вторая эпоха, с X по XII век, ознаменовала первое развитие мавританской архитектуры, поощряемое князьями Альморавидами и Альмохадами. Арабы тогда отошли от проторенных путей. В моду вошли огибающие арки, фарфоровая мозаика, фантастические вышивки, орнаменты из штукатурки. Надписи стали повсеместными и стали частью украшений.

Наконец, третья эпоха, когда арабское искусство достигло своего апогея, была современна великолепию королевства Гранада. Альгамбра является ее высшим проявлением. Внешний вид дворца, такой простой, но в то же время внушительный, соответствует мавританской привычке скрываться от глаз посторонних. Вход представляет собой лишь огромную арку, украшенную несколькими эмблемами и надписью с именем основателя. Стены построены из раствора, смешанного с мелкими камушками, которые блестят на солнце. Внутри, напротив, гений человека раскрылся в полной мере. Огромные расписные и позолоченные галереи, украшенные аркадами всех форм, украшенными гирляндами, сталактитами и ажурной лепниной, комнаты, освещенные окнами без рамок, зал послов, зал двух сестер, комната инфантов, башня Комарес, двор и фонтан львов, двор Альберка, под которым находятся бани, выполненные в древнем стиле, — все это производит восхитительное впечатление. Здесь вода струится среди миллионов красивых маленьких колонн, расположенных поодиночке или в живописных группах, там она течет по мраморным канавкам, то образуя каскады, то брызгая струями, питающими бассейны во внутренних дворах, окруженных кустарниками и цветами. Повсюду надписи, искусно сочетающиеся со скульптурами, выражают благородные и возвышенные чувства, добавляя свежего очарования чуду дворца, который христианские короли частично разрушили.

Внутреннее убранство главных залов этой древней резиденции мавританских королей выполнено из гипса. Рельефы имеют геометрическую форму и, несмотря на постоянное повторение, не теряют своей красоты и изящества. Картины « », искусно распределенные и защищенные андалузским климатом, сегодня выглядят так же, как и во времена Абенсерражей. В некоторых залах, окружающих двор Львов, цвета, нанесенные арабами, до сих пор сохранили свой блеск. Они очень чистые, состоят только из красных, синих, желтых и зеленых оттенков. Недавний анализ показал, что синий и красный цвета были получены из ультрамарина и киновари или сульфата ртути.

Кроме того, следует сожалеть о том, что не было проведено общее исследование арабских зданий в Сирии, Месопотамии, Персии и даже Индии, относящихся к разным эпохам арабского правления. Оно могло бы дать особые характеристики, полезные для точного определения стиля. У нас есть основания надеяться, что умелые художники скоро восполнят этот пробел.

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Империя халифов, с ее обширной территорией, богатой почвой, разнообразным климатом, населением и упорядоченным состоянием провинций, естественно, вызвала коммерческий интерес. Продукция Испании, Барбарии, Египта, Абиссинии, Аравии, Персии и России, стран, граничащих с Каспийским морем, а также все индийские и китайские товары поступали в Мекку, Медину, Куфу, Бассуру, Дамаск, Багдад, Мосул и Мадаин (Модейн). Основание колоний привело к созданию новых деловых центров и открытию важных торговых путей.

Кроме того, арабы были преданны промышленности в силу того же закона, который делал работу обязанностью и прославлял торговлю и сельское хозяйство как достойные и угодные Богу занятия. Купцы и их профессии вызывали равное уважение. Губернаторы провинций, генералы и слуги не стеснялись быть известными как Хаят-портной, Атари-аптекарь, Джаухари-ювелир и т. д. Свободный проход товаров через армии и безопасность магистралей поддерживались во всех точках. В пустыне были вырыты колодцы и цистерны, на определенных расстояниях были построены караван-сарай, где путешественники могли найти необходимую помощь по умеренной цене.

Между Испанией и восточными границами Азии существовали отношения; арабский флот прошел через Гибралтарский пролив, но шторм, выбросивший его на берег, помешал возможной чести открытия Азорских островов и, возможно, Америки. Но, несмотря на ограниченность старого мира, мусульмане дали сильный импульс всем видам человеческой деятельности. Испания обогатилась продуктами арабского сельского хозяйства и производства. Сахарный тростник, рис, хлопок, шафран, имбирь, мирра, амбра, фисташки, бананы, хна для окрашивания, мохалёб для увеличения полноты были предметами обмена на полуострове; гобелены из кожи Кордовы, клинки из Толедо, ткань из Мурсии, изготовленная из красивой шерсти, шелка из Гранады, Альмерии и Севильи, а также пироксилин были востребованы во всех частях мира. Успешно добывались сера, ртуть, медь, железо; благодаря высокому качеству испанской стали шлемы и доспехи, производимые на местных заводах, быстро раскупались. Окрестности Севильи были покрыты оливковыми деревьями и насчитывали сто тысяч маслобойных ферм или маслобойных заводов. Провинция Валенсия поставляла в Европу южные фрукты. Из портов Малаги, Картахены, Барселоны и Кадиса осуществлялись крупные экспортные поставки, а христианские страны брали за образец морские правила арабов.

Как сказал М. Дарни, при правлении мавров в Толедо проживало 200 000 жителей, а в Севилье — 300 000; сегодня население одного города составляет 21 000 человек, а другого — 143 000. Кордова имела окружность в восемь лиг, 60 000 дворцов и 283 000 домов. Сегодня в ней проживает едва 56 000 жителей. Епархия Саламанки тогда включала 125 городов или поселков; сегодня их число сократилось до 13. В Севилье только на шелковой промышленности работало 6000 рабочих, однако в 1742 году на полуострове насчитывалось всего 10 000 рабочих на шелковых и шерстяных фабриках.

Географ Эдриси, посетивший Испанию в середине XI века, утверждает, что в королевстве Хаэн было более 600 городов и деревень, занимавшихся производством шелка. Изгнание мавров имело для Испании такие же катастрофические последствия, как отмена Нантского эдикта для французской торговли; кардинал Сименес, желая уничтожить даже память об услугах, которые они оказали, издал указ, достойный варварских времен, о сожжении 84 000 арабских рукописей на публичных площадях Гранады.

Северные побережья Африки также продемонстрировали значительное развитие торговли. Возникли многочисленные фабрики, а мавританская Тингитана соперничала с полуостровом в производстве и сельском хозяйстве. Страна Сус напоминала Андалусию своей плодородностью и интеллектом своих жителей. Восток заразился этой общей

индустрией; в Сирафе и Адене происходил обмен товарами между Китаем, Индией, Персией, Эфиопией и Египтом. Из Эфиопии поступали нубийские рабы и хабаш, тигровые шкуры, шелк, хлопок, слоновая кость и золотая пыль из Занзибара. Индия и Китай посылали ткани, седла, сандаловое дерево, специи, черное дерево, свинец, олово, жемчуг и драгоценные камни. Из Адена эти товары перевозились в Джидду, затем в Суэц и распределялись между египетскими портами и сирийскими прибрежными городами. Страны, граничащие с Каспийским морем, закупали товары на ярмарке в Кабуле; караваны из Самарканда в Алеппо распространяли китайский шелк, кашемировые ткани, мускус и лекарственные препараты из Туркестана.

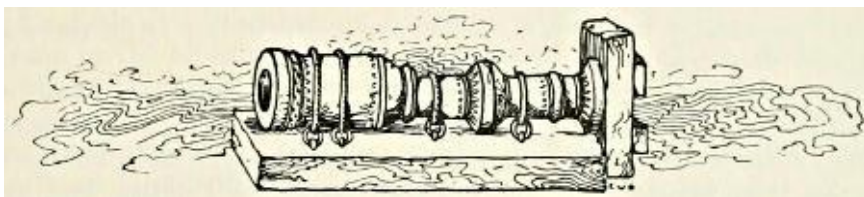
Мы изложили причины и основные последствия великой волны цивилизации, выплеснувшейся в средние века арабами, которая прокатилась от Геркулесовых столбов до пределов Азии. Чтобы завершить эту обширную картину, остается только сказать несколько слов об некоторых арабских открытиях, которые изменили литературные, политические и военные условия всего мира. Это были бумага, компас и порох.

БУМАГА, КОМПАС И ПОРОХ

Мы уже видели, как много полезных и важных изобретений было передано нам арабами, и даже если они, возможно, и не были их создателями, нельзя лишать их славы за то, что они вывели их на свет и распространили от одного конца света до другого. Именно это они и сделали с бумагой, компасом и порохом.

Убеждение, основанное на некоторых апокрифических писаниях, что китайцы знали об их использовании в далекой древности, было сочтено достаточным, чтобы лишить арабов чести завещать эти изобретения Европе, но это несправедливо. Можно сказать, что печать существовала в Китае с VIII века, но имена Гутенберга, Фауста и Шеффера не менее известны. Не позаимствовали бы арабы, если бы они взяли у них папиросную бумагу, также и искусство печати, если бы оно было тогда известно? Использовали бы жители Поднебесной империи когда-нибудь случайные открытия на практике? Какое применение они нашли компасу, они, которые еще в 1850 году верили, что на Южном полюсе находится горящая печь (), и применяли ли они когда-нибудь порох и использовали его силу так же разнообразно, как арабы?

Следует помнить, что при осаде Мекки в 690 году уже использовался своего рода бомба, а в Египте в XIII веке порошкообразный селитра использовался для метания снарядов на большое расстояние с грохотом, похожим на гром. Об этом также упоминается в связи с морским сражением между королем Туниса и эмиром Севильи в XI веке, в 1308 году при осаде Гибралтара, в 1324 году при осаде Баэзы; также об этом упоминается в связи с его использованием Исмаилом, королем Гранады, в 1340 году и Альхесирасом в 1342 году, и Феррерас утверждает, что ядра были выпущены с помощью пороха. С тех пор испанцы стали использовать его, и постепенно европейские армии стали оснащаться пушками, хотя нигде не упоминается об их испытаниях и попытках, которые обязательно предшествовали бы организации артиллерии, если бы само изобретение пороха произошло в христианских странах, как долгое время утверждали некоторые писатели и историки.

Что касается компаса, то нет никаких доказательств того, что китайцы использовали его для навигации, в то время как арабы использовали его в XI веке не только для морских путешествий, но и для караванных путешествий по пустыне, а также для определения азимута Киблы, то есть направления мусульманских молелен в сторону Мекки. То же самое было и с бумагой. К 650 году шелковая бумага уже производилась в Самарканде и Бухаре. В 706 году Юсуф Амрон в Мекке подумал о замене шелка хлопком; отсюда и появилась «дамасская бумага», о которой говорят греческие историки. В Испании, где были более распространены лен и конопля, возникли фабрики по производству льняной бумаги. «Бумага из Хативы, — говорит географ Эдриси, — превосходна и несравненна». Вскоре после этого Валенсия и Каталония стали серьезными конкурентами Хативе (Jativa). В XIII веке арабская бумага использовалась в Кастилии, откуда она проникла во Францию, Италию, Англию и Германию. Но арабские рукописи всегда лидировали по тонкости и блеску бумаги, а также по выбору орнаментов в ярких и блестящих цветах.

Таким образом, влияние арабов проявилось во всех областях современной цивилизации. С IX по XV век сформировалась самая объемная литература, которая только существует, произведения умножились; ценные изобретения свидетельствовали о замечательной активности умов людей в эту эпоху; и их влияние, ощущаемое во всей христианской Европе, оправдывало мнение, что арабы были лидерами во всех областях. С одной стороны, мы находим бесценный материал для истории Средневековья — рассказы о путешествиях, удачную идею биографического словаря; с другой — непревзойденную трудолюбие, грандиозные по замыслу и исполнению здания, важные открытия в искусстве. Разве все это не свидетельствует о труде народа, слишком долго презираемого? ⁴

ВЛИЯНИЕ АРАБОВ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

«Народы Европы, — пишет Бэйли в одном из своих писем Вольтеру, — состарившись в варварстве, просветились только благодаря вторжению мавров и приходу греков». Мы осмелимся добавить — и гораздо больше благодаря вторжению мавров, или тех, кому Бэйли дает это имя, чем благодаря прибытию греков из Нижней империи. И действительно, одной из отличительных и заметных черт влияния, которое арабы оказали на все отрасли современной цивилизации, является именно то, что они вернули Европе знание древнегреческих авторов, язык, произведения и даже имена которых были полностью забыты.

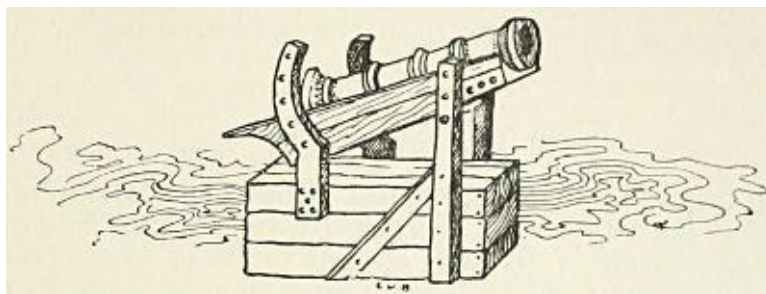
Можно смело утверждать, что многочисленные переводы и еще более многочисленные комментарии, которые арабы написали ко всем произведениям Древней Греции и которые делают их литературу второй дочерью греческой литературы, послужили современным народам первым знакомством с науками и литературой древности. Только после того, как они познакомились с ними через арабские версии, сформировалось желание обладать и понимать оригинальных авторов, и язык Гомера и Платона обрел нескольких усердных толкователей. Действительно, «большая часть греческой эрудиции», по словам Хайда, ^h «которую мы имеем сегодня из этих источников, была впервые получена нами из рук арабов».

Чтобы оправдать это утверждение, которое может показаться немного парадоксальным, достаточно обратить внимание на тот факт, что арабы передали Европе, не скрывая его происхождение, знания, которые они позаимствовали у греков, задолго до того, как гость

Боккаччо, Леонтий Пилат начал курс греческого языка во Флоренции (около 1360 г.), а рассеяние жителей Константинополя после захвата этого города Мухаммедом II (1453 г.) сделало их язык предметом общего изучения в Европе. Действительно, многие греческие книги, и в частности те, которые касались наук, были первоначально переведены с арабского на латынь. Среди прочих можно упомянуть самые ранние версии Евклида и Птолемея.

Не менее убедительным доказательством того, что греческая литература сначала нашла убежище у арабов, является то, что несколько произведений Древней Греции были сохранены ими и обнаружены в их собственных работах. Например, математики никогда бы не обладали «Сферическими» геометра Менелая Александрийского, предшественника Птолемея, если бы не арабский перевод (*Kitab al-Okar*), который впоследствии был переведен на латынь, а также восемь книг «Конических сечений» Аполлония Пергского, если бы маронит Авраам Экшелленсис не скопировал и не перевел (1661) отсутствующие пятую, шестую и седьмую книги из арабской рукописи « » в библиотеке Медичи во Флоренции; врачи не смогли бы завершить «Комментарии» Галена к «Эпидемиям» Гиппократов без арабского перевода, обнаруженного в Эскуриале, а натуралисты не имели бы даже сокращенного варианта «Трактата о камнях» Аристотеля, если бы не арабская рукопись в нашей (французской) Национальной библиотеке.

Если мы проследим всю историю человеческого знания и вспомним тот факт, что Греция пережила Рим в Александрии, то вполне можем присвоить арабам звание хранителей этого священного наследия между Грецией и Ренессансом. «Они заслуживают, — говорит М. Либри, — вечной благодарности за то, что были хранителями знаний греков и индусов, когда эти народы уже ничего не производили, а Европа была еще слишком невежественна, чтобы взять на себя ответственность за это драгоценное хранилище. Удалите арабов из истории, и Ренессанс литературы в Европе задержится на несколько столетий».

БРОНЗОВАЯ ПУШКА И ЛАФЕТ

В области науки, в особенности, и гораздо больше, чем их предшественники римляне, арабы были наследниками греков. Если они предпочитали философию Аристотеля философии Платона, то, возможно, потому, что видели в Платоне то, чем он был на самом деле, а именно одного из отцов христианской церкви, но, безусловно, потому, что Аристотель смешивал позитивные науки с метафизическими спекуляциями. Тем не менее, Платон (Афлатун), как и Аристотель (Аристатлис или Аристоу), получил от них прозвище *Аль-Элахи*, или Божественный. Их исследования были направлены и сосредоточены не только на мастерах, *principes Scriptores*, на Аристотеле, Гиппократе, Диоскориде, Евклиде, Птолемея, Страбоне; нет ни одного столь посредственного грамматика, ни одного столь бедного ритора, ни одного столь тонкого софиста, которого арабы не перевели бы и не прокомментировали.

СХОЛАСТИКА

Именно проходя через их руки, перипатетическая доктрина породила схоластику. Несомненно, что в бесконечной полемике между реалистами и номиналистами первые опирались на авторитет Авиценны, а вторые — на авторитет Аверроэса; несомненно, согласно наблюдению М. Наугеау, что философ Аль-Кенди часто цитируется Александром из Хейлса, Генрихом из Гента и святым Бонавентурой, в то время как Аль-Фараби предоставил свои афоризмы Вильгельму д'Овернь, Винсенту де Бове и Альберту Великому; и что этот же Вильгельм д'Овернь предпочитает арабов грекам, считая греков слишком философами, а арабов — скорее теологами. Без сомнения, схоластика была тщетным и прискорбным учением, поскольку школы средневековья, как говорит Кондильяк, напоминали рыцарские турниры, но, тем не менее, она породила некоторых свободомыслящих, таких как Иоанн Скот Эригена, Беренгарий, Абеляр и Уильям из Оккама (Оссам); и именно из нее впоследствии вышли Ян Гус, Савонарола, Лютер, Бруно и Кампанелла.

Овладев различными отраслями знаний, которыми обладали древние греки, превосходившие латинян в науках даже больше, чем в литературе, и не меньше, чем в искусстве, и расширив свои владения во всех направлениях, арабы открыли их для народов Европы, которых они опередили. Испания, естественно, была первой, кто принял и распространил их дары. В X веке, в самый мрачный период Средневековья, эта страна, «в которую, по словам Халлера, ° «бежали все гуманитарные науки», была единственной, кто принял и приветствовал эти солидные исследования, которые везде, даже в Константинополе, с времени Льва Исаврийского (717 г.) отвергались и уничтожались. Действительно, еще в X веке, когда музараб Иоанн Севильский перевел Священное Писание на арабский язык, а другой музараб, Альваро из Кордовы, упрекнул своих соотечественников в том, что они забывают свой язык и свои законы (*legem suam nesciunt christiani et linguam propriam non advertunt Latini*), чтобы обучиться арабской доктрине (*Arabico eloquio sublimati*), в Испании было несколько выдающихся ученых: Айтон, епископ Вича, Лупит из Барселоны и Иосиф, который обучал Адальберо, архиепископа Реймса, все они были сведущими в математике и астрономии.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ НАУКА

В Испанию тогда прибыло небольшое число иностранцев, которых мучило желание познания. Герберт (родился в Оверни около 930 года, избран папой в 999 году под именем Сильвестр II, умер в 1003 году), так прославленный своими приключениями, своей ученостью и своими трудами, после того как прошел все школы Франции, Италии и Германии, не сумев удовлетворить свою страсть к знаниям, наконец прибыл в Испанию, чтобы искать те физические и математические знания, которые вызывали такое восхищение во Франции, Германии и Италии, куда он вернулся, чтобы распространять их, что чудеса его учености можно было объяснить только обвинением в том, что он отдал себя дьяволу.

Герберту единодушно приписывают то, что он первым ввел использование арабских цифр в этих странах и добавил некоторые элементарные понятия алгебры к арифметическим вычислениям. Он также считается первым конструктором часов. Независимо от того, как утверждают большинство его биографов, продолжал ли Герберт свои исследования в домах арабов в Кордове и Севилье или же он только долгое время проживал в Каталонии и общался с учеными этой страны, о чем свидетельствует его сборник *писем*, адресованных в основном каталонцам, таким как Боррелл, граф Барселоны, Эйтон, Джозеф и Лупит, тем не

менее, несомненно, что Герберт всему научился у арабов и что эти знания, столь поразительные, что казались сверхъестественными, были, как говорит Уильям из Мальмсбери, «украдены у сарацин».

Его пример и успех побудили других иностранцев прийти и пожинать плоды там, где он собрал такой обильный урожай. Немец Герман-Контрактус (умер в 1054 г.), автор книги *«De Compositione Astrolabii»*; англичанин Аделард, который перевел первый арабский текст Евклида на латынь (около 1130 г.); итальянец Кампано из Новары, который опубликовал *«Теорию планет»*; Даниэль Морли; Отто из Фрайзинга; Герман Немецкий; Платон из Тиволи; Джерард из Кремоны, который в самом Толедо перевел Альхазена; Авиценну, Разеса, Альбукасиса и даже *«Альмагест»* Птолемея, но не с греческого, а с арабского — тот самый Джерард из Кремоны, о котором говорили: «Он жил в Толедо, он вознес Толедо к звездам» — все они поочередно собирали в Испании элементы математики, физики и астрономии, которые затем уносили со собой к своим соотечественникам.

Монтукла^{[k](#)} не только говорит, что «арабы долгое время были единственными хранителями знаний и что именно их торговле мы обязаны первыми лучами света, которые прогнали тьму XI, XII и XIII веков», но и добавляет, что «в этот период все, кто приобрел наибольшую репутацию в математике, получили свои знания у арабов». Утверждается, что все авторы, писавшие о точных науках до XV века, не делали ничего, кроме как копировали арабов, или, в лучшем случае, расширяли их уроки. Таковыми были итальянец Леонардо да Пиза, поляк Вителлио, испанец Раймунд Лулли, англичанин Роджер Бэкон и, наконец, француз Арнольд де Вильнёв, которому приписывают открытие спиртов вина, скипидарного масла и других химических препаратов.

В тот же период вся европейская география ограничивалась семью климатическими поясами Эдриси, и в XVII веке, исправляя некоторые географические ошибки Абу Ишака Ибрагима бен Яхья, Абрахам Хинкельманн мог сказать: «Самую большую помощь и просвещение для потомков мы обязаны арабизму». Что касается знаменитых астрономических таблиц Альфонсо X, то они, как и его книга об *армиллариях* или знаменитых сферах, лишь обобщают открытия арабов, сделанные до XIII века. Именно из их трудов черпал все свои знания этот знаменитый монарх, получивший прозвище Мудрый (или Ученый) и действительно добившийся некоторых успехов в науке между системой Птолемея и системой Коперника. *Альфонсины таблицы* заимствованы из различных *зиджи* или таблиц арабских астрономов и воспроизводят их форму и содержание.

Когда Людовик XIV измерил геометрически один градус меридиана, чтобы определить размер Земли, он, несомненно, не знал, что пять веков назад халиф Аль-Мамун приказал своим астрономам в Багдаде провести ту же операцию. По словам Бэйли, в средние века^{[l](#)} «первым шагом к возрождению науки был перевод книги Альфергана *«Элементы астрономии»*. Известный испанский раввин Абен-Хезра (или Эсдра), прозванный Великим, Мудрым, Восхитительным за свою книгу *«О сфере»*, родился в Толедо в 1119 году и был учеником арабов в области астрономии. Он распространил учение своих учителей по всей Европе. Именно из Альбатегния, а не из Птолемея, Сакробоско (Джон из Холивуда) почерпнул материалы для своей книги *«De Sphaera Mundi»*; именно в Альбатегнии комментатор этого великого астронома, Региомонтан (Иоганн Мюллер из Кёнигсберга, *Regius Mons*), нашел первое понятие о касательных. Именно из *«Сумерек»* Альхазена прославленный Кеплер почерпнул свои идеи об атмосферной рефракции; и вполне возможно, что сам Ньютон обязан арабам, а не яблоку в своем саду в Вулсторпе, первым представлением о системе Вселенной; ведь Мухаммед бен Муса (цитируемый в *Bibliot. arab. Philosophorum*) в своих книгах *«Движение небесных тел»* и *«Сила притяжения»* кажется, имел предчувствие великого закона общей гармонии.

МЕДИЦИНА

Влияние арабов на все естественные науки, химические или медицинские, не менее неоспоримо, чем их влияние на математические науки. Роджер Бэкон и Раймонд Луллий были их учениками как в попытке создания науки алхимии, «великого искусства», так и в реальной науке числовых вычислений. Именно они познакомили Альберта Великого (Альбрехта Гротуса или Гросса, родившегося в Швабии в 1193 году), этого универсального ученого, выдающегося учителя Фомы Аквинского, которого, как и Герберта, люди называли «волшебником», со всеми знаниями аристотелевской школы. И даже после 1600 года Фабриций Аквапенденте мог сказать: «Цельс среди латинян, Паулус Эгинета среди греков () и Альбукасис среди арабов () образуют триумвират, перед которым я признаю себя в величайшей задолженности».

Так же как астроном Альбатегний в области небес или географ Эдриси в области земли, так и Авиценна и Аверроэс безраздельно властвовали в медицине на протяжении шестисот лет, вплоть до XVI века. В Монпелье и Лувене комментарии к Авиценне продолжали писаться еще в прошлом веке. И Бурхаве, и Галлер признают это длительное господство арабской медицины, и Брукер мог с полной уверенностью сказать: «До возрождения литературы не только среди арабов, но и среди христиан Авиценна практически единолично властвует». Когда в самом начале XIII века португальский врач Педро Хуан, который был архиепископом Браги, а затем папой под именем Иоанна XXI, написал свои «Сокровища бедных» или «Лекарства от всех болезней», «Трактат о гигиене» и «Трактат о формировании человека», он копировал арабов.

Именно из Испании приезжали все врачи Европы, и благодаря им распространилось увлечение наукой и литературой. «Испанские врачи, — говорит Галлер, — пока их народ постепенно восстанавливал страну, привили итальянцам любовь к литературе». Во всяком случае, именно в Испанию евреи, тогда так известные своим искусством лечения, ехали учиться, чтобы потом, как молодые врачи, покидающие университет, рассеяться по разным странам Европы. Короли и папы брали своих врачей из числа евреев. Чтобы привести лишь несколько известных примеров, обратим внимание на то, что врач Альфонсо Боевого, короля Арагона, Педро Альфонсо, автор нескольких латинских рассказов, часть которых была переведена в «*Cento Novelle Antiche*» Франческо Сансовино, был обращенным евреем; а Павел Рициус, врач императора Максимилиана I, был евреем, который остался евреем. Последний учился в Испании, где перевел «*ат-Такриф*» Альбукасиса, книгу, которую Галлер называет «общим источником» современной медицины. Мы видели, что арабы практиковали множество хирургических операций, неизвестных древним, и таким же образом обогатили фармацевтику множеством новых лекарственных средств.

Но один факт сам по себе суммирует все доказательства влияния, которое арабы оказали на медицинское искусство, а именно то, что знаменитая школа Салерно, законы которой когда-то соблюдались во всей Европе, обязана своим происхождением арабам. Когда (около 1000 года) норманн Роберт Гвискар взял Салерно у народа, называемого сарацинами, который более двух веков занимал юг Италии, он обнаружил там школу медицины, основанную этими неверными. Он проявил мудрость, сохранив ее, обогатив и поставив во главе Константина Африканского. Этот человек был мавром из Карфагена, которого путешествия и приключения, как и Эдриси, привели в владения норманнов Сицилии; он принял монашество в монастыре Монте-Кассино под руководством знаменитого аббата Дезидерия, впоследствии ставшего папой Виктором III, и в своем уединении перевел на латынь все труды своих соотечественников по искусству врачевания. Таким образом, он в конечном итоге основал школу в Салерно, поскольку все афоризмы *Medicina Salertina* были взяты из его работ. Поскольку основателями Университета Монпелье (около 1200 года)

были арагонцы, которым в то время принадлежал этот город, который тогда был почти современным и еще не унаследовал епископство Магелонна, можно утверждать, согласно общепринятой традиции, что его медицинский факультет был основан, по крайней мере, косвенно арабами и что в этом смысле он основывался на их учении — единственном принятом, единственном господствующем, самом просвещенном и научном в ту эпоху.

АРХИТЕКТУРА

Что касается влияния арабов на архитектуру, единственное из изобразительных искусств, которое религия позволяла мусульманам культивировать, то, кажется, не может быть сомнения в том, что оно проявляется с такой же определенностью, как и отличием. Часто задавали вопрос: откуда взялось, что архитектура конца средневековья, которая перешла от круглых арок к остроконечным и от базилик к соборам, была названа готической? Поскольку это название, если оно подразумевало северное происхождение, было бы в явном противоречии с фактами, вопрос остался без ответа.

Но мы должны помнить, что название «готический» было дано не только архитектуре, преобладавшей в XII и XIII веках. Рукописи и миссалы, которые в 1091 году были заменены в Испании латинскими (тогда называвшимися французскими) буквами и римским ритуалом, также назывались готическими. Они получили и сохранили это название «готический», потому что их использование восходило к временам, когда Испания была владением готов. Не могло ли быть так, что первые уроки новой архитектуры пришли в Европу через Испанию, и поэтому эта архитектура, как и испанское письмо и литургия, была названа готической?

Это совершенно простое и естественное объяснение, кроме того, полностью соответствует истории. Мнения людей, сведущих в этом вопросе, сходятся в том, что современная архитектура зародилась в Византии, втором Риме, где искусства нашли убежище, когда были изгнаны из Италии. Византийские архитекторы, которые первыми смешали капризный и цветистый стиль Востока с трезвым и регулярным стилем древней Греции, имели два вида учеников — арабов и германские народы. Первые основали архитектуру, называемую мавританской или сарацинской, а вторые — ту, которая позже стала называться готической. Начиная с одной и той же точки, эти два архитектурных стиля остаются аналогичными, почти одинаковыми, в течение двух столетий, сохраняя, с различиями, навязанными климатом, традиции своего общего происхождения. Так, мечеть в Кордове, построенная принцем Сирии, и старые базилики Германии одинаково происходят от византийского стиля. Затем они расходятся, чтобы принять каждый свой собственный стиль. Мусульманская архитектура сохраняет систему основанных на колоннах нефов и принимает в качестве своей особой характеристики подковообразную арку, то есть сужающуюся у основания и имеющую форму перевернутого полумесяца.

Христианская архитектура перенимает систему высоких остроконечных нефов, и ее отличительной чертой становится остроконечная арка, заменившая языческую круглую арку. Но следует отметить, что арабы использовали остроконечную арку до христиан; что, особенно в Испании, множество памятников свидетельствуют об использовании этой формы, неизвестной в древности; и что, несомненно, именно потому, что остроконечная арка, ставшая теперь яркой и характерной чертой христианской архитектуры, проникла из Испании в Европу, вся система получила название готической. В конце концов, эти две архитектурные традиции, происходящие из Византии, арабская и германская, все больше и больше ассимилировались и в конце восьми веков слились в стиль, называемый

ренессансом. Никто не отрицает и не оспаривает поразительное сходство между арабскими памятниками и памятниками средневековой Европы. Это сходство прослеживается не только в величественных зданиях столиц, для строительства которых иногда привлекались сарацинские архитекторы, как это произошло в случае с самой Нотр-Дам-де-Пари. Оно прослеживается даже в самых скромных зданиях маленьких городков.

«Так, — говорит Виардо, — [я](#) обнаружил многолопастную арку Мескиты в Кордове в монастырских галереях собора в Норидже, а изящные колонны Альгамбры — в церкви Нотр-Дам в Дижоне. Это сходство, таким образом, не было случайным и мимолетным; оно было общим и постоянным. Больше ничего не нужно, чтобы доказать эту тезу. Если христианское и арабское искусство были похожи друг на друга, и если одно предшествовало другому, то очевидно, что одно из них было подражанием, а другое — подражателем. Было ли арабское искусство подражанием христианскому искусству? Нет, потому что приоритет его произведений очевиден и неоспорим; ведь в средние века Европа получала все свои знания от арабов и, вероятно, также получила от них единственное искусство, культивирование которого позволял закон религии».

МУЗЫКА

Невозможность, несмотря на усилия всех современных ученых, познакомиться, пусть даже неполно и приблизительно, с музыкой древних греков, должна научить нас и дать представление о том, как трудно получить доказательства состояния этого искусства или обнаружить и понять его памятники, когда традиции прерваны. Это мертвый язык, на котором теперь никто не может читать. В предыдущем разделе мы были вынуждены ограничиться демонстрацией того, что арабы культивировали музыку как очень важное и очень продвинутое искусство. В архивах капитула Толедо хранится ценный памятник, свидетельствующий о влиянии, которое они оказали на современную музыку. Это рукопись с аннотациями, сделанными рукой самого Альфонсо Мудрого, включающая кантиги (*cantigas*), сочиненные этим принцем, с музыкой, под которую они исполнялись. В ней мы находим не только шесть нот *ut, re, mi, fa, sol, la*, изобретенных около 1030 года монахом Гвидо из Ареццо, но и седьмую ноту, пять линий и ключи, открытие которых последовало позже, и даже восходящие и нисходящие хвосты нот, использование которых было введено в музыкальную нотацию остальной Европы только гораздо позже. До этого времени музыка служила только для псалмопения в церкви, для простого пения гимнов и антифонов. Эта рукопись, скопированная и процитированная в *Paleographia Castellana*, по всей видимости, является древнейшим памятником регулярного применения музыки к обычной и светской поэзии.

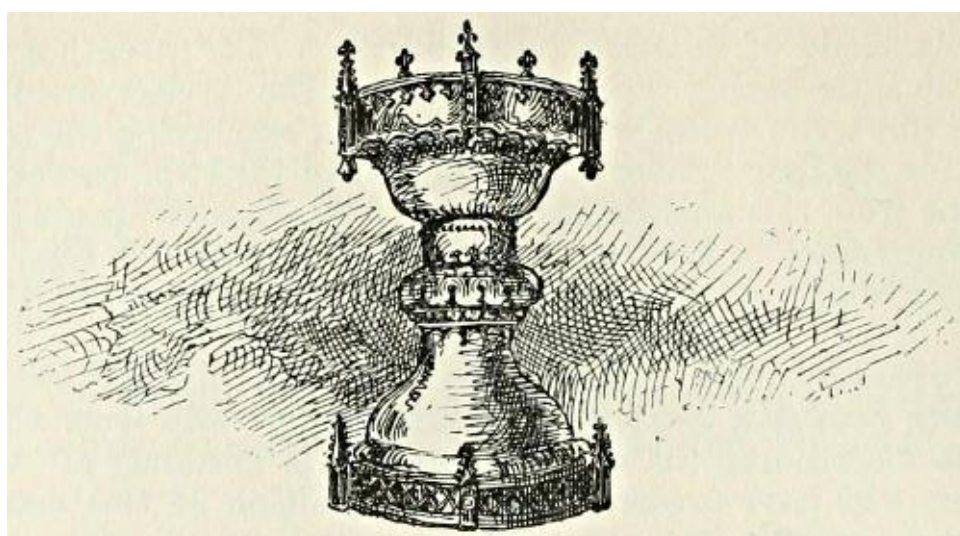
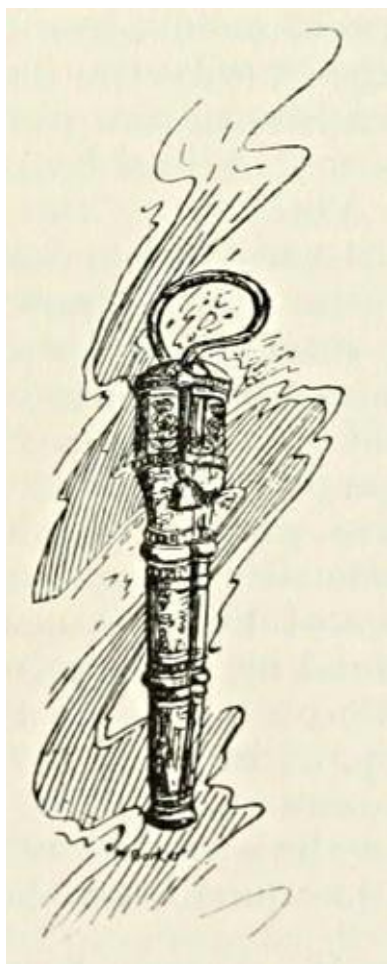
Поскольку Альфонсо X обязан своим необычайным знанием главным образом изучению арабской культуры, вряд ли можно усомниться в том, что для этой книги, как и для всех своих произведений, он заимствовал у них науку, которая уже была сформирована и даже зафиксирована в письменном виде Аль-Фараби, Абуль-Фараджем и другими, и которую Альфонсо вполне мог понять с помощью музарабов Севильи. Это предположение, которое приписывает арабам заметную долю в создании современной музыки, тем более выглядит правдоподобным, что первые инструменты, принятые испанцами, французами и другими народами Европы, во всех языках назывались «морескскими». До сих пор в Валенсии используются *чиримия* и *дульсайна* мавров, о которых так часто упоминали Сервантес и его

современники. Что касается современных струнных инструментов, то все они были созданы по образцу лютни (*al-aoud*, откуда и произошло испанское слово *laud*) арабов, которые также подарили Испании *kumary* (*guitarra*), ставшую национальным инструментом народа, которым они во всех отношениях господствовали.

Несколько теоретиков, в том числе Ж. Ж. Руссо, предложили записывать музыку в цифрах, наверняка не подозревая, что арабы уже практиковали этот способ нотации (). Кисеветтер [«](#) обращает внимание на тот факт, что, поскольку арабская гамма имеет семнадцать интервалов, арабы могли записывать и действительно записывали музыку с помощью цифр, используя числа от одного до восемнадцати для первой октавы, от одного до тридцати пяти для двух октав и так далее. Не отсюда ли, от древнего использования арабских цифр в музыкальной записи, и произошло введение в моду использования тех же цифр для цифрованного баса, в котором простое число обозначает аккорд? Это возможно и весьма вероятно.

Старая испанская музыка, которая сохранилась в Андалусии под названием *sañas*, *rondeñas*, *playeras* и т. д., сильно отличающаяся от *болеро* комических опер и ускользающая от современной нотации, безусловно, имеет арабское происхождение. Кто сохранил ее в традициях этой страны? Восточная раса, кочевая раса, раса тех богемцев, которые, прибыв из Египта примерно в XIV веке, а возможно, и раньше из Индии, рассеялись по всей Европе и назывались *gitanos* в Испании, *zingari* в Италии, *gipsies* в Англии, *zigeuner* в Германии и *tzigani* в России, а сами называли себя *pharaons*.

Эти кочевники с их неизменными обычаями, которые и сегодня не только в Испании, но и в России остаются такими же по своему телосложению и нравам, как их описал Сервантес, повсюду несли и сохраняли древние песни своей загадочной страны. Как народные музыканты, объединенные в труппы певцов и танцоров, они повсюду распространяли форму и настроение своих старинных мелодий. «Именно благодаря им, — заключает Виардо, — в России, как и в Испании, народная музыка приобрела или сохранила восточный характер; именно благодаря им в Москве, у подножия башен Кремля, я слушал те же песни, что и в садах Альгамбры в Гранаде. В обоих местах я слышал из их уст живое эхо арабской музыки».[m](#)

ГЛАВА XI. ПЛЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ ЭПИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Люди, не имеющие юридического образования, склонны полагать, что закон исполняется сам собой; или, по крайней мере, они считают абсолютно необходимым, чтобы закон и его исполнение шли рука об руку. Но на первобытных стадиях развития человеческого общества дело обстояло иначе. Закон существовал задолго до появления магистратуры, которая могла бы его исполнять, и даже после установления магистратской власти часто не только преследование, но и исполнение закона оставлялось на усмотрение заинтересованных сторон. Поучительная картина такого положения дел содержится в обширной литературе, сохранившейся в отношении эпического периода древних арабов, *то есть* периода, непосредственно предшествовавшего их удивительному вторжению в мировую историю через ворота ислама.

Пустыня наложила свой отпечаток на арабов. Они особенно интересны именно по той причине, что пустыня, так сказать, задержала их на очень примитивной стадии развития во многих отношениях. Однако не следует представлять себе, что они бродят по пустыне как дикие животные, собираясь вместе для достижения временных целей и рассеиваясь по своему усмотрению. На самом деле, у них нет постоянного места жительства, они не привязаны к земле и не связаны друг с другом фиксированным местом жительства, и, следовательно, они не организованы на основе местности, по районам, городам и деревням. Но вместо этого у них есть внутренний принцип объединения и организации, союза и различия, присущий самой сущности расы. Это принцип кровного родства, родства. Для араба его политический *род*, его *специфическая особенность*, являются врожденными и неизгладимыми характеристиками. Он знает клан, к которому принадлежит, и род, к которому принадлежит его клан; племя или нацию, частью которой является этот род, и более крупную группу, в которую входит племя или нация. Они рассматривают ассоциации как естественные единицы, основанные на кровном родстве, и находятся в тесных и естественных отношениях друг с другом, соответствующих более близким или более отдаленным степеням кровного родства (по отцовской линии), так что их статистика принимает форму генеалогии.

Среди древних евреев эта форма сохранилась даже после того, как они поселились в городах и деревнях; Исаак был отцом народов Израиля и Эдома, Израиль — отцом двенадцати колен, Иуда — отцом пяти родов, а каждый род, в свою очередь, был отцом или дедом кланов и семей. Такой принцип организации одинаково полезен для поселения или миграции, для войны или мира; и, будучи независимым от всех условий фиксированных местностей, он делает племя таким же мобильным, как армия. Ведь армия тоже должна обладать организацией, приспособленной к любому месту и подходящей как для вражеской страны, так и для своей собственной. Но армия разбита на искусственные подразделения; люди могут быть по желанию отнесены к тому или иному подразделению, и место каждого человека в общей схеме обозначается искусственными знаками отличия. У арабов, с другой стороны, форма неотличима от сути: они рождаются в своих кадрах, и их униформа, так сказать, присуща им от рождения. Более близкие или более отдаленные круги родства, от клана до нации, являются их ротами, батальонами и полками, которые включают не только воинов, но и их жен и детей, хотя последние не принимают непосредственного участия в каких-либо сражениях.

Двумя наиболее важными стадиями политической близости являются высшая и низшая, два полюса, так сказать, системы; промежуточные стадии менее важны, поскольку они принимают на себя качества одного или другого полюса в зависимости от обстоятельств.

Высшее объединение, которое мы называем племенем, включает в себя все семьи, которые регулярно мигрируют вместе, *то есть* совершают круговое перемещение по определенным охотничьим угодьям, часто удаленным друг от друга на большие расстояния, в зависимости от времени года. Одно племя не может насчитывать более нескольких тысяч душ ; если оно превышает это число, оно становится слишком большим для совместной миграции и выпаса скота и вынуждено разделяться. Самым низким является клан, состоящий из семей, связанных ближайшими степенями родства, которые неизменно разбивают свои палатки рядом друг с другом в общем квартале (*dâr*).

За пределами племени узы кровного родства не обрываются резко; они охватывают также группу таких племен, которые находятся в каких-либо исторических отношениях друг с другом. Но в этом более широком кругу узы родства перестают быть действительно эффективными.

Арабы в целом, хотя и связаны между собой общим языком, интеллектуальными достижениями и социальными формами, на самом деле не являются нацией; более крупные группы, на которые они разделились, также нельзя назвать нациями; нация — это племя. Племя является источником и пределом политических обязательств; все, что находится за пределами племени, является чужим. Это не означает, что в Аравии царит вечная и открытая *война всех против всех*; отношения между племенами очень разные и могут быть дружественными в результате родства и договоров. Но поскольку среди них не существует понятия общего долга человека перед человеком и никакой моральной закон не действует за пределами племени, каждый, кто не принадлежит к племени, по умолчанию является врагом. Если он попадает на охотничьих угодьях племени без особой охраны, он становится вне закона и является законной добычей. «Когда я и мой народ мучились от голода, — говорит старый бедуин, — Бог послал мне человека, который путешествовал один со своей женой и стадом верблюдов; я убил его и взял его жену и верблюдов себе». Он считает это убийство совершенно законным и удивляется только тому, что незнакомец осмелился путешествовать по стране со своей женой и скотом без сильной охраны.

Однако узкие границы племенного сообщества могут расширяться. Существуют способы, с помощью которых даже чужой может обрести безопасность члена племени. Если он схватит сзади подол одежды своего врага, завяжет узел на конце его тюрбана или свяжет свою веревку с его веревкой, ему больше нечего бояться. Если ему удастся пробраться в чужой шатер или быть представленным и принятым там женой или ребенком, его жизнь становится священной. Священность домашнего очага неизвестна арабам, даже их алтарь не является очагом и не имеет огня; но, с другой стороны, шатер и те, кто находится в нем, являются священными, и даже прикосновение к веревкам шатра снаружи делает чужака безопасным от нападения. С помощью сакраментального действия, сопровождаемого простыми словами, он обезоруживает своего врага и обеспечивает себе безопасность. Конечно, защита не всегда получается таким образом, она может быть предоставлена добровольно; например, бывают случаи, когда человек, предоставляющий защиту, накидывает свой плащ на того, кто ее просит, тем самым обозначая его как свою собственность, которую никто не имеет права трогать.

Если иностранный торговец желает без опасности путешествовать по территории племени, один из его членов должен дать ему безопасный пропуск; очень часто он просто дает ему какой-нибудь узнаваемый предмет своей собственности, который тот может взять с собой в качестве паспорта или документа, подтверждающего его законность. Отношения, возникающие таким образом, в большинстве случаев носят временный характер.^[42]

Но существуют также постоянные и наследственные отношения такого рода, основанные отчасти на договоре и клятве. Член племени может разрешить незнакомцу постоянно проживать в его клане, и путем усыновления в клан пришелец считается натурализованным всем племенем. Таким образом, натурализоваться могут не только отдельные лица, но и целые кланы и семьи, и такие случаи не редки. В результате в чистый племенной род прививается новый элемент в лице этих пришельцев или протеже. Через несколько поколений они могут смешаться с племенным родом, но поскольку извне постоянно приходят новые группы, различие между двумя элементами внутри племени сохраняется.

Кровное родство и соседство объединяют племя; внешних связей нет. Кровное родство является более высоким и сильным принципом, а соседство переходит в братство. Все политические и военные обязанности рассматриваются как обязательства по крови или братству. Отношения индивидуума с более крупными объединениями и сообществом в целом имеют точно такой же характер, хотя и менее интимный, как и те, которые связывают его с его собственной семьей. Нет *res publica* в противоположность домашним делам, нет, по сути, разницы между тем, что является публичным, а что частным. По крайней мере, в принципе, все люди имеют одинаковые права и обязанности, и ни у кого нет односторонних прав или обязанностей. Все основано на взаимности, лояльности и товариществе, а взаимодополняющие понятия долга и права, правителя и подданного, покровителя и клиента выражаются одним и тем же словом. Нет ни офицеров, ни чиновников, ни тюремщиков, ни палачей. Нет магистральной власти, нет суверенной власти, отдельной от общества и индивидуума, с собственными доходами от налогов и независимой администрацией в виде официальной организации. Функции сообщества выполняются всеми его членами на равных правах. Прерогативы и обязанности государства, как мы его понимаем, которые могут быть надлежащим образом выполнены только его гражданскими служащими, для арабов являются тем, что индивид обязан делать не под внешним принуждением, а из корпоративного чувства соседства и братства. Своими собственными активными усилиями индивид должен постоянно заново создавать те вещи, которые у нас являются постоянными организациями и учреждениями, которые ведут или кажутся ведущими независимую собственную жизнь. Арабы останавливаются на фундаменте, не строя на нем верхних этажей, которые можно было бы передать готовыми своим наследникам и в которых они могли бы жить без забот.

Другими словами, среди арабов политические отношения являются моральными, поскольку мораль ограничивается пределами племени. Политическая организация представлена корпоративным чувством, которое находит выражение в исполнении обязанностей братства. Они требуют, чтобы человек говорил «добрый день» своим товарищам или «будь здоров», если кто-то чихает, не закрывался от других, не обижался, навещал больных, оказывал последние почести умершим, кормил бедных в период голода, защищал и заботился о вдовах и сиротах; также время от времени забивать верблюда зимой, устраивать спортивные состязания и угощать остальных его мясом, потому что никто не забивает животное только для себя, и каждый такой случай является праздником для всей компании. Таковы общие проявления братской доброты, благодаря которым корпоративный дух сохраняется в обычных условиях. Но величайший долг, в котором кульминируют все остальные, — это помощь брату в беде. Поэтому политический долг занимает по сути второстепенное место. Во всех случаях главное, чтобы человек действовал и сам решал, как ему поступать, но, конечно, он вполне свободен согласовывать свои действия с товарищами. Остальные обязаны только помогать ему в случае необходимости, и тогда они должны отвечать на его призыв, не спрашивая, прав он или нет; как он заварил, так они и должны пить. Не всегда все племя поднимается сразу, основная обязанность лежит на клане. Клан имеет право наследования, а также обязанность выплачивать долги

любого его члена, освобождать его из плена, выступать в качестве его поручителей и помогать ему в мести или выплате штрафов. Более крупные объединения участвуют только в случае большой необходимости, и в частности в случаях вражды с другим племенем.

Легко представить, что сообщество, основанное исключительно на взаимном товариществе, не выполняет свои задачи очень удовлетворительно, и что эта система не особенно работоспособна. Есть много ленивых или непокорных членов, которые не выполняют своих обязанностей перед общиной из-за отсутствия принуждения извне и потому, что единственное давление, которое можно на них оказать, — позор в глазах родственников или общественного мнения — бесполезно против их трусости или упрямого упорства. Кроме того, индивидуальная свобода действий слишком мало ограничивается должным учетом интересов общины. Ничто не мешает человеку самостоятельно предпринять набег, который может разжечь пламя войны, охватившее все его племя и даже распространившееся за его пределы. Или, приняв в свой шатер и свой клан чужака, что он считает своим долгом по чести и религии, он может ввергнуть свое племя в большие трудности, возложив на него бремя защиты этого чужака от его преследователей, которые могут пытаться арестовать его за какое-то преступление.

Но более плодотворным источником раздора, чем отдельные случаи трений, является конкуренция между племенем и кланом. Нет сомнений в том, что эти полярные объединения не возникли из одного корня, а различаются по своему происхождению; племя, вероятно, объединилось под властью коммунистической матриархальной системы (эндогамной), в то время как клан основан на аристократической патриархальной системе (экзогамной). В настоящее время племя рассматривается как простое расширение клана, поскольку оба объединяются одной и той же отцовской кровной связью. Но степени политического родства варьируются, кровные узы не имеют одинаковой силы повсеместно; они действуют гораздо эффективнее в меньшем кругу, чем в большом. Индивид не имеет прямой связи с племенем; его связь с ним осуществляется через промежуточные звенья клана и семьи; его членство в сообществе обусловлено его принадлежностью к подчиненным группам. Поэтому, как правило, индивид считает, что его кожа ближе к нему, чем его рубашка, всякий раз, когда интересы племени и клана расходятся. И само собой разумеется, что это очень часто бывает.

Недостатки системы в некоторой степени компенсируются определенными зачатками правительства, которые можно найти среди арабов. Существует ведущая аристократия; у кланов есть свои вожди, а во главе каждого племени стоит верховный вождь, *называемый* сади. Положение всех этих вождей зависит от добровольного признания того факта, что они подходят для этой должности благодаря своим личным качествам и богатству. Они назначаются спонтанно общим голосованием, без выборов или каких-либо подобных процедур, и хотя существует склонность делать власть наследственной, и сыновья пользуются преимуществами благодарности, испытываемой к их отцам, тем не менее каждый человек должен своими собственными силами вновь подтвердить свое право на унаследованные почести, если он хочет остаться у власти и сохранить общественное уважение. Слово этих вождей имеет наибольший вес на собраниях, на которых они собираются каждый вечер, чтобы обсуждать, спорить и совещаться. *Вождь* имеет право решающего голоса. Он решает, например, когда племя должно начать свое переселение и когда оно должно разбить лагерь. Однако, в целом, вожди и *вождь* не имеют преимуществ перед остальными в плане привилегий, а только в плане обязанностей. Среди арабов «*noblesse oblige*» (*благородство обязывает*) — не пустая фраза, а существенная правда. Знать должна отличаться от остальных в выполнении обязанностей, возложенных на всех; она должна брать на себя бремя, которое другие обходят стороной, и из своего изобилия восполнять дефицит, вызванный отсутствием корпоративного духа в толпе. Она должна

быть щедрой во всем; не должна щадить ни своей крови в междоусобицах, ни своего имущества в мирное время; она должна принимать странников, содержать вдов и сирот, кормить голодных и помогать должникам платить. Основная доля в несении общего бремени ложится на плечи *упомянутого*. Взамен он получает четвертую часть всей добычи, но тем не менее часто тратит все свое состояние на общие нужды; его положение приносит ему честь и репутацию, но никогда не приносит прибыли, и поэтому не вызывает зависти у низших натур. Но его самая важная обязанность — поддерживать единство племени и сдерживать распад, которому оно подвержено из-за индивидуального эгоизма и партикуляризма различных кланов. Он призван вступить в разрыв, как говорится в библейской фразе. Он — прирожденный посредник и миротворец.

Несмотря на все это, он может только вести переговоры и оказывать моральное давление. Он лишь первый среди равных; он обладает большим авторитетом, но не имеет верховной власти, а в конечном счете этого недостаточно ни для внешних, ни для внутренних дел общины. На войне нет понятия обязательной службы, нет понятия дисциплины, абсолютного командования и повиновения. Если один клан не хочет выходить вместе с остальными, он отделяется от них и ожесточает свое сердце против их насмешек и презрения. Если люди не хотят следовать за своим вождем, он иногда прибегает к попытке постыдить их, поднимая свой меч и угрожая упасть на него, если ему не подчинятся. Однако опасность извне — это самое готовое средство побудить их подчиниться единой воле, тогда как отсутствие центральной суверенной власти гораздо более остро ощущается во внутренних делах.

Единственной функцией древнего сообщества, помимо самообороны, является поддержание мира в пределах своих границ, и средством для достижения этой цели является закон. Например, Ветхий Завет ничего не знает об управлении как функции государства; править — значит судить, и общий термин для правителя — судья.

Арабы не лишены закона, хотя его пределы у них шире и менее строго определены, чем у нас, и включают решение вопросов, которые не приводят к импичменту и судебным разбирательствам, а касаются обязанностей, а не прав.

У них также есть судьи, которые вершат правосудие. Споры между соплеменниками выносятся на обсуждение в ходе ежедневных бесед и решаются там без каких-либо юридических формальностей. Но международные споры, *т. е.* вопросы, спорные между членами разных племен, также могут решаться по закону, если обе стороны соглашаются выбрать арбитра, которому они передадут решение. Эту должность может занимать любой человек; в сложных случаях часто обращаются к провидцу или жрецу, или к какому-либо другому человеку, пользующемуся всеобщим доверием и имеющему репутацию исключительной мудрости. Арбитр иногда заставляет стороны поклясться принять его вердикт, каким бы он ни был, но его задача состоит лишь в том, чтобы обнаружить и истолковать закон, и он не имеет полномочий приводить его в исполнение. Следовательно, стороны спора обращаются к судье лишь для того, чтобы узнать правила закона, а не для того, чтобы отстаивать и получать свои права. Его решение не имеет юридической силы и не влечет за собой исполнение приговора, к которому оно, по сути, не имеет никакого отношения.

Пример того, что нам кажется столь необычным состоянием дел, может прояснить ситуацию. Незадолго до прибытия Мухаммеда в Медину один житель этого города обратился в суд к мудрой женщине с иском против бедуина из соседнего района о сумме денег, *то есть* верблюдах. Женщина вынесла решение в пользу жителя Медины; он был известным человеком по имени Суваид, сын Самита. Когда они подошли к распутию, Суваид сказал бедуину: «Кто будет поручителем того, что ты выплатишь мне верблюдов?» Тот

пообещал отправить их, как только доберётся до дома. Но Суваид, не удовлетворившись этим, боролся с должником, повалил его и связал. Затем он увез его в Медину и держал под стражей, пока его родственники не выкупили его, заплатив ему то, что он должен был.

Уголовное правосудие, как мы его понимаем, невозможно из-за отсутствия высшей власти, магистрата. Хотя верность своим родственникам является моральным законом, а его нарушение — грехом, арабы не достигли абстрактного понятия преступления против общества в целом и тем более наказания, налагаемого обществом, поскольку изгнание из общества проблемного или недостойного члена, строго говоря, не является наказанием. Они признают только частные правонарушения, и наказание за них является делом каждого отдельного человека. Не существует официального процесса расследования с принудительными методами энергичного перекрестного допроса. Если что-то украдено, владелец громко объявляет о своей потере и накладывает проклятие на вора, если тот не вернет пропавшую вещь, а также на всех его сообщников, если они не расскажут все, что знают об этом. Если убийство или непредумышленное убийство было совершено неизвестным лицом, и тот или иной человек подозревается в совершении этого преступления, его клан принимает клятву очищения за него, которая, однако, может быть уравновешена клятвой противоположного содержания со стороны клана убитого.

Наказание за преступление, конечно, остается за потерпевшим. Его дело — понять, как он может лучше всего получить компенсацию за причиненный ему вред, и искать помощи, где бы он ее ни нашел. Ему не запрещено мстить своими руками, и нет никакого принуждения, чтобы заставить его обратиться к закону вместо этого. Человек может по собственному желанию воздержаться от насильственных мер, если он того пожелает, и может вступить в переговоры, которые затем ведутся на основе правового принципа, внутреннего материального права. Но если вместо мести он прибегает к судебному разбирательству, то речь никогда не идет о наказании за преступление, которое, по сути, вряд ли может быть урегулировано путем соглашения между спорящими сторонами, а лишь о компенсации за ущерб. Компенсация может быть предоставлена за все, за что может быть потребована месть. Все преступления рассматриваются законом одинаково и оцениваются как экономический ущерб. Любая потеря чести, имущества или жизни может быть оценена по соглашению; все они имеют свою цену в верблюдах. Мечь этим не умиротворяется, но если от мести отказываются, закон больше ничего не требует.

Самым страшным и серьезным преступлением является кровопролитие. Злонамеренность или случайность, война или мир — все это не имеет значения. Естественным и основным следствием является кровная месть. В первую очередь это обязанность ближайшего наследника, но она быстро распространяется и на других, поскольку клан убийцы не бросает его, а принимает его сторону, и, следовательно, весь клан убитого естественно помогает мстителю против них. Результатом является состояние войны между двумя кланами, которое выражается в случайных убийствах, часто с большими промежутками времени. Все члены клана считаются соучастниками; они поддерживают друг друга в ссоре, как на войне, и становятся жертвами мести без различия лиц. Каждый новый член клана является новым поводом для мести, и таким образом месть непрерывно порождает месть. Таким образом, кровная месть неизбежно приводит к кровной вражде между кланами. Предполагается, что кровная вражда ведется только между двумя враждующими племенами, а не между родственными кланами, принадлежащими к одному племени, поскольку это привело бы к нарушению племенного единства. Но сохранение племенного единства является лишь моральной аксиомой и неспособно эффективно сдерживать центробежные силы. Право клана на вражду является неоспоримым, и, по сути, кровная месть ведется как внутри племени, так и за его пределами. Обязанность мести осознается более ярко, чем обязанность перед племенем; это священный первостепенный

закон, который имеет приоритет над всеми политическими соображениями. Даже если брат убивает брата в том же клане, результатом является кровная месть, хотя зарегистрированные случаи, как правило, являются гипотетическими, а не реальными, так же как подобные случаи рассматриваются греками как трагические проблемы в «Орестее» и «Эдиподее».

Закон может заменить месть в случае убийства, как и в случае других преступлений, то есть даже кровная вина может быть погашена деньгами, *то есть* верблюдами. Это делается по соглашению между должником и кредитором или между кланами обоих; и когда соглашение достигнуто, источник кровной мести исчезает. В ссорах внутри племени обязанностью вождей, и в особенности верховного вождя, является побудить спорящих согласиться на урегулирование по закону. Затем они ведут переговоры, как между двумя воюющими державами; они могут только посредничать в достижении мира, но не навязывать его. Иногда они достигают успеха, иногда нет. Мекка и Медина являются лучшими примерами обоих результатов. Очень часто стороны спора не заключают мир, пока их силы не будут полностью исчерпаны. Затем составляется баланс, сравниваются дебет и кредит по погибшим и раненым, а разница компенсируется верблюдами.

Но очевидно, что в данном случае несоответствие между тем, чего требует месть, и тем, что предусматривает закон, слишком очевидно. Арабы хорошо осознают этот факт, и считается бесчестным принимать верблюдов в качестве компенсации за убийство — продавать кровь за молоко, как гласит их поговорка. Месть гораздо лучше удовлетворяется позитивным возмещением в менее неравных масштабах: кровью за кровь, глазом за глаз и зубом за зуб. Иногда это делается мирными средствами (), и это называется *талио* (*talio*). Преступник не защищается своим народом, а передается мстителю, чтобы тот мог возместить ему за содеянное. Если право мести перешло к ребенку, казнь часто откладывается до его совершеннолетия.

Таким образом, ссора ограничивается непосредственно вовлеченными сторонами, кланы не вовлекаются, кровная месть не перерастает в кровную вражду и не выходит за рамки строгого возмездия в порыве страсти. На самом деле талио, по-видимому, было распространено в случаях простого телесного повреждения. Забавный случай зафиксирован в жизни Мухаммеда. В битве при Бедре он выстроил своих людей в длинный прямой ряд, выровняв их по оси копья. При этом он несколько сильно ударил по телу человека, фигура которого выступала за пределы прямой линии, и этот человек, чье имя и раса точно зафиксированы, пожаловался на его насилие. Мухаммед незамедлительно предложил ему свое тело и сказал: «Возьми себе талио», но тот великодушно отказался. Из этого мы видим, что даже военный командир при исполнении своих служебных обязанностей ничем не отличается от частного лица в глазах закона. Представьте себе подобную сцену между офицером и солдатом на современном плацу!

Однако, если речь идет не о возмещении просто телесных повреждений, а о крови за кровь, ситуация становится гораздо более сложной; ведь если мульт принимается неохотно, талион дается еще более неохотно. Для любого клана самым страшным позором является выдача одного из своих членов, независимо от его преступления, в руки другого клана, который намеревается казнить его; скорее они убьют его сами. Следовательно, талион, хотя и является эффективным средством сдерживания кровной мести и сглаживания ее опасных граней в том, что касается мира и единства племени, не может быть практически применен в древнем арабском сообществе, поскольку оно не имеет суверенной власти над племенем.

Первое арабское сообщество с суверенной властью было основано Мухаммедом в городе Медина не на основе крови, которая естественным образом ведет к разнообразию, а на основе религии, которая одинаково обязательна для всех. Там талион впервые становится

эффективным, там он может быть применен. Сообщество, во главе которого стоит Бог, а пророк является представителем Бога, имеет право передать кровопролитного преступника мстителю, и обязанность сообщества — следить за тем, чтобы это было сделано. «В талию вы имеете жизнь», — говорит *Коран*; и комментарием к этому служит ужасная анархия, вызванная кровной местью, которая царила в Медине до прихода Мухаммеда — жизнь тогда действительно была невозможна. А в другом месте *Коран* говорит: «Если человек незаконно убил одного человека, это все равно, что он убил всех людей». Другими словами, убийство одного человека следует рассматривать как преступление, совершенное против всего общества, и все общество должно следить за тем, чтобы законная месть была осуществлена. Однако осуществление мести по-прежнему остается за законным мстителем; и он вправе воспользоваться своим правом или отказаться от него, либо свободно, либо за определенную плату. Талион еще не является наказанием, это лишь переходный этап от мести к наказанию.

Первоначально даже ислам не знал публичного применения смертной казни, ритуальной казни, совершаемой общиной и ее должностными лицами, по крайней мере, в случаях убийства или непредумышленного убийства. Даже в раннем халифате существовали огромные трудности на пути казни мусульманина, который не пролил невинную кровь. Помимо талиона, официальное применение смертной казни было практически невозможно, поскольку, пока сохранялись арабские настроения, люди не могли понять разницу между палачом и убийцей. Изменения произошли только с приходом к власти Аббасидов, когда иранцы взяли бразды правления из рук арабов и принесли с собой иранские представления о государстве и законе.

С другой стороны, евреи, близкие родственники арабов, пришли к справедливым представлениям о тяжких преступлениях и смертной казни на полторы тысячи лет раньше, чем арабы. Согласно еврейскому взгляду, вина за грех, который считается преступлением против Бога, лежит на всей общине, пока фактический преступник не будет искоренен или изгнан из ее среды. Смертный приговор исполняется всем сообществом и принимает форму забивания камнями, причем его характерной чертой является то, что каждый член общины принимает в нем участие и бросает свой камень. Убийство и непредумышленное убийство пока не относятся к преступлениям против Бога, за которые полагается смертная казнь от рук общины; кровопролитие по-прежнему является в основном частным правонарушением, и его наказание остается за потерпевшим. Но оно не связано с кровной местью между кланами, и преступник не защищается своей семьей. Кровная месть уже укрощена и ограничена законом до того, что мы знаем как талион. Проливший кровь отвергается своей семьей, наследник и мститель могут преследовать и убить его. Если он укрывается в святилище, он в безопасности, если пролил кровь только по несчастному случаю. В противном случае святилище не предоставляет ему защиты. Сообщество, представленное его старейшинами, имеет право и обязано вытащить его из святилища и передать мстителю. Акт убийства всегда остается за последним; церемониальное применение смертной казни, казнь общиной, никогда не является наказанием за убийство или непредумышленное убийство. Но мстителю не разрешается брать выкуп за убийцу или даровать ему жизнь. Здесь подразумевается, что кровопролитие является не только неправильным поступком и нанесением вреда отдельному человеку, но и преступлением, то есть оскорблением Бога. Убийца также согрешил перед Божеством, и его вина лежит на всей общине, пока они не избавятся от него.

Таким образом, религиозный долг общины, состоящий в том, чтобы смыть кровь, пролитую в пределах ее границ, идет рука об руку с индивидуальным долгом мести. Если убийца не может быть обнаружен, месть невозможна; но вместо этого проводится

символическая церемония очищения общины, и город, в пределах которого найден мертвым человек, убитый неизвестной рукой, должен забить корову вместо убийцы.

Мы видим, что у евреев представления о преступлении и наказании имели свои корни в религии; преступление является оскорблением Бога, а его наказание — очищение общины от этого оскорбления; казнь является единственным реальным наказанием и должна отличаться от талиона, с одной стороны, и простого наказания, с другой.

Среди арабов религиозные корни уголовного права исчезли, и осталась только человеческая месть. Вряд ли это может быть древнее представление. Месть сама по себе по своему происхождению является не только человеческой страстью, но и религиозным долгом. Правда, первоначально считалось, что этот долг был наложен не Всевышним, а демоном. И этим демоном был гневный дух самого убитого, который не давал покоя своему клану, пока тот не напоил его кровью убийцы, которой он жаждал. Мы все еще можем найти следы этого верования среди арабов. Среди них мститель за кровь дает торжественную клятву, точно так же, как человек, который должен принести жертву или выполнить любой другой религиозный долг; он не может мыться, расчесывать волосы, пить вино, а также подвергается многим другим запретам того же рода. Когда он совершает акт мести, он должен вкратце произнести имя того, за кого он мстит; после этого он освобождается и возвращается из состояния освящения и нечистоты к состоянию чистоты и обычной жизни, точно так же, как жертвователю после того, как он принес жертву.

Но это, так сказать, окаменелые остатки мотива, который в настоящее время не имеет силы. Поэзия, дошедшая до нас, неизменно говорит только о неуправляемой ярости мстителя, а не о человеке, за которого мстят; о жгучей боли в груди выжившего, которая требует облегчения любой ценой; и о позоре, который тяготит его, пока убийца еще ходит по земле живым. Более того — и это особенно поразительный момент — религия не сохранила никакого влияния на фактическое право древних арабов, за исключением, возможно, процесса расследования с помощью проклятий и клятв.

Древнеарабское право необычайно профанировано, сухо и бесформенно; оно сводится к сделкам и договорам, поскольку даже уголовное право действует только через компенсацию и выплаты.

Такова, вкратце, картина арабского общества, общества, лишённого верховной власти и исполнительной власти. Мы любим называть его патриархальным, но что мы имеем в виду под этим выражением? Мы не находим никаких следов уюта семейной жизни, ни следов патриархальной опеки. Каждый человек должен помогать, если что-то нужно сделать. В таком сообществе больше возможностей проявить мужество, самопожертвование и братскую доброту, чем в нашем, где государство, кажется, работает как машина, для которой мы должны просто поставлять топливо. Однако жаль, что такая прекрасная возможность не используется в полной мере. В критических случаях корпоративное чувство, от которого зависит вся система, часто проявляется лишь немногими. Проблемы и трудности встречаются повсюду, хотя в пустыне условия жизни очень просты, ограничены и понятны, а интересы очень однородны. Ни одна прогрессивная цивилизация не может развиваться таким образом; сама по себе пустыня уже затрудняет развитие. Эти слабые основы не выдержат амбициозной надстройки. Даже индивидуальная свобода, как мы ее понимаем, не извлекает выгоды из отсутствия принуждения со стороны государства. Ведь если чувство родства слишком слабо, чтобы контролировать злодеев и заставлять ленивых выполнять возложенные на них обязанности, оно все же достаточно сильное, чтобы препятствовать росту интеллектуальной свободы в кругах, которые обладают ею и осуществляют ее. Такая свобода может процветать только в государстве, которое, подобно Ноевому ковчегу, содержит все виды животных и позволяет им делать, что им заблагорассудится, а не в

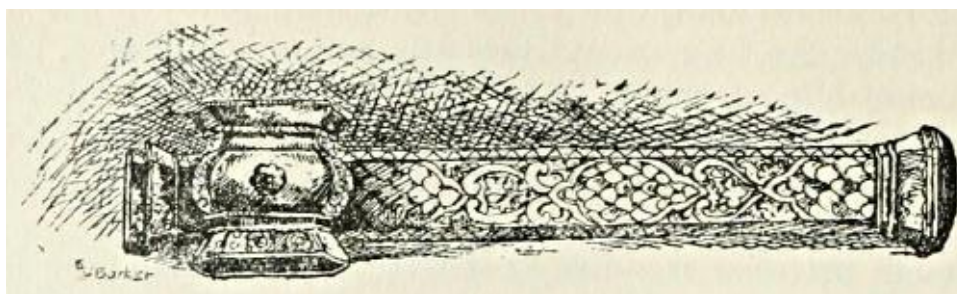
обществе родственников, которое накладывает на своих членов заклятие изнутри, хотя и не может навязывать принуждение извне.

Сообщества Европы начинались, как показывают многочисленные свидетельства, с примитивных условий, подобных тем, в которых остались арабы пустыни. Хорошо бы помнить об этом и оценить, *quantæ molis erat romanam condere gentem*, сколько труда потребовалось, чтобы создать стабильную систему права, независимую от отдельного человека.

СНОСКИ

[41] [Тема этой статьи первоначально была представлена в виде речи, произнесенной 27 января 1900 года в Гёттингенском университете. Она была опубликована в виде брошюры, но теперь впервые переведена и получила более широкое распространение по специальному соглашению с автором.]

[42] Гость, которого тень палатки сделала священным, через некоторое время отправляется в путь.

ГЛАВА XII. ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ИСЛАМЕ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-РОМ И. ГОЛДЗИХЕРОМ

Профессор Венского университета и др.

Изучая пути развития ислама, мы сталкиваемся с уникальной антитезой внутри самой веры. Это результат революционного движения, которое возникло, чтобы объявить войну прошлому арабской нации и всех других народов, которые она покорила безжалостным мечом ислама. Однако едва сделав первый шаг в своей карьере, она придала почти сакраментальное значение идее, настолько чуждой духу подрыва и революции, что она кажется нам скорее олицетворением самого жесткого консерватизма. Это идея сунны.

Сунна означает традиционное использование или обычай, освященный предками, передаваемый из поколения в поколение. Тот, кто нарушает этот обычай, поступает против Святой Святыни, против чего-то, что намного выше любой статьи закона, составленной с зрелым рассуждением и хладнокровным обдумыванием судебного ума; он согрешил против благочестивого почтения, причитающегося дням древности. Это точка зрения, лежащая в основе святости сунны. В переводе на юридический язык сунна может быть соответственно обозначена как право по обычаю, но лучшее представление о ее значении можно получить,

сравнив ее с *mores majorum* или *usus longævus* римлян. Ведь определяющим фактором в ней является не ее устоявшийся характер, а высокое уважение, которым она пользовалась с древних времен.

Все это (возвращаясь к исходному утверждению) мало согласуется с системой, зародившейся с пророком революции, который не мог сказать, как Иисус сказал о себе, что он «пришел не для того, чтобы разрушить, а чтобы исполнить» — по крайней мере, в том, что касается традиционных институтов арабов. Мухаммед действительно представляет себя как восстановителя утраченного, как возвращающего человеку золотой век религии, правление *династии Ибрагима* (религии Авраама), которое было утрачено из-за коррупции и злодеяний и затмено грубым язычеством на своей родной земле (поскольку, согласно Мухаммеду, Кааба в Мекке является храмом Авраама и Измаила). Но не эта претензия позволит нам понять значение идеи сунны в исламе.

Как бы удивительно это ни звучало, и как бы мы ни были привычны ассоциировать идею сунны с шейхами, ревностно охраняющими святыне места ислама, сунна не является в первую очередь исламским словом, и идея, которую она выражает, не является свойственной только исламу. Она глубоко укоренилась в этических представлениях того самого язычества, которое пророк пришел свергнуть. Сунна — это идея, которую ислам перенял из арабского язычества и которая, изменив свое значение в новой среде, стала одним из основных столпов новой системы.

Концепция, заложенная в сунне, как она определена в начале этого очерка, представляет собой идеал жизни языческих арабов и первобытное представление о законах и морали в племенной жизни. В этом отношении не было никакой разницы между двумя классами, составлявшими арабский мир в целом, между бедуинами и жителями городов. *Mores majorum* были их законом и религией. Обычаи их предков были их догмами; обычаи, унаследованные ими из далекого прошлого, были их таинствами. Нарушение этих обычаев считалось преступным кощунством. Если культ племенного братства и уважение к обязанностям, вытекающим из этого объединения, составляют всю мораль, то насколько более строго этот принцип применялся к поддержанию сверхчувственного братства с поколениями прошлого.

Поэтому в ходе преследований, с которыми мир арабского язычества встретил его проповеди, Мухаммед не сталкивался с противниками, которые защищали прежнее положение вещей аргументами, основанными на религии, или использовали оружие серьезных споров, чтобы опровергнуть его учение. У языческих арабов был только один аргумент против послания, провозглашенного им пророком из Мекки, — это было нововведение. Он представляет своих языческих соотечественников, выдвигающих этот аргумент против него, точно так же, как он представляет языческие народы древности, бросающие его своим пророкам. «Если кто-то говорит им: „Соблюдайте законы, которые Аллах посылает вам“, то они отвечают: „Мы следуем обычаям наших отцов“. Если кто-то говорит им: „Примите религию, которую Аллах ниспослал своему посланнику“, то они отвечают: „Мы довольны религией наших отцов“. Когда злодеи совершают злой поступок, они говорят: «Так мы видели, как поступали наши отцы, это Аллах повелевает такие вещи». Но они говорят: «Мы обнаружили, что наши отцы шли по этому пути, и мы следуем по их стопам». Говори и скажи: разве я не провозглашаю вам нечто лучшее, чем то, что вы нашли у своих отцов?»

Эта мольба, которая, так сказать, составляет методологию борьбы язычников против пророка, является, как бы, постоянным элементом, пронизывающим все сетования *Корана* по поводу упрямства язычников. Они ненавидят пророка, потому что он оскорбляет их

предков, которые были также и его предками. Ему не хватает сыновней почтительности. И пробным камнем его ошибки является его враждебное отношение к далекому прошлому. Для язычников их идола дороги как «наследие достойных людей, которые завещали это наследие».

Прошло всего несколько десятилетий, прежде чем ислам обрел свою собственную сунну. Элемент древности в данном случае был, конечно, выдумкой; для своего оправдания он предвосхищал еще не родившиеся поколения, которые должны были бы смотреть на этот новый стандарт как на нечто освященное традицией. Он не имел никакого обоснования в реальном опыте последующих поколений, которые уже считали его незыблемым.

Коран, старейший и наиболее авторитетный документ исламского движения, не является книгой, которая предлагает верующему исчерпывающий свод религиозных наставлений, достаточный для удовлетворения всех вопросов. Его главная задача — предрасположить религиозные чувства к принятию религии, возникшей на этом основании. Он также не является более полным, если рассматривать его как нормативное руководство по вопросам права, поскольку в нем учитывается лишь небольшая и очень ограниченная часть юридических потребностей. Его задача — предрасположить этические чувства к новым аспектам, с учетом которых следует рассматривать социальную жизнь и связанные с ней правовые отношения.

Хотя эти чувства придали точность форме этих новых стандартов, наделяя их характером божественно установленных законов, их сущность черпала питание из чуждых источников, из новых взглядов, которые были следствием великой карьеры в истории, на которую вступила новая исламская община вскоре после своего возникновения. Было завоевано много новых территорий. Было невозможно, чтобы контакт с иностранными элементами не привнес бы новых идей в семитский ум, который был необычайно восприимчив — идей, которые были предназначены для того, чтобы придать окончательную форму вере ислама, с которой его приверженцы начали свою завоевательную карьеру.

Без влияния, оказанного на религиозные чувства мусульман вопросами, возникшими под влиянием греческой философии, не было бы сформулированной системы мусульманской догматики, и точно так же первый импульс к созданию мусульманской системы права был дан контактом с двумя великими сферами цивилизации — римской и персидской, первой в Сирии, а второй в Месопотамии. Уже отмечалось, что влияние римского права на источники правовой системы в исламе подтверждается самим названием, данным юриспруденции в исламе с самого начала. Она называется *аль-Фикх*, разумность; а те, кто занимается ее изучением, называются *Фукаха* (единственное число *Факих*). Эти термины, которые, как мы не можем не заметить, являются арабскими переводами латинских слов (*juris*) *prudentia* и *prudentes*, явно указывают на один из главных источников исламской юриспруденции, даже если у нас нет достоверных данных, подтверждающих, что это влияние распространялось как на вопросы принципа юридического умозаключения, так и на конкретные правовые положения.

Положительные законы *Корана* и несколько судебных решений, принятых в конкретных случаях первыми халифами и другими сподвижниками пророка в Медине в первые дни ислама, наряду со всеми правовыми обычаями, сохранившимися с языческих времен, были недостаточны для того, чтобы служить в условиях, созданных великими завоеваниями и огромной экспансией мусульманской империи. Даже если бы все элементы, которые существовали ранее и которые появились для удовлетворения первоначальных потребностей нового мусульманского общества, были достаточными для арабского содружества на исламской основе, их совокупность все же была бы недостаточной для нужд новой политической структуры ислама в странах, подверженных совершенно иным

экономическим и социальным условиям, и среди завоеванных народов, жизнь которых была упорядочена на систематической правовой основе. Когда ислам подчинил себе древние цивилизованные народы силой меча, он не мог навязать им примитивные условия жизни, в которых он появился в широком мире из степей и оазисов Аравии. Он мог привести результаты исторического прошлого в соответствие со своими собственными религиозными чувствами, но не мог уничтожить его, хотя бы потому, что не имел ничего, чем можно было бы его заменить. Поэтому ему пришлось оставить многие институты в завоеванных странах в том виде, в каком он их застал. Эта проблема впервые возникла в Сирии, первом месте остановки победоносного наступления ислама. *Коран* и его первые практические применения предусматривали права семьи и брака, а также права наследования, но оказались недостаточными применительно к привилегиям, связанным с земельной собственностью в крупном аграрном государстве, или к законам о договорах и обязательствах, которые в странах, завоеванных исламом, регулировались фиксированными нормами римского права. В этой области главы нового правительства были вынуждены перенять очень многие положения римского права.

Но даже помимо принятия правовых норм, римское право оказало заметное влияние на правовую мысль новых захватчиков страны, юристы которой были обучены научной юриспруденции школы Беритуса. Влияние римских правовых методов на систему правового дедукции в исламе является более важным фактором в истории мусульманской цивилизации, чем даже прямое принятие отдельных положений права. По каким систематическим правилам или с помощью каких средств можно делать выводы из позитивного права, письменного или традиционного, которые будут применимы к вновь возникающим судебным делам и к решению правовых вопросов, на которые позитивное письменное право не дает ответа? При решении этой юридической проблемы арабские *фуха* полностью опирались на знания, полученные от кругов, знакомых с работой Рима в области права. Дуализм письменного права (араб. *nazz*) и неписаного права является лишь отражением дуализма *leges scriptæ (chakhamim)* и *leges non scriptæ*. Точно так же, примерно полвека назад, еврейские юристы (слово, которое в юридическом применении также является переводом римского термина *jurisprudentes*) под влиянием общения с римлянами были побуждены провести до сих пор непризнанное различие между *tora she-bitche-thab*, или письменным правом, и *tora she-be'al-peh*, или устным правом.

Применение принципов и правил, заимствованных из методологии римской юриспруденции, впервые позволило распространить ограниченный правовой материал, предоставленный *Кораном* и старыми решениями, которые были приняты в качестве основы закона, на другие области юридической деятельности, о которых эти власти не имели представления. *Ratio legis (illa)*, принцип презумпции, применялся к аналогиям (*kyas*) в словах и вещах; более того, так же как римская юридическая практика придавала большое значение *opinio prudentium* в юридических выводах, так и исламские *prudentes* присвоили себе prerogative авторитетного субъективного *opinio*; ведь *ra'j*, как это называется по-арабски, является дословным переводом латинского термина. Из всех этих принципов (которые не исчерпываются только что приведенными примерами) ни один не демонстрирует более ярко глубокое влияние римского права на развитие правового мнения в исламе, чем тот, который известен на арабском языке как *maclaha* или *istilah*, — *m. e.* общественное благо и уважение к нему. Значение этого принципа заключается в том, что он дает толкователю закона право применять правовые нормы таким образом, который наилучшим образом соответствует общественному благу и интересам. Здесь мы узнаем римский принцип *utilitas publica*, который дает толкователю закона право путем толкования и применения превратить ясный и недвусмысленный закон в нечто совершенно иное от его первоначального значения в интересах общественного блага.

Такие принципы, заимствованные у иностранных учителей, послужили для вывода мусульманского права, как только учителя народа почувствовали необходимость вывести сферу права из-под произвола суверена и его инструментов в администрации и судебной системе, которые имели свободную руку ввиду скудности позитивного правового материала, основанного на общепризнанной власти. Исламские юристы заявили, что выводы, к которым они пришли на основе этих принципов (которые, как мы видели, не были частью ислама), были в гармонии с истинным духом ислама (), являясь законным результатом его первоначального характера. Это явление, которое рано достигло зрелости и было широко принято в мусульманских теологических кругах как законное и несомненно авторитетное, имеет глубокое значение для нашей исторической оценки и суждения об исламе. Что бы ни думали невежественные люди, стоявшие у его колыбели, о значении нового слова, которое они были обязаны провозгласить восточному миру, первый шаг, который сделал завоевательный ислам на своем победоносном пути, научил его приспособляться к чуждому духу и формировать свое интеллектуальное наследие под влиянием факторов, которые поверхностному наблюдателю кажутся абсолютно несовместимыми.

В более чем одном аспекте своей доктринальной структуры ислам в свои ранние дни был заимствованием. Его основатели, правда, стремились избежать видимости присвоения чужой собственности. Но, несмотря на то, что они громко провозглашали принцип «Будьте отличны от них во всем» (*Chalifuhum*), имея в виду в основном иудеев и христиан, их документы переполнены заимствованиями из Священных Писаний тех самых конфессий, которым, по их собственному утверждению, они противостояли в соответствии со своим главным принципом. Упорное противостояние ислама остальному миру, его непреклонный протест против влияния иностранных элементов — это иллюзия, которую историческое исследование этого движения должно развеять, если оно хочет подняться до научного понимания этого великого исторического явления.

Хотя контакт с ромаями был тем влиянием, которое привело к появлению первых зачатков права в исламе, мы не должны упускать из виду другую сторону, с которой ислам в свои ранние дни вступил в прямой контакт с иностранным национальным элементом, влияние которого было очень важным в развитии его правовой системы. Мы имеем в виду его контакты с народом и религией Персии. Это можно проследить еще до исламских времен, и даже сам Мухаммед не был абсолютно свободен от влияния религиозных идей парсов (*маджусов*, магиан), которых он в *Коране* относит к евреям и христианам и противопоставляет язычникам как исповедующих более благоприятные религии.

Но персидская национальность не стала формирующим элементом ислама до тех пор, пока последний не подчинил себе географическую сферу старой религии парсов и правом завоевания не навязал веру пророка из Мекки и Медины последователям Зороастра. Мусульманская оккупация Ирака является одним из наиболее значимых факторов в религиозном и юридическом развитии ислама.

Персидские теологи перенесли свои унаследованные взгляды в новую религию, которую они приняли, а завоевательная держава обогатила бедность своего собственного религиозного наследия элементами, почерпнутыми из опыта глубокой религиозной жизни, которая с давних времен была естественной частью жизни завоеванных персов. Поэтому трудно переоценить важность роли, которую сыграло в развитии ислама духовное движение, зародившееся в Ираке и связанное со школами Бакра и Куфа. Анализируя элементы, из которых состоит ислам, мы не удивляемся, обнаруживая многие из них персидского происхождения, что является результатом этой связи. ^[43]

Эти влияния в полной мере проявились в результате великой революции, которая произошла в мусульманской империи примерно на 128-м году ее существования — падении Омейядов и узурпации скипетра халифов Аббасидами. Мирской дух, который направлял политику падшей династии — дух подлинно арабский, лишенный какого-либо реального понимания религиозных целей и трансцендентальных интересов ислама — теперь уступает место теократическому уклону, который черпал свои идеи в основном из характера персидской «божественной монархии». Это дух Сасанидов в исламском обличье. Безразличие правящих сил уступает место поощрению религиозных тенденций. Религиозная терпимость прежних дней подходит к концу. Сектантство, пиетизм, жесткий догматизм и связанный с ними дух преследования — вот доминирующие ноты общественной жизни. Споры по вопросам религии накладывают свой характерный отпечаток на интеллектуальные тенденции, которые находят поддержку в высших кругах. Противостоящие религиозные партии выходят на арену и формулируют свои самые тонкие аргументы.

Кроме того, это был подходящий момент для воплощения в практические юридические системы предложения в области юриспруденции, вытекающие из римского права более ранних дней. Во втором веке хиджры исламская юриспруденция вступает в классический период своего расцвета и завершения. Сценой ее славы становится научный мир Месопотамии, который проливает свои лучи на все уголки мусульманской империи. Даже такие достижения в области права, которые появляются за пределами этой колыбели систематизированной юриспруденции, являются плодом интеллектуального движения на территории древней Персидской империи. И даже проявления антагонизма по отношению к устремлениям, которые сформировались там (поскольку они вызвали огромное сопротивление), находятся под ее влиянием.

Абу Ханифа (699-767) из Куфы, внук перса, признан в исламе отцом той юриспруденции, которая, используя уже описанный метод свободного спекулятивного мышления, нашла способы и средства для обеспечения всей обширной сферы правовой деятельности (которая включает в себя как право, так и религиозные обряды) из скудных запасов позитивных правовых документов. Это завершение правовой системы ислама было достигнуто путем кропотливой работы по развитию ее основных принципов, модификации метода, разработанного в какой-либо конкретной школе, открытого противоречия фундаментальным идеям какой-либо конкретной тенденции и, наконец, путем сознательного компромисса между противоположными линиями мысли. Это было достигнуто с быстротой, характерной для всех интеллектуальных творений ислама. Особенностью всей литературы ислама является то, что все достигает своего расцвета с удивительной быстротой, только для того, чтобы так же быстро приходить в упадок. В четвертом веке хиджры все ветви арабской литературы достигли полной зрелости, процветали в течение короткого времени и вступили в период упадка примерно в начале шестого века.

К концу третьего века (девятого века н. э.) юриспруденция достигла своего классического расцвета. Не считая некоторых других руководителей школ, которые вскоре ушли со сцены, есть четыре человека, которых можно назвать ее основателями и отцами, четыре человека, чьи ученики представляют основные течения, которые сосуществуют в построении исламского права: (1) Абу Ханифа (умер в 767 году), истинный представитель иракского метода; (2) Малик ибн Анас (умер в 795 году), самый знаменитый имам в городе пророка Медине; (3) Мухаммед ибн Идрис аш-Шафии, ученик последнего (умер в 820 г.), наиболее известный своей просветительской деятельностью в Египте, где его усыпальница (в Карафе в Каире) почитается местными жителями как место паломничества; и (4) Ахмед ибн Ханбал (умер в 855 г.), благочестивый учитель из Багдада, главный защитник и отважный апостол

старых консервативных взглядов в религии, чья могила на кладбище Харбия в Багдаде, по выражению Гая Л'Эстранжа, автора монографии о древнем городе халифов, «стала объектом поклонения, граничащего с идолопоклонством».

Перечисленные взгляды, заимствованные из метода юридического дедукции в римском праве, не использовались в одинаковой степени всеми школами юриспруденции. В то время как в школе Абу Ханифы действительность *opinio* доходит до признания личных склонностей исполнителя закона, другие школы не были склонны давать столь свободную волю субъективному суждению. Принцип *istiḥab* (*præsumptio*) был наиболее полно признан в школе Шафии, а принцип учета общественного блага (*istiḥlah*) — в школе Малика.

Однако в ученом мире, который занимался теоретическим изложением закона, было много ученых, которые взяли на себя миссию провозгласить, что, вообще говоря и в принципе, они не могут признавать принципы метода, авторитет которых зависит от субъективной работы человеческого разума. Они признавали только две вещи в качестве единственной основы правового умозаключения — Священное Писание и традицию, то есть *Коран* и традиции или позитивные решения пророка, его сподвижников и их преемников, о которых можно было с уверенностью предположить, что они действовали и выносили суждения в духе основателя веры. Только в случаях крайней необходимости, когда эти авторитетные источники упорно отказывались дать ответ, было законно признавать авторитет *радж* (*opinio*) или, более конкретно, *кига* (аналогия). Последние были «подобны стервятнику, употребление которого в пищу было разрешено в качестве исключения во время голода, когда никакой другой пищи было невозможно добыть». В нормальных условиях рассуждать было недопустимо; единственно правильным курсом было следовать букве традиции, поскольку ничто вне ее не могло быть поставлено на один уровень с ней. Истина проявляется не в ответе на вопрос «Что разумно?», а в ответе на вопрос «Что сказал пророк и как он поступил?».

Здесь мы сталкиваемся с идеей сунны, унаследованной от древних арабов (идея, объясненная в начале этой статьи), в ее наиболее жесткой форме, но с той разницей, что сунна, как ее понимают сейчас, обращается не к далекому прошлому, а к совсем недавнему. Истинный суннит чувствует себя уверенно только тогда, когда может основывать свои суждения и поведение на аутентичном тексте или на хорошо подтвержденной традиции, касающейся слов и поступков самых ранних авторитетов, признанных исламским миром. Из всех четырех школ ханобалиты, основанная самым молодым учителем, была той, в которой эта жесткая точка зрения пользовалась наибольшей популярностью. В наше время она была выдвинута на первый план как принцип правления пуританским государством ваххабитов, «*Tempelstürmer von Hocharabien*», как их называет Карл фон Винсенти в историческом романе, в котором он описывает их действия.

Однако легко сказать: «Традиция и только традиция!» Но что, если, при всем желании, традиция не может дать ответа на самые насущные вопросы повседневной жизни? Судья должен выносить приговоры; пастырь душ должен устанавливать правила для своей паствы по вопросам, которые ежечасно возникают для решения в жизни, упорядоченной религиозными законами даже в самых мелких деталях; а в сомнительных случаях муфтий должен быть в состоянии разъяснить смысл божественного закона без колебаний в голосе. Что же делать, если Писание и традиция молчат, и никакие усилия не могут извлечь из них ни малейшего просветления? Когда все источники традиции иссякли, люди были вынуждены, хотели они того или нет, пойти на уступки индивидуальному мнению и праву на спекулятивное толкование. Это привело к возникновению школы мысли, которая стремилась примирить две резко противоположные тенденции. Было абсолютно

необходимо найти средний путь между чрезмерным субъективизмом и жестким традиционализмом и точно определить юридические сферы двух конфликтующих элементов. Необходимо было найти правила, в соответствии с которыми спекулятивные методы могли бы использоваться для дополнения традиции в работе юридической дедукции, и установить стандарты правильного использования традиционных данных при правильной формулировке закона. Эта работа по примирению была проделана основателем второй школы в списке, Шафии.

Кроме того, существовала еще одна точка зрения, с которой систематизация использования спекуляции как источника права, с одной стороны, и традиции, с другой, оказалась настоящей необходимостью. Если в одном случае было необходимо ограничить произвольное использование субъективного разума, то не менее необходимо было сдерживать бесконтрольный рост традиционного материала, который по мере своего увеличения все больше и больше мешал использованию аутентичной традиции. Односторонние сторонники сунны нуждались в традиционном материале для создания такой правовой системы, какую они хотели видеть. Никакое опровержение их тезисов, ни одно высказанное против них мнение не стоило, по их мнению, обсуждения, если оно не могло сослаться на авторитет традиции. В результате, когда традиционного материала не было, люди быстро начали его фабриковать. Чем больше был спрос, тем активнее были изобретения по созданию апокрифических традиций в поддержку соответствующих тезисов.

Для проверки дидактических записей, будь то священных или светских, ислам принял особую форму, которая придает исламской традиции совершенно особый характер, которому мы не можем найти аналогов (по крайней мере, в столь зрелой и последовательной форме) в любой другой литературе. Это *хадис*. Слово «хадис» означает просто «сообщение» или «рассказ». Если какое-либо такое повествование должно быть представлено с претензией на подлинность, то перед самим текстом должно предшествовать так называемое *санад* или *иснад* (буквально «поддержка»). В нем в правильной и непрерывной последовательности перечисляются авторитеты, которые передавали повествование из уст в уста, начиная с последнего человека, ответственного за его распространение, и заканчивая его первоначальным автором. Изучение этого санада позволяет свободно и беспристрастно критически оценить, заслуживают ли полного доверия те люди, по чьему авторитету какое-либо конкретное повествование передавалось из уст в уста и из поколения в поколение и было зафиксировано как реальное событие.

С этой точки зрения непрерывная цепочка устной традиции представляет собой более надежную и ценную гарантию подлинности, чем любой письменный документ, будь то современный или основанный на современных записях. Даже если письменный документ имеет все внешние признаки подлинности, он должен иметь последовательный санад, простирающийся в непрерывной последовательности от первого автора до последнего рассказчика, чтобы его утверждение было признано. Каждое повествование и каждый предмет традиции, независимо от его количественной или качественной значимости, должны быть изложены с указанием его «генеалогии». Эта генеалогия и есть санад. В теологических вопросах, в частности, это основа, без которой никакая запись не может стоять на ногах.

Литература исторических исследований также использует эту форму проверки. Читатели классического труда Мухаммеда Джарира ат-Табари, «отца исламской истории», знакомы с этим методом исторической аутентификации. Каждая запись имеет форму приложения к цепочке традиций, которая восходит к какому-либо непосредственному авторитету, и к этой цепочке запись присоединяется в тех же словах, что и у первого рассказчика. Иногда бывает,

что запись об одном и том же событии встречается в повествованиях, которые восходят к разным авторитетам, и не просто в разных словах и с незначительными изменениями. Сами факты представлены совершенно по-разному, или повествования разных авторитетов представляют их или сопутствующие обстоятельства в другом свете. Все эти расходящиеся повествования просто помещены рядом, что нельзя сравнить с разными авторитетами для повествований Пятикнижия; ибо, в отличие от последних, традиционные записи арабской истории не являются анонимными. Напротив, они обязаны своим отличительным характером этой косвенной системе подтверждения подлинности и перечислению по именам последовательных свидетелей их правдивости. Кроме того, в них нет никаких следов попыток со стороны какого-либо редактора привести противоречивые рассказы в соответствие; они просто представлены рядом, а не соединены воедино. Это обстоятельство значительно облегчило критическое изучение периодов, к которым относятся такие параллельные рассказы. Вельхаузен недавно представил миру блестящее исследование, в котором он умело различает различные точки зрения и особые предубеждения каждого из авторитетов в отношении повествования о победе при Табари (*Skizzen und Vorarbeiten*, VI).

Такое же положение дел преобладает в традиционных утверждениях по вопросам права и религии. Каждое утверждение, изложенное в традиционной форме и опирающееся в первую очередь на свидетельство фактического очевидца, претендует на то, чтобы показать практику пророка в определенные моменты молитвы или то, какое решение было принято им или его сподвижниками по определенным правовым вопросам. В течение первого века ислама в различных общинах верующих возникли расхождения в практике в мелких деталях права и богослужения. Каждая из этих расходящихся форм может апеллировать к авторитету формального и хорошо подтвержденного традиционного рассказа, с санадом, в котором приводятся имена самых надежных свидетелей в поддержку диаметрально противоположных друг другу тезисов.

Чтобы устранить эту несообразность, в исламе вскоре развилась наука текстовой критики, в которой исламская эрудиция на несколько веков опередила европейскую. Ее целью было разрешить споры между различными авторитетами, оценить степень доверия, которую следует оказывать каждому из них, взвесить вероятность того, что сектантские или партийные тенденции могли повлиять на *добросовестность* людей, которые в остальном были выше всяких подозрений. Кульминацией этой критической работы стали определенные систематизированные сборники преданий, редакторы которых изначально ставили перед собой четкую цель отсеять то, что им казалось подлинным, из огромного массива явно поддельных материалов. Наиболее известными из этих сборников являются сборники Бухари (умер в 870 г.) и Муслима (умер в 875 г.). Общее согласие ислама вскоре наделило эти сборники каноническим авторитетом.

Другие работы того же рода также пользовались большим уважением. Со временем к первым двум сборникам были добавлены другие сборники, составленные в IX веке, в которых отбор традиций осуществлялся по самым либеральным принципам. С XIII века шесть кодексов были признаны источниками аутентичных традиционных записей. Из них теологическая наука черпает свидетельства традиции в вопросах права, и вместе с *Кораном* они составляют каноническую литературу ислама.

По научным критериям, лишь очень небольшая часть содержания этих канонических сборников, если таковая вообще имеется, может с уверенностью относиться к раннему периоду, к которому они, по их утверждению, относятся. Тщательное изучение вскоре выявляет наличие тенденций и устремлений более позднего времени, действие духа, который искажает записи в пользу той или иной противоположной тезисы в определенных спорных вопросах.

То, что мы извлекаем из этих традиционных авторитетов, ни в коем случае не является однородной системой обучения. Голос тщательно подтвержденной традиции может быть процитирован в поддержку самых разнообразных, даже самых противоречивых учений по некоторым вопросам ритуала и права. Это одна из основных причин расхождений в практике в мелких деталях религиозного обряда и права. Эти различия, наряду с спорным вопросом об использовании субъективного фактора в юридических выводах, лежат в основе противоречий между четырьмя великими школами права (основателей которых мы уже перечислили), которые занимают всю область ортодоксального ислама. Эти школы согласны в отношении великих фундаментальных доктрин религии, и внешние различия в практике не рассматриваются как элементы разделения. Мусульмане считают их одинаково действительными и одинаково правомерными с точки зрения ортодоксии.

Суннитский ислам рано сформулировал и вложил в уста Мухаммеда доктрину, согласно которой «разногласия в моей общине следует рассматривать как знаки милости Божьей». Как и Лессинг, исламисты считают, что все деревья не могут иметь одинаковую кору. Поэтому большим заблуждением, ведущим к полному непониманию всего характера ислама, является описание этих четырех течений мысли, или *мадхабибов*, как их называют мусульмане, как «сект», или использование таких выражений, как недавно появившиеся в широко распространенном журнале, где говорилось: «Нам нужно только вспомнить вопрос, который привел к расколу в исламе, а именно: следует ли начинать омовение с локтя или с запястья». (*Münchener Allgemeine Zeitung*, Beilage No. 209, 12 сентября 1901 г.) Нельзя отрицать существование этих различий в ритуалах. Но расколы возникают из-за гораздо более радикальных догматических и юридических вопросов, которые выходят далеко за рамки спорных моментов между четырьмя школами права.

С другой стороны, в нынешнем состоянии исламского мира ортодоксия полностью ограничивается этими четырьмя основными школами мысли, которые считаются правильными и признанными формами правильного религиозного обряда и практического толкования закона. Заимствуя образ из филологии, можно сказать, что только они являются легитимными диалектами одного фундаментального языка ислама. *Quintum non datur*. Ревностные религиозные объединения, которые опираются на фундаментальные принципы ислама, но не могут быть отнесены ни к одной из этих четырех категорий, рассматриваются как отступники сомнительного характера, хотя сами они считают своей единственной целью в жизни очищение ислама и придание ему новой силы. Их называют *чумами* или *чавами*, от слова, означающего «пятый», чтобы обозначить их независимость от четырех параллельных течений ортодоксии. Таковы, например, сенусситы, религиозное объединение в Северной Африке, деятельность которого в настоящее время привлекает серьезное внимание лидеров французской колониальной политики. Они не являются приверженцами школы Малика, которая преобладает в Северной Африке, и поэтому рассматриваются как *чавами* местными мусульманскими «высшими церковными деятелями».

Одним из основных принципов ортодоксального ислама во всех сферах религии и права является «общее согласие и практика всего сообщества верующих» (*consensus ecclesiae*). Арабское название этого могущественного принципа — *ijma*. Общее согласие всего сообщества верующих по определенным вопросам веры и права имеет обязательную силу, не меньшую, чем Священное Писание и традиция. Более того, даже авторитет всех первоисточников исламской религиозной системы, как она развивалась исторически, черпает свою силу из этого консенсуса, который является основным основанием для ее признания. Принятие таких сборников традиций, которые считаются каноническими, а впоследствии и стандартных юридических кодексов, основано исключительно на этом общем согласии всего сообщества верующих, благодаря которому они наделены

обязательной силой (). Этот великий принцип — который, если кто-либо не осознает и не оценивает по достоинству развитие ислама и исламских институтов, останется для него закрытой книгой — со временем был определен как доктрина, принятая одинаково всеми четырьмя ортодоксальными школами мысли. Это определение идеи иджмы является результатом самоограничения самого принципа в практическом применении. Со временем оказалось невозможным проверить это общее согласие каким-либо иным способом, кроме как ограничив его четко определенной сферой школ права. Таким образом, эта свободная интеллектуальная точка зрения утратила жизненную силу, которая могла бы сделать ее элементом дальновидного и либерального развития.

Признание принципа иджмы в качестве фундаментального элемента является точкой, в которой все школы ортодоксального ислама едины. Однако *шиитская* ветвь ислама не приняла его в качестве одной из своих фундаментальных доктрин. Она занимает позицию слепого повиновения власти. В ее глазах видимые и невидимые главы всего сообщества истинных мусульман являются преемниками Али, непогрешимыми имамами. Только они являются законными правителями верующих, как законные главы государства, так и истинные органы божественной воли в вопросах права и доктрины. Для этой секты любое историческое и политическое развитие ислама, которое черпает свое право на власть из консенсуса, является узурпацией и безбожием, которому последний имам, Махди, который еще не пришел, положит конец. С их точки зрения, признание консенсуса является простой ошибкой и ересью, а чувства и воля всего сообщества верующих не имеют права быть признанными в качестве критерия. Вместо этого они ставят слово непогрешимых имамов, законных преемников пророка и толкователей его воли, которая тождественна божественной воле. Таким образом, исчезает последний остаток автономной власти, которую община ортодоксальных исламистов приобрела благодаря признанию принципа консенсуса.

СНОСКИ

[43] Я более подробно рассмотрел эту тему в докладе, прочитанном на заседании *Конгресса по истории религий* в Париже (6 сентября 1900 г.) под названием «Исламизм и парсизм», Actes I, стр. 119-147 и *Revue de l'Histoire des Religions*, XXII, стр. 1-29.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ПАРФЯНСКАЯ ИМПЕРИЯ

^b Юстин, *«История мира»*, сокращенная версия Трога (перевод J. Turnbull).

^c А. фон Гучмид, *Geschichte Irans*.

ГЛАВА II. ИМПЕРИЯ САСАНИДОВ

^b Т. НЁЛЬДЕКЕ, *Aufsätze zur persischen Geschichte*.

^c Дион Кассий, *История Рима*.

^d А. фон Гучмид, *указ. соч.*

ГЛАВА III. РАННЯЯ ИСТОРИЯ АРАБОВ

^b ГЕРОДОТ, *История*.

^c АРТЕМИДОР, *География*.

- Диодор, *Историческая библиотека*.
- Плиний, «*Естественная история*».
- ^f Аммиан Марцеллин, «*История Рима*».
- ^a Эратосфен, «*Хронография*».
- ^h Священное Писание, согласно авторизованной версии короля Якова I.
- ⁱ Надписи Техутима и Рамсеса I.
- ⁱ Надписи Тиглатпилесера III, Саргона, Ашшурбанапала и др.
- ^k Макс Дункер, *Geschichte des Alterthums*.
- ^l W. G. Palgrave, статья «Аравия» в *Encyclopædia Britannica*.

ГЛАВА IV. МУХАММЕД

- ^b L. A. Sédillot, *Histoire générale des Arabes*.
- ^c Коран.
- Е. Гиббон, «*Упадок и падение Римской империи*».
- Сэр Уильям Мьюр, «*Жизнь Магомета*».
- ^f Георг Вебер, «*Всемирная история*».
- ^a Ибн Саад, «*Сират*» или «*Биография Мухаммеда*».

ГЛАВА V. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА

- ^b С. Окли, «*История сарацин*».
- ^c Эль-Макин, «*История*».
- ^d Абульфедда, *Жизнь Мухаммеда*.
- Густав Вейль, «*Пророк Мухаммед, его жизнь и учение*».
- W. C. Taylor, *The History of Mohammedanism and its Sects*.
- ^a Е. Гиббон, указ. соч.
- Абул-Фарадж, «*Династии*».
- ⁱ Эвтихий, «*Анналы*».
- ⁱ Х. Х. Милман, *Примечания к книге Гиббона «Рим»*.
- ^k Аль-Латфи, «*Истории Египта*», краткое изложение на арабском и латинском языках.
- ^l Джозеф Уайт, «*Ægyptiaca*».
- ^m Макризи, *Histoire des Sultans Mamlouks de l'Égypte*.
- Ибн Халдун, «*История зарождения народов*».
- Хаджи Халфа, *Takwim al-Tawarikh* («Пересмотр истории»).
- ^a Дж. А. Сент-Мартин, различные статьи.
- Joseph von Hammer-Purgstall, *History of the Assassins* (перевод с немецкого О. К. Вудом).
- ^s А. Л. Сильвестр де Саси, различные сочинения.

^t Ф. А. Нил, «Исламизм».

ГЛАВА VI. ОМЕЙЯДЫ

^b Ф. А. Нил, указ. соч.

^c СТАНИСЛАС ГИЯР, статья «Восточный халифат» в *Encyclopædia Britannica*.

G. WEBER, *op. cit.*

ГЛАВА VII. АРАБЫ В ЕВРОПЕ

^b «Бен-Хазил из Гранады» в *Bibliothèque Arabico-Hispanica*.

^c E. GIBBON, *op. cit.*

С. А. ДАНХЭМ, «История Испании и Португалии».

R. DOZY, *Essai sur l'histoire de l'Islamisme*.

ГЛАВА VIII. АББАСИДЫ

^b L. A. SÉDILLOT, *op. cit.*

ГЛАВА IX. УПАДОК МУСУЛЬМАН В ИСПАНИИ

^b САМПИРО, епископ Асторги, в «Regno Ordonii II» и др. (в Флоресе, *España Sagrada*).

^c S. A. DUNHAM, *op. cit.*

L. A. SÉDILLOT, *op. cit.*

ГЛАВА X. АРАБСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

^b SIMON OCKLEY, *op. cit.*

^c R. DOZY, *op. cit.*

^d АЛЕКСАНДР ФОН ГУМБОЛЬДТ, «Космос».

^e ЖИРО ДЕ ПРАНЖЕ, «Арабские и мавританские памятники».

^f EUSEBIUS OF CÆSAREA, *Life of Constantine*.

^g L. A. SÉDILLOT, *op. cit.*

ⁱ HAURÉAU, *Philosophie scholastique*.

J. E. MONTUCLA, *Histoire des Mathématiques*.

^l J. S. BAILLY, *Histoire de l'astronomie*.

^m L. VIARDOT, *Histoire des Arabes et des Maures d'Espagne*.

KIESEWETTER, *Die Musik der Araber*.

ЧАСТЬ XIII

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ И ПАПСТВА

Основанная главным образом на следующих источниках

АБУЛЬФЕДА, ШУАЗЕЛЬ Д'АЙЛКУР, БОХА АД-ДИН, ДЖЕЙМС БРАЙС,
УИЛЬЯМ ДЕНТОН, ДЖОН В. ДРЕЙПЕР, ЭЙНХАРД, ЭДУАРД ГИББОН,
ДЖ. К. Л. ГИЗЕЛЕР, ГЕНРИ ХАЛЛАМ, ГЕНРИ К. ЛИ, ДЖ. Ф. МИШО,
ЧАРЛЬЗ МИЛЛС, Х. Х. МИЛМАН, ДЖ. Л. ВОН МОШЕЙМ,
ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ, О. Дж. РАЙХЕЛЬ,
ЖЕФФРЕ ДЕ ВИЛЛЕАРДУЭН

ВМЕСТЕ С КРАТКИМ ИССЛЕДОВАНИЕМ

ЗНАЧЕНИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

АВТОР

РЕВ. УИЛЬЯМА ДЕНТОНА

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

К. БАРОНИУСА, ФИЛИППА ДЕ БОМАНУА, СТЕФАНА ДЕ БУРБОНА, И. БУРКАРДА,
П. А. БАМБИНО, ЧИАКОНИУСА, Ф. Б. КОРБО, РИЧАРДА ДЕВИЗА, И. И.
ДЁЛЛИНГЕРА, ВИКТОРА ДЮРУ, К. Ф. АЙХОРНА, К. ФЛЕРИ, ОТТО ФОН
ФРЕЙЗИНГ, ТОМАС ФУЛЛЕР, ГРЕГОРИЙ ТУРСКИЙ, ГРЕГОРИЙ ВЕЛИКИЙ
ВЕЛИКИЙ, РИЧАРД ГАРНЕТТ, ТОМАС ГРИНВУД, Г. В. Ф.
ГЕГЕЛЬ, И. Г. ФОН ГЕРДЕР, ИМАД АД-ДИН, С.

ИНФЕССИОРА, ИННОКЕНТИЙ III, ЖАН ДЕ
ЖУАНВИЛЬ, А. ЖУРДЕН, ЧАРЛЬЗ КИНГСЛИ, ЛЮТПРАНД, АНСЕЛЬМО ДИ
ЛУККА, МАКРИСИ, МАТФЕЙ ПАРИЖСКИЙ, ДЖ. БАСС МУЛЛИНГЕР, МУРАТОРИ,
ГИБЕР ДЕ НОЖЕН, Б. ПЛАТИНА, MARTINUS ПОЛОНУС, РОЖЕР ИЗ
ХОВЕДЕН, ПАУЛЬ ФОН РОТ, МАРИАН СКОТУС, СИГЕБЕРТ
ИЗ ГЕМБЛУРА, КАРЛ СПАННАГЕЛЬ, ГЕНРИ СТЕББИНГ,
ДЖ. АДДИНГТОН СИМОНДС, АНДРЕАС ТИЛ, ДЖЕФФРИ
ДЕ ВИНСАУФ, ФР. ВИЛКЕН И УИЛЬЯМ ИЗ ТИРА

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ И ПАПСТВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА

КНИГА I. — КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

<u>ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ. АВТОР: ПРЕПОДОБНЫЙ УИЛЬЯМ ДЕНТОН, МАГИСТР ИСКУССТВ.</u>	<u>311</u>
<u>КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ</u>	<u>314</u>
<u>ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ</u>	<u>320</u>
<u>ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД</u>	<u>338</u>
<u>ГЛАВА III. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД</u>	<u>358</u>
<u>ГЛАВА IV. ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД</u>	<u>379</u>
<u>ГЛАВА V. ЧЕТВЕРТЫЙ–ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ</u>	<u>410</u>
<u>ГЛАВА VI. ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ</u>	<u>431</u>
<u>ГЛАВА VII. ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ</u>	<u>467</u>
<u>ПРИЛОЖЕНИЕ А. ФЕОДАЛИЗМ</u>	<u>481</u>
<u>КРАТКИЙ СПРАВОЧНЫЙ СПИСОК АВТОРИТЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ</u>	<u>502</u>

КНИГА II. ПАПСТВО

<u>КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАПСТВА</u>	<u>503</u>
<u>ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПОДЪЕМ ПАПСТВА</u>	<u>519</u>
<u>ГЛАВА II. «НОЧЬ ПАПСТВА», ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО ОТТОНА ВЕЛИКОГО</u>	<u>555</u>
<u>ГЛАВА III. РАСЦВЕТ ПАПСТВА</u>	<u>589</u>
<u>ГЛАВА IV. ОТ ИЗГНАНИЯ К ВЕРХОВЕНСТВУ</u>	<u>623</u>
<u>КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ</u>	<u>651</u>

КНИГА I. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

АВТОР: ПРЕПОДОБНЫЙ УИЛЬЯМ ДЕНТОН, МАГИСТР ИСКУССТВ^[44]

Интерес, с которым мы продолжаем относиться к крестовым походам, по-своему столь же значителен, как и энтузиазм, который привел к их началу. Сейчас легко недооценить опасности, которые они предотвратили, и забыть об обязательствах, которые цивилизованный мир имеет перед Карлом Мартеллом, крестоносцами, доном Хуаном Австрийским и Яном Собеским; но именно этим людям мы обязаны тем, что Европа сейчас не является Болгарией, и что Италия, Франция и Англия — что все страны от Черного моря до Атлантики, от Архангельска до Сицилии — не разгромлены и не опустошены, как Сирия в данный момент. Нам нелегко понять, как недавно прекратился террор, когда-то внушаемый турками. Нам нужно помнить, что вплоть до времени Стюартов английские и ирландские проливы были заражены турецкими корсарами, а наши порты блокировались турецкими военными кораблями в поисках рабов.

Только с XVIII века в наших церквях перестали собирать деньги для выкупа английских пленников из невыносимого рабства турок. То, что такое пленение не носит национальный характер, а является лишь случайным и индивидуальным, является одним из неоценимых плодов крестовых походов. В то время, когда они были предприняты, вся Азия, от границ Китая до Босфора, подчинялась туркам; и если бы эти люди смогли перейти в Европу и удержать страны к югу от Дуная в качестве базы для военных операций на четыреста лет раньше, чем им это удалось, или в любое другое время, когда мавры Испании и Сицилии были на пике своих побед, вся Европа неизбежно попала бы под власть мусульман, а промышленный прогресс был бы остановлен, а цивилизация уничтожена. Эта опасность исчезла совсем недавно, так что в конце XVII века такой спокойный и неэмоциональный государственный деятель, как Ришелье, серьезно размышлял о возобновлении крестовых походов, чтобы предотвратить зло, которое даже тогда угрожало поглотить цивилизованный мир. Этого достаточно, чтобы снять с лидеров и организаторов крестовых походов обвинение в слепом, непродуманном фанатизме.

В XVIII веке школа историков, представленная Вольтером и Гиббоном, которая дискредитировала все великие усилия прошлого, продиктованные религиозным рвением, относилась к крестовым походам с нефилософским насмешливым пренебрежением. Это было легко. На каждой странице их истории мы сталкиваемся с плачевными последствиями народного невежества, с эгоизмом многих лидеров, с записями о личных амбициях и недостойной зависти, которые слишком часто мешали успеху этих экспедиций. Однако мы не слышим всей картины, когда слушаем рассказы о народном фанатизме, королевской неискренности, военных амбициях и папском эгоизме, которые пестрят в истории крестоносцев, так же как эти недостатки пестрили в истории Европы в то время, когда были предприняты крестовые походы. Великая, неминуемая опасность турецкого завоевания наполнила умы людей страхом, прежде чем побудила вождей объединиться для предотвращения этой опасности. Анархия, царившая в Европе в эпоху феодализма, была, по

сути, главным источником опасности при любом продвижении турецких войск, и она была в значительной степени устранена благодаря энтузиазму, переданному народом крупным землевладельцам, которые, более ревниво относясь к своей независимости, чем заботясь о своих обязательствах перед сувереном, все же чувствовали необходимость объединения и подчинения военной дисциплине в час опасности.

Первый крестовый поход был предпринят без достаточных лидеров, с минимальной подготовкой и с небольшим знанием стран, которые предстояло пересечь, и трудностей, которые предстояло преодолеть. Это было спонтанное усилие, продиктованное страхом и рвением, в котором мы можем по крайней мере убедиться в реальности страха, охватившего всех людей, и который, как мы знаем, был оправдан безжалостным характером орды, которая, покорив Азию, направлялась к попытке покорить Европу. Люди пришли к пониманию того, что турки сейчас такие же, какими они всегда были; стоит помнить и о сопутствующей истине, что по сути он всегда был тем, кем является сейчас; и когда мы вспоминаем массовые убийства прошлого века, кровавые сцены в Сцио и Алеппо, в Джидде и Ливане, в Боснии и Болгарии, мы без труда можем понять, каким он был, когда Азия лежала у его ног, а Европа была напугана слухами о его попытке пересечь Босфор.

Те, кто преуменьшает нашу обязанность перед теми, кто боролся за остановку прогресса турок, слишком часто останавливаются на некоторых примерах великодушия или милосердия, справедливости или рыцарского поведения, которые освещают страницы истории сарацин, и на основании этих примеров намекают, что турки заслуживают нашего восхищения в той же мере. Однако турки не являются арабами и никогда не проявляли той заботы об интеллектуальных поисках, которая придала блеск карьере сарацин Азии и мавров Иберийского полуострова. Напротив, история османов отмечена актами жестоких зверств, безразличием к обязательствам, взятым под клятву, а также их грубым невежеством и ненавистью ко всему интеллектуальному прогрессу; и в настоящее время признается их неполноценность по сравнению с арабами в государственном управлении, честности и интеллекте.

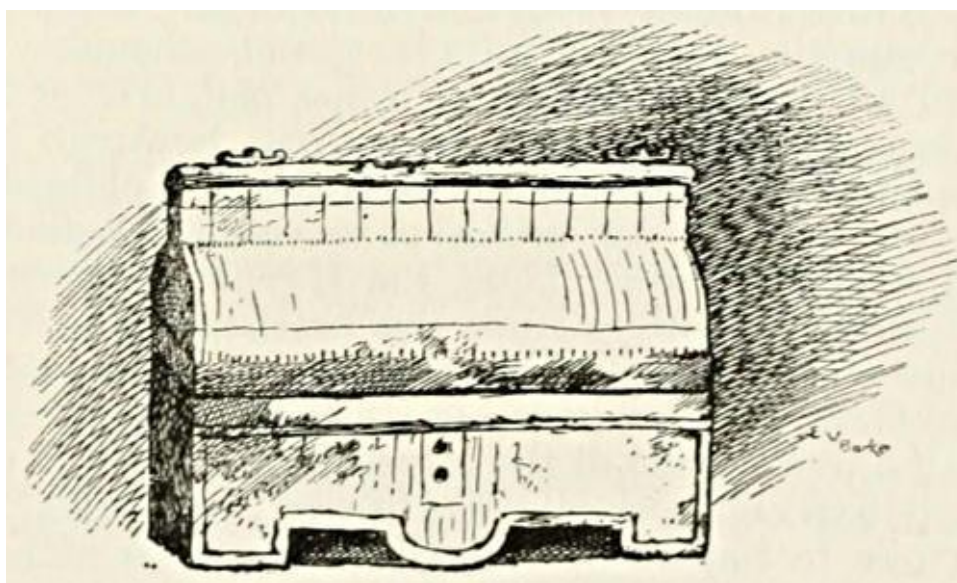
Оценивая последствия крестовых походов, читателю будет полезно принять во внимание спокойное суждение и весомые слова современного историка, который таким образом выражает нашу признательность за преданность и храбрость тех людей, чьи деяния кратко описаны здесь. «Остановив прогресс турок, — говорит г-н Шарон Тернер, — ошеломив их ударами, которые менее выносливое, фанатичное и многочисленное население не смогло бы пережить, и отсрочив их вторжение в Европу до тех пор, пока ее различные государства не превратились в компактные королевства, пока феодальная система не была существенно свергнута; пока свободное правительство и гуманизирующее право не объединили и не сконцентрировали индивидуальную энергию и самоволие в национальное единство и силу сотрудничества; пока политика не стала наукой, и пока повсюду не появился тот класс людей, которых мы одновременно почитаем и поносим (государственные деятели и политики) — крестоносцы спасли Европу от турецкого опустошения, если не от завоевания. И когда Османская империя, оправившись от угрозы, связанной с прекращением крестовых походов, с новой силой поднялась на борьбу за господство в Европе в XV, XVI и XVII веках — хотя она завоевала Грецию, захватила Венгрию, Трансильванию, Молдавию и Валахию, пыталась завоевать Россию и Польшу и угрожала Вене — остальная Европа была уже готова сопротивляться ее дальнейшему продвижению и до сих пор успешно сдерживала ее, несмотря на ее огромное население и отчаянный фанатизм, пока ее политическая слабость не стала очевидной, наступил период ее упадка и начался ее политический распад».

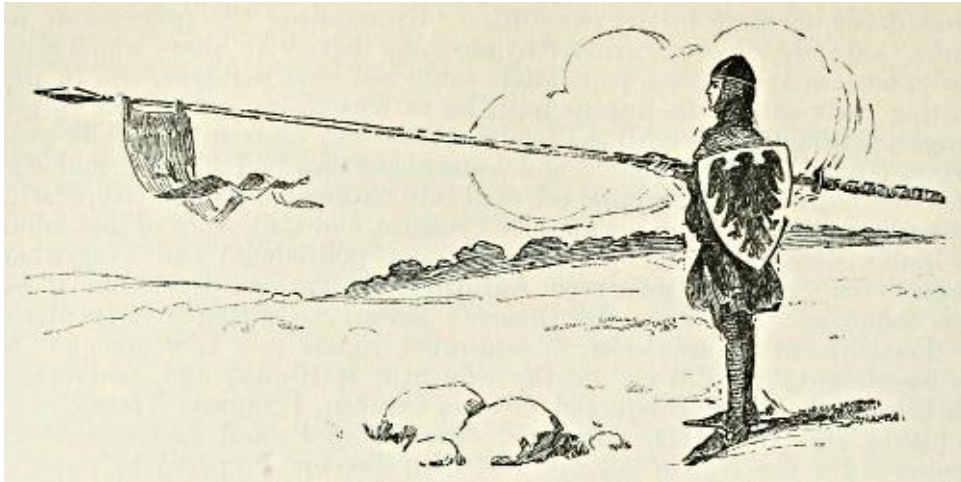
С тех пор, как были написаны эти слова, дряхлость турок усилилась, хотя их жестокость не уменьшилась; более того, в некоторых случаях периодические массовые убийства их

христианских подданных, которые всегда были характерной чертой правления этой расы, стали проводиться более систематично и с большим ужасом, чем раньше. Мы, конечно, больше не испытываем тревоги по поводу продвижения их войск и не боимся за свою безопасность. Однако из рассказов о страданиях христиан, живущих в наши дни среди турок, мы можем понять, насколько естественно было для Европы испытывать ужас перед перспективой их вторжения; а из великодушного возмущения, которое волновало сердца англичан во время массовых убийств армян, мы можем слабо понять, почему Европа была так взволнована грубой красноречивостью Петра Отшельника, когда он подробно описывал страдания христиан Малой Азии, впервые подвергшихся игу турок.

СНОСКИ

[\[44\]](#) [Перепечатано с разрешения из книги *«История крестовых походов»* У. Э. Даттона, к которой данный текст является введением.]

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

[1096-1291 гг. н. э.]

Паломничества в Иерусалим, которые были распространены с самых ранних веков христианства, стали очень частыми в начале XI века. Тогда широко распространилось мнение, что конец света близок, что побудило огромное количество христиан продать свои владения в Европе, чтобы отправиться в Святую Землю и там ждать пришествия Господа. Пока арабы были хозяевами Палестины, они защищали эти паломничества, от которых получали немалую выгоду. Но когда сельджукские турки, варварский и жестокий народ, завоевали эту страну (1075 г.) под властью халифов Египта, паломники оказались подвержены всевозможным оскорблениям и угнетениям. Их печальные рассказы об этих надругательствах по возвращении в Европу вызвали всеобщее возмущение и породили романтическую идею изгнать этих неверных из Святой Земли.

Григорий VII был инициатором этого грандиозного плана. Он направил циркулярные письма всем правителям Европы и пригласил их принять участие в общем крестовом походе против турок. Однако в то же время более насущные интересы и его споры с императором Генрихом IV заставили его отложить запланированное предприятие; но вскоре его внимание вновь привлекло выступление паломника по имени Петр Отшельник, уроженца Амьена в Пикардии. Вооруженный письмами патриарха Иерусалимского к папе и князьям Запада, этот горячий фанатик пересек всю Италию, Францию и Германию, повсюду проповедуя и в самых ярких красках описывая осквернение святых мест и бедственное положение христиан и бедных паломников в Святой Земле. Ему не составило труда передать другим фанатизм, которым он сам был одушевлен. Его рвение было мощно поддержано папой Урбаном II, который лично отправился во Францию, где созвал Клермонтский собор (1095 г.) и произнес перед полным собранием патетическую речь, по окончании которой они единодушно приняли решение о Священной войне. Было постановлено, что все, кто запишется в эту священную армию, должны носить красный крест на правом плече; что они должны пользоваться полным отпущением грехов и получить прощение всех своих грехов.

С тех пор с амвонов Европы раздавались призывы к крестовым походам. Люди всех сословий и положений стекались толпами, чтобы принять знак креста, и в следующем году бесчисленные отряды крестоносцев из разных стран Европы один за другим отправлялись в этот поход на Восток. Единственным исключением были немцы, которые слабо участвовали в этом всеобщем энтузиазме из-за споров, которые тогда существовали между императором

и римским двором. Первые три или четыре отряда крестоносцев [насчитывавшие около 273 000 человек под руководством Петра Отшельника, Вальтера де Пексехо и Вальтера Бедняка] шли без порядка и дисциплины, грабя, сжигая и опустошая страны, через которые проходили. Большинство из них погибли от усталости, голода или болезней, либо от меча разъяренных народов, чьи территории они опустошили. [Четыре тысячи человек, перешедших Босфор, были уничтожены Килидж Арсланом, султаном Рума, или Икониума]. На смену этим невоинственным и недисциплинированным войскам пришли регулярные армии под командованием опытных офицеров и могущественных князей: начались собственно крестовые походы.^[45]

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1096-1099 гг. н. э.)

1096 Хорошо организованная армия численностью 200 000-300 000 человек выдвигается по разным маршрутам. Ее лидерами являются:

- (1) Годфри де Буйон — герцог Нижней Лотарингии, со своими братьями (2) Бодуэном, (3) Эсташем.
- (4) Роберт, герцог Нормандии, сын Вильгельма Завоевателя.
- (5) Роберт, граф Фландрии.
- (6) Стефан, граф Шартра.
- (7) Раймонд IV, граф Тулузский.
- (8) Хью де Вермандуа.
- (9) Боэмунд, герцог Тарентский.
- (10) Танкред, его племянник.

Прибыв в Константинополь, все, кроме Раймона, приносят дань уважения императору Алексею Комнину. Переправившись через Босфор, они вторгаются на территорию Килидж-Арслана, султана Рума, или Икония.

1097 год. С помощью крестоносцев Алексей отвоевывает Никею. Победа крестоносцев при Дориле. Начинается осада Антиохии. Балдуин и Танкред вступают в частную войну из-за вопроса о приоритете своих знамен. Балдуин выводит свои войска из армии и, отвечая на призыв о помощи от греческого или армянского правителя Эдессы, отправляется туда, становится ее владыкой и основывает латинское графство Эдесса (см.).

1098 Сдача Антиохии, преданной Боэмунду армянином Фирузом. Кербоба, эмир Мосула, осаждают крестоносцев в Антиохии, но терпит поражение и отступает. Крестоносцы отдыхают в Антиохии и ссорятся между собой.

1099 Осада и захват Иерусалима. Основание Иерусалимского королевства (см.). Основание графства Антиохия (см.) с Боэмоном во главе.

ИЕРУСАЛИМСКОЕ ЦАРСТВО (1099-1291 гг. н. э.)

1099 год **Годфри де Буйон** избран королем Латинского королевства Иерусалимского. Он принимает законы для его управления. Основан военный орден госпитальеров. Он наносит поражение фатимидам при Аскалоне.

- 1100 Смерть Годффри. Его брат, **Балдуин I**, вызван из Эдессы и провозглашен королем.
- 1101 г. Большое войско крестоносцев во главе с Вельфом Баварским и Вильгельмом Аквитанским прибывает в Малую Азию, но уничтожается и рассеивается Килидж Арсланом, не успев достичь Иерусалима, вместе с другим войском, прибывшим годом ранее. Смерть Стефана Шартрского в Рамле.
- 1104 Год. Балдуин отбивает Акру (Птолемаис) у турок. Турки терпят неудачу в попытке отвоевать Иерусалим. Смерть Раймона Тулузского.
- 1109 Год. Бодуэн с помощью венецианского флота захватывает Триполис. Затем он берет Беритус и Сидон.
- 1118 Смерть Балдуина. Его двоюродный брат, **Балдуин (II) де Бург** из Эдессы, становится его преемником. Орден тамплиеров основан сэром Хью де Пагано.
- 1119 Год. Балдуин наносит поражение туркам при Антиохии. Император Иоанн Комнин одерживает победу над рыцарями-госпитальерами на Меандере.
- 1122 Сарацины берут Болдуина в плен.
- 1124 Завоевание Тира крестоносцами при помощи венецианцев. Последним отводится треть города.
- 1127 Балдуин выкуплен. Он нападает на Алеппо и терпит поражение.
- 1131 Смерть Болдуина после поражения под Дамаском. Он завещает королевство своему зятю Фульку Анжуйскому.
- 1144 Смерть Фулька в результате несчастного случая. Его молодой сын, **Балдуин III**, становится преемником под регентством королевы Мелузины.
- 1148 Второй крестовый поход осаждает Дамаск и Аскалон, но не может их взять.
- 1149 г. Разгром христиан Нура ад-Дином под Оронтом.
- 1153 Захват Аскалона Бодуэном III. Нур ад-Дин захватывает Иерусалим.
- 1162 Смерть Балдуина. Его брат **Альмерик** или **Амори I** становится преемником.
- 1168 Альмерик вторгается в Египет. Захват и разграбление Гелиополиса. Он терпит поражение от генералов Ширкуха и Саладина.
- 1173 Смерть Альмерика. Его молодой сын, **Бодуэн IV**, страдающий проказой, становится преемником под опекой графа Раймунда III из Триполиса.
- 1183 Год. Болезнь заставляет Балдуина IV отречься от престола в пользу своего младшего племянника, **Балдуина V**, который по-прежнему находится под опекой Раймунда.
- 1186 Смерть Бодуэна V. Его мать, **Сибилла**, сестра Бодуэна IV, наследует корону, которую она делит со своим мужем, **Ги де Лузиньяном**.
- 1187 Саладин нападает на Иерусалимское королевство. Великое поражение и пленение Ги в Тивериаде. Саладин захватывает Иерусалим, а затем осаждает Тир, откуда его отбивает Конрад Монферратский.
- 1188 Освобождение Ги, который отказывается от своих прав в пользу Саладина. Конрад защищает Триполис.
- 1189 г. Начинается Третий крестовый поход. Ги осаждает Акру при поддержке флота датчан, фризов и фламандцев.

- 1191 Завоевание Кипра Ричардом Львиное Сердце по пути в Святую Землю. Он присоединяет его к Иерусалимскому королевству. Капитуляция Акры. Поражение Саладина при Азоте. Йоппа и Аскалон сдаются христианам. Убийство Конрада Монферратского, который благодаря браку с сестрой Сибиллы, Изабеллой, приобрел право на престолонаследие. Основание ордена тевтонских рыцарей.
- 1192 Изабелла выходит замуж за **Генриха Шампанского**, которому Ги уступает свой титул, сохраняя за собой титул короля Кипра.
- 1193 После смерти Саладина его сыновья отдают Акру рыцарям Святого Иоанна — отсюда название Сент-Джон-д'Акр.
- 1194 Смерть Ги де Лузиньяна. Его брат Альмерик становится королем Кипра.
- 1196 Смерть Генриха. Его вдова выходит замуж за **Альмерика (II) де Лузиньяна**, который воссоединяет королевства Кипра и Иерусалима.
- 1206 Смерть Альмерика. Его сын, Уго I, становится королем Кипра. Иерусалим переходит к **Марии**, дочери Изабеллы и Конрада Монферратского.
- 1210 Мария выходит замуж за **Жана де Бриенна**, который становится королем Иерусалима.
- 1217 Турки отбирают Иерусалим у сарацин.
- 1218 Жан де Бриенн ведет христиан в Египет и
- 1219 году захватывает Дамьетту.
- 1221 Разгром христианской армии в Египте. Турки отвоевывают Дамьетту.
- 1225 Император Фридрих II объявляет, что Жан де Бриенн после смерти Марии не имеет права на его титул, и что он принадлежит ему, поскольку он женился на Иоланде, дочери Марии.
- 1228 После многих задержек Фридрих отправляется в Святую Землю.
- 1229 **Фридрих II** заключает договор с султаном Маликом аль-Камилем, по которому он возвращает Иерусалим и другие города. Он признается королем Иерусалима.
- С этого момента (см. Седьмой, Восьмой и Девятый крестовые походы) христианское королевство в Палестине можно считать частью Священной Римской империи до 1291 года, когда султан Халил захватывает Акру и изгоняет последних христиан из Сирии.

ГРАФСТВО АНТИОХИЯ (1099-1268 гг. н. э.)

Вассальное государство Иерусалимского королевства, основанное в 1099 году крестоносцами во главе с **Боэмундом Тарентским**. Боэмунд был пленен турками (1105), и Танкред отправился в Антиохию, чтобы править. Боэмунд был освобожден в следующем году. Император Алексей претендует на Антиохию, но Боэмунд успешно сопротивляется ему. Он отправляется в Европу и после различных приключений умирает там в 1111 году. Танкред умирает в следующем году. В течение восьми лет княжество было объединено с Иерусалимским королевством, но в 1126 году Бодуэн II Иерусалимский передал его **Боэмунду II**. **Боэмунд III** правил с 1162 по 1201 год. Некоторые князья Антиохии правили благодаря праву своих жен на престол. В 1268 году Бибарс, султан Египта, захватил Антиохию, и княжество прекратило свое существование.

ГРАФСТВО ТРИПОЛИС (1109-1289 гг. н. э.)

Вассальное государство или графство Иерусалимского королевства с 1109 года, когда город Триполи был захвачен крестоносцами, а во главе его был поставлен **Раймонд Тулузский**. Христиане правили до 1289 года, когда графство попало в руки султана Египта Калауна, который разрушил город.

ГРАФСТВО ЭДЕССА (1097-1146 гг. н. э.)

В 1097 году **Бодуэн I**, брат Годфри де Буйон, в результате ссоры с Танкредом покидает основные силы крестоносцев, завоевывает Эдессу и основывает вассальное государство с таким же названием.

1100 Бодуэн, ставший королем Иерусалима, отдает Эдессу своему двоюродному брату **Бодуэну (II) де Бургу**.

1118 Бодуэн II становится королем Иерусалима, а **Жоселин (I) де Куртенэ** занимает его место в графстве Эдесса. Он одерживает много побед над сарацинами.

1131 год. **Джоселин II** становится преемником.

1144 Захват Эдессы Зенки, эмиром Мосула.

1146 год. Жоселин отвоевывает Эдессу, но в том же году Нур ад-Дин, сын и преемник Зенки, вновь захватывает и разрушает ее. Конец графства Эдесса. В связи с этим событием проповедует Бернард Клервоский.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1147-1149 гг. н. э.)

1146 На соборе в Везеле Луи VII Французский принимает крест; император Конрад III следует его примеру несколько месяцев спустя.

1147 Армии Конрада и Людовика выходят соответственно из Ратисбона и Меца, проходя через Венгрию в Малую Азию. Немецкая армия, идущая впереди, почти полностью уничтожена во Фригии из-за предательства византийского императора Мануила Масудом I, султаном Рума. Конрад с остатками своих войск присоединяется к французской армии вдоль побережья.

1148 Неудачная попытка Второго крестового похода захватить Дамаск и Аскалон. Конрад, страдающий плохим здоровьем, возвращается в Константинополь, а оттуда — в Германию.

1149 год. Людовик возвращается во Францию. Бернарда обвиняют в провале крестового похода.

ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1189-1192 гг. н. э.)

Катастрофическое поражение и пленение Ги де Лузиньяна в Тивериаде Саладином, а также захват Иерусалима последним (1187 г.) вновь пробуждают дух крестоносцев. Григорий VIII призывает к новому крестовому походу.

1188 г. Вильгельм, архиепископ Тира, убеждает Генриха II Английского и Филиппа Августа Французского принять крест.

- 1189 Смерть Генриха. Ричард (I) Львиное Сердце с энтузиазмом продолжает дело своего отца. Император Фридрих (I) Барбаросса отправляется с армией через Венгрию. Он проводит зиму в Адрианополе.
- 1190 Фридрих достигает Малой Азии с помощью Исаака Ангела и захватывает Иконию. Внезапная смерть Фридриха. Его сын, Фридрих Швабский, ведет крестоносцев в Акру, которую осаждают Ги де Лузиньян, вновь обретший свободу. Ричард и Филипп Август отправляются по морю в Святую Землю. Они проводят зиму на Сицилии, ссорятся и мирятся.
- 1191 Ричард останавливается на Кипре и завоевывает его по пути в Святую Землю. Ричард и Филипп прибывают в Акру. Смерть Фридриха Швабского во время осады. Капитуляция Акры. Договор с Саладином, обязывающий его сдать истинный крест и выплатить крупную сумму. Филипп ссорится с Ричардом и возвращается во Францию.
- 1192 Ричард предпринимает неудачную попытку захватить Иерусалим. Он освобождает Иоппу и заключает перемирие с Саладином, дающее паломникам право на короткое время посещать Иерусалим без преследований. Ричард отплывает в Англию. Терпит кораблекрушение у Аквилеи. Захвачен недалеко от Вены Леопольдом, герцогом Австрии, который сдает его (1193) императору Генриху VI. Генрих заключает его в тюрьму, но в 1194 году он освобождается за большой выкуп и возвращается в Англию.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1195-1198 гг. н. э.)

- Рыцари Святого Иоанна начинают в 1193 году организовывать крестовый поход. Их поддерживает папа Целестин III, который надеется, что проблемный император Генрих VI будет склонен принять в нем участие. Генрих также продвигает этот проект, но не имеет намерения участвовать в нем.
- 1195 Генрих использует одну из дивизий крестоносцев для завоевания королевства Сицилия. Две другие дивизии отправляются в Сирию.
- 1196 г. Разгром турок между Тиром и Сидоном.
- 1197 г. Крестоносцы осаждают крепость Торон, но, узнав о приближении египетской армии, совершают позорное отступление.
- 1198 Сарацины захватывают Иоппу. Граф Монфор заключает с сарацинами трехлетнее перемирие. Лидеры крестоносцев возвращаются в Европу.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1201-1204 гг. н. э.)

- Папа Иннокентий III после своего избрания (1198) при содействии Фулька де Нейи проповедует новый крестовый поход.
- 1201 Компания организована Симоном де Монфором, Вальтером де Бриенном и Жоффре де Вильардуэном. Лидером избран Бонифаций Монферратский. Отряд отправляется в Венецию. Договор между Венецией и лидерами о транспортировке. Не имея возможности выплатить требуемую сумму, дож Дандоло соглашается перечислить недостающую сумму, если крестоносцы захватят для него город Зара, отнятый у Венеции королем Венгрии.

- 1202 г. В Венецию прибывает Алексей, сын свергнутого императора Исаака, с которым крестоносцы договариваются восстановить Исаака на престоле. Несмотря на протесты Иннокентия, флот отправляется в Зару, которая захватывается и передается Венеции.
- 1203 г. Крестоносцы направляются в Константинополь. Алексей III, правящий император, тщетно пытается договориться с ними. Бегство Алексея. Крестоносцы входят в Константинополь. Исаак II и Алексей IV восстановлены на престоле. Постоянные трения между императором и крестоносцами приводят
- 1204 году ко второму захвату Константинополя. Правящая семья изгнана. Основание Латинской империи Румынии и других государств. (См. «История Восточной империи».)

ДЕТСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1212 г. н. э.)

По-видимому, возник из идеи, что главной причиной неудачи крестовых походов была греховность паломников. Только невинные и чистые могли выполнить эту миссию. В 1212 году тридцать тысяч мальчиков и девочек вышли под предводительством мальчика Стефана, а двадцать тысяч из Германии — под предводительством Николая, крестьянского мальчика. Большинство из них погибли в пути, а остальные были проданы в рабство.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1217-1229 гг. н. э.)

- Когда в 1215 году Иннокентий III коронуется Фридриха II императором, он вынуждает Фридриха пообещать провести крестовый поход, но тот, видя в действиях папы план перехитрить его в надвигающейся борьбе между императором и папой, откладывает свой отход.
- 1217 г. Андрей II Венгерский, подстрекаемый Гонорием III, преемником Иннокентия, отправляется в Иерусалим. К нему присоединяется король Кипра. Крестоносцы посещают Тир, Сидон, Акру и Триполис, но сарацины наносят им такой ущерб, что Андрей возвращается в Венгрию.
- 1218-1221 Экспедиция Жана де Бриенна в Дамьетту. (См. «Иерусалимское королевство»).
- 1228 Фридрих II, после многочисленных споров с папой, отправляется в Иерусалим, на престол которого он претендует благодаря своему браку с Иоландой.
- 1229 Фридрих заключает договор с султаном Камилем, получая Иерусалим и другие места. Фридрих коронуется себя королем Иерусалима и возвращается в Европу.

СЕДЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1239-1240 гг. н. э.)

- Григорий IX проповедует новый крестовый поход (1238). В том же году умирает султан Камиль.
- 1239 Король Наварры Тибо возглавляет армию в Палестине, чтобы нарушить перемирие, заключенное между Камилем и тамплиерами. Сыновья Камилля побеждают его и захватывают Иерусалим.

1240 Ричард, граф Корнуоллский, отправляется в Акру и получает предложение о мире от султана Египта. Иерусалим и другие места в Палестине возвращаются христианам. Ричард возвращается в Англию.

ВОСЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1248-1254 гг. н. э.)

В 1244 году Иерусалим захватывают хорезмийцы, изгнанные из своей страны Чингисханом. Это приводит к новому крестовому походу. Людовик IX Французский, находясь в состоянии болезни, клянется возглавить армию против хорезмийцев.

1248 г. Отправление Людовика и его крестоносцев. Он зимует на Кипре.

1249 г. Людовик продвигается в Египет и захватывает Дамьетту. Затем он отправляется в Каир.

1250 Битва при Мансуре. Поражение и пленение Людовика Туран-шахом, султаном Египта. Людовик освобождается в обмен на возвращение Дамьетты и обещание воздерживаться от дальнейших военных действий. Крестоносцы возвращаются в Сен-Жан-д'Акр. Людовик остается в Сирии на четыре года, укрепляя Акру и другие города, и

в 1254 году возвращается во Францию.

ДЕВЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1270-1272 гг. н. э.)

В 1260 году мамелюки после смерти своего султана Ибега выбирают Бибара его преемником. Этот энергичный воин сразу же изгоняет хорезмийцев из Сирии и отнимает у них Дамаск и Иерусалим. Затем он приступает к истреблению христиан в Сирии, в результате чего к 1267 году планируется новый крестовый поход. Среди тех, кто взял на себя крест, были Людовик IX Французский и принц Эдуард Английский.

1268 г. Антиохия сдается Бибару без осады.

1270 После многих трудностей с набором армии крестоносцы отправляются в Святую Землю. Остановившись на Сардинии, Людовик меняет свои планы и направляется против короля Туниса. Вскоре после прибытия туда вспыхивает чума, и Людовик умирает. Король Неаполя Карл прибывает и заключает перемирие с тунисцами, которые платят ему дань. Весь флот возвращается в Европу и терпит крушение у побережья Сицилии. Карл грабит французские и генуэзские корабли. Принц Эдуард оставляет французов в Тунисе и направляется в Акру.

1271 Эдуард осаждает Акру Бибаром. Эдуард изгоняет мамелюков и захватывает Назарет. Предпринимается попытка убийства Эдуарда.

1272 Эдуард заключает десятилетнее перемирие с Бибаром и возвращается в Европу.

1274 Григорий X терпит неудачу в попытке начать новый крестовый поход. Бибарс и его преемники, Калаун и Халил, продолжают процесс истребления христиан.

1289 Триполи захвачен. Акра — последнее важное владение христиан. Мамелюки заключают договор с королем Кипра.

1291 Халил захватывает Акру. Тир, Беритус и другие города подчиняются. Последние владения христиан в Святой Земле покинуты. Планируются новые крестовые походы, но они так и не осуществляются. Военные ордена в конце концов упраздняются.

СНОСКИ

[45] [Из книги «Революции в Европе: исторический обзор европейских наций от падения Западной Римской империи до отречения Наполеона». Автор — Кристофер В. Кох, бывший профессор публичного права в Страсбурге. Перевод с французского — Эндрю Кричтон. Второе издание, Лондон, 1839 г.]

ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

«Бог так хочет», — восклицает все собрание;

Крик, который поражает восторженную толпу!

Отвечают крыша собора и башни Клермона;

«Бог того хочет!» — эхом разносится от холма к холму,

И в потрясенных странах, ближних и дальних,

Через «полый свод природы» раздается этот голос.

—Уордсворт.

[306-1096 гг. н.э.]

В истории Средневековья нет более впечатляющего зрелища, чем крестовые походы, в которых можно увидеть, как народы Азии и Европы вооружаются друг против друга, две религии борются за превосходство и спорят за власть над миром. После нескольких угроз со стороны мусульман и длительного периода вторжений, Запад вдруг пробуждается и, по выражению греческого историка (Анна Комнина), как будто вырывается из своих оснований, чтобы обрушиться на Азию. Все народы отказываются от своих интересов и соперничества и видят на земле только одну страну, достойную амбиций завоевателей. Можно было бы подумать, что во вселенной больше не существует никакого другого города, кроме Иерусалима, и никакого другого обитаемого места на земле, кроме того, где находится гробница Иисуса Христа. Все дороги, ведущие к Святому городу, залиты кровью и представляют собой лишь разбросанные трофеи и обломки империй.

В этом всеобщем хаосе мы можем наблюдать самые возвышенные добродетели, смешанные со всеми беспорядками самых диких страстей. Христианские воины должны одновременно бороться с голодом, влиянием климата и самыми грозными врагами; в самых

больших опасностях, среди своих успехов и постоянных разногласий, ничто не может истощить ни их настойчивость, ни их смирение. После четырех лет усталости, страданий и побед Иерусалим захвачен крестоносцами; но поскольку их завоевания не являются результатом мудрости и благоразумия, а плодом слепого энтузиазма и неверно направленного героизма, они создают лишь временную власть.

Знамя креста вскоре переходит из рук Годфрида Бульонского в руки его слабых и недалеких преемников. Иерусалим, теперь уже христианский город, вынужден вновь обращаться за помощью к Западу. Под ным голосом святого Бернарда христиане берут в руки оружие. Во главе с императором Германии и королем Франции они спешат на защиту Святой Земли, но среди них больше нет великих полководцев, у них нет великодушия и героического самоотвержения их отцов. Азия, которая без страха наблюдает за их приходом, уже представляет собой новое зрелище. Ученики Мухаммеда пробуждаются от своей апатии; их сразу же охватывает такое же безумие, какое вооружило их врагов; они противопоставляют энтузиазм энтузиазму, фанатизм фанатизму и, в свою очередь, горят желанием пролить свою кровь в религиозной войне.

[1147-1532 гг. н. э.]

Дух раздора, который разрушил их власть, больше не ощущается, кроме как среди христиан. Роскошь и нравы Востока ослабляют мужество защитников креста и заставляют их забыть даже цель священной войны. Иерусалим, который стоил крестоносцам столько крови, снова попадает во власть неверных и становится завоеванием мудрого и воинственного князя, который объединил под своим знаменем силы Сирии и Египта.

Гений и удача Саладина наносят смертельный удар по неуверенной власти христиан на Востоке. Напрасно император Запада и два короля, прославившиеся своей храбростью, ставят себя во главе всех сил своих государств, чтобы освободить Палестину; эти новые армии крестоносцев повсюду сталкиваются с храбрыми врагами и непреодолимыми преградами, и все их совместные усилия приносят только громкие поражения. Королевство Иерусалимское, за руины которого они сражаются, становится лишь пустым именем; вскоре даже пленение и страдания Святого города перестают вызывать у христиан чувства благочестия и энтузиазма, которые они породили. Крестоносцы, взявшихся за оружие для его освобождения, поддаются соблазну богатств Греции и останавливаются, чтобы предпринять завоевание Константинополя.

С этого момента дух крестоносцев начинает меняться; в то время как небольшое число христиан по-прежнему проливает кровь за освобождение гробницы Иисуса Христа, князья и рыцари не слышат ничего, кроме голоса амбиций. Папы завершают разложение истинного духа крестоносцев, подталкивая их своими проповедями к борьбе против других христиан и против своих личных врагов. Священные войны затем перерастают в гражданские войны, в которых оскорбляются как религия, так и человечество.

Эти злоупотребления крестовых походов и страшные страсти, смешавшиеся с ними, погружают Европу в беспорядки и анархию; тогда благочестивый король вновь берется вооружить силы Запада против неверных и возродить среди крестоносцев дух, который одухотворял сподвижников Годфрида. Две войны, возглавленные этим благочестивым вождем, оказываются более неудачными, чем все остальные. В первой из них мир становится свидетелем зрелища плененной армии и короля в кандалах, во второй — могущественного монарха, умирающего в пепле. Тогда иллюзия исчезает, и Иерусалим перестает привлекать все внимание Запада.

Вскоре после этого облик Европы изменился; интеллект рассеял варварство; крестовые походы больше не вызывали прежнего энтузиазма, и первым результатом распространяющейся цивилизации стало ослабление фанатизма, породившего их. Иногда предпринимались бесполезные попытки разжечь огонь, который так ярко горел в Европе и Азии. Нации настолько полностью оправились от благочестивого бреда крестовых походов, что когда Германия оказалась под угрозой мусульман, владевших Константинополем, под знаменем креста с трудом удалось собрать армию; и Европа, которая поднялась массово, чтобы атаковать неверных в Азии, оказывает им лишь слабое сопротивление на своей территории.

Такова, в нескольких словах, картина событий и революций, которые должен описать историк крестовых походов.

Сейчас не требуется большой проницательности, чтобы обнаружить в наших древних хрониках, что является вымыслом, а что нет. Гораздо сложнее в некоторых вопросах согласовать частые противоречивые утверждения латинян, греков и сарацин и отделить в истории крестовых походов то, что относится к религиозному фанатизму, политике или человеческим страстям.

В эпоху, когда мнению о крестовых походах придается некоторое значение, в первую очередь будет задан вопрос, были ли войны крестоносцев справедливыми. На этот вопрос у нас есть лишь небольшой ответ. В то время как крестоносцы верили, что, нападая на сарацин на Востоке, они подчиняются самому Богу, последние, которые вторглись в часть Азии, принадлежавшую христианам, захватили Испанию, угрожали Константинополю, побережью Италии и нескольким странам Запада, не упрекали своих врагов в ведении несправедливой войны и оставляли на усмотрение судьбы и победы решение вопроса, почти всегда бесполезного.

Здесь мы сочтем более важным рассмотреть, в чем заключалась причина и природа этих далеких войн и каково было их влияние на цивилизацию. Крестовые походы были вызваны религиозным и военным духом, царившим в Европе в средние века. Любовь к оружию и религиозный пыл были двумя доминирующими страстями, которые, смешиваясь каким-то образом, придавали друг другу взаимную энергию. Эти два великих принципа, объединившись и действуя совместно, породили священную войну и привели к тому, что среди крестоносцев доблесть, самоотверженность и героизм характера достигли наивысшей степени совершенства. Некоторые писатели не видели в этих великих походах ничего, кроме самых прискорбных эксцессов, не принесших никакой пользы последующим векам; другие, напротив, утверждают, что мы обязаны им всеми благами цивилизации. В настоящее время не в наших силах рассмотреть эти два противоречивых мнения. Не веря, что священные войны принесли либо все добро, либо весь вред, которые им приписывают, следует признать, что они были источником горькой скорби для поколений, которые их видели или принимали в них участие; но, подобно бедам и бурям человеческой жизни, которые делают человека лучше и часто способствуют прогрессу его разума, они способствовали опыту народов; и можно сказать, что, после того как они на время серьезно всколыхнули и потрясли общество, в конце концов они значительно укрепили его основы. Это мнение, лишенное всякого духа преувеличения или систематичности, пожалуй, покажется наиболее разумным.

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА

С самых ранних веков существования церкви существовал обычай совершать паломничества в Святую Землю. Иудея, полная религиозных воспоминаний, по-прежнему оставалась землей обетованной для верующих; благословения небес, казалось, ждали тех, кто посещал Голгофу, гробницу Иисуса Христа и обновлял свое крещение в водах Иордана. При правлении Константина страсть к паломничествам среди верующих усилилась; они стекались со всех провинций империи, чтобы поклониться Иисусу Христу у его могилы и проследить путь своего Бога в том городе, который только что восстановил свое имя и который благочестие императора вывело из руин. Гробница Господня предстала перед глазами паломников в окружении великолепия, которое удвоило их почитание. Незаметная пещера превратилась в мраморный храм, вымощенный драгоценными камнями и украшенный великолепными колоннадами. К востоку от Гроба Господня возвышалась церковь Воскресения, в которой они могли любоваться богатствами Азии, смешанными с искусством Греции и Рима. Константин отпраздновал тридцать первый год своего правления открытием этой церкви, и тысячи христиан прибыли на эту торжественную церемонию, чтобы послушать панегирик Христу из уст ученого и святого епископа Евсевия.

[335-493 гг. н. э.]

Святая Елена, мать императора, в очень преклонном возрасте отправилась в Иерусалим и велела построить церкви и часовни на горе Фавор, в городе Назарете и в большинстве мест, которые Христос освятил своим присутствием и чудесами. С этого периода паломничества в Святую Землю стали гораздо более частыми. Паломники, больше не опасаясь преследований со стороны язычников, могли теперь без страха предаться своему рвению в поклонении; римские орлы, украшенные крестом Иисуса Христа, защищали их на пути; они повсюду топтали ногами осколки идолов и путешествовали среди обитателей своих братьев-христиан.

ФРАНЦУЗСКИЙ КРЕСТОНОСЕЦ

Когда император Юлиан, стремясь ослабить авторитет пророчеств, предпринял восстановление храма иудеев, произошло множество чудес, с помощью которых Бог сорвал его планы, и Иерусалим, благодаря этой попытке, стал еще более дорогим для последователей Иисуса Христа. Христиане не переставали посещать Палестину. Святой Иероним, который в конце IV века удалился в Вифлеем, сообщает нам в одном из своих писем, что паломники прибывали толпами в Иудею и что вокруг святой гробницы слышались хвалы Сыну Божьему, произносимые на многих языках. С этого периода паломничества в Святую Землю были настолько многочисленны, что несколько докторов и отцов церкви сочли своим долгом указать на злоупотребления и опасность этой практики. Они говорили христианам, что долгие путешествия могут отвлечь их от пути спасения, что их Бог не ограничен одним городом, что Иисус Христос везде, где есть вера и добрые дела, но слепое рвение, которое тогда привлекало христиан к Иерусалиму, было настолько сильным, что голос святых докторов едва слышался. Как только люди Запада обратились в христианство, они обратили свой взор на Восток. Из глубин Галлии, из лесов Германии, из всех стран Европы новые христиане спешили посетить колыбель веры, которую они приняли.

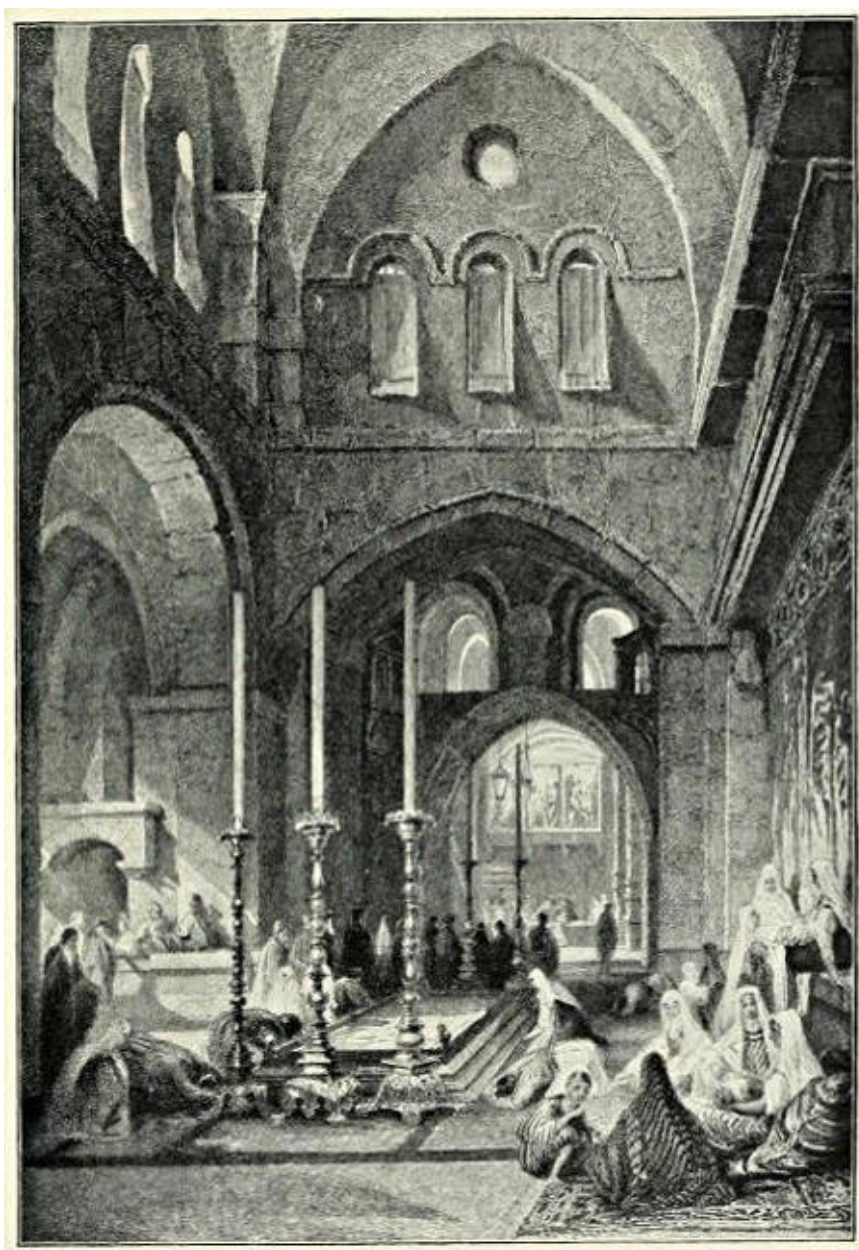
[493-750 гг. н. э.]

Когда мир был разорен готами, гуннами и вандалами, паломничества в Святую Землю не прерывались. Набожные путешественники были защищены гостеприимством варваров, которые начали уважать крест Христа и иногда даже следовали за паломниками в Иерусалим. В эти смутные и беспокойные времена бедный паломник, несущий свой рюкзак и посох, часто проходил через поля сражений и без страха путешествовал среди армий, угрожавших империям Востока и Запада.

Знатные семьи Рима приезжали искать убежища в Иерусалиме, у могилы Иисуса Христа. Христиане обрели на берегах Иордана тот мир, который, казалось, исчез из остального мира. Этот мир, длившейся несколько веков, не нарушался до правления Ираклия. При нем армии Хосрова, царя Персии, вторглись в Сирию, Палестину и Египет; Святой город попал в руки поклонников огня; завоеватели увезли в плен огромное количество христиан и осквернили церкви Иисуса Христа. Все верующие оплакивали несчастья Иерусалима и проливали слезы, когда узнали, что царь Персии унес среди трофеев побежденных крест Спасителя, который хранился в церкви Воскресения. Ираклий, после десяти лет неудач, одержал победу и вернул в Иерусалим христиан, чьи цепи он разорвал. Тогда можно было увидеть императора Востока, идущего босиком по улицам Святого города, несущего на плечах к вершине Голгофы дерево истинного креста, которое он считал самым славным трофеем своих побед.

Но радость верующих была недолгой. В начале VII века в неизвестном уголке Азии возникла новая религия, противостоящая всем другим, проповедовавшим господство и войну. Мухаммед обещал завоевание мира своим ученикам, которые вышли почти голыми из пустынь Аравии. Своей страстной доктриной он сумел воспламенить воображение арабов, а на поле битвы умел вдохновлять их своим собственным стремительным мужеством. Его первые успехи, которые, должно быть, значительно превзошли его надежды, были подобны чудесам, укрепляя уверенность его сторонников и убеждая слабых и колеблющихся. После смерти пророка из Мекки его лейтенанты и сподвижники, участвовавшие в его первых подвигах, продолжили его великое дело.

В ходе первых завоеваний сарацины обратили свой взор на Иерусалим. Согласно вере мусульман, Мухаммед побывал в городе Давида и Соломона; именно из Иерусалима он отправился в ночное путешествие, чтобы вознестись на небеса. Сарацины считали Иерусалим домом Бога, городом святых и чудес. Христиане с горечью наблюдали, как церковь Гроба Господня осквернялась присутствием вождя неверных. Хотя Омар оставил им право исповедовать свою веру, они были вынуждены скрывать свои кресты и священные книги. Халиф приказал построить мечеть на месте, где был построен храм Соломона. Между тем присутствие Омара, чьей умеренностью гордится Восток, сдерживало ревнивый фанатизм мусульман. После его смерти верующие были вынуждены терпеть гораздо больше страданий: их изгоняли из своих домов, оскорбляли в церквях; дань, которую они должны были платить новым хозяевам Палестины, была увеличена, и им запретили носить оружие и ездить верхом. Кожаный пояс, без которого им никогда не разрешалось обходиться, был знаком их рабства; завоеватели не позволяли христианам говорить на арабском языке, священном для последователей *Корана*; и люди, остававшиеся верными Иисусу Христу, не имели права даже произносить имя патриарха Иерусалима без разрешения сарацин.

Все эти преследования не могли остановить толпы христиан, которые стекались в Иерусалим, где вид Святого города поддерживал их мужество и усиливал их преданность. Не было зла, не было оскорблений, которые они не могли бы терпеливо переносить, когда вспоминали, что Христос был закован в цепи и умер на кресте в тех местах, которые они собирались посетить. Однако христиане Палестины наслаждались короткими перерывами безопасности во время гражданских войн мусульман. Династия Омейядов, которая установила столицу мусульманской империи в Дамаске, всегда была ненавистна могущественной партии Алидов и занималась не столько преследованием христиан, сколько сохранением своей собственной шаткой власти. Мерван II, последний халиф этого дома, был самым жестоким по отношению к последователям Христа; и когда он со всей своей семьей пал под властью своих врагов, христиане и неверные объединились, чтобы возблагодарить небеса за то, что они избавили Восток от его тирании.

Аббасиды, обосновавшиеся в основанном ими городе Багдаде, то преследовали, то терпели христиан. Христиане, всегда жившие между страхом преследований и надеждой на временную безопасность, наконец увидели перспективу более счастливых дней с приходом к власти Харуна ар-Рашида, величайшего халифа из рода Аббасидов. При его правлении слава Карла Великого, дошедшая до Азии, защищала церкви Востока. Его благочестивая щедрость облегчила бедность христиан Александрии, Карфагена и Иерусалима. Два величайших князя своего времени свидетельствовали о взаимном уважении частыми посольствами: они посылали друг другу великолепные подарки; и в дружеских отношениях двух могущественных монархов Восток и Запад обменивались самыми богатыми продуктами своей земли и своего труда. Несомненно, в знаках уважения, которыми Харун щедро одаривал самого могущественного из князей Запада, была политика. Он вел войну против императоров Константинополя и мог справедливо опасаться, что они привлекут на свою сторону самых отважных из христиан. Чтобы лишить франков любого повода для религиозной войны, которая могла бы заставить их принять сторону греков и втянуть их в Азию, халиф не упускал ни одной возможности завоевать дружбу Карла Великого и велел преподнести ему ключи от Святого города и Гроба Господня.

В то время как арабы Африки продолжали свои завоевания на западе, захватывая Сицилию, а сам Рим видел, как его пригороды и церкви Святого Петра и Святого Павла были захвачены и разграблены неверными, слуги Иисуса Христа молились в мире в стенах Иерусалима. К желанию посетить гробницу в Иерусалиме присоединилось искреннее стремление обрести реликвии, которые тогда с нетерпением искали преданные верующие. Все, кто возвращался с Востока, считали за честь привезти в свою страну драгоценные останки христианской древности, и прежде всего кости святых мучеников, которые составляли украшение и богатство их церквей и на которых князья и короли клялись уважать правду и справедливость. Продукция Азии также привлекала внимание жителей Европы.

[860-1050 гг. н.э.]

Короче говоря, христиане Палестины и мусульманских провинций, паломники и путешественники, возвращавшиеся с Востока, казалось, больше не должны были бояться преследований, когда вдруг на Востоке разразились новые бури. Дети Харуна вскоре разделили судьбу потомков Карла Великого, и Азия, как и Запад, погрузилась в ужасы анархии и гражданской войны. Гигантская империя Аббасидов рушилась со всех сторон, и

мир, по выражению одного арабского писателя, был в пределах досягаемости того, кто захотел бы овладеть им. Греки тогда, казалось, пробудились от своей долгой лени и попытались воспользоваться расколом и унижением сарацин. Никифор Фокас выступил в поход во главе мощной армии и отбил у мусульман Антиохию. Лишенный мощного стимула фанатизма, Никифор обнаружил среди греков больше панегиристов, чем солдат, и не смог воспользоваться своим преимуществом над сарацинами. Его триумфы ограничились взятием Антиохии и послужили лишь поводом для преследования христиан Палестины.

Зимисций решил отомстить за оскорбление, нанесенное религии и империи. Со всех сторон начались приготовления к новой войне против сарацин. Народы Запада не были чужды этому предпрятию, которое предшествовало первому крестовому походу более чем на год. Победив мусульман на берегах Тигра и заставив халифа Багдада платить дань, Зимисц почти без сопротивления проник в Иудею, захватил Кесарию, Птолемаиду, Тивериаду, Назарет и несколько других городов Святой Земли.

После этой первой кампании Святая Земля, казалось, была на пороге полного освобождения от ига неверных, когда император умер от отравления. Его смерть сразу же положила конец осуществлению предприятия, душой и лидером которого он был. Христианские народы едва успели порадоваться освобождению Иерусалима, как узнали, что Святой город вновь попал в руки фатимидских халифов, которые после смерти Зимиска вторглись в Сирию и Палестину. Хаким, третий из фатимидских халифов, прославился во время своего правления всевозможными проявлениями фанатизма и жестокости. Неустойчивый в своих планах и колеблющийся между двумя религиями, он то защищал, то преследовал христианство.

Непостоянство Хакима в некоторой степени смягчало несчастья Иерусалима, и он только что дал христианам свободу восстанавливать свои церкви, когда был убит рукой убийцы. Его преемник, руководствуясь более мудрой политикой, терпел как паломничества, так и исповедание христианской религии. Церковь Гроба Господня была полностью восстановлена только через тридцать лет после ее разрушения, но вид ее руин по-прежнему возбуждал рвение и преданность христиан. В XI веке латинская церковь разрешила паломничества вместо канонических покаяний; грешники были осуждены на то, чтобы на время покинуть свою страну и вести кочевой образ жизни, следуя примеру Каина. Не было такого преступления, которое не могло бы быть искуплено паломничеством в Иерусалим. Даже слабый и робкий пол не пугали опасности долгого путешествия.^b

ХАРАКТЕР ПАЛОМНИКОВ

[1000-1050 гг. н.э.]

Хотя паломничества в целом считались актом добродетели, некоторые лидеры церкви считали их бесполезными и преступными. Григорий, епископ Ниссы, в IV веке отговаривал свою паству от таких путешествий. Он говорил, что они не являются обязательством совести, поскольку в описании людей, которых Христос обещал признать в следующем мире, не было упоминания о паломниках. Кочевой образ жизни был опасен для добродетели, особенно для скромности женщин.

Необходимость совершать паломничество в Рим и другие места часто настаивали дамы, которые не хотели быть запертыми в одинокой мрачной обители, «воспевая слабые гимны холодной бесплодной луне». В IX веке иностранный епископ написал архиепископу Кентерберийскому, очень серьезно прося, чтобы английским женщинам всех сословий и рангов было запрещено совершать паломничество в Рим. Их распущенность была известна

на всем континенте. «*Perpaucæ enim sunt civitates in Longobardia, vel in Francia, aut in Gallia, in qua non sit adultera vel meretrix generis Anglorum: quod scandalum est, et turpitude totius ecclesiæ*». Муратори, *Antiquitates Italiæ Med. Ævi, Dissert. 58*, т. V., с. 58. «Есть лишь несколько городов в Ломбардии, Франции или Галлии, в которых нет английской прелюбодейки или проститутки, что является скандалом и позором для всей церкви». С возрастом общества нравственность не улучшалась. Приоресса в произведении Чосера, несмотря на свою скромность, носит браслет с надписью «*Amor vincit omnia*» («Любовь побеждает все»). Галантный монах в том же паломничестве завязывает свой капюшон узлом истинного любовника.

Ужас от зрелищ порока уменьшался бы с привыканием, и моральные принципы постепенно разрушались бы. Злоба, идолопоклонство, отравления и кровопролитие опозорили сам Иерусалим; город был настолько ужасно осквернен, что если кто-либо желал иметь более чем обычное духовное общение с Христом, ему лучше было сразу покинуть свою земную обитель, чем пытаться наслаждаться им в местах, изначально священных, но впоследствии оскверненных. Спустя несколько лет после времени Григория, подобное описание разврата в Иерусалиме дал святой Иероним, и латинский отец хвалит монаха, который, хотя и проживал в Палестине, только однажды побывал в этом городе. Мнения этих двух почтенных духовных наставников не смогли остановить поток народной религии. Казна церкви обогащалась за счет продажи реликвий, а власть духовенства становилась все более могущественной по мере роста религиозных злоупотреблений и коррупции. Паломники из Индии, Эфиопии, Британии и Ибернии отправлялись в Иерусалим, и гробница Христа оглашалась гимнами на разных языках. Епископы и учителя считали бы позором для своей набожности и учености, если бы не поклонились своему Спасителю на том самом месте, где его крест впервые пролил свет Евангелия.

Паломник и святыня

Утверждение, что «казна церкви пополнялась за счет продажи реликвий», требует некоторых замечаний, поскольку продажа одной конкретной реликвии способствовала росту популярности паломничеств, а из этого роста возникли крестовые походы. В IV веке христианский мир был обманут верой в то, что в Иерусалиме был обнаружен тот самый крест, на котором страдал Христос. Епископ города был хранителем сокровища, но верующие никогда не давали зря своих денег за осколок святого дерева. Они с легковерием слушали заверения своих священников, что живая сила пронизывает неживую и неодушевленную субстанцию, и что крест каждый день разрешал разделять на несколько частей, оставаясь при этом неповрежденным и целым. Так, Эразм в своем занимательном диалоге о паломничествах говорит, что «если бы собрать все фрагменты креста, их хватило бы на постройку корабля». Крест публично выставлялся во время религиозных праздников Пасхи, и Иерусалим наполнялся благочестивыми пришельцами, желающими увидеть торжественное зрелище. Но после четырех веков непрерывного распределения мир наполнился реликвиями, и суеверие жаждало нового объекта. Соответственно, латинское духовенство Палестины притворилось, что в канун Пасхи, после того как большие лампы в церкви Воскресения были погашены, они были зажжены самим Богом. Люди стекались с Запада на Восток, чтобы увидеть этот акт Божественности и поймать часть пламени, которое обладало чудесным свойством исцелять все болезни, как душевные, так и телесные, если те, кто его получал, имели веру.^c

[1050-1076 гг. н. э.]

Стремление обрести святость путем путешествия в Иерусалим в конце концов стало настолько распространенным, что толпы паломников, пугавшие своим количеством страны, через которые они проходили, и хотя они не были солдатами, их называли «армиями Господа». В 1054 году Литберт, епископ Камбре, отправился в Святую Землю, за ним последовали более трех тысяч паломников из провинций Пикардия и Фландрия.

Десять лет спустя семь тысяч христиан вместе вышли из прибрежных районов Рейна. Этот многочисленный караван, который был предшественником крестовых походов, пересек Германию, Венгрию, Болгарию и Фракию и был встречен в Константинополе императором Константином Дукасом. Посетив церкви Византии, паломники с Запада без опасности пересекли Малую Азию и Сирию, но когда они приблизились к Иерусалиму, вид их богатств пробудил алчность бедуинских арабов, недисциплинированных орд, не имевших ни страны, ни постоянного места жительства и ставших грозными в гражданских войнах на Востоке. Арабы напали на паломников с Запада и заставили их выдержать осаду в заброшенной деревне; это было в Страстную пятницу. Эмир Рамалы, проинформированный некоторыми беглецами, счастливо пришел им на помощь, избавил их от угрожавшей им смерти и позволил им продолжить путешествие. Потеряв более трех тысяч своих товарищей, они вернулись в Европу, чтобы рассказать о своих трагических приключениях и опасностях паломничества в Святую Землю.

ТУРКИ У ВЛАСТИ

[1076-1088 гг. н. э.]

В этот период новые опасности и жестокие гонения угрожали как паломникам с Запада, так и христианам Палестины. Азия вновь стояла на пороге смены власти и дрожала под гнетом новой тирании. На протяжении нескольких столетий богатые страны Востока подвергались постоянным вторжениям диких татарских орд. Турки, выйдя из стран, расположенных за Оксусом, стали хозяевами Персии. Палестина поддалась власти турок. Завоеватели не пощадили ни христиан, ни детей Али, которых халиф Багдада Али-ибн-Али () представлял как врагов Бога. Египетский гарнизон был убит, а мечети и церкви были преданы разграблению. Святой город был залит кровью христиан и мусульман.

Другие племена турок под предводительством Сулеймана проникли в Малую Азию. Они захватили все провинции, через которые паломники обычно проходили по пути в Иерусалим. Знамя пророка развевалось над стенами Эдессы, Иконии, Тарса и Антиохии. Тысячи детей были обрезаны. Повсюду законы *Корана* заменили законы Евангелистов и Греции. Черные и белые палатки турок покрывали равнины и горы Вифинии и Каппадокии, а их стада паслись среди руин монастырей и церквей. Греки никогда не сталкивались с более жестокими и страшными врагами, чем турки. В условиях революций и гражданских войн Греческая империя стремительно шла к своему падению.

В то время как империя Востока приближалась к своему падению и казалась подорванной временем и коррупцией, институты Запада находились в зачаточном состоянии. Империя и законы Карла Великого больше не существовали. Нации не поддерживали между собой никаких отношений и, ошибаясь в своих политических интересах, вели войны, не задумываясь о последствиях и опасностях, и заключали мир, не имея ни малейшего представления о том, выгоден он им или нет. Королевская власть нигде не была достаточно сильна, чтобы остановить прогрессирующую анархию и злоупотребления феодализма. В то время как Европа была полна солдат и покрыта крепкими замками, сами государства не имели поддержки против своих врагов и не располагали армией для своей защиты.

За десять лет до вторжения турок в Малую Азию Михаил Дукас, преемник Романа Диогена, умолял о помощи папу и князей Запада. Он обещал устранить все барьеры, разделявшие греческую и римскую церкви, если латиняне возьмут в руки оружие против неверных. В то время на престоле Святого Петра сидел Григорий VII. Надежда на распространение религии и империи Святого Престола на Восток заставила его с благосклонностью принять смиренные мольбы Михаила Дука. Воодушевленные его речами, пятьдесят тысяч паломников согласились последовать за Григорием в Константинополь, а оттуда в Сирию; но дела в Европе приостановили осуществление его планов.

С каждым днем власть пап усиливалась благодаря прогрессу христианства и постоянно растущему влиянию латинского духовенства. Рим во второй раз стал столицей мира и, казалось, под руководством монаха Ильдебранда восстановил империю, которой он обладал при цезарях. Вооруженный обоюдоострым мечом Петра, Григорий громко провозгласил, что все царства земные находятся под властью Святого Престола и что его власть должна быть столь же всеобщей, как и церковь, главой которой он является. Эти опасные притязания, подкрепленные мнениями его времени, немедленно втянули его в ожесточенные споры с императором Германии. Он также желал диктовать законы « » Франции, Испании, Швеции, Польше и Англии; и, не думая ни о чем другом, кроме как о том, чтобы быть признанным великим арбитром государств, он обрушил свои анафемы даже на престол Константинополя, который он взял на себя защищать, и больше не обращал внимания на освобождение Иерусалима.

После смерти Григория Виктор III, хотя и продолжал политику своего предшественника и был вынужден бороться с императором Германии и партией антипапы Гиберта (Климента III), не упустил возможности начать войну с мусульманами. Сарацины, населявшие Африку,

мешали судоходству по Средиземному морю и угрожали побережью Италии. Виктор призвал христиан взяться за оружие и пообещал им прощение всех грехов, если они пойдут сражаться с неверными. Жители Пизы, Генуи и нескольких других городов, движимые религиозным рвением и желанием защитить свою торговлю, оснастили флоты, набрали войска и высадились на побережье Африки, где, если верить хроникам того времени, они разгромили армию из ста тысяч сарацин.^b

ПЕТР ОТШЕЛЬНИК

[1088-1095 гг. н. э.]

Настоящая история первого крестового похода, как говорит Куглер ^d, достаточно удивительна. Это было грандиозное пробуждение, в котором религия, авантюризм и замыслы вынудили европейские народы выйти за пределы своей узкой жизни и вновь сблизили Запад и Восток, и эта история становится все более странной, когда мы прослеживаем ее в деталях. Но монашеские, некритичные сочинения, в которых зафиксированы смутные традиции этого великого восстания, не удовлетворились удивительной правдой: они добавили к ней много легендарного. Среди легенд, не выдержавших проверки современной наукой, есть известная легенда, согласно которой Петр Отшельник был инициатором первого крестового похода. Сейчас мы можем быть уверены, что не Петр, а Урбан II дал старт этому великому движению; но легенда о Петре Отшельнике превратилась в историю первого крестового похода и завоевала свое место в истории благодаря вековой вере. Однако читатель должен помнить, что у нас нет достоверных сведений о проповедях Петра до Клермонтского собора. Вероятно, он был одним из проповедников, которые распространили энтузиазм этого собора в северо-восточной Франции. Его проповеди, скорее всего, ограничивались землями, где его могли понять на народном языке, и его реальное влияние следует оценивать по толпе, которая последовала за ним и Вальтером Бедным, чтобы оставить свои кости у Дуная или Босфора. После столь обширного вступления перейдем к самой истории.

Согласно легенде, Петр, неизвестный отшельник, вышел из своего уединения и последовал в Палестину за толпой христиан, которые отправились посетить святыне места.^a Вид Иерусалима взволновал его гораздо больше, чем любого другого паломника, поскольку вызвал в его пылкой душе тысячу противоречивых чувств. В городе, который повсюду демонстрировал следы милости и гнева Божьего, все предметы возбуждали его благочестие, раздражали его преданность и рвение и поочередно наполняли его уважением, ужасом и возмущением. После того как он последовал за своими братьями на Голгофу и к гробнице Христа, он отправился к патриарху Иерусалима. Белые волосы Симеона, его почтенная фигура и, прежде всего, преследования, которым он подвергался, вызывали полное доверие Петра, и они вместе плакали над бедами христиан. Патриарх решил в своих письмах умолять о помощи папу и князей Европы, а отшельник поклялся быть переводчиком христиан Востока и побудить Запад взяться за оружие для их освобождения.

ОТШЕЛЬНИК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

После этой встречи энтузиазм Петра не знал границ; он был убежден, что само небо призвало его отомстить за его дело. Однажды, простираясь перед Гробом Господним, он услышал голос Христа, который сказал ему: «Петр, встань! Поспешి провозгласить страдания моего народа; пришло время, чтобы мои слуги получили помощь, а святые места были освобождены». Исполненный духом этих слов, которые непрерывно звучали в его ушах, и снабженный письмами от патриарха, он покинул Палестину, пересек моря, высадился на побережье Италии и поспешил броситься к ногам папы. В то время престол Святого Петра занимал Урбан II, который был учеником и доверенным лицом как Григория, так и Виктора. Урбан с энтузиазмом принял проект, который был задуман его предшественниками; он принял Петра как пророка, одобрил его замысел и велел ему идти и объявить о приближающемся освобождении Иерусалима.

[1095-1096 гг. н. э.]

Петр Отшельник пересек Италию, перебрался через Альпы, посетил все части Франции и большую часть Европы, зажигая все сердца тем же рвением, которое пожирало его самого. Он путешествовал верхом на муле, с распятием в руке, босиком, с непокрытой головой, с телом, опоясанным толстой веревкой, покрытым длинной рясой и отшельническим капюшоном из грубой ткани. Необычность его внешнего вида была зрелищем для людей, а строгость его манер, его милосердие и моральные учения, которые он проповедовал, заставляли его почитать как святого везде, где бы он ни появлялся.

Он путешествовал из города в город, из провинции в провинцию, воздействуя на мужество одних и на благочестие других; иногда он произносил речи с амвонов церквей, иногда проповедовал на больших дорогах или в общественных местах. Его красноречие было оживленным и впечатляющим (), наполненным теми яркими апострофами, которые

производят такое сильное впечатление на необразованную толпу. Он описывал осквернение святых мест и кровь христиан, пролитую потоками на улицах Иерусалима. Он поочередно взывал к небу, святым, ангелам, которых он призывал свидетельствовать об истинности того, что он им рассказывал. Он обращался к горе Сион, скале Голгофе и горе Елеонской, которые он заставлял звучать рыданиями и стонами. Когда он исчерпал речь, описывая страдания верующих, он показал зрителям распятие, которое носил с собой, то ударяя себя в грудь и рана свою плоть, то проливая потоки слез. Народ следовал за Петром толпами. Проповедник святой войны везде принимался как посланник Бога.

ПРИЗЫВ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСИЯ

В разгар этого всеобщего волнения Алексей Комнин, которому угрожали турки, послал послов к папе, чтобы просить помощи у латинян. «Без незамедлительной помощи всех христианских государств, — писал он, — Константинополь должен пасть под страшное господство турок». Он напомнил князьям христианства о святых мощах, хранящихся в Константинополе, и умолял их спасти столь священное собрание почитаемых предметов от осквернения неверными. Описав великолепие и богатство своей столицы, он призвал рыцарей и баронов прийти и защитить их; он предложил им свои сокровища в награду за их доблесть и ярко описал красоту греческих женщин, чья любовь вознаградит подвиги его освободителей. Таким образом, не было упущено ничего, что могло бы поласкать страсти или пробудить энтузиазм воинов Запада.

СОБОРЫ В ПЛАЦЕНТИИ И КЛЕРМОНТЕ

В соответствии с мольбами Алексия и желаниями верующих, папа римский созвал собор в Плацентии, чтобы там раскрыть опасности, угрожающие греческой и латинской церквям на Востоке. Проповеди Петра настолько подготовили умы и возбудили рвение верующих, что более двухсот епископов и архиепископов, четыре тысячи священнослужителей и тридцать тысяч мирян откликнулись на приглашение Святого Престола. Собор был настолько многочисленным, что его пришлось проводить на равнине в окрестностях города. Однако собор в Плацентии не принял никакого решения о войне против неверных. Освобождение Святой Земли было далеко не единственной целью этого собора: заявления императрицы Аделаиды, которая прибыла, чтобы раскрыть свой собственный позор и позор своего мужа, анафема против императора Германии и антипапы Гиберта, в течение нескольких дней занимали внимание Урбана и собравшихся отцов.

Новый собор собрался в Клермоне, в Оверни. Прежде чем перейти к вопросу о священной войне, собор сначала рассмотрел реформу духовенства и церковной дисциплины, а затем занялся ограничением свободы ведения войн между отдельными лицами. В те варварские времена даже простые рыцари не думали о том, чтобы возместить свои обиды иными средствами, кроме оружия. Нередко случалось, что семьи по малейшему поводу начинали друг против друга войну, которая длилась несколько поколений; Европа была потрясена беспорядками, вызванными этими враждебными действиями. В условиях бессилия законов и правительств церковь часто оказывала благотворное влияние на восстановление спокойствия; несколько соборов наложили запрет на частные войны в течение четырех дней в неделю (), а их декреты призывали небесную кару на нарушителей общественного мира. Собор в Клермоне возобновил Божье перемирие и пригрозил всем, кто отказывался «принять мир и справедливость», гневом церкви. Один из его декретов ставил вдов, сирот, купцов и рабочих под защиту религии. Они объявили, как уже делали на других соборах, что

церкви должны быть неприкосновенными святилищами, а кресты, установленные даже на больших дорогах, должны стать убежищем от насилия.

Человечность и разум должны приветствовать такие благотворные декреты; но верховный понтифик, хотя и представлял себя защитником святости брака, не заслуживал такой же похвалы, когда на этом соборе объявил анафему Филиппу I. Но тогда все были настолько увлечены, что никто не удивился тому, что король Франции был отлучен от церкви в самом сердце своего королевства. Приговор Урбана не мог отвлечь внимание от гораздо более впечатляющего объекта, и отлучение Филиппа едва ли занимает место в истории Клермонтского собора. Верующие, собравшиеся со всех провинций, были единомышленны; они говорили только о бедах, которые переживали христиане в Палестине, и видели только войну, которая должна была быть объявлена неверным. Энтузиазм и фанатизм, которые всегда усиливаются на больших собраниях, достигли своего апогея. Урбан наконец удовлетворил нетерпение верующих — нетерпение, которое он, возможно, ловко разжег и которое было самой верной гарантией успеха.

Собор провел свое десятое заседание на большой площади Клермона, которая вскоре заполнилась огромной толпой. В сопровождении кардиналов папа поднялся на своего рода трон, который был приготовлен для него; рядом с ним стоял Петр Отшельник, одетый в причудливую и грубую одежду, которая повсюду привлекала к нему внимание и уважение толпы. Урбан, который выступал после Петра, так же как и тот, представлял святые места, оскверненные господством неверных.

По мере того как Урбан продолжал свою речь, чувства, которые его одушевляли, проникали в самые души его слушателей. Когда он говорил о пленении и несчастьях Иерусалима, все собрание растаяло в слезах; когда он описывал тиранию и вероломство неверных, воины, слушавшие его, сжимали мечи и клялись в своих сердцах отомстить за христиан. Урбан удвоил их энтузиазм, объявив, что Бог избрал их для осуществления своих замыслов, и призвал их обратить то оружие, которое они теперь направляли против своих братьев, против мусульман. Теперь они были призваны отомстить не за обиды, нанесенные людьми, а за обиды, нанесенные божеству; теперь в награду за их доблесть им предлагалось не завоевание города или замка, а богатства Азии, владение землей, на которой, согласно обещаниям Священного Писания, текли реки молока и меда.

«Христианские воины, — воскликнул он, — которые без конца ищут тщетные поводы для войны, радуйтесь, ибо сегодня вы нашли истинные. Вы, которые так часто были ужасом для своих сограждан, идите и сражайтесь с варварами, идите и сражайтесь за освобождение святых мест; вы, которые за ничтожную плату продаете силу своих рук ярости других, вооруженные мечом Маккавеев, идите и заслужите вечную награду. Если вы одержите победу над своими врагами, царства Востока станут вашим наследием; если вы будете побеждены, вы обретете славу умереть в том же месте, что и Иисус Христос, и Бог не забудет, что он нашел вас в своих святых рядах. Настал момент доказать, что вы движимы истинным мужеством; настал момент, когда вы можете искупить столько насилия, совершенного в лоне мира, столько побед, купленных ценой справедливости и человечности. Если вам нужна кровь, омойте свои руки кровью неверных. Я говорю с вами с суровостью, потому что мое служение обязывает меня это делать: солдаты ада, станьте солдатами живого Бога! Когда Иисус Христос призывает вас на свою защиту, не позволяйте низким привязанностям удерживать вас в ваших домах; не видите ничего, кроме позора и зла христиан; не слушайте ничего, кроме стонов Иерусалима, и хорошо запомните, что сказал вам Господь: «Кто любит отца своего и мать свою более, чем Меня, тот не достоин Меня; кто оставит дом свой, или отца своего, или мать свою, или жену свою, или детей своих, или наследство свое ради имени Моего, тот получит стократно и будет иметь жизнь вечную»».

При этих словах слушатели Урбана проявили такой энтузиазм, которого человеческая красноречивость никогда прежде не вызывала. Собрание поднялось как один человек и ответило ему единодушным криком: «Это воля Божья! Это воля Божья!»^[46] Сострадание, возмущение, отчаяние одновременно всколыхнули бурное собрание верующих; некоторые проливали слезы над Иерусалимом и судьбой христиан; другие клялись истребить расу мусульман; но вдруг, по сигналу верховного понтифика, воцарилась глубочайшая тишина. Кардинал Григорий, который впоследствии занял престол Святого Петра под именем Иннокентия II, громким голосом произнес форму общего исповедания, и все собравшиеся пали на колени, били себя в грудь и получили отпущение грехов. Все верующие украсили свои одежды красным крестом. С тех пор всех, кто участвовал в борьбе с неверными, называли «носителями креста»,^[47] а священная война получила название «крестового похода». Верующие просили Урбана встать во главе их, но понтифик, который еще не одержал победу над антипапой Гибером, одновременно отлучавшим от церкви короля Франции и императора Германии, не мог покинуть Европу, не поставив под угрозу власть и политику Святого Престола. Он отказался стать главой крестового похода и назначил епископа Пуйского апостольским легатом в армии христиан.

БЕЗУМИЕ ЕВРОПЫ

Он обещал всем, кто примет крест, полное прощение грехов. Их личности, их семьи, их имущество были поставлены под защиту церкви и апостолов Святого Петра и Святого Павла. Собор объявил, что любое насилие в отношении воинов Христовых должно караться анафемой, и рекомендовал всем епископам и священникам бдительно следить за выполнением его постановлений в пользу носителей креста. Он регулировал дисциплину и отправление тех, кто вступил в святые ряды, и, опасаясь, что раздумье может удержать кого-либо от покидания своего дома, угрожал отлучением от церкви всем, кто не выполнял своих обетов.

МОНАХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Можно сказать, что у французов больше не было другой страны, кроме Святой Земли, и что ради нее они были готовы пожертвовать своим комфортом, имуществом и жизнью. Этот безграничный энтузиазм вскоре распространился и на другие христианские народы; пламя, пожиравшее Францию, перекинулось на Англию, все еще потрясенную недавним завоеванием норманнов; на Германию, раздираемую анафемой Григория и Урбана; на Италию, потрясенную междоусобицами; даже на Испанию, хотя ей приходилось сражаться с сарацинами на своей территории.

Преданность паломничествам, которая усиливалась на протяжении нескольких веков, стала страстью и насущной потребностью для большинства христиан; все стремились отправиться в Иерусалим и принять участие в крестовом походе, который был во всех отношениях вооруженным паломничеством. Ситуация, в которой тогда находилась Европа, несомненно, способствовала увеличению числа паломников. «Все было в таком беспорядке, — говорит Вильгельм Тирский, — что мир, казалось, приближался к своему концу и был готов вновь погрузиться в хаос». Везде люди стонали под ужасным рабством; страшная нехватка продовольствия, которая в течение нескольких лет опустошала Францию и большую часть королевств Запада, породила всевозможные разбойничьи набеги и насилие; а это, разрушая сельское хозяйство и торговлю, еще больше усугубляло ужасы голода. Деревни, даже города, опустели и превратились в руины. Люди покидали землю, которая больше не кормила их и не могла предложить им ни покоя, ни безопасности: знамя креста казалось им надежным убежищем от нищеты и угнетения. Согласно постановлениям Клермонтского собора, крестоносцы были освобождены от всех пошлин и не могли преследоваться за долги во время своего путешествия. В имя креста сами законы

приостанавливали свое действие, тирания не могла искать своих жертв, а правосудие — даже виновных среди тех, кого церковь приняла в свои защитники. Уверенность в безнаказанности, надежда на лучшую судьбу, любовь к свободе и желание сбросить самые священные узы побудили огромную часть толпы, которая стекалась под знамена крестового похода.

Многие дворяне, которые сначала не приняли крест и видели, как их вассалы отправляются в путь, не имея возможности им помешать, решили последовать за ними в качестве военачальников, чтобы сохранить часть своей власти. Было известно, что две или три сотни норманнских паломников завоевали Апулию и Сицилию у сарацин. Земли, занятые неверными, казались наследством, обещанным рыцарям, все богатство которых состояло в их рождении, доблести и мече.

Тем не менее, мы обманывали бы себя, если бы не верили, что религия была принципом, который наиболее сильно влиял на большинство крестоносцев. В обычное время люди следуют своим естественным склонностям и подчиняются только голосу собственных интересов, но во времена крестовых походов религиозная лихорадка была слепой страстью, которая говорила громче всех остальных. Религия не позволяла своим горячим защитникам видеть никакой другой славы, никакого другого счастья, кроме тех, которые она представляла их разгоряченному воображению. Любовь к родине, семейные узы, самые нежные чувства сердца — все это было принесено в жертву идеям и мнениям, которые тогда владели всей Европой. Умеренность считалась трусостью, безразличие — изменой, а противодействие — кощунственным вмешательством. Сила законов не значила ничего для людей, которые верили, что сражаются во имя Бога. Подданные практически не признавали власти князей или лордов во всем, что касалось священной войны; хозяин и раб не имели иного титула, кроме титула христианина, и иного долга, кроме защиты своей религии с мечом в руках.

Те, кого возраст или состояние удерживали в Европе и кого собор освободил от трудов и опасностей крестового похода, заставили небо, призвавшее их к святой войне, говорить громче. Женщины и дети наносили кресты на свои нежные и слабые тела, чтобы показать волю Бога. Монахи покидали монастыри, в которых они поклялись умереть, веря, что их ведет божественное вдохновение; отшельники и анхориты выходили из лесов и пустынь и смешивались с толпой крестоносцев. Что еще труднее поверить, воры и разбойники, покинув свои тайные убежища, приходили исповедоваться в своих преступлениях и, получая крест, обещали искупить их в Палестине.

Европа казалась землей изгнания, которую все стремились покинуть. Ремесленники, торговцы, рабочие бросали занятия, которыми они зарабатывали на жизнь; бароны и лорды даже отказывались от владений своих отцов. Земли, города, замки, за которые они еще недавно воевали, вдруг потеряли свою ценность в глазах их владельцев и были проданы за небольшие суммы тем, кого не коснулась милость Божья и кто не был призван к счастью посетить святыне и завоевать Восток.

Современные авторы рассказывают о нескольких чудесах, которые помогли разжечь умы толпы. Звезды падали с небосвода; на небе были видны следы крови; в облаках рисовались города, армии и рыцари, украшенные крестами. Мы не будем пересказывать все другие чудеса, о которых сообщают историки и в которые верили в эпоху, когда ничто не было более обычным, чем чудеса, и когда, по замечанию Флери, вкус к чудесному значительно преобладал над вкусом к истинному. Наши читатели найдут достаточно необычных вещей в описании стольких великих событий, для которых моральный мир и даже сама природа, казалось, прервали свои законы. Какое чудо, в самом деле, может больше удивить философа,

чем видеть, как Европа, которую можно назвать , потрясенная до самых оснований, движется все вместе и, как один человек, марширует под оружием на Восток?

Собор в Клермоне, который состоялся в ноябре 1095 года, назначил отправление крестоносцев на праздник Успения Пресвятой Богородицы следующего года. Всю зиму не думали ни о чем, кроме подготовки к путешествию в Святую Землю. Как только наступила весна, ничто не могло сдерживать нетерпения крестоносцев, и они отправились в поход к местам, где должны были собраться. Большинство шло пешком; среди толпы появлялись всадники; многие путешествовали на повозках; они были одеты по-разному и вооружены копьями, мечами, дротиками, железными дубинами и т. д. Толпа крестоносцев представляла собой причудливую и беспорядочную смесь всех сословий и всех слоев общества; среди воинов появлялись вооруженные женщины, поскольку проституция не была забыта среди строгости покаяния. Старость соседствовала с младенчеством, богатство — с нищетой; шлем смешивался с сутаной, митра — с мечом. Вокруг городов, крепостей, на равнинах, на горах были разбиты палатки и шатры; повсюду были видны приготовления к войне и празднику. Здесь слышался шум оружия или звуки труб, а в нескольких шагах воздух наполняли псалмы и духовные песни. От Тибра до океана и от Рейна до другой стороны Пиренеев не было видно ничего, кроме отрядов людей, отмеченных крестом, которые поклялись истребить сарацин и заранее пели свои песни о завоевании. Со всех сторон раздавался боевой клич крестоносцев: «Это воля Божья! Это воля Божья!»

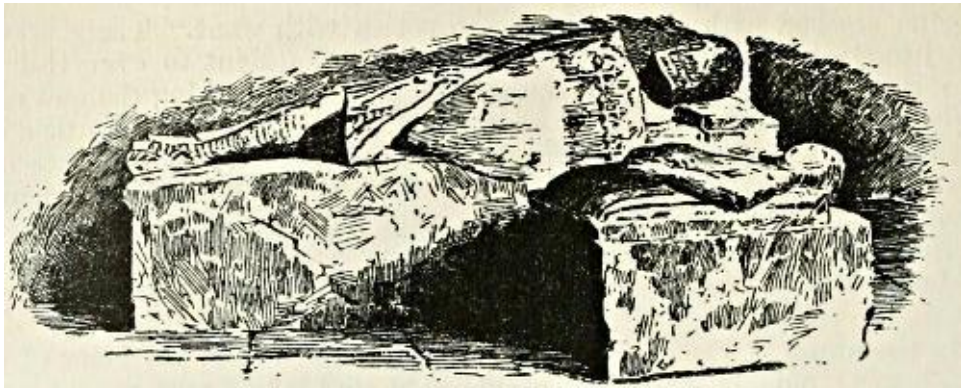
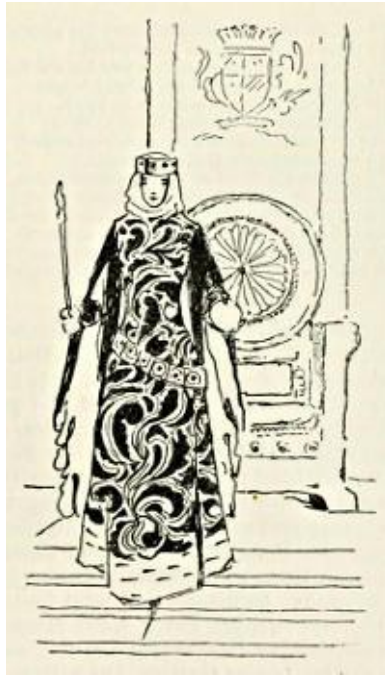
Семьи, целые деревни отправлялись в Палестину и привлекали в свои ряды всех, кого встречали на своем пути. Они шли без раздумий и не верили, что Тот, кто питает воробья, оставит паломников, одетых в святой крест, погибнуть от нужды. Их невежество усугубляло их иллюзии и придавало всему, что они видели, ореол волшебства; они верили, что с каждым мгновением приближаются к концу своего паломничества. Дети деревенских жителей, увидев город или замок, спрашивали, не Иерусалим ли это. Многие из великих лордов, проживших всю свою жизнь в своих деревенских замках, знали об этом не намного больше, чем их вассалы; они взяли с собой свое охотничье и рыболовное снаряжение и шли с соколами на запястьях, впереди которых бежали их собаки. Они надеялись добраться до Иерусалима, наслаждаясь путешествием, и продемонстрировать Азии грубую роскошь своих замков.

В общем безумии ни один мудрец не дал голосу разума быть услышанным; никто тогда не удивлялся тому, что сейчас вызывает столько удивления. Эти столь странные сцены, в которых каждый был актером, могли быть лишь зрелищем для потомков.^{[b](#)}

СНОСКИ

^[46] *Dieu le veut* произносилось на языке того времени как *Dieu le volt* или *Diex le volt*.

^[47] Крест, который верующие носили в этом крестовом походе, был сделан из ткани, а иногда даже из красного шелка. Позже они носили кресты разных цветов. Крест, немного выпуклый, пришивался к правому плечу плаща или мантии, либо крепился на передней части шлема, после того как был освящен папой или епископом. Молитвы и церемонии, использовавшиеся в этом случае, до сих пор можно найти в римском ритуале. По возвращении из Святой Земли они снимали этот знак с плеча и помещали его на спину или носили на шее.

ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Вот, вооруженный и оседланный, едет рыцарь-паломник,

На встречу с сарацинами на поле Акры:

Крест на его плечах и на его щите,

И на его знамени и блестящем шлеме:

Он не знает, что такое подчиняться или сдаваться,

Но доблестно сражаться за своего дорогого Господа;

Ибо в его сердце запечатлена эта высокая цель —

Увидеть Иерусалим; о, славное зрелище!
Утолить жажду у священного источника Силоама;
Купаться в потоке Иордана без ограничений;
Встать на трижды почитаемую гору Голгофу,
И там развернуть знамя Креста;
На этом благословенном месте перечислить те страдания,
Которые перенес Он, умерев, чтобы спасти его грешную душу.

—Джон Холланд.

[1096-1147 гг. н. э.]

15 августа было назначено на Соборе в Клермоне днем отправления паломников, но этот день был опережен бездумной и нуждающейся толпой простолюдинов. Ранней весной из пределов Франции и Лотарингии более шестидесяти тысяч людей обоих полов собрались вокруг первого миссионера крестовых походов и с шумной настойчивостью требовали, чтобы он повел их к Гробу Господню. Отшельник, приняв на себя роль генерала, не имея ни таланта, ни авторитета, подчинился или поддался порыву своих последователей и повел их вдоль берегов Рейна и Дуная. Их нужды и численность вскоре заставили их разделиться, и его заместитель, Вальтер Бедный, доблестный, но нуждающийся солдат, возглавил авангард паломников, состояние которых можно определить по соотношению восьми всадников к пятнадцати тысячам пеших.

Примеру и следам Петра последовал другой фанатик, монах Годескаль [или Готтшалк], чьи проповеди увлекли пятнадцать или двадцать тысяч крестьян из деревень Германии. Их арьергард снова был подвергнут давлению со стороны стада из двухсот тысяч человек, самых тупых и диких отбросов народа, которые смешивали свою преданность с жестоким разгулом грабежей, проституции и пьянства. Некоторые графы и дворяне, возглавлявшие три тысячи всадников, присоединились к движению толпы, чтобы принять участие в грабеже; но их подлинными лидерами (можем ли мы поверить в такую глупость?) были гусь и козел, которых несли впереди и которым эти достойные христиане приписывали вдохновение божественным духом. Первой и самой легкой войной для них и других групп энтузиастов была война против евреев, убийц Сына Божьего. В торговых городах Мозеля и Рейна их колонии были многочисленны и богаты; под защитой императора и епископов они пользовались свободой вероисповедания. В Вердене, Трире, Майнце, Шпайере, Вормсе многие тысячи этих несчастных людей были ограблены и убиты; с времен гонений Адриана они не испытывали более кровавого удара. Некоторые из них были спасены благодаря твердости своих епископов, которые приняли их притворное и временное обращение в христианство; но более упрямые евреи противопоставили свой фанатизм фанатизму христиан, забаррикадировали свои дома и бросились вместе со своими семьями и богатствами в реки или в огонь, разочаровав злобу или, по крайней мере, алчность своих непримиримых врагов.

ПЕТР ОТШЕЛЬНИК И ЕГО ТОЛПА

Между границами Австрии и резиденцией византийской монархии крестоносцы были вынуждены преодолеть расстояние в шестьсот миль — дикие и пустынные земли Венгрии и Болгарии. Обе нации впитали в себя основы христианства: венгры управлялись своими

родными князьями, а болгары — лейтенантом греческого императора; но при малейшем поводе их жестокая натура вновь пробуждалась, и беспорядки, устроенные первыми паломниками, давали для этого достаточно поводов. Сельское хозяйство, должно быть, было неискусно и вяло среди народа, чьи города были построены из тростника и дерева и которые летом покидали, чтобы переселиться в палатки охотников и пастухов. Скудные запасы провианта грубо требовали, насильно захватывали и жадно потребляли; и при первой же ссоре крестоносцы давали волю своему негодованию и мести. Но их незнание страны, войны и дисциплины подвергало их всяким опасностям. Греческий префект Болгарии командовал регулярными войсками; по сигналу венгерского короля восьмая или десятая часть его воинственных подданных натянула луки и взобралась на лошадей; их политика была коварной, а месть этим благочестивым разбойникам была безжалостной и кровавой. Около трети обнаженных беглецов, среди которых был и отшельник Петр, бежали в Фракийские горы; и император, уважавший паломничество и помощь латинян, провел их безопасным и легким путем в Константинополь и посоветовал им дожидаться прибытия своих братьев.

Некоторое время они помнили о своих ошибках и потерях, но как только их воскресили гостеприимные приемы, их яд снова разгорелся; они укусили своего благодетеля, и ни сады, ни дворцы, ни церкви не были в безопасности от их грабежей. Для своей безопасности Алексей убедил их перейти на азиатскую сторону Босфора, но их слепая стремительность вскоре побудила их покинуть назначенное им место и броситься вперед, против турок, которые занимали дорогу в Иерусалим. Отшельник, осознавая свой позор, удалился из лагеря в Константинополь, а его заместитель, Вальтер Бедный, который заслуживал лучшего командования, безуспешно пытался внести некоторый порядок и благоразумие в стадо дикарей. Они разделились в поисках добычи и сами стали легкой добычей для хитростей султана. Слухом о том, что их передовые товарищи разграбляют его столицу, Сулейман соблазнил основные силы спуститься на равнину Никеи; они были сокрушены турецкими стрелами, и пирамида из костей сообщила их товарищам о месте их поражения. Из первых крестоносцев триста тысяч ^[48] уже погибли, прежде чем был отвоеван хотя бы один город у неверных, прежде чем их более серьезные и благородные собратья завершили подготовку к своему предприятию.

ЛИДЕРЫ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

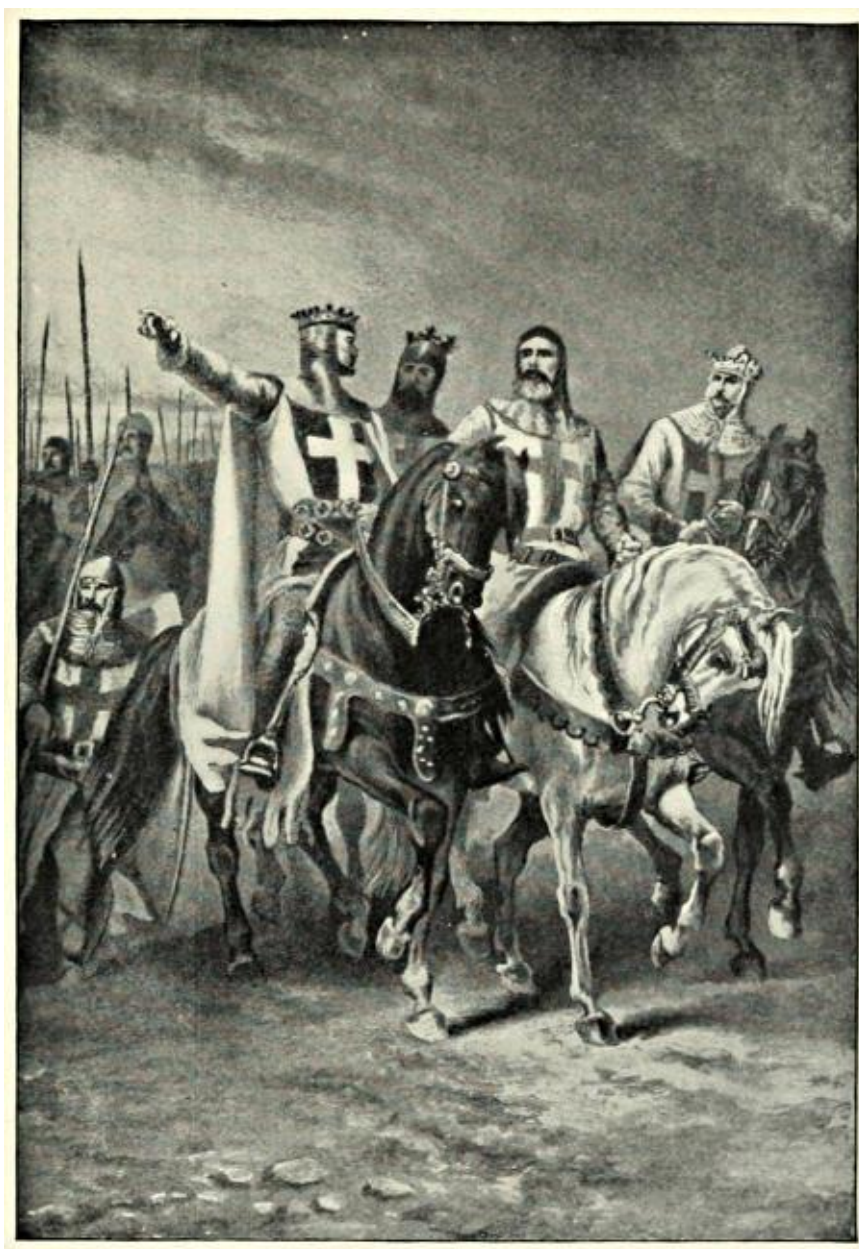
[1096-1097 гг. н.э.]

Ни один из великих правителей Европы не принял личного участия в Первом крестовом походе. Религиозный пыл сильнее ощущался у князей второго ранга, которые занимали важное место в феодальной системе. Первое место как в войне, так и в совете по праву принадлежит Годфриду Бульонскому; и счастливы были бы крестоносцы, если бы они доверились исключительно руководству этого опытного героя, достойного представителя Карла Великого, от которого он происходил по женской линии.

На службе у Генриха IV он нес великое знамя империи и пронзил копьем грудь Рудольфа, короля-мятежника; Годфри был первым, кто взобрался на стены Рима; и его болезнь, его обет, возможно, его раскаяние за то, что он поднял оружие против папы, подтвердили его давнее решение посетить Гроб Господень не как паломник, а как освободитель. Его доблесть созрела благодаря благоразумию и умеренности; его благочестие, хотя и слепое, было искренним; и в суматохе лагеря он практиковал настоящие и вымышленные добродетели монастыря Св. Франциска (). Превосходя частные фракции вождей, он сохранял вражду

только к врагам Христа; и хотя он завоевал королевство благодаря этой попытке, его чистый и бескорыстный пыл был признан его соперниками. Годфри де Буйон сопровождали два его брата — старший Эсташ, унаследовавший графство Булонь, и младший Бодуэн, персонаж с более неоднозначными добродетелями.

В парламенте, который состоялся в Париже в присутствии короля примерно через два месяца после Клермонтского собора, Хью, граф Вермандуа, был самым заметным из принцев, принявших крест. Но прозвище «Великий» было присвоено ему не столько за его заслуги или владения (хотя и то, и другое были весьма значительными), сколько за королевское происхождение брата короля Франции. Роберт, герцог Нормандии, был старшим сыном Вильгельма Завоевателя, но после смерти отца он лишился королевства Англия из-за своей лени и активности своего брата Руфуса. За ничтожную сумму в десять тысяч марок он заложил Нормандию во время своего отсутствия английскому узурпатору; но его участие и поведение в священной войне провозгласили в Роберте реформу нравов и в некоторой степени восстановили его в глазах общественности. Другой Роберт был графом Фландрии; его прозвали Мечом и Копьем христиан, но в своих подвигах солдата он иногда забывал о долге полководца. Стефан, граф Шартра, Блуа и Труа, был одним из самых богатых князей того времени; количество его замков сравнивали с 365 днями в году. Его ум был обогащен литературой, и на совете вождей красноречивый Стефан был избран на должность их президента. Эти четверо были главными лидерами французов, норманнов и паломников с Британских островов, но список баронов, владевших тремя или четырьмя городами, превысил бы, по словам одного из современников, список участников Троянской войны.

ЧЕТЫРЕ ЛИДЕРА ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

На юге Франции командование взяли на себя Адемар, епископ Пюи, легат папы, и Раймонд, граф Сен-Жил и Тулузы, который добавил к своим титулам еще более гордые титулы герцога Нарбонского и маркиза Прованса. Первый был уважаемым прелатом, одинаково подходящим для этого мира и для мира грядущего. Второй был опытным воином, сражавшимся против сарацин в Испании и посвятившим свою старость не только освобождению, но и вечному служению Гробу Господню. Среди его провинциалов — общее название, включавшее уроженцев Оверни и Лангедока, вассалов королевства Бургундии или Арля — преобладал скорее торговый, чем воинственный дух. С соседней границы Испании он привлек отряд отважных авантюристов; когда он прошел через Ломбардию, к его знамени присоединилась толпа итальянцев, и его объединенные силы насчитывали сто тысяч всадников и пехотинцев. Если Раймонд был первым, кто вступил в ряды, и последним, кто ушел, то эту задержку можно оправдать величием его подготовки и обещанием вечного прощания.

КРЕСТОНОСЕЦ

Имя Боэмунда, сына Роберта Гвискара, уже было известно благодаря его двойной победе над греческим императором, но завещание отца ограничило его княжеством Таранто и воспоминаниями о восточных трофеях, пока он не пробудился от слухов и прохождения французских паломников. Именно в лице этого норманнского вождя мы можем найти наиболее хладнокровную политику и амбиции с небольшой примесью религиозного фанатизма. Его поведение может оправдать предположение, что он тайно руководил замыслом папы, который он делал вид поддерживать с удивлением и рвением. Во время осады Амальфи его пример и речи разжигали страсти союзной армии; он тут же разорвал свою одежду, чтобы снабдить крестами многочисленных кандидатов, и приготовился посетить Константинополь и Азию во главе десяти тысяч всадников и двадцати тысяч пехотинцев. Несколько принцев норманнского происхождения сопровождали этого опытного полководца; его двоюродный брат Танкред был скорее партнером, чем слугой в этой войне. В совершенном характере Танкреда мы обнаруживаем все добродетели идеального рыцаря — истинный дух рыцарства, который вдохновлял великодушные чувства и общественные обязанности человека гораздо лучше, чем низкая философия или еще более низкая религия того времени.

Между эпохой Карла Великого и эпохой крестовых походов среди испанцев, норманнов и французов произошла революция, которая постепенно распространилась на остальную Европу. Служба в пехоте была низведена до уровня плебеев; кавалерия составляла силу армий, а почетное звание *miles*, или солдат, было закреплено за дворянами, которые служили верхом и были наделены рыцарским званием. Герцоги и графы, узурпировавшие права суверенитета, делили провинции между своими верными баронами; бароны распределяли между своими вассалами феоды или бенефиции своей юрисдикции; и эти военные арендаторы, равные друг другу и своему господину, составляли дворянский или рыцарский сословие, которое презирало крестьян и горожан, считая их неравными себе. Достоинство их рождения сохранялось благодаря чистым и равным союзам; только их сыновья, которые могли предъявить четыре четверти или линии родословной без пятна

или порицания, могли законно претендовать на честь рыцарства: но доблестный плебей иногда обогащался и возвышался благодаря мечу и становился отцом новой расы. Один рыцарь мог, по своему усмотрению, передать полученный им титул, и воинственные правители Европы черпали больше славы из этого личного отличия, чем из блеска своих коронок.

Таковы были войска и таковы были вожди, которые взяли на себя крест для освобождения Гроба Господня. Как только они были освобождены от присутствия плебейской толпы, они ободряли друг друга, посредством бесед и посланий, чтобы выполнить свой обет и ускорить свой отход. Их жены и сестры желали разделить опасность и заслуги паломничества; их переносные сокровища перевозились в слитках серебра и золота; а князья и бароны сопровождались своей свитой из гончих и соколов, чтобы развлекать их в свободное время и снабжать их столы. Трудность обеспечить пропитанием столь многочисленную армию людей и лошадей заставила их разделить свои силы; их выбор или положение определили маршрут; и было решено встретиться в окрестностях Константинополя и оттуда начать свои операции против турок.

АЛЕКСИЙ ПРИНУЖДАЕТ К ПОДЧИНЕНИЮ

[1097 г. н. э.]

В одной восточной сказке есть басня о пастухе, который был разрушен исполнением своих собственных желаний: он молился о воде, и Ганг превратился в его земли, а его стадо и хижина были смыты наводнением. Такова была судьба, или, по крайней мере, опасения греческого императора Алексея Комнина. На Соборе в Плацентии его послы просили о умеренной помощи, возможно, в виде десяти тысяч солдат, но он был потрясен приближением стольких могущественных вождей и фанатичных народов. Разношерстная толпа Петра Пустынника была дикими зверями, лишёнными человечности и разума; Алексей не мог ни предотвратить, ни оплакивать их гибель. Войска Годфрида и его соратников были менее презренны, но не менее подозрительны для греческого императора. Их мотивы могли быть чистыми и благочестивыми, но он был в равной степени встревожен своим знанием амбициозного Боэмунда и незнанием трансальпийских вождей; мужество французов было слепым и упрямым; они могли быть соблазнены роскошью и богатством Греции и возгордиться видом и мнением о своей непобедимой силе; и Иерусалим мог быть забыт в перспективе Константинополя.

После долгого марша и мучительного воздержания войска Годфрида разбили лагерь на равнинах Фракии; они с возмущением узнали, что их брат, граф Вермандуа, был заключен в тюрьму греками, и их неохотный герцог был вынужден предоставить им некоторую свободу для мести и грабежа. Их умиротворило подчинение Алексея; он обещал снабжать их лагерь провизией; и поскольку они отказались в середине зимы переходить Босфор, им были выделены квартиры среди садов и дворцов на берегах этого узкого моря. Но неизлечимая ревность все еще гнездилась в умах двух народов, которые презирали друг друга как рабов и варваров. Невежество является основой подозрений, а подозрения разжигались ежедневными провокациями; предрассудки слепы, голод глух; и Алексей обвиняется в замысле заморить голодом или напасть на латинян в опасном месте, со всех сторон окруженном водой. Годфри затрубил в трубы, прорвал сеть, распространился по равнине и оскорбил пригороды; но ворота Константинополя были сильно укреплены; валы были уставлены лучниками; и после сомнительного конфликта обе стороны прислушались к голосу мира и религии. Подарки и обещания императора незаметно успокоили яростный

дух западных чужеземцев; как христианский воин, он возродил их рвение к продолжению святого дела, которое он обещал поддержать своими войсками и сокровищами. С возвращением весны Годфри был убежден занять приятный и богатый лагерь в Азии; и как только он пересек Босфор, греческие корабли были внезапно отозваны на противоположный берег. Та же политика была повторена с последующими вождами, которые были подвержены влиянию примера и ослаблены уходом своих ведущих соратников. Своим мастерством и усердием Алексей предотвратил объединение двух союзных армий в одно и то же время под стенами Константинополя; и до праздника Пятидесятницы на побережье Европы не осталось ни одного латинского паломника.

Те же самые войска, которые угрожали Европе, могли освободить Азию и отразить турок с соседних берегов Босфора и Геллеспонта. Красивые провинции от Никеи до Антиохии были недавним достоянием римского императора, а его древнее и вечное право по-прежнему распространялось на королевства Сирии и Египта. В своем энтузиазме Алексей потакал или притворялся, что питает амбициозную надежду привести своих новых союзников к свержению тронов Востока; но более спокойные веления разума и характера отговорили его подвергать свою королевскую особу вере неизвестных и беззаконных варваров. Его благоразумие или гордость довольствовались тем, что он вынудил французских принцев принести клятву верности и преданности и торжественно пообещать, что они либо восстановят, либо удержат свои азиатские завоевания в качестве скромных и лояльных вассалов Римской империи. Их независимый дух возмутился при упоминании об этом иностранном и добровольном рабстве; они поочередно поддались ловкому применению подарков и лести; и первые прозелиты стали самыми красноречивыми и эффективными миссионерами, умножая число соратников своего позора.

Церемония их поклонения была благодарной для народа, который давно считал гордость заменой власти. Высоко на своем троне император сидел молча и неподвижно; его величество почитали латинские князья; и они подчинялись, чтобы поцеловать его ноги или колени, что было унижением, о котором их собственные писатели стыдятся признаться, но не могут отрицать.

ЧИСЛЕННОСТЬ КРЕСТОНОСЦЕВ

Завоевание Азии было предпринято и осуществлено Александром с тридцатью пятью тысячами македонцев и греков; и его лучшая надежда была в силе и дисциплине его пехотной фаланги. Основная сила крестоносцев заключалась в их кавалерии; и когда эта сила была собрана на равнинах Вифинии, рыцари и их вооруженные спутники на лошадях насчитывали сто тысяч бойцов, полностью вооруженных шлемами и кольчугами. Ценность этих солдат заслуживала строгого и достоверного описания; и цвет европейского рыцарства мог предоставить, в первую очередь, эту грозную группу тяжелой кавалерии. Часть пехоты могла быть зачислена на службу разведчиков, пионеров и лучников; но разнородная толпа терялась в своем собственном беспорядке; и мы полагаемся не на глаза или знания, а на веру и фантазию капеллана графа Болдуина, который оценивает в шестьсот тысяч паломников, способных носить оружие, помимо священников и монахов, женщин и детей латинского лагеря. Читатель вздрогнул, и прежде чем он оправится от удивления, мы добавим, опираясь на то же свидетельство, что если бы все, кто взял крест, выполнили свой обет, то более шести миллионов человек мигрировали бы из Европы в Азию. Под гнетом этой веры нам приносит некоторое облегчение более проникательный и мыслящий автор, который, после того же обзора кавалерии, обвиняет в легковёрности священника из Шартра и даже сомневается, что регионы на север от Альп (в географии француза) были достаточны

для того, чтобы произвести и выпустить такое невероятное множество людей. Самый хладнокровный скептик помнит, что из этих религиозных добровольцев огромное количество никогда не видели Константинополя и Никеи. Влияние энтузиазма нерегулярно и преходяще; многих удержали дома разум или трусость, бедность или слабость; а многих оттолкнули препятствия на пути, тем более непреодолимые, что они были непредвиденными для этих невежественных фанатиков. Дикие страны Венгрии и Болгарии были усыпаны их костями; их авангард был разбит турецким султаном; и потери первой экспедиции от меча, климата или усталости уже оцениваются в триста тысяч человек. Тем не менее, мириады выживших, которые шли вперед, продвигаясь в святом паломничестве, были предметом удивления для самих себя и для греков. Изобильная энергия ее языка уступает усилиям принцессы Анны Комнины; образы саранчи, листьев и цветов, песков моря или звезд неба несовершенно отражают то, что она видела и слышала; и дочь Алексея восклицает, что Европа была вырвана из своих оснований и брошена на Азию. Древние войска Дария и Ксеркса страдают от тех же сомнений, связанных с неопределенностью и неопределенностью масштабов; но мы склонны полагать, что никогда еще в одном лагере не собиралось столько людей, как во время осады Никеи, первой операции латинских князей. Их мотивы, их характеры и их оружие уже были описаны. Большую часть их войск составляли уроженцы Франции; Нидерланды, берега Рейна и Апулия прислали мощное подкрепление; некоторые отряды авантюристов были привлечены из Испании, Ломбардии и Англии, а из далеких болот и гор Ирландии или Шотландии прибыли некоторые обнаженные и дикие фанатики, свирепые у себя дома, но не воинственные за границей.

ОСАДА НИЦЦЫ

Мы с удовольствием подробно описали первые шаги крестоносцев, поскольку они отражают нравы и характер Европы; но мы сократим утомительное и однообразное повествование об их слепых подвигах, которые были совершены силой и описаны невежеством. От своей первой стоянки в окрестностях Никомедии они продвигались последовательными отрядами, пересекли границы Греческой империи, проложили дорогу через холмы и начали, осадив его столицу, свою благочестивую войну против турецкого султана. Его королевство Рум простиралось от Геллеспонта до границ Сирии и преграждало путь паломникам в Иерусалим; его звали Килидж-Арслан, или Сулейман, из рода Сельджуков, и был сыном первого завоевателя; и, защищая землю, которую турки считали своей, он заслужил похвалу своих врагов, благодаря которым он и известен потомкам. Поддавшись первому порыву, он оставил свою семью и сокровища в Никее, удалился в горы с пятьюдесятью тысячами всадников и дважды спускался, чтобы атаковать лагерь или кварталы христианских осаждающих, которые образовывали несовершенный круг длиной более шести миль.

Высокие и прочные стены Никеи были окружены глубоким рвом и укреплены 370 башнями; на окраине христианского мира мусульмане были обучены оружию и воодушевлены религией. Перед этим городом французские князья заняли свои позиции и продолжали свои атаки без согласования и подчинения; их доблесть была продиктована соперничеством, но она была омрачена жестокостью, а соперничество переросло в зависть и гражданскую рознь. За семь недель было затрачено много труда и крови, и осаждающие, особенно граф Раймонд, добились некоторых успехов. Но турки могли продлевать сопротивление и обеспечить себе побег, пока они были хозяевами озера Асканиус, которое простирается на несколько миль к западу от города. Средства для завоевания были предоставлены благоразумием и трудолюбием Алексея; большое количество лодок было перевезено на санях с моря на озеро; они были заполнены самыми ловкими из его лучников;

побег султана был перехвачен; Никея была окружена с суши и с воды; греческий посланник убедил жителей принять защиту своего господина и спастись, своевременно сдавшись, от ярости дикарей Европы. В момент победы, или, по крайней мере, надежды, крестоносцы, жаждущие крови и грабежа, были потрясены императорским знаменем, развевавшимся над цитаделью; и Алексей с ревнивой бдительностью охранял это важное завоевание. Ропот вождей был подавлен честью или интересом; и после девятидневной остановки они направили свой поход к Фригии под руководством греческого генерала, которого они подозревали в тайном сговоре с султаном. Супруга и главные слуги Сулеймана были с честью возвращены без выкупа; и великодушные императора по отношению к неверным было истолковано как измена христианскому делу.

БИТВА ПРИ ДОРИЛЕ

Сулейман был скорее раздражен, чем огорчен потерей своей столицы; он предупредил своих подданных и союзников об этом странном вторжении западных варваров; турецкие эмиры подчинились призыву верности или религии; туркменские орды разбили лагерь вокруг его знамени; и вся его армия, по приблизительным оценкам христиан, насчитывала 200 000, а то и 360 000 всадников. Тем не менее он терпеливо ждал, пока они не оставили позади себя море и греческую границу; и, колеблясь на флангах, наблюдал за их беспечным и уверенным продвижением в двух колоннах, невидимых друг для друга. За несколько миль до того, как они смогли достичь Дорилея во Фригии, левая и наименее многочисленная часть была застигнута врасплох, атакована и почти разгромлена турецкой кавалерией. Жара, облака стрел и варварское нападение ошеломили крестоносцев; они потеряли порядок и уверенность, и слабый отпор был поддержан скорее личной доблестью, чем военным мастерством Боэмунда, Танкреда и Роберта Нормандского. Их воодушевили приветственные знамена герцога Годфри, который примчался им на помощь с графом Вермандуа и шестьюдесятью тысячами в своей коннице; за ним следовали Раймонд Тулузский, епископ Пуйский и остатки священной армии. Не теряя ни минуты, они выстроились в новом порядке и вышли на вторую битву. Их встретили с такой же решимостью, и, презирая невоинственные народы Греции и Азии, обе стороны признали, что только турки и франки заслуживают звания солдат.

Шлем крестоносца Первого крестового похода

Пока лошади были свежи, а колчаны полны, Сулейман сохранял преимущество, и четыре тысячи христиан были пронзены турецкими стрелами. К вечеру быстрота уступила место

силе; с обеих сторон силы были равны или, по крайней мере, настолько велики, насколько позволяла местность и могли управлять полководцы; но, обогнув холмы, последний отряд Раймона и его провинциалов был, возможно, без умысла, приведен к тылу измученного врага, и долгая битва была решена. Помимо бесчисленного и неучтенного множества, в сражении и преследовании было убито три тысячи языческих рыцарей; лагерь Сулеймана был разграблен. Оставив десять тысяч стражников для охраны остатков своей армии, Сулейман эвакуировал королевство Рум и поспешил просить помощи и разжечь негодование своих восточных братьев. В походе длиной в пятьсот миль крестоносцы пересекли Малую Азию, проходя через опустошенную землю и заброшенные города, не встретив ни друзей, ни врагов. Географы могут проследить расположение Дорилея, Антиохии Писидийской, Иконии, Архелая и Германикии и сравнить эти классические названия с современными именами Эскишехр (старый город), Акшехр (белый город), Когни, Эрекли и Мараш.

ОСНОВАНИЕ КНЯЖЕСТВА ЭДЕССА

Чтобы усугубить всеобщее смятение, двоюродный брат Боэмунда и брат Годфри были откомандированы от основной армии со своими отрядами из пятисот и семисот рыцарей соответственно. Они быстро пронеслись по холмам и побережью Киликии, от Когни до Сирийских ворот; норманнское знамя было впервые водружено на стенах Тарса и Мальмистры; но гордая несправедливость Бодуэна в конце концов спровоцировала терпеливых и великодушных итальянцев, и они обратили свои освященные мечи друг против друга в частной и кощунственной ссоре. Мотивом для Танкреда была честь, а наградой — слава, но удача улыбнулась более эгоистичному предприятию его соперника. Он был призван на помощь греческому или армянскому тирану, который под турецким игом правил над христианами Эдессы. Балдуин принял на себя роль его сына и защитника, но едва он был введен в город, как он поднял народ на массовое убийство своего отца, занял трон и захватил сокровища, распространил свои завоевания на холмы Армении () и равнину Месопотамии и основал первое княжество франков или латинян, которое просуществовало пятьдесят четыре года за Евфратом.

ОСАДА АНТИОХИИ

[1097-1098 гг. н.э.]

Прежде чем франки смогли войти в Сирию, лето и даже осень были полностью потрачены впустую. Осада Антиохии или разделение и отдых армии в зимний сезон были предметом оживленных дебатов в их совете. Во главе турецких эмиров командовал ветеран-вождь Баги Сиан; его гарнизон состоял из шести или семи тысяч всадников и пятнадцати или двадцати тысяч пехотинцев. Несмотря на крепкие укрепления, город неоднократно захватывался персами, арабами, греками и турками; столь обширная окружность, должно быть, давала много точек для атаки; и в осаде, которая началась примерно в середине октября, только энергичность исполнения могла оправдать смелость попытки. Все, на что были способны сила и доблесть на поле боя, было в полной мере проявлено воинами креста; в частых вылазках, поисках провианта, атаках и обороне конвоев они часто одерживали победы; и мы можем только жаловаться, что их подвиги иногда преувеличиваются, выходя за рамки вероятности и правды. Меч Годфри разделил турка от плеча до бедра; одна половина неверного упала на землю, а другая была унесена его лошадью к городским воротам. Но

реальность или рассказы о таких гигантских подвигах, должно быть, научили мусульман держаться внутри своих стен; а против этих стен из земли или камня меч и копье были бесполезным оружием.

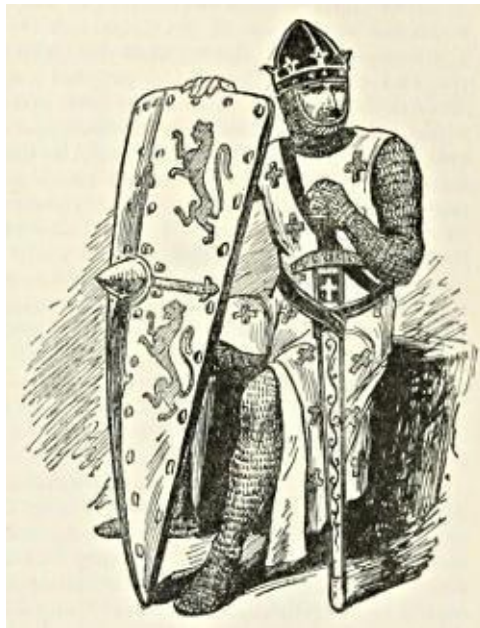
Леность или слабость помешали франкам окружить весь город, а постоянная свобода двух ворот облегчала нужды и пополняла гарнизон города. По прошествии семи месяцев, после гибели их кавалерии и огромных потерь от голода, дезертирства и усталости, продвижение крестоносцев было незаметным, а их успех отдаленным, если бы латинский Одиссей, хитрый и амбициозный Боэмунд, не применил оружие хитрости и обмана. Христиане Антиохии были многочисленны и недовольны; Фируз, сирийский отступник, снискал благосклонность эмира и получил командование тремя башнями. Вскоре была установлена тайная переписка. Боэмунд заявил на совете вождей, что может передать город в их руки. Но он потребовал в награду за свои услуги суверенитет над Антиохией, и предложение, которое было отвергнуто из-за зависти, в конце концов было вынуждено принять его равные, находясь в бедственном положении. Ночной рейд был осуществлён французскими и нормандскими князьями, которые лично поднялись по лестницам, брошенным с крепостной стены; их новый прозелит, после убийства своего слишком щепетильного брата, принял и ввёл слуг Христа; армия ворвалась через ворота, и мусульмане вскоре поняли, что, хотя милосердие было безнадёжным, сопротивление было бессильным.

Но цитадель все еще отказывалась сдаваться, и сами победители были быстро окружены и осаждены бесчисленными войсками Кербоги, князя Мосула, который с двадцатью восемью турецкими эмирами выступил на освобождение Антиохии. Двадцать пять дней христиане провели на грани гибели, и гордый наместник халифа и султана оставил им только выбор между рабством и смертью. В этой крайней ситуации они собрали остатки своих сил, вышли из города и за один памятный день уничтожили или рассеяли войско турок и арабов, которое, по их достоверным данным, насчитывало шестьсот тысяч человек. Мы перейдем к рассмотрению их сверхъестественных союзников; человеческими причинами победы в Антиохии были бесстрашное отчаяние франков и удивление, раздор, а может быть, и ошибки их противников.

В бурный период осады и обороны Антиохии крестоносцы то возвышались победами, то погружались в отчаяние, то пребывали в изобилии, то истощались от голода. Спекулятивный мыслитель мог бы предположить, что их вера оказывала сильное и серьезное влияние на их поступки и что солдаты креста, освободители Гроба Господня, готовились к ежедневному созерцанию мученичества трезвой и добродетельной жизнью. Опыт развеивает эту благотворительную иллюзию; и редко история мирских войн показывает такие сцены неводержанности и проституции, как те, что были продемонстрированы под стенами Антиохии. Роща Дафны больше не цвела, но сирийский воздух по-прежнему был пропитан теми же пороками; христиане поддавались каждому искушению, которое подсказывала или осуждала природа; авторитет вождей презирался, а проповеди и указы были одинаково бесплодны против этих скандальных беспорядков, не менее пагубных для военной дисциплины, чем отвратительных для евангельской чистоты. В первые дни осады и захвата Антиохии франки с расточительной и бездумной расточительностью израсходовали скудные запасы продовольствия, рассчитанные на недели и месяцы; опустошенная страна больше не давала продовольствия, и в конце концов они были изгнаны из этой страны войсками осаждавших их турок. Болезни, верные спутники нужды, усугублялись зимними дождями, летней жарой (), нездоровой пищей и тесным заключением множества людей. Картины голода и моровой язвы всегда одинаковы и всегда отвратительны.

Остатки сокровищ или добычи с жадностью тратились на покупку самой гнусной пищи; и ужасны должны были быть бедствия бедняков, поскольку, заплатив три марки серебра за козу и пятнадцать за тощего верблюда, граф Фландрии был вынужден просить о еде, а герцог Годфри — озаимствовать лошадь. В лагере насчитывалось шестьдесят тысяч лошадей; к концу осады их число сократилось до двух тысяч, и в день битвы едва ли можно было собрать двести лошадей, пригодных для службы. Физическая слабость и душевный страх погасили горячий энтузиазм паломников; и все мотивы чести и религии были подавлены желанием жить. Среди вождей можно было найти трех героев, не знавших страха и упреков: Годфри де Буйон поддерживался своей великодушной набожностью; Боэмунд — амбициями и интересами; а Танкред, в истинном духе рыцарства, заявил, что пока он возглавляет сорок рыцарей, он никогда не откажется от завоевания Палестины. Но граф Тулузы и Прованса был заподозрен в добровольной нетрудоспособности; герцог Нормандии был отозван с морского побережья по осуждению церкви; Хью Великий, хотя и возглавлял авангард сражения, воспользовался двусмысленной возможностью вернуться во Францию; а Стефан, граф Шартра, подло покинул знамя, которое он нес, и совет, которому он председательствовал. Солдаты были обескуражены бегством Вильгельма, виконта Мелунского, прозванного Плотником за тяжелые удары его топора; а святые были возмущены падением Петра Отшельника, который пытался уклониться от необходимого поста.^[49]

ТИПИЧНОЕ ЧУДО

НОРМАНДСКИЙ КРЕСТОНОСЕЦ

В таком деле и в такой армии видения, пророчества и чудеса были частыми и привычными. В бедствии Антиохии они повторялись с необычайной энергией и успехом; Святой Амвросий заверил благочестивого священнослужителя, что два года испытаний должны предшествовать сезону освобождения и благодати; дезертиры были остановлены присутствием и упреками самого Христа; мертвые пообещали воскреснуть и сражаться со своими братьями; Дева Мария добилась прощения их грехов; и их уверенность была возрождена видимым знаком, своевременным и великолепным открытием святого копья. Политика их вождей в этом случае вызвала восхищение и, безусловно, могла быть оправдана; но благочестивое мошенничество редко является результатом хладнокровного заговора многих людей; и добровольный обманщик мог рассчитывать на поддержку мудрых и доверчивость народа. В епархии Марселя был священник, отличавшийся низкой хитростью и распущенными нравами, по имени Петр Бартоломео. Он явился к дверям зала совета, чтобы рассказать о явлении святого Андрея, которое трижды повторялось в его сне, с ужасной угрозой, если он осмелится игнорировать повеления небес. «В Антиохии, — сказал апостол, — в церкви моего брата святого Петра, рядом с главным алтарем, спрятана стальная головка копья, пронзившего бок нашего Искупителя. Через три дня этот инструмент вечного, а теперь и временного спасения будет явлен его ученикам. Ищите и найдете; поднимите его высоко в битве, и это мистическое оружие пронзит души нечестивцев». Легат папы, епископ Пюи, делал вид, что слушает с холодностью и недоверием, но откровение было с энтузиазмом принято графом Раймоном, которого его верный подданный, от имени апостола, избрал хранителем святого копья.

Эксперимент был решен; и на третий день после должной подготовки молитвой и постом священник из Марселя ввел двенадцать доверенных зрителей, среди которых были граф и его капеллан; и двери церкви были заперты от неистовой толпы. Земля была вскрыта в назначенном месте; но рабочие, сменяя друг друга, копали до глубины двенадцати футов, не обнаружив объекта своих поисков. Вечером, когда граф Раймонд удалился на свой пост, а уставшие помощники начали роптать, Бартоломео в одной рубашке и без обуви смело спустился в яму; темнота часа и места () позволила ему спрятать и положить туда наконечник сарацинского копья; и первый звук, первый блеск стали были встречены с благоговейным восторгом. Святое копье было извлечено из углубления, обернуто в шелковую и золотую завесу и представлено на поклонение крестоносцам; их тревожное

ожидание вылилось в общий крик радости и надежды, и унылые войска вновь воспламенились энтузиазмом доблести. На следующий день ворота Антиохии были распахнуты; боевой порядок был выстроен; святое копье несло капеллан Раймона; и войска врага были уничтожены или рассеяны.

В период опасности и триумфа откровение Варфоломея Марсельского было единодушно признано; но как только временная служба была выполнена, личное достоинство и щедрые жертвования, которые граф Тулузский получал от хранения святого копья, вызвали зависть и пробудили разум его соперников. Нормандский клерк осмелился с философским духом проанализировать правдивость легенды, обстоятельства открытия и характер пророка; а благочестивый Бозмунд приписал их освобождение только заслугам и заступничеству Христа. Некоторое время провинциалы защищали свой национальный палладиум криками и оружием, а новые видения обрекали на смерть и ад кощунственных скептиков, осмелившихся подвергнуть сомнению правдивость и достоинства открытия. Преобладание неверия вынудило автора подвергнуть свою жизнь и правдивость суду Божьему. В центре лагеря была возведена куча сухих хворостов высотой четыре фута и длиной четырнадцать, пламя возвышалось на тридцать локтей, и для опасного испытания оставили узкую тропинку шириной двенадцать дюймов. Несчастный священник из Марселя прошел через огонь ловко и быстро, но его бедра и живот были обожжены сильным жаром; он скончался на следующий день, и логика верующих умов будет в какой-то мере учитывать его предсмертные заявления о своей невиновности и правде. Провинциалы предприняли некоторые попытки заменить святое копье крестом, кольцом или скинией, которое вскоре исчезло в презрении и забвении.

Осторожность или удача франков задержала их вторжение до упадка Турецкой империи. Под мужественным правлением первых трех султанов королевства Азии были объединены в мире и справедливости; и бесчисленные армии, которыми они лично командовали, были равны по мужеству и превосходили по дисциплине варваров Запада. Но во время крестового похода наследство Малик-Шаха оспаривали его четыре сына. Двадцать восемь эмиров, которые шли под знаменем Кербоги, были его соперниками или врагами; их поспешно набранные войска были взяты из городов и шатров Месопотамии и Сирии, а турецкие ветераны были задействованы или уничтожены в гражданских войнах за Тигром. Халиф Египта воспользовался этой возможностью слабости и раздора, чтобы вернуть свои древние владения; и его султан Афдал осадил Иерусалим и Тир, изгнал детей Ортока и восстановил в Палестине гражданскую и церковную власть Фатимидов. Они с изумлением узнали о огромных армиях христиан, перешедших из Европы в Азию, и радовались осадам и сражениям, которые сломили силу турок, противников их секты и монархии. Но те же самые христиане были врагами пророка; и после падения Nikeи и Антиохии мотив их предприятия, который постепенно становился понятным, подталкивал их к берегам Иордана или, возможно, Нила. Между тронном Каира и лагерем латинян поддерживалась переписка и посольства, которые возникали и исчезали в зависимости от хода войны; их враждебная гордость была результатом невежества и энтузиазма. Министры Египта заявляли высокомерным или, в более мягком тоне, намекали, что их правитель, истинный и законный полководец верующих, освободил Иерусалим от турецкого ига и что паломники, если они разделят свои ряды и сложат оружие, найдут безопасный и гостеприимный прием у гробницы Иисуса. В любом случае ответ крестоносцев был твердым и единодушным: они пренебрегли частными претензиями или владениями последователей Мухаммеда; кто бы ни был этот узурпатор Иерусалима, его имя или национальность не имели значения, он был их врагом; и вместо того, чтобы предписывать им условия и сроки их паломничества (), он мог заслужить их союз или избежать их неминуемого и непреодолимого нападения только путем своевременной сдачи города и провинции, что было их священным правом.

[1098-1099 гг. н.э.]

Однако это нападение, когда они были в пределах видимости и досягаемости своей славной добычи, было приостановлено на десять месяцев после поражения Кербози. Рвение и мужество крестоносцев охладели в момент победы; и вместо того, чтобы маршировать, чтобы усилить смятение, они поспешно рассеялись, чтобы насладиться роскошью Сирии. Причины этой странной задержки можно найти в недостатке силы и подчинения. В ходе мучительных и разнообразных сражений за Антиохию кавалерия была уничтожена; многие тысячи солдат всех званий погибли от голода, болезней и дезертирства; то же злоупотребление изобилием привело к третьему голоду; а чередование неумеренности и бедствий породило эпидемию, которая унесла жизни более пятидесяти тысяч паломников. Немногие были способны командовать, и никто не был готов подчиняться; граф Раймонд истощил свои войска и сокровища в бесполезном походе в сердце Сирии. Зима прошла в раздоре и беспорядке. В мае остатки этого могучего войска двинулись из Антиохии в Лаодикию; около сорока тысяч латинян, из которых не более полутора тысяч всадников и двадцати тысяч пехотинцев были способны к немедленной службе. Их легкий поход продолжался между горой Ливан и побережьем моря; их потребности щедро удовлетворялись прибрежными торговцами из Генуи и Пизы; и они получали большие жертвования от эмиров Триполиса, Тира, Сидона, Акры и Кесарии, которые предоставили им свободный проход и пообещали последовать примеру Иерусалима. Из Кесарии они продвинулись вглубь страны; их писцы узнали священные места Лидды, Рамлы, Эммауса и Вифлеема, и как только они разглядели Святой город, крестоносцы забыли о своих трудах и потребовали свою награду.

Иерусалим приобрел определенную репутацию благодаря количеству и значимости своих памятных осад. Только после долгой и упорной борьбы Вавилон и Рим смогли победить упрямство народа, скалистую местность, которая могла заменить необходимость укреплений, и стены и башни, которые укрепили бы самую доступную равнину. Опыт недавней осады и трехлетнего владения научил сарацинов Египта распознавать и в некоторой степени исправлять недостатки места, которое религия и честь запрещали им сдавать. Аладин, или Ифтихар, лейтенант халифа, был поручен обороной; его политика стремилась сдерживать местных христиан страхом перед их собственной гибелью и гибелью Гроба Господня. Говорят, что его гарнизон состоял из сорока тысяч турок и арабов; и если бы он смог собрать двадцать тысяч жителей, то нужно признать, что осажденные были более многочисленны, чем осаждающая армия. Их осада была более разумно направлена против северной и западной сторон города. Годфри де Буйон воздвиг свое знамя на первом возвышении горы Голгофы; слева, вплоть до ворот Святого Стефана, линию атаки продолжили Танкред и два Роберта; а граф Раймонд установил свои кварталы от цитадели до подножия горы Сион, которая больше не входила в пределы города. На пятый день крестоносцы предприняли общее наступление. С помощью грубой силы они прорвали первый барьер, но были с позором и большими потерями отброшены обратно в лагерь; влияние видений и пророчеств было ослаблено слишком частым злоупотреблением этими благочестивыми уловками; и время и труд оказались единственными средствами победы. Осада действительно длилась сорок дней, но это были сорок дней бедствий и мучений. В пятницу, в три часа дня, в день и час страстей, Годфри де Буйон стоял победоносный на

стенах Иерусалима. Его примеру повсюду следовали подражатели, и примерно через 460 лет после завоевания Омаром Святой город был освобожден от мусульманского ига. При разграблении общественного и частного имущества авантюристы договорились уважать исключительную собственность первого владельца; и добыча из великой мечети, семьдесят ламп и массивные вазы из золота и серебра, вознаградила усердие и продемонстрировала щедрость Танкреда.

Кровавая жертва была принесена его заблудшими поклонниками Богу христиан; сопротивление могло вызвать, но ни возраст, ни пол не могли смягчить их неумолимую ярость; они три дня предавались беспорядочной резне, и заражение от трупов вызвало эпидемическую болезнь. После того как семьдесят тысяч мусульман были преданы мечу, а безобидные евреи сожжены в своей синагоге, они все еще могли удержать множество пленников, которых интерес или усталость убедили их пощадить. Из этих диких героев креста только Танкред проявил некоторые чувства сострадания; однако мы можем похвалить более эгоистичную мягкость Раймона, который предоставил капитуляцию и безопасный проход гарнизону цитадели.

Святой Гроб был теперь свободен, и кровавые победители приготовились исполнить свою клятву. С непокрытыми головами и босиком, с раскаявшимися сердцами и в смиренной позе, они поднялись на холм Голгофы под громкие гимны духовенства, поцеловали камень, который покрывал Спасителя мира, и оросили слезами радости и покаяния памятник своего искупления.^b

АРАБСКИЙ ОПИСАНИЕ

В такой исторический момент, как этот, полезно посмотреть, как другая сторона воспринимает кризис. Арабский историк Ибн Гузи^d писал следующее: «Когда франки вышли из Антиохии, их число составляло один миллион человек, из которых пятьсот тысяч были годны к войне. Остальные состояли из рабочих и тех, кто обслуживал поворотные пушки и другие военные инструменты. Они шли вдоль берега моря. В то время Иерусалим принадлежал египтянам. Их полководцем был Ифтихар ад-Даула, или «слава империи».

«Осада длилась сорок дней. Франки построили две башни, чтобы контролировать городские стены: одну в направлении ворот Сидона, другую — в направлении ворот Асбата и Амуда, или ворот Племен и Колонны (). Осажденным удалось сжечь башню возле ворот Сидона; вторая была подведена близко к стенам. Затем франки задействовали все свои машины одновременно; атакуя как один человек, они обратили мусульман в бегство и силой вошли в город. Жители укрылись в мечети Алакса и ее пристройках; франки, последовав за ними туда, убили, как говорят, сто тысяч человек и взяли в плен столько же. Они не пощадили даже стариков обоих полов.

«В этом месте хранились огромные богатства. Они нашли семьдесят ламп, двадцать из которых были золотыми, а остальные — серебряными; они также унесли *теннур*, или большую серебряную лампу, весом в сорок сирийских фунтов. Евреев они заперли в синагоге и сожгли там. Иерусалим находился под властью ислама без перерыва со времени правления халифа Омара, в шестнадцатом году хиджры (637 г. н. э.). Мусульманский автор по имени Ибн Зулак^d, несомненно, желая придать большее значение этому событию, заявляет, что в момент, когда христиане вошли в Святой город, произошло солнечное затмение, земля погрузилась во тьму, а звезды появились в ярком дневном свете».^d

Мусульманские поэты с яростью описывают ужасы массовых убийств, оплакивая гибель женщин и детей и судьбу их отцов, которые «еще недавно были хозяевами Сирии, а теперь

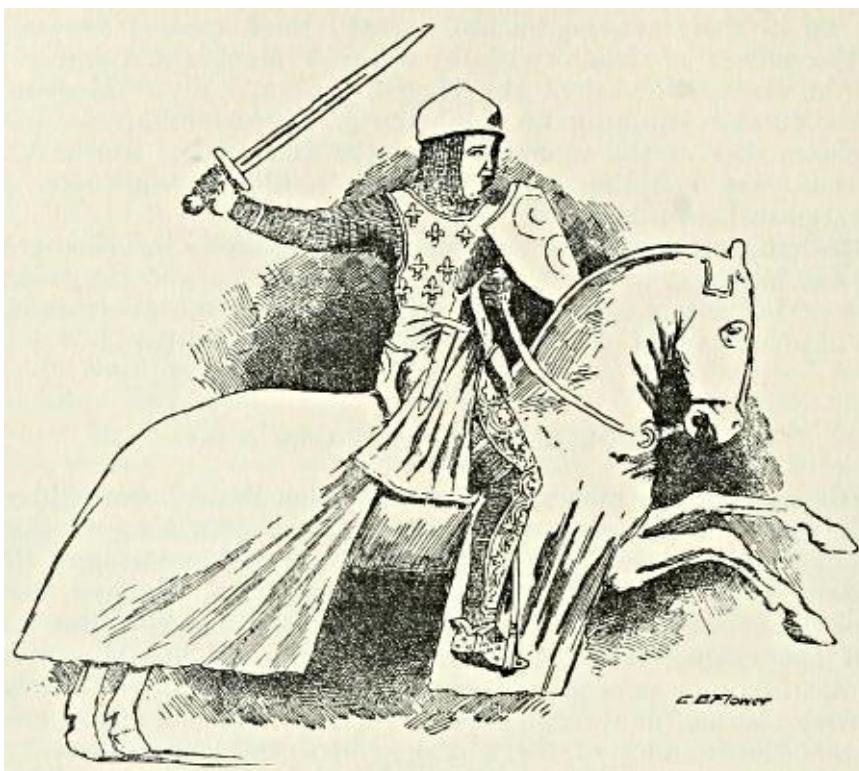
не нашли другого убежища, кроме спин быстрых верблюдов или даже внутренностей стервятников!^{[34](#)}

ГОДФРИ ИЗБРАН КОРОЛЕМ (1099 г. н. э.)

[1099-1147 гг. н. э.]

Через восемь дней после этого памятного события, о котором папа Урбан не успел узнать, латинские вожди приступили к избранию короля, который должен был охранять и управлять их завоеваниями в Палестине. Ревность и амбиции Раймона были осуждены его собственными последователями, и свободный, справедливый, единомысленный голос армии провозгласил Годфри де Буйон первым и самым достойным из защитников христианского мира. Его великодушие приняло на себя обязанности, полные как опасностей, так и славы; но в городе, где его Спаситель был увенчан терновым венцом, набожный паломник отверг имя и знаки королевской власти; и основатель Иерусалимского королевства довольствовался скромным титулом Защитника и Барона Гроба Господня. Его правление, длившееся всего один год, слишком короткий для общественного счастья, было прервано в первые две недели вызовом на поле боя в связи с приближением визиря или султана Египта, который был слишком медлителен, чтобы предотвратить, но нетерпелив, чтобы отомстить за потерю Иерусалима. Его полное поражение в битве при Аскалоне закрепило власть латинян в Сирии и продемонстрировало доблесть французских принцев, которые в этой битве надолго простились со священными войнами.

Повесив перед Гробом Господним меч и знамя султана, новый король (он заслуживает этого титула) обнял своих уходящих товарищей и смог удержать только триста рыцарей и две тысячи пехотинцев вместе с доблестным Танкредом для защиты Палестины. Его власть вскоре подверглась нападению со стороны нового врага, единственного, перед которым Годфри был трусом. Адемар, епископ Пуйский, который превосходил всех как в совете, так и в действиях, был сметен последней чумой в Антиохии; оставшиеся церковники сохранили только гордость и алчность своего характера; и их мятежные вопли требовали, чтобы выбор епископа предшествовал выбору короля. Доходы и юрисдикция законного патриарха были узурпированы латинским духовенством; исключение греков и сирийцев оправдывалось упреками в ереси или расколе; и под железным игом своих освободителей восточные христиане с ностальгией вспоминали терпимое правление арабских халифов. Даймберт, архиепископ Пизы, долгое время обучался тайной политике Рима; он привел флот своих соотечественников на помощь Святой Земле и был назначен, без конкурентов, духовным и светским главой церкви. Новый патриарх немедленно захватил скипетр, который был завоеван трудом и кровью победоносных паломников; и Годфрей, и Боэмунд подчинились, чтобы получить из его рук инвеституру своих феодальных владений. Но и этого было недостаточно; Даймберт потребовал немедленной передачи ему Иерусалима и Иоппы; вместо твердого и великодушного отказа герой вступил в переговоры со священником; четверть каждого из этих городов была уступлена церкви, а скромный епископ удовлетворился возможным возвращением остальной части в случае смерти Годфри бездетным или в случае приобретения в будущем новой резиденции в Каире или Дамаске.

КРЕСТОНОСЕЦ

(С изображения на могиле во Флоренции)

Без этой снисходительности завоеватель был бы почти лишен своего молодого королевства, которое состояло только из Иерусалима и Иоппы, а также примерно двадцати деревень и городов прилегающих территорий. В пределах этой узкой полосы мусульмане по-прежнему занимали некоторые неприступные замки, а земледельцы, торговцы и паломники ежедневно подвергались враждебности со стороны местного населения. Благодаря оружию самого Годфрида и двух Болдуинов, его брата и двоюродного брата, которые унаследовали трон, латиняне дышали более свободно и безопасно; и в конце концов они сравнялись по размеру своих владений, хотя и не по количеству миллионов подданных, с древними князьями Иудеи и Израиля. После завоевания приморских городов Лаодикии, Триполиса, Тира и Аскалона, которым оказывали мощную помощь флоты Венеции, Генуи, Пизы и даже Фландрии и Норвегии, побережье от Скандерона до границ Египта было захвачено христианскими паломниками. Если князь Антиохии отказался от своего верховенства, то графы Эдессы и Триполиса признали себя вассалами короля Иерусалима; латиняне правили за Евфратом; и четыре города Хемс, Хама, Дамаск и Алеппо были единственными остатками мусульманских завоеваний в Сирии.

В эти заморские колонии были введены законы и язык, нравы и титулы французской нации и латинской церкви. Вся законная милиция королевства не могла превышать одиннадцати тысяч человек, что было слабой защитой от окружающих мириад сарацин и турок. Но самым надежным оплотом Иерусалима были рыцари госпитальерского ордена Святого Иоанна и храма Соломона, странное объединение монашеской и военной жизни, которое могло быть подсказано фанатизмом, но которое политика должна была одобрить. Цветы европейской знати стремились носить крест и давать обеты этих уважаемых орденов; их дух и дисциплина были бессмертны; и быстрое пожертвование двадцати восьми тысяч ферм или поместий позволило им содержать регулярные силы кавалерии и пехоты для защиты Палестины. Строгость монастырской жизни вскоре испарилась в военных

учениях; мир был возмущен гордостью, алчностью и коррупцией этих христианских воинов. Но даже в самый разгульный период рыцари Госпитальерского и Тамплиерского орденов сохраняли свой бесстрашный и фанатичный характер; они пренебрегали жизнью, но были готовы умереть на службе Христу; и дух рыцарства, родитель и потомок крестовых походов, был перенесен этой институцией из Гроба Господня на остров Мальта.

Как только Годфри де Буйон принял должность верховного магистрата, он обратился за публичным и частным советом к латинским паломникам, которые были наиболее осведомлены о законах и обычаях Европы. На основе этих материалов, с советом и одобрением патриархов и баронов духовенства и мирян, Годфри составил *Ассизы Иерусалима* — ценный памятник феодальной юриспруденции.

Справедливость и свобода конституции поддерживались двумя судами неравного достоинства, которые были учреждены Годфри де Бульоном после завоевания Иерусалима. Король лично председательствовал в высшем суде, суде баронов. Четырьмя наиболее заметными из них были князь Галилеи, лорд Сидона и Кесарии, а также графы Иоппы и Триполиса, которые, возможно, вместе с констеблем и маршалом, были в особом роде соперниками и судьями друг друга. Но все дворяне, которые владели землями непосредственно от короны, имели право и были обязаны присутствовать на королевском суде; и каждый барон осуществлял аналогичную юрисдикцию в подчиненных собраниях своих собственных феодалов. Суд боя был установлен во всех уголовных делах, которые затрагивали жизнь, здоровье или честь любого человека, а также во всех гражданских сделках на сумму, равную или превышающую одну серебряную марку.

Среди причин, которые освободили плебеев от ига феодальной тирании, одним из самых мощных является учреждение городов и корпораций; и если те, что в Палестине, являются современниками Первого крестового похода, то их можно отнести к самым древним в латинском мире. Многие паломники сбежали от своих господ под знаменем креста, и французские князья проводили политику, направленную на то, чтобы побудить их остаться, обещая им права и привилегии свободных людей (). В *Ассизе Иерусалима* прямо заявлено, что после учреждения для своих рыцарей и баронов суда пэров, в котором он сам председательствовал, Годфри де Буйон учредил второй трибунал, в котором его личность представлял его виконт. Юрисдикция этого нижестоящего суда распространялась на горожан королевства; он состоял из избранного числа самых благоразумных и достойных граждан, которые приносили присягу судить в соответствии с законами о поступках и судьбах своих равных. При завоевании и заселении новых городов пример Иерусалима был подражаем королями и их великими вассалами; до потери Святой Земли было основано более тридцати подобных корпораций. Другая группа подданных, сирийцы, или восточные христиане, подвергались угнетению со стороны ревностного духовенства и находились под защитой терпимости государства. Годфри прислушался к их разумной просьбе, чтобы их судили по их собственным национальным законам. Для них был учрежден третий суд с ограниченной и внутренней юрисдикцией; присяжные члены были сирийцами по крови, языку и религии, но должность президента (по-арабски «*райс*») иногда исполнял виконт города. На неизмеримое расстояние ниже дворян, горожан и иностранцев, *Ассиз Иерусалима* снисходит упомянуть крепостных и рабов, крестьян и военнопленных, которые почти в равной степени считались объектами собственности. Помощь или защита этих несчастных людей не считалась достойной внимания законодателя, но он усердно заботился о возвращении беглецов, хотя и не о наказании их. Как собаки или соколы, которые отбились от законного владельца, они могли быть потеряны и востребованы; раб и сокол имели одинаковую ценность; но три раба или двенадцать волов составляли цену боевого коня; и в эпоху рыцарства сумма в триста золотых монет была установлена в качестве эквивалента более благородного животного.^b

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Как будто подчиняясь полученному импульсу, новое государство продолжило дух завоеваний под руководством двух первых преемников Годфри — Бодуэна I (1100-1118) и Бодуэна II Бургского (1118-1131). Но после этих двух правлений начался упадок, сопровождавшийся раздорами. Атабеги, правившие в Мосуле и Дамаске, захватили Эдессу и убили ее жителей в 1144 году. Потребовалась не менее кровавая катастрофа, оставившая Палестину без защиты, чтобы подтолкнуть Европу к возобновлению крестового похода.

Первый крестовый поход сильно отличался от семи других. Он зажег всю Европу, глубоко всколыхнул массы, как простой народ, так и знать, и стал симптомом великого переворота в чувствах и идеалах. Два последующих крестовых похода не имели той же мотивации. Почти все они были проведены королями, которые держались в стороне от первого; и даже если вера никогда не отсутствовала, политика часто преобладала.

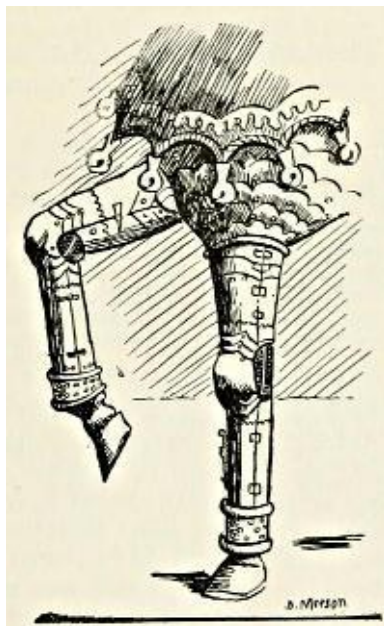
Второй крестовый поход все еще отражал дух преданности, который одухотворял первый, но он уже был делом не народа, а князей — императора Конрада III и короля Франции Людовика VII, который взял крест, несмотря на осторожные советы своего министра аббата Сугера. Этот крестовый поход проповедовал во Франции и Германии святой Бернард, но энтузиазм уже несколько поостыл. Общий налог, введенный на все королевство Франции и на все классы — дворян, священников и крестьян — вызвал много протестов; в Сене народ убил аббата Сен-Пьер-ле-Виф, правителя части их города, из-за налога, который он хотел взимать. «Король, — писал современник, — отправился в путь под проклятиями». Святому Бернарду предложили возглавить экспедицию, но, вспомнив о Петре Отшельнике, он отказался.⁴⁸

Этот Петр Пустынник, который, несмотря на свою кроткость и скромность, вверг всю Европу в хаос и привел огромную толпу на заклание в Малой Азии, получил благодарственное письмо в Иерусалиме, когда город был взят; а затем, уединившись в родной Франции, построил монастырь в Уи на Маасе, где жил тихо и умер в неизвестности в 1115 году, не обращая внимания на серию кровавых войн, которые последовали вследствие его пламенной ораторской речи и фанатичного безумия.⁴⁹

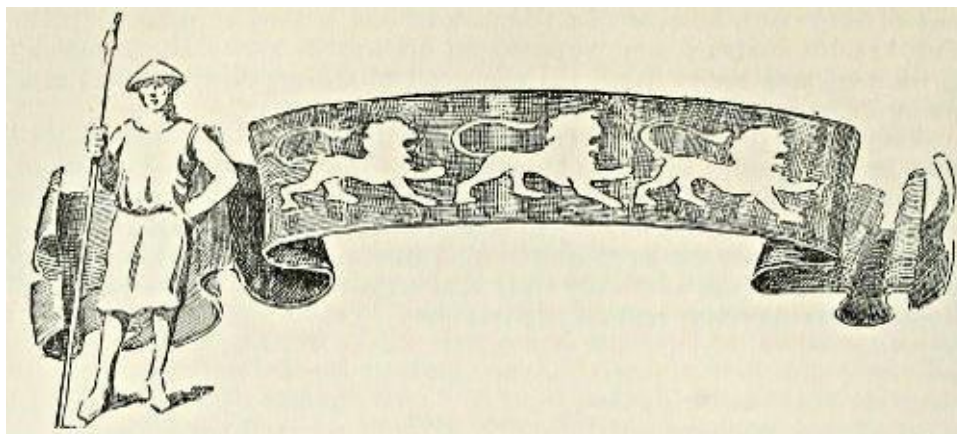
СНОСКИ

^[48] [Читатель должен с осторожностью относиться к некоторым из этих цифр, но зачастую не существует документов, на которых можно было бы основать их изменение или замену, и мы можем только цитировать старого летописца и относиться к его цифрам с большой долей скептицизма.]

^[49] Петр и Уильям бежали ночью из лагеря крестоносцев, охваченного отчаянием перед взятием Антиохии. Утром они были преследованы Танкредом, возвращены и вынуждены публично поклясться, что больше никогда не покинут армию. — Вилкен, ⁴⁸ I, стр. 184.

Конная броня XIII и XIV веков

ГЛАВА III. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Каждое сердце крылатое, и каждая пятка крылатая;
Они летят, но не замечают, как быстро они летят;
Но к тому времени, когда безросые луга покажут
Восход жаркого солнца в небе,
вот, возвышающийся Иерусалим приветствует взор!
Тысяча указывающих пальцев рассказывает эту историю;
«Иерусалим!» — кричат тысячи голосов,

«Слава тебе, Иерусалим!» Холмы, долины и равнины

Улавливают радостные звуки и кричат: «Иерусалим, приветствуем тебя!»

—Тассо (*Иерусалим*, песнь III).

[1147-1189 гг. н. э.]

Энтузиазм Первого крестового похода — естественное и простое явление, когда надежда была свежа, опасность не испытана, а предприятие соответствовало духу времени. Но упорное настойчивое стремление Европы действительно может вызвать наше сочувствие и восхищение: то, что из постоянного и неблагоприятного опыта не было извлечено никаких уроков; что та же самая уверенность снова и снова росла из тех же самых неудач; что шесть последующих поколений бросились в пропасть, которая открывалась перед ними; и что люди всех сословий поставили на карту свою публичную и частную судьбу в отчаянном приключении, чтобы завладеть или вернуть надгробную плиту, находящуюся за две тысячи миль от их страны. В течение двух столетий после Клермонского собора каждую весну и каждое лето происходила новая эмиграция воинствующих паломников для защиты Святой Земли; но семь великих вооружений или крестовых походов были вызваны каким-то надвигающимся или недавним бедствием; нации были движимы авторитетом своих понтификов и примером своих королей; их рвение было разжигается, а разум заглушается голосом их святых ораторов; и среди них Бернард, монах или святой, может претендовать на самое почетное место.

СВЯТОЙ БЕРНАРД

[1115-1147 гг. н. э.]

Примерно за восемь лет до первого завоевания Иерусалима он родился в знатной семье в Бургундии; в возрасте двадцати трех лет он уединился в монастыре Сито, который в то время находился в первоначальном увлечении этой институцией; через два года он вывел ее третью колонию, или дочь, в долину Клерво в Шампани; и до самой смерти был доволен скромным положением аббата своей общины. Философская эпоха с слишком либеральным и безразличным презрением отменила почести этих духовных героев. Самые скромные из них отличаются некоторой энергией ума; они, по крайней мере, превосходили своих последователей и учеников; и в гонке суеверий они достигли цели, за которую боролось столько людей. В речи, в письменности, в действиях Бернард стоял высоко над своими соперниками и современниками; его сочинения не лишены остроумия и красноречия; и он, кажется, сохранил столько разума и человечности, сколько можно было совместить с характером святого. В светской жизни он получил бы седьмую часть частного наследства; благодаря обету бедности и покаяния, закрыв глаза на видимый мир, отказавшись от всех церковных санов, аббат Клерво стал оракулом Европы и основателем 160 монастырей. Князья и понтифики трепетали перед свободой его апостольских осуждений; Франция, Англия и Милан консультировались с ним и подчинялись его суждению во время раскола церкви; долг был погашен благодарностью Иннокентия II; а его преемник, Евгений III, был другом и учеником святого Бернарда.

Именно в провозглашении Второго крестового похода он прославился как миссионер и пророк Божий, призвавший народы на защиту Гроба Господня. На парламенте в Везеле он выступил перед королем, и Людовик VII со своими вельможами принял кресты из его рук. Затем аббат Клерво отправился на менее легкое завоевание императора Конрада;

флегматичный народ, не знавший его языка, был увлечен патетической страстью его тона и жестов; и его путь от Констанца до Кельна был триумфом красноречия и рвения. Бернард приветствует свой собственный успех в обезлюдении Европы; утверждает, что города и замки опустели, и подсчитывает, что только один человек остался для утешения семи вдов. Слепые фанатики хотели избрать его своим генералом, но перед его глазами был пример отшельника Петра, и, хотя он уверял крестоносцев в божественной милости, он благоразумно отказался от военного командования, в котором поражение и победа были бы почти одинаково позорны для его характера.^b

В условиях всеобщего смятения, которое вызвало падение Эдессы во всей Палестине, все слои населения призывали своих соотечественников на Западе. Весть о потере восточной границы Латинского королевства достигла Франции в момент, особенно благоприятный для войны за рубежом. После того как французский король Людовик VII подчинил своего вассала графа Шампани, он превзошел обычную жестокость завоевателей и, вместо того чтобы опустить меч, когда жители Ветри сдались, поджег церковь, в которой укрылись более 1300 человек. Его кощунственное варварство вызвало возмущение духовенства и мирян. Приступ болезни успокоил его страсти; его совесть обвинила и осудила его, и он решил искупить свои грехи паломничеством в Иерусалим. Людовик VII был первым суверенным князем, который обязался сражаться под знаменем креста. Вести о бедствиях в Палестине ускорили его святое решение, и, как и другие люди, он был бурно взволнован красноречием святого Бернарда, великого оракула того времени.

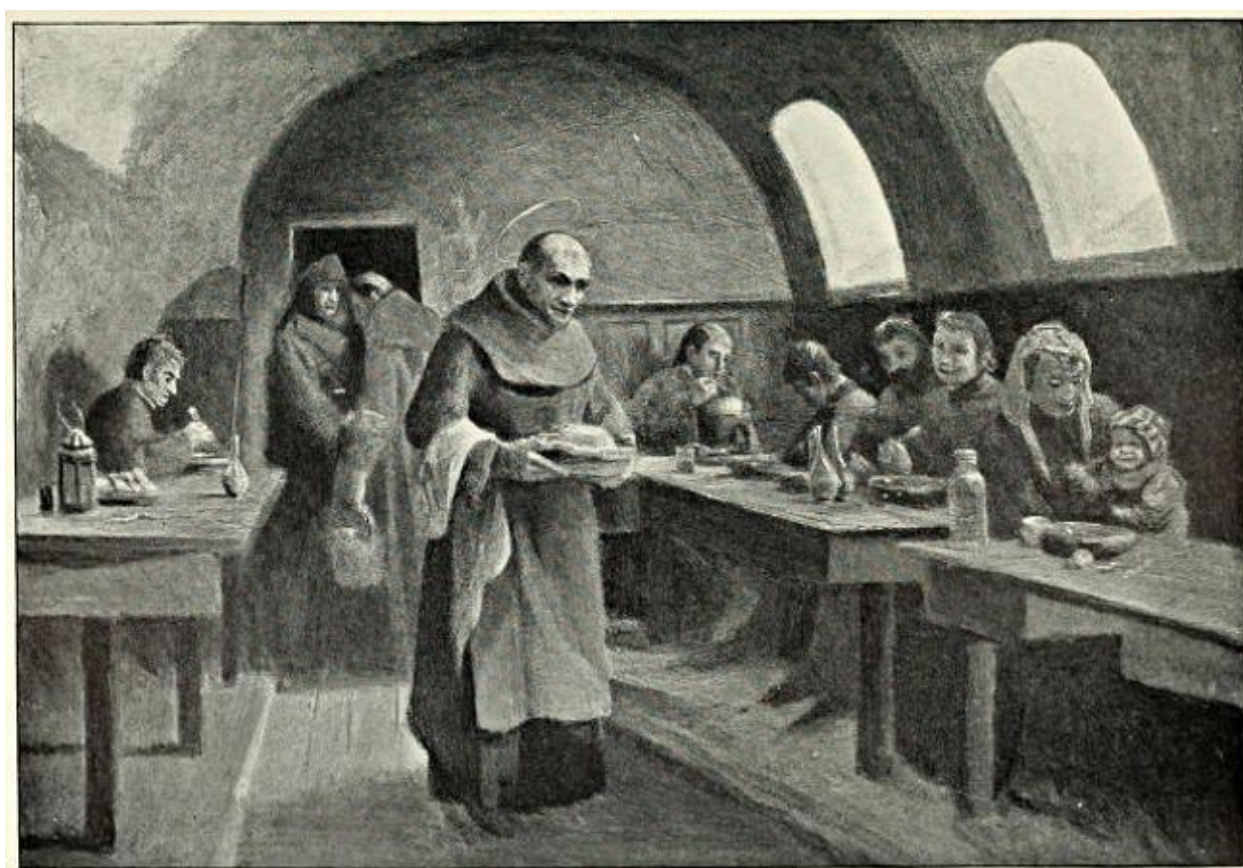
Желание Людовика участвовать в крестовом походе было одобрено папой Евгением III. Его намерение было объявлено святым, и Бернарду было приказано путешествовать по Франции и Германии и проповедовать полное отпущение грехов тем, кто последует примеру короля. Евгений написал верным сыновьям церкви, призывая их пересечь моря и отправиться в Палестину. Первые крестоносцы вызвали гнев небес своей распущенностью и глупостью, но новые воины Христа должны были путешествовать в простой одежде, пренебрегая роскошью соколов и охотничьих собак. Как Петр осуждал скандал, связанный с тем, что святые места оставались в руках неверных, так и красноречивый Бернард с амвона громогласно осуждал позор, связанный с тем, что земля, освобожденная от осквернения, снова погружалась в него. Его допускали к престолом князей, а также к амвонам их церквей, к публичным собраниям и частным встречам. На парламенте, состоявшемся в Везеле в пасхальное время 1146 года, Людовик был подтвержден в своем благочестивом решении; и, приняв на коленях святой символ, он вместе с Бернардом призвал баронов и рыцарей спасти святилище Давида из рук филистимлян. Ни один дом не мог вместить толпу; они собрались на полях, и Бернард обратился к ним с высокой кафедры. Как и на Клермонском соборе, и в этот раз крики «*Deus id vult*» раздавались до небес; крестов, которые человек Божий принес с собой на собрание, было явно недостаточно для всех энтузиастов, и поэтому он разорвал свою простую монашескую одежду на мелкие кусочки и прикрепил их к плечам своих преклонившихся новообращенных. Успешный поджигатель затем пересек Рейн; и каждый город и деревня от Констанца до Каринтии откликнулись на призыв к войне.

[1147-1148 гг. н. э.]

Но император Конрад III долго и решительно отказывался. Поскольку политика мешала проявлению религиозного рвения, проповедник пытался убедить его в том, что если он будет сражаться за Царство Божие, то небеса защитят его королевство в Европе. Император все еще хотел веры, но когда святой оратор в момент особой энергии нарисовал оживленную картину событий Судного дня, наказаний, которые будут наложены на ленивых, и наград, которые будут излиты на воинствующих христиан, тогда убеждение

пронзило ум королевского слушателя, и было сделано заявление, что господин германцев знает и выполнит свой долг перед церковью. Воодушевленные этим примером, бароны и народ взялись за оружие.^[50]

Майнц был местом сбора французских крестоносцев, а Ратисбон — немецких. Французские войска состояли из священников, народа и солдат; из последних семьдесят тысяч были вооружены шлемами и кольчугами. Гражданские войны в Англии закончились из-за слабости всех сторон, но часть дворянства, не находя себе занятия, когда не было кровопролитных сражений, присоединилась к войску Людовика. Конрад имел не менее многочисленную и грозную армию, в которой было достаточное количество легко вооруженных людей и простых паломников. Энтузиазм крестоносцев воплотил в жизнь мечты романистов, и героини, как и герои, готовились к войне с язычниками. Среди немцев ехала значительная группа женщин; они были вооружены копьями и щитами, но (подобно Камилле из поэмы Вергилия) любовь к обычным удовольствиям смешалась у них с желанием великих подвигов, ибо они отличались роскошью своих нарядов, а смелая вождь называлась «дамой с золотыми ногами».^[51] Император прошел через Венгрию и добился дружбы греческого двора.

СВЯТОЙ БЕРНАРД КОРМИТ БЕДНЫХ

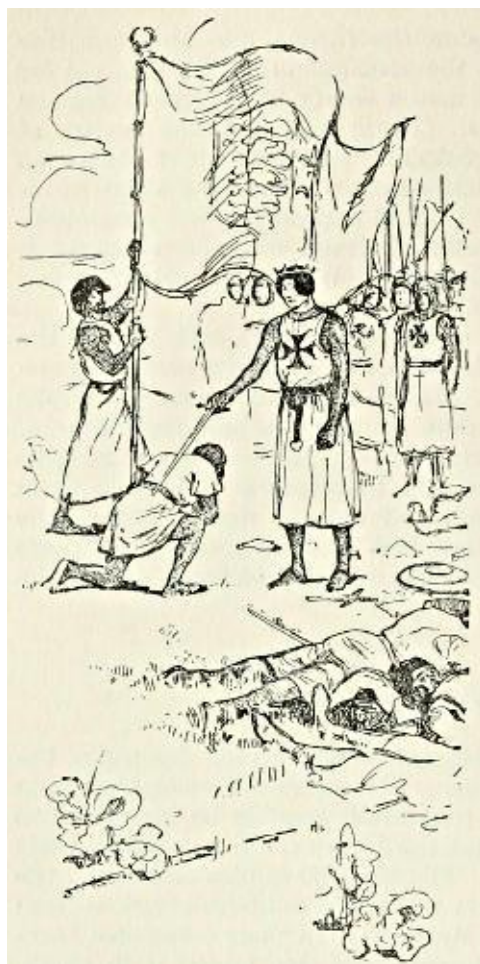
На престоле сидел Мануил, внук Алексея, и хотя, как и его предок, он с тайным страхом взирал на вооружения Европы, тем не менее, для защиты своих подданных он заключил с Конрадом договор о регулярной покупке и продаже продовольствия. Между греками и немцами часто возникали споры и взаимные обвинения во время похода последних на Константинополь, и обстоятельства вызывали многочисленные переговоры между двумя императорами. Но Конрад подозревал Мануила в двуличии и, возмущенный нарушением греками договора о взаимоотношениях, пересек Босфор, не встретившись и не посоветовавшись с императором.

Мануил принял короля Франции как равного. Он встретил его во дворе своего дворца и, обняв его, провел в покои, где они сели с равным достоинством. Во время пиров и публичных торжеств французский монарх узнал, что император и султан Икониума ведут переписку. Нетерпение баронов и рыцарей посетить Иерусалим превзошло всякие мысли о мести и заставило их думать, что защита Святой Земли, а не разрушение Греческой империи, была целью, ради которой они взяли в руки оружие. Но не было недостатка в людях, которые настаивали, что настало время устранить барьер между Европой и Азией.

КАТАСТРОФЫ НЕМЦЕВ

Пройдя через Вифинию, Конрад вошел в Ликаонию, сердце владений сельджукских турок. Султан собрал со всех концов своих государств все войска, которые только можно было вывести на поле боя, и их число было настолько велико, что реки не могли утолить их жажду, а страна не могла обеспечить их провизией. Имперские проводники- с вели своих подопечных либо через пустыни, где солдаты гибли от голода, либо в пасть мусульман. В своих случайных сделках греки подмешивали в хлеб, который покупали крестоносцы, мел, а также применяли различные другие жестокие уловки. Нападения турок были непрерывными. Посох паломника был слабой защитой от ятагана, а тяжеловооруженные немцы не могли отступить от активности татар. Лишь десятая часть солдат и паломников, покинувших берега Дуная и Рейна, уцелела от стрел мусульман и вместе со своим командиром обеспечила отступление к французской армии. Людовик был усыплен лестными заверениями Мануила, что Конрад не только не нуждается в помощи, но даже разгромил турок и взял Иконию. Французский король находился в лагере на берегу озера недалеко от Никеи, когда несколько несчастных немецких беженцев принесли весть о вероломстве греков и триумфе мусульман (). Союзные монархи вскоре собрались и обсудили, каким путем должны пойти защитники креста. Они объединили своих крестоносцев, свернули с пути, по которому шли феодальные князья Европы, и совместно прошли до Филадельфии в Лидии; но немцы потеряли свой багаж, и в ожидании новых бедствий многие вернулись в Константинополь, а около Эфеса (куда направилась армия) сам император сел на корабль и отправился в Иерусалим.

ПРОВАЛ ФРАНЦУЗОВ

Посвящение в рыцари на поле битвы

Французы пополнили свои ряды на берегах Эгейского моря и продолжили свой поход в восточном направлении. Они с презрением отвергли предложение Мануила о защите от ярости мусульман и мужественно продолжали свой путь, терпя обычные страдания, пока не достигли берегов Меандра. Там они встретили турок, которые, безопасно спрятав свою добычу, пришли, чтобы оспаривать у латинян право перехода через реку. Сражение было недолгим; французы нанесли врагу такой сокрушительный удар, что кости мусульман были видны в течение многих лет. Крестоносцы в полном порядке и дисциплине прошли через город Лаодикию и вошли в горный хребет между Фригией и Писидией. Авангард армии продвинулся дальше назначенного места сбора. Артэр, в котором находился король, продвигался вперед с полной уверенностью, что высоты перед ними были в руках их друзей. Их кровожадный враг, который всегда кружил вокруг них, воспользовался моментом, когда ряды христиан разделились, и, отбросив луки и стрелы, с грохотом и стремительностью набросился на них с мечами в руках. Турецкая буря обрушилась на латинские войска в горном ущелье. Над крестоносцами возвышались скалы, уходящие в облака, а под ними были бездонные пропасти. Французы не могли оправиться от шока и ужаса неожиданности. Люди, лошади и багаж были сброшены в бездну. Турки были бесчисленны и непобедимы. Жизнь короля была спасена скорее удачей, чем умением. Он сбежал на возвышенность с несколькими солдатами и в глубокой темноте ночи добрался до передового отряда. Зимние снегопады, нехватка провианта и отказ греков торговать с ними были бедами, с которыми приходилось бороться французам. Они шли, или, вернее, блуждали, потому что не знали дорог, а дисциплина в армии была нарушена. Они прибыли в Атталию (Адалию), столицу

Памфилии, расположенную на берегу моря у устья реки Кеструс. Но нехристианские греки отказали в гостеприимстве врагам неверного имени.

[1148-1149 гг. н.э.]

Голод так ужасно истощил ряды армии, и погибло так много лошадей и других вьючных животных, что самые мудрые и благоразумные из крестоносцев посоветовали своим товарищам отвернуться от картин опустошения и отправиться по морю в Антиохию. Король и его солдаты отплыли в Антиохию. Уставшие от пути паломники и больные были переданы под опеку Тьерри, графа Фландрии, который должен был сопровождать их до Киликии. Но когда Людовик покинул гавань, турки напали на оставшихся христиан, а сопровождение оказалось слабым и неэффективным. Жители Атталии не только отказались открыть ворота, но даже убили больных. Каждый день турки убивали сотни паломников, и поскольку было очевидно, что только бегство может спасти оставшихся, Тьерри сбежал по морю. Семь тысяч несчастных поклонников креста попытались преодолеть еще более сложные трудности сухопутного путешествия в Иерусалим, но Святой город так и не открылся их взору, и, гибнущие под местью мусульман, они думали, что потеря возможности завершить паломничество компенсирована славой мученичества.

Знать, духовенство и народ Антиохии приняли французского короля со всеми знаками уважения, но ни уговоры, ни угрозы развода с женой Элеонорой не могли отвратить Людовика от его намерения вторгнуться в Палестину. Он отправился в Святой город и вошел в него в религиозной процессии, в то время как толпы священнослужителей и мирян пели псалом «Благословен грядущий во имя Господне». Его прибытию предшествовало прибытие императора Германии, герцогов Саксонии и Баварии и разгромленной немецкой армии.

В Птолемаиде был созван совет, в который вошли князья, бароны и прелаты Сирии и Палестины, а также новые полководцы из Европы. Несчастья эдесцев были забыты или уступили место более высоким чувствам, поскольку, хотя отвоевание княжества Куртене было главной целью крестового похода, в Сирии были мусульманские города, гораздо более опасные для Иерусалима, чем отдаленный город Эдесса. Был принят указ о походе на Дамаск, и император Германии, короли Франции и Иерусалима вывели свои войска на поле боя; но наиболее дисциплинированными частями армии были рыцари Храма и Святого Иоанна. Стремясь освободить Дамаск от ига, под которым он стонал почти пять веков, защитники христианства вскоре прибыли к его стенам. Сражения между латинянами и сирийцами были многочисленными и длительными. Город, по-видимому, был в руках крестоносцев, и люди впали в отчаяние. Но вместо того, чтобы захватить Дамаск, латиняне предвосхитили событие и думали только о том, кому достанется трофей. Много времени было потрачено на интриги, и после того, как в течение короткого времени они выдержали вылазки подкреплений и на военном совете отвергли совет некоторых неукротимых духом напасть на Аскалон, христианская армия сняла осаду с Дамаска и в печали и позоре отступила в Иерусалим. Конрад вскоре вернулся в Европу с разбитыми остатками немецкого войска, а через год его примеру последовали французский король, королева и большинство французских лордов.

Среди немногих людей, чьи добродетели и способности пролили некоторые лучи морального и интеллектуального света на XII век, был Сугер, аббат знаменитого религиозного братства Сен-Дени во Франции. Будучи сильно проникнутым суевериями своего времени, он больше всего желал свержения мусульман (). Однако, будучи министром Людовика VII, он рассказал своему королевскому господину о затруднительном положении государственных финансов, о жестоком и угрожающем отношении вассалов короны и о

других обстоятельствах политического характера, чтобы отговорить его от покидания своих владений. Но дух романтической преданности наследника Карла Великого не мог быть погашен, и Людовик, хорошо обдумав интересы своего королевства, передал скипетр в ведение аббата Сен-Дени. После возвращения из Палестины король горячо желал вновь пересечь море и своими военными подвигами стереть память о прежних бедствиях. Когда все мысли о крестовом походе, казалось, угасли, Франция была потрясена появлением воинственного миссионера в лице того, кто противостоял второй священной войне. Духовенство Востока умоляло Сугера восстановить судьбу Святой Земли, зная, что он обладает большим авторитетом во Франции, чем все другие князья и прелаты, и что его благочестие равняется его власти. Папа благословил его, хотя сначала был удивлен энтузиазмом человека, которому было почти семьдесят лет, но его влияние оказалось тщетным. Разгневанный робостью своих соотечественников, он сам проявил мужество и решил лично возглавить небольшую армию в Палестину, а его вера в милость небес вселяла в него надежду, что одни только вассалы Сен-Дени будут сильнее, чем все вооруженные силы Европы, взятые вместе. Все стремления к славе были подавлены лихорадкой; он умер в Сен-Дени, и его преемник на посту аббата продолжал выполнять обычные обязанности своей должности, не добавляя к ним военные.⁴

ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ЦАРСТВА

[1149-1154 гг. н.э.]

Тот самый вопрос, который оказался камнем преткновения для германо-римского мира, а именно право женщин на престол, также держал рыцарскую церковную колонию Иерусалимского королевства в постоянном беспокойстве. Война разразилась между Мелузиной, которая, взяв на себя управление государственными делами после смерти своего мужа Фулька, передала большую власть в руки своего двоюродного брата, констебля Манассы, и ее сыном, королем Балдуином III, вокруг которого собралось множество баронов, не желавших признавать новое правление. В 1152 году мать и сын сразились в битве у Гроба Господня, в результате которой Мелузина была вынуждена отказаться от всех своих притязаний.

С другой стороны, сестре Мелузины, Ходьерне, после убийства ее мужа, Раймона I Триполитанского, была предоставлена опека над ее младшим сыном. Остальная часть графства Эдесса перешла к Греции в соответствии с договором, который гарантировал овдовевшей графине и ее детям значительный доход; Жоселин II был взят в плен туркменами и умер в плену. Раймонд Антиохийский также был убит в 1149 году, храбро сражаясь, и его вдова Констанция теперь стала предметом оживленной борьбы. Сначала опасались, что она прислушается к многочисленным предложениям греков, но когда она наконец приняла французского рыцаря Рейнальда де Шатильона, между ним и патриархами, которые до сих пор обладали преобладающей властью, разгорелась борьба, ослабившая силы обеих сторон. В таких условиях о установлении единого господства и власти на Востоке можно было думать так же мало, как и о достижении аналогичного результата во Франции в тот же период.

[1154-1163 гг. н.э.]

Удивительно, что во время поздних борьбы за владение Алеппо, Эдессой и Дамаском () на стороне Аббасидов и Сельджуков фактически возникла хорошо консолидированная сила — сила атабегов Мосула, которые располагали особо воинственным элементом в лице курдов, чьи границы были захвачены с севера. Нур ад-Дин энергично проводил политику, заложенную его отцом Зенки. Он был гораздо более способным и просвещенным из двух; как рассказывают историки, со времен Омейядов не было такого либерального и законопослушного принца, и никогда не было более справедливого правителя. Четыре раза в неделю он заседал в суде. Он не пользовался государственными доходами в личных целях, рассматривая их как священное доверие, возложенное на него для использования в общественных интересах. Он с таким же рвением вел священную войну. Всю пыль, осевшую на его обуви и одежде во время различных сражений с неверными, он велел собирать в мешок, который должен был быть положен под его голову после смерти. Как уже упоминалось, он завоевал Дамаск (1154 г.), который находился под властью слабого князя, тщетно искавшего защиты у христиан, и поселился в непосредственной близости от этого королевства. Он был храбрым и достойным представителем халифата Аббасидов, которому ранее служил в качестве эмира аль-Омара. Временами христиане собирались для успешных военных действий и под священным символом креста, который после предварительного поклонения в шатре короля они передавали на хранение архиепископу Тира, даже наносили поражение Нур ад-Дину (1158). Также Бодуэн III, умерший в 1162 году в возрасте тридцати трех лет, добился некоторой славы и нескольких побед. Он был храбрым и осмотрительным — во всех отношениях подходящим человеком для того особого вида войны, которую он был вынужден вести. Однако не только в этих сражениях заключалась суть проблемы; результат был обусловлен в равной степени слабостью фатимидов в Египте и силой атабегов в Сирии.

Власть исмаилитских доктрин, основанных на тех, которые были распространены до начала халифата Фатимидов, не только не ослабла, но и приобрела новую форму в самой необычной и ужасающей из всех религиозных сект. Кто не слышал об ассасинах и их лидере, Старце Горы? В отличие от суннитского халифата, который был восстановлен в власти благодаря победам великих сельджукских султанов, секта, основанная персом Хасаном в конце XI века, приобрела известность благодаря учениям, основанным на самых крайних исмаилитских верованиях и состоящим из фанатизма, чувственности и слепого повиновения, которые превращали людей в убийц и инструменты террора. В основном благодаря Ридману из Алеппо, который сражался с крестоносцами под Антиохией и колебался в своей верности между Аббасидами и Фатимидами, в северо-западной Сирии была основана колония ассасинов, которая под властью некоего шейха Аль-Джебеля заняла важное место в истории — если так можно сказать о чисто разрушительном принципе. Именно ассасинами был убит Раймонд Триполисский. Но их кинжалы поражали как мусульман, так и христиан, как шиитов, так и суннитов, поскольку враг их природы находится вне всякой пристрастности — фактически за пределами любого человеческого порядка.

То, что Фатимидский халифат не извлек никакой выгоды из этого последнего религиозного движения, очевидно из признаков упадка, которые вскоре после этого начали проявляться. Сами халифы предавались роскошной и беспорядочной жизни, а визири, носивших титул султана, постоянно ссорились друг с другом, и право решалось только силой. Условия были схожи с теми, которые предшествовали падению Аббасидского халифата в X веке. В 1163 году султан Муса ибн-Аль-Аш-Шауар () и визирь Шауэр (Shawar) были свергнуты и заменены его соперником Даргамом (Dargham), который некоторое время наслаждался плодами своего узурпаторства. Но в конце концов Шауэр вернулся, а с ним и эмир и курдский вождь Ширкух (Shirkuh), которого Нур ад-Дин, несмотря на религиозные различия, послал ему на помощь. Даргам был убит, и Шауэр вновь занял султанский трон, но он не мог смириться с выполнением обещания, данного курдам, что он будет выплачивать им треть доходов Египта. Чтобы более надежно защитить себя от своих вымогательских союзников, он обратился за помощью к Альмерику, королю Иерусалима, брату и преемнику Балдуина III.

[1163-1168 гг. н.э.]

Унаследовав стремление Балдуина I к господству в Египте, Балдуин III осадил и взял Аскалон в 1153 году. Гарнизон умело защищался, даже отразив отряд тамплиеров, проникших за стены, и король имел основания полагать, что все потеряно. Но поддержка иерусалимских патриархов позволила ему продолжить осаду, и успешный вылазка рыцарей Святого Иоанна, которые вместе со своим великим магистром были особенно активны, в конце концов поставила Аскалон в зависимость от него. Тогда жители, не получив подкрепления ни из Дамаска, ни из Египта, в отчаянии призвали своего военачальника сдаться. Без сомнения, Альмерик (1162-1173) был самым важным из поздних королей Иерусалима. Как и Людовик VII, он был неутомим, несмотря на свою тучность, в охоте и на войне и не испытывал удовольствия от каких-либо развлечений. В теологических вопросах он часто проявлял остроумие, которое приводило его прелатов в замешательство; твердой рукой он держал в подчинении проблемных баронов, даже отдавая предпочтение перед ними некоторым вновь прибывшим франкам, например, Мило де Планси.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДОСПЕХИ XII И XIII ВЕКОВ

Никому не могло ускользнуть от внимания, что разрешение курдам Нур ад-Дина прочно обосноваться в Египте представляло опасность для королевства. Не теряя времени на раздумья, Альмерик сразу же принял решительные меры, и удача настолько ему благоволила, что ему удалось ограничить курдов пределами Пелузия (1164 г.); однако вследствие внутренних беспорядков, обрушившихся на Нур ад-Дина, он был вынужден предоставить им право на свободное отступление. Христианский рыцарь обратился к Ширкуху, который шел с поднятым топором за своими последователями: «Ты думаешь, мы не намерены соблюдать наш договор с тобой?». «Ты не смеешь его нарушить!» — был ответ.

Едва вернувшись домой, курды начали подготовку ко второй, более масштабной экспедиции; Ширкух разжег гнев суннитов против вероломного халифа в Каире, и в 1167 году он выступил в Египет. Альмерик также собрал свои войска в то же время, а в Египте коренное население объединилось с пулланами в официальный союз. Чтобы халиф мог воодушевиться их присутствием, христианские делегаты были проведены во дворец. Они едва могли сдержать свое восхищение и изумление перед чудесами, которые повсюду встречались их взору. Когда они прибыли в великолепный зал, разделенный посередине занавесом, вышитым золотом и жемчугом, визирь простерся ниц и торжественно принес клятву; по окончании этой церемонии занавес был отодвинут, и появилась фигура халифа. Со своего золотого трона он протянул правую руку христианским рыцарям, но рука была покрыта вуалью. Уго из Кесарии возразил, что при заключении договора обе стороны должны действовать с полной честностью и добросовестностью, после чего халиф открыл свою руку, но с крайней неохотой, как будто его королевское достоинство было оскорблено. Христианским рыцарям было поручено защищать стены и башни Каира.

Вынужденный покинуть свои позиции напротив Каира на левом берегу Нила, Ширкух отвёл свои войска в направлении Верхнего Египта. Альмерик преследовал его, возглавляя смешанное войско из франков и восточных солдат, которое больше никогда не собиралось в этой стране до времени Наполеона. Две армии встретились в ущелье Бабейн. Ширкух собирался перейти на другую сторону реки с намерением бежать в отдаленные районы, когда мамелюк Нур ад-Дина догнал его и воскликнул: «Что, ты, который радуешься всем благам ислама, собираешься бежать от врага? Разве ты не знаешь, что атабеги отнимут у курдов все земли, которые они найдут на другой стороне?» Так случилось, что Ширкух остался на месте и, заняв позицию с отборным отрядом на правом фланге основной части своих войск, он победил короля, когда тот атаковал ослабленный центр. Альмерик был настолько окружен, что едва смог пробиться обратно к своим войскам. Однако он сохранил достаточно сил, чтобы окружить и атаковать Александрию, которую Ширкух оставил под командованием своего племянника, Саладина, сына Эйюба. Ширкух был вынужден заключить мир, по условиям которого обе стороны, как христиане, так и курды, были обязаны эвакуироваться из Египта. В качестве платы за эту уступку Ширкух получил от Шавера пятьдесят тысяч золотых, а христианам, как сообщает нам Абульфёда, было обещано особое магистратство в Каире и значительный годовой доход.

Стоит внимательно рассмотреть эти события, поскольку они дают не только окончательную точку зрения, с которой можно судить о королевстве Иерусалимском, но и самую высокую и лучшую точку зрения, с которой можно познать весь христианский мир того времени в его отношениях с исламом. Основной вывод, который можно сделать из истории, заключается в том, что установление франков на Востоке стало возможным только благодаря антагонизму, который существовал между династиями Аббасидов и Фатимидов; пока этот антагонизм продолжался, колониальное королевство могло удерживаться, но как только он угас, вся структура рухнула. В период, о котором мы пишем, каирский халифат погрузился в состояние бессилия и деморализации; чтобы не допустить его падения в руки сирийских мусульман, иерусалимские короли должны были либо сами силой захватить Египет, либо поддерживать его нынешнюю видимую независимость с помощью самых жестких политических мер. Для первого варианта они были слишком слабы, как показало дальнейшее развитие событий и как можно было ожидать, изучив обстоятельства, в которых они находились; но для второго они обладали вполне достаточной силой, о чем свидетельствовали успехи Альмерика (). Действительно, во всех отношениях это был лучший вариант, поскольку при умеренном проявлении мудрости дела, несомненно, даже при естественном ходе событий сложились бы так, что христианский элемент постепенно обрел бы мирное господство над всем царством Египта. Какое положение в мире было бы завоевано латинскими народами благодаря такому решению! Итальянским морским державам был бы открыт доступ ко всем индийским водам, и, кроме того, можно было ожидать, что Северная Африка, полностью отрезанная от восточных держав, в конечном итоге попадет в руки испанцев или сицилийских норманнов.

НОРМАННСКИЙ ЛУЧНИК XII ВЕКА

Однако нельзя отрицать, что человечество в тот период еще не было готово к полному господству ни над Востоком, ни над какой-либо другой значительной частью мира. Религии обеих частей человечества не допускали ни малейшего компромисса с неверующими, и те самые факторы, которые привели к первым поразительным успехам, позже сдерживали прогресс их дела на пути к полному осуществлению. Казалось само собой разумеющимся, что никакой серьезный союз между крестоносцами и халифами не мог существовать долго; более того, в мысли о том, что христиане защищают башни Каира от имени неверных в борьбе мусульман против мусульман, было что-то почти противоестественное. Религиозное противостояние было сильнее, чем лояльность и добросовестность хранителей Гроба Господня.

Альмерик объединился с Мануилом Византийским,^[52] который уже заключил союз с лангобардами и папой, и позволил втянуть себя в совместный план завоевания Египта. Этот союз между греками и латинянами был тем легче осуществить, что король женился на гречанке, а император — на сирийской принцессе. Идея экспедиции, по-видимому, исходила от Мануила, который в своей всеобъемлющей политике постоянно следил за Востоком и Западом в поисках предприятий, которые могли бы обещать ему успех. Великий магистр рыцарей Святого Иоанна оказал влияние на Альмерика, чтобы получить его согласие, но тамплиеры решительно выступили против этого проекта, увидев в нем постыдное нарушение мира.

Не дожидаясь прибытия греческих войск, христиане Иерусалима начали войну в ноябре 1168 года. Они взяли Пелузий и продвинулись на Каир — правда, очень медленно, поскольку ждали выкупа за сына Шавера, которого взяли в плен. Выкуп был принесен, но в то же время они узнали, что непобедимый Ширкух выступил из своей пустыни в их направлении. И Шауэр, и халиф преодолели свое прежнее отвращение и обратились с просьбой о помощи к Нур ад-Дину. Таким образом, сторонники двух халифов объединились в коалицию, подобную той, что была сформирована греками и латинянами. Самые храбрые и выносливые туркмены составляли войска, возглавляемые Ширкухом и Саладином. Альмерик смело продвинулся в пустыню, чтобы встретить их, но Ширкух прошел мимо него;

франкам было суждено покинуть Египет с позором. И теперь судьба ускорила события, доведя их до кульминации. Прибыв в Иерусалим, Ширкух и Саладин начали военные действия против султана Шавера, которого обвинили в заговоре с целью убийства туркменских эмиров. Саладину представилась возможность захватить султана во время его посещения могилы мусульманского святого. Халиф дал согласие на казнь пленника и был убежден назначить Ширкуха своим визирем.

[1169-1174 гг. н. э.]

Вскоре после смерти Ширкуха Саладин занял вакантную должность (1169 г.). Он считал себя фактическим главой власти при Нурад-дине, который настойчиво призывал его свергнуть халифат Фатимидов. Но Саладин хитроумно уклонялся от выполнения этой просьбы ^[53], пока не получил полное владение столицей и не избавился от всех своих врагов, даже отложив это до тех пор, пока еще молодой Фатимид Аладид не заболел смертельной болезнью. Он умер в 1171 году, и Саладин, который тем временем отразил нападение Альмерика и византийского флота из Дамьетты и отнял у франков гавань Айла на Красном море, завладел всем сокровищем Фатимидов и стал властелином всего Египта.

[1174-1181 гг. н. э.]

Это узурпация дала христианам временное преимущество, поскольку о продолжении дружеских отношений между новым хозяином Нила и его верховным правителем, атабегом в Дамаске, не могло быть и речи. Саладин немедленно постарался освободиться от всякой верности Нур ад-Дину. Чтобы в руках правителя-атабега не осталось заложников, он приказал всей своей семье переехать к нему в Египет, а своему престарелому отцу Эйюбу поручил хранить его сокровища. Нур ад-Дин впервые заподозрил верность своего подчиненного, когда тот отказался помочь ему в завоевании некоторых франкских поселений, охранявших путь из Дамаска в Египет. Однако он скончался (1174 г.) в разгар подготовки к экспедиции, которая должна была наказать неверного эмира. Теперь планы Саладина приобрели более широкий размах, а его устремления взлетели до новых высот. Нур ад-Дин оставил после себя только одного несовершеннолетнего сына, Малика ас-Салиха, и именно его имя появилось на монетах, которые Саладин сначала приказал отчеканить. Но сирийцы были крайне недовольны правлением, сменившим правление Нур ад-Дина, и были склонны приветствовать Саладина, когда бы он ни появился среди них. Не вынимая меча, он вошел в Дамаск в 1174 году, и Эмеса, Хама и Баальбек также попали под его власть. Малику ас-Салиху было позволено сохранить Алеппо при условии, что он уйдет из Дамаска. После его смерти (1181) Саладин завладел Алеппо и постепенно расширил свою территорию до Месопотамии; в конце концов, все наследие Нур ад-Дина перешло в его руки.

Таким образом, в течение нескольких лет возникла мощь, которая, возникнув в результате союза Египта и Сирии, представляла большую опасность для христиан и даже ставила под сомнение дальнейшее существование многих франкских колоний, разбросанных по Востоку. Войска, находившиеся под командованием объединенной державы, были обучены подчиняться малейшему жесту единственного вождя и пропитаны доктринами единой религии. О боковых религиозных ветвях больше не было и речи, за исключением тех, которые еще сохранились в секте ассасинов Ливана, лидер которой, Старик Горы, время от времени провоцировал новые беспорядки. Сам Саладин однажды подвергся нападению трех злоумышленников, но его сильная рука успешно защитила его жизнь. Сразу после этого он приступил к истреблению ассасинов и опустошил все их владения, сделав свое имя предметом ужаса везде, где бы он ни появлялся. Все доблести и успехи Саладина были результатом его замечательной личности. Как и Зенки и Нур ад-Дин,

он был набожным мусульманином; он даже имел обыкновение читать *Коран* армиям, собиравшимся вступить в сражение. Он скрупулезно восполнял все пропущенные посты и никогда не пропускал пять молитв до конца. Он пил только воду, носил одежду из грубой шерсти и позволял вызывать себя на суд. Он лично обучал своих детей принципам ислама, но его собственное строгое соблюдение религии не мешало ему незаконно узурпировать власть. Когда удача ему благоволила, например, после какой-нибудь блестящей победы, он с удовольствием демонстрировал некоторую беспечную великодушие, что значительно усиливало величие его поведения. В несчастье он был стойким и терпеливым, ни разу не отклоняясь от поставленной цели. Он был храбрым и хитрым, умудряясь завоевать себе сторонников даже среди своих врагов, и правил своими подданными справедливо и умеренно. Как правитель он обладал всеми качествами, необходимыми для построения государства и сохранения его процветания и могущества; и в гораздо большей степени, чем атабеги, он стал героем восстановленного Ислама, человеком судьбы в судьбах Иерусалимского королевства.

Если бы христиане тогда знали, как максимально использовать то малое время, которое им оставалось, все еще могло бы быть хорошо; но нельзя отрицать, что одновременно с подъемом новой восточной державы произошел быстрый и позорный упадок христианской администрации на Востоке. Западные законы наследования, которые были перенесены в полной силе и которые обеспечивали трон прямой линии потомков, будь то мужчины или женщины, нанесли последний удар по шатающемуся королевству. В обществе, где глава должен был быть прежде всего военачальником, где общественное благосостояние можно было обеспечить только путем поддержания постоянной боевой готовности всего государства, власть часто переходила в руки слабых, некомпетентных молодых людей, весь вопрос о престолонаследии неоднократно и бурно поднимался в связи с браками наследниц престола, а регентства то устанавливались, то оспаривались, то уничтожались. Не было постоянной, негибкой власти, которая сдерживала бы чрезмерные амбиции рыцарей- , и царило всеобщее беззаконие, проникшее во все сферы политической и религиозной жизни.

[1173-1185 гг. н.э.]

Альмерик умер раньше Нур ад-Дина в 1173 году. Его преемником стал его тринадцатилетний сын Бодуэн IV, который был жертвой страшной болезни проказы и до своей ранней смерти в 1185 году так и не вступил в власть. В первую часть его правления Раймонд II из Триполиса, сын Ходиерны, действовал в качестве наместника, и в 1175 году он заключил перемирие с Саладином, по которому он обязался не противостоять последнему в любой из его борьбы за преемственность Нур ад-Дина. Именно этот акт лишил Раймонда всего его авторитета в королевстве. Рыцари теперь обратили свой взор на Запад в поисках правителя, более отвечающего их вкусам, и Лонгаспада, маркиз Монферратский, прибыл к ним в ответ на их призыв в октябре 1176 года, вскоре после чего женился на Сибилле, старшей сестре несовершеннолетнего короля. Он прочно завоевал уважение и доверие всех, когда его настигла преждевременная смерть (1177). Его преемником стал Филипп Фландрский и Вермандуаский, бывший противник Генриха II Английского и сторонник Бекета, который был вынужден совершить паломничество в Иерусалим в искупление некоторых насильственных действий, которые он совершил. Было некоторое нежелание передать управление в руки этого принца, поскольку общее мнение было таково, что только тот, кто связан с королевством личными интересами, может эффективно ему служить. Филипп был готов либо взять власть на себя, либо передать ее графу Бетюну, при условии, что последний уступит ему некоторые владения в окрестностях. Был разработан план организации, в союзе с греками (), экспедиции против Саладина, но Филипп оказался

совершенно неспособным руководить таким предприятием и вернулся домой, не совершив ни одного значительного поступка.

Следующим наместником стал принц, который во всех отношениях соответствовал требованиям рыцарей, — Рейнальд Шатийонский, принимавший участие в осаде Аскалона и впоследствии избранный в качестве мужа и опекуна ее сына Констанции, вдовы Раймунда Антиохийского. В этом дворянине были представлены все воинственные тенденции того времени. Он победил Саладина в ноябре 1178 года недалеко от Аскалона, как и незадолго до этого победил брата Саладина, Турана Шаха, недалеко от Дамаска. После этих побед королевство получило передышку, которая была использована для строительства недалеко от Панааса, на Иордане, цитадели, защиту которой доверили тамплиерам. Однако именно в этом месте Саладин одержал победу над христианами в сражении, в котором пал великий магистр тамплиеров Одо де Сент-Аманд. После его смерти Саладин осадил крепость и взял ее штурмом. Потерпевшие поражение тамплиеры искали смерти, оставаясь в горящей цитадели, бросаясь в воды Иордана или бросаясь с вершины крутого утеса.

Примерно в это же время епископы восточной латинской церкви начали занимать видное место в Латеранском соборе; среди них был архиепископ Вильгельм Тирский, историк королевства, который, описывая поражение тамплиеров, использовал язык Библии: «Господь, их Бог, отвернулся от них». Взгляды всех теперь были обращены на Запад. Ничто не могло бы так полностью удовлетворить чаяния Александра III, как новый крестовый поход, начатый в том же духе, что и поход Урбана II; незадолго до своей смерти он даже распорядился составить прошение, в котором настаивал на целесообразности такого предприятия. Тогда общепринятым было мнение, что в случае, если два великих западных монарха, короли Англии и Франции, вновь решат вторгнуться в Восток, они смогут рассчитывать на поддержку и помощь императора Мануила, который поддерживал дружеские отношения с христианами Сирии, одновременно ведя новые войны с сельджуками Малой Азии. Он с большой неохотой отказался от экспедиции против Египта, даже после того, как Саладин стал властелином этой земли; на самом деле, его не удалось бы убедить сделать это, если бы рыцари Иерусалима не так медлили с оказанием помощи. К несчастью для христианского дела, он умер в 1180 году; условия на Западе в то время также были неблагоприятны для осуществления каких-либо важных предприятий, поскольку Фридрих I был глубоко вовлечен в войну с Генрихом Львом и в переговоры о заключении договора с лангобардами, а сыновья Генриха II держали Францию и Англию в состоянии постоянных волнений. Таким образом, Иерусалимское королевство, лишенное всякой надежды на помощь извне, было полностью брошено на свои собственные ресурсы.

Крестоносец Второго крестового похода

Жизнь там не была совершенно невыносимой, и надежда не была окончательно потеряна, пока Саладин не смог завладеть всем наследством Нур ад-Дина. Рыцари по-прежнему одерживали над ним случайные победы, как, например, на равнине Бельвеир и Фербелет в 1182 году, и он был вынужден снять осаду с Беритуса при приближении христианских войск. Смелый Рейнальд де Шатильон даже преуспел в своей дерзкой попытке отвоевать гавань Айла на Средиземном море. Латинский флот продвинулся оттуда к побережью Аравии, где угрожал Мекке и Медине, но в конце концов был разгромлен у Хауры, и рыцари были убиты в сражении с арабским пророком. В результате этого поражения Айла снова была утрачена Иерусалимом. Несмотря на свою отвагу, граничащую с безрассудством, в своих предприятиях против Саладина, и рыцарский дух, которым он был движим, Райнальд де Шатильон не смог добиться каких-либо серьезных результатов для дела, которому он был предан.

Дела противоположной стороны теперь приняли решающий оборот. В 1181 году Малик ас-Салих, принц Алеппо и сын Нур ад-Дина, умер, не оставив достойного преемника. Имад ад-Дин попытался занять трудный пост правителя, но оказался совершенно некомпетентным, и когда Саладин выступил против него в 1183 году, он сдал Алеппо без боя и не предпринял никаких попыток вернуть себе крепости, которые уже были у него отняты. Саладин официально вступил в Алеппо в июне 1183 года. Он был всеми признан самым храбрым и могущественным воином, когда-либо сражавшимся на стороне ислама, а религиозный пыл, вновь поднявшийся до великой высоты среди мусульман, еще больше помог сгладить все трудности на его пути.

[1185-1187 гг. н.э.]

В отличие от этого успеха, в лагере франков одна катастрофа следовала за другой. В 1185 году Балдуин IV скончался от смертельной болезни, и его преемником стал его племянник,

Балдуин V, сын Сибиллы и Вильгельма Лонгаспады, которому было всего пять лет. Как будто этого несчастья было недостаточно, Сибилла, вопреки желанию всех своих советников, вышла замуж во второй раз за некоего рыцаря Ги де Люзиньяна из древнего и благородного рода Пуату, которого никто не считал способным успешно защитить королевство в случае необходимости.^[54]

САЛАДИН

В этот момент Раймонд Триполиский вновь принял на себя вице-регентство и, как и прежде, заключил союз с Саладином, считая это единственным средством сохранить власть над королевством. Было заключено перемирие на единственно возможных условиях — выплата Раймондом определенной дани. Новые беспорядки возникли, когда Сибилла передала корону, на которую она претендовала после смерти Балдуина V в 1186 году, своему мужу Ги де Лузиньяну. Это было сделано в прямом противовесе Раймонду, который планировал сам узурпировать корону, и поставило под угрозу его недавно заключенный договор с Саладином. В то время как Ги де Люзиньян, возглавлявший все рыцарство, которое без колебаний перешло на сторону законной наследницы, готовился атаковать

Раймонда в Тивериаде, последний обратился за помощью к Саладину, который прислал ему отряд турецких всадников. Так дошло до того (), что магистр тамплиеров был вынужден в своем отчаянии обратиться к Саладину и выступить во главе армии неверных, чтобы сразиться со своими братьями-тамплиерами из Иерусалима! Все узы чести и традиций были разорваны одним ударом. Духовенство проявило себя особенно неприятно в этот кризисный момент, подстёгнутое к этому патриархом Иерусалима Гераклием. Таким образом, разъедаемое коррупцией изнутри и покинутое своими естественными сторонниками на Западе, чтобы в одиночку противостоять практически всемогущему врагу, королевство, которое когда-то давало такие богатые надежды на будущее, теперь беспомощно катилось к своему падению.

АРБАЛЕТЧИК ВТОРОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Саладин, готовый воспользоваться первой же благоприятной возможностью, имел некоторую правоту на своей стороне, выбрав нынешний кризис как наиболее подходящий для нападения, поскольку Райнальд де Шатильон, теперь командующий некоторыми цитаделями на другой стороне Иордана, недавно, грубо нарушив перемирие, напал и ограбил проходящий караван, в котором находилась мать султана. После тщетных требований компенсации от Рейнальда Саладин собрал все свои силы для новой великой священной войны и во главе бесчисленных воинов совершил силовое вторжение в Галилею.

Как и во многих предыдущих случаях, христианская армия снова собралась у источника Саффурия. Великий магистр тамплиеров внес значительную сумму, присланную ему Генрихом II Английским, на подготовку к войне, а граф Раймонд Триполитский присутствовал лично. В очередной раз перед началом сражения христианская армия поклонилась святому кресту Иерусалима. Однако первый день операции оказался катастрофическим, поскольку армия, подталкиваемая рыцарями, поспешила на помощь осажденному Тивериасу. Вечером 4 июля 1187 года, после сражения, которое не принесло победы ни одной из сторон, легкая кавалерия Саладина оттеснила христиан на засушливую и безводную возвышенность в окрестностях Хиттина, названную по традиции местом

горной проповеди Христа. Здесь, в конце жаркого летнего дня, они были вынуждены провести ночь в мучениях от жажды. 5 июля Саладин возобновил атаку на ослабленных, измученных христиан, из которых очень немногие выжили в последовавшей битве. Граф Раймонд спасся благодаря милосердию сарацин из ордена Святого Иоанна (), которые расступились перед ним и его рыцарями, как перед тем, кто когда-то был их другом. Король Ги и все его последователи, которые не были убиты, вместе со святым крестом попали в руки Саладина, который на этот раз не знал пощады. Все пленные тамплиеры и рыцари Святого Иоанна были казнены, а разгневанный монарх собственноручно убил Райнальда де Шатильона, нарушившего перемирие.^d

МУСУЛЬМАНСКИЕ СВЕДЕНИЯ О БИТВЕ ПРИ ТИВЕРИАДЕ

[1187 г. н.э.]

Имад ад-Дин, мусульманский историк, принимавший участие в сражении, с удивлением отмечает, что пока христиане оставались в седле, они были невредимы, поскольку были покрыты с головы до ног защитной кольчугой, сплетенной из железных колец; но когда лошадь падала, всадник погибал. «Эта битва, — добавляет автор, — произошла в субботу. Христиане, подобно львам в начале сражения, в конце были рассеяны, как овцы. Из многих тысяч выжило лишь небольшое число. Поле битвы было покрыто мертвыми и умирающими. Я сам ходил по горе Хиттин; это было ужасное зрелище. Я видел все, что счастливый народ сделал с несчастным народом. Я видел состояние их вождя — кто мог бы это описать? Я видел отрубленные головы; тусклые, мертвые глаза; покрытые пылью тела, искривленные конечности; отрубленные руки; раздробленные кости; изрезанные и окровавленные шеи; сломанные бедра; ноги, больше не соединенные с голеньями; тела, разорванные на две части; разорванные губы и расколотые лбы. Увидев их лица, разбросанные по земле и покрытые кровью и ранами, я вспомнил слова *Корана*: «Неверный скажет: «Что я, как не прах!» Какой сладкий запах исходит от этой победы!»

После этих размышлений, которые хорошо отражают арабский вкус, автор представляет другую картину: «Веревки палаток, — говорит он, — не хватало, чтобы связать всех пленников. Я видел тридцать или сорок человек, связанных одной веревкой; я видел сто или двести человек, помещенных вместе и охраняемых одним человеком. Эти воины, которые раньше проявляли необычайную доблесть и обладали могуществом и властью, теперь, с опущенными бровями и обнаженными телами, представляли собой действительно жалкое зрелище. Графы и христианские лорды стали добычей охотника, рыцари — льва. Те, кто унижал других, были унижены в свою очередь; свободный человек был в оковах. Те, кто обвинял истину в лжи и считал *Коран* обманом, попали в руки истинных верующих».

После битвы Саладин удалился в свою палатку и велел привести к себе короля Ги и главных пленников. Он пожелал, чтобы король сел рядом с ним, и, поскольку принц страдал от жажды, велел принести ему растопленный снег. Король, выпив, предложил чашу Райнальду (), но Саладин воскликнул: «Не я попросил этого несчастного человека выпить; я ничем не связан с ним». Фактически, согласно заявлению Имад ад-Дина, у арабов было принято никогда не убивать пленника, которому предлагали питье или еду. Саладин дважды клялся убить Рейнальда, если тот когда-нибудь попадет в его руки: в первый раз, когда рыцарь планировал напасть на Мекку и Медину, и во второй раз, когда он захватил караван в мирное время. Султан повернулся к Рейнальду и страшным тоном упрекнул его в

этих двух деяниях, а затем бросился на него с поднятым мечом. Следуя его примеру, эмиры набросились на Рейнальда и отсеки ему голову. Туловище покатилося к ногам короля, который при этом виде задрожал от страха, но Саладин поспешил его успокоить и пообещал уважать его жизнь.

Имад ад-Дин позже рассказывает, что больше всего разгневало Саладина на Рейнальда то, что во время вышеупомянутого захвата мусульманского каравана он в шутку призвал своих пленников взывать к Мухаммеду, чтобы посмотреть, придет ли пророк им на помощь, и что перед тем, как убить его, султан сказал ему: «Ну, как тебе это кажется? Разве я не отомстил за твои оскорбления Мухаммеду?» Наконец, добавляет Имад ад-Дин, он предложил Рейнальду принять ислам, но тот отказался, сказав, что предпочитает умереть. Имад ад-Дин со своей стороны рассказывает, что когда Саладин упрекнул Рейнальда в вероломстве и нечестности, лорд ответил через переводчика, что таковы обычаи князей и что в этом отношении он лишь следовал устоявшейся традиции.

В конце концов султан приказал привести короля в Дамаск вместе с пленными лордами. Что касается тамплиеров и госпитальеров, Ибн аль-Атир рассказывает, что султан собрал всех их в одном месте и отрубил им головы. Он также приказал всем в своей армии, у кого были в руках какие-либо принадлежности этих религиозных орденов, казнить их; затем, посчитав, что солдаты не будут достаточно щедры, чтобы пойти на такую жертву, он предложил пятьдесят золотых за каждого тамплиера или госпитальера, сдавшегося ему. Двести из этих воинов, которые были приведены к нему, были сразу же обезглавлены. Султан пошел на эти крайние меры потому, что тамплиеры и госпитальеры профессионально вели войну против ислама и были его самыми жестокими врагами. Так, Абул-Фарадж в своей *«Сирийской хронике»* вкладывает в уста Саладина следующие слова: «Поскольку убийство, когда оно может принести пользу их религии, кажется им таким сладким, давайте убьем их в свою очередь». Саладин также послал своего лейтенанта в Дамаск с приказом казнить всех рыцарей, удерживаемых в этом городе, независимо от того, были ли они его собственностью или принадлежали другим; и это было сделано.

Мы читаем у Имад ад-Дина, очевидца этих событий, что во время массового убийства рыцарей Саладин смотрел на происходящее с улыбкой на лице, а жертвы были погружены в безнадежное отчаяние. Мусульманская армия выстроилась в боевой порядок, эмиры — в два ряда. Некоторые палачи выполняли свой долг, добавляет автор, с таким мастерством, что заслужили заслуженную похвалу (); некоторые, однако, отказались действовать и оставили это своим товарищам. Перед казнью пленникам было предложено принять ислам, но этой возможностью воспользовалось очень небольшое число из них.

Так арабские летописцы описывают битву при Тивериасе. Составитель *«Двух садов»* приводит несколько писем, написанных по этому поводу. В одном из них, отправленном в Багдад, мы читаем, что из сорока пяти тысяч человек, составлявших христианскую армию, выжило едва ли тысяча, и поскольку один бедный мусульманский солдат, взяв пленного, обменял его на пару сандалий, потомки могут знать, что число пленных было настолько велико, что их продавали за обувь. Имад ад-Дин в другом месте говорит, что весь ислам ликовал по поводу этой победы, которая была лишь прелюдией к завоеванию Иерусалима и источником еще больших триумфов.^e

ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Панический страх охватил всю страну, и под его непреодолимым напором все поспешили подчиниться завоевателю. Даже самые укрепленные прибрежные города падали один за другим; только Тир, Триполис и Антиохия сохранили свою независимость. Аскалон

потребовал в качестве условия капитуляции освобождения пленного короля. Иерусалим продержался в обороне еще несколько дней, но что могли сделать несколько оставшихся рыцарей против столь могущественного врага? 2 октября 1187 года Саладин официально вступил во владение христианской столицей под крики «Аллах акбар!» вместо «Христос победил!», которые слышались в прежние времена.⁴

Иерусалим стал убежищем для тех христиан, которые избежали мечей или цепей турок. Говорят, что в городе находилось сто тысяч человек, но солдат было так мало, а правительство королевы было настолько слабым, что Святой город не вызывал страха. Саладин заявил о своем нежелании осквернять человеческой кровью место, которое даже турки почитали, поскольку оно было освящено присутствием многих посланников Бога. Он предложил людям, при условии сдачи города, деньги и поселения в Сирии. Разум подсказывал принять это предложение, но, цепляясь за суеверие, породившее священные войны, христиане заявили, что не уступят неверным место, где умер Спаситель. Саладин был возмущен таким отказом от его доброты и поклялся войти в город с мечом в руке и отомстить за ужасную резню, устроенную франками во времена Годфрида Бульонского. Народ обратил свой взор на Балеана Ибелинского как на своего полководца. Ветеран организовал войска и вооружил горожан.

В течение четырнадцати дней происходили различные сражения, но христиане, хотя и были отважны до отчаяния, так и не смогли уничтожить военные машины мусульман. По истечении четырнадцати дней латиняне обнаружили, что стены возле ворот Святого Стефана были подкопаны. С этого момента оборона города была заброшена; духовенство молилось о чудесной защите свыше, солдаты бросили оружие и толпились в церквях. Смута усилилась после обнаружения переписки между некоторыми греками, находившимися в городе, и мусульманами. Тогда латиняне вспомнили о предложенной Саладином милости и делегация из их числа умоляла его возобновить ее. Но он настаивал на силе клятвы, которую он дал, и на том, что было бы смешно капитулировать за павший город. «Но, — сказал он, — если вы сдадите мне город, я поступлю с вами милосердно и позволю вам выкупить жителей».

После некоторого обсуждения христиане решили довериться великодушию завоевателя. Саладин постановил, что военные и дворяне должны быть сопровождены в Тир, а латинское население Иерусалима () должно стать рабами, если они не будут выкуплены по цене десять золотых корон за мужчину, пять за женщину и одну за ребенка. После четырех дней, проведенных несчастными жителями в слезах и объятиях над Гробом Господним и другими святыми местами, латиняне покинули город и прошли через лагерь врага. Дети всех возрастов прижимались к матерям, а силы отцов были использованы для переноски небольшой части их домашней обстановки. В торжественной процессии следовали духовенство, королева и ее свита дам. Саладин вышел им навстречу, и его сердце растаяло от сострадания, когда они подошли к нему в позе и с видом просителей. Смягчившийся воин произнес несколько слов сочувствия, и женщины, ободренные его сочувственной нежностью, заявили, что одно его слово избавит их от страданий.

Это великодушное замечание врага о том, что Саладин был варваром только по имени. С вежливой милостью он освободил всех пленников, о которых просили женщины, и обдарил их подарками. Это действие, достойное благородного и христианского рыцаря, не было следствием мимолетного чувства гуманности; когда он вошел в город Иерусалим и услышал о нежной заботе, с которой военные монахи Святого Иоанна лечили больных, он разрешил десяти членам ордена остаться в своей больнице, пока они не завершат свою гуманную работу.

Неверные вновь обосновались в Иерусалиме. Великий крест был снят с церкви Гроба Господня и в течение двух дней тащили по грязи улиц. Колокола церковей были переплавлены, а полы и стены мечети Омара были очищены дамасской розовой водой. Небесам возносились молитвы и благодарности за победу; все личные заслуги были забыты, и завоевание Иерусалима было приписано щедрости Бога и Его желанию распространить всемирное влияние ислама. Аскалон, Лаодикия, Габала, Сидон, Назарет, Вифлеем — все эти места и их территории пали, когда исчезла их великая опора, и Тир был почти единственным значительным городом, который остался у христиан.

Саладин атаковал его со всей своей мощью, но дух свободы возобладал над жадой завоеваний, и мусульмане были вынуждены снять осаду. Спустя некоторое время после капитуляции Аскалона Гюи де Люзиньян, великий магистр тамплиеров, и другие получили свободу, а муж Сибиллы торжественно отказался от своих прав на Иерусалимское королевство в пользу Саладина. Беспринципный Гюи отправился в Тир и объявил о своем решении войти в город как суверенный правитель.

После падения Иерусалима Саладин ввел свою победоносную армию в княжество Антиохия. Двадцать пять городов подчинились, а сама Антиохия стала вассалом мусульман. Победы Саладина и потеря Иерусалима были печальным контрастом с надеждами на триумф христианства над исламом, которые Собор в Клермоне вселял в Европу. За восемьдесят восемь лет, в течение которых крестоносцы владели Святым городом, мир редко царил в его стенах; окруженный многочисленными враждебными народами, он находился в постоянной осаде, и столько же войн велось за его существование, сколько и за его завоевание. Во времена Годфрида Бульонского Азия находилась в состоянии более чем обычной слабости. Арабские и татарские бури утихли, халифы были скорее понтификами, чем суверенными князьями, а великая империя их предшественников была раздроблена и рассеяна.

Но государства, созданные оружием, а не политикой, так же быстро поднимаются, как и быстро падают, а разруха и беспорядки являются сценой для амбиций. Страсти и способности предприимчивых сирийских лордов привели к возникновению нескольких могущественных правительств; враждебность мусульман () усилилась, когда были сломаны имперские и королевские короны Германии и Франции; и полумесяц торжествовал над крестом, когда Саладин объединил и привел мусульманские народы () к завоеванию Иерусалима. По физической силе, личным и военным достоинствам турки и франки были равны; но турки были многочисленны, а франки немногочисленны; и поскольку XII век был скорее веком войн, чем политики, латиняне не поднялись над своими врагами благодаря интеллектуальному превосходству. Христиане не стеснялись нарушать договоры ^[55] с мусульманами; они никогда не пытались примирить врага или жить в условиях широких и либеральных отношений. За исключением Египта, они позволяли сарацинским народам объединяться, не предпринимая никаких попыток сломить их силу; и они были слишком горды и слишком невежественны, чтобы привлечь на свою сторону кого-либо из великого союза атабегов. Примирение могло быть только результатом слабости; нежное, сострадательное терпение ошибок считалось преступным безразличием вооруженных святых. Презрение мусульман к неверным было не более искренним, чем ненависть, которую христиане испытывали к предполагаемым врагам Бога.^c

[50] Германия не была затронута Первым крестовым походом в той же степени, что Лотарингия, Фландрия, Франция и Италия. Саксо Грамматик говорит, что когда немцы увидели войска мужчин, женщин и детей, верхом и пешком, проходящие через их страну по пути в Грецию, они смеялись над ними как над сумасшедшими, покинувшими свои дома, чтобы бежать за мнимым благом среди неминуемых опасностей, отрекшись от своей собственности в поисках чужой. Эккехард упоминает об этом же обстоятельстве и добавляет, что причиной отсутствия энтузиазма в Германии было то, что разногласия между императором и папой препятствовали проповеди крестового похода в этой стране. Однако знамения на небе и другие чудесные явления заставили многих немцев взять крест и присоединиться к армиям во время их похода.

[51] Дамы XII века не просто нанизывали жемчуг и развлекались другими столь же изящными и элегантными занятиями. Их споры решались не только словом, но и мечом. Один замечательный пример такой практики приводит Ордерик Виталий на стр. 687. Любовь к «доблестным подвигам» была страстью как дам, так и рыцарей.

[52] [Гиббон пишет: «Император Константинополя дал или пообещал флот для действий вместе с армиями Сирии, и вероломный христианин [Альмерик], не удовлетворившись добычей и субсидиями, стремился к завоеванию Египта».]

[53] После смерти Ширкуха несколько эмиров сирийской армии выдвинулись на его место, но халиф выбрал Саладина и присвоил ему звание визиря с титулом *малик нассир*, или генеральный защитник. По словам историка-атабега, «то, что побудило халифа выбрать Саладина, а не других, было как его молодость, так и его слабость. Он полагал, что, выбрав Саладина, человека без армии и без силы, он сможет держать его в зависимости от себя и делать с ним все, что пожелает. Он также надеялся завоевать одну часть сирийской армии и изгнать другую, что восстановило бы его власть и в то же время поставило бы его в положение, позволяющее сопротивляться Нур ад-Дину и франкам».

Ибн аль-Атир приводит слова советников халифа по этому поводу: «Среди всех эмиров сирийской армии нет ни одного слабее и моложе Иосифа. Выбирать нужно его. Что касается него, то он будет делать то, что нам угодно; мы поместим в армию людей, преданных нашему делу; мы перейдем в состояние обороны, а затем решим, захватить Иосифа или изгнать его в Египет».

Но, согласно замечанию историка-атабега, «Бог решил иначе», и халиф встретил свою гибель там, где он возлагал свои надежды. Кроме того, продолжает тот же автор, Саладин сначала сопротивлялся. Испугавшись высокого звания, на которое они хотели его возвысить, его пришлось убеждать всеми возможными средствами, как тех существ, о которых говорят, что «их нужно тащить цепями, чтобы заставить войти в рай». Наконец он решил пойти во дворец, и халиф одел его в одежду, шапку и другие знаки достоинства визиря.⁴

[54] [«Таковыми, — говорит Гиббон, — были стражи Священного города: прокаженный, ребенок, женщина, трус и предатель; тем не менее его судьба была отсрочена на двенадцать лет благодаря поставкам из Европы, доблести военных орденов и отдаленным или внутренним заботам их великого врага».]

[55] Было невозможно уважать таких людей, как латиняне, которые были не только жестокими захватчиками и кровожадными преследователями, но и обычными грабителями. Однажды Балдуин III дал мусульманам право пасти скот вокруг Панаеса. Как только земля покрылась стадами овец, христианские солдаты ворвались в страну, угнали животных и убили их пастухов. Принцип несоблюдения веры по отношению к неверным, по-видимому, вытекает из догмата Декреталий: «*Juramentum contra utilitatem ecclesiasticam praestitum non tenet*». Танкред и Святой Людовик были почти единственными двумя выдающимися крестоносцами, которые отличались тем, что предпочитали честность и правду полезности и удобству.

ГЛАВА IV. ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Король Ричард гарантирует,
Нет мяса, более питательного
для англичанина,
как куропатка, чибис, арон, лебедь,
корова, бык, овца или свинья,
Как голова сарезина.
Она жирная и нежная;
А мои люди худые и стройные.
Пока любой сарацин быстр,
Живут сейчас в этой Сирии;
Мы не будем заботиться о еде,
Мы будем быстро продвигаться,
И каждый день мы будем есть
Все, что сможем достать.
В Англию мы не поедem,
Пока не съедим их всех.

—Старинный роман о Ричарде Львиное Сердце.

[1189-1193 гг. н. э.]

Европа гремела упреками в адрес святого Бернарда, когда тысячи людей, которых его красноречие и чудеса подняли на оружие, погибли на скалах Киликии. Генерал или государственный деятель указал бы на ошибки в политике или поведении крестоносцев, но проповедник укрылся под обычной защитой самозванцев и объявил, что грехи народа заслужили божественное наказание и что люди его времени по нравам напоминали древних евреев, погибших в путешествии из Египта в Землю Обетованную. Эти слова были справедливо восприняты как жестокие и оскорбительные; они не оправдали святого в глазах мира, и народы Запада не были готовы снова сделать религиозные войны общей заботой христианского мира. На третьем Латеранском соборе, который собрался через двадцать лет после возвращения Людовика и Конрада в Европу, политика короля

Альмерика была встречена с одобрением; Египет вызывал больше страха, чем Сирия, и владение Дамьеттой было провозглашено целью, к которой должны были стремиться все усилия христиан.^[56] Духовенство призывало мир к вооружению, но воспоминания о страданиях были еще слишком свежи, и декреты собора были встречены с угрюмостью и недовольством. Однако Людовик всегда лелеял надежду вернуться в Святую Землю и возродить свою угасшую славу; и в конце концов его желания были удовлетворены одним из его соратников. Поскольку добродетель была его политикой и его долгом, Генрих II в разгар споров с Томасом Бекетом провозгласил свою святость; и, следуя примеру французского короля, он и его бароны приказали взимать в течение одного года налог в размере двух пенсов, а в течение четырех последующих лет — налог в размере одного пенни с фунта с движимого имущества народа Англии. Среди добродетельных поступков, которые смыли с Генриха вину за убийство Бекета, было содержание двухсот рыцарей-тамплиеров в Палестине в течение года и соглашение с папой о том, что он пойдет сражаться с неверными в Азии или в Испании в течение трех раз большего срока, если его святейшество потребует этого. В 1177 году Генрих и Людовик договорились вместе отправиться в Святую Землю. Но английский монарх был осторожен и любил мир, и болезнь, а затем и смерть французского короля положили конец этому проекту.

[1177-1188 гг. н.э.]

Граф Триполи, будучи регентом Иерусалима, стремился укрепить свое королевство, привлекая новых людей из Европы. Важность посольства, которое он послал на Запад, была очевидна из достоинства легатов, поскольку ими были патриарх Иерусалима и великие магистры тамплиеров и госпитальеров.

В то время как фанатизм вновь разжигал пламя религиозной войны, на Запад пришла весть о падении Иерусалима в руки неверных. Это событие было воспринято как бедствие от одного конца Европы до другого. Ничто не могло превзойти ужас, охвативший римский двор. В момент слабости и унижения кардиналы признали достоинство и силу добродетели. Они решили не брать взятки при отправлении правосудия, воздерживаться от всякой роскоши в жизни и великолепия в одежде, отправиться в Иерусалим с сумкой и посохом простых паломников и никогда не ездить верхом, пока земля их Спасителя попирается ногами язычников. Папа Урбан III умер примерно в это время, и его смерть, как и все страшные события того времени, была приписана горю от известия о победах сарацин. Вильгельм, архиепископ Тира, наш великий проводник в истории, был одним из вестников этой новости; а его друг Григорий VIII, преемник Урбана, не только пытался умиловить гнев небес, предписывая пост и молитву во всем христианском мире, но и издал буллу о новом крестовом походе с обычными привилегиями для крестоносцев.

Император Фридрих Барбаросса созвал совет в Майнце с целью рассмотрения общей целесообразности нового крестового похода. Прелаты и бароны были единодушны в своем желании, и Вильгельм Тирский и Генрих, епископ Альбано, легаты папства, прибыли на собрание вовремя, чтобы подтвердить и одобрить его святое решение. Император и его сын, герцог Швабский, герцоги Австрии и Моравии, а также шестьдесят восемь светских и духовных лордов были охвачены тем же энтузиазмом.

По просьбе архиепископа Тирского Филипп Август, король Франции, и Генрих II, король Англии, встретились в феврале 1188 года в местечке между Три и Жизором в Нормандии, чтобы обсудить политическую ситуацию того времени. Прелат восточной латинской церкви явился и выступил перед двумя монархами в защиту религии. Его описание страданий латинян в Сирии было настолько трогательным, а его размышления о тех, кто участвовал в мелких национальных войнах, когда даже камни храма призывали всех людей отомстить за

дело Божье, были настолько трогательными, что Филипп и Генрих заплакали, обнялись и поклялись вместе отправиться в Святую Землю. Они приняли крест из рук архиепископа. Граф Фландрии присоединился к их намерениям. Они договорились, что французские крестоносцы будут носить красные кресты, английские — белые, а фламандские — зеленые.

ДЕСЯТИНА САЛАДИНА

[1188-1190 гг. н. э.]

Одно мнение и одно чувство влияли на всех, и по общему согласию на тех, кто не хотел принять крест, был наложен налог, одинаковый по названию и по сути. Этот налог назывался десятиной Саладина; он должен был действовать в течение одного года и распространялся как на движимое, так и на недвижимое имущество. Лица, которые фактически взяли на себя крест, не только были освобождены от уплаты, но даже имели право забрать финансовую часть имущества своих арендаторов. Если сборщики десятины были недовольны тем, что человек предлагал заплатить, они имели право назначить четырех или шесть человек из его прихода для проведения оценки. Крестоносцы также могли заложить свою землю на три года, и залогодержатель должен был получать ренту даже в ущерб прежним кредиторам. Английский совет запретил паломникам чувственные удовольствия, ^[57] все виды азартных игр и роскошь одеваться в горностай и соболя. Генрих написал королю Венгрии и императору Константинополя с просьбой обеспечить безопасный проход для его войск. Просьба была удовлетворена.

Хотя корабли постоянно отправлялись из Англии и Франции, везя воинственных паломников в Святую Землю, амбиции и беспокойство Филиппа Августа и принца Ричарда отвлекли правительство и большую часть народа от спасения Палестины. Позорный мир, который Англия была вынуждена заключить с Францией, и душевные муки по поводу мятежа и неблагодарности своих сыновей привели к смерти английского монарха (июль 1189 года). Любовь к военной славе возбуждала французского короля, а смелый, горячий и отважный Ричард Львиное Сердце был больше воинственным, чем религиозным человеком того времени. Ни один из принципов, которые изначально вызвали крестовые походы, не повлиял на действия того или другого.

Ричард был настолько жаждал собрать большую армию, что продал королевские земли, и должности доверия и достоинства больше не могли быть приобретены путем дезертирства или благосклонности. Король Шотландии за десять тысяч марок добился от Ричарда отказа от крепостей Роксбург и Бервик, а также от претензий Англии на верность Шотландии. Ричард пересек Ла-Манш в декабре и вскоре после Рождества встретился со своим братом-правителем. Монархи вновь заверили друг друга в вечной дружбе и поклялись, что в случае необходимости будут защищать территории друг друга со всей горячностью личной заинтересованности. Если один из принцев умрет во время крестового похода, выживший должен будет использовать его людей и деньги для осуществления великого замысла. Срок отправления был перенесен с Пасхи на следующее лето. Во время своего пребывания в Нормандии Ричард издал несколько необычных законов, регулирующих поведение паломников во время морского перехода. Убийство каралось бросанием в воду тела погибшего с привязанным к нему убийцей. Тот, кто в гневе вытаскивал меч, лишался руки. Если человек наносил другому удар, его трижды погружали в воду; за использование оскорбительных выражений наказывалось штрафом в одну унцию серебра. Вор должен был

получить на голову кипящую смолу и перья и быть высажен на берег при первой же возможности.

Филипп Август получил посох и сумку в Сен-Дени, а Ричард — в Туре (июнь 1190 года). Они объединили свои силы в Везеле; их число составляло сто тысяч солдат, и поход на Лион был проведен в единстве и гармонии (). В этом городе монархи расстались; правитель Франции направился по генуэзской дороге, а его благородный соратник — по марсельской, и местом встречи было назначено Сицилия.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И СМЕРТЬ БАРБАРОССЫ

Крестоносец Третьего крестового похода

Героический Фридрих Барбаросса был одним из первых, чья скорбь переросла в негодование после падения Иерусалима. В своих письмах к кощунственному Саладину он требовал возвращения города и угрожал ему в случае невыполнения требования направить в Азию все военные силы германских государств. Но торжествующий неверный ответил, что он противопоставит немецким ордам своих туркмен, бедуинов и сирийцев. Тир, Триполи и Антиохия, продолжил он, были единственными местами, которые в то время принадлежали христианам, и если эти города будут переданы ему, он вернет истинный крест и позволит людям Запада посещать Иерусалим в качестве паломников. Германия была возмущена этим высокомерным ответом; все державы взяли в руки оружие против человека, который бросил им вызов; но, помня о беспорядках и бедствиях, которые вызвало нетерпение народа во время Первого и Второго крестовых походов, был издан императорский указ, согласно которому никто не мог отправиться в поход, если не мог обеспечить себе пропитание на двенадцать месяцев. Освященные знамена немецких князей были окружены бесчисленными полками крестоносцев, привлеченных из всех слоев общества, от почтенного рыцарства до самых низших вассалов. Их император провел их из Ратисбона, места их сбора, через дружественные венгерские государства; но когда он достиг территорий великого владыки Востока, ему пришлось столкнуться с враждебностью жестокого, но робкого противника.

Император Исаак Ангел проявлял как враждебность, так и трусость. Он не отказывал немцам в праве покупать провизию, но в своих сообщениях с Фридрихом тщательно избегал

упоминать его императорские титулы; а греческие правители были сбиты с толку, получая то приказы сохранять укрепления своих городов, то приказы разрушать их, чтобы они не стали опорными пунктами немцев. Барбаросса шел с осторожностью и гуманностью. Возмущенный высокомерием и двуличием Исаака, он в целом щадил народ и перешел Геллеспонт, не удостоив имперский город своим визитом. Он торжественно вступил на территории мусульман и не только разгромил турок в общем сражении, но и захватил Иконию. Тогда султан раскаялся в своем вероломстве и вместе с независимыми эмирами Малой Азии предостерег немцев от дальнейшей мести. Они продолжили свой поход с большей честью и достоинством, чем когда-либо сопровождали ранних крестоносцев, но смерть лишила их их почтенного героя. Весной того же года они пересекли Исаврийские горы, из которых вытекает небольшая река Каликадн. В этом потоке Фридрих искупался, но его преклоненное возрастом тело не выдержало удара.^[58] Его сын, герцог Швабский, был храбрым и опытным полководцем, но смерть императора настолько возродила мужество сарацин, что христиане постоянно подвергались преследованиям. Саладин был вынужден вывести большую часть своих солдат из Антиохии, и немцы без особого труда восстановили христианское правление в этом городе.

Осенью 1190 года герцог Швабский прибыл в Акру, и немецким войскам было придано значение благодаря образованию Тевтонского рыцарского ордена. Ватикан утвердил его создание; папа Целестин III дал ему в качестве общего закона правило святого Августина и предоставил ему привилегии, которые отличали другие военные братства. Служение бедным и больным и защита святых мест были главными задачами, которые папа поручил им выполнять; а их внутреннее хозяйство должно было поддерживаться целомудрием и равным участием в собственности. Они были разделены на три класса: рыцари, священники и служащие братья. Все члены должны были быть немцами, а в первый класс могли входить только люди благородного происхождения. Их название было «Орден тевтонских рыцарей дома Святой Марии в Иерусалиме», а их одеяние представляло собой белый плащ с черным крестом, вышитым золотом.

ОСАДА АККИ ИЛИ ПТОЛЕМАИДА (1189-1191 гг. н. э.)

[1189-1191 гг.

Пока короли Англии и Франции собирали свои войска для войны за границей, христиане в Святой Земле постепенно оправились от паники и присоединились к Лузиньяну. Греки, латиняне, сирийцы, тамплиеры и госпитальеры вышли из своих укрытий, жаждущие мести неверным грабителям. Акра открыла свои ворота завоевателю через несколько дней после битвы при Тивериаде, и этот город, благодаря своему расположению и величию, был достоин самых смелых усилий своих бывших господ. С севера и запада его укрепления омывались морем; величественный пирс защищал порт от штормов и врага; а с суши город был укреплен двойными стенами, рвами и башнями.^b

ОПИСАНИЕ АККИ ДЖЕФФРИ ДЕ ВИНСАУФОМ

Если десятилетняя война прославила Трою, если триумф христиан сделал Антиохию более известной, то Акко, безусловно, обретет вечную славу как город, за который боролся весь мир. Имея форму треугольника, он узкий с западной стороны, а к востоку расширяется, и треть его территории омывается океаном с юга и запада. Порт, который не так удобен, как следовало бы, часто обманывает и оказывается роковым для судов, зимующих там,

поскольку скала, расположенная напротив берега, к которому она параллельна, слишком коротка, чтобы защитить их от ярости шторма. А поскольку эта скала казалась подходящим местом для омовения внутренностей, древние использовали ее как место для принесения жертв, а из-за мух, следовавших за жертвенным мясом, башня, стоящая над ней, была названа Башней мух.

Есть также башня под названием Проклятая, расположенная на стене, окружающей город; и если верить общепринятому мнению, она получила свое название потому, что, как говорят, именно там были изготовлены серебряные монеты, за которые Иуда предал своего Господа. Город, тогда называвшийся Птолемаида, ранее был расположен на горе Турон, которая находится недалеко от города, откуда, по ошибке древности, некоторые называют Акко Птолемаидой. Рядом с горой Турон находится холм под названием Мечеть, где, по словам древних, находится гробница Мемнона; но благодаря чьей доброте он был привезен туда, мы не узнали ни из письменных источников, ни из устных преданий. Река, протекающая мимо города, называется Белус, и хотя ее русло узкое и неглубокое, Солин сделал ее знаменитой, включив в число чудес света как реку, обогащенную стеклянным песком. Там был песчаный овраг, песок из которого использовался для изготовления стекла; если его вынимать, он был совершенно бесполезен, но если оставлять на месте, то благодаря тайной силе этого места он приобретал стеклянную структуру.

Недалеко от реки, рядом с городом, находится невысокая скала, у которой, как говорят, встречаются три части света: Азия, Европа и Африка; и хотя она отдельно содержит в себе другие части света, само место, не зависящее ни от кого, отличается от всех трех и независимо от них. Гора Кармель возвышается на южной стороне города, где, как известно, Илия Тишбит имел скромное жилище, о чем до сих пор свидетельствует его пещера; но хотя мы часто склонны в описании отвлекаться на приятные части окружающей местности, в данный момент мы должны игнорировать достопримечательности окрестностей и обратить свое внимание на ход войны.^a

Когда Ричард и Филипп Август достигли Святой Земли, осада Акры длилась уже двадцать два месяца. Самые терпеливые читатели устанут от подробного описания событий того периода, а широкий круг интересов удовлетворит краткое изложение основных и характерных обстоятельств.

Саладин был настолько уверен в своей безопасности, что не пытался сокрушить врага, и когда он наконец понял необходимость лично попытаться освободить свой город, войска короля Иерусалима были ужасающе многочисленны. Народ Франции и Англии не мог ждать медленного марша своих организованных армий; они с нетерпением откликнулись на сигналы бедствия, которые посылала Палестина; действительно, каждая страна Европы высылала свое население с беспорядочной быстротой, и Лузиньян в одно время был командующим стотысячным войском. Христиане разбили лагерь на равнине к югу от Акры, а Саладин расположился недалеко от города и горы Харба, еще южнее. Среди самых храбрых христианских лордов были граф Шампаньский, герцог Гелдерландский, ландграф Тюрингии и Жак д'Авеснес. Многие из духовенства носили шлемы и доспехи; архиепископы Пизы и Равенны, епископы Солсбери, Бове, Камбре, Акры и Вифлеема заслужили честь церковного рыцарства; и однажды доблесть Болдуина, архиепископа Кентерберийского, спасла лагерь. Христиане обрушивали тараны и мангонели на стены и прекратили свои усилия только тогда, когда Саладин призвал их к сражению на равнине.

Сражения были такими же кровопролитными и упорными, как и все другие, которые ознаменовали священные войны. Если латиняне и одерживали победы, то быстро теряли свои преимущества, предаваясь грабежам и позволяя бдительному врагу собрать свои

разбитые батальоны. Когда сарацины побеждали, христиане укрывались в своих укрепленных лагерях,^[59] и не выходили на поле боя, пока их не вынуждали к действиям новые отряды крестоносцев. Конфликты между мусульманами и христианами велись как на море, так и на суше, но военно-морские силы были настолько равновесны, что латиняне не смогли окончательно помешать египтянам прийти на помощь Акре, и Европа сохранила связь со своим лагерем. В последний год осады число погибших от голода и моровой язвы превысило число погибших в предыдущих сражениях. Обе армии были истощены быстрым упадком, поскольку присутствие такого количества людей истощило как мусульман, так и христианское население окрестностей. Во время осады Акры, как и во время старой осады Антиохии, нравы святых воинов были столь же развращены, сколь и их положение было бедственным. Тем не менее, лагерь был пронизан видимостью святости. Проводились религиозные обряды, а пороки подвергались осуждению. Крестоносцы казались набожными, но на самом деле были развратными,^[60] и компенсировали свои личные излишества фарисейской щепетильностью и немилосердием.

Конрад, маркиз Тира, присоединился к крестоносцам, а затем покинул своих друзей, и все бедствия христиан от голода были приписаны его отъезду. Но его собственное княжество было для него самым важным делом, и он не мог одновременно снабжать провизией свой народ и всю армию. Болезнь поразила и уничтожила как князей, так и простолудинов; и когда умерла королева Сибилла и ее двое маленьких детей, Ги де Лузиньян лишился своей главной политической опоры. Появились новые соперники за воображаемое королевство. Изабелла, сестра Сибиллы, в возрасте восьми лет была выдана замуж за Хамфри, лорда Торона, но когда горячие страсти юности сменили равнодушие детства, ее сердце покорили галантность и рыцарские достоинства Конрада, маркиза Тира. В средние века всегда находилось какое-нибудь кровное родство или какое-нибудь каноническое препятствие, когда отвращение или амбиции побуждали расторгнуть брачный договор; и когда воля решена, ум не придирчив в выборе аргументов для оправдания. Церковь расторгла союз Хамфри и Изабеллы, и на следующий день после объявления о разводе епископ Бове женил влюбленную красавицу на маркизе Тира. Как муж принцессы, Конрад требовал почестей, которые полагались королю Иерусалима; Хамфри был слишком благоразумен, чтобы бороться за пустую честь, но Лузиньян, который когда-то носил корону, не хотел отказываться от надежды вернуть ее. Христианское дело было скандализировано и ущербно из-за этих разногласий между вождями, но кандидаты на корону были вынуждены подчиниться общему мнению армии и отложить решение своих претензий до вынесения приговора французским и английским монархам.

ПУТЕШЕСТВИЕ РИЧАРДА

[1190-1191 гг. н. э.]

Флот Ричарда не прибыл в Марсель в назначенное время, и его нетерпение было настолько велико, что, прождав всего восемь дней, он нанял несколько галер и отплыл в море. Он отправился в Геную и провел переговоры с французским королем, который из-за болезни оставался в этом городе. Затем он ненадолго остановился в Пизе, а вскоре после этого несчастный случай, произошедший с его кораблем, вынудил его войти в Тибр.

Он ненадолго остановился в Неаполе, а затем на лошади отправился в Салерно, где решил дожидаться известий о прибытии своего флота в Средиземное море. Английский флот был разбросан у берегов Португалии сильным штормом, но корабли в конце концов достигли

Лиссабона, и обстоятельства позволили им выполнить свой долг благодарности. Мавры Испании и Африки угрожали Португалии, и пятьсот английских солдат присоединились к королю и отправились в Сантарем. Их воинственный вид внушал страх сарацинам, а счастливая смерть в этот момент мавританского полководца разбила союз врагов, и страна была спасена. Английский флот прошел вдоль побережья Португалии и южной части Испании и прибыл в Марсель. Затем он отплыл в Мессину и достиг этого места за несколько дней до прибытия Филиппа и французов.

Рыцарь ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Ричард покинул Салерно 13 сентября и 21-го достиг Милето. Затем он продолжил свое путешествие в сопровождении только одного рыцаря. Он собрал все английские корабли и вошел в гавань Мессины с таким великолепием и таким звуком рогов и труб, что сицилийцы и французы были удивлены и встревожены. Танкред, внебрачный сын Роджера, герцога Апулийского, был в то время королем острова.

Среди мер, которые Танкред принял для укрепления своей власти, было заключение в тюрьму вдовы Вильгельма Доброго, его непосредственного предшественника. Она была сестрой Ричарда, короля Англии, но по прибытии этого монарха в Сицилию узурпатор вернул ей свободу. Однако ее приданое по-прежнему удерживалось, и ее брат был полон решимости отомстить за ее обиды. Во всех своих действиях он был жестоким и несправедливым. Он поместил ее в крепость, которую захватил у сицилийцев, и изгнал монахов из монастыря, чтобы разместить там свои запасы. Эти обстоятельства и разнузданность его народа стали причиной многочисленных ссор между местными жителями и пришельцами. Филипп Август поддерживал дело сицилийцев, и поэтому английский монарх считал его врагом и установил свое знамя на территории французов. Посредничество баронов предотвратило войну между Филиппом и Ричардом, и последний продемонстрировал свою добрую волю по отношению к своему королевскому товарищу, передав Мессину солдатам военных орденов до тех пор, пока Танкред не урегулирует справедливо претензии своей сестры. Затем был заключен мир. Ричард отказался от всех претензий на Сицилию. Мессина была передана французскому королю, а Ричард разбил лагерь за стенами города. Были приняты различные правила для общения между разными народами в зимние месяцы. Купцы не имели права покупать хлеб или зерно в армии с целью перепродажи, а прибыль от их общих сделок была ограничена одним денарием из десяти. Азартные игры были разрешены рыцарям и духовенству, но запрещены остальным

солдатам. Однако ни один человек не мог проиграть более двадцати шиллингов за день или ночь. В течение некоторого времени между французами и англичанами происходил частый обмен услугами. Ричард подарил Филиппу несколько кораблей и был настолько щедр на деньги среди солдат, что, по общему мнению, он был более щедр за месяц, чем его отец за год. Но споры в Мессине не давали покоя Филиппу, и современные английские историки обвиняли его в том, что он предложил Танкреду помощь в изгнании Ричарда.

ФРАНЦУЗЫ ОТПЛАВАЛИ В АКРУ

В марте 1191 года Филипп покинул Сицилию и отплыл в Акру. Его появление было воспринято как божественное благословение; в момент воодушевления атаки возобновились, но вскоре был отдан приказ приостановить их до прибытия Ричарда, и более разумно полагать, что мотивом Филиппа была маловероятность успеха без него, а не ложное обоснование, что, поскольку причина была общей, победа также должна быть общей. Перед отъездом из Сицилии Ричард объявил, что будет вести добродетельную жизнь, и со всей смиренностью подчинился бичеванию своего духовенства. Он был задержан на короткое время в связи с ожидаемым прибытием своей матери Элеоноры с принцессой Беренгарией Наваррской, с которой он был обручен задолго до того, как договор с Филиппом дал ему свободу вступать в брак.

Примерно через две недели после отъезда своего соперника английский монарх отплыл. В отсутствие точных данных о численности его армии, мы можем предположить, что она была внушительной, исходя из того факта, что его солдаты, лошади и припасы заполнили двести кораблей разного размера. Шторм рассеял его флот, и он узнал на Родосе, что два его корабля сели на мель у берегов Кипра, а жители острова разграбили и заключили в тюрьму тех членов экипажа, которые выжили после кораблекрушения. Кораблю, на котором плыла вдова короля Сицилии, было отказано во входе в порт. Поэтому англичане высадились на берегах Кипра; как обычно, впереди шли лучники, чтобы расчистить путь; их заостренные стрелы падали как дождь на луга, и при поддержке тяжеловооруженных солдат они загнали императора и его греков вглубь острова. Правитель Кипра был из рода Комнинов, но он превратил свое государство в королевство. Исаак был взят в плен; король Англии стал владыкой Кипра; он обложил народ ужасным налогом в размере половины их движимого имущества, а затем предоставил им права, которыми они пользовались под властью византийских императоров.

Ричард отдохнул от трудов завоевания, отпраздновав свою свадьбу с Беренгарией. Но через несколько недель он снова взялся за оружие. Его флот покинул Кипр; большой военный корабль [\[61\]](#) Саладина пересек его путь; легкие галеры окружили и атаковали его, но высокие борта турецкого корабля было невозможно взобраться. «Я распну всех своих солдат, если он ускользнет», — воскликнул Ричард. Его люди, больше боявшиеся гнева своего повелителя, чем мечей врага, направили острые носы своих кораблей на противника; некоторые солдаты нырнули в море и схватили руль, а другие вступили в ближний бой с сарацинами. Чтобы сделать захват невыгодным, эмир приказал своим войскам прорезать борта их корабля, пока вода не хлынет внутрь. Затем они прыгнули на палубы английских галер. Но кровожадный и неблагодарный Ричард убил или сбросил за борт своих беззащитных врагов, или, с не менее отвратительной алчностью, спас командиров ради выкупа.

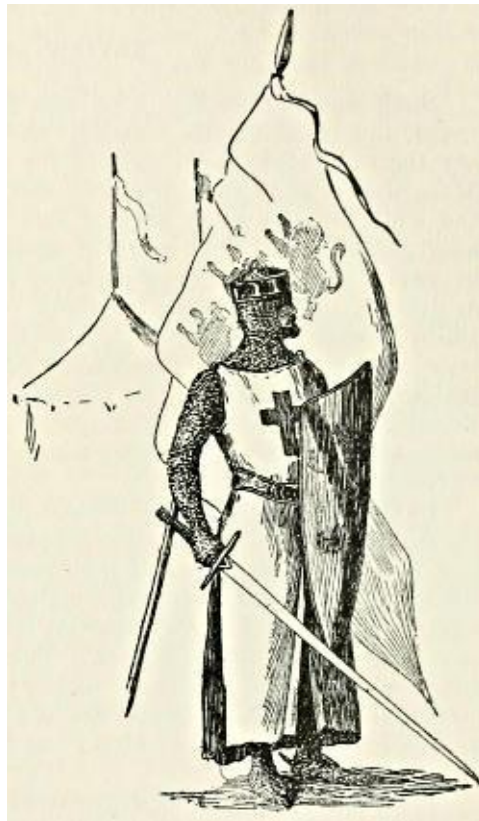
Теплые и поздравительные возгласы приветствовали англичан по их прибытии в Акко. Великолепная сцена, открывшаяся перед ними, была рассчитана на то, чтобы возбудить все воодушевляющие чувства воинов. Воинственная молодежь Европы собралась на равнине во

всей гордости и великолепия рыцарства. Великолепные палатки, роскошные знамена, сверкающее оружие, гербы демонстрировали разнообразие индивидуальных фантазий и национальных особенностей. На возвышенностях вдали расположились плотные боевые отряды султана. Мамелюки-татары были вооружены луками, жители Верхнего Египта — цепями и кнутами, а бедуины — копьями и маленькими круглыми щитами. Медный барабан прозвучал сигналом к войне, и черное знамя Саладина было поднято в гордом противостоянии алому знамени креста.

РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ФРАНЦУЗСКИМ И АНГЛИЙСКИМ КОРОЛЯМИ

Радость, с которой французы встретили англичан, вскоре сменилась горькими чувствами военной зависти и национальной ненависти. Религиозные цели войны, казалось, были забыты. Генуэзцы и тамплиеры встали на сторону Филиппа, а пизанцы и госпитальеры — на сторону Ричарда. Король Франции подготовил своих солдат и их боевые машины к энергичному и всеобщему штурму стен Акры и прошептал о мести, когда его военный соперник отказался от сотрудничества по причине болезни. Лучшая часть французских войск двинулась к стенам, жаждая посрамить англичан.

Но, несмотря на высокую доблесть нападающих, их численность была недостаточна, и они были отбиты на всех фронтах. Однако, когда Саладин попытался уничтожить армию и лагерь своих разбитых врагов, он был отброшен назад с потерями. Французы вновь появились в качестве нападающих, но снова проявили свою неосторожность. Больной и находящийся на излечении Ричард был перенесен на матрасе к своим военным машинам и был настолько активен в изготовлении и использовании своих *петрарий*, что вскоре разрушил половину одной из турецких башен. Он уберег свои машины от греческого огня города и вознаграждал своих баллистариев за каждый камень, который они сбрасывали со стен. Ров был засыпан, башня полностью сровнена с землей, и английские герои, в частности граф Лестер и епископ Солсбери, приготовились войти в пролом. Сражение было ожесточенным и кровопролитным. Пизанцы пришли на помощь англичанам, но ярость турок была непреодолима, и стены были очищены от врага.

Рыцарь ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Неудача амбициозных попыток каждого из монархов захватить Акру без помощи своего соперника свидетельствовала о необходимости их сотрудничества.¹⁶²¹ В результате между Ричардом и Филиппом произошло примирение: они решили, что один будет атаковать стены, а другой будет охранять лагерь от приближения Саладина. Но Акра так сильно пострадала от двухлетней осады, что жители были вынуждены принять печальное решение отказаться от обороны. Саладин пытался вселить в умы своего народа свой непобедимый дух и на мгновение возродил их угасшую храбрость, направив их надежды на помощь из Египта. Ожидаемая помощь из Каира не прибыла, и горожане вырвали у Саладина разрешение на капитуляцию. Их безопасность была обеспечена согласием передать двум королям сам город и пятисот христианских пленников, которые в нем находились. Истинный крест должен был быть сдан, а также тысяча других пленников и двести рыцарей, выбранных союзниками из тех, кто находился в руках Саладина; и если мусульмане не выплатят Ричарду и Филиппу сумму в двести тысяч золотых в течение сорока дней, жители Акры будут отданы на милость завоевателей.

Эти условия были приняты, и, прежде чем город сменил своих хозяев, во французском и английском лагерях было объявлено, что никто не должен причинять вреда или оскорблять тех турок, которые покинули это место. Христиане вошли в Акру; знамена двух королей развевались на крепостных стенах; но, по-видимому, предпочтение было отдано Ричарду, поскольку он, его жена и сестра поселились в королевском дворце, а Филипп занял дом тамплиеров. Они не могли отказать своим солдатам в справедливом требовании, основанном на принципе, что те, кто разделит труды, должны разделить и награду; но выплата была отложена настолько надолго, что многие люди были вынуждены из-за бедности продать свое военное снаряжение и вернуться в Европу. Короли разделились во мнениях относительно права на власть над Палестиной. Английский монарх был убежден поддержать дело слабого и несчастного Лузиньяна. Во время осады иногда слышались споры, но после взятия города они разгорелись с новой силой. Однако были начаты

переговоры, и было достигнуто соглашение, что Лузиньян будет называться королем Иерусалима и лордом Йоппы и Аскалона, но если Конрад останется в живых, то он и его наследники получат вечное суверенитет. Английский монарх впоследствии великодушно уступил остров Кипр Лузиньяну.

Через несколько недель после капитуляции Акры и до истечения срока выполнения всех условий договора Филипп Август выразил желание вернуться в Европу. Было оговорено, что герцог Бургундский и большая часть французской армии должны остаться в Сирии под командованием Ричарда. Филипп Август отправился в Тир, передал маркизу этого города свою долю как Акры, так и турецких пленников, а затем отплыл в Европу.^b

ОБЗОР ОСАДЫ

[1189-1191 гг. н. э.]

Такова была суматоха этой знаменитой осады, которая длилась почти три года и в которой крестоносцы пролили больше крови и проявили больше храбрости, чем было необходимо для покорения всей Азии. Более ста стычек и девять великих сражений было проведено у стен города; несколько процветающих армий пришли на помощь почти уничтоженным войскам и были в свою очередь заменены свежими армиями. Самые храбрые дворяне Европы погибли в этой осаде, сметенные мечом или болезнью. Среди прославленных жертв этой войны история выделяет Филиппа, графа Фландрии, Ги де Шатильона, Бернара де Сен-Валлери, Вотрие де Мори, Рауля де Фужере, Эда де Гонесса, Рено де Маги, Жофруа д'Омаля, виконта де Шательро, Жосселина де Монморанси и Рауля де Марля; архиепископы Безансона и Кентербери; а также многие другие священнослужители и рыцари, чья набожность и подвиги вызывали восхищение всей Европы.

В этой войне обе стороны были воодушевлены религией; каждая сторона хвасталась своими чудесами, святыми и пророками. Епископы и имамы одинаково обещали солдатам прощение грехов и венец мученичества. В то время как король Иерусалима велел нести перед ним Евангелие, Саладин часто останавливался на поле битвы, чтобы помолиться или прочитать главу из *Корана*. Франки и сарадины взаимно обвиняли друг друга в незнании истинного Бога и в оскорблении Его своими обрядами. Христиане бросались на своих врагов с криками: «Это воля Божья! Это воля Божья!», а сарадины отвечали своим боевым кличем: «Ислам! Ислам!».

Фанатизм часто усиливал ярость убийств. Мусульмане с высоты своих башен оскорбляли религиозные обряды христиан. Они поднимали кресты на своих валах, били их палками, покрывали пылью, грязью и нечистотами и разбивали на тысячи кусков на глазах у осаждающих. Увидев это зрелище, христиане поклялись отомстить за оскорбленное поклонение и пригрозили сарацинам уничтожением всех мусульманских амвонов. В пылу этой религиозной вражды мусульмане часто убивали безоружных пленников, а в более чем одной битве сжигали своих христианских пленников прямо на поле сражения. Крестоносцы слишком близко подражали варварству своих врагов; погребальные костры, зажженные фанатичной яростью, часто тушились в реках крови.

Мусульманские и христианские воины провоцировали друг друга в единоборствах и были столь же щедры на оскорбления, как герои Гомера. В рукопашной часто появлялись героини, которые соперничали за приз силы и мужества с самыми храбрыми из сарацин. Дети приходили из города, чтобы сражаться с детьми христиан в присутствии двух армий.

Но иногда ярость войны сменялась мирными удовольствиями, и франки и сарацины на мгновение забывали о ненависти, которая заставила их взять в руки оружие. Во время осады на равнине Акры было проведено несколько турниров, на которые были приглашены мусульмане. Чемпионы обеих сторон произносили речи друг перед другом перед выходом на арену; победитель уносился в триумфе, а побежденный выкупался как военнопленный. Во время этих военных празднеств, которые сближали два народа, франки часто танцевали под звуки арабских инструментов, а их менестрели затем играли или пели под танцы сарацин.

Большинство мусульманских эмиров, следуя примеру Саладина, демонстрировали строгую простоту в одежде и манерах. Арабский автор сравнивает султана, окруженного в своем дворе сыновьями и братьями, с ночной звездой, которая сияет мрачным светом среди других звезд. Главные лидеры крестового похода не разделяли эту любовь к простоте, но стремились превзойти друг друга в великолепии и роскоши. Как и во время Первого крестового похода, за князьями и баронами в Азию последовали их охотничьи и рыболовные снаряжение, а также роскошь их дворцов и замков. Когда Филипп Август прибыл в Акру, все взоры на мгновение обратились к соколам, которых он привез с собой. Один из них вырвался из рук своего зрителя, сел на городские валы, и вся христианская армия была возбуждена попытками поймать сбежавшую птицу. Когда ее поймали мусульмане и отнесли Саладину, Филипп послал к султану посланника, чтобы вернуть ее, предложив сумму золота, которой хватило бы на выкуп многих христианских воинов.

Бедствия, которые так часто посещали крестоносцев, вовсе не мешали многим из них предаваться разврату и распутству. Все пороки Европы и Азии собрались в одном месте. Если верить арабскому автору, в тот самый момент, когда франки были жертвами голода и заразных болезней, в лагерь прибыла группа из трехсот женщин с Кипра и соседних островов. Эти триста женщин, чье присутствие в христианской армии было скандалом в глазах сарацин, проституировали себя среди солдат креста и не нуждались в очаровании Армиды Тассо, чтобы развратить их.

Тем не менее, духовенство неустанно призывало паломников вернуться к нравам Евангелия. В лагере были построены церкви с деревянными шпильями, в которых каждый день собирались верующие. Нередко сарацины пользовались моментом, когда солдаты оставляли свои укрепления без охраны, чтобы посетить мессу, и совершали быстрые, но досадные набеги. На фоне всеобщего разложения осада Акры давала много поводов для назидания. В лагере или на поле битвы милосердие постоянно окружало христианских солдат, утешая их в бедствии, ухаживая за больными и перевязывая раны. Во время осады воины с севера находились в крайне тяжелом положении и не могли рассчитывать на помощь со стороны других народов. Некоторые паломники из Любека и Бремена пришли им на помощь, соорудили палатки из парусов своих кораблей, чтобы укрыть своих бедных соотечественников, и заботились об их нуждах и лечили их болезни. Сорок немецких дворян приняли участие в этом благородном предприятии, и их объединение стало началом гостеприимного и военного ордена тевтонских рыцарей.

Когда крестоносцы вошли в Акру, они разделили между собой власть над городом, и каждый народ занял одну из его частей, так что вскоре у города было столько же хозяев, сколько у него было врагов. Король Иерусалима () был единственным лидером, который не получил ничего при разделе первого отвоеванного места своего королевства.

Капитуляция осталась невыполненной; Саладин под различными предлогами откладывал выполнение условий. Ричард, раздраженный задержкой, которая казалась ему нарушением веры, отомстил пленникам, находившимся в его руках. Не проявляя жалости ни к безоружным врагам, ни к христианам, которых он подверг кровавым репрессиям, он убил

пять тысяч мусульман перед городом, который они так доблестно защищали, на глазах у Саладина, который разделил позор этой жестокости, бросив своих самых храбрых и верных воинов.^[63]

Это действие, вызвавшее сожаление всей христианской армии, достаточно ярко продемонстрировало характер Ричарда и показало, чего следует опасаться от его жестокости; варварский и непримиримый враг не мог стать великодушным соперником. В день капитуляции Акры он совершил грубое оскорбление в отношении Леопольда, герцога Австрии, приказав бросить в ров знамя этого князя, которое было водружено на одной из башен. Леопольд скрыл свое возмущение, но поклялся отомстить за это оскорбление, когда представится случай.^c

КРЕСТОНОСЦЫ НАСТУПАЮТ НА ИЕРУСАЛИМ

Солдатам было трудно покинуть удовольствия Акры. Историк рассказывает, что вино в городе уже изменило нрав даже самых строгих христианских рыцарей, и для поддержания дисциплины женщинам было запрещено идти в поход с армией. Щедрые подарки Ричарда герцогу Австрии, графу Шампани и другим помешали им последовать за Филиппом в Европу, и Плантагенет возглавил почти тридцать тысяч французских, немецких и английских солдат. Эти святые воины покинули Акру и двинулись на юг, в основном не теряя из виду свои корабли, которые шли вдоль побережья, везя фураж, провизию и военные припасы. Облака турок нависали над наступающей армией и обрушивались на нее; рыцари Красного Креста в авангарде и военные монахи в арьергарде часто сдерживали ярость бури, но безопасность крестоносцев в основном обеспечивалась нерушимой твердостью их колонн и их решительной выдержкой.^[64]

Около Азота Ричард больше не мог избегать общего сражения. Правым флангом его линии командовал героический и отважный поборник креста Джеймс д'Авеснес. Герцог Бургундский, человек сомнительной добродетели, возглавлял левый фланг, а сам Плантагенет был опорой и оплотом центра. Войска Сирии и Египта под командованием Саладина совершили общую и стремительную атаку на врага. Правое крыло христиан было отброшено; левое оттеснило сарацин, но было оттянуто врагом далеко от других подразделений армии. Ричард поспешил с отборным отрядом « » на помощь герцогу Бургундскому, а Саладин, стремясь укрепить свое правое крыло, снял груз вражды с Джеймса д'Авеснес. Английские линии не понесли серьезных потерь. Личная храбрость Ричарда творила чудеса; его лицо, его жесты, его призывы к святому Георгию подкрепляли пыл его войск, и турки были отброшены с большими потерями к Азоту. Потери христиан, хотя и не многочисленные, были тяжелыми, поскольку погиб Джеймс д'Авеснес, и его смерть была справедливо оплакана королем как потеря великой опоры христианского дела.

Ричард Львиное Сердце

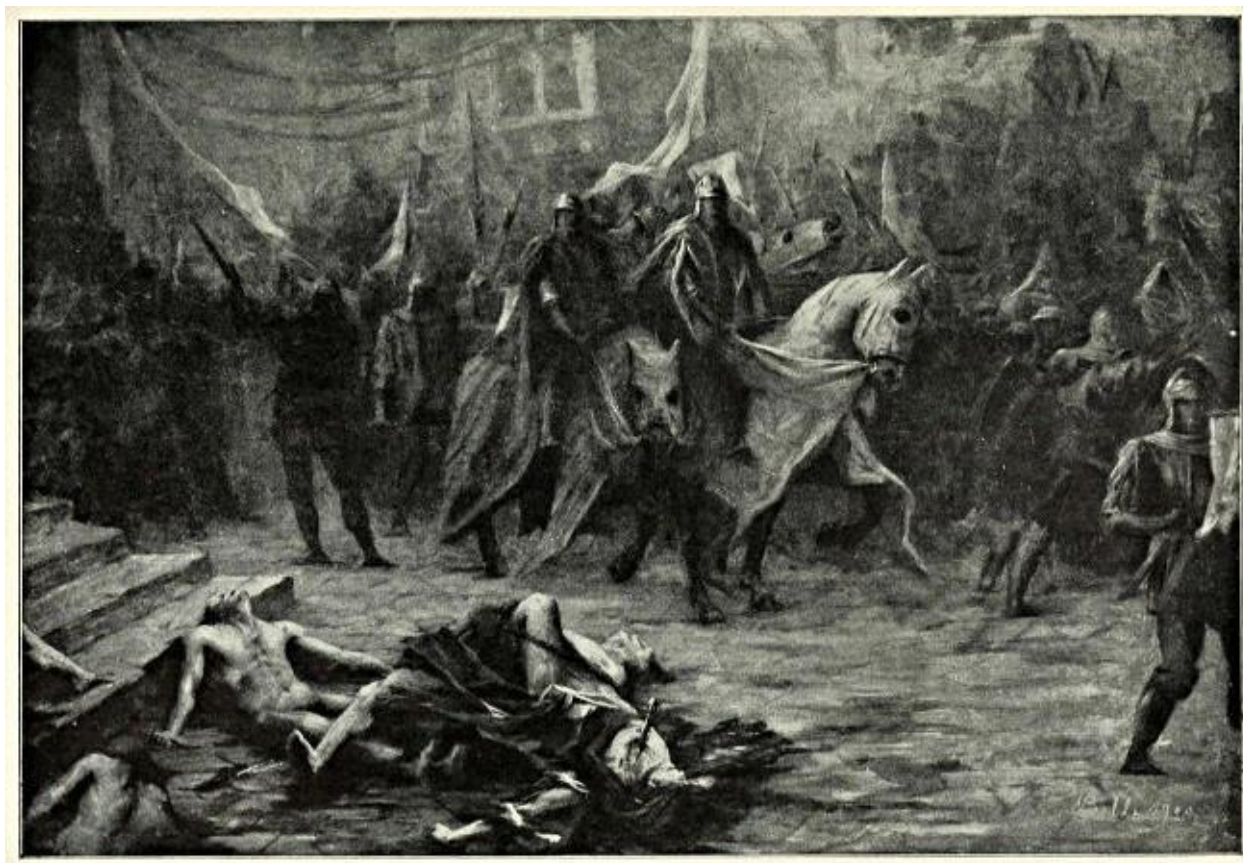
Продвижение Сердца Львиного больше не препятствовали, и он быстро прибыл в Йоппу. Этот город теперь был без укреплений, поскольку, когда ход победы отвернулся от мусульман в Азоте, Саладин приказал разобрать все свои крепости в Палестине. Его политика заключалась в том, чтобы постоянно держать своих врагов в поле и изматывать их непрерывными стычками и сражениями. Поскольку дорога в Аскалон была открыта, Ричард хотел воспользоваться своим преимуществом, но дух раздора вновь оказал свое пагубное влияние, и французские бароны настаивали на необходимости восстановления укреплений в Йоппе. Их мнение, к сожалению, совпадало с настроениями армии, уже ослабленной непрерывными маршами и с тоской вспоминавшей о удовольствиях, которые на время стали для нее привычными и дорогими в Акре. Поэтому было решено, что Йоппа должна быть вновь укреплена. Плантагенет, осознавая все обязанности генерала, настаивал на завершении работ. Однако солдаты постепенно погрузились в то состояние роскоши и праздности, из которого Ричард с таким трудом их вывел. Мусульмане оправились от отчаяния и паники, вызванных их недавним поражением при Азоте; они начали собираться в окрестностях Йоппы, и их военное появление пробудило англичан и французов от их позорного сна разврата.

Винсоф [4](#) рассказывает, как Ричард, столь же страстный в удовольствиях, как и в войне, наслаждался соколиной охотой, не обращая внимания на врага. Однажды королевская свита дорого заплатила бы за свою смелость, если бы провансальский дворянин по имени Уильям де Пратель не воскликнул: «Я король!»; и этой благородной ложью привлек к себе внимание сарацин, в то время как настоящий правитель успел сбежать. Вскоре после этого отряд тамплиеров попал в засаду турок. Ричард послал графа Лестера на помощь храбрым, но измученным рыцарям и пообещал немедленно последовать за ним. Но прежде чем он успел

надеть доспехи, он узнал, что враг одержал победу. Пренебрегая всякой личной заботой и великодушно заявив, что он не заслуживает звания короля, если бросит тех, кому поклялся помочь, он помчался на место сражения, бросился в самую гущу боя, и его стремительность, как обычно, была вознаграждена успехом.

Укрепления Иоппы были наконец восстановлены, было решено возобновить войну, и Плантагенет объявил сарацинам, что единственный способ избежать его гнева — это сдать ему королевство Иерусалимское, каким оно было во времена правления Болдуина Прокаженного. Саладин не отверг это предложение с презрением, но внес в него изменения, предложив уступить Палестину от Иордана до моря. Переговоры длились некоторое время. Ричард был обманут и соблазнен подарками и лестью Сафедина [Сайф ад-Дина], брата Саладина, и христиане были потрясены тем, что их лидер был так дружелюбен с неверным. Бароны вскоре поняли и заставили своего королевского господина увидеть хитрость турок, которые возобновили свои атаки, и переговоры были прерваны. Но тамплиеры, госпитальеры и пизанцы отговорили короля от нападения на Иерусалим, *argument that even if it should be taken they would immediately have to fight with the Turks in the neighbourhood*. Ричард приказал отступить, и армия отступила к Рамуле, а затем продолжила отступление к Аскалону, городу, имевшему большое значение в глазах латинян, поскольку он был связующим звеном между турками в Иерусалиме и турками в Египте.

До возвращения весны вся торговля между Аскалоном и другими странами была прервана, и армия, помимо обычных суровых климатических условий, испытывала еще и лишения, связанные с голодом. Нетерпеливый герцог Бургундский покинул знамя Ричарда; часть французских солдат ушла в Акру и Иоппу, а другие были радушно приняты при дворе маркиза Тира. Но недовольство на время уступило место более благоприятным чувствам, и по просьбе Плантагенета большинство дезертиров вернулись к своим обязанностям. Конрад же пренебрег ответом на королевский призыв. Стены Аскалона были вскоре отремонтированы, поскольку самые гордые дворяне и самые почтенные священнослужители трудились как самые простые люди. Герцог Австрии был единственным выдающимся человеком, который был поглощен высокомерным эгоизмом и мог сказать, что он не был ни плотником, ни каменщиком. Еще до завершения работ Ричард лишился помощи своих французских союзников, которые, будучи скорее наемниками, чем рыцарями, удалились в Акру, поскольку королевская казна была опустошена и король не мог выплатить им оговоренное вознаграждение. Коммерческая ревность, а также военная зависть препятствовали крестовым походам. Генуэзцы и пизанцы сделали Акру театром своих вражды; и их распри приобрели вид достоинства и бескорыстности, когда они сражались во имя и в интересах своих соответствующих друзей, Конрада и Ги. Маркиз Тира присоединил свои войска к генуэзцам, и гражданская война распространилась бы на все христианские державы, если бы Плантагенет не выступил из Аскалона в Акру. Конрад благоразумно повернул назад, и благодаря дипломатии английского короля разрыв между республиканцами был устранен. Ричард пытался примирить маркиза, но молодой аристократ стремился к независимости и суверенной власти, перебрал семьсот французских солдат из Аскалона в Тир и сам вступил в союз с Саладином (). Когда Ричард ушел из Иерусалима, и его армия была разбита, Саладин отпустил многих из своих солдат к их семьям и домам; но когда он услышал о переходе Конрада на сторону врага, он решил, что настал момент активных военных действий, и соответственно развернул свое знамя и создал свои войска.

АРМИЯ РИЧАРДА НА ВОСТОКЕ

Ричард был спокоен и не испугался военной мощи своего врага, но политические волнения в Англии требовали присутствия монарха, и он был вынужден подчиниться необходимости и просить своего великодушного врага прекратить войну. Он заявил, что требует только владения священным городом и истинным крестом. Но мусульманин ответил, что Иерусалим так же дорог мусульманам, как и христианам, и что он никогда не станет потворствовать идолопоклонству, разрешив поклонение куску дерева. Смущенный религиозными принципами своих врагов, Ричард попытался завоевать их более мягкие чувства. Он предложил объединить интересы христиан и мусульман, установить в Иерусалиме правительство, частично европейское, частично азиатское; и эти политические планы должны были быть реализованы через брак Сафедина с вдовой короля Сицилии Вильгельма. Мусульманские князья согласились бы на эти условия, но брак считался настолько скандальным с точки зрения религии, что имамы и священники подняли бурю протестов, и Ричард и Саладин, несмотря на свою мощь, подчинились мнению народа.^[65]

Необходимость возвращения Ричарда в Англию становилась все более насущной, и единственной причиной его задержки был выбор военачальника христиан. У слабоумного Гая было мало сторонников, и общественное мнение было на стороне доблестного Конрада; Ричард великодушно закрыл глаза на то, что принц Тира был его врагом и другом Саладина, и согласился с желанием народа. Но пока шли приготовления к коронации, Конрад был убит двумя ассасинами. В первые минуты возмущения французы заявили, что Ричард подговорил убийц. Они потребовали от вдовы Конрада отказаться от Тира, но она была слишком умна, чтобы вызвать гнев короля. Среди беспорядков появился граф Генрих Шампанский; он занял трон по приглашению народа и, следуя одобренному прецеденту, обезопасил себя от оппозиции, женившись на вдове Конрада. Ричард утвердил выбор народа, и гражданская война закончилась. Герцог Бургундский и граф Шампанский присоединились к Ричарду.

Игнорируя призывы из Англии, король повел своих англичан и норманнов к крепости Дарум, взял ее и передал французам, чьи приготовления к атаке оказались ненужными из-за более активных действий их союзников. Новые посланцы из Англии принесли свежие известия о растущей мощи принца Иоанна и вероломстве Филиппа Августа. Армия продолжила свой поход на Иерусалим и разбила лагерь в долине Хеврона. Генералы и солдаты поклялись, что не покинут Палестину, пока не освободят Гроб Господень. Когда было принято это решение, все были охвачены радостью (). Ричард разделял эти чувства и, хотя считал, что только его присутствие в Англии может восстановить там порядок, он заверил герцога Бургундского и графа Шампанского, что никакие просьбы из Европы не заставляют его покинуть союзников до следующей Пасхи. Гимны и благодарственные молитвы свидетельствовали о всеобщей радости по поводу этого решения.

Чем ближе подходили христиане, тем сильнее был ужас мусульман в Иерусалиме; многие из них готовились покинуть город, и даже Саладин был встревожен за его безопасность. Крестоносцы находились в Вифлееме; французская знать на совете была столь же шумна, как и народ снаружи, призывая продвигаться вперед; но Ричард колебался и признался в своих сомнениях относительно целесообразности этой меры, поскольку его силы были недостаточны для осады и поддержания связи с запасами на побережье. Он предложил им маршировать на Беритус, Каир или Дамаск, но, поскольку бароны Сирии, тамплиеры и госпитальеры прекрасно знали Палестину, он считал, что их решение должно определять действия армии.

ПРЕДПРИЯТИЕ БЫЛО ПРЕКРАТЕНО

Соответственно, был назначен совет из двадцати человек, состоящий из представителей военных орденов, лордов Святой Земли, а также французских рыцарей. Они узнали, что турки уничтожили все цистерны, находившиеся в пределах двух миль от города; они чувствовали, что началась летняя жара; и по этим причинам было решено отложить осаду Иерусалима и отправить армию на завоевание других территорий. Как полководец, Ричард полностью осознавал нецелесообразность наступления на священный город, но он не мог подавить горькое чувство унижения от решения, которое, вероятно, разрушило бы его гордые надежды на освобождение Гроба Господня. Друг привел его на холм, с которого открывался вид на Иерусалим, но, закрыв лицо щитом, он заявил, что не достоин смотреть на город, который не может завоевать. Французские солдаты высказывали упреки и жалобы по поводу решения совета; Сердце-Лев предложил им провизию, корабли и деньги, если они подчинятся его указу и пойдут на Каир; и хотя они согласились, но, поскольку они не были ретивы, Ричард оставался в бездействии и нерешительности.

Христиане отказались от активных военных действий против сарацин, чтобы с еще большей яростью заняться гражданскими распрями и разногласиями; и если бы не было отдано приказа об отступлении, армия была бы полностью уничтожена Саладином. Ричард едва мог поддерживать порядок и дисциплину среди солдат. Некоторые отступили в Иоппу, но Акко стал местом сбора большей части армии.

Саладин быстро достиг Иоппы и так энергично осаждал ее, что через несколько дней одна из ворот была сломана, и те из жителей, кто не смог защититься в большой башне или сбежать по морю, были уничтожены. Однако до утра храбрый Плантагенет достиг Иоппы. Отказавшись от надежды спасти Святую Землю от неверного господства, он был готов покинуть Акко и вернуться в Европу, когда поспешность его мусульманского соперника вновь открыла перед ним все его видения славы и завоеваний. Французы отказались идти, но тамплиеры и госпитальеры, пизанцы и генуэзцы, граф Лестер и другие английские

дворяне поклялись спасти своих друзей. Ричард и часть его войск отправились по морю в Иоппу; другие солдаты пошли по суше, но были сильно затруднены препятствиями, которые Саладин, предвидя их приближение, поставил на их пути. Плантагенет был первым, кто высадился на берег, и самым активным с его смертоносным мечом.^b

Было мало военных подвигов, более известных, чем этот целый день сражения Ричарда, и старый летописец Джеффри де Винсоф написал об этом с таким энтузиазмом, что мы не можем удержаться от цитирования этих великолепных картин, гипербола которых сама по себе является объяснением и оправданием.^a

РАССКАЗ ВИНСАУФА О РИЧАРДЕ В ЙОППЕ

Узнав об опасности, которой подвергались осажденные, и сожалея об их положении, король прервал посланцев.

«Как жив Бог, — сказал он, — я буду с ними и окажу им всю помощь, в моих силах!» Едва он произнес эти слова, как было объявлено, что армия должна быть готова. Но французы не удостоили короля даже ответом, гордо заявив, что они никогда больше не будут маршировать под его командованием; и в этом они не ошиблись, потому что они больше никогда не маршировали под чьим-либо командованием, так как вскоре все они погибли. Между тем, однако, солдаты всех наций, чьи сердца тронул Бог, и чьи страдания сострадания вызвали сострадание, поспешили отправиться в поход с королем; а именно тамплиеры, госпитальеры и несколько других доблестных рыцарей, все из которых отправились по суше в Кесарию; но благородный король, полагаясь на свою доблесть, сел на борт своего флота галер, которые были оснащены всем необходимым. Поднялся встречный ветер, который задержал корабли короля на три дня в Кайфе, где они пришвартовались.

Царь, раздраженный этой задержкой, воскликнул вслух: «О Господи Боже, почему Ты задерживаешь нас здесь? Упомяни, прошу Тебя, о срочности дела и искренности наших желаний». Едва он произнес эту молитву, как Бог послал благоприятный ветер, который понес его флот в гавань Иоппы посреди ночи в пятницу, непосредственно предшествующую субботе, в которую они согласились сдать, и все они были бы преданы гибели. Они бежали в крепость, как могли, и там ждали мученической смерти, проливая слезы и умоляя о милости Всмогущего, который наконец умилился и соизволил выслушать их просьбу; их избавитель уже прибыл, его флот стоял в гавани, а его солдаты были готовы высадиться на берег, чтобы спасти их!

Турки, обнаружив прибытие королевского флота, вышли к берегу с мечами и щитами и обрушили на них град стрел: берег был так переполнен их толпой, что едва ли оставалось свободного места. Они не ограничивались только обороной, а стреляли стрелами в экипажи кораблей, а кавалерия погнала своих лошадей в море, чтобы помешать людям короля высадиться на берег. Король, собрав свои корабли, посоветовался со своими офицерами, как лучше поступить.

«Должны ли мы, — сказал он, — продвигаться вперед против этой толпы, занимающей берег, или же мы должны ценить наши жизни больше, чем жизни тех бедняг, которые подвергаются гибели из-за отсутствия нашей помощи?» Некоторые из них ответили, что дальнейшие попытки бесполезны, поскольку нет никакой уверенности, что кто-нибудь остался в живых, чтобы его можно было спасти, и как они могут высадиться на берег перед лицом такой огромной толпы?

Король огляделся в задумчивости и в этот момент увидел, как священник бросился в воду и поплыл к королевской галере. Когда его приняли на борт, он обратился к королю с трепещущим сердцем и почти угасшим духом. «Благороднейший король, остатки нашего народа, ожидающие вашего прибытия, подвергаются опасности, как овцы, которых ведут на заклание, если только божественная милость не приведет вас на их спасение». «Так кто-нибудь из них еще жив?» — спросил король. «Если да, то где они?» «Некоторые из них еще живы, — ответил священник, — они окружены и находятся в крайне тяжелом положении перед той башней». «Да будет воля Божья, — ответил король, — под руководством Которого мы пришли сюда, мы умрем вместе с нашими храбрыми братьями по оружию, и проклятие да обрушится на того, кто колеблется».

Слово было немедленно отдано, галеры были подтащены к берегу; король бросился вперед в волны, с бедрами, не защищенными доспехами, и по пояс в воде; он скоро твердо встал на сухую землю; за ним следовали Жоффруа дю Буа и Пьер де Пратель, а сзади все остальные мчались через волны. Турки стояли на защите берега, который был покрыт их многочисленными войсками. Король, с арбалетом в руке, оттеснил их вправо и влево; его товарищи наступали на отступающего врага, чья храбрость исчезла, когда они увидели, что это король, и они больше не осмеливались встретиться с ним. Король размахивал своим свирепым мечом, не давая им времени сопротивляться, и они сдались под его яростными ударами и были в смятении, окровавленные и разгромленные, оттеснены людьми короля, пока берег не был полностью очищен от них.

Затем король, по винтовой лестнице, которую он заметил в доме тамплиеров, первым вошел в город, где он обнаружил более трех тысяч турок, переворачивающих все в домах и уносящих добычу. Как только храбрый король вошел в город, он приказал поднять свои знамена на возвышенности, чтобы их могли увидеть христиане в башне, которые, ободренные этим зрелищем, выбежали из башни с оружием в руках, чтобы встретить короля, и, услышав об этом, турки пришли в замешательство. Тем временем король, размахивая мечом, продолжал преследовать и убивать врагов, которые оказались в окружении двух отрядов христиан, и заполнил улицы их трупами. Все были убиты, кроме тех, кто успел вовремя бежать; и таким образом, те, кто прежде был победителем, теперь потерпели поражение и получили заслуженное наказание, в то время как король продолжал преследование, не проявляя пощады к врагам креста Христова, которых Бог предал в его руки; ибо никогда на земле не было человека, который так ненавидел трусость, как он.

Но у короля было только три лошади, и что значили три лошади среди стольких? Если мы исследуем деяния древних и все записи, оставленные нам прежними историками, то обнаружим, что никогда не было человека, который так отличился в битве, как король Ричард в этот день. Когда турки, покидая город, увидели его знамена, развевающиеся в воздухе, с правой и левой стороны раздался крик, когда он выступил против них, и ни град, ни буря никогда так плотно не застилали небо, как оно было затемнено летящими стрелами турок. Саладин, услышав о прибытии короля и о его блестящем сражении с турками, всех противников которого он убил, был охвачен внезапным страхом и, как робкое животное, заяц, прищипорил своего коня и бежал от него. Король со своими людьми продолжал преследование, убивая и уничтожая, в то время как его арбалетчики нанесли такой ущерб лошадям, что следы их бегства были видны на протяжении двух миль. Теперь он разбил свой шатер на том же месте, где находились те « » Саладина, и таким образом, по божьей милости, столь небольшое количество людей победило эту большую армию турок. Тогда среди турок распространилось мнение, что для них это было позором и длительным

скандалом, что такая большая армия и тысячи турок были разгромлены такой небольшой армией, и что Иоппа была отвоевана у них силой оружия. Таким образом, они роптали друг на друга по поводу того, что произошло, и дрожали от смущения.

Тем временем некоторая развращенная группа людей среди сарацин, называемая Менелонами из Алеппо и Кордиви, активная раса, собралась, чтобы обсудить, что следует делать в сложившейся ситуации. Они говорили о скандале, который на них обрушился, о том, что такая небольшая армия, без лошадей, изгнала их из Иоппы, и упрекали себя в трусости и постыдной лени, и высокомерно заключили между собой соглашение, что они схватят короля Ричарда в его палатке и приведут его к Саладину, от которого они получают самое щедрое вознаграждение. Но теперь, по провидению Божьему, который постановил, что его святой поборник не должен быть схвачен во сне неверными, некий генуэзец по божественному вдохновению вышел ранним утром в поле, где его напугал шум приближающихся людей и лошадей, и быстро вернулся, но успел увидеть шлемы, отражающие свет, который теперь падал на них. Он немедленно бросился в лагерь, крича: «К оружию! К оружию!» Король проснулся от шума, вскочил с постели, надел свою непробиваемую кольчугу и призвал своих людей на помощь.

Боже всех добродетелей! Есть ли человек, которого не потрясла бы такая внезапная тревога? Враг нагрянул неожиданно, вооруженные против безоружных, многие против немногих, ибо наши люди не успели вооружиться и даже одеться. Поэтому сам король и многие другие с ним, ввиду срочности момента, отправились на битву без своих доспехов, некоторые даже без штанов, и вооружились как могли, хотя им предстояло сражаться весь день. Пока наши люди так спешно вооружались, турки приблизились, и король сел на лошадь вместе с десятью другими рыцарями. Только они имели лошадей, и некоторые из них были слабыми и бессильными, не привыкшими к оружию; простые люди были умело выстроены в ряды и отряды, каждый из которых командовал свой капитан. О, кто мог бы полностью описать ужасные атаки неверных? Турки сначала бросились вперед с ужасными криками, метая копья и стреляя стрелами. Король бежал вдоль рядов и призывал каждого человека быть твердым и не отступать. Турки наступали, как вихрь, снова и снова, делая вид, что атакуют, чтобы наши люди отступили, а когда они приближались, они поворачивали своих лошадей в другое направление. Король и его рыцари, которые были верхом на лошадях, заметив это, прищипорили своих коней и ворвались в середину вражеских рядов, сбивая их справа и слева и пронзая многих копьями; наконец, они остановили своих коней, потому что обнаружили, что прорвали турецкие ряды насквозь.

Оглядевшись, король увидел, что благородный граф Лестер упал с лошади и храбро сражается пешком. Как только он это увидел, он бросился ему на помощь, вырвал его из рук врага и посадил обратно на лошадь. Какой ужасный бой тогда развернулся! Множество турок наступало и прилагало все усилия, чтобы уничтожить нашу маленькую армию; раздраженные нашим успехом, они бросились к королевскому знамени с изображением льва, потому что они предпочитали убить короля, чем тысячу других. В разгаре сражения король увидел, как Ральф де Молеон был увлечен турками в плен, и, прищипорив лошадь, в мгновение ока освободил его из их рук и вернул в армию; ибо король был настоящим великаном в бою и был везде на поле сражения — то здесь, то там, везде, где атаки турок были наиболее яростными. Он сражался так храбро, что не было никого, кто бы, каким бы доблестным он ни был, не уступил ему первенство.

В тот день он совершил самые доблестные подвиги против яростной армии турок и убил множество из них своим мечом, который сиял, как молния; некоторые из них были рассечены пополам от шлема до зубов, а другие лишились голов, рук и других частей тела, которые были отрублены одним ударом. В то время как король с невероятным усилием

сражался, к нему приблизился турок, сидящий на пенистом коне. Его послал Сафедин из Аркадии, брат Саладина, щедрый и великодушный человек, если бы он не отверг христианскую веру. Этот человек послал королю в знак своего известного благородного характера двух благородных коней, убедительно прося его принять их и использовать, а если он вернется из этой битвы целым и невредимым, то вспомнить об этом подарке и вознаградить его любым способом, который ему угоден. Король с радостью принял подарок, а затем щедро вознаградил дарителя. Такова храбрость, которую можно признать даже у врага, поскольку турок, который был нашим злейшим врагом, таким образом почтил короля за его выдающуюся доблесть.

Король, особенно в такой момент нужды, заверил, что он принял бы любое количество лошадей такого же качества от кого угодно, даже от врага, более злейшего, чем Сафедин, настолько они были ему необходимы в тот момент. Сражение теперь бушевало с новой силой, когда такое количество врагов атаковало столь малое число солдат; вся земля была покрыта копьями и стрелами неверных; они бросали их по несколько штук за раз в наших людей, многие из которых были ранены. Таким образом, тяжесть сражения легла на нас еще тяжелее, чем раньше, и гребцы ушли на галерах, которые их привезли, и таким образом, в своем стремлении к безопасности, они пожертвовали своей репутацией храбрости. Тем временем турки подняли крик, стремясь первыми занять город, в надежде убить тех из наших людей, которых они найдут внутри.

Услышав шум, король, взяв с собой только двух рыцарей и двух арбалетчиков, встретил на одной из главных улиц трех турок в благородных доспехах. Смело бросившись на них, он убил всадников по-королевски и захватил в добычу двух лошадей. Остальные турки, которые были найдены в городе, были разгромлены, несмотря на их сопротивление, и, разбежавшись в разные стороны, пытались спастись даже там, где не было нормальной дороги. Король также приказал восстановить разрушенные части стен и поставить часовых, чтобы охранять город от повторного нападения. Уладив эти дела, король спустился к берегу, где многие из наших людей укрылись на борту галер. Король убедительными аргументами призвал их вернуться в бой и разделить с остальными все, что может с ними случиться. Оставив по пять человек в качестве стражи на каждой галере, король повел остальных на помощь своей окруженной армии; и едва он прибыл, как со всей яростью набросился на самые плотные ряды врага, оттеснив их и разгромив, так что даже те, кто находился на расстоянии и не был им задет, были подавлены толпой отступающих войск.

Никогда еще ни один человек не совершал такого нападения. Он прорвался в середину вражеской армии и совершил подвиги храброго и выдающегося воина. Турки сразу же окружили его и попытались подавить. Тем временем наши люди, потеряв из виду короля, испугались, что он может быть убит, и когда один из них предложил продвинуться вперед, чтобы найти его, наши ряды едва сдерживались. Но если бы по какой-то случайности строй наших войск был нарушен, то, без сомнения, все они были бы уничтожены. Однако что можно было думать о короле, который был окружен врагом, один против многих тысяч?

Вождь сарацин

Рука писателя не в силах описать это, а ум читателя — услышать. Кто когда-нибудь слышал о таком человеке? Его храбрость всегда была высочайшего порядка, никакая неблагоприятная буря не могла ее сломить; его доблесть всегда цвела. Почему же мы говорим о доблести Антея, который восстанавливал свои силы каждый раз, когда касался своей матери-земли, ведь Антей погиб, когда его подняли с земли в долгой борьбе. Тело Ахилла, убившего Гектора, также было неуязвимым, потому что он был окунут в воды Стикса; однако Ахилл был смертельно ранен именно в том месте, за которое его держали, когда окунали. Точно так же Александр Македонский, движимый амбицией покорить весь мир, предпринял самое трудное предприятие и с горсткой отборных воинов сражался во многих знаменитых битвах, но главная часть его доблести заключалась в превосходстве его воинов. Точно так же храбрый Иуда Маккавей, о войнах которого говорил весь мир, совершил много чудесных подвигов, достойных вечной памяти, но когда его солдаты бросили его посреди битвы, когда ему противостояли тысячи врагов, он был убит вместе со своими братьями.

Но король Ричард, с ранних лет закаленный в боях, которому не мог сравниться даже знаменитый Роланд, оставался непобедимым даже в окружении врагов, а его тело, словно изготовленное из меди, было непробиваемым для любого оружия. В правой руке он размахивал мечом, который своим быстрым ударом разбивал ряды по обе стороны от него. Такова была его энергия среди этого войска турок, что, не боясь ничего, он уничтожал всех вокруг себя, кося людей своим мечом, как жнецы косят зерно своими серпами. Кто мог бы описать его подвиги? Тот, кто почувствовал один из его ударов, не нуждался во втором. Такова была энергия его мужества, что казалось, оно радовалось, найдя повод проявить себя. Меч, которым он владел своей сильной рукой, сражал людей и лошадей, рассекая их пополам.

Турки были охвачены ужасом при этом зрелище и, отступая со всех сторон, едва осмеливались стрелять в него издалека своими стрелами. Теперь король вернулся невредимым к своим друзьям и, как никогда раньше, воодушевил их надеждой на победу. Как поднялось их настроение, когда они увидели, что он благополучно вышел из рядов врага! Они не знали, что с ним произошло, но понимали, что без него все надежды

христианской армии будут тщетными. Тело короля было испещрено копьями, как олень, пронзенный охотниками, а сбруя его лошади была густо покрыта стрелами. Таким образом, как храбрый воин, он вернулся с поля битвы, и битва эта была жестокой, ибо длилась от восхода до заката солнца. Может показаться удивительным и даже невероятным, что столь небольшое количество людей выдержало столь длительный конфликт, но по милости Божьей мы не можем сомневаться в правдивости этого, ибо в той битве было убито только один или два наших человека. Но число турецких лошадей, лежащих мертвыми на полях, по некоторым данным, превысило полторы тысячи; а из самих турок было убито более семисот, и все же они не увезли короля Ричарда, как хвастались, в подарок Саладину; напротив, он и его храбрые последователи совершили столько подвигов перед глазами турок, что сами враги содрогались при виде их. Тем временем, наши люди, по милости Божьей, избежали гибели, и турецкая армия вернулась к Саладину, который, как говорят, высмеял их, спросив, где Мелек Ричард, ведь они обещали привести его в плен? «Кто из вас, — продолжал он, — первым схватил его, и где он? Почему его не привели?» На что один из турок, прибывший из самых дальних стран земли, ответил: «По правде говоря, мой господин, Мелек Ричард, о котором вы спрашиваете, здесь нет; мы никогда с начала мира не слышали, чтобы был такой рыцарь, столь храбрый и столь опытный в оружии. В каждом сражении он всегда впереди всех; в своих деяниях он не имеет себе равных, он первый вступает в бой и последний отступает; мы сделали все, что могли, чтобы схватить его, но тщетно, ибо никто не может ускользнуть от его меча; его атака ужасна; вступить с ним в бой — значит погибнуть, а его деяния превосходят человеческие возможности».

От тяжелого труда и напряжения в бою король Ричард и несколько других, которые больше всех изнурили себя, заболели не только от усталости, но и от запаха трупов, который так разложил окрестности, что все они едва не умерли. [a](#)

МИР МЕЖДУ КОРОЛЯМИ

Ричард теперь желал мира, и Саладин, измученный войнами, подчинился необходимости. Они обменялись выражениями уважения, и, поскольку первый открыто заявил о своем презрении к вульгарной обязательности клятв, они только пожали друг другу руки в знак верности. Было заключено перемирие на три года и восемь месяцев; крепость Аскалон должна была быть разрушена, а Йоппа и Тир, а также земли между ними, должны были быть переданы христианам. Жители Запада также получили право совершать паломничество в Иерусалим, освободившись от налогов, которые ранее взимали сарацинские князья.

Французские солдаты в Акре готовились к возвращению в Европу, но сначала хотели увидеть гробницу, столь дорогую и священную для христиан. Однако Ричард был возмущен дерзостью людей, которые требовали выгод по договору, который не был заключен благодаря их собственным усилиям. Они утратили лавры святых воинов и не заслуживали пальмы паломников. Остальная часть армии посетила святые места, и Саладин, чуткий к каждому почетному обязательству, не позволил своим подданным причинять вред людям и оскорблять чувства благочестивых паломников. В дружеской беседе с епископом Солсберийским Саладин выразил свое восхищение храбростью Плантагенета, но считал, что мастерство полководца не равняется доблести рыцаря. Вежливый прелат похвалил мусульманина, ответив, что в мире нет двух таких воинов, как английский и сирийский монархи. Мы часто имели возможность наблюдать великодушие Саладина в момент победы. По просьбе епископа он разрешил латинским священникам обосноваться в Гробе Господнем и в церквях Вифлеема и Назарета. Он также проявил сострадание к различным баронам, которых лишил владений своими завоеваниями. Он подарил лорду Саджетты красивый

город недалеко от Тира, Белиану из Ибелина — замок в четырех милях от Акры, а Кайфу, Кесарию и Азот — их соответствующим лордам. Граф Генрих Шампанский стал владельцем Иоппы.

Потеря многих тысяч солдат на равнинах Акры, а также храбрость и поведение английского монарха предотвратили некоторые из ожидаемых результатов битвы при Тивериаде; Палестина не стала мусульманской колонией; и столько морского побережья осталось в руках христиан, а враг был настолько ослаблен, что новые военные действия можно было безопасно начать, когда бы Европа ни выслала своих религиозных фанатиков и военных авантюристов. Ричард завоевал в Палестине больше чести, чем любой из императоров Германии и королей Франции, которые искали славы в зарубежных войнах; и хотя в наши далекие времена его поведение могут осуждать как невыгодное для его страны, его действия были в полном соответствии с духом того времени, когда доблесть считалась более важной, чем империя, а достижения в битвах ценились выше, чем последствия победы. В октябре Ричард вместе со своей королевой, английскими солдатами и паломниками отплыл в Англию. Но бури, необычные даже для бурной осени, вскоре разбросали флот. Многие корабли потерпели крушение у враждебных берегов, и английские воины, теперь без гроша, голые и голодные, были заключены в сарацинские тюрьмы. Другие корабли, к счастью, достигли дружественных портов и со временем вернулись в Британию.^{[b](#)}

КОНЕЦ И ОБЗОР ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

[1189-1192 гг. н. э.]

Ричард Львиное Сердце как крестоносец

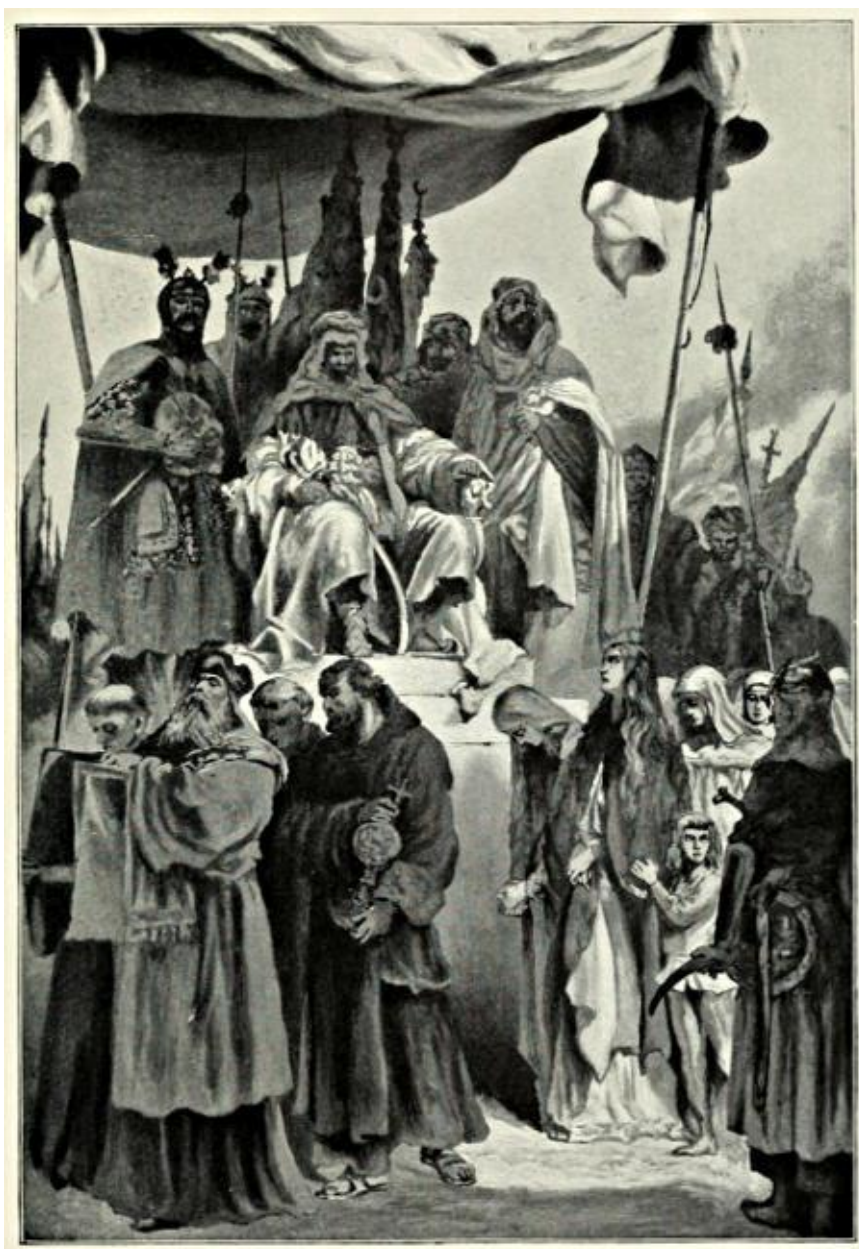
Так закончился Третий крестовый поход, в котором все западные державы, взявшихся за оружие, не добились ничего большего, чем захват Птолемаиды и разрушение Аскалона; в нем Германия без славы потеряла одного из величайших своих императоров и лучшую из своих армий. Если верить арабским авторам, перед Птолемаидой появилось шестьсот тысяч крестоносцев, и едва ли сто тысяч из этих воинов снова увидели свою родную страну. Европа имела еще больше причин сожалеть об потерях в этой войне, поскольку ее армии были гораздо лучше укомплектованы, чем в предыдущих походах; преступники, авантюристы и бродяги были строго исключены из рядов. Все, чем мог похвастаться Запад, — самые благородные и прославленные из его воинов — взяли в руки оружие.

Крестоносцы, сражавшиеся с Саладином, были лучше вооружены и лучше дисциплинированы, чем все, кто предшествовал им в Палестине; пехотинцы использовали арбалеты, которые были заброшены или запрещены во время Второго крестового похода. Их доспехи и щиты, покрытые толстой кожей, не пропускали стрелы сарацин; на поле битвы часто можно было увидеть солдат, испещренных стрелами и дротиками, которых арабы сравнивали с дикобразами, но которые все равно сохраняли свои ряды и храбро сражались. Сарацины также добились некоторых успехов в военном искусстве и начали вновь использовать копья, которые они не применяли, когда первые крестоносцы прибыли в Сирию. Мусульманские армии не были беспорядочной толпой; они дольше оставались под

своими знаменами и сражались с меньшим беспорядком (). Курды и турки превосходили франков в искусстве нападения и обороны городов и замков. Кроме того, мусульмане имели более одного преимущества перед крестоносцами: они вели войну на своей территории и в своем климате; они находились под командованием одного лидера, который вселял в них одинаковый дух и представлял им только одну причину для защиты.

В этом крестовом походе франки казались более утонченными, чем они были до того времени. Великие монархи, ведущие войну друг против друга, не переставая демонстрировать взаимное уважение и великодушие, были новым зрелищем для мира. Подданные следовали примеру своих князей и под палатками утратили большую часть своего варварства. Крестоносцы иногда допускались к столу Саладина, а эмиры принимались за столом Ричарда. Таким образом, смешиваясь друг с другом, сарацины и христиане могли счастливо обмениваться обычаями, манерами, знаниями и даже добродетелями. Христиане, более просвещенные, чем во время первых крестовых походов, меньше нуждались в возбуждении от видений фанатизма. Страсть к славе была для них почти таким же сильным принципом, как религиозный энтузиазм. Рыцарство также сделало большой прогресс в этом крестовом походе; оно пользовалось таким почетом, а титул рыцаря был настолько славным, даже в глазах неверных, что Саладин не погнушался быть удостоенным его.

В этом крестовом походе, в котором прославились многие рыцари, два человека приобрели бессмертную славу: один благодаря бесполезной храбрости и блестящим, но не прочным качествам, другой — благодаря реальным успехам и добродетелям, которые могли бы служить образцом для христиан. Имя Ричарда на протяжении столетия оставалось ужасом Востока, а сарацины и турки еще долго после крестовых походов прославляли его в своих пословицах. Он занимался литературой и заслужил место среди трубадуров, но искусство нисколько не смягчило его характер; именно его жестокость, а не только мужество, принесли ему прозвище «Сердце Льва». Увлеченный непостоянством своих наклонностей, он часто менял свои планы, привязанности и принципы действия; иногда он бросал вызов религии, а очень часто посвящал себя ее служению. Иногда неверующий, столь же часто суеверный, безмерный в своей ненависти, как и в своей дружбе, он был экстравагантен во всем и проявлял постоянство только в своей любви к войне. Страсти, которые его одушевляли, почти никогда не позволяли его амбициям иметь цель или определенный объект. Его неосторожность, самонадеянность и непостоянство планов заставляли его терять плоды своих подвигов. Одним словом, герой этого крестового похода скорее вызывает удивление, чем уважение, и, кажется, принадлежит не столько к истории, сколько к рыцарским романам.

ХРИСТИАНЕ ПРОХОДЯТ МИМО САЛАДИНА

Будучи менее опрометчивым и храбрым, чем Ричард, Саладин обладал более твердым характером, гораздо более подходящим для ведения религиозной войны. Он уделял больше внимания результатам своих предприятий; лучше владея собой, он был более пригоден для командования другими. Взойдя на трон атабегов, Саладин подчинился скорее своей судьбе, чем своим склонностям; но, прочно укрепившись на троне, он руководствовался только двумя страстями — страстью к правлению и страстью к обеспечению триумфа *Корана*. Во всех других вопросах он был умеренным, и когда речь не шла о королевстве или славе пророка, сын Эйюба восхищал всех как самый справедливый и мягкий из мусульман. Можно добавить, что суровая преданность ¹⁶⁶¹ и горячий фанатизм, которые заставили его взять в руки оружие против христиан, сделали его жестоким и варварским только в одном случае. Он проявил добродетели мира среди ужасов войны. «Из лона лагерей, — говорит восточный поэт, — он покрывал народы крыльями своей справедливости и изливал на свои города обильные дожди своей щедрости». Мусульмане, всегда управляемые страхом, были удивлены тем, что правитель мог внушить им столько любви, и с радостью следовали за ним в битву. Его щедрость, милосердие и, в особенности, уважение к клятве часто вызывали

восхищение у христиан, которых он сделал такими несчастными своими победами и чью власть в Азии он полностью сверг.

Третий крестовый поход, столь славный для Саладина, не был полностью лишен преимуществ для Европы. Многие крестоносцы по пути в Палестину останавливались в Испании и своими победами над маврами подготовили освобождение королевств, расположенных за Пиренеями. Большое число немцев, как и во время Второго крестового похода, поддавшись на уговоры папы, вели войну с варварскими жителями берегов Балтийского моря и таким образом, благодаря полезным подвигам, расширили границы христианской республики на Западе. Поскольку в этой войне большая часть крестоносцев отправилась в Палестину по морю, искусство мореплавания значительно продвинулось вперед; морские народы Европы приобрели дополнительное процветание, их флоты стали более грозными, и они смогли с честью побороться за господство на море с сарацинами.

В нескольких государствах Европы торговля и дух священных войн способствовали освобождению низших классов. Многие крепостные, обретя свободу, взяли в руки оружие. Одним из самых интересных зрелищ этого крестового похода было видеть знамена нескольких городов Франции и Германии, развевающиеся в христианской армии среди знамен лордов и баронов. Этот крестовый поход был особенно выгоден для Франции, из которой он изгнал как гражданские, так и иностранные войны. Продлив отсутствие великих вассалов и врагов королевства, он ослабил их власть и дал Филиппу Августу право взимать налоги даже с духовенства. Это дало ему возможность окружить свой трон верной стражей, содержать регулярную армию и подготовиться, хотя и на расстоянии, к той победе при Бувине, которая оказалась столь роковой для врагов Франции.

Английский крестоносец, Третий крестовый поход

По возвращении в Европу Ричарда ждало долгое пленение. Корабль, на котором он отплыл, потерпел крушение у берегов Италии, и, опасаясь проходить через Францию, он взял курс на Германию, скрываясь под одеждой простого паломника. Его щедрость выдала монарха, и, поскольку у него были враги повсюду, он был схвачен солдатами герцога Австрии. Леопольд не был достаточно великодушен, чтобы забыть оскорбления, нанесенные ему Ричардом во время осады Птолемаиды, и удерживал его в плену.⁴⁶⁷ Герцог Австрии не осмелился удерживать своего грозного пленника в своих руках и передал его императору Германии. Генрих VI, который также имел причины для мести, был рад получить Ричарда в свои руки и держал его в цепях, как будто он был пленником, взятым на поле боя. Герой крестового похода, прославившийся на весь мир, был брошен в темную темницу и долгое время оставался жертвой мести своих врагов — причем врагов-христианских князей. Его привели перед немецкий сейм, собравшийся в Вормсе, где его обвинили во всех преступлениях, которые только могли придумать ненависть и зависть. Но зрелище короля в цепях было настолько трогательным, что никто не осмелился осудить Ричарда, и когда он предложил свое оправдание, епископы и дворяне растрогались до слез и умоляли Генриха обращаться с ним менее несправедливо и сурово.

Королева Элеонора умоляла все державы Европы освободить ее сына. Жалобы и слезы матери тронули сердце Целестина, недавно вступившего на престол Святого Петра. Папа несколько раз требовал освобождения короля Англии и даже отлучил от церкви герцога Австрии и императора; но гром церкви так часто обрушивался на престолы Германии, что уже не внушал страха. Генрих не боялся анафем Святого Престола; плен Ричарда продлился еще на год, и он обрел свободу только после того, как обязался выплатить значительный выкуп. Его королевство, которое он разрушил, уезжая в Святую Землю, истощило себя, чтобы ускорить его возвращение; и Англия отдала даже свои священные сосуды, чтобы разорвать цепи своего монарха. Англичане приняли его с энтузиазмом; его приключения, вызвавшие слезы, стерли память о его жестокости, и Европа вспоминала только его подвиги и несчастья.⁴

СМЕРТЬ САЛАДИНА; АРАБСКИЕ ПАНЕГИРИКИ

В 589 году (1193 г. н. э.), после отъезда короля Англии, Саладин, не имея больше ничего бояться от христиан, решил провести некоторое время в Дамаске. Это всегда было его любимым местом пребывания, и он надеялся там восстановить свое здоровье, поскольку сильно ощущал на себе тяжесть столь изнурительной войны. После некоторого отдыха в Дамаске он планировал отправиться в Египет, где не был уже десять лет. Он покинул Иерусалим и по пути посетил Наблус, Тивериаду и другие места своих недавних завоеваний. В Берите к нему прибыл Боэмунд, князь Антиохии, чтобы присягнуть на верность. Султана больше всего тронуло то, что Боэмунд пришел по собственной воле, без подозрений, без сопровождения и даже не попросив безопасного проводника. В знак своего удовлетворения султан устроил ему великолепный прием и подарил ему несколько феодалов, прилегающих к его княжеству. Лорды, которые прибыли с ним, также получили подарки. Саладин наконец прибыл в Дамаск под восторженные приветствия народа. Радость была велика, и поэты проявили свое искусство по этому случаю. Султан немедленно занялся благосостоянием жителей и реформировал несколько злоупотреблений. Тем временем он вместе со своим братом Маликом Адилем отдал себя удовольствиям охоты. Он был в отъезде две недели; его здоровье, казалось, восстановилось, и он уже начал верить, что опасность миновала, когда внезапно заболел желчной лихорадкой, от которой умер на тринадцатый день, 5 марта 1193 года. Боха ад-Дин, который во время смерти Саладина находился в городе, рассказывает, что скорбь была всеобщей. «Тот день, — говорит он, — был самым страшным днем, который когда-либо наступал для ислама. Замок Дамаска, город, весь мир были охвачены горем, которое мог измерить только Бог».

Саладин родился в Текрите, на берегу Тигра, и умер в возрасте пятидесяти семи лунных лет, процарствовав двадцать четыре года в Египте и девятнадцать в Сирии. Арабские историки представляют его как чрезвычайно щедрого принца, который всегда был готов лишиться себя самого необходимого. Боха ад-Дин признает, что в конце концов его управляющий, без его ведома, почувствовал себя обязанным отложить деньги на случай будущих чрезвычайных ситуаций; после его смерти в его казне нашли сорок семь серебряных монет и одну золотую. «Это, — добавляет Боха ад-Дин, — было все, что осталось от доходов Египта, Аравии, Сирии и части Месопотамии».

Всегда, когда Саладин захватывал новую провинцию, он совершал великодушные поступки, чтобы завоевать расположение народа. Когда он вошел в Дамаск после смерти Нур ад-Дина, он не взял себе ни одной из сокровищ этого принца, а раздал все эмирам. «Саладин, — говорит Абульфед, — был мягким в обращении, легко переносил противоречия и проявлял большую снисходительность к тем, кто ему служил. Если что-то ранило его чувства, он не показывал этого. Он был сдержан в речах, и его пример вдохновлял других на то же самое. Никто не осмеливался посягать на честь соседа в присутствии султана.

Он никогда не мог видеть сироту, не тронувшись. Если один из родителей был еще жив, он отдавал ребенка на попечение этого родителя, но сам обеспечивал содержание ребенка и следил за его образованием. Всякий раз, когда он встречал пожилого человека, он нежно плакал и дарил ему какой-нибудь знак щедрости. Таков был его образ жизни, пока Бог не призвал его в свое милосердное лоно».

Саладин не был безразличен к семейной любви. Он любил проводить время с семьей, в окружении своих детей, участвуя в их играх. Он был искренне предан своей религии и

воспитывал своих детей в том же духе. Боха ад-Дин сохранил для нас речь султана, произнесенную незадолго до его смерти, по случаю отъезда его сына Дахира на должность губернатора Алеппо. «О мой сын, — сказал султан, — я рекомендую тебе бояться Бога, источника всякого добра. Делай то, что просит Бог, и ты найдешь в этом свое спасение. Всегда с ужасом смотри на кровь. Старайся не проливать ее и не запятнать себя ею, ибо этот след никогда не смывается. Заботься о благополучии своих подданных и узнавай об их нуждах. Ты для них слуга Бога, как и мой. Старайся угодить эмирам, великим людям страны и людям высокого положения. Именно благодаря моим праведным поступкам я достиг такой степени власти. Не питай злобы к кому бы то ни было, ибо все мы смертны. Будь внимателен к своим обязанностям по отношению к другим, ибо, удовлетворяя их, ты обретаешь прощение Бога лучше, чем заботясь о своем собственном счете перед Ним, ибо покаяние исцеляет все; ибо Господь благ и милосерден».

Он любил читать *Коран* и заставлял своих слуг и всех окружающих его людей читать эту книгу. Однажды, увидев маленького ребенка, читающего *Коран* своему отцу, он был тронут до слез этим зрелищем и подарил деньги и землю отцу и сыну. Он безоговорочно признавал все, чему учит религия, и ненавидел философов и еретиков. Однажды он заключил в тюрьму и казнил в Алеппо молодого человека по имени Сахраверди, который насмехался над религией и оскорблял ее.

Боха ад-Дин снова рассказывает: «Саладин был большим поклонником справедливости; он не только строго следил за ее соблюдением, но и сам ее осуществлял, насколько позволяли его дела. Два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, он слушал дела, прибегая к помощи кадисов и юристов. Все, большие и малые, находили дверь открытой. Он поступал так же и в своих путешествиях, как и в столице, принимая все представленные ему прошения и не отклоняя ни одной просьбы. Когда дело требовало большого внимания, он рассматривал его в свободное время, иногда днем, иногда ночью, и выносил решение, как подсказывал ему Бог. Его чувство справедливости никогда не призывалось напрасно; оно было одинаковым как для князей его семьи, так и для других подданных, ибо он не делал исключений ни для кого».

Не было бы конца, если бы кто-то переписал все, что арабские летописцы, особенно Боха ад-Дин, рассказывают о справедливости и благочестии Саладина. Последний особенно предан тому, чтобы выделить эти добродетели своего героя, и намеренно умалчивает о пороках, которые их омрачали. На протяжении всего своего правления Саладин не встречал серьезного сопротивления, за исключением со стороны христиан, особенно западных. Поэтому он пришел к убеждению, что у него нет врагов, кроме франков. Он относился к ним как к врагам Бога и называл войну, которую они ему объявили, «священной войной».

«Когда Бог отдаст в мои руки другие христианские города, — сказал он Боха ад-Дину, — я поделю свои владения между своими детьми, оставлю им свои последние наставления, попрощаюсь с ними и отправлюсь в плавание по морю, чтобы покорить западные острова и земли. Я никогда не сложу оружие, пока на земле останется хотя бы один неверный, по крайней мере, если смерть не остановит меня на этом пути».

Таким образом, амбиции Саладина простирались до завоевания Франции, Италии и других христианских стран. И чтобы никто не посчитал слова, переданные Боха ад-Дином, пустыми угрозами, мы находим ту же идею в ответе султана на письмо императора Барбароссы. Что еще более примечательно, ненависть Саладина была направлена только на христиан как совокупность народов. Однажды попав в его власть, он смотрел на них другими глазами. Таким образом, мы можем объяснить великолепные и даже преувеличенные похвалы некоторых современных христианских и особенно итальянских писателей, похвалы, которые, возможно, не превзошли ни один мусульманский писатель.

Например, в арабской истории патриархов Александрии, автором которой был один из коптских христиан, есть следующий отрывок:

«Саладин во всех капитуляциях, которые он получил от франков, был верен своему слову. Когда город сдавался, он оставлял жителям их свободу, их жен, детей и имущество. Что касается их мусульманских пленников, Саладин предлагал выкупить их, называя сумму, превышающую их стоимость. Если франки отказывались, он позволял им оставить пленных, говоря: «Я не хочу вмешиваться в ваши дела с пленными; только обращайтесь с ними хорошо, как я обращаюсь с вашим народом». Всякий раз, когда его политика позволяла это, Саладин стремился угодить всем. «Я гораздо больше предпочитаю, — говорил он, имея в виду христиан, — чтобы они оставались довольными и счастливыми».

Двумя самыми славными достижениями Саладина в глазах большинства мусульманских историков были захват Иерусалима и Палестины у христиан и уничтожение Фатимидского халифата в Египте. К ним относятся большинство титулов и фраз, которыми они его называют и которые можно найти на многих памятниках того периода. «С Саладином, — говорит его секретарь Имад ад-Дин, — погибли великие люди, с ним исчезли люди истинной ценности; добрые дела уменьшились, а плохие — увеличились; жизнь стала трудной, и земля покрылась тенями; век оплакивал своего феникса, а ислам лишился своей опоры».^k

СНОСКИ

[56] Среди причин Первого крестового похода мы упомянули влияние духа коммерции на любовь к паломничеству. Этот дух впоследствии смешался с желанием завоеваний, особенно в случае египетских государств. Расположенный между Красным морем и Средиземным морем, Египет был связующим звеном между Европой и Индией, и владение этой страной сделало бы европейцев хозяевами торговли.

[57] В этих уставах был декрет, запрещающий крестоносцам брать с собой каких-либо женщин, за исключением прачек с хорошей репутацией. Это исключение было необходимым, поскольку в средние века слова «lotrix» и «meretrix» были синонимами.

[58] Не стоит спрашивать, купался ли император в Кидне или в Каликадне: «Если он пошел купаться, то не позаботился ни о своем здоровье, ни о своей чести. Некоторые говорят, что его лошадь пошла косо, когда он переходил реку; другие — что он упал с нее. Но эти различные версии, как разнообразные инструменты, создают печальную симфонию в том, что он там лишился жизни; и неудивительно, если холодная вода быстро погасила те немногие искры естественного тепла, которые остались в нем в семидесятилетнем возрасте». — ФУЛЛЕР.ⁱ

[59] Христианский лагерь был настолько хорошо укреплен, что сарацины говорили: «даже птица не может в него проникнуть».

[60] Таким образом, как это часто бывало, крайняя нищета приводила к крайней роскоши. Язычники и христиане, считая Бога создателем только временного добра и зла и наблюдая, что добродетельные страдали не меньше, чем нечестивые, пришли к выводу, что нравственное поведение не принимается во внимание небесами. Вслед за этим последовала безграничная распущенность. Никакие законы Бога не ограничивали людей: законы человека были столь же неэффективны, потому что преступник думал, что он может умереть до дня суда, а если он доживет до этого времени, то те, кто мог бы быть его обвинителями, могут погибнуть в общей катастрофе. Сравните рассказ Фукидида о чуме в Афинах.

[61] [Ричард из Девайзеса^e называет ее «чудесным кораблем, кораблем, о котором, за исключением Ноева ковчега, мы не читаем ни о каком более великом». Он говорит, что турки «сражались яростно, потому что «единственная надежда для побежденных — это не иметь никакой надежды»».]

[62] [С другой стороны, Ричард из Девайзеса^e цитирует слова брата Саладина: «Слава Богу, Ричард был обременен королем Франции и мешал ему, как кошка с молотком, привязанным к хвосту».]

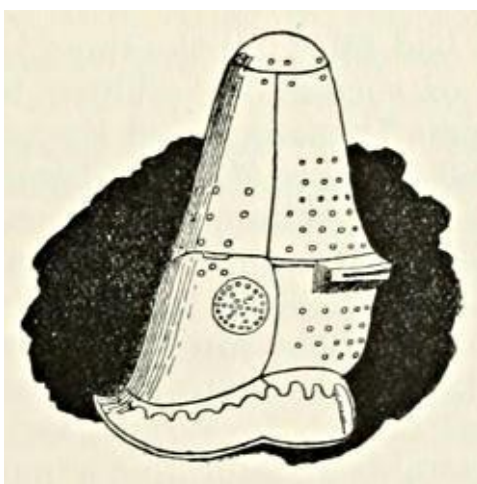
[63] [Арабский историк Имад ад-Дин^d так говорит о пленниках, казненных Ричардом: «После отступления христиан в город мы обнаружили мусульманских мучеников, лежащих совершенно обнаженными на песке. Мы подошли, чтобы осмотреть их. Они узнали своих друзей и рассказали, что они вынесли ради Бога, какие почести получили, какие блага приобрели благодаря мученичеству, какое счастье обрели ценой своей крови».]

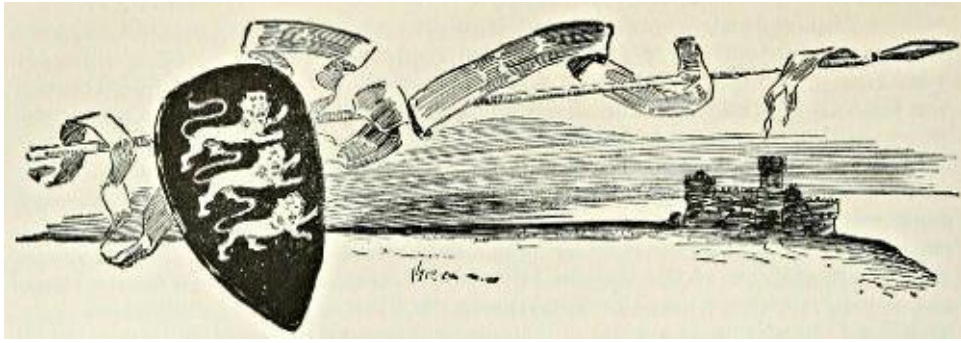
[64] Оборонительная война была настолько важной целью крестоносцев, что каждый из них был покрыт кусками ткани, соединенными между собой кольцами, на которые он принимал вражеские стрелы, не получая повреждений. Боха ад-Дин^f (который рассказывает об этом любопытном обстоятельстве) добавляет, что он сам видел нескольких христиан, у которых на спинах торчали не одна или две, а десять стрел, и тем не менее они шли вперед спокойным шагом и без трепета. «Они шли так плотно, что если бы бросить яблоко, оно обязательно попало бы в человека или лошадь», — говорит Винсауф.^g

[65] По словам Боха ад-Дина^f и Абульфеды,^j во время всех этих переговоров солдаты обеих армий жили в дружеских отношениях, участвовали в турнирах и танцах. Более того, на протяжении всей войны Саладин и Ричард соперничали друг с другом как в проявлении вежливости, так и в военных подвигах. Если король Англии случайно заболел, Саладин посылал ему в подарок дамасские груши, персики и другие фрукты. Та же щедрая рука дарила роскошь снега в жаркие сезоны, согласно Ховедену.^h Саладин не мог не испытывать некоторой доброты к доблестным воинам, будь то христиане или мусульмане, если верно, что, как только он стал достаточно взрослым, чтобы носить оружие, он попросил и получил честь рыцарства от французского кавалера по имени Хамфри де Торон. См. Vinsauf.^g

[66] Саладин был мало терпим в религиозных вопросах. Аббат Ренодо в своей рукописной истории рассказывает, что он приказал задушить философа, который осмелился проповедовать новые учения в городе Алеппо.

[67] [Известная история об обнаружении Блонделем Ричарда в руках Леопольда благодаря песне, которую король и менестрель сочинили вместе, в настоящее время считается вымышленной и совершенно неправдоподобной.]

ГЛАВА V. ЧЕТВЕРТЫЙ-ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Направляясь в Святую Палестину,
Мы ловко скользили по ровной глади,
Все в лазурных стальных доспехах;
Над волнами играли наши оружия,
И заставляли танцующие волны светиться;
Высоко на трофейном носу
Многие воины-менестрели
Своими звучными арфами и смело пели.

—УОРТОН, «Крестовый поход».

[1195-1229 гг. н. э.]

Войны и восстания заполняли все мысли Саладина, и он не установил никаких принципов преемственности. Трое из его многочисленных потомков стали правителями Алеппо, Дамаска и Египта; другие имели меньшие владения, а эмиры и атабеги Сирии вновь боролись за независимость. Солдаты покойного султана собрались вокруг его брата Сафедина [Сайф ад-Дина], чья мудрость и доблесть были им хорошо знакомы. С помощью хитрости и либеральной политики он создал обширную империю в Сирии и был самым могущественным из всех мусульманских князей, когда подошло время истечения срока мира. Однако сарацинская держава на время была парализована страшным голодом в Египте, и латиняне в Палестине также страдали от плачевного состояния этой общей житницы.

Рыцари Святого Иоанна обратились за помощью к Европе, и в частности к Англии, с просьбой направить новые войска в Палестину и уничтожить изможденных мусульман.

ПАПА ЦЕЛЕСТИН III ПРОВОДИТ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1195 г. н. э.)

[1195-1198 гг.]

За два года до этого благоприятного момента смелый и амбициозный папа Целестин III вновь протрубил в трубу войны. Франция еще не оправилась от потерь, понесенных в Третьем крестовом походе, и Филипп Август отнесся к призыву с безразличием. Многие

жители Англии записались в ряды святых воинов, получили духовное отпущение грехов, а затем отказались от своих благочестивых намерений. Папа обрушился с гневом на тех, кто отказался от своего обета, за исключением тех, кто имел на то веские причины; но все мысли о крестовом походе постепенно угасли в Англии, поскольку король был слишком занят политическими проблемами, чтобы поощрять его. Однако время от времени в его голове рождались дикие военные планы, и ранние писатели приписывали его неустрашимому духу грандиозный замысел завоевать Египет и, после захвата Святой Земли, овладеть троном Константинополя.

Не менее амбициозные планы лелеял император Генрих, враг Плантагенетов. При поддержке императорского влияния духовенство успешно проповедовало крестовый поход во всех германских государствах. Император объявил, что обеспечит проезд как богатым, так и бедным, желающим отправиться в поход. Но, хотя он и находился под влиянием, он не был поглощен любовью к бесплодной славе, и когда владение Сицилией казалось легким достижением, он отложил сбор лавров в Палестине до тех пор, пока не присоединил к своей империи в Европе великое государство. Недавно умер танкред, принц Сицилии, и Генрих, по праву своей жены Констанцы, предъявил свои права на этот титул. Это отступление от священной войны было объявлено в соответствии с мнением его мудрейших принцев и лордов, и оно не погасило дух фанатизма и романтизма.

ЧЕТВЕРТЫЙ (ИЛИ НЕМЕЦКИЙ) КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1195-1198 гг. н. э.)

С севера на юг Германии распространилось безумие крестовых походов, которое заразило епископов Бремена, Вюрцбурга, Пассау и Ратисбона; герцогов Саксонии, Брабанции, Баварии и сына герцога Австрии; маркизов Бранденбурга и Моравии; ландграфа Тюрингии; графа Пфальца и графов Габсбурга и Швембурга. Сын герцога Лимбурга Генриха и архиепископ Майнца возглавили авангард святых воинов; и во время перехода через Венгрию к ним присоединилась Маргарита, сестра французского короля и королева Венгрии, которая, в качестве утешения за потерю мужа, поклялась провести остаток своей жизни в муках паломничества. Хотя срок мира, установленный договором между Ричардом и Саладином, истек, христиане и мусульмане продолжали жить в дружбе. Когда новые защитники креста прибыли в Акру, ни протесты латинян против новых войн, ни предложения о том, что все новые крестоносцы должны подчиняться решению жителей Святой Земли, не могли умерить яростное желание немцев вступить в войну.

Их агрессия была быстро встречена мусульманами, гражданские распри были замяты, и Сафедин вновь возглавил ветеранские войска Сирии и Египта. Важный город Йоппа был им захвачен до того, как христианская армия из Акры смогла его освободить. Труды и затраты Ричарда были в мгновение ока сведены на нет; укрепления были разрушены, а несколько тысяч жителей Йоппы были преданы мечу. В эти несчастные моменты в Акру прибыла еще одна часть немецких войск под командованием герцогов Нижней Лотарингии и Саксонии. Они совершили путешествие из северных портов Германии и по пути наказали мавров Португалии. Уверенные в своей силе, объединенные войска Европы и Палестины под командованием герцога Саксонского направились к городу Бериту, но Сафедин, всегда внимательно следивший за событиями, покинул окрестности Йоппы и настиг своих врагов между Тиром и Сидоном. Плотные колонны армии герцога Саксонского были непробиваемы для его энергичных и непрерывных атак. Победа христиан казалась решающей, силы врага были рассеяны, и паника была настолько велика (), что сарацины покинули Лаодикию, Габалу, Йоппу, Сидон и Бериту. Девять тысяч пленных были освобождены без выкупа; а утверждение о том, что () в складах города Бериту было запасов продовольствия на три

года для его жителей, показывает важность дня Сидона. Восторг крестоносцев еще более усилился с прибытием третьего отряда союзников во главе с Конрадом, епископом Гидельсхайма и канцлером Германской империи. С помощью обычного для амбициозных князей процесса Генрих подчинил Сицилию, и теперь, посвятив себя завоеванию Святой Земли, он послал свою третью армию в качестве непосредственных предшественников.

Казалось, что настал час, когда Европа получит награду за свой непобедимый героизм. Все побережье Палестины уже было во владении христиан, и даже те, кто обычно больше всех отчаивался, теперь были воодушевлены убеждением, что крест вскоре преодолет стены Иерусалима. Но на пути из Тира к Святому городу они сделали роковую остановку у крепости Торон. Высокая и прочная каменная постройка выдержала атаки обычных военных машин. Но после месяца труда саксонских горняков скала, на которой стояла крепость, была пробита, и зубцы крепости пошатнулись до основания. Сарацины теперь лежали у ног христиан, прося пощады. Все, о чем они просили, — это свободный проход на мусульманские территории, а крепость могла остаться в распоряжении крестоносцев. После долгих раздумий, взвешивая месть и милосердие, был подписан договор на этих условиях; но хотя справедливые принципы войны преобладали у большинства, меньшинство, которое дышало только убийством, настолько глубоко запечатлело свои угрозы в умах сарацин, что те поклялись подчиниться до последнего, чем довериться соглашениям и клятвам поборников креста.

Отчаяние придало им решимости; они встретили своих врагов в проходах, проложенных в скалах, и в каждой схватке мусульманские сабли были обагрены христианской кровью. Раздоры между фракциями привели к беспорядку в латинском совете; в лагере царили неповиновение и пороки; и, в довершение всех бедствий, крестоносцы узнали, что неверный мир оправился от поражения при Сидоне и что султаны Египта и Сирии собирают свои войска. Испугавшись слухов о их походе, немецкие князья покинули свои посты посреди ночи и бежали в Тир. Утром их бегство было обнаружено солдатами, и ужас и отчаяние охватили всех. Лагерь был покинут теми, кто имел силы двигаться; слабые оставили свое имущество, трусы — свое оружие. Дорога в Тир была заполнена солдатами и багажом в беспорядочной суматохе; но мусульмане в Тороне были настолько измотаны, что христиане не подвергались никаким нападениям во время отступления, за исключением тех, которые были вызваны их собственной неосторожностью и поспешностью (1197).

[1198-1201 гг. н. э.]

Когда остатки армии собрались и солдаты оказались вдали от опасности, все обвиняли друг друга в том, что они стали причиной недавнего позорного события. Немцы обвиняли латинян в трусости, а бароны Святой Земли заявляли, что не подчинятся властной гордости немцев. Все споры велись на языке Священного Писания. Каждая сторона обвиняла другую в предательстве, поскольку все помнили случай с Иудой. Конрад и его солдаты отправились в Иоппу и решили восстановить ее укрепления и дожидаться момента, чтобы отомстить латинянам Сирии. Сафедин выступил против них (), и немцы не отказались от сражения. Победа была на стороне христиан, но она была куплена ценой жизни многих храбрых воинов, в частности герцога Саксонского и сына герцога Австрийского. Но немцы не извлекли выгоды из этого успеха, поскольку из Европы пришла весть о смерти Генриха VI, великого покровителя крестового похода. Архиепископ Майнца и все князья, которые были заинтересованы в избрании германского правителя, покинули Святую Землю. Королева Венгрии была единственной влиятельной личностью, чей фанатизм был сильнее мирских соображений. Остатки некогда могущественной армии, насчитывавшие более двадцати тысяч человек, укрепились в Иоппе. Но в турецких государствах разразилась новая буря. Она

пронеслась над Беритом и землями христиан, и 11 ноября, когда немцы праздновали день святого Мартина, мусульмане ворвались в город Иоппу и убили всех, кого нашли.

Старый Фуллер⁴ говорит: «В это время весенний прилив их веселья настолько затопил их души, что турки, ворвавшись к ним, перерезали горло каждому из двадцати тысяч; и те, кто был ранен, были быстро заколоты мечом. Этот день голландцы (немцы) могут смело отметить в своих календарях красными буквами, окрашенными их собственной кровью, когда лагерь превратился в скотобойню, турки — в мясников, а они сами — в скот на убой, от которого отвратительные пьяницы отличаются лишь немногим».

Примерно в то же время, когда произошла резня в Иоппе, умер Генрих, граф Шампаньский, признанный король Иерусалима. Великий магистр госпитальеров убедил Изабеллу в целесообразности ее брака с Альмериком де Лузиньяном, королем Кипра, который недавно сменил своего брата Ги. Считалось, что Акра и ее окрестности не могут оставаться в руках латинян, если они не будут управляться королем, и что в любом случае Кипр, как место помощи и убежища, будет ценным союзником Иерусалима. С равной правдивостью можно было бы утверждать, что если бы в Палестине был могущественный король, то фракции, великий враг государства, не смогли бы поднять голову. Привыкшая к радостям королевской жизни и любви, овдовевшая королева с восторгом приняла новые перспективы счастья, и в ее глазах Альмерик был столь же достоин уважения, как ее разведенный муж Хамфри или ее покойные господа Конрад и Генрих. Союз был одобрен духовенством и баронами, он был отпразднован в Акре, и Альмерик и Изабелла были провозглашены королем и королевой Кипра и Иерусалима.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1201-1204 гг. н. э.)

[1201-1204 гг. н. э.]

Третий и четвертый крестовые походы были организованы под обычным влиянием папской власти и королевской власти, но пятый возник из подлинного фанатизма. В конце XII века во Франции появился герой, достойный быть товарищем Бернарда. Фульк из города Нейи, недалеко от Парижа, отличался яростью и умением проповедовать, а поскольку в молодости он в полной мере наслаждался удовольствиями жизни, он был хорошо подготовлен для описания различных состояний грешника и святого. Он не ввязывался в спекулятивные абсурды того времени, а выступал против преобладающих пороков ростовщичества и проституции. В течение двух лет он проповедовал без успеха, но после этого «небеса помогли усилиям проповедника, чтобы его слова, как стрелы из мощного лука, проникли в развращенные сердца людей». Соответственно, чудеса свидетельствовали о небесном одобрении, и его проповеди принимались как оракулы. С ростом его славы его стремление к религиозному благу усилилось, и его душа воспламенилась желанием достичь великой цели христианства. Соответственно, он взял на себя крест, и война с неверными стала обильной темой его проповедей.⁵

КРЕСТОНОСЕЦ XIII ВЕКА

Пятый крестовый поход был индивидуальным предприятием. После провала третьего крестового похода Иерусалим был забыт, и на смену благочестивым экспедициям пришли войны между королями и христианскими народами. Англия, Германия и Франция, когда-то объединившиеся для восстановления Гроба Господня, теперь вооружились друг против друга. Император Отто IV был отлучен от церкви; Филипп Август был отлучен, а Джон должен был быть отлучен. Все эти отлученные от церкви мало думали о Святой Земле. Великий папа Иннокентий III хотел вернуть их внимание к этой теме и инициировал проповедь нового крестового похода, обещая прощение всех грехов тем, кто будет служить Богу в течение одного года. Фульк, священник, был рупором папы. Он посетил турнир, который проводился в Шампани, и его пламенные речи заставили всех собравшихся там князей и рыцарей принять крест. На этот раз, как и в первый раз, короли держались в стороне, как и народ. Участвовали только рыцари, и скорее для того, чтобы продемонстрировать силу оружия, чем из глубокой набожности, поскольку это мероприятие было не чем иным, как грабительской экспедицией. Во главе экспедиции стояли Бодуэн IX, граф Фландрии, и Бонифаций II, граф Монферратский. Поскольку ранее было доказано, что морской путь гораздо предпочтительнее сухопутного, крестоносцы искали корабли в Венеции.

Этот город даже тогда был королевой Адриатики. Изгнанные в лагуны вторжением Атилы, жители материка процветали в этом самом замечательном месте в мире. Ни одно из вторжений, прошедших через Италию, не коснулось их. Их торговля расширилась, и острова и побережья Истрии и Иллирии признали их превосходство. Когда появились крестоносцы, венецианцы поддержали их не только из благочестия, но и из корысти. Мусульмане и греки были их соперниками в восточной части Средиземного моря, и венецианцы сочли это хорошей возможностью избавиться от них. Услуги, оказанные крестоносцам в 1130 году, принесли венецианцам привилегию открыть в каждом городе нового Иерусалимского королевства квартал, предназначенный исключительно для них, и в то же время они завладели греческими островами Родос, Самос, Скио, Митилини и Андрос. В 1173 году Венеция сделала должность дожа выборной и учредила с помощью своего великого совета аристократическое правительство, которое сохраняло свою власть на протяжении многих веков.

Такой была Венеция, когда появились крестоносцы. Жоффруа де Вильардуэн, [а](#) сенешаль при дворе Шампани, сам рассказывает о миссии, в которой он принимал участие. Это было любопытное зрелище — феодалы, вынужденные на коленях и со слезами на глазах смиренно просить у народа корабли. «Мы дадим их, мы дадим их», — ответил суверенный народ. Венеция, город купцов и моряков, не могла не продать такую услугу и потребовала 85

000 марок или 20 230 килограммов серебра, что сегодня соответствовало бы примерно 161 840 фунтам стерлингов или 809 200 долларам, но в те времена стоило гораздо больше. Рыцари не могли собрать такую сумму, и вместо наличных венецианцы предложили принять в качестве оплаты враждебный город, если крестоносцы захватят его для них. Они уже отняли у греков главные города далматинского побережья — Спалато, Рагузу и Себенико. Остался только один, который мешал им полностью господствовать над Адриатикой — Зара, все еще оккупированная королем Венгрии. Напрасно Иннокентий III громил это отклонение от крестового похода; венецианцы получили Зару, и девяностолетний дож Дандоло принял крест (1202).

Уладив небольшие счета, они могли отправляться в путь, но куда? Неудачи последних крестовых походов показали, что для успешных действий в Палестине необходимо иметь какую-то точку опоры, и этой точкой должен быть либо Египет, либо Греческая империя. Венецианцы убедили своих союзников, что ключи от Иерусалима находятся либо в Каире, либо в Константинополе. В этой идее была доля правды, но гораздо больше в ней было коммерческих интересов. Владение Каиром давало венецианцам путь в Индию, а владение Константинополем обеспечивало им торговлю на Черном море и во всем Греческом архипелаге. Крестоносцы решили взять Константинополь, куда молодой греческий принц Алексей предложил их провести, при условии, что они восстановят на троне его отца Исаака Ангела, который был свергнут (1203).

Описание штурма Константинополя, более подробно изложенное в истории Византийской империи, можно кратко изложить здесь. Когда французы увидели Константинополь, его высокие стены, бесчисленные церкви, позолоченные купола которых блестели на солнце, и их взоры блуждали, как говорит Вильярдуэн, «по всей длине и ширине города, повелителя всех других, не было ни одного храброго, чье сердце не затрепетало, и каждый смотрел на оружие, которое ему скоро понадобится». Вдоль берега выстроилась великолепная армия из шестидесяти тысяч человек. Крестоносцы готовились к страшной битве. Баржи доставили их полностью вооруженными к берегу. Еще не достигнув берега, «рыцари прыгнули в воду по пояс, полностью вооруженные, копейщики, мечники, хорошие лучники, хорошие сержанты и хорошие арбалетчики. А греки придумывали всякие предлоги, чтобы остановить их. И когда крестоносцы подошли с опущенными копьями, греки повернулись спиной и бежали, оставив им берег. И знайте, что ничего более славного никогда не происходило». 18 июля (1203 г.) город был взят штурмом; старый император был выведен из своей кельи и вновь возведен на престол. Алексей дал крестоносцам самые радужные обещания; чтобы их выполнить, он ввел новые налоги и так разгневал ослабленный народ, что тот задушил своего императора, поставил другого, Мурзуфла, и закрыл ворота города. Крестоносцы сразу же напали. Трех дней хватило, чтобы снова войти в город (март 1204 года); на этот раз они разграбили его. Целый квартал, площадью в квадратную лигу, был сожжен. И сколько произведений искусства погибло! В церкви было собрано четыреста тысяч марок для распределения.^[68]

Затем они разделили империю. Бодуэн IV, граф Фландрии, был избран императором Румынии. Он победил своих противников, Дандоло и Бонифация Монферратского. Венецианцам не нравилась идея видеть своего дожа на императорском троне. Они взяли (что им больше нравилось) часть Константинополя с берегом Босфора и Пропонтиды, и большую часть островов Архипелага, Кандию и т. д., и провозгласили себя владыками полутора четвертей Восточной империи. Маркиз Монферратский был избран королем Македонии; Вильярдуэн, маршал Румынии, и его племянник, принц Румынии. Граф Блуа получил азиатские провинции. Появились герцоги Афин и Наксоса, графы Кефалонии, а также лорды Фив и Коринфа. На восточной окраине Европы возникла новая Франция со всеми ее феодальными обычаями. Членам семьи Комнинов, однако, удалось удержать

несколько частей, которые они разделили на княжества — Трапезунд, Неаполь Арголиты, Эпир и Никею. Но крестоносцев было слишком мало, чтобы долго удерживать свои завоевания. В 1261 году Латинская империя распалась. Однако до конца средневековья и завоеваний турок в некоторых частях Греции все еще существовали остатки феодальных княжеств, так странно основанных французами на древней земле Мильтиада и Леонида.^b

[1204-1261 гг. н. э.]

Поселение латинян в Константинополе было важным, хотя и неожиданным результатом Пятого крестового похода, но их господство продлилось всего пятьдесят семь лет. История этого периода является частью летописи Нижней империи, а не священных войн. Но в целом можно сказать, что через несколько лет удача перестала улыбаться завоевателям. Их высокомерный и агрессивный характер пробудил ревность короля Болгарии. Свирепые горцы, которые так часто оскорбляли величие Римской империи, теперь искупили свой грех мятежа, ведя непрекращающуюся войну с узурпаторами престола своего бывшего господина. Переход от греческого обряда к латинскому был предметом постоянных ропотов и недовольства. Феодальный устав Иерусалимского королевства был насильственно навязан народу, с полным пренебрежением к его обычаям и мнениям. Греки также не допускались к каким-либо должностям в правительстве, и дворянство постепенно ушло из Константинополя и объединилось с князьями свергнутой королевской семьи. Некоторые из этих князей образовали государства на руинах империи, а Мануил Палеолог, император Никеи, потомок Ласкариса, зять узурпатора Алексея, удостоился славы восстановления трона цезарей и окончательного изгнания узурпаторов из Константинополя. На азиатской стороне Босфора латиняне никогда не имели большой власти.

Ревность, которую Генуя испытывала к своему великому сопернику, Венеции, была одной из самых активных причин падения Латинской империи. В XI и XII веках торговые уступки часто обеспечивали Константинополю военную и морскую помощь правителя Адриатики, и во время Пятого крестового похода империя, казалось, признала равенство республики. Императорский трон завоевал дружбу других итальянских князей, и пизанцы, как и венецианцы, вели почти неограниченную торговлю с греческими государствами. Каждый из этих союзников имел свою церковь и свою биржу в Константинополе; их консулы решали дела своих граждан, и обе нации пользовались редкой и благословенной привилегией освобождения от уплаты государственных налогов. В середине XII века Генуя получила торговые привилегии, но, по-видимому, они не были столь обширными, как те, которые были предоставлены венецианцам и пизанцам. Когда крестоносцы захватили Константинополь, венецианцам открылась торговля на Черном море, которой до этого итальянцы пользовались лишь в незначительной степени. Генуэзцы, встревоженные морским прогрессом венецианцев, взяли на них оружие; удача улыбнулась более слабой стороне, и в 1215 году был заключен договор, по которому генуэзцы сохранили торговые привилегии, которыми они пользовались при греческом императоре. Однако политическое положение венецианцев по-прежнему было источником их превосходства, и их соперники подстрекали и помогали грекам сбросить латинское иго и отвоевать Византию.^c

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЯТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Старая империя, которая разлагается, новая империя, готовая погрузиться в руины — таковы картины, которые представляет нам этот крестовый поход; ни одна эпоха не предлагала большего восхищения своими подвигами или большего сочувствия своими бедами. Греки, дегенеративная нация, не удостоили свои несчастья никакими

добродетелями; у них не было ни достаточной храбрости, чтобы предотвратить поражения в войне, ни достаточной покорности, чтобы их перенести. В отчаянии они проявили немного мужества, но это мужество было неосторожным и слепым; оно ввергло их в новые бедствия и принесло им господ, гораздо более жестоких, чем те, от чьего ига они так стремились избавиться. У них не было лидера, способного управлять ими или направлять их; не было чувства патриотизма, достаточно сильного, чтобы сплотить их; это был прискорбный пример народа, оставленного самому себе, утратившего нравственность и не имеющего доверия к своим законам и правительству! Франки имели над своими врагами точно такие же преимущества, как варвары севера над римлянами Нижней империи. В этом страшном конфликте простота нравов, энергия нового народа, стремящегося к цивилизации, жажда грабежа и гордость победы непременно преобладали над любовью к роскоши, привычками, сформированными в условиях коррупции, и тщеславием, придающим значение самым пустяческим вещам и сохраняющим лишь яркое подобие истинного величия.

Этот дух завоевания, который казался столь распространенным среди рыцарей, мог способствовать экспедиции в Константинополь, но он вредил святой войне, отвлекая крестоносцев от основной цели крестового похода. Герои этой войны ничего не сделали для освобождения Иерусалима, о котором они постоянно говорили в своих письмах папе. Завоевание Византии, далеко не являвшееся, как полагали рыцари, путем к земле Христа, было лишь новым препятствием на пути к захвату Святого города; их неосторожные подвиги подвергли христианские колонии еще большей опасности и привели лишь к полному свержению власти, которая могла бы служить барьером против сарацин, без ее замены. Подводя итог нашему мнению о событиях и последствиях этого крестового похода, мы должны сказать, что дух рыцарства и дух завоевания сначала породили чудеса, но они не хватило, чтобы удержать крестоносцев в их владениях. Крестоносцы проявляли глубокое презрение к грекам, чьего союза и поддержки они должны были бы стремиться добиться; они хотели реформировать нравы и изменить мнения, что было гораздо более сложной задачей, чем завоевание империи, и нашли только врагов в стране, которая могла бы предоставить им полезных союзников.

Можно добавить, что политика Святого Престола, который сначала взялся отвлечь латинских воинов от экспедиции в Константинополь, в конце концов стала одним из величайших препятствий для сохранения их завоеваний. Графы и бароны, упрекавшие себя в неповиновении верховному понтифику, в конце концов скрупулезно следовали его инструкциям, чтобы силой оружия добиться подчинения греческой церкви, что было единственным условием, при котором святой отец мог простить войну, начатую вопреки его приказам. Чтобы получить его прощение и одобрение, они применили насилие против раскола и ереси и потеряли свои завоевания, пытаясь оправдать их в глазах верховного понтифика. Сам папа не получил того, чего так горячо желал. Объединение греческой и римской церковью было невозможно в условиях ужасов победы и бедствий войны; оружие завоевателей имело меньшую силу, чем анафема церкви, чтобы вернуть греков к латинскому вероисповеданию. Насилие только раздражало умы людей и усугубляло раскол, вместо того чтобы положить ему конец. Воспоминания о преследованиях и оскорблениях, взаимное презрение, непримиримая ненависть возникли и укоренились между двумя вероисповеданиями, разделив их навсегда.

История не может утверждать, что этот крестовый поход внес большой вклад в развитие цивилизации Европы. Греки сохранили юриспруденцию Юстиниана; империя обладала мудрыми правилами взимания налогов и управления государственными доходами; но латиняне презирали эти памятники человеческой мудрости и многовекового опыта; они не жаждали ничего из того, что принадлежало грекам, кроме их территорий и богатств. Большинство рыцарей гордились своим невежеством и среди добычи Константинополя ()

не придавали никакого значения гениальным творениям Греции. Среди пожаров, пожирающих особняки и дворцы столицы, они с безразличием смотрели, как пламени предавались большие и ценные библиотеки. Можно добавить, что необходимость взаимодействия как для завоевателей, так и для завоеванных, должно быть, способствовала распространению латинского языка среди греков, а греческого — среди латинян.

Крестоносцы также воспользовались несколькими полезными изобретениями и передали их своим соотечественникам; поля и сады Италии и Франции обогатились некоторыми растениями, до того времени неизвестными на Западе. Бонифаций прислал в свое маркизат семена кукурузы, которая до этого никогда не выращивалась в Италии; сохранившийся до наших дней официальный документ свидетельствует о благодарности жителей Монферрата. Магистраты с большой торжественностью приняли невинные плоды победы и на своих алтарях вознесли благословение на продукт Греции, который однажды стал богатством равнин Италии.

Фландрия, Шампань и большинство провинций Франции, которые отправили своих самых храбрых воинов в крестовый поход, безрезультатно растратили свое население и сокровища на завоевание Византии. Можно сказать, что эти отважные воины не получили ничего от этой замечательной войны, кроме славы того, что на мгновение дали Константинополю господ, а Греции — лордов. И все же эти далекие завоевания и эта новая империя, которая привлекала из Франции ее буйных и амбициозных князей, должны были быть благоприятны для французской монархии. Филипп Август, должно быть, был доволен отсутствием великих вассалов короны и имел основания с радостью узнать, что граф Фландрии, хлопотный сосед и не очень покорный вассал, получил империю на Востоке. Таким образом, французская монархия извлекла некоторую выгоду из этого крестового похода, но республика Венеция извлекла из него гораздо больше. Эта республика, население которой едва достигало двухсот тысяч душ и которая не имела власти, чтобы заставить уважать свою власть на континенте, в первую очередь воспользовалась оружием крестоносцев, чтобы подчинить себе города, которые без их помощи она никогда не смогла бы завоевать. Завоеванием Константинополя она расширила свой авторитет и торговлю на Востоке и подчинила своим законам некоторые из самых богатых владений греческих императоров. Она укрепила репутацию своего флота и поднялась над всеми морскими державами Европы (). Венецианцы никогда не пренебрегали интересами или славой своей страны, в то время как французские рыцари почти никогда не сражались ни за что, кроме личной славы и собственных амбиций. Из своих новых владений на Востоке Венеция сохранила только те, которые она считала необходимыми для процветания своей торговли или поддержания своего флота.⁴

Некоторые из лучших свидетелей истории Средневековья утверждают, что, соблазненные проповедями фанатиков, дети Франции и Германии около 1212 года считали себя уполномоченными небесами на попытку спасти Гроб Господень и бегали по стране, восклицая: «Господи Иисусе Христе, верни нам твой крест». Мальчики и девочки сбегали из своих домов, «ни замки, ни решетки, ни страх перед отцами, ни любовь к матерям не могли их удержать», и число юных новообращенных достигло тридцати тысяч. Их организовали несколько фанатичных негодяев, один из которых был пойман и повешен в Кельне. Дети прошли через Францию, пересекли Альпы, и те, кто пережил жажду, голод и жару, явились к воротам морских портов Италии и юга Франции. Многих из них заставили вернуться домой, но семь больших кораблей, полных детей, отплыли из Марселя; два судна потерпели крушение у острова Св. Петра, остальные корабли прибыли в Буджи и Александрию, и капитаны продали детей в рабство. Об этих необычных событиях упоминают четыре современных писателя. (1) Альберик, монах из Труа-Фонтен, в своей хронике. (2) Годфри из Сен-Панталеона в своих анналах. Редактор цитирует в примечании бельгийскую хронику в качестве свидетельства. (3) Сикард, епископ Кремоны. (4) М. Париж. Роджер Бэкон, процветавший в середине XIII века, так говорит о Крестовом походе детей: «*Forsan vidistis aut audistis pro certo quod pueri de regno Franciæ semel occurrebant in infinita multitudine post quondam malignum hominem, ita quod nec a patribus, nec a matribus, nec amicis poterant detineri, et positi sunt in navibus et Saracenis redditi, et non sunt adhuc 64 anni*». Честный Фуллер говорит: «Этот крестовый поход был совершен по велению дьявола, который, так сказать, жаждал утешительного напитка из детской крови, чтобы успокоить свой слабый желудок, давно пресытившийся убийствами людей».^с

Немецкий дворянин, XIII век

Эта экспедиция за море, предпринятая около 1212 года и состоявшая исключительно из детей, если и не является одним из самых ярких событий крестовых походов, то, безусловно, не уступает по своей необычности. Тот, кто знаком со средневековым увлечением чудесным и читал только неполные рассказы современных историков о крестовых походах, сначала склонен отнести эту экспедицию к разряду сказочных приключений; и чтобы придать ей достоверность, необходимо представить доказательства, достойные нашего доверия.

Что касается даты, то все современные историки относят этот крестовый поход к 1212 году или, самое позднее, к 1213 году. Только из-за ошибки, которую очень легко исправить, другие переносят его на двенадцать лет вперед или на десять лет назад. Что касается мест, которые стали свидетелями зарождения и развития такого предприятия, то, по-видимому, крестоносцы принадлежали к двум народам и образовали два отряда, которые следовали по разным маршрутам: один, выйдя из Германии, пересек Саксонию и Альпы и прибыл к берегам Адриатического моря; другой, собранный во Франции, после сбора в окрестностях Парижа пересек Бургундию и прибыл в Марсель, место отправления. Престиж, фанатизм, объявления о чудесах — все это использовалось, чтобы возбудить молодежь этих стран и заставить ее действовать. Согласно Винсенту де Бове, Старик Горный, который с раннего возраста занимался воспитанием *арсакидов*, удерживал в плену двух клерков и обещал освободить их только при условии, что они привезут ему нескольких юношей из Франции. Тогда считалось, что эти дети, обманутые ложными видениями и соблазненные обещаниями этих двух клерков, начертали на себе знак креста.

Инициатором крестового похода в Германии был некий Николай, по национальности немец. «Эту толпу детей, — говорит Безарр, — с помощью ложного откровения убедили, что в том году засуха будет настолько сильной, что даже морские бездны высохнут, и они отправились в Геную с намерением переправиться в Иерусалим через высохшее дно Средиземного моря». Состав этих войск соответствовал средствам, использованным для их соблазнения. Там были дети всех возрастов и положений, обоих полов; некоторым из них было не больше двенадцати лет; они вышли из деревень и городов без лидеров, без проводников, без провианта и с пустыми кошельками. Родители и друзья тщетно пытались отговорить их, показывая им всю безрассудность такого путешествия; плен, к которому они их обрекали, только удвоил их рвение; выламывая двери или проделывая проходы в стенах, они успешно сбегали и присоединялись к своим группам. Если их спрашивали о цели их путешествия, они отвечали, что собираются посетить святыне места. Хотя паломничество, начатое при таких обстоятельствах и омраченное всевозможными излишествами, должно было стать скорее предметом скандала, чем назидания, были люди, достаточно безрассудные, чтобы увидеть в нем действие всемогущего Бога; мужчины и женщины покидали свои дома и земли, чтобы присоединиться к этим бродячим отрядам, веря, что они следуют по пути спасения; другие снабжали их деньгами и едой, думая, что помогают душам, вдохновленным Богом и ведомым чувствами божественной благочестивости. Папа, узнав об их действиях, воскликнул со стоном: «Эти дети упрекают нас в том, что мы погрязли в снe, в то время как они спешат на защиту Святой Земли». Если некоторые из духовенства, наделенные небольшой дальновидностью, открыто осуждали эту экспедицию, их порицания сразу же приписывались мотивам алчности и неверия; и, чтобы избежать публичного презрения, мудрость и благоразумие были обречены на молчание.

Однако события доказали, что все, что человек предпринимает, не используя баланс разума и серьезного размышления, не приводит к счастливому исходу; «ибо вскоре», говорит епископ Сикард, «эта толпа полностью исчезла: *quasi evanuit universa*». Но мы

должны тщательно различать судьбу немецких и французских крестоносцев, хотя часть последних направилась в Италию. Для участия в крестовом походе требовалось лишь носить крест; если бдительная забота князей и прелатов в экспедициях, направляемых церковной и светской властью, не смогла исключить из них людей с плохой моралью, то какие люди, должно быть, смешались с толпой, собравшейся без малейшей заботы и под присмотром вышестоящего разума, большая часть которой бежала, как блудный сын, из отцовского дома, чтобы без ограничений предаться своим порочным наклонностям? Поэтому рассказ монаха Годфри не удивляет нас, когда он говорит, что воры проникли в число немецких паломников и исчезли, ограбив их багаж и подарки, которые верующие им подарили. Один из этих воров, будучи узнанным в Кельне, закончил свои дни на дыбе.

За этим первым несчастьем быстро последовала целая череда бедствий, которые были неизбежным результатом недалекости крестоносцев. Усталость от долгого путешествия, жара, болезни и нужда унесли жизни многих из них. Из тех, кто прибыл в Италию, некоторые, рассеявшись по стране и подвергшись грабегам со стороны местных жителей, были обращены в рабство; другие, в количестве семи тысяч человек, явились в Геную. Сначала сенат разрешил им остаться в городе на шесть или семь дней, но потом, осознав всю глупость этой экспедиции, опасаясь, что такое скопление людей приведет к голоду, и, прежде всего, полагая, что Фридрих, который в то время находился в состоянии восстания против Святого Престола и вел войну с Генуей, может воспользоваться обстоятельствами, чтобы вызвать беспорядки, сенат приказал крестоносцам покинуть город. Некоторые, осознав свою ошибку, повернули назад, в свою страну; и эти крестоносцы, которых видели, как они шли многочисленными отрядами и пели воодушевляющие песни, возвращались поодиночке, лишенные всего, босиком, страдая от голода и подвергаясь насмешкам и издевательствам населения городов и стран, через которые они проходили; неудивительно, что в таких условиях многие молодые девушки лишились целомудрия, которое было их украшением в родных домах.

Крестоносцы из Франции постигла почти такая же судьба; вернулась лишь небольшая часть из них, остальные либо погибли в волнах, либо стали объектом спекуляции двух марсельских купцов. Хью Феррерс и Уильям Поркус, так их звали, вели торговлю с сарацинами, значительную часть которой составляла продажа молодых мальчиков. Более благоприятной возможности для выгодной спекуляции и быть не могло; они предложили безвозмездно перевезти на Восток всех паломников, прибывших в Марсель, объясняя свой щедрый поступок благочестием. Это предложение было с радостью принято, и семь кораблей, груженных паломниками, отплыли к берегам Сирии. Через два дня, когда корабли находились у острова Святого Петра, недалеко от Скалы Отшельника, разразилась сильная буря, и море поглотило два из них со всеми пассажирами на борту. Остальные пять прибыли в Буги и Александрию, и все молодые крестоносцы были проданы сарацинам или работорговцам. Халиф купил сорок из них, все из которых были в орденах, и велел с большой заботой воспитать их в специально отведенном для этой цели месте; двенадцать из остальных погибли как мученики, не желая отречься от своей религии. Ни один из клерков, купленных халифом из Бурги (), по словам одного из них, который впоследствии обрел свободу, не принял религию Мухаммеда; все они остались верны религии своих отцов и постоянно практиковали ее со слезами на глазах в рабстве. Хью и Уильям, которые позднее разработали план убийства Фридриха, были обнаружены и погибли позорной смертью вместе с тремя сарацинами, их сообщниками, получившими в этом жалком конце заслуженное вознаграждение за свою измену.

Папа Григорий IX впоследствии велел построить церковь на острове Святого Петра в честь тех, кто потерпел кораблекрушение, и учредил двенадцать канонических должностей для обеспечения ее функционирования (). Во времена Альберика еще показывали место, где

были похоронены тела, выброшенные волнами. Что касается крестоносцев, которые пережили столько бедствий и остались в Европе, за исключением некоторых старых и немощных людей, папа не освободил их от их обетов; они были вынуждены либо совершить паломничество в более зрелом возрасте, либо искупить его милостыней.

Таков был исход этого крестового похода, который в двух хрониках справедливо назван *expeditio nugatoria, expeditio derisoria*.

Два факта в этом рассказе кажутся нам необычными: условие, выдвинутое Стариком Горы для освобождения клерка, о котором говорит Винсент де Бове, и торговля детьми, которой занимались марсельские купцы. По первому пункту мы можем предложить только мнение, принятое среди народов Запада. В XIII веке общепринятым было мнение, что Старик Горный поддерживал связи с христианской Европой; нескольких князей даже обвиняли в том, что они прибегали к кинжалам его ассасинов, чтобы избавиться от своих врагов. Фридрих принимал его послов на Сицилии. Роджер Бэкон горько сетует на тайные чары, которыми сарацины соблазняли молодых слуг Христа; название «ассасины» уже вошло в обиходный язык в XIII веке и вызывало всеобщий страх. Поэтому, несмотря на мнение некоторых критиков, необходимо более тщательное изучение, прежде чем отвергать рассказ Винсента де Бове. Что касается торговли молодыми мальчиками, то это вовсе не новый факт; многие следы этого явления обнаруживаются задолго до этого периода. Греки и венецианцы практиковали ее достаточно открыто. Папа Захарий в 748 году выкупил многих христианских рабов, которые были увезены из Рима венецианскими купцами; жители Вердена, как свидетельствует Лиутпранд, собирались продать арабам Испании нескольких юношей, которых они калечили и которые должны были служить охранниками женщин в гаремах. Кроме того, судьба молодых крестоносцев, которые отплыли из Марселя и вместо священной земли, обещанной их слепому рвению, нашли унижение и рабство, подтверждается двумя современными писателями, заслуживающими полного доверия: Томасом де Шампре и Роджером Бэконом.^e

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1217-1229 гг. н. э.)

[1210-1215 гг. н. э.]

Успешный героизм французских авантюристов перед Константинополем встревожил мусульман, и Сафедин с радостью заключил с христианами договор о шестилетнем мире. Палестина вскоре вновь стала ареной амбиций и славы. Альмерик и его жена умерли, и Мария, дочь Изабеллы и Конрада Тирского, стала новой идеальной королевой Иерусалима, а Хью де Лузиньян, сын Альмерика от первой жены, был провозглашен королем Кипра. Хью женился на принцессе Алисе, сводной сестре молодой королевы и дочери Генриха, графа Шампанского, и Изабеллы (). В то время в Палестине не было ни одного дворянина, обладающего властью или влиянием, способного управлять государством; и церковные и гражданские власти решили, что Филипп Август Французский должен найти мужа для Марии. Филипп Август остановил свой выбор на Жане де Бриенне, сыне графа Бриенна в Шампани. Хотя суверенитет над Иерусалимом был номинальным, тем не менее командование христианской армией в Палестине и обладание такой желанной молодой королевой, какой ее описывали послы, были обстоятельствами, столь льстивыми для воображения амбициозного рыцаря, что Жан де Бриенн с радостью принял этот дар; и послы были отпущены с обещанием, что через два года он присоединится к ним в Палестине с мощным отрядом. Шестилетнее перемирие подходило к концу, и Сафедин () предложил его продлить и передать регентству десять замков или городов по их выбору, которые они

могли бы удержать навечно, если сарацины нарушат свое слово. Рыцари Святого Иоанна и рыцари Тевтонского ордена энергично выступали за принятие этого предложения, но дух партийности всегда был врагом Палестины, и тамплиеры и духовенство объявили войну.

КРЕСТОНОСЕЦ XIII ВЕКА

В назначенное время Жан де Бриен прибыл в Акру; на следующий день он получил руку Марии, а вскоре после этого был коронован и принял присягу верности баронов. Только триста рыцарей разделили его надежды на восстановление могущества Святой Земли, поскольку энтузиазм и любовь к славе западного рыцарства были направлены в новые русла. Англия и Германия были раздираемы внутренними беспорядками, французский двор наблюдал за развитием событий, а папа Иннокентий использовал кающихся для искоренения ереси альбигойцев. Истребители еретиков и неверных были одинаково достойны похвалы, а крестовый поход на юг Франции был менее опасен, чем путешествие в Сирию. По этим различным причинам мусульмане в Азии были забыты или игнорированы.^[69] Поскольку мир был отвергнут, Сафедин повел армию в окрестности Триполиса. Король проявил свою доблесть во многих ожесточенных сражениях; и хотя он так и не победил своих врагов, он сломил их натиск и спас свои земли от полного уничтожения. Он предвидел приближающуюся гибель святого дела; каждый день сарацины делали какие-то завоевания, а латинские бароны при каждой возможности и под любым предлогом возвращались в Европу. Поэтому он написал папе, что Иерусалимское королевство состоит только из двух или трех городов и что только гражданские войны между сыновьями Саладина отсрочили его судьбу.

[1215-1217 гг. н. э.]

Каждый амбициозный проект, задуманный смелым гением Григория VII, был поддержан горячим духом Иннокентия III. Создавая структуру церковной политики на руинах евангельской свободы, не упускалась из виду важность руководства военной силой Европы. Приказы Ватикана разлетелись по всей Европе, призывая людей истребить неверных. Семьям и состояниям паломников была обещана защита святого Петра. Те, кто обязался платить ростовщические проценты, были освобождены от своих клятв, а светская власть

должна была заставить евреев отказаться от своих претензий. Были отменены индульгенции, предоставленные тем, кто покинул свои дома, чтобы искоренить ересь в Провансе и неверность в Испании.

Среди тех, кто наиболее громко и успешно отстаивал дело религии, был Роберт де Курсон, человек, уступавший по талантам и авторитету святому Бернарду, но фанатизм которого был столь же горячим, как у Петра и Фулька. По происхождению и рождению он был англичанином, но получил образование в Парижском университете и в этом знаменитом центре науки дружил со своим сокурсником, который впоследствии занял папский престол под именем Иннокентия III. Соратник его святейшества был возвышен до различных санов в церкви; его деловые таланты были использованы Иннокентием в церковных посольствах, а его способности как публичного оратора созрели под опекой Фулька де Нейи. Он был папским легатом во Франции, и после того, как умиротворил внутренние и внешние беспорядки в этом королевстве, он покинул Париж в 1215 году, спустился через Бургундию в южные провинции, не оставив ни одного уголка юга не посещенным; а затем, быстро и успешно пересек западные провинции, святой странник вернулся в столицу. Двадцатью годами ранее он проповедовал ту же тему тем же людям, будучи скромным помощником Фулька. Одетый в римскую пурпурную мантию и вооруженный авторитетом наместника Иисуса Христа, кардинал придавал миссионерской деятельности все возможное достоинство. Но его благоразумие не шло в ногу с его рвением, ибо, подобно Петру Пустыннику, он допускал всех к кресту. Женщины, дети, старики, слепые, хромые, прокаженные — все были зачислены в священную милицию. Множество крестоносцев было бесчисленным, а добровольные пожертвования денег, которые складывались в благотворительные ящики в церквях, были огромными. Филипп Август внес сороковую часть своих доходов; и примечательно, что эти деньги должны были быть использованы для целей священной войны, в соответствии с указаниями королей и баронов Франции и Англии. Но милостыня французского народа не использовалась исключительно для священных целей. Роберт де Курсон был открыто осужден за растрату, и его папский друг был вынужден отречься от своего достоинства и заступиться перед французскими прелатами, чтобы спасти легата от наказания.

Папа, следуя по стопам своих предшественников, созвал всеобщий собор с целью наказания пороков, осуждения ереси и побуждения князей и народа к священной войне. В ноябре 1215 года религиозные и политические власти собрались в Латеранской церкви, и их многочисленность и высокий ранг свидетельствуют о ревностной проповеди папских легатов. Все духовенство (за исключением тех, кто был крестоносцами) должно было в течение трех лет вносить двадцатую часть своих церковных доходов; турниры в течение трех лет крестового похода были запрещены, чтобы изображение войны не отвлекало внимание людей от самой войны. Гражданские распри должны были быть приостановлены, и мир должен был царить в христианском мире на протяжении всего времени священной борьбы.

Необходимость искоренения ереси и подавления восстания на юге Франции была предложена французскому королю для отказа от участия в крестовом походе. Император Фридрих II остался, чтобы укрепить свою власть в Апулии и Сицилии и продвинуть любимый проект свой и своей семьи — сделать Италию резиденцией Западной империи.^[70] Венгры, которые были бичом первых крестоносцев, на этот раз взяли на себя ведущую роль. Их король Андрей, вдохновленный примером своей матери Маргариты, желанием своего отца и некоторыми политическими соображениями, дал клятву отправиться в поход на Иерусалим. Герцоги Австрии и Баварии, а также все церковные и светские властители нижней Германии присоединились к войскам монарха. Объединенная армия выступила в поход на Сплато. Корабли Венеции и других портов Адриатики перевезли их на Кипр; и,

насладившись некоторое время удовольствиями острова, посвященного Венере, святые воины отплыли и прибыли в Акру в сопровождении новых толп крестоносцев из Марселя, Генуи и Брундизия. Мусульманские державы были удивлены и не готовы к этому внезапному и значительному подкреплению латинян. Сыновья Сафедина были правителями Сирии, а сам Сафедин, ушедший от постоянных трудов царствования, довольствовался уважением армии и народа в трудные и опасные времена. Сарацины наступали на земли вокруг Наблуса, но их было недостаточно, чтобы противостоять новым крестоносцам, которые опустошали страну и убивали тысячи своих врагов. Но они не ограничивали свои жестокости только неверными. В год, когда высадились нынешние крестоносцы, почва Палестины была менее плодородной, чем в большинстве сезонов; солдаты не привезли с собой провианта, и, когда не были заняты дальним походом на вражескую территорию, они пошли по более короткому пути, грабя частные и религиозные дома латинян и сирийцев.

СКВАЙР РЫЦАРЯ, XIII ВЕК

[1217-1219 гг. н. э.]

Однако благочестивые обряды восстановили порядок. Глава латинской церкви возглавил армию в религиозной процессии через реку Кишон в долину Изреель. Они омылись в Иордане, совершили паломничество к озеру Геннисарет, с благоговейным трепетом наблюдали за сценами различных чудес, совершенных Христом, и вернулись в Акко. Но вскоре они восстановили свои силы и с святым почтением отправились по дороге к месту Преображения. Однако подъем на гору Фавор был трудным, а вершина была защищена крепко укрепленной башней. Привязанные к паломничествам так же, как и к войне, крестоносцы отправились в святом порядке в Тир и Сидон, но суровые погодные условия привели их в беспорядок, и сарацины нанесли ужасный ущерб их разрозненным отрядам. Христиане разделились на оставшуюся часть зимы. Короли Кипра и Венгрии укрылись в Триполи; и если народ был опечален смертью первого из этих князей, то его чувства быстро сменились возмущением против второго. Ни мольбы, ни угрозы духовенства не смогли

убедить неустойчивого Андрея остаться в Палестине. Взяв с собой большую часть своих солдат и запасов, он пересек Армению и Греческое царство и наконец вернулся в свое королевство, которое было настолько истощено этой дорогостоящей экспедицией, что в течение многих лет не могло восстановить свою прежнюю силу.

Король Иерусалима, герцог Австрии и магистр госпитальеров заняли сильные позиции на равнинах Кесарии. Темплиеры, тевтонские рыцари и Вальтер д'Авеснес заняли гору Кармель, и их позиции защищала башня, построенная ранее темплиерами для обороны и защиты паломников в Иерусалим. Весной следующего года к ним присоединились новые и ревностные крестоносцы из северной Германии. Кёльн был местом сбора, и почти триста судов отплыли с Рейна. Многие корабли потерпели крушение из-за сильных осенних ветров, а остальные бросили якорь у португальского побережья. С помощью немцев королева Португалии отбила Алькасер у мавров. Совесть и доблесть были бы одинаково удовлетворены убийством сарацин, в какой бы стране они ни находились. Как только прибыли подкрепления из Кельна, вожди собрались на совет и решили осадить Дамьетту, которая считалась ключом к Египту. Через несколько дней плавания христианская армия подошла к Дамьетте. Катапульты и баллисты сотрясали стены цитадели до основания, и гарнизон с радостью сдался на милость осаждающих.

Еще не улеглась радость христиан, как пришла весть о смерти Сафедина. Власть его дома недавно укрепилась благодаря смерти султана Мосула, последнего великого сторонника рода атабегов. Но Сафедин не дожил до того, чтобы присоединить весь Мосул к своей империи, включавшей Дамаск и Египет. Брат Саладина был по-разному представлен в зависимости от того, с какими чувствами к нему относились. Но крестоносцы имели столь ограниченное представление о восточных делах, что их нападки не могут противоречить репутации, которую он приобрел благодаря своей добродетели и способностям. Его второй сын, Корадин, принц Сирии и Палестины, не объявил о смерти своего отца, пока не обеспечил себе владение королевской казной. Когда пришла весть о смерти Сафедина, в Египте повсюду царили раздор и мятежи, и его сын Камиль, правитель этой страны, был вынужден бежать в Аравию, чтобы укрыться от своего мятежного народа.

После сдачи замка Дамьетта захват города казался настолько легкой задачей, что осаждающая армия погрузилась в безделье и разврат. Султан Сирии предвидел падение Дамьетты, султан Египта отчаялся защитить ее, и никакая мудрость не могла рассчитать масштабы последствий, которые могло иметь ее захват. Осторожность подсказывала политику переговоров, и поэтому латинянам предложили часть истинного креста, город Иерусалим и всех пленников в Сирии и Египте. Мусульмане должны были восстановить стены священного города. Из всего королевства Палестина они предложили сохранить только замки Карака и Монреаль, необходимые для безопасного прохода паломников и купцов из Мекки. Эвакуация Египта была эквивалентом, ожидаемым от христиан за эти важные уступки.

[1219-1220 гг. н. э.]

Все законные последствия крестовых походов были в распоряжении воинов креста. Король, французы, граф Честер и тевтонские рыцари с радостью приветствовали перспективу окончания войны. Но легат, епископы, итальянцы, тамплиеры и госпитальеры были глухи к советам умеренности. Они утверждали, что нельзя доверять обещаниям неверных, если мир не будет заключен под угрозой победоносного меча. Осада длилась уже семнадцать месяцев, и было бы позором уходить от справедливой перспективы успеха. К несчастью для общих интересов христианского дела, мягкие предложения политики были проигнорированы среди криков бездумной доблести. Военные действия возобновились.

Осаждающие прервали всякую связь между египетской армией и гарнизоном Дамьетты. Соппротивление было бесплодным, но мусульмане были слишком храбры и слишком горды, чтобы сдаться. Легат и король штурмовали стены и вскоре вошли в город с той же безжалостностью, которая сводила с ума первых крестоносцев, когда они впервые ворвались на крепостные стены Иерусалима.

Но месть тщетно искала своих жертв. Дамьетта превратилась в огромное кладбище. Из населения, которое в начале осады насчитывало более семидесяти тысяч душ, осталось только три тысячи. Завоеватели шли сквозь зараженный воздух. Улицы, мечети и дома были усыпаны трупами. От сцен смерти христиане перешли к грабежу. Дамьетта была одним из самых богатых городов Ислама, и страшные проклятия легата не могли помешать самовольному присвоению добычи. Власть над этим местом была передана королю Иерусалима. Великолепная мечеть была преобразована в христианскую церковь и посвящена Деве Марии и всем апостолам. Но солдаты вскоре были вынуждены вернуться в лагерь, потому что в городе разразилась чума. Выжившим мусульманам были дарованы жизнь и свобода, если они выполняют ужасную и печальную задачу очистить город от останков своих родственников и друзей.

Утрата Дамьетты вызвала такой ужас среди мусульман, что крепость Танис сдалась. Это завоевание открыло путь в Палестину. Но вместо того, чтобы воспользоваться своим преимуществом, армия провела зиму в роскоши и раздорах, и весной более половины солдат вернулись в Европу. Власть легата была безгранична, и король Иерусалима в отвращении удалился в Акру. Герцог Баварии и многие рыцари из Германии и Италии прибыли, как только погода позволила переправиться, но они пренебрегли подчиняться командованию епископа, и Пелагий был вынужден смиренно просить короля вернуться. Жан де Бриенн отправился в Дамьетту, и был созван совет по вопросу о военных действиях. Было решено завоевать Египет, и армия двинулась по восточной стороне Фатимидского рукава Нила, пока ее продвижение не было остановлено каналом Ашмун. На южной стороне этого канала были размещены мусульманские войска. Все султаны Сирии прислали помощь своим братьям по вере, и союзные войска под командованием Камиля могли противостоять латинянам на поле боя.

Однако султан не хотел доверять свое королевство капризам судьбы. Он предложил христианам мир почти на тех же условиях, что и перед последним штурмом Дамьетты. Легат ордена тамплиеров () с негодованием отклонил эти благородные предложения, но вместо того, чтобы пересечь канал и дать сражение врагу, он более месяца бездействовал на своем посту, ожидая безоговорочной капитуляции султана. За это время уровень Нила быстро поднялся. Мусульмане открыли шлюзы и затопили лагерь врага. Христиане не могли ни продвигаться вперед, ни отступать; и, используя скромное сравнение тамплиера, они были заперты, как рыба в сети. Когда наводнение Нила смело все палатки и багаж, Пелагий послал посольство в лагерь мусульман, умоляя о безопасном возвращении в Акру и предлагая сдать Дамьетту и Танис мусульманам. Страдания христианской армии были смягчены гуманностью Камиля. Король Иерусалима был одним из заложников, и во время встречи с султаном он плакал, видя бедственное положение своей армии. «Почему ты плачешь?» — спросил султан. «У меня есть причина плакать, — ответил король, — потому что люди, которых Бог вверил моему попечению, гибнут в водах или умирают от голода». Султан прослезился от сострадания и открыл египетские зернохранилища, чтобы помочь им. Когда, после восьми месяцев владения латинянами, Дамьетта была передана в руки мусульман, заложники были обменены, и христианская армия отступила к побережью по той же дороге, по которой она продвигалась, будучи полностью уверенной в победе. Бароны Сирии и военные ордена отступили в Акру, а добровольцы вернулись в Европу.

[1220-1227 гг. н. э.]

Папа возложил всю вину на императора Фридриха, человека, который трижды клялся освободить Святую Землю, но пошел на компромисс со своей совестью, отправив лишь солдат и провизию. Фридрих презирал грозы Ватикана, но, хотя он и не боялся силы, он не мог противостоять папским уловкам. Гонорий успокоил его раздраженный ум и снова принял его как верного сына церкви. Герман фон Зальца, магистр Тевтонского ордена, вернулся в Европу и дал императору надежду стать освободителем Палестины. Йоланда, дочь короля Иерусалима, могла быть легко взята в жены, и ее отец уступил бы свои права, которые он устал пытаться превратить в реальное и прочное господство. Император и папа одобрили этот проект. Фридрих принял от короля Иерусалима отказ от всех его притязаний на Святую Землю в качестве приданого Йоланды и поклялся папе, кардиналам, магистрам госпитальеров и тевтонских рыцарей, что в течение двух лет он отправится с мощной армией на Восток и восстановит трон Годфрида Бульонского. В течение следующих пяти лет восстания в Италии и мятежи сарацин на Сицилии удерживали императора от осуществления его замысла. Гонорий не дождался до того момента, когда его усилия увенчались успехом, но его преемник Григорий IX был столь же яростен в этом деле.

В назначенный для отплытия экспедиции день Брундизиум и его окрестности были переполнены солдатами. Но летняя жара подорвала здоровье северян; тысячи людей умерли, а из тех, кто пытался вернуться домой, большая часть погибла от нищеты или болезней. Хотя император не избежал общей болезни, он все же отплыл из Брундизиума. Но после трех дней плавания дополнительная слабость заставила его вернуться. Григорий унаследовал папские добродетели насилия и амбиций; он вынес приговор об отлучении от церкви императора за отказ сражаться с врагом Бога.^[71]

[1227-1229 гг. н. э.]

Гром Ватикана снова и снова гремел над головой императора, но автор этих громов страдал больше, чем его объект. Император послал войска на папские территории, которые разорили марш Анконы и наследие Святого Петра. Те из госпитальеров и тамплиеров (верные друзья папы), которые имели поместья в имперских владениях в Италии, были ограблены и лишены собственности.^[72] Император обложил своих подданных, как церковников, так и мирян, тяжелыми налогами для покрытия расходов на священную войну. Вопреки предупреждениям Григория о том, что он не должен вступать в крестовый поход, пока не будет освобожден от церковного осуждения, Фридрих в августе 1228 года отплыл из Брундизия и вскоре прибыл в Акру. Радость христиан по поводу прибытия императора была вскоре омрачена письмами, которые патриарх получил от папы и в которых верующим запрещалось подчиняться мятежному сыну церкви. Тевтонские рыцари не боялись церковных наказаний, и во главе с ними и некоторыми другими солдатами император покинул Акру, отправился в Иоппу и отремонтировал укрепления этого важного города. Затем он продолжил продвижение к Иерусалиму.

В то время как дела шли таким образом, императору принесли весть об эффективном методе, который папа применил, чтобы помешать ему продолжать войну в Палестине с врагами Христа. Войска папы, одним из главных командиров которых был Жан де Бриенн (тесть Фридриха), сожгли имперские города в Италии, заключили в тюрьмы, пытали и грабили людей. Герцог Спалато, лейтенант императора, не смог успешно сопротивляться, хотя имперская армия была лишь незначительно ослаблена зарубежной экспедицией Фридриха. Эти обстоятельства заставили императора стремиться вернуться в Европу; был

немедленно подписан договор. В течение десяти лет христиане и мусульмане должны были жить в братских отношениях. Иерусалим, Иоппа, Вифлеем, Назарет и их прилегающие территории были возвращены христианам. Им также был передан Гроб Господень, и представители обеих религий могли молиться в этом святом месте, которое первые называли храмом Соломона, а вторые — мечетью Омара. Речь Фридриха более эффективно способствовала достижению цели священных войн, чем героический пыл Ричарда; многие бедствия, последовавшие за битвой при Тивериаде, были стерты, и серьезные и привычные надежды Европы на постоянное поселение в Азии, казалось, сбылись. Но бароны Святой Земли, жаждущие бесконечной войны и тайно завидующие превосходству гения, открыто выражали возмущение тем, что христианский правитель принял дружбу неверных. Патриарх и духовенство ненавидели отлученного от церкви принца, человека, который разрешил сарацинам поклоняться своему Богу в христианском храме. Однако, имея некоторые основания, они утверждали, что договор не является обязательным для мусульман, пока султан Дамаска не дал своего одобрения. Но, презирая кровожадность баронов и жестокое фанатизм священников, Фридрих отстаивал свои королевские prerogatives; и, поскольку он приобрел некоторые из старых владений семьи Буйон, он объявил о своем намерении короновать себя в Святом Городе в соответствии с конституционными формами.

Некоторые лица, недовольные условиями договора, хотели предать его в руки султана Египта. Вина за это предательство лежит на госпитальерах и тамплиерах. Камиль прочитал письмо, в котором ему сообщали эту новость, воскликнул своим соратникам: «Посмотрите, какова верность этих христианских псов!» — и послал к Фридриху своего друга с полученным письмом. Император отправился в Иерусалим, но его прибытие не было встречено овациями. По приказу патриарха во время его пребывания в церквях не проводились никакие религиозные церемонии. Даже немецкие прелаты предпочли свою духовную верность светской, и император, сопровождаемый только своими придворными и рыцарями Тевтонского ордена, отправился в церковь Гроба Господня. Он смело снял корону с алтаря и возложил ее на свою голову, а Герман фон Зальца произнес хвалебную речь. Затем были отданы приказы о восстановлении городских стен, и император вернулся в Акру. В этом городе тоже все выражали скорбь по поводу его появления. Мессы проводились тайно; церкви были лишены своих украшений; колокола не звонили, а мертвых хоронили без каких-либо религиозных церемоний. Но благодаря некоторым хорошо продуманным жестким мерам императору в конце концов проявили видимое уважение, и он вернулся в Европу, оставив священников и народ благодарить Небеса за его отъезд.

Немногие части крестовых походов труднее понять и изложить в ясной и понятной форме, чем экспедиция Фридриха. Его очерняли тамплиеры, госпитальеры и другие друзья папы, и их рассказы о событиях более многочисленны, чем рассказы имперской партии. Он добился для христиан большего, чем любой другой князь с момента основания королевства; и если бы папа не ненавидел его сильнее, чем его святость ненавидела сарацин, и тем самым не вызвал его возвращение в Европу, то вполне вероятно, что после смерти султана Дамаска император привел бы дело к полному триумфу. Григорий IX и его духовенство имели наглость заявить миру, что Фридрих оставил гробницу Христа в руках неверных. Но на самом деле она была передана христианам. Храм Соломона, или, вернее, мечеть Омара, действительно остался в руках мусульман, однако христианам было разрешено посещать его.⁴

[68] [Будет полезно обратиться к более раннему описанию разграбления Константинополя в т. 7, гл. 11, с. 352. Примечательно, насколько более жестоким было варварство крестоносцев по отношению к своему собственному народу, чем варварство самих мусульман, когда они захватили тот же город в 1453 году].

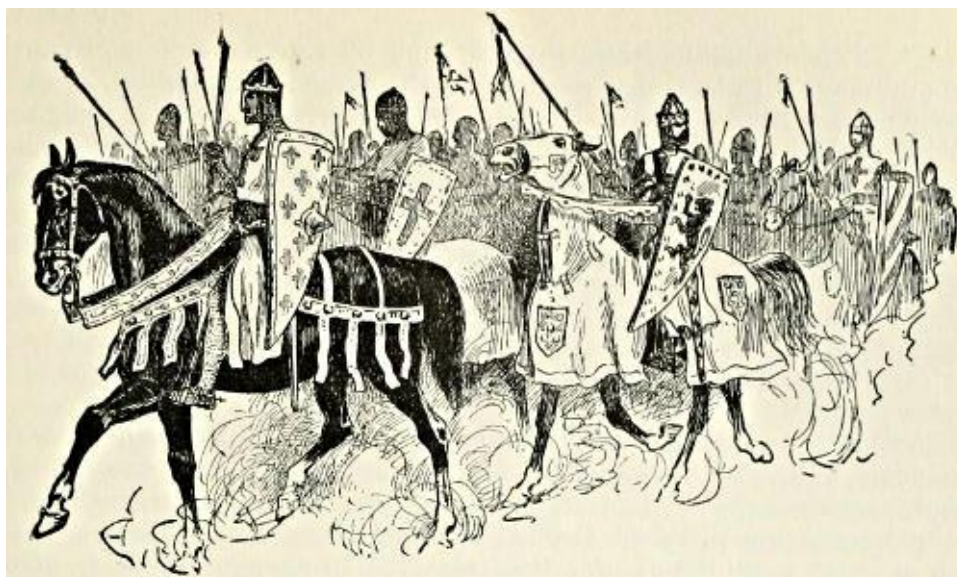
[69] Согласно книге Фуллера «*Holy War*»), «папа Иннокентий III, недавно научившись использовать армию паломников в своих целях, начал теперь налаживать торговлю ими. Он набрал большое количество крестоносцев, которых послал против альбигойцев во Францию. Эти люди считались еретиками, которых его святейшество намеревался искоренить со всей жестокостью, поскольку этот добрый пастырь не знал другого способа вернуть заблудшую овцу домой, кроме как замучить ее до смерти. Он свободно и в полной мере обещал участникам похода те же прощения и индульгенции, что и тем, кто отправлялся завоевывать Святую Землю, и очень сознательно просил их помощи только на сорок дней, надеясь быстро разгромить этих альбигойцев. Поскольку место было ближе, служба короче, работа меньше, а жалованье такое же, как и при путешествии в Сирию, многие записались на эту службу и пренебрегли другой».

[70] Папа и император боролись за верховенство, и хитрый понтифик думал, что сможет избавиться от своего соперника, приказав ему взять крест; и таково было положение дел в то время, что Фридрих не считался бы христианином, если бы он отказался. Вольтер прав, когда говорит: «*Император дал обет из политических соображений; и из политических соображений он отложил путешествие*». *Essai sur les Mœurs des Nations*, гл. 52.

[71] Один парижский священник, вместо того чтобы зачитать буллу с амвона в обычной форме, сказал своим прихожанам: «Вы знаете, братья мои, что мне приказано объявить Фридриха отлученным от церкви. Я не знаю причины. Все, что я знаю, это то, что между этим принцем и папой произошла ссора. Только Бог знает, кто прав. Я отлучаю от церкви того, кто причинил вред другому, и освобождаю от греха того, кто пострадал». Император послал подарок проповеднику, но папа и король осудили эту выходку; *le mauvais plaisant* был вынужден искупить свою вину каноническим покаянием.

[72] Солдатами, нанятыми для этих целей, были сарацины, подданные императора в Сицилии. Как и их господин, они насмехались над папскими буллами.

ГЛАВА VI. ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Поэт Ас-Сахиб Джемал ад-Дин бен Матруб написал следующие стихи о провале крестового похода Святого Людовика, его пленении и выкупе:

«Передайте королю Франции, когда увидите его, эти слова, написанные сторонником истины: Смерть слуг Мессии была наградой, данной вам Богом.

Вы высадились в Египте, думая завладеть им. Вы вообразили, что он населен только трусами! Вы, наполненный ветром барабан.

Вы думали, что настал момент уничтожить мусульман, и эта ложная идея сгладила в ваших глазах все трудности.

Своим прекрасным поведением вы бросили своих солдат на равнинах Египта, и могила раскрылась под их ногами.

Что теперь осталось от семидесяти тысяч, которые сопровождали вас? Мертвые, раненые и пленники!

«Да вдохновит вас Бог на подобные замыслы! Они приведут к гибели всех христиан, и Египет больше не будет бояться их ярости.

Без сомнения, ваши жрецы объявили вам о победах; их предсказания были ложными.

Обратитесь к более просвещенному оракулу.

Если желание мести побудит вас вернуться в Египет, будьте уверены, что дом Локмана все еще стоит, цепь уже подготовлена, а евнух-страж бодрствует».

[1239-1314 гг. н. э.]

Совет Сполето постановил, что по истечении перемирия с Камилом в Азию должны быть отправлены новые войска. Францисканцы и доминиканцы были носителями резолюций князьям и народу христианского мира. Но вскоре стало очевидным, что восстановление Святой Земли не было главной заботой Григория IX, поскольку проповедь крестового похода вновь стала средством наполнения папской казны. С помощью различных средств убеждения и принуждения миссионеры обратили в свою веру бесчисленное количество людей, а затем позволили нежелающим и заставили богатых крестоносцев дать церкви щедрые пожертвования в обмен на клятву « ». Некогда скромные монахи так разбогатели

благодаря этим поборам, что их гордость и великолепие стали отвратительными в глазах народа. Эти позорные сцены разыгрывались в Англии в течение двух лет, но возмущение общества алчностью папы было настолько сильным, что проповеди прекратились. Некоторые представители английской знати, возбужденные любовью к воинской славе, приняли крест, не намереваясь подчиняться денежной компенсации. Граф Честер, а также Ричард, граф Корнуолл, брат короля Генриха II, готовились сразиться с сарацинами.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД РИЧАРДА КОРНУОЛЛСКОГО (СЕДЬМОЙ)

[1236-1240 гг. н. э.]

На желание участвовать в крестовом походе повлияли события в Палестине. Перемирие между султаном Алеппо и тамплиерами истекло со смертью мусульманского принца, и когда его преемник возобновил войну с ними, они потерпели настолько тяжелое поражение, что все командорства Европы послали им помощь, и даже госпитальеры решили отомстить за смерть своих соперников. Триста рыцарей и значительное количество наемников отправились из Лондона.

Дух крестового похода горел во Франции, особенно в центральных и южных провинциях, и многие бароны собрались в Лионе, чтобы согласовать способы реализации своего общего желания. Но легат папы прервал их совещания, объявив о приказе своего господина распустить собрание и вернуть его членов в свои дома. Бароны протестовали против такой непостоянности мнения в безошибочном руководстве. Нунций был с презрением отправлен прочь. Большинство дворян продвинулось вперед к Марселю и подняло паруса в сторону Святой Земли. Возмущенный их пренебрежением к его желаниям, император запретил правителям Апулии и других стран оказывать помощь крестоносцам. Эта мера помешала многим группам рыцарей продолжить путешествие, но не помешала фанатичным и романтическим воинам, королю Наварры, герцогу Бургундскому и графам Бара и Бретани, продолжить свой путь в Акру.

Новость о военных приготовлениях в Европе дошла до султана Египта, и как только договоры перестали препятствовать враждебным действиям, он изгнал латинян из Иерусалима и разрушил башню Давида, которая до того времени считалась священной для всех религиозных групп. После этого захвата Камиль умер; различные князья Сирии и Египта заявили свои права на вакантный трон, но военный дух был слишком активен среди мусульман, чтобы христиане могли разумно надеяться, что они в конечном итоге извлекут выгоду из этих разногласий. Война началась с успешного вторжения графа Бретани на территории Дамаска. Но в окрестностях Газы триста французов, желавших повторить славу кавалеров Бретани, были разгромлены меньшим по численности отрядом турок.

[1240-1244 гг. н. э.]

Папа возобновил свои попытки убедить англичан променять свою набожность на золото, но его министры, францисканцы и доминиканцы, были встречены лишь презрением; и весной 1240 года Ричард, граф Корнуоллский, Уильям Лонгспе или Лонгсворд, Теодор, приор госпитальеров, и многие другие представители знати отплыли из Дувра. Прибытие Ричарда и других баронов в Акру произошло вскоре после подписания противоречивых договоров между тамплиерами и эмиром Карака, а также госпитальерами и султаном Египта. Англичане были удивлены, обнаружив, что король Наварры и граф Бретани бежали с равнин Сирии, когда они получили известие об отправке подкрепления из Европы. Эмир Карака также не смог выполнить условия договора и даже вернуть тамплиерам пленных, взятых в плен в битве при Газе. Ричард двинулся на Иоппу, но поскольку султан Египта (тогда воевавший с султаном Дамаска) послал ему предложение о мире, он благоразумно воспользовался преимуществами переговоров. С согласия герцога Бургундского, магистра госпитальеров и других высокопоставленных лордов он принял отказ от Иерусалима, Беритуса, Назарета, Вифлеема, горы Фавор и большей части Святой Земли. Обмен пленными должен был укрепить союз. Великая цель крестоносцев теперь казалась достигнутой (). Палестина принадлежала христианам. Ричард вернулся в Европу и был принят в каждом городе как освободитель Гроба Господня. Из-за небрежности или неспособности он не смог убедить тамплиеров согласиться на осуществление его надежд Запада; и в гневе и мести

рыцари возобновили те небратские ссоры с другими рыцарями, которые ускорили гибель королевства во времена Саладина (1241).

Госпитальеры открыли свою казну для восстановления стен Иерусалима. Патриарх и духовенство вошли в священный город и вновь освятили церкви. В течение двух лет христианство было единственной религией, исповедуемой в Иерусалиме, и верующие начали ликовать по поводу кажущегося окончательного падения неверности, когда появился новый враг, более страшный, чем даже мусульмане.

ТАТАРСКАЯ КРЫХА

[1244 г. н. э.]

Великие татарские князья, Чингисхан и его преемники, уничтожили обширную империю Хорезма, и изгнанные и побежденные татары бежали на юг. Буря прокатилась по Египту, хорезмийцы потребовали урегулирования; султан был единственным мусульманским князем, который заключил договоры с этими варварами, и он посоветовал им поселиться в Палестине. Он послал одного из своих главных эмиров и большое войско в качестве их проводников и помощников, и во главе двадцати тысяч всадников хорезмский генерал Барбакан вступил в Святую Землю. Христиане в Иерусалиме с ужасом узнали, что татарская буря достигла их территорий. По разрушенному состоянию стен было очевидно, что Иерусалим больше не мог удерживаться. Всадники и многие жители покинули священный город.

Хварезмийцы вошли в него, не пощадив ни жизни, ни имущества, и осквернили как христианские, так и мусульманские святыни. В своей безрассудной жестокости они эксгумировали прах умерших великих людей и сожгли их почитаемые останки. Оскорбительные фанатики жестокости убивали священников у алтарей, восклицая, пока наносили удары ножом святым людям: «Давайте прольем их кровь на том месте, где они проливали вино в память о своем распятом Боге». Хитрые и жестокие, они водрузили знамя с крестом на стенах, и, обманутые этим радостным зрелищем, несколько тысяч беженцев вернулись в город, но только для того, чтобы разделить печальную судьбу своих друзей.

Неоднократные просьбы тамплиеров в конце концов привели к тому, что их сирийские союзники выслали четыре тысячи солдат. Объединенные силы христиан и мусульман были настолько уступали татарам, что политика требовала принятия исключительно оборонительных мер. Но ярость патриарха привела армию к гибели (). Ужасная битва продолжалась два дня. Солдаты Дамаска и Эмесы были вскоре убиты или рассеяны. Потери всех частей армии были огромны, почти беспрецедентны. В живых и на свободе остались только шестнадцать госпитальеров, тридцать три тамплиера и три тевтонских рыцаря. Эти солдаты бежали в Акру, и этот город стал убежищем для христиан. Разрушив укрепления Аскалона и замок Тивериады, хорезмийцы и египтяне разбили лагерь на равнинах Акры, опустошили страну и убили или увлекли в плен всех оставших франков.

Объединенные силы хорезмийцев и мамелюков завоевали Дамаск, и Европа с тревогой узнала, что мусульманская держава вновь укрепляется. Но вскоре союзники разошлись, поскольку султан Египта, столь же вероломный, сколь и жестокий, отказал своим союзникам в постоянном поселении на берегах Нила. Солдаты удачи примкнули к знамени дамасского принца и помогли ему в его усилиях по восстановлению столицы. Но дело мамелюков из Хварезма было воспринято как общая задача всего мусульманского мира, и вся Сирия, а также весь Египет, взялись за оружие, чтобы истребить северных варваров. В

общей битве хорезмийцы были разгромлены и рассеяны. Барбакан был убит, а южная Азия оправилась от паники и страданий.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД СЯТОГО ЛУИ (ВОСЬМОЙ)

ТАТАРИН

Суеверие французского короля и успехи жестоких хорезмийцев дали начало Восьмому крестовому походу. Папа Иннокентий IV созвал всеобщий собор в Лионе; епископ Беритуса описал последствия татарского нашествия и оставил своим церковным братьям право решать, не следует ли предпринять попытку восстановить положение, в котором его оставил Ричард, граф Корнуоллский. В результате было решено проповедовать крестовый поход по всему христианскому миру и на четыре года установить мир и порядок в Европе. Те верующие, кто не мог участвовать в святом деле лично, должны были оказать финансовую помощь; взнос кардиналов был установлен в размере одной десятой, а других священнослужителей — в размере одной двадцатой их годового дохода.

Папа написал Генриху III, королю Англии, призывая его убедить своих подданных в необходимости наказать хорезмийцев. Но дух крестового похода бушевал сильнее во Франции, чем в любой другой стране Запада, и он возродился во всей своей ярости благочестия и рыцарства в Людовике IX. В соответствии с духом времени, он поклялся, когда был поражен тяжелой болезнью, что в случае выздоровления отправится в Святую Землю. В бреду лихорадки он видел сражение между христианами и сарацинами; неверные одержали победу, и храбрый король доблестного народа счел своим долгом отомстить за поражение. Победы хорезмийцев были воплощением части его мечты, и его приготовления предвосхитили постановления Лионского собора. Этот обет был дан около 1244 года, согласно Нанжису и Хронике Сен-Дени, цитируемым в примечаниях Дю Канжа. С момента своего решения отправиться в Святую Землю, Св. Людовик отказался от всякой роскоши в одежде; заменил пурпур на черный цвет, королевскую одежду на монашеский облак. Во

время крестового похода он воздерживался от ношения алого, вайра или горноста. Пример монарха придал силу законам о простоте одежды, и лорд Жуанвиль уверяет нас, что за все время, пока он сопровождал короля в крестовом походе, он ни разу не видел вышитого герба. Однако французские бароны, проживавшие в Дамьетте, были менее строги в вопросах морали, чем в вопросах одежды. Крест также приняли три королевских брата, графы Артуа, Пуатье и Анжу, герцог Бургундский, графиня Фландрии и ее два сына, граф Сен-Поль, а также многие другие рыцари.

Чувство уважения к королю Франции было распространено не только в его стране; народ Англии почитал его имя, и, открыто подражая его примеру, епископ Солсберийский Уильям Лонгеспи, Уолтер де Люси и многие другие английские дворяне и дворяне приняли крест. Уильям Лонгеспи был беден или притворялся бедным и отправился в Рим, чтобы просить помощи у папы. Он вернулся в Англию и вымогал у религиозных деятелей более тысячи марок, в то время как менее щепетильный или более влиятельный граф Корнуолл был ненасытен в своей алчности и получил от одного архидиакона шестьсот фунтов. Политические обстоятельства удерживали Св. Людовика во Франции в течение трех лет, но деньги и войска, которые он послал в Святую Землю, воодушевили надежды латинских христиан. Ряды военных орденов пополнялись наемными войсками и регулярными рыцарями из разных мест Европы.

12 июня 1248 года Людовик в сопровождении трех своих братьев отправился в аббатство Сен-Дени и получил от легата папы орифлам, мешок для пожертвований и посох паломника. В конце августа он отплыл из Франции и в сентябре прибыл на Кипр, назначенное место встречи с его баронами и их вассалами. Король пробыл на Кипре восемь месяцев, занимаясь организацией своих войск, благотворительной деятельностью и, в частности, устранением разногласий между военными орденами. Венецианцы и другие народы помогали французам провизией; однажды армию спасли запасы императора Фридриха, и благодарный король умолял папу отпустить грехи человеку, который проявил доброту к солдатам церкви. Послы татарского князя явились к Людовику, предлагая помощь своего господина в изгнании сарацин и язычников из Святой Земли. Король послал своему союзнику великолепный подарок, чтобы подкупить его и обратить в христианство. Двум чернокожим монахам, знавшим арабский язык, было поручено миссионерское служение, и их красноречие и вычурное изложение некоторых тайн христианства должны были привести к обращению в христианство скифского дикаря и его двора. Весной 1249 года солдаты Людовика были собраны, а его корабли подготовлены к выходу в море; его военные силы насчитывали пятьдесят тысяч человек, а количество транспортных, палендарских и складских кораблей составляло тысячу восемьсот. Они отплыли в Египет; шторм разделил флот, и королевская дивизия, в которой было почти три тысячи рыцарей и их воинов, прибыла к Дамьетте.

[1249 год н. э.]

Берега были усыпаны войсками султана, которые поразили французов звуками труб и медных барабанов. Геральды короля Франции немедленно отправились к султану Нейм ад-Дину (сыну Камиля) в Ашмун и не скупилась на преувеличения, описывая могущество своего господина. Единственным способом избежать бури было принять священников, которые научили бы народ Египта христианской религии: [\[73\]](#), иначе он будет преследовать их повсюду, и Бог решит, кому должна быть отдана эта страна. Султан ответил, что он также знает, как пользоваться оружием, и как и французы, унаследовал доблесть. Дело мусульман было делом справедливости, и *Коран* провозглашал, что те, кто ведет несправедливую войну, должны погибнуть.

Некоторые рыцари хотели отговорить короля от высадки до появления их соратников, но на второй день после их прибытия Людовик приказал высадиться; он сам прыгнул в воду; его щит висел на шее, шлем был на голове, а копье на запястье. Его солдаты последовали за ним на берег, а сарацины, охваченные паникой от их смелости и решимости, лишь слегка притворились, что защищаются, и бежали вглубь страны. Хотя Дамьетта была лучше подготовлена к осаде, чем в те дни, когда она выдержала восемнадцатимесячное нападение, гарнизон все же искал спасения в быстроте своих лошадей. В Каире их встретили с возмущением, которое заслуживала их трусость, и султан (который прибыл туда из Ашмуна) задушил пятьдесят вождей. Жители Дамьеты погрузили свои самые ценные вещи, подожгли часть города, в которой были собраны их товары и добыча, а затем бежали в Каир. Людовик обосновался в городе; было установлено христианское правление, и духовенство, согласно старинному обычаю, очистило мечети. Согласно древнему обычаю, одна треть добычи должна была быть отведена главнокомандующему, а остальная часть обычно делилась между паломниками; но по предложению патриарха Иерусалимского Людовик приказал, чтобы зерно и провизия составляли запас для общего блага армии, а остальную часть движимой добычи он оставил себе.

Ни религиозный характер войны, ни важность сохранения военной дисциплины не оказали никакого влияния на поведение святых воинов. Аморальность была настолько распространена, что король не мог остановить этот грязный и ядовитый поток. Надежда на награду в виде золотой монеты за голову врага вдохновляла мусульман на многие трудные и опасные предприятия, но Людовик в конце концов предотвратил их вторжения в свой лагерь, окружив его глубокими рвами, а его арбалетчики изматывали приближающиеся отряды мусульманской кавалерии. Французы с нетерпением ждали графа Пуатье и арьербан Франции, остатки войска, которое отплыло из Кипра и было отброшено бурей в Акру. В октябре 1249 года граф Пуатье достиг Египта. К французам присоединились также двести английских рыцарей.

БИТВА ПРИ МАНСУРЕ

[1250 г. н. э.]

В конце ноября армия начала свой поход на столицу Египта. До тех пор, пока они не приблизились к окрестностям Мансуры, они преодолевали открытую и коварную вражду сарацин. Вскоре после своего отъезда из Дамьеты король принял предложенную помощь пятисот всадников султана и приказал своей армии уважать их проводников. Напрасно полагая, что этот приказ не подлежит изменению в зависимости от обстоятельств, сарацины напали на тамплиеров, которые составляли авангард армии. Но доблестные рыцари собрались вокруг своего великого магистра и, призывая Бога помочь им в этой опасной ситуации, бросились на своих вероломных врагов и уничтожили их. Фахр ад-Дин, египетский эмир, и его армия расположились лагерем на противоположной стороне канала Ашмун, который французы тщетно пытались пересечь. Они начали строительство дамбы через канал, но сарацины за один день разрушили работу целого месяца и даже пересекли Нил по одному из знакомых им проходов и вступили в бой с врагом.^b

Неспециалисту так трудно составить верное представление о хаосе и разрозненности сражения, что стоит привести реалистичное описание того, как Св. Людовик сражался с сарацинами, особенно из-под пера лорда Жуанвиля, чей меч был занят именно в этих сценах.^a

ОПИСАНИЕ ДЕ ЖУАНВИЛЬЕМ БИТВЫ ПРИ МАНСУРЕ

Недавно пришел бедуин и сказал, что если мы дадим ему пятьсот золотых безантов, он покажет нам безопасный брод, который можно легко перейти верхом на лошади. Днем, назначенным для этой цели, был Масленичный вторник, и когда он наступил, мы все сели на лошадей, вооружились до зубов и последовали за бедуином к броду. По дороге туда некоторые подошли слишком близко к берегу реки, который был мягким и скользким, и они вместе со своими лошадьми упали в воду и утонули. Увидев это, король указал на это остальным, чтобы они были более осторожны и избегали подобной опасности. Среди утонувших был доблестный рыцарь сэр Джон д'Орлеан, который нес знамя армии. Когда мы подошли к броду, мы увидели на противоположном берегу целых триста сарацинских всадников, готовых защищать этот переход. Мы вошли в реку, и наши лошади нашли приемлемый брод с твердым дном, так что, поднимаясь вверх по течению, мы нашли удобный берег и, по милости Божьей, все благополучно переправились. Сарацины, наблюдая, как мы переправляемся, сбежали с максимальной скоростью.

Перед выходом король приказал, чтобы тамплиеры шли впереди, а его брат, граф д'Артуа, командовал второй частью армии; но как только граф д'Артуа переправился через брод со всеми своими людьми и увидел бегущих сарацин, они впились шпорами в своих лошадей и помчались за ними; за что те, кто составлял авангард, очень разгневались на графа д'Артуа, который не мог ничего ответить из-за сэра Фуко дю Мелле, державшего поводья его лошади; а сэр Фуко, будучи глухим, не слышал ничего из того, что тамплиеры говорили графу д'Артуа, и продолжал кричать: «Вперед, вперед!» Когда тамплиеры заметили это, они решили, что будут опозорены, если позволят графу д'Артуа взять на себя инициативу, и все как один прищипорили своих лошадей, преследуя сарацин через город Мансура до равнин перед Вавилоном; но на обратном пути турки обстреляли их множеством стрел и другой артиллерией, когда они снова проезжали по узким улочкам города. Граф д'Артуа и лорд де Куси по имени Рауль были там убиты, а также около трехсот других ^[74] рыцарей. Как сообщил мне их вождь, тамплиеры потеряли целых четырнадцать сотен вооруженных людей и лошадей. Мои рыцари, как и я сам, заметив слева от нас большую группу вооружающихся турок, немедленно атаковали их; и когда мы продвинулись в их середину, я заметил крепкого сарацина, сажающегося на лошадь, которую держал за уздечку один из его оруженосцев, и когда он положил руку на седло, чтобы сесть, я нанес ему такой удар копьем, которое я проткнул так далеко, как смог, что он упал замертво. Оруженосец, увидев своего господина мертвым, бросил хозяина и лошадь, но, наблюдая за моими движениями, по моему возвращению нанес мне копьем такой удар между плечами, что я упал на шею лошади и застрял там так крепко, что не мог вытащить свой меч, который был привязан ко мне. Я был вынужден вытащить другой меч, который был на седле, и это было как раз вовремя; но, увидев, что я держу меч в руке, он вытащил копье, которое я схватил, и убежал от меня.

Так случилось, что я и мои рыцари пересекли армию сарацин и увидели здесь и там различные отряды из них, насчитывающие около шести тысяч человек, которые, покинув свои кварталы, вышли на равнину. Увидев, что мы отделились от основной части войска, они смело напали на нас и убили сэра Хьюга де Тришателя, лорда д'Эскофланса, который нес знамя нашей компании. Они также взяли в плен сэра Рауля де Ванона из нашего отряда « », которого сбили с ног. Когда они уводили его, мои рыцари и я узнали его и сразу же с большим мужеством поспешили ему на помощь, чтобы вырвать его из их рук. Возвращаясь из этого сражения, турки нанесли мне такие сильные удары, что моя лошадь, не выдержав их, упала на колени и сбросила меня на землю через свою голову. Я очень быстро вернул щит на грудь и схватил копье, и в это время лорд Эррар д'Эсмерай, да простит его душу

Господь, подошел ко мне, ибо он тоже был сражен врагом; и мы вместе отступили к старому разрушенному дому, чтобы дожидаться короля, который приближался, и я нашел способ вернуть свою лошадь. Когда мы шли к этому дому, большая группа турок прискакала к нам, но прошла мимо, увидев нашу группу, которая была неподалеку; проходя мимо, они сбили меня с ног, с щитом на шее, и проскакали по мне, думая, что я мертв; и действительно, я был почти мертв. Когда они уехали, мой товарищ сэр Эррарт подошел ко мне, поднял меня, и мы пошли к стенам разрушенного дома. Туда же укрылись сэр Хьюг д'Эскосс, сэр Феррейс де Лоппей, сэр Рено де Менонкур и несколько других; и туда же пришли турки, чтобы атаковать нас со всех сторон, смелее, чем когда-либо. Некоторые из них проникли за стены и долго сражались с нами на расстоянии копья, в течение которого мои рыцари принесли мне мою лошадь, которую они держали, чтобы она не убежала, и в то же время так энергично защищали нас от турок, что были высоко оценены несколькими способными людьми, которые были свидетелями их доблести.

Сэр Хьюг д'Эскосс был тяжело ранен тремя большими ранами на лице и в других местах. Сэр Рауль и сэр Феррейс также были тяжело ранены в плечи, так что кровь хлестала из них, как из бочки с вином, когда ее пробивают. Сэр Эррарт д'Эсмерай был так тяжело ранен в лицо мечом Эррара д'Эсмерай (), что удар отрезал ему нос, который свисал над его ртом. В этом тяжелом положении я вспомнил о святом Иакове и сказал: «Добрый господин святой Иаков, помоги мне, я умоляю тебя, и приди мне на помощь в это трудное время». Я едва закончил свою молитву, как сэр Эррарт сказал мне: «Сэр, если бы я не думал, что вы можете подумать, что я бросаю вас, чтобы спасти себя, я бы пошел к моему господину Анжуйскому, которого я вижу на равнине, и попросил бы его поспешить вам на помощь». «Сэр Эррарт, — ответил я, — вы окажете мне большую честь и сделаете мне большое удовольствие, если пойдете и найдете помощь, чтобы спасти наши жизни, ведь ваша жизнь тоже в большой опасности»; и я сказал правду, потому что он умер от полученной раны. Все согласились с моим мнением, что он должен искать помощи; и тогда я отпустил поводья его лошади, и он помчался к графу Анжуйскому, чтобы просить его поддержать нас в опасности, в которой мы оказались. С ним был великий лорд, который хотел его задержать, но добрый принц не внял его уговорам, а, прищпорив лошадь, помчался к нам, сопровождаемый своими людьми. Сарацины, увидев их приближение, оставили нас; но когда они прибыли и увидели, что сарацины уносят их пленника, сэра Рауля де Ванона, тяжело раненого, они поспешили вернуть его и принесли его в самом жалком состоянии. Вскоре после этого я увидел, как прибыл король со всеми своими спутниками под страшный шум труб, кларнетов и рогов. Он остановился на возвышенности со своими вооруженными людьми, чтобы сказать что-то, и я уверяю вас, что никогда не видел более красивого человека в доспехах. Он был выше всех своих воинов на плечи, и его позолоченный шлем красиво сидел на голове, а в руке он держал немецкий меч. Вскоре после того, как он остановился, многие из его рыцарей смешались с турками; их товарищи немедленно бросились в бой среди них; и вы должны знать, что в этом сражении обе стороны совершили самые доблестные подвиги, которые когда-либо совершались в этой экспедиции в Святую Землю, поскольку никто не использовал луки, арбалеты или другую артиллерию. Но конфликт состоял из ударов, наносимых друг другу боевыми топорами, мечами, рукоятками копий, все смешалось вместе. Из всего, что я видел, мои рыцари и я, несмотря на то, что были ранены, очень хотели присоединиться к сражению с остальными. Вскоре после этого один из моих оруженосцев, который однажды сбежал из-под моего знамени, подошел ко мне и привел мне одну из моих фламандских боевых лошадей; я быстро сел на нее и поехал рядом с королем, которого сопровождал тот благоразумный человек, сэр Джон де Валери. Сэр Джон, видя, что король желает вступить в самую гущу сражения, посоветовал ему направиться к правому берегу реки, чтобы в случае опасности он мог получить поддержку от герцога Бургундского и его

армии, которая осталась охранять лагерь, а также чтобы его люди могли освежиться и утолить жажду, поскольку в тот момент стояла чрезвычайно жаркая погода.

КРЕСТОНОСЕЦ XIII ВЕКА

В это время подошел сэр Гумберт де Божо, констебль Франции, и сообщил королю, что его брат, граф д'Артуа, оказался в тяжелом положении в одном из домов в Мансуре, где, однако, он доблестно защищался, но ему требовалась срочная помощь; он умолял короля прийти ему на помощь. Король ответил: «Констебль, мчитесь вперед, я последую за вами». Все мы помчались галопом прямо в Мансуру и оказались в центре турецкой армии, где нас мгновенно разделили друг от друга превосходящие силы сарацин и турок. Вскоре после этого сержант коннетабля, с которым я был, подошел к нему и сказал, что король окружен турками и находится в смертельной опасности. Вы можете себе представить наше удивление и страх, ведь между нами и королем было полтысячи или двенадцать сотен турок, а нас было всего шестеро. Я сказал констеблю, что, поскольку нам невозможно пробиться через такую толпу турок, гораздо лучше будет развернуться и обойти их с другой стороны. Мы сразу же так и поступили. На дороге, по которой мы шли, между нами и сарацинами был глубокий ров, и если бы они нас заметили, то наверняка убили бы всех, но они были полностью заняты королем и более крупными отрядами; возможно, они также приняли нас за своих союзников. Когда мы таким образом добрались до реки, следуя по ее течению вниз между ней и дорогой, мы заметили, что король поднялся вверх по течению, а турки из посылали за ним свежие войска. Обе армии теперь встретились на берегах, и исход был крайне неудачным; слабая часть нашей армии хотела переправиться к отряду герцога Бургундского, но это было невозможно из-за изнеможения лошадей и сильной жары. Спускаясь по реке, мы видели, как она была покрыта копьями, пиками, щитами, людьми и лошадьми, неспособными спастись от смерти. Когда мы осознали бедственное положение нашей армии, я посоветовал констеблю остаться на этой стороне реки, чтобы охранять

небольшой мост, который находился неподалеку; «потому что, если мы его оставим, — добавил я, — враг может прийти и атаковать короля с этой стороны; и если наши люди будут атакованы в двух местах, они будут разгромлены».

Тогда мы остановились; и вы можете поверить мне, когда я говорю, что в тот день добрый король совершил самые доблестные поступки, которые я когда-либо видел в любой битве. Говорили, что если бы не его личные усилия, вся армия была бы уничтожена; но я верю, что его природная отвага в тот день удвоилась силой Божьей, ибо он бросался туда, где видел своих людей в беде, и наносил такие удары боевым топором и мечом, что это было чудесно смотреть. Лорд де Куртенэ и сэр Джон де Саленаи однажды рассказали мне, что в этой схватке шесть турок схватили поводья королевской лошади и уводили ее; но этот добродетельный принц с такой храбростью сражался с шестью турками, что сам освободился от них; и многие, видя, как доблестно он защищался и какое великое мужество проявлял, сами обрели большую храбрость и, бросив охраняемый ими проход, поспешили на помощь королю. Через некоторое время к нам, охранявшим небольшой мост из Мансуры, пришел граф Петр Бретонский, прошедший яростную схватку. Он был так тяжело ранен в лицо, что кровь текла из его рта, как из наполненного водой, и он ее изрыгал. Граф сидел на короткой, толстой, но сильной лошади, а его поводья и лук седла были перерезаны и разрушены, так что он был вынужден держаться обеими руками за шею лошади, боясь, что турки, которые были близко за ним, не сбросят его. Однако он, казалось, не очень их боялся, потому что часто оборачивался и обзывал их, насмехаясь.

Перед нами были два королевских герольда: один звали Гийом де Брон, а другого — Джон де Гаймаш; против них турецкие « » подняли толпу крестьян из окрестностей, которые забросали их комками земли и большими камнями. Наконец, они привели злобного турка, который трижды бросил в них греческие огни; один из них подожг табар Гийома де Брона, но тот быстро сбросил его, и это было кстати, потому что, если бы он подожг его одежду, он бы сгорел. Мы тоже были засыпаны градом камней и стрел, которые турки выпустили по двум герольдам. К счастью, я нашел рядом с собой гаубизон из грубой ткани, принадлежавший сарацину, и, повернув разрез внутрь, сделал из него своего рода щит, который очень пригодился мне, ибо я был ранен их выстрелами только в пяти местах, а моя лошадь была ранена в пятнадцати. Вскоре после этого, по воле Божьей, один из моих вассалов из Жуанвиля принес мне знамя с моим гербом и длинный боевой нож, в котором я нуждался; и тогда, когда эти турецкие негодяи, которые были пешком, наступили на герольдов, мы атаковали их и сразу же обратили в бегство. Итак, когда добрый граф де Суассон и я вернулись на свои посты на мосту, прогнав этих крестьян, он подбодрил меня, сказав: «Сенешаль, давайте позволим этой толпе орать и реветь, а мы с вами, клянусь *Кресс-Дье*», — его обычная клятва, — «обсудим сегодняшние приключения в покоях наших дам».

К вечеру, около заката, констебль сэр Гумберт де Божо принес нам королевские арбалеты, которые были на ногах; они выстроились в один фронт, а мы, всадники, спешили под прикрытием арбалетов. Сарацины, увидев это, сразу же обратились в бегство и оставили нас в покое. Констебль сказал мне, что мы хорошо себя проявили (), охраняя мост, и велел мне смело идти к королю и не покидать его, пока он не сойдет с лошади в своем шатре. Я пошел к королю, и в тот же момент к нам присоединился сэр Джон де Валери и попросил его от имени лорда де Шатийона, чтобы упомянутый лорд мог командовать арьергардом, на что король с готовностью согласился. Затем король направился обратно в свой шатер и снял шлем с головы, после чего я дал ему свою железную каску, которая была гораздо легче, чтобы ему было проще дышать. Когда мы ехали вместе, отец Генри, приор госпиталя Ронне, который переправился через реку, подошел к нему, целуя ему руку, полностью вооруженный, и спросил, не слышал ли он каких-нибудь новостей о своем брате, графе д'Артуа. «Да», ответил король, «я все слышал»; то есть он хорошо знал, что теперь находится

в раю. Приор, думая утешить его по поводу смерти брата, продолжил: «Сир, ни один король Франции не удостоился такой чести, как вы, ибо с великой отвагой вы и ваша армия пересекли опасную реку, чтобы сразиться с врагами, и были настолько успешны, что заставили их бежать и одержали победу, захватив их военные машины, которыми они так сильно досаждали вам, и завершили дело, заняв сегодня их лагерь и казармы». Добрый король ответил, что Бог должен быть почитаем за все добро, которое он ему даровал; и тогда по его щекам потекли тяжелые слезы, которые заметили многие великие люди, и они были охвачены скорбью и состраданием, видя, как он плачет, прославляя имя Бога, который помог ему одержать победу.^f

РЕЗУЛЬТАТЫ МАНСУРЫ

Граф Артуа собрал свои войска в городе. Египетский вождь осадил Мансуру и, проявив способности, равные его духу, разместил отряд войск в таком месте, чтобы перехватить связь между графом Артуа и королем. Солдаты в Мансуре вступили в бой с французами. Жители города разделили опасности того дня и обрушились на врага с смертоносным эффектом, бросая в него раскаленные угли, кипяток и камни. Граф не дожидаясь до того момента, когда он мог бы увидеть все ужасные последствия своей опрометчивости. Уильям Лонгеспи и многочисленная группа доблестных воинов также погибли. Великий магистр ордена Святого Иоанна попал в руки врага, а магистр тамплиеров счастливо спасся, потеряв только один глаз. На стороне врага был убит Фахр ад-Дин, но его место быстро занял вождь, не уступавший ему в храбрости и умении. Король и его армия переправились через брод и предотвратили полное разгрома христиан. Храбрый магистр тамплиеров был убит в этом новом сражении. Египетские и христианские летописцы приписали честь и награды за победу своим сторонам, но на самом деле исход сражения, по-видимому, был неопределенным.

Однако сарацины перерезали все пути связи между Сен-Луи и Дамьеттой. В христианском лагере появились голод и болезни, и французы описывали последние из этих бедствий как вызванные зараженным воздухом, исходящим от трупов их друзей и врагов, а также от употребления в пищу угрей, питавшихся трупами в реке.^b «Из-за этой ядовитой пищи, — говорит Де Жуанвиль, — и из-за плохого воздуха в стране, где почти никогда не бывает дождей, вся армия была заражена ужасным заболеванием, которое высушивало плоть на ногах до костей, а наша кожа стала черной, как земля, или как старые сапоги, которые долго лежали за сундуком. В дополнение к этой ужасной болезни, у тех, кто ею страдал, появилась еще одна болезнь во рту от употребления в пищу угрей, которые разъедали десны. Очень немногие из тех, кто заболел, избежали смерти, и самым верным признаком летального исхода было кровотечение из носа. Парикмахеры были вынуждены вырезать большие куски плоти из десен, чтобы пациент мог есть. Было жалко слышать крики и стоны тех, кому на острове Сент-Луис () проводили эту операцию; они напоминали крики рожениц, и я не могу выразить ту большую тревогу, которую испытывали все, кто их слышал».^f

СВ. ЛУИ — ПЛЕННИК

Между враждующими державами были начаты переговоры о мире, и основой договора стал обмен владениями в Иерусалиме и Дамьетте. Король предложил одного из своих братьев в качестве заложника за передачу Дамьетты египтянам, но султан возразил, и все надежды на мир были потеряны, потому что христиане не согласились передать своего

короля в качестве заложника. Бедственное положение французской армии не позволяло надеяться на победу и требовало отступления в Дамьетту.

Был отдан приказ об отступлении, но те, кто пытался отступить по реке, были захвачены врагом, а судьба тех, кто отступал по суше, была столь же плачевна. Пока они были заняты строительством моста через канал, мусульмане ворвались в лагерь и убили больных. Храбрый Людовик, несмотря на общее бедствие болезни, смело выдержал вместе с сэром Годфри де Сержином удар врага и бросился в самую гущу, решив погибнуть, защищая свои войска. Храбрый Сержин, который никогда не покидал его, наконец сумел вытащить его из рук врага и отвести в деревню, где он потерял сознание и оказался беспомощным.^[75]

В таком состоянии мусульмане взяли его в плен. Карл, граф Анжуйский, Альфонс Пуатье и, по сути, вся знать попали в руки врага. Султан одел короля и дворян в почетные одежды и обращался с ними с добротой и великодушием. Но многие из несчастных, которые были больны и поэтому бесполезны, были убиты своими новыми хозяевами вопреки приказу Саладина и общепринятому обычаю восточных народов не казнить тех, кому они дали хлеб и соль. Другие пленники спасли свою жизнь, отрекшись от своей религии; сарацинский полководец потакал фанатизму своего народа, разрешив принимать новообращенных, хотя он хорошо помнил мудрое замечание Саладина, что христианин никогда не становился хорошим мусульманином, а хороший сарацин — христианином.^[76] Бедствия французов во время этой попытки отступления были настолько велики, что двадцать тысяч человек были взяты в плен, а семь тысяч были убиты или утонули.^[77] Последние сражения и бедствия, которые пережил Св. Людовик, по всей вероятности, произвели яркое впечатление на сарацин. Мы можем процитировать рассказ Макриса, мусульманского историка.^a

МУСУЛЬМАНСКИЙ ОПИСАНИЕ ПЛЕНЕНИЯ СВ. ЛУИ

В день Байрама (6 января 1250 г.) был взят в плен великий лорд и родственник короля Франции. Не прошло и дня без стычек с обеих сторон, и успех то и дело переходил от одной стороны к другой. Мусульмане были особенно заинтересованы в пленении врагов, чтобы получить информацию о состоянии вражеской армии, и использовали для этой цели всевозможные уловки. Один солдат из Каира догадался спрятать голову в арбузе, выдолбив его изнутри, и таким образом поплыть к французскому лагерю; христианский солдат, не подозревая об уловке, прыгнул в Нил, чтобы схватить арбуз, но египтянин был хорошим пловцом, схватил его и оттащил к своему генералу. В среду, 7-го дня луны Шавваль (13 января 1250 г.), мусульмане захватили большую лодку, в которой находилось сто солдат под командованием высокопоставленного офицера. В четверг, 15-го числа того же месяца, французы вышли из своего лагеря в Ашмуне (), и их кавалерия начала движение. Войскам было приказано выстроиться в шеренгу, когда произошла небольшая стычка, и французы оставили на поле сорок всадников с лошадьми.

Некоторые предатели показали французам брод через канал Ашмун, и 1400 всадников переправились через него и неожиданно напали на лагерь мусульман во вторник, 15-го числа луны Дхул-Каде (15 февраля), во главе с братом короля Франции. Эмир Фахр ад-Дин в это время находился в бане; он мгновенно выбежал из нее и сел на лошадь без седла и уздечки, в сопровождении лишь нескольких рабов. Враг атаковал его со всех сторон, и его рабы, как трусы, бросили его, когда он оказался в окружении французов; он тщетно пытался защищаться и пал, пронзенный ранами. После смерти Фахр ад-Дина французы отступили в Джедиле, но вся их кавалерия продвинулась к Мансуре и, взломав одну из ворот, вошла в город; мусульмане бежали вправо и влево. Король Франции уже проник в дворец султана, и

победа, казалось, была уже близка, когда рабы-бахариты под предводительством Бибара продвинулись вперед и вырвали ее из его рук; их атака была настолько яростной, что французы были вынуждены отступить. Французская пехота за это время продвинулась, чтобы перейти мост; если бы ей удалось соединиться с кавалерией, поражение египетской армии и потеря города Мансура были бы неизбежны.

Ночь разделила противников, и французы в беспорядке отступили в Джедиде, оставив на поле боя полторы тысячи своих солдат. Они окружили свой лагерь рвом и стеной, но их армия была разделена на два корпуса: меньший по численности корпус расположился на берегу притока Ашмун, а больший — на берегу большого притока Нила, текущего к Дамьетте. В тот момент, когда французы напали на лагерь Фахр ад-Дина, был отпущен голубь, который должен был долететь до Каира с запиской под крылом, чтобы сообщить жителям о несчастье. Это печальное событие вызвало всеобщее смятение в городе, которое усугублялось бегством жителей, и ворота Каира оставались открытыми всю ночь, чтобы принять их. Второй голубь, принесший весть о победе над французами, восстановил спокойствие в столице. Радость сменила печаль, и все поздравляли друг друга с этим счастливым поворотом событий, а на улицах царило всеобщее ликование.

САРАЦИН

Лодки, отправленные из Дамьетты, доставляли во французский лагерь всевозможные припасы и обеспечивали его всем необходимым. Туран-шах велел построить много лодок, которые, разобрав на части, он поместил на спины верблюдов и отвез к каналу Мехале, где их снова собрали, спустили на воду и заполнили солдатами для засады. Как только французский флот лодок появился в устье канала Мехале, мусульмане вышли из своего укрытия и напали на них. Пока два флота сражались, другие лодки, заполненные солдатами, покинули Мансуру и напали на тыл французов. Они тщетно пытались спастись бегством; тысяча христиан были убиты или взяты в плен. В результате этого поражения было захвачено пятьдесят две их лодки, груженные провизией, и их связь с Дамьеттой по Нилу

была прервана, так что вскоре вся армия пострадала от страшного голода. Мусульмане окружили их со всех сторон, и они не могли ни продвигаться вперед, ни отступить.

В первый день месяца Дхуль-хиджа (7 марта) французы застали врасплох семь лодок, но солдатам на борту посчастливилось спастись. Несмотря на превосходство египтян на Ниле, они попытались привести еще один конвой из Дамьетты, но потеряли его; тридцать две их лодки были захвачены и отправлены в Мансуру девятого числа того же месяца. Эта новая потеря стала последней каплей, и они предложили перемирие и отправили послов для переговоров с султаном. Эмиру Зайн ад-Дину и кади Бедру ад-Дину было приказано встретиться с ними и провести переговоры, в ходе которых французы предложили сдать Дамьетту при условии, что в обмен на нее будут переданы Иерусалим и некоторые другие места в Сирии. Это предложение было отклонено, и переговоры были прерваны.

В пятницу, 27-го числа лунного месяца Дхуль-хиджа (2 апреля), французы подожгли все свои военные машины и строительный лес и сделали почти все свои лодки непригодными для использования. В ночь со вторника на среду, третьего дня луны Мухаррем (7 апреля) 648 года по хиджре, вся французская армия сняла лагерь и двинулась на Дамьетту. Некоторые лодки, которые они оставили, в это же время спустились по Нилу. Мусульмане, заметив на рассвете среды отступление французов, преследовали и атаковали их.

Самая ожесточенная часть сражения произошла у Фарискура. Французы были разгромлены и обращены в бегство; десять тысяч их солдат пали на поле боя, а по некоторым данным, тридцать тысяч. Более ста тысяч всадников, пехотинцев, торговцев и других людей были обращены в рабство. Добыча была огромна: лошади, мулы, палатки и другие богатства. Со стороны мусульман было убито всего сто человек. Рабы-бахариты под командованием Бибара аль-Бундукдари проявили в этой битве особую доблесть. Король Франции вместе с несколькими своими лордами укрылся на небольшом холме и сдался, получив обещание, что его жизнь будет пощажена, еврею Джемаль ад-Дину Махсуну ас-Салиху; его связали цепями и в таком состоянии отвели в Мансуру, где он был заключен в доме Ибрагима бен Локмана, секретаря султана, под охраной евнуха Салиха. Брат короля был взят в плен в то же время и отправлен в тот же дом. Султан обеспечил их пропитание.

Число рабов было настолько велико, что это было неудобно, и султан приказал Саифу ад-Дину Юсуфу бен Тарди казнить их. Каждую ночь этот жестокий министр, мстивший за своего господина, приказывал приводить из мест заключения от трехсот до четырехсот пленников, и после того, как он приказывал обезглавить их, их тела бросали в Нил; таким образом погибло сто тысяч французов.

Султан покинул Мансуру и отправился в Фарискур, где он разбил великолепный шатер. Он также построил деревянную башню над Нилом и, освободившись от неприятной войны, предавался там всевозможным развращениям. Победа, которую он только что одержал, была настолько блестящей, что он стремился познакомить с ней всех, кто ему подчинялся. Он собственноручно написал письмо следующего содержания эмиру Джемаль ад-Дину бен Джагмуру, правителю Дамаска: «Слава Всемогущему, который превратил нашу скорбь в радость; только Ему мы обязаны этой победой. Милости, которыми Он снизошел на нас, бесчисленны, но последняя из них — самая драгоценная. Сообщите жителям Дамаска, или, вернее, всем мусульманам, что Бог даровал нам полную победу над христианами в тот момент, когда они замыслили наше уничтожение. В понедельник, в первый день этого года, мы открыли нашу казну и раздали богатства и оружие нашим верным воинам. Мы призвали на помощь арабские племена, и бесчисленное множество солдат выстроилось под нашими знаменами. В ночь со вторника на среду наши враги покинули свой лагерь со всем своим багажом и двинулись в сторону Дамьетты; несмотря на темноту ночи, мы преследовали их, и тридцать тысяч из них остались мертвыми на поле боя, не считая тех, кто бросился в Нил.

Кроме того, мы убили наших многочисленных пленников и бросили их тела в ту же реку. Их король отступил в Миние; он умолял нас о пощаде, и мы пощадили его жизнь и оказали ему все почести, положенные его рангу. Мы отвоевали Дамьетту».

Вместе с этим письмом султан прислал королевскую шапку, которая упала в бою; она была алой, с подкладкой из тонкого меха. Губернатор Дамаска надел королевскую шапку на свою голову, когда зачитывал публике письмо султана. Поэт сочинил по этому поводу следующие стихи: «Шапка француза была белее бумаги; наши сабли окрасили ее кровью врага и изменили ее цвет».⁴

В качестве выкупа за благородных пленников султан предложил принять некоторые баронские замки в Палестине или те, которые принадлежали тамплиерам и госпитальерам. Но король и его соратники ответили, что их сюзерен, император Германии, никогда не согласится, чтобы язычник или татарин владел каким-либо его феодалом, и что никакая уступка имущества рыцарей не может быть произведена, поскольку правители их замков поклялись при своей инвеституре, что никогда не сдадут свою власть за освобождение какого-либо человека. Королю даже угрожали пытками, но, поскольку мусульмане не видели в нем никаких признаков страха, на которые они могли бы повлиять, они предложили выкупить его за деньги. Людовик предложил заплатить десять тысяч золотых безантов, что равнялось пятистам тысячам ливров, за освобождение своей армии, и, поскольку королевское достоинство не могло быть оценено по обычным меркам, он готов был отдать город Дамьетту в обмен на свою свободу. Султан был щедр в своей радости от такого завершения своих побед и списал пятую часть денежного выкупа.¹⁷⁷ Мир между мусульманами и христианами должен был продолжаться в течение десяти лет, а франки должны были восстановить те привилегии в королевстве Иерусалимском, которыми они пользовались до высадки Людовика в Дамьетте. Покой, наступивший после заключения договора, был нарушен убийством султана, но после нескольких враждебных действий победоносные эмиры и их мамелюки с некоторыми изменениями возобновили условия дружбы. Одна половина выкупа должна была быть выплачена до того, как король покинет реку, а другая — по его прибытии в Акру. Больные в Дамьетте, а также запасы и багаж должны были оставаться у султана до тех пор, пока не будет выплачена последняя часть выкупа.

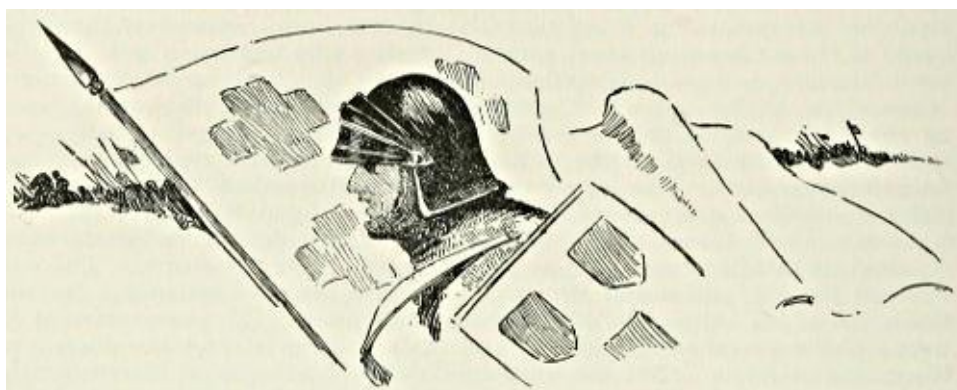
Дамьетта была соответственно сдана. Но мамелюки оказались более жестокими и беспринципными, чем любые предыдущие враги латинского происхождения. Они сожгли все военные машины, убили больных, а некоторые из самых жестоких жаждали крови христианских правителей. Преобладали советы справедливости, и христиане избавились от опасений, что договор не будет выполнен. Графы Фландрии и Бретани, граф Суассона и другие отплыли во Францию. Королевская казна в Дамьетте не могла предоставить оговоренную часть выкупа. Новый великий магистр тамплиеров Жозеф де Ла-Мот () противопоставил уставы своего ордена просьбе короля о предоставлении ссуды из средств общества и утверждал, что не может отклоняться от их обычных и установленных целей. Но государственная необходимость превзошла простые установленные формы, и сундук тамплиеров был захвачен королевскими чиновниками. Король был выкуплен, и французы отправились в Акру.

Экспедиция Святого Людовика в Египет во многом напоминает войну в Египте тридцатью годами ранее. В обоих случаях христианские войска расположились лагерем у входа в канал Ашмун; они не могли продвигаться дальше, и сдача Дамьетты стала ценой их безопасности.

Многие члены совета Людовика были удивлены его решением остаться в Палестине, хотя политические дела требовали его присутствия во Франции. Они были разделены в своем патриотизме и верности. Султан Дамаска, родственник убитого египетского правителя, обратился к Людовику с просьбой о помощи в мести за убийство и подстегнул его добродетель обещанием, что в случае победы он передаст христианам город Иерусалим. Король ответил, что он пошлет посланников к мамелюкам в Дамьетту, чтобы узнать, готовы ли они исправить свои нарушения договора, и что в случае их отказа он поможет султану Дамаска. Узнав об этих переговорах, жители Дамьетты вернули королю всех рыцарей и простых солдат, которых они удерживали в тюрьме. Луи мудро воспользовался обстоятельствами и объявил, что не заключит перемирия с египтянами, пока они не освободят его от уплаты оставшейся половины выкупа и не вернут ему головы тех христиан, которые были вывешены на стенах Каира и погибли в сражении под Мансурой, а также христианских детей, которых они заставили принять ислам. Эмиры и мамелюки согласились с этими условиями и, в обмен на союз с французским королем, обязались передать ему сам Иерусалим. Военная сила Людовика не превышала четырех тысяч человек. Два брата короля вернулись в Европу, и, чтобы сохранить приличную армию, Людовик был вынужден щедро расходовать свои сокровища. Людовик пробыл год в Кесарии, отстроил ее дома и отремонтировал укрепления. Следующим объектом его внимания стала Иоппа. Война между египтянами и сирийцами бушевала с ужасающей жестокостью. Посредством халифа мусульмане заключили мир: Египет и Иерусалим должны были принадлежать мамелюкам, а земли за Иорданом — султану Сирии. Но объединенные неверные не преследовали своих планов разрушения с той энергией и умением, которые отличали яростные и ужасные действия Нур ад-Дина и Саладина. Они могли бы смести слабых и изможденных христиан с берегов Палестины, но они лишь опустошили окрестности Акры, а затем двинулись на Саджект, в крепкой крепости которого находились Людовик и большая часть армии. Кровь и имущество горожан удовлетворили мусульман, которые ушли, не испытав доблести французского гарнизона.

Постоянные разочарования постепенно иссушили источник надежды, и король обратил свой взор на Францию. Его друзья заметили его изменение в намерениях, а известие из Европы о смерти его королевской матери, регентши его королевства, заставило его открыто объявить о своем решении вернуться. Патриарх и бароны Палестины выразили ему свою скромную благодарность и похвалу за великое добро и честь, которые он оказал Святой Земле; и вскоре после Пасхи он отплыл на Запад. Людовик IX не завоевал новых лавров в своей заморской экспедиции. Все, что было великим и рыцарским во Франции, было выставлено в боевом порядке и встретило лишь поражение и неудачу. Во время пребывания Людовика в Иоппе султан Дамаска прислал ему разрешение посетить Иерусалим. Король горячо желал увидеть святыне места и не спешил подчинять свои эгоистические чувства соображениям политики. Причина, которая отговорила его от путешествия, заключалась в том, что если он совершит паломничество в Иерусалим, не избавив его от врагов Бога, то каждый последующий монарх-крестоносец сочтет подобное действие достаточным и не будет считать себя обязанным делать больше, чем сделал король Франции. Святому Людовику также напомнили, что Ричард Львиное Сердце отказался увидеть Иерусалим как паломник.

Вся пролитая кровь и все сокровища, которые Франция потратила на крестовый поход Святого Людовика, не смогли надолго уберечь христиан в Палестине от враждебности мусульман, и, поскольку из Европы не поступало новой помощи, бароны и рыцари были вынуждены в некоторых случаях оставаться в укрытии своих крепостей, а в других — заключать невыгодные договоры со своими врагами. Хотя было очевидно, что только единство святых воинов могло спасти остатки королевства Годфрида Бульонского от уничтожения, христиане растрачивали свои силы на междоусобные столкновения, вместо того чтобы следить за политикой сарацинских дворов и собирать те ветви власти, которые их враги в своих амбициозных распрях постоянно отрывали от дерева ислама. Высокомерные республиканцы Италии никогда не вступали в общий союз, а венецианцы, пизанцы и генуэзцы часто вступали в враждебные столкновения из-за владения церквями, на которые каждая нация заявляла свои права. Два великих военных ордена забывали о своей взаимной ревности только тогда, когда на поле боя противостояли мусульманам, но в каждый перерыв между войнами рыцари, неспособные к каким-либо усилиям или мыслям, кроме тех, которые вдохновляла война, удовлетворяли свою гордыню и беспокойство в спорах, касающихся военного мастерства и старшинства. Поскольку разум не был источником этих споров, он не контролировал их решение.

Немецкий крестоносец, XIII век

Ревность и злоба госпитальеров и рыцарей Красного Креста часто усугублялись нерегулярными стычками, и в конце концов родственные отряды встретились в общем сражении. Победа улыбнулась кавалеристам Святого Иоанна; было взято в плен лишь несколько человек, и почти ни один тамплиер не уцелел. Но новые товарищи из Европы постепенно заполнили места погибших братьев. Новые обстоятельства требовали от них всей их доблести и мастерства, и гражданские раздоры ушли на второй план на фоне более почетной войны с настоящими врагами государства.

Кровавая революция в Египте возвела на трон этой страны мамелюкского вождя Бибара, или Бундукдари; он был хорошо настроен, чтобы возглавить своих диких мамелюков против христиан, и его жестокость не нуждалась в том возбуждении, которое давали ему военные ордена, отказываясь, вопреки договору, выдать ему некоторых мусульманских пленников. Его солдаты, столь же жестокие, как и хорезмийцы, разрушили церкви Назарета, а также крепость и церковь Акко () на горе Фавор. Они пробились к воротам Акко с огнем и мечом, и те христиане, которые были немедленно убиты, вызывали не столько сострадание, сколько пленники, которым турки причиняли всевозможные пытки, чтобы заставить их сменить религию. Хотя сама Акра была спасена на несколько лет, Кесария не избежала широкомасштабных бедствий. Во время этих ужасных событий военные ордена сражались с

обычным героизмом, и при осаде крепких крепостей Азота и Саффурии они проявили беспрецедентную преданность своему делу. Небольшой отряд из девяноста госпитальеров удерживал первую из этих крепостей. Их число постепенно уменьшалось с каждым новым штурмом, и когда турки ворвались в брешь, они растоптали тела последних рыцарей.

Разграбив окрестности Акры, Тира и Триполиса, египтяне осадили крепость Саффурия. Падение этого места было неизбежно, и поэтому приор тамплиеров согласился капитулировать, и после сдачи рыцари и гарнизон, насчитывавшие в общей сложности шестьсот человек, должны были быть доставлены в ближайший христианский город. Султан был наделен властью над крепостью, но он нарушил условия капитуляции и оставил рыцарям всего несколько часов, чтобы определиться с выбором между смертью и обращением в ислам. Приор и два францисканских монаха искренне стремились укрепить веру религиозных рыцарей, и в назначенное время для объявления своего выбора они единодушно заявили о своем решении скорее умереть, чем подвергнуться позору вероотступничества. Был вынесен и приведен в исполнение приговор о казни тамплиеров, и трое проповедников мученичества были заживо сняты с кожи.

ИСТОРИЯ АНТИОХИИ (1206-1268 гг. н. э.)

[1206-1268 гг. н. э.]

Прежде чем мы продолжим наш обзор бедствий Палестины, необходимо оглянуться назад на княжество, судьба которого была тесно связана с судьбой Латинского королевства Иерусалимского. Боэмунд IV продолжал оставаться признанным правителем Антиохии с 1206 года до своей смерти в 1233 году. Однако в течение многих лет он не осуществлял никакой королевской власти, поскольку был тираном, ненавидимым народом и отлученным от церкви духовенством. Его племянник Рупин, законный наследник, получил помощь от папского легата, присутствовавшего при великой осаде Дамьеты в 1218 году, и предпринял несколько попыток вернуть свои троны в Антиохии и Триполи; но он умер за несколько лет до Боэмунда в тюрьме в Тарсусе, куда его бросил Константин, номинальный регент Антиохии и опекун Изабеллы, дочери и преемницы Ливона, короля Армении. От Боэмунда IV и его первой жены Плезанс, дочери лорда Габалы, произошел Боэмунд V. Ему наследовал Боэмунд VI. Не похоже, что семья Боэмундов полностью владела княжеством и графством с 1233 года до их поглощения египетской властью. Несомненно, что Боэмунд V правил Антиохией и Триполисом в 1244 году, когда он стал вассалом хорезмийцев, и что в 1253 году Боэмунд VI был посвящен в рыцари Святым Людовиком и считался законным принцем Антиохии, хотя он был несовершеннолетним и находился под опекой своей матери. Но столь же достоверно, что в период с 1233 по 1288 год Фридрих и Конрад, сын и внук императора Фридриха II, владели всеми или частью государств Антиохии и Триполиса.

РАЗРУШЕНИЯ БИБАРСА

[1268-1269 гг. н. э.]

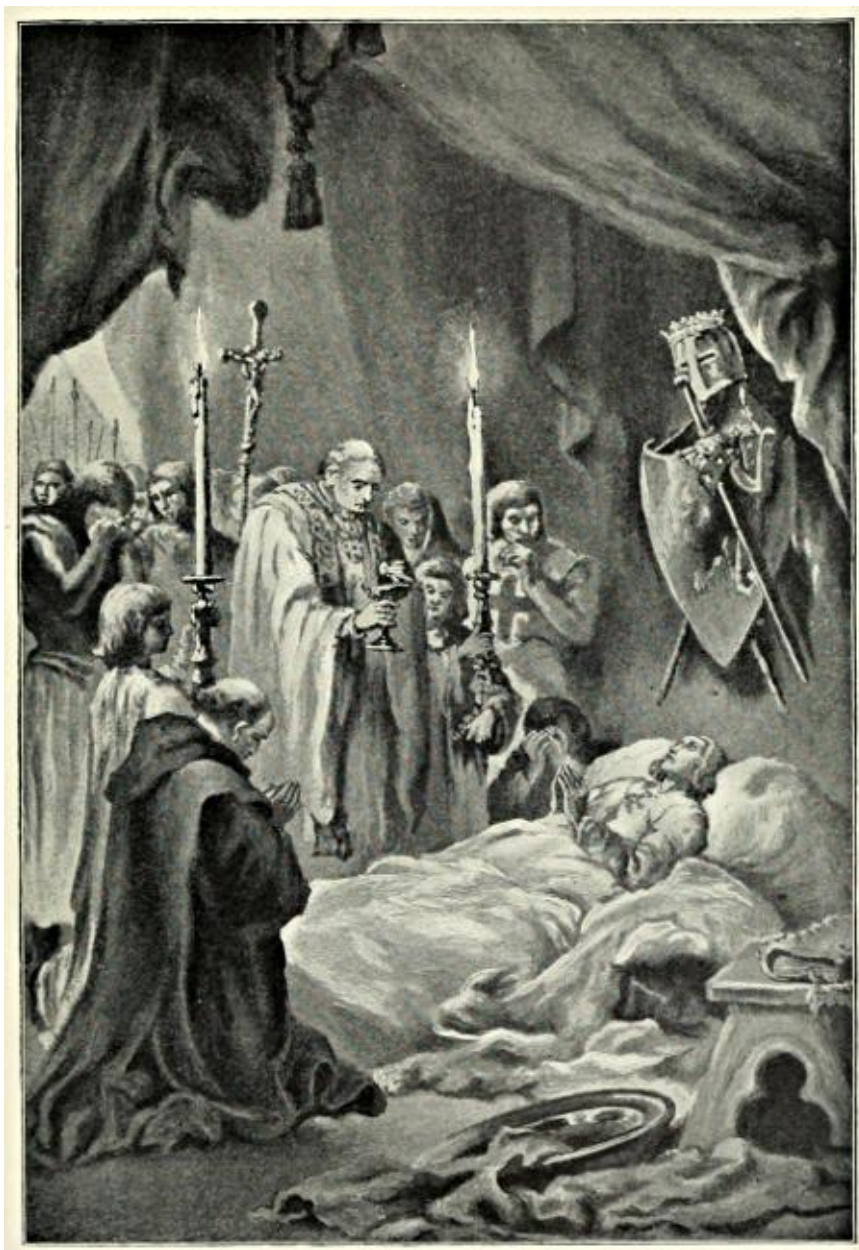
Теперь мы можем вернуться к общей истории. Йоппа и замок Бофор были завоеваниями мамелюков, которые последовали за завоеваниями Азота и Саффурии.

Наконец буря обрушилась на государство Антиохия, и город этого княжества сдался, даже не проходя формальностей осады (1268 г.). Обвинения в предательстве поочередно выдвигаются против патриарха и жителей города; и тяжелое это позорное пятно — стать причиной события, которое привело к гибели сорока тысяч и пленению ста тысяч христиан. Бибарс опустошил окрестности Тира, но, будучи столь же религиозным, сколь и жестоким, он дал франкам передышку, отправившись в паломничество по святым местам Аравии. Однако вскоре он возобновил свое злобное намерение истребить христиан; Лаодикия и многие другие места подчинились ему, а рыцари Святого Иоанна завоевали бессмертную славу своей отважной, хотя и безуспешной, обороной крепости Карак, расположенной между Аркой и Тортосой. Князь Триполиса сохранил свой титул, пожертвовав половиной своих территорий. Акко был спасен благодаря помощи, оказанной, по сообщениям, королем Кипра. Бибарс вернулся в Каир и поспешно оснастил флот для завоевания острова, на котором не было его монарха. Но его корабли были потеряны в шторме; Каир был охвачен горем, и ни одна из его попыток не смогла восстановить положение.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И СМЕРТЬ ЛУИ IX

[1269-1270 гг. н.э.]

Еще до того, как весть о захвате Антиохии дошла до Европы, жители Запада уже задумывались о новом крестовом походе. Святой Людовик считал, что его первая экспедиция в Святую Землю принесла Франции больше позора, чем пользы христианскому делу, и боялся, что его личная слава померкла. Папа поддержал его стремление к новой попытке. Англия в то время находилась в состоянии покоя, и ее воинственная молодежь с нетерпением ждала новых подвигов. Принц Эдуард вместе с графами Уорикским и Пембрукским принял святой знак. Принятие креста наследником английского престола вызвало большую радость во всей Франции. Его пригласили в Париж; было решено о сотрудничестве англичан и французов; и Людовик одолжил своему молодому союзнику тридцать тысяч марок под залог пошлин Бордо. Прелаты и духовенство Англии согласились в течение трех лет отдавать десятую часть своих доходов, а по постановлению парламента двадцатая часть изнималась из зерна и движимого имущества, принадлежавшего мирянам на день Михаила. Крестовые походы на протяжении многих лет были популярны в Англии. Во время первой экспедиции Святого Людовика и вскоре после отправления Уильяма Длинного Меча Генрих III обязался сражаться под священными знаменами. Но он медлил с подготовкой к отправке в Святую Землю, и народ шептался, подозревая, что он принял крест только для того, чтобы собрать деньги. Было установлено, что крест приняли пятьсот рыцарей, а число простых людей было не поддающимся подсчету. Святые воины решили начать свое путешествие в середине лета, но король предвосхитил все их действия и объявил, что, если они осмелятся отправиться без него, на них обрушится гнев Ватикана. Некоторые подчинились, а другие возмутились этой угрозой папского вмешательства; религиозный пыл самых энтузиастов охладился из-за задержек короля и новостей о катастрофических событиях в Египте. Папа и король были глухи к упрекам французского народа, что равнодушие к христианству могло быть единственной причиной препятствования благочестивым желаниям английского народа.^[78] Бедность короля всегда была предполагаемой причиной его нерадивости; и через два года после роспуска имперского союза английских рыцарей он пытался вымогать деньги у духовенства под предлогом поездки в Сирию. Но они сопротивлялись его требованиям и упрекали его в скупости и нарушении клятв.

СМЕРТЬ СВЯТОГО ЛУИ

Предвкушая лавры победы или венец мученичества, святой Людовик в 1270 году направил свои корабли в Святую Землю. Шестьдесят тысяч солдат были воодушевлены религиозным и военным рвением своего монарха; среди военачальников можно отметить лордов Фландрии, Шампани и Бретани. Флот был отправлен в Сардинию, где в план операций были внесены значительные изменения. Король Туниса ранее послал послов к Людовику и выразил желание принять единственную истинную религию. Северная Африка ранее платила денежную дань правителю Обеих Сицилий, и Карл Анжуйский, правящий монарх, скрывая свой эгоизм под маской благочестия и справедливости, настоятельно призывал своего брата восстановить права христианского мира. Солдаты, теперь более жаждущие грабежа и мести, чем ревностные фанатики, просили отвести их в Тунис. Покорение мусульман в Африке было объявлено необходимым предварительным условием для успехов в Палестине; французы вскоре достигли первой цели своих надежд, и лагерь и город Карфаген стали первыми наградами за победу. Но все оптимистичные ожидания были омрачены, когда чумная болезнь распространила свои опустошения по христианским рядам.

Великое пребывание крестоносцев закончилось в августе 1270 года. Во время болезни Людовик не переставал славить Бога и молиться за людей, которых он привел с собой. Он лишился дара речи, но жестами выражал то, что не мог выразить словами; он постоянно крестился, простирался на полу, покрытом пеплом, и в последней борьбе с природой он обратил глаза к небу и воскликнул: «Я войду в дом Твой, я буду поклоняться в святилище Твоем».

ПРИНЦ ЭДУАРД ПОКИДАЕТ АНГЛИЮ

До этого бедственного события принц Эдуард, Эдмунд Кроучбек, граф Ланкастерский, четыре графа, четыре барона и английское войско не только прибыли в Африку, но и покинули ее, отправившись на Сицилию, в отчаянии от того, что их французские соперники когда-либо пойдут на Палестину. Зимний сезон принц Эдуард провел в военных учениях и различных рыцарских занятиях, а следующей весной он направил свой корабль в Средиземное море и прибыл в Акко.

Все силы Эдварда не превышали тысячи человек. Но мусульмане боялись доблести Плантагенетов и, как говорится в «», опасались, что к ним пришел еще один Сердце-Лев, чтобы наказать их. Султан Египта покинул окрестности Акры, которые он опустошил огнем и мечом. Все латиняне в Палестине собрались вокруг знамени английского принца, и он вышел на поле боя во главе семи тысяч человек. Город Назарет был освобожден, и он застал врасплох и разгромил большие турецкие войска. Эдуард был храбрым и предусмотрительным и обязан своим успехом в равной степени как своему мастерству, так и мужеству. Но он был не менее жестоким, чем любой из предыдущих героев священных войн, и продемонстрировал ужасающую жестокость, о которой Шотландия впоследствии так часто сожалела. Жестокости, которые омрачили вход христиан в Иерусалим двумя веками ранее, повторились в меньших масштабах в Назарете.

[1271-1272 гг. н. э.]

Но поход победы был завершен, поскольку английские солдаты были измучены лучами сирийского солнца, а их вождь лежал на ложе болезни. Губернатор Иоппы был явным другом Эдуарда, но угроза султана лишить его звания, если он будет продолжать торговать с неверным, превратила вежливость в злобу. Он нанял убийцу, который, как носитель писем, был допущен в комнату своей предполагаемой жертвы. Получив два или три ранения, энергичный принц бросил злодея на пол и ударил его ножом в сердце. Кинжал был обмазан ядом, и в течение нескольких часов судьба Эдуарда висела на волоске. Волшебная рука вымысла приписывает его выздоровление его королеве.^[79]

После того как английский принц пробыл в Акре четырнадцать месяцев, султан Египта предложил мир, поскольку войны с мусульманскими державами поглощали его военную мощь. Эдуард с радостью воспользовался этой возможностью покинуть Святую Землю, поскольку его силы были слишком малы для совершения великих дел, а его отец умолял его вернуться в Англию. Враждующие полководцы подписали договор о десятилетнем перемирии; сирийские лорды распустили свои воинские отряды, а английские солдаты покинули Палестину и вернулись на родину (июль 1272 года).

ТЕРЯННЫЕ УСИЛИЯ ГРИГОРИЯ X

В то время, когда Палестина начала оправляться от ужасов войны, надежда вновь подняла голову в результате избрания на престол Святого Петра Теобальда, архидиакона Льежа. О выборе кардиналов ему сообщили, когда он находился в Палестине. Он с нетерпением отправился в Италию, и его рвение было настолько велико, что его усилия по организации крестового похода даже предшествовали его вступлению на папский престол. Снова раздался трубный глас войны среди народов. Однако отклик на него был слабым. Республики Пизы, Генуи и Венеции, а также город Марсель согласились предоставить несколько галер, а от Филиппа Смелого было получено двадцать пять тысяч марок серебра под залог поместий тамплиеров во Франции. Магистры военных монахов и рыцарей Красного Креста отправились в Рим и убедили своего папского друга, что этой помощи будет недостаточно, чтобы христиане смогли изгнать неверных из Палестины.

Христианский мир вновь собрался, и Лионский собор (май 1274 г.) постановил обязательность нового крестового похода. Но папа Григорий умер через два года после заседания Лионского собора, и все мысли о крестовом походе были заброшены, когда умер его великий поборник.

Однако в Палестине царил мир. Хью III, король Кипра, прямой потомок принцессы Алисы, был коронован королем Иерусалима в Тире незадолго до смерти Конрадина, последнего несчастного потомка того немецкого рода, три императора которого поддерживали и прославляли священные войны. Темплиеры подружились с Карлом Анжуйским, но госпитальеры, проявив больше добродетели, чем обычно, заявили, что не могут сражаться против какого-либо христианского князя, и утверждали, что претензии на престол должны быть отложены до тех пор, пока само королевство не будет восстановлено. На четвертый год мира, который доблестный принц Эдуард обеспечил Палестине, умер мамелюкский вождь и король Бундукдари.

Во время правления Калауна, третьего султана, сменившего того, кто отнял у христиан столько городов, война возобновилась (1280), и после нескольких лет страшных приготовлений живая туча войны обрушилась на христиан. Маргат был захвачен, но сопротивление рыцарей было настолько отважным, что им удалось безопасно и с честью отступить в соседний город Тортоса (1287), а султан, опасаясь даже возможности будущего сопротивления, разрушил крепость.

ПРОГРЕСС МАМЛУКОВ

Быстрыми и уверенными шагами власть латинян приближалась к своему роковому концу. Город Триполис, последний оставшийся сателлит Иерусалимского королевства, был взят в 1289 году; его дома были сожжены, его сооружения разобраны, а его жители убиты или увезены в рабство. Акра вновь стала главным владением христиан. Султан заключил мирный договор с Генрихом II Кипрским, который изгнал лейтенантов и солдат Карла и был признан королем Иерусалима.

Великий магистр пересек Средиземное море, чтобы вселить свой воинственный дух в народ Запада. Папа Николай IV с холодностью выслушал мрачную историю. Он отказался открыть сокровищницу Святого Петра для продвижения христианского дела и дал своему благородному другу из ордена Святого Вильгельма () всего полторы тысячи человек — отбросы Италии. Были разосланы циркулярные письма различным европейским

правителям, но свет, который когда-то сиял на святое дело, померк; рыцари больше не стекались к кресту, и великий магистр был вынужден вернуться в Палестину в сопровождении только своих итальянских бандитов. Когда они прибыли в Акру, город находился в состоянии крайней нестабильности. Внутри его стен толпились жалкие остатки тех королевств и княжеств, которые были завоеваны кровью Запада. Каждый отдельный народ занимал определенную часть города, и в борьбе за индивидуальные привилегии общие интересы были забыты.

[1291-1300 гг. н.э.]

Султан умер, не успев завершить приготовления к мести, но его сын Халил был не менее озабочен, чем его отец, истреблением неверных злодеев. В апреле 1291 года почти двести тысяч мамелюков-татар из Египта вторглись в Палестину и разбили лагерь перед Акрой, точно на том же месте, где столетие назад стояла собравшаяся Европа. Чтобы избежать ужасных последствий войны, большая часть населения села на многочисленные корабли, которые в то время стояли на якоре в гавани, и защита места была оставлена на попечение около двенадцати тысяч солдат. Гарнизон был быстро усилен несколькими сотнями человек во главе с Генрихом II Кипрским, который носил идеальный титул короля Иерусалима. Но христиане видели, как их башни падали под ударами мин и таранов. Малодушный монарх, захватив несколько кораблей, отплыл на Кипр. С утра мамелюки возобновили атаку. Большинство немецких кавалеристов погибли на бреши; остальные медленно покинули стены, и стойкость их небольшой фаланги сдержала врага. Госпитальеры оттеснили мамелюков и даже заставили их броситься в ров. Но султан был расточителен в крови. Его батальоны маршировали к бреши, и за несколько часов вход в город несколько раз терялся и завоевывался христианами и неверными.

Под прикрытием нескольких арбалетчиков рыцари Святого Иоанна, которых осталось всего семь, сели на корабли и навсегда покинули место, где проявили свою добродетель и доблесть. Их соратники, тамплиеры, были столь же храбры, и их судьба оказалась столь же трагичной. Их сопротивление было настолько стойким, что султан был вынужден обещать им свободное и почетное отступление. Но оскорбления со стороны некоторых низших сарацин раздражали рыцарей; мечи снова были обнажены, и те тамплиеры, которые выжили в сражении, бежали вглубь страны. Невооруженное население Акры поспешило к побережью, но стихия содействовала разрушительному духу турок, и бурные волны отказали беженцам в убежище. Скрежеща зубами от отчаяния, люди смотрели, как их город поглощают пламя. Безжалостная рука смерти обрушилась на них, и побережье Палестины вновь пропиталось потоками христианской крови.

ПОЛНАЯ ПОТЕРЯ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

Тир, Беритус и другие города были запуганы до покорности. Турки захватили всю Палестину и убили или заключили в тюрьмы всех христиан, которые не смогли бежать на Кипр. Память о тамплиерах увековечена, поскольку последнюю битву за Святую Землю вели рыцари Красного Креста. Те, кто бежал из Акры, отправились в Сис, в Армению. Мусульманский генерал изгнал их на остров Тортоса, откуда они бежали на Кипр, и крик религиозной войны больше не раздавался по Палестине.

Потеря Святой Земли не наполнила Европу теми чувствами скорби и возмущения, которые вызвало падение Иерусалима сто лет назад. Пламя фанатизма « » постепенно угасло. В течение XIII века территориальные владения христиан в Палестине постепенно сокращались; в результате экспедиции и подкрепления стали менее энергичными,

поскольку как в политическом, так и в личном плане люди Запада утратили интерес к делам Востока. Папа Николай IV пытался возродить святыя начинания, но короли Европы были глухи или непослушны. Поскольку Генуя была союзником греческого императора, Венеция искала дружбы с мусульманами. Мамелюки предоставили своим христианским братьям церковь, биржу и склад в Александрии, а венецианцы вели прибыльную, но позорную торговлю, снабжая египетский рынок рабами и рабынями из Грузии и Черкесии.

[1299-1413 гг. н. э.]

Вестники крестоносцев

В 1300 году у папы Бонифация VIII появился повод для провозглашения крестового похода. Казан, монгольский султан Персии, решил истребить мамелюков Египта. Он заключил союз с королями Грузии (), Армении и Кипра. В 1299 году удача в войне улыбнулась союзникам, но, поскольку успех оказался не таким большим, как он ожидал, Казан обратился к папе с просьбой о более мощном союзе с князьями Запада и согласился, что после освобождения Палестины она должна остаться в руках христиан. Этот проект, хотя и получил горячую поддержку папы, оказался неудачным. В то же время удача в боях перешла на сторону египтян. Казан умер около 1303 года.

С самого начала и до середины XIV века папы неоднократно призывали к борьбе, но Запад в большинстве случаев игнорировал призывы своего духовного наставника, и было очевидно, что, хотя папские правители могли разжечь огонь, они не могли создать священное пламя. В то время, когда о потере Святой Земли стало известно в Европе, люди еще не оправались от удивления и ужаса, которые наполнили Запад победами Чингисхана и его преемников. Часть России, вся Польша, Силезия, Моравия, Венгрия и все страны к востоку от Адриатического моря стали жертвами варварского опустошения. Несколько пап

тщетно пытались смягчить жестокость этих новых врагов, но папские легаты были отправлены с грозным приказом, чтобы сам Рим подчинился монгольскому игу.

Хотя Европа в целом чувствовала, что с падением Акры все было потеряно, отчаяние не сразу одержало полную победу, поскольку рыцарство и политика иногда пытались возродить религиозную искру. Если бы папа Иоанн XXII не был слишком открыт в проявлении своей алчности и не был слишком расточителен в обмене обетов на деньги, рыцари Германии снова сражались бы под славным знаменем креста. Угроза вторжения из Англии (1328 г. н. э.) удержала Филиппа де Валуа от покидания своей страны и отправки в Палестину, а большая группа крестоносцев распалась, когда (1364 г. н. э.) умер Иоанн Ле Бон из Франции, которому папа намеревался присвоить титул командующего новыми крестоносцами. Политик Генрих IV ^[80] из Англии хотел «занять легкомысленные умы иностранными ссорами», чтобы отвлечь свой народ от слишком пристального внимания к его государству и сохранить их недавно принесенную присягу на верность. Его морские и военные приготовления были значительными, но рука природы остановила его, и его судьбой было умереть, прежде чем он смог начать свою новую религиозную карьеру.

СУДЬБА ВОЕННЫХ ОРДЕНОВ

[1291-1600 гг. н. э.]

Таковы были последние проявления того военного безумия, которое так долго будоражило Европу; и на этом история священных войн естественно бы закончилась, если бы любопытство не подсказало изучить некоторые из тех военных и религиозных орденов, которые возникли из духа паломничеств и крестовых походов и чье существование является одной из наиболее заметных характеристик Средневековья. Рыцари Тевтонского ордена закрепились в своих завоеваниях Пруссии за несколько лет до потери Святой Земли. Их любовь к войне не угасла; они принесли в Померанию и меч, и Евангелие, и восточная часть этой страны была окончательно уступлена ордену по мирному договору 1343 года. Город Данциг, столица новой завоеванной территории, значительно разросся под властью рыцарей и стал одним из главных торговых центров на Балтике. Снова подталкиваемые религией и амбициями, они начали войну с неверными литовцами, но только в начале XV века, после того как пролились реки крови, язычники утратили свою независимость и отказались от своих национальных суеверий. Но угнетательное правление рыцарей, их внутренние распри, тяжелые налоги и печальные последствия непрекращающихся войн побудили дворянство Пруссии и Померании объединиться и обратиться за защитой к королям Польши. Война возобновилась, рыцари были разгромлены, и по Торнскому миру 1466 года вся Померания, а фактически и вся страна, которая обычно называется Польской Пруссией, была уступлена Польше. Ордену было позволено сохранить западную часть Пруссии, выполняя феодальные обязанности перед королями Польши.

Таким образом, тевтонские рыцари потеряли Пруссию; их имя лишь изредка появляется в истории Европы, и орден стал лишь «дешевой защитой народов». Папа Иннокентий VIII в 1490 году предпринял попытку упразднить орден рыцарей Святого Лазаря. Возможно, ему это удалось в Италии, но ни в одной другой стране. Булла встретила сопротивление со стороны рыцарей Франции, и до правления Генриха IV они оставались независимыми и избирали своих великих магистров.

[1291-1310 гг. н.э.]

После потери Акры рыцари Святого Иоанна и Храма из всех прецепторий и командорств Европы стекались на Кипр, жаждущие славы и мести. Военные монахи вскоре покинули свои поселения на Кипре. Великий магистр госпитальеров завоевал дружбу и поддержку папы Климента V и нарисовал лестную картину христианского процветания, если рыцари Святого Иоанна смогут водрузить свои знамена на одном из островов Средиземного моря. Был выбран Родос. Через пятнадцать лет после потери Акры был объявлен новый крестовый поход, и добровольцы были приглашены в Брундизиум. Король Сицилии и республика Генуя предоставили транспорт. Великий магистр возглавил армию, но только после отплытия крестоносцы узнали о цели вооружения. В то время Родос находился под властью частично греков, частично сарацин. Солдаты высадились на берег, было сражено много битв, и в конце концов армия захватчиков сократилась до военных монахов. Их вождь нанял новых солдат, возобновил свои атаки, и весь остров подчинился его власти (1310 г.). Последующая история рыцарей Святого Иоанна переплетена с общей историей Европы.

ТЕМПЛАРИИ ВО ФРАНЦИИ

[1307-1311 гг.]

В то время как военные монахи планировали приобрести эквивалент своих потерь в Палестине, большинство рыцарей Красного Креста постепенно покинули Кипр, вернулись в свои различные командорства и жили в безопасности и праздности. Но обстоятельства вскоре заставили тамплиеров пожалеть о том, что они, в отличие от госпитальеров, не попытались возобновить вражду с неверными. Филипп IV Красивый, король Франции, сообщил папе Клименту V, что орден тамплиеров был обвинен в ереси и различных других преступлениях против религии и морали. Некоторые члены ордена обвинили свое братство в различных мерзостях: предательстве, убийствах, идолопоклонстве и ислализме. Филипп Красивый предпринял смелый шаг, заключив в тюрьму всех рыцарей-тамплиеров, которых его офицеры смогли обнаружить во Франции, и конфисковав их имущество. Климент затем распространил по всему христианскому миру буллу, в которой папская власть приказывала нунциям и местному духовенству расследовать поведение рыцарей. Его святейшество говорит, что под давлением общественного мнения и заявлений короля, баронов, духовенства и мирян Франции он допросил семьдесят два члена ордена и признал всех их виновными, хотя и в разной степени, в безбожности и безнравственности. Те рыцари, которые поддались уговорам и угрозам, были помилованы, но тем, кто отрицал обвинения, были применены пытки, и тридцать шесть рыцарей в Париже героически выдержали ужасы пыточной и сохранили невинность ордена, пока смерть не положила конец их страданиям и их добродетели. Другие признались в мучениях плоти, а потом отреклись от своих признаний. Рыцари-тамплиеры были обвинены в том, что во время своей регистрации в ордене () они отреклись от Бога, Иисуса Христа, Девы Марии и всех святых. Говорили, что братья часто плевали на крест и топтали его, демонстрируя свое презрение к Христу, который был распят за свои собственные преступления, а не за грехи мира. Из-за своего презрения к Богу и его Сыну они поклонялись кошке и некоторым деревянным и золотым идолам. Магистр мог освобождать братьев от грехов. Уверенные в том, что король уничтожит орден, независимо от того, будут ли результаты допросов благоприятными или враждебными для его существования, многие рыцари поддались боли и отчаянию, остановили руку палача, признались во всех преступлениях, за которые им было

предложено королевское помилование и защита. Суд приговорил к пожизненному заключению тех, от кого не удалось выбить признания в виновности. Но те, кто отрекся от своих вынужденных признаний, были объявлены рецидивистами-еретиками; они были переданы светской власти и приговорены к сожжению на костре (11 мая 1310 г.). Число последней категории проклятых составило пятьдесят четыре человека. Все историки, которые говорили об этом событии, независимо от того, какое мнение они высказывали по общему вопросу, друзья или враги, соотечественники или иностранцы, единодушно свидетельствовали о добродетельном мужестве, благородной бесстрашности и религиозной покорности, которые проявили эти мученики героизма. Прибыв на место наказания, они с твердостью и спокойствием смотрели на груды дров и уже зажженные факелы в руках палачей. Напрасно посланник короля обещал помилование и свободу тем, кто не будет упорствовать в своих отречениях; напрасно окружавшие их друзья пытались тронуть их сердца молитвами и слезами. Призывая Бога, Деву Марию и всех святых, они пели гимн смерти; торжествуя над самыми жестокими пытками, они верили, что уже находятся на небесах, и умерли посреди своих песен.

В ДРУГИХ СТРАНАХ

[1311-1314 гг. н. э.]

По королевскому приказу шерифы различных графств Англии и Уэльса конфисковали поместья и заключили в тюрьму членов ордена тамплиеров. Рыцари провели в тюрьме более полутора лет. По истечении этого срока в Англию поступила папская булла, и архиепископ Кентерберийский назначил суды в Лондоне, Йорке и Линкольне для суда над тамплиерами в июле 1311 года. Обвинения были по сути такими же, как и те, которые были выдвинуты против ордена во Франции. Сорок семь рыцарей, заключенных в Тауэре, были допрошены под присягой перед епископом Лондона, некоторыми низшими священниками и представителями папы. Уильям де ла Мур, великий приор Англии, был столь же ревностен, как и де Моле, в защите французских тамплиеров.

Четверо рыцарей признались во всех преступлениях, когда им сообщили, что папа разрешил полное помилование тем, кто признает свои грехи, но что, если они будут упорствовать в ереси, их будут считать еретиками и накажут как еретиков. Тринадцать вновь принятых рыцарей поклялись, что они не знакомы с тайнами ордена, но готовы отречься от всех ложных мнений, которые могут осквернить умы людей. Уильям де ла Мур, великий приор, был единственным человеком, которого ни страх тюремного заключения, ни страх церковного наказания не могли заставить отказаться от своего первоначального признания невинности ордена. Его попросили сделать общее признание, но он ответил, что не виновен в ереси и никогда не отречется от преступлений, которых не совершал.

В Ирландии было заключено под стражу и допрошено около тридцати тамплиеров, в Шотландии — только два. В Линкольне их число несколько превышало двадцать. В Йорке их было двадцать три. Общие обвинения в отступничестве и идолопоклонстве ни в одном случае не были доказаны. Однако все рыцари сделали общее признание в преступлении ереси и заявили, что не могут очиститься от преступлений, упомянутых в булле. Духовенство простило их и снова приняло в лоно церкви. Затем их отправили в заключение в различные монастыри до тех пор, пока не будет объявлено решение общего собора.

Судьба тамплиеров в других частях мира остается неизвестной. В Германии невинность ордена была доказана перед архиепископами Майнца и Трира на соборах, состоявшихся в их

епархиях. В Италии папа добился немного большего успеха. Несколько тамплиеров во Флоренции признались во всех видах мерзостей. Много крови было пролито в Ломбардии, Тоскане, Сицилии, Неаполе и Провансе, когда рыцари не хотели признать себя виновными. В тех частях Испании, где расследовалось поведение тамплиеров, результатом стало оправдание. Их военный фронт был мощным, и министры папской мести не осмелились применить пытки.

СОВЕТ В ВЬЕННЕ

Через четыре года после первого ареста тамплиеров во Франции в октябре 1311 года в Вьенне в Дофине был созван собор с целью принятия общего решения по делу ордена. Папа возглавлял триста епископов и бесчисленное количество низшего духовенства. Всем, кто желал защитить орден, были обещаны безопасность и свобода. Девять рыцарей явились перед собранием в качестве представителей полутора тысяч своих братьев, которые жили в Лионе и в секретных крепостях Савойи и Швейцарии. Климент немедленно нарушил свое обещание о защите и бросил девять рыцарей в тюрьму. Затем он обратился к собору с просьбой высказать свое мнение: не следует ли распустить орден вследствие признаний тамплиеров? За постыдным исключением одного итальянского прелата и трех французских архиепископов, все церковники заявили, что такой прославленный орден, как орден рыцарей Красного Креста, не должен быть упразднен, пока не будут заслушаны в его защиту великий магистр и девять рыцарей. Папа проигнорировал мнение большинства и в течение шести месяцев тщетно пытался изменить ситуацию.

РАЗПУСК ОРДЕНА

Король Франции прибыл в Вьенну, и, санкционированный его присутствием, папа объявил, что он будет осуществлять всю полноту папской власти. Соответственно, он распустил орден временно, а не окончательно, и оставил за собой право распоряжаться лицами и имуществом тамплиеров. Когда на соборе обсуждался вопрос о распределении имущества рыцарей-тамплиеров, папа объявил, что оно должно быть передано госпитальерам, поскольку первоначальной целью ордена было подчинение неверных, и эту цель искренне преследовали рыцари Родоса.

Декрет о конфискации был исполнен во всем христианском мире. Тамплиеры были ограблены, но госпитальеры не получили всю добычу. Филипп Красивый и его преемник Людовик Ле Ютен удержали почти триста тысяч ливров [12 000 фунтов стерлингов или 60 000 долларов] для того, что они назвали расходами на судебное преследование. Землевладения были переданы медленно и неохотно, поскольку монархи пользовались доходами от них до тех пор, пока комиссары рыцарей Родоса не установили свои права. В Германии рыцари Тевтонского ордена () помогали госпитальерам грабить тех, кто ранее был их соратниками в Палестине. Диниш, король Португалии, сохранил орден рыцарей Красного Креста, изменив их название с «солдаты Храма» на «солдаты Христа». Эдуард Английский передал большую часть конфискованного имущества различным мирянам. Многие дворяне, как наследники первоначальных дарителей, также захватили многие поместья тамплиеров. Действительно, несправедливость по отношению к госпитальерам была настолько велика, что папа Иоанн XXII осудил как духовенство, так и мирян за неповиновение декрету собора в Вьенне.

Последним обстоятельством, повлиявшим на судьбу тамплиеров, было осуждение великого магистра Жака де Моле.^[81] На смертном одре он свидетельствовал о добродетели

ордена, и его душевные страдания из-за прежней нерешительности казались большими, чем просто физическая боль. Брат принца Дофине встретил ту же несчастную, но достойную смерть, что и его друг Жак де Моле. Оба приора, по-видимому, умерли в тюрьме.^b

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ НА ЗАПАДЕ

[1230-1309 гг. н. э.]

Завершив обзор тщетных попыток завоевать Святую Землю, будет уместно взглянуть на конфликты, возникшие в других местах на основе той же фанатичной веры в то, что ортодоксия была вопросом жизни и смерти.^a

Хотя крестовые походы на Востоке закончились неудачей, на Западе они достигли своей цели; то есть некоторые экспедиции были весьма успешными; например, экспедиция тевтонских рыцарей и меченосцев в Пруссию и соседние регионы, где они основали новое государство; также война Симона де Монфора против альбигойцев, которая уничтожила древнюю цивилизацию; и борьба между испанцами и маврами, в результате которой последние были вынуждены сдать полуостров христианству и европейской цивилизации.

Следует отметить, что местом действия европейских крестовых походов были два крайних пункта континента: в устьях Немана необходимо было обратить в христианство язычников Прибалтики, а в стране, омываемой рекой Тахо, — мусульман Испании.

ТЕВТОНСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

В перерыве между Первым и Вторым крестовыми походами некоторые жители Бремена и Любека отправились в Святую Землю и основали там госпиталь для своих соотечественников, который находился исключительно под управлением немцев. В Палестине все благотворительные учреждения были вынуждены принимать форму военных организаций; таким образом, госпитальеры, или должностные лица, ответственные за госпитали, стали рыцарями Святого Иоанна, а обитатели храма Соломона — рыцарями-тамплиерами. Немецкие госпитальеры также превратились в вооруженную религиозную организацию, которая называлась Тевтонским орденом. Как и два других ордена, этот орден вскоре приобрел обширные владения в Европе, особенно в Германии, и император Фридрих II возвысил его великого магистра до ранга князя королевства. В 1230 году польский князь воспользовался их рвением и оружием, которые больше не могли быть использованы на Святой Земле, отправив их с миссией по покорению и обращению в христианство пруссаков, народа, который с тех пор стал настолько тесно связан с немцами, поселившимися в стране, что их уже невозможно отличить друг от друга. Именно этот идолопоклоннический народ, проживавший между Неменом и Вислой, язык, история и религия которого в настоящее время полностью исчезли, дал название одному из крупнейших и наиболее процветающих государств современной Европы.

Тевтонский орден сначала обосновался в Кульме, откуда он приступил к завоеванию пруссаков, используя средства, примененные Карлом Великим против саксов, то есть уничтожив одну часть населения, а затем построив крепости, чтобы удерживать остальную часть. Именно этой цели должны были служить Кенигсберг и Мариенбург.

Несколькими годами ранее прелат Ливонии основал орден Меченосцев, известный до сих пор как рыцари Христа, и корпус меченосцев, который подчинил Ливонию и Эстонию. Споры с епископами Риги привели к тому, что в 1237 году эти организации объединились с Тевтонским орденом, силы которого таким образом удвоились. Мариенбург стал столицей ордена в 1309 году, и его великие магистры, правившие Пруссией, Эстонией, Ливонией и Курляндией, обеспечили этим странам связь с остальной Европой и заложили в них зародыши цивилизации. Сегодня они остаются самыми богатыми и прогрессивными из российских провинций. Еще в XV веке тевтонские рыцари сохраняли превосходство в Северной Европе, и все страны между нижней Вислой и озером Пейпус подчинялись им, за исключением Жемайтии, литовской провинции, которая разделяла первоначальные владения двух орденов.

НАПАДЕНИЕ НА АЛЬБИГЕНСОВ

Крестовый поход, возглавленный Симоном де Монфором против населения юга Франции, сначала имел самые катастрофические последствия. Все то время, пока христианские воины отправлялись сражаться с неверными на другом конце Средиземного моря, многие неверные ждали обращения в христианство в самом сердце Европы. Речь идет не о евреях, которые послужили первопричиной крестовых походов, вызвав ярость своих первых преследователей, а о смешанном населении юга Франции, состоящем из иберов, галлов, римлян, готов и мавров, чьи религиозные верования были далеки от ортодоксии. Трудно решить, как именно назвать их ересь; даже современники были в растерянности по этому поводу, поскольку называли этих людей просто альбигойцами, по названию города Альби, который был их общим центром. Одно можно сказать наверняка: в 1167 году недалеко от Тулузы под председательством Никиты, грека из Константинополя, был созван собор, на котором было принято много восточных идей; также утверждается, что духовенство повсюду в стране подвергалось презрению, и даже сам святой Бернард был там встречен насмешками. Из этого центра ереси миссионеры были разосланы во все стороны, и уже непристойные учения стали распространяться во Фландрии, Германии, Англии и даже в Италии, в то время как банды мародеров распространились в направлении Оверни, грабя церкви и оскверняя священные предметы.

Среди богатых и великолепных городов юга самым важным был Тулуза, где проживал граф Раймонд VI, один из величайших дворян юга. Другим видным родом был род Барселоны, который недавно получил власть над Арагоном и владел Руссильоном и Провансом; кроме того, были гордые и предприимчивые дворяне Пиренеев, которые жили свободной и независимой жизнью и не были ни в малейшей степени подчинены ни церкви, ни королю.

Юг Франции долгое время был отделен от севера. Имея другие обычаи и говоря на другом языке, он предпринимал серьезные попытки под руководством Дагоберта, Карла Мартелла, Пепина, Карла Великого, Карла Лысого и Хью Капета создать независимое государство. Рост торговли принес благополучие его гражданам и богатство его дворянам, и эти два сословия объединились в мире и гармонии, чтобы выполнять муниципальные обязанности, тем самым обеспечивая мир во всем сообществе. Но в этих богатых городах и блестящих дворах, оживленных песнями трубадуров, религиозным доктринам уделялось мало внимания, и ересь проникала со всех сторон.

Всемогущий Иннокентий III решил искоренить этот очаг безбожия, который угрожал распространиться далеко и широко. Он начал с организации Инквизиции, которая должна была выявлять и судить еретиков, и бесчисленные жертвы были принесены в жертву, но это несколько не уменьшило число неверующих, поскольку пытки и костры были лишь безразличными демонстраторами истины. Затем папа послал к Раймону VI своего легата, монаха Петра Кастельно, с требованием немедленно изгнать еретиков. Но еретики составляли основную часть населения, и Кастельно ничего не добился. Раймон был отлучен от церкви и угрожаем вечным огнем, а легат был убит во время своего возвращения через Рон (1208 г.).

«Анафема графу Тулузскому, — воскликнул папа, — и прощение грехов всем, кто возьмет в руки оружие против этих ядовитых обитателей Прованса! Вперед, воины Христа! Пусть еретики будут истреблены, а на месте их городов возникнут колонии католиков!»

Доктрина истребления проповедовалась всеми органами папы: герцог Бургундский, графы Невера, Осера, Женевы, епископы Реймса, Сенса, Руана, Отона, а также многие немцы и жители Лотарингии собрали войска и отправились в крестовый поход. Три армии вторглись на юг Франции во главе с Симоном де Монфором, феодалом из окрестностей Парижа, амбициозным, фанатичным и жестоким. Граф Тулузы не был сразу атакован, поскольку папа надеялся ослабить его сопротивление, демонстрируя готовность простить его, и все военные действия были направлены против виконта Безье. Когда город последнего был взят, победители, не имея возможности отличить еретиков, колебались, кого убивать. «Убейте всех, — сказал легат, — Бог легко узнает своих». Говорят, что погибло тридцать тысяч человек. Каркассон также пал, и рыцари Иль-де-Франс разделили страну под властью Симона де Монфора, который был провозглашен сюзереном над всеми.

Раймонд надеялся, что его пощадят, теперь, когда на алтаре православия была принесена такая кровавая жертва, и сам Иннокентий был склонен к милосердию, но легаты были безжалостны; они проявили бы милосердие к графу только при условии, что он заставит всех своих подданных надеть одеяния кающихся, понизит своих дворян до состояния крепостных, уволит наемных войска, снесет свои замки до основания и сам отправится в крестовый поход.

Граф рассмеялся над этими предложениями, и легаты снова дали сигнал к атаке. К знамени Симона де Монфора стекалось множество людей с севера, радуясь тому, что высокодоходная кампания на юге еще не закончилась. Раймонд VI был побежден при Кастельнодри, и победители разделили его владения между собой: прелатам достались епископства, а солдатам — феоды. Потерпевший поражение дворянин не имел иного выхода, как обратиться за защитой к Педро II, королю Арагона, который сразу же пришел на помощь и к которому присоединились все мелкие дворяне Пиренеев, считавшие его своим вождем.

Битва при Муре, в которой погиб король, решила судьбу юга Франции (1213). Два года спустя Латеранский собор утвердил лишение Раймона и большинства других дворян их владений; легаты Святого Престола предложили их феоды могущественным баронам, участвовавшим в крестовом походе, но все, кроме Симона де Монфора, отказались принять дары, купленные ценой такого кровопролития. Была принята суровая мера, запрещающая вдовам еретиков, владевшим дворянскими феодами, в течение следующих десяти лет выходить замуж за кого-либо, кроме французов. В тисках столь безжалостных рук погибла цивилизация южной Франции, исчезла вся веселье и поэзия. Между тем Иннокентий III начал беспокоиться, опасаясь, что совершил великое беззаконие. «Верни мне мои земли, — сказал ему граф де Фуа, — или я потребую все — имущество, права и наследство — в Судный день». «Я признаю, — ответил папа, — что тебе было причинено большое зло, но это было сделано не по моему приказу, и я не обязан благодарить тех, кто несет за это ответственность».

В крайней нужде жители Лангедока вспомнили о короле Франции. Монпелье сдался ему, и Филипп Август послал своего сына Людовика, чтобы тот установил национальный флаг на юге Франции. Луи вернулся туда после смерти Симона де Монфора, который был убит перед Тулузой, куда также вернулся Раймонд VII, сын старого графа; преемник Монфора, Амори, предложил королю уступить ему завоеванные его отцом владения, которые он больше не мог защищать от осуждения народа. Филипп, в то время находившийся на грани смерти, отклонил это предложение, но пять лет спустя оно было принято.

[732-1096 гг. н. э.]

До, во время и после великих крестовых походов, которые имели Восток в качестве места действия и все народы Европы в качестве участников, на Западе велось другое, менее масштабное предприятие аналогичного характера, которое не принесло такой славы, как более крупные экспедиции, но продемонстрировало упорство, благодаря которому оно продолжалось в течение по крайней мере восьми веков. Когда Карл Мартелл и Пепин Краткий изгнали арабов из Франции, они просто прогнали их на другую сторону Пиренеев, по-видимому, считая эту мощную горную гряду границей Европы и христианства. Испания была страной, которую можно было пожертвовать, передать вместе с Африкой мусульманским народам, которые ее завоевали. Однако до вторжения Испания была христианской страной, и большая часть населения осталась таковой и после, поскольку далеко не все были подчинены. За пределами завоеванных районов оставался уголок, где священная идея независимости могла найти убежище, и этот уголок постепенно расширялся, пока не стал ядром нового христианского господства.

Ослабление власти Кордовского халифата в его северных провинциях в результате восстания Бени Хассана в 864 году было чрезвычайно благоприятным для развития небольших христианских государств. Однако X век не принес христианским государствам непрерывной удачи. В то время как между ними начали зарождаться разногласия, халифат был восстановлен Абд ар-Рахманом III и ловким Аль-Мансуром при Хишаме II. Ужасное поражение, понесенное христианами при Симанкасе в 940 году, свержение Санчо Великого графом Кастилии, провозгласившим свою независимость, и последующее восстановление Санчо Абд ар-Рахманом показывают, что королевство Леон впало в такое глубокое упадничество, что даже его враги имели власть распоряжаться тронном. Аль-Мансур также давил на христиан безжалостной рукой. В 997 году он стал властелином всех земель, завоеванных христианами к югу от Дору и Эбро. Однако, когда он сам потерпел поражение в Калатаназаре, недалеко от истоков Дору, его огорчение было настолько велико, что он позволил себе умереть от голода, и с ним погиб опора халифата (998).

В другой части этой истории мы видели, что в XI веке испанские арабы пришли в полный упадок; христианские государства, с другой стороны, становились все более и более едиными благодаря частым смешанным бракам и расширению торговых отношений. Этот процесс объединения и внутренней перестройки, а также необходимость закрыть все бреши, оставленные мечом Аль-Мансура, сдерживали священную войну в течение почти столетия. В конце этого периода она возобновилась с большей яркостью и успехом, чем раньше.

Санчо II заслужил титул Великого не только благодаря удачным союзам, которые ему удалось заключить; величие в Испании достигалось главным образом путем войны с неверными, и было много сражений, в которых мавры почувствовали на себе силу его меча. Не довольствуясь этим, он, в перерывах между подготовкой к замене династии Пелайо христианской династией Азнар, пронес свои победоносные знамена в самое сердце мусульманской страны, к стенам Кордовы.

[1072-1146 гг. н. э.]

После смерти Санчо Испания была разделена на четыре королевства. Но Альфонсо VI в 1072 году воссоединил Кастилию и Леон и возобновил в Испании священную войну, которая стала чрезвычайно популярной в Европе благодаря подготовке к Первому крестовому

походу. Известия о поражениях христиан в Иерусалиме и а также о растущем влиянии Святого Престола оказали сильное воздействие на Испанию. Григорий VII стремился подчинить своему господству испанские христианские государства, которые до сих пор пользовались полной религиозной независимостью, и в случае их нежелания подчиниться можно было опасаться, что однажды он вооружит против них все христианство.

Григорий VII, всегда отличавшийся безграничной самонадеянностью, потребовал от Альфонсо VI платить ему дань под предлогом того, что все земли, отнятые у неверных, по праву принадлежат церкви. Альфонсо отказался. Тогда Григорий перешел к другому пункту — принятию испанскими христианами римского ритуала вместо готского или музарабского, к которому они были привычны. В конце концов Альфонсо принял римский ритуал. С тех пор испанский народ, который в конечном итоге стал самым ярко выраженным католическим, если не всегда самым покорным Святому Престолу, из всех народов земли, поддерживал полное общение с Римом.

Фердинанд I воспользовался разногласиями между мелкими арабскими правителями, чтобы отнять у них многие из их владений. Он захватил Висеу, Ламегу, Коимбру и заставил короля Толедо платить ему дань. В 1085 году Альфонсо VI добился еще большего успеха, захватив все королевство. Толедо, бывшая столица и метрополия готов, вновь стало важным центром, и его восстановление знаменует четвертый этап продвижения христиан из Астурии, где они начали свой поход, в сердце полуострова, где они должны были занять прочную позицию за барьером реки Тежу.

Пять лет спустя Капетинг, Анри де Бургунь, правнук короля Франции Роберта, прославившийся при завоевании Толедо, захватил у устья Дору Порту-Кале, который Альфонсо возвысил, сделав его графством Португалия. Одновременно с этим знаменитый Сид, Родриго де Бивар, герой испанского рыцарства и романтики, одерживал одну победу за другой на побережье Средиземного моря, самой важной из которых было завоевание Валенсии (1094 г.). Наконец, в 1118 году Альфонсо I, король Арагона, завоевал для себя столицу по примеру короля Кастилии, захватив Сарагосу, где долгое время у власти находилась мусульманская династия. Таким образом, христианское вторжение, разделенное как армия на три колонны, неуклонно продвигалось по полуострову: одна колонна в центре, одна на востоке и одна на западе.

В центре прогресс внезапно остановился, а позже был остановлен по всем направлениям непредвиденными препятствиями, которые христиане смогли преодолеть только спустя почти столетие. Две новые мусульманские орды вторглись на эту землю, застав врасплох испанских завоевателей, которые были уверены, что источники этих вторжений давно иссякли. Альморавиды, а за ними и альмохады, хлынули из Африки и возродили в мусульманских провинциях Испании древнюю веру ислама. Названия этих двух сект означают, соответственно, «тесный союз с верой» и «унитарии». Альморавиды неуклонно увеличивали свою мощь и размеры своих владений. После смерти Сида (1099) они отбили Валенсию, захватили Балеарские острова и в 1108 году одержали в битве, столь же кровопролитной и упорной, как битва при Заллаке, решительную победу над Альфонсо VI. Христиане с тревогой задавались вопросом, не будет ли Испания, только наполовину отвоеванная, вновь вырвана у них из рук.

Как показали результаты, их опасения были беспочвенны. Толедо, неоднократно подвергавшийся осаде, защищался с победоносной энергией, а маленькое графство Португалия не только успешно сопротивлялось нападению, но и само захватило несколько городов и отбросило захватчиков обратно туда, откуда они пришли.

Вторжение Альмохадов по своим последствиям было сходно с вторжением Альморавидов, которое непосредственно ему предшествовало. Вождь Абдул-Мумин начал военные действия осадой Феса, который он взял в 1146 году; в том же году он повёл своих последователей в Испанию. Как и раньше, Кастилия понесла самый тяжёлый удар вторжения, и в битве при Аларконе (1195 г.) Альфонсо VIII потерпел тяжелое поражение. Португалия, с другой стороны, сохранила свое превосходство и нанесла решительный удар по захватчикам в Сантереме (1184 г.). Успехи Арагона и Португалии привели к тому, что XIII век открылся для Испании славными победами в борьбе с мусульманами. Кроме того, она получила второй мощный инструмент для достижения победы в виде четырех военных формирований, организованных в XII веке специально для испанского крестового похода, без ущерба для великих крестоносцев Святой Земли, которые также принимали в нем участие — орденов Алькантара, Калатрава и Святого Иакова в Кастилии и Эворы в Португалии.

В 1210 году по всему христианскому миру распространилась весть о том, что четыреста тысяч альмохадов пересекли Гибралтарский пролив. Хотя папа Иннокентий III был глубоко вовлечен в войну против альбигойцев, он не мог не обратить внимания на объявленную опасность и призвал всю Европу прийти на помощь Испании. Были объявлены публичные молитвы и обещаны индульгенции всем, кто добровольно пойдет сражаться на полуострове. Пять христианских королей Леона и Кастилии, временно разъединенных в то время, объединили свои силы и выступили против Мухаммеда, фанатичного лидера альмохадов. Сражение произошло в Алакабе, на плато Сьерра-Морена, по версии арабов, или в Лас-Навас-де-Толоса, по версии христиан. После упорной битвы бегство андалусцев решило исход сражения в пользу христиан. Мухаммед, который расположился на возвышенности среди плотных рядов своей африканской гвардии, держа в одной руке *Коран*, а в другой — меч, с невозмутимой пассивностью наблюдал, как его последователи терпели самое ужасное поражение. «Только Бог, — сказал он, — справедлив и могущественен, а демон лишен истины и величия». Мухаммед был наконец вынужден бежать на быстром скакуне пустыни, который унес его далеко от врагов. Эта битва стала решающей в борьбе между христианами и неверными. После окончательного разгрома альморавидов и альмохадов в Африке не осталось защитников мусульманской веры, достаточно сильных, чтобы восстановить ее господство в Испании.

На протяжении всего XIII века христиане пожинали плоды своей победы, которая стала еще более полной благодаря анархии, царившей во всех рядах альмохадов. Кордова (1236), Севилья (1266) и многие другие места попали в руки короля Кастилии, а Хайме I, король Арагона, подчинил себе Балеарские острова и во главе восьмидесяти тысяч французских и испанских войск отвоевал Валенсию (1238). Португалия достигла пределов своей экспансии, когда в 1270 году объединила провинции Алгарве, и с тех пор ее границы не изменялись. Мавры теперь владели только маленьким королевством Гранада, со всех сторон окруженным морем и владениями короля Кастилии. Однако даже в этом ограниченном пространстве, их число увеличилось за счет беженцев, которые бежали к ним из городов, захваченных христианами, и им удалось сохранить власть, которая отсрочила их окончательное падение на период в двести лет. За исключением отражения некоторых вторжений со стороны меринидов из Магриба, которые никогда не угрожали серьезно их завоеванным владениям, христиане теперь не вели никаких военных операций; поэтому крестовый поход в Испании был практически приостановлен до более позднего времени, 1492 года.

СРАВНЕНИЕ ДВУХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Крестовый поход в Иерусалим, несомненно, принес общие результаты для цивилизации, но его конкретная цель не была достигнута. Он не основал никаких важных учреждений на Востоке; ему даже не удалось освободить Гроб Господень, и миллионы людей оставили свои кости на его пути. Крестовый поход в Испанию, с другой стороны, хотя и не повлиял на социальные условия средневековой Европы, изменил весь облик Испании и оказал сильное влияние на Европу современности. Он отнял полуостров у мавров и передал его христианам; он привел к созданию маленького королевства Португалия, которое, проводя собственный крестовый поход за морем, открыло мыс Доброй Надежды; и создало великие государства Арагон и Кастилия, чьи короли были вдохновлены европейскими амбициями своими победами в Испании, а чьи жители за восемь веков войн приобрели военные обычаи и знания, которые сделали их *кондотьерами* Карла V и Филиппа II, а не мирными и трудолюбивыми наследниками торговли и блестящей цивилизации мавров.

Был еще один момент. В чем заключалась причина этого различия между двумя крестовыми походами? Иерусалим, расположенный вдали от центра католической конфессии, оставался в руках мусульман, которые его окружали, по той же самой причине, по которой Толедо, расположенный на границе их зоны оккупации, ускользнул от них и стал владением соседних христиан. Все дело было просто в расстоянии. Палестина граничила с территорией Мекки, а Испания находилась на виду у Рима. Географическое положение является мощным фактором даже в тех вопросах, которые, казалось бы, наименее подвержены его влиянию — в теориях и доктринах религии.^e

СНОСКИ

[73] Христиане очень редко задумывались о обращении мусульман в свою веру. Когда меч не помогал, они прибегали к аргументам. Этот случай позволит нам отступить от хронологического порядка и сказать, что в 1285 году папа Гонорий IV, стремясь обратить сарацин в христианство, пожелал открыть в Париже школы для обучения арабскому и другим восточным языкам, в соответствии с намерениями своих предшественников. В каждом последующем проекте крестового похода всегда предлагалось обучать сарацин с мечом в руках. Собор в Вьенне в 1312 году рекомендовал обращение неверных и восстановление школ как способ вернуть Святую Землю. Соответственно было приказано, чтобы в Риме, Париже, Оксфорде, Болонье и Саламанке были профессора иврита, халдейского и арабского языков, а ученые переводили на латынь лучшие арабские книги. Только во времена Франциска I этот указ был выполнен. Он основал королевский колледж и даже послал на Восток за книгами.

[74] Восточная хроника сообщает, что французы потеряли в этом сражении, помимо брата короля, четырнадцать сотен рыцарей.

[75] De Joinville^f цитирует слова сарацин: «Если бы Мухаммед позволил им испытать те многочисленные бедствия, которые Бог наслал на короля, они бы никогда не доверились ему и не поклонялись ему».

[76] «Чистое язычество и врожденная неверность, как белая ткань, впитают в себя дух христианства, тогда как турки загрязнены и осквернены безбожной религией магометанства, которую сначала необходимо с большим трудом вымыть из них». — Фуллер.^d

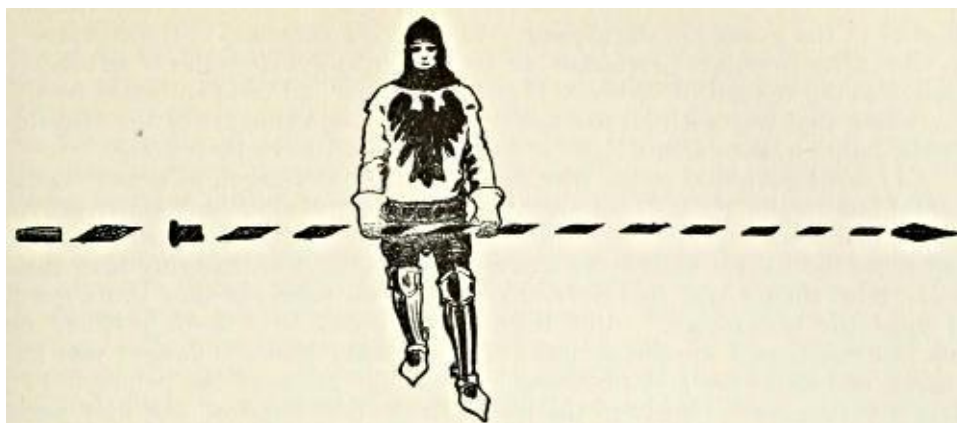
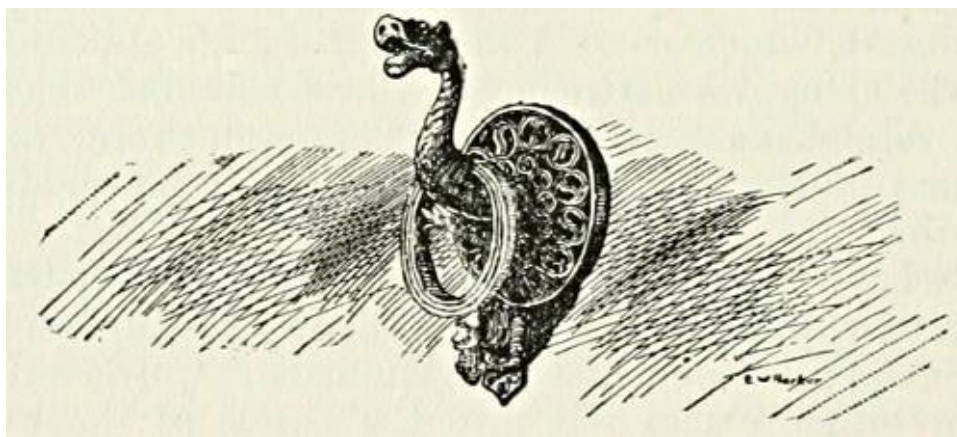
[77] Ле Бланк оценивает выкуп Святого Людовика в семь миллионов ливров современной французской валюты [280 000 фунтов стерлингов или 1 400 000 долларов].

[78] См. Мэтью из Парижа^c, а также Фуллер.^d «Примерно в это время (1250 г.) многие тысячи англичан были готовы к священной войне и обязательно бы ушли, если бы король не охранял строго свои порты и не удерживал свое королевство от бегства за пределы страны. Король пообещал, что пойдет с ними, и на этом получил от них огромную сумму денег на это путешествие. Некоторые говорят, что он никогда не собирался этого делать, и что это был лишь трюк, чтобы успокоить нервную корову и доить ее. Его упрямые подданные сказали, что будут ждать его до середины лета, но не дольше. Таким образом, они взвесили свое послушание на своих весах, и король согласился с их решением. Но, услышав о неудаче французов, и принц, и народ изменили свое решение, поскольку они опоздали, чтобы помочь французам в их беде, и поторопились, чтобы ввергнуть себя в такое же несчастье».

[79] «Рассказывают, — говорит Фуллер, —^d — как Элеонора, его жена, высосала весь яд из его ран, не причинив себе никакого вреда. Таково железобетонное средство — язык женщины, помазанный добродетелью любящей привязанности. Жаль, что такая красивая история не может быть правдой (со всеми чудесами в легендах о любви), и, конечно, тот, кто возьмется опровергнуть такой пассаж, прославляющий честь женского пола, не получит никакой похвалы. Однако это не согласуется с тем, что написали другие».

[80] Генрих в молодости пытался насадить христианство в Литве *силой оружия*. Став королем, он завоевал дружбу духовенства, помогая ему подавить последователей Уиклифа.

[81] [См. также «Историю папства» для полного описания этой трагедии].

ГЛАВА VII. ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

[1096-1291 гг. н. э.]

Никакие религиозные войны не были столь длительными, кровопролитными и разрушительными, как крестовые походы. Бесчисленные полчища святых воинов пали жертвами собственного мстительного энтузиазма и военного рвения. Жестокость и нетерпимость были наиболее яркими чертами характера темных веков, и, пожалуй, не столько в поведении, сколько в цели крестовых походов можно отметить что-то особенное и своеобразное. Кровавый флаг был развернут не для обращения людей в веру и не для распространения идей, а для освобождения Гроба Господня и уничтожения врагов Бога. Западный мир не вторгся в Азию из соображений целесообразности или вследствие какого-либо абстрактного теоретического принципа права на вражду; люди не вооружились из-за убеждения, что сосуществование христианства и ислама совместимо с доктринами *Корана* или что страны Запада будут ввергнуты в пучину разрушения, если Малая Азия не будет отторгнута от сельджукских турок и возвращена императору Константинополя. Но пламя войны распространилось от одного конца Европы до другого, чтобы освободить Святую Землю от того, что называлось «*апокалипсис*» (нечестивое осквернение); и шлюзы фанатизма были открыты для дикой и незаконной цели истребления. Но народное безумие не хотело слушать призывы великодушной политики и высоких амбиций. Желание искупить Святую Землю было чувством, которое влияло как на Годфри де Буйон, так и на Святого Людовика, первого и последнего великих поборников креста; это было то дикое желание, которое двигало Европой на протяжении двух столетий, и без него крестовые походы никогда бы не были предприняты.

Вопрос о справедливости священных войн легко решить. Крестоносцы не были призваны небесами вести войну против мусульман. Палестина не принадлежала христианам по праву в результате какого-либо дара Бога; и из факта разрушения второго храма было очевидно, что в земле Иерусалима больше не было никакой особой святости. В Священном Писании нет повеления христианам строить стены Святого города и нет обещания земного Ханаана в награду за добродетельность. Если бы христиане были воодушевлены убеждением, что война со всем миром является жизненным принципом мусульманской религии, то тогда также возникло бы право на вражду.

Как сказал лорд Бэкон в своей книге *«Война с Испанией»*: «Поскольку в Турецкой империи существует фундаментальный закон, согласно которому они могут без каких-либо других провокаций вести войну против христианского мира для распространения своего права, то над христианами постоянно висит страх войны со стороны турок, и поэтому они могут в любое время, когда сочтут нужным, принять превентивные меры». Но прежде чем они могли оправдаться этим последним аргументом, необходимо было доказать, что опасность была неминуема и что время и обстоятельства не превратили этот принцип в сухую, недействительную букву закона. В первые сто пятьдесят лет истории ислама мусульмане наносили постоянные и успешные удары по христианам, а вторжение испанских и африканских мавров во Францию, казалось, ставило под угрозу христианство как мир, независимый от сарацин и не плативший им дань. В течение всего этого долгого периода народы Запада могли бы организовать крестовые походы на основе принципов самообороны. Но поскольку они веками мирились с существованием ислама, они не могли впоследствии взяться за меч, за исключением случаев, когда это было необходимо для предотвращения или отражения новых агрессий. В момент начала крестовых походов над христианством не висело никакой опасности.

МОРАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

С точки зрения морали и политики священные войны не могут быть оправданы. Тем не менее война стала священным долгом и обязательством для всех слоев общества. Прекрасное лицо религии было замазано кровью, а небесная привлекательность сменилась демонической отвратительностью. Крестовые походы поощряли самые ужасные проявления фанатизма. Они стали прецедентом для военных столкновений церкви с пруссаками и альбигойцами; и так как отвратительная инквизиция возникла из духа клерикального принуждения, войны в Палестине принесли миру ужасное бедствие. Всемирное господство было амбицией римских понтификов; и беззаконие средств было в ужасном соответствии с дерзостью проекта. Пастыри церкви использовали анафемы, отлучения, интердикты и все оружие из арсенала духовной артиллерии; и когда мир взялся за оружие с целью уничтожить неверных, было естественно, что воины Бога отклонились от курса и стали наказывать других врагов истинной религии. Крестовые походы против идолопоклонников и заблудших христиан считались столь же добродетельными и необходимыми, как и крестовые походы против сарацин; юг Франции был пропитан кровью еретиков; а те сапожные апостолы, тевтонские рыцари (), с мечом в руках обратили пруссаков и литовцев из идолопоклонства в христианство.

Меч религиозных преследований был направлен не только против турок и еретиков. Читатель помнит кровавые зверства, которые опозорили начало Первого крестового похода. Этот случай преследования евреев был не только самым ранним из записанных в анналах Запада со времени падения Римской империи, но и правдой является то, что этот несчастный народ встретил большинство своих ужасных бедствий во время священных войн. Весьма вероятно, что ненависть, которую христиане испытывали к ним, была усугублена тем яростным и ошибочным рвением к религии, которое породило крестовые походы; и поскольку главной целью этих крестовых походов было возвращение Гроба Господня в Иерусалим, было естественно, что воюющие христиане с одинаковым отвращением смотрели на народ, распявший Спасителя, и на народ, продолжавший осквернять его гробницу. Эта гипотеза в значительной степени подтверждается тем обстоятельством, что в средние века против евреев существовало распространенное предубеждение, что они часто распинали христианских детей в насмешку над великим жертвоприношением. Если против этого рассуждения возразить, что крестоносец Коэр де Лион был другом евреев, мы ответим, что крестоносец король Эдуард I изгнал их из Англии.

Наказания, которые церковь налагала на своих членов как временные наказания за грехи, могли быть неоправданными с точки зрения Священного Писания и, без сомнения, часто назначались из жестокости и прихоти. Но практика молитвы, поста и милостыни сама по себе была полезна для человека и благотворна для общества. Она смягчала гордость, укрощала чувственные страсти, распространяла милосердие. Вместо этих благословений, убийство людей стало искуплением грехов, а христианские добродетели самоотречения и доброжелательности считались абсурдной и устаревшей модой. Поскольку дисциплина церкви была нарушена в одной цели, она могла быть нарушена и в другой. Кающийся грешник, который не мог сам взять на себя крест, мог внести свой вклад в расходы на священный поход. Когда преступления стали заменяться деньгами, религиозное применение цены прощения вскоре перестало быть необходимым. Освобождение от покаяния стало предметом торговли, а святые добродетели были осуждены. По этой и многим другим причинам крестовые походы не принесли никакой пользы нравственности. Зло жизни, свободной от домашних ограничений, было весомым аргументом против паломничеств в самые ранние века существования церкви, и не похоже, что когда странники стали солдатами, их нравственность улучшилась. Пороки военных колонистов в Палестине

занимают много страниц в летописях крестоносцев. Некоторые из этих описаний следует принимать с оговоркой, поскольку их авторы были предвзяты и считали, что пороки христиан в Святой Земле привели к гибели королевства. Тем не менее, остается достаточно фактов, чтобы показать, что нравственный уровень в Палестине не был выше, чем в Европе. Декреты собора в Наблусе (Шехем или Неаполь) доказывают, что различие в религии, хотя и было препятствием для самых дорогих благотворительных дел, не мешало порочным чувственным отношениям между франками и мусульманами. Латиняне постоянно грабили своих мусульманских соседей, и поэтому по возвращении в Европу не могли распространять вокруг себя никаких лучей добродетели.^[82]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Поскольку крестовые походы велись ради святых целей, а не ради гражданских или национальных, их связь с политикой могла быть только побочной и косвенной. Дух крестовых походов, состоявший из суеверий и военного рвения, был враждебен прогрессу знаний и свободы; следовательно, никакое улучшение гражданского положения королевств Запада не могло быть законным результатом принципов священных войн. Папа был единственным монархом, который смешивал политику со своей набожностью. Другие князья, по-видимому, находились под влиянием духа религии или рыцарства; и только в попытках вновь дезорганизовать интеллект Европы мы видим одного монарха, Генриха IV Английского, действующего как хитрый политик.

Великие изменения в политическом облике Европы были современны священным войнам, но не были вызваны ими. Власть французской короны в конце XIII века была гораздо выше, чем в тот же период XI века, но влияние императорского престола было существенно ослаблено. Эти противоположные последствия не могли быть простым результатом одной и той же причины, а именно потери цветка западной аристократии в Палестине.

Причинами ослабления императорской власти были усиление власти дворян (естественный результат феодальной системы); недальновидное предоставление земель духовенству швабской семьей; споры между папами и императорами по поводу их различных юрисдикций и, прежде всего, разрушительные войны, которые императоры вели на севере Италии с целью повторного присоединения этой страны к трону потомков императорского дома Карла Великого.

Немецкий крестоносец ранних крестовых походов

Политические изменения в Англии нельзя справедливо приписать крестовым походам. До дней Ричарда I священные войны не становились предметом общего или национального интереса. Монархия оставалась такой же в конце его правления, как и в начале; и единственным благоприятным результатом вооружения Коралиона было повышение военной репутации. Его отказ от феодальной власти над Шотландией не оказал никакого влияния на политику. Эдуард I настаивал на своих правах, хотя Ричард лишил его самой сильной поддержки. Малодушный Джон принял крест, но это произошло только после того, как он сдал свою корону папскому престолу и бароны образовали против него конфедерацию. Его принятие креста ни задержало, ни ускорило прогресс английской свободы. Папа не был связан с ним более крепкими узами, чем те, которые связывали их ранее, а бароны не были обмануты религиозным лицемерием короля. Заморские экспедиции графов Корнуолла и Солсбери, а также принца Эдуарда во время правления Генриха III были проявлениями религиозного и военного рвения, но не повлияли на общий ход событий.

Великим политическим событием XII и XIII веков, которое было важнее всех других для гражданской свободы, было появление свободных и корпоративных городов. Но крестовые походы не привели к их созданию и не повлияли на их историю. После различных превратностей судьбы битва при Легнано и Констанцкий мир установили независимость городов на севере Италии. Крестовые походы не способствовали этим событиям, поскольку две священные экспедиции, которые имели место, были столь же катастрофическими для крестьян, как и для князей, и опустошили Европу во всех слоях общества. Следовательно, народ не получил свои свободы благодаря священным войнам. Мы видим, что свобода упомянутых городов была настолько плохо регулирована, что вскоре наступила анархия. Люди, обладавшие личным влиянием и богатством, стремились к суверенным почестям; подавляющая аристократия уничтожила свободу, и в конце XIII века в Тоскане и Ломбардии было столько же князей, сколько было свободных городов в конце XII века.

Только в приморских городах Италии можно отметить бесспорно влияние крестовых походов. Торговля с христианскими государствами в Палестине и предоставление транспорта паломникам увеличили богатство торговых городов. Захват Константинополя

французами и венецианцами имел важные последствия. Венеция восстановила свое морское господство, но вскоре оно было отнято у нее генуэзцами, которые помогли грекам вернуть свою столицу. Генуя стала ведущей державой в Средиземноморье и подчинила себе Пизу. Быстрое увеличение богатства и могущества Венеции и Генуи, а также окончательное уничтожение Пизы, по-видимому, являются основными событиями в истории торговли, к которым привели крестовые походы. Но насколько незначительными были эти события, как в местном, так и в общем плане, как в отношении Италии, так и в общей истории Европы, по сравнению с открытием морского пути в Индию!

Взгляд на героические эпохи христианства с точки зрения их грандиозных и общих результатов является полезным и важным, хотя и меланхоличным занятием. Крестовые походы задержали прогресс цивилизации, уплотнили тучи невежества и суеверий и поощрили нетерпимость, жестокость и свирепость. Религия утратила свою мягкость и милосердие, а война — смягчающие ее качества чести и вежливости. Таковы были горькие плоды священных войн!⁴

ВЛИЯНИЕ НА ТОРГОВЛЮ

В то время торговля с Востоком охватывала гораздо больше товаров, чем в настоящее время. Сахар и ряд других товаров, которые считались предметами роскоши или использовались в медицине, а сейчас поставляются исключительно из Нового Света, в то время привозились из Египта или Индии. Европейцы обращались к Азии за драгоценными камнями, особенно изумрудами, стоимость которых равнялась стоимости алмазов, до тех пор, пока в горах Америки не были обнаружены богатые месторождения. Жемчуг тогда можно было найти только на побережье восточных морей. Крестовые походы привили народам Европы вкус к деликатесам и азиатским украшениям, о которых многие из них раньше и не знали. Тщеславие и изнеженность сделали для них необходимыми драгоценные камни, шелка, духи и все продукты, которые были скорее приятными, чем полезными, и которые природа в изобилии разбросала по всему Востоку.

Привыкшие от общения с восточными народами к жгучему аромату специй, они вскоре не могли обойтись без них. Они не могли приготовить знаменитые блюда без обильного использования специй; даже вина ароматизировали ими. Романтики эпохи крестовых походов на каждой странице воспевали корицу, мускус, гвоздику и имбирь. Если эти писатели хвалили какой-то изысканный аромат, то сравнивали его со специями. Если их богатая фантазия создавала какой-нибудь великолепный дворец, волшебный дом самых могущественных джиннов, они окружали его ароматным лесом, засаженным пряными деревьями. Несколько итальянских городов, особенно республики Венеция, Генуя и Пиза (), получили от этого почти все преимущества не только торговли, охватывающей столь востребованные товары, но и другие преимущества морской торговли, которую греки и арабы оставили франкам.

ОБОГАЩЕНИЕ ГОРОДОВ

Венеция, которая питала среди своих вод огромное население, благодаря своему природному окружению, казалось, была заселена только купцами и последователями моря. Крестовые походы помогли гордому городу осуществить свою блестящую судьбу, заставить Восток трепетать перед его флотами, обогатить Запад своей промышленностью и завоевать уважение на протяжении многих веков благодаря своей военной мощи. Генуя, менее удачно расположенная и менее богатая, чем Венеция, была, однако, достаточно могущественной,

чтобы вызвать зависть морской республики. Пиза слишком поздно вступила в соперничество с Генуей, и разрушение ее гавани было делом неумолимой генуэзской ненависти. Флоренция, никогда не избавлявшаяся от мук гражданских раздоров, тем не менее получила огромное богатство от своей торговли, которое она щедро посвятила культуре изящных искусств.

Таким образом, крестовые походы обогатили великие города, дав им возможность расширить свою торговлю, а также поднять до непомерных высот цены на свои корабли. Трудности и опасности, которые были неотъемлемой частью сухопутного пути, сделали его все менее популярным после первых экспедиций. Толпы паломников направлялись в порты, и несколько итальянских республик накопили на перевозке людей богатство, сопоставимое для того времени с тем, которое товары из Нового Света принесли впоследствии самым процветающим городам современности.

КОЛОНИЗАЦИЯ

Создание колоний на Востоке дало более прочную основу процветанию Италии. Несколько городов, чьи собственные интересы были постоянным стимулом и чья промышленность успешно развивалась, основали торговые колонии в Египте, Африке, по всему Иерусалимскому королевству; в Тире, где пизанцы сформировали знаменитую торговую группу; в Антиохии, в Акре, оплоте христиан; в нескольких других местах, которые открыли для них крестовые походы; в результате главной причиной упадка Венеции и других могущественных итальянских городов стало не только открытие мыса Доброй Надежды, но и в некоторой степени завоевания, которые сделали Селима I повелителем Египта.

До начала священных войн некоторые итальянские города уже имели торговые посты в Греческой империи, но после того как Константинополь попал в руки латинян, активный дух итальянцев больше не сдерживался вызывающей политикой восточных императоров. Генуэзцы основали колонию Каффа, которая стала очень процветающей; венецианцы и пизанцы увеличили количество своих складов во многих местах. Подданные дожа, всегда заботившиеся о своей торговле, потребовали острова архипелага при разделе с французами территории, отвоеванной у Восточной империи; но в момент вступления во владение своей долей они опасались ослабить себя, заняв столь отдаленную и широко разбросанную территорию. В конце концов, однако, они не смогли заставить себя отказаться от морской страны, столь хорошо приспособленной для торговли, и сенат пригласил провозглашением богатых граждан вступить во владение этими островами, обещая передать в феодалов те из них, которые им удастся подчинить себе. Так случилось, что потомки греков, когда-то столь ревниво охранявшие свою политическую независимость, увидели, так сказать, свою свободу на аукционе на публичных площадях Венеции.

И так крестовые походы разорили греков и арабов, и торговля между Востоком и Западом должна была проходить почти исключительно через руки итальянцев, тогда называвшихся лангобардами, активных, проницательных купцов и безжалостных ростовщиков, которые оставили свои имена в качестве памятника своей бережливости на торговых улицах многих великих городов; в тех местностях, где ростовщик, чаще оказывающий временную помощь расточителям, чем реальную помощь беднякам, демонстрирует свою ненасытную жадность. В XII веке они пытались создать в нескольких городах торговые трибуналы для разрешения коммерческих споров и заключения договоров с иностранцами — это было первое отделение коммерческой юриспруденции от общего права. Нас, несомненно, простят за то, что мы не приводим подробного описания итальянских торговых предприятий в Греции и

Азии; достаточно было отметить поворот, который крестовые походы дали торговле в целом.

Процветание, которого достигли Венеция, Генуя и Пиза на юге Европы благодаря торговле с Востоком, почти не уступало процветанию ганзейских городов на севере. Необходимые товары для использования в море, все продукты более холодных климатических зон, приносили Тевтонской Ганзе большие и гарантированные прибыли. Когда лангобарды привезли в части Германии, где денег было мало, продукты юга и востока, возник обмен товаров на товары. Ганзейский союз, по-видимому, возник в начале XIII века, и нетрудно поверить, что торговая деятельность, стимулируемая крестовыми походами, способствовала образованию мощной федерации, которая дышала только любовью к наживе и обменивала все богатства юга на все продукты севера.

Вливая в торговлю новую активность, крестовые походы неизбежно усовершенствовали искусство мореплавания. Можно с уверенностью сказать, что море вызывало меньше страха у тех, кто сталкивался с ним, выполняя религиозный долг, и постепенно этот внушающий страх элемент перестал восприниматься как неизбежная могила для всех, кто доверял ему свою жизнь или состояние. Кроме того, суда перестали руководствоваться слепым инстинктом или недостаточным опытом лоцманов. Компас, происхождение которого так трудно установить (и действительно, этот инструмент, возможно, не был изобретен до времени Первого крестового похода), был в общем употреблении на судах, курсировавших по Средиземному морю. Мы должны восхищаться удачливой, но опрометчивой предприимчивостью итальянцев, которые преодолели капризы и ярость волн. Эти мореплаватели приобретали все больше опыта, постоянно перевозя паломников, и доказали, что плавать по морям зимой не невозможно. Венеция превзошла весь мир блеском своей морской славы. Она вполне заслужила, чтобы папа того времени, стремясь выразить свою благодарность защитникам, торжественно вручил дожу обручальное кольцо, которое на протяжении долгих веков было единственным символом морской мощи республики.

Крестоносец последнего крестового похода

К Святой Земле проложили путь и другие флоты, помимо итальянского. На Южном море можно было увидеть корабли, перевозившие пиратов и авантюристов, которые ежегодно в большом количестве отправлялись из северных стран. Фламандцы, голландцы, шведы и датчане часто оказывали значительную помощь христианам на Востоке. Норвежцы сражались под командованием короля Балдуина при взятии Сидона; фламандцы спасли Лиссабон от сарацин. Эти северные народы прибывали на высокопалубных массивных кораблях, в то время как суда, используемые в Средиземном море, были очень легкими и мелководными; разница в конструкции была заметна без сравнения преимуществ и недостатков.

С крестовых походов можно датировать создание французского флота. Филипп Август по возвращении из Святой Земли организовал национальный флот; до этого французские флоты состояли из иностранных судов, нанимаемых на определенный срок. Звание «адмирал», название и понятие которого были заимствованы у греков или арабов, вошло в постоянное употребление примерно во время Второго крестового похода, тогда как в прежние времена это звание присваивалось только в начале войны и выходило из употребления по ее окончании.

Очень скоро океан и Средиземное море покрылись судами, укомплектованными опытными и отважными моряками. Большой сухопутный путь из Антверпена в Геную, который был дорогостоящим, медленным и трудным, был с тех пор заброшен.

Судостроение извлекло урок из нескольких злоупотреблений, которые крестовые походы на время внесли в это искусство. Корабли чрезмерной вместимости, слишком слабые и с неправильными пропорциями были построены в спешке, чтобы разместить толпы паломников. Моряки, желавшие, чтобы их путешествия были более прибыльными, и пассажиры, желавшие путешествовать в компаниях, начали использовать эти неуклюжие суда. Однако это отступление от принципов судостроения привело к потере многих флотов

и вызвало удачную инновацию в кораблестроении. Опыт показал, что одной мачты недостаточно для судна больших размеров, и именно с этого периода мы можем проследить обычай оснащать одно судно несколькими мачтами — обычай, древность которого хорошо доказана, но происхождение которого несколько окутано сомнениями.

Увеличение количества парусов неизбежно следовало за внедрением более одной мачты; корабли больше не останавливались в своем курсе из-за отсутствия прямого благоприятного ветра — умело подстраивая паруса, моряк почти всегда продвигался к месту назначения. Искусство плавания к определенной точке при почти прямом встречном ветре, безусловно, следует считать одним из самых гениальных и важных открытий, когда-либо сделанных.

ВЛИЯНИЕ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Те же причины, которые придали новый импульс торговле, способствовали мощному развитию всех ресурсов промышленности. Во время первых крестовых походов не существовало мануфактур по производству шелковых изделий, кроме греческих, которые переняли эту отрасль промышленности у персов, но вскоре были вынуждены уступить ее Сицилии. Затем ремесленники, покинувшие остров, научили итальянцев искусству изготовления шелка. Эта отрасль промышленности занимала в основном членов религиозного ордена Умилиес, которые, как говорят, изобрели золотую и серебряную ткань.

В городах Востока сарадины также имели мануфактуры по производству товаров, и у них крестоносцы покупали текстильные ткани из верблюжьей шерсти. Эти отрасли промышленности, а также греческие, независимо от того, были ли последние перенесены в Палермо или остались в Восточной империи, могли служить образцом или стимулом в Европе для многих предприятий, где обрабатывали шерсть. В Тире были известные стекольные мануфактуры. Песок, покрывающий окрестности этого города, обладает свойством придавать высокую степень прозрачности стекловатому материалу, из которого изготавливались красивые изделия. Эти изделия, вероятно, вызвали соперничество со стороны Венеции, которая получала большую прибыль от своей стеклянной посуды, особенно в XV веке, когда металлические сосуды были вытеснены стеклянными. Вот некоторые подробности об изобретениях, единственные, которые нам удалось собрать. Мельницы, движимые силой ветра, были изобретены в Малой Азии, где очень мало проточной воды. Предполагается, что крестоносцы привезли их в Европу в XII веке — это предположение подтверждается изображениями частей ветряных мельниц на многих старинных гербах, но некоторые другие свидетельства не позволяют нам принять его. Несколько авторов также предполагают, что крестоносцы распространили по всей Европе знания об изобретении бумаги, которые они получили от греков.

Арабы преуспевали в металлообработке и знали, как чеканить и инкрустировать металл. Они изобрели искусство «дамаскирования», которое придавало стали блеск и великолепие золота и серебра. Антиквары заметили, что со времен крестовых походов чеканка монет и оттиски печатей стали менее неточными, и некоторые приписывают это улучшение урокам, полученным от арабов. Крестоносцы, как бы ни были возмущены осквернением Иерусалимского храма, не могли не восхищаться украшениями из драгоценных металлов, которыми были художественно украшены колонны и стены в честь Мухаммеда. Они увезли с собой более пятисот серебряных сосудов, освященных для служения ложному пророку. Процесс эмалирования металлов и использование в живописи насыщенных, ярких цветов, возможно, были доведены до совершенства благодаря созерцанию этих арабских

произведений искусства. Они также привезли из Востока большое количество рубинов, гиацинтов, изумрудов, сапфиров и бриллиантов и научились оправлять их в золото и серебро, придавая им вечное очарование благодаря изысканности оправы и закрепления.

МАСОНЫ ОРГАНИЗУЮТСЯ

Крестовые походы косвенно способствовали прогрессу искусства, поскольку привели к умножению религиозных орденов и благочестивых учреждений. Количество священных сооружений, возведенных в то время по всей Европе, поистине огромно. Аристократы и даже те, кто не отличался особой набожностью, стремились получить титул «основателя церкви». Хотя они и разрушали храмы в одном месте, им часто доставляло удовольствие строить их в других.

Одно необычное обстоятельство в значительной степени способствовало этому стремлению возводить здания, посвященные религиозному культу. Во Франции, особенно в Италии, ходили слухи, что мир приближается к концу, и в этом случае считалось ненужным ремонтировать церкви и еще более бесполезным строить новые. Но когда предсказанный период наступил, а признаков окончательной катастрофы не было, тревога утихла, и, стыдясь того, что их ввела в заблуждение малодушная боязнь, люди стремились загладить свою вину за пренебрежение алтарями и священными местами, в котором они были виновны. Им не хватало простого восстановления небезопасных церквей, чтобы погасить свой долг перед религией, и те из них, стабильность которых не вызывала сомнений, были снесены под ложным предлогом, что они недостаточно величественны. Для достижения своих целей было создано общество, состоящее из людей всех сословий, знатных и простых, которые в своем рвении стали плотниками и каменщиками; они предлагали свои услуги во всех направлениях, таская телеги, как выючные животные, или обязываясь выполнять определенные религиозные обряды. Собор в Шартре является памятником труда этих благочестивых рабочих. Эти странные идеи, зародившиеся в конце XI века, нашли в умах людей страсть к такого рода сооружениям и усилили общий энтузиазм.

ГОТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Несколько памятников архитектуры, которые до сих пор вызывают наше восхищение, являются плодом художественного импульса, полученного от контакта с людьми, более преданными своей культуре, и от растущего рвения в поклонении. Вид греческих и арабских памятников привнес на Запад новый вкус, благодаря которому сирийский, арабский или сарацинский тип архитектуры, неправильно называемый готическим, достиг своего высшего совершенства. Изящные остроконечные арки заменили низкие и уродливые проемы, которые робкие строители боялись поднять выше и которые открывали лишь узкий обзор. Архитекторы считались искусными, если они могли удивлять смелостью и дерзостью своих работ. Как и в мечетях, они нагружали легкие и изящные колонны огромными массами, которые, казалось, поддерживались невидимой рукой. Они вырезали камни в тысяче различных и часто самых причудливых форм и вставляли в них раскрашенное стекло, яркие цвета которого великолепно подчеркивались лучами солнца. И как будто предвидя равнодушие потомков к своим работам, они придали им прочность, которая позволила им просуществовать в течение долгого времени без ухода и реставрации.

В то время появились самые великолепные произведения готической архитектуры. Тогда была построена Пизанская башня, которая стала чудом благодаря разрушительному воздействию времени. Греческий архитектор построил в Венеции церковь Святого Марка,

сильно впечатленный упадком вкуса греков. Немец разработал проект башни в Страсбурге, чья изящная конструкция, казалось бы, не способна удержать ее на такой высоте. Сугер не пренебрегал изучением архитектуры; он отреставрировал свою собственную аббатскую церковь и оставил отчет о своих трудах. Был заложен фундамент Амьенского собора, шедевра смелой и изящной конструкции. Ла Сент-Шапель в Париже, менее обширная, но столь же изящная по стилю, была лучшим произведением любимого архитектора, которого Св. Людовик взял с собой в Азию. Было бы слишком долго перечислять все великолепные сооружения, построенные в славную эпоху готической архитектуры. Возможно, эти художники были варварами в украшении, но им не было равных в принципах, общем дизайне, резьбе по камню, знании арок и величии своих сооружений в целом.

СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ

Скульптура оживила эти храмы множеством статуй. Она сохранила для нас образы многих известных людей, чьи портреты, нарисованные с натуры, мы часто сожалеем, что не знаем.

Живопись культивировалась с большим рвением. Чимабуэ развивал свои таланты во Флоренции в соответствии с учением некоторых художников из Константинополя. Он был первым, кто показал, каких чудес можно ожидать от почти забытого искусства, и вполне справедливо, что его ставят во главе всех художников, появившихся после его времени.

Из сказанного можно сделать вывод, что крестовые походы способствовали пробуждению на Западе интереса к живописи, скульптуре и архитектуре. Дух завоевания всегда пробуждал дух изобразительного искусства. Хотя художники могут бежать от столкновения оружия, их души, вдохновленные волнением великих военных движений и всеобщим соперничеством в мужестве и доблести, в такие моменты проявляют благородное стремление к славе. Вид театра разрушения и кровопролития, сметенного шагами завоевателя, часто разжигает священный огонь, который гаснет в периоды мира и спокойствия, и за несовершенными и поспешно законченными эскизами быстро следуют чудесные произведения, задуманные и вызревшие в глубоких размышлениях. Нации также желают отпраздновать с помощью общественных памятников триумфы, орошенные их кровью и слезами. По этой причине художники изображают на головах героев крылья победы, щедро украшают их пальмовыми ветвями и коронами и размещают со всех сторон символы славы. Города наполняются великолепными зданиями, а общественные площади — бронзовыми и мраморными фигурами, которые кажутся живыми и дышащими. ^e

МНЕНИЕ ГЕРДЕРА О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

Принято приписывать крестовым походам столько благотворных последствий, что, согласно этому мнению, наша часть земного шара должна испытывать подобную лихорадку, чтобы возбуждать и стимулировать свои силы раз в пять или шесть веков; но более тщательное исследование покажет, что большинство этих последствий не было вызвано крестовыми походами, по крайней мере, не только ими; и что среди различных импульсов, которые тогда получала Европа, они были, в лучшем случае, ускоряющими толчками, действующими в целом в побочных или косых направлениях, без которых умы европейцев вполне могли бы обойтись. В действительности, это всего лишь призрак мозга — создавать один главный источник событий из семи отдельных экспедиций, предпринятых в течение

двух столетий разными народами и по разным мотивам, только потому, что они носили одно общее название.

Европейцы уже открыли торговлю с арабскими государствами до крестовых походов: и они были свободны извлекать из нее выгоду и расширять ее гораздо более почтенным образом, чем с помощью грабительских кампаний. Благодаря этим кампаниям, конечно, перевозчики, банкиры и поставщики получили выгоду: но вся их выгода была получена за счет христиан, против чьей собственности они фактически были крестоносцами. То, что было отнято у Греческой империи, было позорной добычей торговцев, которая, чрезвычайно ослабив эту империю, сделала Константинополь более легкой добычей в будущем для турецких орд, которые постоянно давили на него все сильнее. Венецианский лев Святого Марка подготовил путь для турок, чтобы они вошли в Европу и так широко распространились в ней, благодаря Четвертому крестовому походу. Генуэзцы, правда, помогли одной ветви греческих императоров вновь взойти на трон, но это был трон ослабленной, разбитой империи, которая стала легкой добычей для турок; тогда и венецианцы, и генуэзцы потеряли свои лучшие владения и, в конце концов, почти всю свою торговлю в Средиземном и Черном морях.

Рыцарство возникло не из крестовых походов, а крестовые походы из рыцарства: цвет французского и нормандского рыцарства появился в Палестине во время первой кампании. Крестовые походы, по сути, скорее лишили рыцарство его должных почестей и превратили настоящих вооруженных рыцарей в простых рыцарей-гербоносцев. Ведь в Палестине многие надевали шлемы с гребнями, которые в Европе они не осмеливались носить; они привезли с собой гербы и дворянство, которые передали своим семьям, и таким образом ввели новый класс — дворянство геральдической службы, а со временем и дворянство по патенту. По мере того как число древних династий, истинного рыцарского дворянства, уменьшалось, эти новые люди стремились получить владения и наследственные привилегии, как и они: они тщательно перечисляли своих предков, приобретали достоинства и привилегии и через несколько поколений принимали титул древнего дворянства, хотя у них не было ни малейших претензий на равенство с теми династиями, которые были для них князьями. Каждый человек, носящий оружие в Палестине, мог стать рыцарем: первые крестовые походы были годами всеобщего ликования для Европы. Эти новые дворяне по праву военной службы вскоре стали очень полезны для растущей монархии, которая ловко умела использовать их против тех из высших вассалов, которые еще оставались. Таким образом, страсть уравнивает страсть, и одно явление противодействует другому: в конце концов, дворянство лагеря и двора полностью уничтожило древнее рыцарство.

Искусства и науки также никоим образом не продвигались настоящими крестоносцами. Беспорядочные войска, которые первыми стекались в Палестину, не имели о них ни малейшего представления и вряд ли могли приобрести его в пригородах Константинополя или у турок и мамелюков в Азии. В последующих кампаниях нам не нужно задумываться о том, как мало времени армии проводили там и в каких ужасных условиях это время часто проводилось просто на границах страны, чтобы развеять великолепную мечту о великих открытиях, привезенных оттуда. Маятниковые часы, которые император Фридрих II получил в подарок от Камиля, не привнесли в Европу гномонику; греческие дворцы, которые крестоносцы восхищались в Константинополе, не улучшили стиль европейской архитектуры. Некоторые крестоносцы, в частности Фридрих I и II, прилагали усилия для продвижения прогресса знаний: но Фридрих I делал это еще до того, как увидел Азию; а короткий визит Фридриха II в эту страну послужил лишь новым стимулом, подтолкнувшим его к продолжению того курса правления, который он избрал задолго до этого. Ни один из

духовных рыцарских орденов не привнес в Европу никаких новых знаний и не способствовал их развитию.

Таким образом, все, что можно сказать в пользу крестовых походов, ограничивается несколькими случаями, когда они сотрудничали с уже существующими движениями и невольно способствовали их развитию.

(1) Поскольку множество богатых вассалов и рыцарей отправилось в Святую Землю в первых походах, и многие из них никогда не вернулись, их поместья, конечно, были проданы или поглощены другими. От этого выиграли те, кто мог, — сеньоры, церковь, уже существующие города, каждый по-своему: это способствовало и ускорило ход событий, способствуя укреплению королевской власти путем создания среднего класса, но ни в коем случае не было его началом.

(2) Люди познакомились со странами, народами, религиями и конституциями, о которых раньше не знали; их узкий кругозор расширился; они приобрели новые идеи, новые импульсы. Внимание было привлечено к вещам, которые в противном случае были бы проигнорированы; то, что давно существовало в Европе, было использовано с большей пользой; и поскольку мир оказался шире, чем предполагалось, пробудилось любопытство к знанию о его самых отдаленных уголках. Могущественные завоевания Чингисхана на севере и востоке Азии привлекли внимание людей главным образом к Татарии; туда с очень разными целями отправились венецианец Марко Поло, француз Рубрук (Guillaume de Rubrouck) и итальянец Джованни Пьяно Карпино (Giovanni Piano Carpini): первый — с целью торговли, второй — чтобы удовлетворить королевское любопытство, третий был послан папой, чтобы обратить людей в христианство. Эти путешествия, конечно, не имеют никакого отношения к крестовым походам, до и после которых они были предприняты. Сам Левант нам менее известен из этих экспедиций, чем можно было бы ожидать: рассказы восточных народов о нем, даже в период, когда Сирия была полна христиан, по-прежнему незаменимы для нас.

(3) Наконец, на этом святом театре европейцы лучше познакомились друг с другом, хотя и не самым лучшим образом. Благодаря этому более близкому знакомству короли и принцы в большинстве своем привезли домой непримиримую вражду: в частности, войны между Англией и Францией получили от них новое топливо. Неудачный эксперимент, заключавшийся в том, что христианская республика могла и должна была единодушно бороться с неверными, создал прецедент для подобных войн в Европе, которые с тех пор распространились на другие части земного шара. В то же время нельзя отрицать, что, хотя соседние державы Европы получили более тщательное представление о своих взаимных слабостях и силах, были даны некоторые неясные намеки на более всеобъемлющую политику и новую систему отношений в мире и на войне. Все жаждали богатства, торговли, удобств и роскоши; так как некультурный ум склонен восхищаться этим у чужаков и завидовать тому, что это есть у других. Немногие из тех, кто вернулся с Востока, могли быть удовлетворены европейскими нравами; даже их героизм оставил многое позади, неуклюже подражая Азии на Западе, или жаждал новых путешествий и приключений. Ибо реальное и постоянное благо, произведенное любым событием, всегда соразмерно его согласию с разумом.

Европе не повезло бы, если бы в то время, когда ее военные полчища сражались за Гроб Господень в уголке Сирии, оружие Чингисхана было бы раньше и сильнее обращено на Запад. Тогда, вероятно, наша часть земного шара стала бы добычей монголов, как Польша и Россия, а ее народы, возможно, были бы изгнаны и, с паломническими посохами в руках, молились бы на четках вокруг объекта своих споров.^b

ГИББОН О РЕЗУЛЬТАТАХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Как только франки убрали свои войска, впечатление, хотя и не память, было стерто в мусульманских царствах Египта и Сирии. Верные последователи пророка никогда не поддавались кощунственному желанию изучать законы или язык идолопоклонников; их простота и примитивность нравов не претерпели ни малейших изменений от общения в мире и войне с неизвестными чужестранцами с Запада. Греки, которые считали себя гордыми, но были лишь тщеславными, проявили несколько менее непреклонную позицию. В своих усилиях по восстановлению империи они подражали доблести, дисциплине и тактике своих противников. Они могли справедливо презирать современную литературу Запада, но ее свободный дух научил их правам человека, и некоторые институты общественной и частной жизни были заимствованы у французов. Переписка между Константинополем и Италией способствовала распространению знания латинского языка, и некоторые отцы церкви и классики в конце концов были удостоены чести быть переведенными на греческий язык. Но национальные и религиозные предрассудки восточных народов были разжигаемы гонениями, и правление латинян подтвердило разделение двух церквей.

Если мы сравним в эпоху крестовых походов латинян Европы с греками и арабами по степени их знаний, трудолюбия и искусства, то наши грубые предки должны довольствоваться третьим местом в рейтинге народов. Их последовательное совершенствование и нынешнее превосходство можно объяснить особой энергией характера, активным и подражательным духом, неизвестным их более утонченным соперникам, которые в то время находились в состоянии стагнации или регресса. С таким складом ума латиняне должны были извлечь самые ранние и существенные выгоды из ряда событий, которые открыли им перспективу мира и привели их к длительным и частым контактам с более культурными регионами Востока. Однако в течение шестидесяти лет правления латиняне Константинополя презирали речь и знания своих подданных, и рукописи были единственными сокровищами, которыми местные жители могли наслаждаться без грабежей и зависти. Аристотель действительно был оракулом западных университетов, но это был варварский Аристотель; и вместо того, чтобы подняться к истоку, его латинские поклонники смиренно приняли искаженную и отдаленную версию от евреев и мавров Андалусии.

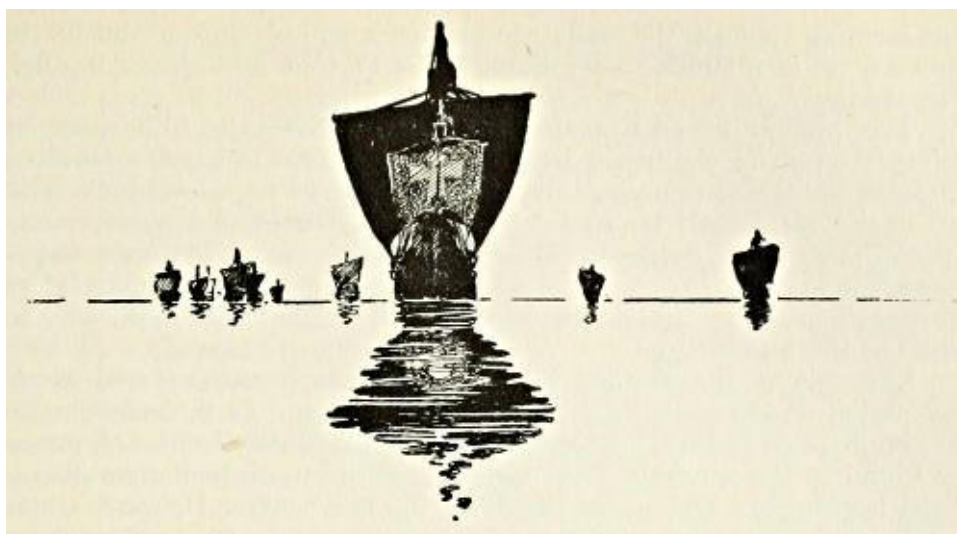
Принцип крестовых походов был диким фанатизмом, и самые важные последствия были аналогичны причине. Каждый паломник стремился вернуться со своей священной добычей, реликвиями Греции и Палестины, и каждой реликвии предшествовала и следовала череда чудес и видений. Вера католиков была испорчена новыми легендами, их практика — новыми суевериями; и учреждение Инквизиции, нищенствующие ордена монахов и монахинь, последнее злоупотребление индульгенциями и окончательный прогресс идолопоклонства проистекали из зловещего источника священной войны. Активный дух латинян пожирал жизненные силы их разума и религии; и если девятый и десятый века были временами тьмы, то тринадцатый и четырнадцатый были веками абсурда и басен.

Жизнь и труд миллионов людей, которые были похоронены на Востоке, были бы с большей пользой использованы для улучшения их родной страны; накопленные запасы промышленности и богатства переполнили бы судоходство и торговлю; и латиняне обогатились бы и просветились бы благодаря чистому и дружескому общению с странами Востока.

В одном отношении мы действительно можем увидеть случайное воздействие крестовых походов, не столько в принесении пользы, сколько в устранении зла. Большая часть жителей Европы была прикована к земле, не имея ни свободы, ни собственности, ни знаний; и только два сословия — духовенство и дворянство, число которых было сравнительно невелико, — заслуживали названия граждан и людей. Среди причин, подорвавших это готическое здание, видное место занимают крестовые походы. Имения баронов были растрчены, а их род часто уничтожался в этих дорогостоящих и опасных экспедициях. Их бедность вынудила их гордость отказаться от тех хартий свободы, которые сняли оковы с рабов, обеспечили фермы крестьян и мастерские ремесленников и постепенно восстановили материальное благосостояние и дух наиболее многочисленной и полезной части общества. Пожар, уничтоживший высокие и бесплодные деревья леса, дал воздух и пространство для роста более мелких и питательных растений.^d

СНОСКИ

[82] В занимательном романе *«Ле Ренар»*, написанном в XIII веке, говорится, что зарубежные паломничества никому не принесли пользы и что многие хорошие люди стали плохими из-за них. Изучая историю нравов, любопытно заметить, что Пирс Плугман говорит о паломниках и паломниках, которые по возвращении имеют право лгать всю оставшуюся жизнь.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ФЕОДАЛИЗМ

[800-1450 гг. н. э.]

Для среднестатистического человека термин «Средневековье» является синонимом хаоса. И по сравнению с предыдущими и последующими периодами это действительно хаос. Но в некотором смысле вся история человечества «безформенна», даже если и не «пуста», и относительная простота, которую мы видим в определенных периодах, достигается главным образом путем отмены бесчисленных запутанных деталей и концентрации

внимания на определенных крупных и живописных личностях или движениях, которые на самом деле были далеки от того, чтобы иметь такое явное и выдающееся значение в глазах современников.

Так, в случае завоевания Александром того небольшого участка пространства, который он называл «миром», для современных ему афинян Александр был почти мифом, затерянным в тумане восточной пустыни. Афинянин находил свои непосредственные проблемы и триумфы в своей семье, в своей лавке, в своем деме. Однако для мириад других народов само существование Александра было неизвестно; и великолепные интриги, великолепная политика, высокие подвиги государственного управления и военного дела происходили далеко от орбиты Александра. Эти деяния никогда не были занесены в летописи, или летописи утрачены, или, возможно, только ждут своего открытия. В результате мы ничего не знаем об этих запутанных историях и обобщаем в одной фразе «александрийская эпоха» огромную паутину хаоса, о котором мы знаем так мало.

Но все же, принимая историю такой, какая она есть, средневековье мучает и сбивает нас с толку разнообразием и кажущейся незначительностью своих событий. Его называют темными веками, хотя, при ближайшем рассмотрении, оно заслуживает этого названия не больше, чем сама ночь со всем своим откровением звезд, которые день поглощает в одном центральном блеске солнца.

Пусть же название «темные века» останется, хотя не следует забывать, что человеческая история, по крайней мере, мечтала и шла в этом кажущемся сне. Не хватало ни хроник, ни действий. И, вопреки распространенному мнению, не хватало и прогресса. Варвары обрушились лавиной на сады цивилизации. Во время кажущейся бездеятельности семена работали, а идеалы усердно пробивались наверх, пока внезапно не прорвались в тот весенний период, известный как Ренессанс.

В этой работе приводится история каждой крупной страны, но для лучшего понимания сил, которые сделали возможным Ренессанс и побудили человечество громко требовать улучшения условий жизни, будет полезно отдельно рассмотреть некоторые особые фазы и силы средневековой жизни. Это поможет легче понять, что жизнь в тот период, который мы так произвольно выделяем из истории и откладываем в сторону как средневековье, отнюдь не была лишена брожения прогресса.

В различных историях современных наций можно найти обсуждение многообразных фаз феодализма. Однако желательно уделить ему отдельное внимание, хотя и обязательно краткое. Ориентиром могут служить слова Брайса, чье определение феодализма также является хорошим началом, а также слова философа Гегеля:⁴

БРАЙС И ГЕГЕЛЬ О ФЕОДАЛИЗМЕ

«Здесь не место для того, чтобы проследивать происхождение феодализма на римской земле, ни для того, чтобы показывать, как он, подобно заразе, распространился в Германию, как прочно укоренился в период относительного спокойствия при Пепине и Карле, как от рук последнего он получил отпечаток, который определил его окончательную форму, как слабость его преемников позволила ему торжествовать повсюду. Еще менее возможно здесь исследовать его социальное и моральное влияние. В политическом плане его можно определить как систему, которая делала владельца участка земли, большого или маленького, сувереном тех, кто на нем жил; присоединение личной власти к территориальной, более знакомое восточному деспотизму, чем свободным народам первобытной Европы. На этом принципе были основаны и им объясняются феодальное

право и правосудие, феодальные финансы, феодальное законодательство, причем каждый арендатор занимал по отношению к своему господину то же положение, которое его собственные арендаторы занимали по отношению к нему. И именно потому, что эти отношения были столь однородны, принцип столь всеобъемлющ, правящий класс столь твердо привержен его поддержке, феодализм смог наложить на общество такое влияние, которое с трудом удалось сбросить более чем двадцати поколениям.^b

Три этапа, на которых был достигнут феодализм, Гегель в общих чертах резюмирует следующим образом:

«В то время как первый период немецкого мира заканчивается блестяще мощной империей, второй начинается с реакции, вызванной антитезой, порожденной той бесконечной ложью, которая управляет судьбами средневековья и составляет его жизнь и дух. Эта реакция, во-первых, является реакцией отдельных национальностей против всеобщей власти Франкской империи, проявляющейся в распаде этой великой империи. Вторая реакция — это реакция отдельных лиц против законной власти и исполнительной власти, против подчинения, военных и судебных положений конституции. Это привело к изоляции и, следовательно, к беззащитности отдельных лиц. Универсальность государственной власти исчезла в результате этой реакции; отдельные лица искали защиты у сильных мира сего, а последние стали угнетателями. Таким образом, постепенно было введено состояние всеобщей независимости, и эти защитные отношения были затем систематизированы в феодальную систему».^c

НАЧАЛО ФЕОДАЛЬНОГО РЕЖИМА

Настоящими наследниками Карла Великого были не короли Франции, Германии и Италии, а феодалы. После свержения Карла Толстого была расчленена не только империя, но и составлявшие ее королевства и даже великие феодалы. Герцоги и графы были столь же бессильны, как и короли, перед норманнами, саксами и венграми, и столь же неспособны удержать под своим контролем обширные владения. Население, лидеры которого не умели объединить его для совместных действий, постепенно приобрело привычку полагаться только на себя.

После долгого бегства от приближающихся язычников в леса среди диких зверей, некоторые смелые люди передумали и отказались покидать все свои владения, не попытавшись защитить их. Здесь и там, в горных ущельях, на бродах рек, на холмах, возвышающихся над равниной, были возведены укрепления и стены, где держались храбрые и сильные. Указ 853 года предписывал графам и вассалам короля отремонтировать свои старые замки и построить новые. Вскоре страна была покрыта крепостями, на которые вторгшиеся враги набрасывались тщетно. Несколько поражений быстро научили этих смелых авантюристов осторожности. Они больше не осмеливались заходить так далеко, туда, где с всех сторон выросли эти крепости, и новое вторжение, встретившее новые препятствия и трудности, закончилось в следующем столетии. Только потом хозяева этих замков стали ужасом для сельской местности, которую они когда-то помогли спасти.

ФЕОДАЛЬНЫЙ ЗАМОК

Феодализм, столь угнетающий в эпоху своего упадка, имел, таким образом, период законного и справедливого существования. Всякая власть возвышается благодаря своим достоинствам и падает из-за злоупотребления ею.

Но каким был новый режим? Мы видели, как вопрос приобретения и владения собственностью стал более унифицированным среди варварских народов благодаря установлению наследственности на землях, уступленных королем, и санкционированию законом другого вида узурпации — наследственности королевских должностей. Как правило, обладателями этих должностей становились владельцы свободной собственности или королевских земель, что привело к объединению суверенитета и собственности в одних руках. Это и составляет суть феодализма.

В абсолютной монархии Римской империи государственные должности всех уровней иерархии присваивались непосредственно правителем, и их распределение всегда оставалось в его власти, так что он мог отозвать их когда и на каких условиях ему заблагорассудится. Кроме того, государственный чиновник не владел ни землями провинции, которой он управлял, ни какой-либо частной собственностью, которой он мог владеть как частное лицо. Поэтому он был связан, как землевладелец, гражданским правом, применимым ко всей империи, а как правитель — добровольной волей своего суверена. В феодальном режиме все было с точностью до наоборот. Лорд, который *наделял феодалом*, то есть уступал по титулу субфеодальной части своей собственной феодальной земли, полностью передавал получателю или *вассалу* собственность и контроль над ней, и она не могла быть возвращена, если только вассал не нарушал какую-либо часть соглашения, заключенного во время получения инвеституры.

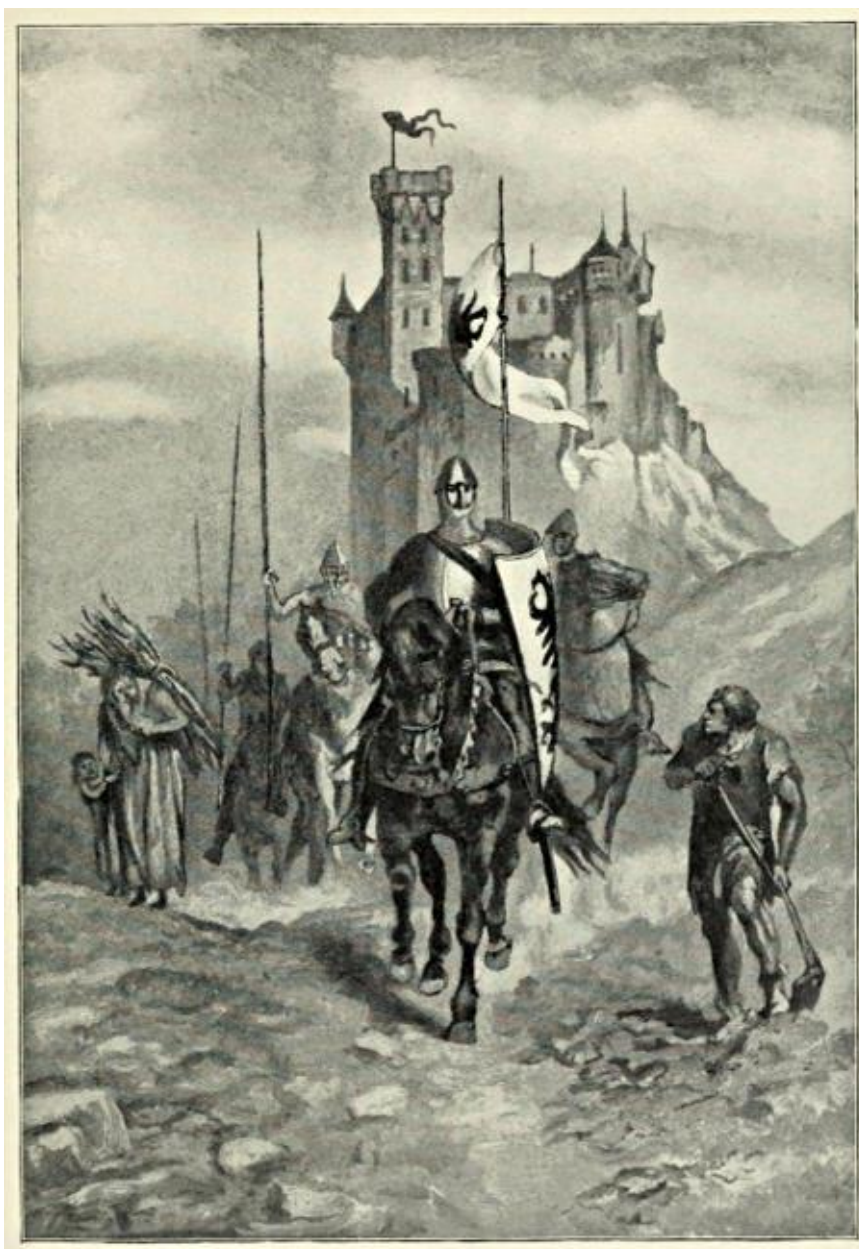
Один лорд мог получить землю от другого и таким образом стать его вассалом. Первый должен был явиться ко второму, и между ними происходила церемония, известная как *оммаж*. Преклонив колени перед своим будущим сеньором, сложив руки, будущий вассал громко провозглашал, что он будет его *homme*, или человеком, то есть что он будет привязан к нему и предан ему, будет защищать его собственной жизнью, подобно тому, как древние *леуды* Германии поступали по отношению к своим вождям-воинам. После этого заявления, которое является *оммажем* в первоначальном смысле этого слова, он приносил присягу на верность или верность господину, обещая выполнять новые обязанности, требуемые от него в соответствии с новым титулом *homme* господина. Когда он заключил эту двойную связь, господин больше не боялся доверять свою землю человеку, так сильно связанному с ним, и передавал ее ему посредством инвеституры или *сезина*, сопровождаемых символическими эмблемами — куском земли, камнем или каким-либо другим предметом в соответствии с обычаем феодала. «Существует обычай, — говорит Отто фон Фрайзинг, — ^e — передавать королевства мечом, а провинции знаменем». После завершения этой трехчастной церемонии почитания начинались взаимные обязательства.

ВЗАИМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВАССАЛА И ЛОРДА

В первую очередь, существовали моральные обязательства вассала по отношению к своему сеньору, такие как хранение его секретов, раскрытие заговоров его врагов, предоставление ему своей лошади в бою, если он был сбит с седла, замена его в плену, уважение и обеспечение уважения его чести, помощь ему добрым советом и т. д. Материальные обязательства, услуги, которые должен был оказывать вассал, были нескольких видов.

(1) Военная служба. Это было самой основой феодальных отношений и принципом того состояния общества, в котором не было постоянных и организованных армий. Вассал по требованию своего господина был обязан следовать за ним либо в одиночку, либо привести с собой определенное количество людей в зависимости от важности своего феода. Продолжительность этой службы также зависела от того же самого — она могла составлять шестьдесят, сорок или только двадцать дней — система, которая не допускала дальних походов и могла применяться только в соседних или частных войнах. Были некоторые феодалы, где военная служба осуществлялась только в пределах феодального владения или могла быть призвана только в целях обороны.

(2) «Фианс», или обязанность служить господину в его суде. Поскольку при феодальном режиме господин заменял генеральные штаты и был наделен функциями государственной власти, для их осуществления было необходимо держать под своим командованием силы, распределенные между его вассалами. Война была одной из этих функций, правосудие — другой.

РЫЦАРИ И КРЕСТЬЯНЕ

Лорд созывал своих людей в суд, и они должны были явиться, чтобы либо служить ему своим советом, либо участвовать в рассмотрении споров, представленных ему, и таким образом они обязывались помогать в исполнении решений, которые сами же и провозгласили.

(3) «Помощь», в некоторых случаях юридическая и обязательная, в других — вежливая и добровольная. Юридическая помощь обычно требовалась при трех условиях: когда лорд был пленником и должен был заплатить выкуп, когда он посвящал в рыцари своего старшего сына и когда он выдавал замуж свою старшую дочь. Эта помощь заменяла публичные налоги древних и современных законодательных органов, но, как можно видеть, имела совершенно иной характер. Фактически она не была периодической и не взималась на регулярной основе для общественных нужд; она имела вид добровольного подарка при определенных особых обстоятельствах. Ежегодный налог казался бы оскорблением для вассалов.

К этим услугам следует добавить определенные феодальные права, в силу которых лорд, в силу своего суверенитета, вмешивался в любые важные изменения, которые могли произойти в уступленном феоде. Некоторые из них были для него новым источником дохода. Этими правами были: релеф, сумма денег, причитающаяся с каждого крупного лица, вступившего во владение феодом по праву наследования, и в особенности, если это наследование не происходило по прямой линии; право на налог на отчуждение, который должен был уплачивать тот, кто продавал или отчуждал свой феоде любым способом; право лишения наследства и конфискации, в соответствии с которым феоде возвращался к сеньору, когда вассал умирал без наследников или когда он лишался своего феода или по какой-либо причине заслуживал лишения его; право опекуна, в силу которого сеньор, пока его вассал был несовершеннолетним, брал на себя его опеку и управление его феодом, а также пользовался его доходами; право на брак, то есть право сюзерена предоставить мужа наследнице феода и обязать ее выбрать одного из представленных им женихов.

Вассал, который полностью и добросовестно выполнял свои обязательства, был практически хозяином своего феода. Он мог, в свою очередь, передать в феодальное владение всю или часть своей территории и стать суверенным господином вассалов более низкого ранга, или *вассалов*, которые имели по отношению к нему те же обязательства, что и он по отношению к своему господину. Такова была структура иерархии.

Если у вассала были свои обязательства, то у господина тоже были свои. Он не мог произвольно или без законной причины отобрать феоде у своего вассала. Он должен был защищать его в случае нападения, следить за тем, чтобы ему было оказано правосудие, и т. д.

Отметим, что феодальная система в процессе своего развития превращала все в феоде. Каждая концессия — на охоту в лесах, на переправу через реки, на работу проводниками на дорогах, на сопровождение купцов, на управление общинными печами в городах — фактически, любая полезная деятельность, предоставляемая в обмен на верность и почитание, становилась феодом.

Лорды умножали концессии такого рода, чтобы увеличить число людей, обязанных им военной службой. Но само феодальное владение, к которому были привязаны права правосудия, оставалось в целом неделимым и передавалось по закону первородства.

ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Обязанность вассалов присутствовать при судах своего господина ясно показала, что принцип феодального правосудия заключался в суде равных, принципе, который полностью соответствовал обычаям и даже институтам германских народов, где освобожденные рабы судились собранием освобожденных рабов.

Они называли равными (*pares, equals*) вассалов того же господина, поселившихся вокруг него на его владениях и владевших феодами того же ранга. У самого короля () были свои равные, которые владели своими поместьями непосредственно от него, не только как феодального господина, но и как короля. Каждый имел право быть судимым своими равными перед своим господином. Если равные отказывали ему в правосудии или вассал считал, что оно было оказано несправедливо, он подавал жалобу «в отсутствие права» и доводил дело до сведения сюзерена своего господина. Именно в этот высший суд всегда необходимо было обращаться со спорами, возникавшими между господином и его вассалом.

Но это право апелляции не в полной мере удовлетворяло духу независимости, который одушевлял это воинственное общество. Лорды с ревнивой заботой сохраняли за собой

другое право апелляции — право, обращенное к силе оружия; они предпочитали добиваться справедливости для себя, а не получать ее из рук других. Этот обычай был настолько глубоко укоренился в их нравах, что король регулировал формальности, предшествовавшие этому виду войны и имевшие целью предупредить сторону, подвергавшуюся нападению, и дать ей возможность подготовиться к обороне. В конце концов, наши международные войны исходят из того же принципа и не лучше. Лорды вели свои войны с помощью своих небольших армий, как мы с помощью наших более крупных. Только военные действия носили более индивидуальный характер, поскольку государства были гораздо меньше.⁴

Помимо *фехде*, или права на частную войну — старого германского обычая — существовало «судебное поединки», которое не следует путать с ним. Настоящий «судебный поединки», в котором чемпионы сражаются за дело или за урегулирование спора, является продуктом средневековья, когда вера в Бога была столь же сильна, как вера в силу человеческой руки. Этот обычай стал настолько распространенным методом разрешения сложных вопросов, что его даже использовал Альфонсо, великий испанский законодатель, для принятия решения о введении новых законов, касающихся наследования. В его пользу можно сказать, по крайней мере, то, что он был меньшим злом, чем пытки, которые стремились вытеснить его из судебных разбирательств в позднем средневековье.^а

Правосудие не было прерогативой всех лордов в одинаковой степени. Во Франции оно различалось по трем степеням: высокое, низкое и среднее правосудие. Только первая степень давала право на жизнь и смерть. В целом можно сказать, что правосудие в наибольшей степени принадлежало крупнейшим и наиболее важным феодам. Тем не менее, простой *вассал* мог обладать функциями «высшего правосудия», а в некоторых местах феодал, который мог осуществлять только «низкое правосудие», мог казнить пойманного на месте преступления грабителя. В пределах этих переменных границ только феодал осуществлял правосудие на своем феоде, и когда позднее королевская власть узурпировала это право, произошла революция.

Чтобы завершить перечисление прав, присущих суверенитету лордов, необходимо упомянуть еще два: во-первых, право не признавать на всей территории феода более высокой законодательной власти. В последнем своде законов, составленном в IX веке Карлом Простым, мы находим окончательное проявление правотворческой государственной власти. После этого не было законов, гражданских или политических, которые применялись бы повсеместно, а были только местные обычаи, изолированные, независимые и отличающиеся друг от друга, фактически обладающие территориальным характером в отличие от обычаев варварских народов, которые были полностью личными.

Во-вторых, право чеканить монету, которое всегда было признаком господства. До Карла Великого, по-видимому, некоторые частные лица, которые, несомненно, обладали этой привилегией, чеканили монету. После него это было одной из прерогатив господ, и к моменту прихода к власти Хью Капета этим правом пользовались не менее 150 человек.

Каждый политический режим можно охарактеризовать по месту, где осуществляется власть. Древние республики имели свои агоры и форумы. Великая монархия Людовика XIV имела свой дворец в Версале. Феодалы лорды имели свои замки. Как правило, это были огромные сооружения, расположенные на возвышенностях, массивные, круглые или квадратные, без архитектурных элементов и украшений, со стенами, пробитыми несколькими бойницами для стрельбы из луков. Был единственный вход, выходящий на большой ров, который можно было пересечь только по подъемному мосту. Замок был увенчан парапетами и зубцами, с которых на головы слишком смелых нападающих у подножия стен можно было сбрасывать камни, расплавленную смолу и свинец. Сегодня эти зияющие серые массивы являются лишь гнездами для ворон, разрушенными и

изъеденными временем. Сдалека они полностью затмевают небольшие и светлые жилища современности — эти памятники одновременно законной защиты и угнетения. Но они не могли быть меньше, чем были, чтобы обеспечить убежище от северных вторжений и феодальных войн. Все искали в них убежища. Те, кто не имел права жить в замке, кто не был ни лордами, ни воинами, селились вокруг его больших стен, под их мощной защитой. Это было ядром многих городов.

ЦЕРКОВНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ

Даже духовенство имело свое место в этой системе. Епископ, ранее «защитник города», часто становился его графом, либо по традиции узурпации, либо по явной королевской концессии, когда король объединял графство и епископство, светскую и духовную власть. Это делало епископа сувереном всех лордов его епархии.

Помимо десятины, церковь обладала огромным богатством, полученным благодаря пожертвованиям верующих, и для его защиты от разбойников того времени она прибегала к светской силе. Она выбирала мирян, мужественных и мудрых людей, которым доверяла свою собственность, чтобы они защищали ее, при необходимости с помощью меча. Но эти поверенные монастырей и церквей поступали так же, как графы короля — делали свои функции наследственными и присваивали себе богатства, вверенные их попечению. Однако они снисходили до того, что считали себя вассалами тех, кого они ограбили, и присягали на верность и почитание в обычных условиях естественного права и личной службы.

В результате аббаты и епископы стали сюзеренами, светскими господами, имеющими многочисленных вассалов, готовых взять в руки оружие за их дело, суды — фактически все прерогативы, которыми обладали крупные землевладельцы. Были епископы, герцоги и епископы-графы, сами являвшиеся вассалами более крупных господ и особенно короля, от которого они получали инвеституру на имущество, приписанное к их церквям, или, как это называлось, на их светские владения.

Этот церковный феодализм был настолько обширным и могущественным, что в средние века во Франции и Англии он владел более чем пятой частью всех земель, а в Германии — почти третью. Ибо между церковью и королем была такая разница, что последний, однажды совершив завоевание, больше ничего не получал, а напротив, постоянно отдавал, пока не дошло до того, что он не владел ничем, кроме города Лаона; в то время как церковь, если и теряла часть своих земель (что было трудно, поскольку она могла защищаться отлучением от церкви), то с каждым днем приобретала все больше, поскольку немногие верующие умирали, не оставив ей чего-нибудь. И так она постоянно получала все больше и никогда или очень редко что-либо отдавала, и то только тогда, когда это отнимали у нее силой.¹

Карл Шпаннагель описывает, как церковь часто теряла свою собственность в феодальные времена:

ЦЕРКОВЬ И ФЕОДАЛЬНАЯ АРМИЯ

Епископы и аббаты как землевладельцы выходили на поле боя во главе своих отрядов. Они часто носили доспехи под священническими одеждами и не уклонялись от реальных боевых действий. Забота о душах (если такое выражение можно использовать в отношении священнослужителя средневековья), которая даже в мирное время требовала от них лишь

небольших усилий, в таких условиях на поле боя, должно быть, почти исчезла. Рассказ о епископе Даниэле Пражском, ухаживавшем за ранеными и утешавшем их духовно, имеет современный иностранный оттенок. Только специальное королевское разрешение могло освободить епископов и их аббатов от обязанности возглавлять своих людей.

Но король не так часто требовал участия духовных сановников в походах, как мы склонны думать. Эта идея возникла из приказа Оттона II в 981 году, который требовал личного командования своими контингентами от семи епископов и семи аббатов, в то время как двенадцати епископам и трем аббатам было велено только послать своих *лорикатов* к императору. Заместителями епископов и аббатов в этом случае были священники или вассалы, имеющие ранг их епархии или аббатства.

Стоит отметить, что иммунитет, значение которого так возросло со времен Карла Великого, не оказывал никакого влияния на военные обязательства церквей, к которым он был адресован. В большинстве документов об иммунитете военная служба не упоминается, поэтому она считалась чем-то совершенно независимым. В некоторых документах прямо указано, что никакой *index publicus* не должен осуществлять *agriè-re-ban* над конкретным монастырем, но это не изменило обязательств самих аббатов. Напротив, в привилегии Оттона I для епископства Вормса сохраняется фраза из документа Людовика Благочестивого, которая предписывает, что военные последователи церковных служителей могут призываться только в интересах королевства. Передача их службы князьям имела большее значение для военных обязательств церкви, чем иммунитет.

Однако такие передачи касаются только монастырей, а не епископств. Существовало два вида освобождения от обязанностей: либо король дарил монастырь лорду своего королевства в качестве милости или в качестве его собственности, так что (навсегда или на время) он переставал быть королевским монастырем, либо он отнимал часть его земельной собственности и передавал ее светским князьям, которые отныне брали на себя военные обязанности, до сих пор принадлежавшие монастырю. Таким образом, монастырь оставался королевским, только освобождался от военных обязанностей. К этим двум вариантам добавился третий. Очень часто великие лорды не ждали инициативы короля, чтобы обогатиться церковным имуществом, а захватывали его самостоятельно и любыми средствами получали в свое владение желанный монастырь.

При таких силовых мерах, конечно, не было никакого юридического принятия обязательств, которые монастырь имел перед королевством. Но нет сомнений, что таким образом приобретенная собственность учитывалась при оценке услуг, которые новый владелец должен был оказывать королевству. Документальная защита короля, как правило, оказывалась крайне неэффективной против таких захватов. В более древние времена, особенно при поздних каролингах, мы встречаем случаи обложения аббатств налогами. Позже такие случаи стали более редкими, но не исчезли полностью. Королевство, очевидно, не зависело от усиления власти князей, которая постоянно развивалась с помощью таких средств, так что захваты князей увеличивались с развитием феодальной системы.^d

КРЕПОСТНЫЕ И ВИЛЛЕНЫ

В XI веке каролингская Европа была разделена на множество феодалов, каждый из которых составлял отдельное государство со своей жизнью, законами, обычаями и почти полностью независимым светским или церковным правителем.

Мы описали сообщество феодалов, но они были не единственным феодальным сообществом. Это было сообщество воинов и воинов, сообщество, которое правило, судило, наказывало и угнетало. Ниже него находилось сообщество, которое работало, благодаря которому другое сообщество жило, получало одежду, оружие, замки и хлеб — сообщество крепостных, или, вернее, ремесленников (*gens potestatis*). Теперь не стоит искать свободных людей, потому что они исчезли. Некоторые поднялись и стали счастливыми лордами, другие были оттеснены в нижние слои общества и стали крепостными и вилланами. Этот класс простых свободных людей, который был почти полностью уничтожен во время вторжения Римской империи, был поглощен во второй раз. Больше не было владельцев свободной земли, или их было так мало, что о них не стоило упоминать.

Но крепостные были многочисленны. Вождь, дворянин, имел не только вассалов, но и подданных, проживавших на той части его поместья, которую он никогда не передавал в феодальное владение. И это были крепостные, по-настоящему, люди земли, которые были полностью в распоряжении своего господина. «Господин, — говорит Боманор, — может отнять у них все, что они имеют, посадить их в тюрьму, по праву или без права, и так часто, как ему заблагорассудится, и не должен за них отвечать ни перед кем, кроме Бога».

Несмотря на это, положение крепостного было лучше, чем положение раба в древности. Прогресс, достигнутый рабством к моменту падения Римской империи, не был полностью утрачен в результате разрушительных нашествий, а вновь проявился в феодальном обществе. Свободный человек в древности был более жесток по отношению к своему рабу, чем варвар, на которого христианство оказало некоторое влияние. Крепостной признавался человеком, имеющим семью, разделяющим общее происхождение со своим господином и созданным по образу Бога. Крепостные в конце концов вступили в церковь и иногда поднимались выше самых могущественных господ.

Выше крепостных находились неотчуждаемые (*mainmortables*), «с которыми обращались более доброжелательно», продолжает старый юрист из Бове, «поскольку господин, если они не совершали никаких проступков, не мог требовать от них ничего, кроме их долгов и ренты, которые они привыкли платить за свое крепостное состояние». Но неотчуждаемый не мог жениться без согласия своего сеньора, и если он брал свободную жену или жену за пределами сеньории, то по усмотрению сеньора налагался штраф. Это было право «формарного брака» (налог за брак вне своего ранга или положения), и дети от такого брака делились между сеньорами мужа и жены. Если был только один ребенок, он переходил к господину матери. После смерти невольного все его имущество переходило к его господину. Для этих людей не было возможности спастись от руки, которая заставляла их пахать землю. Куда бы они ни пошли, право наследования было привязано к их личности и их кошельку. Господин наследует все от своих крепостных.

Еще выше по социальному положению находились свободные арендаторы, известные как вилланы, крестьяне или простолюдины. Их положение было менее нестабильным. Они сохранили свободу, которой не обладали крепостные (), и удерживали ее, жертвуя ежегодным налогом, установленной законом пошлиной и арендной платой за землю, которую им уступил землевладелец и которую они могли передать вместе со всем своим имуществом своим детям. Но в то время как бенефициарные владения или феодалы находились под защитой публичного и четко определенного закона, земля вилланов находилась под абсолютной юрисдикцией землевладельца и защищалась только частными соглашениями. Вот почему вилланы, и особенно те, кто жил в сельской местности, где не было необходимости контролировать их так строго, как в крупных городах, часто находились под гнетом абсолютной власти.

В древних документах о феодалах можно прочитать: «Они — хозяева неба и земли; они имеют юрисдикцию над землей и под землей, над шеями и головами, над водой, ветрами и полями». Крепостные не могли избежать их юрисдикции, поскольку феодальный закон гласил: «Между тобой, господин, и тобой, крепостной, нет судьи, кроме Бога». «Мы признаем от наших милостивых господ, — гласит другая формула, — как запрет, так и созыв; высокий лес, птиц в воздухе, рыбу в реке, зверей в кустах, насколько наш суверенный господин или слуги его милости могут удержать свое. За это наш милостивый господин возьмет под свою защиту и покровительство вдову и сироту, а также крестьянина». Таким образом, все права были переданы господину, но в обмен на это он защищал слабых. Таков принцип феодального общества по отношению к своим подданным. Королевская власть больше не выполняла функции, для которых она была учреждена; епископы, графы, бароны и другие власти призывались для защиты, которую больше нельзя было ожидать от номинального главы государства.

Все принадлежало господину, но поскольку не было ни промышленности, ни торговли, ни роскоши, благодаря которой один человек мог бы за несколько мгновений потреблять плоды труда многих, поборы этого господина поначалу не были угнетающими, и для крепостных эти поборы были так же систематически определены, как сегодня права землевладельца над его фермерами-арендаторами. Только в средние века всегда присутствовал элемент произвола и насилия, который современное право не допускает. Налог крепостных платили либо натуральными продуктами, такими как продовольствие, зерно, скот и птица, продуктами земли и фермы; либо трудом, или ручным трудом, в виде обязательной работы на полях и виноградниках господина, при строительстве его замка, рытье канав, ремонте дорог; либо изготовлением мебели, утвари, подков, лемехов, телег и т. д. В городах и везде, где денег было мало, феодал не совершал ошибки, нужно понимать, требуя свою плату монетами или вводя произвольные налоги. Но вернёмся к тем временам и послушаем слова писца: «Феодал, требующий несправедливых прав от своего крепостного, делает это на опаску своей души». Если страха перед небесами было недостаточно, на помощь приходили простолюдины, а за ними следовали и королевские чиновники.

Были и странные компенсации, оживлявшие печальную жизнь феодала, запертого на весь год в мрачных стенах своего замка. В Болонье, в Италии, арендаторы бенедиктинцев Святого Прокула платили в качестве налога пар от вареного каплуна. Каждый год каждый мужчина приносил своего каплуна между двумя тарелками аббату, снимал крышку, и, когда пар полностью испарялся, считался расплатившимся и забирал своего каплуна обратно. В других местах крестьяне торжественно приносили своему господину в карете, запряженной четырьмя лошадьми, маленькую птичку или, возможно, майский куст, украшенный лентами. Человек, владевший обезьяной, был освобожден от уплаты налога, согласно постановлению Св. Людовика, когда он заставлял обезьяну выступать перед сборщиком налогов господина; жонглер должен был заплатить одной песней. Сами господа иногда не отказывались () играть роль в этих народных комедиях. Маркграф Юлиха, когда он торжественно въезжал в город, сидел на одноглазом коне с деревянным седлом и уздечкой из липовой коры, на голове у него были две шпильки из боярышника, а в руках он держал белую палку. Когда аббат Фижака прибыл в город, лорд Монбрун встретил его в самом гротескном костюме с одной обнаженной ногой.

Феодализм, уставший от самого себя, иногда смеялся вместе с бедными людьми, как и церковь, когда она разрешила праздновать в базиликах праздник ослов. Могущественные и удачливые в эту столь печальную и суровую эпоху, когда нищета была повсюду, а безопасности нигде, были очень благодарны своим крепостным и крестьянам за то, что те дарили им моменты забвения и удовольствия.

Средневековье было действительно тяжелым временем для бедных людей, когда, несмотря на все формулы и другие условности, дворяне верили только в право меча. Теоретически принципы феодальных отношений были очень красивыми, но на практике они почти привели к анархии, поскольку судебные институты были слишком несовершенными, чтобы предотвратить постоянное нарушение вассальных связей. В этом заключалась причина бесконечных войн, которые разразились во всех частях феодальной Европы и были великим бедствием той эпохи. Каждый мог прибегнуть к мечу в случае доказанной несправедливости или приговора, который он считал несправедливым, и в том обществе царило хроническое состояние войны. Каждый холм становился крепостью, каждая равнина — полем битвы.

Запертые в крепких замках, покрытые кольчугами и окруженные вооруженными людьми, феодалы, «тираны», как называл их монах XI века, жили только для того, чтобы сражаться, и не знали другого способа обогащения, кроме грабежа. Не было больше торговли — дороги перестали быть безопасными; не было больше промышленности, потому что лорды, хозяева городов, обкладывали буржуа налогами, как только появлялись малейшие признаки богатства. Повсюду устанавливались самые разные обычаи, поскольку больше не существовало общего законодательства, и каждый дворянин имел исключительную законодательную власть на своем феоде.^[83] Повсюду царило глубочайшее невежество, за исключением, пожалуй, некоторых монастырей; и духовенство, хранитель морального закона, было вынуждено не запрещать насилие, а регулировать его с помощью «Божьего перемирия» [*Treuga Dei*], которое запрещало убивать и грабить с вечера среды до утра понедельника.

На кого ложилась вся тяжесть этих феодальных войн? Они не были особо кровопролитными для дворян, облеченных в сталь, но были таковыми для крестьян, практически не имевших защитной брони. В Бренневиле, где сражались короли Франции и Англии, участвовало девятьсот рыцарей, и только трое из них остались на поле битвы. В Бувине Филипп Август был сброшен с лошади и некоторое время оставался беспомощным среди пехотинцев врага. Они тщетно искали в его доспехах проем, через который можно было бы просунуть клинок кинжала, и наносили сильные удары, которые не могли сломать его курасу. Его рыцари не торопились спасти его и возвращать в седло. После чего он бросился вместе с ними в самую гущу той толпы, где их длинные копья и тяжелые топоры не наносили ни одного удара напрасно. Похищенный правитель — еще одно бедствие; за него нужно было заплатить выкуп. Но кто заплатил за хижину и сожженные поля бедного крестьянина, кто остановил его кровотечение, кто обеспечил его вдову и сирот?

Два современных писателя, историки крестовых походов, так описывают эти страшные времена: «До того, как христиане отправились в страны за морем, — говорит Гибер де Ножан, — королевство Франция находилось в состоянии постоянных беспорядков и вражды. Не слышалось ничего, кроме о грабежах на публичных дорогах. Пожары были бесчисленны, и война велась повсюду без какой-либо причины, кроме ненасытной алчности. Одним словом, алчные люди не уважали право собственности и с необузданной смелостью предавались грабежам».

А Вильгельм, архиепископ Тира,^{—h} говорит: «Не было никакой безопасности для собственности. Если человек считался богатым, это было достаточным поводом, чтобы бросить его в тюрьму, держать в кандалах и подвергать жестоким пыткам. Вооруженные мечами разбойники наводняли дороги, устраивали засады и не щадили ни чужаков, ни людей, посвятивших себя служению Богу. Города и укрепленные поселения не были

защищены от таких преступлений. Убийцы делали улицы и площади опасными для богатых людей». В течение семидесяти лет между 970 и 1040 годами было сорок лет голода и моровой язвы.

Однако прогресс цивилизации никогда не может быть настолько полностью остановлен, чтобы эти столетия были абсолютно бесплодными для прогресса человечества. В церкви пробудилась мысль, а в светском обществе появилась поэзия. Был даже некоторый прогресс в морали, по крайней мере среди правящих классов. В изоляции, в которой жил каждый, подвергаясь всевозможным опасностям, душа укреплялась, чтобы противостоять им. Чувство человеческого достоинства, которое деспотизм сумел подавить, возродилось; и общество, которое с такой прискорбной легкостью проливало кровь, часто демонстрировало моральное возвышение, которое можно найти только в эту эпоху. Низкие пороки и трусость декадентских римлян или поработенных народов были им неизвестны, и средневековые завещало современности чувство чести. Феодалная знать умела умирать, что является первым условием умения жить полной жизнью.

Еще одним благотворным следствием стала реорганизация семьи. В древних городах глава семьи жил вне своего дома, в полях или на форуме. Он едва знал свою жену и детей, но имел над ними право жизни и смерти. В первобытные времена обычай многоженства и легкость развода не позволяли семье утвердиться на более прочной основе. В феодальном обществе мужчины жили в изоляции, и глава семьи был тесно связан с ней. Когда войны давали ему свободное время в его замке, расположенном как орлиное гнездо на вершине горы, у него не было ничего, чем он мог бы занять свою жизнь и свое сердце, кроме жены и детей. Церковь, которая приводила грубых солдат к ногам девы и заставляла их ради матери Христа уважать женскую добродетель, смягчала нрав воина и готовила его поддаться очарованию более тонких чувств и более деликатных настроений, которыми природа наделила другой пол.

Женщина заняла то место в семье и обществе, которое когда-то давал ей закон Моисеев. Дело пошло еще дальше — она стала объектом культа, который породил новые чувства, которые воплотили в поэзии трубадуры и менестрели и которые рыцарство выразило в действиях. Как в прекрасной легенде о святом Христофоре, сильный был побежден слабым, великан — маленьким ребенком.

Башня немецкого феодалного замка

Это видно на примере одного из учреждений того времени. Роберт д'Арбриссель основал около Сомюра, в Фонтевро, около 1100 года, аббатство, которое вскоре стало известным и открыло свои двери для отшельников обоих полов. Женщины жили в монастыре и проводили время в молитвах. Мужчины работали в полях, осушали болота, расчищали землю и оставались вечными слугами женщин. Аббатством управляла аббатиса, «потому что, — как говорится в булле о подтверждении, — Иисус Христос, умирая, отдал свою мать в сыновнее попечение своему возлюбленному ученику».

Вне семьи государство, несомненно, было плохо организовано. Несмотря на все противоречивые факты, необходимо обратить внимание на политическую теорию, которую представляет это общество. Если крепостные не имели прав, то вассалы их имели, причем четко определенные. Феодалная связь формировалась на условиях, хорошо известных и заранее принятых им; новые условия не могли быть навязаны ему без его согласия. Отсюда происходят те великие и сильные максимы общего права, которые, несмотря на тысячи нарушений, дошли до нас: никакой налог не может быть введен без согласия налогоплательщиков; никакой закон не имеет силы, если он не принят теми, кто должен его соблюдать; никакой приговор не является законным, если он не вынесен равными обвиняемого. Это законы феодализма, которые Генеральные штаты 1789 года похоронили под обломками абсолютной монархии; и в гарантию этих прав вассал имел право разорвать вассальную связь, отказавшись от своего феода, или ответить войной на отказ своего

сеньора в правосудии. Это право на вооруженное сопротивление, которое признавал сам Сен-Луи, приводило, правда, к анархии; оно ослабляло социальную структуру, но укрепляло личность. Но именно с личности мы и должны начать. Прежде чем разумно строить государство, необходимо возвысить личность и семью; эта двойная задача была задачей средневековья.

Церковь энергично работала над установлением святости брака, даже для крепостных; проповедовала равенство всех людей перед Богом, что было угрозой для больших неравенств этого мира; провозглашая принцип избрания (), она закрепила за собой на самом верху иерархии права интеллекта, в отличие от феодального мира, который признавал только право крови; и, коронуя тройной короной и усаживая на престол Святого Петра, где они держали одну ногу на шее королей, крепостного, как Адриан II, и сына бедного плотника, как Григорий VII.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРЧКИ КОРОЛЕВСТВА ГЕРМАНИИ

Таковы были принципы, которые действовали во всех странах, входивших в состав империи Карла Великого, то есть почти во всех германских народах, Франции, Германии, Италии и на севере Испании. Политическая география стран формировалась по образцу их феодальной организации. Согласно основной аксиоме феодализма, «нет территории без своего господина», на всей территории не существовало владений, настолько малых, чтобы они не были в той или иной степени включены в иерархию. Из всех этих наложенных друг на друга сюзеренитетов королевский был единственным, границы которого служили для определения размеров уже сформировавшихся, но все еще очень расплывчатых королевств.¹

Разница между феодализмом и политикой как древности, так и современности заключается, по мнению Пауля фон Рота,² главным образом в отсутствии государственной власти. Не было настоящей монархии; государственные должности были наследственными или принадлежали тому или иному сословию. Невозможность сохранения феодализма, по его мнению, наиболее ярко проявляется в феодальной армии, от которой страдало даже феодальное правосудие. Фон Рот проводит яркое сравнение между Францией и Германией в конце X века: Франция гораздо более феодальна и анархична при бессильном Гюго Капете; Германия более централизована при монархической власти. Он снова сравнивает их три века спустя: Франция — консолидированная монархия; Германия — слабая, с устойчивой слабостью. Причина, которую он находит прежде всего, заключается в том, что французские короли энергично и всеми способами работали над искоренением феодальной системы.³

ПЕРЕХОД ОТ ФЕОДАЛИЗМА К МОНАРХИИ

Вышеупомянутые моральные явления, направленные в сторону общего принципа, были отчасти субъективными, отчасти спекулятивными. Но теперь мы должны уделить особое внимание практическим политическим движениям того периода. Прогресс, который наблюдался в этот период, имеет отрицательный аспект, поскольку он связан с прекращением господства индивидуальной прихоти и изоляции власти. Его положительный аспект — это возникновение верховной власти, чье господство охватывает всех — политической власти в полном смысле этого слова, подданные которой пользуются равными правами и в которой воля индивидуума подчиняется общему интересу, лежащему в основе всего.

Это переход от феодализма к монархии. Принцип феодального суверенитета — это внешняя сила отдельных лиц — князей, сеньоров; это сила, лишенная внутреннего права. Подданные такой конституции являются вассалами вышестоящего князя или сеньора, по отношению к которому они имеют определенные обязанности; но выполняют ли они эти обязанности или нет, зависит от того, способен ли сеньор побудить их к этому силой своего характера или предоставлением льгот. И наоборот, признание этих феодальных прав () в первую очередь было вынуждено насильем; а выполнение соответствующих обязанностей могло быть обеспечено только постоянным осуществлением власти, которая была единственной основой для данных прав. Монархический принцип также подразумевает верховную власть, но это власть над людьми, не обладающими независимой властью для поддержки своих индивидуальных прихотей, где мы больше не имеем прихотей, противостоящих прихотям; ибо верховенство, подразумеваемое в монархии, по сути своей является властью, исходящей от политического органа, и направлено на содействие той справедливой цели, на которой основана конституция государства.

Феодальная суверенность — это полиархия: мы видим только господ и крепостных; в монархии, напротив, есть один господин и нет крепостных, поскольку она отменяет крепостное право и признает право и закон; она является источником подлинной свободы. Таким образом, в монархии прихоти отдельных лиц сдерживаются, а общие интересы правительства утверждаются. Но поскольку эта монархия развилась из феодализма, она в первую очередь несет на себе отпечаток системы, из которой она возникла. Отдельные лица отказываются от своей изолированности и становятся членами сословий (или орденов королевства) и корпораций; вассалы обладают властью только благодаря объединению в орден; в противовес им города составляют власть в силу своего общинного существования. Таким образом, власть суверена перестает быть просто произвольной властью. Для ее поддержания необходимо согласие сословий и корпораций; и если принц желает его получить, он должен хотеть того, что является разумным.

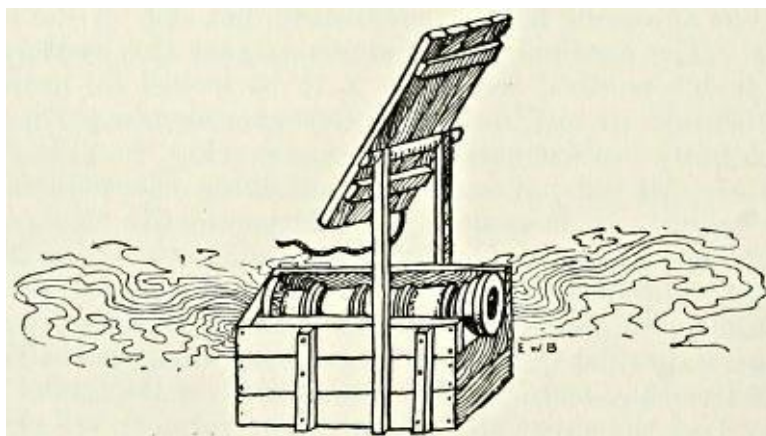
Теперь мы видим конституцию, охватывающую различные сословия, в то время как феодальное правление не знает таких сословий. Мы наблюдаем переход от феодализма к монархии, происходящий тремя способами: (1) Иногда верховный лорд получает власть над своими независимыми вассалами, подчиняя их индивидуальную власть, тем самым становясь единственным правителем. (2) Иногда князья полностью освобождаются от феодальных отношений и становятся территориальными господами определенных государств; или, наконец, (3) верховный господин более мирным способом объединяет отдельных господ, которые признают его своим вышестоящим, со своим собственным верховным господством и таким образом становится господином всего.

Эти процессы, конечно, не проявляются в истории в той чистой и абстрактной форме, в которой они представлены здесь; часто мы видим, что одновременно появляется более одного способа, но один из них всегда преобладает. Основное соображение заключается в том, что основу и существенное условие такого политического образования следует искать в конкретных национальностях, в которых оно зародилось. Европа представляет собой отдельные нации, составляющие единство по своей природе и имеющие абсолютную тенденцию к образованию государства. Не всем удалось достичь этого политического единства; теперь мы должны рассмотреть их по отдельности в связи с произошедшими изменениями. Во-первых, что касается Римской империи, то связь между Германией и Италией естественным образом вытекает из идеи этой империи: светское господство, объединенное с духовным, должно было составлять одно целое; но такое положение вещей было скорее предметом постоянной борьбы, чем реально достигнутым результатом. В Германии и Италии переход от феодального строя к монархии повлек за собой полную отмену первого; вассалы стали независимыми монархами.

ПРОГРЕСС В ГЕРМАНИИ

Германия всегда была домом для множества народов — швабов, баварцев, франков, тюрингов, саксов, бургундов; к ним следует добавить славян Богемии, германизированных славян в Мекленбурге, Бранденбурге, Саксонии () и в части Саксонии и Австрии; таким образом, сочетание, подобное тому, которое имело место во Франции, было невозможно. В Италии ситуация была аналогичной. Ломбарды обосновались там, в то время как греки по-прежнему владели экзархатом и южной Италией; норманны также основали свое королевство в южной Италии, а сарацины некоторое время удерживали свои позиции на Сицилии. Когда правление дома Гогенштауфенов закончилось, варварство взяло верх во всей Германии; страна была разбита на несколько суверенных государств, в которых царил сильный деспотизм. Избирательные князья руководствовались принципом, согласно которому на императорский трон поднимались только слабые князья; они даже продавали императорскую власть иностранцам. Таким образом, единство государства было фактически аннулировано.

Было образовано несколько центров власти, каждый из которых представлял собой грабительское государство; правовая конституция, признаваемая феодализмом, была распущена и уступила место неприкрытому насилию и грабежам; могущественные князья провозгласили себя господами страны. После межцарствия императором был избран граф Габсбург, и дом Габсбургов продолжал занимать императорский трон с небольшими перерывами. Эти императоры были вынуждены создать собственную армию, поскольку князья не предоставляли им достаточной власти, связанной с империей. Но этому состоянию абсолютной анархии наконец положили конец объединения, преследовавшие общие цели. В самих городах мы видим объединения меньшего порядка, но теперь были образованы конфедерации городов, имевшие общий интерес в подавлении грабительского насилия. К таким объединениям относились Ганзейский союз на севере, Рейнский союз, состоявший из городов, расположенных вдоль Рейна, и Швабский союз. Целью всех этих конфедераций было сопротивление феодалам; даже князья объединились с городами с целью свержения феодального строя и восстановления мирного состояния дел по всей стране.

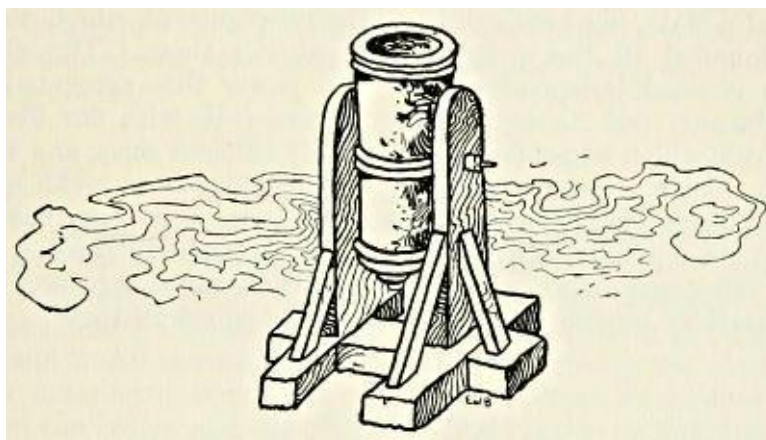
Раннее орудие с защищенной установкой

О том, каким было состояние общества при феодальном господстве, свидетельствует печально известное объединение, созданное для осуществления уголовного правосудия; это был частный трибунал, который под названием *Vehmgericht* проводил тайные заседания; его главная резиденция находилась на северо-западе Германии. Было также создано своеобразное крестьянское объединение. В Германии крестьяне были крепостными; многие

из них укрывались в городах или поселялись в окрестностях городов как свободные люди (*Pfahlbürger*); но в Швейцарии было создано крестьянское братство. Крестьяне Ури, Швица и Унтервальдена находились под властью имперских губернаторов, поскольку швейцарские правительства не были частной собственностью () частных владельцев, а назначались империей. Правители из династии Габсбургов хотели обеспечить себе власть над ними. Крестьяне, вооруженные дубинами и железными булавами (*Morgenstern*), вышли победителями из сражения с высокомерными дворянами, одетыми в стальные доспехи, вооруженными копьями и мечами и обученными рыцарскому искусству на турнирах.

ВЛИЯНИЕ ПОРОХА

Еще одно изобретение также способствовало лишению дворянства превосходства, которое они обязаны были своему вооружению, — изобретение пороха. Человечество нуждалось в нем, и оно сразу же появилось. Оно стало одним из главных инструментов, освободивших мир от господства физической силы и поставивших различные сословия общества на один уровень. С исчезновением различия между оружием, которое они использовали, исчезло и различие между господами и крепостными. А с появлением пороха укрепленные места перестали быть неприступными, так что крепости и замки утратили свое значение. Мы, конечно, можем сожалеть о упадке или снижении практической ценности личной доблести — самый храбрый и благородный может быть застрелен трусливым негодяем с безопасного расстояния из темного укрытия; но, с другой стороны, порох сделал разумную, обдуманную храбрость, духовную доблесть необходимым условием военного успеха.

Ранний тип миномета

Только с помощью этого орудия можно было пробудить высший вид доблести — доблесть, в которой нет места личным чувствам, поскольку огнестрельное оружие направлено против группы людей — абстрактного врага, а не отдельных бойцов. Воин спокойно идет навстречу смертельной опасности, жертвуя собой ради общего блага; и доблесть цивилизованных народов характеризуется тем, что она не полагается только на сильные руки, но в основном доверяет интеллекту, полководческим способностям, характеру своих командиров и, как это было у древних, твердому союзу и единству духа со стороны подчиненных им войск.

МОНАРХИЗМ В ИТАЛИИ

В Италии, как уже отмечалось, мы наблюдаем то же явление, что и в Германии — достижение независимой позиции изолированными центрами власти. В этой стране ведение войн в руках кондотьеров стало регулярным делом. Города были вынуждены заниматься своими торговыми делами и поэтому нанимали наемные войска, лидеры которых часто становились феодалами; Франциск Сфорца даже провозгласил себя герцогом Милана. Во Флоренции к власти пришла семья купцов Медичи. С другой стороны, крупные города Италии подчинили себе несколько меньших городов и многих феодальных вождей. Аналогичным образом была образована папская территория. Там также очень большое число феодалов обрело независимость; постепенно все они подчинились единой власти папы.

Насколько справедливым с точки зрения социальной морали было такое подчинение, ясно из знаменитого труда Макиавелли *«Государь»*. Эта книга часто отбрасывалась с отвращением, как наполненная максимами самой отвратительной тирании; но ничего хуже, чем то, что автор, глубоко осознавая необходимость формирования государства, изложил здесь принципы, на которых только и могли быть основаны государства в условиях того времени, против нее предъявить нельзя. Вожди, утверждавшие изолированную независимость, и власть, которую они присвоили себе, должны быть полностью подавлены; и хотя мы не можем примирить с нашей идеей свободы средства, которые он предлагает как единственно эффективные и считает вполне оправданными — поскольку они включают в себя самое безрассудное насилие, всевозможные обманы, убийства и т. д., — мы должны, тем не менее, признать, что феодальная знать, чья власть должна была быть подавлена, не поддавалась никаким другим средствам, поскольку в ней были глубоко укоренились неукротимое презрение к принципам и полная моральная развращенность.

ВО ФРАНЦИИ

Во Франции мы видим обратное тому, что произошло в Германии и Италии. На протяжении многих веков короли Франции владели лишь очень небольшими владениями, так что многие из их вассалов были более могущественными, чем они сами; но большим преимуществом для королевского достоинства во Франции было то, что там прочно укоренился принцип наследственной монархии. Его авторитет усиливал тот факт, что король подтверждал права и привилегии корпораций и городов, а обращения в высший феодальный суд — суд пэров, состоявший из двенадцати членов, обладавших этим достоинством, — становились все более частыми. Влияние короля расширялось за счет той защиты, которую мог обеспечить только трон. Но то, что по сути обеспечивало уважение к королевской власти даже среди могущественных вассалов, было растущая личная власть монарха. Различными способами — путем наследования, браков, силы оружия и т. д. — короли пришли во владение многими графствами (*Grafschaften*) и несколькими герцогствами. Однако герцоги Нормандии стали королями Англии, и таким образом Франция столкнулась с грозной силой, которая имела открытый доступ к ее внутренним территориям через Нормандию. Кроме того, все еще оставались могущественные герцогства; тем не менее, король был не просто феодальным сюзереном (*Lehnsherr*), как немецкие императоры, а стал территориальным владельцем (*Landesherr*); под его властью находилось множество баронов и городов, которые подчинялись его непосредственной юрисдикции; и Людовику IX удалось сделать апелляции в королевский трибунал обычным явлением во всем его королевстве.

Города приобрели более важное положение в государстве. Когда королю нужны были деньги, а все его обычные ресурсы, такие как налоги и принудительные сборы всех видов,

были исчерпаны, он обращался к городам () и вступал с ними в отдельные переговоры. Именно Филипп Красивый в 1302 году впервые созвал представителей городов в качестве третьего сословия наряду с духовенством и баронами. Конечно, в первую очередь их интересовала власть монарха как сила, создавшая их, и повышение налогов как цель их созыва; тем не менее, сословия приобрели важность и вес в королевстве и, как естественный результат, влияние на законодательство.

Особенно примечательным является прокламация, изданная королями Франции, дававшая крепостным на королевских землях разрешение выкупить свою свободу по умеренной цене. Таким образом, короли Франции очень скоро обрели большую власть, а расцвет поэтического искусства в руках трубадуров и развитие схоластической теологии, центром которой был Париж, придали Франции культурное превосходство над другими европейскими государствами и обеспечили ей уважение со стороны других стран.

В АНГЛИИ

Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии, ввел в Англии феодальную систему и разделил королевство на феоды, которые он передал почти исключительно своим норманнским последователям. Сам он сохранил за собой значительные королевские владения; вассалы были обязаны нести военную службу и помогать в отправлении правосудия; король был опекуном всех несовершеннолетних вассалов; они не могли вступать в брак без его согласия. Только постепенно бароны и города достигли важного положения. Особенно значительный вес они приобрели в спорах и борьбе за трон.

Когда угнетательное правление и финансовые поборы королей стали невыносимыми, начались споры и даже войны; бароны заставили короля Иоанна присягнуть на Великой хартии вольностей, которая стала основой английской свободы, а точнее, привилегий дворянства. Среди обеспеченных таким образом свобод главной была та, которая касалась отправления правосудия: ни один англичанин не мог быть лишен личной свободы, собственности или жизни без судебного вердикта своих соратников. Кроме того, каждый имел право свободно распоряжаться своей собственностью. Более того, король не мог вводить налоги без согласия архиепископов, епископов, графов и баронов. Города, также пользующиеся благосклонностью королей в противовес баронам, вскоре возвысились до третьего сословия и получили представительство в палате общин парламента. Тем не менее, король всегда был очень могущественным, если обладал силой характера: его королевские владения обеспечивали ему должное уважение; однако в более поздние времена они были постепенно отчуждены, отданы, так что король был вынужден обращаться к парламенту за субсидиями.

Мы не будем вдаваться в мелкие и конкретные исторические детали, касающиеся присоединения княжеств к государствам, или разногласий и споров, сопровождавших такие присоединения. Добавим только, что короли, ослабив феодальный строй и достигнув более высокой степени власти, начали использовать эту власть друг против друга в нескрываемых интересах своего собственного господства. Так Франция и Англия вела между собой войны на протяжении целого столетия. Короли всегда стремились к завоеваниям за рубежом; города, на которые ложилась большая часть бремени и расходов таких войн, были против них, и чтобы умиротворить их, короли предоставили им важные привилегии.

ПАПСТВО И ФЕОДАЛИЗМ

Папы стремились использовать нестабильное положение в обществе, к которому привели все эти изменения, как повод для вмешательства своей власти, но интерес к развитию государств был слишком силен, чтобы позволить им навязать свою абсолютную власть. Князья и народы были равнодушны к призывам папы к новым крестовым походам. Император Людовик приступил к работе, чтобы на основе Аристотеля, Библии и римского права опровергнуть утверждения папского престола; а выборщики на сейме, состоявшемся в Ренсе в 1338 году, а затем еще более решительно на имперском сейме во Франкфурте, заявили, что они будут защищать свободы и наследственные права империи и что для того, чтобы выбор римского императора или короля был действительным, не требуется папского подтверждения. Так, ранее, в 1302 году, по случаю спора между папой Бонифацием и Филиппом Красивым, созванное последним собрание государств выступило против папы. Ведь государства и общины пришли к осознанию своей независимой моральной ценности.

Различные причины объединились, чтобы ослабить папскую власть; великий раскол церкви, который заставил людей усомниться в непогрешимости папы, послужил поводом для решений соборов в Констанце и Бале, которые присвоили себе власть, превосходящую власть папы, и поэтому смещали и назначали пап. Многочисленные попытки, направленные против церковной системы, подтвердили необходимость реформации. Арнольд Брешианский, Уиклиф и Гус встретили сочувствие в борьбе против догмата о папском наместничестве Христа и грубых злоупотреблениях, которые порочили иерархию. Однако эти попытки были лишь частичными по своему масштабу. С одной стороны, время еще не созрело для более всеобъемлющего наступления; с другой стороны, упомянутые нападавшие не ударили по самой сути дела, а (особенно два последних) атаковали учение церкви главным образом с помощью оружия эрудиции и, следовательно, не смогли вызвать глубокий интерес у широких масс.

ГЕГЕЛЬ О ВОЗНЕСЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЧЕРЕЗ ФЕОДАЛИЗМ

Но церковный принцип имел более опасного врага в зарождающихся политических организациях, чем в вышеупомянутых антагонистах. Общая цель, цель, обладающая совершенной моральной обоснованностью, представилась светскости в формировании государств; и этой цели сообщества подчинились воля, желание, прихоть индивидуума. Жесткость, характерная для эгоистичного качества «сердца», поддерживающего его изолированное положение — сучковатое сердце дуба, лежащее в основе национального темперамента немцев, — была сломана и смягчена ужасной дисциплиной средневековья.

Двумя железными прутьями, которые были инструментами этой дисциплины, были церковь и крепостное право. Церковь доводила «сердце» (*Gemüth*) до отчаяния — подвергала дух суровейшему рабству, так что душа больше не принадлежала себе; но она не унижала его до индуистского оцепенения, потому что христианство является по сути своей духовным принципом и, как таковое, обладает безграничной эластичностью. Точно так же крепостное право, которое делало тело человека не его собственностью, а собственностью другого, протащило человечество через все варварство рабства и необузданного желания, и последнее было уничтожено собственным насилием.

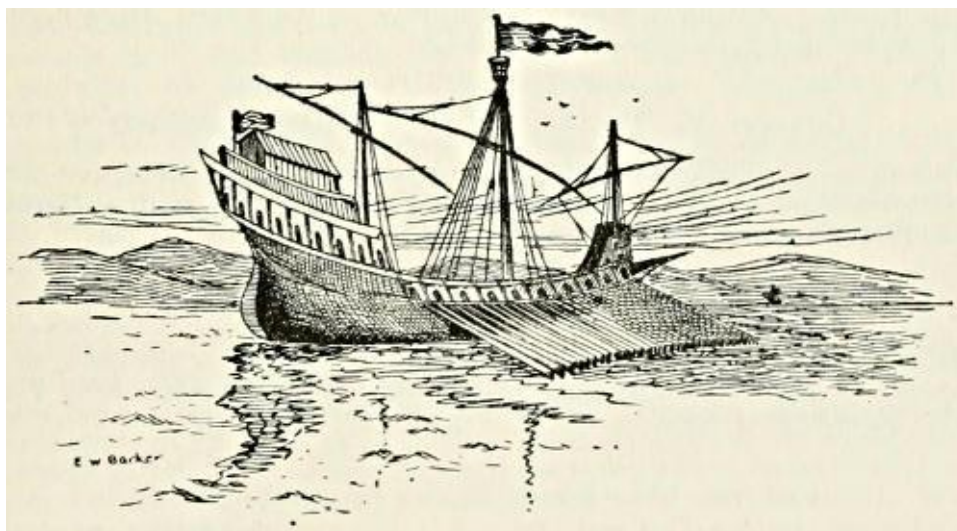
Человечество было освобождено не столько от рабства, сколько через рабство. Ведь варварство, похоть, несправедливость составляют зло: человек, скованный его оковами, неспособен к нравственности и религиозности; и именно от этого неумеренного и неуправляемого состояния воли освободила его рассматриваемая дисциплина. Церковь вела борьбу с насилием грубой чувственности с таким же диким и террористическим нравом, как

и ее противник; она повергла последнего силой ужасов ада и удерживала его в постоянном подчинении, чтобы сломить дух варварства и укротить его до покоя.

Теология утверждает, что каждый человек должен пройти через эту борьбу, поскольку он по своей природе злой, и только пройдя через состояние душевных мучений, он достигает уверенности в примирении. Но, признавая это, с другой стороны, необходимо утверждать, что форма борьбы сильно изменяется, когда условия ее начала различны и когда это примирение действительно произошло. В этом случае путь мучительной дисциплины отпадает (он действительно появляется позднее, но в совершенно иной форме), поскольку пробуждение сознания обнаруживает человека окруженным элементами морального состояния общества. Фаза отрицания действительно является необходимым элементом человеческого развития, но теперь она приняла спокойную форму образования, так что все ужасные черты этой внутренней борьбы исчезают.^с

СНОСКИ

[83] [По словам Брайса,^б «Зарождающийся феодализм был лишь одним шагом от анархии».]

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

^б J. F. MICHAUD, *History of the Crusades*.

^с ЧАРЛЬЗ МИЛЛС, «История крестовых походов».

ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

^b Э. ГИББОН, *Упадок и падение Римской империи*.

^c ФР. Вилкен, *Geschichte der Kreuzzüge*.

J. F. MICHAUD, *Bibliothèque des Croisades* (включая многочисленные арабские источники).

^e VICTOR DURUY, *Histoire du Moyen Age*.

ГЛАВА III. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

^b Е. ГИББОН, указ. соч.

^c ЧАРЛЬЗ МИЛЛС, «История крестовых походов».

Л. ФОН РАНКЕ, «Всемирная история».

^e «Имад ад-Дин» и другие в «Библиотеке крестовых походов» Мишо.

ГЛАВА IV. ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

^b ЧАРЛЬЗ МИЛЛС, указ. соч.

^c Ж. Ф. МИШО, указ. соч.

«Имад ад-Дин», цитируется в «Библиотеке крестовых походов» Мишо.

РИЧАРД ДЕВИЗ, «Хроника о деяниях короля Ричарда I, короля Англии».

^f БОХА АД-ДИН, «Жизнь Саладина».

^a ДЖЕФФРИ ДЕ ВИНСОФ, «Путешествие Ричарда I и других в Святую Землю».

РОДЖЕР ИЗ ХОВЕДЕНА, «История после Бедама».

ⁱ ТОМАС ФУЛЛЕР, *Священная война*.

^j АБУЛЬФЕДА, «История человеческого рода».

^k J. F. MICHAUD, *Bibliothèque des Croisades*.

ГЛАВА V. ЧЕТВЕРТЫЙ – ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

^b В. ДЮРУИ, указ. соч.

^c ЧАРЛЬЗ МИЛЛС, *op. cit.*

^d J. F. MICHAUD, *op. cit.*

^e А. ЖУРДЕН, *Письмо Мишо о детском крестовом походе*.

^f ФУЛЛЕР, указ. соч.

ДЖЕФФРИ ДЕ ВИЛЬЯРДУЭН, «Завоевание Константинополя».

ГЛАВА VI. ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

^b C. MILLS, *op. cit.*

^c МЭТЬЮ ИЗ ПАРИЖА, «*Historia Major*».

ФУЛЛЕР, *указ. соч.*

V. DURUY, *op. cit.*

ДЖОН ДЕ ЖУАНВИЛЬ, «*Мемуары Людовика IX*».

^a МАКРИЗИ, *Книга путей к познанию царей*.

ГЛАВА VII. ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

^b J. G. ФОН ГЕРДЕР, «*Философия истории человечества*».

^c C. MILLS, *op. cit.*

Е. ГИББОН, *указ. соч.*

^e SCHOISEUL D'AILLECOURT, *De l'influence des Croisades*.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ФЕОДАЛИЗМ

^b ДЖЕЙМС БРАЙС, *Священная Римская империя*.

^c Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ, «*Философия истории*».

КАРЛ ШПАННАГЕЛЬ, «*Zur Geschichte des Deutschen Heerwesens vom X bis zum XII Jahrhundert*».

^e ОТТО ФОН ФРАЙЗИНГ, «*Хроника*».

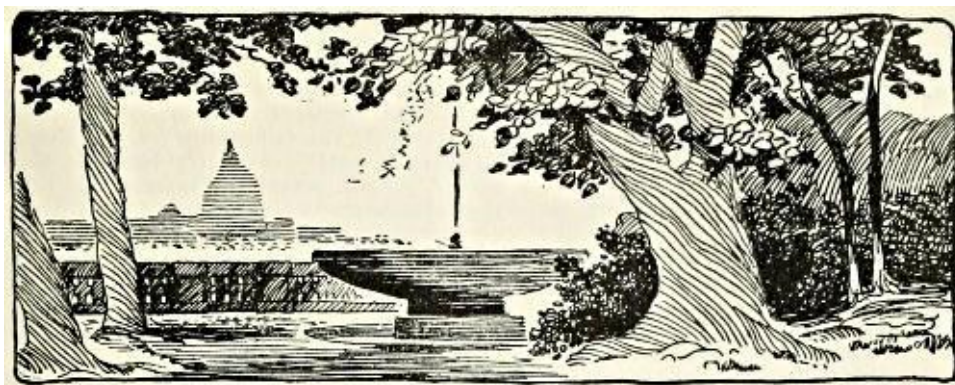
^f ФИЛИПП ДЕ БОМАНУАР, «*Обычаи Бове*».

^g ГИБЕРТ ДЕ НОЖАН, «*Деяния Бога через франков*».

^h ВИЛЬГЕЛЬМ ТИРСКИЙ, «*История священной войны*».

V. DURUY, *Histoire du Moyen Age*.

ⁱ PAUL VON ROTH, *Feudalität und Unterthanenverband*.

КНИГА II. ПАПСТВО

ВВЕДЕНИЕ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПАПСТВА

Ранняя история папства окутана большой неясностью. Что касается первых веков, мы ограничимся лишь перечислением имен последовательных епископов, принятых в традиции римской церкви. Согласно этим традициям, апостол **Петр** основал церковь в 42 году (современная критика не принимает эту дату, которая почти наверняка слишком ранняя примерно на двадцать лет); он был казнен в 67 году, и его преемником стал **Линус**, за которым в 79 году последовал **Клетус** или **Анаклет**. 91, **Климент I** или **Климент Римский**. Некоторые авторы считают его третьим епископом в 68 году н. э. 100, **Эварест**.

109 год, **Александр I**. Политическая жизнь Рима, уничтоженная империей, начинает возрождаться в организации христианской церкви. 119 год, **Сикст I**. 129 год, **Телесфор**. 139 год, **Гигин**. 143 год, **Пий I**. 157 год, **Аникет**. 168 год, **Сотер**. 177 год, **Элевтерий**. 193, **Виктор I**. Епископ Рима начинает утверждать свое превосходство над другими епископами. Это вызывает недовольство в некоторых кругах.

202 **Зефирин**. 219, **Каликст I**. 223, **Урбан I**. 230, **Понтиан**. 235, **Антерий**. 236, **Фабиан**. 251, **Корнелий**. 252, **Луций I**. 253, **Стефан I**. 257, **Сикст II**. 259, **Дионисий**. 269, **Феликс I**. 275, **Евтихиан**. 283, **Гай**. 296, **Марцеллин**.

308 **Марцелл I**. 310, **Евсевий**. 311, **Мелхиад**. 314, **Сильвестр I**. 325, Авторитет митрополита четко признается. Эта идея развивалась со времен первенства Фабиана и Корнелия. 330, Перенос столицы из Рима в Константинополь. Это значительно усиливает власть римского епископа, который отныне более решительно заявляет о своем верховенстве. 336, **Марк I**. 337, **Юлий I**. Он является признанным защитником православной веры против арианства и других ересей. Церковь начинает организовывать земельные владения за счет завещаний императоров и дворян.

352 год, **Либерий**. 356 год, первый случай раскола в римской церкви. *Феликс* претендует на первенство.

366 **Дамас I** избран на престол после ожесточенной и жестокой борьбы со своим соперником Урсином. Дамас представляет дело православия. 384, **Сириций**. Во время его первенства начинают издаваться декреты — папские письма.

398 **Анастасий I**. Папство вышло из неизвестности. Язычество находится в агонии.

402 год. **Иннокентий I**. Он многое делает для освобождения церкви от политического вмешательства. 417 год. **Зосим**. Он пытается умиротворить язычество.

418 г. **Бонифаций I**. Его избрание оспаривается. *Эулалий* выдвигает конкурирующие претензии. Император Гонорий вмешивается, и положения о выборах пересматриваются. Это первый случай имперского вмешательства.

422 **Селестин I**. 432, **Сикст III**. 440, **Лев (I) Великий**, иногда называемый настоящим основателем папства. Приоритет епископов Рима теперь полностью признан. 461, **Иларий**. 468, **Симплиций**. 476, Падение Западной империи усиливает авторитет епископов. 483, **Феликс II** (или **III**, если считать соперничавшего с ним в 356 году епископа Феликсом II). Он чувствует себя достаточно сильным, чтобы вызвать патриарха Константинополя в Рим, и отлучает его от церкви за отказ подчиниться. 492, **Геласий I**. Он провозглашает принцип, что его действия не должны контролироваться синодами. 496, **Анастасий II**. 498, **Симмах**. Выборы оспариваются *Лаврентием*, который

поддерживает соперничающую претензию. Пальмарский синод отказывается от своего права судить о действиях римского епископа.

514 год, **Гормизд**. 523 год, **Иоанн I**. Теодорих посылает Иоанна в Константинополь, чтобы получить снисхождение для ариан. Не добившись полного успеха, Теодорих заключает епископа в тюрьму по его возвращении (525 год), и тот умирает в следующем году. 526, **Феликс III** или **IV**. Дионисий Эксигус собирает и публикует каноны соборов и папские декреты. 530, **Бонифаций II**. Его избрание оспаривает *Диоскор* до своей смерти в том же году. Бонифаций получает право назначать своего преемника, но второй синод аннулирует это право.

532 год, **Иоанн II**. 535 год, **Агапет I**. Феодот посылает его в Константинополь от своего имени. 536 год, Велитарий входит в Рим; папа становится вассалом императора. **Сильверий**. 537 год. В результате интриг императрицы Феодоры и диакона Вигилия Сильверий был смещен и сослан на остров Пандатария. **Вигилий** становится епископом Рима. Епископы теперь становятся просто марионетками восточного двора.

552 год. Вигилий, сопротивляясь воле Юстиниана, заключается в тюрьму.

553 год. Вигилий вновь арестован и сослан.

554 **Пелагий I**. 560, **Иоанн III**. 574, **Бенедикт I**. 578, **Пелагий II**.

ОТ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ПАПСТВА КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ [590-867 гг. н. э.]

590 **Григорий (I) Великий** избран папой. Он поднимает папство на вершину величия и определяет его будущую политику. Деятельность Григория имеет тройственный характер. (1) Он совершенствует церковный обряд, вводит новый способ пения и организует доходы церкви. (2) Он осуществляет верховную власть над церквями Западной Европы. В 599 году лангобарды отрекаются от арианства, а Британия обращается в христианство благодаря святому Августину. (3) Он делает папу светским правителем. К этому времени епископ Рима становится крупнейшим землевладельцем в Италии. Вторжение лангобардов дает епископам возможность установить светскую власть, и в Риме и его окрестностях народ признает Григория главой государства.

604 год **Сабиниан**.

607 г. **Бонифаций III**. Император Фока присваивает Бонифацию титул вселенского епископа, но после смерти Фока патриарх Константинополя возвращает себе этот титул.

608 г. **Бонифаций IV**. Он преобразует римский Пантеон в христианскую церковь.

615 год **Деусдедит**.

618 **Бонифаций V**.

625 **Гонорий I**. Начинается монофелитская полемика.

638 **Северин**. Он не подтверждается до 640 года.

640 **Иоанн IV**. Осуждение монофелитской доктрины.

642 **Феодор I**.

649 **Мартин I**. Весь Запад отвергает монофелитство. Мартин осуждает Тип Констанса II.

653 Мартин захвачен экзархом и по приказу Констанса доставлен в Константинополь.

- 654 **Евгений I** избран вместо отсутствующего Мартина.
- 655 Мартин изгнан в Херсон, где вскоре умирает.
- 657 **Виталиан**.
- 672 **Адеодат**.
- 676 г. — **Домн** или **Дон I**.
- 678 **Агафо**. Время проповеди Вильфрида в Британии и Галлии.
- 680 Шестой Вселенский собор в Константинополе решает вопрос о монофелитстве.
- 682 **Лев II**. 683, **Бенедикт II**. 685, **Иоанн V**. 686, **Конон**.
- 687 **Сергий I**. *Пасхалий* и *Феодор* поддерживаются различными фракциями в качестве антипап. Экзарх в конце концов признает Сергия.
- 701 **Иоанн VI**. Он спасает жизнь экзарха во время восстания армии. Он оттесняет вторгшегося герцога Беневенто обратно на его территорию.
- 705 **Иоанн VII**. Император Юстиниан II пытается навязать римской церкви некоторые декреты, вызывающие возражения на Западе.
- 708 **Сисиний** проживает всего двадцать дней после избрания. **Константин**. Юстиниан настойчиво стремится подчинить Запад.
- 710 Константин отправляется в Константинополь по приказу Юстиниана, который остается доволен этим актом подчинения.
- 715 **Григорий II**. Время ученичества Беды.
- 725 г. Бонифаций основывает немецкую церковь.
- 726 Император Лев издает эдикт против поклонения изображениям. Италия восстает.
- 728 Восстание Равенны против иконоборческого эдикта. Лютпранд, король лангобардов, захватывает город. Папство начинает освобождаться от Восточной империи. Папы не желают подчиняться лангобардам. Григорий обращается к Карлу Мартелю за помощью против лангобардов.
- 731 **Григорий III**. Он бросает вызов Льву в вопросе поклонения изображениям.
- 739 Война с лангобардами. Григорий обращается к франкам за помощью против них.
- 741 год **Захарий**. Он является первым папой, избранным без получения обычного согласия экзарха. Папство теперь свободно от империи. Оно стало практически политическим герцогством.
- 742 Захарий посещает Лютпранда и заключает мирный договор. Многие владения церкви возвращены лангобардами.
- 749 г. Ломбарды возобновляют нападения на папу.
- 751 Захарий санкционирует передачу французской короны династии Карлов.
- 752 **Стефан II** умирает до своего посвящения. Обычно не включается в список пап. **Стефан II** или **III**.
- 755 Пепин Французский заставляет Айстульфа, короля лангобардов, отказаться от всех территорий, отнятых у экзарха и папы. Равенна, Пентаполис и другие территории

переданы папе. «Дарение Пепина». Заложены основы папского государства. Пепин присваивает королю франков титул патриция Рима.

757 **Павел I**. Ломбарды не посягают на папство.

767 г. После смерти Павла Тото, герцог Непи, заставляет епископа рукоположить одного из своих братьев, *Константина*, мирянина. Он исполняет все обязанности понтифика в течение года, когда

768 г. Дезидерий, король лангобардов, посылает отряд на помощь Риму. Константин арестован. Избрание **Стефана III** или **IV**. Все действия Константина объявлены недействительными. Жестокое обращение с Константином.

772 **Адриан I**. Возобновляются беспорядки с лангобардами. Адриан обращается к Карлу Великому.

774 Карл Великий захватывает Дезидерия в Павии и принимает титул короля лангобардов. Конец Лангобардского королевства. Карл Великий передает папе значительную часть территории. «Дарение Карла Великого». Адриан вступает во владение экзархатом со всеми полномочиями и привилегиями светского князя.

780 Папа призывает Карла Великого защитить его от коалиции византийских врагов. Мир куплен.

786 Карл Великий подчиняет Арихиса из Беневенто. Владения папы распространяются на Калабрию.

795 год. **Лев III**. Он признает верховенство Карла Великого.

799 Нападение, попытка калечения и заключение Льва вооруженной бандой во главе с его племянниками. Лев бежит к Карлу Великому, но возвращается в Рим.

800 Карл Великий отправляется в Рим, чтобы расследовать обвинения против Льва. Лев коронует его императором. Основание империи Карла Великого. Папа и император начинают строительство средневековой системы. Папа подчиняется императору.

816 г. **Стефан IV**. Он непопулярен и заставляет римлян присягать на верность императору. Вынужден укрыться у Людовика Благочестивого. Возвращается в Рим и умирает.

817 **Пасхалий I**. Принимает понтификат без императорского санкционирования. Римляне, предупрежденные императором, соглашаются не допускать этого вновь.

824 **Евгений II**.

827 **Валентин** умирает через пять недель. **Григорий IV**. Он выступает посредником между Людовиком Благочестивым и его сыновьями. Его понтификат проходит без особых событий, но материально укрепляет притязания иерархии.

844 **Сергий II** посвящен в сан без согласия императора Лотаря. Лотарь посылает своего сына Людовика с армией в Рим, но его встреча с папой проходит в дружеской обстановке. Людовик II становится королем Ломбардии.

847 **Лев IV**. Сарацины вторгаются в Италию и доходят до ворот Рима. Отражены Людовиком. Лев укрепляет часть Рима, впоследствии известную как Леонинов город, включая Ватикан и церковь Святого Петра.

850 Появляются «Ложные декреталии».

855 **Бенедикт III.** Его избрание оспаривает *Анастасий*, который, возглавив вооруженную группировку, захватывает Латеранский дворец. Императорские легаты принимают решение в пользу Бенедикта, и Анастасий изгнан. Начало борьбы между Фотием и Игнатием за Константинопольскую кафедру, которая заканчивается окончательным расколом между восточной и западной церквями.

858 **Николай I.** Под его руководством папство значительно укрепляет свою власть. Он вмешивается в спор о Константинопольском патриархате, поддерживая Игнатия и вынося приговор о смещении Фотия. Он принимает и объявляет подлинными «Ложные декреты», тем самым устанавливая принцип единоличной законодательной власти папы.

861-864 Унижение архиепископов Кельна, Трира и Равенны. Действие архиепископа Реймса Хинкмара по низложению Ротрада, епископа Суассона, отменено Николаем на основании «Ложных декретов».

863 г. Николай запрещает Лотарю II разводиться со своей женой.

ОТ СМЕРТИ НИКОЛАЯ I ДО НАЧАЛА ЭРЫ ПРАКТИЧЕСКИХ РЕФОРМ [867-1046 гг. н. э.]

867 **Адриан II.**

868 После смерти Лотаря II Лотаринского Адриан пытается передать корону императору Людовику II. Такое расширение папских прерогатив не приветствуется немецкими епископами, и они упрекают Адриана.

870 г. Хинкмар возобновляет борьбу с папой, и вся франкская церковь выступает против власти папы в прямых отношениях с епископами.

872 **Иоанн VIII.** Во время его понтификата Рим постоянно находится под угрозой со стороны сарацин.

875 Иоанн наделяет императорской короной Карла Лысого, не как его право, а как дар. Победа над Хинкмаром и франкской церковью путем назначения Ансегиса приматом Франции.

876 Начало спора с Формозом, епископом Порту.

877 В союзе с Афанасием, герцогом-епископом Неаполя, сарацины доходят до стен Рима. Карл Лысый игнорирует призывы Иоанна о помощи. Папа вынужден платить сарацинам дань.

878 Ламберт, герцог Сполето, в интересах претендента на императорский трон Карломана входит в Рим, захватывает Иоанна и заключает его в тюрьму. Иоанн сбегает и укрывается в Провансе. Он возвращается в Рим.

881 Иоанн коронует Карла Толстого императором.

882 Смерть Иоанна, возможно, убитого. **Мартин II.**

884 **Адриан III.**

885 **Стефан V.**

887 После свержения Карла Толстого империя Карлов приходит к концу.

891 **Формозус** избран под влиянием Гвидо Сполетского. Папство вступает в период анархии. Папы возвышаются той из соперничающих партий, которая находится на подъеме,

«получая, по словам Рейхеля, свой понтификат преступным путем и покидая его путем убийства».

896 **Бонафаций VII** умирает через несколько дней. Итальянская партия избирает **Стефана VI**. Он калечит труп Формоза.

897 Стефан заключен в тюрьму и задушен. **Роман** занимает престол в течение нескольких месяцев. **Феодор II**, принадлежащий к фракции Формоза.

898 **Иоанн IX**, хотя и принадлежит к партии Формоза, подчиняется императору Ламберту. Запрещается право грабить дворец папы после его смерти.

900 **Бенедикт IV**.

901 Он коронуется Людовика Прованского, соперника Беренгара.

903 год. **Лев V**. Через несколько месяцев он был заключен в тюрьму **Кристофором**, одним из его капелланов, который обеспечил себе избрание на папский престол.

904 Христофор изгнан из Рима солдатами Беренгара. Избрание **Сергия III**. Печально известная Феодора и ее дочери, Марозия и Феодора, полностью влияют на Сергия. Они продвигают цели партии Беренгара. Полное падение папства.

911 **Анастасий III**.

913 **Ландо**.

914 **Иоанн X**, архиепископ Равенны, избран благодаря влиянию Феодоры, любовницей которой он является. Он оказывается способным понтификом и образует союз итальянских герцогов для сопротивления сарацинам, а для продвижения этого проекта

916 коронуется Беренгара императором; затем, впервые в истории папства, папа отправляется на войну, побеждает сарацин и разрушает крепость Гарильяно.

925 Иоанн изгоняет маркиза Альберика, любовника или мужа Марозии. Власть Марозии усиливается. Она захватывает замок Святого Ангела. После смерти Альберика она выходит замуж за герцога Тосканы Гвидо.

926 Договор между Уго Прованским и Иоанном.

928 Иоанн заключен в тюрьму сторонниками Марозии и умирает, вероятно, насильственной смертью. **Лев VI**.

929 **Стефан VII**.

931 **Иоанн XI**, сын Марозии и Сергия III или Альберика, избран благодаря влиянию своей матери. Гвидо умирает, и Марозия выходит замуж за Уго Прованского.

932 Рим восстает против этого. Альберик, брат папы, бросает его и Марозию в тюрьму и становится правителем Рима. Альберик женится на дочери Уго.

936 Смерть Иоанна в тюрьме. Он исполнял свои духовные обязанности, но правительством Рима управлял Альберик. **Лев VII**.

939 **Стефан VIII**.

941 **Мартин III**.

946 **Агапет II**. Эти четверо назначены по единоличной воле Альберика — они не имеют никакой власти.

953 Смерть Альберика, оставившего свою власть сыну Октавиану.

- 955 После смерти Агапета Октавиан избран папой. Он принимает имя **Иоанн XII**, став первым, кто взял себе церковное имя.
- 961 Иоанн, угрожаемый Беренгаром II, обращается за помощью к королю Германии Оттону I, который немедленно прибывает в Германию и коронуется в Павии.
- 962 Иоанн коронует Оттона императором в Риме. Папа и римский народ приносят присягу на верность Оттону. Оттон возвращается в Павию и узнает, что Иоанн, опасаясь его власти, вступил в переписку с свергнутым итальянским королем Адальбертом. Он посылает офицеров расследовать это, и они возвращаются с длинным списком преступлений, в которых римский народ обвиняет Иоанна.
- 963 год Адальберт возвращается в Рим. Отто направляется туда. Папа и Адальберт бегут. Суд и смещение папы Отто. Избирается **Лео VIII**, главный секретарь римской курии.
- 964 год. Отто покидает Рим. Восстание вынуждает Лео бежать, и ворота открываются для Иоанна, который вновь занимает свой пост. Народ поддерживает его дело. Смерть Иоанна, вероятно, от рук обиженного мужа. Игнорируя императора и Лео, народ избирает нового папу, *Бенедикта V*. Отто выступает против антипапы, который подчиняется и лишается сана. Лео на соборе признает право Отто и его преемников в королевстве Италия избирать своих преемников в империи.
- 965 **Иоанн XIII** (епископ Нарни). Из-за его высокомерия римляне изгоняют его. Префект Ротфред принимает на себя управление Римом.
- 966 год. Отто прибывает в Рим по просьбе Иоанна. Ротфред убит; Иоанн восстановлен в должности. Отто жестоко обращается с римлянами. Устрашенные Отто, римляне позволяют Иоанну править в мире.
- 972 После смерти Иоанна престол остается вакантным в течение трех месяцев, пока Отто консультируется. Избран **Бенедикт VI**.
- 974 Бонифацио Франконе, по подстрекательству тосканской партии, заключает Бенедикта в тюрьму, душит его и становится папой под именем *Бонифаций VII*. Этот антипапа вынужден через месяц бежать в Константинополь. Он уносит с собой все сокровища из собора Святого Петра. Избирается **Бенедикт VII**, который отлучает Бонифация от церкви и под покровительством Оттона II правит в мире.
- 983 год. **Иоанн XIV**. Смерть Оттона в Риме.
- 984 г. Бонифаций внезапно появляется, заключает в тюрьму Иоанна (который умирает от голода или яда) и занимает папский престол. Восстановление Римской республики во главе с консулом Крешенцием.
- 985 Внезапная смерть Бонифация. **Иоанн XV**. Крешентий заставляет его покинуть Рим, и он обращается за помощью к Оттону III.
- 987 Иоанну разрешают вернуться. Теперь он правит, но подчиняется консулу и сенату.
- 996 После смерти Иоанна Отто организует избрание своего родственника **Григория V** (Бруно, герцог Каринтии). Он коронует Отто императором. Крешентий приговорен к изгнанию, но помилован по заступничеству Григория, которому он приносит клятву верности. Крешентий заставляет Григория бежать и сажает *Иоанна XVI* (Филагата) на папский престол.
- 998 Отто как можно скорее прибывает в Италию. Иоанн бежит, но его возвращают и жестоко наказывают. Крешенций сдается и казнен. Григорий восстановлен в должности.

- 999 Смерть Григория, возможно, от яда. **Сильвестр II** (Герберт). Отто и Григорий вместе планируют восстановить величие империи времен Августа — император должен иметь безграничную светскую власть, а папа — безграничную духовную.
- 1001 Римская знать восстает против этой идеи, но быстро принуждается к согласию.
- 1002 Смерть Оттона, вероятно, от яда, поданного Стефанией, вдовой Крешенция.
- 1003 Смерть Григория, возможно, также от отравления Стефанией. Таким образом, планы по спасению папства от патрициев и народа Рима провалились. **Иоанн XVII** (Сикко) занимает престол в течение шести месяцев. **Иоанн XVIII** (Фанасус).
- 1009 **Сергий IV**. Рим вновь становится республикой, во главе которой стоит патриций Иоанн, сын Крешенция. Тосканская партия находится на подъеме.
- 1012 **Бенедикт VIII** избран тосканской партией, которой дом Крешенция уступил власть. Антипапа *Григорий* установлен партией Крешенция. Бенедикт вынужден бежать, но вскоре возвращается в Рим под защитой императора Генриха II.
- 1014 Бенедикт наносит поражение сарацинам под Пизой.
- 1021 г. Бенедикт помогает Генриху II в его войне против византийцев в южной Италии.
- 1024 г. После смерти Бенедикта тускуланская партия возводит на папский престол его брата **Иоанна XIX**, мирянина.
- 1033 г. После смерти Иоанна власть Тускуланского дома обеспечивает понтификат его молодому племяннику **Бенедикту IX**.
- 1042 Утверждено «Божье перемирие».
- 1044 г. Бенедикт, ведя порочную и развратную жизнь, изгнан из Рима народом. Затем народ избирает *Сильвестра III*, но Бенедикт возвращается в триумфе, и антипапа бежит.
- 1045 Бенедикт продает папский престол *Григорию VI* (Иоанну Грациану) из дома Тускулума, человеку ученому и непорочному, который стремится провести реформы.
- 1046 Скандал, вызванный поступком Бенедикта, приводит к тому, что Генрих III созывает Собор в Сутри, который смещает трех пап и избирает на папский престол Суидгара, епископа Бамбергского, **Климента II**. Собор дает императору право назначать будущих пап, что вызывает недовольство римского духовенства и народа.

ЭПОХА ВЕЛИЧИЯ [1046-1305 гг. н. э.]

Начинается новая эра для папства. Власть пап начинает затмевать власть императоров.

- 1047 Климент созывает собор, чтобы осудить всепроникающий порок симонии. Смерть Климента. Бенедикт IX захватывает трон и удерживает его в течение девяти месяцев.
- 1048 Поппо, епископ Бриксена, **Дамас II**, назначен папой императором. Бенедикт бежит при его появлении. Дамас умирает менее чем через месяц. Хильдебранд высказывает возражения римского духовенства по поводу права императора назначать пап. Бруно, епископ Туля, **Лев IX**, является императорским выбором на пост следующего папы.
- 1049 При содействии Гильдебранда Лев планирует множество реформ, включая запрет на брак духовенства, симонию и т. д. Синоды Рима, Реймса и Майнца принимают реформаторские каноны. Лев формирует коллегия кардиналов.

1049-1051 Лев посещает Францию и Германию.

1052 Третий визит Льва в Германию для посредничества между Генрихом III и Андреем Венгерским.

1053 Поход Леона против норманнов. Пленение Леона в Чивителле. Договор Ильдебранда с Беренгаром Турским.

1054 г. Лев возвращается в Рим и умирает. Ильдебранд отправляется к императору в качестве полномочного представителя римского духовенства и народа.

1055 Гебхард из Айхштайта, **Виктор II**, кандидат Ильдебранда, становится папой. Он продолжает реформы Льва.

1056 Смерть Генриха III, оставившего малолетнего сына, способствует реализации плана Ильдебранда.

1057 год. Римляне вновь заявляют о своем праве назначать пап после смерти Виктора. Кардинал Фридрих Лотаринский, **Стефан IX**, становится папой.

1058 Смерть Стефана. Игнорируя императрицу Агнессу, римская партия избирает папой Джованни ди Веллетри, **Бенедикта X**, получая от него самые щедрые пожертвования. Императрица уполномочивает Гильдебранда провести новые выборы.

1059 Избран архиепископ Флоренции Герард, **Николай II**, а Бенедикт объявлен свергнутым. Хильдебранд решает нанести удар по императорским прерогативам. Второй Латеранский собор. Избрание папы возлагается исключительно на кардиналов-епископов. Запрещаются симония и брак духовенства.

1061 Избрание Ансельмо Баджо, **Александра II**, без согласия императора, положит начало великой борьбе между папой и императором. Императорская партия созывает собор в Бале и избирает Пьетро Кадолауса *Гонорием II*. Он продвигается к Риму.

1063 г. Антипапа, изгнанный норманнами, укрывается в замке Святого Ангела, где удерживает свои позиции до

1064 года, когда падение Адальберта разрушает его последние надежды. Раскол устраняется Ханно, и Александр всемирно признается папой. Сопrotивление декретам о celibате сильное.

1073 год. **Григорий VII**. Его избрание подтверждается императором. Его основными целями являются введение celibата среди духовенства и запрет на инвеституру мирянами, которая является главной причиной симонии. Он требует, чтобы Генрих IV согласился со всеми вновь принятыми прерогативами папства.

1075 Запрет на инвеституру мирянами. Разрыв между папой и Генрихом IV.

1076 Генрих созывает сейм в Вормсе и объявляет папу отстраненным от престола. Григорий отлучает Генриха от церкви, который отстранен от королевской власти сеймом в Трибуре.

1077 Генрих смиряется перед папой в Каноссе. Григорий устанавливает принцип папской власти судить королей.

- 1080 Вторая отлучение Генриха. Его сторонники созывают собор и объявляют Григория низложенным. Избрание Гиберта, архиепископа Равенны, *Климента III*, антипапой.
- 1084 Генрих наконец захватывает Рим. Григорий замыкается в замке Святого Ангела. Климент коронует Генриха императором. Норманны захватывают Рим. Роберт Гвискар освобождает Григория, который уезжает в Салерно и умирает в следующем году. Климент III правит в Риме.
- 1086 Кардиналы избирают Дезидерия, аббата Монте-Кассино, **Виктором III**, папой. Он живет в основном в Монте-Кассино.
- 1087 Смерть Виктора.
- 1088 Через пять месяцев после смерти Виктора епископ Остии Эudes, **Урбан II**, избран папой. Он проживает в Монте-Кассино.
- 1094 Урбан в Риме. Климент владеет только Ватиканом, Святым Ангелом и Латераном.
- 1095 Урбан проповедует Первый крестовый поход во Франции. Собор в Клермоне.
- 1099 **Пасхалий II**. Он изгоняет Климента III из Рима, который умирает в следующем году.
- 1100 После смерти Климента императорская партия избирает антипапу *Феодора*. Он попадает в руки Пасхалия и осужден на жизнь отшельника.
- 1102 *Альберт*, антипапа — он отправлен в монастырь.
- 1105 *Сильвестр IV*, антипапа. В конце концов он свергнут самим императором.
- 1106 После смерти Генриха IV вопрос об инвеституре вновь поднимается при Генрихе V.
- 1110 Генрих V совершает военное вторжение в Италию. Договор в Сутри, ущемляющий права церкви.
- 1111 Пасхалий отказывается короновать Генриха, который заключает в тюрьму папу и кардиналов. Пасхалий вынужден короновать Генриха.
- 1115 Смерть графини Матильды, оставившей свои владения папе. Генрих угрожает новым походом на Рим.
- 1116 Отлучение Генриха от церкви на Латеранском соборе. Генрих наступает на Рим. Папа уходит в Беневенто.
- 1118 Пасхалий возвращается в Рим. Он умирает. Кардиналы избирают Джованни да Гаэта, **Геласия II**. Он сразу же захвачен Ченциусом Франджипани. Транстеверинцы заставляют его сдать. Генрих V прибывает в Рим. Папа бежит в Гаэту, где он посвящается в сан. Генрих, с согласия народа, делает Мориса Бурдина, *Григория VIII*, антипапой. После отъезда Генриха Геласий возвращается в Рим, но, подвергшись новому нападению, покидает Рим и уезжает во Францию.
- 1119 Смерть Геласия в Лионе. Избрание Гвидо, архиепископа Вьенна, **Каликста II**. Он отлучает Генриха и антипапу от церкви и отправляется в Рим.
- 1120 Каликст захватывает Григория и подвергает его жестокому унижению.
- 1121 Смерть Григория в тюрьме. *Целестин II* становится антипапой.
- 1122 г. Конкордат в Вормсе урегулирует вопрос об инвеституре. Император уступает право инвеституры кольцом и посохом. Папа разрешает избрание епископов и аббатов в соответствии с канонической процедурой в присутствии императора, но без подкупа или принуждения.

- 1124 Ламберт ди Фаньяно, **Гонорий II**, избран под влиянием Франджипани. Он правит в мире с Германией, но возглавляет папские войска на юге Италии.
- 1130 После смерти Гонория часть кардиналов избирает Грегорио де Папи, **Иннокентия II**. Остальные выбирают Петра Леониса, *Анаклета II*, который получает поддержку Роджера Сицилийского. Иннокентий побеждает Бернарда Клервоского и через него Лотаря II.
- 1132 Лотарь отправляется в Италию против Анаклета и Роджера.
- 1133 Коронация Лотаря Иннокентием, который дарует ему в феоде аллодиальные владения графини Матильды.
- 1138 Смерть Анаклета разрешает спорную ситуацию с выборами. Грегорио Конти, *Виктор IV*, новый антипапа, продержится два месяца. Весь Рим признает Иннокентия.
- 1139 Великий Латеранский собор. Он осуждает Арнольда Брешианского. Папа утверждает свою неограниченную власть над епископским орденом. Иннокентий вступает в войну с Роджером Сицилийским и попадает в плен. Он освобождается после признания титула и королевства Роджера.
- 1143 Гвидо ди Кастелло, **Целестин II**.
- 1144 **Люций II**. Римский народ осуществляет планы Арнольда Брешианского, учреждает республику и признает только духовную власть папы. Люций обращается к императору Конраду, но тщетно.
- 1145 Смерть Луция во время штурма Капитолия. Его преемником становится аббат Бернард из Пизы, **Евгений III**. Он отвоевывает Рим у Арнольда Брешианского. Республика капитулирует.
- 1146 Арнольд вновь захватывает Рим. Евгений бежит во Францию. Он становится спутником Бернарда Клервоского. Собор в Везеле провозглашает Второй крестовый поход.
- 1153 Конрад, епископ Сабины, **Анастасий IV**.
- 1154 Николай Брейкспир, **Адриан IV**.
- 1155 Рим подвергается религиозной интердикции. Духовенство и народ заставляют сенат уступить. Изгнание и казнь Арнольда Брешианского. Коронация Фридриха Барбароссы.
- 1156 Фридрих уходит в Германию. Союз Адриана с Сицилией.
- 1157 Ссора Фридриха и Адриана.
- 1158 Фридрих отправляется в Италию для урегулирования спора.
- 1159 Фридрих подвергается угрозе отлучения от церкви. Умирает Адриан. Выборы разделились: Роландо Ранучи, **Александр III** и Октавиан, кардинал Святой Сесилии, *Виктор IV*.
- 1160 Фридрих созывает Павийский собор, чтобы решить вопрос о претензиях двух пап. Из-за высокомерного отношения Александра Фридрих признает Виктора.
- 1162 После многих столкновений с Виктором Александр укрывается во Франции.
- 1164 Смерть Виктора. Гвидо из Кремы, *Пасхалий III*, избран небольшой фракцией в качестве антипапы. Он не осмеливается войти в Рим.

- 1165 Александр возвращается в Рим, где его принимает сенат.
- 1167 Фридрих захватывает Рим и устанавливает Пасхалия. Его вторая коронация Пасхалием.
- 1168 Дело Пасхалия значительно ослаблено уходом Фридриха. Смерть Пасхалия. Иоанн, епископ Тускулума, *Каликст III* становится антипапой. Его власть слабеет.
- 1176 Фридрих заключает перемирие с папой и лангобардами после поражения при Легнано.
- 1177 Примирение Фридриха и Александра в Венеции.
- 1178 Каликст отрекается от своего титула. Конец раскола.
- 1181 Убальдо Аллучинголи, **Луций III**.
- 1182 Восстание в Риме изгоняет Луция.
- 1185 Гумберт Кривелли, **Урбан III**. Он живет в основном в Вероне. Он ссорится с Фридрихом по нескольким вопросам.
- 1187 Смерть Урбана, когда он собирается отлучить Фридриха от церкви. Альберт, кардинал Сан-Лоренцо, **Григорий VIII**. Он проповедует крестовый поход. Он отправляется в Пизу, чтобы урегулировать спор между Генуей и Пизой, и умирает. Паоло Сколари, **Климент III**.
- 1188 Климент заключает мир с римским народом.
- 1191 Джачинто Орсини, **Целестин III**. Сдача Тускулума римлянам.
- 1194 Папа отлучает Генриха VI за жестокое обращение с сицилийцами.
- 1198 Лотарио Конти, **Иннокентий III**. Его понтификат знаменует собой кульминацию папской власти. Иннокентий проповедует Пятый крестовый поход. Он заставляет префекта Рима присягнуть ему на верность, тем самым практически устанавливая светскую власть папы над Римом. Он приказывает сенешалю Марквальду из Анвайлера сдать марку Анкона. Смерть Констанцы. Марквальд претендует на управление Сицилией. Объединение гвельфов с папской партией.
- 1199 Конрад из Лутценберга, граф Сполето, вынужден вернуться в Германию. Итальянские города приветствуют Иннокентия как освободителя.
- 1201 Решение в пользу Оттона IV, герцога Германии. Поражение Марквальда от Вальтера де Бриенна и папской армии. Иннокентий заставляет Филиппа Августа взять обратно свою разведенную жену.
- 1202 Альфонсо IX отказывается аннулировать брак со своей кузиной. Папский интердикт в королевстве Леон. Иннокентий протестует против крестового похода на Зару.
- 1204 Иннокентий посылает легата для коронации Йоанниса королем Болгарии. Доминик начинает проповедовать в Лангедоке.
- 1208 Соппротивление короля Англии Иоанна против посвящения Стивена Лэнгтона в архиепископы Кентерберийские. Интердикт над Англией.
- 1209 Отто отказывается от земель графини Матильды и других территорий в Италии в пользу папы. Иннокентий коронуется. Отлучение короля Иоанна от церкви. Начало крестового похода против альбигойцев.
- 1210 Отлучение от церкви Отто, который не уступил все обещанные территории. Основание францисканского ордена.

- 1212 Иннокентий провозглашает Фридриха II королем Германии. Он свергает короля Иоанна и предлагает корону Англии Филиппу Августу.
- 1213 Джон подчиняется папе.
- 1215 Иннокентий пытается аннулировать Великую хартию вольностей. Четвертый Латеранский собор. Доктрина пресуществления. Введение ушной исповеди. Коронация Фридриха II королем Германии, который обещает провести крестовый поход.
- 1216 Подтверждение доминиканского ордена. Смерть Иннокентия. Избран Ценцио Савелли, **Гонорий III**.
- 1217 Гонорий обязывает Андрея Венгерского предпринять крестовый поход.
- 1220 Коронация Фридриха как императора. Он вновь обещает отправиться в Святую Землю.
- 1223 Конгресс в Ферентино. Фридрих обещает начать поход в течение двух лет.
- 1225 Фридрих добивается очередной отсрочки. Из-за конфликта с сенатом Гонорий уезжает в Тиволи.
- 1227 Уголино Конти, **Григорий IX**. Он отлучает Фридриха, который предпринимает неудачную попытку отправиться в Святую Землю. Эззелино да Романо изгоняет гвельфов из Вероны и Виченцы.
- 1228 Вторая отлучение Фридриха за отправление без отпущения грехов. Папа посылает свою армию в Апулию.
- 1229 Папская армия разоряет Апулию, но Фридрих спешит вернуться из Сирии, чтобы вернуть свои территории. Он отлучается от церкви в третий раз. Окончание Альбигойского крестового похода. Собор в Тулузе запрещает чтение Священного Писания мирянами и принимает суровые меры по подавлению ереси.
- 1230 Папа и Фридрих примирились. Великое наводнение в Риме.
- 1231 Начинаются переговоры о союзе греческой и латинской церквей.
- 1232 В южной Франции учреждены трибуналы инквизиции.
- 1233 г. Немцы казнят первого инквизитора.
- 1234 Восстание в Риме изгоняет Григория из города.
- 1238 Венеция, Генуя и папа заключают союз против Фридриха из-за его растущей власти и успехов в Ломбардии.
- 1239 Фридрих отлучен от церкви и обвинен в преступлениях.
- 1240 Григорий провозглашает крестовый поход против Фридриха, который вторгается на папскую территорию.
- 1241 Флот Фридриха захватывает двадцать две генуэзские галеры, на которых находилось много священнослужителей, направлявшихся на собор в Рим. Они были заключены в тюрьму. Смерть Григория. Избран Гоффредо Кастильоне, **Целестин IV**. Он умирает через восемнадцать дней. Престол остается вакантным.
- 1243 Фридрих освобождает некоторых из заключенных церковников, чтобы выборы могли состояться. Избран Сенибальди ди Фиески, **Иннокентий IV**. Мирные переговоры заканчиваются неудачей.
- 1244 г. Иннокентий бежит в Лион.

- 1245 год. Иннокентий созывает Тринадцатый Вселенский собор в Лионе. Фридрих отлучен от церкви и свергнут.
- 1246 год. Людовик IX терпит неудачу в попытке примирить Иннокентия и Фридриха. Иннокентий требует от Англии, Франции и Италии выплатить ему огромные суммы для продолжения борьбы с Фридрихом, что вызывает большое недовольство в этих странах.
- 1247 Фридрих осаждает папские войска в Парме.
- 1248 Фридрих снимает осаду.
- 1250 Смерть Фридриха.
- 1251 Возвращение Иннокентия в Италию. Он отправляется в Перуджу, чтобы там поселиться. Отлучение Конрада от церкви. Папа подстрекает Сицилию и Апулию к восстанию. Манфред подавляет восстание.
- 1252 Конрад IV и Манфред атакуют Неаполь и захватывают Капую.
- 1253 Капитуляция Неаполя перед Конрадом.
- 1254 Папа дарует корону Сицилии принцу Эдмунду Английскому. Смерть Иннокентия в Неаполе во время похода против Манфреда. Ринальдо ди Сегни, **Александр IV**. Возникновение флагеллантов.
- 1255 Жители Мессины изгоняют папского губернатора. Папский легат заключает договор с Манфредом, но Александр отказывается его ратифицировать, заявляя, что Эдмунд является королем Сицилии. Английский парламент отказывается выделить Эдмунду деньги на завоевание трона.
- 1256 Манфред провозглашает себя верховным правителем Сицилии от имени Конрадина. Заключение в тюрьму сенатора Бранкалеоне, который освобождается народом (1258). Основание ордена августинцев.
- 1257 г. Интердикт Португалии из-за развода Альфонсо III.
- 1258 Битва при Кортичелле. Эззелино да Романо наносит поражение армии папы и захватывает Брешию.
- 1259 Отлучение от церкви Манфреда, коронованного в предыдущем году. Папа решает вопрос о императорском титуле в пользу Ричарда Корнуольского. Падение гибеллиновского полководца Эззелино да Романо.
- 1260 Гибеллины вновь захватывают Флоренцию. Казнь Альберико да Романо.
- 1261 Смерть Александра в изгнании. Жак Панталеон, патриарх Иерусалимский, **Урбан IV**.
- 1262 Урбан, чтобы противостоять Конрадину, предлагает корону Сицилии Карлу Анжуйскому. Гибеллины в Тоскане признают Манфреда.
- 1263 Милан отказывается принять Отто Висконти в качестве архиепископа города.
- 1264 Карл Анжуйский назначен сенатором Рима. Смерть Урбана.
- 1265 Ги Фульк, **Климент IV**. Коронация Карла Анжуйского как короля Сицилии.
- 1269 Смерть Климента. Престол остается вакантным более двух лет из-за разногласий между кардиналами.
- 1271 Теобальдо ди Висконти, **Григорий X**. Рудольф Габсбургский признает верховенство папы.

- 1273 Григорий отлучает от церкви жителей многих городов северной Италии за объединение против Карла Анжуйского.
- 1274 Четырнадцатый Всеобщий собор в Лионе. Провозглашается новый крестовый поход и осуществляется объединение греческой и латинской церквей. Объединение так и не было полностью принято в Восточной империи и вскоре распалось.
- 1276 Смерть Григория. Пьетро ди Тарантазия, **Иннокентий V**, умирает через пять месяцев. Оттобони Фиеско, **Адриан V**, умирает через шесть недель. Педро Джулиани, **Иоанн XX** или **XXI**.
- 1277 Джовани Гаэтано, **Николай III**, «Il Comperto». Он принадлежит к семье Орсини.
- 1278 Рудольф Габсбург уступает папе, который выступает в качестве правящего суверена над всеми своими владениями, Романью, экзархат Равенны и другие территории. Николай враждебно настроен по отношению к Карлу. Николай практикует непотизм.
- 1280 Смерть Николая в разгар планов по установлению власти своей семьи в королевствах Италии. Раскол, вызванный Карлом в Коллегии кардиналов.
- 1281 год. Симон де Брион, **Мартин IV**, избранный через шесть месяцев благодаря влиянию Карла. Папа уходит в отставку в Орвието.
- 1282 Мартин отлучает от церкви Педро Арагонского, который был провозглашен королем Сицилии после «Сицилийской вечерни».
- 1283 Папа предлагает корону Арагона Карлу Валуа.
- 1285 Смерть Карла успокаивает дела Сицилии. Джакомо Савелли, **Гонорий IV**.
- 1287 Гонорий препятствует ратификации договора между Арагоном и Францией. Смерть Гонория, и из-за споров кардиналы в течение десяти месяцев не могут избрать нового папу.
- 1288 Джироламо д'Асколи, **Николай IV**.
- 1289 После освобождения Карла Хромого из Неаполя папа освобождает его от всех обязательств, благодаря чему тот обретает свободу. На севере продолжается ожесточенная борьба между гвельфами и гибеллинами. Николай попадает в рабство к Колонна.
- 1292 Смерть Николая. Престол остается вакантным более двух лет.
- 1294 Избрание Пьетро ди Мурхоне, **Целестина V**, скромного отшельника. Кардиналы раскаиваются и заставляют его отречься от престола. Избран Бенедикт Каэтано, **Бонифаций VIII**. Он продвигает папские притязания дальше, чем любой другой папа, и готовит почву для Реформации.
- 1296 г. Бонифаций начинает свою великую борьбу с Филиппом Красивым, издавая буллу, отлучающую от церкви всех князей, облагающих духовенство налогами. Эдуард I Английский объявляет вне закона всех священнослужителей, подчиняющихся этой булле, а Филипп в ответ запрещает вывоз золота и серебра из Франции. Интердикт Сицилии. Сицилийцы вторгаются в Калабрию.
- 1297 Отлучение от церкви всей семьи Колонна за то, что один из ее членов ограбил папский конвой.
- 1298 Папа объявляет крестовый поход против Колоннов.
- 1299 Сдача Палестрины папской армии. Город разрушен до основания.

1300 Полная индульгенция Бонифация.

1301 Английский парламент запрещает Бонифацию вмешиваться в дела Шотландии. Возобновление спора с Филиппом по поводу заключения епископа Памье. Карл Валуа приглашен в Италию.

1302 Публикация буллы, провозглашающей, что церковь может иметь только одного главу.

1303 Филипп сжигает буллу об отлучении от церкви, изданную Бонифацием, и отказывается признавать его папой. Пленение Бонифация Гийомом де Ногаре. Смерть Бонифация. Никколо Боккачини, **Бенедикт XI**. Он пытается примирить Францию и семью Колонна.

1304 Бенедикт отлучает от церкви тех, кто принимал участие в захвате Бонифация. Смерть Бенедикта, вероятно от яда, от рук французской партии.

«ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ» [1305-1378 гг. н.э.]

1305 Влияние Филиппа Красивого в Коллегии кардиналов приводит к избранию Бертрана д'Агуста, **Климента V**. Папа не вмешивается в преследование Филиппом тамплиеров.

1309 Папа переносит свою резиденцию в Авиньон, главным образом из-за конфликта между Орсини и Колонна в Риме. Он объявляет страшную анафему венецианцам в споре о владении Феррарой. Венецианцы изгнаны из Феррары, которая присоединяется к папским государствам.

1310 Восстание Феррары и суровое наказание со стороны папского правительства.

1311 г. Уничтожение тамплиеров на Виеннском соборе.

1314 Папа назначает короля Неаполя наместником Италии. Партия гвельфов теперь находится на подъеме. Смерть Климента. Престол остается вакантным более двух лет.

1316 Избран Жак д'Эз, **Иоанн XXI** или **XXII**, из французской партии.

1317 Жители Феррары возвращают город семье Эсте.

1322 Висконти захватывают Кремону, и вся семья подвергается отлучению от церкви. Иоанн предлагает признать Фридриха Австрийского королем Германии в обмен на его помощь. Фридрих посылает армию в Италию, но затем отзывает ее.

1323 Отлучение от церкви Людвиг IV Баварского. Папские войска захватывают Алессандрию и Тортону и осаждают Милан. Отлучение от церкви Людвиг IV Баварского за помощь Висконти.

1324 Папские и сицилийские войска потерпели поражение от Галеаццо Висконти при Ваприо.

1326 Иоанн подстрекает герцога Литвы к нападению на тевтонских рыцарей. Папские войска захватывают Парму и Реджо.

1328 Людвиг IV, коронованный в Риме Скаррой Колонной, получает от римского народа указ о том, что папа должен проживать в Риме. Иоанн объявляется свергнутым, а Петр ди Корвара, *Николай V*, становится папой.

1329 Гибеллины обращаются против Людвиг; семьи Висконти и Эсте заключают договор с папой. Николай отрекается от престола и заключается в тюрьму в Авиньоне.

- 1332 Иоанн Богемский, уладивший конфликт гибеллинов, вступает в сговор с папой, чтобы захватить Италию.
- 1333 Папские войска потерпели поражение при Ферраре. Иоанн отказывается от своих планов по завоеванию Италии и возвращается в Богемию.
- 1334 Папская партия теряет большинство захваченных городов. Смерть Иоанна, когда его собираются судить за ересь. Жак Фурнье, **Бенедикт XII**. Он начинает строительство папского дворца в Авиньоне и пытается ограничить роскошь монашеских орденов.
- 1338 Немецкие выборщики объявляют, что папа не имеет юрисдикции над Германией.
- 1342 Пьер Роже, **Климент VI**. Римляне посылают посольство, чтобы убедить его вернуться в Рим. Он объявляет Пятидесятилетний юбилей.
- 1343 Климент возобновляет отлучение Людвига от церкви.
- 1347 Революция Ренци в Риме. Он избран трибуном и проводит многочисленные реформы. После поражения дворян он совершает много экстравагантных поступков и вынужден отречься от престола.
- 1348 Иоанна Неаполитанская продает Авиньон папе.
- 1349 Флагелянты объявлены еретиками.
- 1351 г. Ренци передан под стражу папе Карлом IV Германом.
- 1352 Этьен д'Альбер, **Иннокентий VI**.
- 1354 Кардинал Альборнос восстанавливает папскую власть в Риме. Ренци становится сенатором. Он плохо правит и убит.
- 1356 Золотая булла положит конец длительной борьбе между папством и империей.
- 1362 Гийом де Гримоар, **Урбан V**. Большинство врагов папы были усмирены, но Висконти по-прежнему остаются в открытой вражде. Папа желает вернуться в Рим, поскольку папские государства приведены к послушанию.
- 1367 Урбан переезжает в Рим. Смерть Альборноса.
- 1370 Урбан возвращается в Авиньон и умирает. Пьер Роже де Бофор, **Григорий XI**. Англия и Франция с презрением отвергают его предложения о посредничестве. Италия после смерти Альборноса пытается освободиться от папы. Висконти всецельны на севере. Весь юг восстает. Свободные роты разоряют страну. Сэр Джон Хоуквуд то служит гвельфам, то гибеллинам.
- 1376 Миссия святой Катерины Сиенской с целью убедить папу вернуться в Рим.
- 1377 Прибытие Григория в Рим.
- 1378 Смерть Григория.

ВЕЛИКИЙ РАЗКОЛ ЗАПАДА [1378-1417 гг. н. э.]

- 1378 Римляне настаивают на избрании римского папы; под этим давлением кардиналы выбирают Бартоломео Приньяни, **Урбана VI**. Французские кардиналы немедленно объединяются против него, уходят в Фонди, объявляют выборы недействительными и избирают Роберта Женевского, *Климента VII*. Германия, Англия, Дания, Швеция, Польша, Венгрия и Италия (кроме Неаполя) поддерживают Урбана. Франция, Неаполь, Шотландия, Савойя, Лотарингия и испанские королевства поддерживают Климента.

Урбан проживает в Риме, Климент — в Авиньоне. Урбан отлучает Климента от церкви. Уиклиф нападает на папский примат.

- 1379 Война между двумя папами. Кровапролитие и раздоры в Италии. Поражение войск Климента в крестовом походе Урбана против Неаполя. Сент-Анджело сдается. Климент отступает в Авиньон.
- 1380 Иоанна I Неаполитанская пытается отравить Урбана, который вступает в союз с Венгрией. Карл Дураццо достигает Рима по пути в Неаполь.
- 1381 Карл Дураццо и венгры завоевывают Неаполь. Он занимает трон.
- 1383 Урбан VI отправляется в Неаполь, который захватил Людовик Анжуйский, усыновленный Джоанной. Урбан получает там много преимуществ для себя и своей семьи.
- 1384 Между Урбаном и Карлом возникают враждебные отношения из-за высокомерия первого. Луи умирает, и его войска рассеиваются.
- 1385 Карл склоняет нескольких кардиналов к заговору против Урбана. Их арестовывают и подвергают пыткам. Урбан отлучает Карла от церкви, но тот игнорирует буллу. Осада и захват Ночеры войсками Карла. Урбан бежит в Геную. Карл отправляется в Венгрию, оставив Неаполь своему сыну Ладиславу.
- 1386 Урбан приказывает казнить заключенных кардиналов (за исключением одного). Дож Венеции вынуждает Урбана покинуть Геную; тот отправляется в Лукку.
- 1387 Урбан переезжает в Перуджу.
- 1388 Урбан покидает Перуджу и отправляется в Неаполь, на который он претендует. Его армия распадается, и он уходит в отставку в Рим.
- 1389 Смерть Урбана. Пьетро Томачелли, **Бонифаций IX**. Климент коронует Людовика II Анжуйского королем Неаполя. Бонифаций принимает примирительную позицию и признает Ладислава.
- 1390 Юбилей приносит большие доходы в казну Бонифация. Он признает множество династий в папских государствах.
- 1392 Благодаря влиянию Бонифация, который отправляется в Перуджу, заканчивается война между государствами северной Италии.
- 1394 Смерть Климента VII. Педро де Луна, *Бенедикт XIII*, антипапа.
- 1395 Парижский университет безуспешно пытается устранить раскол.
- 1398 Франция отказывается от верности Бенедикту, который сопротивляется всем попыткам заставить его отречься от престола. Только Шотландия и Арагон остаются ему верными. Бонифаций провозглашает себя правителем Рима.
- 1399 Сдача Бенедикта, осажденного французами в Авиньоне. Он обещает отречься от престола, если Бонифаций поступит так же.
- 1400 Начинается реакция в пользу Бенедикта. Восстание Колоннов в Риме мешает празднованию Юбилея. Чума уничтожает многих паломников. Изданы указы против Бьянки.
- 1402 г. Бонифаций провозглашает Ладислава королем Венгрии.

- 1403 Висконти начинают терять свою власть. Бонифаций возвращает Перуджу, Болонью и другие города по договору. Бенедикт сбегает из Авиньона и восстанавливает верность Франции.
- 1404 Смерть Бонифация, за которой следует восстание в Риме. Орсини побеждают Колоннов. Козимо де Мильорати, **Иннокентий VII**. Он не владеет в Риме ничем, кроме Ватикана и Святого Ангела. Ладислав Неаполитанский приезжает в Рим, чтобы урегулировать разногласия между папой и римлянами.
- 1405 Иннокентий укрывается в Витербо. Разграбление Ватикана римским народом. Ладислав пытается захватить Рим, и народ возвращается к папе. Бесплодные переговоры между Иннокентием и Бенедиктом, который покидает Францию и отправляется в Геную.
- 1406 Бенедикт в Савоне. Парижский университет выступает против него. Иннокентий возвращается в Рим и умирает. Анджело ди Корраро, **Григорий XII**.
- 1408 Франция, тщетно пытаясь положить конец расколу, отказывается подчиняться обоим папам. Бенедикт в Перпиньяне. Ладислав захватывает Рим. Григорий окончательно поселяется в Римини. Кардиналы обеих сторон организуют собор в Пизе.
- 1409 год. Собор в Пизе. Оба папы отказываются явиться и лишаются сана. Избран Пьетро Филарги, **Александр V**. Большая часть христианского мира присягает ему на верность, но Григорий пользуется уважением в Баварии, Неаполе и Фриули, а Бенедикт — в Арагоне. Три папы издают буллы об отлучении друг друга от церкви. Александр издает буллу против ереси в Богемии.
- 1410 г. Рим отбит у Ладислава сторонниками Александра. Смерть Александра. Бальтазаре Косса, **Иоанн XXII** или **XXIII**. Он вступает в союз с Людовиком Анжуйским.
- 1411 После избрания императора Сигизмунда Германия присягает на верность Иоанну. Папа, Людовик и Орсини наносят поражение Ладиславу при Роккасекке.
- 1412 Мир между папой и Ладиславом, который отказывается от Григория. Последний бежит из Гаэты в Римини. Ян Гус протестует против продажи индульгенций и подвергается отлучению от церкви.
- 1413 Ладислав заключает договор и захватывает Рим и другие папские владения. Иоанн отступает во Флоренцию и обращается за помощью к Сигизмунду. Согласовывается Констанцкий собор.
- 1414 Ладислав входит в Рим, но вскоре умирает. Народ возвращает Рим Иоанну. Иоанн отправляется в Констанц и открывает собор. Григорий и Бенедикт посылают своих представителей.
- 1415 Собор низлагает Иоанна. Он заключается в тюрьму. Григорий добровольно отрекается от престола. Бенедикт отказывается сдаться. Вероломное обращение с Иоанном Гуссом и его казнь.
- 1416 Казнь Иеронима Пражского в Констанце.
- 1417 Совет рассматривает меры по реформе. Избрание Отто ди Колонна, **Мартин V**, папой. Бенедикт по-прежнему противостоит ему. Смерть Григория. Андреа Браччо захватывает Рим. Сфорца и неаполитанцы изгоняют его и восстанавливают папского правителя.

- 1418 Завершение Констанцского собора. Мартин отправляется в Италию в сопровождении Сигизмунда.
- 1419 Мартин устанавливает свою резиденцию во Флоренции. Иоанн получает помилование и умирает.
- 1420 Мартин Сфорца помогает Людовику III Анжуйскому в его попытках захватить Неаполь. Примирие Мартина и Браччо. Последний возвращает Болонью папе. Мартин отправляется в Рим.
- 1424 Смерть Бенедикта XIII. Некоторые кардиналы избирают Гиля де Муниона (Эгидия Нуньоса), *Климента VIII*, а один французский кардинал избирает *Бенедикта XIV*. Реформа конституции Мартина. Смерть Браччо. Мартин вскоре возвращает все папские владения.
- 1429 Климент VIII подчиняется Мартину. Крестовый поход кардинала Бофорта против гуситов.
- 1431 Габриэль Кондольмьери, **Евгений IV**. Он ссорится с Колонна и лишает их должностей. Они берут в руки оружие против него, но мир заключается. Евгений благоволит к Орсини. Открытие Базельского собора. Он провозглашает себя выше папы в духовных вопросах. Евгений приказывает распустить собор.
- 1432 Совет отказывается распуститься и обвиняет папу в неповиновении.
- 1433 Евгений отменяет свое решение о роспуске. Начинаются переговоры о союзе с греческой церковью.
- 1434 Собор устанавливает пределы папской власти. Евгений дарует Франческо Сфорце марку Анконы. Восставший в Риме против Евгения Никколо Фортебраччо захватывает город. Евгений бежит во Флоренцию.
- 1435 Поражение и смерть Фортебраччо. Евгений ссорится с собором.
- 1436 Евгений переезжает в Болонью.
- 1437 Базельский собор вызывает Евгения для дачи ответов на обвинения; он отвечает буллой, распускающей собор и созывающей другой в Ферраре, на который приглашается император Константинополя Иоанн VIII, чтобы осуществить союз между двумя церквями. Собор игнорирует буллу и продолжает свои заседания.
- 1438 Базельский собор принимает декрет о отстранении папы. Открытие Феррарского собора с участием императора и патриарха Константинополя. Фискальные права папы аннулированы во Франции. Базельский собор отныне признается только в Германии.
- 1439 Совет переезжает во Флоренцию. Совершается союз греческой и латинской церквей. Он не приносит результатов из-за враждебного влияния в Константинополе и невыполнения Евгением своих обещаний. Смещение Евгения в Бале. Амадей VIII Савойский, *Феликс V*, избран антипапой. Евгений отлучает Балеский собор от церкви.
- 1440 Коронация Феликса.
- 1441 Феликс ссорится с собором по вопросам денег. В Кремоне заключен общий мир в северной Италии.
- 1443 Феликс покидает собор, но сохраняет верность Германии. С этого момента собор существует только номинально. Евгений покидает Флоренцию и отправляется в Рим.

- 1445 Отстранение Евгением архиепископа Кельна и Трира приводит его спор с выборщиками Германии к кульминации. На помощь ему приходит император Фридрих III.
- 1446 Договор между Фридрихом и Евгением. Два курфюрста смещены, и курфюрсты объединяются против папы.
- 1447 Благодаря усилиям Энея Сильвио Пикколомини восстановлено повиновение Германии. Смерть Евгения. Томмазо Парентучелли, **Николай V**. При нем начинается настоящее возрождение науки. Основана библиотека Ватикана. Фридрих III запрещает любую верность Феликсу в Германии.
- 1448 Николай признан немецкими выборщиками. Распуск Базельского собора.
- 1449 Отречение Феликса.
- 1450 Франческо Сфорца становится правителем Милана. Восстановление мира в Италии.
- 1451 Николай начинает крупные строительные работы.
- 1452 Николай коронуется Фридриха III императором. Кардинал Исидор и небольшой отряд отправляются на помощь Константинополю.
- 1453 Заговор Стефано Поркаро с целью восстановления Римской республики. Заговор проваливается, и Поркаро изгнан. Завоевание Константинополя османами приводит в Рим многих ученых, которые способствуют развитию Ренессанса. Николай провозглашает крестовый поход против турок.
- 1454 г. Лига Лоди.
- 1455 Альфонсо Борджиа, **Каликст III**. Его избрание непопулярно.
- 1456 Каликст объявляет войну туркам. Папский флот отправляется в поход, но одерживает лишь несколько незначительных побед.
- 1458 После смерти Альфонсо Неаполитанского Каликст претендует на Неаполь, который он хочет сделать феодалом для своего племянника Педро. Эти планы прерываются смертью Каликста. Эней Сильвий Пикколомини, **Пий II**. Он признает Фердинанда королем Неаполя.
- 1459 Конгресс в Мантуе. Пий мечтает обратить Мухаммеда в христианство.
- 1460 Публикация буллы «Execrabilis», в которой осуждаются призывы к будущим соборам. Восстание Тибурцио в Риме. Пий возвращается из Мантуи и подавляет восстание.
- 1463 Отлучение от церкви Георга Богемского. Пий издает буллу, в которой отказывается от мнений, высказанных им на Базельском соборе.
- 1464 В союзе с Венецией и Венгрией Пий начинает крестовый поход против турок. Он умирает в Анконе, и крестовый поход прекращается. Пьетро Барбо, **Павел II**. Он безразличен к крестовому походу. Моральное разложение двора начинает отчуждать уважение Германии.
- 1465 Павел возвращает наследство от сыновей Эверсо ди Ангуиллара.
- 1469 Уход Фридриха III из Рима — последнее появление императора в Риме.
- 1470 Павел отказывается от своих притязаний на Римини. Публикация устава правительства Рима.

- 1471 Франческо делла Ровере, **Сикст IV**. Он проводит политику укрепления власти своей семьи. Он пытается организовать новый крестовый поход.
- 1472 Папский флот грабит турецкое побережье, но без особого эффекта.
- 1478 Сикст молчаливо поддерживает заговор против Медичи. Интердикт Флоренции за казнь архиепископа Сальвиати. Объявление войны флорентийцам, которые находятся в союзе с королем Неаполя. Людовик XI Французский терпит неудачу в попытках посредничества.
- 1480 г. Заключен мир. Завоевание Отранто турками объединяет всю Италию (кроме Венеции) против захватчиков. Отпущение грехов Флоренции.
- 1481 Турки сдают Отранто после смерти Мухаммеда II. Джироламо Риарио захватывает Форли.
- 1482 Сикст вступает в войну с Феррарой. Фейды в Риме. Победа в Кампо-Морто Роберто Малатеста, генерала папы. Мир с Феррарой.
- 1483 Отлучение Венеции за отказ заключить мир с Феррарой. Савонарола начинает проповедовать.
- 1484 Сикст нападает на Колоннов в своих планах по усилению власти Джироламо Риарио. Смерть Сикста. Римляне нападают на Риарио и других членов семьи папы. Джованни Баттиста Чибо, **Иннокентий VIII**.
- 1485 Осада Рима Вирджинио Орсини в результате ссоры, спровоцированной Неаполем. Иннокентий запуган. Освобождение Рима Роберто Сансеверино.
- 1486 Слухи о французском вмешательстве побуждают кардиналов убедить папу заключить мир с Фердинандом, что он и делает на условиях, выгодных Неаполю.
- 1487 г. Союз Иннокентия с Лоренцо де Медичи.
- 1489 Джем, брат Баязета II, прибывает в Рим в качестве пленника. Иннокентий претендует на королевство Неаполь, поскольку Фердинанд отказывается платить дань.
- 1492 После трех лет споров заключен мир между папой и Неаполем. Смерть Иннокентия. Родриго Борджиа, **Александр VI**. Он подавляет беспорядки в Риме, вызванные смертью Иннокентия. Неаполь предлагает свою верность.
- 1493 г. Лодовико II Моро объединяет папу, Милан и Венецию против Флоренции и Неаполя и приглашает Карла VIII Французского возродить притязания Анжу на Неаполь. Александр делит земли Нового Света между Испанией и Португалией. Заключен мир с Неаполем.
- 1494 Тесный союз папы и Неаполя. Карл VIII прибывает в Италию.
- 1495 Карл в Риме. Папа приходит с ним к соглашению и получает повиновение Франции. Джем передается Карлу. Смерть Джема, вероятно, от естественных причин, а не от яда, поданного папой, как обычно считается. Папа присоединяется к лиге, чтобы изгнать Карла из Неаполя. Отступление Карла. Наводнение Рима.
- 1496 Александр ведет войну против Орсини.
- 1497 Отлучение Савонаролы от церкви. Мир с Орсини. Развод Лукреции Борджиа с Джованни Сфорца. Убийство сына Александра, герцога Гандии, который был назначен герцогом Беневенто. Фальшивые планы Александра по реформе.

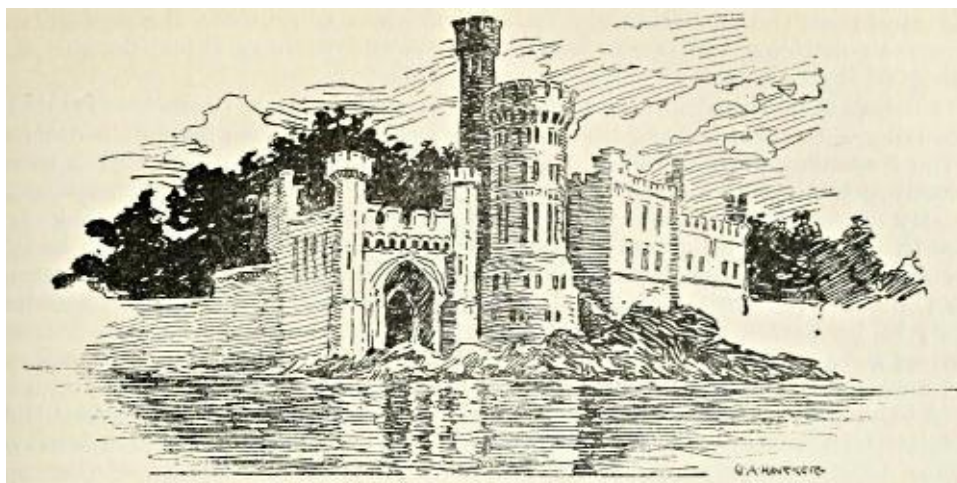
- 1498 Орсини и Колонна заключают мир, чтобы объединиться против папы. Александр вступает в союз с Францией. Его цель — укрепление Италии. Казнь Савонаролы.
- 1499 Венеция присоединяется к папе и Франции против Милана. Людовик XII захватывает Милан.
- 1500 Чезаре Борджиа захватывает Имолу и Форли. Убийство третьего мужа Лукреции, Альфонсо д'Эсте, по подстрекательству Чезаре. Юбилейный год. Продажа индульгенций в зарубежных странах.
- 1501 Завершение завоевания Романьи Чезаре Борджиа. Завоевание Неаполя французами. Колонны подчиняются папе.
- 1502 Чезаре захватывает Урбино и Синигалью.
- 1503 Папа принимает жесткие меры против семьи Орсини. Смерть Александра. Франческо Пикколомини, **Пий III**. Его великим желанием является мир. Владения Чезаре начинают разваливаться. Смерть Пия после менее чем четырех недель правления. Джулиано делла Ровере, **Юлий II**. Он заключает Чезаре в тюрьму.
- 1504 Освобождение Чезаре, который вновь заключается в тюрьму и отправляется в Испанию. Его владения возвращаются папству. В Неаполе вводится инквизиция. Юлий начинает практиковать непотизм.
- 1505 Договор между папой и Венецией.
- 1506 Заложен фундамент нынешнего собора Святого Петра. Юлий захватывает Перуджу и Болонью.
- 1507 Император Максимилиан планирует объединить империю и папство.
- 1508 Лига Камбре против Венеции.
- 1509 Юлий присоединяется к лиге и отлучает венецианцев от церкви. Поражение Венеции при Агнаделло.
- 1510 Венеция заключает униженный договор с Юлием и получает прощение. Франция подвергается анафеме. На синоде в Туре французские епископы отказываются подчиняться Юлию и пытаются сместить его с престола. Юлий заключает союз со швейцарцами. Швейцарская гвардия папы по-прежнему существует. Юлий ведет войну с герцогством Феррара.
- 1511 Юлий осаждает и захватывает Мирандолу. Неудача экспедиции против Феррары. «Священная лига» папства. Фердинанд и Венеция восстанавливают Болонью, захваченную французами. Гастон де Фуа продолжает военные действия против Феррары и Венеции.
- 1512 Успехи Гастона де Фуа. Его смерть в битве при Равенне. Многие города сдаются Священной лиге. Открытие Латеранского собора для рассмотрения дела о расколе французских епископов. Юлий возвращает Болонью.
- 1513 Смерть Юлия.

ПАПЫ С МОМЕНТА СМЕРТИ ЮЛИЯ II. [1513-1903 гг. н.э.]

(Основные политические события папства в этот период рассматриваются в «Истории Италии»; список пап приводится здесь для полноты картины).

- 1513 **Лев X**, Джованни де Медичи. Конкордат с Франциском I о назначении французских епископов (1515). Разрешение продажи индульгенций (1517) приводит к Реформации. Присоединяет Урбино и Перуджу к папским государствам. Союз с Карлом V против Франциска I. Великий покровитель литературы и искусства.
- 1522 **Адриан VI**, наставник Карла V. Предпринимает попытки реформ, но не может остановить прогресс Реформации.
- 1523 **Климент VII**, Джулио де Медичи. Вступает в лигу против Карла V. Пленен во время разграбления Рима (1527). Запрещает развод Генриха VIII (1534).
- 1534 **Павел III**, Алессандро Фарнезе. Одобряет создание ордена иезуитов (1540) и созывает Тридентский собор (1545). Назначает своего сына герцогом Пармы и Пьяченцы.
- 1550 **Юлий III** (Джанмария де Медичи).
- 1555 **Марцелл II**, Марцелл Червий, умирает через три недели. **Павел IV**, Джованни Пьетро Караффа, нетерпимый и тираничный. Ссорится с Филиппом II Испанским, который осаждает Рим и заставляет Павла просить о мире.
- 1559 **Пий IV**, Джованни Анджело де Медичи.
- 1566 **Пий V**, Микеле Гисльери. Жестокий преследователь инакомыслящих.
- 1572 **Григорий XIII**, Уго Буонкомпаньи. Вводит григорианский календарь.
- 1585 **Сикст V**, Феличе Перетти. Строит Ватиканскую библиотеку и другие великие сооружения.
- 1590 **Урбан VII**, Джованни Баттиста Кастанья, прожил тринадцать дней. **Григорий XIV**, Никколо Сфондрати.
- 1591 **Иннокентий IX**, Джованни Антонио Фаччинетти. Прожил два месяца.
- 1592 **Климент VIII**, Ипполито Альдобрандини. Начинается спор между молинистами и янсенистами. Феррара присоединяется к папским государствам.
- 1604 **Лев XI**, Алессандро де Медичи. Умирает через четыре недели. **Павел V**, Камилло Боргезе. Конфликт с Венецией по поводу церковной власти.
- 1621 **Григорий XV**, Алессандро Лудовизи. Основал Конгрегацию пропаганды.
- 1623 **Урбан VIII**, Маффео Барберини. Поддерживает Францию в Тридцатилетней войне; присоединяет Урбино к своим владениям.
- 1644 **Иннокентий X**, Джованни Баттиста Памфили. Осуждает Вестфальский мир и янсенистов.
- 1655 **Александр VII**, Фабио Чиги. Людовик XIV отнимает у него Авиньон (1662).
- 1667 **Климент IX**, Джулио Роспильози. Временный мир между французскими янсенистами и иезуитами.
- 1670 **Климент X**, Эмилио Альтьери.
- 1676 **Иннокентий XI**, Бенедетто Одескальки. Спор с Людовиком XIV по поводу привилегий посла в Риме.
- 1689 **Александр VIII**, Пьетро Оттобони. Помогает Венеции в борьбе с турками.
- 1691 **Иннокентий XII**, Антонио Пигнателли.

- 1700 **Климент XI**, Джованни Франческо Альбани. Возобновление спора о янсенистах во Франции. Климент оказывает помощь претенденту на английский трон.
- 1721 **Иннокентий XIII**, Микеланджело Конти.
- 1724 **Бенедикт XIII**, Винченцо Марко Орсини. Предпринимает безуспешную попытку примирить все течения христианства.
- 1730 **Климент XII**, Лоренцо Корсини.
- 1740 **Бенедикт XIV**, Просперо Ламбертини.
- 1758 **Климент XIII**, Карло делла Торре ди Реццонико. Папство во второй раз теряет Авиньон (1768). Неаполитанцы захватывают Беневенто.
- 1769 **Климент XIV**, Джованни Винченцо Антонио Ганганелли. Он упраздняет орден иезуитов.
- 1775 **Пий VI**, Джованни Анджело Браски. Французы захватывают его владения и увозят его в плен во Францию.
- 1800 **Пий VII**, Грегорио Луиджи Барнаба Кьярамонти. Ратифицирует конкордат с Францией; коронует Наполеона императором (1804). Французы захватывают его владения и заключают его в тюрьму (1809). Восстановлен в 1814 году.
- 1823 **Лев XII**, Аннибале делла Дженга.
- 1829 **Пий VIII**, Франческо Кастильоне.
- 1831 **Григорий XVI**, Бартоломео Альберто Каппеллари.
- 1846 **Пий IX**, Мастай Ферретти. Начинает как реформатор, но впоследствии меняет свою политику. В 1870 году последние его владения присоединяются к королевству Италия.
- 1878 **Лев XIII**, Джаккино Печчи.
-

ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАПСТВА

[42-842 гг. н. э.]

Как и почти все великие творения природы и человеческой силы в материальном мире и в мире человека, папство развивалось в тишине и неизвестности. Имена ранних епископов Рима известны только по скудным спискам, поддельным декретам и посланиям, на которых спустя столетия были выгравированы их имена; по их столкновениям с учителями еретических взглядов, почти все из которых нашли свой путь в Рим; по мученичествам, приписываемым с одинаковым щедрым почтением как тем, кто жил при самых мягких римских императорах, так и тем, кто жил при самых безжалостных гонителях. Тем не менее, мифический или воображаемый дух раннего христианства либо уважал, либо не был склонен потакать своему творческому плодородию в примитивных анналах Рима. После приукрашивания, если не вымысла, понтификата святого Петра, его конфликта с Симоном Волшебником в присутствии императора и обстоятельств его мученической смерти, он довольствовался возведением последующих епископов в ранг мучеников без какого-либо особого богатства или полноты легенд.

Туманность и неясность, которые окутывали растущую церковь, несомненно, накладывали скромное укрытие на личность епископа. Он был всего лишь одним человеком, не имеющим признанной функции, в огромном и бурном населении. У него было свое непримечательное жилище, возможно, в отдаленном районе Транстеверина или в тогдашнем скромном и малопосещаемом Ватикане. Простые люди считали его евреем или приверженцем одной из бесчисленных восточных религий, которые с самого начала империи проникали в Рим, каждая со своими странными обрядами и тайнами. Император, императорская семья, придворные фавориты, военачальники, консулы, сенаторы, патриции по рождению, богатству или милости, понтифики, великие юристы, даже те, кто служил общественным удовольствиям, выдающиеся мимы или гладиаторы, когда они появлялись на улицах, привлекали больше внимания публики, чем христианский епископ, за исключением тех случаев, когда его преследовали какие-то политические или фанатичные императоры. Медленно и с большими перерывами епископ Рима выходил на опасную высоту.

Само христианство, казалось, с самого начала презирало безвестность — оно возникло или было вынуждено обрести ужасную известность в результате преследований Нерона и

последующего мученичества, по крайней мере, одного из двух великих апостолов, согласно народной традиции. Какая прихоть жестокости привлекла внимание Нерона к христианам и заставила его считать их жертвами, достаточно важными, чтобы утолить народное возмущение по поводу пожара в Риме, определить невозможно. Причина и масштабы гонений Домициана столь же неясны. Сын Веспасиана вряд ли мог быть милосердным к кому-либо, связанному с фанатичными иудеями. Известными жертвами были члены императорской семьи, против которых необходимо было выдвинуть какое-то обвинение, и обвинение в христианстве послужило этой цели.

В начале II века, при Траяне, на Востоке бушуют гонения на христиан. Однако это были локальные, или, скорее, азиатские гонения, вызванные бдительным и не беспочвенным опасением мрачных и задумчивых приготовлений к восстанию всего еврейского народа (с которым римский террор и ненависть все еще смешивали христиан), которое вылилось в кровавые массовые убийства в Кирене и на Кипре и в окончательное восстание во время правления Адриана под руководством Бар-Кохбы (Бар-Козибы). Но в то время как Игнатий, епископ Антиохии, везется в Рим, чтобы принять мученическую смерть, римская община живет в мире и не лишена влияния. Игнатий умоляет своих римских братьев не вмешиваться с вредной добротой между ним и его славной смертью.

Богатство римской общины и их щедрое христианское использование своего богатства, помогая иностранным церквям во всех периодах, особенно во времена опасности и бедствий (древний обычай, который сохранялся до времени Евсевия), свидетельствует о ее процветании, о постоянной связи с более отдаленными частями империи и, таким образом, возможно, о среднем или торговом классе, который составлял большую часть верующих.

Но история латинского христианства еще не началась. В течение значительной (хотя и неопределимой) части первых трех веков римская церковь и большинство, если не все, западные церкви были, если можно так выразиться, греческими религиозными колониями. Их языком был греческий, их организация была греческой, их писатели были греками, их Священное Писание было греческим; и многие следы и традиции показывают, что их обряд, их литургия были греческими. Благодаря греческому языку церкви Рима и Запада постоянно поддерживали связь с Востоком; и благодаря греческому языку каждый ересиарх или его ученики, найдя путь в Рим, с большим или меньшим успехом распространяли свои особые учения. Папа Лев I (440-461) был первым прославленным латинским проповедником, и его краткие и выразительные проповеди читаются скорее как первые наброски грубой и неопытной красноречивости, чем как законченные сочинения, которые подразумевали бы длительное изучение и культивирование проповеднического искусства. Сравните их с проповедями Златоуста.

[42-312 гг. н. э.]

Латинское христианство зародилось не в Риме, а в Африке. Тертуллиан был первым латинским писателем, по крайней мере первым, кто привлек внимание публики; и есть веские основания полагать, что, поскольку Тертуллиан постоянно и обильно цитирует священные писания, самые ранние из тех многочисленных латинских версий, отмеченных Августином и на которых Иероним основал свою Вульгату, были африканскими. Киприан поддерживал традицию церковного латинского языка. Арнобий тоже был африканцем.

Таким образом, римская церковь была лишь одной из конфедерации греческих религиозных республик, основанных христианством. Как церковь апостольского происхождения, а тем более как церковь столицы мира, она, конечно, обладала высшим

достоинством и значимостью. Трудно переоценить высоту, на которой Рим до основания Константинополя возвышался над другими городами земли; он был центром торговли, центром дел, центром империи. Христиане, как и остальное человечество, постоянно уходили из Рима и возвращались в Рим. Церковь столицы не могла не приобрести некоторое достоинство столицы; она постоянно получала, так сказать, дань уважения от всех иностранных христиан, которые из интереса, по делам, из амбиций, из любопытства посещали Вечный город или поселялись в нем.

Но если Рим, или римская церковь, был таким образом центром более мирных влияний христианства, а также надежд и страхов христианского мира, то он не менее неизбежно был избранным полем битвы ее гражданских войн; и христианство всегда более верно записывало ее разногласия, чем ее завоевания. В Риме каждая вражда, которая расстраивала молодое сообщество, достигала своего апогея; нигде иудейские догматы, по-видимому, не были столь упорными и не вели столь длительной и упорной борьбы с более полным и подлинным христианством. В Риме каждая ересь, почти каждый ересиарх находили радушный прием. Все новые мнения, все попытки гармонизировать христианство с доктринами греческих философов, с восточными религиями, космогониями, теофаниями и мистериями Востока смело пропагандировались либо авторами гностических систем, либо их учениками. Валентин Александрийский сам находился в Риме, как и Маркион Синопский. Фригийский Монтан с его пророчицами Присциллой и Максимиллой, если и не присутствовали лично, то имели свою секту, могущественную секту, в Риме и в Африке. В Риме их обращенным, по крайней мере на время, был папа; в Африке — Тертуллиан. Несколько позже предшественники великой тринитарной полемики пришли со всех сторон. Праксеас, азиат; Феодот, византиец; Артемон, азиат; Ноэт, смирнянин, по крайней мере его ученики диакон Эпиген и Клеомен, учили в Риме. Сабелий из Птолемаиды в Кирене появился лично; его взгляды получили полное развитие в Риме. Все эти споры не только свидетельствуют о неиссякаемой плодотворности греческого или восточного воображения, не только были заимствованы из греческих или восточных учений, но и, должно быть, по-прежнему обсуждались, разбивались на части и разделялись благодаря многогранному и тонкому греческому языку. Все они были чужестранцами и иностранцами; ни одна из этих систем не зародилась в Риме, Италии или Африке. По всем этим мнениям епископ Рима был почти вынужден выносить суждение; он должен был принимать или отвергать, санкционировать или осуждать; он был прозелитом, которого все стремились привлечь на свою сторону.

Таким образом, вплоть до обращения Константина биография римских епископов и история римского епископства являются единым целым; действия и особенности характера понтификов, влияние и судьба епископства, за исключением сомнительных и случайных проблесков света, которые выдвинули Виктора, Зефирина, Калиста, Корнелия и Стефана на первый план, окутаны туманной и неопределенной мглой. С установлением христианства как религии, если не империи, то императора, епископ Рима сразу поднимается до ранга великого уполномоченного чиновника; епископы постепенно, хотя и медленно, приобретают индивидуальный характер. Епископ является первым христианином в первом городе мира, и этот город является юридически христианским. Верховный понтификат язычества мог еще сохраняться в древнем обычае среди многочисленных титулов императора; но пока Константин находился в Риме, епископ Рима, глава религии императора, стал в общественном мнении равным по авторитету и влиянию, неизмеримо превосходящим всех священнослужителей. Расколы и фракции христианства теперь стали делами государства. До тех пор, пока Рим является имперской резиденцией, обращение к императору является обращением к епископу Рима. Именно медленное и незаметное

накопление богатства, незаметный подъем к власти и суверенитету позволили папству просуществовать веками.

[312-395 гг. н. э.]

Неизвестность епископов Рима была не единственной их силой. Ранние понтифики (Климент едва ли является исключением) были людьми, которые сами по себе не обладали большим авторитетом и не вызывали зависти. В Риме не было Оригена, Афанасия, Амвросия, Августина, Иеронима. Власть иерархии была установлена другими выдающимися умами: карфагенским Киприаном, итальянским Амвросием, прелатом, обладавшим как политическим весом, так и строгой набожностью, и красноречивым Златоустом. Имена ни одного из пап, вплоть до Льва и Григория Великого, не фигурируют среди выдающихся писателей христианского мира. Эта более осторожная и уединенная достоинство было не менее благоприятно для их ранней власти, чем для их позднейших притязаний на непогрешимость. Будь они более энергичными и амбициозными людьми, они могли бы выдать гражданской власти секрет своих высоких надежд; будь они плодовитыми писателями в более спекулятивные времена, до того как христианское вероучение приняло свою окончательную и последовательную форму, им было бы труднее утвердить свою непоколебимую ортодоксию.

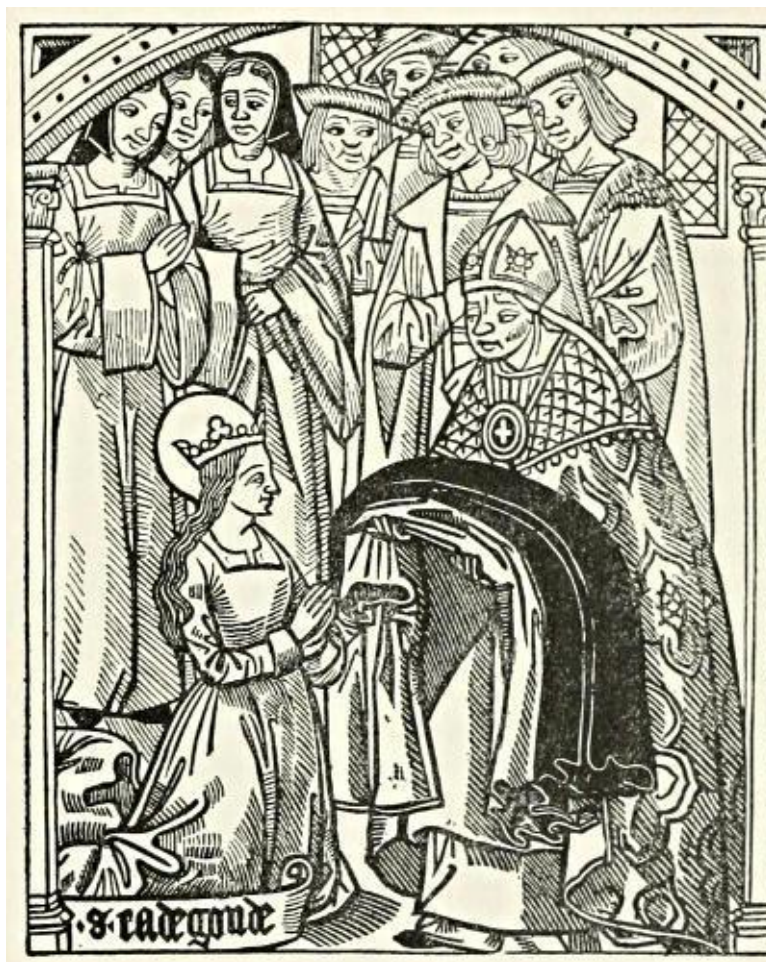
Перенос столицы империи в Константинополь завершил разделение греческого и латинского христианства; одно заняло господствующее положение на Востоке, другое — на Западе. Греческое христианство теперь имеет другой центр в новой столице, и новая столица вступила в те тесные отношения с великими городами Востока, которые прежде принадлежали исключительно Риму. Александрия стала житницей Константинополя; ее христианство и торговля, вместо того чтобы плыть по Средиземному морю в Италию, устремляются через Эгейское море в город на Босфоре. Сирийские столицы, Антиохия, Иерусалим, города Малой Азии и Вифинии, Эфес, Никея, Никомедия, имеют другую госпожу. Прилив греческой торговли отступил от Запада и нашел более близкий рынок; политические и религиозные амбиции и авантюры стекаются к новому восточному двору. Этот двор становится избранной ареной христианских споров; император — прозелит, за которого соперничающие стороны используют аргументы, влияние, интриги.

То, что началось с основания Константинополя, завершилось разделом империи между сыновьями Константина. Теперь существует два римских мира: греческий и латинский. С одной стороны, Рим утратил свое достоинство, он больше не был единственной столицей империи; Восток больше не относился к нему с почтением подданного. С другой стороны, он был бесспорным, не имеющим себе равных главой своего полушария; у него не было соперников в тех провинциях, которые все еще оставались ему верными, ни в гражданском, ни в религиозном отношении. Разделение империи было не более полным между сыновьями Константина или Феодосия, чем между греческим и латинским христианством.^h

[42-395 гг. н. э.]

Развитие христианства повлекло за собой освобождение религии от всех политических элементов, что неизбежно привело к созданию отдельного церковного органа с собственной конституцией. В этом отделении церкви от государства заключается, пожалуй, самая важная и наиболее влиятельная особенность христианской эпохи. Духовная и светская власть могут вступать в тесный контакт, они могут оставаться в самом тесном общении, но полная коалиция может иметь место только изредка и на короткий период времени. Их взаимные

отношения и положение по отношению друг к другу с тех пор являются одним из важнейших вопросов, поднимаемых всей историей.

Святая Радегунда, жена короля Хлотаря, получает монашеские одежды от святого Медарда

(Из старинной гравюры на дереве)

Тем не менее, церковная организация была вынуждена сформировать свою конституцию по образцу империи; и, соответственно, иерархия епископов, митрополитов и патриархов была сформирована в тесной связи с упадком гражданской власти. Не прошло много времени, как епископы Рима приобрели верховенство. Конечно, было бы тщетным утверждать, что это верховенство было всемирно признано на Востоке и Западе даже в первом веке или в любое другое время, но столь же несомненно, что они быстро завоевали превосходство, поднявшись далеко над всеми другими церковными сановниками. Многие причины способствовали закреплению за ними этого положения; ведь если относительная важность каждой провинциальной столицы обеспечивала ее епископу соответствующий вес и достоинство, то насколько более очевидным было бы такое же положение в отношении древней столицы империи — города, от которого все получило свое название? Кроме того, Рим был одним из самых прославленных мест пребывания апостолов; здесь пролили свою кровь большинство мучеников. Епископы Рима проявили неустрашимую твердость во время различных гонений и иногда едва успевали вступить в свою священную должность, как следовали за своим предшественником по пути мученичества, в результате которого его престол освобождался. В дополнение ко всему этому, императоры теперь сочли целесообразным способствовать укреплению великой патриаршей власти. В законе, который стал решающим для господства Рима, а также христианства, Феодосий Великий

повелевает, чтобы все народы, претендующие на защиту его милости, приняли веру, проповеданную святым Петром римлянам. Валентиниан также запретил епископам, будь то Галлии или других провинций, отступать от принятых обычаев церкви без санкции этого почтенного человека, папы Святого города. С тех пор власть римских епископов укреплялась под покровительством самого императора. Но в этой политической связи заключалась и ограничивающая сила; если бы был только один император, то всеобщий примат мог бы также утвердиться; но этому помешало разделение империи. Императоры Востока слишком рьяно отстаивали свои церковные права, чтобы позволить западным патриархам расширить свою власть в своих владениях. В этом отношении устройство церкви также наиболее похоже на устройство империи.

ПАПСТВО В СВЯЗИ С ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

[312-754 гг. н. э.]

Едва завершилось это великое изменение, утвердилось христианство и была основана церковь, как произошли новые события огромной важности: Римская империя, столь долгое время завоевывавшая и господствовавшая, теперь подверглась нападению со стороны соседей; в свою очередь, она была завоевана и побеждена.

В условиях всеобщей суматохи, которая последовала за этим, само христианство подверглось сильному потрясению. В своем ужасе римляне вновь вспомнили об этрусских мистериях, афиняне надеялись на спасение от Ахилла и Минервы, карфагеняне возносили молитвы гению Целестису; но все это были лишь временные колебания, ибо даже когда империя была разрушена в западных провинциях, церковь оставалась твердой и непоколебимой во всех других. Но она, как и было неизбежно, попала во многие затруднительные ситуации и оказалась в совершенно измененных условиях. Языческий народ захватил Британию; арианские короли захватили большую часть оставшегося Запада; а лангобарды, давно приверженные арианству и являвшиеся самыми опасными и враждебными соседями, установили могущественное господство у самых ворот Рима.

Между тем римские епископы, окруженные со всех сторон, приложили все усилия, проявив всю свою мудрость и упорство, которые оставались их отличительными чертами, чтобы восстановить господство — по крайней мере, в своей древней патриаршей епархии; но теперь на них обрушилось новое, еще более тяжелое бедствие. Арабы — не просто завоеватели, как германцы, но люди, вдохновленные до фанатизма высокомерным и догматичным вероучением, прямо противостоящим христианской вере, — теперь хлынули на Запад, как ранее хлынули на Восток. После неоднократных нападений они завладели Африкой; одна битва сделала их хозяевами Испании, и их полководец Муса хвастался, что он вторгнется в Италию через перевалы Пиренеев и Альпы и заставит провозгласить имя Мухаммеда из Ватикана.

Эта ситуация была тем более опасной для западной части римского христианского мира, что в то время между обеими сторонами бушевали иконоборческие распри с крайней враждой. Император Константинополя принял сторону, противоположную той, которую поддерживал папа римский; более того, жизнь последнего не раз была в опасности из-за интриг императора. Ломбарды не преминули воспользоваться преимуществами, которые давали им эти разногласия; их король Айстульф захватил провинции, которые до того всегда признавали власть императора, и, снова продвигаясь к Риму, призвал этот город также сдаться, требуя уплаты дани с яростными угрозами.

В тот момент римская кафедра не была в состоянии помочь себе даже против лангобардов, тем более она не могла надеяться бороться с арабами, которые начинали распространять свою власть над Средиземноморьем и угрожали всему христианскому миру войной на уничтожение.

Но теперь вера уже не ограничивалась пределами Римской империи. Христианство, в соответствии со своим изначальным предназначением, давно превзошло эти пределы; в особенности оно глубоко укоренилось среди германских племен Запада; более того, среди этих племен уже возникла христианская держава, и папе оставалось только протянуть к ней руки, чтобы обрести самую эффективную помощь и искренних союзников против всех своих врагов.

[496-715 гг. н. э.]

Среди всех германских народов только франки стали католиками с момента своего появления в провинциях Римской империи. Это признание римской кафедры обеспечило франкам важные преимущества. В католических подданных своих арианских врагов, западных готов и бургундов, франки нашли естественных союзников. Мы так много читаем о чудесах, которыми был благословлен Хлодвиг — о том, как святой Мартин показал ему брод через Вьенну с помощью лани, как святой Иларий предшествовал его войскам в столпе огня, — что не сильно ошибемся, если заключим, что эти легенды отражают материальную помощь, оказываемую местными жителями тем, кто разделял их веру и для кого, согласно Григорию Турскому,¹ они желали победы «с горячим стремлением». Но эта привязанность к католицизму, с самого начала подтвержденная столь важными последствиями, впоследствии была возобновлена и сильно укреплена весьма своеобразным влиянием, исходившим из совершенно другого источника.

Случилось так, что некоторые англосаксы, выставленные на продажу на рабском рынке в Риме, привлекли внимание папы Григория Великого; он сразу же решил, что христианство должно проповедоваться народу, откуда были взяты эти прекрасные пленники. Возможно, ни одно решение, принятое каким-либо папой, не привело к более важным результатам; наряду с доктринами христианства, среди германских бриттов появилось почитание Рима и Святого Престола, какого никогда прежде не было ни в одной нации. Англосаксы начали совершать паломничества в Рим; они посылали туда свою молодежь для получения образования, а король Оффа установил налог под названием «пенни Святого Петра» для помощи паломникам и образования духовенства. Высшие сословия отправлялись в Рим в надежде, что, умерев там, они будут более легко приняты святыми на небесах. Англосаксы, по-видимому, перенесли в Рим и на христианских святых старое германское суеверие, согласно которому боги были ближе к некоторым местам на земле, чем к другим, и их было легче умиловить в таких благоприятных местах.

Но помимо всего этого, еще более важные результаты последовали, когда англосаксы перенесли свои способы мышления на материк и проникли всей империей франков своим собственным мнением. Бонифаций (изначально Винфрид или Винфрит), апостол германцев, был англосаксом; этот миссионер, в значительной степени разделявший почитание, которое его народ испытывал к святому Петру и его преемникам, с самого начала добровольно обязался верно соблюдать все правила римской церкви; он самым религиозным образом придерживался этого обещания. На все основанные им немецкие церкви было наложено чрезвычайное обязательство послушания. Каждый епископ должен был дать явное обещание, что вся его жизнь будет проходить в безграничном послушании римской церкви, святому Петру и его представителю. Он не ограничивал это правило только германцами.

Галльские епископы до сих пор сохраняли определенную независимость от Рима; Бонифаций, который не раз председательствовал на их синодах, использовал эти случаи, чтобы навязать свои взгляды западной части франкской церкви; с тех пор галльские архиепископы получали свое паллиум () из Рима, и таким образом преданное подчинение англосаксов распространилось на все франкское царство.

Империя теперь стала центральным пунктом для всех германских племен Запада. Тот факт, что правящая семья, род Меровингов, привела к своей гибели своими жестокими зверствами, не повлиял на силу империи. Другая семья, семья Пепина из Эристаля, поднялась к верховной власти — люди большой энергии, возвышенной силы характера и неукротимой энергии. В то время как другие царства погружались в общую разруху, и мир, казалось, был готов стать добычей мусульман, именно этот род, дом Пепина из Эристаля, впоследствии названный Каролингами, оказал первое и эффективное сопротивление мусульманским завоевателям.

[395-715 гг. н. э.]

Религиозное развитие, происходившее в то время, также находило поддержку у дома Пепина; мы видим, что он с самого начала поддерживал наилучшие отношения с Римом, и именно под особой защитой Карла Мартеля и Пепина Краткого Бонифаций продолжал свою апостольскую деятельность. Рассмотрим временное состояние папской власти. С одной стороны, Восточная Римская империя, ослабленная, пришедшая в упадок, неспособная поддерживать христианство против ислама или защищать свои владения в Италии от лангобардов, но продолжающая претендовать на верховенство даже в духовных делах. С другой стороны, мы имеем германские народы, полные энергии, победившие мусульман, привязанные со всей свежей страстью и доверчивым энтузиазмом молодости к той власти, в защите и ограничивающем влиянии которой они все еще чувствовали необходимость, и исполненные безграничной и самой свободной преданности.

Григорий II уже осознавал преимущества, которые он получил; полный гордого самосознания, он пишет иконоборцу-императору Льву Исаврийцу: «Все земли Запада обращают свои взоры на наше смирение; они считают нас Богом на земле». Его преемники все больше и больше убеждались в необходимости отделиться от власти (Римской империи), которая налагала на них много обязанностей, но не могла предложить им взамен никакой защиты. Они не могли позволить себе быть скованными просто именем и империей, а обратились к тем, от кого можно было ожидать помощи и поддержки. Таким образом, они вступили в тесный союз с великими полководцами Запада, франкскими монархами; с каждым годом этот союз становился все более тесным, приносил важные преимущества обеим сторонам и в конечном итоге оказал самое активное влияние на судьбы мира.^c

С разделением империи в 395 году вопрос о римском превосходстве Константинополя на время остался в подвешенном состоянии, но на Западе авторитет епископа Рима становился все более и более прочным. В следующем столетии общие условия, в которых ему приходилось действовать, изменились настолько существенно, что это положило начало новому периоду в истории нашего предмета.

Характеры людей, занимавших папский престол в течение этого столетия, большинство из которых вели образцовую жизнь, а некоторые обладали выдающимся гением, сами по себе были достаточны, чтобы сделать эту эпоху незабываемой. «В уме Иннокентия I, — говорит Милман, — ^b, — по-видимому, впервые ясно зародилась обширная концепция всемирного церковного превосходства Рима». Иннокентий I (402-417) действительно, по-видимому, был первым из пап, кто осмелился отвергнуть те политические концепции,

которые угрожали ограничить растущее влияние его должности. Преемниками Иннокентия были Зосим (417-418) и Бонифаций (418-422). Первый из них, чей понтификат длился всего двадцать один месяц, представляет собой заметное исключение из традиций своей кафедры, поскольку в одно время он проявил склонность к умиротворению пелагианства и даже отменил в его пользу декреты своего предшественника. Понтификат Бонифация примечателен тем, что ему предшествовали спорные выборы, которые дали императору Гонорию возможность проявить свое вмешательство, создав тем самым прецедент для имперского вмешательства в подобных случаях. По просьбе самого Бонифация Гонорий издал указ, призванный предотвратить скандалы, связанные с такими спорами. Согласно новым положениям, всякая агитация за вакантное кресло была строго запрещена; в случае спорных выборов оба кандидата считались неправомочными. Преемником Бонифация был Целестин I (422-432). Свидетельства, предоставленные событиями его понтификата, носят несколько противоречивый характер. С одной стороны, мы видим, что церкви Африки выдвигают свой последний зафиксированный протест против римских притязаний, приводя в поддержку своего протеста шестой канон Никейского собора; с другой стороны, успех, с которым Целестин вмешался в Иллирикуме, а затем в связи с епархиями Нарбонны и Вьенны, доказывает, что папская юрисдикция принималась с растущим почтением в других частях империи.

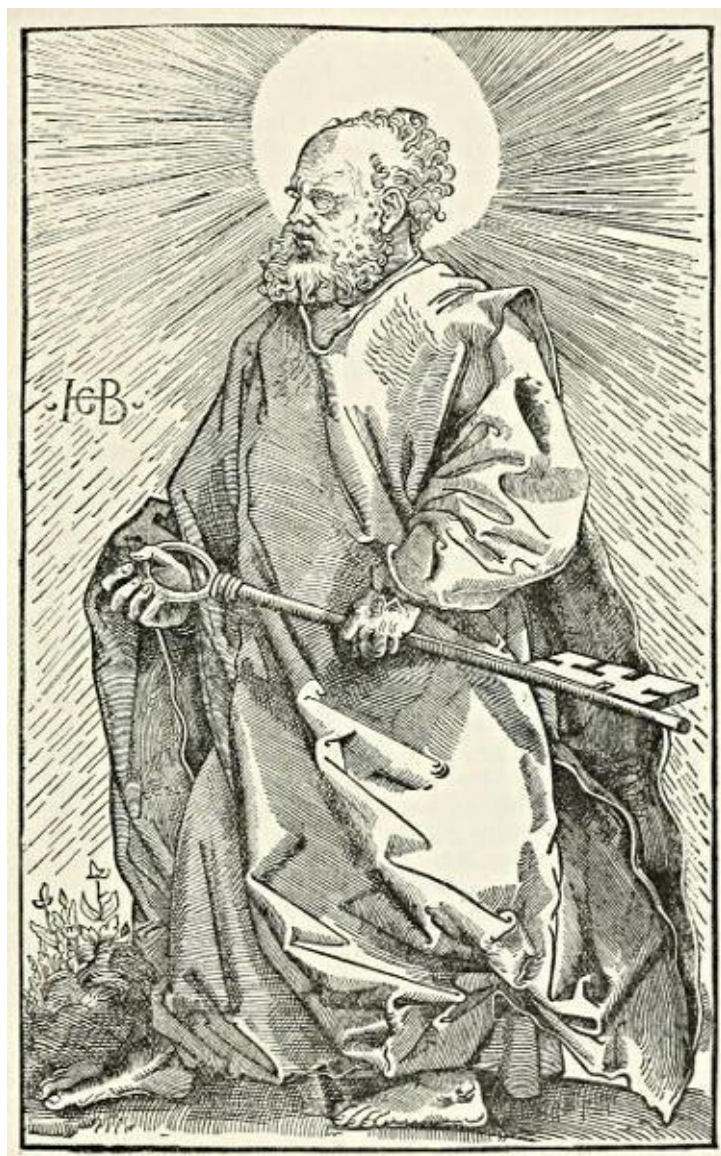
[418-461 гг. н.э.]

Вторжение варваров, хотя и привело к падению многих институтов цивилизации, а также к широкомасштабным страданиям и социальному упадку, послужило лишь усилению влияния и важности римской кафедры. Кажущееся исполнение пророчества, как языческого, так и христианского, когда город был захвачен и разграблен Аларихом (410 г.), казалось, завершило исчезновение светской власти в Риме. Ни западные императоры, ни готские завоеватели не держали свой двор в древней столице, где папа теперь был сразу же самой важной и заметной властью. В африканских провинциях деморализация, вызванная ожесточенными спорами и разногласиями по поводу пелагианства и донатизма, заставила католические общины заменить свою прежнюю гордую независимость мольбой о помощи и просить о вмешательстве и совете, которые они ранее отвергали. Такова была обстановка на Западе, когда Леон Великий (440-461), которого некоторые считают истинным основателем средневекового папства, вступил на престол. Будучи уроженцем Рима, он воплощал в себе многие древнеримские добродетели: стойкую приверженность традициям в вопросах религиозных верований, неукротимую решимость в отстаивании прерогатив своей должности и строгое выполнение признанных обязанностей общественной жизни. Это жесткое соблюдение ортодоксии было привито ему (или, по крайней мере, подтверждено) увещеваниями Августина, с которым он лично познакомился во время миссии в африканской провинции; а до его избрания на папский престол знаменитый Кассиан так высоко ценил его добродетели и способности, что посвятил ему свой трактат о Воплощении. Действительно, даже если рассматривать Лева просто как способного противника манихейской и евтихианской ересей и как первого автора сборника, он занял бы немаловажное место в анналах латинского христианства; но его влияние на церковную историю в других отношениях гораздо глубже и сильнее. Ни в одном из них оно не привело к более важным результатам, чем успех, с которым он утвердил теорию, согласно которой все епископы, которые в важных вопросах не соглашались с решением своего митрополита, должны иметь право апеллировать в Рим. Он добился признания этого принципа не только в Иллирии, как это сделал его предшественник Иннокентий, но и в Галлии; а обстоятельства, при которых он это сделал в последней провинции, делают весь процесс памятным эпизодом в истории церкви.

Главным препятствием для признания верховенства римского понтифика теперь было возрождение арианства, которое, исповедуемое как готами, так и вандалами, представляло собой доминирующую веру в главных городах северной Италии, а также в Африке, Испании и южной Галлии. Но возникшее в результате этого соперничество только усилило стремление католической партии возвысить prerogatives своего главы, и отношение Рима к другим церквям продолжало становиться все более и более бесспорным. В 483 году папа Феликс II (или III)^[184] решился на беспрецедентную меру, вызвав в Рим Акакия, патриарха Константинополя, чтобы тот ответил на определенные обвинения, выдвинутые против него Иоанном, патриархом Александрийским, которого он назвал «*frater et coepiscopus noster*» (Thiel, *Epistolæ*, p. 239). Когда Акакий отказался признать законность письма с вызовом, Феликс отлучил его от церкви. Преемник Феликса, Геласий I (492-496), отказался, как было принято, уведомить о своем избрании патриарха Константинополя и своим отказом косвенно выдвинул новое предположение, а именно, что общение с Римом подразумевает подчинение Риму. На протяжении всего понтификата Геласия примат римской кафедры был темой его многочисленных писем другим церквям, и он, по-видимому, был также первым из понтификов, кто высказал мнение, что власть, которую он представлял, не подчинялась канонам синодов, ни прошлым, ни настоящим. В Италии эти предположения были приняты без колебаний. Пальмарский собор, как его называли, созванный в Риме во время понтификата Симмаха (498-514), официально отказался от своего права судить его административные действия. Эннодий, епископ Павии (около 510 г.), заявил, что римский понтифик должен быть судим только Богом и не подчиняется никакому земному властителю или суду. Таким образом, очевидно, что доктрина папской непогрешимости, хотя и не сформулированная еще, уже была фактически признана.

Во время правления готов в Италии (493-553) их представители проявляли крайнюю терпимость в отношении религиозных вопросов и не стремились налагать какие-либо ограничения на политику пап, хотя каждый монарх, в силу своего титула «король римлян», претендовал на право вето на любое избрание на папский престол. В 483 году, когда Одоакр послал своего первого лейтенанта Василия из Равенны в Рим, последний был удостоен титулов *eminentissimus* и *sublimis*. Папа, соответственно, предстал в качестве политического подданного своего арианского повелителя. Преимущество, полученное таким образом светской властью, по-видимому, было результатом ее вмешательства, которое Симплиций (468-483) сам просил при выборах на папский престол, и одним из главных актов Пальмарского собора (упомянутого выше) было отвержение основных мер Василия, которые были направлены, в частности, против злоупотреблений, преобладавших в таких случаях, и, в особенности, против подкупа путем отчуждения церковных земель. Синод объявил утверждение этой власти со стороны гражданской власти неправомерным и неканоническим и, соответственно, отменил его как не имеющее обязательной силы для церкви. Однако ожесточенные споры и бесстыдная подкупность, которые теперь сопровождали почти каждые выборы, были восприняты как столь серьезный скандал, что сам синод счел целесообразным принять постановление, изданное Василием, и выпустить его как одно из своих собственных постановлений. Чтобы более эффективно защититься от таких злоупотреблений, Бонифаций II в 530 году получил от специально созванного для этой цели синода () право назначать своего преемника и выдвинул кандидатуру Вигилия — того самого, который десять лет спустя действительно занял эту должность. Но второй собор, решив, что такая уступка противоречит традициям епископской преемственности,

аннулировал это право, и сам Бонифаций сжег прежний указ. Однако после его смерти повторение старых злоупотреблений в еще более вопиющей форме побудило сенат добиться от суда Равенны принятия более комплексной меры реформы, направленной на пресечение не только симонических практик внутри самой церкви, но и вымогательства со стороны придворных чиновников.

Древняя концепция святого Петра

(Из гравюры на дереве из Национальной библиотеки, Париж)

[526-590 гг. н. э.]

В 526 году Дионисий Эксигус, монах из Рима, взялся за работу по подготовке нового сборника канонов соборов и, увидев, что его труды были благосклонно приняты, приступил также к составлению аналогичного сборника папских писем или декреталий, начиная с самых ранних из сохранившихся до наших дней и заканчивая письмами Анастасия II, жившего в его время. Таким образом, письма пап были поставлены на один уровень с рескриптами императоров и вместе с канонами составили основу канонического права, которое впоследствии приобрело такое большое значение в истории церкви. Однако можно сказать, что отрицательная ценность сборника, составленного Дионисием, почти равна

ценности его фактического содержания, поскольку тот простой факт, что он не содержит более ранних декреталий, впоследствии опубликованных псевдо-Исидором, является самым убедительным опровержением их подлинности.

Замена правления готских монархов правлением греческих императоров была враждебна почти во всех отношениях независимости и репутации папства. В течение короткого периода перед высадкой Юстиниана в Италии Агапет (535-536), выступая в качестве посланника Феодота при восточном дворе (), занял позицию, которая внушала уважение самому императору, и его влияние было достаточно сильным, чтобы добиться смещения одного патриарха восточной столицы и решить вопрос о выборе другого. Но после того, как Велитарий вошел в Рим и город был подчинен, понтифик стал рассматриваться как простой вассал императора, и не только императора, но и куртизанки на императорском троне. Смещение Сильверия (536-540) и его таинственная судьба в Пандатарии, а также возвышение Вигилия (540-555), кандидата отвергнутой Феодоры и ее покорного раба, завершили деградацию римской кафедры. Каждый последующий папа был теперь не более чем марионеткой, которая двигалась по усмотрению восточного двора, а *апокрисиар* или заместитель, которого он содержал при этом дворе, был, как правило (как в случае с Пелагием I, Григорием I, Сабинианом, Бонифацием III, Мартином), его собственным преемником — честь, приобретенная, без сомнения, систематическим подчинением императорским желаниям. В карьере и судьбе Вигилия папский сан был опозорен, как никогда прежде, одновременно как из-за явной недостойности его носителя, так и из-за унижений, нанесенных ему жестокой злобой его врагов. Отношения между римским епископом и восточным двором стали настолько зловещими, что, как говорят, Пелагий I (555-560) умолял Нарсаса отправить его в тюрьму, а не в Константинополь.

В 568 году лангобарды вторглись в Италию. Как и готы, они приняли арианство, но были гораздо менее цивилизованными и с небольшим уважением относились к римским институтам и римским привычкам мышления, а их высокомерие, вероломство и жестокость вызвали особую ненависть со стороны римской курии. Их завоевания не охватили всю Италию. Равенна и Пентаполис, Венеция, Рим и его герцогство (как тогда называли окружающие земли), Неаполь, Калабрия и Сицилия остались под властью империи. На полуострове папа был, после экзарха Равенны, самым могущественным правителем, и наличие общего врага привело к тому, что отношения между ним и империей стали более дружественными. Император, конечно, продолжал контролировать выборы и обеспечивать уплату дани за территорию, защищаемую имперскими войсками, но, с другой стороны, понтифик обладал определенной властью в римском герцогстве и претендовал на право голоса при назначении гражданских чиновников, управлявших местным самоуправлением. Со времен Константина Великого церковь обладала правом приобретать земельную собственность по завещанию, и римская кафедра таким образом значительно обогатилась. Некоторые из ее владений находились далеко за пределами Италии.¹

ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ (590-604 гг. н. э.)

[42-590 гг. н. э.]

Таким образом, папская монархия незаметно поднялась над епископской аристократией. С самого начала слово преемника святого Петра как епископа Вечного города обладало высокой степенью авторитета. Титул «папа», теоретически присуждавшийся каждому епископу, в конце концов был зарезервирован только для епископа Рима, и это изменение уже проявилось при Льве Великом, но полностью осуществилось только во времена

Григория VII. Епископ Рима с дней Римской империи владел ценной собственностью в столице и по всей Италии. Он даже приобрел некоторые владения за Альпами, например, в провинции Арль, где он поручил епископу этого города управлять ими. Кроме того, он занимал в самом Риме, то есть в самом известном городе мира, то большое поместье, которое было передано епископам муниципальным режимом в последние дни империи.

Святой Лев (440-461) придал своему сану большой престиж благодаря той важной роли, которую он играл в общественных делах, и своему успешному посредничеству в переговорах с Атилией. Он добился от Валентиниана III издания указа, в котором император призывал «всю церковь признать своего главу, чтобы мир мог быть сохранен навсегда»; и в тот же период мы видим, как он восстанавливает галльского епископа в епископстве, из которого тот был изгнан, и переносит митрополичий престол из Арля в Вьенну.

Под властью остготов римская церковь, к которой в других местах относились снисходительно, не могла развиваться. Но когда их власть пала (553 г.) и Рим вновь перешел под власть императора Константинополя, большое расстояние до нового господина открыло перед ним более светлое будущее. Вторжение лангобардов привело на территорию церкви большое количество беженцев, и римское население восстановило часть своей прежней энергии в двойной ненависти к варварам и арианам. Что касается экзарха, которому восточный император поручил управление своими итальянскими провинциями и наделил прямой властью над герцогами и военными графами Неаполя, Рима, Генуи и т. д., то этот чиновник едва ли мог проявить свою власть в западной половине Италии, поскольку был сослан в Равенну и отделен от Рима лангобардским владением, которое включало Сполето.

[590-604 гг. н. э.]

Именно в этот благоприятный, хотя и опасный в некоторых отношениях момент появился Григорий I (590-604). Происходя из знатной семьи Аниция, Григорий обладал не только знатным происхождением, но и всеми преимуществами тела и ума. Не достигнув тридцати лет, он был префектом Рима, но через несколько месяцев отказался от почестей и мирских забот и ушел в монастырь. Но его репутация не позволяла ему остаться в тени, как он того желал. Около 570 года он был отправлен в Константинополь папой Пелагием II в качестве секретаря, а позже — апокрисиария (своего рода великого милостынника), где он оказал ценные услуги Святому Престолу в его отношениях с империей и в борьбе с лангобардами. В 590 году духовенство, сенат и народ единодушно избрали его верховным понтификом, преемником Пелагия; но поскольку все выборы должны были быть утверждены императором в Константинополе, Григорий написал прошение, чтобы его избрание не было санкционировано. Письмо было перехвачено, и вскоре пришло распоряжение Маврикия об утверждении. Григорий скрылся, но был обнаружен и возвращен в Рим.

Несмотря на себя, он использовал весь свой талант и власть, чтобы укрепить папство,^[85] распространять христианство и улучшить дисциплину и организацию церкви. Хотя он утверждал, что епископство, и особенно его собственное, «является служением пастыря душ, а не светского князя», он не пренебрегал светской властью Святого Престола. Так как император был мало осведомлен об итальянских делах, солдаты, защищавшие Рим от лангобардов, не получали жалованья. Григорий заплатил им, взял на себя работу по обороне и вооружил духовенство. Когда Агилульф, чья агрессия вызвала эти приготовления, был вынужден отступить, Григорий вел с ним переговоры от имени Рима, несмотря на протесты экзарха.

Чувствуя себя таким образом укрепленным в своем положении, он взялся за распространение христианства и православия как внутри, так и за пределами древней Римской империи. В пределах империи еще оставались язычники на Сицилии, Сардинии, даже в Террачине (Таррацине) у самых ворот Рима, и, несомненно, в некоторых частях Галлии, поскольку существует указ Хилдеберта от 554 года под названием *«Об упразднении остатков идолопоклонства»*. Очень близко к Риму проживали ариане, лангобарды. Благодаря вмешательству королевы Теуделинды, Григорий добился того, что наследник лангобардского престола Адальвальд был воспитан в католичестве. С 587 года вестготы в Испании под властью Рекареда были обращены в христианство.

Что касается Великобритании, то она по-прежнему оставалась полностью языческой, и Григорий послал туда монаха Августина и сорок римских миссионеров (596 г.). Они высадились на острове Танет и оттуда отправились к Этельберту, королю Кента, который разрешил им проповедовать свои учения в Кентерберии. С этого момента христианство быстро распространилось на север и запад, пока к 627 году не прочно утвердилось в Нортумберленде. Святой Августин, архиепископ Кентерберийский, был назначен приматом Англии Григорием Великим, с которым он поддерживал постоянную переписку, которая сохранилась до наших дней.

Ирландия, «остров святых», уже была обращена в христианство, и теперь монахи покидали ее, чтобы обратить в веру варваров. В этот период святой Колумбан, монах, который так смело осуждал преступления Брунехильды, отправился проповедовать Евангелие горцам Гельвеции и основал среди них аббатства, окруженные плодородными полями. После него святой Руперт отправился в далекую Баварию и основал епархию Зальцбурга.

Таким образом, христианство распространяло свой дух прозелитизма, и святой Григорий в значительной степени способствовал этому благодаря мягким наставлениям, которые он внушал своим миссионерам, и умению, с которым он облегчал переход от язычества к католицизму. Он писал святому Августину: «Ты должен позаботиться о том, чтобы не разрушать языческие храмы, а только их идолов; используй святую воду для омовения здания, построй алтари и помести в них реликвии. Если их храмы хорошо построены, тем лучше, ибо важно, чтобы эти же храмы перешли от культа демонов к культу истинного Бога. Когда народ увидит, что его древние места поклонения остались, он будет более склонен посещать их по привычке и поклоняться истинному Богу».

Дома Григорий успешно трудился над координацией сил церкви, ставя выше всего власть Святого Престола. Мы видим, как он присваивает титул викария Галлии епископу Арля, чтобы тот соответствовал Августину, архиепископу Кентерберийскому, архиепископу Севильскому в Испании и архиепископу Фессалоникийскому в Греции; и, наконец, посылает тайных легатов в Константинополь. В своем пастырском письме, написанном по случаю своего избрания и ставшем общим правилом на всем Западе, он предписал епископам их обязанности в соответствии с решениями нескольких соборов. Чтобы сплотить иерархию, он стремился предотвратить посягательства одного епископа на другого. «Я дал тебе Британию для духовного руководства, — писал он амбициозному Августину, — а не Галлию». Он благоволил монастырям, бдительно следил за их дисциплиной и реформировал церковное пение, заменив амвросианский напев, который, по словам одного из современников, «походил на отдаленный звук колесницы, катящейся по камням», на григорианский напев, носящий его имя.^d

Самым темным пятном на имени Григория является его жестокий и нехристианский триумф в связи с падением императора Маврикия — его низкая и льстивая похвала Фоки,

самого отвратительного и кровавого тирана, когда-либо захватившего трон Константинополя. Оправдывать или даже извинять преступления религиозных деятелей — это худшая дань уважения религии; а апологетическое оправдание или даже смягчение их проступков редко удается устранить, а часто даже усиливает неблагоприятное впечатление.

Григорий был избавлен от боли и позора, связанных с тем, что он стал свидетелем полной ложности своих благочестивых предсказаний о славном и святом правлении Фоки. На втором году правления тирана он завершил тринадцать важных лет своего понтификата. Неблагодарные римляне с опозданием воздали честь его памяти. За его смертью (10 марта 604 г.) последовал голод, который голодающая толпа приписала его расточительному разбазариванию наследства церкви — того наследства, которое так тщательно управлялось и так религиозно посвящалось их использованию. Ничто не может дать более низкого представления об их деградации, чем их действия. Они приступили к мести над библиотекой Григория и были остановлены от своих варварских разрушений только вмешательством верного архидиакона Петра. Петр был собеседником Григория в диких легендах, содержащихся в *«Диалогах»*.⁴ Архидиакон теперь заверил народ Рима, что он часто видел Святого Духа в видимом образе голубя, парящего над головой Григория, когда тот писал. Поэтому преемник Григория засомневался и потребовал, чтобы Петр подтвердил свою благочестивую выдумку или фантазию клятвой. Он взошел на амвон, но, не успев закончить свою торжественную клятву, упал замертво. То, что для враждебно настроенной аудитории могло бы быть явным наказанием за клятвопреступление, было воспринято как божественное свидетельство его правдивости. Римская церковь постоянно позволяла изображать Григория со Святым Духом в виде голубя, парящего над его головой.

Историк христианства задерживается на определенных личностях и определенных эпохах, которые являются вехами между концом одной религиозной эпохи и началом другой. Такой личностью является Григорий Великий; такой эпохой является его понтификат, конец шестого века. Григорий, не только благодаря своему положению, но и благодаря признанию восхищенного мира, был как интеллектуально, так и духовно великим образцом своей эпохи. Он был сведущ во всех искусствах и науках, культивируемых в то время; огромные тома его сочинений свидетельствуют о его неутомимой энергии; их популярность и авторитет — о его способности облекать эти мысли и рассуждения в язык, который пробуждал и подчинял себе общий разум.

Его эпоха была эпохой окончательной христианизации мира, не только во внешнем поклонении, не только в установлении христианства как имперской религии, в возвышении церкви на руинах храма и в признании иерархии как незаменимого ранга в социальной системе, но и в полном овладении всем разумом человека, в литературе, искусстве, насколько оно культивировалось, в привычках, обычаях, способах мышления и в народных суевериях.

Не только язычество, но и сама римская культура, за исключением законов и муниципальных институтов, были полностью уничтожены. Правление Теодориха было попыткой слить воедино римские, германские и христианские обычаи. Кассиодор, хотя и был наполовину монахом, стремился стать римским государственным деятелем, а Боэций — языческим философом. Влияние римских школ риторики прослеживается даже в произведениях галльских писателей, таких как Сидоний Аполлинарий; христианские поэты того времени пытались сохранить некоторые остатки ритмики римской поэзии. К концу VI века все это исчезло; церковный латынь стала единственным языком литературы, или, скорее, сама литература стала чисто церковной. Сказка о разрушении Григорием Палатинской библиотеки теперь отвергается как наносящая ущерб его славе; но, вероятно,

Палатинская библиотека, если она и существовала, была бы настолько заброшена, что Григорий вряд ли удостоил бы ее своим вниманием. Его отвращение к таким занятиям не является результатом страха или ненависти, а скорее религиозного презрения; светские литературные произведения являются позором для христианского епископа; истинный религиозный дух сам по себе отвергает их.

Что же такое было это христианство, которым Григорий правил миром? Не просто спекулятивная и догматическая теология, а популярное, живое, активное христианство, которое действовало в сердце человека; доминирующий мотив его поступков, насколько они были подвержены влиянию религии; главный элемент его надежд и страхов в отношении невидимого мира и той будущей жизни, которая теперь стала частью его сознательного верования.

Христианская мифология

Историю христианства невозможно понять, не остановившись на определенных периодах, чтобы проследить прогресс и развитие этой христианской мифологии, которая, постепенно развиваясь и возникая из естественных и всеобщих инстинктов, приобрела более совершенную и систематическую форму и, наконец, в разгар средневековья стала такой же частью латинского христианства, как и первоначальные истины Евангелия. Этот рост, начавшийся задолго до этого, достиг своего рода подросткового возраста в эпоху Григория, чтобы в последующие века достичь полной зрелости. Уже тогда вероучения церкви составляли лишь небольшую часть христианской веры. Высшие и наиболее спекулятивные вопросы теологии, особенно в Александрии и Константинополе, стали лозунгами борьбы и раздора, возбудили страсти низших сословий (); две природы или единственная или двойная воля Христа взволновали мастерские ремесленников и зрители на цирке. Христос постепенно приобретал все больше и больше величия, нематериальности, непостижимости Божества, и люди искали существ, более похожих на них самих, более открытых, как казалось, для человеческих симпатий. Верующие наслаждались теми обрядами, к которым они могли прибегать с меньшей робостью; святые и мощи мучеников могли удостоиться почитания тех, кто был слишком нечестивым, чтобы ступить на святую землю. Уже поклонение этим низшим объектам почитания начинает пересекаться с поклонением высшим; народное сознание наполняется образами, которые либо вовсе не предлагаются, либо предлагаются, но очень смутно в священных писаниях; легенды о святых вытесняют или, по крайней мере, соперничают в общем уважении и внимании с повествованиями Библии.

Из всех этих форм поклонения самым привлекательным и привлекательным для самых милых слабостей человеческого ума было почитание Девы Марии. Поклонение Деве впервые возникло на Востоке; и это поклонение, уже более чем инициированное, несомненно, способствовало страстной ярости, с которой велась несторианская полемика, в то время как эта полемика, с ее благоприятным исходом для тех, кто, казалось, был наиболее ревностен к славе Девы, дала сильный импульс поклонению. Отрицание Несторием титула «Мать Божья» было тем, что звучало наиболее оскорбительно для общего уха; это был понятный и отвратительный момент в его ереси. Почитание Богородицы теперь появляется на Востоке как неотъемлемая часть христианства. Среди великолепных зданий Юстиниана возникло много церквей, посвященных Матери Божьей. Праздник Благовещения уже отмечался при Юстине и Юстиниане. Ираклий имел изображения Богородицы на своих мачтах, когда он плыл в Константинополь, чтобы

свергнуть Фоку. До конца века Богородица стала покровительницей Константинополя, который был спасен от сарацин благодаря ее заступничеству.

ПОЧТЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Во времена Григория почитание Богородицы еще не заняло в латинском христианстве того места, которое оно заняло в более поздние века, хотя второй великий импульс к этому почитанию, безграничное восхищение девственностью, полностью овладел его монашеским умом. Для Григория безбрачие было совершенством человеческой природы; он с отвращением смотрел на осквернение святого священнического сана, даже в самой низкой степени, любой половой связью. Ни один субдиакон после определенного периода не мог быть принят без обета целомудрия; ни один женатый субдиакон не мог быть повышен в звании. В одном из своих изложений он с грустью рассказывает о падении одной из своих теток, посвященной девственницы; она была виновна в грехе брака. Из всех его претензий к экзарху Равенны ни одна не кажется более достойной жалобы, чем то, что он поощрял некоторых монахинь сбрасывать свои монашеские одеяния и выходить замуж. Григорий, по-видимому, не вел эту войну против природы, однако его чувства были созвучны чувствам его современников, и он, как обычно, добился успеха.^[86] Его письма полны призывов к правителям и епископам подавлять распущенность духовенства; даже монастыри не были абсолютно безопасны.

АНГЕЛЫ И ДЬЯВОЛЫ

Не только вокруг монастыря, центра этого сверхъестественного воздействия, обычное провидение Божье уступало место постоянному вмешательству чудодейственной силы. Каждый христианин был окружен миром невидимых существ, которые постоянно отбрасывали свою духовную природу и принимали формы, издавали звуки, источали запахи, воспринимаемые душой человека, или полностью и сознательно овладевали его внутренним существом. Проводилось различие между чистой, духовной, безграничной, непостижимой природой Божества и тонкими и утонченными, но телесными формами ангелов и архангелов. Они были воспринимаемы человеческими чувствами, имели человеческий облик, говорили человеческим языком; их субстанция была тонким воздухом, неосязаемым огнем; она напоминала души людей, но, тем не менее, когда им заблагорассудится, она была видимой, выполняла функции жизни, общалась не только с умом и душой, но и с глазами и ушами человека.

Слух и зрение религиозного ужаса были гораздо более быстрыми и чувствительными. Посещения ангелов были редкими и случайными; более активные демоны всегда были на чеку, хватая и используя любую возможность, чтобы обмануть своих легковверных жертв. Они были повсюду и повсюду выдавали свое присутствие. Они осмеливались входить в самые святые места; их едва ли пугали даже самые набожные святые; но в то же время не было существа слишком скромного, чтобы они не снизошли до его соблазна — в обычной жизни не было ничего настолько тривиального и незначительного, чтобы они не опустились до того, чтобы использовать это для своих злых целей. Они были вне человека, пугая его таинственными звуками и необъяснимыми видениями. Они были внутри него, заставляя все его способности подчиняться их воле, другая внутренняя воля, помимо его собственной, заставляя его неохотную душу выполнять их приказы. Каждая страсть, каждый порок имел своего особого демона; похоть, безбожие, богохульство, тщеславие,

гордость были не самим человеком, а чужой силой, действующей внутри него. Малейшее действие, а иногда и вовсе никакое действие, предавало душу непреодолимой внутренней силе. В «Диалогах» Григория—[к](#) женщина ест салат, не перекрестившись; она одержима дьяволом, который был проглочен в неиспегнанном салате. Другая женщина одержима за то, что приняла объятия мужа в ночь перед освящением молельни.

МУЧЕНИКИ И МОЩИ

К счастью, существовала, и существовала почти по приказу духовенства, сила, противодействующая этому роковому дьявольскому влиянию, в виде постоянного присутствия святых, особенно в освященных местах и вокруг их мощей. Эти мощи были сокровищем, с помощью которого духовенство, прежде всего епископы Рима, владевшие мощами святых Петра и Павла и бесчисленными другими, управляли умами; ведь с их помощью они контролировали и удерживали в страхе, исправляли зло, творимое всем этим миром злых духов. Счастливы были церкви и монастыри, чьи фундаменты были освящены и защищены этими священными талисманами. Сомневаться в их присутствии в этих посвященных святынях, на местах их мученичества, упорно требовать удовлетворения чувств в отношении их присутствия было нечестивым недостатком веры; вера, пропорциональная сомнительности чуда, была тем более заслуживающей похвалы. Короли и королевы с благоговением склонялись перед обладателями и раздатчиками этих чудотворных сокровищ.

Реликвии теперь обрели силу самозащиты; нечестивые руки, прикоснувшиеся к ним, увядали, а люди, пытавшиеся их унести, были поражены смертью. Так заявил сам Григорий тому, кто просил голову или часть тела святого Павла. Даже приблизиться к ним для поклонения было страшным делом. Люди, которые просто прикоснулись к костям святого Петра, святого Павла и святого Лаврентия, хотя и с благочестивым намерением изменить их положение или собрать разбросанные кости, падали замертво, в одном случае их было десять. Максимум, что могла дать римская церковь, — это ткань, которой было позволено прикоснуться к ним; и даже такие ткани, как известно, кровоточили. Если бы цепи святого Павла дали бы хоть немного своего драгоценного железа под напильником, чего они часто не делали, то он, как он пишет, передал бы его императрице; и он утешает ее за малость подарка чудодейственной силой, которой он будет обладать.

Григорий раздавал такие подарки с благочестивой скупостью. Гвоздь, содержащий мельчайшие опилки от цепей святого Петра, был неоценимым подарком для патриция, бывшего консула или варварского короля. Иногда их вставляли в маленький крест; в одном случае вместе с осколками решетки, на которой был зажарен святой Лаврентий. Один из золотых гвоздей цепей святого Петра соблазнил алчность кощунника, без сомнения язычника или арианина, лангобарда; он достал нож, чтобы отрезать его; нож, пораженный страхом, подскочил и перерезал ему кощунственную глотку. Лангобардский король Аутари и его свита были свидетелями чуда и стояли в ужасе, не смея поднять страшный гвоздь с земли. К счастью, нашёлся католик, которому гвоздь позволил себя тронуть; и этот бесценный дар, так подтверждённый, Григорий посылает выдающемуся гражданскому чиновнику.

СВЯТОСТЬ ДУХОВЕНСТВА

Эта святость, которая таким образом обитала в мощах святых, естественным образом собиралась, насколько это было возможно, вокруг их собственных лиц духовенством, освященным, как и они, и отделенным своим рукоположением от обычного рода человеческого; и если бы иерархия использовала эту власть только для самозащиты, если бы они только облеклись в это защитное благоговение против оскорблений и жестокостей варваров, таких как описанные лангобарды, то это было бы суровым осуждением, которое порицало бы даже явное самозванство. Мы могли бы оправдать приукрашивание, даже выдумку благородной истории епископа Санктулуса, который пожертвовал своей жизнью ради пленного диакона, перед которым лангобардский палач, подняв меч, чтобы обезглавить его, почувствовал, как его рука застыла, и не мог пошевелить ею, пока торжественно не поклялся никогда не поднимать этот меч на жизнь христианина. Но это консервативное уважение к святости своего ордена слишком часто перерастает в гордость и бесчеловечность; ужасная неприкосновенность их личности превращается в ревнивую обиду даже на непреднамеренное неуважение. Бесноватый обвинил святого епископа Фортуната в том, что тот отказал ему в праве гостеприимства; бедный крестьянин принимает одержимого в свой дом и за это предполагаемое неуважение к епископу наказывается тем, что его ребенок бросают в огонь и сжигают на его глазах. Бедняга с обезьяной и цимбалами убит за то, что непреднамеренно прервал молитву епископа Бонифация.

Священные сооружения, особенно церкви, доступные для всех, все же вызывали глубокое благоговение; в них было все, что могло усилить это благоговение: внутри находились мощи святого покровителя, таинства причастия () и присутствие Искупителя, самого Бога; под землей покоились останки верных усопших.

Теперь начались погребения в церквях; это было особой привилегией. Григорий останавливается на преимуществе того, что таким образом постоянно напоминают о молитвах друзей и родственников за упокой души. Но то, что было благословением для святых, было еще более опасным для нераскаявшихся и нечестивых. Священная земля отказывалась принимать их; появлялись мученики и приказывали выбросить зловонные трупы из своих пределов. Их схватили демоны, которые не боялись уносить своих даже из этих святых мест. Но жертвоприношения по-прежнему действовали после смерти. Освященная хостия начала обладать чудодейственной силой. Ребенка выбрасывают из могилы, и его можно успокоить только кусочком освященного хлеба, положенным ему на грудь. Две знатные женщины, которые были отлучены от церкви за скандальные разговоры, тем не менее были похоронены в церкви; но каждый раз, когда служилась месса, их духи поднимались из могил и вылетали из церкви. Только после того, как за них было «принесено в жертву» подношение, они уснули с миром.

СОСТОЯНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Тайна состояния после смерти перестала быть тайной. Тонкая и невидимая душа постепенно материализовалась перед зорким взором верующих. Один отшельник заявил, что в момент смерти он видел Теодориха, короля остготов, в свободной одежде и сандалиях, которого вели между патрицием Симмахом и папой Иоанном и бросили в горящий кратер Липари. Бенедикт, проснувшись, увидел яркий и ослепительный свет, в котором он отчетливо разглядел душу Германа, епископа Капуи, восходящую на небо в огненном шаре, несомом ангелами.

Ад ни в коем случае не был неумолимым жилищем, из которого не возвращались его обитатели. Люди попадали туда на короткое время, а затем возвращались, чтобы раскрыть

его тайны дрожащему миру. Четвертая книга Григория полностью заполнена легендами об уходящих и ушедших духах, некоторые из которых вновь видят свет дня. Что касается местоположения ада, Григорий скромничает и отказывается принимать какое-либо окончательное решение. Он также сомневается в существовании чистилища, хотя его окончательный вывод, по-видимому, заключается в том, что существует чистилищный огонь, который может очистить душу от очень легких грехов. Прошло несколько столетий, прежде чем эти ужасные царства сформировались в ту мрачную и регулярную топографию, которую Данте частично создал из своего собственного возвышенного воображения, частично соединив все накопленные легенды.

Наиболее необычным из этих ранних путешествий в будущий мир являются приключения некоего Стефана, о которых Григорий заявляет, что слышал о них не раз из его собственных уст, и которые он рассказывает, по-видимому, намереваясь, чтобы в них безоговорочно верили. Стефан, по всей видимости, умер в Константинополе, но, поскольку не удалось найти бальзамировщика, его оставили непогребенным на всю ночь. За это время он спустился в ад, где увидел многое, во что раньше не верил. Но когда он предстал перед Судьей, тот сказал: «Я не звал этого человека, а звал кузнеца Стефана». Друг Григория, Стефан, был слишком счастлив, что вернулся, и по возвращении обнаружил, что его сосед, кузнец Стефан, умер. Но Стефан не извлек урока из своего спасения. Он умер от чумы в Риме, и вместе с ним, казалось, умер солдат, который вернулся, чтобы раскрыть больше страшных тайн другого мира и судьбу Стефана. Солдат прошел мимо моста, под которым текла река, из которой поднимались темные, мрачные и зловонные пары. За мостом (воображение не могло не вернуться к старым Элизийским полям) простирались красивые, цветущие и благоухающие луга, населенные духами, одетыми в белое. На них было много особняков, огромных и полных света. Над всем возвышался дворец из золотых кирпичей; кому он принадлежал, он не мог прочитать. На мосту он узнал Стивена, который поскользнулся, пытаясь пройти. Его нижние конечности сразу же схватили ужасные существа, которые пытались утащить его в зловонные жилища внизу. Но белые и прекрасные существа схватили его за руки, и началась долгая борьба. Солдат не видел исхода конфликта.

Таковы были истории, подтвержденные высшей церковной властью и, как можно полагать, одобренные беспрекословной верой ведущих умов того времени — таковы были первые элементы той всеобщей народной религии, которой было христианство на протяжении веков. Эта религия постепенно объединила в себе все, что вытекало из естественных инстинктов человека, неугасаемые воспоминания о всех более древних религиях, иудейской, языческой и германской, с несколькими неясными проблесками невидимого мира и будущего состояния в Новом Завете, в обширную систему, возможно, более возвышенную благодаря своей неопределенности, которая, будучи необходимой в том состоянии человечества, не могла не вырасти из возбужденного воображения и религиозной веры христианского мира. И историк, который осмелился бы осудить такую религию как обширный план мошенничества, или философ, который осмелился бы презирать ее как выдумку глупости, заслуживающую только забвения, были бы одинаково несправедливы, одинаково слепы к ее реальному применению, несомненно, не зная о ее важности и значении в истории человечества. Ибо на этом, на популярном христианстве, основана вся история человечества на протяжении веков.

Оно является одновременно причиной и следствием священнического господства над человечеством; основой власти, перед которой трепетал мир; оно основало и свергло царства, объединило или противопоставило друг другу нации, классы, сословия, социальные слои. Христианский историк должен наблюдать за ростом и отмечать этапы, на которых оно, став родителем поэзии и искусства, собрало в себе всю деятельность человеческого разума и оживило эту деятельность, пока, наконец, разум не превзошел то,

что так долго было почти его единственным занятием. Оно просуществовало до тех пор, пока вера, вместе со схоластами, уведённая в бездонные глубины метафизики, не начала стремиться к более высоким истинам; с реформаторами, пытавшимися очистить религию до ее первоначальной духовной простоты, постепенно утратила или оставила только самым скромным и самым невежественным, по крайней мере, более вообразительной и менее практичной части человечества, это даже до сих пор плодотворное легендарное христианство, которое было вспомогательной и дополнительной Библией, авторитетным и признанным, хотя и часто неписаным, Евангелием веков.^{[b](#)}

ПРЕЕМНИКИ ГРИГОРИЯ

Григорий оставил папский престол гораздо более прочно укоренившимся на высоком положении, чем он был, когда он взошел на него. Но Сабиниан, который сменил его, проявил мало благодарности за оказанные им услуги; возмущенный тем, что сокровищница была опустошена, он обвинил его в том, что он разрушил кафедру своей щедростью, и, если бы не угрозы со стороны духовенства и народа, публично сожг бы его сочинения. Он прожил недолго после этой попытки, и его внезапная смерть была приписана удару по голове, нанесенному разгневанной тенью умершего святого (). Однако более правдоподобная причина, возможно, заключается в том, что он навлек на себя ненависть народа, отказавшись от привычных милостынь, чтобы, как он утверждал, исправить вред, нанесенный щедростью Григория; такой способ поведения настолько не понравился его пастве, что, какую бы роль они ни сыграли в его смерти, они с презрением вынесли его бездыханное тело из города.

Именно во время понтификата Бонифация III, который проживал в качестве легата Григория при дворе Константинополя и обязан своим возвышением императору, римский понтифик впервые был удостоен столь спорного титула вселенского епископа. Этой честью Бонифаций был обязан вражде, существовавшей между Фокой и патриархом его имперского города. Он прожил всего несколько месяцев, наслаждаясь своим триумфом, и несколько его преемников, по-видимому, довольствовались обязанностями своей должности, не вступая в прямую конфронтацию с каким-либо соперником во власти. Однако примечательно, что попытки Бонифация IV, который получил папское достоинство сразу после вышеупомянутого понтифика, вернуть сепаратистов из Рима в его общину, встретили сопротивление со стороны знаменитого ирландского апостола Колумбана, который во многом отражал свободу и интеллект более поздних времен.

Гонорий, который вступил на папский престол после двух незначительных понтификатов Деуседита (Деодата или Адеодата I) и Бонифация V, предпринял тщетную попытку повлиять на лангобардов, чтобы они восстановили своего короля Адальвальда (Адальвальда), которого они свергли как сумасшедшего и избрали вместо него арианина по имени Аривальд (Ариовальд). Но самым заметным событием в его карьере было его соглашение с Сергием, патриархом Константинополя, о принятии знаменитого эдикта, которым предполагалось положить конец монофелитской полемике,^[87] и сделать ее возобновление преступлением против законов империи. Тем не менее, Гонорий на Шестом Вселенском соборе был торжественно анафематствован и отнесен к числу известных и наиболее ярых сторонников монофелитской ереси.

Смерть этого понтифика сопровождалась разграблением Латеранского дворца — возмутительным деянием, которое было инициировано императором и совершено его собственными офицерами. На папский престол был возведен Северин, но его понтификат не был отмечен какими-либо важными событиями. То же самое можно сказать и о его преемниках, Иоанне IV и Феодоре. Феодора сменил Мартин I, первым актом понтификата которого было созыв собора для осуждения принципов монофелитства и последних действий императоров. Первое заседание собора состоялось 5 октября 649 года; на пятом и последнем заседании, которое состоялось 31 октября, было составлено двадцать статей против рассматриваемой ереси, и ее авторы, Феодор, Кир, Сергей, Пирр и Павел, вместе со всеми, кто разделял их мнения, были официально отлучены от церкви.

Этот шаг привел к немедленному столкновению римского понтифика с императором; таким образом, власть величайшего правителя церкви была сопоставлена с властью высшего правителя государства. В этом отношении исход спора заслуживает особого

внимания. Мартин был ревностным и активным церковным деятелем, ученым и добросовестным, глубоко убежденным в важности единства и склонным использовать свою власть в полной мере в его пользу. Как только собор вынес свое решение, он разослал письма всем сословиям духовенства, сообщая им о событии и о принятых решениях. Но информация, которую император Константин получил об этих событиях, наполнила его самым яростным негодованием, и он сразу же решил наказать за пренебрежение, с которым были встречены его указ и указ его предшественника. Он сообщил о своих намерениях Каллиопу, экзарху Италии, который вскоре после этого взял понтифика в плен и отправил его на остров Наксос. В течение трех месяцев он почти постоянно находился на борту корабля и перевозился из одного места в другое, не имея даже самых необходимых средств к существованию. На Наксосу он пробыл в плену двенадцать месяцев, а затем был отправлен в Константинополь, где во время перевозки подвергался обращению, которое было бы жестоким даже по отношению к осужденному преступнику. По прибытии его ждали новые унижения и жестокости. Его бросили в убогую тюрьму, где он, по-видимому, пролежал забытым более трех месяцев, а когда его привели перед суд, его допрашивали как обычного преступника. Его участие в недавних событиях, насколько они касались исключительно религии, даже его самые ярые противники не считали достаточным основанием для их жестокости. Поэтому его судили как врага государства. В качестве обвинителей выступили двадцать свидетелей, большинство из которых были солдатами и, как говорят, были подкуплены для этого случая.

[649-682 гг. н. э.]

После завершения этого фарса под названием «суд» понтифик был выведен на открытую террасу, где, под пристальным взглядом императора и народа, низкие слуги двора оскорбляли его настолько грубо, что даже толпа пожалела его судьбу. С него сорвали верхнюю мантию, офицеры схватили его, сняли с него лучшую одежду, оставив только тунику, которую затем разорвали по бокам, сверху донизу. Затем ему на шею надели железный ошейник и вывели из дворца через центр города, прикованным к одному из тюремных стражников, а впереди шел другой, несущий меч, которым его должны были казнить. Когда его тащили, его израненные ноги окрасили мостовую кровью, и он выглядел настолько униженным и несчастным, что это могло бы смирить дух самых высокомерных церковников как Рима, так и Константинополя. Но его страдания на этом не закончились. Вместо казни его отправили в Херсонес, где он прожил четыре месяца в самых суровых условиях, а затем скончался. Его преемником на посту папы стал Евгений, обязавшийся своим возвышением влиянию императорского двора и своей чрезмерной терпимостью к господствующим там заблуждениям. В результате в Риме к нему относились с одинаковым подозрением и неприязнью. Виталиан, преемник Евгения, заслужил признание как строгий дисциплинар, отправивший Феодора в Англию в качестве архиепископа Кентерберийского. После его смерти был избран Адеодат (Адеодат II). Именно во время понтификата его преемника Домна Равеннская церковь была окончательно присоединена к Римской.

Агато, следующий папа, не менее отличался набожностью своего характера; и история о том, как он исцелил поцелуем какого-то прокаженного, с которым случайно встретился, свидетельствует не только о растущем суеверии того времени, но и о влиянии, которое набожность понтифика оказала на умы людей. По его просьбе император Константин Погонат созвал Шестой Вселенский собор; и несколько странно, что одной из главных целей, к которой стремились его легаты, было уменьшение суммы, обычно выплачиваемой новоизбранным понтификом в императорскую казну. В обмен на эту уступку Агаф в с готовностью подтвердил древний закон, согласно которому ни один папа не мог быть рукоположен до тех пор, пока его избрание не было официально признано и подтверждено в

Константинополе. Гармония, которая таким образом существовала между императором и Агафом, счастливо сохранилась и во время понтификата Льва II, в пользу которого монарх издал указ, согласно которому новый архиепископ Равенны должен был быть рукоположен папой. Он обладал достаточным влиянием при дворе императора, чтобы получить для римских понтификов важную привилегию: их полномочия подтверждались экзархом Равенны, вместо того чтобы им приходилось совершать долгое и трудное путешествие в Константинополь.

[682-701 гг. н. э.]

Понтификат Иоанна V был столь же незначительным, сколь и коротким; его преемником стал Конон. Затем Сергей занимал папский престол до начала VIII века, но в начале своего понтификата он столкнулся с противодействием двух могущественных соперников, и Латеранский дворец в течение некоторого времени был осажден открытой силой сторонниками этих претендентов на папский престол. Борьба продолжалась в течение значительного периода времени. Сергей, хотя и пользовался поддержкой императорского двора, был вынужден перенести семилетнее изгнание, прежде чем смог вступить в должность; а после того, как он отказался признать каноны собора в *Трулло*, ^[188] Юстиниан II обрушился на него со всей мощью императорской власти. Таким образом, конфликт, который так долго нарушал мир в христианском мире, возобновился, и была дана новая отправная точка, с которой два великих претендента на всеобщую и неограниченную власть должны были начать гонку. Очевидно, что понтифик еще не приобрел достаточной силы, чтобы противостоять своему сопернику с уверенностью в успехе. На соборе в Толедо, состоявшемся в 688 году, архиепископ этого города добился принятия резолюции в пользу своих взглядов, которая не просто утверждала его вероучение в противовес вероучению понтифика, но и была сформулирована в высокомерном вызывающем и укорительном тоне. Таким образом, в этой борьбе пока не было явных признаков окончательной победы папства.

Святой Вульфран, епископ Сенса, умерший в 720 году нашей эры.

Бедствия, которые церковь пережила из-за постоянных нашествий полуварварских орд, были многочисленными и тяжелыми, но они принесли и соответствующие преимущества. Среди всех борьбы, к которой церковников подталкивала амбиция, они продемонстрировали, как единое целое, некоторые из самых благородных проявлений христианской любви (), заботы о бедных и страдающих, которые когда-либо видел мир. Под давлением частой угрозы неминуемой гибели они одновременно приобрели добродетели смирения и навыки политиков. Именно им народ был обязан своим спасением, когда с одной стороны ему угрожали иностранные враги, а с другой — тирания своих правителей; и до тех пор, пока они сами не стали угнетателями, народная свобода находила своих лучших защитников среди главы церкви. Но когда рассматривается прогресс самого христианства, то есть те самые интересы, ради которых и была создана церковь со всеми сопутствующими ей полномочиями, сомнения и недовольство становятся почти неизменным результатом исследования. В Риме благочестие было потрясено открытыми состязаниями, которые неоднократно проводились кандидатами на папский престол, и не менее позорными заговорами, с помощью которых соперничающие партии готовились к началу борьбы. Провинции, к которым постоянно обращались по вопросу о повиновении верховному понтифику, видели, как их собственные пастыри то с покорной уступчивостью подчинялись его указам, то открыто и тайно сопротивлялись им.

[701-731 гг. н. э.]

Преемником Сергия стал Иоанн VI (701), во время понтификата которого Кампания была завоевана лангобардами под предводительством Гизульфа, герцога Беневенто. Его преемник, Иоанн VII (705), известен только тем, что проявил слабость, вернув каноны собора в *Трулло* императору Юстиниану без единого изменения. Кроме того, во время его понтификата король лангобардов вернул земли, которые он отобрал у церкви, и документ, содержащий эту концессию, был написан золотыми буквами. Следующим понтификом был Сисиний, но он умер через несколько дней после избрания и оставил престол Константину, уроженцу Сирии, который занимал его около семи лет. Он был вызван Юстинианом в столицу Востока, но цель, которую преследовал император, неизвестна, и единственным результатом его путешествия, по-видимому, было восстановление Феликса, архиепископа Равенны, в его епархии и почестях. Этот несчастный прелат предпринял попытку восстановить независимость, которой обладали прежние епископы его епархии, но, несмотря на помощь воинственных правителей округа, его попытка провалилась; император послал отряд войск из Сицилии, стены Равенны были разрушены, а Феликс, скованный цепями, был увезен в плен в Константинополь. Там он должен был вынести наказание, назначаемое самым низким преступникам. Ему выкололи глаза и сослали на негостеприимные берега Понта — наказание, которое, как говорят, в Риме считалось проявлением божественной справедливости.

Несмотря на отсутствие убедительных доказательств относительно конкретной цели путешествия Константина, обычно считается, что оно было вызвано непрекращающимся стремлением императора обеспечить сотрудничество римской иерархии в установлении недавних декретов. Также утверждается, и, по-видимому, обоснованно, что его подчинение императорским приказам является доказательством все еще неизбежного подчинения, которое приходилось терпеть понтификам, в то время как его неспособность противостоять канонам, столь неприемлемым для его церкви, служит аналогичным доказательством его слабости и страхов.

Григорий II, который сменил его на этом посту (715 г.), проводил более смелую линию поведения.^[89] Его роль в противостоянии Леону Исаврийскому уже была описана; а его решительная атака на лангобардов, которые захватили одну из неаполитанских крепостей, показала тот дух, который в более поздние времена поставил христианских прелатов во главе армий в кольчугах. Григорий был во всех отношениях твердым защитником и ревностным поборником папской власти. В один момент он участвовал в открытых военных действиях против императора, а в другой — руководил работой миссионеров и основанием монастырей. По его указанию Германию пересек горячий и набожный Бонифаций, а в Италии под его покровительством правило святого Бенедикта стало всеобщим каноном монашеских учреждений.

Понтификат Григория II длился шестнадцать лет, и его преемником стал священник с тем же именем, которого народ избрал под влиянием внезапного порыва, во время похорон предыдущего папы. Григорий III (731-741) в гораздо большей степени продолжил принципы, которыми руководствовался его предшественник. Не сумев ни убеждением, ни угрозами отвлечь императора Льва от энергичного преследования иконоборчества, он прибег к смелой мере, отлучив правителя от церкви, а затем сообщил знаменитому Карлу Мартелю о своей готовности провозгласить его консулом Рима при условии, что тот поможет ему отделиться от владычества империи. Лев возмутился поведением понтифика, лишившего его части доходов и отвергшего его легатов. Но шаг, который предпринял Григорий, привел к установлению папства на основе светской власти и величия. Для политиков церкви открылись новые карьерные возможности и новые мотивы для деятельности; и теперь римские епископы должны были бороться не с соперничающими прелатами, а с государствами и князьями. Отныне они должны были бороться за короны и скипетры, а их триумфы должны были быть не победами истины над ересью, а победами произвольного суеверия над свободной волей, естественными чувствами и евангельским знанием христианских народов.⁴

Это царство террора, известное как борьба иконоборцев, уже упоминалось в истории Византийской империи. Его можно также кратко описать здесь с указанием его последствий.

ДРЕЙПЕР О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИКОНОБОЛЬСТВА

Три причины привели к иконоборчеству, или восстанию против поклонения изображениям: во-первых, протесты и насмешки мусульман; во-вторых, здравый смысл великого правителя Льва Исаврийского, который благодаря своим заслугам поднялся из неизвестности и стал основателем новой династии в Константинополе; в-третьих, обнаруженная неспособность этих чудотворных идолов и фетишей защитить своих поклонников или самих себя от неверующего врага. Кроме того, среди более интеллигентных слоев населения постепенно укоренялось мнение, что религия должна освободиться от таких суеверий. Последствия действий Льва были настолько важными, что некоторые склонны были отнести к его правлению первую попытку подчинить политику теологии; и поэтому они относят к этому периоду начало Византийской империи. В течение ста двадцати лет шесть императоров посвятили себя этой реформе. Но она была преждевременной. Их победили народ и монахи, епископы Рима и суеверная и злая женщина.

Излюбленным аргументом против язычников было то, как мало их боги могли для них сделать, когда наступал час бедствия, когда их статуи и изображения оскорблялись и уничтожались; и отсюда следовало, насколько тщетно было такое поклонение, насколько немощны были такие боги. Когда Африка и Азия, полные реликвий и крестов, картин и изображений, пали перед мусульманами, эти завоеватели ответили той же логикой с немалым эффектом. Едва ли был хоть один из павших городов, который не имел бы какого-нибудь идола в качестве своего покровителя. Вспомнив суровые упреки пророка против этого смертного греха, запрещенного одновременно заповедью Бога и отвергнутого человеческим разумом, сарацинские халифы приказали уничтожить все сирийские изображения. Среди насмешек арабских солдат и слез испуганных верующих эти приказы были безжалостно выполнены, за исключением некоторых случаев, когда соблазн огромного выкупа заставил мстителей за единство Бога отступить от своего долга. Так, кусок льняной ткани, на котором, как считалось, отпечаталось лицо нашего Спасителя и который был палладиумом Эдессы, был увезен победителями при захвате этого города, а затем продан в Константинополь по выгодной цене в двенадцать тысяч фунтов серебра. Говорили, что эта картина, а также некоторые другие знаменитые изображения, обладали свойством размножаться при контакте с другими поверхностями, как в наше время мы размножаем фотографии. Таковы были знаменитые образы, «созданные не руками человеческими».

[726 г. н. э.]

В то время утверждалось, что непосредственной причиной иконоборчества был халиф Язид, который завершил уничтожение сирийских изображений, и два еврея, которые подтолкнули Льва Исаурийского к его делу. Как бы то ни было, Лев издал указ (726 г. н. э.), запрещающий поклонение изображениям. За этим последовал другой указ, предписывающий их уничтожение и забеливание стен церквей, украшенных ими. На это духовенство и монахи восстали; императора обвинили в том, что он мусульманин и иудей. Он приказал убрать статую Спасителя в той части города, которая называлась Халкопратия, и в результате начались беспорядки. Один из его офицеров взобрался на лестницу и ударил топором по лицу идола; это был инцидент, подобный тому, который произошел несколько веков назад в храме Сераписа в Александрии. Священный образ, который часто останавливал ход природы и совершал многие чудеса, теперь оказался неспособным защитить или отомстить за свою честь. Толпа женщин вмешалась в его защиту; они сбросили лестницу и убили офицера; беспорядки не прекратились, пока не были вызваны войска и не была совершена большая резня. Монахи распространили мятеж по всей империи; они даже попытались провозгласить нового императора. Леон повсюду осуждался как мусульманский неверный, враг матери Божьей; но с непоколебимой решимостью он оставался верным своему решению до самой смерти.^h

МИЛМАН О ИКОНОБОЙНИЦТВЕ

Иконоборчество было попыткой восточного императора изменить религию своих подданных своим произвольным приказом. Ни одна религиозная революция, начавшаяся с правительства, никогда не была успешной. Такие революции всегда начинались в средних или низших слоях общества, затрагивали какие-то отзывчивые струны симпатии в общественном мнении, удовлетворяли какие-то религиозные потребности, пробуждали религиозную энергию и потрясали инертную силу устоявшейся веры более сильными противоположными эмоциями.

Какими бы ни были мотивы императора Льва Исаврийского (и по этому вопросу, как и по всем религиозным спорам, где сочинения неудачной стороны были тщательно уничтожены или погибли из-за небрежности, подлинная история почти молчит), будь то грубая неприязнь к тому, что, пожалуй, еще трудно назвать изящными искусствами, с которыми ассоциировалось христианство, или духовное презрение и нетерпение по поводу унижительного суеверия, в которое так долго деградировала религия Евангелия (), эта попытка была столь же политически неразумной и несвоевременной, сколь деспотичными и совершенно несоразмерными целям были примененные средства. Время, когда императорский указ мог изменить или даже значительно повлиять на фактически господствующую религию империи, если оно и было когда-либо, прошло. Ведь речь шла не о спекулятивном предмете веры, не о вопросе высокой метафизической теологии, а о полном изменении всеобщего народного поклонения, духа и сущности, если не ежедневного ритуала, то бесчисленных обрядов и привычных практик поклонения. Он смел почти из всех церквей империи предметы, освященные поклонением и, как полагали, наделенные чудодейственной силой; предметы надежды и страха, благодарности и векового почитания. Он не просто вторгся в общественную церковь и оставил ее голые стены без каких-либо старых напоминаний о вере и благочестии; он проник в частные святилища молитвы. Никто не мог избежать запрета; ученые и необразованные, священники и крестьяне, монахи и солдаты, духовенство и миряне, мужчины, женщины и даже дети были вовлечены в эту борьбу. То, к чему привязывались их религиозные чувства, с чем были связаны их религиозные страсти, в любой момент могло быть насильно отнято, оскорблено, попрано; то, что было их гордостью и радостью, теперь можно было посещать только тайком, боясь быть обнаруженным.

Эта полемика не могла вылиться в полемические сочинения. Здесь было неизбежно реальное, личное, яростное столкновение человека с человеком, фракции с фракцией, вооруженных войск с вооруженными войсками. Противоборствующие стороны не нападали друг на друга взаимными анафемами, которые они могли бы презирать, или отлучением от церкви и встречным отлучением, действительность которых могла бы быть поставлена под сомнение любой из сторон. Для одной стороны было священным долгом уничтожать, калечить, разбивать на куски, осквернять предметы, на которые другая сторона так долго смотрела с глубокой преданностью и которые она могла считать столь же священным долгом защищать, жертвуя жизнью. Это был не спор, а вражда; не полемическая борьба, а настоящая война, объявленная одной частью христианского мира другой. Возможно, для христианского мира было хорошо, что стороны не были более равновесными; что, независимо от того, была ли она права или нет, одна из сторон в этом разделении христианского мира, где полная перемена означала бы почти полное истребление, одержала медленный, но полный триумф.^b

Затем Милман красноречиво призывает церковь поощрять изобразительное искусство, которое породило Рафаэля и Микеланджело, так же как греческая религия породила и использовала Фидию и Праксителя. Затем он переходит к описанию жестокости разногласий.^a

ВОЙНА ИКОНОБОРЦЕВ

[726-731 гг. н. э.]

В Греции и на Эгейских островах вспыхнуло грозное восстание. Был вооружен флот, провозглашен новый император Космас, а Константинополь оказался под угрозой со

стороны мятежников. Однако флот был рассеян и уничтожен кораблями, которые сбрасывали греческий огонь; восстание было подавлено, лидеры либо погибли, либо были казнены вместе с узурпатором. Монахи здесь и по всей империи, защитники этого и любого другого суеверия, были зачинщиками восстания. Немногие монастыри обходились без чудотворных икон; эдикт сразу же ударил по их влиянию, интересам, гордости, самым глубоким религиозным чувствам.

Но и более видные священнослужители сначала почти единодушно осудили императора. Константин, епископ Наколии, действительно, был заклеен как его советник. Другой епископ, Феодосий, сын Апсимара, митрополит Эфесский, упоминается как участник войны против икон. Но почти впервые епископы двух Римов, Герман Константинопольский и папа Григорий II, объединились в одном общем деле. Лев пытался привлечь Германа на свою сторону, но пожилой патриарх (ему было уже девяносто пять лет) спокойно, но решительно сопротивлялся аргументам, обещаниям и угрозам императора.

Но поведение Григория II, приведшее к более важным результатам, требует более тщательного изучения. Византийские историки представляют его как человека, который при первых признаках враждебности императора к поклонению образам приступил к прямому восстанию, запретив выплату дани итальянской провинцией. Это было выше сил, вероятно, выше мужества Григория. Великие результаты окончательного отделения Запада от неэффективной и бесславной власти Востока могли бы оправдать или смягчить, если бы он их предвидел, нелояльность папы Григория по отношению к Льву. Но было бы слишком высоко оценить его политическую и религиозную прозорливость, наделяя его даром амбициозного пророчества, предполагая, что он предвидел полное развитие латинского христианства, когда оно станет независимым от Востока.

Мозаика, изображающая временную и духовную власть Иисуса Христа

Как и большинство обычных умов, и если судить по его письмам, ум Григория был весьма обычным, он просто подчинялся обстоятельствам и страстям своего времени, не имея ни

малейшего представления о результатах своих действий. Письмо папы Григория императору (729 г. н. э.) является высокомерным без достоинства, догматичным без убедительности; в более сильной части аргументации оно значительно уступает, как по мастерству, так и по изобретательности, аргументации пожилого Германа или писателя, который руководил его пером. Странные ошибки в истории Ветхого Завета, еще более странные интерпретации Нового Завета, неточные легенды, выдвигаемые в качестве истории, дают очень низкую оценку знаниям того времени.

[731-742 гг. н. э.]

Когда Григорий направил это и второе письмо императору Льву, в Константинополе произошли беспорядки, которые стали первым публичным актом восстания против иконоборчества, но пожилой епископ Германус еще не был низложен со своего престола. Герман, обладая более спокойным нравом и более искусными аргументами, защищал образы Востока. Перед своей смертью (731 г.) он был смещен или вынужден уйти со своего престола. Скорее всего, он умер в мире; его преклонный возраст вполне может объяснить его смерть. Личное плохое обращение с ним со стороны императора является легендой более позднего времени, чтобы возвысить его до мученика.

Но эти два влиятельных прелата были не единственными защитниками своего дела, чьи сочинения произвели сильное впечатление на их эпоху. Примечательно, что самым уважаемым защитником икон на Востоке был не подданный императора, а мусульманский султан. Иоанн Дамаскин был известен как самый ученый человек на Востоке, и то, что сочинения, прославившиеся на всем Востоке, были написаны в одной из их столиц, Дамаске, может свидетельствовать либо о терпимости, либо о невежестве, либо о презрении мусульман к этим христианским спорам.

На Западе вся власть, почти все притязания на власть, за исключением Сицилии и Калабрии, исчезли вместе с Леоном;^[90] и эта независимость частично возникла из верной приверженности Запада поклонению образам и была неизмеримо укреплена ею.

КОНСТАНТИН КОПРОНИМ (741-775 гг. н. э.)

Преемником Льва стал его сын Константин. Имя, под которым был известен этот император, является вечным свидетельством ненависти большей части его подданных. Еще в детстве он, как полагали, проявлял естественное отвращение к святым вещам, а при крещении осквернил купель. Имя Константин Копроним звучало для греческих ушей как постоянная насмешка над его грязным и кощунственным характером.

Вступление Константина на престол (741 г.), хотя он уже двадцать лет был признан совместным императором со своим отцом, встретило огромное сопротивление. Борьба за трон была борьбой между двумя религиозными партиями, которые разделили империю. Во время отсутствия Константина, отправившегося в поход против сарацин, внезапное и опасное восстание возвело на престол его зятя Артавазда. Константинополь был захвачен партией узурпатора путем предательства. Город был склонен подчиниться Артавасдесу только благодаря слуху, усердно распространяемому и общепринятому, о смерти Константина. Император однажды оказался в опасности быть захваченным врасплох, но спасся благодаря скорости своих лошадей.

[742-746 гг. н. э.]

В столице, как и во всей Греции и европейской части империи, за триумфом Артавазда последовало восстановление икон. Анастасий, трусливый патриарх Константинополя, бывший рабом Льва, теперь стал рабом узурпатора и поклонялся иконам с тем же рвением, с каким он их уничтожал. Он был главным действующим лицом в обмане народа с помощью поддельных писем, в которых объявлялось о смерти Константина. Он с еще большей отчаянной безрассудностью вступил в партию Артавазда. Монахи и все, на кого они имели влияние, поддерживали узурпатора; но народные массы, из уважения к памяти Льва, из доверия к энергичному характеру Константина и привязанности к законной преемственности, из равнодушия или отвращения к иконопочитанию, все еще колебались и скорее подчинились, чем шумно радовались коронации Артавазда.

Но Константин Копроним унаследовал не только религиозные взгляды, но и мужество, военные способности и популярность в армии, которыми отличался его отец Лев. После ряда перипетий произошла битва под Анкирой, которая велась со всей жестокостью гражданской и религиозной войны. После упорного сопротивления () и перенесенных ужасов голода Константинополь был взят. Артавазд был наказан потерей глаз.

Константин был солдатом, несомненно, с жестоким нравом; ослепление и калечение многих, обезглавливание нескольких его врагов, предание домов граждан на разграбление его войскам были естественным ходом византийской революции; и эти жестокости, без сомнения, не утратили ничего в мрачных описаниях врагов императора, единственных историков того времени. Но они страдали как мятежники, восставшие против своего правителя, а не как поклонники икон. Судьба патриарха Анастасия была самой необычной. Ему выкололи глаза, его провели по городу на ослике, лицом к хвосту, и после всех этих увечий и оскорблений, к которым, учитывая его двуличие и наглую лживость, трудно испытывать большое сострадание, он был восстановлен в патриаршем достоинстве. Духовенство на Востоке никогда не обладало той личной святостью, которой в обычных случаях оно обладало на Западе; но мог ли Константин иметь в этом акте иную цель, кроме как унижение всего ордена в глазах общественности?

ТРЕТИЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СОБОР (746 г. н. э.)

[746-766 гг. н. э.]

В течение десяти лет Константин воздерживался от более решительных мер против поклонения образам. На десятом году правления Константина за границей распространились слухи о тайных соборах, созванных с целью полного уничтожения образов. Или император с великолепным тактом подготовил общественное мнение к этой великой перемене, или почитание икон было менее глубоко укоренилось на Востоке, чем на Западе, иначе трудно предположить, что столь большое число клириков, явившихся на Третий Константинопольский собор (746 г.), рабски согласилось бы с решительными мерами императора. Этот собор состоял из трехсот сорока восьми епископов.

Часть протоколов этого собрания сохранилась в записях конкурирующего собора, второго, состоявшегося в Никее. Отрывки цитируются в оригинальном тексте, за которым следует опровержение, одобренное, по-видимому, никейскими епископами. Константинопольский собор запрещает незаконное и богохульное искусство живописи. Отцы Константинополя, столь же смело, как и братья Никей, утверждают, что все изображения являются изобретением дьявола, что они являются идолами в том же смысле, что и идолы язычников. Они также не колеблются в том, чтобы приписывать своим противникам общность взглядов с худшими еретиками. Они считали, что поставили

поклонников изображений в безвыходное положение. Если художники изображали только человеческую природу Христа, они были несторианцами; если они пытались смешать ее с божественной природой, они были евтихианами, ограничивающими бесконечное и смешивающими две сущности. Было нечестием изображать Христа без его божественности, арианством — лишать его божественности, лишать его божественного начала.

Никейский собор признает полное единодушие Константинопольского собора. Эти 348 епископов единодушно провозгласили анафему всем, кто изображает воплощенное Слово материальной формой или цветами, кто не ограничивается чистым духовным представлением о Христе, сидящем, превосходящем по яркости солнце, по правую руку Отца; против всех, кто смешивает две природы Христа в одном человеческом образе, или кто отделяет человечество от Божества во второй ипостаси неделимой Троицы; против всех, кто не молит о заступничестве Богородицы в чистой вере, как о превыше всего видимого и невидимого; против всех, кто устанавливает глухие и безжизненные изображения святых, а не рисует живые подобию их добродетелей в своих сердцах. Все изображения, будь то статуи или картины, должны были быть насильно удалены из церквей; каждый, кто впредь будет устанавливать изображения, если он епископ или священник, должен быть низложен; если мирянин, то отлучен от церкви. Они приступают к проклятию по имени главных сторонников поклонения изображениям. «Анафема двуличному Герману, поклоннику дерева! Анафема Георгию (Кипрскому), фальсификатору традиций отцов! Анафема Мансару (так они называли известного Иоанна Дамаскина этим нехристианским именем), сарацину в сердце, предателю империи — Мансару, учителю безбожия, ложному толкователю Священного Писания!»

Таким образом, поклонение образам было запрещено собором, по крайней мере, по количеству голосов, в самых строгих и всеобъемлющих выражениях. Работа по разрушению была поручена имперским чиновникам; только со строгими предписаниями, которые, возможно, не всегда выполнялись, уважать сосуды, священнические одеяния и другую церковную утварь, а также крест, голый крест без каких-либо изображений. Распятие появилось позднее.

ВОЙНА С МОНАСТЫРЯМИ

[766-775 гг. н. э.]

Но если император и запугал, или купил, или вынудил к, казалось бы, добровольному согласию столь многочисленную группу восточного духовенства, то грозные монахи по-прежнему упорно и непримиримо противостояли его воле. Теперь фанатизм сталкивался с фанатизмом. Монахи повсюду проповедовали сопротивление императорскому указу, и их бурное и неукротимое поведение давало достаточно оснований для вывода, что, по крайней мере, их язык не знал границ. Стефан, великий мученик этой полемики, тридцать лет жил отшельником в пещере недалеко от Синопы.

Император послал патриарха, чтобы тот убедил его подписать указы Константинопольского собора. Красноречие патриарха было тщетным. Император либо разрешил, либо заставил пожилого монаха удалиться на дикую скалу Проконнеса, где, чтобы завершить свое святость, он встал на столб. Его последователи собрались вокруг него и построили свои кельи вокруг столба святого. Но рвение Стефана не могло быть ограничено этой узкой сферой. Он вернулся в город и, смело бросив вызов императорским приказам, осудил иконоборцев. Его схватили, бросили в тюрьму и там обращались с ним с необычайной жестокостью. Но даже там ревность его последователей нашла выход.

Константин воскликнул в приступе беспечной ярости: «Кто из нас с этим монахом является императором мира?» Слова императора были достаточны для некоторых из его раболепных придворных; они бросились, взломали тюрьму, с незаконной жестокостью вытащили старика на улицы и наконец бросили его тело в общую могилу общественных преступников.

Император принял теперь более суровое и отчаянное решение. Он решил искоренить само монашество. Монахи были изгнаны из своих монастырей, которые были отданы под светские и профанные нужды. Посвященные девы были вынуждены выйти замуж; монахи были вынуждены, держась за руки с женщинами, несомненно, не самого чистого характера, ходить по ипподрому под насмешки и оскорбления народа. По всей империи они подвергались незаконным преследованиям со стороны имперских чиновников. Их рвение или упрямство каралось бичеванием, тюремным заключением, калечением и даже смертью. Монастыри были разграблены, причем не скрупулезными или благоговейными руками; церкви, как говорят, были ограблены всех своих священных сокровищ, святые книги сожжены, а праздники и пиры осквернили самые святые святилища.

Множество людей бежало в соседние королевства менее безжалостных варваров; многие нашли убежище на Западе, особенно в Риме. Префект Фракии был самым услужливым исполнителем тирании своего господина. Сам патриарх был обвинен в неуважительном отношении к императору. Ему уже приходилось оправдываться за то, что он обвинил своего господина в несторианстве; теперь его обвинители поклялись на кресте, что слышали, как он беседовал с одним из заговорщиков. Константин приказал наложить императорскую печать на дворец патриарха и отправил его в изгнание.

За какое-то новое преступление, реальное или мнимое, изгнанный патриарх был возвращен в столицу, жестоко избит, так что не мог ходить, а затем перенесен на носилках и выставлен на всеобщее обозрение в большой церкви перед всем народом, собравшимся, чтобы услышать публичное зачитывание обвинений, выдвинутых против него, и увидеть его унижение. При каждом обвинении секретарь его преемника бил его по лицу. Затем его поставили на амвон, и пока Никита читал приговор об отлучении от церкви, другой епископ снял с него митрополичью мантию и, назвав его презрительным именем Скотиопсис, «лицо тьмы», вывел его из церкви задом наперед. На следующий день ему побрили голову, бороду и брови; и, как мы уже сказали, его посадили на осла и провели по цирку (его собственный племянник, уродливый, деформированный юноша, вел осла), а народ издевался, кричал и плевал на него. Затем его сбросили, растоптали и в таком состоянии он пролежал до окончания игр. Через несколько дней император послал требовать официального заявления о правоверности его собственной веры и авторитете собора. Бедняга признал и то, и другое самым полным образом; в награду он был обезглавлен, находясь все еще в состоянии отлучения от церкви, а его останки подверглись крайнему унижению.

Эта отвратительная сцена, возможно, очерненная сектантской ненавистью позднейших летописцев, которые все без исключения презирали иконоборчество, была подробно описана, чтобы более полно противопоставить ей положение епископа Рима. Это был второй патриарх Константинополя, с которым так варварски обошлись, и, по-видимому, без сочувствия со стороны народа; и теперь, в нарушение всех канонических правил, императорская воля возвысила евнуха до патриаршего престола. Неудивительно, что такие понтифики, как Григорий II и Григорий III, считали себя вправе сбросить иго такого правительства и с надеждой смотрели на власть менее варварских варваров севера — варваров, которые, по крайней мере, с большим уважением относились к достоинству священнического сана.

Если византийские историки, все поклонники идолов, и не преувеличили жестокость своего непримиримого врага Константина Копронима, то они, безусловно, не отдали

должное его благородным качествам, его доблести, неустанной деятельности, военному мастерству и общему управлению гибнущей империей, которую он сохранил нетронутой ни одним из ее грозных врагов и с помощью внушительных армий в течение тридцати пяти лет правления, не считая двадцати предыдущих, в течение которых он правил как соратник своего отца Льва. Константин умер во время похода против болгар от лихорадки, которая, по милосердному суждению его противников, дала ему предвкушение мучений ада. Его умирающие уста велели возносить молитвы и гимны Деве Марии, к которой он всегда испытывал глубочайшее почтение, что, по мнению его врагов, совершенно не согласовывалось с его враждебностью к ее священным образам.

ЕЛЕНА И ИРЕНА

[775-787 гг. н. э.]

Женщина была главной движущей силой великого преобразования христианства из чисто духовного культа в языческую форму религии, которая так быстро развивалась в последующие века; женщина была восстановительницей икон на Востоке, которые с тех пор, за небольшим исключением, сохранили свою святость. Первая из них, Елена, мать Константина Великого, была безупречной и набожной женщиной, которая использовала законное влияние своего положения, щедрость и власть над своим императорским сыном, чтобы придать той величественности, которая, по ее мнению, подобала новой религии; чтобы донести до мира все те волнующие символы, реликвии и священные памятники, которые, по ее мнению, были столь мощными в разжигании ее собственной преданности. Вторая, императрица Ирина, жена сына и наследника Константина Копронима, амбициозная, интригующая, высокомерная принцесса, никогда не теряла из виду политическую власть в разгаре своего религиозного рвения и в конце концов была виновна в самом ужасном преступлении против Бога и женственности.

Ирина, во время правления своего мужа Льва, прозванного Хазаром, не открыто проявляла свою склонность к поклонению образам, от которого она торжественно отреклась при своем тесте Константине. После его смерти (780 г.) она сразу же захватила власть от имени своего сына Константина, которому было всего десять лет. Ее ставленник, патриарх Тарасий, созвал собор по вопросу о поклонении образам.

Собор собрался в Константинополе (785 г.), но с армией и большей частью населения Константинополя иконопочитание утратило свою силу. Солдаты, привязанные к памяти и учению Константина Копронима, ворвались в собрание и рассеяли испуганных монахов и епископов.

ВТОРОЙ НИЦЦАЙСКИЙ СОБОР (787 г. н. э.)

[787-842 гг. н. э.]

Никея была выбрана для проведения собора, несомненно, из-за почитания, которым пользовался этот город, освященный заседаниями первого великого собора христианского мира. Декреты, изданные в Никее, обладали особой силой и авторитетом; кроме того, этот небольшой город мог быть занят войсками, на которые императрица могла положиться, а тем временем Ирина сумела распустить наиболее непокорных солдат. Таким образом, в то

время как болгары угрожали одной границе, а сарацины — другой, она пожертвовала безопасностью империи, распустив свою лучшую армию, ради успеха своих религиозных замыслов.

Собор собрался в Никее. Число духовенства варьируется от 330 до 387 человек. Среди них было не менее 130 монахов или аббатов, помимо многих епископов, которые были изгнаны из своих епархий как монахи и теперь были восстановлены в должности. Они отвергли так называемый Константинопольский собор как синод глупцов и сумасшедших, которые осмелились нарушить установленную дисциплину церкви и безбожно поносили святые образы. Они обрушили свои анафемы на все действия, все слова, всех лиц, участвовавших в этом нечестивом собрании.

Отцы Никейского собора подорвали сомнительное дело чудовищными баснями, которые они приводили, нелепыми аргументами, которые они использовали, и безмерными нападками на своих противников. Одним голосом они разразились длинной акламацией: «Мы все верим, мы все согласны, мы все подписываемся. Это вера апостолов, это вера церкви, это вера православных, это вера всего мира. Мы, поклоняющиеся Троице, поклоняемся образам. Кто не делает того же, на того анафема! Анафема всем, кто называет образы идолами! Анафема всем, кто общается с теми, кто не поклоняется образам!»

Среди возгласов и анафем, которые завершили Второй Никейский собор, громко раздавались приветствия и молитвы о мире и благословении нового Константина и новой Елены. Прошло несколько лет, и этот Константин был ослеплен, если не убит, своей неродной матерью, которую религиозная фракция возвысила до образца христианской добродетели и преданности.

Спор затих во время правления Никифора и Михаила, прозванного Рангабе. В течение всего этого периода монахи, по-видимому, образовали независимую силу (несомненно, возникшую и поддерживаемую их защитой идолопоклонства) и диктовали свою волю императору и даже церкви. С другой стороны, среди солдат слышались глубокие, но сдерживаемые ропоты привязанности к памяти Константина Копронима. На престол взошел Лев Армянин.

Как Ирина продвинула Тарасия, так и Лев возвысил своего домашнего слугу Феодота Касситера на патриарший престол. Иконопочитание было вновь запрещено императорским указом. Говорят, что поклонники икон подвергались безжалостным преследованиям, а Лев, согласно тогдашней терминологии, обвинялся в том, что проявлял всю кровожадность льва, но не его великодушие. Однако никаких насильственных народных волнений не произошло, и заговор, который впоследствии прервал дни правления Льва Армянина, по-видимому, не был связан с междоусобицами религиозных фракций. Какие бы надежды ни питали духовенство, по крайней мере поклонники икон, или монахи, после убийства Льва, которое они без колебаний объявили знаком божественного недовольства иконоборцами, они были разочарованы вступлением на престол Михаила Заики. Он благоволил к евреям в вопросе взимания дани (возможно, он был виновен в том, что относился к ним справедливо), постился в еврейский шаббат, сомневался в воскресении мертвых и личности дьявола, поскольку это не было разрешено религией Моисея. К иконопочитанию он относился с презрительной беспристрастностью. На большом общественном собрании (созванном специально для этой цели) он провозгласил, что поклонение иконам — дело совершенно безразличное.

Феофил не мог не заметить неудачу и презирал политику умиротворения своего отца, который пытался терпеть монахов, одновременно препятствуя поклонению иконам. Он объявил о своем намерении искоренить и то, и другое сразу. Лев Армянин и Михаил Заика пытались ограничить почитание икон; Феофил запретил изготовление новых и приказал, чтобы во всех церквях их удалили, а стены покрыли изображениями птиц и зверей. Священные сосуды, украшенные фигурами, были осквернены нечестивыми руками, проданы на публичных рынках и переплавлены на металл. Тюрьмы были полны художников, монахов и священнослужителей всех орденов. Монахи, изгнанные из своих монастырей, бежали в пустынные места; некоторые погибли от холода и голода, некоторые сбросили запрещенную одежду, но сохранили священный характер и привычки; другие воспользовались возможностью вернуться к удовольствиям и одежде мирской жизни.

История иконоборчества отличается удивительной однородностью: появление новой женщины у власти — восстановление икон. После смерти Феофила его вдова Феодора управляла империей от имени своего юного сына Михаила, прозванного впоследствии Пьяницей. Феодора, как и ее мать Феокиста, всегда поклонялась иконам в частном порядке. Как только Феофил умер, монахи, несомненно знавшие о тайной привязанности Феодоры к иконам, хлынули в Константинополь со всех сторон. Теперь она решила послать дворцового чиновника, чтобы приказать патриарху Иоанну Грамматику либо отречься от своих иконоборческих взглядов, либо покинуть Константинополь. Патриарха обвинили в жалкой уловке. Он вскрыл вену в области живота и показал народу, что он ранен и истекает кровью. Распространился слух, что императрица пыталась убить патриарха. Но обман был раскрыт, разоблачен и признан. Смущенный патриарх, не вызвав сочувствия и вызвав презрение, удалился в пригород (842 г.). Методий был возведен в сан патриарха. Поклонники икон торжествовали.

Но Феодора, все еще нежно привязанная к памяти своего мужа, потребовала в качестве платы за свои неоценимые услуги по восстановлению икон отпущения греха его иконоборчества и преследования поклонников икон.

Теперь все было легко; фанатизм иконоборчества иссяк или был порицаем. Был назначен торжественный праздник в честь восстановления икон. Все духовенство Константинополя и все, кто мог собраться из окрестностей, собрались в дворце архиепископа и перед ним и прошли процессией с крестами, факелами и ладаном к церкви Святой Софии. Там их встретили императрица и ее маленький сын Михаил, 19 февраля 842 года. Они обошли церковь с горящими факелами, поклоняясь каждому изображению и картине, которые были тщательно восстановлены, чтобы никогда больше не быть уничтоженными до прихода более страшных иконоборцев, османских турок.

С тех пор греческая церковь с преданной верностью отмечает годовщину этого праздника. Преемники Мефодия, в частности ученый Фотий, были только ревностны в том, чтобы завершить дело своих предшественников, и изображения стали частью признанного религиозного поклонения восточного мира.^{[b](#)}

СНОСКИ

[84] Феликс III, если антипапа Феликс (356 г. н. э.) считается Феликсом II.

[85] [Должность, на которую Григорий I был внезапно возведен в 590 году, включала в себя три следующих отдельных достоинства. Во-первых, она включала в себя фактическую епископскую власть над городом Римом; церковь Святого Иоанна Латеранского с ее гордой надписью: *Omnium Urbis et Orbis Ecclesiarum Mater et Caput* — являвшуюся кафедральным собором; и прилегающий Латеранский дворец, который, согласно традиции, был подарен Константином Сильвестру I и являлся местом его проживания. Во-вторых, она включала митрополичье или архиепископское управление римской территорией с юрисдикцией над семью суффражными епископами, впоследствии названными кардиналами-епископами: епископами Остии, Порты, Сильвы Кандиды, Сабины, Пренесте, Тускулума и Альбанума. В-третьих, она включала патриарший надзор за пригородными провинциями, которые находились под политической юрисдикцией *Vicarius Urbis*, а именно: Кампания, Тоскана с Умбрией, Пиценум, Валерия, Самниум, Апулия с Калабрией, Лукания с Бруттиумом — короче говоря, верхняя Италия вместе с тремя островами Сицилия, Сардиния и Корсика. Как патриарх, римский епископ стоял наравне с четырьмя великими патриархами Востока — Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима; однако он пользовался привилегией чести и занимал единственное место на Западе, в то время как четыре патриарха делили между собой первенство на Востоке, и его юрисдикция часто, казалось, распространялась на районы, где он не имел права юрисдикции. Ведь викариат Рима был лишь одним из четырех викариатов, на которые была политически разделена великая префектура Италии; другими викариатами были северная Италия с центром в Милане, западная Иллирия со столицей в Сирмиуме и западная Африка со столицей в Карфагене. Галлия, Испания и Британия были настолько далеки от принадлежности к викариату Рима, что вместе составляли отдельную префектуру, известную как префектура Галлии. Тем не менее, со временем все эти районы были включены в патриархат Рима, как, впрочем, и вся Западная Европа, постепенно попадая под влияние христианства.⁴]

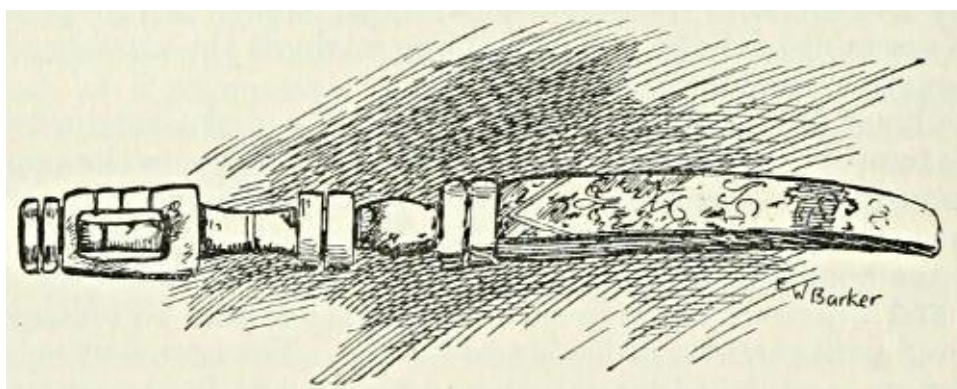
[86] Абсурдная история о рыбных прудах Григория, вымощенных черепами утонувших младенцев римского духовенства, запомнилась лишь как пример того, во что верят историки и в чем убеждают себя, когда это отвечает интересам их партии. Но кем и когда она была придумана? Она гораздо старше Реформации.

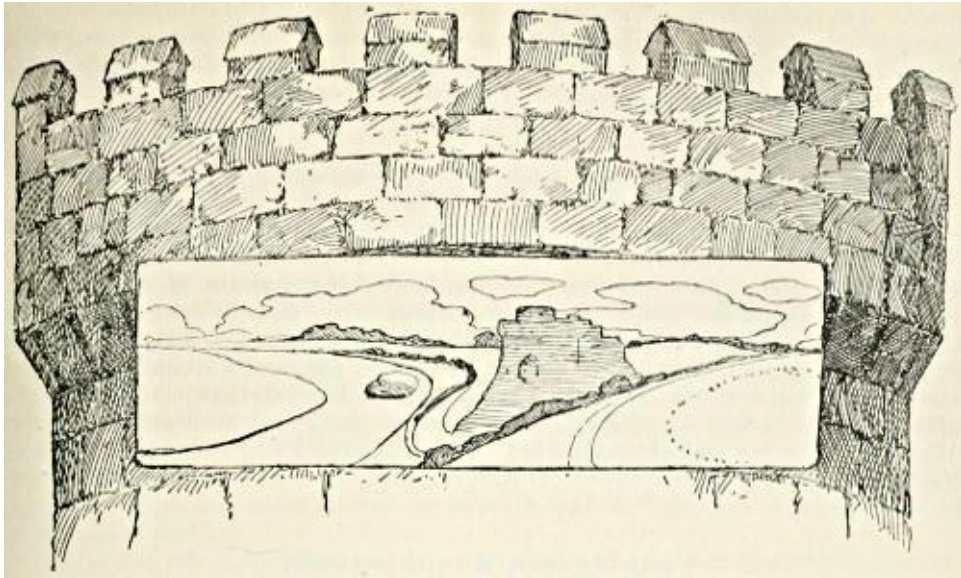
[87] [Монофелитизм, или единство воли, является противоположностью «диофелитизма», или двойственности воли, как отличие божественного и человеческого аспектов Христа. Монофелитизм возник при Сергии.]

[88] [Собор, состоявшийся в *трулле* или купольном зале императорского дворца в Константинополе. Собор, о котором здесь идет речь, — это Квиниксектский собор 692 года, называемый Вторым Трулльским собором, первым из которых был собор, осудивший монофелитские взгляды (681 год).]

[89] [Гиббон⁴ называет его «основателем папской монархии».]

[90] Лев умер в июне 741 года. Григорий III — в том же году.

ГЛАВА II. «НОЧЬ ПАПСТВА» — ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО ОТТОНА ВЕЛИКОГО

[740-985 гг. н. э.]

С Востока, неспособного оказать помощь, из империи, рушащейся под тяжестью собственного величия, Григорий III отвернулся и обратил свой взор на молодое величие трансальпийской нации — франков — храбрых, предприимчивых, полных обещаний, успешных в войне и обреченных на будущее величие. Григорий II уже установил связи с Карлом Мартеллом, мэром дворца и фактическим правителем франкского королевства. К Карлу Мартелю, его преемнику, Григорий III вновь обратился, когда после восьми лет сомнительного мира он внезапно оказался вовлеченным в открытую войну с лангобардами. Его обращение действительно трогательно: «Его слезы льются днем и ночью из-за бедственного положения церкви; король лангобардов и его сын разграбляют последние остатки церковного имущества, которого уже не хватает для содержания бедных или для освещения ежедневных богослужений; они вторглись на территорию Рима и захватили все его фермы; его единственная надежда — своевременная помощь франкского короля». Этот призыв был еще более усилен сопровождавшими его подарками — мистическими ключами от гробницы святого Петра и опилками от его цепей, которым ни один христианин не мог противостоять. Был предложен титул патриция и консула Рима, и Григорий, как и следовало ожидать после таких подарков, получил вежливый ответ, и в имперский город было отправлено посольство.

[741-754 гг. н. э.]

Невозможно сказать, каким был бы результат переговоров между папой и послами, если бы они продолжались. Однако они были прерваны смертью обоих правителей: Карла Мартелла в октябре и Григория III в ноябре того же года. Тем не менее, эти переговоры стали прелюдией к последующим переговорам, которые Пепин Короткий, сын Карла Мартелла, вел с папой Захарием (Захарием), преемником Григория III; и на этот раз переговоры привели к важнейшим результатам.

При избрании Захарии обычная форма получения согласия экзарха была отменена и больше никогда не восстанавливалась. С этого момента папы можно считать независимыми от Восточной империи; с этого момента начинается их связь с Западом; с этого момента они больше не занимают исключительного церковного положения, а папство становится политическим герцогством. После Шестого Вселенского собора они заявили о своем праве на титул «вселенского священника» и вскоре подтвердили это право, подчинив себе последнего из великих архиепископов Запада. После обращения к Карлу Мартелю и независимого избрания Захарии они стали стремиться к политическому суверенитету.^b

ОБРАЩЕНИЕ К ФРАНКАМ

Захария, убежденный в преимуществах, которые Рим мог извлечь из тесного союза с растущей мощью франков, внимательно следил за интересами мэров дворца; и именно по его предложению нация в конце концов присвоила этим влиятельным чиновникам титулы и привилегии королевской власти. Ломбардские князья относились к нему с соответствующим почтением. Лютпранд, чье правление длилось более тридцати лет, отличался благочестивым соблюдением принципов церкви. Милосердие понтифика было равно его талантам, и рабы, которых Венеция предлагала маврам, были выкуплены его агентами и освобождены.

Стефан II,¹⁹¹ который в следующем занял папский престол, с самого начала своей карьеры был вынужден терпеть беспорядки и опасности внутренних войн. Айстульф, новый король лангобардов, унаследовал дух своих самых ранних предшественников, и для того, чтобы навсегда положить конец правлению греков в Италии, требовалось лишь появление такого лидера, как Айстульф. Но лангобардский монарх не удовлетворился захватом Равенны. Он напал на герцогство Римское и земли церкви, и Стефан не смог ни самыми торжественными протестами, ни предложениями денег убедить завоевателя отвести свои войска. В этой ситуации, когда лангобарды потребовали в качестве платы за свою безопасность дань, которую жители Рима считали невозможной для уплаты, понтифик послал послов в Константинополь с просьбой о помощи императора, но его просьбы были проигнорированы. Он обратил свой взор на Францию, где Пепин, отец героического Карла Великого, стоял во главе народа, столь же воинственного, как лангобарды, и столь же склонного к союзу с Римом, как захватчики — к его разрушению.

[754-755 гг. н. э.]

В Рим были отправлены послы, чтобы договориться с лангобардами о безопасном проезде Стефана во Францию, и эти переговоры едва ли могли провалиться в руках могущественного правителя, который их вел. Папа быстро отправился к новому покровителю церкви. Он явился со всеми своими спутниками перед монархом, одетый в вретище и пепел, и, пав на колени, умолял его, по милости Божьей и заслугам святых Петра и Павла, избавить Рим от опустошения лангобардами. Пепин в ответ пообещал удовлетворить просьбу понтифика и быстро выполнил свое обещание, заставив врага отступить и запереться в единственном городе Павия. Айстульф, оказавшись в таком положении, согласился на условия, предложенные его завоевателем, и французская армия была выведена. Но едва они покинули этот район, как он с новой силой возобновил нападения, опустошил окрестности Рима огнем и мечом и в конце концов разбил лагерь перед воротами самого города. Понтифик вновь обратился с настоятельным призывом к своему покровителю. Он продиктовал письмо от имени апостола Петра, тщательно

имитируя его послания и используя язык, подразумевающий, что он обладает властью помазывать или свергать королей и выполнять функции не посланника, а учителя, посланного Богом, что является высшей характеристикой апостола, а делегированного министра его власти и справедливости.

Французский монарх был побужден оказать понтифику немедленную помощь, и Айстульф был быстро лишен плодов своих многочисленных походов. Теперь встал вопрос, кому по праву должна принадлежать область, из которой был изгнан лангобард; и прежде чем этот вопрос мог быть решен, появился посланник греческого императора, чтобы потребовать для своего господина восстановления территории, которую он так полностью оставил на произвол судьбы. Но Пепин был слишком политичен и слишком сознавал свою власть, чтобы прислушиваться к таким требованиям; и, отправив своего главного советника, аббата Фульрада (Фольрада), для проведения инвеституры, он предоставил Стефану и его преемникам навечно неделимую власть над завоеванной территорией.

Так началось светское господство епископов Рима — событие, которое знаменует собой отдельный период в истории папства, но значение которого, как нам кажется, было несколько переоценено. Власть, благодаря которой понтифики приобрели огромную империю в умах людей, мало или вовсе не зависела от влияния, которым они обладали как князья; она продолжала расти, пока не достигла самых границ цивилизации, в то время как их небольшое сеньориат оставалось ограниченным в самых узких пределах; и она пришла в упадок и стала почти номинальной, в то время как их права как суверенов продолжали признаваться всеми государствами Европы. С точки зрения богатства, вполне уместно задаться вопросом, могли ли они извлечь какую-либо выгоду из приобретения, которое обязывало их содержать на своей службе армию, поддерживать бесчисленную свиту посланников и представителей и заниматься всеми дорогостоящими искусствами дипломатии с монархами стран, сокровища которых постоянно пополнялись трудом и торговлей их народов.

Их новое господство было столь же маловыгодно для их достоинства. Папа был первым среди духовных правителей человечества, но почти самым низким из светских князей. Как глава церкви, он был почитаем всеми ассоциациями и многими высшими санкциями религии; как преемник экзархов Равенны, он был зависим от каждого князя, имевшего в своем распоряжении армию, и был лишь одной из мелких фигур в списке мелких правителей, которые считались уравнивающим фактором в балансе сил. В каких бы замыслах он ни участвовал как высший одаренный служитель Бога, он мог апеллировать к сердцам и сознанию людей; мог поколебать уверенность самых могущественных и объединить самые противоположные элементы общества для достижения своей цели; любые попытки, которые он предпринимал в своем мирском качестве, требовали поддержки мельчайшими уловками тайной политики, хитростями и обманом, которые со временем сделали действия римского двора proverbial как примеры хитрости и двуличия.

[755-775 гг. н. э.]

Стивен умер после короткого, но насыщенного событиями пятилетнего понтификата, и его преемником стал его брат Павел (756 г. н. э.). Греки по-прежнему продолжали заявлять о своих притязаниях на власть в Италии, и римский понтифик, несмотря на тщетность их претензий, не осмеливался сразу отказаться от видимости верности. С другой стороны, лангобарды не проявляли особого желания соблюдать договор, заключенный с церковью. После смерти Павла начались беспорядки, столь же опасные для государства, сколь и для авторитета папства. Тотона, богатый и влиятельный дворянин, решил возвести своего брата Константина на вакантный престол, и Константин удерживал узурпированную власть

почти год. Тогда большая часть духовенства и народ предприняли решительные усилия, чтобы восстановить свои ущемленные права на избрание. Понтифик был схвачен и лишен зрения. На престол вступил новый папа.

Стефан III пользовался своими почестями около четырех лет, а затем уступил их Адриану I. Ломбарды по-прежнему давили на границы Рима. Кроме того, именно в этот период спор с иконоборцами достиг наивысшей степени остроты, и Адриан был вынужден применить всю свою мудрость, чтобы справиться с опасностями, которые это влекло за собой. Меры, принятые императрицей Ириной, были столь же неблагоприятны для его взглядов, сколь и жестоки и несправедливы сами по себе. Иконоборцы были ему столь же ненавистны, как и ей; они были столь же противоположны системе, которую он стремился установить, как и ее узурпации и тирании. Поэтому, хотя он и выражал свои сомнения относительно правомерности посвящения нового патриарха и проявлял значительную нерешительность в признании Второго Никейского собора, он не пытался оказывать энергичного сопротивления вторжению тех правил, которые были нарушены в ее действиях. Установление поклонения иконам обещало более благоприятные для его общих интересов последствия, чем захват власти Тиресием, а его покровительница оскорбляла его непосредственные чувства. Но теперь церковь должна была получить поддержку князя, характер и обстоятельства которого в равной степени предназначали его быть ее защитником.^c

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ПАПА

[775-776 гг. н. э.]

Эйнхард¹ (Эйнхард), биограф Карла Великого, сообщает нам, что между этим монархом и папой Адрианом I существовала самая тесная дружба. В сохранившейся переписке между ними мы находим самый свободный обмен мнениями и чувствами как по политическим, так и по церковным вопросам. В точном соответствии с политикой своих предшественников Адриан считал франкского монарха заветным защитником Святого Престола и его владений и в этом качестве обязанным взыскивать для него все долги, которые папа сочтет целесообразным требовать как «справедливое вознаграждение». Так, когда Лео, архиепископ Равенны, отказался отказаться от своих митрополичьих прав над некоторыми районами, которые, как утверждалось, входили в дар Карла Великого, папа выразил свою озабоченность по поводу присутствия и поддержки своего друга и защитника. Кроме того, Адриан () подозревал королевских *миссионеров*, или уполномоченных, в сговоре с вассальными герцогами Беневенто и Сполето в ущерб Святому Престолу; и, будь то на основании достоверной информации или с целью насторожить своего корреспондента о безопасности своих итальянских завоеваний, он преувеличил жалобы на эти сделки, превратив их в преступный заговор против короны. Он сообщил королю, что восстание было запланировано на март следующего года (776 г. н. э.); что Адельхис (Адальгис), сын Дезидерия, плененного короля лангобардов, должен был появиться на побережье с греческим флотом; что Рим должен был быть атакован как с моря, так и с суши, церкви должны были быть разграблены, папа должен был быть увезен в плен, а лангобардская династия должна была быть восстановлена.

Не было недостатка и в других мотивах, побуждавших Карла Великого совершить второй военный поход в свои недавно приобретенные владения в Италии. Стало необходимым принять немедленные меры для раскрытия давно подозреваемого заговора между его недовольным подданным, герцогом Тассило Баварским, и сторонниками покойной

династии. Поэтому зимой 776 года он пересек Альпы во главе многочисленной армии; герцог Фриули, который, по-видимому, играл главную роль в заговоре, был изгнан из своего герцогства; и вскоре присутствие завоевателя, по-видимому, развеяло все опасения дальнейшей опасности как для церкви, так и для государства. Папа выразил удовлетворение результатом и с большой теплотой и сердечностью поблагодарил за оказанную защиту.

ДАРОВАНИЕ КОНСТАНТИНА

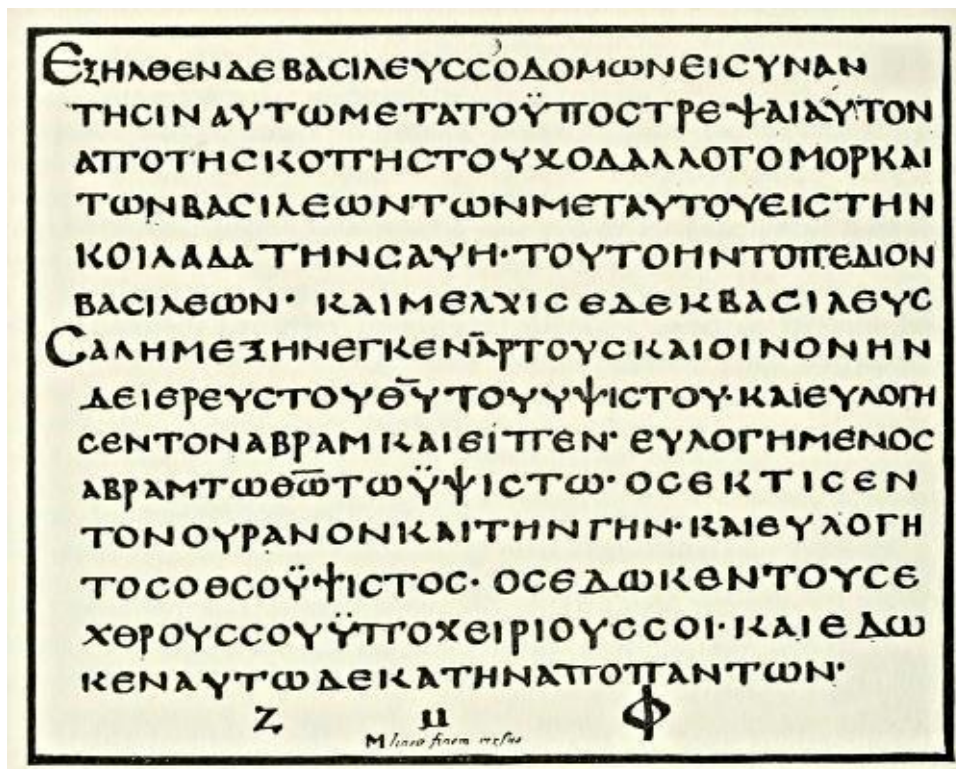
[776-780 гг. н. э.]

Однако, по-видимому, этого было недостаточно для удовлетворения требований папы. Был обнаружен другой, отличный от предыдущего, титул, дававший почти императорскую власть. Теперь, впервые за четыре с половиной века, выяснилось, что все, что Пепин или Карл Великий передали римской церкви, было лишь незначительной частью того более обширного владения, которое первоначально было передано престолу Петра «благочестивым императором Константином».

Выражения, использованные папой для обозначения масштабов этого предполагаемого дара, не лишены неопределенности и двусмысленности. Дарование «верховой власти над всей западной областью», якобы предоставленное Константином Великим, должно было охватывать гораздо больше, чем территории, переданные по актам Пепина и Карла Великого. Таким образом, подразумевается, что, хотя эти князья и поступили щедро по отношению к церкви, они, тем не менее, не выполнили бы свой долг до конца, пока не передали бы в собственность все, что было включено в первоначальный акт дарения. Карл Великий, по-видимому, должен был считать себя простым исполнителем воли своего предшественника Константина Великого; и в этом качестве он, очевидно, должен был занимать гораздо менее почетную позицию, чем в качестве добровольного покровителя и благодетеля.

Фиктивное дарение было представлено ему как абсолютное по своим условиям; поэтому оно сразу же освобождало имущество, переданное в соответствии с его положениями, от всех сборов, пошлин и условий, которые могли быть предъявлены рукой, через которую оно перешло к законному владельцу. Было явно намекнуто, что его прошлые заслуги были приняты папой во внимание при определении его обязательств на будущее; что он должен меньше думать о предоставленных им льготах, чем об обязанностях, которые он по праву может быть призван выполнять; и что до тех пор, пока хотя бы одна часть бесконечного долга, возложенного на него его великим завещателем, остается невыплаченной, он должен считать себя должником Бога и Святого Петра за все.

Было бы несправедливо предполагать, что наглая подделка, впоследствии известная под названием «*Дарение Константина*», уже нашла свое место в архивах Латеранского дворца или что она была включена в число документов, которые папа поручил своим посланникам представить Карлу Великому. Но среди множества нетерпеливых исследователей нужная вещь обычно находится достаточно близко под рукой для менее щепетильных из них. Во время правления папы Адриана I стремление к территориальным приобретениям было стимулировано успехом до такой степени, которая едва ли имеет себе равных в истории светских амбиций. В такой обстановке легкая как перышко традиция могла служить хорошим основанием для самых экстравагантных претензий, а фабрикация внешних доказательств того, что уже было зафиксировано в сознании людей как достоверный факт, могла казаться просто простительной уступкой естественной приверженности человечества обычным и привычным способам доказательства.

Очень древняя греческая рукопись Книги Бытия, подаренная королевой Елизаветой сэру Джону Фортескью

Кратковременный визит Карла Великого в Италию в 776 году, по-видимому, на время развеял опасения папы. Четыре года спустя перерыв в войне на его саксонской границе и временное подчинение его буйного вассала Тассило Баварского позволили Карлу Великому уделить время урегулированию запутанной ситуации в Италии. Вероятно, он был заинтересован в том, чтобы лично ознакомиться с причинами существующих беспорядков, а также получить объяснение прерывания гармоничных отношений с папой, которого он искренне уважал и был готов поддерживать. Однако критическое положение на побережьях и границах, как его описал ему Адриан, по-видимому, не произвело на него серьезного впечатления. Военные приготовления не считались необходимыми, и в й зиме 780 года Карл Великий в сопровождении своей супруги Хильдегарды, двух маленьких сыновей Карломана и Людовика и без какого-либо сопровождения, кроме своих обычных домашних войск и последователей, пересек Альпы и вступил в Италию. Летописцы того времени описывают эту экспедицию как паломничество.

ТРЕТЬЕ И ЧЕТВЕРТОЕ ВХОЖДЕНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО В ИТАЛИЮ

[780-786 гг. н. э.]

Весной 781 года Карл Великий в третий раз прибыл в Рим, где отпраздновал великий праздник Пасхи. По этому случаю папа Адриан даровал право крещения двум молодым принцам, изменив имя старшего с Карломана на Пепин в честь его деда; и в тот же момент он короновал старшего «королем лангобардов», а младшего (Людовика) — королем Аквитании. Король принял эту честь, вероятно, даже просив о ней, без каких-либо опасений относительно выводов, которые могли бы быть сделаны из этого или из прошлых проявлений подобного рода снисходительности. Карл Великий никогда не стеснялся использовать церковь или понтифика для достижения своих политических целей, и теперь

он обратился к Адриану с просьбой поддержать протесты, которые он считал необходимым высказать своему племяннику Тассило, с помощью его духовного авторитета.

Карл Великий не мог не признать, что он был в большом долгу перед церковными деятелями за их усилия по умиротворению его саксонских завоеваний; и в благодарность за это сотрудничество он не был склонен отказывать своим духовным союзникам в значительной доле в плодах победы. Но осознание нынешней власти исключало любые мрачные прогнозы на будущее. В конце концов, церковь была в его руках не более чем инструментом для достижения его целей; мысль о том, что она когда-нибудь станет его госпожой, была далека от его сознания; и неудивительно, что он отождествлял ее интересы с интересами своего правительства в духе благодарности, которая впоследствии могла принять форму почитания, очень способствующего прогрессу иерархических притязаний.

Обе стороны в основном были склонны рассматривать друг друга как средства и инструменты для продвижения своих отдельных интересов. Но отсутствие какой-либо реальной взаимности в условиях договора не могло не проявиться очень скоро. Папа не мог предоставить никаких материальных выгод, соизмеримых с жертвами, которые монарх был вынужден постоянно приносить, удовлетворяя ненасытную жажду Святого Престола к существенному увеличению доходов, дорогостоящей поддержке и обременительной защите, которые он, как считалось, обязался обеспечить. Такое понимание могло продлиться только до тех пор, пока одна или обе стороны руководствовались скорее религиозными, чем чисто эгоистическими мотивами. Взгляды папы Адриана не имели ничего общего с подлинно религиозным характером; его переписка является лишь эхом одного-единственного пронзительного крика «еще». «Дайте, предоставьте, наделите, восстановите, и благословенный Петр непременно пошлет вам победу и процветание». Такова суть папских обращений с момента зарождения до завершения союза. Определенное совпадение интересов, подкрепленное религиозным и лояльным характером Карла Великого, до сих пор укрепляло союз; но, хотя результат мог быть упущен из виду, ясно, что как только эти интересы расходились или переставали существовать, не оставалось ничего, что могло бы помешать им впасть в непримиримую оппозицию. Даже в этот период кажущегося согласия и сердечности можно обнаружить некоторые признаки такого расхождения.

[786-795 гг. н. э.]

В 786 году Карл Великий в четвертый раз посетил Рим; и после выполнения обычных обрядов поклонения в главных святынях и церквях (), он приступил к задаче принудить непокорного герцога Беневенто к повиновению. Компромисс был достигнут без труда; Карл Великий принял обновленные клятвы верности герцога и его вассалов и увез с собой Гримвальда (Гримоальда), второго сына Арихиса (Аригиса), в качестве залога будущего повиновения герцога и его подданных. Никакого внимания не было уделено папским претензиям на территорию Беневенто, и папа Адриан в очередной раз видел, как его королевский покровитель уезжает, не достигнув цели, которая была ему наиболее близка. В течение остальной части своего понтификата мы не обнаруживаем никаких дальнейших попыток со стороны папы реализовать свой любимый проект расширения владений. Временное охлаждение отношений, последовавшее за поражением калабрийских греков, не привело к реальному отчуждению между ним и его великим покровителем; и Адриан умер (795 г.) в полном доверии и уважении Карла Великого.

В конце правления Карла Великого владения римской церкви можно было отождествить с существующими географическими границами: (1) В силу права или претензии на право, возникшей до дарения Пепина, понтифики осуществляли светскую юрисдикцию над городом и герцогством Римским, как оно существовало под властью Византии, включая, насколько это можно сейчас установить, современный район, известный под названием «Патримониум Пропер», вместе с большей частью, если не всей Кампаньей-ди-Рома, простирающейся на юг до Террачины. (2) Благодаря дарениям Пепина и Карла Великого римская церковь получила в свое владение город и экзархат Равенны, включая современные легации Болоньи, Романьи, Урбино и Феррары, а также герцогства Пармы и Модены и часть венецианской терра-фирма у устья По.

Но эти обширные территории рассматривались папами лишь как часть их притязаний в соответствии с договорами Понтиона и Кьери и дарением Карла Великого. Эти притязания распространялись на острова Корсика и Сардиния, все герцогства Беневенто и Сполето, а также все остальные владения византийцев в южной Италии, включая обе Калабрии и соседний остров Сицилия; таким образом, в совокупности составляя почти всю Италию к югу от реки По, простираясь оттуда вдоль восточного склона Апеннин до самой южной границы современного великого герцогства Тоскана, а оттуда расширяясь по всей ширине полуострова до крайних побережий, охватывая все крупные прилегающие острова и территорию Истрии на северо-восточном побережье Адриатического моря. Папа Адриан I скончался 26 декабря 795 года, после необычайно долгого понтификата, длившегося двадцать три года и более. Когда Карл Великий узнал о его кончине, он, как говорят, плакал о нем, как о брате.

[795-800 гг. н. э.]

Во время первого визита Карла Великого в Рим (774 г.) папа Адриан присвоил ему титул и достоинство патриция, или официального защитника и покровителя Святого Престола. Когда вскоре после смерти этого понтифика в 795 году Лео, архипресвитер церкви Святой Сусанны, был избран на вакантный престол под именем Лео III, новый папа поспешил возобновить патент на патрициат, как если бы это была должность, истекающая со смертью того, кто ее предоставил. Учитывая состояние дел между ним и королем в тот момент, можно с уверенностью заключить, что папа желал, чтобы королевский патриций считал себя генерал-капитаном церкви и в этом качестве имел право на военную службу ее подданных, когда церковь призывала их вмешаться для защиты своих мирских прав. Но поступок папы Льва III, который возложил на его подданных военные обязательства перед чужеземцем, был рассчитан на то, чтобы породить серьезные недоразумения. Феодальный принцип, который в то время быстро распространялся в европейской политике, не делал различия между гражданским и военным подчинением, и клятва римлян защитнику могла быть легко спутана с клятвой подданного суверену.

Конституционные или политические полномочия, осуществляемые в этот период понтификами в пределах города и территории церкви, очень нечетко указаны в документах того времени. Из того, что мы можем увидеть на поверхности истории, между так называемой «республикой Рима» и духовным правителем не существовало четко определенных отношений. Связь, которая их объединяла, насколько мы можем судить с такой дистанции во времени и с такими неполными сведениями, заключалась в признанном участии более богатых и влиятельных семей во всех государственных должностях, а также в достоинствах и вознаграждениях церковного продвижения. Но при таком устройстве очевидно, что всякая справедливая граница между духовными и мирскими интересами должна была быстро стереться; результат подтвердился в невыразимой коррупции « » X и XI

веков. Даже в этот момент времени и в течение долгого ряда лет, прошедших до этого, были очевидны многие признаки порочной и деморализующей связи между составляющими римского государства.

На пятом году понтификата Льва III два родственника папы Адриана I, Пасхалий Примицерий и Кампулус Сацелларий Святого Престола, вступили в заговор с целью сместить правящего понтифика. Потерпев некоторые личные травмы от рук своих мятежных подданных, Лев был изгнан из города; и он решил лично обратиться за помощью к двору Карла Великого, который в тот момент пребывал в Падерборне, в пределах покоренных саксов. Король принял просящего понтифика с высшими почестями и выслушал его жалобы с глубочайшим вниманием. О конкретных темах беседы нам ничего не известно, но осенью 799 года Лев вернулся в Рим под достаточно сильной охраной, чтобы обеспечить свою личную безопасность. За это время оппозиционная ему фракция потеряла позиции, и граждане встретили его с необычайной радостью и любовью.

По-видимому, папу Льва сопровождали в Рим два немецких прелата, архиепископ Кельна Хильдебранд и архиепископ Зальцбурга Арно, в качестве *missi dominici*, или королевских уполномоченных, которым было поручено провести надлежащее расследование преступлений, вменяемых папе его противниками. Говорят, что прелаты тщательно и скрупулезно изучили доказательства обеих сторон и в конце пришли к выводу, что против папы не было установлено ничего преступного; после этого решения его мятежные обвинители были взяты под стражу и увезены во Францию.

СУД НАД ПАПОЙ И КОРОНОВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

[800 г. н. э.]

В течение двенадцати месяцев после восстановления папы Карл Великий созвал в Майнце великий сейм королевства. «Там, — пишет летописец, — м — он собрал всех своих великих вельмож, епископов и аббатов; и, сообщив им, что теперь на всех его границах царит мир, он напомнил им о зле, которое римляне причинили апостольскому Льву; и он решил отправиться в Рим, и туда он и направился». Это простое упоминание летописца из Муассака — единственный отрывок в любой оригинальной хронике, в котором указана причина пятого похода Карла Великого в Рим. Король прибыл к воротам города 24 ноября 800 года и был принят понтификом под портиком церкви Святого Петра, за стенами города, со всем должным почтением и почестями. Семь дней спустя было созвано торжественное собрание граждан, на котором король ознакомил их с причиной своего визита.

Его дальнейшие действия не совсем понятны. Как нам сообщают, он созвал торжественный собор, все еще в базилике Святого Петра, чтобы расследовать преступления, вменяемые папе, но не уточняется, были ли это старые или новые обвинения. В этот раз король и папа сидели рядом, окруженные знатными вельможами, епископами и аббатами Франции и Италии. Сидели только духовные лорды; низшие священники и миряне всех рангов оставались стоять. Затем было объявлено, чтобы обвинители выступили вперед и высказали свои жалобы, но никто не откликнулся на призыв. Непонятно, зачем вообще соблюдалась эта формальность, поскольку духовенство единодушно заявило о своей некомпетентности судить понтифика Святого Престола. Однако папа дал понять, что намерен оправдаться от всех обвинений, выдвинутых против него, в форме, установленной в подобных случаях его предшественниками. Поэтому на следующий день он на полном синоде взял в руки книги Евангелий () и торжественно заявил о своей невинности, после

чего «прелаты и все духовенство одновременно запели гимн благодарения, благочестиво прославляя Бога, Пресвятую Богородицу, святого Петра и всех святых».

В течение первого месяца пребывания Карла Великого в Риме не произошло ничего, что указывало бы на какие-либо скрытые намерения. Все это время король, казалось, был поглощен регулированием политических дел церкви и города. Но в Рождество 800 года, когда он и папа благочестиво преклонили колени перед алтарем церкви Святого Петра, совершая предварительную молитву перед мессой, понтифик, как будто под влиянием внезапного вдохновения, возложил на его голову искусно выработанную и очень дорогую императорскую корону. В то же время народ, как будто подготовленный к этому событию, одновременно и как один голос воскликнул: «Да здравствует Карл, август, великий и миротворческий император римлян, которого короновала рука Божья!» Приветствие было повторено дважды, после чего, согласно имперскому обычаю, он был возведен на престол, помазан святым маслом и почитаем папой. «Таким образом, — говорит летописец, — [m](#) — он был единодушно провозглашен императором; и, отказавшись от титула патриция, он отныне назывался «император Август»».

Независимо от того, была ли корона возложена на его голову с его согласия или без него, способ ее возложения должен был подразумевать, что король был пассивной стороной, что он принял ее как благодеяние или дар из рук папы, не претендуя на право и не выдвигая никаких требований со своей стороны. Сама корона была приобретена и изготовлена папой; акт коронации был совершен понтификом; он даровал корону, римский народ утвердил этот акт и провозгласил императора. Эта сделка носит характер совместного акта, в котором Лев и римляне выполняли роль спонтанных избирателей и суверенных хранителей императорской власти. Поклонение было простой церемонией признания; оно не сопровождалось никакой новой клятвой верности; права нового императора по-прежнему основывались на клятве повиновения ему как патрицию. В конечном итоге участие народа, без сомнения, считалось полностью второстепенным по отношению к папскому решению; и папа вполне мог представлять себя миру как единственного хранителя и распорядителя императорской власти. На этом основании папство и укрепилось, и в последующие века удерживало свою власть с удивительной упорностью и успехом.

[800-824 гг. н. э.]

С другой стороны, Карл Великий и его подданные не занимались какими-либо любопытными исследованиями происхождения полномочий, которые несла с собой императорская корона. Тем не менее, в соответствии с их общим представлением о правительстве, они считали, что Рим и его понтифик приняли на себя роль подданных императора, которого они короновали и помазали. Несомненно, Карл Великий считал себя сувереном Рима, если не папы; он был императором по праву, как если бы он сам возложил корону на свою голову. В соответствии с мнением и практикой своего времени он основывал это право на владении. В сознании воина не было места для какого-либо другого происхождения титула; и Карл Великий и его преемники не делали никакого различия между владением и суверенитетом Рима и прилегающих к нему территорий, как и в случае с его недавно приобретенными владениями в Германии, Ломбардии или Испании.

Через несколько дней после коронации Карл Великий приказал привести к нему для суда лиц, причастных к заговору предыдущего года против жизни и правления папы, и, как верховный судья, приговорил их к смерти как изменников. Это осуществление верховной уголовной юрисдикции указывает, по крайней мере, на принятие на себя верховной власти (), которая в ту эпоху считалась отличительным атрибутом суверенной власти.

Приговоренные преступники были действительно помилованы по заступничеству папы, и их наказание было заменено изгнанием; но ничто не указывало на какую-либо ревность со стороны понтифика, и на протяжении всей зимы 801 года Карл Великий продолжал осуществлять все прерогативы императорской власти в Риме так же свободно, как и тогда, когда он установил свой переносной трон на берегах Сены, Рейна или Эльбы.

В 806 году он заключил временное соглашение о преемственности своих обширных владений между своими тогда еще живыми сыновьями. На протяжении всей своей жизни Карл Великий стремился придать своим наиболее важным деяниям религиозный характер. Соглашение 806 года, хотя и было лишь временным, было торжественно принято и заверено клятвой его сыновьями и сословиями королевства, собравшимися на сейме в Тионвиле; вскоре после этого оно было отправлено послом императора в Рим для утверждения и подписания папой — шаг, который, вероятно, выходил далеко за рамки намерения Карла Великого.⁴

ПАПСКИЕ АМБИЦИИ ПОСЛЕ СМУТЛОГО

Почти сразу после смерти Карла Великого Лев присвоил себе такую власть, которую невозможно было осуществлять без равного ущерба для государства и священнического сана. Его преемник Стефан IV, как только вступил на папский престол, принес присягу на верность вместе со всем народом и объявил монарху Людовику Благочестивому, что будет сопровождать его в любом месте, которое тот укажет. Но христианская кротость понтифика была превзойдена кротостью монарха, который, приняв его в Реймсе, трижды пал ниц к его ногам. Однако есть свидетельства того, что для полного использования средств усиления власти, предоставляемых нынешним положением церкви, по-прежнему требовался человек с равным могуществом и амбициями. Во время коротких правлений нескольких последовательных пап мы видим, как явно проявляется власть императора и признается его право на управление церковными делами.

[824-847 гг. н. э.]

В 824 году, при понтификате Евгения I, Людовик послал своего сына Лотаря в Рим, чтобы выяснить правдивость жалоб граждан на своих священнослужителей; а когда Григорий IV посетил Францию с целью примирить Людовика и его сына, епископы Франции, которых он, по-видимому, угрожал своей цензурой, гордо вызвали его на испытание его власти, сообщив ему, что если он сделает что-либо против канонов, он сам будет отлучен от церкви или смещен. Вредный совет одного из его советников научил его ответить на это заявление новыми утверждениями своей власти, и он осмелился начать практику, которая впоследствии оказалась столь плодотворным источником беспорядков и скандалов в христианском мире, объявив суверена смещенным из-за его ссоры с главой римской церкви. Император Лотарь был достаточно упорным в отстаивании своей власти, чтобы после избрания Сергия II без его консультации издать специальный указ о том, что в будущем ни один кандидат на папский престол не будет посвящен, пока он не даст свое согласие на избрание.

Смерть Сергия как раз в этот момент в значительной степени способствовала их успеху. Избрав Леона IV на вакантную должность, они обрели умелого советника и энергичного лидера. Захватчик, после нескольких атак, был вынужден отступить, чтобы завоевать менее умело защищаемые места.

Смерть Льва последовала за большой суматохой, и в этот период волнений и трудностей, как говорят, на вакантный престол взошла женщина, знаменитая папа Иоанна.^c

МИФ О ЖЕНЩИНЕ-ПАПЕ

[847-855 гг. н. э.]

Жанна — это имя, данное женщине-папе, которая сейчас считается вымышленным персонажем и которая, согласно наиболее распространенным сведениям, под именем Иоанна VII или VIII занимала папский престол между понтификатом Льва IV и Бенедикта III, хотя приводятся и другие даты. По преданию, она была английского происхождения, но родилась в Ингельхайме или Майнце. Некоторые называют ее первоначальное имя Гилберта, другие — Агнесса. Ей приписывают влюбленность в молодого монаха-бенедиктинца, из-за чего она приняла мужской монашеский обет и некоторое время жила в монастыре Фульды. Ее возлюбленный, как утверждается, умер, когда они вместе учились в Афинах, и после его смерти она уехала в Рим, где, согласно наиболее авторитетной версии этой истории, стала очень успешным профессором. Ее репутация благочестивой и ученой женщины была настолько высока, что кардиналы единодушно избрали предполагаемого молодого монаха преемником папы Льва IV. На этой должности она вела себя так, что полностью оправдала их выбор, пока катастрофа, связанная с рождением мальчика во время процессии в Латеранский дворец, внезапно и безвозвратно не разрушила ее репутацию. Говорят, что она умерла при родах или была забита камнями до смерти.

История понтификата Жанны воспринималась как факт с XIII по XV век, но была опровергнута более поздними исследованиями. Косвенными доказательствами, на которых она основывалась и которые, возможно, способствовали ее появлению, были соблюдение папскими процессиями маршрута, позволяющего избежать прохождения по определенной улице (на которой когда-то стояла статуя, изображавшая, как говорят, женщину с ребенком, а рядом с ней находился монументальный камень с необычной надписью), и использование пробитого сиденья при интронизации пап. Однако для этих фактов были даны другие, более правдоподобные объяснения, хотя нет достаточных доказательств, чтобы бесспорно доказать, как возникла эта история. По мнению доктора Дёллингера,^e эта традиция не находит подтверждения ни в оригинальном тексте Мариана Скотуса,^d ни в тексте Сигеберта из Жемблура,^e ни в тексте Оттона из Фрайзинга.^f Впервые она упоминается Стефаном де Бурбоном,^g который умер в 1261 году и, вероятно, почерпнул эту информацию из хроники доминиканца Жана де Майи, копии которой в настоящее время не сохранилось. Эта история не встречается ни в одной из оригинальных рукописей Мартинуса Полуса,^h и, по мнению Дёллингера, была вставлена в эту хронику в период между 1278 и 1312 годами. Он приписывает распространение мифа главным образом его включению в Мартинуса Полуса, откуда он был скопирован в «*Flores Temporum*», хронику, основанную на Мартинусе, и предполагает, что его настоящими создателями были доминиканцы и минориты, которые питали злобу к папству из-за преследований, которым они подвергались со стороны Бенедикта VIII. Традиция распространилась так быстро, что в 1400 году бюст папы-женщины был установлен в соборе Сиены наряду с бюстами других пап () с надписью «Иоанн VIII, женщина из Англии». Статуя занимала это место до начала XVII века.^f

Восемь лет понтификата Льва были в основном посвящены укреплению, восстановлению разграбленных и оскверненных церквей двух апостолов и украшению Рима. Преемственность Льва IV оспаривали Бенедикт III, который пользовался поддержкой духовенства и народа, и Анастасий, который, возглавив вооруженную фракцию, захватил Латеран, лишил Бенедикта его папских одежд и ждал подтверждения своего насильственного узурпации императорскими легатами, чье влияние, как он полагал, он обеспечил себе. Но эти комиссары, после тщательного расследования, приняли решение в пользу Бенедикта. Анастасий был с позором изгнан из Латерана, а его соперник был рукоположен в присутствии представителей императора. Анастасий, проявив необычную милосердие, был лишена только права причащаться. Понтификат Бенедикта III запомнился главным образом началом долгой борьбы между Игнатием и Фотием за Константинопольскую кафедру. Эта борьба закончилась постоянным расколом между Восточной и Западной церквями.

Николай I, преемник Бенедикта, был избран скорее по воле императора Людовика и его дворян, чем духовенства (858 г.). Он был признан достойным носить титул Великого наряду с Львом I, Григорием I, Ильдебрандом и Иннокентием III. По крайней мере три великих события ознаменовали понтификат Николая I: борьба Фотия с Игнатием за архиепископский престол Константинополя; запрет на развод короля Лотаря с его королевой Теутбергой; и унижение великих прелатов на Рейне, успешное утверждение папского верховенства даже над Хинкмаром, архиепископом Реймса. В первых двух из этих важных вопросов — споре о Константинопольской кафедре и споре Лотаря, короля Лотарингии, с его женой Теутбергой — Николай занял позицию великих вечных принципов справедливости, гуманности и здоровой морали. Это не были вопросы сложной и тонкой теологии или утверждение сомнительных прав. В обоих случаях папа был защитником слабых и угнетенных, жертв клеветы и жестокости. Епископ Константинополя, несправедливо смещенный, преследуемый, сосланный, подвергнутый жестокому обращению, умолял главу западного христианского мира вынести свой приговор. Королева, не только брошенная слабым и жестоким мужем, но и злобно и ложно обвиненная собором епископов, добилась слушания в суде Рима; ее невиновность была доказана, ее обвинители наказаны, а сам король вынужден был склониться перед величием правосудия, еще более уважаемого благодаря религии. Если в обоих случаях язык Николая был высокомерным и властным, то в глазах людей это оправдывалось благородством его дела. Высокое превосходство, которое он утвердил над византийской кафедрой, не вызвало зависти, поскольку было проявлено в интересах безупречного и обиженного прелата. Если он с презрением относился к королевскому достоинству Франции, то оно уже стало презренным в глазах человечества; если он своей собственной властью аннулировал декрет национального собора, состоявшего из самых выдающихся прелатов Галлии, то этот собор уже был осужден всеми, кто испытывал естественную симпатию к справедливости и невинности. Однако, хотя в обоих случаях Николай проявил одинаковую способность и решимость в деле защиты права, исход этих двух дел был очень разным. Спор о патриархате Константинополя закончился отчуждением, разобщением и окончательным расколом между Востоком и Западом. Это был последний случай, когда папе было позволено авторитетно вмешиваться в церковные дела Востока. Отлучение греков от латинской церкви стало последним актом разрыва. На Западе Николай создал прецедент контроля даже над частной моралью князей. Пороки королей, особенно французских, стали оплотом папского влияния; обиженные королевы и подданные знали, куда им обращаться за справедливостью или мстью. И в этом случае папа подчинил себе не только бессильного

короля (), но и могущественное духовенство Лотарингии. Великие епископы Кельна и Трира были унижены до крайней степени.

СОПЕРНИЧЕСТВО НИКОЛАЯ И ФОТИЯ

[860-867 гг. н.э.]

Спор за патриаршество Константинополя, строго говоря, не был религиозным спором — он был результатом политических интриг и личной вражды. Игнатий, ставший патриархом, был императорского происхождения. Во время революции, в результате которой был свергнут его отец Михаил Рангабе, он укрылся под монашеской рясой от зависти Льва Армянина. Фотий был избран его преемником. Состоялись соперничающие соборы, и оба патриарха были поочередно отлучены от церкви противоборствующими духовными фракциями.

Фотий первым решил обратиться в Рим. Он полагал, что папа вряд ли откажется признать его превосходство, учитывая заманчивое обещание полного искоренения ненавистных иконоборцев. Папа не только направил два высокомерных и осуждающих письма императору и Фотию, но и третье — «верующим на Востоке», в конце которого он сообщил трем восточным патриархам о своем твердом решении поддержать дело Игнатия и отказаться признавать узурпатора Фотия. Восстановление Игнатия было предписано еще более властным языком и под угрозой более суровых санкций. «Мы, силой, данной нам Господом через святого Петра, восстанавливаем нашего брата Игнатия в его прежнем положении, в его кафедре, в его достоинстве патриарха и во всех почестях его сана. Кто после обнародования этого декрета осмелится помешать ему в исполнении его обязанностей, отделить его от общения или осмелится судить его заново без согласия апостольской кафедры, то, если он священнослужитель, разделит вечное наказание предателя Иуды; если он мирянин, то подвергнется проклятию Ханаана; он будет отлучен от церкви и понесет тот же страшный приговор от вечного Судьи».

Никогда еще власть духовенства или верховенство Рима не утверждались так ясно и так непреклонно. Привилегии Рима были вечными, неизменными, предшествующими, не проистекающими из какого-либо синода или собора, а дарованными непосредственно самим Богом; они могли подвергаться нападкам, но не могли быть переданы; они могли быть на время отняты, но не выкорчеваны с корнями. К Риму можно было обращаться со всей земли, но от его власти не было апелляции. Император и Константинополь не обращали внимания на эти страшные анафемы папы.

СИНОД В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

[867 г. н.э.]

В 867 году Фотий созвал собор в Константинополе; раболепные прелаты выслушали обвинение и присоединились к встречному отлучению папы Николая. Фотий составил восемь статей, в одной из которых обвинял веру, а в остальных — отход римской кафедры от древней и канонической дисциплины. Среди ужасных актов ереси и раскола, которые навсегда разделили церкви Востока и Запада, были: (1) соблюдение субботы как дня поста; (2) разрешение употреблять молоко или сыр во время Великого поста; (4) ограничение

помазания миром епископам; (6) немедленное возведение диаконов в епископское достоинство; (7) освящение ягненка, согласно ненавистному еврейскому обычаю; (8) бритье бород духовенством. Только пятый из статей, против которых возражал Фотий, — исхождение Святого Духа от Отца и Сына — был настолько ужасной ошибкой, что заслуживал тысячи анафем. Третья статья, осуждающая принудительное безбрачие духовенства, была единственной, имевшей высокое моральное или религиозное значение. «Из этого обычая мы видим на Западе, — говорит Фотий, — так много детей, которые не знают своих отцов». Однако все это было лишь предлогом для раскола. Причина лежала глубже, в полном отрицании греками папского верховенства; в их недвусмысленном утверждении, что вместе с империей это верховенство перешло к Константинополю.

Декрет собора был подписан императором (как утверждалось, в час опьянения); Василием Македонским, который, как утверждалось (что весьма маловероятно), был подделан; тремя восточными патриархами; сенатом и высокопоставленными чиновниками; аббатами и епископами в количестве почти тысячи человек. Но епископский посланник, который должен был доставить в Рим это вызов Константинопольской церкви и встречную экскомуникацию папы, проделал лишь небольшой путь, когда его остановили по приказу нового императора. Революция во дворце была революцией в Константинопольской церкви. Первым делом Василия Македонского было смещение Фотия. Говорят, что Фотий отказал в причастии убийце Василию. С этого момента империю сотрясала череда перемен; Фотий то поднимался, то падал при каждой смене власти.

Лев Философ, сын Василия, вновь позорно изгнал его с престола. Однако, хотя Фотий был обвинен в измене, он был оправдан и удалился в почетную отставку. Он не дождался следующей революции и не смог извлечь из нее выгоду. Хотя тридцатилетний раскол, строго говоря, закончился с его смертью, и снова произошло некое сближение с Римом, связи, объединявшие две церкви, были разорваны. Пункты разногласий, от которых ни одна из церквей не хотела отступать, были определены и закреплены в виде жестких догм. В темные времена папства, последовавшие за расколом, даже взаимоотношения становились все более и более нестабильными. Папы следующего века были слишком заняты защитой своих территорий или своих жизней, чтобы обращать внимание на дела Востока. Тьма, окутавшая обе церкви, скрыла их друг от друга.

[860-867 гг. н.э.]

Николай Великий не дождался триумфа даже после первого падения Фотия. На Западе его успех был более полным; он в полной мере наслаждался сознательной властью, осуществляемой во имя праведного дела. Он не только видел, как один из преемников Карла Великого пал к его ногам, вынужденный подчиниться папскому осуждению и низложению даже своих высокопоставленных церковных сторонников, но и как один за другим величайшие прелаты Запада, архиепископ Равенны, архиепископы Кельна и Трира, и даже Хинкмар, архиепископ Реймса, который, казалось, деспотически правил церковью и королевством Франции, были вынуждены склониться перед его энергичным верховенством.

Брачная проблема, которая на протяжении многих лет отвлекала часть Франции, по поводу которой собирался один собор за другим и по поводу которой великие прелаты Лотарингии вступили в прямую конфронтацию с папой и были доведены до полного и безжалостного унижения под его властью, касалась короля Лотаря и его королевы Теутберги, как описано в других источниках. Он пригрозил королю немедленной экскомуникацией, если тот не уволит наложницу Вальдраду и не примет свою отвергнутую королеву. Затем он отправился в Аттины, резиденцию Карла Лысого. Он категорически

приказал восстановить епископа Ротрада, который, как утверждалось, был канонически смещен своим митрополитом Хинкмаром и был теперь неправомерно, без расследования или дознания, заменен по произвольному распоряжению папы. Хинкмар проворчал и подчинился; дрожащий король согласился с папским указом.

Но Николай не дожил до своего полного триумфа; он умер в ноябре 867 года — понтифик, который, хотя и не выдвигал абсолютно беспрецедентных притязаний на верховенство от имени римской кафедры, тем не менее, благодаря благоприятному стечению обстоятельств и удачным обстоятельствам, которые он использовал для утверждения и поддержания этой власти, сделал больше, чем все его предшественники, для ее укрепления и подтверждения. Во время всех его конфликтов на Западе с королевской и епископской властью моральные и религиозные симпатии человечества не могли не быть на его стороне. Если его язык иногда был более резким, даже презрительным, чем того требовала умеренность, которая до этого времени смягчала папские декреты, он мог оправдываться высоким и праведным негодованием; если он вмешивался в семейные отношения, то это было в защиту невинных и незащищенных и в отстаивание святости брака; если он относился к королям с презрением, то это было потому, что они стали презренными из-за своей слабости или пороков; если он вмешивался в епископскую или митрополичью юрисдикцию, то низшее духовенство, даже епископы, были рады иметь отдаленный и, возможно, беспристрастный трибунал, в который они могли бы апеллировать от прелатов, выбранных только из аристократических кругов, варваров по профессии и жестокости; если он был неумолим к правонарушителям, то это касалось представителей высшего сословия, прелатов, которые причастны к несправедливости и беззаконию и бросили вызов его власти; если он аннулировал соборы, то эти соборы уже были осуждены за свою несправедливость и заслужили укорительное прозвище, которым их клеймил папа, а также все, кто обладал врожденным или неискаженным чувством справедливости и чистоты. Поэтому даже самонадеянное узурпирование божественной власти, пока оно использовалось таким благотворным образом, внушало страх, сбивало с толку всех и оскорбляло немногих. Люди не пугались высокомерия, которое защищало их от угнетателей и тиранов.

Но этот огромный моральный прогресс папства был не всем, чем римская церковь обязана Николаю I; она обязана ему сомнительным благом признания *ложных декреталий* в качестве закона церкви.

ЛОЖНЫЕ ДЕКРЕТАЛИИ

[858-869 гг. н. э.]

Николай I не только видел, как во время его понтификата знаменитые *ложные декретали* заняли свое место в юриспруденции латинского христианского мира; он не только не объявил их недействительными, но и принял их как подлинные документы; он придал им вес папского санкционирования и с их помощью поверг к своим ногам единственного великого трансальпийского прелата, который еще мог поддерживать независимость германской церкви, — архиепископа Реймса Хинкмара.

До этого периода декреталии, письма или указы епископов Рима, согласно авторитетному или общепринятому сборнику Дионисия, начинались с папы Сириция, ближе к концу IV века. К сборнику Дионисия был добавлен сборник подлинных соборов, который носил имя Исидора Севильского. Внезапно, без предупреждения, без подготовки, не абсолютно бесспорный, но, по-видимому, сразу же подавивший все сомнения, был обнародован новый

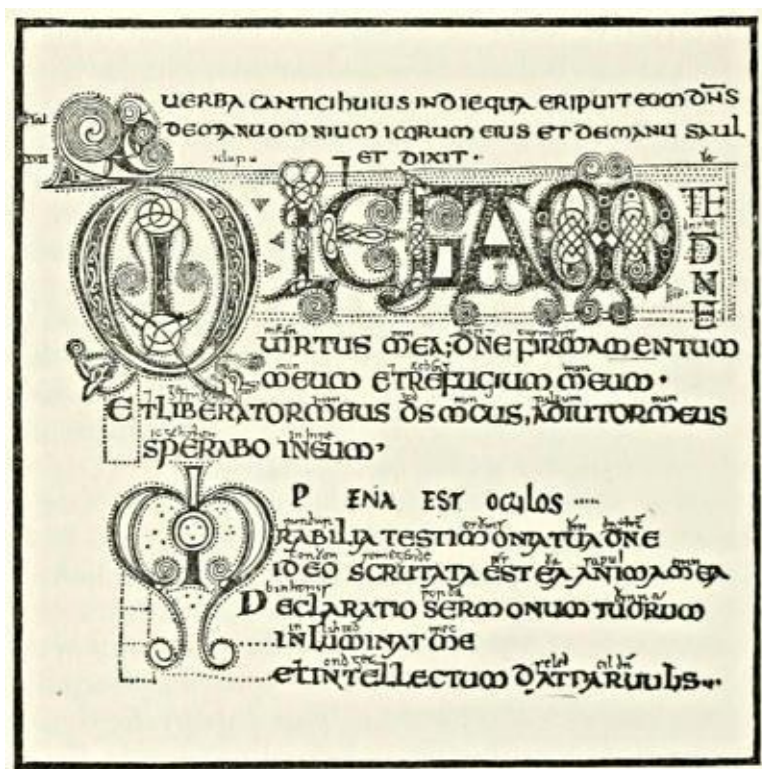
кодекс, который к прежним аутентичным документам добавил пятьдесят девять писем и декретов двадцати старейших пап от Климента до Мелхиада (Мильтиада) и дар Константина; а в третьей части, среди декретов пап и соборов от Сильвестра до Григория II, тридцать девять ложных декретов и акты нескольких неаутентичных соборов. В этом обширном руководстве священнического христианства папы с самого начала предстают родителями, опекунами, законодателями веры во всем мире. *Ложные декретали* не просто утверждают верховенство пап — достоинство и привилегии епископа Рима — они охватывают всю догматическую систему и дисциплину церкви, всю иерархию от высшей до низшей степени, их святость и неприкосновенность, их преследования, их споры, их право апелляции в Рим.

Но за слишком явным замыслом, возвеличиванием римской кафедры и возвеличиванием всего духовенства, подчиненного римской кафедре; но за исключением чудовищного незнания истории, которое выдает себя в вопиющих анахронизмах и в полной путанице порядка событий и жизней выдающихся людей — первое вызывает острое и ревнивое подозрение, второе делает обнаружение поддельности всего легким, ясным, неопровержимым — *ложные декреталии* могли бы все еще сохранить свое место в церковной истории. Сейчас от них отказались все; в их пользу не высказывается ни одного голоса; самое большее, что делают те, кто не может подавить сожаление об их разоблачении, — это смягчать вину фальсификатора, ставить под сомнение или ослаблять влияние, которое они имели в свое время и на протяжении всей позднейшей истории христианства.

Автор или авторы этого самого дерзкого и тщательно продуманного благочестивого мошенничества неизвестны; дата и место его составления настолько ограничены, что их можно определить с точностью до нескольких лет и в пределах очень ограниченного региона. *Ложные декретали* не пришли из Рима; время их появления в Риме, после того как они стали известны за Альпами, кажется почти определенным. В одном году Николай I, по-видимому, не знает о их существовании, а в следующем он говорит о них с полной осведомленностью. Они содержат слова, явно использованные на Парижском соборе (829 г. н. э.), следовательно, относятся к более позднему времени; они были известны левиту Бенедикту из Меца, который составил дополнение к сборнику капитуляриев Адгесила между 840 и 847 годами н. э. Город Мец с почти такой же уверенностью обозначен как место, где, если не были составлены, то впервые были обнародованы как каноническое право христианского мира.

Положение дел в раздробленной и раздираемой противоречиями империи, казалось бы, почти требовало, почти оправдывало эту отчаянную попытку укрепить церковную власть. Все низшее духовенство, включая некоторых епископов, в это время страдало от тяжелого гнета. Согласно конституции Карла Великого, которая сохранилась при Людовике Благочестивом и, пока империя сохраняла свое единство, утверждала независимость трансальпийской иерархии от всех, кроме светского правителя, духовенство находилось в строгом подчинении епископу, епископ — митрополиту, а митрополит — только императору. Противоречивые папы, или папы, находившиеся в конфликте с итальянскими врагами или со своими подданными, превратили папство в вассала империи. Противоречивые короли, разделившие царство Карла Великого, еще не подчинили империю римскому верховенству, но вскоре собирались это сделать. В настоящее время царил анархия. Немцы и французы распались на отдельные соперничающие нации; сыновья Людовика вели бесконечную, непримиримую борьбу. Почти каждый год, а то и реже, чем каждые десять лет, происходило новое разделение империи; королевства возникали и падали, принимали новые границы, признавали новых правителей; ни одно правительство не было достаточно сильным, чтобы поддерживать закон; единственным законом была сила.

Иерархия, если не все духовенство, возглавила разрушение единства империи; они унизили трон Людовика; теперь, в течение короткого катастрофического периода, они сами стали жертвами этого унижения. Их богатство было их опасностью. Они стали светскими князьями, они стали дворянами, они стали огромными землевладельцами. Но во время гражданских войн власть принадлежала не убедительному голосу, а сильной руке; митра должна была склониться перед шлемом, посох — перед мечом. Не только владения церкви (), но и сами личности духовенства утратили свою святость. Преследования и угнетение церкви и духовенства достигли невиданного ранее уровня.

Выдержка из Псалтыря святого Августина

Самым религиозным людям может прийти в голову, что ради религии, тем, для кого достоинство и интересы священнического сословия были их религией, необходимо приложить некоторые усилия, чтобы восстановить угрожаемую святость духовенства. Должно быть какое-то средство защиты от этой светской, этой церковной тирании; и куда же следует обращаться? Не может быть, чтобы это были Священные Писания, Евангелие. Она должна быть обращена к древней и почитаемой традиции, к неотмененному, неотменяемому закону церкви, к далекому и грозному Риму. Рим должен быть провозглашен необычным, более решительным образом вечным, незапамятным апелляционным судом. Традиция не должна опираться на сравнительно недавние имена Льва Великого, Иннокентия Великого, Сириция, а право апелляции не должно зависеть от постановления Собора в Сардике. Она должна происходить от преемников самого святого Петра в непрерывной преемственности. Все духовенство должно обладать вечной, незыблемой святостью той же древности. Так, по-видимому, идея этой, как нам кажется, чудовищной выдумки пришла в голову ее автору; он сам, возможно, искренне верил, что не утверждает никаких привилегий для Рима, на которые сам Рим не претендовал, которые он не считал его правом. Даже сейчас утверждается, и, возможно, это трудно опровергнуть, что *Ложные декреты* не выдвигали никаких претензий в пользу римской кафедры, которые не были бы ранее озвучены в некотором неопределенном и расплывчатом, но от того не менее значимом языке. Смелость этого акта заключалась в новой авторитетности (), с

которой он облакал эти претензии. Новый кодекс был закреплен, так сказать, в рамках глубоко религиозной мысли и языка; он был введен под почитаемым именем Исидора Севильского; таким образом, он был привязан к подлинному труду Исидора, который долгое время пользовался бесспорным авторитетом. Хинкмар, архиепископ Реймса, как самый влиятельный и, возможно, самый ученый трансальпийский церковный деятель, который мог бы сразу разоблачить вымысел, который он едва ли мог не знать как вымысел, больше всех способствовал установлению его авторитета. До тех пор, пока он полагал, что это укрепляет или подтверждает его собственную власть, он подавлял все навязчивые сомнения; он слишком поздно обнаружил, что это было ловушкой (мышеловка — его собственное недостойное слово) для ловли неосторожных митрополитов. Хинкмар был пойман, и у него не было никакой надежды на спасение. В апелляции Ротрада, епископа Суассона, против Хинкмара, митрополита Реймса, папа Николай I сначала не упоминает ни слова о новых декретах в пользу его права на апелляцию; он, по-видимому, не знает никакой более древней власти, чем власть Иннокентия, Льва, Сириция и Собора в Сардике. В следующем году он не только полностью овладел псевдоисидорианскими документами, но и издевается над Хинкмаром, который теперь ставит под сомнение, когда это идет ему во вред, авторитет, который он был готов признать в подтверждение своей собственной власти. Хинкмар вынужден смириться с унижением. Ротрад, смещенный Хинкмаром, смещенный Собором в Сенлисе, восстановлен в своей кафедре.

Это немедленное, хотя и несколько осторожное, принятие папой Николаем фикции, несомненно, не подделки, кажется менее поддающимся благожелательному оправданию, чем первоначальное изобретение. Преемники Николая также не проявляли больших сомнений в укреплении своей власти с помощью этой желанной и, следовательно, не вызывающей подозрений помощи. Невозможно отрицать, что, по крайней мере, цитируя без оговорок и колебаний, римские понтифики дали свое сознательное одобрение этому великому историческому мошенничеству.

Не следует также упускать из виду, пожалуй, более важный результат принятия псевдоисидорианских статутов в качестве всеобщего, векового и неотменяемого закона христианского мира. Это закрепило великий принцип, который Николай I провозгласил ранее, о единоличной законодательной власти папы. Каждое из этих папских посланий было каноном церкви; поэтому каждая будущая булла опиралась на ту же неопровержимую власть и требовала того же безоговорочного повиновения. Папство стало законодательной, а также административной властью. Непогрешимость была следующим неизбежным шагом, если непогрешимость еще не была частью власти, которая, как утверждалось, была дарована Господом святому Петру, а святым Петром передана в непрерывной преемственности и в полноте, которая не могла быть ограничена или урезана, его преемникам.

АДРИАН II

Николая сменил (в ноябре 867 года) Адриан II, строгий и высокомерный церковный деятель, который, хотя его политика поначалу казалась сомнительной, решительно поддерживал, но не с одинаковым суждением и успехом, принципы своего предшественника. Адриан (ему было уже семьдесят пять лет) был женат до того, как стал священником. По заступничеству императора Людовика он снял отлучение с Вальдрады и восстановил ее в церковном общении. Этим проявлением мягкости он, по-видимому, хотел склонить короля Лотаря к последнему акту подчинения. Король Лотарингии прибыл в

Италию. Папа, казалось, поддался влиянию Людовика и императрицы Ингельберги; по крайней мере, он принял щедрые подарки короля.

[869-876 гг. н. э.]

Из Монте-Кассино, где они впервые встретились, Лотарь последовал за папой в Рим. Там, вместо того чтобы быть принятым как король и как человек, примирившийся с Римской кафедрой, когда он вошел в церковь, все было тихо и пусто; ни один из священнослужителей не появился; он удалился в соседнюю комнату, которая даже не была убрана для его приема. На следующий день было воскресенье, и он надеялся услышать мессу, петую перед ним. Папа отказал ему в этой чести. Однако на следующий день он пообедал с папой, и состоялся обмен подарками. Наконец Адриан согласился принять его в причастие.

Папа Адриан воспользовался борьбой за королевство Лотаря, чтобы выдвинуть еще более смелые и беспрецедентные притязания. Но мир еще не был готов к столь широкому и открытому утверждению светской власти папой, к его претензиям на вмешательство в распоряжение королевствами. Как только он покинул прочную почву морального и религиозного авторитета, с которой его предшественник Николай управлял миром, он столкнулся с непреодолимым сопротивлением. Со всей справедливой и великодушной симпатией, которая оставалась на их стороне, папы могли вмешиваться во внутренние отношения королей, но им еще не было позволено затрагивать вопрос о королевской преемственности или наследовании. Королевская и епископская власть дрожали перед Николаем; грозы Адриана встречали презрение или безразличие, и Хинкмар Реймский в этой ссоре с Адрианом восстановил ту независимость и господство, которые были затменены его временным подчинением Николаю.

Николай I и Адриан II, таким образом, с разным успехом, властно диктуя суверенам, управляя или пытаясь управлять высшим духовенством в других странах с деспотическим влиянием, вмешиваясь в политические революции Европы, награждая короны и вынося решения по королевским наследствам, могли бы показаться непосредственными предками Григория VII, Иннокентия III и Бонифация VIII. Но папство должно было пройти через период упадка и деградации, даже вины, прежде чем вновь подняться на вершину власти.

Понтификат Иоанна VIII (872 г.) является поворотным моментом в этом постепенном, но быстром и почти полном изменении; среди его причин были исчезновение императорской ветви династии Карлов и частые переходы империи от одной линии правителей к другой; с ростом могущества герцогов и графов в Италии, которые затмевали папскую власть и превращали самого папу в раба или жертву одной из враждующих фракций. Папа избирался, смещался, заключался в тюрьму, убивался. В бурных потрясениях того времени исчезло не только почтение к его личности, но и святость его характера. Он опустился до уровня обычных смертных; глава христианского мира был столь же жестоким и развратным, как и мелкие князья, окружавшие его, из рода которых он происходил и привычки которых он не изменил, взойдя на папский престол.

Однако Иоанн VIII по-прежнему занимал выгодное положение, которое занимали Николай I и Адриан II. Он был родом из Рима. Он отметил свое понтификат еще более впечатляющим актом, чем его предшественники, — назначением императора, которое в его формулировке

представлялось скорее даром папской власти, чем наследственным достоинством; это был прямой дар свыше, переданный по воле папы. Уже появляются признаки соперничества французских и немецких интересов за папское влияние, которое превращается во все более и более явную фракционность, пока Карловская империя не объединяется в лице Карла Толстого, чтобы вскоре распасться навсегда. Иоанн VIII принял опасную политику частичной приверженности Франции. Но историки почти единодушны в том, какую цену Карл был вынужден заплатить за свою императорскую корону. Он купил папу, он купил сенаторов Рима; он купил, если можно так выразиться буквально, самого святого Петра.

[876-878 гг. н. э.]

Императорское правление Карла Лысого было коротким и бесславным. Все понтификат Иоанна VIII был долгим, хотя и с перерывами, мучительным ожиданием того, что Рим может попасть в руки неверных. Правление покойного императора Людовика было почти непрерывной войной против мусульман, которые к тому времени прочно обосновались в южной Италии. Ему удалось отразить их наступление, но после смерти Людовика Рим вновь оказался в опасности стать мусульманским городом. Папа писал Карлу Лысому одно письмо за другим в самых настоятельных и эмоциональных выражениях вскоре после того, как тот возвел его на императорский престол. «Если бы все деревья в лесу, — так пишет папа, — превратились в языки, они не смогли бы описать опустошения, причиненные этими безбожными язычниками; благочестивый народ Божий уничтожается непрерывными убийствами; тот, кто спасается от огня и меча, уводится в плен и изгнание. Города, замки и деревни полностью разрушены и лишены жителей. Епископы бродят в нищете или бегут в Рим как в единственное место убежища».

Однако, если возможно, еще более грозными, чем неверные, были мелкие христианские князья Италии. «Гусеница съедает то, что оставила саранча». Во многих частях Италии постепенно возникли независимые герцогства, и ни одно из них, по-видимому, не испытывало религиозного уважения к папе, а некоторые — и к христианству. После смерти папы Николая Ламберт Сполетский занял и разграбил Рим, не уважая ни монастыри, ни церкви, и увез с собой большое количество молодых женщин из высших слоев общества. Адельхис, герцог Беневенто, осмелился захватить в этом городе священную личность императора Людовика. Ему было позволено покинуть город только после того, как он дал Адельхису торжественную клятву — клятву, к которой были принуждены присоединиться его жена, дочь и все его слуги — что он ни лично, ни через кого-либо другого не будет мстить за этот акт дерзкого восстания. Однако, как только Людовик благополучно добрался до Равенны, он послал к папе прошение об освобождении его от клятвы. Адриан II, тогдашний папа, начал утверждать эту опасную привилегию освобождения от торжественных и зафиксированных клятв.

Епископ-герцог Сполето не постеснялся вернуться к нечестивой политике своего брата. Он заключил новый союз с сарацинами, предоставил им квартиры и, фактически объединив свои войска с их войсками, разгромил силы Беневенто, Капуи и Салерно и открыл свободный проход для их вторжений к воротам Рима.

Императорская корона вновь оказалась вакантной, и на нее претендовали враждующие дома Франции и Германии. Но Карломан, сын Людвигу Германа, был признан королем Италии. Вероятно, как сторонники Германии и чтобы заставить папу отказаться от интересов французской линии, к которой он привержен с непоколебимой верностью, Ламберт, герцог Сполето, этот антихрист, как его называл папа, вместе со своей прелюбодейной сестрой Рихильдой и своим сообщником, вероломным Адальбертом, графом Тосканы, во главе непреодолимой силы вступил в Рим, схватил и заключил папу, пытался

заставить его сдаться, морив голодом, и заставил духовенство и римлян принести присягу на верность Карломану как королю Италии. В течение тридцати дней религиозные службы были прерваны; ни одна лампа не горела на алтарях.

[878-891 гг. н. э.]

Как только они удалились, папа велел перевезти все священные сокровища из собора Святого Петра в Латеранский собор, накрыл алтарь Святого Петра мешковиной, закрыл двери и запретил паломникам из дальних стран приближаться к святыне. Затем он бежал в Остию и отплыл во Францию.

Когда он достиг берегов Прованса, Иоанн VIII почувствовал себя в другом мире. Вместо буйных и незаконных врагов (такими были графы и герцоги Италии), чья алчность и враждебность не знали уважения к святыням и относились к папе как к обычному смертному, все королевство Франции, казалось, смиренно падало к его ногам. Ни один папа не был более щедр на отлучение от церкви, чем Иоанн VIII. Из его писем (более трехсот) примечательно, как большая их часть содержит угрозы, налагает наказания или, по крайней мере, намекает на это последнее проявление священнической власти.

Неутомимый папа вернулся через Альпы по Мон-Сени в Турин и Павию; но из всех, кого он так властно увещевал и так горячо умолял выступить под его защиту () против сарацин и, без сомнения, против его итальянских врагов, никто не послушался, кроме герцога Бозона Прованского. Тем временем сарацины, окруженные вниманием всех сторон, беспристрастно грабили всех, с одинаковой легкостью заключали и разрывали союзы с христианами, в то время как бедные монахи, даже из самого монастыря Святого Бенедикта, жили в постоянном страхе ограбления. Последние дни Иоанна VIII были заняты написанием все более и более настоятельных писем с просьбой о помощи Карлу Толстому в войне или о предоставлении средств для войны против его сарацинских и христианских врагов, или об отлучении от церкви всех сторон; тем не менее, он с доблестной решимостью противостоял врагам своей личности и своей власти. Говорят (но только один автор), что этот жестокий папа погиб насильственной смертью: его мозг был выбит молотком каким-то врагом, жаждущим его богатства и амбициозным в отношении папской короны.

За коротким понтификатом Марина (Марина I или Мартина II) последовало еще более короткое правление Адриана III, которое длилось всего четырнадцать месяцев. Понтификат Стефана V, хотя и не был более длительным, стал свидетелем событий, гораздо более важных для папства, Италии и христианского мира. После смерти Карла Толстого плохо скрепленное здание Карловингской империи, несочетаемые части которого были объединены не естественной близостью, а почти силой случая, снова и навсегда распалось. Законная династия Карла Великого прервалась с его недостойным потомком, чье имя, полученное за простой физический размер, контрастировало с умственным величием, выдающимися качествами военного, административного и даже интеллектуального превосходства, которые соединились с именем первого Карла, прозванного Великим.

ПАПА ФОРМОЗ

[891-897 гг. н. э.]

Смерть Стефана в сентябре 891 года и избрание Формоза на папский престол изменили ход событий и выявили вражду, все еще тлеющую в Риме. Избрание Формоза нарушило обычное каноническое правило, запрещающее перевод епископов из одной епархии в

другую (Формоз был епископом Порту), которое все еще соблюдалось в некоторой степени. Еще более сильные возражения вызвало избрание епископа, который был отлучен от церкви бывшим понтификом как соучастник заговора с целью убийства папы. Отлученный Формоз был вынужден принести клятву никогда не возобновлять свои епископские функции, никогда не возвращаться в Рим и никогда не сметь причащаться. Преемник Иоанна освободил его от этих наказаний, от этой клятвы.

Это избрание, должно быть, было отчаянной мерой беспринципной фракции. Формоз был избран не без ожесточенной и жестокой борьбы.

Голоса части духовенства и народа уже были отданы Сергию. Он уже стоял у алтаря, готовясь к торжественной церемонии инаугурации, когда его утащила более сильная фракция. Формоз, избранный, как заявляли его сторонники, за его превосходную ученость и знание Священного Писания, был тогда возведен в папское достоинство.

Когда 23 мая 896 года умер папа Формозус, выборы выиграл Бонифаций VII. Новый понтифик страдал от обвинений в том, что он дважды был смещен с должности за развратную и скандальную жизнь, сначала из субдиакона, а затем из священства. Бонифаций умер от подагры через пятнадцать дней после своего возвышения. Итальянская партия поспешила избрать Стефана VI.

Вероятно, немецкий губернатор удалился, прежде чем Стефан и его фракция приступили к мести над безжизненными останками Формоза. Жестокая политическая вражда приняла форму церковной торжественности. Тело было эксгумировано, одето в папские одежды и перед созванным для этой цели собором к нему обратились со следующими словами: «Почему ты, будучи епископом Порту, поддался амбициям и узурпировал католическую кафедру Рима?» Диакон, назначенный защитником покойного, сохранял благоразумное молчание. Затем с тела сняли священные одежды, отрезали три пальца и бросили тело в Тибр. Все, кто был рукоположен Формозом, были повторно рукоположены Стефаном. Однако настроения народа в Риме были столь изменчивы, что через несколько лет, как говорят, чудо подтвердило невиновность Формоза. Его тело было найдено рыбаками в Тибре и перевезено для погребения в церковь Святого Петра. Когда гроб проносили мимо, все изображения в церкви с почтением склонили головы.

Понтификат Стефана скоро подошел к концу. Новая революция отомстила за эксгумацию оскорбленного прелата. И теперь ярость политических, а не религиозных фракций полностью уничтожила всякое почтение к священной личности папы. Стефан был брошен в тюрьму своими врагами и задушен. Удобное обвинение в узурпации, которое всегда выдвигалось против пап, которых их противники свержали с престола или казнили, возможно, примирило их умы с безбожным поступком, но трудно понять, в чем заключался недостаток титула папы Стефана VI.

[897-911 гг. н.э.]

Папы сменяли друг друга с такой быстротой, что это вызывало неизбежное подозрение: либо выбирались те, кто, вероятно, скоро покинет свой пост, либо они получали лишь роковой дар в лице римского понтификата. Роман и Феодор II прожили после своего избрания всего по несколько месяцев. Последний, восстановив Формозу право на христианское погребение и отменив действия Стефана VI, по-видимому, принадлежал к этой фракции. Следующие выборы сопровождалась ожесточенной борьбой и насилием со стороны противоборствующих партий. Победу одержал Иоанн IX; его соперник Сергей, по некоторым сведениям, ранее потерпевший поражение соперник Формоза и его ярый и непримиримый враг, бежал под мощную защиту маркиза Тосканы. Сергей был отлучен от церкви вместе с несколькими другими священниками и низшим духовенством как соучастник оскорблений тела Формоза. Сергей смеялся над громом своего соперника, пока находился под защитой могущественного дома Тосканы. С Иоанном IX, умершим в июле 901 года, закончился девятый век христианства; десятый век, по крайней мере в Италии, был уже железным веком, омрачившим Рим; понтификат был завоеван преступлением и освобожден убийством.

Этот железный век, как его называли, начался с понтификата Бенедикта IV (900-903), преемника Иоанна IX. Единственным зафиксированным деянием Бенедикта IV была коронация несчастного Людовика Прованского, соперника Беренгара за имперский трон. Людовик, согласно имперскому обычаю, учредил свой трибунал и выносил приговоры в Риме. После смерти Бенедикта разумные меры предосторожности, установленные Иоанном IX для введения некоторой регулярности и контроля над анархией выборов духовенством, раздираемым фракциями беззаконной знати и еще более беззаконного народа, в это время полной беспомощности и бездействия, или борьбы за империю между соперничающими князьями, были полностью заброшены или оказались бессильными. Папство стало добычей самых активных, смелых и жестоких. Леон V завоевал эту добычу; менее чем через два месяца он был изгнан и брошен в тюрьму Кристофором, одним из своих пресвитеров и капелланов. В том же году или в начале следующего Кристофор был в свою очередь позорно изгнан из Рима.

Под покровительством могущественного тосканского князя Беренгара изгнанный Сергей, во главе сильной армии тосканских солдат, появился в Риме, сверг Кристофора, который только что сверг Лева V, и занял папский престол. Сергей прожил семь лет в изгнании в Тоскане; в течение семи лет он правил как верховный, но не бесспорный понтифик. Этого папу обвиняли во всех пороках и злодеяниях, которые только могут очернить характер человека. Однако его правление остается почти полностью неизвестным. Единственным достоверным фактом, который стал известен, является восстановление им Латеранского дворца, который пришел в упадок; этот факт указывает на период относительного мира и упорядоченного управления с большими доходами. В эти бурные времена Сергей, вероятно,

не гнушался никаким насилием; но если он изгнал папу с престола Святого Петра, то этот папа незадолго до этого сверг его покровителя с большой жестокостью.

ТЕОДОРА У ВЛАСТИ

Но во время понтификата Сергия к власти пришла печально известная Феодора со своими дочерьми Марозией и Феодорой, проститутками, которые, по выражению историков, в течение многих лет распоряжались папской тиарой и, не довольствуясь тем, что своей развратной жизнью опозорили главный город христианского мира, фактически посадили своих развратных любовников или сыновей от внебрачных связей на престол Святого Петра. Влияние, приобретенное Феодорой и ее дочерьми, если оно и не свидетельствует о преступном попустительстве папы Сергия или о еще более позорной связи, в которой его обвиняли в скандале того времени, то, по крайней мере, доказывает полное разложение папской власти в Риме. Она не только утратила всякую власть, но даже не могла поддерживать внешнюю пристойность. Феодора родилась в знатной и богатой сенаторской семье, которой она принесла позорную бессмертность. Женщины Рима, кажется, в разные периоды были охвачены своего рода римской амбицией превзойти свой пол величием своих добродетелей и пороков. Эти женщины были для Паулы и Евстохии более молодого и строгого века римского христианства тем же, чем Юлии и Мессаллины империи были для Волумнии и Корнелии республики.

[911-928 гг. н. э.]

Следует признать, что если суровый язык Тацита и Ювенала, возможно, приукрасил пороки цариц и дочерей цезарей, то епископ Кремоны, [Эдуард Эллингтон](#), наш главный авторитет в вопросах злодеяний Феодоры и ее дочерей, лишен морального достоинства, хотя он подвержен тем же подозрениям, что и эти великие писатели. На протяжении всей жизни самих понтификов нам приходится балансировать между злобной свободой сатиры и бессмысленными фразами льстивых панегириков. С другой стороны, трудно решить, что более нехристианско: глубокая ненависть, которая могла придумать или подтвердить такие истории; полная распушенность, которая заставляла легко в них верить; или фактическая правда таких обвинений.

Лиутпранд [з](#) рассказывает, что Иоанн, впоследствии десятый папа с таким именем, работая в Риме по некоторым церковным делам у архиепископа Равенны, был любовником Феодоры, которая не только позволяла ему обнимать себя, но и принуждала его к этому. Иоанн был сначала назначен на кафедру в Болонье, но архиепископство Равенны, второе по значимости церковное достоинство в Италии, освободилось до его рукоположения, и он был возведен на эту кафедру тем же доминирующим влиянием. Но Феодора с нетерпением переносила разлуку со своим любовником, который находился в двухстах милях от нее. Анастасий III сменил Сергия (911) и занимал папский престол чуть более двух лет; после него Ландо в течение шести месяцев (913). После смерти Ландо (914) в результате более вопиющего нарушения канонического правила, чем то, в котором обвиняли мертвое тело Формоза, Иоанн был переведен из архиепископства Равенны на престол Рима. Но Феодора, если она действительно обладала этой диктаторской властью, и духовенство и народ Рима, если они подчинялись ее указаниям, возможно, руководствовались более благородными и лучшими мотивами, чем удовлетворение ее похотливой страсти, если не чисто христианскими мотивами. Ибо, каким бы ни был архиепископ Равенны как духовный глава христианского мира, он, по-видимому, был в высшей степени приспособлен для светской части своей должности. Он был человеком способным и смелым, крайне необходимым в

этот момент, чтобы спасти Рим от захвата мусульманами, организовав для этой цели мощный союз соседних герцогов.

Он встал во главе армии, и впервые преемник святого Петра, наместник Князя мира, выехал в полном вооружении на битву. И если успех, который, без сомнения, был достигнут, можно было истолковать как проявление божественного одобрения, то полное разгромом сарацин и разрушением неприступной крепости на Гарильяно, казалось, одобряло этот новый и неподобающий характер, принятый папой. Даже апостолы одобрили или обеспечили своим присутствием триумф воинственного папы.

В течение четырнадцати лет (914-928), неясных с точки зрения Рима и папства, этот могущественный прелат занимал римскую кафедру. Если он и получил ее (что сомнительно) благодаря порокам и влиянию матери Феодоры, то потерял ее, вместе со своей жизнью, из-за не менее вопиющих пороков и еще более чудовищной власти дочери Марозии.

ПРЕСТУПНАЯ МАРОЗИЯ

Феодора исчезает, а папа Иоанн X оказывается вовлеченным в ожесточенную борьбу за власть в Риме с Марозией и ее любовником или мужем, маркизом Альбериком, от которого у нее был сын с тем же именем, впоследствии ставший тираном города. Энергичный и воинственный понтифик удается изгнать Альберика из города; Альберик, вероятно, встретил свою смерть вскоре после этого (925 г.). Говорят, что он был убит римлянами в отместку за какой-то тайный союз с венграми, которые в то время опустошали Италию и достигли самых границ Калабрии.

Смерть мужа не ослабила, а усилила власть Марозии. Говорят, что ее личное очарование и беспринципное использование этого очарования приумножили число ее сторонников до бесконечности. Ее любовники образовали сильную партию. Империя была без владыки. Не было никакого правителя, к которому папа мог бы обратиться. Марозия захватила замок Святого Ангела и с помощью этого ценного приданого, которое позволяло ей управлять Римом, она попыталась укрепить свою власть с помощью какого-то великолепного союза. Гвидо, герцог Тосканы, сын маркиза Адальберта, не пренебрег браком с распутной женщиной, которая принесла в приданое Рим.

Иоанн X остался один, чтобы бороться за власть в Риме с Мароцией и ее тосканским мужем. Ни Рим, ни хозяйка Рима не ценили реальных заслуг Иоанна X перед христианством и Италией. Бывший любовник ее матери, спаситель Рима от сарацин, как утверждал общественный скандал, был застигнут врасплох в Латеранском дворце этой смелой женщиной. Его брат Петр, как представляется, его большая опора в борьбе за власть в Риме и, следовательно, объект особой ненависти Гвидо и Марозии, был убит на его глазах. Папа был брошен в тюрьму, где через несколько месяцев он умер (929 г.) либо от мучений и отчаяния, либо более быстрым способом. Ходили слухи, что его задушили подушкой. Для Мароции не было слишком жестоких средств, чтобы применить их даже против папы.

Марозия не рискнула сразу посадить своего сына на папский престол. Несколько месяцев папой был Лев VI, а два года и один месяц — Стефан VII. Возможно, этот сын был еще слишком молод, даже для этой бесстыдной женщины, чтобы она могла возвысить его до высшего церковного сана; возможно, ее муж Гвидо все еще испытывал некоторое уважение к священному сану, некоторые колеблющиеся чувства приличия. Но после смерти Стефана Марозия снова правила в Риме одна; ее муж Гвидо был мертв, а ее сын стал папой. Иоанн XI (согласно слухам того времени, о которых Лютпранд, последователь Уго Прованского, может быть принят за достоверного репортера) был сыном Марозии от папы Сергия; более надежные источники считают его законным сыном ее мужа Альберика. Но раболепное духовенство и народ без сопротивления подчинились приказам своей патрицианской госпожи; сын Марозии стал преемником святого Петра.

Но амбициозная Марозия, не довольствуясь тем, что была женой маркиза, женой богатого и могущественного герцога Тосканы, возможно, любовницей одного, а наверняка матерью другого папы, стремилась еще выше в своей похотливой амбиции; она должна была выйти замуж за монарха. Она послала предложение о себе и о городе Риме новому королю Италии, Уго Прованскому, который не был щепетилен в своих любовных похождениях, законных или незаконных. Из политических соображений или из страсти он всегда был готов завязывать или разрывать эти нежные связи. Осторожная Марозия не позволила его армии войти в город, но приняла своего королевского жениха в замке Святого Ангела. Там и было отпраздновано это нечестивое бракосочетание.

ВОССТАНИЕ РИМА

[931-953 гг. н. э.]

Епископ X века

Но хотя римляне могли терпеть господство римлянки, они не могли терпеть господство иностранца. Грубые пороки, обжорство солдат Уго оскорбляли привередливых итальянцев. Наглость самого Уго вызвала восстание. Дворяне были вынуждены выполнять подневольные обязанности, которые, вероятно, были обычными в полуфеодальных трансальпийских дворах, но чужды итальянским нравам. Альберик, сыну Марозии, было приказано держать воду, в которой король Уго мыл руки. Выполняя свою обязанность неловко и неохотно, он пролил воду и получил удар по лицу от короля. Возможно, Альберик уже завидовал продвижению своего брата на папский престол и возмущался преданностью матери ее новым иностранным связям. Он был смелым юношей; он организовал заговор среди римской знати; он апеллировал к старой римской гордости: «Разве эти бургунды, бывшие рабы Рима, могут тиранить римлян?» При звоне колокола весь народ собрался под его знаменем и атаковал замок Святого Ангела, прежде чем Уго смог впустить свои войска. Альберик остался хозяином замка, своей матери и папы. Он бросил этих двоих в тюрьму, бросил вызов королю Италии, который совершил позорное отступление, и с тех пор оставался хозяином Рима.

В течение четырех лет папа Иоанн XI фактически оставался в плену, по крайней мере, не участвуя в управлении Римом, ему разрешалось только выполнять свои духовные функции. Альберик правил без помех. Король Уго пытался подкупить его, чтобы он сдал Рим, предложив ему в жены свою дочь; более хитрый Альберик женился на дочери и сохранил власть над Римом. После смерти Иоанна на папский престол вступили Лео VII, Стефан IX, Марин II (или Мартин III) и Агапет II, которые, без сомнения, были назначены

исключительно по воле Альберика, но практически не имели власти в Риме, не обладали никакими признаками своего достоинства и тем более святости. Они оставались папами за пределами Альп. В эти беспокойные времена не только верховный понтифик находился в угнетенном положении. Великие церковники были вовлечены в большинство коварных и кровавых событий того периода. Индивидуальная энергия давала епископам города большую власть, но поскольку они действовали с таким же малой сдержанностью, то к этим прелатам относились с таким же малым почтением, как и к светским князьям.

На протяжении всего правления Хьюго Прованского, несмотря на открытые или вероломные нападения этого короля, Альберик, будь то как вооруженный тиран, управляющий Римом из замка Святого Ангела, или как глава республики, признанный голосом римского народа, сохранял свою власть. Он правил двадцать два года; после своей смерти (953 г.) он завещал эту власть своему сыну Октавиану.

ПАПА ИОАНН XII

[953-963 гг. н. э.]

Октавиан, хотя ему было всего девятнадцать лет, стремился объединить в своей особе гражданскую и духовную власть. Он уже был рукоположен в священники; через два года после смерти своего отца Альберика умер папа Агапет II, и Октавиан, по добровольному или принудительному голосованию духовенства и народа, был избран папой. Он был первым из римских понтификов, который сменил, или, вернее, принял второе церковное имя; гражданское правительство, по-видимому, осуществлялось под именем Октавиана, а церковь управлялась под именем Иоанна XII.

Тем временем в Германии появился монарх, более могущественный, чем любой другой в Европе со времени смерти Карла Великого, — Отто (Ото) Великий. Отто предпринял некоторые шаги для посещения Рима, чтобы получить императорскую корону из рук папы Агапета. Вся Италия ждала прихода нового Карла Великого. При его появлении сопротивление исчезло. Беренгар и Адальберт заперлись в своих самых крепких крепостях. Это была триумфальная процессия в Павию — в Рим. В Павии Отто Великий был коронован королем Италии, в Риме папа помазал его на императорский престол (962 г.). С тех пор король Германии претендовал на титул западного императора. Оттон поклялся защищать римскую церковь от всех ее врагов, поддерживать ее права и привилегии, восстанавливать ее земли и владения, когда он их вернет, и не вносить никаких изменений в управление Римом без санкции папы. Иоанн XII и римский народ принесли присягу на верность императору; они поклялись, в частности, отказаться от всяких связей с Беренгаром и его сыном. Присяга была принесена на могиле святого Петра.

Однако едва император вернулся в Павию, как вероломный Иоанн, обнаружив, что он неосторожно ввел себе господина вместо покорного союзника, начал переписываться с Адальбертом, который, изгнанный из всех итальянских городов, нашел убежище у сарацин. Слухи об этой измене дошли до императора. Благородный германец не хотел верить в такое чудовищное вероломство; он послал нескольких надежных офицеров выяснить правду; они вернулись с ужасающим списком преступлений, разврата и жестокости, в которых, по единодушному мнению Рима, был виновен сын Альберика, который, по-видимому, полностью заменил образ папы образом молодого, воинственного, светского князя. В июле 963 года Отто выступил на столицу; понтифик рассчитывал на сердечную поддержку народа, но тот отвернулся от него, и папа с Адальбертом вместе бежали из Рима.

[963-964 гг. н. э.]

Император созвал церковный собор, на котором присутствовали архиепископы Аквилеи (в лице своего представителя), Милана, Равенны и Гамбурга, два немецких и два французских митрополита, а также большое число епископов и пресвитеров из Ломбардии, Тосканы и всех частей Италии. Вся римская милиция собралась в качестве охраны собора вокруг церкви Святого Петра. Ход собора отражает дух того времени. Был задан вопрос, почему папа не присутствует. Среди духовенства и народа раздался общий возглас удивления: «Даже иберийцы, вавилоняне и индийцы слышали о чудовищных преступлениях папы. Он не волк, который снисходит до овечьей шкуры; его жестокость, его дьявольские поступки открыты, признаны, презирают сокрытие». Более спокойная справедливость императора () требовала конкретных обвинений. Кардинал-пресвитер встал и заявил, что видел, как папа Иоанн отправлял мессу, не причащаясь сам. Другой сказал, что он рукоположил епископа в хлеву, что он брал взятки за рукоположение епископов и рукоположил епископа Тоди, которому было всего десять лет. «Все могли видеть его святотатства», — имели в виду, вероятно, разрушение церквей, которые были открыты для непогоды и настолько ветхи, что верующие не могли собираться из-за страха, что крыши могут обрушиться им на головы.

Затем последовали более мрачные обвинения, смешанные с менее отвратительными, в странной путанице, обвинения в прелюбодеянии, инцесте, с именами женщин, одна из которых была наложницей его отца, другая — вдовой и ее племянницей; он превратил Латеранский дворец в бордель; он был виновен в охоте; обвинения в жестокости, ослеплении одного высокопоставленного священнослужителя, кастрации другого, оба умерли во время операции; он развязал огонь и меч и сам постоянно появлялся вооруженным мечом, копьем, шлемом и нагрудником. Как церковные, так и светские лица обвиняли его в том, что он пил вино из любви к дьяволу; в том, что во время азартных игр он призывал языческих божеств, дьяволов Юпитера и Венеру. Он постоянно пренебрегал утренними и вечерними молитвами и никогда не крестился.

Император мог говорить только по-немецки; он приказал епископу Кремоны обратиться к собранию на латыни. Лиутпранд предупредил совет, он заклинал их святой Девой и святым Петром не выдвигать против святого отца неопределенных обвинений, а также таких, которые не могут быть подкреплены достоверными свидетельствами. Епископы, диаконы, духовенство и народ единодушно ответили: «Если мы не докажем эти и другие преступления против папы, пусть святой Петр, держащий ключи от небес, закроет перед нами врата; пусть мы будем подвергнуты анафеме, и пусть эта анафема будет утверждена в день суда!» Они обратились ко всей армии Оттона с вопросом, не видели ли они папу в полном доспехе на другом берегу Тибра; но из-за реки его и взяли в этом одеянии.

Были отправлены письма, призывающие папу ответить на эти обвинения; некоторые из них были настолько непристойны, что их сочли бы нескромными, если бы они были выдвинуты против актеров театра. Если папа опасался нападения со стороны разъяренной толпы, император отвечал за его безопасность. Ответ папы был кратким и презрительным: «Иоанн, слуга Божий, всем епископам. Мы слышали, что вы намереваетесь избрать нового папу; если вы это сделаете, то во имя Всемогущего Бога я отлучаю вас от церкви и запрещаю вам давать священные чины и отправлять мессу!»

Папа Иоанн трижды вызывался на собор. Посланцы были отправлены в Тиволи; ответ был: «Папа уехал на охоту». Беспрецедентные беды требуют беспрецедентных мер.

Императора призывали изгнать этого нового Иуду с престола апостола Петра () и санкционировать новые выборы. Лео, главный секретарь римской курии, был единогласно избран на место отступника Иоанна XII, хотя и был мирянином.

Но армия Оттона, феодальная армия, обязанная служить в течение ограниченного периода, начала уменьшаться; часть ее была неосмотрительно рассеяна по дальним предприятиям; римляне, как обычно, скоро устали от иностранного, германского ига. Послы папы Иоанна выждали удобного случая; против императора и его папы вспыхнуло яростное восстание народа. Отто, прорвавший баррикады на мосту через Тибр, подавил восстание (964 г.). Он отомстил жестоко. Мольбы Льва с трудом остановили резню. Вскоре после этого Отто покинул Рим () и двинулся в сторону Камерино (Camerinum) и Сполето в погоню за королем Адальбертом. Король Беренгар и его жена Вилла были взяты в плен в замке Святого Лео и отправлены в Германию.

[964-966 гг. н. э.]

Однако едва Отто покинул город, как новое восстание, организованное патрицианскими женщинами Рима, поднялось против беззащитного Лео и открыло ворота города Иоанну. Лео с трудом бежал в лагерь Отто. Безжалостный Иоанн вновь вошел в город, возобновил свою папскую власть, схватил и покалечил лидеров императорской партии; одному он отрезал правую руку, другому — язык, нос и два пальца; в таком состоянии они появились в императорском лагере. Послушный синод отменил декреты, которые сместили Иоанна. Римский народ теперь с еще большим рвением поддержал дело сына Альберика, поскольку император был вынужден отложить поход, пока не смог собрать достаточно сильные войска для осады города. Однако до этого его собственные пороки избавили Рим от его защитника или тирана, а христианский мир — от его худшего понтифика. Пока он предавался любовным утехам в отдаленной части города, папа Иоанн XII был убит (14 мая 964 г.) рукой Божьей, как полагали более религиозные люди; другие считали, что это произошло по более естественной причине — от кинжала обиженного мужа.

Но это было римское или итальянское, возможно, республиканское чувство, которое в последнее время привязало граждан к сыну Альберика, а не личная любовь или уважение к его понтификальному характеру. Они смело приступили сразу, не обращая внимания на императора, к избранию нового папы, Бенедикта V. Отто вскоре появился перед стенами; он созвал город и приказал калечить каждого римлянина, который попытается сбежать. Республика была вынуждена сдаться. Бенедикт, новый папа, был приведен к императору. Кардинал-архидиакон, который примкнул к делу Леона, спросил, каким правом он осмелился узурпировать папские одежды при жизни Леона, законного папы. «Если я согрешил, — сказал смиренный прелат, — помилуй меня». Говорят, что император заплакал. Бенедикт бросился к ногам Оттона, снял священное паллиум и передал свой посох Льву. Лев сломал его и показал народу. Бенедикт был низведен до сана диакона и сослан в Германию. Он умер в Гамбурге.

Благодарный, или вассальный, папа на соборе признает полное право императора Оттона и его преемников в королевстве Италия, как Адриан право Карла Великого, избирать своих преемников в империи и утверждать папу. Это право должно было принадлежать навсегда королю Римской империи и никому больше.

В начале следующего года император Отто вновь пересек Альпы. Лев VIII умер в марте 965 года, и делегация из Рима последовала за императором в Германию, чтобы просить о восстановлении изгнанного Бенедикта в папском престоле. Но Бенедикт тоже был мертв. Епископ Нарни (Иоанн XIII) с одобрения или по приказу императора был избран папой.

Едва Иоанн XIII вступил на папский престол, как бароны и народ начали роптать против высокомерия нового понтифика. Они единодушно изгнали его из города. Префект Ротфред, не без личного оскорбления папы, взял на себя управление Римом; в течение десяти месяцев Иоанн XIII был изгнан из своей епархии, сначала как пленник, а затем как свободный человек. Из своего убежища в Кампании он написал императору срочное прошение. Отто принял дело Иоанна как свое собственное; в третий раз он спустился с Альп; ужас перед его приближением потряс народную фракцию. В ходе контрвосстания в пользу папы префект Ротфред был убит, и ворота открылись для понтифика; его встретили гимнами радости и поздравлениями. На Рождество Отто вступил в Рим, и император и папа в этот святой праздник обрушили страшную месть на мятежный город. Гордые римские титулы казались не более чем предметом насмешки для германского императора и его вассала папы. Тело префекта, изгнавшего Иоанна из города, было извлечено из могилы и разорвано на куски. Консулы бежали в изгнание за Альпы, но двенадцать трибунов были повешены; действующий префект был посажен на осла с мешком вина на голове, провели по улицам, выпороли и бросили в тюрьму. Вся Европа, привыкшая к актам бесчеловечности, содрогнулась от этих зверств.

Епископ X и XI веков

Восстание было на время подавлено; в течение пяти оставшихся лет понтификата Иоанна присутствие Оттона устрашало непокорных римлян. Он правил в мире. После его смерти три месяца прошла без изменений вакансия епископского престола, что свидетельствует о скромном учете пожеланий Оттона (который к тому времени уже вернулся в Германию) при назначении его преемника.

Выбор пал на Бенедикта VI, как обычно родом из Рима (19 января 973 года). Фракции Рима теперь совершенно сбивают с толку предположения относительно их мотивов, относительно страстей, а не принципов, которые движут их лидерами. Дважды (второй раз через десять лет, в течение которых он отсутствовал в Риме) один и тот же человек, кардинал-диакон, захватывает и убивает двух пап; провозглашает себя верховным понтификом; но, несмотря на власть совершать эти злодеяния, он не может удержать ни в одном из случаев свою нечестно завоеванную тиару.

Грозный Отто Великий умер в год вступления на престол Бенедикта VI (25 декабря 967 г.). Отто II, характер которого пока был неизвестен, унаследовал императорский трон; он уже был коллегой своего отца в империи. Он был коронован в Риме папой Иоанном XIII.

[974-985 гг. н. э.]

В год после вступления на престол Оттона II неожиданно Бонифаций, прозванный Франконе, сын Ферруччо, имя которого, несомненно, было хорошо известно его современникам, схватил ничего не подозревающего папу Бенедикта и бросил его в темницу (июль 974 г.), где вскоре он был задушен. Бонифаций занял папский престол, но он просчитался в силе своей фракции; через месяц он был вынужден бежать из города. Однако он бежал не так спешно, чтобы не унести с собой все сокровища, даже священные сосуды из церкви Святого Петра. Он добрался до Константинополя, где, казалось, был забыт в своем уединении. Мирная смена Бенедикта VII, племянника или внука знаменитого Альберика, может привести к выводу, что фракция этой семьи все еще существовала и противостояла фракции Бонифация. Первым делом Бенедикта, как и следовало ожидать, было созыв собора для отлучения от церкви убийцы и антипапы Бонифация. Это первый и последний важный акт в бесплодных анналах Папы Бенедикта VII. Под защитой императора Оттона II или благодаря силе своей римской фракции он сохранил мирное владение престолом в течение девяти лет, что было необычным периодом спокойствия. Его преемником, несомненно, благодаря влиянию императора, стал Иоанн XIV, который не был римлянином, а епископом Павии. Но в год вступления Иоанна на престол (983 г.) Отто II готовил большую армию, чтобы отомстить за ужасное поражение от сарацин. Он едва успел спастись от завоевателей-сарацин, прыгнув с греческого корабля в море и доплыв до берега. Теперь он угрожал всеми силами королевства перекинуть мост через Мессинский пролив и воссоединить Сицилию с Западной империей. В разгар приготовлений он умер в Риме.

Беглец Бонифаций Франконе поддерживал переписку с Римом; он мог рассчитывать на непопулярность понтифика, если не немецкого происхождения, то навязанного иностранным влиянием и теперь лишенного своего всемогущего покровителя. Так же внезапно, как и раньше, он вновь появился в Риме, схватил папу, заключил его в замок Святого Ангела, важную крепость, которой он стал хозяином, и там казнил его голодом или ядом (20 августа 984 года). Он выставил тело на обозрение народа, который не осмелился роптать. Он, по-видимому, без сопротивления занял папский престол. Святой престол был быстро избавлен от этого кровавого узурпатора. Он умер внезапно. Народ отомстил за свое собственное низкое согласие с его узурпацией, подло оскорбляя его мертвое тело; его тащили по улицам и в конце концов похоронили, либо из сострадания, либо из привязанности (ведь у Бонифация, должно быть, была влиятельная фракция в Риме) со стороны некоторых церковников. Эти кровавые революции не могли не уничтожить всякое почтение к церковным правителям у народа Рима.⁴

ЧАРЛЬЗ КИНГСЛИ О ВРЕМЕННОЙ ВЛАСТИ

Объединенная Италия не устраивала взгляды пап тогда не больше, чем сейчас. Они не только считали Рим по-прежнему центром западного мира, но и, более того, их торговый товар находился в Риме. Цепи святого Петра, гробницы святого Петра и святого Павла, катакомбы, заполненные костями бесчисленных мучеников — все это было их источником дохода. Отдавая их, продавая их, творя чудеса с их помощью, призывая паломников со всех концов христианского мира посетить эти места, они сохраняли свою власть и богатство.

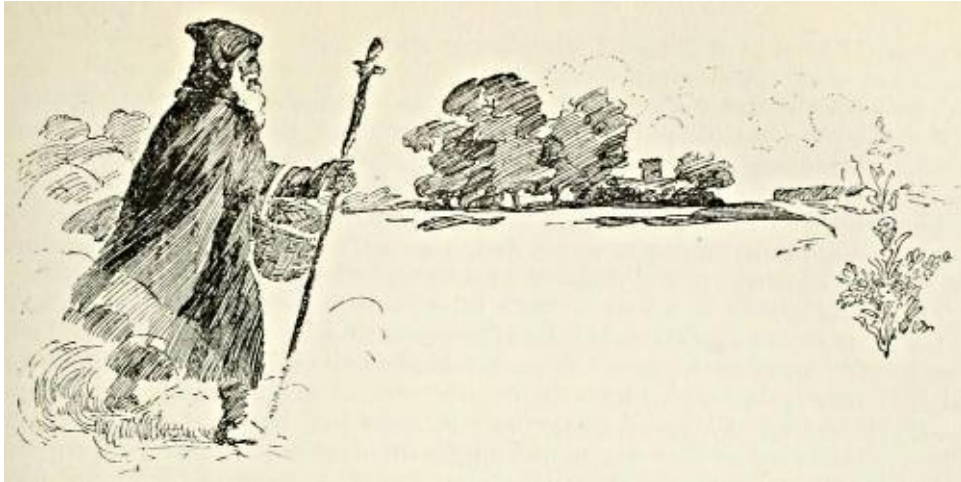
Получив от Пепина и Карла Великого то, что они хотели, они по-прежнему были заинтересованы в проведении той же политики: укреплять свою независимость, как они делали с Карлом Великим и его преемниками, защищая притязания иностранных королей на суверенитет над остальной частью Италии. Такова была их политика на протяжении веков. Это по-прежнему их политика, и эта политика была проклятием Италии. Этот роковой дар наследия Святого Петра — как видел Данте, как видел Макиавелли, как видели все дальновидные итальянцы — держал ее разделенной, раздираемой гражданскими войнами, завоеванной и вновь завоеванной иностранными захватчиками. Неспособный, как безбрачный священнослужитель, объединить свои владения в сильное наследственное королевство; неспособный, как жрец священнической касты, объединить свой народ узами национальной жизни; неспособный, как пытался сделать Борджиа, завоевать для себя остальную часть Италии и сформировать из нее королевство, достаточно большое, чтобы иметь вес в балансе сил, папа был вынужден снова и снова удерживать себя на троне, интригуя с иностранными князьями и призывая иностранные войска; и проклятием Италии со времен Стефана III () до Пьеса IX (Pius IX) была светская власть папы. Но и на пап обрушилась кара. Опираясь в своем владычестве на римские реликвии, на басню о том, что Рим был наследием Петра, они строили свою власть на лжи, и эта ложь отомстила им.

Приняв ложную позицию мелких королей мелкого королевства, они были вынуждены терпеть постоянное вероломство и тиранию со стороны своих иностранных союзников — видеть, как не только Италия, но и сам Рим подвергаются оскорблениям и даже разграблениям со стороны верных католиков, и с течением веков все больше и больше становиться инструментами тех самых королей, которых они хотели сделать своими инструментами.

Правда, они долго защищались, и с удивительным мастерством и мужеством. У них было два источника власти: моральный и чудотворный, и они использовали их оба; но когда первый иссяк, второй стал бесполезным. До тех пор, пока их моральная сила была реальной, пока они и их духовенство в целом, несмотря на огромные недостатки, были лучшими людьми в Европе, до тех пор народ верил в них и в их чудотворные реликвии. Но они ни в коем случае не стали лучшими людьми в Европе. Тогда они начали думать, что в конце концов легче работать с материальной силой, чем с моральной — легче работать с костями, чем с праведностью. Они были обмануты. И вот, когда праведность исчезла, кости перестали действовать. Люди начали сомневаться в силе костей и спрашивать: «Мы можем поверить, что кости творили чудеса для хороших людей, но для плохих? Мы проверим, творят ли они вообще какие-либо чудеса». И тогда, вот, выяснилось, что кости не творили чудес и что, возможно, они вовсе не были костями святых; и тогда разразилась буря; и ложь, как и все ложь, наказала сама себя. Соль потеряла свою соленость. Те, кто были светом Европы, стали ее тьмой; те, кто были первыми, стали последними; предупреждение человечеству до конца времен, что только на истине и добродетели зависит единственная непреходящая сила.^{[h](#)}

СНОСКИ

^{[\[91\]](#)} Другой священнослужитель с тем же именем был избран народом сразу после смерти Захарии, но он не дожил до своего возвышения. На третье утро после избрания он был поражен апоплексическим ударом, и, поскольку он не был рукоположен, его иногда опускают в папском календаре. См. Platina,^{[i](#)} p. 152, и Fleury.^{[j](#)} Baronius^{[k](#)}, по-видимому, утверждает, что исключение его имени из календаря является ошибкой.

ГЛАВА III. РАЗГАР ПАПСТВА

[985-1305 гг. н. э.]

Во время несовершеннолетия Оттона III тосканская партия осуществляла бесспорную власть в Риме, не подвергаясь никакому контролю со стороны. Как только умер Оттон II, Бонифаций VII вернулся из изгнания, схватил своего соперника Иоанна XIV и казнил его голодом, после чего в течение двух лет беспрепятственно занимал папский престол. Тем не менее Бонифаций VII не был другом тосканской партии. Его тело было оскорблено народом. Преемник Бонифация, Иоанн XV, не оказался таким податливым, как того желал консул Крешенций, и был изгнан из Рима, в результате чего ему пришлось вновь обратиться к императорской власти. Ему было разрешено вернуться.^{[b](#)}

После своей смерти Отто III обязал духовенство и народ избрать его племянника Бруно, немца, которому было всего двадцать лет. Но главный контроль над городом в настоящее время находился в руках сенатора Крешенция (Cencius), человека, к которому император не мог не относиться с чувством страха и ревности. Посетив Рим с целью получения посвящения, он предпринял меры по его изгнанию, но не смог осуществить их из-за уговоров своего племянника, который принял имя Григорий V. Милосердие понтифика было плохо вознаграждено. Крешенций, после отъезда императора, изгнал его из города и передал папскую власть греку, который принял имя Иоанн XVI. Григорий тем временем бежал в Ломбардию и, созвав нескольких епископов на встречу в Павии, отлучил от церкви как Крешенция, так и Иоанна. Говорят, что его приговор поддержали почти вся Италия, Германия, и Франция. Император, со своей стороны, не теряя времени, отправился в

столицу, где его появление мгновенно наполнило сердца виновных римлян ужасом. Иоанн был арестован, когда собирался покинуть город, и императорские офицеры, опасаясь, что их господин проявит снисходительность к преступнику, немедленно вырвали ему язык и выкололи глаза. Крешенций подвергся более мягкому наказанию — обезглавливанию; а Григорий, таким образом избавившись от своих врагов, сохранил папский сан до 999 года. Его преемником стал Герберт, архиепископ Равенны, которого Отто избрал в знак благодарности за услуги, оказанные ему в качестве наставника.^c

СОН ОТТО III

[999-1046 гг. н. э.]

Император одержал победу и осуществлял бесспорную власть в городе цезарей. В этот момент в его воображении возник грандиозный план. Рим должен был вновь занять свое древнее место как столица империи. На престоле Константина должен был восседать император, который будет править как Константин и вновь поднимет империю на вершину могущества. Должен был быть назначен истинный апостольский папа, второй Сильвестр, который реформирует духовенство и исправит позорную алчность и пороки римской церкви.

После смерти Григория V этот план казался готовым к реализации. Указ, изданный Оттоном III о выборе его наставника Герберта, который принял имя Сильвестра II в намек на отношения Константина и Сильвестра I, провозгласил Рим столицей мира, а римскую церковь — матерью церквей; в нем описывалось, как достоинство римской церкви было затмлено ее нерадивыми папами, как имущество церкви было растрачено на отбросы человечества, как прелаты сделали все продаваемым и таким образом ограбили даже алтари апостолов. Она объявила дарения Константина и Карла Лысого недействительными и поддельными; она взяла на себя не только право избирать, но и, по милости Божьей, создавать и рукополагать папу, и предоставила ему восемь графств для его поддержки. Тысячелетний период христианской эры должен был увидеть, как все старые злоупотребления будут сметены, а новый режим установлен. Новая эра должна была начаться с нового Константина и нового Сильвестра. Год 1000 должен был положить начало переменам. Но как тщетны замыслы людей! Дождались долгожданного года. Отто III действительно был в Риме, с дворцом, построенным на Авентине, с регулярной административной системой управления столицей. Его наставник Сильвестр II сидел на престоле Святого Петра, чтобы поддерживать и направлять его. Через три года оба они умерли.

Смерть Оттона положила конец всем попыткам реформ. Ведь в ту незаконную эпоху никто, кроме Оттона, не возвышался над своим окружением, чтобы запустить новую эру улучшений. Никто, кроме его наставника Сильвестра II, не мог сочувствовать его проектам. Когда эти две светила, подобно кометам, пронеслись по небу и исчезли, тьма ночи стала еще гуще, чем раньше.^b

С исчезновением этих двух выдающихся людей папство вновь погрузилось в прежнее упадничество. Феодалная знать — тот самый «отброс», который, по выражению одного современного писателя, Отто был призван «вымести из столицы», — вновь обрела свое господство, и папы стали столь же полными исполнителями ее воли, как когда-то были исполнителями воли восточного императора. Ведущей фракцией среди этой знати была фракция графов Тускулума, и в течение почти полувека папство было просто апанажем их

семьи. Как бы для того, чтобы выразить свое презрение к этой должности, они избрали на папский престол Теофилакта, сына графа Альберика, мальчика, которому едва исполнилось двенадцать лет (). Бенедикт IX (1033-1045), так его называли, вскоре отказался даже от внешних проявлений приличия, и его понтификат был опозорен всеми возможными излишествами. По мере того как он становился взрослым, его правление, совместно с правлением его брата, который был назначен патрицием или префектом города, напоминало правление двух капитанов бандитов. Скандал, связанный с его правлением, достиг апогея, когда стало известно, что, чтобы завоевать руку дамы, к которой он питал страсть, он продал саму папскую должность другому члену Тускуланского дома, архипресвитеру Иоанну, который принял имя Григория VI (1045-1046). Его короткое понтификат было в основном занято попытками защитить паломников, направлявшихся в Рим, от незаконных разбойников (которые грабили их, забирая дорогостоящие votivные дары, а также личное имущество), а также попытками силой вернуть отчужденные владения римской церкви. Однако до того, как он приобрел папский престол, жители Рима, уставшие от тирании и вымогательств Бенедикта, собрались по собственной инициативе и избрали другого папу, Иоанна, епископа Сабины, который принял имя Сильвестр III (конкурирующий папа, 1044-1046).

[1044-1054 гг. н.э.]

Тем временем Бенедикт был возвращен в Рим своими влиятельными родственниками и теперь вновь претендовал на священный пост. Таким образом, в течение короткого периода времени существовало три соперничающих папы, каждый из которых осуждал притязания других и боролся с ними с помощью вооруженной силы. Но даже в Риме чувство приличия и стыда не исчезло полностью, и в конце концов одна из партий в римской церкви поручила своему архидиакону Петру передать императору Генриху III прошение с просьбой о вмешательстве. Император, человек глубоких религиозных чувств и высокого характера, откликнулся на эту просьбу. Он, как и другие вдумчивые наблюдатели, давно заметил широко распространенное разложение, которое, следуя примеру курии, распространялось по всей церкви и было особенно заметно в сожительстве с наложницами и симонии, которые считались смертными грехами для духовенства. Он немедленно пересек Альпы и созвал собор в Сутри. Претензии трех соперничающих пап были поочередно рассмотрены и признаны недействительными, и немец Суиджер (Suidgar или Suger), епископ Бамбергский, был избран на эту должность под именем Климента II (1046-1047).

НЕМЕЦКИЕ ПАПЫ

Дегенерация церкви в этот период, по-видимому, была в некоторой степени компенсирована реформой монастырей, и из великого аббатства Клюни в Бургундии теперь вышла линия немецких пап, которые в значительной степени восстановили достоинство и репутацию своей должности. Но, будь то из-за климата, всегда не подходящего для немецкого организма, или из-за яда, как нередко предполагают современные хроники, их пребывание в должности было необычайно коротким. Климент II умер до конца года своего избрания. Его преемник Дамас II пробыл в должности всего двадцать три дня. Лев IX, который пришел ему на смену, занимал эту должность в течение исключительно длительного периода — более пяти лет (1049-1054). Этот понтифик, хотя и был родственником и кандидатом императора, отказался вступить на престол, пока его избрание не было утверждено голосами духовенства и народа, и его управление

должностью представляло собой максимально возможный контраст с управлением Бенедикта IX или Сергия III.

[1049-1064 гг. н.э.]

Во многих отношениях это был кризисный период в истории папства. Вместе со своим верным другом и советником, великим Гилдебрандом, он разработал планы фундаментальной реформы церкви, в которых ведущую роль играли борьба с симонией и браком (или сожителем, как его называли его противники) со стороны духовенства. В 1049 году на трех великих соборах, последовательно созванных в Риме, Реймсе и Майнце, были приняты новые каноны, осуждающие распространенные злоупотребления, и более четко утверждены принципы монашества в противовес традиционным для светского духовенства. Однако понтификат Льва закончился бесславно.

В злосчастный час он осмелился противостоять оккупации норманнами, чьи посягательства на Италию только начинались. Его недисциплинированные силы не могли составить конкуренцию норманнским отрядам, состоявшим из лучших воинов того времени. Он сам был взят в плен, пробыл в плену почти двенадцать месяцев и в конце концов был освобожден, но через несколько дней умер от горя и унижения. Но, хотя его собственная карьера закончилась таким позорным образом, услуги, оказанные Леоном делу римского католицизма, были велики и неизгладимы; и из всех его различных мер ни одна не способствовала стабильности его престола так эффективно, как создание коллегии кардиналов.

КОЛЛЕДЖ КАРДИНАЛОВ

Первоначально титул «кардинал» не был ограничен высокопоставленными лицами, связанными с римской церковью, но до сих пор каноническим требованием было, чтобы все, кто достигал этого достоинства, прошли через последовательные низшие церковные степени в связи с одним и тем же фондом; в результате кардиналы, связанные с римской церковью, были все итальянцами, в большинстве своем получившими образование в столице, имевшими лишь небольшой опыт жизни за ее пределами и неспособными оценивать церковные вопросы с точки зрения потребностей и настроений всего христианского мира. Внеся это изменение, Лев созвал лидеров партии реформ в рамках вновь созданного колледжа кардиналов и таким образом привлек к своей должности группу способных советников с более широкими взглядами и менее узкими симпатиями. С их помощью управление папскими обязанностями стало сразу же более легким и эффективным.

Сам понтифик был освобожден от привязанности к столице и, даже будучи изгнан из Рима, мог по-прежнему следить за интересами как своей епархии, так и всей церкви во всех их расширенных отношениях; и теперь папство следует рассматривать как вступившее в новую стадию своей истории — стадию почти непрерывного прогресса к вершине власти. Согласно Ансельму [\[1\]](#) из Лукки, именно во время понтификата Льва, на вышеупомянутом синоде в Реймсе, титул «апостольский епископ» (*apostolicus*) был впервые объявлен принадлежащим исключительно папе Рима.

Короткий понтификат Николая II (1059-1061) запомнился главным образом тем, что тогда были введены коренные изменения в порядке избрания на папский престол. Декретом Второго Латеранского собора (1059) право назначения на эту должность было закреплено исключительно за кардиналами-епископами, а низшее духовенство, граждане и

император сохранили за собой лишь право выражать или отказывать в своем согласии. Было также постановлено, что кандидатом всегда должен быть один из членов римского духовенства, если только среди них не удалось найти подходящего человека. В то же время были объявлены самые суровые анафемы против всех, кто осмелится нарушить это постановление, будь то по букве или по духу.

Превосходство, обеспеченное таким образом ультрамонтанской партии и итальянским интересам, следует рассматривать как оказавшее существенное влияние на всю последующую историю папства. То, как это повлияло на имперское влияние, вскоре проявилось в выборе преемника Николая, когда линия немецких пап была прервана избранием Ансельма, епископа Лукки (дяди историка), который взошел на папский престол как Александр II (1061-1073) без санкции императора. Его избрание было немедленно оспорено последним, и в течение двух лет римское государство было потрясено гражданской войной, в которой Гонорий II поддерживался имперскими войсками в качестве соперника, а Александр удерживал свою позицию только при поддержке норманнских войск. Соответствующие заслуги их претензий были рассмотрены на соборе, созванном в Мантуе, и решение было принято в пользу Александра. Кадалус, так звали его соперника, не признал справедливость приговора, но ушел в тень; и остаток понтификата Александра, хотя и был омрачен спорами о женатом духовенстве, прошел без фактических вооруженных конфликтов. В этих весьма спорных вопросах церковной дисциплины Александр, который в основном был обязан своим избранием Хильдебранду, архидиакону римской церкви, руководствовался исключительно советами этого способного церковного деятеля, и в 1073 году Хильдебранд сам вступил в должность под именем Григория VII (1073-1085).^d

МИЛМАН О МИССИИ ПАПСТВА

[1064-1073 гг. н.э.]

Гильдебранд теперь был папой; великая борьба за господство над человеческим разумом, конфликт между светской и духовной властью, который велся на протяжении нескольких столетий в виде беспорядочной и прерывистой войны, теперь должен был вестись смело, открыто, безжалостно, до подчинения одной из сторон другой. Священническое, или, вернее, папское христианство еще не выполнило свою миссию, поскольку без папского контроля священническое правление утратило бы свое единство, а вместе с ним и свою власть. Без духовенства, не воздействующего то здесь, то там с нерегулярным и несогласованным возбуждением на религиозные чувства человека, пробуждая в одной части страны энергичный энтузиазм, в то время как в других частях Европы люди были оставлены на произвол судьбы, чтобы впасть в какое-то новое христианское язычество или в инертное привычное христианство формы; без всего ордена, работающего по фиксированной и определенной системе, через вероучения, освященные древним почитанием, и церемонии, охраняемые строгими обычаями; без этого огромного единообразного иерархического влияния, где бы в те века анархии и невежества, грубой силы и дремлющего интеллекта было само христианство? И если смотреть только на его временное состояние, чем был бы мир без христианства?

Папство еще предстоит выполнить более великолепную часть своей судьбы. Оно продемонстрировало достаточную жизненную силу, чтобы оправиться от своего, казалось бы, непоправимого упадка. Можно было бы предположить, что столь глубокое моральное и религиозное лишение полностью уничтожило бы то почтение к мнению, которое было единственной основой папской власти. Завеса была поднята, и Италия, по крайней мере,

если не вся Европа, увидела под ней не отражение божественного величия и святости, а идола, отвратительного не только для чистого нравственного чувства, но и презренного за свою слабость. Если веками святости в сердцах людей было глубоко укоренилось почитание преемника святого Петра, то оно было бы парализовано (как мог бы ожидать мир) и уничтожено более чем веком отвратительных и нехристианских пороков. Духовное преемство должно быть нарушено и прервано такими недуховными наследниками. Мог ли глава христианского мира, живя в самой нехристианской порочности, увековечить свое происхождение и передать по наследству власть и авторитет, не обладая ни капелькой той набожности и добродетели, которые были, по крайней мере, одним из его титулов на эту трансцендентную власть?

Но эта идея или это мнение не просуществовали бы веками, если бы не обладали достаточной силой, чтобы примирить своих приверженцев с противоречиями и несоответствиями. Для всей германской части латинского христианского мира вера в верховенство папы была сопоставима с их христианством; она была частью их первоначального вероучения наравне с искуплением; их апостолы были уполномочены папой; они смиренно обращались к нему за наставлениями и поддержкой, даже почти за разрешением продолжать свое священное приключение. Августин, Бонифаций, Эббо, Анскар были папскими миссионерами. Если вера Италии была потрясена слишком знакомым взглядом на то, что немцы созерцали с более отдаленным и неясным почтением, то национальная гордость, особенно в Риме, приняла духовное как компенсацию за потерю временного верховенства; он перестал быть центром империи, но не мог смириться с тем, чтобы не быть центром церковного господства. Ревность к папе, избранному или даже рожденному не в Италии, свидетельствовала о жизнеспособности веры в папство, которая опровергалась столькими актами насилия по отношению к отдельным папам.

Религиозные умы были в основном оскорблены несоответствием между жизнью и положением папы, но для них подавление любых мятежных сомнений было частью религии. Их души были глубоко впечатлены первостепенной необходимостью единства церкви; для них папство было божественным назначением, папа — преемником святого Петра; любое тайное сомнение в этой неотъемлемой части их укоренившейся веры было грехом. Однако, как бы они ни склонялись в стыде и печали перед непостижимыми постановлениями небес, позволяющими его наместнику таким образом отклоняться от своего первоначального блеска, они все же закрывали лица в благоговейном трепете и с дрожащим терпением ждали разгадки этой тайны. В христианском сознании в целом, или, вернее, в сознании в мире христианства, разделение между христианской верой и христианской моралью было почти полным. Христианство было просто безоговорочным согласием с определенными догматическими истинами, безоговорочным повиновением определенным обрядовым обрядам.

ПАПА XI ВЕКА

(На основе изображения)

Спор был почти умерщвлен. В предыдущем веке доктрины Готтшалка о предопределении, в целом столь приемлемые для народного уха, были полностью подавлены священнической властью. Учения Беренгара о присутствии Христа в таинстве были ограничены и должны были быть еще раз ограничены той же сильной рукой; логика Беренгара выходила за рамки его времени. Манихейские доктрины павликианцев и родственных сект, несомненно, в значительной степени распространялись среди низших слоев общества, но пока еще тайно, вспыхивая то в одном месте, то в другом, но везде встречая отвращение, не вызывая широкой тревоги и не угрожая опасным расколом. У всего простого народа христианского мира (а этот простой народ включал в себя все сословия и все ранги) моральные чувства, будучи более тупыми, были менее потрясены той несообразностью, которая огорчала и угнетала более религиозных людей. Большинство христиан на Западе не думали обсуждать характер папы, как и атрибуты Бога. Для них он был апостолом, наместником Бога, окутанным той же страшной тайной. Они боялись грома Латеранского собора, как грома небесного, и были не более способны к здравому различению пределов, оснований и природы этой власти, чем к различению причин разрушительного огня из облаков. Их общее верование в грядущий суд было не более глубоко укоренившимся, чем вера в право духовенства, особенно главы духовенства, предвидеть, объявить или утвердить их судьбу.

Немецкая линия понтификов многое сделала для восстановления древней святости папства. Итальянец Александр II был, по крайней мере, безупречным понтификом, и теперь все качества, которые могли придать папе внушительное величие, граничащее с божественным поклонением, казалось, сошлись в Григории VII. Его жизнь подтвердила великолепную хвалебную речь, с которой кардинал Уго представил его римскому народу. Он обладал строжайшей добродетелью, самой простой набожностью, славой обширных теологических знаний, проверенной способностью управлять людьми, бесстрашием, которое, казалось, радовало его в столкновениях с самыми могущественными; суровой

целеустремленностью (), которая под названием церковности давала его сторонникам неограниченную уверенность в его твердости и решимости, и в то же время тонкой политикой, граничащей с хитростью. Для них его недостатки были достоинствами; его властность — должным утверждением своего достоинства; его безграничная амбиция — рвением в деле Божьем; никакая гордость не могла превзойти ту, которая соответствовала его положению. Ужас, которым он правил (он был настолько могущественен, что мог обойтись без любви), был атрибутом божественности, которой теперь поклонялись исключительно люди, и именно это стало представителем Бога на земле.

Первой, заявленной целью понтификата Григория была абсолютная независимость духовенства, папы, великих прелатов во всем латинском христианском мире, вплоть до самых низших чиновников, чьи личности должны были стать священными; эта независимость скрывала за собой нескрываемое стремление к превосходству. Его отдаленное и несколько более нечеткое видение заключалось в создании обширной духовной автократии в лице папы, который должен был править человечеством с согласия, но подчиненной власти духовенства во всем мире. Для этой цели духовенство должно было стать еще более отдельной, неприкосновенной кастой; их собственность была столь же священна, как и их личности. Каждый в своей отдельной сфере, папа над всеми и всеобъемлющий, должен был быть верховным арбитром всех споров; держать в своих руках высшее посредничество в вопросах войны и мира; выносить решения по спорным вопросам преемственности королевств; быть великим феодальным господином, которому другие короли становились бенефициарами. Его собственное оружие должно было быть в основном духовным, но светская власть должна была всегда быть готова исполнять церковные приказы против нечестивых мятежников, которые могли восстать против его власти; церковник также не отказывался полностью санкционировать использование светского оружия, нанимать армии от своего имени или даже разрешать использование оружия священнослужителями.

Для этой полной изоляции иерархии в особую и неприкосновенную касту сначала необходимо было провести реформу духовенства в двух важнейших предварительных вопросах: абсолютное искоренение двух зол, которые более жесткие церковники осуждали на протяжении веков и на подавление которых Хильдебранд посвятил столько своих активных усилий. Война против симонии и сожительства духовенства (ибо под этим неприятным названием осуждались все связи с женским полом, даже легализованные) должна была сначала быть доведена до триумфального завершения, прежде чем церковь могла бы взять на себя полное и бесспорное господство.^[92]

Симония

Как и его предшественники, как и все более высоконравственные церковники, Гилдебранд отказывался видеть, что симония была неизбежным следствием чрезмерного богатства духовенства. Было диким моральным парадоксом пытаться примирить огромные мирские владения и огромную мирскую власть с исчезновением всех мирских мотивов для их приобретения, всех искушений злоупотреблять этими всеми завидуемыми сокровищами. В феодальной системе, которая так долго развивалась по всей Западной Европе, епископы стали во всех отношениях равными светским дворянам. В каждом городе епископ, если не был самым первым из людей, то находился на одном уровне с первым; за пределами города он был господином обширных владений. Архиепископы почти равнялись королям; ибо кто

бы не позавидовал положению и власти Хинкмара, архиепископа Реймса, вместо суверенитета слабого монарха из династии Карлов?

Сам Карл Великий показал пример, возвысив своих внебрачных сыновей до высоких церковных санов. Его более слабые потомки, даже более набожные, по собственному выбору или по необходимости пошли по тому же пути. Зло распространялось вниз. Епископ, купивший свою кафедру, компенсировал свои расходы, продавая менее значимые пребенды или приходы. То, что было столь ценно по своей сути, начало иметь денежную цену; оно стало предметом обмена и продажи. Мирянин, приобретающий священный сан, обычно покупал мир, безопасность жизни, относительное благополучие. Те, кто стремился к более высоким должностям, вскоре окупали свои затраты, какими бы большими и грабительскими они ни были. Высшие епископы признавали свою вину; епископство Рима слишком часто было предметом купли-продажи.

Согласно строгому закону, духовенство могло получать все, но не могло отчуждать ничего. Но частые и горькие жалобы на насильственное узурпирование или мошенническое отчуждение самим духовенством того, что принадлежало церкви, показывают, что ни одна из сторон не уважала эту святость, когда в интересах обеих сторон было ее нарушить. В то время как, с одной стороны, духовенство вымогало у умирающего князя или дворянина какие-то важные пожалования, иммунитеты или владения, ограбленный наследник не гнушался никакими средствами, чтобы вернуть свои отчужденные права или имущество. Небрежный, расточительный, продажный, воинственный епископ или аббат находил способы, если видел в этом выгоду, уклониться от закона; постепенно и незаметно сдавать землю в аренду, чтобы уничтожить ее ценность для церкви; предоставлять в бессрчную аренду за ничтожную компенсацию или за бесполезные услуги желанное поместье; и таким образом ослаблять неумолимую хватку церкви. Своя собственная роскошь и расходы сводили церковников к нужде и уловкам должников и банкротов; и таким образом поместья прямо или косвенно возвращались либо к первоначальному, либо к какому-то новому владельцу.

Целибат духовенства

С этой всеобщей симонией был связан, более тесно, чем может показаться на первый взгляд, другой великий порок того времени, как считали Хильдебранд и его школа, — брак духовенства. Целибат духовенства был необходим для его существования в тот период как отдельной касты. Наследственная преемственность и дегенерация ордена были неразделимы. Как бы велики ни были бедствия, неизбежные от господства духовенства, если бы оно в какой-то степени стало привилегией определенных семей, эти бедствия были бы чрезвычайно усугублены, а компенсирующие их преимущества аннулированы. Семейные привязанности и интересы () постоянно боролись бы с привязанностями и интересами церкви. Всеобщий непотизм, непотизм не по родству, а по происхождению, пожирал бы жизненные силы ордена. Каждый нерелигиозный обитатель либо стремился бы отчуждать имущество церкви в пользу своих мирянских потомков, либо воспитывал бы своих еще более дегенеративных потомков в уверенности в преемственности их родовых бенефиций.

Целибат может поддерживаться в течение некоторого времени взаимным контролем и страхом, строгой дисциплиной, сильным корпоративным духом в монашеском сообществе. Но в условиях низкого уровня морали в отношении половых отношений, в ордене, набирающем членов из всех слоев общества, не заполненном людьми с проверенной и зрелой религией; в ордене, переполненном людьми, стремящимися к его богатству, власти, относительному благополучию, привилегиям, иммунитетам, общественному уважению; в

ордене, превосходящем общественное мнение или диктующем его (если общественное мнение дает о себе знать); в постоянном ордене, в котором дегенерация одного поколения продолжала бы усиливаться в следующем, пока не вызвала бы суровую реакцию; в ордене, сравнительно праздном, без социальных обязанностей или интеллектуальных занятий; в ордене, не уединенном в пустыне, но официально вступающем в самые близкие и доверительные отношения в качестве наставников и советников другого пола, было невозможно поддерживать настоящее безбрачие; и практическая альтернатива заключалась в тайном браке, сожительстве без формы брака или более свободных и развращающих половых сношениях между полами.

Во всем латинском христианском мире, во всем духовном царстве Гилдебранда, он не мог не знать, что давно существовали глубокие, если не открытые сомнения, относительно авторитета запретов на брак духовенства; там, где догматический авторитет папских канонов не ставился под сомнение, наблюдалось смелое сопротивление или молчаливое нарушение закона. Италия была свидетелем фактического, хотя и неорганизованного, восстания от Калабрии до Альп. Все духовенство королевства Неаполь под руководством Николая II, от высшего до низшего, открыто жило со своими законными женами. Женатые священники, хотя и запуганные на данный момент, по-прежнему составляли мощную фракцию по всей Италии; они ждали своего часа мести. Память о женатом папе Адриане II была еще свежа.

В Германии власть и влияние женатых священников будут ощущаться, хотя и менее открыто, как союз с императором и ломбардскими прелатами. Французские соборы осуждают это преступление как частое и известное. Среди англосаксонского духовенства до Данстана брак был скорее правилом, а безбрачие — исключением.

СИНОД ГРИГОРИЯ В РИМЕ

[1073-1074 гг.

Почти первым публичным актом Григория VII было объявление непримиримой войны этим двум своим смертельным врагам — симонии и браку духовенства. Он не был младенцем Гераклом, но зрелый церковный Геракл начал свою карьеру с удушения этих двух змей — потомства, как он их считал, и родителей всего зла. Декрет синода, состоявшегося в Риме (9-10 марта 1074 г.) в одиннадцатый месяц его понтификата, не сохранился, но по своим неумолимым положениям он превосходил самые суровые декреты его предшественников. Он полностью аннулировал все таинства, совершаемые симоническими или женатыми священниками; крещение не было обрядом возрождения; могло показаться, что евхаристический хлеб и вино в их не освященных руках отказывались преобразовываться в тело и кровь Христа. Причастники, виновные в упорстве, по крайней мере, в грехе, разделяли священническую вину (). Даже священники были потрясены этой новой и ужасной доктриной, согласно которой эффективность таинств зависела от их собственной безгрешности. Григорий, в своем упрямом рвении, проповедовал доктрину, которую впоследствии с такой огромной энергией использовали Уиклиф и его последователи. И это было бесстрашным, демократическим провокацией для народа, поскольку оставляло за собой право придать кому-либо клеймо скрытого греха симонии или (возможно, клеветническое) обвинение в сожительстве, и таким образом подвергало святое священство суду толпы.^[93]

Но искоренение этих двух внутренних врагов достоинства и власти священнического ордена было далеко не пределом святых амбиций Григория; это было лишь подготовкой почвы для величественного сооружения его теократии. Если для достижения своих целей он сначала проявлял некоторую умеренность в отношениях с империей, то по отношению к остальному латинскому христианскому миру он сразу же принял тон и язык суверена. Прежде чем мы перейдем к его великой войне с империей, мы должны быстро рассмотреть, как Григорий VII утверждал свою автократию над остальной частью латинского христианского мира.

[1074-1076 гг. н. э.]

Его письма к Филиппу I, королю Франции, написаны в самых высокомерных и обвиняющих выражениях: «Ни один король не достиг такой степени отвратительной вины в угнетении церкви своего королевства, как Филипп Французский». Он подвергает короля испытанию: немедленно признать епископа Макона, избранного духовенством и народом, без выплаты короне. Либо король отвергает эту низкую симонию и позволяет подходящим лицам быть продвинутыми на епископские должности, либо франки, если они не отступники от христианства, будут поражены мечом отлучения от церкви и откажутся дальше подчиняться ему.

Предшественник Ильдебранда (а Александр II не совершал никаких важных поступков без совета Ильдебранда) дал прямое санкционирование норманнскому завоеванию Англии. Ильдебранд, возможно, испытывал некоторое восхищение, даже благоговейный трепет перед родственной душой завоевателя. Он выдвигает требование о взимании петровской монеты с королевства. Вильгельм признает это требование; оно было одним из условий, это была цена, которую папа установил за свое согласие на завоевание. Но на требование верности завоеватель отвечает высокомерной краткостью: «Я не клялся и не буду клясться в верности, которую никогда не клялся ни один из моих предшественников вашему». И Вильгельм сохранил свою германскую независимость — по своему усмотрению назначал епископов и аббатов, был абсолютным господином над своими церковными и феодальными вассалами.

В одном из своих первых писем папа Григорий смело заявляет королям Испании, что все королевство Испания не только находится в духовной юрисдикции Святого Престола, но и является его собственностью. Ни одна часть латинского христианского мира не была настолько отдаленной или варварской, чтобы ускользнуть от его бдительной решимости подчинить ее своему обширному церковному единству. Еще будучи диаконом, он переписывался со Свеном, королем Дании, которому давал много серьезных и ценных советов. В письме к Олафу, королю Норвегии, он торжественно отговаривает его от помощи мятежным братьям датского короля. Он выступает посредником между герцогом Польши и королем русских. Сын русского короля прибыл в Рим, чтобы получить свое королевство из рук святого Петра. Королевство Венгрии, как и Испания, он рассматривает как феодал папства; он упрекает короля Соломона за то, что тот осмелился считать его бенефисом короля германцев. Он наблюдает за Богемией; его легаты берут под свою опеку владения церкви; он вызывает архиепископа Праги Адольфа () в Рим. Даже Африка не остается без внимания Ильдебранда. Духовенство и народ Карфагена призывают присоединиться к своему архиепископу — не бояться оружия сарацин, хотя эта некогда процветающая христианская провинция, земля Киприана и Августина, настолько пришла в упадок, что не удастся найти трех епископов для проведения законного посвящения.

Епископ XI века

Но империя была единственным достойным, единственным грозным противником всеобщей теократии Хильдебранда, чье падение положило бы мир к его ногам. Империя должна была признать себя даром папства, даром, который может быть отозван за определенные нарушения церковных прав и иммунитетов; она должна была смиренно согласиться с неограниченной прерогативой кардиналов избирать папу; отказаться от всех имперских притязаний на инвеституру прелатов и другого духовенства с их бенефициями; освободить всю массу церковной собственности от всех феодальных требований, будь то службы или верности; терпеливо подчиняться упрекам; допускать, чтобы папа диктовал условия в вопросах войны и мира, а также во всех вопросах внутреннего управления, где он мог обнаружить или предполагал, что обнаружил угнетение. Таково было условие, к которому слова и действия Григория стремились привести наследников Карла Великого, преемников западных цезарей.

Как христианин, как член церкви, император был признан подчиненным папе, признанному главе и правителю церкви. Как подданный империи, папа был обязан императору временной верностью. Авторитет каждого из них зависел от нечетких и гибких традиций, от изменчивых и противоречивых прецедентов, от титулов с неопределенным значением; каждый из них мог подняться до уровня, когда они не зависели друг от друга. Император хвастался тем, что он является преемником всей автократии цезарей, Августа, Константина, Карла Великого, а папа — преемником святого Петра или самого Христа.⁴ Но, несмотря на всю свою всемогущность за пределами Италии, в Италии власть папы была ограничена. Даже в Риме префект Ценций осмелился прикоснуться к Григорию VII, вытащить его из святилища церкви во время беспорядков, а затем некоторое время держал его в плену. В Милане граждане изгнали Херлембальда и его приспешника Атто, которые под предлогом проведения реформ папы фактически устанавливали в городе тиранию, и потребовали архиепископа от Генриха IV, который прислал им дворянина из Кастильоне. Это было началом борьбы между священной и имперской властью, которая завершилась одной из величайших и самых волнующих драм в истории.

События начались благоприятно для Григория, которому было обещано много точек опоры в Германии. Феодальные восстания держали эту страну в состоянии волнения во

время несовершеннолетия Генриха IV, которому было всего шесть лет, когда его отец умер в 1056 году. Регентство и даже личность молодого короля были отняты у императрицы Агнессы герцогами Саксонии и Баварии. Достигнув совершеннолетия, Генрих IV приступил к подавлению восстания, которое, как обычно, вспыхнуло среди саксов. Важная победа, одержанная в Тюрингии, казалось, обещала ему дальнейшие успехи, когда внезапно на него обрушился гневный голос папы, приказавшего ему с беспрецедентной дерзостью прекратить все военные действия и оставить за Святым Престолом право принимать решения в его споре с саксами; кроме того, он должен был отказаться от всех притязаний на церковную инвеституру под угрозой отлучения от церкви. К этому легаты добавили призыв явиться в Рим, чтобы ответить на определенные личные обвинения, которые были выдвинуты против него. Генрих IV ответил на эту яростную атаку с не меньшей энергией и на синоде в Вормсе, состоявшем из восемнадцати прелатов, его сторонников, он добился торжественного объявления приговора о смещении Григория VII (1076).

[1076-1077 гг.]

Этот указ не только не встревожил папу, но и подстегнул его к новым агрессивным действиям. Едва он был освобожден народным движением из рук своего врага, римского префекта Ценция, как снова начал громко высказывать свои обвинения; он выпустил буллу об отлучении императора от церкви, в которой провозгласил его мятежником против Святого Престола и объявил его вассалов свободными от всякой верности ему. Эта булла была безжалостно приведена в исполнение саксами и швабами, всеми врагами дома Франконии. Во главе их стояли Рудольф Швабский и итальянец Вельф из дома Эсте, которого сам Генрих сделал герцогом Баварии. Они созвали сейм в Трибуре, приостановили полномочия императора и пригрозили ему смещением, если он не получит отпущения грехов от Рима. Генрих смиренно согласился и пообещал созвать общий сейм в Аугсбурге, на который он просил папу прибыть с целью отпустить ему грехи. Однако, осознавая опасность, связанную с тем, что его враги соберутся вместе, он решил опередить действия предлагаемого сейма и сам отправился в Италию, чтобы умолять папу о прощении.

Цена, которую Григорий установил за это отпущение грехов, была такой, какой ни один другой монарх никогда не платил. Папа в то время проживал в замке Каносса, на землях знаменитой графини Матильды, преданной сторонницы Святого Престола и самой могущественной правительницы Италии, поскольку в ее владения входили маркизаты Тосканы и Сполето, Парма, Пьяченца и несколько пунктов в Ломбардии, Марке и т. д. Генрих IV прибыл в этот замок, чтобы просить аудиенции, но был вынужден ждать босиком в снегу три дня, прежде чем его приняли. Наконец, на четвертый день его приняли и дали отпущение. Однако Григорий, слишком умен, чтобы сразу сложить оружие, отказался решать вопрос о немецкой короне и отложил его рассмотрение до специального сейма, тем самым оставив за собой возможность вновь поставить Генриха в затруднительное положение. Мог ли король не трепетать перед человеком, который был признанным представителем божественности на земле и который считал себя настолько уверенным в благосклонности небес, что, взяв половину «хозяина», он призвал Бога на него, чтобы тот мгновенно уничтожил его, если он виновен в преступлениях, вменяемых ему? Когда он протянул королю вторую половину «гостии», прося его принести такую же клятву, Генрих испуганно отшатнулся (1077).

Этим своевременным склонением головы Генрих IV избежал удара, который собиралась нанести ему коалиция его врагов; как только момент опасности миновал, он выпрямился, как лук, освободившийся от напряжения. Действительно, у него не было иного выбора, кроме как окончательно отказаться от своих надежд на корону или снова рискнуть всем,

поскольку немецкие мятежники взяли на себя ответственность за решение вопроса, оставленного открытым Григорием, и назначили на трон Рудольфа Швабского, который купил защиту легатов Святого Престола (), пообещав отречься от инвеституры (1077), и был торжественно признан папой.

[1077-1125 гг. н.э.]

Собрав вокруг себя отряд сторонников, Генрих IV начал вести успешную войну. Битва при Вольксхайме, в которой Рудольф был убит рукой Годфрида Бульонского, герцога Нижней Лотарингии, несущего императорский штандарт, сделала его повелителем Германии (1080). Он решил повторить этот успех в Италии, где победа, одержанная его сыном, уже проложила путь; графиня Матильда была лишена части своих владений, Рим был взят, а архиепископ Равенны был назначен папой под именем Климента III. Сам Григорий попал бы в руки человека, которого он так глубоко оскорбил, если бы Роберт Гвискар и его норманны, верные союзники Святого Престола, не пришли ему на помощь. Он умер среди них (1085) со словами: «Только за то, что я любил справедливость и преследовал неправду, я должен умереть в изгнании».

До последнего момента он, по-видимому, верил, что всемирное господство является неотъемлемым правом Святого Престола, и его идея, безусловно, не была лишена логики.

Смерть Григория наступила слишком рано; прожил бы он еще несколько лет, он увидел бы, как его враг умирает в гораздо более жалком положении, чем то, в котором он оказался в Каноссе. Урбан II, ставший папой в 1088 году, нашел свою главную опору в норманнах и присвоил Роджеру, герцогу Сицилии, титул короля. Он продемонстрировал все величие папства во время Первого крестового похода и возродил большинство старых суждений Григория в отношении императора. После временного триумфа Генрих IV подвергся нападению со стороны своих двух сыновей, которых церковь вооружила против него, и, лишившись всех императорских регалий, был взят в плен своим младшим сыном. Напрасно он взывал о помощи к королю Франции, который был его «самым верным другом»; ему отказали в любой помощи, и он был вынужден просить должность помощника хормейстера в церкви, «имея значительные знания в области музыки». Он умер в 1106 году в Льеже в крайней нищете, призывая «мечь Бога на отцеубийцу», и его тело пролежало пять лет без погребения.

Однако именно этот отцеубийца Генрих V в конце концов положил конец спорам, вызванным спорным вопросом об инвеституре. Решение было отложено на некоторое время из-за начала наследства графини Матильды, которая завещала все свои владения Святому Престолу. Генрих предъявил права на все наследство: на феодалов как суверен империи, на аллодиальные земли как ближайший наследник графини, и ему удалось вступить во владение всем этим. Как легко представить, это стало причиной новых разногласий в будущем. После того как начальный спор был временно урегулирован, обе стороны, признав, что борьба только ослабит их, а также укрепит независимость феодалов и итальянского среднего класса, решили закрыть вопрос справедливым и, насколько это возможно, равным разделением спорных прав. Конкордат Вормса (1122 г.) был сформулирован следующим образом: «Я согласен, — сказал папа Каликст II императору, — чтобы выборы епископов и аббатов германского королевства проходили без насилия и симонии в вашем присутствии, чтобы в случае возникновения каких-либо разногласий вы могли дать свое одобрение и защиту той стороне, которая, по мнению митрополита и сопровинциалов, обладает большей святостью. Избранный получит от вас прерогативы своей должности и, за исключением обязанностей, которые он имеет перед Римской церковью, будет повиноваться вам во всем».

«Я передаю папе, — сказал король, — все права на инвеституру кольцом и крестом, а в церквях моего королевства и моей империи я разрешаю канонические выборы и свободное посвящение». Этот мудрый компромисс, который наделял светскую и духовную власть соответственно светскими и духовными правителями, сопровождался словами примирения. Но замысел Григория VII еще не был осуществлен; узы вассальной зависимости, которые связывали духовенство с князем, ни в коей мере не были разорваны, и церковь оставалась частью государства, по крайней мере, в своей основной части, если не в своих отдаленных членах.

Дом Франконии прервался с Генрихом V (1125 г.), после того как он, путем временного решения, устранил соперничество, существовавшее между папством и империей. Правление Лотаря II, преемника Генриха V, было похоже на интерлюдия между двумя актами драмы; во время паузы сцена была очищена и подготовлена для следующей сцены.^f

БРАЙС О ПОСЛЕДСТВИЯХ КОНКОРДАТА

Вормский конкордат был по форме компромиссом, призванным избавить обе стороны от унижения поражения. Однако папство оставалось хозяином положения. Император сохранил лишь половину тех прав инвеституры, которые ранее принадлежали ему. В любой момент его скипетр мог быть разбит в руке громким анафемой, и множество врагов могло выскочить из каждого монастыря и собора.

Два других результата этого великого конфликта не должны остаться незамеченными. Император отдалился от церкви в самый неудачный момент — в конце крестовых походов. Религиозные чувства, вызванные крестовыми походами, полностью обратились против противника церковных притязаний и были направлены на выполнение воли Святого Престола. Полтора века спустя папа не постеснялся проповедовать крестовый поход против самого императора.

И снова, именно тогда были посеяны первые семена того страха и ненависти, с которыми немецкий народ с тех пор не переставал относиться к вторгающемуся римскому двору. Оклеянный церковью и покинутый дворянами, Генрих IV сохранил любовь верных горожан Вормса и Льежа. Сопrotивление итальянскому священничеству вскоре стало испытанием германского патриотизма.^g

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ

[1119-1155 гг.]

После смерти Пасхалия (1118) епископы Порту, Остии и других городов избрали на вакантный престол Иоанна Гаэтского, который был канцлером Рима. Но его возвышению решительно противостоял министр императора, Ценцио Франджипани, который, последовав за ним в церковь, где должна была состояться инвеститура, схватил его за горло и, подвергнув его всевозможным насилиям со стороны своих слуг, потащил его за волосы в свой дом, где оставил его в цепях, ожидая приказа императора. Впоследствии он бежал в свой родной город, где был назначен епископом; а Генрих тем временем возвел на престол Мориса Бурдена под именем Григория VIII.

Геласий, как звали Иоанна Гаэтского, попытался вернуть свое достоинство, но, поняв, что не может безопасно оставаться в Италии, бежал в Прованс, где умер в следующем году. Антипапа Григорий, хотя теперь путь к трону был открыт, не получил никакой выгоды от смерти своего соперника. Гвидо, архиепископ Равенны, человек значительных умственных способностей и огромного влияния, взошел на папский престол как Каликст II.^[94] Борьба, которую он был вынужден вести с Григорием, закончилась полностью в его пользу; и побежденный претендент умер, перенеся бесчисленные страдания,^[95] в монастыре. Сам Каликст умер вскоре после этого (1124 г.), а его преемник, Гонорий II, провел пять лет своего правления в бесплодной борьбе с Роджером Сицилийским, войска которого полностью разгромили его войска. Иннокентий II и Анаклет II оба претендовали на этот титул после его смерти, и первый, прежде чем смог утвердить свое единоличное право на эту награду, был вынужден провести несколько лет в изгнании во Франции.

Мы пропустим малоизвестные понтификаты его непосредственных преемников. Но в 1145 году Бернард, аббат церкви Святого Анастасия в Риме и любимый ученик знаменитого святого с тем же именем, был избран на престол как Евгений III. Но какими бы ни были добродетели Евгения или заслуги, которые он приобрел благодаря своей близости с таким мудрым и святым человеком, как святой Бернард, раздор, который долгое время царил в Риме, в период его возвышения вылился в новые эксцессы. Подстрекаемые популярной красноречивостью Арнольда Брешианского, они внезапно воспламенились желанием восстановить институты и правительство древней столицы; но беспорядки, начавшиеся под этим предлогом, вскоре привели их виновников к совершению всевозможных актов насилия; и ослепительное видение Рима, восстановленного в своем консульском достоинстве, потерялось в облаках и густой тьме, поднявшихся от разрушения некоторых из его лучших зданий. Евгений, своевременно проявив энергию, подавил эти беспорядки, и его возвращение в Рим сопровождалось всеми признаками триумфа. Однако признаки мятежа были все еще слишком очевидны на лицах римлян, чтобы он мог оставаться среди них в безопасности, и он на некоторое время удалился во Францию. Он вернулся в Италию около 1153 года и почти сразу после этого умер в своей резиденции в городе Тибур.

АДРИАН IV *против* БАРБАРОССЫ

[1155-1158 гг. н. э.]

Преемником Евгения стал Адриан IV, по происхождению англичанин,^[96] и в значительной степени обладавший всеми характерными чертами, присущими высокопоставленному духовенству того времени.^[97] Тем временем Фридрих Барбаросса взошел на императорский престол, и его гордость и амбиции были подходящими, хотя и опасными спутниками высокомерия Адриана. Вскоре этим двум выдающимся людям представилась возможность проверить силу своей решимости и принципов. Фридрих, будучи коронованным королем лангобардов, поспешил в Рим, но еще до того, как он достиг ворот города, его встретили три кардинала, которые сообщили ему, что понтифик не может проводить никаких переговоров с принцем, от которого он еще не получил гарантии повиновения и верности церкви. Монарх с готовностью дал требуемые клятвы верности, и назначенный для этой цели рыцарь торжественно поклялся от его имени и на святых реликвиях, кресте и Евангелии, что он будет охранять жизнь, свободу и честь как папы, так и кардиналов. Адриан затем дал понять, что готов короновать его императором, и с большой помпой был проведен к шатру монарха.

Но здесь возник новый повод для спора. Фридрих слишком высоко ценил свое императорское достоинство, чтобы проявлять какую-либо раболепную уступчивость по отношению к папскому высокомерию. Поэтому, вместо того чтобы поспешить, как сделали некоторые другие князья, выполнить роль оруженосца понтифика, он спокойно ждал его в своем шатре, что так обидело Адриана, что он категорически отказался дать ему поцелуй мира, пока тот не выполнит унижительные церемонии, которым гордость церковников и малодушие князей придали некую легитимность. Целый день ушел на споры о том, должен ли император продолжать эту практику или нет. Но Адриан был непреклонен, и на следующее утро высокомерный Фридрих в присутствии своей армии купил поцелуй мира, стоя как слуга рядом с лошадью папы, пока тот не сошел с нее и не освободил его от унижительного положения.

Мощная фракция в Риме с радостью приветствовала приближение Фридриха. Желание ограничить деспотизм папы и ожидание получения крупных сумм в качестве подарка из императорской казны, по-видимому, оказали почти равное влияние на их умы в это время. В своем обращении к Фридриху представители этой партии выступили как люди, которые имели непокоренную страну, которую они могли добровольно предложить в дар доблести и благородным качествам принца, которого они искали. Однако они сильно ошиблись в своих представлениях об императоре и положении Италии. Фридрих сказал им с суровостью, предвещавшей грядущую бурю, что их страна была давно и многократно завоевана, что он является их истинным и законным господином. Он немедленно вступил во владение собором Святого Петра (1155), и Адриан возложил императорскую корону на голову правителя с гораздо большей готовностью, чем он сделал бы это, если бы не видел, что его соглашение с принцем теперь необходимо для его безопасности и сохранения церкви. Народ, почувствовав себя пренебреженным и папой, и императором, поднялся на восстание, и несколько немецких солдат были убиты в проходах собора Святого Петра. Но их смерть была с лихвой отомщена: император напал на римлян со всех сторон, и около тысячи горожан заплатили жизнью за свою распущенность и неосторожность.

Беспокойные и амбициозные умы, такие как Адриан и Фридрих Барбаросса, не могли долго оставаться в мире, когда власть и привилегии, которыми они обладали в зависимости друг от друга, были так плохо определены. Первой причиной спора после вышеупомянутого умиротворения стало письмо, которое Адриан написал императору, обвиняя его в неблагодарности за блага, которыми он пользовался благодаря его служению.

Адриан счел необходимым успокоить гнев, который Фридрих и его подданные выразили по поводу этих случаев самонадеянности, и на короткое время было восстановлено спокойствие. Но едва улеглись гневные чувства, порожденные недавним спором, как понтифик вновь проявил свою склонность противостоять взглядам императора, отказавшись утвердить в должности архиепископа Равенны, которого Фридрих возвысил до этого положения. Жестокость, с которой понтифик говорил и писал по этому поводу, угрожала христианскому миру разрывом, столь же вредным для его мира, как и разрыв между несчастным Генрихом и Григорием VII. Но твердость Фридриха была непоколебима, и таким образом был воздвигнут барьер против попыток папы, который, будучи предназначенным только для защиты отдельных прав, на самом деле поддерживал универсальные принципы гражданского правления. На угрозу Адриана лишить его короны он ответил, что его корона принадлежит не ему, а его королевским предшественникам. «Во времена Константина, — спросил он, — имел ли святой Сильвестр какое-либо отношение к королевскому достоинству? Однако именно этому князю церковь была обязана своим миром и свободой: а все, чем вы пользуетесь как папа, откуда оно берется, как не от императоров? Отдайте Богу Божье, а кесарю кесарево. Наши церкви и наши города закрыты для ваших кардиналов, потому что они не проповедники, а разбойники, они не миротворцы,

а грабители; мы видим, что вместо того, чтобы проповедовать Евангелие и содействовать миру, все их желания и усилия направлены на накопление золота и серебра. Когда мы увидим, что они такие, какими их хочет видеть церковь, мы не будем отказывать им ни в чем хорошем для их поддержки. Ужасно, что гордыня, это отвратительное чудовище, смогла проникнуть даже на престол Святого Петра».

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ АДРИАНА

Епископ XII века

[1158 г. н. э.]

Мир становился все более безнадежным. В качестве последнего средства шесть кардиналов от папы и шесть немецких епископов от императора были назначены для составления договора. Но папа потребовал восстановления соглашения, заключенного с его предшественником Евгением. Имперские епископы упрекнули папу в нарушении этого договора из-за его союза с королем Сицилии; немцы единодушно отвергли требования папы, и теперь император с благосклонностью принял делегацию от сената и народа Рима. Эти послы республиканской партии наблюдали за ходом переговоров и присутствовали при их срыве. Папа, с тлеющими под его ногами углями восстаний Арнольда, с императором во главе всей Германии, прелатами и князьями, без союзников, кроме сомнительных, часто вероломных норманнов, оставался непоколебимым и не выказывал никаких опасений. Он угрожал императору публичным отлучением от церкви.

Может быть, смелая проницательность Адриана предвидела героическое решение, с которым Милан и его союзные ломбардские города много лет спустя, после нескольких тяжелых поражений и долгого угнетения, будут сопротивляться власти Барбароссы? Рассчитал ли он с пророческой дальновидностью силу ломбардской республиканской свободы? Предвидел ли он битву при Легнано, когда вся сила Тевтонской империи была

разгромлена перед карелой Милана ()? Уже был заключен секретный договор с Миланом, Брешией и Кремой. Эти города обязались не заключать мир с императором без согласия папы и его католического преемника. Адриан готовился к последнему акту неповиновения, открытому объявлению войны, отлучению императора от церкви, которое он обещал произнести после подписания договора с республиками, когда его смерть положила конец этому странному конфликту, в котором каждый противник был союзником республиканской партии в сердце владений своего противника. Адриан IV умер в Ананьи; его останки были перевезены в Рим и похоронены с высшими почестями и всеобщим уважением, если не скорбью города, в церкви Святого Петра. На похоронах присутствовали даже послы Фридриха. Так закончил свою жизнь бедный английский ученый, находившийся в открытой войне с, пожалуй, самым могущественным правителем, который царствовал в трансальпийской Европе со времен Карла Великого.⁴

ДВА СОПЕРНИЧАЮЩИХ ПАПЫ

[1158-1164 гг. н.э.]

Смерть Адриана спасла церковь от опасности, которая угрожала ей во время правления этого жестокого и властного понтифика. Но, избавившись от одних бедствий, она оказалась окружена другими, не менее опасными для ее интересов. Кардиналы, собравшись для избрания нового папы, большинством голосов выбрали Роландо, кардинала и канцлера римской церкви. Однако их голосованию противостоял кардинал Октавиан, который ожидал, что его коллеги выдвинут его кандидатуру на вакантное достоинство; и когда Роландо, принявший имя Александра III, был облачен в папскую мантию, он грубо и кощунственно снял ее с его плеч и, если бы не вмешательство присутствующих, надел бы ее на себя. Поскольку его план не удался, он получил по знаку такой же мантию, которую внезапно накинул на плечи, в спешке поместив заднюю часть впереди. Эта ошибка вызвала громкий смех, но Октавиан не испытывал стыда от смешанных насмешек и упреков, которыми его осыпали. Выйдя из собрания, которое он заставил замолчать с помощью группы вооруженных людей, он под именем Виктора IV стал исполнять обязанности верховного понтифика и в течение нескольких дней держал Александра в строгом заключении.

Император Фридрих не остался равнодушным к этим событиям. Раскол в церкви означал значительное усиление его собственной власти, и он горячо поддержал Октавиана, главным образом, по-видимому, потому, что тот был главой одной из фракций. В конце концов, однако, он созвал собор для рассмотрения вопроса о соперничестве двух пап. Собор собрался в Павии, и Октавиан был провозглашен папой пятьюдесятью епископами, многочисленными аббатами и другими высокопоставленными лицами, составлявшими собрание. Но Александра поддерживала вся та могущественная партия, которая отстаивала доктрину папского верховенства; и, пренебрегая декретом о смещении, принятым против него в Павии, он отлучил императора за его участие в этом деле и освободил его подданных от клятвы верности. Виктор, с другой стороны, был признан законным папой не только в Германии, но и в Англии и Франции; монархи этих стран приняли его в Куси на Луаре со всей пышностью и церемониями, которые требовал для своих преемников высокомерный Адриан.

[1164-1198 гг. н.э.]

Он умер в 1164 году, но раскол продолжился благодаря немедленному избранию Пасхалия III, который сохранял видимость власти около трех лет . После смерти Виктора Александр рискнул вернуться в Рим, чего не осмеливался сделать при жизни этого церковного деятеля. Чума, которая смела цвет армии Фридриха, спасла папу от гибели; и император, вынужденный бежать в Германию, как мог, наконец выразил готовность исцелить раскол, который он создал в церкви. Мир был восстановлен, и Александр вернулся.

После смерти Александра без сопротивления был избран епископ Остии Убальдо, принявший имя Люция III (1181-1185), и было отмечено, что при его избрании кардиналы впервые присвоили себе право выбирать верховного понтифика без вмешательства народа или других сословий духовенства. Народное возмущение было выражено громко. Вынужденный искать спасения в бегстве, он призвал великие европейские государства предоставить ему средства для защиты своих прав от недовольных граждан. Его требования были удовлетворены, и богатства Англии и других стран свободно поступали в его казну. С их помощью он выступил против повстанцев, но те сопротивлялись ему с такой яростью, что выкалывали глаза священникам, которых встречали за стенами города, и вынудили его обосноваться в Вероне, где он и умер в 1185 году. Урбан III, Григорий VIII и Климент III провели свои короткие понтификаты вдали от Рима. Последний из названных пап, однако, заключил мир с сенатом и народом, а его преемник, Целестин III, благодаря силе своего положения, смог беспрепятственно осуществлять самые важные из своих привилегий. Генрих VI, который в одно время получил из его рук ^[98] императорскую корону, в другое время был наказан им отлучением от церкви. После его смерти его преемником стал Иннокентий III.

ИННОКЕНТИЙ III

При Иннокентии III папская власть достигла своего наивысшего расцвета.^[99] XIII век почти полностью соответствует этому господству папы. Иннокентий III в начале века спокойно осуществлял свое право и передал своим преемникам укрепленное и почти непреодолимое то, что в конце века Бонифаций утверждал с отталкивающей и несвоевременной *aggravans*, подвергая опасности, подрывая и потрясая до основания.

Существенное присущее верховенство духовной власти над светской, как души над телом, как вечности над временем, как Христа над Цезарем, как Бога над человеком, теперь было неотъемлемой частью христианства. Идеи обретают авторитет и господство не столько благодаря своей внутренней истинности, сколько благодаря постоянному утверждению, особенно когда они совпадают с общими надеждами и страхами, желаниями и потребностями человеческой природы. Большинство людей не имеют ни времени, ни возможности их анализировать; они утомляют и таким образом заставляют мир принять их, особенно если их увековечение является долгом, страстью и интересом одной большой ассоциированной группы, в то время как их опровержение не является ни особой функцией, ни явным преимуществом какого-либо крупного класса или сословия.

Единство обширной христианской республики было внушительной концепцией, которая даже сейчас, когда история показала ее безнадежную невозможность, все еще очаровывает возвышенные умы; ее невозможность заключается в том, что она требует от своего главы не только той непогрешимости в учении, о которой так смело заявляли в более поздние времена, но и абсолютной безупречности каждого из ее обладателей; больше, чем непогрешимость, всевластное, незыблемое, несомненное величие добродетели, святости и мудрости. Без этого это беспочвенная тирания, бессмысленная узурпация. В те дни это вписывалось во всю феодальную систему, которая была строгой иерархией и подчинением; иерархии церкви и государства одинаково не хватало короны, суверенного сеньора.

Когда эта идея была впервые провозглашена во всей своей суровой строгости Григорием VII, она столкнулась с другими идеями, укоренившимися почти настолько же глубоко в сознании людей, в частности с идеей безграничной цезарьской власти, которая, хотя и была передана германскому императору, все еще оставалась мощной традицией и приобрела большой вес благодаря своему происхождению от Карла Великого. Унижение императора было деградацией; оно принесло презрение к этой должности, которое едва ли могли искупить способности, успехи или даже добродетели новых правителей; унижение папы было благородным страданием во имя Бога и истины, угнетением терпеливой святости под гнетом мирского насилия. В каждом расколе папа, который поддерживал высочайшую церковную власть, в конечном итоге обретал превосходство, в то время как империалистические папы погружались в бессилие, неизвестность и позор.

ВЛИЯНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ НА ПАПСКУЮ ВЛАСТЬ

Крестовые походы, как описано в других источниках, сделали папу не только духовным, но и в некотором роде военным сюзереном Европы; он имел право созывать все христианство под свое знамя; поднятие креста, знамени папы, было во всей Европе всеобщим и обязательным призывом на военную службу, *Heerbann* всех, кто носил оружие, всех, кто мог следовать за армией. То, что было благородным актом преданности, стало обязанностью; не взять на себя крест было грехом и нечестьем. Таким образом, крестовые

походы стали своего рода безнадежной надеждой, на которую можно было направить всех наиболее опасных и непокорных светских правителей, чтобы они растратили свои силы, если не потеряли жизнь, в результате несчастных случаев во время путешествия или от меча мусульман. Если они сопротивлялись, над ними висела страшная экскоммуникация, которая усугублялась страхами и колеблющейся верностью их подданных. Если они подчинялись и возвращались, как делали большинство из них, с позором и поражением, то возвращались лишенными власти, утратившими авторитет в глазах народа и, возможно, по-прежнему преследуемыми из-за своего неудачного предприятия неумолимым отлучением от церкви. Таким образом, путем ограничения своих противников обетами, от которых они не могли отказаться и из которых не могли выпутаться, путем расходования их богатств и ресурсов на эту дику и далеку войну, папы, которые сами благопристойно уклонялись или были лишены возможности из-за возраста или мнимых занятий участвовать в этих авантюрных экспедициях, сломили и истощили власть и влияние императоров.

Крестовые походы также сделали западный мир вассалом папства; огромные субсидии, собранные для Святой Земли, в определенной степени находились в распоряжении папы. Налогообложение духовенства по его распоряжению не могло быть отклонено для такой цели; десятая часть всего непомерного богатства иерархии проходила через его руки. Сформировалась огромная финансовая система; папские сборщики были в каждой стране, папские банкиры — в каждой столице, чтобы передавать эти субсидии.

Но в конце концов ни одна из этих дополнительных и, в некоторой степени, случайных мер помощи не смогла бы поднять папскую власть на такую высоту,^[100] если бы она не обладала более возвышенными и законными правами на почитание человечества. Она по-прежнему утверждала вечные принципы справедливости, праведности и гуманности. Как бы она ни попирала всякую справедливость, ни жертвовала праведностью ради своих интересов, ни погружала Европу в опустошительные войны, ни увековечивала раздоры в государствах, ни натравливала сыновей на отцов, отцов на сыновей, она по-прежнему провозглашала высшую конечную цель. Язык папы, язык духовенства, по-прежнему был показным, глубоко религиозным; он исповедовал, даже если сам не всегда уважал, даже если он подтасовывал, страшное чувство возмездия перед всезнающим, всеправедным Богом. В своем величайшем гордости папа все еще был слугой слуг Божьих; во всей своей жестокости он хвастался своей добротой к преступнику; каждый непокорный император был непослушным сыном; отлучение от церкви было голосом родителя, который, по крайней мере, делал вид, что не хочет наказывать.

Если бы когда-нибудь была реализована эта великая идея о христианской республике с папой во главе — и притом папой с высокими христианскими качествами (во всех отношениях, за исключением, пожалуй, одного, — в терпимости и мягкости, что было почти невозможно в его время и отсутствие чего, далеко не ослабляя, подтверждало его силу), — никто не мог бы принести более высоких и разнообразных качеств для ее осуществления, никто не мог бы попасть в более благоприятное время, чем Иннокентий III. Иннокентий был Джованни Лотарио Конти, итальянец благородного происхождения, но не из семьи, неразрывно связанной с мелкими ссорами и интересами княжеств Романьи. Он был из рода Конти,^[101] который в далеком прошлом получил свое имя от своего достоинства. Возвышение его дяди на папский престол как Климента III проложило путь к его быстрому взлету. В двадцать девять лет он был возведен в кардиналы под титулом, освобожденным его дядей.

Целестин на смертном одре пытался назначить своего преемника; он предложил сложить с себя папский престол, если кардиналы изберут Иоанна Колонна. Но даже если это

соответствует праву и обычаю, слова умирающих правителей редко вступают в силу. Из двадцати восьми кардиналов отсутствовали только пять; остальные единодушно проголосовали за самого молодого из них, кардинала (Джованни) Лотарио. Лотарио было всего тридцать семь лет, что было почти беспрецедентным возрастом для папы.^[102] Кардиналы, провозгласившие его, приветствовали его именем Иннокентий, в знак его безупречной жизни. В его инаугурационной проповеди проявился характер этого человека: безмерное утверждение своего достоинства, заявления о смирении, которые звучат как гордость. «Вы видите, каков слуга, которого Господь поставил над своим народом; не кто иной, как наместник Христа, преемник Петра. Он стоит посередине между Богом и человеком; ниже Бога, выше человека; меньше Бога, больше человека. Он судит всех, но сам не судится никем, ибо написано: «Я буду судить». Но тот, кого возвышает превосходство достоинства, унижается своим служением, чтобы смирение было возвышено, а гордость унижена; ибо Бог против высокомерных, а к смиренным Он проявляет милосердие; и кто возвышает себя, тот будет унижен. Каждая долина будет возвышена, каждый холм и гора будут понижены!»

В письмах, в которых он объявлял о своем избрании королю Франции и другим королевствам христианского мира, скромность сочетается с сознанием власти; уверенность Иннокентия в себе проступает через его уверенность в божественной защите.

Состояние христианского мира могло бы соблазнить менее амбициозного прелата расширить и укрепить свое господство. Куда бы ни обращал Иннокентий свой взор в христианском мире и за его пределами, везде он видел беспорядки, оспариваемые престолы, правителей, угнетающих своих подданных, подданных, восставших против своих правителей, гибель христианского дела. В Италии корона Неаполя на голове младенца; прекрасные провинции под гнетом жестоких немецких авантюристов; Ломбардские республики, гвельфы и гибеллины, воюющие внутри своих стен, воюющие или враждующие друг с другом; империя, раздираемая соперничеством претендентов на трон, одна огромная арена сражений, интриг, почти анархии; тираничный и развратный Филипп Август, король Франции, а вскоре и тираничный и слабый Джон Английский.

Византийская империя шатается и приближается к падению; Иерусалимское королевство ограничено почти городом Акрой. Каждое королевство, кажется, требует или, по крайней мере, приглашает вмешательство, посредничество главы христианского мира; в каждой стране по крайней мере одна партия или одна часть общества приветствовала бы его вмешательство в качестве последнего средства спасения или защиты.

Иннокентий не уклонялся от того, что могло бы привести к отчаянию менее энергичного человека; от Иордана до Атлантики, от Средиземного моря до Балтики и далее, его влияние ощущается и признается; его обширная переписка сразу же показывает неиссякаемую активность его ума; он одновременно или последовательно вовлечен в жизненные интересы каждого королевства в западном мире.^e

АВТОКРАТИЯ ИННОКЕНТИЯ III

Чтобы обеспечить Сицилию для своего сына, императрица Констанция, под давлением партий, была вынуждена принять папскую инвестицию на новых условиях, предписанных понтификом. После смерти Констанции (27 ноября 1198 г.) Иннокентий правил всей Сицилией в качестве опекуна. Кроме того, спорные императорские выборы, в результате которых Германия была разделена между Филиппом, герцогом Швабским, и Оттоном, герцогом Саксонским, побудили папу к дальнейшему расширению своей власти. Сразу после своего вступления на престол Иннокентий уже принес присягу на верность имперскому

префекту города; теперь он изгнал вассалов империи с территории Матильды и учредил в Тоскане гражданский союз.

[1201-1216 гг. н.э.]

Укрепив таким образом свою власть в Италии, он начал энергично вмешиваться в немецкую политику, поскольку сразу же заявил о своем праве « » решать спорные вопросы имперских выборов. Естественно, он был скорее склонен к кандидату от гвельфов, чем к кандидату от Гогенштауфенов, поэтому, отстаивая свои притязания, он фактически принял решение (1201 г.) в пользу Оттона IV. Однако партия Филиппа оказала ему энергичное сопротивление, и пламя раздора в Германии разгорелось еще ярче. Поскольку Филипп продолжал получать все более решающие преимущества над своим врагом, Иннокентий начал с ним переговоры, которые казались опасными для Оттона. Тем временем Филипп был убит Оттоном Виттельсбахом в Бамберге (1208 г.). Отто IV был тогда всемирно признан императором, и после того, как он удовлетворил требования папы во всех пунктах, он был им коронован. Но как только Отто достиг этой цели, он снова начал отстаивать имперские права в Италии и свергать новых назначенцев папы, не позволяя отклонить себя от своего пути приговором об отлучении от церкви и свержении с престола, который обманутый Иннокентий вынес ему в ноябре 1210 года. Теперь он сам поощрял агитацию единственного выжившего Гогенштауфена. Фридрих появился в Германии в 1212 году и, поддерживаемый папой и королем Франции, быстро привлек на свою сторону большинство сословий. 25 июля 1215 года он получил корону германского короля в Аахене, а Отто до самой своей смерти (1218) должен был довольствоваться родовыми владениями в Брауншвейге.

ВСЕОБЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ПАПЫ

Со всех сторон гром Рима обрушился на головы князей. Некий Сверо был отлучен от церкви за узурпацию короны Норвегии. Легат, проезжая через Венгрию, был задержан королем: Иннокентий написал этому правителю довольно мягкое письмо, но не преминул намекнуть, что он может быть вынужден помешать вступлению его сына на престол. Король Леона женился на своей кузине, принцессе Кастилии. Иннокентий подверг королевство интердикту. Когда духовенство Леона обратилось к нему с просьбой снять его, поскольку, когда они перестали исполнять свои обязанности, миряне не платили десятину и слушали еретических учителей, когда православные молчали, он согласился, чтобы богослужения проводились за закрытыми дверями, но не обряды погребения. Король в конце концов уступил и отправил обратно свою жену.

Но более знаменитая победа такого же рода была одержана над Филиппом Августом, который, отвергнув Ингеборг Датскую, заключил другой брак. Поведение короля, хотя и не без обычного для тех времен оправдания — кровного родства, было справедливо осуждено; и Иннокентий не колебался наказать его грехи, наложив на народ общий интердикт. После краткого сопротивления со стороны некоторых епископов, он был введен во всей Франции; мертвые оставались непогребенными, а живые были лишены религиозных обрядов, пока Филипп, таким образом усмирленный, не взял обратно свою разведенную жену. Подчинение такого князя, не слабо суеверного, как его предшественник Роберт, и не озабоченного мятежами, как император Генрих IV, а смелого, твердого и победоносного, является, пожалуй, самым гордым трофеем на гербе Рима.

По сравнению с этим, последующий триумф Иннокентия над малодушным Джоном кажется дешево купленным, хотя сдача могущественного королевства в вассальную

зависимость от папы может показаться нам доказательством поразительной низости с одной стороны и дерзости с другой.

Спорные выборы дали Иннокентию возможность продвинуть кардинала Стефана Лэнгтона на пост архиепископа Кентерберийского вопреки воле короля. Когда Джон с гневом сопротивлялся, папа в 1208 году наложил на Англию интердикт, а затем отлучил короля от церкви; последний пытался отомстить духовенству с безрассудной жестокостью и обеспечить себе верность вассалов жестоким угнетением. Наконец Иннокентий лишил его королевской власти и передал ее королю Франции. Но пока тот вооружался для завоевания, Джон, не имея возможности доверять своим вассалам, уступил во всех пунктах и даже получил свое королевство в феодальное владение от папы в условиях величайшего унижения. Теперь Англия была отдана на откуп произвольному папе и презренному королю; это объединило прелатов и баронов, которые в 1215 году вырвали у короля Великую хартию вольностей. Напрасно папа духовным оружием, а король мирским оружием пытались добиться ее отмены; однако смерть Иоанна в 1216 году быстро положила конец внутренним раздорам.

Еще более широкие перспективы, казалось, открывались перед папой в Константинополе. Хотя энтузиазм по поводу крестовых походов уже значительно поубавился, тем не менее Иннокентий благодаря неустанным усилиям сумел собрать новую армию в Венеции в 1202 году. Хитроумный дож Энрико Дандоло, несмотря на все папские предостережения, сначала использовал армию для отвоевания Зары (Ядера); затем под влиянием великолепных обещаний греческого принца Алексея она была побуждена предпринять поход на Константинополь; и когда восстановленный император Исаак Ангел не смог выполнить эти обещания, Константинополь был завоеван, и там была основана Латинская империя, когда на престол был возведен Бодуэн, граф Фландрии. Таким образом, Константинопольская церковь теперь, казалось, была подчинена римской кафедре. Однако даже сейчас никто не сомневался в ненадежности этого приобретения. Ведь новая империя уже содержала в себе зародыш распада; с другой стороны, она полностью сорвала мощное предприятие в интересах Палестины.

В последний год своей жизни Иннокентий уделял особое внимание Святой Земле: король Фридрих принял крест даже во время своей коронации; а на Латеранском соборе 1215 года, одном из самых блестящих, которые когда-либо проводились, одной из главных целей было проведение еще одного крестового похода. Энтузиазм по поводу Святой Земли ни в коем случае не угас, но в Германии продолжение двойного правления Фридриха и Оттона привело к появлению многих неблагоприятных мнений о римской кафедре, что неизбежно помешало ее готовности предпринять новый крестовый поход.⁴

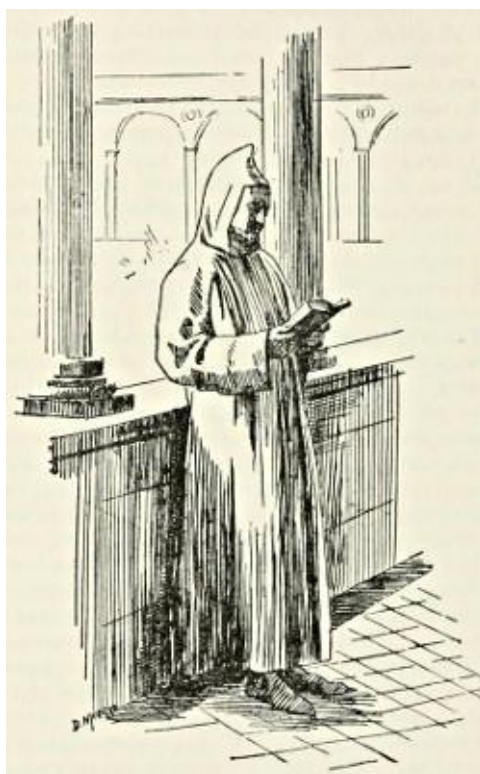
ОЦЕНКА МИЛМАНА ИННОКЕНТИЯ III

[1198-1216 гг. н. э.]

Иннокентий III умер в расцвете сил в 1216 году. Из всех пап он выдвигал самые чрезмерные притязания, и эти притязания были приняты эпохой, наиболее склонной принимать их с покорным почтением. Высокий и безупречный, в некоторых отношениях мудрый и мягкий характер Иннокентия, по-видимому, ближе, чем у кого-либо из всей череды римских епископов, подходил к идеальному образу верховного понтифика; в нем, как никогда раньше, казалось, воплотилось высшее представление церковников о наместнике Христа.

Григорий VII и Бонифаций VIII, первый и последний из агрессивных пап, а также пожилой Григорий IX, без сомнения, сталкивались с более жесткой борьбой, им приходилось подчинять более свирепых и беспринципных врагов. Но во всех них была личная суровость, презрительная надменность; их величие было мирским. Гордость Иннокентия была более спокойной, более сдержанной; его достоинство меньше нарушалось унижительными столкновениями с грубыми противниками; он умер на своем непоколебимом троне, в полноте своей, казалось бы, неоспоримой власти. Однако, если мы остановимся и задумаемся, а мы не можем не остановиться и не задуматься, над результатом этой высшей, в определенном смысле самой благородной и самой религиозной борьбы за папское господство над миром людей, то неизбежно придем к убеждению в нереальности этой папской власти. При всем величии его взглядов, при всей настойчивой энергии его мер, на протяжении всего правления Иннокентия везде мы видим неудачи, везде немедленное поражение или преходящий успех, который проложил путь к будущей катастрофе. Чем выше был трон папы, тем явнее были его подрывные, нездоровые, нестойкие основы.

Даже Рим не всегда сохраняет свое мирное подчинение. Его послушание прерывисто, ненадежно; это послушание, основанное на мимолетном страхе, а не на глубокой привязанности или укоренившемся почтении. В империи невозможно не обременять память Иннокентия страданиями долгой гражданской войны. Без помощи папы Отто не смог бы продержаться в борьбе и года; со всей помощью папы он погрузился в презрение, почти в ничтожество; он был на грани того, чтобы быть брошенным, если не фактически брошенным, самим папой. Только случайный удар убийцы помешал полному триумфу Филиппа. Он уже вымогал свое прощение; Иннокентий был вынужден уступить, и не мог уступить без потери достоинства. Триумф Отто приводит к столь же яростному и более опасному сопротивлению папской власти, чем можно было ожидать от высокомерия Гогенштауфенов. Папа имеет непреодолимого врага в самой Италии. Иннокентий вынужден отказаться от главной цели папской политики — прервать линию преемственности в доме Швабии — и содействовать возвышению швабского императора. Он должен уступить объединению короны Сицилии с короной Германии и таким образом завещать своим преемникам упорную и опасную борьбу с Фридрихом II.

Во Франции Филипп Август вынужден казаться, но только казаться, покорным; страдания его несчастной жены только усугубляются папской защитой. Смерть Агнессы Меранской, а не авторитет Иннокентия, улаживает конфликт. Сыновья изгнанной наложницы наследуют французский трон.

В Англии бароны отказываются покинуть Иоанна, когда он подвергается интердикту папы; когда папа становится союзником короля, возмущенный уступкой королевства (), они отказываются от своей верности. Даже в лице Стивена Лэнгтона, который обязан своим продвижением по службе папе, англичанин превосходит церковника; Великая хартия вымогается у короля, находящегося под явной защитой Святого Престола, и решительно отстаивается против папского приговора об отмене; и в Великой хартии заложен первый камень как религиозных, так и гражданских свобод страны.

Венеция в крестовом походе обманывает, бросает вызов, сбивает с толку папу. Крестоносцы становятся ее армией, осаждают, сражаются, завоевывают в ее интересах. Напрасно папа протестует, угрожает, анафематствует; Венеция спокойно продолжает покорение Зары. К удивлению и возмущению папы, знамена крестоносцев развеваются не над Иерусалимом, а над Константинополем. Если бы не ее собственная мудрость, Венеция могла бы дать императора столице Востока; она обеспечивает патриархат почти вопреки папе; только когда она полностью достигает своих целей, она подчиняется мелкой и неучтенной мести папы.

Даже в Альбигойской войне успех был действительно полным; ересь была разгромлена, но средствами, которые Иннокентий в душе не одобрял. Он выпустил на свободу страшную силу, которую не мог ни остановить, ни контролировать. Папа может делать все, кроме проявления милосердия или умеренности. Он не мог сбросить с себя, папство никогда не сбрасывало с себя бремя соучастия в безжалостной резне, устроенной крестоносцами в Лангедоке, в преступлениях и жестокостях Симона де Монфора. Темное и неизгладимое пятно обмана и лицемерия также омрачило славу самого Иннокентия.^[103] Ересь была подавлена кровью, но земля рано или поздно издает ужасный крик крови, требуя мести убийцам и угнетателям.

Великое религиозное событие этого понтификата, основание нищенствующих орденов, которое, возможно, увековечило или, по крайней мере, неизмеримо укрепило папскую власть на два столетия, было вынуждено из нежелающего папы. И святой Доминик, и святой Франциск были холодно приняты, почти с презрением отвергнуты. Только после того, как его собственное более зрелое размышление или мудрый совет, принявший форму божественного предостережения, предотвратили эту роковую ошибку и пророчески раскрыли секрет их силы и их непреодолимого влияния во всем христианском мире, Иннокентий пробудился к мудрости. Затем он завещал папству эти две великие постоянные армии; армии, содержащиеся без затрат, присягавшие, более чем присягавшие, связанные неразрывными цепями своего собственного рвения и преданности беспрекословному, не колеблющемуся служению во всем христианском мире, говорящие на всех языках. Они были колониями религиозной милиции, уроженцами всех стран, но находящимися под иностранным контролем и руководством. Вся их сила, важность и, возможно, владения основывались на их верности римской кафедре, верности, гарантированной уставом их существования. Вполне возможно, что они казались такими великими, какими их видел Данте, подобно херувимам и серафимам в раю.^e

Гонорий III, ранее называвшийся Ченчо Савелли, который сменил Иннокентия в 1216 году и управлял римской церковью более десяти лет, не совершил столько деяний, достойных упоминания; однако он очень заботился о том, чтобы римская власть не ослабевала. Следуя этому курсу, он вступил в серьезную ссору с императором Фридрихом II, великодушным принцем, которого он сам короновал в Риме в 1220 году. Фридрих, подражая своему деду, стремился установить и расширить власть императоров в Италии, подавить мелкие государства и республики Ломбардии, а также уменьшить огромное богатство и власть пап и епископов; и для достижения этих целей он постоянно откладывал крестовый поход, который он поклялся провести. Гонорий, с другой стороны, постоянно призывал Фридриха начать поход в Палестину, но в то же время тайно поощрял, воодушевлял и поддерживал города и республики, сопротивлявшиеся императору, и создавал различные препятствия для усиления его власти. Тем не менее, эта вражда пока не вылилась в открытую войну.

Но при Григории IX, чье прежнее имя было Уголино и который в 1227 году был возведен из епископа Остии в папский сан, будучи уже стариком, но все еще смелым и решительным, огонь, который долго тлел в тайне, разгорелся ярким пламенем.^[104] В 1227 году понтифик отлучил от церкви императора, который все еще откладывал свой поход в Палестину, но без соблюдения надлежащей формы церковного права и без учета оправдания императора плохим здоровьем. В 1228 году император отплыл со своим флотом в Палестину, но вместо того, чтобы вести войну, как он был обязан, он заключил перемирие с Саладином после освобождения Иерусалима. Во время его отсутствия папа римский поднял против него войну в Апулии и пытался поднять всю Европу на борьбу с ним. Поэтому Фридрих поспешил вернуться в 1229 году и, победив своих врагов, заключил мир с папой римским в 1230 году. Но этот мир не мог быть длительным, так как Фридрих не хотел подчиняться власти папы римского. Поэтому, поскольку император продолжал оказывать сильное давление на республики Ломбардии, которые были дружественны понтифику, и передал Сардинию, которую понтифик считал частью церковного достояния, своему сыну Энцио, а также хотел вывести сам Рим из-под власти понтифика и совершал другие действия, очень оскорбительные для Григория, понтифик в 1239 году вновь подверг его анафеме и обвинил его перед всеми правителями Европы во многих преступлениях и злодеяниях, в частности в презрительном отношении к христианской религии.

Император, с другой стороны, отомстил за нанесенные ему обиды как письменными публикациями, так и военными операциями в Италии, в которых он в основном добился успеха; таким образом он защитил свою репутацию, а также поставил понтифика в затруднительное положение. Чтобы в какой-то мере спасти себя, в 1240 году Григорий созвал в Риме вселенский собор, намереваясь сместить императора с престола единодушным голосованием собравшихся отцов. Но в 1241 году Фридрих захватил генуэзский флот, который перевозил большую часть отцов на собор в Рим, и, захватив как их сокровища, так и самих отцов, бросил их в тюрьму. Сломанный этими бедствиями и другими, не менее значительными, Григорий вскоре после этого скончался.

Преемник Григория, Гоффредо Кастильоне из Милана, принявший имя Целестин IV, умер до своего посвящения; и после долгого межцарствия, в 1243 году, Сенибальди, генуэзец, потомок графов Фиески, вступил на престол под папским именем Иннокентий IV, человек, не уступавший никому из своих предшественников в высокомерии и дерзости. Между ним и Фридрихом сначала велись переговоры о мире, но условия, на которых настаивал понтифик, были сочтены императором слишком жесткими. Поэтому Иннокентий, чувствуя себя в опасности в любой части Италии, в 1244 году переехал из Генуи в Лион во Франции; а в следующем году созвал там собор, в присутствии которого, но без его одобрения (что бы ни

утверждали римские писатели), он объявил Фридриха недостойным императорского престола.

[1244-1274 гг. н.э.]

Это крайне несправедливое решение понтифика оказало такое влияние на немецких князей, зараженных суевериями того времени, что они избрали на императорский трон сначала Генриха, ландграфа Тюрингии, а после его смерти — Вильгельма, графа Голландии. Фридрих энергично и мужественно продолжал войну в Италии, добиваясь различных успехов, пока дизентерия не положила конец его жизни в Апулии 13 декабря 1250 года. После смерти своего врага Иннокентий вернулся в Италию в 1251 году. С этого времени (хотя их происхождение было гораздо более ранним) две известные фракции гвельфов и гибеллинов, из которых первые поддерживали понтификов, а вторые — императоров, самым несчастным образом разделили и опустошили всю Италию.

Александр IV, чье имя как графа Сегни и епископа Остии было Ринальдо, стал понтификом после смерти Иннокентия (1254) и правил шесть лет и шесть месяцев. За исключением некоторых попыток подавить внука Фридриха II по имени Конрадин и успокоить постоянные волнения в Италии, он больше занимался регулированием внутренних дел церкви, чем национальными проблемами. Особую благодарность ему должны нищенствующие монахи, доминиканцы и францисканцы. Урбан IV до своего избрания папой в 1261 году был Иаковом, патриархом Иерусалима, человеком неизвестного происхождения из Труа. Он прославился скорее учреждением праздника Тела Христова, чем какими-либо другими достижениями. Он действительно разработал много проектов, но реализовал лишь немногие из них, поскольку его прервала смерть в 1264 году, после короткого трехлетнего правления. Не намного дольше было правление Климента IV, француза и епископа Сабины, известного под именем Гвидо Фулькони (Guy Foulques), который был избран папой в 1265 году. Тем не менее, он более известен по нескольким причинам, но особенно за то, что передал королевство Неаполь Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX, короля Франции. Карл, как хорошо известно, обезглавил Конрадина, единственного выжившего внука Фридриха II, после победы над ним в битве, и это, если не по совету, то, по крайней мере, с согласия понтифика.^[105]

После смерти Климента IV^[106] между кардиналами разгорелись ожесточенные споры по поводу избрания нового понтифика, которые продолжались до третьего года, когда, наконец, в 1271 году был избран Теобальдо из Пьяченцы, архидиакон Льежа, который принял имя Григорий X. Он был призван из Палестины, где проживал, и, став свидетелем угнетенного положения христиан в Святой Земле, ничто больше не занимало его мысли, как только оказать им помощь.

СОВЕТ В ЛИОНЕ

[1274-1294 гг. н.э.]

Соответственно, как только он был рукоположен, он назначил собор, который должен был состояться в Лионе во Франции, и лично присутствовал на нем в мае 1274 года. Основными темами обсуждения были восстановление христианского господства на Востоке () и воссоединение греческой и латинской церквей. Этот собор обычно считается четырнадцатым вселенским собором и особенно примечателен тем, что на нем были установлены новые правила избрания римских понтификов, а также знаменитое положение, которое действует до сих пор и требует, чтобы кардиналы-выборщики были

закрыты в конклаве. Папа, хотя и был более мягким по характеру, чем многие другие, не колебался повторять и внушать ненавистную максиму Григория VII о том, что папа является верховным господином мира, и особенно Римской империи. В 1271 году он направил угрожающее письмо князьям Германии, призывая их избрать императора, не принимая во внимание желания или претензии Альфонсо, короля Кастилии; в противном случае он сам назначит главу империи. Соответственно, князья собрались и избрали Рудольфа I из дома Габсбургов.

Григорий X умер в 1276 году, и все три его непосредственных преемника были избраны и умерли в том же году. Иннокентий V, ранее Пьетро ди Тарантайза, был доминиканским монахом и епископом Остии. Адриан V был генуэзцем по имени Оттобони и кардиналом Святого Адриана. Иоанн XXI, ранее Педро, епископ Тускулума, был уроженцем Португалии. Следующий понтифик, вступивший на престол в 1277 году, правил дольше. Это был Джованни Гаэтано из семьи Урсини, римлянин и кардинал Святого Николая, который принял титул Николая III. Он значительно расширил так называемое наследие Святого Петра и, как показывают его действия, разработал другие великие проекты, которые он, несомненно, осуществил бы, поскольку был человеком энергичным и предприимчивым, если бы не умер преждевременно в 1280 году.

Его преемник, Мартин IV, избранный кардиналами в 1281 году, был французским дворянином Симоном де Брионом, человеком, по смелости и энергичности характера не уступавшим Николаю. Он отлучил от церкви греческого императора Михаила Палеолога за нарушение договора о союзе с латинянами, заключенного на Лионском соборе. Педро Арагонский он лишил своих королевств и всего имущества за то, что тот захватил Сицилию, и безвозмездно передал их Карлу, сыну короля Франции. Он планировал многое другое, в соответствии с взглядами понтификов, когда в 1285 году его внезапно настигла смерть. Его планы были продолжены его преемником, Джакомо Савелли, избранным в 1285 году и принявшим имя Гонорий IV. Но мучительная болезнь суставов, от которой он умер в 1287 году, помешала ему предпринять что-либо еще. Николай IV, ранее Джироламо д'Асколи, епископ Палестрины, который вззошел на папский престол в 1288 году и умер в 1292 году, смог с большим усердием и заботой заниматься делами как церкви, так и народов. Поэтому в истории он иногда представлен как арбитр в спорах суверенных князей, иногда как энергичный защитник прав и прерогатив церкви, а иногда как усердный поборник миссионерской деятельности среди татар и других народов Востока. Но ничто не было ему ближе, чем восстановление господства христиан в Палестине, где их дело было почти разрушено. Он действительно усердно трудился в этом направлении, но тщетно, поскольку смерть прервала все его планы.

После его смерти церковь оставалась без главы в течение трех лет, поскольку кардиналы не могли прийти к согласию между собой. Наконец, 5 июля 1294 года, они единодушно избрали пожилого человека, глубоко почитаемого за свою святость, — Пьетро, прозванного ди Мурроне по имени горы, на которой он вел уединенную и очень аскетическую жизнь; Он принял папское имя Целестин V. Но поскольку его аскетичный образ жизни молчаливо осуждал развращенную мораль римского двора, и особенно кардиналов, и поскольку он очень явно показывал (), что он больше заботится о святости церкви, чем о ее мирском величии, его вскоре сочли недостойным должности, которую он неохотно принял. Поэтому некоторые кардиналы, и особенно Бенедикт Каэтано, очень легко убедили его отречься от престола на четвертый месяц своего понтификата. Он умер в 1296 году в замке Фумоне, где его преемник держал его в плену, чтобы он не мог устроить беспорядки. Но впоследствии Климент V включил его в календарь святых. Ему обязана своим происхождением секта бенедиктинских монахов, которые были названы в его честь целестинами; эта секта до сих

пор существует в Италии и Франции, хотя сейчас она почти исчезла, и отличается от других бенедиктинцев более строгими правилами жизни.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ БОНИФАЦИЯ VIII

[1294-1301 гг. н. э.]

В 1294 году его преемником стал Бенедикт, кардинал Казтано, который своими убеждениями в основном подтолкнул его к отречению от папского престола и который теперь принял имя Бонифаций VIII. Это был человек, созданный для того, чтобы сеять смуту как в церкви, так и в государстве, и стремившийся к утверждению и расширению власти пап до крайней степени опрометчивости. С самого начала своего пребывания в должности он присвоил себе верховную власть над всем священным и светским; устрашал королей и государства своими грозными проклятиями; решал важные споры по своему усмотрению; расширил свод канонического права новыми дополнениями, а именно шестой книгой *Декреталий*; вел войну, в частности, против знатной семьи Колонна, которая противостояла его избранию — одним словом, он казался вторым Григорием VII во главе церкви. В конце века он установил юбилейный год, который до сих пор торжественно отмечается в Риме.

О том, что правители церкви, как высшего, так и низшего ранга, были пристрастны ко всем порокам, которые наиболее неподобающи людям их положения, свидетельствуют многочисленные факты. Что касается греческого и восточного духовенства, многие из которых жили под гнетом деспотических правительств, мы ничего не скажем, хотя их проступки достаточно очевидны. Но молчание о проступках латинян было бы менее уместным, поскольку именно из этого источника все сообщество было вовлечено в величайшие бедствия. Все честные и добрые люди того времени горячо желали реформации церкви, как в ее главе, так и в ее членах, как они сами это выражали. Но на пути к столь желанному событию все еще было много препятствий. Во-первых, власть понтификов была настолько упрочена ее долголетием, что казалась незыблемой. Во-вторых, чрезмерное суеверие держало умы большинства людей в жалком рабстве. И, наконец, невежество и варварство того времени быстро гасили искры истины, которые появлялись время от времени. Однако господство римских понтификов, казавшееся неприступным и прочным, в этом столетии постепенно подрывалось и ослабевало, отчасти из-за опрометчивой дерзости самих понтификов, отчасти из-за ряда неожиданных событий.

ФИЛИПП ПРЕКРАСНЫЙ ПОДЧИНЯЕТ СЕБЕ ПАПСТВО

[1301-1305 гг. н. э.]

Начало этой важной перемены следует отнести к борьбе между Бонифацием VIII, правившим латинской церковью в начале этого века, и Филиппом Красивым, королем Франции. Этот высоконравственный правитель первым научил европейцев тому, что императоры тщетно пытались сделать — что римских епископов можно победить и подчинить. В очень высокомерном письме, адресованном Филиппу, Бонифаций утверждал, что все короли и лица, в том числе король Франции, по божественному повелению обязаны беспрекословно подчиняться римскому понтифику, и это касается не только религиозных вопросов, но и светских и человеческих дел. Король ответил с крайней горечью. Понтифик с еще большей высокомерием повторил свои прежние утверждения и опубликовал знаменитую буллу под названием *Unam sanctam*, в которой он утверждал, что Иисус Христос

даровал своей церкви двойную власть или меч, духовную и светскую, что все человечество подчиняется понтифику и что все, кто не согласен с этой доктриной, являются еретиками и не могут рассчитывать на спасение. Напротив, король на собрании своих дворян в 1303 году через известного юриста Гийома де Ногаре публично обвинил понтифика в ереси, симонии, нечестности и других злодеяниях и настоятельно призвал созвать вселенский собор, чтобы сместить с должности столь злобного понтифика. В ответ понтифик в том же году отлучил от церкви короля и всех его сторонников.

Вскоре после получения этого приговора Филипп снова, на собрании сословий своего королевства, подал официальную жалобу на понтифика, подписанную людьми, пользовавшимися наивысшим авторитетом и влиянием, и обратился за решением к будущему вселенскому собору церкви. Затем он отправил Гийома де Ногаре с несколькими другими людьми в Италию, чтобы поднять народ на восстание и привести понтифика в плен в Лион, где он хотел провести собор. Ногаре, который был решительным и энергичным человеком, привлек на свою сторону семью Колонна, которая была в ссоре с папой, собрал небольшое войско, внезапно напал на Бонифация, который жил в безопасности в Ананьи, взял его в плен, ранил и, помимо других жестоких унижений, ударил его по голове железной перчаткой. Жители Ананьи, конечно, спасли понтифика из рук его разъяренного врага, но он умер вскоре после этого, в Риме, в октябре, от ярости и душевных мучений.

Бенедикт XI, ранее Николо из Тревиджо, преемник Бонифация, воспользовавшись его примером, восстановил короля Франции и его королевство в прежних почестях и привилегиях, даже не будучи об этом прошенным; но он не хотел освобождать от наказания Ногаре, который так тяжело оскорбил папское достоинство. Поэтому этот смелый человек энергично продолжал судебный процесс, начатый против Бонифация в римском суде, и от имени короля требовал, чтобы на покойного понтифика был наложен клеймо позора.

Бенедикт XI умер в 1304 году, и Филипп, благодаря своим тайным интригам, добился того, что 5 июня 1305 года понтификом в Риме был провозглашен француз Бертран д'Агуст, архиепископ Бордо. Ведь борьба короля с понтификами еще не была полностью разрешена, поскольку Ногаре не был освобожден от наказания, и она могла легко разгореться снова. Кроме того, король жаждал мести и намеревался вынудить римский двор осудить Бонифация; он также обдумывал уничтожение тамплиеров и другие важные вопросы, которые вряд ли мог ожидать от итальянского понтифика. Поэтому он хотел иметь французского понтифика, которым мог бы управлять по своему усмотрению и который в определенной степени зависел бы от него. Новый понтифик, принявший имя Климента V, остался во Франции, как того желал король, и перенес папский двор в Авиньон, где он просуществовал семьдесят лет. Этот период итальянцы называют «вавилонским пленением».¹

ХАЛЛАМ О ВЫСОКОМ ПОДЪЕМЕ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ

[1198-1305 гг. н.э.]

Расцвет папского господства продлился с понтификата Иннокентия III до понтификата Бонифация VIII, или, другими словами, на протяжении всего XIII века. В этот период Рим внушал весь ужас своего древнего имени. Он вновь стал господином мира, а короли были его вассалами. В своей длительной борьбе с домом Швабии он в конце концов одержал победу. После его низложения Лионским собором дела Фридриха II быстро пошли на спад.

Принимая во внимание вражду лангобардов и ревность Германии, следует признать, что его изгнание Иннокентием IV и Александром IV было главной причиной гибели его семьи.

Это общее господство римской церкви над человечеством в XII и XIII веках получило материальную поддержку благодаря провозглашению канонического права. Благодаря своей новой юриспруденции Рим приобрел в каждой стране мощную группу адвокатов, которые, хотя многие из них были мирянами, с обычным фанатизмом юристов защищали любые притязания или злоупотребления, которые санкционировались принятыми стандартами власти.

Наряду с каноническим правом, мы должны отнести учреждение нищенствующих орденов к числу тех обстоятельств, которые в основном способствовали укреплению могущества Рима. Приобретением, а в некоторых отношениях и наслаждением, или, по крайней мере, демонстрацией огромных богатств, древние монашеские ордена утратили большую часть общественного уважения. Ничто не казалось столь эффективным средством противодействия этому эффекту, как учреждение религиозных обществ, строго лишенных коварных соблазнов богатства. Эти новые проповедники были встречены с удивительным одобрением мирянами, чья религиозная ревность обычно во многом зависит от их мнения о искренности и бескорыстности своих пастырей. И прогресс доминиканских и францисканских монахов в XIII веке имеет замечательную аналогию с прогрессом английских методистов. Осознавая, какую мощную поддержку они могут получить в свою очередь, понтифики XIII века накопили льготы для учеников Франциска и Доминика. Они были освобождены от епископской власти; им было разрешено проповедовать или принимать исповеди без разрешения ординария, принимать наследства и хоронить в своих церквях. Естественно было ожидать, что объекты столь обширных милостей отплатят своим благодетелям более чем обычной услужливостью и усердием в служении. Соответственно, доминиканцы и францисканцы соперничали друг с другом в превозношении папского верховенства.

Среди причин, способствовавших господству пап, не следует упускать из виду их прерогативу отменять церковные постановления. Наиболее заметным проявлением этой прерогативы было отношение к каноническим препятствиям для вступления в брак. Такая строгость, которую предписывает христианская религия в отношении развода, была весьма неприятна для варварских народов. Они фактически не обращали на это внимания; при династии Меровингов даже частные лица разводились со своими женами по собственному желанию. Во многих капитулярах Карла Великого мы находим свидетельства преобладающей свободы развода и даже полигамии. Принципы, которые внушала церковь, на первый взгляд были полной противоположностью этой распущенности, но косвенно приводили к тому же результату. Браки были запрещены не только в пределах, которые природа или те укоренившиеся связи, которые мы называем природой, сделали священными, но и до седьмой степени боковой кровной родственности, исчисляемой от общего предка. Не только родство по браку, или родство по браку, ставилось на одну ступень с кровным родством, но и была придумана фантастическая связь, называемая духовным родством, чтобы запретить брак между крестным отцом и крестником. Брак, заключенный, как бы ни был он невинен, между лицами, находящимися в таких обстоятельствах, мог быть в любое время расторгнут, а их последующее сожительство запрещено. Иннокентий III установил принцип, что, пользуясь всей полнотой своей власти, он может законно отступать от закона, и в соответствии с этим, среди прочих примеров использования этой прерогативы, предоставил императору Оттону IV разрешение на брак, несмотря на препятствия. Подобные индульгенции давали и его преемники, хотя они не стали обычным явлением в течение нескольких веков. Четвертый Латеранский собор в 1215 году снял большую часть ограничений, разрешив браки за пределами четвертой степени

родства, или, как мы их называем, между троюродными братьями и сестрами; а разрешения стали даваться еще легче, когда обнаружилось, что они могут быть превращены в источник прибыли. Они служили более важной цели, делая необходимым для европейских князей, которые редко могли вступать в брак между собой, не нарушая канонических ограничений, поддерживать хорошие отношения с римским двором, который в нескольких упомянутых случаях выносил осуждение монархам, жившим без разрешения в том, что считалось кровосмесительным союзом.

Диспансионная власть пап проявлялась в нескольких случаях мирского характера, в частности, в узаконивании детей даже для целей наследования. Иннокентий III утверждал, что это является косвенным следствием его права снимать каноническое препятствие, которое бастардность представляла для рукоположения; поскольку, по его словам, было бы чудовищно, чтобы тот, кто является законным для духовных функций, продолжал оставаться таковым в любых гражданских вопросах. Но самым важным и вредным видом диспансации было освобождение от соблюдения обещательных клятв. В *Декретах* закреплены два принципа: клятва, невыгодная для церкви, не является обязательной; а клятва, вынужденная силой, имеет незначительную силу и может быть аннулирована церковной властью. Поскольку первый из этих принципов давал папам неограниченную привилегию нарушать все договоры, которые противоречили их интересам или страстям, привилегию, которой они постоянно пользовались, второй принцип был столь же удобен для князей, уставших соблюдать обязательства по отношению к своим подданным или соседям.

Каждому внимательному исследователю должно быть очевидно, что папская власть, хотя и демонстрировала с каждым годом все большую силу, была тайно подорвана и утратила значительную часть своего влияния на общественное мнение еще до вступления Бонифация VIII на папский престол в 1294 году. Духовенство было озлоблено требованиями денег, посягательствами на законное право покровительства и необоснованной пристрастностью к нищенствующим орденам; часть самих нищенствующих монахов начала выступать против коррупции папского двора; в то время как миряне, как подданные, так и правители, смотрели на главу и членов иерархии с ревностью и неприязнью. Бонифаций, полный чрезмерной гордыни и амбиций и недостаточно чувствительный к этой постепенной перемене в общественном мнении, стремился еще больше усилить деспотические притязания своих предшественников. Если Григорий VII кажется самым узурпаторским из людей, пока мы не прочитаем историю Иннокентия III, то Иннокентий III затмевается еще большей дерзостью Бонифация VIII. Но независимо от менее благоприятного отношения общественности, ему не хватало самого важного качества для амбициозного папы — репутации честного человека.

Заметный упадок папства можно датировать понтификатом Бонифация VIII, который довел его власть до более высокой степени, чем любой из его предшественников. Существует чары, созданные непрерывной удачей, которые пленяют разум людей и убеждают их, вопреки логике и аналогии, что насильственная власть бессмертна и непреодолима. Эти чары разрушаются при первом изменении удачи. Проследивая историю папской империи над человечеством, мы не видим явного и определенного кризиса революции. Но постепенно, как отступление вод или незаметный ход старости, эта необычайная власть над человеческим мнением на протяжении пяти веков постепенно угасала. Так же как уступка римской границы при Адриане дала первое явное свидетельство упадка амбициозной энергии этой империи, так и молчаливое подчинение преемников Бонифация VIII королю Франции могло быть воспринято Европой как знак того, что их влияние начинает ослабевать. Заключение в тюрьму, оскорбленный, в конце концов лишенный жизни насильственными действиями Филиппа, отлученный от церкви принц,

который пошел на все, чтобы бросить вызов и проявить презрение к папской юрисдикции, Бонифаций имел все основания требовать мести от наследников того же духовного господства. Когда Бенедикт XI отменил буллы своего предшественника и принял Филиппа Красивого в общение, не настаивая на каких-либо уступках, он поступил, возможно, благоразумно, но нанес смертельный удар светской власти Рима.¹

СНОСКИ

[92] [В вопросе о соблюдении celibата императоры и большая часть мирян были не против присоединиться. Но когда Григорий объявил грехом для церковника получение бенефиции на определенных условиях от мирянина, он нанес смертельный удар по всей светской власти.^a]

[93] Флото (II, стр. 45 и далее) хорошо показал ужасные последствия этого обращения к народу. Крестьяне считали, что обвинение в симонии или браке освобождает их от уплаты десятины.

[94] [«Каликст, — говорит Милман, —^e, хотя и не был первым французом, но был первым французским понтификом, который установил тесную связь между Францией и папством, которая оказала столь важное влияние на дела церкви и Европы».]

[95] [Его привязали задом наперед к верблюду и пронесли в триумфальной процессии Каликста, который незадолго до этого отлучил императора от церкви. Именно во время его понтификата был заключен Вормский конкордат, о котором говорилось выше.]

[96] [Его звали Николас Брейкспир, и он был единственным англичанином, когда-либо занимавшим папский престол.]

[97] [При нем Арнольд Брешианский был лишен популярности и вынужден уйти в изгнание. Он был схвачен офицерами Барбароссы и передан папе, который казнил его и бросил его прах в Тибр. О нем Милман^e говорит: «Арнольд Брешианский смело нанес удар по обеим властям; он полностью аннулировал светскую верховную власть папы и, если и признавал, то сводил суверенитет императора к бесплодному титулу».]

[98] [Или, вернее, с его ног, согласно сомнительной хронике Роджера из Ховедена^h, в которой папа изображен сидящим с ногами на короне и отбрасывающим ее ногой в сторону преклонившегося императора.]

[99] [Райхель^b называет его «величайшим из всех великих пап средневековья».]

[100] Возможно, стоит перечислить основные пункты, которые папа провозгласил своей исключительной прерогативой: (1) Общее верховенство юрисдикции, что, очевидно, является абсолютно неограниченным правом; (2) Право законодательства, включая созыв и председательство на соборах; (3) Судебное разбирательство по всем сложным и трудным церковным делам. Это включало в себя право выносить решения по спорным выборам и низводить епископов в сане, то есть сверхмитрополичью власть; (4) право утверждать епископов и митрополитов, даровать паллиум. Отсюда постепенно возникли права назначать епископов на переданные епархии, оставлять за собой права и т. д.; (5) право давать разрешения; (6) право учреждать новые ордена; (7) право канонизировать. См. Eichhorn, II, стр. 500.

[101] Семья Конти могла похвастаться девятью папами, среди которых были Иннокентий III, Григорий IX, Александр IV, Иннокентий XIII, и тринадцатью кардиналами, согласно Ciacconius.ⁱ

[102] Вальтер фон дер Фогельвейде, который приписывает все бедствия гражданской войны в Германии Иннокентию, заканчивает свое стихотворение следующими словами (современная редакция К. Симрока):

«Ich hörte fern in einer Klaus

Ein Jammern ohne Ende:

Ein Klausner rang die Hände;

Er klagte Gott sein bittres Leid;

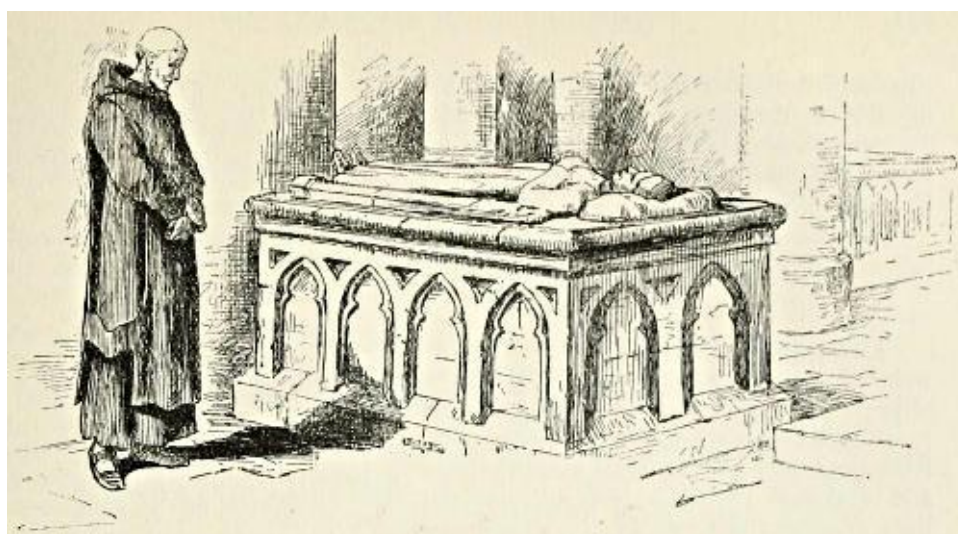
O weh, der Papst ist allzu jung, Herr Gott, hilf deiner Christenheit».

[103] Примечательно, что Иннокентий III так и не был канонизирован. Ходили слухи, что душа Иннокентия, спасаясь из огня чистилища, появилась на земле, преследуемая демонами, укрылась у подножия креста и умоляла верующих о молитвах.

[104] Милман^e говорит: «Империя и папство должны были теперь встретиться в своей последней смертельной и непримиримой борьбе. Цезарь не терпел вышестоящих, преемник святого Петра не терпел равных».

[105] [«Со смертью Конрадина, — говорит Маллингер,^d — закончилась долгая борьба империи с папством».]

[106] [О Клименте IV Милман^e говорит: «Его заслугой является то, что он не возвышал своих родственников, что он оставил в неизвестности мужей своих дочерей. Но удивление, вызванное этой похвалой, сразу показывает, насколько было оскорблено христианство; это было пророчеством более сильного оскорбления, которое впоследствии непотизм нанес папскому престолу».]

ГЛАВА IV. ОТ ИЗГНАНИЯ К ВЕРХОВЕНСТВУ

Наступил период в истории папства, который итальянские писатели называют «вавилонским пленением»; он длился более семидесяти лет (с 1305 по 1376 год). Рим больше не является столицей христианского мира (); папа — французский прелат. Преемник святого Петра не сидит на престоле святого Петра; он не окружен ни традиционным величием, ни традиционной святостью Вечного города; он покинул святыни апостолов, церкви апостолов. Возможно, самой удивительной частью его истории является то, что папство, опустившись так низко, не опустилось еще ниже; что оно оправилось от своего падения; что из сателлита, почти раба короля Франции, понтифик снова стал независимым правителем; и, хотя великая линия средневековых пап, Григория, Александра III и Иннокентия, прервалась на Бонифации VIII, он смог восстановить даже свое измененное верховенство. Нет более убедительного доказательства жизнеспособности папства, чем то, что оно смогло установить закон, согласно которому везде, где находится папа, там находится престол Святого Петра; что он мог перестать быть епископом Рима во всем, кроме названия, а затем снова вернуть себе отреченное епископство.

Никогда революция не была более внезапной, более полной и, как могло бы показаться, более долговечной в своих последствиях. В конце прошлого века Бонифаций VIII выдвигал более высокие притязания, если не обладал большей фактической властью, чем любой из предыдущих понтификов; признанный миротворец мира, арбитр между королями Франции и Англии, претендующий на феодальное и духовное господство над многими королевствами и осуществляющий его, наделяющий короны, как в Венгрии, награждающий империю; с миллионами паломников на юбилее в Риме, все еще остававшимся центром христианского мира, воздающих ему дань уважения, граничащую с льщением, и изливающих к его ногам богатства мира. Первое десятилетие нового века прошло не более чем наполовину; папа Климент V является добровольным пленником, но не менее пленником в королевстве, или почти в пределах Франции; он тщетно пытается вырваться из тирании своего неумолимого господина и разорвать или уклониться от оков, наложенных на него его собственными торжественными обязательствами. Он почти вынужден осудить своего предшественника за преступления, в которых он едва ли мог поверить его виновным; принять скупое и, возможно, никогда не выполненное покаяние от людей, почти убивших папу; пожертвовать, на основании доказательств, которым он сам явно не доверял, тамплиеров, один из величайших военных орденов христианского мира, ненависти или алчности Филиппа. Папа, бывший повелителем свободы всего мира, перестал быть свободным агентом.⁴

КЛИМЕНТ V

В отсутствие понтификов гибеллины в Италии, враждебно настроенные по отношению к понтификам, стали действовать более смело, чем раньше, и не только вторглись на территории Святого Петра и опустошили их, но и нанесли удар по авторитету понтификатов своими публикациями. В результате ряд городов восстал против пап; сам Рим стал источником и поджигателем беспорядков, заговоров и гражданских войн; законы и декреты, присланные туда из Франции, публично встречали презрение не только со стороны знати, но и со стороны простых граждан. Большая часть Европы последовала примеру Италии, и бесчисленные примеры показывают, что народы Европы придавали гораздо меньшее значение проклятиям и декретам, издаваемым во Франции, чем тем, которые издавались в Риме. Поэтому в разных местах поднимались различные мятежи

против пап, которые они не могли подавить и усмирить, несмотря на то, что инквизиторы очень активно выполняли свои функции.

Поскольку французские понтифики могли получать лишь небольшой доход от Италии, которая была раздираема фракциями, мятежами и опустошена, они были вынуждены придумывать новые способы сбора денег. Поэтому они не только продавали индульгенции народу чаще, чем раньше, вызывая большое возмущение королей и князей, но и требовали огромных сумм за свои письма или буллы любого рода. В этом деле Иоанн XXII проявил себя особенно ловким и проницательным; хотя он и не был первым, кто изобрел правила и сборы апостольской канцелярии, римские писатели признают, что он расширил их и привел в более удобную форму. Говорят, что он также ввел дань, которая под названием «*аннаты*» обычно выплачивается понтификам, хотя ее первоначальное введение произошло еще до его времени. Кроме того, эти французские понтифики, подрывая права выборов, присвоили себе право назначать всех священнослужителей, как высоких, так и низших, по своему усмотрению, благодаря чему они собирали огромные суммы денег. Поэтому при этих понтификах такие ненавистные термины, как «резервирование», «провизия» и «ожидание», которые раньше почти не использовались, теперь были повсеместно слышны и вызывали самые горькие жалобы со стороны всех народов Европы; и эти жалобы усилились в разы, когда некоторые из понтификов, Иоанн XXII, Климент VI, Григорий XI, публично объявили, что они резервировали все церкви для себя и что они будут обеспечивать всех без исключения в силу суверенного права, которое Христос передал викариям, или в полноте своей власти. Этими и другими уловками для наполнения своей казны и накопления имущества эти недалёковидные понтифики навлекли на апостольский престол дополнительную ненависть и тем самым значительно ослабили папскую империю, которая начала приходить в упадок со времен Бонифация.

Климент V всю свою жизнь подчинялся воле и желаниям Филиппа Красивого, короля Франции. Гийом де Ногаре, непримиримый враг Бонифация VIII, хотя и был отлучен от церкви, решительно отстаивал свою позицию и позицию короля Филиппа против Бонифация в папском суде; это, по нашему мнению, беспрецедентный случай. Филипп хотел, чтобы тело Бонифация было эксгумировано и публично сожжено. С большим трудом Климент предотвратил эту позорную меру своими мольбами и советами, но во всем остальном он был вынужден подчиняться королю. Соответственно, он отменил законы, принятые Бонифацием, предоставил королю десятину на пять лет, освободил Ногаре от всех преступлений, наложив на него легкое покаяние, которое тот так и не выполнил; восстановил жителей Ананьи в их прежнем уважении и хорошей репутации и созвал общий собор в Вьенне в 1311 году, чтобы удовлетворить желание Филиппа по подавлению тамплиеров.⁴

СУДЬБА ТАМПЛЕРОВ

[1311-1313 гг. н. э.]

Конец самого Климента и его повелителя, короля Франции, приближался. Но папе и королю в царство тьмы и на суд небесный должны были предшествовать другие жертвы. Трагедия тамплиеров еще не подошла к концу.^[107] Четыре великих сановника ордена, великий магистр Де Моле, Ги, командующий Нормандией, сын дофина Оверни, командующий Аквитанией Годфри де Гонавиль, великий посетитель Франции Юг де Перо, все еще томились в королевских подземельях. Необходимо было определить их судьбу. Король и папа теперь были одинаково заинтересованы в том, чтобы навсегда похоронить

это дело в тишине и забвении. До тех пор, пока эти люди жили, не будучи осужденными и не будучи обреченными, орден не был уничтожен. Была назначена комиссия. Великий магистр и остальные были признаны виновными и должны были быть приговорены к пожизненному заключению.

Шесть лет мрачного заключения прошли над их головами; из их доблестных братьев самые доблестные были сожжены заживо, а трусы купили себе жизнь исповедью; папа на полном совете осудил и распустил орден. Если человеческий ум, ум, подобный уму Де Моле, не самому упрямому, мог быть сломлен страданиями и унижениями, то он, должно быть, поддался этому долговому и сокрушительному заключению. Кардинал-архиепископ Альби поднялся на возвышение; он зачитал признания рыцарей, протоколы суда; он подробно остановился на преступности ордена, на святой справедливости папы и на благочестивом, самоотверженном рвении короля; он приступил к окончательному, роковому приговору. В этот момент вышел великий магистр; его жест призывал к тишине; судьи и народ смотрели на него с благоговейным страхом.

Спокойным, ясным голосом Де Моле произнес: «Перед небом и землей, на грани смерти, когда малейшая ложь ложится на душу непосильным бременем, я заявляю, что мы вполне заслужили смерть, но не из-за какого-либо ереси или греха, в котором виновны мы сами или наш орден, а потому, что, чтобы спасти свои жизни, мы поддались соблазнительным словам папы и короля и таким образом своими признаниями принесли позор и гибель нашему непорочному, святому и православному братству».

Кардиналы стояли в замешательстве; народ не мог сдержать своего глубокого сочувствия. Собрание было поспешно разогнано; проректору было приказано отвести заключенных обратно в их темницы: «Завтра мы проведем дальнейшее совещание».

Но в тот момент, когда король услышал об этом, без малейшей задержки, без малейшего совещания с церковными властями, он приказал казнить их как рецидивистов-еретиков. На острове на Сене, где сейчас стоит статуя Генриха IV, между королевским садом с одной стороны и монастырем августинцев с другой, были возведены два костра (двое из четверых отступили и вернулись к своим недостойным исповеданиям). Был час вечерни, когда этих двух пожилых и благородных мужчин вывели на сожжение. Оба, когда дым поднимался к их губам, когда огонь подбирался к их жизненно важным органам, продолжали торжественно утверждать невиновность и католическую веру ордена. Сам король наблюдал за этим ужасным зрелищем.

[1313-1316 гг. н.э.]

Удивление и сожаление о временах, которые последовали сразу же, не только облекли Де Моле в одежды мученика, но и наделили его страшным языком пророка. «Климент, несправедливый и жестокий судья, я призываю тебя в течение сорока дней явиться передо мной перед престолом Всевышнего». По некоторым сведениям, этот страшный приговор касался короля, который, если он был произнесен, мог его услышать. Самое раннее упоминание об этой страшной речи не содержит той поразительной детали, которая, если бы она была частью ее, была бы фатальна для ее достоверности — точной даты смерти Климента. Только через год Климент и король Филипп скончались. В поэтическом рассказе Годфри де Пари просто говорится, что Де Моле заявил, что Бог отомстит за их смерть их неправедным судьям. Быстрая гибель этих двух людей в течение следующего года могла, естественно, настолько потрясти народное воображение, что оно стало более близким к пророчеству и его исполнению. В любом случае, это выдавало глубокое и всеобщее чувство жестокой несправедливости, причиненной ордену, в то время как незаслуженная смерть

папы, катастрофическое завершение правления Филиппа и преступления его семьи казались заявлениями небес о невинности их благородных жертв.

Здоровье Климента V уже некоторое время ухудшалось. Из своего двора, который он держал в Карпантре, он отправился в надежде почерпнуть силы из родного воздуха в Бордо. Едва перейдя Рону, он был поражен смертельной болезнью в Рокморе. Папское сокровище было захвачено его последователями, особенно его племянником; его останки были обработаны с таким полным пренебрежением, что факелы подожгли катафалк, под которым он лежал, не в государственном. Его тело, покрытое лишь одним простынем, единственным, что его алчная свита оставила, чтобы укрыть своего забытого господина, было наполовину сожжено (но не при жизни, как тела тамплиеров), прежде чем поднялась тревога. Его прах был перевезен обратно в Карпантрас и торжественно похоронен.

Климент оставил после себя дурную славу. Он умер постыдно богатым. Своему племяннику (непотизм начал оказывать свое пагубное влияние) он завещал не менее 300 000 золотых флоринов под предлогом помощи Святой Земле. Он умер еще более богатым, но его богатство было истощено еще более постыдной расточительностью. Общепринято было считать, что прекрасная Брунисанд де Фуа, графиня Тальеран-Перигор, была любовницей папы; он был безгранично щедр по отношению к ней, и ее влияние было непреодолимым даже в церковных делах. Ходят слухи, что ее просьбы к похотливому понтифику были помещены на ее иначе открытой груди. Итальянская ненависть к трансальпийскому папе, гвельфская ненависть к гибеллину-папе, возможно, придала слишком жадное ухо этим порочным слухам; но большая часть авторитетов выступает против папы; в его пользу — едва ли больше, чем подозрительное молчание.^b

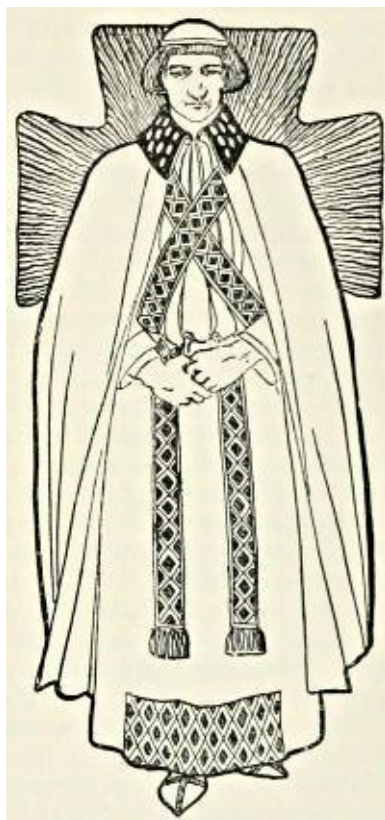
ИОАНН XXII УРБАНА V

[1316-1333 гг. н.э.]

После смерти Климента в 1314 году между кардиналами разгорелась ожесточенная борьба за избрание преемника: французы требовали французского понтифика, а итальянцы — итальянского. Через два года французы одержали победу, и в 1316 году Жак д'Эз из Каора, кардинал Порту, был назначен главой церкви и принял папское имя Иоанн XXII. Он не был лишен образования, но был хитрым, наглым, слабым, неосторожным и алчным, что не отрицают даже те, кто чтит его память. Он прославился многими неосторожными и неудачными предприятиями, но особенно своей неудачной борьбой с императором Людвигом Баварским. Между Людвигом Баварским и Фридрихом Австрийским шла борьба за империю Германии, и в 1314 году каждый из них был избран императором частью выборщиков. Иоанн объявил, что решение этого спора принадлежит ему. Но Людвиг, победив своего соперника в битве и взяв его в плен в 1322 году, взял на себя управление империей, не посоветовавшись с понтификом, и отказался передать дело, которое было решено мечом, на новое рассмотрение понтификом.

Иоанн был сильно оскорблен этим и в 1324 году лишил императора всех прав на императорскую корону. Людвиг, в свою очередь, обвинил понтифика в развращении веры, или в ереси, и обратился за решением к собору. Разгневанный этим и другими событиями, понтифик в 1327 году вновь лишил императора всей его власти и полномочий и подверг его отлучению от церкви. В отместку за эту обиду император в 1328 году в Риме публично объявил Иоанна недостойным понтификата и заменил его Пьетро ди Корвара, францисканским монахом и одним из тех, кто не соглашался с понтификом; тот, приняв имя Николая V, короновал Людвига императором. Но в 1330 году этот императорский понтифик

добровольно отрекся от своей должности и сдался в руки Иоанна, который держал его в плену в Авиньоне до самой смерти. Таким образом, Иоанн продолжал править, несмотря на императора, как и император, несмотря на понтифика.

Священник XIV века

На стороне Людвига стояли все братцы, бегарды (или бегинки) всех мастей и духовники, или более строгие францисканцы; и эти, разбросанные по большей части Европы и пользующиеся защитой Людвига, повсюду нападали на Иоанна с упреками и обвинениями, как устно, так и в книгах, и обвиняли его в религиозном отступничестве. Однако понтифик не сильно пострадал от этих частных нападков, но к концу своей жизни он подвергся неодобрению и осуждению почти всей церкви. Дело в том, что в 1331 и 1332 годах он в некоторых публичных выступлениях учил, что умершие души действительно увидят Христа, но не увидят лица Бога или божественной природы до тех пор, пока не воссоединятся с телом в последний день. Эта доктрина вызвала сильное недовольство Филиппа VI, короля Франции; теологи Парижа осудили ее в 1333 году; и как друзья, так и враги понтифика были против нее. Им казалось, что понтифик сильно умаляет блаженство умерших душ. Перед лицом столь сильной оппозиции Иоанн, хотя и был по натуре упрямым, был вынужден уступить. Поэтому он сначала извинился за эту доктрину, а затем, когда в 1334 году был близок к смерти, он не отказался от нее, но уточнил, сказав, что верит, что души в промежуточном состоянии видят божественную сущность настолько, насколько это позволяет состояние и положение бесплотного духа. Но это заявление не удовлетворило его противников. Поэтому, после различных споров, его преемник Бенедикт XII положил конец полемике, в соответствии с решением парижских докторов, объявив истинной верой то, что души блаженных, когда они отделены от тела, полностью и совершенным образом созерцают божественную природу, или самого Бога. Бенедикт мог сделать это, не подвергая осуждению своего предшественника, поскольку Иоанн, умирая, подчинил свое мнение суду церкви, чтобы, возможно, после смерти не быть отнесенным к числу еретиков.

[1333-1362 гг. н.э.]

После смерти Иоанна в 1334 году новые споры между французами и итальянцами по поводу выбора понтифика разделили коллегия кардиналов. Но ближе к концу года был избран Жак де Нуво, прозванный Фурнье, француз, кардинал Св. Приски, который принял имя Бенедикт XII. Историки отдают ему должное как честному и прямому человеку, не подверженному ни алчности, ни жажде власти. Во время его правления спор с императором Людвигом был урегулирован. Хотя он и не восстановил его в церковном общении, будучи удержанным, как сообщает король Франции, он не предпринимал против него никаких действий. Он видел существующие в церкви зло, и некоторые из них, насколько мог, устранял; в частности, он стремился реформировать декретами и постановлениями ордена монахов, как нищенствующих, так и богатых. Но смерть унесла его, когда он задумывал еще больше и более значительные изменения, в 1342 году. Если не обращать внимания на суеверие, которое было распространенным недостатком его времени, то мы не найдем ничего, что мешало бы нам объявить этого понтифика человеком с правильным духом.

Иного духа был его преемник, Климент VI, который также был французом, по имени Пьер Роже, кардинал Святого Нероя и Святого Ахилла. Не говоря уже о его других поступках, которые мало заслуживают похвалы, он пошел по стопам Иоанна XXII, распоряжаясь церквями и оставляя за собой права на них, что свидетельствовало о постыдной алчности; далее, он передавал важнейшие духовные должности иностранцам и итальянцам, что вызывало споры между ним и королями Франции и Англии; и, наконец, он продемонстрировал высокомерие и гордость своего сердца, среди прочего, возобновив войну с Людвигом Баварским. Ибо в 1343 году он обрушился с новыми громами на императора; и, обнаружив, что Людвиг презирает их, в 1346 году он вновь посвятил себя проклятиям и убедил герцогов Германии избрать императором Карла IV, внука Генриха VII. В Германии разразилась бы гражданская война, если бы ее не предотвратила смерть Людвига в 1347 году. Климент последовал за ним в могилу в 1352 году, прославившись лишь своим рвением возвысить величие пап и присоединить Авиньон, который он купил у королевы Неаполя Джоанны, к владениям Святого Петра.

[1362-1378 гг. н.э.]

Более умеренным и честным был Иннокентий VI, или Этьен д'Альбер, француз, ранее епископ Остии, который управлял церковью десять лет и умер в 1362 году. Он слишком благоволил своим родственникам, но в остальном поощрял благочестивых и образованных людей, заставлял монахов выполнять свои обязанности, воздерживался от резервирования церквей и сделал много достойных похвалы дел. Его преемник, Гийом де Гримоар, аббат Сен-Виктор, в Марселе, который принял имя Урбана V, также не имел серьезных недостатков, если не считать тех, которые практически неотделимы от должности папы. Под давлением просьб римлян он переехал в Рим в 1367 году, но в 1370 году вернулся в Авиньон, чтобы заключить мир между королем Англии и королем Франции, и умер там в том же году.

Его преемником стал Пьер Роже, француз благородного происхождения, под папским именем Григорий XI. Он уступал своим предшественникам в добродетели, но превосходил их в энергии и смелости. При нем Италию и город Рим потрясли великие и опасные волнения. Особенно флорентийцы вели ожесточенную войну с римской церковью и добились в ней успеха. Чтобы восстановить спокойствие в Италии и вернуть территории и города, отнятые у наследия Святого Петра, Григорий в 1376 году перенес свою резиденцию из Авиньона в Рим. Некая Катерина, дева из Сиены, которую в ту легковверную эпоху считали

пророчицей, вдохновленной Богом, прибыла в Авиньон и своими увещеваниями в значительной мере способствовала принятию этой меры. Но вскоре Григорий пожалел о своем переезде, ибо из-за их долгого отсутствия в Италии авторитет пап там настолько упал, что римляне и флорентийцы без зазрения совести оскорбляли и унижали его различными способами. Поэтому он намеревался вернуться в Авиньон, но этому помешала смерть, которая унесла его из жизни в 1378 году.

После смерти Григория XI кардиналы собрались, чтобы выбрать преемника, но римский народ, опасаясь, что будет избран француз, который переедет в Авиньон, требовал с яростными криками и угрозами, чтобы во главе церкви без промедления был поставлен итальянец. Испуганные кардиналы провозгласили избранным понтификом Бартоломео Приньяни, уроженца Неаполя и архиепископа Бари, который принял имя Урбан VI. Этот новый понтифик своими грубыми манерами, неосмотрительной суровостью и невыносимой надменностью оттолкнул от себя всех, но особенно кардиналов. Поэтому они удалились в Фонди, город в королевстве Неаполь, и там избрали другого понтифика, графа Женевы Роберта, который принял имя Климента VII, утверждая, что Урбан был избран только для вида, чтобы успокоить ярость римского народа. Кто из них был законным и истинным понтификом, до сих пор остается неясным, и это невозможно полностью установить по записям и документам, которые были опубликованы в большом количестве обеими сторонами. Урбан остался в Риме, а Климент переехал в Авиньон во Франции.

Таким образом, единство латинской церкви, существовавшее под единым руководством, прекратилось со смертью Григория XI, и наступило то самое несчастное разделение, которое обычно называют «великим расколом Запада». В течение пятидесяти лет у церкви было два или три главы, и современные понтифики нападали друг на друга с отлучениями, проклятиями и коварными мерами. Бедствия и страдания тех времен невозможно описать словами. Помимо постоянных распрей и войн между папскими фракциями, которые приносили гибель многим, лишая их жизни или имущества, почти во всех местах было утрачено всякое чувство религиозности, а злодеяния с каждым днем становились все более безнаказанными и дерзкими. Духовенство, и без того коррумпированное, теперь отбросило даже видимость благочестия и набожности, в то время как те, кто называл себя наместниками Христа, вели открытую войну друг с другом; а сознательные люди, которые верили, что никто не может спастись, не подчиняясь наместникам Христа, были ввергнуты в величайшее замешательство и душевную тревогу. Тем не менее, и церковь, и государство получили очень значительные преимущества от этих великих бедствий. Ибо эти разногласия перерезали самые нервы папской власти, и никакое искусство не могло их больше исцелить; короли и князья, которые раньше были в некотором смысле слугами пап, теперь стали их судьями и господами. Кроме того, многие, обладая некоторой долей проницательности, презирая и игнорируя понтификов, борющихся за власть, доверили себя и свое спасение только Богу, будучи полностью уверены, что церковь и религия могут быть в безопасности и продолжать существовать, хотя и без видимого главы.⁴

ВЕЛИКИЙ РАЗКОЛ ЗАПАДА (1378-1417 гг. н. э.)

[1378-1389 гг. н. э.]

Климент был немедленно признан папой в Шотландии, Савойе и Лотарингии, а затем в Кастилии (1381), Арагоне (1387) и Наварре (1390). С другой стороны, Германия, Англия, Дания, Швеция, Польша и Пруссия остались на стороне Урбана.

Война между двумя папами велась не только с помощью отлучения от церкви, но и в Италии с помощью светского оружия. Урбан объявил, что королева Иоанна (), отступив от его стороны, утратила королевство Неаполь и передала его в владение Карлу, герцогу Дураццо. С другой стороны, Джоанна, под влиянием Климента, взяла Людовика, герцога Анжуйского, в то время регента Франции, в качестве своего приемного сына и преемника (1380). Между тем Карл за короткое время стал властелином всего королевства, взял Джоанну в плен в 1381 году и казнил ее, когда Людовик появился в Италии во главе армии (1382). Карл продолжал удерживать свое господство, и смерть Людовика (1384) могла бы стать решающей для Неаполя в пользу Урбана и Карла навсегда, если бы между ними не возникли разногласия, которые усугубились до такой степени, что, когда упрямый папа лично прибыл в Неаполь, Урбан вынес приговор о свержении с престола и отлучении от церкви в отношении Карла и в результате был им осажден в замке Лучера в Салерно (1385). Он бежал в Геную (сентябрь 1385 г.), не став мудрее. Жестокой казнью пяти кардиналов он сделал себя еще более ненавистным. После смерти Карла (1386 г.) своим недальновидным отказом инвестировать своего сына Ладислава (или Ланселота) в Неаполе, он вновь подверг это королевство опасности попасть под власть Франции. Столица уже была завоевана молодым Людовиком Анжуйским (1387), и все королевство перешло бы к нему и французскому папе, если бы преемник Урбана, Бонифаций IX, в нужный момент не инвестировал Ладислава (1390) и не оказал ему свою мощную поддержку. С целью защитить владения церкви от Людовика, Бонифаций передал многие города и замки в феодальное владение влиятельным дворянам, что вновь вызвало в Риме борьбу за независимость, из-за которой он долгое время находился в изгнании из города. Правда, Людовик был вынужден полностью покинуть Италию (1400), а Ладислав остался королем Неаполя. Но беспокойство в Риме усиливалось и даже поддерживалось Ладиславом, который хотел стать хозяином города.

[1389-1409 гг. н. э.]

Поскольку раскол уменьшал доходы пап и увеличивал их расходы, он вызвал новое обострение и без того невыносимого угнетения со стороны церкви. Французский понтифик Климент VII был вынужден осуществлять право представления на церковные должности, к которым теперь добавились еще и *gratiæ expectativæ*, в соответствии с указанием французского двора, от которого он был полностью зависим; но в обмен на это церковь Франции, пока ее недовольство не выражалось слишком громко, была предана на растерзание его вымогательствам. Десятина *vacantiæ* и аннаты теперь были постоянным доходом папского кабинета. В дополнение к этому Климент предъявил права на добычу умерших прелатов. Его преемник, Бенедикт XIII, где это было возможно, превзошел его в этих системах обнищания.

Пока жил Урбан VI, римская курия выгодно отличалась в этом отношении от авиньонской. Его преемник, Бонифаций IX, напротив, подражал всем вымогательствам своих соперников во Франции, но значительно превосходил их в симонии, которую он и члены его курии практиковали совершенно открыто и даже защищали без какого-либо чувства стыда. Таким образом, в конце этого периода обе церкви стонали под гнетом преследований. Только Англия неоднократно сбрасывала с себя всякое папское угнетение, а в 1404 году ее примеру последовала и Венгрия.

В результате этих церковных притеснений, которые были следствием раскола, усилились религиозные сомнения по поводу него и потребовались более ранние шаги для его урегулирования. В частности, Парижский университет с непоколебимой настойчивостью работал над прекращением раскола. Долго ждав тщетно, пока два папы придут к здравому

соглашению между собой, он наконец получил разрешение от французского двора высказать свое мнение по поводу этих событий (1394). Бенедикт XIII, несмотря на обещание, данное им до избрания, проявил еще меньшую склонность, чем его предшественник, к принятию серьезных мер по прекращению раскола. На настоятельные предложения французского национального синода в 1395 году он ответил лишь уклончивым ответом. Тем не менее университет продолжал свои усилия и в конце концов добился того, что король Франции Карл VI вместе с императором Венцеславом заставили обоих пап отречься от престола (1398).

Последний был действительно слишком слаб, чтобы сдержать свое слово; кроме того, он сам был свергнут в результате тайных интриг своего папы Бонифация IX (1400). С другой стороны, по решению нового национального собора Франция отказалась подчиняться Бенедикту; Кастилия последовала ее примеру (1398), и этот папа был заключен в тюрьму в Авиньоне. Только спустя много лет и после нарушения явных обязательств Бенедикту удалось вернуть церковь Франции в свое подчинение (1403) с помощью герцога Орлеанского, который в то время завоевал господство при дворе. Скоро стало очевидно, что он не намерен выполнять эти обещания, но поскольку итальянские кардиналы наложили аналогичные обязательства на своего нового папу Иннокентия VII после его избрания в 1404 году, даже если только для сохранения видимости, пришлось начать переговоры. Бесплодность этих переговоров усилила общее недовольство; Франция пригрозила своему папе новым отказом в верности (национальный совет января 1407 года), когда наконец оба папы договорились о личной встрече в Савоне в сентябре 1407 года. Бенедикт явился туда лично, однако Григорий XII доехал только до Лукки и начал новые переговоры о другом месте встречи. Это публичное нарушение обещания возмутило римских кардиналов; они отвергли своего папу Григория и отказались от верности ему, в то же время Франция отказалась от повиновения Бенедикту. Бенедикт действительно избежал угрожавшего ему заключения, бежав в Перпиньян, но кардиналы обеих сторон объединились в Ливорно (Легорне) и созвали в марте 1409 года всеобщий собор в Пизе с целью положить конец расколу.

[1378-1417 гг. н. э.]

Раскол с его церковным угнетением дал импульс, слабость папского престола предоставила долгожданную возможность для беспристрастного рассмотрения существующего состояния церкви; это привело людей к мнениям, которые до сих пор обсуждались только в ходе ожесточенных борьбы с папами, и поэтому не без проявления страсти и партийного духа; но теперь они укоренились так глубоко, даже среди самых верных приверженцев церкви, что их уже никогда не удалось бы полностью подавить. Многие с тревогой оглядывались назад, на более ранние и лучшие века церкви, чтобы найти в ее устройстве средство от скандалов настоящего времени. Это была проблема науки. Ее представители, университеты, особенно парижский, слушались с большим вниманием и приобрели влияние, которое было грозным даже для пап. Это сравнение настоящего с более ранними веками церкви не могло не привести к многим убеждениям, неблагоприятным для папского престола.

Правда, были лишь единичные личности, которые зашли так далеко в своих размышлениях, что хотели полностью удалить папство из церкви как источник всех ее бедствий. Но даже его самые верные приверженцы теперь признавали чрезмерное расширение папской власти и чудовищное преувеличение папского достоинства. Они обнаружили в стремлении папства к светской власти главную причину всех бедствий и даже раскола, и они хотели вернуть времена, когда императоры могли созывать синоды по своей

собственной власти, чтобы задушить раскол в зародыше. Не менее общее было недовольство, выраженное против угнетения со стороны папской церкви, и желание устранить его путем ограничения папской власти. До сих пор только противники пап, открыто воевавшие с ними, обращались к всеобщему собору как к высшей инстанции, но во время раскола обстоятельства привели к общему признанию того, что такой собор должен стоять выше папы. После того как Пизанский собор был созван для прекращения спора между двумя папами и установления пределов злоупотребления папской властью, канонисты соревновались друг с другом в демонстрации этого нового мнения, столь вредного для папства, о превосходстве вселенских соборов над папой, и таким образом папская система прошлого века, казалось, была под угрозой полного свержения.

ОТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕРКВЕЙ К ГОСУДАРСТВУ

Епископ XIV века

Ревность между церковными и светскими судами, вызванная чрезмерным расширением церковной юрисдикции, продолжалась, но все чаще начинала складываться в пользу последних. В Германии основополагающий принцип, согласно которому светские дела принадлежали только светским судам, был признан задолго до этого даже прелатами, которые сами были светскими правителями страны; как правило, он всегда соблюдался, хотя в отдельных случаях церковные суды постоянно превышали свои полномочия. Но во время раскола император Вацлав мог исполнять свои решения в светских делах против высших чинов духовенства только с помощью насилия. Города продолжали облагать чрезмерные доходы церковной власти налогами. Они либо полностью запрещали увеличение церковной собственности, либо постановляли, что все новые приобретения должны быть отчуждены через год и один день, либо требовали с новых доходов обычные налоги. Теперь, когда приходские священники, управляя завещаниями людей, слишком хорошо обеспечивали себя и церковь, было решено, что завещания должны составляться только перед светскими властями. Падерборн даже запретил умножение месс за души. Тем

не менее папы желали поддерживать хорошие отношения с городами и привязывать их к себе с помощью привилегий.

Во время раскола было сделано много уступок и дворянам; так, в 1399 году Бонифаций IX разрешил Альберту IV, герцогу Австрии, *jus primarum presum.* Свободные швейцарцы законом священников (*Pfaffenbrief*) в 1370 году положили конец посягательствам церковных трибуналов. В Италии деятельность церковных трибуналов, как и положение всей страны, была очень нестабильной. При правлении гибеллинов они часто полностью подавлялись. Во Франции церковная юрисдикция достигла своего наибольшего распространения; короли потворствовали ей, потому что хотели сохранить благосклонность епископов и знали, как облагать налогом любые нарушения церковных трибуналов. С другой стороны, бароны постоянно спорили с прелатами по этому поводу, и с обеих сторон не прекращались жалобы на узурпацию. Замечательные переговоры, которые были начаты по приказу короля Филиппа Валуа с прелатами, созванными перед парламентом (1329 г.), в связи с политическими целями короля не принесли желаемого результата. Сразу после этого духовенство попыталось еще более укрепить свою юрисдикцию декретами соборов. С другой стороны, в парламенте, который теперь превращался в постоянную корпорацию, развивалось мощное сопротивление этим действиям; это особенно проявилось со времени Карла V. Отныне церковная юрисдикция не только ограничивалась своими собственными пределами, но парламент требовал определенной степени надзора над ней и присвоил себе право принимать решения по многим вопросам, которые в то время повсеместно считались церковными.

Прежние посягательства пап на епископские права еще более усилились тем, что теперь они полностью взяли на себя назначение на церковные должности и в высшей степени осуществляли право на освобождение от налогов, особенно во время раскола. Таким образом, значение епископов в церкви было невелико; они компенсировали это светскими почестями и мирскими удовольствиями. Угнетение, которое обрушилось на них сверху, они умели переложить на тех, кто был ниже, и поэтому низшие чины духовенства стонали под невыносимым бременем.

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДУХОВЕНСТВА

Нравственное состояние духовенства не могло не ухудшиться еще больше в этот период вследствие того, как обычно присваивались церковные должности, примера, который подавал папский двор, и метода « », которым управлялась церковная юрисдикция. В капитулах, где места в хоре были в основном зарезервированы для дворян, а также среди приходского духовенства царил глубокий невежество и безнравственность, вызывавшие возмущение. Непрекращающаяся борьба синодов с развратом священников оставалась совершенно безрезультатной. Миряне были только рады защитить своих жен и дочерей от священнических насильников и, соответственно, одобряли, а порой даже требовали, фиксированных союзов своих священников с наложницами. Таким образом, во многих странах сожителство было публично разрешено среди священников, которые считались слишком священными для брачных связей. Штрафы, которыми многие синоды налагали за эти эксцессы, быстро превратились в желанную награду для алчности епископов. Тем не менее, любая попытка светской власти пресечь эти скандалы встречала сопротивление со стороны церкви как посягательство на ее права.^d

Собор в Пизе, который был призван залечить раны раздробленной церкви, неожиданно нанес ей новую рану. 5 июня он вынес суровый приговор каждому из понтификов, объявив их обоих еретиками, клятвопреступниками, непокорными, недостойными какой-либо чести и более не являющимися членами церкви. В качестве следующего шага 26 июня собор назначил Пьетро Филарги из Кандии суверенным понтификом, и тот принял имя Александра V. Но оба понтифика отвергли постановления этого собора и продолжали выполнять свои функции. Бенедикт созвал собор в Перпиньяне, а Григорий собрал другой в Австрии, недалеко от Аквилеи; но, опасаясь недовольства венецианцев, он сначала отправился в Гаэту, где просил защиты у Ладислава, короля Неаполя, а затем в 1412 году бежал в Римини.

Таким образом, церковь была разделена между тремя понтификами, которые яростно нападали друг на друга взаимными отлучениями, упреками и проклятиями. Александр V, избранный на Соборе в Пизе, умер в Болонье в 1410 году. Шестнадцать кардиналов, присутствовавших в городе, немедленно заняли его место Бальтазаром Косса, неаполитанцем, который принял имя Иоанна XXIII, человеком, лишенным принципов и благочестия. Эта война понтификов привела к огромным бедам, которые поразили как церковь, так и государство. Поэтому император Сигизмунд, король Франции и другие короли и князья Европы не жалели ни сил, ни средств, чтобы восстановить гармонию и вновь объединить церковь под единым руководством. От пап было совершенно невозможно добиться каких-либо личных жертв ради мира в церкви, так что не оставалось ничего другого, как созвать всеобщий собор всей церкви, чтобы рассмотреть этот великий спор. Такое собрание Иоанн XXIII, поддавшись на уговоры Сигизмунда и надеясь, что оно будет благоприятно для его дела, назначил провести в Констанце в 1414 году. На этом соборе присутствовали понтифик Иоанн, император Сигизмунд, многие князья Германии, а также послы отсутствующих королей и князей Европы и республик.

Главной целью этого великого собора было устранение разногласий между папами, и эта задача была успешно решена. Установив двумя торжественными декретами, принятыми на четвертой и пятой сессиях, что папа подчиняется собору всей церкви, и тщательно обосновав авторитет соборов, отцы 29 мая 1415 года () сместили Иоанна XXIII с папского престола за различные проступки и преступления, поскольку он пообещал собору сложить с себя папский сан, но все же бежал. Григорий XII добровольно отрекся от папского престола 4 июля того же года через Карло Малатеста. А Бенедикт XIII 26 июля 1417 года был лишен своего сана папы торжественным декретом собора. После этих событий 11 ноября 1417 года Отто Колонна был избран понтификом единогласным голосованием кардиналов и принял имя Мартина V. Бенедикт XIII, проживавший в Перпиньяне, сопротивлялся и отстаивал права и достоинство понтифика до самой своей смерти в 1423 году; а после смерти этого упрямого человека под покровительством Альфонсо, короля Сицилии, Эгидиус (Джайлс) Нуњос, испанец, был назначен его преемником всего двумя кардиналами. Он принял имя Климента VIII и хотел, чтобы его считали законным понтификом, но в 1429 году его убедили полностью уступить управление церковью Мартину V.

Действия, предпринятые на этом соборе для подавления и искоренения еретиков, не все одинаково похвалы достойны; некоторые из них, по сути, совершенно непростительны. До начала собора в нескольких странах, но особенно в Богемии, произошли большие религиозные волнения. В Праге жил и преподавал, вызывая большой восторг,

красноречивый и ученый человек по имени Ян Гус, который был профессором теологии в университете и священником в церкви. Он яростно выступал против всех видов священнических пороков, что было обычным явлением в ту эпоху и не вызывало осуждения со стороны добродетельных людей. Кроме того, после 1408 года он пытался отвлечь университет от признания папой Григория XII, которому до того времени подчинялась Богемия. Это сильно возмутило пражского архиепископа и остальных членов духовенства, которые были преданными сторонниками Григория. Отсюда возникла большая вражда между Гусом и архиепископом, которую первый поддерживал и усиливал своими речами против римского двора и пороков духовенства.

К этим первым причинам ненависти к Гусу, которые можно было легко преодолеть, добавились другие, более серьезные. Во-первых, он встал на сторону реалистов в философии и, следовательно, в соответствии с обычаями того времени, подталкивал и давил на номиналистов со всей своей силой; однако их число в Пражском университете было весьма значительным, и их влияние было немалым. Впоследствии, в 1408 году, он добился того, что в споре между немцами и чехами по поводу количества голосов решение было принято в пользу чехов. Законы университета предписывали, что в академических дискуссиях чехи должны иметь три голоса, а три другие нации — только один. Университет был тогда разделен на четыре нации, но баварцы, поляки и саксы были объединены под общим названием немецкой нации. Согласно обычаю, немцы, которые значительно превосходили чехов по численности, имели три голоса, а чехи — только один. Поэтому Гус, либо из пристрастия к своей стране, либо из ненависти к номиналистам, которых большая часть немцев предпочитала реалистам, благодаря огромному влиянию, которое давала ему его красноречивость при дворе, добился принятия указа, согласно которому немцы должны были быть лишены трех голосов и довольствоваться одним. Этот результат долгого спора так возмутил немцев, что большая их часть во главе с ректором университета Иоганном Хофманном покинула Пражский университет и уехала в Лейпциг, где Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонии, основал для них университет в 1409 году. Это событие во многом способствовало усилению ненависти к Гусу и его гибели. После изгнания немцев из Праги Гус стал еще более свободно выступать против пороков духовенства, а также публично проповедовать и рекомендовать мнения и книги англичанина Джона Уиклифа. [См. историю Англии.] В 1410 году он был обвинен перед Иоанном XXIII и отлучен от церкви этим понтификом. Не обращая внимания на эту грозную меру, он продолжал, под всеобщий восторг, сначала устно, а затем в различных сочинениях, бичевать язвы римской церкви и священников всех рангов.

Этот добрый человек, который был влюблен в истинную набожность, но, возможно, иногда был слишком горяч и недостаточно благоразумен, будучи вызван на Констанцкий собор, отправился туда, полагаясь на безопасный пропуск, выданный императором Сигизмундом, с целью доказать свою невиновность и уличить во лжи тех, кто называл его отступником от римской церкви. И, конечно, он ни в чем существенном не отклонялся от религии своего времени, а лишь строго критиковал понтификов, римский двор, высшее духовенство и монахов, что, по сути, было одобрено его современниками и ежедневно происходило на самом Констанцском соборе. Однако его враги, которых было много как в Богемии, так и в соборе, так искусно и успешно провели против него процесс, что в нарушение общественного доверия он был брошен в тюрьму; и когда он не захотел, согласно приказу собора, признать себя виновным, его признали еретиком и сожгли заживо 6 июля 1415 года. Полный веры и любви к Богу, он перенес это наказание с замечательной стойкостью. Ту же несчастную судьбу с такой же благочестивой мужественностью и стойкостью перенес Иероним Пражский, товарищ Яна Гуса, который приехал в Констанц, чтобы поддержать и помочь своему другу. Сначала он подчинился приказам собора из

страха смерти и отрекся от тех взглядов, которые собор осудил в нем; но, оставаясь в тюрьме, он вновь обрел мужество, снова признался в своих взглядах и поэтому был предан костру 30 мая 1416 года.

До того, как Гус и Иероним были осуждены собором, Джон Уиклиф, который считался, и не без оснований, их учителем, был объявлен позорным и осужден декретом отцов. Ибо 4 мая 1415 года собор объявил ряд мнений, извлеченных из его сочинений, отвратительными и приказал уничтожить все его книги и сжечь его кости. Вскоре после этого, 14 июня, они приняли знаменитый указ о том, что священная вечеря должна совершаться для мирян только под одним видом хлеба, запрещая причастие под обоими видами. Ведь в предыдущем 1414 году Якобелл (Джеймс) из Миса, настоятель церкви Святого Михаила в Праге, по подстрекательству парижского доктора Петра из Дрездена, начал совершать причастие под двумя видами в Праге, и этому примеру последовали многие другие церкви. Этот вопрос был вынесен на рассмотрение собора одним из чешских епископов, и собор счел необходимым принять меры даже в отношении этой ереси. Этим декретом в Констанце причастие мирян под одним видом приобрело силу и авторитет закона в римской церкви.

[1407-1431 гг. н.э.]

В том же году собор включил в число отвратительных заблуждений, или ересей, мнение Жана Пети, парижского теолога, о том, что тираны могут быть законно убиты любым частным лицом. Однако сторона, от которой исходило это мнение, не была названа, поскольку ее поддерживали очень влиятельные покровители. В 1407 году герцог Бургундский Иоанн нанял убийц, чтобы убить герцога Орлеанского Людовика. Теперь разгорелась большая полемика, и Пети, красноречивый и остроумный человек, защищал дело Иоанна Бургундского в Париже; и чтобы оправдать его поведение, он утверждал, что нет греха уничтожить тирана без суда над ним, силой или обманом, или любым другим способом, и даже если лица, совершающие это, связаны с ним клятвой или договором. Однако под тираном Петит понимал не правителя страны, а влиятельного гражданина, злоупотребляющего своими ресурсами для разрушения своего короля и страны. Парижский университет вынес суровый и строгий приговор автору столь опасного мнения. Совет, после нескольких консультаций, отверг это мнение, не называя его автора. Однако новый понтифик Мартин V, опасаясь бургундской власти, не стал утверждать даже этот мягкий приговор.

После этих и некоторых других событий совет открыто перешел к вопросу о реформе церкви, ее «главе и членах», как говорили в то время. Ведь вся Европа видела необходимость такой реформы и горячо ее желала. Совет не отрицал, что был созван главным образом для достижения этой важной цели. Но кардиналы и главные деятели римского двора, заинтересованные в том, чтобы беспорядки в церкви остались нетронутыми, хитроумно убедили большинство в том, что дело такой важности не может быть решено выгодно до избрания нового понтифика. Однако новый глава церкви, Мартин V, злоупотребил своей властью, чтобы уклониться от планов реформы, и своими приказами и указами продемонстрировал, что не желает очищения и восстановления церкви в здоровом состоянии. Соответственно, после трех лет и шести месяцев обсуждений собор 22 апреля 1418 года был распущен (), оставив дело незавершенным и отложив реформу, которую искренне желали все добродетельные люди, до собора, который должен был быть созван через пять лет.

Священник в мантии, 1400 год

[1431-1439 гг. н. э.]

Мартин V, получив предупреждение по этому поводу, после долгого промедления назначил этот другой собор, который должен был состояться в Павии; затем перенес его в Сиену, а в конце концов в Базель. Но в самом начале, 21 февраля 1431 года, он умер; и в марте его сменил Габриэль Кондольмьери, венецианец и епископ Сиены, который принял имя Евгений IV. Он одобрил все, что Мартин постановил относительно проведения собора в Базеле, и, соответственно, собор начался 23 июля 1431 года под председательством кардинала Юлиана, представлявшего понтифика. Этому знаменитому собору были поставлены две основные задачи: во-первых, объединение греков и латинян; во-вторых, реформация церкви, как ее «главы», так и «членов», в соответствии с резолюцией, принятой на Констанцском соборе. Никто не сомневался, что глава, а именно понтифик, и все члены церкви, то есть епископы, священники и монахи, находились в очень плохом состоянии. Но когда отцы, самой формой собора, его порядком и порядком работы, а также первыми декретами продемонстрировали намерение искренне выполнить то, что от них ожидалось, Евгений IV беспокоился о судьбе коррумпированной церкви под руководством таких врачей и дважды пытался распустить собор. Отцы сопротивлялись этому самым решительным образом и показали декретами Констанцкого собора и другими аргументами, что собор имеет более высокую власть, чем понтифик. Это первое противостояние между понтификом и собором закончилось в ноябре 1433 года, когда понтифик молчаливо сдался и в декабре в письмах, отправленных из Рима, дал собору свое одобрение.

После этого собор энергично продолжил работу, которую он начал. Легаты римского понтифика были теперь допущены, но только после того, как они поклялись под присягой подчиняться декретам собора, и в частности декретам Констанцкого собора, утверждавшим господство и юрисдикцию соборов над понтификами. Эти самые декреты Констанцкого собора, столь ненавистные понтификам, были возобновлены на публичном

собрании отцов 26 июня 1434 года. А 9 июня 1435 года были отменены так называемые аннаты, несмотря на тщетные попытки понтификальных легатов противостоять этому. 25 марта 1436 года было зачитано вероисповедание, предназначенное для самого папы в день его избрания. Число кардиналов было сокращено до двадцати четырех, а ожидания, резервы и положения были отменены.

Другие события, происходившие в то время, были малоприятны для понтифика, и Евгений пришел к выводу, что этот очень дерзкий и беспокойный собор должен быть либо перенесен в Италию, либо ограничен другим собором, противостоящим ему. Поэтому, когда 7 мая 1437 года отцы собора постановили, что из-за греков собор должен быть проведен либо в Бале, либо в Авиньоне, либо в каком-нибудь городе Савойи, понтифик, напротив, через своих легатов решил, что собор должен быть проведен в Италии. Ни одна из сторон не хотела отменять свое решение. С этого момента между понтификом и собором возник ожесточенный конфликт. 26 июля 1437 года собор приказал понтифику явиться перед ним в Базеле и отчитаться о своем поведении. Папа, с другой стороны, распустил собор и назначил другой в Ферраре. Но отцы, с одобрения императора, короля Франции и других князей, продолжили свои обсуждения в Бале и 28 сентября того же года объявили папу непокорным за невыполнение постановления собора.

10 января следующего года, 1438 года, Евгений IV лично открыл собор, который он созвал в Ферраре, и на его втором заседании отлучил от церкви отцов, собравшихся в Бале. Главной задачей этого собора было ведение переговоров о союзе между греками и латинянами. Сам греческий император Иоанн Палеолог, патриарх Константинополя Иосиф и главные богословы и епископы нации лично прибыли в Италию, чтобы способствовать успеху этих важных переговоров. Греки, теперь доведенные до крайней степени турецкой угрозой, питали надежду, что, если их разногласия с римским понтификом будут устранены, латиняне окажут им помощь. Дело продвигалось медленно и с небольшим успехом в Ферраре, но впоследствии несколько лучше во Флоренции. В начале 1439 года Евгений, из-за эпидемии чумы в Ферраре, приказал перенести собор во Флоренцию. Отцы в Бале, возмущенные этими и другими действиями Евгения, 25 июня 1439 года лишили его папского престола, но их смелый поступок не был одобрен королями и князьями Европы. 4 сентября Евгений очень суровой буллой отлучил от церкви отцов-базилианцев и аннулировал все их акты. Пренебрегая этими грозными угрозами, 17 сентября 1439 года они избрали нового понтифика, Амадея, герцога Савойского, который в то время вел уединенную жизнь в Рипайе на озере Леман (Женевское озеро). Он принял имя Феликс V.

[1439-1449 гг. н. э.]

Таким образом, прискорбный раскол, который был устранен после стольких усилий и трудов в Констанце, вернулся с новыми и еще большими бедствиями. Ведь теперь существовали не только два папы, взаимно осуждающие друг друга, но и, что еще хуже, два противостоящих собора: в Бале и во Флоренции. Большая часть церкви, конечно, присоединилась к Евгению, но большинство университетов, и в частности первый среди них, Парижский, а также некоторые королевства и провинции, предпочли следовать за Феликсом V. Базельский собор продолжал обсуждать и принимать законы и декреты до 1443 года, несмотря на все противодействие Евгения и его сторонников. И хотя отцы разошлись в том году, они тем не менее публично заявили, что собор не закончился, но соберется снова в подходящее время, либо в Бале, либо в Лионе, либо в Лозанне. Собор во Флоренции был в основном занят урегулированием споров между латинянами и греками. Это великое дело было поручено избранным лицам обеих сторон. Главным представителем со стороны греков был Бессарион, очень ученый человек, который впоследствии был

принят в кардинальский сан в римской церкви. Этот человек, завоеванный благосклонностью, оказанной ему понтификом, оказал свое влияние, а понтифик использовал награды, угрозы и обещания, чтобы побудить других греков согласиться на предложенные условия урегулирования и признать, что Святой Дух исходит также от Сына, что умершие души подвергаются очищению огнем, прежде чем они допускаются к созерцанию Бога, что хлеб без закваски может использоваться в священной трапезе и, наконец, что самое важное из всего, что римский понтифик является главой и судьей вселенской церкви. Одного из греков, Марка Эфесского, не удалось убедить ни уговорами, ни подкупом дать свое согласие. В конце концов, этот мир, вынужденный различными уловками, оказался нестабильным. Вернувшись в Константинополь, греки заявили своим согражданам, что во Флоренции все было достигнуто обманом, и возобновили свою враждебность. Сам Флорентийский собор прекратил свои обсуждения 26 апреля 1442 года. На этом соборе также велись переговоры о присоединении армян, яковитов, но особенно абиссинцев к римской церкви, которые закончились тем же результатом, что и переговоры с греками.

[1447-1455 гг. н. э.]

Автор этого нового папского раскола, Евгений IV, умер в феврале 1447 года, и в марте его сменил Николай V, ранее известный как Томмазо Парентучелли из Сарцаны, епископ Болоньи, человек ученый и великий покровитель науки, а также умеренный по характеру и склонный к миру. При нем, благодаря настойчивым усилиям и стараниям королей и князей Европы, особенно короля Франции, в латинской церкви было восстановлено спокойствие. 9 апреля 1449 года Феликс V сам отказался от верховной власти в церкви и удалился в свою прежнюю тихую обитель в Рипайле; а 16 апреля в Лозанне собравшиеся базилианские отцы ратифицировали его добровольную отречение и торжественным декретом предписали всей церкви подчиняться только Николаю. 18 июня Николай провозгласил это примирение и одновременно своим санкционированием подтвердил акты и декреты Базельского собора (). Этот Николай особенно отличался любовью к литературе и искусству, которые он похвально продвигал и поощрял в Италии, особенно с помощью греков, прибывших из Константинополя. Он умер 24 марта 1455 года, главным образом от горя, вызванного захватом Константинополя турками.^c

На этом Милман заканчивает свою великолепную работу *«История латинского христианства»*. Будет полезно процитировать его резюме о том, чего достиг Николай V через восемь с половиной веков после Григория Великого.^a

МИЛМАН О НИКОЛАЕ V И ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

[1447-1458 гг.]

Понтификат Николая V является кульминационной точкой латинского христианства. Папская власть действительно давно достигла своего зенита. От Иннокентия III до Бонифация VIII она начала свой упадок. Но латинское христианство было одновременно религией пап и соборов, которые оспаривали их верховенство. Пока это было не более чем священническая борьба за то, должен ли папа сохранять безответственную автократию или быть ограниченным и контролируемым вездесущим аристократическим сенатом. Самые ярые реформаторы не стремились ни к чему другому, как к укреплению иерархии. Прелаты были полны решимости освободиться от узурпации папой их выборов, произвольного обложения налогами со стороны Рима, подрыва их авторитета постоянными апелляциями,

но они не имели ни малейшего намерения ослабить церковное господство. Дело было не в том, чтобы христианский мир мог управлять собой сам, а в том, чтобы они сами могли иметь более равную долю в управлении. Они были так же ревностно привязаны к вероучению латинского христианства, как и папа. Собор, а не папа, сжег Яна Гуса. Их уступки богемцам были вынуждены страхом, а не продиктованы их великодушием. Вульгата была их Библией, латинская служба — их исключительной литургией, каноническое право — их кодексом юриспруденции.

Латинское христианство еще не выполнило часть своей миссии. Оно должно было просветить мир литературой, украсить его искусством. Оно должно было гостеприимно принять (что в конечном итоге стало роковым для его собственного господства) и распространить среди человечества поэтов, историков, философов Греции. Оно должно было разрушить своих собственных идолов, схоластов, и заменить их новым идолопоклонством — классической литературой. Оно должно было усовершенствовать христианское искусство. Христианская архитектура уже достигла некоторых своих чудес. Величественно возвышались почтенные Латеранский собор и собор Святого Павла за стенами, старый собор Святого Петра, соборы Святого Марка в Венеции и Пизе, Страсбурге и Кельне, Реймсе и Бурже, Йорке и Линкольне. Христианская живопись и даже христианская скульптура должны были подняться до своего непревзойденного совершенства.

Выбор Николая V был настолько удачным для его времени, что неудивительно, что его поклонники считали его продиктованным Святым Духом. «Кто бы мог подумать во Флоренции, — сказал Николай своему биографу Веспасиано, — что священник, звонивший в колокола, станет верховным понтификом?» Тем не менее, это, похоже, было счастливым случаем. За три коротких года Николая V папа вновь стал великим итальянским правителем. Паломники разнесли по всей Европе вести о возрожденном величии римского понтификата, непорочном личном достоинстве папы, восстановлении религии в великолепных зданиях, которые либо строились, либо реставрировались. Николай V должен был стать свидетелем, так сказать, последнего акта почитания папства со стороны величественной империи. Он должен был стать последним понтификом, короновавшим в Риме преемника Карла Великого (), а Фридрих III — последним императором, получившим корону из рук папы.

[1452-1455 гг. н. э.]

Теперь наступило то событие, которое, хотя и было предсказано немногими мудрыми пророческими духами, обрушилось на Европу и христианский мир с ошеломляющим и ужасающим эффектом абсолютной внезапности — взятие Константинополя турками. Ни на одном из европейских умов эта катастрофа не произвела более глубокого и всепоглощающего ужаса, чем на папе Николае V и Энеасе Сильвиусе (Энеа Сильвио Пикколомини); и никто не мог привести более веских причин для этого ужаса, чем папа и епископ Сиены. Кто мог лучше Энея, благодаря его глубокому знанию всех стран Европы, Италии, Германии, Франции, Англии, оценить степень опасности, нависшей над латинским миром? Никогда с момента своего появления ислам не казался столь способным подчинить, если не поглотить, раздробленное и разобщенное христианство, как под властью турок. По морю и по суше они были одинаково грозны. Если христианский мир должен был сопротивляться, то на какой границе? Все были под угрозой, все в опасности. Какой город, какое королевство смогло бы остановить жестокое, непрекращающееся вторжение? С этого периода и до конца его легатской власти, кардинальства, папства, жизни, это была единственная поглощающая мысль, единственная страсть Энея Сильвия. Непосредственное продвижение победоносного Мухаммеда через Венгрию, Далмацию к границе, центру Италии, было остановлено одной крепостью, Белградом; одним проповедником, Джоном

Капистрано; одним героем, Джоном Хуньяди. Но только спустя более века, когда Дон Хуан Австрийский на море у Лепанто и Ян Собеский на суше перед Венецией сломали чары мусульманского завоевания, Европа и христианский мир смогли обрести покой.

Говорили, что смерть Николая V ускорило взятие Константинополя. Горе, стыд, страх повлияли на его здоровье, подорванное подагрой. Но Николай V не предвидел, что в отдаленном будущем мирные, а не военные последствия падения Константинополя будут самыми фатальными для папства, что то, что было славой Николая V, станет одной из главных причин гибели средневековой религии, что это поможет пошатнуть до основания и навсегда разорвать величественное единство латинского христианства.

Николай V стремился сделать Италию родиной, а Рим — столицей литературы и искусств. Как только Николай стал папой, он приступил к созданию библиотеки Ватикана. Было быстро собрано пять тысяч томов. Удивленная эпоха хвасталась, что такой библиотеки не было со времен Птолемея.

Ученые Италии стекались в Рим, чтобы получить задание от щедрого папы, который вознаграждал их труд щедрыми гонорарами. Он, казалось, был полон решимости обогатить Запад всем, что сохранилось от греческой литературы. Падению Константинополя, которому долгое время угрожала опасность, предшествовала иммиграция многих образованных греков. Франция, Германия, даже Англия, Византийская империя, Греция были опустошены трудолюбивыми агентами в поисках копий всех греческих авторов. Ни одна область литературы не осталась без своих толкователей.

Папа XV века

Италия, или, вернее, латинское христианство, в основном обязано Николаю V своим веком просвещения, а также его фатальными последствиями для Рима и латинского христианства, которые в своем честном рвении он был последним, кто мог предвидеть. Великолепная идея Николая V заключалась в том, что это возрождение литературы, которое в определенных кругах стало почти новой религией, не будет рабом, а слугой или добровольным помощником старого. Латинское христианство должно было облечься во все добычи древнего мира и таким образом сохранить (в его мысли не было ничего политического) свое

господство над умами людей. Но Рим при Николае V должен был стать не только центром литературы; он должен был также восстановить свой статус центра искусства, в особенности архитектурного великолепия. Рим должен был вновь стать, как и в древности, законодателем цивилизации; паломники со всех концов света, движимые любопытством, деловыми интересами или религией, должны были преклоняться перед признанным превосходством его великолепных произведений.

Папа должен был стать великим суверенным князем, но, помимо этого, он должен был быть преемником святого Петра. Рим должен был стать одновременно крепкой цитаделью и самым благородным святилищем в мире, неприступным для врагов как снаружи, так и изнутри благодаря своим укреплениям, внушающим миру благоговейный трепет своим непревзойденным величием церквей. Юбилей принес огромное богатство в казну папы; его обычные доходы, как с папских территорий, так и со всего христианского мира, начали поступать с приходом мира и возрождением его власти. Все это богатство было потрачено с величайшей щедростью. Николай V уже осознал, что собор главы апостолов должен соперничать или превосходить все церкви христианского мира по величию и великолепию. Он должен был быть полностью перестроен с фундамента. Юлий II и Лев X лишь осуществили замысел Николая V.

Таким образом, с Николаем V закончилась одна великая эпоха папства. В Николае итальянский принц и понтифик сошлись в спокойном и дружеском достоинстве; у него не было искушения основать княжескую династию. Но вскоре понтифик был поглощен принцем. Не менее очевидно было и то, что исключительное господство латинского христианства подходило к концу, хотя прошло почти столетие, прежде чем произошло окончательное отделение германского христианства и великое окончательное разделение христианского мира. Каждый последующий понтификат, казалось, был полон решимости продвигать, ускорять эту все еще медленную, но неизбежную революцию: дерзкий непотизм Сикста IV, злодеяния Александра VI, которые невозможно оправдать; войны Юлия II, когда седой папа возглавлял свирепые армии; политические интриги и бедствия Климента VII.^b

ПАПЫ ДО 1503 ГОДА

[1458-1503 гг.

Преемник Николая, Альфонсо Борджиа (Борха), испанец, чье папское имя было Каликст III, не совершил ничего великого или выдающегося, если не считать его стремления подтолкнуть христианских князей к войне против турок. Он умер в 1458 году. Гораздо более известен был его преемник, Эней Сильвий Пикколомини, епископ Сиены, который вззошел на папский престол в 1458 году и принял имя Пий II. Это был человек выдающегося гения, прославившийся как своими достижениями, так и разнообразными сочинениями и публикациями.

Однако потомки считали бы его гораздо более великим человеком, если бы он не был виновен в грубой непоследовательности. Ведь после того, как он энергично отстаивал права соборов против понтификов и смело защищал дело Базельского собора против Евгения IV, став понтификом, он отрекся от своих убеждений и 18 января 1460 года отрицал, что собор превосходит понтифика, и строго запретил апелляции к соборам; а в 1461 году () получил от Людовика XI, короля Франции, отмену прагматической санкции, которая была благоприятна для соборов; и, наконец, 26 апреля 1463 года он публично выразил несогласие со всем, что сам написал в пользу Базельского собора, и постановил, что Пий II должен быть

услышан и послушан, а Эней Сильвий должен быть осужден. Вскоре после этого заявления он заболел и умер в июле 1464 года.

Павел II, ранее Пьетро Барбо, венецианец, который был возведен на престол Святого Петра в 1464 году и умер в 1471 году, совершил некоторые поступки, достойные похвалы, по крайней мере, с точки зрения того времени; но он также сделал многое, что едва ли можно оправдать, если это вообще возможно, и одним из наименее важных его поступков было то, что он в 1470 году ввел юбилейный год, который должен был наступать раз в двадцать пять лет. Поэтому его репутация среди потомков осталась неоднозначной.

Последующие понтифики, Сикст IV, ранее Франческо Альбескола делла Ровере, умерший в 1484 году, и Иннокентий VIII, ^[108] ранее Джованни Баттиста Чибо, генуэзец, умерший в 1492 году, были среднего рода, не отличаясь ни великими добродетелями, ни великими недостатками. Каждый из них, опасаясь за Италию и всю Европу от могущества турок, готовился к войне с ними и очень настойчиво призывал к ней королей Европы. Но каждый из них столкнулся с такими препятствиями, которые помешали ему достичь столь дорогой его сердцу цели. Ничего большего, что можно было бы назвать подлинным величием, они не совершили.

Серия пап этого столетия завершается Александром VI, испанцем, чье настоящее имя было Родриго Борджиа. Его можно без обиды назвать Нероном среди пап. Злодеяния, преступления и чудовищные поступки, приписываемые этому человеку, настолько многочисленны и велики, что становится ясно: он был лишен не только всякой религиозности, но даже приличия и стыда. Среди обвинений, выдвинутых против него его врагами, хотя некоторые из них могут быть ложными, а другие преувеличенными, остается столько неоспоримых фактов, что они достаточны, чтобы сделать память об Александре отвратительной в глазах всех, кто обладает хотя бы умеренной долей добродетели. Однако большая часть его преступлений была вызвана чрезмерной привязанностью к своим детям; у него было четверо сыновей от наложницы, среди которых был печально известный Чезаре Борджиа, прославившийся своими огромными пороками, а также одна дочь по имени Лукреция; и он был нацелен исключительно на то, чтобы продвинуть и обогатить их, не обращая внимания на честность, разум или религию.^c

АЛЕКСАНДР VI, БОРДЖИА

[1492-1503 гг. н. э.]

Всю свою жизнь Александр стремился удовлетворить свою склонность к удовольствиям, амбиции и любовь к беззаботной жизни. Когда он наконец достиг высшего духовного достоинства, казалось, что он достиг и вершины счастья. Несмотря на свой преклонный возраст, радость, которую он испытывал, казалось, ежедневно давала ему новую жизнь. Ни одна мучительная мысль не могла нарушить его покой ни на одну ночь. Его единственной заботой было использовать все средства, которые могли бы помочь ему укрепить свою власть и увеличить богатство и достоинство своих сыновей; ни о чем другом он никогда серьезно не задумывался. Именно это соображение лежало в основе всех его политических союзов и тех отношений, которые в то время так сильно влияли на события в мире. То, как поступит папа в отношении браков, подарков и продвижения своих детей, стало вопросом, затрагивающим политику всей Европы.

Сын Александра, Цезарь Борджиа, пошел по стопам Риарио. Он начал с того же самого, и его первым делом было изгнать вдову Риарио из Имолы и Форли. Он стремился к осуществлению своих замыслов, с самым дерзким пренебрежением к последствиям; то, к чему Риарио только приблизился или что он только пытался сделать, Цезарь Борджиа довел до конца. Давайте кратко рассмотрим средства, с помощью которых он достиг своих целей.

До этого церковные государства были разделены на фракции гвельфов и гибеллинов, первые из которых в Риме представляла семья Орсини, а вторые — дом Колонна. Папы обычно принимали сторону одной из этих фракций. Так поступал Сикст IV, и его примеру последовали Александр и его сын, которые сначала примкнули к гвельфам, или партии Орсини. Этот союз позволил им очень скоро одержать верх над всеми своими врагами. Они изгнали дом Сфорца из Пезаро, дом Малатеста из Римини и семью Манфреди из Фаэнцы. Они захватили эти могущественные, хорошо укрепленные города и таким образом положили начало обширному господству. Но едва они достигли этой цели, едва освободились от своих врагов, как обратили все свои усилия против своих друзей. И именно в этом практика Борджиа отличалась от практики их предшественников, которые всегда оставались твердо приверженными выбранной ими партии; Цезарь, напротив, без колебаний и угрызений совести напал на своих союзников. Герцог Урбино, от которого он часто получал важную помощь, оказался втянут в интриги Цезаря и с трудом спас свою жизнь, став преследуемым беглецом на своих собственных владениях. Вителли, Баглиони и другие вожди фракции Орсини решили показать ему, что по крайней мере они способны сопротивляться. Но Цезарь Борджиа, заявив, что «разрешается предавать тех, кто является хозяевами всех измен», заманил их в свои сети с глубоко рассчитанной жестокостью и безжалостно лишил их жизни. Уничтожив таким образом обе партии, он занял их место, собрал вокруг себя низшее дворянство, которое было их сторонниками, и взял их на свою службу; захваченные им территории удерживались в подчинении силой террора и жестокости.

Таким образом, самые светлые надежды Александра осуществились — дворяне страны были уничтожены, и его дом был готов основать великое наследственное господство в Италии. Но он уже начал приобретать практический опыт зла, которое способны произвести пробужденные и необузданные страсти. Цезарь Борджиа не мог терпеть, чтобы кто-либо из родственников или фаворитов участвовал в его власти (). Его собственный брат стоял у него на пути; Цезарь приказал убить его и бросить в Тибр. Его зять был нападён и заколот по его приказу на ступенях его дворца. Раненый мужчина был ухаживаем его женой и сестрой, последняя готовила ему еду своими руками, чтобы защитить его от яда; папа поставил охрану на дом, чтобы защитить своего зятя от своего сына. Цезарь с презрением отнесся к этим мерам предосторожности. «То, что нельзя сделать днем, — сказал он, — можно сделать вечером». Когда принц был на грани выздоровления, он ворвался в его комнату, выгнал жену и сестру, вызвал обычного палача и приказал задушить своего несчастного зятя. По отношению к отцу, чью жизнь и положение он ценил только как средство для собственного возвышения, он не проявлял ни малейшего уважения или чувств. Он убил Перото, любимца Александра, когда несчастный человек прижался к своему покровителю в поисках защиты и был укутан в папский плащ. Кровь любимца стекала по лицу папы.

В течение определенного времени город апостолов и вся церковь находились в руках Цезаря Борджиа. Его описывают как человека необыкновенной красоты, настолько сильного, что на корриде он мог одним ударом отрубить голову быку; он был либеральным

по духу и обладал некоторыми чертами величия, но был поглощен своими страстями и глубоко запятнан кровью. Как дрожал Рим при одном упоминании его имени! Цезарь требовал золота и имел врагов; каждую ночь на улицах находили трупы убитых людей, но никто не смел шевелиться, ибо кто не боялся, что следующим будет он сам? Тех, кого не могло достать насилие, убивали ядом. Было только одно место на земле, где такие деяния были возможны, а именно там, где неограниченная светская власть была объединена с высшей духовной властью, где гражданские и церковные законы находились в одних и тех же руках. Это место занимал Цезарь Борджиа. Даже разврат может достигать совершенства. Родственники пап часто отличались злодеяниями, но никто из них не достиг такого совершенства, как Цезарь Борджиа. Его можно назвать виртуозом преступности. Разве не в первую очередь и в самой сути христианства заключалась задача сделать такую власть невозможной? И все же само христианство и само положение верховного главы церкви были подчинены ее существованию.

Поэтому не было нужды в появлении Лютера, чтобы доказать миру, что все это прямо противоречило духу христианства. Даже в то время люди жаловались, что папа готовит путь для антихриста и трудится в интересах сатаны, а не Царства Божьего. Мы не будем следить за историей Александра в мельчайших деталях. Однажды он, как хорошо известно,^[109] намеревался уничтожить одного из самых богатых кардиналов с помощью яда, но тот сумел переманить главного повара папы с помощью обещаний, уговоров и подарков. Приготовленное для кардинала лакомство было поставлено перед самим понтификом, и Александр скончался от яда, который он предназначил для другого.^f

Оценки Александра VI

Историки любят беспристрастно практиковать свое ремесло, пороча святую репутацию святых, почитаемых народом, и оправдывая традиционных злодеев. Александр VI — слишком историческое чудовище, чтобы ускользнуть от попыток некоторых апологетов, и в последние годы доктор Ричард Гарнетт^a и Фредерик барон Корвоⁱ пришли ему на помощь. Первый восхваляет его великую проницательность, ученость и энергию и считает его не хуже своего времени, что в лучшем случае является слабой похвалой для того, кто представлял святого Петра на земле. Однако после своей защиты доктор Гарнетт вынужден признать следующие недостатки в характере папы:

«Кардинал Борджиа просто купил Священную коллегия. Хотя избрание Александра было, без сомнения, самым скандальным из всех из-за беспринципного использования незаконного влияния, трудно утверждать, что оно было в принципе более симоническим, чем большинство из тех, которые предшествовали ему или последовали вскоре после него. Люди говорили, что Александр подкупил французских министров; вероятно, это было так. Он был коварным, вероломным, уступал под давлением обстоятельств. Не сдерживаемый моральными угрызениями или каким-либо духовным представлением о религии, он был введен в заблуждение грубой чувственностью одного рода, хотя в других отношениях он был умеренным и воздержанным. Под более уважаемой маской семейной привязанности это привело его к нарушению всех принципов справедливости. Общая тенденция расследования, которая полностью разрушила все тщетные попытки представить его как образцового папу, заключалась в том, чтобы освободить его от самых отвратительных обвинений в адрес его характера. Остается обвинение в тайном отравлении из корыстных побуждений, которое, по-видимому, подтверждено или почти подтверждено только в одном случае, но это может означать и другие».

В той же работе Генри К. Ли (Henry C. Lea) ⁴ » (История и религия в средневековой Европе) более суров. «Неудивительно, что Рим стал центром коррупции, откуда зараза распространилась по всему христианскому миру. В середине XIV века Петрарка исчерпал свою риторику, описывая мерзости папского города Авиньона, где все было гнусно; и возвращение курии в Рим перенесло в этот город верховенство в злодеяниях. В 1499 году венецианский посол описывает его как сточную канаву мира, а Макиавелли утверждает, что по его примеру всякая набожность и всякая религия исчезли в Италии. В 1490 году в Риме насчитывалось 6000 публичных женщин — огромная доля для населения, не превышающего 100 000 человек. Хорошо известна история о том, как кардинал Борджиа, который, будучи вице-канцлером, открыто продавал прощение за преступления, когда его упрекнули за это, ответил, что Бог не желает смерти грешников, а хочет, чтобы они заплатили и жили. Если дневник Инфессуры⁵ вызывает подозрения из-за его пристрастности, то дневник Бурхарда безупречен, и его спокойное изложение событий, происходивших на его глазах, представляет нам общество, слишком развращенное, чтобы стыдиться собственной порочности. Он говорит, что публичные браки дочерей Иннокентия VIII и Александра VI задали моду на то, чтобы духовенство имело детей, и они усердно следовали ей; все, от высших до низших, держали наложниц, а монастыри были публичными домами».

Джон Аддингтон Симондс был столь же категоричен:

«Описать его как гения зла, чья чувственность, столь же необузданная, как у Нерона, облегчалась на фоне пламени и дыма, которые христианство подняло за плотские грехи, вполне оправданно. Популярность приобрела эпиграмма: «Александр продает ключи, алтари, Христа. Ну, он их купил, так что имеет право их продавать». Продав алую мантию тому, кто предложил самую высокую цену, он кормил своего прелата богатыми бенефициями. Когда он достаточно его откормил, он отравил его, завладел его сокровищами и возобновил игру. Его торговля церковными санами велась в огромных масштабах, например, двенадцать кардинальских шапок были выставлены на аукцион за один день. Это было тогда, когда он хотел наполнить конклав голосами в пользу уступки Романьи Чезаре Борджиа. Плотская чувственность была главным пороком этого папы на протяжении всей его жизни. Его отношения с Ваноццей Катаней и Джулией Фарнезе были открытыми и признанными. Эти две султаны правили им на протяжении большей части его карьеры, в то же время потворствуя гарему, который он, по-настоящему по-восточному, содержал в Ватикане».⁶

За ним последовал папа, который поставил себе целью занять позицию, прямо противоположную позиции Борджиа, но преследовал ту же цель, хотя и использовал для этого другие, и именно благодаря этому успешные, средства. Юлий II (1503-1513 гг. н. э.) пользовался неоценимым преимуществом, найдя возможность продвигать интересы своей семьи мирными средствами; он получил для своих родственников наследство Урбино. Сделав это, он мог посвятить себя, не беспокоясь о назойливости своих родственников, удовлетворению своей врожденной любви к войне и завоеваниям, которая действительно была главной страстью его жизни. К этому его побуждали обстоятельства того времени и осознание своего выдающегося положения, но все его усилия были направлены на церковь — на благо папского престола. Другие папы стремились получить княжества для своих сыновей или племянников; амбицией Юлия было расширить владения церкви. Поэтому его следует считать основателем папских государств.

МОНАХ XVI ВЕКА

Он застал всю территорию в крайнем замешательстве; все, кто спасся бегством от руки Цезаря, вернулись — Орсини, Колонна, Вителли и Баглиони, Варани, Малатеста и Монтефельтри — повсюду по всей стране действовали различные партии; кровавые столкновения происходили в самом Борго Рима. Папу Юлия сравнивали с Нептуном из поэмы Вергилия, который, поднимаясь из волн, своим умиротворяющим обликом успокаивает бурю. Благодаря своей осторожности и умелому управлению он избежал даже от Цезаря Борджиа, захватив его замки и герцогство, которое также перешло в его владение (). Меньших баронов он держал в повиновении с большей легкостью благодаря мерам, принятым в этом направлении Цезарем, но он был осторожен, чтобы не дать им в качестве лидеров таких кардиналов, которые могли бы пробудить древний дух неповиновения своими амбициозными начинаниями. Более влиятельных дворян, которые отказывались подчиняться ему, он атаковал без лишних церемоний. Его вступления на папский престол было достаточно, чтобы вернуть Баглиони (который вновь стал хозяином Перуджи) в рамки

должной подчиненности. Бентивольо также не смог оказать эффективного сопротивления, когда его потребовали покинуть роскошный дворец, который он построил в Болонье и на котором он слишком поспешно выгравировал известную надпись « » в честь своей удачи; в старости он был лишен этого дворца. Таким образом, два могущественных города, Перуджа и Болонья, были подчинены непосредственной власти папского престола.

Но, несмотря на все это, Юлий был еще далек от достижения цели, которую он перед собой поставил. Побережья папских государств были в значительной степени заняты венецианцами; те ни в коем случае не были готовы добровольно уступить их, а папа значительно уступал им в военной мощи. Он не мог скрывать от себя, что нападение на них станет сигналом к беспорядкам по всей Европе. Стоило ли ему рисковать?

Несмотря на свой преклонный возраст, измученный многочисленными превратностями судьбы, пережитыми за долгую жизнь, усталостью от войн и изгнания, а главное — последствиями неумеренности и развратной жизни, Юлий все еще не знал, что такое страх или нерешительность; в преклонном возрасте он по-прежнему сохранял ту великую черту мужества, которая называется неукротимым духом. Он не испытывал особого уважения к князьям своего времени и считал себя способным подчинить их всех. Он лично вышел на поле боя и, штурмом взяв Мирандолу, ворвался в город через замерзшие рвы и брешь в стенах; даже самые катастрофические неудачи не могли поколебать его решимость, а, напротив, казалось, пробуждали в нем новые силы. В результате он добился успеха: не только его собственные баронства были спасены от венецианцев, но и в ожесточенной борьбе, которая последовала за этим, он в конце концов стал властелином Пармы, Пьяченцы и даже Реджо, заложив тем самым основу власти, которой до него не обладал ни один папа. От Пьяченцы до Террачины вся эта прекрасная область признала его власть.

ПРЕОБЛАДАНИЕ СВЕТСКОГО МИРА В ЦЕРКВИ

[1471-1503 гг. н. э.]

Неизбежным следствием было то, что вся иерархия находилась под влиянием характера и склонностей своего главы, что все должны были оказывать ему максимальную помощь в достижении его целей и сами поддаваться этому импульсу. Не только высшая должность понтифика, но и все другие церковные должности рассматривались как простое светское имущество. Папа назначал кардиналов исключительно из личной привязанности, в угоду какому-либо правителю или даже, что было нередким явлением, за денежное вознаграждение! Можно ли было разумно ожидать, что назначенные таким образом люди будут выполнять свои духовные обязанности? Одна из важнейших должностей в церкви, *Penitenziaria*, была предоставлена Сикстом IV одному из его племянников. Эта должность обладала значительной частью власти по предоставлению диспенсаций; ее привилегии были еще более расширены папой, и в булле, изданной с явной целью их подтверждения, он объявляет всех, кто осмелится усомниться в правомерности таких мер, «упрямыми людьми и детьми злобы». Естественно, что племянник рассматривал свою должность как бенефицию, доходы от которой он имел право увеличить в максимально возможной степени.

В то время в большинстве случаев вместе с епископскими кафедрами передавалась и значительная мирская власть; они считались более или менее синекурами в зависимости от степени влияния или придворной милости, которыми обладал получатель или его семья. Римская курия думала только о том, как лучше всего извлечь выгоду из вакансий и назначений; Александр вымогал двойные аннаты или первые плоды и взимал двойные, а то

и тройные десятины; осталось мало вещей, которые не стали предметом покупки. Налоги папской канцелярии с каждым днем становились все выше, и контролер, чья обязанность заключалась в предотвращении всех злоупотреблений в этом ведомстве, чаще всего передавал пересмотр пошлин тем самым людям, которые и устанавливали их размер. За каждую индульгенцию, полученную от канцелярии датариата, выплачивалась оговоренная сумма; почти все споры, возникавшие в этот период между несколькими государствами Европы и римским двором, были вызваны этими поборами, которые курия стремилась увеличить всеми возможными средствами, в то время как народы всех стран с таким же рвением стремились их ограничить.

Такие принципы неизбежно действовали на все сословия, затронутые основанной на них системой, от высших до низших. Многие церковники были готовы отказаться от своих епископств, но они сохраняли за собой большую часть доходов и нередко также право назначать на зависимые от них бенефиции. Даже законы, запрещающие сыну священнослужителя добиваться назначения на должность своего отца и устанавливающие, что ни один священнослужитель не может распоряжаться своей должностью по завещанию, постоянно обходились; поскольку каждый мог получить разрешение назначить любого, кого он выбрал бы своим помощником, при условии, что он был щедр на деньги, бенефиции церкви стали в некотором роде наследственными. Из этого неизбежно следовало, что выполнение церковных обязанностей серьезно пренебрегалось. В этом кратком обзоре мы ограничимся замечаниями, сделанными добросовестными прелатами самого римского двора.

Везде выполнение церковных обязанностей доверялось некомпетентным лицам; они назначались без тщательной проверки или отбора. Обладатели бенефиций были в основном заинтересованы в поиске заместителей по самой низкой цене, поэтому в этом отношении часто выбирали нищих монахов. Эти люди занимали епископские кафедры под титулом (ранее неслыханным в этом смысле) суфраганов; они выполняли обязанности викариев. Монашеские ордена уже обладали чрезвычайными привилегиями, которые были еще более расширены Сикстом IV, который сам был францисканцем. Они имели право исповедовать кающихся, проводить причастие и совершать последнее помазание, а также право хоронить в пределах монастыря и даже в одежде ордена. Все эти привилегии приносили как важность, так и прибыль, и нищенствующие монахи пользовались ими в полной мере; папа даже угрожал непослушным светским священникам или другим лицам, которые беспокоили ордена, в частности в отношении завещаний, потерей своих должностей.

Поскольку управление приходами, а также епископствами теперь находилось в руках нищенствующих орденов, очевидно, что они должны были обладать огромным влиянием. Высшие должности и более важные саны, вместе с их доходами, были монополизированы великими семьями и их подданными, которые делились ими только с фаворитами двора и курии; фактическое выполнение различных обязанностей было возложено на нищенствующих монахов, которых поддерживали папы. Они также принимали активное участие в продаже индульгенций, которая в то время получила необычайное распространение, поскольку Александр VI был первым, кто официально объявил, что они способны освобождать души из чистилища. Но ордена также впали в крайнюю мирскую суету. Какие интриги затевались среди них для получения высших должностей! Какое рвение проявлялось на выборах, чтобы избавиться от соперника или избирателя, считавшегося неблагоприятным! Последних отправляли проповедниками или инспекторами в отдаленные приходы; против первых не гнушались применять меч или кинжал, и многих уничтожали ядом. Между тем утешение, которое люди ищут в религии, стало просто предметом торговли; нищие монахи, работавшие за ничтожно низкую плату, с жадностью хватались за любые случайные возможности получения прибыли.

В то время как народ погрузился в почти языческие суеверия и ожидал своего спасения от простого соблюдения обрядов, которые он понимал лишь наполовину, высшие классы проявляли явно антирелигиозные настроения. Как глубоко должен был быть потрясен Лютер, посетив Италию в молодости! В тот самый момент, когда завершалось принесение мессы, священники произносили богохульные слова, отрицая ее реальность! В Риме даже считалось признаком хорошего общества подвергать сомнению принципы христианства. «Человек, — говорит П. Ант. Бандино ^l), — больше не считается образованным, если не высказывает неортодоксальных мнений о христианской вере». При дворе постановления католической церкви и отрывки из Священного Писания становились предметом насмешек — тайны веры превратились в предмет издевательств.

Таким образом, мы видим, как все взаимосвязано и взаимозависимо — как одно событие вызывает другое. Притязания светских князей на церковную власть пробуждают в папах светские амбиции, коррупция и упадок религиозных институтов вызывают развитие новой интеллектуальной тенденции, пока, наконец, в общественном мнении не начинают колебаться сами основы веры.^f

СНОСКИ

[107] [О происхождении ордена тамплиеров и его уничтожении см. предыдущую историю крестовых походов.]

[108] См. Muratori,^e *ad ann.* 1478. Иннокентий VIII до вступления на римский престол вел столь постыдную жизнь, что ему пришлось содержать шестнадцать внебрачных детей. Однако, заняв папский престол, он стал ярким противником немцев, которых он обвинил в колдовстве в своей булле *Summis desiderantes affectibus* и т. д., а также гуситов, которых он почти полностью истребил.

[109] [Хотя фон Ранке^f и другие считают, что Александр VI был отравлен, доктор Гарнетт^a говорит: «Его смерть стала ядром лабиринта легенд и романтических историй. Современные исследования развеяли все сомнения и не оставили никаких сомнений в том, что его смерть была естественной».]

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «a» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПОДЪЕМ ПАПСТВА

^b Н. Н. MILMAN, *History of Latin Christianity*.

^c ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ, «История пап».

^d VICTOR DURUY, *Histoire du Moyen Age*.

^e О. J. REICHEL, *Римская кафедра в средние века*.

^f ДЖ. БАСС МАЛЛИНГЕР, статья «Папство» в *Энциклопедии Британника*.

^a ГЕНРИ СТЕББИНГ, «История христианской церкви».

Джон У. Дрейпер, «История интеллектуального развития Европы».

ⁱ Григорий Турский, «Анналы франков».

^j Андреас Тиль, *Epistolæ Romanorum Pontificorum*.

^k Григорий Великий, *Письма и диалоги*.

^l Эдвард Гиббон, «Упадок и падение Римской империи».

ГЛАВА II. «Ночь папства» — от Карла Великого до Оттона Великого

О. J. REICHEL, *op. cit.*

^с Н. STEBBING, *op. cit.*

THOMAS GREENWOOD, *Cathedra Petri*.

^е J. J. I. DÖLLINGER, *Die Papst Fabel des Mittelalters*.

^f Статья о папе «Джоан» в *Encyclopædia Britannica*.

Н. Н. MILMAN, *op. cit.*

^h Чарльз Кингсли, «Римлянин и германец».

ⁱ В. PLATINA, *Vitæ Pontificum Romanorum*.

^j С. ФЛЕРИ, «*Histoire Ecclésiastique*».

^k С. BARONIUS, *Annales Ecclesiastici*.

^l Эйнвард, «Жизнь Карла Великого».

^m Хроники Мойсиака.

ⁿ Мариан Скот, *Всеобщая хроника от сотворения мира до 1083 года*.

^о Сигеберт из Жемблура, *Chronique Universelle*.

^p Отто фон Фрайзинг, *Chronik*.

^q Стефан де Бурбон, *Хроника*.

^r Мартинус Полонус, «Хроника о высших папах».

Лиутпранд, «*Антаподосис*».

ГЛАВА III. РАСЦВЕТ ПАПСТВА

^h О. J. REICHEL, *op. cit.*

^с Н. STEBBING, *op. cit.*

J. B. MULLINGER, *op. cit.*

Н. Н. MILMAN, *op. cit.*

^f V. DURUY, *op. cit.*

^g Джеймс Брайс, *Священная Римская империя*.

Роджер из Ховедена, «История после Бедама».

ⁱ К. Ф. Айххорн, «Немецкая государственная и правовая история».

ⁱ CIACCONIUS (CHACON), *Vitæ Pontificanum*.

Дж. К. Л. ГИЗЕЛЕР, «Компендиум церковной истории» (перевод Дж. В. Халла).

^l ГЕНРИ ХАЛЛАМ, «Состояние Европы в средние века».

^m ИННОКЕНТИЙ III, *Epistolarum liber I et ref.*

ⁿ J. L. VON MOSHEIM, *Institutes of Ecclesiastical History* (перевод с латинского Джеймса Мурдока).

^o АНСЕЛЬМО ДИ ЛУККА, *Defensio pro Gregorio VII*.

ГЛАВА IV. ОТ ИЗГНАНИЯ К ВЕРХОВЕНСТВУ

^b Н. Н. MILMAN, *op. cit.*

^c J. L. VON MOSHEIM, *op. cit.*

J. C. L. GIESELER, *op. cit.*

MURATORI, *Annali d'Italia* (включая «Жизнь Николая V» Веспасиана).

L. VON RANKE, *op. cit.*

^a RICHARD GARNETT, «Rome and the Temporal Power», в *Cambridge Modern History*.

ГЕНРИ К. ЛИ, «Накануне Реформации», в «Современная история Кембриджа».

ⁱ Ф. Б. КОРВО, «Хроники дома Борджиа».

^j С. ИНФЕССИОРА, «Diarium» в «*Corpus Historicum Medii Ævi*» Эккарда.

^k Дж. БУРКАРДУС, «Дидриум» (под редакцией Л. Тюасна).

^l Дж. АДДИНГТОН СИМОНДС, «Эпоха деспотов».

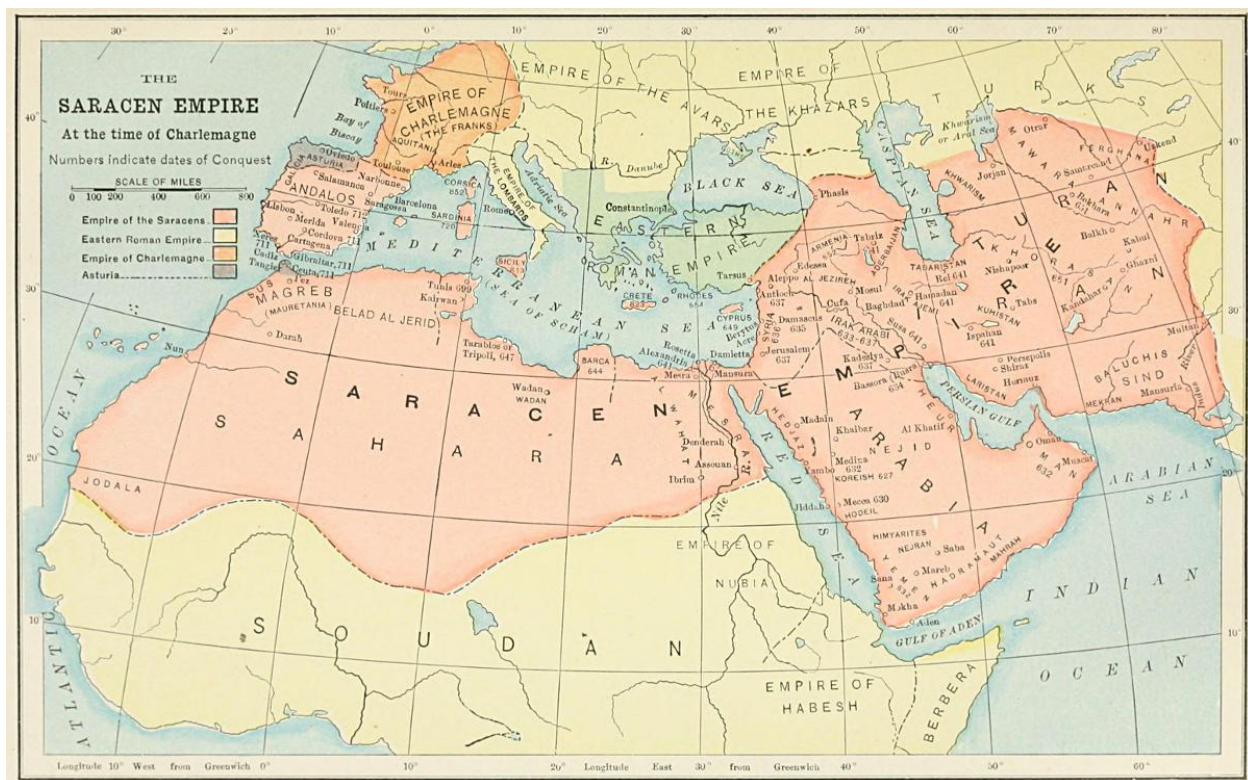
^m Р. А. ВАМБИНО, в *Carraciolo's Life of Paul IV*.

САРАЦЕНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Во времена Карла Великого

BORMAY & CO.

назад